Саргин, Д. И.
Древность игр в шашки и шахматы:-
М. 1915

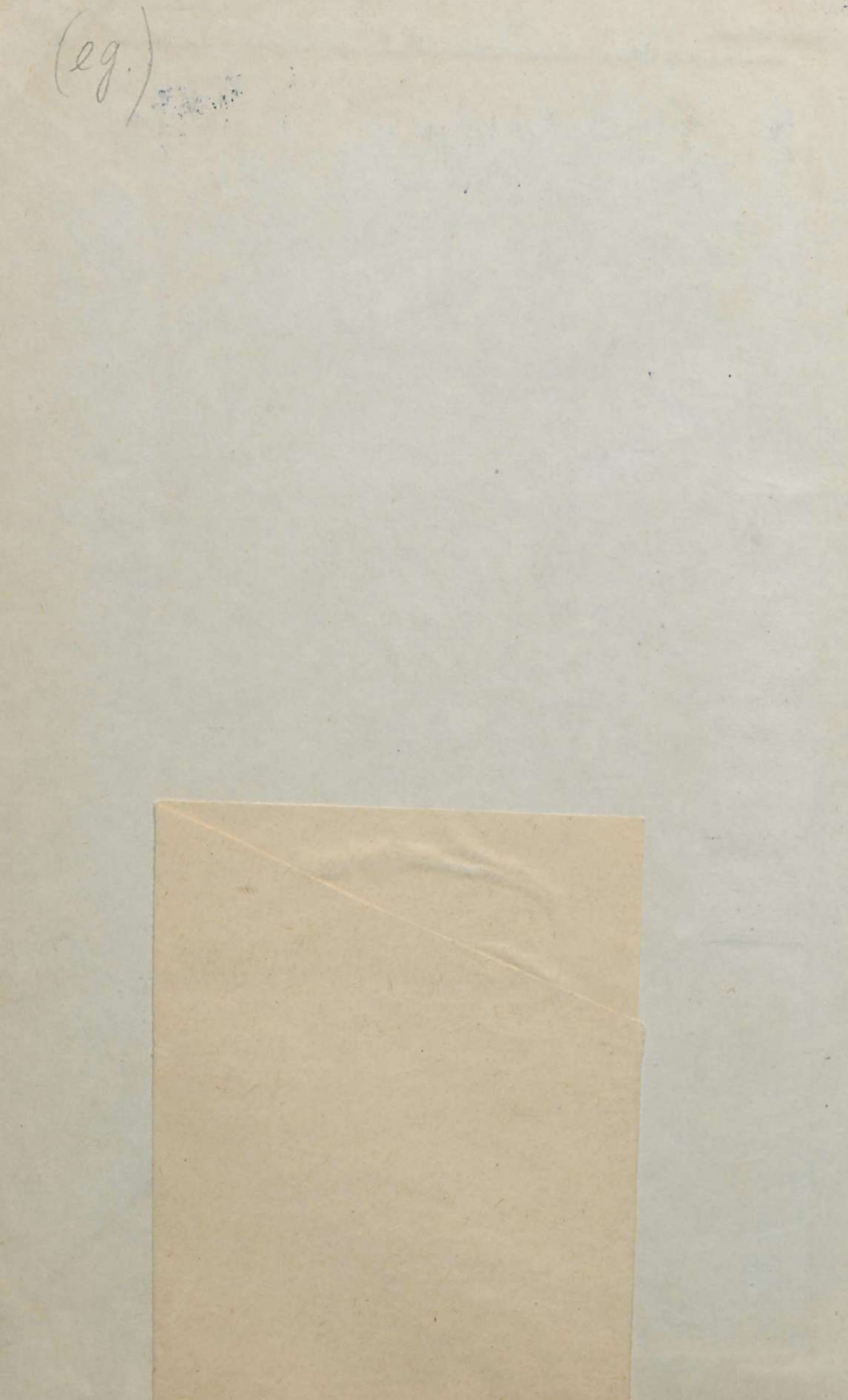
421 с.

Rosenthal, Michael Ross.

 Pyridine complexes...

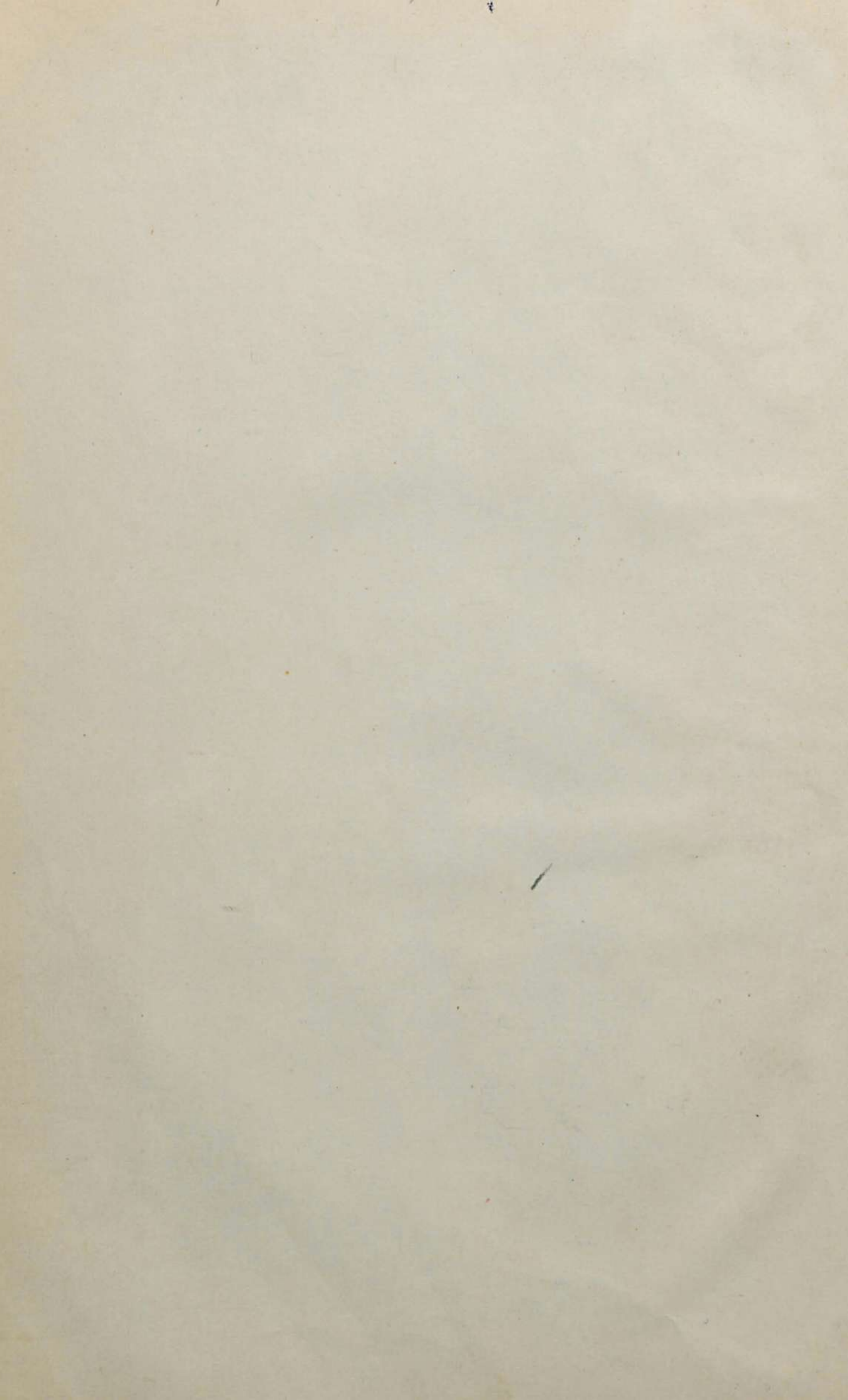
Спектроскопические исследования пиридиновых и некоторых других комплексов кобальта (II) и никеля (II). Диссертация.

V
158
11
(eg)

(eg.)

стр. все 16/6-87
стр все 15.7.87

ДРЕВНОСТЬ ИГРЪ

ВЪ

ШАШКИ И ШАХМАТЫ

Съ приложеніемъ правилъ болѣе тридцати шашечныхъ и шахматныхъ игръ.—Правила древней персидской игры нэрдъ съ костями.—Уставъ игры въ русскія шашки.

СЪ РИСУНКАМИ.

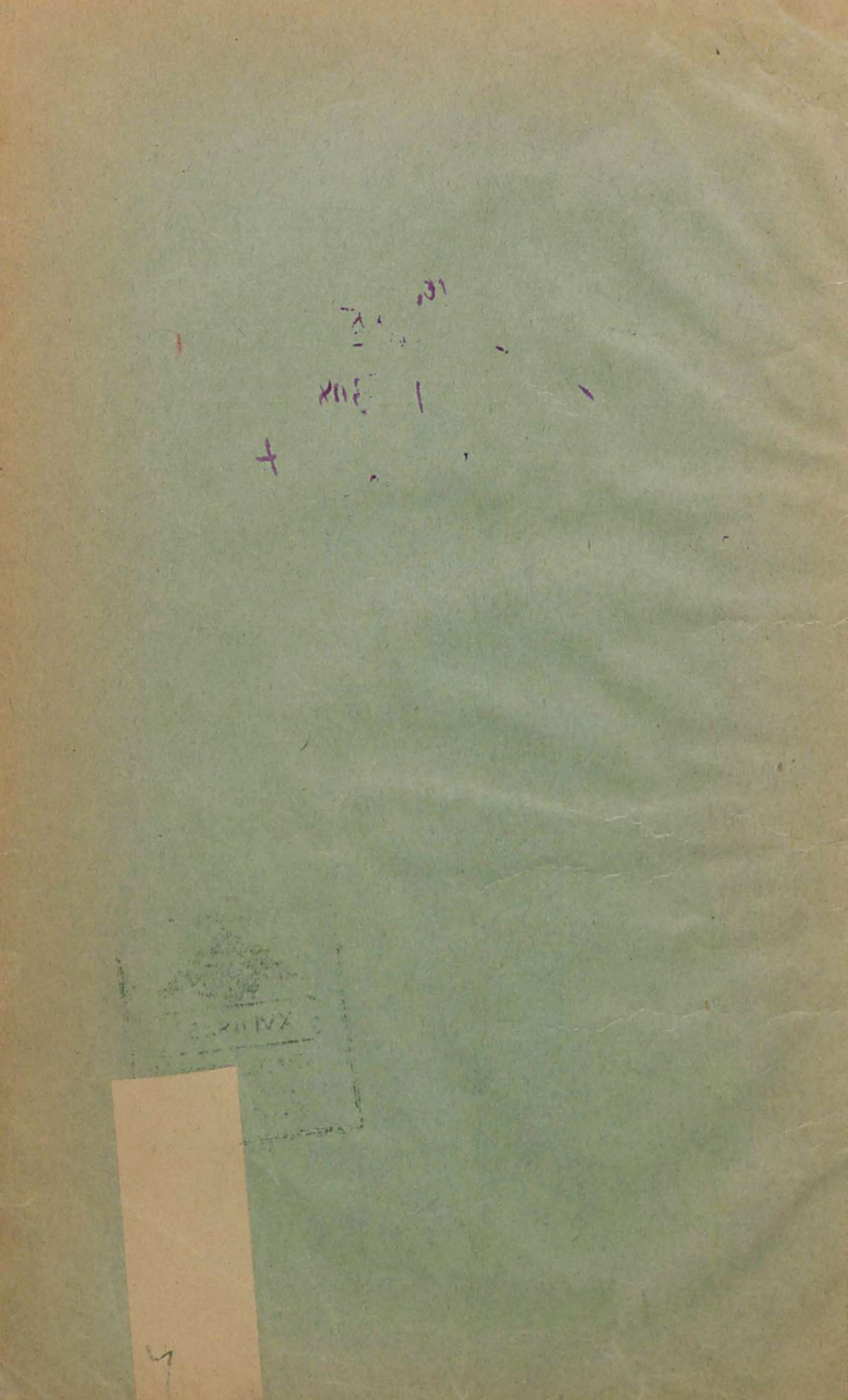
Изслѣдованіе

Д. И. Саргина.

Складъ изданія у автора: Архангельскій пер., д. № 4,

МОСКВА.

1915

ДРЕВНОСТЬ ИГРЪ

ВЪ

ШАШКИ И ШАХМАТЫ

Съ приложеніемъ правилъ болѣе тридцати шашечныхъ и шахматныхъ игръ.—Правила древней персидской игры нэрдъ съ костями.—Уставъ игры въ русскія шашки.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изслѣдованіе

Д. И. Саргина.

Складъ изданія у автора: Архангельскій пер., д. № 4,
МОСКВА.
1915.

Сергіевъ Посадъ, Моск. губ.—Типографія И. И. Иванова.

Ъ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

> Исторія не математика. Если бъ она имѣла дѣло только съ величинами точно опредѣленными..., тогда не было бы вопросовъ, а слѣдовательно и споровъ. Историческая критика была бы не нужна.... Въ вопросахъ темныхъ и запутанныхъ споры и разнообразныя теоріи неизбѣжны. Но приведемъ одно изъ главныхъ положеній исторической науки: въ случаѣ столкновенія разныхъ мнѣній о какомъ либо событіи должно получить преимущество то мнѣніе, которое объясняетъ наибольшую сумму несомнѣнно историческихъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ данному событію или къ данной эпохѣ.
>
> *Д. И. Иловайскій.*

> Всякій возможный путь знанія долженъ быть использованъ, всякая дверь должна быть изслѣдована,—нѣтъ ли возможности открыть ее. Никакой родъ доказательствъ не долженъ быть оставленъ безъ вниманія ради отдаленности или сложности, мелочности или обыденности. Стремленіе новѣйшаго изслѣдованія все болѣе и болѣе направляются къ заключенію, что если законъ есть гдѣ нибудь, онъ долженъ быть вездѣ. Отчаяваться въ пользѣ добросовѣстности собиранія и изученія фактовъ и объявлять какую бы то ни было задачу неразрѣшимой—значитъ быть весьма плохимъ сторонникомъ науки.
>
> *Э. Б. Тейлоръ.*

Книга моя, печатаніе которой началось еще осенью 1913 года, выходитъ съ значительнымъ опозданіемъ и совсѣмъ не во время. Великая война поглотила всѣ интересы, которые съ нею не соприкасаются, а вопросы историческіе и археологическіе стоятъ теперь на заднемъ планѣ. Я и раньше не разсчитывалъ на

большой кругъ читателей и, предполагая, что спросъ едва ли окупитъ даже издержки печатанія, старался издать книгу скромнѣе (даже не въ Москвѣ), съ небольшимъ количествомъ рисунковъ, и ограничилъ число ея экземпляровъ всего 350-ю.—Теперь она будетъ расходиться, вѣроятно, еще труднѣе; печатанія, однако, совсѣмъ остановить для меня было уже нельзя. Но вотъ, что способно еще болѣе повредить книгѣ и привести къ недоразумѣніямъ: рѣчь у меня часто касается нѣмцевъ (которые теперь достаточно узнаны и въ широкой публикѣ [361]), и это можетъ дать поводъ заподозрить отраженіе войны, усмотрѣть въ сочиненіи моемъ преувеличенія. Поэтому мнѣ хочется обратить вниманіе читателей не только на то, что все изслѣдованіе (т. е. стр. 1—300) цѣликомъ написано и сдано въ типографію задолго до войны,—тогда еще, когда ея никто не ожидалъ,—но главнымъ образомъ и на то, что бóльшая часть его,—листовъ семнадцать,—была и *отпечатана* ранѣе второй половины іюля 1914 года, а послѣдніе листы всѣ были набраны и имѣлись въ чистыхъ корректурахъ. Измѣнять тонъ послѣднихъ листовъ я не счелъ уже возможнымъ, да и самое содержаніе ихъ не давало для этого подходящаго матеріала.

Если бы я началъ печатать послѣ начала войны, то, вѣроятно, передѣлалъ бы весьма многое, и, быть можетъ, это было бы даже къ худшему: прежняя редакція, гдѣ я одинаково критикую всѣхъ своихъ предшественниковъ по разбираемому вопросу, имѣетъ то преимущество, что она еще рѣзче оттѣняетъ и компилятивную ученость нѣмцевъ и ихъ дѣйствительную умственную ограниченность; въ массѣ, конечно [362]).

[361]) „Самая германская наука превратилась, наконецъ, въ орудіе противъ человѣчности, а этика пруссаковъ поставила высшимъ критеріемъ народнаго блага—захватъ земель и рынковъ. Правда, Пруссія работала и дѣйствовала, но оправдывала при этомъ вырвавшійся у Гёте печальный афоризмъ: „Дѣйствующій всегда безсовѣстенъ“.... Если бы культурность заключалась только въ работѣ на свое личное благополучіе, то германцы, безспорно, весьма и весьма культурны. Они дѣйствительно неутомимые разносчики по всему міру своихъ жиденькихъ фабрикатовъ и толстыхъ, большею частію бездарныхъ, книгъ, въ которыхъ съ бухгалтерскою точностью списывается все, что вырабатывается во всемірной научной и другой литературѣ“. Ст. заслуж. проф. Л. Е. Владимірова. „Голосъ Москвы“, № 185 отъ 13, VIII и № 188 отъ 17, VIII, 1914 г.

[362]) О нѣмцахъ я всегда былъ самаго не высокаго мнѣнія и не скрывалъ этого. Вотъ нѣсколько случаевъ.—Покойный В. Е. Сердобинскій, даровитый человѣкъ, профессоръ математики и ученый, очень любилъ шахматы (по игрѣ былъ, вѣроятно, выше 1-ой категоріи) и посвящалъ имъ много досуговъ. Онъ составлялъ недурныя шахматныя задачи и принималъ нерѣдко участіе въ шахматной литературѣ, какъ спеціальными замѣтками по теоріи задачъ, такъ и шахматными разсказами. Между прочимъ ему удавались чрезвычайно трудные

То обстоятельство, что книга была отпечатана (за исключеніемъ приложеній, указателя и страницъ, помѣченныхъ римскими цифрами) раньше войны, не позволило мнѣ внести исправленія относительно Петрограда. Вездѣ въ книгѣ поэтому осталось прежнее, нынѣ къ удовольствію Россіи, уничтоженное иноземное наименованіе сѣверной столицы. Впрочемъ, позволительно думать, что старое названіе сохранило свое историческое значеніе и въ этомъ смыслѣ можетъ быть употребляемо, какъ характеристика минувшей эпохи *).

Не мнѣ, конечно, судить о достоинствахъ моего труда, но что касается до той программы, которая мною была избрана,—

опыты составленія полныхъ партій къ очень сложнымъ по разстановкѣ шахматнымъ задачамъ (см. Указатель). Но отдавая урывками досуги игрѣ, В. Е. всю свою жизнь посвятилъ ученой и педагогической дѣятельности, пользуясь здѣсь большимъ уваженіемъ. Идея М. И. Чигорина (коей заразился и Э. С. Шифферсъ), что человѣкъ имѣетъ право бросить все и посвятить свою жизнь шахматамъ, глубоко его возмущала, и онъ не скрывалъ этого. Въ одномъ изъ писемъ своихъ въ еженед. журналъ „Радуга", гдѣ шахм. отдѣломъ завѣдывалъ П. П. Бобровъ (при постоянномъ моемъ сотрудничествѣ, такъ что я иногда замѣнялъ его, особенно лѣтомъ), онъ обозвалъ нѣмецкихъ проблемистовъ тунеядцами, для содержанія которыхъ надо приготовлять особыя суммы. Отрывокъ изъ этого письма П. Бобровъ напечаталъ, и разумѣется, это попало не въ бровь, а прямо въ глазъ М. И. Чигорину, нѣсколько разъ до этого прекращавшему свой „Шахматный Листокъ". Онъ не переварилъ этого и при случаѣ перепечаталъ слова о тунеядцахъ въ „Шахм. Вѣстникѣ",—прозрачно, намекая на П. Боброва, какъ на автора такого мнѣнія.—Н. И. Максимовъ измѣнилъ эти слова и написалъ прямо про П. Боброва, что онъ „геніальныхъ и трудящихся германскихъ проблемистовъ... называетъ „тунеядцами"... долгой терпѣливой работы не понимаетъ, предпочитая все дѣлать срывка, съ налета." По поводу этого я писалъ („Шахм. Обозр." 1893 г., стр. 95—96), что въ „Радугѣ": „тунеядцами названы нѣмцы, *корпящіе* (при составленіи задачъ) не рѣдко цѣлые мѣсяцы надъ соображеніями, представляющимися при передвиженіи всѣхъ фигуръ вправо или влѣво, на одну или нѣсколько клѣтокъ. Говорить о людяхъ, *корпящихъ* надъ задачами, вымучивающихъ ихъ, не значитъ еще говорить о *геніальныхъ* нѣмецкихъ композиторахъ, разумѣется, при томъ условіи, если Н. И. Максимовъ не считаетъ каждаго нѣмца, который примется составлять задачи за генія".—Видя тогда уже у нѣмцевъ тотъ именно національзмъ, который заглушаетъ у нихъ всякія чувства справедливости, я широко освѣтилъ случай съ международнымъ конкурсомъ шахматныхъ задачъ газеты „Münchener Neuesten Nachrichten", гдѣ нѣмцы не постѣснились допустить на конкурсъ задачу (притомъ плохую, по отзыву самихъ же нѣмцевъ) съ грубо оскорбительнымъ для чеховъ девизомъ Kein Böhm, aber auch garstig: Не чехъ, но тоже мерзость. (См. „Шахм. Обозр." 1893 г., №№ 26—29, стр. 353—356).—Нынѣшній московскій „Шахматный Вѣстникъ" 1914—1915 гг. во время даже войны соблюдаетъ, повидимому, благожелательный нѣмцамъ нейтралитетъ, печатаетъ нѣмецкія партіи и задачи и скорбитъ, что, не получая заграничныхъ журналовъ, не имѣетъ нужнаго матеріала.

*) См., напримѣръ, „Русскія Вѣдомости" 1915 г., № 67, стр. 3, столб. 1.

изслѣдованіе начальнаго древнѣйшаго періода игръ,—то я считаю, что всѣ вопросы разсмотрѣны мною исчерпывающимъ образомъ, конечно, принимая во вниманіе имѣвшіяся у меня данныя; современемъ, быть можетъ отыщутся и иныя.

Работа моя, разумѣется, не могла быть исполнена единолично. Предметъ изслѣдованія, несмотря на свой небольшой размѣръ, требуетъ такихъ знаній, такихъ обширныхъ свѣдѣній и такой начитанности, которая едва ли подъ силу одному человѣку. Въ виду этого я все время старался выяснить всѣ встрѣчавшіеся мнѣ вопросы черезъ людей науки, и хотя, какъ оказалось, все почти мнѣ пришлось рѣшать самому единолично, тѣмъ не менѣе тѣ данныя, которыя мнѣ указывались, или обнаруживались во время переговоровъ, значительно уясняли дѣло [363]). И я не могу съ признательностью не указать здѣсь именъ тѣхъ ученыхъ, которые любезно тратили для меня свое время и дѣлились со мною своими знаніями, особенно указывая мнѣ разные справочники, энциклопедіи, словари, или даже предоставляя мнѣ свои книги или цѣлыя библіотеки, какъ это было, напр., со стороны В. Е. Сердобинскаго и его наслѣдниковъ [364]). Имена всѣхъ этихъ лицъ указаны, большею частію, въ текстѣ книги; тутъ читатели увидятъ извѣстнаго писателя и археолога Н. А. Чаева, который познакомилъ меня съ И. Д. Мансветовымъ и съ И. Е. Забѣлинымъ; тутъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ (см. пр. 231 и 325), профессора бар. Штакельбергъ, Г. А. Халатьянцъ, И. В. Цвѣтаевъ (примѣч. стр. 70*), лингвистъ Г. И. Торъ-Ланге [365]) и нѣкоторые другіе. Изъ нынѣ здрав-

---

[363]) Для меня важны были не только положительныя, но и отрицательныя свѣдѣнія; когда одинъ петроградскій академикъ любезно отвѣтилъ мнѣ на мое письмо о словѣ *шашка,* что онъ самъ ничего не знаетъ, то изъ этого я увидалъ, что и *никто еще ничего не знаетъ;* а это знать мнѣ было чрезвычайно важно. Онъ рекомендовалъ мнѣ обратиться къ Ѳ. Е. Коршу, но оказалось, что тотъ тоже ничего не зналъ.—Точно также чрезвычайно важенъ былъ для меня разговоръ съ природнымъ арабомъ объ арабскомъ языкѣ.—См. еще въ указателѣ „Шахъ-Намэ".

[364]) См. стр. 103 книги, конецъ примѣчанія 122-го.

[365]) Мой учитель латинскаго языка въ старшихъ классахъ института: датчанинъ по происхожденію (но значительно обрусѣвшій; онъ и женатъ былъ на русской и жилъ все время въ Россіи), онъ былъ истиннымъ ученымъ филологомъ (см. примѣч. 140, стр. 118). Къ сожалѣнію онъ полагалъ, что и всѣ другіе интересуются филологіей въ той же мѣрѣ, какъ онъ самъ. Когда въ 1905 году я посѣтилъ его, въ надеждѣ выяснить нѣкоторыя тонкости въ текстахъ (переводъ которыхъ былъ для меня, однако, ясенъ), то онъ, распросивъ меня, когда я кончилъ курсъ и почему интересуюсь латинскими текстами, рѣшилъ, что я долженъ хорошо знать латынь, и заговорилъ со мною по латыни! Хотя въ это время я значительно возобновилъ въ

ствующихъ любителей и ученыхъ назову пр. М. О. Аттая, который познакомилъ меня съ ак. Ө. Е. Коршемъ, В. И. Шошина, для изданія котораго въ 1903 году [366]) я принялся за новую переработку своего прежняго труда [367]), П. Н. Бодянскаго, который, не подозрѣвая, очевидно, дѣйствительныхъ трудностей, прислалъ мнѣ свой переводъ латинскихъ текстовъ [368]), Л. В. Геннку, переводившаго для

памяти свои знанія (тѣмъ болѣе, что приходилось разбирать книгу Гайда), тѣмъ не менѣе я, конечно, не все понялъ. Въ 1878—1879 гг., когда я кончалъ курсъ, Г. И. (мы въ то время звали его не Георгій, а Торъ Ивановичъ) дѣйствительно упорно вводилъ во время уроковъ разговоръ на латинскомъ языкѣ, но это не вполнѣ привилось. Вскорѣ послѣ 1905 г. онъ переселился въ свое имѣніе въ Кіевской губерніи, куда я обращался къ нему уже письменно, стараясь выяснить игру словъ въ текстахъ съ anticipes и teritur; онъ любезно отвѣчалъ мнѣ по-русски, но помочь не могъ. Между прочимъ онъ писалъ: „...Другой, однако, вопросъ, *какъ перевести* ancipites moras [а я о переводѣ его не спрашивалъ]. О ходахъ въ шашечной игрѣ anceps естественно будетъ имѣть значеніе *вызывающій колебаніе* (или вызванный колебаніемъ), наводящій на размышленіе, заставляющій долго медлить исполненіемъ. Такъ вѣроятно и здѣсь; нужно принять смыслъ: не скоро рѣшающійся на новый ходъ.—Однако по контексту: Obligat ipse duos не абсолютно невозможно, чтобы ancipites было поставлено въ значеніи: обоюдный и замедляющій: и его самого игрока и его сотоварища по игрѣ. Но первое значеніе болѣе правдоподобно.—Еще разъ могу Васъ увѣрить, что форма anticipes, если не принять ее=ancipites, никоимъ образомъ не можетъ быть прилагательнымъ, а лишь вторымъ лицомъ сослагательнаго наклоненія настоящаго времени отъ глагола anticipo (antecipo), anticipare, что здѣсь, конечно, не дастъ смысла!... Вотъ все, что могу сообщить по данному вопросу. Примите, высокочтимый Д. И., выраженіе полнаго сочувствія къ Вашимъ дѣльнымъ занятіямъ наукою и лучшій поклонъ отъ уважающаго и преданнаго Вамъ Dr. phil. Торъ-Ланге". Изъ этого отрывка видно, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ любилъ филологію, и отсюда же внимательные читатели могутъ усмотрѣть, какъ трудно было достичь истиннаго перевода въ текстахъ, которыхъ не понимали и до сихъ поръ не понимаютъ большіе филологи. Мой переводъ какъ разъ указываетъ, что тутъ идетъ рѣчь объ обязательномъ взятіи, такъ что ни колебаній, ни размышленій, ни замедленій здѣсь не было и не могло быть, а duo никакъ не можетъ быть относимо къ игрокамъ.

366) „Шашечный Листокъ", 1903 г., №№ 1, 5—6, 7, 9, 10, 11 и 12. О происхожденіи шашечной игры *А. С. Рингъ* (перестановка буквъ моей фамиліи). Здѣсь помѣщено то, что вошло въ главы I—VIII и частію въ IX настоящаго изданія. Сравненіе можетъ показать, какъ переработанъ мною весь трудъ: тридцать семь страницъ второй редакціи превратились въ восемьдесятъ семь при окончательной отдѣлкѣ.

367) См. дальше въ посвященіи книги.

368) Въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ они встрѣчаются (т. е. и съ невѣрнымъ чтеніемъ) во многихъ *реальныхъ словаряхъ древностей*. См. „Шашечный Листокъ" 1903 г., № 12, стр. 180, примѣч. 2-ое, гдѣ слѣдовало бы пояснить, что слово *филологъ-любитель* надо понимать: любитель шашекъ, филологъ по профессіи.— См. стр. 145-ю книги.

меня съ испанскаго, и главнымъ образомъ А. К. Мишина, который сдѣлалъ для меня нѣсколько цѣнныхъ выписокъ изъ рѣдкихъ словарей и обратилъ мое вниманіе на нѣсколько новыхъ изданій. Наконецъ, не перечисляя именъ, я все же считаю необходимымъ выразить свою признательность тѣмъ библіотекарямъ, многимъ любителямъ и знакомымъ, которые указывали мнѣ на мелкія извѣстія объ играхъ и рисункахъ, встрѣчавшихся имъ въ разныхъ не шахматныхъ изданіяхъ, или помогали мнѣ въ переводахъ съ англійскаго, нѣмецкаго и французскаго [369]) языковъ.

Только при такомъ многочисленномъ и дружномъ содѣйствіи могъ я достичь той полноты, которая, надѣюсь, доставитъ удовольствіе любителямъ шахматистамъ и тавлеистамъ, а можетъ быть даже нѣкоторымъ [370]) филологамъ.

Я былъ бы счастливъ, если бы трудъ мой не остался одинокимъ и заинтересовалъ бы русскихъ любителей на столько, чтобы среди нихъ нашлись мнѣ преемники.

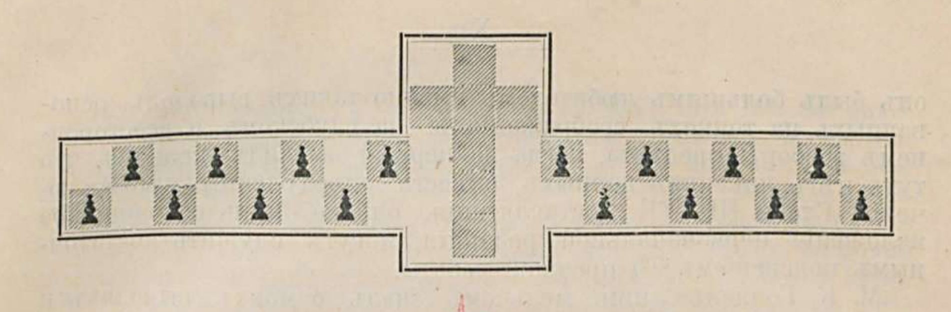
Москва.
Декабрь 1914 г.

---

369) Къ моему изумленію я даже и здѣсь натолкнулся на трудности. Слова spintrien я не могъ найти ни въ одномъ французскомъ словарѣ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ добивался я его значенія, спрашивалъ о немъ (подозрѣвая опечатку) у восьми кровныхъ французовъ и одного уроженца французской Швейцаріи: никто не могъ перевести; такъ фразу и пришлось оставить безъ перевода (стр. 137, примѣч. 166); общій смыслъ ея и самого слова довольно, впрочемъ, ясенъ.—Про нѣмецкій языкъ см. примѣч. 259 и стр. 227.

370) Говорю „нѣкоторымъ“, ибо кромѣ содѣйствія приходилось встрѣчать и непріязнь. Такъ, одинъ московскій филологъ и педагогъ заявилъ мнѣ, по прочтеніи № 12 „Шашечнаго Листка“, весьма внушительнымъ тономъ, что онъ „не согласенъ съ моей филологіей“, а когда я попросилъ объяснить, въ чемъ именно онъ находитъ недостатки, то онъ надменно объявилъ мнѣ, что такъ какъ я не получилъ фологическаго диплома, то онъ не считаетъ возможнымъ вступать со мною въ объясненія! Интересно, что этотъ же педагогъ одинъ разъ лѣтомъ увлекся изученіемъ какого-то нововыдуманнаго языка, кажется эсперанто, и страстно убѣждалъ меня въ возможности распространенія такого жаргона. Я возвразилъ ему шахматнымъ доказательствомъ, указавъ, что, несмотря на интернаціональность шахматъ и удобство такъ называемой алгебраической нотаціи, послѣдняя до сего времени не можетъ быть введена не только въ шахматныхъ изданіяхъ, но даже на международныхъ турнирахъ: французы, англичане, испанцы и итальянцы предпочитаютъ свои національныя описательныя нотаціи, хотя онѣ гораздо менѣе удобны.—Съ немалымъ удивленіемъ узналъ я, что новѣйшій русскій филологическій словарь производитъ ферзь по прежнему отъ vierge.

ПАМЯТИ

М. К. Гоняева, С. А. Сорокина, А. И. Шошина и В. А. Эрдели.

Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ... Фарисейство, тупоуміе, произволъ... я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи! Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ.

А. П. Чеховъ.

Можетъ быть къ тому присоединились и недостатки моего личнаго характера, напримѣръ, излишняя прямолинейность, независимость мнѣній, научныхъ и политическихъ, постоянная готовность горячо ихъ отстаивать, малая общительность въ частныхъ сношеніяхъ... и т. п. Какъ бы то ни было, въ результатѣ я занялъ довольно уединенное положеніе и въ наукѣ, и въ политикѣ... Во всякомъ случаѣ я такъ дорожу своими независимостью и свободою мнѣній, что не промѣнялъ бы ихъ ни на какую распространенность или популярность.

Д. И. Иловайскій.

Настоящая работа моя, результатъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, составилась въ три пріема. Въ первомъ, до осени 1902 года, я ограничивался лишь предположительнымъ переводомъ слова geminus, а большую часть статьи посвящалъ логическимъ и этнографическимъ доказательствамъ того, что шашки должны быть древнѣе шахматъ, и что римляне ихъ несомнѣнно знали.—Въ этомъ первомъ своемъ видѣ, который П. Бобровъ называлъ „историческимъ анализомъ“ [371]), статью читалъ В. А. Эрдели;

[371]) Къ моему сожалѣнію (не говорю *огорченію,* ибо послѣ его выходки противъ Д. А. Грингмута,—которую П. Н. Бодянскій считалъ чуть ли не исходящей отъ меня,—въ еженед. журн. „Конская Охота“ [№ 5, 1897 г., стр. 58], отъ П. П. можно было уже ожидать многаго), П. Бобровъ, который впервые черезъ меня познакомился съ шашками и шахматами, съ тонкостями этихъ игръ и ихъ литературой, не удержался на должной высотѣ, какъ издатель, и выступилъ противъ меня съ такими пріемами полемики (ср. „Шашечн. Листокъ“ № 11, стр. 176), которыхъ никакъ нельзя извинить тѣмъ болѣе, что это могло внести расколъ среди тавлеистовъ, и что разошелся я съ П. Бобровымъ (въ началѣ 1901 г.)

онъ былъ большимъ любителемъ именно такихъ выводовъ, основанныхъ на тонкихъ соображеніяхъ, на глубокомъ и всестороннемъ разборѣ предмета, когда на первый взглядъ кажется, что тутъ нѣтъ никакихъ данныхъ вывести опредѣленныя умозаключенія. Главы III—VII, составляющія, однако, лишь сокращенное изложеніе первоначальной редакціи, могутъ служить достаточнымъ поясненіемъ [372]) прежней работы.

М. К. Гоняевъ лишь мелькомъ зналъ о моихъ выводахъ и предположеніяхъ. Еще до окончанія первой редакціи онъ умеръ сперва духовно, а не долго спустя и физически. Но онъ, самъ охотно и много занимавшійся исторіей игръ и собираніемъ для нея сырыхъ матеріаловъ, первый пріучилъ меня къ историческимъ занятіямъ и теперь, конечно, будь живъ, болѣе чѣмъ ктолибо порадовался бы завершенію моей работы [373]). Несмотря на то,

---

изъ за причинъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ шахматами. Наивно признавая („Шахм. Об." 1903 г., № 59, стр. 197—199), что изслѣдованіе (онъ читалъ его въ первой редакціи) мое „въ своемъ будущемъ продолженіи дастъ, вѣроятно, не мало интереснаго", онъ, въ расчетѣ, конечно, на неосвѣдомленность и невниманіе читателей, приводитъ въ странномъ порядкѣ отдѣльныя мои фразы изъ I главы, стараясь найти въ нихъ нелогичность, и въ то же время говоритъ: „Гдѣ авторъ встрѣчалъ „доказательства" распространенности той или иной игры? Эту распространенность только *констатируютъ*[?!], но не доказываютъ". Не замѣчая, что мое утвержденіе о нераспространенности шахматъ въ Россіи есть именно, какъ онъ выражается, констатированіе этого обстоятельства, П. Бобровъ тутъ же начинаетъ самъ доказывать распространенность шахматъ, тѣхъ самыхъ, которые изъ двухъ сотъ милліоннаго народонаселенія Россіи не могутъ дать 400—500 подписчиковъ на шахматный журналъ. Шашки, тѣ, дѣйствительно, распространены у насъ; много есть и велосипедистовъ, и футболистовъ, и лыжниковъ, но партнера въ шахматы, особенно въ провинціи, не часто встрѣтишь. А больше всего до послѣдняго времени распространеніе имѣлъ у насъ алкоголизмъ, какъ извѣстно, врагъ всякаго спорта, будетъ ли этотъ послѣдній чисто умственнымъ, какъ шахматы и шашки, или чисто физическимъ, какъ велосипедъ, борьба и т. п.—Въ книгѣ, посвященной исторіи игръ, позволю себѣ замѣтить, что уничтоженіе алкоголизма, помимо его важнѣйшихъ благодѣтельныхъ послѣдствій, должно существенно отразиться и на усиленіи всякаго рода спорта и разумныхъ развлеченій, но есть, къ сожалѣнію, и опасность отъ развитія азартныхъ игръ. См. „Русск. Вѣд.", пр. къ № 106 отъ 11, V, 1915 г.: *Противоалкогольное совѣщаніе*.

[372]) Первая редакція могла даже показаться скучной, какъ и теперь главы III—VII, но надо имѣть въ виду, что изложенные въ нихъ доводы необходимы, ибо, помимо устраненія формальныхъ возраженій, они приводили къ рѣшенію вопросовъ, что шашки: 1) никакъ не могли произойти изъ шахматъ, 2) что онѣ самостоятельны въ ряду игръ, и 3) что онѣ старше шахматъ. Все это вмѣстѣ указывало, что надо искать полныхъ отвѣтовъ въ новыхъ переводахъ латинскихъ текстовъ, или иными словами говорило, что прежніе переводы не вѣрны. Прилегающія къ нимъ главы I—II и VIII—IX также въ значительной степени были въ первомъ трудѣ. Тамъ же разобраны были и нѣкоторые русскіе шашечные термины.

[373]) См. мои статьи въ „Шахм. Обозрѣніи" 1892 г., № 10, стр. 111—116 и № 13—14, стр. 227—229 и стр. 285—286, гдѣ желающіе могутъ прочесть много интереснаго объ этомъ выдающемся человѣкѣ.—Въ томъ же „Шахм. Обозр." 1892 г. и 1893 г. помѣщены историческія статьи самого М. К., гдѣ находятся важныя дополненія къ вопросамъ, которые разбираются мною въ настоящемъ изданіи. Я могъ бы перепечатать ихъ вновь (ибо М. К. предоставилъ свои сочиненія въ мое распоряженіе), но это слишкомъ расширило бы книгу, и безъ того достигшую размѣра, котораго я не ожидалъ при началѣ печатанія.—Мнѣнія М. К. о научности историческихъ изысканій въ области игръ см. тамъ же: на стр. 229.

что онъ во многомъ не соглашался съ Линде, онъ все же находился первоначально подъ вліяніемъ его престижа, и на мои мысли о латинскихъ текстахъ писалъ мнѣ, что изъ нихъ нельзя почерпнуть ничего дѣльнаго, что фонъ-деръ-Лаза, хорошо знающій древніе языки, всѣ тексты уже изслѣдовалъ, и Линде правъ, говоря, что „эти Latrunculi чудесно годятся для всего, о чемъ мы ровно ничего не знаемъ". Это не могло первоначально не охлаждать меня, тѣмъ болѣе, что статей Лазы я сперва не могъ достать, а изслѣдованія французскаго филолога Бекъ де Фукьера подтверждали мысли Михаила Константиновича, и, быть можетъ, трудъ мой такъ и остался бы неоконченнымъ, если бы не возникновеніе „Шашечнаго Листка" и не редакторъ его А. И. Шошинъ [374]), который гостепріимно открылъ мнѣ страницы журнала. Въ этомъ второмъ періодѣ работы, осенью 1902 года и весною 1903 года, мнѣ удалось уловить смыслъ почти всѣхъ текстовъ, и я раза три переписалъ свою статью, стараясь по возможности сократить ее такъ, чтобы въ ней осталось лишь наиболѣе существенное, чтобы можно было ее напечатать въ журналѣ, а А. И. Шошинъ все извинялся передо мной, полагая, что я работаю изъ-за его требованій. Ноябрь 1903 года принесъ мнѣ огорченіе: я узналъ, что „Шашечный Листокъ" прекращается, и я въ декабрьской книжкѣ изложилъ лишь наиболѣе существенные выводы, рѣшивъ остальное выпустить отдѣльною брошюрой. Собирался я и самъ издавать „Шашечный Листокъ" и первоначально также подъ редакціею А. И. Шошина, но комбинація эта, къ моему сожалѣнію, не состоялась, а начать изданіе самому въ Москвѣ, значило бросить работу по изслѣдованію исторіи игры. Въ концѣ концовъ у меня получилась цѣлая книга [375]).—Въ этомъ второмъ видѣ читалъ ее С. А. Сорокинъ [376]), мнѣніемъ котораго я очень дорожилъ; она получила съ его стороны большое одобреніе, и онъ совѣтовалъ мнѣ ее непремѣнно напечатать, соглашаясь, однако, со мной, что изданіе едва ли окупится. Самъ филологъ и большой любитель исторіи, онъ часто съ интересомъ говорилъ о моихъ выводахъ и все сожалѣлъ, что я мѣсяцъ за мѣсяцемъ откладываю печатаніе. Онъ находилъ въ моей работѣ много достоинствъ, но онъ ошибался.—Только въ третьемъ періодѣ, когда съ осени 1913 года принялся я за печатаніе, изслѣдованіе мое приняло свой настоящій законченный видъ. Я не только сократилъ нѣкоторыя длинноты, но мнѣ за это время уда-

[374]) См. составленный мною некрологъ этого любителя, жившаго такъ мало и сдѣлавшаго для шашекъ такъ много, что одинъ отдѣлъ задачъ долженъ бы носить, собственно, его имя,—въ „Нивѣ", Ежемѣсячныя литературныя приложенія за Мартъ 1906 г., № 3, стр. 491.

[375]) См. „Шашечный Листокъ", 1903 г., № 12, стр. 180, примѣч. 2-е.—Чтобы трудъ мой не пропалъ совершенно, одно время я думалъ переписать книгу на Ремингтонѣ въ 3—4 экземплярахъ и одинъ изъ нихъ отослать въ Императорскую Публичную Библіотеку въ Петроградъ, но при такомъ направленіи дѣла оказалось, что я совсѣмъ не могу работать надъ окончательной отдѣлкой изслѣдованія.

[376]) Авторъ статей „Историческія справки о шахматахъ въ Россіи" въ „Шахматномъ Обозрѣніи" 1892 г. См. №№ 13—14, стр. 222—226, № 15, стр. 299—307 и № 16, стр. 339—342. Ранѣе, въ менѣе полномъ видѣ, статьи эти были помѣщены въ шахматномъ отдѣлѣ журнала „Радуга", изд. Л. Метцля.

лось вполнѣ выяснить смыслъ всѣхъ текстовъ, прибавить и новые, открыть еще случаи игры словъ [377]), а главное, показать исторію происхожденія нѣсколькихъ русскихъ реченій съ замѣчательной перемѣной ихъ прежняго смысла, что можетъ имѣть не только шахматный, но и научный интересъ [378]). Тутъ же стала для меня ясна схема созданія шахматъ изъ шашечныхъ игръ.

Безъ первоначальной дѣятельности М. К. Гоняева и С. А. Сорокина, безъ одобренія и поддержки ихъ, А. И. Шошина и В. А. Эрдели, едва ли настоящее сочиненіе было бы когда нибудь доведено до конца, и мнѣ доставляетъ высокое нравственное удовлетвореніе возможность посвятить этотъ трудъ ихъ свѣтлой памяти. За исключеніемъ С. А. Сорокина, который, будучи самъ филологомъ, интересовался преимущественно только исторіей, остальные цѣнили въ шахматахъ все: и анализы, и партіи, и задачи, и концы игръ, и въ то же время очень высоко ставили историческія изысканія.

Подобнымъ же образомъ къ исторіи игры относился и М. И. Чигоринъ [379]), который не только удѣлялъ ей большое мѣсто

---

[377]) Ср., напримѣръ, примѣчаніе 9-е на стр. 184 „Шашечнаго Листка" 1903 г. съ примѣчаніемъ 94-мъ настоящаго изданія.—См. также стр. 83 и 84 книги.

[378]) „Вообще научная разработка проблемъ, входящихъ въ составъ семасіологіи (такъ называется отдѣлъ науки о языкѣ, изучающій исторію значенія словъ) до сихъ поръ едва лишь намѣтила общія очертанія вопроса, при чемъ многія детали остаются пока въ тѣни... Какъ положительное требованіе, мы должны выставлять, подчеркнутую уже В. Геномъ, необходимость освѣщать выводы, добытые путемъ изученія лингвистическихъ фактовъ, данными исторіи культуры". *В. Поржезинскій.* Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1915, стр. 152 и 203.

[379]) Кстати: не лишнее быть можетъ будетъ упомянуть, что по матери онъ былъ, какъ говорятъ, цыганъ. Это обстоятельство почему-то старательно обходится молчаніемъ всѣми его біографами и почитателями, а между тѣмъ оно не безъинтересно, тѣмъ болѣе, что самъ онъ выдавалъ себя (особенно послѣднее время) за самаго русскаго. Убѣжденій его я не знаю, кажется онъ ничѣмъ не интересовался кромѣ шахматъ, но въ спортивной жизни онъ проявилъ себя крайнимъ антисемитомъ и, насколько было въ его силахъ, всячески старался не допускать евреевъ въ тотъ шахматный клубъ сѣверной столицы, который при жизни его перемѣнилъ много названій. Можно, разумѣется, такъ или иначе судить объ этой его антипатіи, но все же она могла бы заслуживать хотя нѣкотораго уваженія. Между тѣмъ памятникъ на его могилу поручили исполнять, если не ошибаюсь, еврею. Самъ М. И. Чигоринъ въ своихъ сношеніяхъ и дѣлахъ обладалъ характеромъ малопріятнымъ, бывалъ, и притомъ очень нерѣдко, крайне несправедливъ, въ издательствѣ своемъ больше, чѣмъ небреженъ, кое-что изъ этого я вывелъ наружу, и меня много упрекали за будто бы пристрастное мое отношеніе къ нему во время перваго періода изданія „Шахматнаго Обозрѣнія", когда и тонъ журнала и его главное содержаніе зависѣли больше отъ меня, чѣмъ отъ П. Боброва; я выступилъ рѣзко противъ М. И. именно въ его походѣ противъ С. З. Алапина и В. Стейница, какъ евреевъ, находя что въ *шахматахъ* всѣ равны, но памятникъ, да еще на могилѣ, не шахматы, не игра, и нельзя не протестовать противъ такого отношенія къ его памяти, которое онъ самъ почелъ бы при жизни величайшимъ для себя оскорбленіемъ. Къ сожалѣнію, масса болѣе легкомысленна и деспотична, чѣмъ самые ярые антисемиты. Чигоринъ воображалъ себя великимъ человѣкомъ, хотя такимъ никогда не былъ, шахматисты послѣ его смерти своимъ заказомъ памятника низвели его до степени самаго зауряднаго человѣка, что, конечно, болѣе, чѣмъ несправедливо—[еще и потому, что сами евреи относятся къ своей національности крайне ревниво: статьи, напримѣръ, русской печати (особенно понедѣльничныхъ листковъ), находящейся, какъ извѣстно, подъ большимъ вліяніемъ и давленіемъ евреевъ, во время турнира въ Петроградѣ, когда одно время шансы Ласкера и Капабланки были въ неопредѣленномъ положеніи, поражали своимъ тономъ, гдѣ

въ своихъ журналахъ, но и высоко оцѣнивалъ трудъ С. А. Сорокина въ „Шахматномъ Обозрѣніи“.—П. Бобровъ, котораго больше интересовала практическая сторона въ играхъ [380]), т. е. издательство, организація турнировъ (особенно по перепискѣ), конкурсовъ, одновременныхъ партій, секретарство въ клубѣ, открытіе шахмат-

проскальзывали чуть не угрозы, если побѣдитъ аріецъ].—См. *Евг. А. Зноско-Боровскій*. Пути развитія шахматной игры. Мысли и характеристики. Спб. 1910. На стр. 34—51: *Трагедія Чигорина* (докладъ, читанный на вечерѣ въ память М. И. Чигорина, въ первую годовщину его смерти). Здѣсь читаемъ: ...„но, накaнунѣ смерти, онъ пришелъ въ себя, сильно тосковалъ и нервничалъ. Онъ сталъ требовать, чтобы ему принесли его дорожные шахматы, тѣ шахматы, которые сопровождали его на всѣ турниры, съ которыми онъ никогда не разставался... Когда ему ихъ принесли, онъ потребовалъ, чтобы сейчасъ же, тутъ же передъ нимъ ихъ уничтожили, сожгли. При этомъ онъ страшно волновался, все торопился, словно боялся, что не поспѣютъ сдѣлать это; а оно, почему-то, казалось ему необходимымъ. Онъ успокоился только тогда, когда его требованіе было исполнено, и отъ шахматъ осталась только небольшая кучка золы... сегодня утромъ... на панихидѣ по немъ было не болѣе 10 человѣкъ“. А вотъ что читаемъ въ газетахъ о перевозѣ его тѣла изъ Люблина въ Петроградъ (*Голосъ Москвы*, 1914 г., VI, 24, вторникъ, стр. 2): „22 іюня въ Петербургъ были привезены останки извѣстнаго русскаго шахматиста М. И. Чигорина, скончавшагося въ городѣ Люблинѣ 12 января 1908 г. Отдать послѣдній долгъ покойному собралось ровно восемь человѣкъ. Пока дошли до кладбища, эта горсть друзей М. И. Чигорина сократилась еще. Никого изъ родныхъ покойнаго не было. На кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря была отслужена панихида, и останки покойнаго предали землѣ. На могилѣ осенью будетъ поставленъ памятникъ, сооруженный по подпискѣ на средства русскихъ шахматистовъ“.—И къ другимъ дѣятелямъ въ области шахматъ отношеніе не лучше. Напр., А. Ф. Гончаровъ, послѣднее время долго сотрудничавшій въ „Шахм. Обозрѣніи“, не могъ написать сноснаго некролога П. Боброва; онъ приписалъ ему веденіе отдѣла въ „Газетѣ А. Гатцука“, гдѣ отдѣлъ (шашечный) открылъ и велъ я, и тогда, когда П. Бобровъ еще не былъ знакомъ ни со мною, ни съ литературою игръ, а въ то же самое время Гончаровъ пропустилъ, вѣроятно, не менѣе десятка изданій, гдѣ П. Бобровъ, дѣйствительно велъ шахматные и шашечные отдѣлы, да и довольно большіе.—Причина такого отношенія состоитъ въ томъ, что игроковъ интересуетъ только игра и притомъ лишь въ тотъ періодъ, когда она почему либо привлекаетъ ихъ вниманіе. Стоитъ только перемѣниться обстоятельствамъ, собственной ли ихъ жизни или жизни другого игрока,—и все забыто. И самъ Чигоринъ относился къ другимъ подобнымъ же образомъ. См. „Шахм. Обозр.“, 1892 г., №№ 13—14, стр. 285—286.

[380]) Это не мѣшало ему и самому играть въ шахматы, составлять недурныя шахматныя и шашечныя задачи, а равно и беллетристическія шахматно-шашечныя (И. П. Богровъ) произведенія. Силы свои и способности онъ цѣнилъ, однако, гораздо выше того, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности, при чемъ дѣлалъ совершенно невѣроятныя ошибки, напримѣръ, въ шахматное изданіе пытался внести рекламный характеръ, обѣщая то уплату гонорара, то преміи, которыхъ выдать потомъ не могъ. Мечтою его было сдѣлаться издателемъ большого литературнаго журнала, для чего онъ сперва пріобрѣлъ въ 1887 г. у Л. Метцля право на ежемѣсячный журналъ „Эпоха“, а позднѣе исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе на изданіе большого еженедѣльнаго журнала, въ родѣ „Нивы“, подъ названіемъ „Вечерніе Огни“. Онъ думалъ, что обладалъ организаторскими способностями, чтобы конкуррировать съ „Нивой“, и полагалъ, что съумѣетъ найти капиталистовъ, которые въ его способности повѣрятъ. Но, конечно, капиталисты были значительно проницательнѣе, чѣмъ онъ ихъ считалъ. Наиболѣе интереснымъ во всемъ этомъ было его признаніе, что если бы ему удалось изданіе въ родѣ „Нивы“, то онъ ни за что не пустилъ бы туда шахматъ.—П. П. Бобровъ составлялъ и рисовалъ ребусы, не дурно владѣлъ стихомъ и пробовалъ выступать на литературномъ поприщѣ, но неудачно.—А. Фетъ про „Смерть Порошева“ [М. 1889. Тип.-Лит. М. И. Нейбюргеръ. 47 стр.] спросилъ автора: „Зачѣмъ вы это написали?“

ныхъ отдѣловъ въ журналахъ и газетахъ, продажа книгъ и вещей шахматныхъ и т. п., всецѣло, однако, поддался моей программѣ веденія „Шахматнаго Обозрѣнія“, какъ журнала, который отвѣчалъ бы на всѣ стороны игръ, включалъ бы въ себѣ исторію и матеріалы для нея, обзоръ газетъ и журналовъ, библіографію, хронику, некрологи, уставы игръ, беллетристику и стихи, разнаго рода отчеты и таблицы, словомъ все, что такъ или иначе касалось шахматъ и шашекъ. И хотя практика изданія и громадная убыточность перваго періода „Шахматнаго Обозрѣнія“ за 1891—1893 гг. могли бы дать поводъ усомниться въ вѣрности этой программы,— онъ все же и потомъ, когда вздумалъ вести изданіе одинъ, крѣпко ея держался, уничтоживъ лишь беллетристику.—Иностранные журналы также изрѣдка отводятъ свои страницы для статей историческихъ, но шахматисты и тавлеисты въ массѣ вовсе не цѣнятъ исторіи игръ, считаютъ, что ей не мѣсто въ игровыхъ журналахъ, что она должна искать его въ спеціально-научныхъ изданіяхъ, а тамъ, съ своей стороны, вопросу объ играхъ еще не придаютъ того значенія, котораго онѣ въ дѣйствительности заслуживаютъ, какъ интересная сторона культурной жизни и какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ путей общенія народовъ [381]). Между тѣмъ, рѣшеніе (и конечно, вѣрное) историческихъ вопросовъ едва ли менѣе занимательно, чѣмъ рѣшеніе этюдовъ, концовъ игръ или анализъ дебютовъ и партій, словомъ, всего того, что составляетъ сущность игры, и на что любители тратятъ массу времени, иной разъ совершенно безцѣльно. Я, разумѣется, не хочу укорять ни игроковъ, ни составителей задачъ, ни такихъ шахматныхъ писателей, которые отдаютъ свой досугъ не на историческіе опыты, но среди шахматистовъ и тавлеистовъ, особенно въ провинціи, множество любителей могли бы принести значительную пользу исторіи игры, если бы сообщали въ спеціальные журналы даже только одни библіографическія указанія на игровыя мѣста въ книгахъ изъ общей литературы [382]). Конечно, журналы должны удѣлять для этого мѣсто. Если же и издатели новѣйшихъ журналовъ объявятъ исторіи бойкотъ, то, понятно, она заглохнетъ, и тѣ многочисленные свѣдѣнія, статьи и разсказы, которые теперь не рѣдко попадаются въ общей прессѣ, погибнутъ безслѣдно, ибо отдѣльнымъ лицамъ собираніе такихъ матеріаловъ не подъ силу.

[381]) Въ „Шахматномъ Листкѣ“ М. И. Чигорина были двѣ статейки на эту тему: „Исторія развитія шахматной игры въ связи съ исторіей цивилизаціи народовъ“, подписанныя *И. Чаринъ* (см. „Ш. Л.“, 1876 г., № 4, декабрь, стр. 122—127 и 1877 г., февраль и мартъ, стр. 37—47). Не знаю, кто скрывается подъ псевдонимомъ Чарина, но статьи не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, хотя написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ. Самое досадное то, что въ нихъ совершенно нѣтъ никакихъ указаній на первоисточники, и все, на что ссылается авторъ,—провѣрено быть не можетъ.—Про то, какъ и откуда проникли шахматы въ Россію, здѣсь излагаются совершенно невѣроятныя предположенія.

[382]) До сихъ поръ въ шахматной литературѣ не отмѣченъ, кажется, разсказъ Куприна, *Марабу*, гдѣ онъ до крайности неудачно пытается высмѣять шахматистовъ.—Въ одномъ, напечатанномъ по-русски, французскомъ альманахѣ-рекламѣ 1913 г. (изданіе Шателена, J.-L. Chatelain, 207—209) встрѣтилъ я неожиданно разсказъ *Автоматическій шахматистъ*, перепечатанный, какъ оказывается, изъ книги Шевлякова „Недалекое прошедшее и близкое настоящее“. Здѣсь

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ способность погружаться весь въ одинъ предметъ, какимъ бы онъ ни казался ничтожнымъ. И извѣстно, что нѣтъ такого ничтожнаго предмета, который при сосредоточенномъ вниманіи, обращенномъ на него, не разросся бы до безконечности.

Гр. Л. Н. Толстой.

Что касается до самаго содержанія книги, то, какъ уже сказано, оно представляетъ изъ себя плодъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго труда. Быть можетъ, переводъ текстовъ удался бы мнѣ и раньше, но первоначально я не могъ допустить даже предположенія, чтобы латинскія слова не понимались филологами, не предполагалъ, чтобы при такомъ, казалось бы всестороннемъ, изученіи античной литературы, которымъ насъ во времена гр. Д. Толстого забивали всякаго рода братушки и нѣмцы, чтобы при этомъ могли существовать въ латинскихъ словаряхъ неполные или невѣрные переводы. Дѣло показало, что это такъ.—При этомъ самъ я не филологъ и въ то время филологіей интересовался мало, полагая, что даже для такой небольшой работы нужны и особая подготовка и спеціальныя большія знанія. Лишь позднѣе убѣдился я, что знанія филологовъ весьма недостаточны, не рѣдко очень призрачны и часто чрезвычайно тенденціозны и фантастичны [383]). Примѣровъ этому читатели въ настоя-

---

есть любопытное объясненіе автомата Кемпелена, а именно, что въ немъ сидѣлъ полякъ Воронскій, который во время смутъ перваго раздѣла Польши будто бы лишился правой руки и обѣихъ ногъ. Это объясненіе въ шахматной литературѣ не извѣстно.—См. еще въ указателѣ: „библіографія“.

[383]) Особенно поразила меня случайно купленная книга: **Чаромутіе**, или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ прямую истоту чаромути и чарной истоти языковъ Русскаго и другихъ славянскихъ и части латинскаго. Петрьгородъ. 1846. Печатано въ типографіи К. Вингебера IV+404 стр.+II л. gr. 8⁰.—Здѣсь въ гражданскій шрифтъ введенны юсы (заглавіе имѣетъ не букву у, а юсъ). Понять новые термины и ихъ примѣненіе очень трудно, но авторъ, видимо, глубоко вѣрилъ въ свои открытія, и книга, начиная съ 51-й страницы, представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ словаря корней и превращеній словъ, въ основу чего положены мысли, что (стр. 19—20): „языческіе жрецы и главы народовъ,... сократили первобытную азбуку болѣе или менѣе половины и... установили... Каждую букву... такъ точно выговаривать, какъ она есть... Писать... слова... отъ правой руки къ лѣвой, а читать, за исключеніемъ окончаній оныхъ, отъ лѣвой къ правой, и на оборотъ. Такимъ образомъ должно было и говорить. Наприм. писалось муч*а*, напяч*а*, а выговаривалось чум*а*, япанч*а*: это есть чаромуть... Когда слово... писалось нововымышленными чарами и читалось не въ обратномъ порядкѣ, тогда оно должно было произноситься не по прежнему выговору, а совершенно сообразно чарнымъ звукамъ.

щемъ изданіи найдутъ не мало; между тѣмъ, самоувѣренность, съ которой излагаются филологами ихъ ложные выводы, и презрѣніе, которое проскальзываетъ по отношенію къ неизучавшимъ филологіи,—все это очень дѣйствуетъ на читателей [384]), и масса лож-

Напр. писали: звѣревый, страждь—а выговаривали по чарамъ—свирѣпый, страсть: это есть чарная истоть; а прямая, или собственная, истоть есть каждое слово Первобытнаго языка, сообразно его выговору произносимое" и т. д. Изъ словаря можно выписать такіе образчики: **Варганъ** (Великор.), вѣрганъ (Малор.)= *и*граванъ, *и*грованъ.—**Собака**=песага и брежага.—**Песъ**, собака=б*р*ежъ, брещи, беречь. Глаголъ брехать (лаять) образовался отсюда и=брегать, обрегать.—**Шеренга** (Пол.), рядъ солдатъ строемъ поставленныхъ=рѣжяга, ряжяга (вмѣсто я—юсы); Итал. schiera=р*ѣ*жа, р*я*жа и ряда; Франц. rang=ряжъ, рядъ (оба слова черезъ юсъ).—**Байдакъ** (Великор.), родъ рѣчнаго судна=*бра*дякъ, *бро*дякъ, бродъ (Илл.), корабль, судно; бродити *(тоже)*, плыть на кораблѣ.—**Вѣжа** (Слав., Рус. древн. и др.), башня; первоб. городъ=вѣд*ж*а, вят*ш*а, отъ в*ы*соты.—**Коза**=го*н*за; козелъ=го*н*зелъ, гонзати (Слав.), уходить; отс. Араб. *al*gazal.—**Конь**=гонь, гонить (шибко ѣхать) гнать: гоньба.—**Equa**, кобыла=ѣхва.—**Equus**, конь=ѣхвъ.—**Ладья**, лодья=*в*ладья, владѣть, управлять рулемъ; или древн. въ смыслѣ „нестися" по волнамъ, на поверхности водъ. См. ѥго.—**Сука**=*п*суга, *п*сюга, самка пса".—Я думалъ, что это единственное въ своемъ родѣ ученое сочиненіе, но недавно астрономъ Н. А. Морозовъ—(тотъ самый, который былъ глубоко убѣжденъ въ гибели всего живущаго на землѣ во время послѣдняго ея прохожденія черезъ хвостъ кометы Галлея),—напечатавшій большое ученое сочиненіе („Пророки", 1914 г.) съ доказательствами, будто еврейская библія сочинена лишь въ V—VII в.в. **послѣ** Р. Х., убѣдилъ меня въ томъ, что все обстоитъ по прежнему, т. е. что дѣйствительныхъ ученыхъ лишь десятки, а остальные, такъ процентовъ 90, только именуютъ себя учеными, по существу же ушли въ наукѣ не дальше того, куда футуристы, кубисты и пр. въ живописи.—См. еще слѣдующее примѣчаніе.

[384]) Дабы не показаться голословнымъ, укажу, какъ на поучительный примѣръ, на такъ называемую *норманскую теорію* о призваніи на Русь варяговъ, созданную нѣмцами на основаніи анекдота, разсказаннаго въ русской лѣтописи, притомъ по рукописи не очень древней (тутъ же сообщается и о происхожденіи славянъ послѣ потопа). Теорія эта, поддержанная не въ мѣру усердными послѣдователями нѣмцевъ изъ русскихъ ученыхъ, не замѣчала и не хочетъ замѣчать самаго главнаго: того, что холодная, бѣдная и полудикая Скандинавія того времени, конечно, была по своей цивилизаціи неизмѣримо ниже славянской, бывшей въ постоянномъ общеніи съ Византіей и Персіей. Арабскій писатель Табари говоритъ, напр., о Руси, воевавшей на Кавказѣ съ арабами еще въ VII вѣкѣ, но это и всѣ такія извѣстія норманистами либо скрываются, либо объявляются ошибочными. При этомъ вся теорія призванія основывается на именахъ собственныхъ, т. е. на такихъ словахъ, которыя, большею частію, могутъ быть менѣе всего изслѣдованы, а всякія возраженія противъ ученія сейчасъ же подвергаются норманистами филологическому изслѣдованію, гдѣ не знаешь, чему больше удивляться, многообразію ли познаній въ древнихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, или силѣ той страстности, съ которой отстаивается ложный взглядъ. Эти пріемы изслѣдованія по отношенію къ возраженіямъ самими норманистами именуются „вздергиваніемъ на филологическую дыбу"! Въ результатѣ всего этого теорія призванія пріобрѣла чуть ли не догматическій характеръ. Разумѣется впослѣдствіи надъ нею будутъ хохотать, но скоро ли это будетъ? А между тѣмъ многія поколѣнія воспитывались и воспитываются подъ вліяніемъ этой теоріи, подъ давленіемъ будто бы научныхъ пріемовъ профессоровъ-норманистовъ. Нѣмцамъ это, конечно, на руку, имъ надо, елико возможно, унизить великій славянскій народъ, сохранившій свою независимость, пріятно это и всѣмъ нашимъ инородцамъ, но изъ за чего хлопотали и хлопочутъ русскіе?—Что касается до отрицателей призыва, то ихъ мало, и они далеко не показали энергіи норманистовъ, не выяснили и всѣхъ слабыхъ сторонъ теоріи призыва, и главнымъ образомъ, не показали разницы въ бытѣ того времени варяговъ и русскихъ. Не привлечены были сюда и этнографическіе пріемы. Такъ, слово *варягъ* сохранилось въ русскомъ языкѣ и доселѣ въ мѣстныхъ говорахъ, какъ означеніе конныхъ мел-

ныхъ выводовъ и цѣлыхъ теорій сходятъ за научные, а простаки ихъ повторяютъ. Хорошо еще, когда заблужденія происходятъ отъ увлеченія своей фантазіей, какъ у Лукашевича или Морозова, но когда сюда замѣшивается дурная политика, какъ у ванъ деръ Линде, то дѣло, разумѣется, совсѣмъ плохо.

Работа моя, постепенно разростаясь и принимая все болѣе научный характеръ, достигла уже во второмъ періодѣ такого размѣра, что стало жаль глядѣть на нее, какъ на статью только для шахматнаго журнала. Несмотря на отсутствіе надежды, чтобы книга разошлась, или заинтересовала широкій кругъ читателей, было досадно думать, что все это пропадетъ безслѣдно, подобно многимъ трудамъ К. А. Яниша, М. К. Гоняева и Н. Н. Панкратова, а на то, что трудъ мой опубликуютъ послѣ моей смерти, разсчитывать не приходилось, да онъ не былъ и отдѣланъ. Поэтому, не будучи въ состояніи помѣстить его хотя бы въ сокращенномъ видѣ въ какомъ нибудь ученомъ (историческомъ, этнографическомъ или филологическомъ) журналѣ, я рѣшилъ выпустить его отдѣльнымъ изданіемъ.

кихъ купцовъ, нерѣдко называемыхъ также *офенями* и просто *торговыми*, а за послѣднее время *венгерцами*. Слово *варежка* происходитъ тоже отъ *варяга*. Языкъ, такимъ образомъ, запомнилъ, что когда то варяги разъѣзжали по Руси для торговли и притомъ въ теплыхъ рукавицахъ. Затѣмъ, почему то совсѣмъ не выясняется того обстоятельства, что въ лѣтописи написано про землю *„наряда въ ней нѣтъ“*, а не *порядка*, какъ подмѣнили нѣмцы. Слово *нарядъ* также сохранилось въ современномъ русскомъ языкѣ, въ понятіи небольшого отряда полицейскихъ, назначаемыхъ на короткое и необычное дежурство, напр., частный балъ. О теоріи призванія упоминаю я здѣсь по тому, что именно убѣжденіе въ ея невѣрности въ значительной степени способствовало тѣмъ открытіямъ относительно древности нѣкоторыхъ русскихъ словъ, которыя, помимо переводовъ, придаютъ наибольшую цѣну моему труду. Довѣряй я хоть сколько нибудь норманистамъ, я, вѣроятно, не сдѣлалъ бы этихъ открытій и, подобно другимъ, блуждалъ бы, не находя вѣрныхъ выводовъ.— Вотъ еще примѣры:

О. И. Сенковскій въ одной статьѣ (Собр. сочин., изд. 1859 г., VII, стр. 577) утверждаетъ, что „Сервы или Сербы также очень древнее имя: латинское servus происходитъ отъ него“. Допустимъ, что языкъ славянскій древнѣе латинскаго, но откуда извѣстно, будто имя „сербы“ было до того стариннымъ, что древнѣе языка латинскаго, и какъ узнать, что римское слово происходитъ изъ него?— А между тѣмъ это писалъ профессоръ-филологъ и издатель наиболѣе распространеннаго въ то время журнала „Библіотека для чтенія“.—Недавно, осенью 1914 г., всѣ газеты отмѣтили выводъ одного нѣмца, который ухитрился имя Христосъ превратить въ Германъ и доказывалъ на основаніи этого, что Онъ принадлежитъ къ германскому племени!—Невольно приходятъ на умъ слова современнаго англійскаго ученаго Э. Б. Тейлора: „кто то сказалъ, что если бы кто нибудь платилъ профессорамъ, чтобы они учили, что сумма двухъ сторонъ треугольника равна третьей, это ученіе нашло бы среди насъ достаточно послѣдователей.“ (Первобытная культура, 2-е изд. 1896 г., стр. 121). А нѣмцы платятъ! Когда ванъ деръ Линде разорился изъ за довѣрія будто бы къ какому то банкиру, то у него не только купили его шахматную библіотеку для Берлинской Королевской Библіотеки, но и самого приняли на должность завѣдующаго королевской библіотекой въ Висбаденѣ. Я подозрѣваю, что прожился онъ на свои многочисленныя роскошныя шахматныя зданія, на свою библіотеку и путешествія, но онъ хорошо зналъ, что англичанъ, русскихъ и французовъ слѣдуетъ ругать и позорить, хотя бы даже въ шахматахъ, и что въ Германіи это очень выгодно.—Подробный некрологъ Линде, мною написанный, см. въ „Конской Охотѣ“ 1897 г., № 44, стр. 854—855.

Что касается до полноты изслѣдованія, то многія поясненія и дополненія внесъ я въ указатель, куда и рекомендую заглядывать любителямъ, которые пожелаютъ внимательно прочесть мое изслѣдованіе; здѣсь же сдѣлаю лишь два [385]) существенныхъ дополненія. Первое относительно античной медали (стр. 137). Одна сторона ея мною разъяснена достаточно, но о другой, гдѣ изображена цифра XIII, я совершенно забылъ упомянуть, хотя для меня и здѣсь выступаетъ шашечный смыслъ. Извѣстно, что въ простомъ народѣ заключеніе [386]) дамки считается у насъ за 12 запираній. Такое пониманіе, конечно, произошло потому, что въ партіи запереть дамку можно крайне рѣдко. Соотношенія силъ дамки какъ 1 къ 12—нѣтъ, и М. К. Гоняевъ и Н. Н. Панкратóвъ совершенно правильно опредѣляли ея силу для русской игры въ $2^1/_2$ простыхъ.—Кромѣ того въ партіи особенно рѣдко именно заключеніе дамки; гораздо вѣроятнѣе запереть дамку съ простою, чѣмъ одну дамку (т. е. черная дамка a1, пр. b2, бѣлая дамка c1, или черная дамка g1, пр. f2, бѣлыя д. h2 и e1). И вотъ я думаю, что цифра XIII именно означаетъ запираніе дамки и простой, подтверждаетъ, что русское народное воззрѣніе одинаково съ древне-римскимъ.—Для чего употреблялась медаль, остается невыясненнымъ. Точно также не знаю я, для чего тутъ лѣстница.

Другое, не менѣе значительное, дополненіе надо сдѣлать относительно древней чатуранги. Ванъ деръ Линде въ своей теоріи все время старался опереться на то, что древняя игра для *четырехъ лицъ* должна быть признана искаженіемъ. Однако, эта эволюція игры, гдѣ *на доскѣ* идетъ борьба какъ бы между четырьмя игроками, не должна обязательно разсматриваться, какъ непремѣнное участіе четырехъ партнеровъ; четыре арміи изображаютъ сраженіе четырехъ странъ, но ни откуда не видно, чтобы и самихъ игроковъ непремѣнно было четверо. Если и теперь чрезвычайно

---

385) Отмѣчу еще мелочь: мое утвержденіе (примѣчаніе 7-е, стр. 8) о разныхъ вновь придумываемыхъ играхъ требуетъ нѣкотораго исправленія. Игры эти, дѣйствительно, рѣдко, почти никогда, не доживаютъ до второго изданія, но что касается до убыточности отъ ихъ продажи, то, повидимому, я ошибся. Оказывается, что есть такіе мастерскія и издатели, которые десятками лѣтъ занимаются созданіемъ новыхъ игрушекъ и игръ. Съ точки зрѣнія интереса и живучести игры эти, конечно, ничего не стоютъ и рано или поздно гибнутъ такъ прочно, что правилъ ихъ возстановить нельзя, но въ смыслѣ доходности торговля такими играми оказывается весьма выгодною, а публика раскупаетъ ихъ очень охотно, такъ что разнаго рода игрушечные магазины предъявляютъ къ такимъ издателямъ и мастерскимъ постоянные заказы, при чемъ прямо таки требуютъ *новинокъ*. Разумѣется, главнымъ образомъ, всѣ эти предприниматели заняты не столько *играми*, сколько игрушками, но и игры въ продажу все таки идутъ.

386) „Заключеніе или башня носитъ на русскомъ языкѣ собственно другое названіе, но такъ какъ оно довольно неприлично, то и замѣняется въ образованномъ классѣ приличнѣйшимъ". *Описаніе вѣрнѣйшихъ правилъ шашечной игры*. М. 1850.—См. также письма къ Н. Ѳ. Грамматину (*Библіогр. записки*, 1859 г., т. II, № 14, стр. 421) баснописца А. Е. Измайлова, который былъ большимъ любителемъ шашекъ: „страшитесь, любезный Н. Ѳ., страшитесь; скоро пріѣдетъ къ вамъ въ Кострому славнѣйшій петербургскій шашечный игрокъ (т. е. самъ Измайловъ), задастъ вамъ сряду дюжину игоръ и нѣсколько.... (точки въ подлинникѣ). Что? Вы вѣрно испугались"... и т. д. См. письма отъ 17 марта 1813 года изъ Спб.—См. еще стр. 260—261 настоящаго изданія.

трудно собрать четырехъ партнеровъ для современной четверной шахматной игры, то въ прежнее время это было еще труднѣе. Для древней игры съ костью это кромѣ того имѣло чисто формальный характеръ, ибо думать надъ выборомъ ходовъ приходилось мало; а такъ какъ четыре арміи изображаютъ борьбу *двухъ* союзныхъ армій противъ *двухъ* другихъ, тоже союзныхъ, то надо признать, что въ игрѣ *всегда* участвовало только *двое* игроковъ, иначе игра до насъ бы и не дошла: четыре арміи представляли только форму разстановки шашекъ для двухъ играющихъ, указывали только на внутренній ходъ игры, а вовсе не предрѣшали участія непремѣнно четырехъ играющихъ лицъ. Это соображеніе необходимо прибавить къ моему разбору теоріи Линде (ср. примѣч. 287).

Наконецъ, еще замѣчаніе мнѣ хотѣлось бы сдѣлать относительно національнаго направленія книги. У насъ въ Россіи, можно сказать, наиболѣе ругаемая и унижаемая нація есть русская. О чемъ бы ни зашла рѣчь, особенно въ *частныхъ* разговорахъ, всегда и всюду принято не только унижать и ругать русскихъ и все русское, но почти поносить ихъ. Всѣ къ этому до того привыкли, что слабыя попытки гордиться своею народностью, такъ или иначе отмѣчать ея дѣйствительное превосходство или самобытность, встрѣчаютъ всеобщее и замѣчательно дружное осужденіе или противодѣйствіе. Здѣсь не мѣсто подробно перечислять крайности въ этомъ направленіи [387]), но дѣло въ томъ, что я очень виноватъ въ національизмѣ, и провинился, конечно, больше всего въ шахматахъ. Я имѣю дерзость считать русскихъ такою націею, которая вовсе не должна

[387]) Частные разговоры, конечно, трудно поддаются обзору, но вотъ примѣры изъ общественной жизни: въ Государственной Думѣ депутатъ армянинъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ обругать русскую армію; въ русской Академіи Наукъ, въ засѣданіи, иностранецъ нѣмецъ публично высказалъ, что общимъ для всѣхъ славянъ языкомъ надо считать нѣмецкій; русскій академикъ Я. Гротъ (шведъ) въ своемъ „Русскомъ правописаніи“ (изд. 1891), явно въ насмѣшку надъ русскими, ввелъ времена въ именахъ существительныхъ, такъ что *обрусѣніе* надо писать то съ буквой ѣ (отъ обрусѣть), то съ буквой е (отъ обрусить). Бодуэнъ де-Куртене (несмотря на французскую фамилію, полякъ), редактируя 3-е изданіе словаря В. И. Даля, ввелъ въ текстъ всѣ непечатныя слова и выраженія; и т. д. безъ конца. Вотъ, напримѣръ, сегодня, когда я пишу эти строки, газета („Утро Россіи“, № 84, отъ 28, III, 1915 г., стр. 1-я) сообщаетъ: „Наша почтенная академія наукъ, занявшаяся „украиновѣдѣніемъ“, пригласила въ качествѣ редактора этого отдѣла галицкаго „ученаго“ нѣкоего г. В. Дорошенко. Подобравши для русскаго академическаго изданія соотвѣтственный (въ духѣ „австрійской оріентаціи“) матеріалъ, г. Дорошенко оказался на время войны въ „нѣтѣхъ“, о чемъ прискорбно и заявили оставшіеся на своихъ постахъ академики Шахматовъ и Залеманъ.— Но пропавшій—нашелся; по сообщенію „Прикарпатской Руси“, украинскій „ученый“ г. Дорошенко „укрылся“ въ Вѣнѣ, гдѣ принимаетъ участіе въ изданіи „Вістника вызволенья Украины“. Въ этомъ изданіи помѣщено, подписанное г. Дорошенко и другими, „воззваніе къ народамъ Европы“, изъ котораго „Нов. Вр.“ заимствуетъ слѣдующія строки: „Безъ отдѣленія малорусскихъ провинцій Россіи даже самый тяжелый разгромъ русскаго государства явился бы только слабымъ ударомъ, залечить который Россія успѣла бы въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы и дальше играть роль нарушительницы мира Европы“. „Только „самостійна Украина“,—говорится дальше въ воззваніи,—связанная съ тройственнымъ союзомъ, могла бы явиться для Европы дѣйствительно оборонительнымъ валомъ передъ Россіей“.

идти въ хвостѣ западной Европы вообще и нѣмцевъ въ частности. Отраженіе такого направленія въ шахматахъ выразилось у меня не только въ томъ, что я систематично выставлялъ на видъ нѣмецкія и иныя выходки противъ русскихъ, но и еще—horribile dictu—въ томъ, что я выступилъ и въ положительномъ смыслѣ. Въ 1893 году, когда я остался полнымъ хозяиномъ „Шахматнаго Обозрѣнія" и могъ поступать вполнѣ свободно,—я ввелъ русскій шахматный шрифтъ, соотвѣтственно русскимъ названіямъ, гдѣ ферзь изображался чалмой, ладья кораблемъ, а слонъ головою слона. Это большинству не понравилось. Разумѣется, всѣ понимали, что этотъ шрифтъ болѣе подходящъ, что Россія имѣетъ на него право,—но говорить о немъ, оспаривать его, критиковать его, означало признать его важность и серьезность. И вотъ такое сравнительно-крупное событіе въ микроскопическомъ россійскомъ шахматномъ міркѣ обойдено было полнымъ молчаніемъ, какъ попытка, совершенно не заслуживающая никакого серьезнаго вниманія. Всѣ русскіе шахматисты оказались такъ интернаціональны, что я остался совсѣмъ въ одиночествѣ. Только В. Е. Сердобинскій и Н. Н. Панкратовъ отчасти соглашались съ реформой, критикуя самыя рисунки. Дѣло было, однако, не въ формахъ фигурокъ, за полное сохраненіе которыхъ я и не сталъ бы стоять [388]), дѣло было въ *русской идеѣ*. Не удивительно, что объ этомъ молчали иностранцы; исполненные каждый самой горячей любви къ своей расѣ, они, разумѣется, прекрасно понимали, понимаютъ и сейчасъ, что нельзя пробуждать національной гордости такого обширнаго государства, какъ бы ни былъ малъ [389]) затрогиваемый ею предметъ, но удивительно было дружное молчаніе всѣхъ шахматныхъ отдѣловъ и журналовъ русскихъ. М. И. Чигоринъ, выставлявшій себя самымъ русскимъ, но въ дѣйствительности, въ шахматной дѣятельности своей, бывшій проводникомъ иностранцевъ [390]), понялъ лучше другихъ опасность укрѣпленія журнала съ такой національной идеей, обширной программой и независимыми отъ него мнѣніями и поспѣшилъ его убить [391]). „Шах-

---

[388]) Да ферзь и слонъ были взяты у Линде, а ладью создала словолитня Гербека.

[389]) Самую главную роль играетъ здѣсь, конечно, наше собственное безразличное отношеніе къ постепенному вымиранію русскихъ обычаевъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ руку иностранцамъ украшеніе домовъ молодыми березками на Троицынъ день воспрещается, но для рождественскихъ елокъ лѣса не берегутъ, хотя это обычай нѣмецкій и поддерживаетъ нѣмецкую игрушечную и картонажную торговлю. Запрещено хожденіе съ медвѣдемъ, а съ шарманками ходить можно; въ Благовѣщеніе воспрещена торговля птицами на выпускъ; шахматы, какъ игра европейская, иногда разрѣшаются въ кофейняхъ и трактирахъ, но шашки, русскія шашки, тамъ совершенно воспрещены и т. д.—Всѣ, однако, къ этому до того равнодушны, что выступать въ подобныхъ случаяхъ въ защиту старины не только было бы безцѣльно, но прямо возбуждало бы улыбки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заступаться за торговлю птицами, когда торговцы намѣренно ихъ не кормятъ, чтобы можно было немедленно поймать снова чуть не руками? Какъ возставать противъ елки, когда этотъ дѣтскій праздникъ сдѣлался всесвѣтнымъ, и одинаково принятъ и въ Англіи, и во Франціи, и въ Италіи, и въ Америкѣ? Борьба была бы нелѣпа и смѣшна.

[390]) См. „Шахм. Об." 1893 г. стр. 96.

[391]) Теперь создалось и поддерживается убѣжденіе, что М. Чигоринъ былъ громадною величиною въ шахматахъ, и что только благодаря его дѣятель-

матное Обозрѣніе“ приносило мнѣ убытокъ[392]), много работы, хлопотъ и непріятностей. Я не хотѣлъ, подобно Гофферу (Chess

ности шахматы въ Россіи такъ распространились. Нѣтъ сомнѣнія, что М. Чигоринъ и своею игрою и своею литературною дѣятельностью сдѣлалъ очень много для распространенія въ Россіи интереса къ шахматамъ, но думать, что онъ былъ главною или единственною причиною этого интереса,—это большая ошибка. Въ шахматахъ важнѣе всего тотъ интересъ, который пробуждается литературною дѣятельностью шахматистовъ, и не будь М. Чигорина вовсе, или будь его игра не выше, напримѣръ, игры Э. С. Шифферса,—игра въ шахматы въ Россіи все же достигла бы приблизительно того же развитія, какого она достигла теперь. М. К. Гоняевъ выступилъ съ переводомъ учебника Гебелера въ провинціи еще въ 1874 году, т. е. независимо совершенно отъ Чигорина, независима была дѣятельность и И. С. Шумова и С. Винавера, игравшихъ до Чигорина. Москва (во главѣ съ А. В. Соловцовымъ и Е. А. Шмидтомъ) обыграла Петроградъ (во главѣ съ М. И. Чигоринымъ и Э. С. Шифферсомъ) въ игрѣ по перепискѣ, обыгралъ его и Красноярскъ (во главѣ съ И. Т. Савенковымъ), кажется и Рига тоже выиграла. И безъ Чигорина были бы имена А. Н. Хардина, А. В. Соловцова, Д. В. Кларка, Н. П. Острогорскаго, М. С. Безкровнаго, кн. С. В. Голицына (выхлопотавшаго себѣ разрѣшеніе на изданіе шахматнаго журнала) и многихъ другихъ.—Возьмемъ самое простое соображеніе: М. И. Чигоринъ былъ не богатъ, а посвятилъ свою жизнь шахматамъ. Издай онъ при жизни хорошій учебникъ,—онъ пріобрѣлъ бы и хорошій, прочный, доходъ, и еще больше поклонниковъ,—но онъ такого учебника такъ и не собрался издать, хотя времени на составленіе его было у него достаточно; между тѣмъ при его жизни книгопродавцами было выпущено болѣе десяти переводныхъ и русскихъ изданій въ тысячахъ экземпляровъ, и все это раскупалось. Онъ началъ издавать въ 1876 г. „Шахматный Листокъ“ и жаловался потомъ на ничтожное количество подписчиковъ. Ему предлагали субсидію, но съ условіемъ: уплачивать ее по частямъ, по мѣрѣ выпуска №№ „Листка“,—онъ не могъ этого условія выполнить и, конечно, субсидія была прекращена; такъ онъ и не создалъ прочнаго журнала. Если бы онъ стремился не только къ славѣ перваго игрока, но и къ распространенію шахматъ, конечно, онъ велъ бы дѣло не такъ.

[392]) Въ общемъ, такъ какъ въ 1894 году мнѣ пришлось отвѣчать и за всѣ прежніе долги „Шахматнаго Обозрѣнія“, сдѣланные не мною, я потерялъ около полуторы тысячи рублей. Конечно, я вернуть ихъ не расчитывалъ, но при гарантіи числа подписчиковъ и сотрудничествѣ П. Боброва и еще пяти-шести человѣкъ, очень мнѣ сочувствовавшихъ, я могъ основать дѣйствительно прочный журналъ. П. Бобровъ вѣрилъ въ осуществимость этого, почему впослѣдствіи и взялся за изданіе, но одному ему оно было не подъ силу. У меня хранится письмо П. Боброва, который обращался ко мнѣ за поддержкой „Шахм. Обозр.“ въ 1910 году, но я на это письмо не отвѣчалъ, такъ какъ журналъ былъ уже не тѣмъ, чѣмъ въ 1891—1893 гг. —П. П. Бобровъ воспитывался въ Лицеѣ имени Цесаревича Николая и при первомъ знакомствѣ казался крайнимъ консерваторомъ-націоналистомъ, но потомъ выяснилось, что онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и съ одинаковою охотою работалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Русскомъ Курьерѣ“, въ „Новостяхъ Дня“ („Семья“) и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. На словахъ онъ продолжалъ, однако, быть катковцемъ, но въ 1905 году вдругъ рѣзко измѣнилъ свои убѣжденія и сдѣлался предсѣдателемъ забастовочнаго комитета въ московской Сберегательной Кассѣ, почему оттуда и долженъ былъ выйти. Впрочемъ, на это взглянули не очень строго, и вскорѣ же онъ опять поступилъ въ Сберегательную кассу, въ Петроградѣ, гдѣ, однако, не могъ удержаться, ибо сталъ воображать себя серьезнымъ политическимъ дѣятелемъ. Когда онъ умеръ (10 дек. 1911 г.), „Русскія Вѣдомости“ въ своей хроникѣ помѣстили его некрологъ, невѣрно сообщивъ, что онъ скончался 55 лѣтъ, ему не было и 50 (род. въ 1862 г.). При началѣ „Шахм. Обозр.“ я полагалъ, что мы съ нимъ болѣе или менѣе сойдемся во взглядахъ, но это было не такъ, и обнаружилось съ 1-го же номера „Шашечницы“, гдѣ онъ помѣстилъ свой длинный разсказъ, совершенно испорченный плохой шахматной партіей; разсказъ, впрочемъ, пріобрѣлъ интересъ теперь, ибо заключаетъ въ себѣ автобіографическія черты: П. П. Бобровъ оказался также мелочно мстителенъ, какъ и Фатьяновъ.

Кстати упомяну здѣсь и о своемъ „Шахматномъ Обозрѣніи“ 1893 г., къ

Monthly), терпѣть убытки десятки лѣтъ и предложилъ любителямъ обезпечить мнѣ четыреста подписчиковъ. М. И. Чигоринъ (которому это было, конечно, извѣстно) вошелъ тогда въ соглашеніе съ А. С. Суворинымъ и подъ именемъ его изданія, началъ выпускать двухнедѣльный журналъ „Шахматы". Такъ какъ я сдержалъ слово и, не получивъ поддержки, не сталъ продолжать изданія, то и М. Чигоринъ, добившись своего, прекратилъ *вскорѣ же* свое изданіе [393]), а подписчики, какъ и въ большинствѣ его изданій (да, кажется, и всѣхъ другихъ шахматныхъ изданій того времени, кромѣ моего „Шахматнаго Обозрѣнія" 1891—1893 г. и „Шахматнаго Листка" В. М. Михайлова), потеряли свои подписныя деньги [394]).

Такъ попытка съ новымъ шрифтомъ и не удалась. Было бы, конечно, ошибкой придавать этому очень серьезное значеніе. Инертность массы такъ велика, привычки ея такъ устойчивы, что нужны особыя условія для такихъ перемѣнъ. Если бы реформа, подобная предложенной мною для русскихъ шахматныхъ изданій, была бы предпринята у какой нибудь маленькой и угнетенной народности, въ родѣ, напримѣръ, чеховъ или сербовъ, то она вѣроятно, привлекла бы къ себѣ вниманіе, а можетъ быть даже

которому я не издалъ оглавленія; нѣтъ сомнѣнія, что это недостатокъ, который слѣдовало позднѣе исправить. Но крупный убытокъ отъ издательства съ одной стороны, съ другой—мысль, что Чигоринское изданіе просуществуетъ недолго, и что „Шахматное Обозрѣніе" возобновится, побуждали меня не спѣшить, а затѣмъ, когда подписчики отчасти были вознаграждены даровою разсылкою имъ „Московскаго Шахматнаго Альманаха", и когда спустя много времени стало совершенно ясно для меня, что *независимый* шахматный журналъ въ Россіи едва ли даже возможенъ, не стало охоты и приниматься за трудъ. Но П. П. Бобровъ былъ совершенно не правъ въ своемъ отвѣтѣ Г. Г. Сундукіанцу („Шахм. Обозр." 1901 г., №№ 32—35, стр. 194). А съ 1901 года я уже и не могъ бы издать дополнительнаго номера, не входя въ соглашеніе съ новымъ собственникомъ „Шахм. Об.". Намекъ на мою неработоспособность есть и въ полемикѣ противъ меня по поводу устава „Шахм. Об." 1903 г., № 60—61, стр. 263).—Какимъ П. Бобровъ былъ въ № 1 „Шашечницы", такимъ онъ остался и позднѣе.—Послѣ полнаго крушенія своихъ надеждъ съ общелитературнымъ журналомъ, онъ принялся за изданіе „Шахматнаго Обозрѣнія" единолично. Я уклонился даже отъ сотрудничества. Для меня въ то время была уже очевидна безнадежность этой попытки, такъ какъ въ 1894 году вполнѣ выяснилось, что шахматный журналъ для большой публики въ Россіи совсѣмъ не нуженъ, а главари поддерживаютъ спортивные интересы лишь по стольку, по скольку они служатъ ихъ собственнымъ и не задѣваютъ ихъ самолюбія. П. П. Бобровъ повелъ свое изданіе съ 1901 года въ такомъ тонѣ, будто и первый періодъ изданія всецѣло принадлежалъ ему одному. Это не вѣрно, и подписчики 1904 и 1910 гг., а особенно участники его турнировъ по перепискѣ, согласятся, надо думать, со мною.

[393]) Вышло, кажется, всего 12 №№, первый отъ 15 Января 1894 г., послѣдній отъ 1 іюля 1894 г. Выпуски (безъ обложекъ) подписывались: „Редакторъ М. И. Өедоровъ, Издатель А. С. Суворинъ", но подписчикамъ денегъ не возвращали.

[394]) П. Бобровъ, возобновляя „Шахматное Обозрѣніе", конечно, понималъ, что та среда, въ которой онъ сталъ вращаться и отъ которой вскорѣ же сталъ зависѣть и матеріально, враждебна національизму и предпочтетъ англійскій шрифтъ, но во всякомъ случаѣ моей попытки можно было и не обходить полнымъ молчаніемъ. Ругать ее, однако, видимо было не совсѣмъ удобно. Самъ онъ противъ шрифта ничего не имѣлъ и научился очень искусно рисовать на діаграммахъ новыя фигуры. Къ слову замѣчу, что итальянцы имѣютъ особый рисунокъ для своего слона, французы также изображаютъ его по своему—шутомъ. Рисунки ихъ можно видѣть на стр. 139, 204 и 286.

укрѣпилась бы. Не то въ Россіи, гдѣ очень мало дорожатъ народными обычаями и симпатіями и совершенно не боятся западно-европейскаго вліянія [395]).

И вотъ мнѣ думается, что и теперь моя книга, въ которой показывается совершенно ясно древняя культурность русскихъ, или русскихъ-славянъ, за это именно,—за смѣлость считать русскихъ не ниже, а даже выше сосѣднихъ народовъ, особенно нѣмцевъ,—можетъ понести большой бойкотъ. Всѣ россійскіе инородцы, которыхъ такъ прочно соединяетъ воедино ихъ зависть и непріязнь [396]) къ Россіи, постараются не разругать книгу (это бы ничего, ибо всякая, даже придирчивая критика полезна), а просто замолчать ее, какъ не заслуживающую никакого вниманія. Надежда только на войну. Она пробуждаетъ русское національное самосознаніе и,

---

[395]) Лучшимъ подтвержденіемъ этого объясненія могутъ служить наши игральныя карты, рисунки коихъ заимствованы изъ Западной Европы. Уже много лѣтъ тому назадъ наша карточная монополія изготовила фигуры въ русскомъ національномъ стилѣ, по рисункамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Колоды картъ въ этомъ стилѣ отпечатаны и продаются во всѣхъ складахъ, но публика и мелкіе торговцы почти ихъ не покупаютъ, и, вѣроятно, попытка эта останется такою же безплодною, какъ и моя. Разумѣется, меня это утѣшаетъ.—И. Т. Савенковъ въ статьѣ своей (105) соглашается, что „всѣ названія и изображенія шахматныхъ фигуръ возможно дѣлать въ одномъ стилѣ. Если же возстановить названіе *царя*, то шапка его и шлемъ *ферзя* (воеводы) должны быть въ изображеніяхъ стилизируемы также въ одномъ самомъ древнемъ стилѣ княжескаго періода X вѣка"; о попыткѣ моей создать новый шрифтъ онъ умалчиваетъ, какъ будто ея и не было.—См. еще въ Указателѣ „карты".

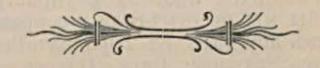
[396]) Разумѣется, не надо словъ этихъ толковать какъ нѣчто возбуждающее противъ инородцевъ; это было бы искаженіемъ моей мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что для того, чтобы не усиливать этой непріязни, можно и должно щадить ихъ самолюбіе и иногда зависимое положеніе, но противодѣйствіе ихъ воинственному національзму, ихъ неуклонному и систематичному стремленію унижать все русское, должно быть тверже. Почему, напримѣръ, нѣкоторые русскіе шахматные журналы и отдѣлы печатаютъ фамиліи игроковъ и авторовъ проблемъ не только по русски, но и по нѣмецки? Зачѣмъ многія иностранныя фамиліи помѣщаются латинскимъ шрифтомъ безъ русской транскрипціи? Возразятъ, что редакторы и сами иногда не умѣютъ прочесть ихъ, но вѣдь еще меньше съумѣетъ прочесть ихъ русскій читатель, особенно въ провинціи! А въ западной Европѣ думаютъ, и эта мысль тамъ все больше укрѣпляется, что мы сами не уважаемъ своего языка, и что наша азбука плоха и не можетъ выражать всѣхъ звуковъ. Или почему такое положеніе вещей, которое указывалъ И. Т. Савенковъ (стр. 98): „Очеркъ византійскому заимствованію, съ перечнемъ охранительныхъ мѣръ, принимавшихся противу распространенія шахматной игры, былъ бы не полонъ, если бы мы не отмѣтили и современные отголоски былыхъ усиленныхъ гоненій противъ шахматъ. Въ городахъ Россіи, съ преобладающимъ иновѣрческимъ населеніемъ, каковы: Рига, Одесса, Варшава и др., игра въ шахматы разрѣшается и въ ресторанахъ, и въ кофейняхъ, и въ кондитерскихъ. Но православное населеніе городовъ центральной Россіи усиленно охраняется отъ распространенія этой игры; даже въ столицахъ полиція не разрѣшаетъ шахматной игры ни въ кофейняхъ, ни въ кондитерскихъ, ни въ ресторанахъ, несмотря на многочисленныя ходатайства („Шахм. Об." 1901 г., №№ 36—37, стр. 256). Можетъ быть это мѣропріятіе объясняется не церковными, а чисто полицейскими соображеніями".—Послѣднія, конечно должны быть приняты во вниманіе, тѣмъ болѣе, что относятся не только къ шахматамъ, но и къ прочимъ играмъ, особенно картамъ; суть дѣла въ томъ, что при игрѣ на деньги особенно у простонародья, часто происходятъ споры, скандалы и даже драки и съ этимъ необходимо считаться. Но все же русскіе города могли бы быть поставлены наравнѣ съ окраинными; и шахматы, и шашки спортъ безвредный, да у полиціи всегда остается право взять обратно разрѣшеніе у того или иного торговца.

быть можетъ, мы начнемъ, наконецъ, гордиться своею расою, давшею такъ много и въ наукахъ, и въ литературѣ, и въ цивилизаціи, и въ искусствахъ, и въ военномъ дѣлѣ, и даже въ шахматахъ. Извѣстно, что на послѣднемъ международномъ турнирѣ въ Петроградѣ въ 1913—1914 гг. въ состязаніи съ такими корифеями игры, какъ Э. Ласкеръ и Капабланка, взявшихъ два первыхъ приза,—третій призъ взялъ русскій, а въ международныхъ состязаніяхъ 1914 г. въ Мангеймѣ, въ Германіи, которые изъ-за войны не окончились, первые призы въ трехъ турнирахъ должны были получить также русскіе. Россія же дала и такихъ проблемистовъ, какъ А. В. Галицкій и бр. Платовы. Ранѣе были у насъ имена А. Д. Петрова, К. А. Яниша, кн. С. С. Урусова, И. С. Шумова и не мало другихъ.

Что же касается до знанія и развитія игры въ шашки, то западно-европейская разработка игры не можетъ и сравниваться съ русской. Такъ называемыя „польскія шашки" по правиламъ очень близки къ русской игрѣ, а по обширности своей стоклѣточной доски даютъ богатый матеріалъ для созданія задачъ, этюдовъ и окончаній игръ; но проблемы французскихъ любителей—лишь дѣтскія попытки по сравненію съ успѣхами русскихъ. Тамъ нѣтъ ничего похожаго на произведенія Н. Н. Панкратова, А. И. Шошина, И. А. Карякина и многихъ другихъ русскихъ любителей; нѣтъ тамъ и партій интересныхъ, ровно какъ и анализовъ [397]).

Раздумывая о возможности печальной участи для моей книги, я рѣшилъ заинтересовать любителей игръ обширнымъ приложеніемъ: собраніемъ правилъ тѣхъ игръ, которыя упоминаются въ моемъ изслѣдованіи. Это, помимо спортивнаго значенія,—ибо сейчасъ даже нѣтъ отдѣльнаго устава игры въ русскія шашки,—дастъ моему сочиненію ту ясность и полноту, которыя удовлетворятъ и *читателей, незнакомыхъ съ самими играми*. Теперь все непонятное могутъ они узнать изъ приложеній. Опубликованіе правилъ древней персидской игры Нэрдъ имѣетъ кромѣ того и самостоятельное значеніе, ибо правилъ этихъ нельзя найти нигдѣ въ литературѣ, а между тѣмъ эта интересная игра начинаетъ уже исчезать.

Москва.
Іюнь 1915 г.

---

[397]) Дабы не показаться голословнымъ приведу примѣръ: во многихъ французскихъ шашечныхъ учебникахъ приводится окончаніе игры Блонда, гдѣ у черныхъ одна дамка на большой дорогѣ и двѣ простыхъ на 36 и 45 (соотвѣтственно нашей нотаціи на а3 и к2), при чемъ у бѣлыхъ четыре дамки; между тѣмъ бѣлые выиграютъ и съ простою на і1, но конечно это не совсѣмъ просто. *Положеніе:* Бѣл. д. 47, 49, 44. пр. 50;—черн. д. 19, пр. 36 и 45. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ (1=b10, 6=a9 и т. д.). Тогда: 1) 47—38!, 19—37!; 2) 38—33!, 37—5!; 3) 33—29!, 5—46; 4) 44—39, 46—5; 5) 39—33, 5—46; 6) 33—44, 46—5; 7) 29—33! и черные не имѣютъ хода; если 36—41 или 5—10, то 8) 44—40 и 9) 33—39, а если 7).... 5—46, то 8) 49—32.

I.

Такъ называемыя аналитическія способности ума... мы знаемъ только по ихъ проявленіямъ. Въ числѣ доказанныхъ теоремъ находится и та, которая говоритъ, что обладаніе ими болѣе чѣмъ въ обыкновенной степени всегда является источникомъ живѣйшихъ удовольствій. Какъ сильный человѣкъ радуется во время мускульныхъ упражненій, такъ аналитикъ ищетъ умственныхъ наслажденій, предаваясь дѣятельности разслѣдованія. Онъ охотно прилагаетъ свои способности даже къ самымъ незавиднымъ случаямъ... ко всякимъ энигмамъ, ребусамъ, гіероглифамъ.

Эдгаръ Поэ.

Первый вопросъ, когда заходитъ рѣчь объ исторіи какой-либо игры, это обыкновенно вопросъ о томъ, кто ее изобрѣлъ, какъ звали этого человѣка, когда онъ жилъ. Вопросъ очень интересенъ, но прежде, чѣмъ его рѣшать, спрашивающимъ надо бы задаться другимъ вопросомъ, а именно, въ правѣ-ли они думать, что игру кто либо изобрѣлъ сразу и при томъ единолично? Не трудно видѣть, что утвердительные отвѣты будутъ предвзятыми мыслями, не основанными ни на какихъ сколько-нибудь серьезныхъ данныхъ. Подробныя доказательства этого послѣдняго положенія потребовали бы, однако, многихъ и многихъ страницъ, ибо съ формальной точки зрѣнія, изъ коей исходитъ въ своихъ сужденіяхъ большинство, конечно, можно утверждать, что такое единоличное изобрѣтеніе вполнѣ допустимо [1]), а извѣстно какъ не легко

[1]) См., напр., „Отечеств. Записки" 1853 г., т. 89, іюль, отд. VII, ст. А. Стойковича „Шахматы", изъ которой узнаемъ, что извѣстный оріенталистъ Вильямъ Жонесъ, или какъ теперь его называютъ Джонсъ (W. Jones; вѣроятно въ статьѣ On the Indian Game of Chess. Asiatic. Researches. II. Calcutta. 1790) полагалъ, что законы шахматной игры созданы всѣ вдругъ „величественнымъ соображеніемъ"!! И подобное мнѣніе не отдѣльная единичная случайность; нѣтъ! Вопросъ объ имени изобрѣтателя крѣпко запалъ въ головы многихъ. Нельзя было бы даже предположить, что этнографъ и антропологъ нашего времени будетъ говорить о немъ хотя бы вскользь, но дѣйствительность показываетъ иное. Извѣстный Э. Б. Тейлоръ утверждаетъ, напр., о шахматахъ, что „какой-то индусъ, имя котораго утрачено, усѣлся за древнюю шашечницу съ шашками

опровергать формальныя предположенія. Въ виду этого, здѣсь можно ограничиться лишь нѣкоторыми пояснительными замѣчаніями, которыя съ достаточною полнотою могутъ освѣтить вопросъ. Упомянемъ лишь кстати, что и въ другихъ вопросахъ относительно игръ, нерѣдко встрѣчаются такія же апріорныя предположенія, идущія въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, ни на чемъ не основанныя, между тѣмъ принимаемыя съ довѣріемъ. Важнѣйшія изъ нихъ мы укажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Имена авторовъ большинства игръ теряются безслѣдно, не только въ томъ случаѣ, когда время появленія игръ отодвигается въ далекое прошлое, но даже и тогда, когда новая игра, или замѣтная ея варіація, появляется на нашихъ глазахъ; теряется даже въ томъ случаѣ, когда можно почти навѣрно утверждать, что данное видоизмѣненіе было измышленіемъ одного лица.

Разумѣется, всецѣло эти положенія относятся лишь къ играмъ наиболѣе распространеннымъ, которыя приняты извѣстнымъ народомъ, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ его обширнѣйшихъ классовъ, какъ вполнѣ установившаяся, удовлетворительная и пріятная забава; но замѣчательно, что то же явленіе наблюдается, хотя въ меньшей, конечно, степени, и въ играхъ, не имѣющихъ живучести.

Такъ, съ одной стороны, не только неизвѣстенъ изобрѣтатель игральныхъ картъ, имѣющихъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ существованія въ Европѣ [2]), но не извѣстны и авторы карточной

и выработалъ изъ нихъ военную игру"!! (См. Антропологія. Пер. съ англ. Ивина. Изд. 1882 г., стр. 307). Апріорныя предположенія, впрочемъ, такъ распространены, что о ложности, или по меньшей мѣрѣ сомнительности, ихъ большею частію не возникаетъ даже никакихъ вопросовъ. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитую теорію Дарвина о происхожденіи видовъ. Она исходитъ изъ того предположенія, признаваемаго пока всѣми, что земля совершенно изолирована и не только находится, но и всегда находилась, въ смыслѣ возникновенія на ней и развитія жизненныхъ организмовъ внѣ всякой зависимости отъ другихъ планетъ и сообщенія съ ними. Не трудно, однако, усомниться въ этомъ, а тогда можетъ возникнуть совершенно другая теорія, по коей у Дарвина все окажется ложнымъ.

[2]) Въ „Нови" 1886 г., т. IX, № 12, стр. 357—370 и т. X, № 13, стр. 1—8, есть небезъинтересная статья Вл. Р. Зотова „Исторія карточной игры", со снимками 33 картъ изъ древнѣйшихъ колодъ. Въ I главѣ говорится о шахматахъ и древнѣйшихъ шашечныхъ играхъ. Такая же статья В. О. Михневича была въ №№ 1, 2 и 3 „Историческаго Вѣстника" (см. „Шахматн. Обозр." 1901 г., стр. 62). У Сенковскаго въ пов. „Микерія, Нильская лилія" (т. VI, 1859 г., стр. 171—271) есть снимки древне-египетскихъ украшеній, составленныя изъ мастей нашихъ картъ; у него же т. I, стр. 478-498, вся статья посвящена картамъ. Въ „Радугѣ" (1886 г., № 29, Салонъ, стр. 1—2) была незначительная статейка о картахъ (Ср. „Шахм. Вѣстн.", 1886 г., который въ полемикѣ приписалъ эту статью шахматному отдѣлу „Радуги"). См. также: „Историческіе отрывки о картахъ, изобрѣтённыхъ для разнородныхъ игръ". Собраны Алексѣемъ Симон. Андрѣевымъ. Спб. Въ Воен. тип. 1858, 8 д. л. 24 стр. (изъ № 109 „Русск. Инвалида" 1858 г.).—Историческія и философическія изслѣдованія о картахъ. „Живоп. Обозрѣніе", издан. Авг. Семена, т. I, 1838 г., стр. 277 и 300.—*Игральныя карты* „Журналъ для дѣтей" 1859 г.,

игры „винтъ", появившейся въ послѣдней четверти XIX столѣтія и такъ быстро распространившейся на нашихъ глазахъ [3]).

№ 2, стр. 22—32 и № 3, стр. 33—39. Вообще, въ русской литературѣ о картахъ писано очень мало, и очень немногое заслуживаетъ вниманія. Карты интересовали историковъ, потому что въ изготовленіи ихъ видѣли начало книгопечатанія; несмотря на это, и въ иностранной литературѣ относительно картъ, кажется, нѣтъ солидныхъ изслѣдованій. Не установлена сколько нибудь точно даже эпоха ихъ появленія въ Европѣ. Извѣстно только, что въ Китаѣ очень давно уже, т. е. гораздо ранѣе, чѣмъ въ Европѣ, существовали если не карты въ нашемъ смыслѣ, то игральныя дощечки (деревянныя и слоновой кости) съ нарисованными на нихъ разными фигурами. Затѣмъ, относительно Европы нѣкоторые словари говорятъ, что первое документальное извѣстіе о картахъ имѣется въ записяхъ казначея Карла VI, короля Франціи, отъ 1392 года, другіе же сообщаютъ, что карты введены въ Германіи съ 1388 года въ Нюрнбергѣ и съ 1397 года въ Ульмѣ. Есть свидѣтельство, относящееся къ 1367 году.— До какой степени мало интересуютъ ученыхъ игры, и до чего небрежно относятся они къ выводамъ объ этой важной сторонѣ быта, можно видѣть, напримѣръ, на словарѣ товарищества „Просвѣщеніе" (Большая Энциклопедія, подъ редакціею С. Н. Южакова 1904—1905, 20 томовъ), который считается очень хорошимъ (русская переработка нѣмецкаго Conversations lexicon Meyer'а). Здѣсь указывается, что запись французскаго казначея отъ 1392 года (гдѣ помѣчена уплата денегъ живописцу Жакмену Гренгоферу за три колоды картъ, расписанныхъ золотомъ и красками) свидѣтельствуетъ, что „карты не могли быть изобрѣтены для забавы душевно-больного Карла VII", между тѣмъ, Карлъ VII не былъ душевно-больнымъ и носитъ прозваніе Побѣдоноснаго, а Карлъ VI, казначей котораго записывалъ уплату, извѣстенъ подъ прозвищами Безумнаго или Слабоумнаго, и такимъ образомъ легенда опирается на истинный фактъ.

Древнѣйшія европейскія карты теперь собираются въ коллекціи, изъ коихъ важнѣйшія описаны.

Въ какомъ-то журналѣ пришлось мнѣ прочесть (со ссылкою на книгу д-ра Шрадера „Происхожденіе и исторія игральныхъ картъ"), что 52 карты колоды соотвѣтствуютъ числу недѣль въ году, масти—четыремъ временамъ года, каждое изъ коихъ состоитъ изъ 13 недѣль, число очковъ въ масти, считая фигуры за 11, 12 и 13, даетъ 91—число дней одной четверти года, а сумма очковъ всей колоды 364 изображаетъ число дней въ году безъ одного.

[3]) Сперва игра эта называлась „Сибирскій ералашъ съ винтомъ", что указываетъ на первоначальное появленіе ея въ Сибири. (Первое кажется, отдѣльное изданіе разсчетовъ по ней было отпечатано въ Екатеринбургѣ: Правила игры въ вистъ съ винтомъ. Екатеринбургъ. Типографія И. П. Романова. 1878. Цѣна 15 коп. Печ. дозв. Полицеймейстеръ Н. Азаровъ. 24 д. л. 8 стр., на альбомной цвѣтной бумагѣ. Изданіе это, сколько мнѣ извѣстно, не вошло въ оффиціальные цензурные перечни русскихъ изданій. Въ немъ нѣтъ никакихъ правилъ и никакихъ объясненій игры, а помѣщены только цифры разсчетовъ).— Во „Всемірн. Илл." 1879 г., № 540 и 544 есть статья „Винтовка" (винтъ съ новымъ счетомъ). Окончаніе было напечатано въ шахматн. отдѣлѣ. Судя по этому и по множеству стиховъ въ ней, я думаю, что она принадлежитъ перу И. С. Шумова, который завѣдывалъ шахматнымъ отдѣломъ „Всем. Илл." съ 1870 г. по день своей смерти.

Съ другой стороны, мы не знаемъ авторовъ многихъ неудачныхъ видоизмѣненій шахматъ и шашекъ, видоизмѣненій, которыя не привились, несмотря на сравнительную давность ихъ печатнаго предложенія. Казалось бы, что здѣсь,—какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ,—авторъ могъ бы позаботиться о своемъ имени, тѣмъ болѣе, что тутъ онъ, дѣйствительно, составлялъ новую комбинацію единолично; но даже и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, мы должны удовольствоваться только именемъ издателя правилъ, или иниціалами автора, какъ, напримѣръ, въ игрѣ „Осада Плевны“ [4]) и т. п.

---

[4]) „Осада Плевны“, новая игра (для взрослыхъ). Изд. Упр. О-ва Краснаго Креста. Одесса. Русск. типогр. Р. Бейленсонъ (Исаковича) 1877. Ц. 1 р. 60 коп. Во время турецкой войны 1877-78 гг. вышла еще книжка: „Гуляй русская шашка по турецкой шашечницѣ“. М. 1878. Тип. В. Я. Барбей. 4 д. л. 7+1 (непомѣч.) стр. +4 стр. рисунковъ. Ц. 25 коп. 9600 экз. (Указат. по дѣламъ печати за 1878 г., № 3361). Несмотря на усиленные поиски, не могъ я достать этой брошюрки.—Въ каталогѣ книгопр. Смирдина (Спб. 1858) стр. 106: „Осада крѣпости. Игра съ планомъ, 53 костяными фигурами и описаніемъ. Игра эта въ родѣ шахматной и шашечной, но она легче первой и труднѣе второй“.—„Взятіе крѣпости“ описываетъ „Всеміри. Иллюстр.“ 1887 г., № 970, стр. 147, давая двѣ доски.—Эта же игра была однажды описана въ „Нивѣ“; доска для нея была отпечатана на особомъ листѣ и приложена вмѣстѣ съ модами и выкройками. „Книжный Вѣстникъ“ 1867 г., № 7: „Волки и овцы“. Новѣйшая игра для дѣтей. Москва. 1867. Тип. П. А. Глушкова.—Маленькіе волтижеры. Новѣйшая занимательная игра для дѣтей. М. 1867. Текстъ, три стр., въ тип. А. Глушкова, обложка съ чертеж. въ тип. А. Шамина...—Срав. „Новая карточная игра Винтъ-Буланже изъ пяти мастей, для пяти игроковъ одновременно“. Составилъ П. В. В. Петербургъ. 1889.—Одно время (см. „Библіографъ“ 1885 г., № 6, стр. 142—: „Е. М. Величко. Картъ-бланшъ (carte-blanche). Новая карточная игра“. Спб. 1885. 16 д. л. 32 стр. 6.000 экз. Ц. 50 коп.) въ Петербургѣ распространилась варіяція винта съ прикупкою, гдѣ въ колодѣ было не 52, а 53 карты. Прибавочная карта, съ одинаковою сорочкою, съ лица была совершенно бѣлою, безъ очковъ и какого бы то ни было рисунка; она побивала всѣ карты, т. е. и козырныя, при чемъ употреблялась въ дѣло по желанію владѣльца. Игра эта такъ заинтересовала собой нѣкоторыхъ, что успѣла проникнуть и въ Москву. Въ газетахъ появлялись письма съ цѣлью побудить Воспитательный Домъ распорядиться выпускать колоды съ этою бѣлою картою. Не смотря на то, что исполненіе просьбы для типографіи не составляло никакихъ трудовъ, просьбы не были услышаны, приготовлять же постоянно самимъ играющимъ такую карту изъ старыхъ колодъ, путемъ подчистки или заклейки ненужнаго рисунка, было неудобно при игрѣ на деньги, а въ клубахъ и не допускалось старшинами. Такъ игра эта и заглохла. Быть можетъ при иныхъ условіяхъ эта варіяція могла бы удержаться и повести къ созданію новыхъ игръ. Это любопытный случай изъ сферы воздѣйствія монополій (въ другихъ государствахъ Европы карты также составляютъ регаліи). Принято думать, что нигдѣ человѣкъ такъ не свободенъ, какъ въ созданіи новыхъ игръ, но наше время указываетъ поправку: дѣйствія данной монополіи могутъ оказывать задерживающее вліяніе. Будь эта же монополія на откупѣ, въ частныхъ рукахъ, конечно, желаніе новаторовъ было бы исполнено, ибо это совпадало бы съ интересами откупщиковъ, но

Причиною такого явленія служитъ не то обстоятельство, что вопросъ объ имени изобрѣтателя является уже послѣ широкаго распространенія игры, а нѣчто иное. Дѣло въ томъ, что изобрѣсти новую игру (вѣрнѣе, новый пріемъ или принципъ игры), такъ же трудно, какъ, напримѣръ, сочинить хорошую сказку, придумать занимательную игрушку [5]), или новое кушанье, и вотъ сколько-

бюрократія и здѣсь обнаружила свое безцѣльное и тупое воздѣйствіе.—Еще раньше изъ заграницы распространилась полушашечная „игра въ пятнадцать“, которая состояла въ томъ, что пятнадцать четыреугольныхъ шашекъ помѣщались въ квадратной коробкѣ, размѣромъ для 16 шашекъ. Шашки, помѣченныя цифрами отъ 1 до 15, вкладывались въ произвольномъ порядкѣ и затѣмъ должны были передвиженіемъ шашекъ (по одной на пустое мѣсто) быть приведены въ порядокъ, начиная съ 1 и кончая 15. Изобрѣтатель не безпокоился о своемъ авторствѣ, хотя игра сильно распространилась, и продажа шла ходко. Впослѣдствіи оказалось, что эта шашечная задача не рѣшалась въ томъ видѣ, какъ была устроена игра, т. е. съ четыреугольными шашками и арабскими цифрами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при этомъ, достичь цѣли было нельзя, сохраняя направленіе цифръ къ себѣ. (Подробныя доказательства этого приведены были въ игровомъ отдѣлѣ „Всеміри. Илл.“ того времени, когда шахматами завѣдывалъ тамъ А. П. Шишкинъ; въ худшемъ изложеніи рѣшеніе этой задачи было выпущено отдѣльною брошюркой: „Рѣшеніе задачи игры въ пятнадцать“. АК. С.-Петербургъ. Скоропеч. зав. Б. Неймана 32 д. л. Дозволено цензурою 5-го Мая 1880 г. Спб.).—Достичь рѣшенія можно было, лишь расположивъ шашки такъ, чтобы цифры передъ рѣшающимъ лежали бокомъ. Игра могла быть спасена означеніемъ нумераціи шашекъ не цифрами, а точками или очками, какъ на игральныхъ костяхъ; однако, этого сдѣлать не догадались, а лишь вмѣсто квадратныхъ шашекъ выпустили ихъ круглыми, такъ что недостатокъ все-же былъ замѣтенъ. Впрочемъ и нумерація очками не спасла бы игры-пасьянса, ибо она уже стала надоѣдать и вскорѣ вышла изъ моды.

[5]) Въ „Наукѣ и Жизни“ за 1890 г., № 28, встрѣтилъ я любопытное заглавіе: „Систематическій указатель игрушекъ, занятій и игръ“. Составилъ П. А. Литвинскій. Спб. 1890.—Дѣтскими играми занимался извѣстный въ свое время д-ръ Е. А. Покровскій. Онъ сумѣлъ составить себѣ репутацію хорошаго доктора, хотя былъ бездарнымъ человѣкомъ. Подъ конецъ жизни выступилъ онъ въ качествѣ ученаго. Работы его по играмъ—это наскоро и кое-какъ собранный сырой матеріалъ. Онъ даже не коснулся библіографіи по играмъ. Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ онъ съ полною силою открывалъ степень своей наивности. Такъ, про игры, неразлучныя съ тѣлесными движеніями, онъ пишетъ, что игры эти имѣютъ цѣлью развитіе мускуловъ тѣла! Такимъ образомъ слѣдствіе принимается за цѣль. См. „Значеніе дѣтскихъ игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья“. Д-ръ Е. А. Покровскій. М. 1884. 24 стр. 16 д. л. Ц. 20 коп.—Дѣтскія игры, преимущественно русскія. Въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигіеной. Е. А. Покровскій. Съ 105 рис. М. 1887 г., 8 д. л. VI+368 стр. Ц. 2 руб. Это совершенно необработанные сырые матеріалы, собранные, какъ говорилъ мнѣ самъ Ег. Арс., черезъ народныхъ учителей, при посредствѣ попечителей учебн. округовъ (особенно на Кавказѣ).—Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскій. Три тома. М. 1884. 4 д. л. Здѣсь есть глава объ играхъ.—См. еще: Дѣтскія игры и занятія. Ф. Реми. Одесса. 1872. Ц. 1 р. 80 к.—

нибудь добросовѣстные и разумные изобрѣтатели новыхъ, или, быть можетъ, точнѣе, новаторы въ старыхъ играхъ, по большей

Галлеръ. Свойства забавъ и увеселеній человѣческихъ. Спб. 1781. (Шибановъ, XXV, № 71).—„Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности", изд. В. Полякова. Спб. 1840. Ч. III, науки, стр. 80—94: Мысли о неосновательности нѣкоторыхъ понятій, относящихся къ общежитію и, преимущественно, къ играмъ и лотереямъ. Соч. академика В. Я. Буняковскаго.—Есть очень много статей объ играхъ въ дѣтскихъ журналахъ и въ педагогическихъ приложеніяхъ къ нимъ. Большинство ихъ не имѣетъ никакой цѣны („Учитель" 1861; ibid 1863; Катал. библіот. Макалинской № 2273; „Журналъ для воспитанія" 1858 и т. д.).

Кромѣ того есть много изданій, описывающихъ различныя мѣстныя въ Россіи игры, преимущественно въ связи съ плясками, пѣснями, повѣрьями, гаданьями, загадками, пословицами, поговорками и т. п. Напримѣръ, А. Харитоновъ (Архангельск. губ.) „Отеч. Записки" 1848 г., т. 58.—Мухлинскій (Литовско-Гродненск. губ.), пер. съ польск. (Шибановъ XIV, 318).—В. Романовичъ (Литва), пер. съ польск. (Шибан., IX, 254 и XIX 288). — Бебуръ В*. (Грузія). Тифлисъ. 1887 г.—Н. Закревскій. Старосвѣтскій бандуриста. М. 1861.— А. Можаровскій (Казанск. губ.). Казань. 1873. — Д. Садовниковъ (Русск. народа). Спб. 1875.—М. Апаковъ (Казанск. губ.). Казань. 1877. — С. Ф—въ. Святки. М. 1878.—Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Спб. 1885. (перепечатка перваго изданія).—Бѣлорусскій сборникъ т. I. Витебскъ. 1887. — Эрленвейнъ (Тульск. губ.). М. 1883.—П. Пр—скій, „Современникъ" 1864 г., № 10 и 1865 г., № 2.—Перечень книгъ и статей по всѣмъ вообще играмъ, равно какъ и разработка содержанія ихъ, представляетъ богатую и интересную тему. Извѣстный Лейбницъ (1646—1716) написалъ статью объ играхъ Annotatio de quibusdam Ludis (Miscellanea Berolinensia... ex scriptis Societati Regiae Scientiarum ex hibitis edita, Berlin. 1710, pp. 22—26), въ которой между прочимъ говоритъ: Optarem ut aliquis ludas motematicè tractaret, et tàm regularum seu legam rationem redderet, quàm artificia primaria traderet (Linde, G., II, 21).

Какъ то въ газетахъ сообщалось („Русскій Голосъ" 1907 г., 24 іюня, № 145) о находкѣ археологомъ Теодоромъ Рейнахомъ въ Константинополѣ палимпсеста, гдѣ первоначальный текстъ содержитъ неизвѣстное до сего времени сочиненіе Архимеда; здѣсь, во второмъ отдѣлѣ, онъ „занимается своего рода научной игрой, которая состоитъ въ томъ, что изъ кусочковъ дерева составляются всевозможныя геометрическія фигуры". Ср. „Ш. Л." 1880 г. стр. 177.

Интересная замѣтка Сергѣя Глаголя (С. Голоушевъ) „Игрушки и искусство" была помѣщена въ газетѣ „Столичная Молва" 1909 г., № 87 (прибавочный листокъ). „Мало по малу, пишетъ онъ, всѣми было понято, что искусство прежде всего—радость бытія и что художественнаго творчества столько же въ пестрой набойкѣ или пряничномъ конѣ, сколько и въ сказкѣ или пѣснѣ. Стали появляться игрушки, вышедшія изъ рукъ такихъ большихъ художниковъ, какъ Якунчиковъ, а собирать старыя игрушки принялись и Бенуа, и Билибинъ, и Добужинскій, Матэ и пр. Художникъ Н. Д. Бартрамъ даже спеціализировался на вопросѣ о художественной игрушкѣ, а привлеченіе его московскимъ земствомъ къ своему кустарному дѣлу открыло ему широкое поле для работы".—Такимъ образомъ, здѣсь идетъ рѣчь о формѣ игрушекъ, ихъ внѣшнемъ видѣ. Я же указываю на трудность созданія *новой* игрушки, въ смыслѣ ея занимательности, независимо отъ формы. Она можетъ быть безобразной, а идея игрушки, если интересна, переживаетъ столѣтія.

части предлагаютъ свои нововведенія, не будучи сами увѣрены въ возможности ихъ широкаго распространенія [6]).

Если предложеніе ихъ принимается, то новые адепты рѣдко соглашаются съ нимъ вполнѣ, кое-что отмѣняютъ, кое-что вводятъ отъ себя, и вотъ подъ давленіемъ различныхъ вкусовъ любителей, принадлежащихъ иногда даже къ различнымъ національностямъ (въ данномъ мѣстѣ), правила новой, еще не вполнѣ выработанной, игры начинаютъ измѣняться, пока въ концѣ кон-

---

[6]) Любопытно и характерно сообщеніе извѣстнаго А. Т. Болотова объ играхъ, дающее картинку, какъ создаются иногда новыя варіяціи. Описывая подробно бытъ средины и конца XVIII ст. въ своихъ интересныхъ запискахъ (изд. „Русск. Старины". Спб. 1871), авторъ сообщаетъ про себя: „Наконецъ разскажу вамъ смѣшное, чѣмъ занимался я при концѣ сего (1767) года.... Находилась въ библіотекѣ моей одна нѣмецкая книга, въ которой описаны были разныя игры въ карты, употребляемыя въ Европѣ, и между прочимъ такія, которыя у насъ были еще совсѣмъ неизвѣстны, какъ, напримѣръ, гишпанская *реверсисъ*, англійской *вискъ*, итальянская *тароки*. Со всѣми сими восхотѣлось мнѣ нашихъ русскихъ познакомить и переучить играть въ оныя; и для того ну-ка я ихъ переводить, и что для самого меня было непонятное, самъ отъ себя дополнять и передѣлывать. Успѣхъ и соотвѣтствовалъ трудамъ моимъ и желанію. Я переучилъ всѣхъ своихъ знакомцевъ играть въ *реверсисъ*, и игра сія забавностію своею всѣмъ полюбилась. Такимъ же образомъ научилъ я ихъ играть и въ *вискъ*, хотя совсѣмъ не такъ, какъ онъ нынѣ играется, но и съ нѣкоторыми отмѣнами (II, п. 123),..... *виста* же и *бостона* тогда (1769) было еще неизвѣстно". (II, п. 133).

Извѣстно, что въ послѣднее время (1910—1911 г.г.) въ клубахъ были запрещены азартныя игры. Газета „Голосъ Москвы" (№ 237 отъ 15 Окт. 1910 г.) сообщала подъ заглавіемъ „Забавный конкурсъ": „Крайняя озабоченность старшинъ московскихъ клубовъ послѣ запрещенія азартныхъ игръ продолжается. Цѣлый рядъ совѣщаній объ изысканіи какихъ-нибудь другихъ новыхъ источниковъ доходовъ для клубовъ оказался безплоднымъ. Устройство маскарадовъ, концертовъ, спектаклей и танцовальныхъ вечеровъ большинствомъ старшинъ признано крайне хлопотливымъ и мало доходнымъ. Другихъ же источниковъ доходовъ для клубовъ внѣ картъ не существуетъ.—Нѣкоторыми старшинами было предложено объявить конкурсъ на изобрѣтеніе новыхъ карточныхъ игръ, которыя, во 1-хъ, не заключали бы въ себѣ признаковъ азарта, и, во 2-хъ,— были бы интересны для публики. Кромѣ того условіемъ ставится для изобрѣтателей, чтобы игры были легки и понятны для публики сразу при первомъ ея ознакомленіи съ игрой и отнюдь не были головоломны, и, наконецъ, чтобы шансы всѣхъ играющихъ были абсолютно равны и не было никакихъ преимуществъ на сторонѣ такъ называемыхъ „хорошо играющихъ", или играющихъ съ большими деньгами. Серію такихъ новоизобрѣтенныхъ игръ предполагается представить на благоусмотрѣніе администраціи, и если послѣдней какія-либо игры будутъ разрѣшены, то изобрѣтателямъ этихъ пріобрѣтенныхъ и затѣмъ разрѣшенныхъ игръ рѣшено выдать вознагражденіе".—Надо совсѣмъ не знать жизни, чтобы подумать о возможности создать такой конкурсъ; разумѣется, его и не было, а если бы, паче чаянія, онъ и былъ объявленъ, то интересныхъ игръ (да еще нѣсколькихъ) дать бы не могъ.

цовъ не установится извѣстный типъ игры, удовлетворяющій требованіямъ массы [7]).

Нельзя сомнѣваться, а во многихъ случаяхъ можно доказать, что ни одной, сколько-нибудь распространенной, игры не было изобрѣтено сразу, и она должна пройти сквозь горнило различныхъ поправокъ и улучшеній.—Надо быть особаго рода геніемъ, чтобы угадать склонность массы къ совершенно новой игрѣ. Вѣроятно поэтому греки приписали Паламеду изобрѣтеніе одной игры, впослѣдствіи ошибочно смѣшанной съ шахматной [8]).

---

[7]) Въ этомъ обстоятельствѣ, между прочимъ, кроется причина того, что новѣйшія и дѣйствительно придуманныя игры—не прививаются, никогда не доживаютъ до 2-го изданія и чаще всего лежатъ на полкахъ не распроданными. Описанныя нерѣдко съ досадною по подробностямъ кодификаціею ихъ правилъ, онѣ поражаютъ читателя своею законченностью и отвергаются даже тѣми изъ нихъ, кто стремится къ новинкамъ и покупаетъ подобныя книжки.—Сюда надо отнести, напримѣръ, „Игра шашечный винтъ", для четырехъ и двухъ играющихъ. Состав. М. Сонкинъ. Спб. Тип. Д. И. Шеметкина 1884. Цѣна съ шашечн. и шашками 3 руб., текстъ на русск. и нѣм. языкахъ („Библіографъ" 1885 г., № 2 даетъ объ этомъ изданіи не точныя свѣдѣнія).—Или: Новая шашечная игра подъ названіемъ „Шашки сложныя", изд. Б. И. Шайкевича. Спб. 1882. Тип. Э. Венеке. 5000 экз. (jeu combiné). Текстъ русск., франц., нѣмецк. и англ.—Или: Игра Восточный вопросъ. Н. А. Обоз-въ. Спб. 1877. Тип. М. Сорокина. 8 д. л. 15 стр.+1 табл. 500 экз. и т. п.

[8]) „Нѣсколько серьезнѣе были греческія шашечныя (Brettspiele) игры. Изобрѣтеніе древнѣйшей изъ нихъ (petteia) приписывали Паламеду. О томъ, какъ игрались эти игры, ничего достовѣрно неизвѣстно; но по нѣкоторымъ письменнымъ и фигурнымъ указаніямъ (Becker, Charicles, I. 480;—F. Hermann. Privataltherth. § 54.—Th. Panofka, Griech. Taf. II, Fig. 9 и Bild. aus d. Leben, Taf. X, Fig. 10, 11) можно предположить, что онѣ были очень разнообразны и походили то на шахматы, то на шашки.... онѣ составляли любимое развлеченіе въ домашнихъ кружкахъ." Вейсъ. „Внѣшній бытъ народовъ", Русск. перев. Чаева. М. 1873—77, т. I, ч. 2-я, стр. 230.

Далѣе я коснусь подробнѣе древнѣйшей игры *πεττεία*, здѣсь же замѣчу, что эта выписка изъ ученаго сочиненія представляетъ образчикъ того, какъ обрабатываютъ сырой матеріалъ, къ какимъ приходятъ выводамъ по даннымъ, дошедшимъ къ намъ отъ древнѣйшихъ временъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ древнѣйшія игры египтянъ, грековъ и римлянъ разыгрывались, какъ увидимъ, шашками одинаковой формы и слѣдовательно не могли никакъ походить на шахматы, позволительно-ли высказывать какое бы то ни было сужденіе о большей или меньшей серьезности игръ, когда о правилахъ разыгрыванія ихъ автору „ничего достовѣрно неизвѣстно"?!—Charicles Беккера (1796-1846) переведенъ по русски (Хариклъ или картины древне-греческихъ нравовъ).—О древнѣйшихъ играхъ грековъ и римлянъ существуетъ громадная научная литература, о коей будетъ сказано потомъ. Здѣсь я только отмѣчу то, что извѣстно мнѣ въ русской литературѣ: Игры древнихъ. Описаніе происхожденія и отношенія ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ съ гравюрами по антикамъ. Л. Бекъ-де-Фукьеръ. Пер. со 2-го французскаго изданія подъ редакціей, съ примѣчаніями и предисловіемъ А. А. Иванова. Выпускъ I. Кіевъ 1877. Тип. В. И. Давиденка. 8 д. л., 8+XVII+210+съ XIX—XXVIII стр. Ц. 1 руб. 1200 экз.—

Но греки приписывали Паламеду все-таки свою, національную игру; какія же дарованія надо имѣть, чтобы изобрѣсти игру, удовлетворяющую не одну національность, а нѣсколько народовъ! И, дѣйствительно, такой игры, говоря серьезно, нѣтъ. Въ опроверженіе намъ сейчасъ же представятъ современные шахматы, „существующіе болѣе тысячи лѣтъ, распространенные по всѣмъ странамъ" и т. д., и т. д. Но эти возраженія не больше, какъ заблужденіе. Прежде всего, наши современные шахматы имѣютъ не болѣе 300—400 лѣтъ, а вполнѣ правила ихъ установились лишь въ очень недавнее время. Еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка многіе, и въ томъ числѣ знаменитый К. А. Янишъ, отвергали право passar bataglia, что и по сейчасъ не вполнѣ принято въ Италіи. Распространенность же шахматъ болѣе чѣмъ сомнительна, и потому именно про нее такъ много и говорятъ, и пишутъ; игра дѣйствительно распространенная не требуетъ приведенія такихъ подробныхъ доказательствъ со ссылкою на клубы, литературу, отдѣльные журналы и пр., какими забрасываютъ скептика шахматисты. Никто не станетъ *доказывать* распространенности у насъ картъ или билліарда. И, шахматы, строго говоря, игра мало распространенная [9]; не только трудно найти партнера во многихъ уѣздныхъ нашихъ городахъ (шахматъ тамъ купить по большей части нельзя), но даже въ высшихъ слояхъ общества она не составляетъ обычнаго явленія, поэтому она и не получила въ Европѣ національныхъ особенностей. Самое однообразіе правилъ европейской игры въ шахматы держится не столько на строго-логическомъ развитіи ихъ, сколько на вліяніи печати. Шахматы имѣютъ огромную литературу, и учатся играть въ нихъ не по устной передачѣ, а по учебникамъ, которые препятствуютъ появленію уклоненій. Этотъ способъ распространенія новѣйшихъ шахматъ представляетъ съ этнографической точки зрѣнія любопытное явленіе въ мірѣ игръ, ибо оно пока единственно [10]).

Къ сожалѣнію переводъ этой интересной книги остановился, кажется, на первомъ выпускѣ, который былъ отмѣченъ во многихъ изданіяхъ („Указат. по дѣламъ печати" 1877, № 20-21, „Соврем. Извѣст." 1878, № 57; „Московск. Вѣдом." 1878 г., № 323; „Педагогическая хроника" 1879, № 40).—Александръ Дюма. Игры древнихъ. „Отечеств. записки" т. XXXVII, отд. VII, стр. 18.—Игры у древнихъ. „Пантеонъ" 1850 г., т. 4.

[9]) См., напр., приложеніе къ №№ 46-47 журнала „Развлеченіе" за 1888 годъ: „Замысловатый ходъ", раскрашенный рисунокъ величиною въ двѣ большія (4-to) страницы, на которомъ представлена игра въ шахматы. На стр. 10 журнала издатель помѣщаетъ замѣтку, гдѣ говорится, что игра идетъ *въ шашки.* Казалось бы можно ожидать, что издающійся въ Москвѣ журналъ и при томъ не лубочно-спекулятивнаго типа, можетъ отличить шахматы отъ шашекъ; дѣло показываетъ, что это не такъ.

[10]) И. Т. Савенковъ въ историко-этнографической статьѣ своей 1904 г. высказалъ между прочимъ заслуживающее вниманія сужденіе, что „шахматная игра въ Азіи—еще народное достояніе." Это умозаключеніе было бы полнѣе, ежели бы авторъ догадался прибавить, что такое же положеніе игра занимаетъ въ сѣверной Африкѣ, въ Египтѣ и у арабовъ.—Игры разсчета вообще мало

Шашки какъ нельзя болѣе подтверждають наши соображе-

интересовали этнографовъ, и если они касались ихъ, то не высказывали ничего выдающагося въ этой области. Только одна статья принадлежитъ записному этнографу извѣстному шахматисту И. Т. Савенкову. Она помѣщена въ LXIV книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія" 1905 г. и вскорѣ вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ этого журнала (Тип. А. А. Левенсонъ. М. 1905. 2+128 стр.+I таблица, gr. 8°) подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ эволюціи шахматной игры, сравнительно-этнографическій очеркъ." Часть этой статьи была напечатана ранѣе въ „Шахм. Обозр." 1904 г. стр. 201-235 подъ длиннымъ и претенціознымъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ эволюціи шахматной игры въ связи съ передвиженіями среди различныхъ народностей сѣверной и центральной Азіи". Въ этой послѣдней статьѣ есть также снимки съ шахматныхъ фигуръ, но хуже исполненные, чѣмъ въ отдѣльной брошюрѣ.

Въ русской шахматной литературѣ, такъ бѣдной историко-этнографическими изслѣдованіями,—статья И. Т. Савенкова съ внѣшней ея стороны представляетъ выдающееся явленіе; при бѣгломъ просмотрѣ она кажется если не научнымъ трудомъ, то во всякомъ случаѣ такою серьезною статьею, съ содержаніемъ которой необходимо считаться всѣмъ изслѣдователямъ въ этой области, не говоря уже про обычныхъ шахматистовъ-читателей. Увы, этого нѣтъ въ дѣйствительности, а съ точки зрѣнія солиднаго читателя статья эта не составляетъ даже хорошей компиляціи и возбуждаетъ досаду и отвращеніе особенно своею твердою увѣренностію какъ въ необразованности читателя, такъ и въ томъ, что никто не придетъ ему на помощь. Масса общихъ мѣстъ, принимаемыхъ въ извѣстныхъ интеллигентныхъ кружкахъ за аксіомы, поминутное употребленіе кстати и некстати иностранныхъ quasi-научныхъ терминовъ (которые имѣютъ смыслъ при широкихъ обобщеніяхъ, но смѣшны, когда ихъ прилагаютъ не во время), чрезвычайно авторитетный тонъ ментора, множество сносокъ на научныя изслѣдованія,—все это вмѣстѣ поразитъ малосвѣдущаго читателя. Внимательный просмотръ статьи показываетъ, однако, совсѣмъ другое, и вся эта бьющая на эфектъ ученость, всѣ эти отступленія въ области исторіи и быта разныхъ народовъ, оказываются разглагольствованіями избалованнаго лектора, который глубоко увѣренъ, что никто никогда не возразитъ ему и не обнаружитъ истины. Цѣль статьи въ дѣйствительности вовсе не научная истина, а никому не нужное (особенно въ *шахматномъ* журналѣ) восхваленіе этнографіи. Авторъ не только съ фельетоннымъ легкомысліемъ говоритъ рѣшительно обо всемъ, что бы ему ни захотѣлось прибавить къ шахматамъ (*а*), но онъ не стѣсняется и дѣлаетъ ссылки на научные авторитеты тамъ, гдѣ эти авторитеты противорѣчатъ его выводамъ (*б*), постоянно путаетъ источники (*в*) и прямо перевираетъ ихъ заглавія (*г*), или даже выдумываетъ ихъ отъ себя (*д*), сочиняетъ не существующіе въ исторіи игры факты (*е*) и выдаетъ ихъ какъ бы за общеизвѣстные; нѣкоторые выводы свои, крайне сомнительные (*ж*), въ послѣдующихъ главахъ представляетъ безспорными и ссылается на нихъ, какъ на доказанныя (*з*) этнографическія явленія, а достовѣрныя свидѣтельства Олеарія, Тушаръ—Лафосса, J. Gay отвергаетъ (стр. 47, 48).

При всемъ этомъ изложеніе крайне запутанно, а въ иныхъ случаяхъ до того непонятно, что быть можетъ сдѣлано такимъ преднамѣренно.—Вотъ, напримѣръ, интересный образчикъ: „Одна и та же доска съ однимъ и тѣмъ же числомъ клѣтокъ, съ однимъ и тѣмъ же ихъ взаимоотношеніемъ, съ однимъ и тѣмъ же преднамѣченнымъ доскою направленіемъ въ усиленіи фигуръ и въ

нія; игра дѣйствительно распространенная, особенно у насъ въ

осложненіи игры, съ однимъ и тѣмъ же конечнымъ предѣломъ дѣятельности одного и того же состава фигуръ, одна и та же цѣль игры, съ одними и тѣми же включенными въ ней зачатками и осложненія и ускоренія. Это съ одной стороны,—со стороны этнографическаго явленія, подлежащаго изученію, а съ другой стороны,—со стороны творца этого этнографическаго явленія единство психической природы и единство законовъ мышленія у всѣхъ людей и во всѣ времена" (стр. 55—56). Извольте-ка понять этотъ наборъ словъ! Доска у шахматъ бывала и не въ 64 клѣтки, и не клѣтчатая, и это не мѣшало игрѣ оставаться шахматной; взаимоотношенія между клѣтками нѣтъ никакого, что доказывается ходомъ коня, рокировкою и китайскою пушкою; доска никакого осложненія игры и усиленія фигуръ не преднамѣтила, и развитіе игры, равно какъ созданіе новыхъ фигуръ и правилъ можетъ произойти на всякой доскѣ, безразлично, на клѣтчатой или линейной; никакого предѣла дѣятельности фигуръ нѣтъ, кромѣ ребра доски, но такія границы есть вездѣ (напр., въ играхъ шарами); никакихъ зачатковъ осложненія и ускоренія ни въ доскѣ, ни въ самой игрѣ нѣтъ. Единственный предѣлъ—это предѣлъ человѣческой фантазіи. Что касается до единства психики, то хотя законы мышленія у разныхъ людей и одинаковы, все же разность эпохъ и націй даетъ и разные результаты, примѣромъ чему могутъ служить китайскія и японскія шахматы, гдѣ и доски другія, и фигуры иныя, и составъ ихъ не тотъ, и пріемы игры для насъ, европейцевъ, неожиданные, и пути ускоренія и осложненія игры не наши; разность эпохъ мы можемъ иллюстрировать чатурангой, шатренджемъ и современными шахматами. Статья наполнена ссылками и цитатами, но подавляющее большинство ихъ было уже давнымъ давно извѣстно изъ статей М. К. Гоняева, С. А. Сорокина и моихъ, а часть заглавій отдѣльныхъ сочиненій взята изъ энциклопедическихъ словарей и, видимо, авторомъ совершенно не читана. Самое худшее то, что авторъ оказывается совершенно лишеннымъ способности дѣлать сколько-нибудь самостоятельные и строго опредѣленные выводы. Такимъ образомъ весь трудъ И. Т. Савенкова съ серьезной точки зрѣнія не только не выдерживаетъ критики, но прямо таки возмущаетъ своимъ легкомысліемъ. Обойти молчаніемъ этой брошюры, однако, не представляется возможнымъ въ виду, съ одной стороны, крайней бѣдности шахматной литературы, съ другой, въ виду авторитетнаго тона и самого помѣщенія статьи въ журналѣ ученаго общества, что можетъ подкупить не одного простодушнаго читателя. Кому, напримѣръ, можетъ придти въ голову, что И. Т. Савенковъ свою и при томъ нечаянную догадку, будто въ древности ладья ходила не по современному во всю доску, а лишь на третью отъ себя клѣтку (стр. 32—33), выдаетъ за фактъ! Вся эта путаница увеличивается до-нельзя тѣмъ, что выводы, взятые авторомъ у другихъ и не искаженные собственными соображеніями и поправками,—совершенно вѣрны, а нѣкоторая начитанность автора въ этнографіи и ловкое жонглированіе ея терминологіей (пережитки, анимизмъ, патріархальность, наслоенія и т. д.) могутъ смутить даже болѣе серьезнаго читателя, которому некогда повѣрять неточности автора. Въ виду всего этого я счелъ не лишнимъ въ дальнѣйшемъ сдѣлать нѣсколько отступленій по поводу этой статьи, дабы лучше выяснить дѣло, которое представляется темнымъ и неяснымъ даже при самомъ строгомъ и серьезномъ отношеніи къ нему.

Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи и дать возможность читателю провѣрить мои замѣчанія укажу на слѣдующія мѣста въ брошюрѣ:

Россіи [11]), она преобразовалась въ нѣсколько особыхъ націо-

---

а) напр., стр. 6, строки 20—22; стр. 22 примѣчаніе о происхожденіи картъ; стр. 28, пр. 2-е; стр. 30, гдѣ говорится, будто *цѣли* этнографіи и исторіи, какъ наукъ, различны; стр. 13, пр. 1-е; стр. 57, пр. 4-е и относящіяся къ нему строки о Пиѳагорѣ; стр. 92, стр. 13-я; стр. 99, гдѣ греческое существительное затрикіонъ признается глаголомъ и др.;—б) стр. 57, пр. 2-е;—в) напр., стр. 27, пр. 1-е;—г) стр. 86, пр. 1-е;—д) напр., стр. 59, пр. 1-е; стр. 27, пр. 1-е; стр. 47, пр. 4-е;—интересна также ссылка на С. А. Сорокина въ прим. стр. 86: казалось бы позволительно употребленное въ „Шахматномъ Листкѣ“ сокращеніе „И. П. Б—ка“ прочесть и принять, какъ оно и есть въ дѣйствительности, за „Императорскую публичную библіотеку“, но И. Т. Савенковъ такъ идеально остороженъ, что сдѣлать этого не рѣшается!—е) стр. 32—33 о ладьѣ. Объ этой интересной ошибкѣ я скажу потомъ далѣе.—ж) Напр., стр. 105 о „князѣ“, какъ названіи шахматной фигуры; стр. 99, будто шахматы пришли къ намъ послѣ грековъ; стр. 95, 106 и 118 о вторичномъ будто бы заимствованіи нами шахматной игры изъ Западной Европы;—з) въ пр. стр. 93, напр., встрѣчается указаніе на пословицы въ „Шахматн. Обозрѣн.“ 1893 г. стр. 157. Тамъ, дѣйствительно, помѣщено собраніе пословицъ, но часть ихъ (притомъ неизвѣстно, какая) сочинена или переработана *самимъ же И. Т. Савенковымъ* изъ сборниковъ В. И. Даля, и это собраніе оживляетъ сухость шахматнаго журнала: тутъ оно имѣетъ свою raison d'être; но въ разбираемой статьѣ на это собраніе указывается какъ на *этнографическій* матеріалъ, заслуживающій вниманія и подтверждающій выводы!

[11]) Въ „Русск. Вѣстн.“ 1888 г., №№ 3—4 во внутрен. обозрѣніи описывается отправка на Сахалинъ ссыльно-каторжныхъ на пароходѣ. По выходѣ въ море, арестанты стали сильно скучать, и имъ выдали шашки.—Въ газетѣ „Современныя Извѣстія“ (Н. П. Гилярова-Платонова) въ одномъ изъ фельетоновъ знаменитаго въ свое время Берендѣя, описывался любопытный случай игры ночныхъ сторожей въ Москвѣ, въ „городѣ“, на Красной площади. Вмѣсто того, чтобы сторожить, эти любители (дѣло было лѣтомъ, при старыхъ „рядахъ“) располагались на тротуарѣ и при свѣтѣ газоваго фонаря играли въ шашки.—См. „Всеміри. Илл.“, 1878 г., № 504. Уличные типы. Рисун. А. Бодлингера, грав. К. Крыжановскій. (Ср. „Шахм. Лист.“ 1876 г., стр. 61).—„Нива“, 1877 г., № 44, стр. 1085, Партія въ шашки. Рис. В. Рейнке.—Тамъ же, № 48, стр. 1213, рисунокъ „Игры для слѣпыхъ“; въ перечисленіи мельница именуется почему-то кобангъ; шашечница стоклѣточная и изображена доска „игры въ крѣпость“.—Тамъ же 1905 г., № 6, „Игроки въ шашки“.—Тамъ же, 1888 г., № 40, стр. 996. Древности Ростова Великаго. Росписныя ворота подъ церковью Воскресенія, съ фотогр. Барщевскаго грав. Шиплеръ; на нихъ 34 рисунка, въ коихъ на одномъ надпись: „умереть или выиграть“.—Наиболѣе ранній изъ извѣстныхъ доселѣ рисунковъ упоминаетъ Ванъ-деръ-Линде (G. II, 328), именно отъ 1736 года, 16-mo, „двое поповъ за шашечницей“, но Линде не указываетъ, гдѣ именно встрѣтилъ онъ этотъ рисунокъ, говоря лишь: „in büchern und journalen finden sich noch folgende schachbilder“... Въ „Ежегодникѣ Императ. театровъ“ 1893—94 гг., на стр. 122 фотографическій снимокъ актера Далматова въ роли Ноздрева (съ шашками).—Въ одномъ изъ каталоговъ драмат. произведеній встрѣтилъ я комедію въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Е. Пяткиной „Шашки смѣшались“.—Въ „Шахм. Об.“ 1892 г., стр. 31, помѣщена рецензія о шуткѣ въ одномъ дѣйствіи Н. Криницкаго „Шашки“.—Въ Румянцевскомъ музеѣ есть картина Ѳ. Ѳ.

нальныхъ игръ, хотя у всѣхъ у нихъ и остался одинъ общій строй, вышедшій, очевидно, изъ *одного общаго источника.*

Вслѣдствіе всего этого необходимо отбросить вопросъ объ единоличномъ изобрѣтеніи шашекъ и, по аналогіи съ обычнымъ ходомъ развитія другихъ игръ, сказать, что шашки образовались постепенно, въ продолженіе долгаго промежутка времени, пока, наконецъ, не вылились въ болѣе или менѣе законченную форму основныхъ правилъ, чтобы распространиться почти по всему свѣту, пріобрѣтая при этомъ различныя національныя окраски.[12]).

Для полноты обозрѣнія вопроса объ имени автора слѣдовало бы привести различныя, составившіяся на эту тему легенды. Онѣ могли бы представить нѣкоторый интересъ подобно тому, какъ интересны разсказы насчетъ происхожденія шахматъ и игры

Шведе „Игра въ шашки“ („Радуга“, 1885, № 11, стр. 263).—На передвижной выставкѣ въ Москвѣ 1903 г. обращала на себя вниманіе картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго „Между уроками“ („Шашечн. Лист.“ 1903 г., стр. 62). Снимокъ съ нея былъ въ „Нивѣ“ 1903 г., № 15, стр. 289 и во многихъ другихъ иллюстр. изданіяхъ.—См. также А. М. Фаресовъ „Въ одиночномъ заключеніи“, 2-е изд. Спб. 1903 г. („Шашечн. Лист.“ 1903 г., стр. 128).—Въ № 338 „Петерб. Газеты“ 1903 г., въ фельетонѣ Аза о пріютѣ дѣтей калѣкъ и паралитиковъ, сообщается, что на выставкѣ работъ пріюта и карточекъ дѣтей-работниковъ „имѣется одна интересная карточка: Ваня Рудаковъ и Миша Прохоровъ (оба безрукіе) играютъ ногами въ шашки. Сидя на полу, они ловко захватываютъ пальцами ногъ ту или другую шашку и передвигаютъ ее съ мѣста на мѣсто“.—Въ „Русск. Словѣ“ 1904 г., № 240, стр. 4, сообщается, что плѣнные японскіе офицеры въ Москвѣ отъ скуки рѣжутся въ шашки, „искусству игры въ которыя успѣли обучиться въ теченіе трехмѣсячнаго плѣна“. Въ журналѣ „Искры“ (прилож. къ газ. „Русск. Слово“) въ № 2 за 1905 г. стр. 15, помѣщенъ рисунокъ „Группа раненыхъ въ лазаретѣ. Сраженіе нашего солдата съ японскимъ въ шашки“.—Тамъ же № 34, 1905 г., стр. 269: „Въ полевомъ (тыловомъ) госпиталѣ“, больные солдаты играютъ въ шашки.—Эта всеобщая распространенность шашекъ ведетъ иной разъ къ преувеличеніямъ. Такъ, напр., въ газ. „Русское Слово“ за 1905 г., № 236, въ фельетонѣ Сергѣя Бѣляева разсказывается про какую-то Т-скую духовн. семинарію. Здѣсь про поведеніе учениковъ въ церкви за обѣдней повѣствуется: „У колонны стоитъ игуменское, ректорское, мѣсто съ сѣдалищемъ изъ какого-то дорогого дерева. Подъ бархатнымъ коврикомъ на подножіи кто-то еще въ прошломъ году „на преждеосвященныхъ“ начертилъ карандашемъ шашечницу. Двое, присѣвъ на корточки и спрятавшись за плотной стѣной семинарскихъ ногъ, играютъ на этой шашечницѣ въ поддавки“. Фактъ изъ обычнаго препровожденія времени въ классахъ (хотя бы и во время урока) перенесенъ въ церковь, гдѣ этого не могло произойдти, по множеству причинъ (не было шашекъ; у рисовавшаго шашечницу ихъ тоже не было; въ продолженіе года коврикъ выносили и стерли бы шашечницу, если бы она была нарисована и т. д.).—См. еще „Нива“ 1905 г. № 39. Лазаретъ Экспедиціи Заготов. Госуд. бумагъ. Пріемная.

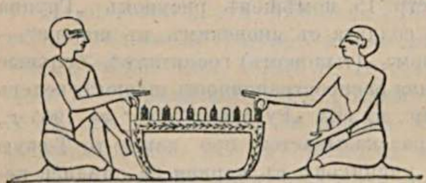
[12]) Новѣйшая игра Сальта, изобрѣтенная однимъ лицомъ (которое старалось увѣковѣчить свое имя), не избѣжала общей участи; игра въ предложенномъ видѣ не удержалась, и начали уже появляться ея видоизмѣненія.

нардъ [13]), но шашки пока не имѣютъ и баснословной исторіи, отчасти потому, что онѣ давно уже сдѣлались достояніемъ преимущественно низшихъ классовъ населенія, отчасти потому, что большинство легендъ, несомнѣнно относящихся къ шашкамъ и особенно стариннымъ шашечно-досчатымъ играмъ, составляющимъ, какъ я думаю, виды игры нардъ (франц. Jeux de table, нѣм. Brettspiele), были передѣланы и затѣмъ присвоены шахматистами. Возстановленіе истины потребовало бы здѣсь громадной работы, которая хотя и представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, но важна больше для филологовъ. Современное намъ соображеніе О. И. Сенковскаго (лит. псевд. „баронъ Брамбеусъ") о созданіи шашечной игры должно быть также отнесено къ области легендъ, если только возможно такъ выразиться. Нашъ ученый лингвистъ и оріенталистъ полагалъ, что „Идея и начала двухъ игръ, которыя были извѣстны еще во времена Фараоновъ и встрѣчаются въ древнѣйшихъ барельефахъ [14]), совершенно различны. Въ шахматной игрѣ два шаха съ своими воеводами и ратниками воюютъ между собою, стараясь не истре-

---

[13]) См., напримѣръ, „Поэтическія сказанія о шахматной игрѣ" Фердусси въ „Шахм. Листкѣ" 1879 года, гдѣ онѣ переведены съ французскаго А. Вигилянскимъ, хотя у насъ, кажется, есть русскій переводъ, сдѣланный съ персидскаго подлинника: Абдулъ Касемъ Фердусси Тусскій, творецъ книги Царей, извѣстной подъ названіемъ Шейхъ намэ. Съ присовокупленіемъ краткаго обзора исторіи персидской поэзіи до исхода XV ст. по Р. Х.—*С. Назарьянцъ*. Казань. 1849 г. Ц. 1 р. (рецензіи перечислены мною въ „Шахм. Обозр." 1893 г., № 26—29, стр. 363). Самому мнѣ этой книги видѣть, впрочемъ, не пришлось.

[14]) Въ повѣсти „Микерія Нильская лилія" (Собр. сочиненій О. И. Сенковскаго. Спб. 1858, т. V, стр. 225) помѣщенъ рисунокъ двухъ игроковъ въ шашки. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ, что „всѣ рисунки сняты съ Ѳивскихъ памятниковъ съ сохраненіемъ подлиннаго стиля". Рисунокъ этотъ повторяется во множествѣ изданій, относящихся къ Египту, воспроизводится и въ реальныхъ словаряхъ о древнемъ греко-римскомъ бытѣ, и въ книгахъ объ играхъ (напр., въ брошюрѣ Е. А. Покровскаго). Онъ съ большою неточностью напечатанъ въ настольной энциклопедіи Гарбеля (1-е изданіе) подъ заголовкомъ „Египетскія древности". Здѣсь сбито число шашекъ и не вѣрна подпись—„Игра въ Морра".

Въ домовой галлереѣ В. П. Боткина есть картина Альмы-Тадемы изъ египетской жизни съ игрою въ шашки (См. „Радуга" 1885 г., № 46—47 и ср. „Вс. Илл". 1874 г., № 310). Шашки видомъ въ родѣ кегель, доска же стоклѣточная. Альма-Тадема (Лоуренсъ) славится глубокимъ изученіемъ древней жизни и быта Египта, Греціи и Рима; въ данномъ случаѣ доска во сто клѣтокъ и при томъ разноцвѣтная. Про древне-египетскія доски, найденныя при раскопкахъ, подробностей сообщается мало. Онѣ различнаго устройства, но не стоклѣточныя, а въ египетскихъ рисункахъ, изображающихъ игру, поверхности доски не видно. — См. „Въ Гаремѣ", Картина Г. Бриджмена. — „Модный Свѣтъ", 1885 г. № 38.

бить, но поработить другъ друга различными хитростями. Всѣ восточныя игры—аллегоріи: шахматная игра изображаетъ вмѣстѣ военныя дѣйствія и придворныя хитрости древнихъ властелиновъ. Въ шашкахъ, *шахъ*, уменьшительное *шахекъ*, отчего и происходитъ слово *шашка*, двѣнадцать властелиновъ свѣтлыхъ, восточныхъ, сражаются противъ двѣнадцати витязей черныхъ, варварскихъ, западныхъ, о томъ, кто изъ нихъ женится на прекрасной царевнѣ, которая живетъ далеко и невидимо въ теремѣ, въ послѣднемъ ряду доски, и обладаетъ талисманомъ счастія: проворнѣйшій изъ нихъ, получивъ руку красавицы, пользуется немедленно необыкновенными преимуществами въ движеніяхъ для побѣды надъ прочими. Въ шашкахъ, вѣроятно, осуществлено незапамятное и знаменитѣйшее преданіе древняго міра—Троянская война“ [15]).

Извѣстно, однако, что всѣ древнѣйшія игры [16]) разыгрывались *однообразными* фигурками, таковы, по крайней мѣрѣ, были игры греческія и египетскія; ихъ нельзя относить къ шахматамъ, тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, ибо до насъ дошли не только рисунки древнихъ египтянъ [17]), но и самые игральные приборы. Отъ римлянъ досокъ, повидимому, не дошло, но шашки ихъ всѣ одной формы. Бругшъ [18]) въ своей лекціи „Египетскій могильный міръ“, описываетъ различные рисунки: „За симъ слѣдуютъ сцены изъ жизни животныхъ... Нѣсколько далѣе какіе то люди готовятся унести на плечахъ ящикъ, а рядомъ съ ними двѣ фигуры, прикорнувъ на землѣ, забавляются шашечною игрою. Игра эта не уступаетъ по древности самому Египту, она даже древнѣе его, такъ какъ сами египетскіе боги, равно какъ и обитатели царства мертвыхъ, издавна играли въ нее. Вѣдь гласитъ же преданіе, что богъ Таотъ, Гермесъ Египта, игралъ въ шашки съ богиней Луны и выигралъ у нея семидесятую долю всякаго дня въ году, изъ чего онъ по здравому размышленію образовалъ пять прибавочныхъ дней въ году“ [19]).

Но если нечего искать имени изобрѣтателя шашекъ, ибо въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли до насъ, онѣ не могли быть

---

[15]) „Библіотека для чтенія“, 1850 г., № 11, отд. VI, въ замѣткѣ о брошюркѣ „Описаніе вѣрнѣйшихъ правилъ къ изученію шашечной игры, составленное по лучшимъ источникамъ“. М. въ тип. А. Семена. 1850, 64 д. л. 28 стр.+II листа. Ц. 40 коп. сер.—См. также „Шахм. Лист.“ 1877 г., стр. 359 и 361;—1876 г., стр. 104.

[16]) Кромѣ указанныхъ см. еще статью Виланда „О древнѣйшихъ играхъ“ „Россійск. Музеумъ“. 1815 г., Ч. IV, №№ 10 и 11.

[17]) Любопытный рисунокъ, принимаемый за карикатуру на фараона Рамзеса III, см. въ „Вѣстн. Иностр. Литерат.“ 1903 г., Янв.—Иллюстрированная исторія карикатуры А. В. Швырова, стр. 8. См. также газ. „Голосъ Москвы“, № 289, 17 декабря 1909 г. и далѣе примѣчаніе 103-е.

[18]) „Русск. Вѣстн.“ 1870 г., № 6, т. 87, стр. 576—598.

[19]) Далѣе мы покажемъ, къ какой игрѣ относится эта легенда, равно какъ выяснимъ, что идея шашечной игры была совершенно не такой, какой представилась она О. И. Сенковскому, не знавшему, очевидно, ни чатуранги индійской, ни персидско-арабскаго шатранджа.

произведеніемъ одного лица,—то тѣмъ съ бо́льшею подробностью слѣдуетъ разрѣшить вопросы относительно мѣста и эпохи возникновенія игры и способа ея первоначальнаго распространенія; если изысканія и не приведутъ къ выводамъ совершенно точнымъ, то они все-таки доставляютъ такія приблизительныя опредѣленія, которыя могутъ быть положены въ основу будущихъ, болѣе подробныхъ и точныхъ, историческихъ изслѣдованій, если вопросъ о всѣхъ вообще шашечныхъ играхъ заинтересуетъ людей науки.

Игра въ шашки, которая носитъ современныя названія,—малороссійск. „дамки“ [20]), по польски—„варцабы“ [21]), по фински—narpupeli, по испански juego de las damas, volgar mente (т. е. въ просторѣчіи) el Marro или por otro nombre el merro, по итальянски giuoco della dama, de damas (иногда съ объясненіемъ all' Italiana, sulla Polaca), по французски jeu de dames (à la française старинная, à la polonaise современная игра) по англійски game of draughts (произн. *драфтъ*), по американски checkers *(чекеръ)*, по нѣмецки Damespiel, по голландски Damspel, по датски spille dam, по турецки „дама оюни“, а по другимъ свѣдѣніямъ—„атланбаши“ (доведь=*падишахъ*), распространена у всѣхъ народовъ Европы, извѣстна въ большинствѣ европейскихъ колоній (въ Египтѣ назыв. „дамехъ“), но играется по совершенно различнымъ правиламъ и даже иногда на разныхъ доскахъ (съ неодинаковымъ поэтому числомъ шашекъ. Въ Канадѣ, напримѣръ, на доскѣ въ 12×12 клѣтокъ). Одинъ господствующій типъ имѣетъ рядомъ нѣсколько болѣе или менѣе распространенныхъ видоизмѣненій, которыя, однако, далеко не всѣ извѣстны, какъ неизвѣстны и всѣ народныя игры (напримѣръ, болгаръ, армянъ, татаръ, датчанъ, шведовъ), хотя эти послѣднія могли бы дать цѣнныя указанія по вопросу о распространеніи ихъ отъ народа къ народу и даже по вопросу о происхожденіи (Египетъ, Персія, Малая Азія, Греція и Италія).

Прежде чѣмъ перейдемъ къ своимъ выводамъ, разсмотримъ гипотезы о происхожденіи игры; ихъ двѣ: одна принадлежитъ ванъ-деръ-Линде, другая М. К. Гоняеву. Обѣ онѣ построены на апріорномъ предположеніи, что шашки игра сравнительно новая, появившаяся въ Европѣ уже значительно позднѣе завоеванія Испаніи арабами [22]). Какъ мы покажемъ, предположеніе это не-

---

[20]) Ник. Закревскій. Старосвѣтскій бандуриста. Кн. 3-я: Словарь малороссійскихъ идіомовъ (стр. 308): *Да́ма*, въ шашкахъ доведь. *Да́мки*, шашки; *Дамцыня*, шашечница.

[21]) Въ старинномъ русскомъ языкѣ этимъ словомъ означались игральныя кости, стороны которыхъ помѣчены были очками отъ 1 до 6.

[22]) М. К. Гоняевъ писалъ („Шахм. Лист.“ 1877, стр. 361), что древность игры проблематична. „Правда, Вейсъ, въ своемъ сочиненіи *Внѣшній бытъ народовъ*, упоминаетъ, что шашечныя игры были уже извѣстны египтянамъ (I, 1, 90), лидянамъ и фригійцамъ (ib., 34), древнимъ грекамъ (I, 2, 230) и римлянамъ (ib., 470), словомъ всему древнему міру,—но изъ дальнѣйшаго оказывается,

вѣрно. Здѣсь же замѣтимъ лишь то, что если бы шашки въ Европѣ были игрою сравнительно новою, то объ этомъ сохранились бы хотя гдѣ-нибудь какія-либо указанія, подобно тому, какъ это произошло относительно игральныхъ картъ [23]).

Между тѣмъ ни у одного народа не встрѣчается ни малѣйшаго намека на новизну шашечной игры, на ея появленіе, или какую-либо особую трансформацію. Нѣкоторые подозрѣвали это, и въ справочныхъ словаряхъ кое-гдѣ (Гранатъ, Ефронъ, Березинъ, Чудиновъ; впрочемъ, въ самыхъ глухихъ выраженіяхъ, безъ указанія источниковъ) говорится, что шашки игра древнѣйшая, извѣстная съ незапамятныхъ временъ, однако, никто до сихъ поръ не привелъ этому прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, не высказалъ даже этнографическихъ соображеній. Мы покажемъ, что такія доказательства должны существовать, что ихъ необходимо было предположить, и что они существуютъ на дѣлѣ.

Въ заключеніе этой главы не лишнее прибавить, что не только соображенія объ имени изобрѣтателя игры безцѣльны и безплодны, даже гипотезы объ изобрѣтеніи, напримѣръ, шахматъ буддистами, сектой наиболѣе склонной къ размышленіямъ, какъ дѣлаетъ это профессоръ А. Веберъ, исходятъ изъ такого же апріорнаго предположенія, какъ и объ изобрѣтеніи единоличномъ. Апріорное это предположеніе покоится на томъ невысказанномъ положеніи, что въ прежнее время люди жили совершенно такъ же, какъ и теперь, и подобно тому, какъ въ настоящее время въ Европѣ тысячи людей занимаются изобрѣтеніемъ игръ (или, что еще хуже, чтобы не сказать преступнѣе, приспособленіемъ игръ для обученія), подобно этому игры появлялись и раньше. Но мы слишкомъ мало знаемъ старину, чтобы позволять себѣ дѣлать такія умозаключенія.

Когда появились игры и какъ, вопросъ еще нерѣшенный. Однако и здѣсь серьезные антропологи держатся того мнѣнія, что игры составляютъ остатокъ (переживанія) дѣйствій, служившихъ не для игры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можно прослѣ-

---

что то были игры лишь *подобныя* шашечной (Brettspiele), т. е. игры на шашечницѣ посредствомъ однородныхъ фигурокъ или даже просто камешковъ".

И. И. Фоглеръ въ своемъ шашечномъ руководствѣ (изд. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. М. 1881. 12 д. л.) говоритъ, что предположеніе Линде „самое вѣроятное", и отъ себя сообщаетъ, будто наша игра называется „русскія или нѣмецкія шашки", и что она „заимствована нами отъ европейцевъ, всего вѣроятнѣе отъ нѣмцевъ". Такъ нѣмцы крѣпко стоятъ за нѣмцевъ! Кромѣ утвержденія И. Фоглера, нигдѣ у насъ не встрѣчается названія „нѣмецкія шашки".

[23]) Появленіе которыхъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи, было связано съ душевною болѣзнью французскаго короля Карла VI (1380—1422). Создалось ли сказаніе по тому, что Карлъ VI дѣйствительно много ими занимался (что легко могло быть), или же объясненіе было пущено противниками картъ, или по другой какой-либо причинѣ,—составляетъ уже предметъ изслѣдованія самой легенды,—но для насъ важно, что легенда создалась, хранилась и дошла до насъ, опредѣляя чрезвычайно близко эпоху если не перваго появленія картъ, то ихъ начинавшагося распространенія.

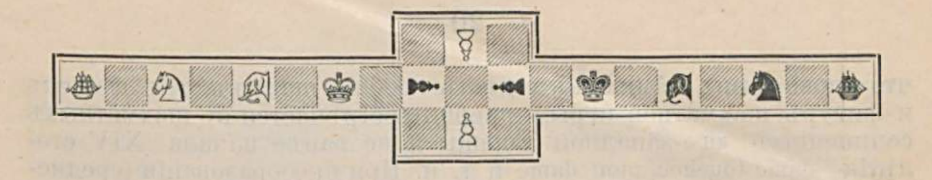
дить еще и теперь (напримѣръ, „горѣлки“—остатокъ обычая „умыканія женъ“). Что же касается до игръ на доскахъ, игръ шашечныхъ и притомъ игръ чистаго разсчета, то по этому поводу, сколько я знаю, нѣтъ нигдѣ ничего серьезнаго, не рѣшался даже вопросъ, къ какой приблизительно отдаленной древности восходитъ самое существованіе игръ шашечныхъ. Оцѣнивая относительную древность извѣстныхъ намъ главнѣйшихъ игръ, я касаюсь и этого труднаго вопроса.

Во всякомъ случаѣ интересно, что въ цивилизаціи египетской, которая до послѣдняго времени считалась древнѣйшею, мы уже встрѣчаемъ игры. Но въ настоящее время стали думать, что такъ называемыя клинообразныя надписи ахеменидовъ даютъ намъ данныя о цивилизаціи ассирійской, болѣе древней, чѣмъ Египетъ. Правда, здѣсь разработка только что начата, и каждый день можетъ принести новыя свѣдѣнія, но пока указаній на игры не найдено, хотя онѣ не могли остаться здѣсь неизвѣстными, по крайней мѣрѣ со времени общенія Ассиріи съ Египтомъ [24]).

Не касались этнографы и вопроса о степени живучести игръ. Даже небольшой обзоръ развитія игръ показываетъ, что игры имѣютъ свой предѣлъ жизни, затѣмъ или исчезаютъ, или переживаютъ настолько сильную эволюцію, что дѣлаются почти новыми; переходъ игръ отъ одной національности къ другой также оказываетъ сильнѣйшее вліяніе и на ихъ правила, и на внѣшность.

[24]) Вліяніе древней халдейской цивилизаціи было чрезвычайно сильнымъ. Оно достигаетъ даже нашего времени. Названія дней недѣли (западно-европейскія), подраздѣленіе сутокъ, часа, дѣленіе круга на 360 градусовъ, счетъ дюжинами, гаданія подъ новый годъ, карнавалъ—все это наслѣдіе отъ древней Халдеи.

II.

Кай имѣетъ двѣ ноги, гусь имѣетъ двѣ ноги,
слѣдовательно Кай есть гусь.

Примѣръ изъ учебника логики.

Извѣстный шахматный писатель Антонъ ванъ-деръ-Линде [25]), измѣнивъ крайне тенденціозно (о чемъ будемъ говорить далѣе) исторію происхожденія игры шахматной, далъ между прочимъ и гипотезу о происхожденіи шашекъ [26]).

Онъ не вѣритъ древности шашечной игры и въ подтвержденіе указываетъ на то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ сборниковъ (по играмъ), которыхъ ему, какъ онъ говоритъ, приходилось видѣть очень много, не встрѣчается шашечной игры въ ея *настоящемъ* видѣ: за шахматами обыкновенно слѣдуютъ триктракъ, мельница и т. п.,—на шашки же нѣтъ и намека.

Этимологія западно-европейскаго названія шашекъ Damespiel, jeu de dames, juego de las damas, damspel голландцевъ (наши прежнія дамки [27]) и современныя малороссійскія дамки) показываетъ,

---

[25]) Geschichte und Litteratur des Schachspiels von Antonius van der Linde. Berlin. 1874. 2 Bände.

[26]) Ibid. II, 392—402. По русски гипотеза эта изложена М. К. Гоняевымъ въ „Шахм. Листкѣ" 1877 г., № 12. Повторяя ее здѣсь, мы вводимъ подробности изъ подлинника.

[27]) Леонтьевъ въ своемъ описаніи китайской шахматной игры пишетъ: „Китайцы шашки игры сей дѣлаютъ круглыя, похожія на наши плинтусы или дамки". См. „Шахм. Лист." 1877 г., стр. 188.—И. Т. Савенковъ въ „Шахм. Об." 1904 г., стр. 212, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, категорически утверждаетъ, будто здѣсь „эта важная для исторіи шахматной игры рукопись напечатана впервые, и М. К. Гоняевъ ошибочно поставилъ ее первымъ въ Россіи печатнымъ трудомъ, посвященнымъ шахматной игрѣ". Въ наше время изданіе этого описанія стало, конечно, библіографической рѣдкостью, но оно существовало и въ шахматной библіографіи должно быть отмѣчено:

Описаніе китайской шахматной игры, соч. Алексѣя Леонтьева. Спб. 1775.—4 д. л.—5 руб. асигн.—8 стр.—Сопиковъ (IV, 7597), вѣроятно, не видалъ этой брошюры, ибо приводитъ ее безъ имени автора и ставитъ въ числѣ переводныхъ книгъ.—Плавильщиковъ (I, 1004) также не даетъ имени автора.—Смирдинъ же подъ № 5483 указываетъ имя автора, а въ „Азбучной росписи" именуетъ его

что слово дамы, дамки, въ смыслѣ вообще шашекъ, т. е. пѣшекъ и фигуръ шахматной игры,—впервые встрѣчается въ шахматныхъ сочиненіяхъ юго-западной Европы и не ранѣе начала XIV столѣтія—dame touchée, pion damé и т. п. При преобразованіи (средневѣковой формы нынѣшнихъ шахматъ) шатренджа въ современную игру,—шахматы стали называться (напримѣръ, у Луцены 1497 г.) de la dama, или de las damas, или alla rabiosa.

Если мы желаемъ, говоритъ Линде, добросовѣстно удержаться на научной или исторической почвѣ, которой мы обязаны уже многими прекрасными открытіями, то мы увидимъ, что древнѣйшія шашечныя книги, 1547, 1590, 1597 г.г. [28]) точь въ точь,

---

Алексѣй Леонтьевичъ Леонтіевъ.—Брошюра Леонтьева съ искаженіями была перепечатана безъ указанія источника въ „Живописномъ Обозрѣніи достопамятныхъ предметовъ"... издав. Августомъ Семеномъ. Часть вторая. Москва, т. II, 1836—1837, листъ 5, стр. 38—39.—Ср. „Радуга", 1885, № 49, стр. 1032—1033.—Въ „Шахм. Листкѣ" 1877 г., страннымъ образомъ ничего не говорится ни о самой рукописи, ни о томъ, существуетъ-ли въ Публичной библіотекѣ печатный экземпляръ этого изданія.—См. еще примѣч. 224-е.

[28]) **Antonio Torquemada**, El ingenio o Juego de Marco, de Punto, o Damas. Valencia. 1547. 4-to. Вѣроятно исчезла.

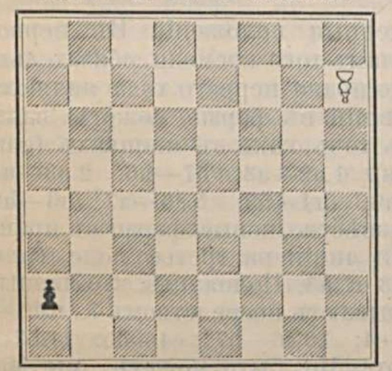
Pedro Ruiz Montero, Del Juego de las Damas, volgarmente el Marro. Valencia. Gabr. de Ribas. 1590. 4-to. Также не дошла до насъ.

Libro del ivego de las damas, por otro nombre el marro de pvnta, diuidido en tres tratados. El primero contiene en si 27. tretas con sus lances no uistas hasta hoy. El segundo, contiene en si onze tretas con sus lances, para contra quien sabe el libro que compuso *Pedro Ruiz Montero*, porque en qualquier parte lo juegan, y sepuede ganar con mucha facilidad. El tercero trata Como se ha de jugar dama contra dama, cotiene en si 22. tretas con sus lances. Con un lance a la postre que Pedro Ruiz Montero lo da por granado en su libro y es tabla forçoso. Compuesto por **Lorenço Walls** vezino de la ciudad de Alicante en el reyno de Valencia (Шашечница съ нумераціей 32—1). Con licencia. Impresso en Valencia en casa de Pedro Patricio. Ano 1. 5. 9. 7. A costa de Angelo Tabano. 4-to.—2 ненумерован.+53 нумерованныхъ in folio листа. Находится въ Королевской библіотекѣ въ Берлинѣ.

A. Régnier въ примѣчаніяхъ къ гипотезѣ М. К. Гоняева (Balédent. III, 734) говоритъ, что старые испанскіе писатели раздѣляли свои книги на три трактата; въ первомъ разсматривалась игра 12 простыхъ противъ 12 простыхъ; во второмъ—партіи, гдѣ игра шла при 11 простыхъ и дамкѣ противъ таковыхъ же силъ и въ третьемъ—партіи изъ 10 шашекъ и двухъ дамокъ противъ 10 простыхъ съ 2-мя дамками, и что такія составныя партіи были въ большомъ употребленіи въ Испаніи. Въ „Шашечномъ Листкѣ" я замѣтилъ, что это очень интересное, но и очень сомнительное свѣдѣніе. Я полагалъ, что въ дѣйствительности въ трактатахъ dama contra dama и т. п. надо видѣть указаніе, что древнѣйшая испанская игра имѣла дамку, ходившую лишь на одинъ шагъ, при чемъ, конечно, могли быть указанія на игру одной дамки противъ одной, двухъ противъ двухъ и т. д., но оказывается, что моя догадка ошибочна. Dr. D. M. C. Sabater, авторъ современнаго испанскаго трактата о шашкахъ (Madrid. 1904. 12-mo) въ подробной описи старинныхъ испанскихъ учебниковъ, которые онъ, видимо, имѣлъ въ рукахъ, указываетъ, что такія составныя партіи были

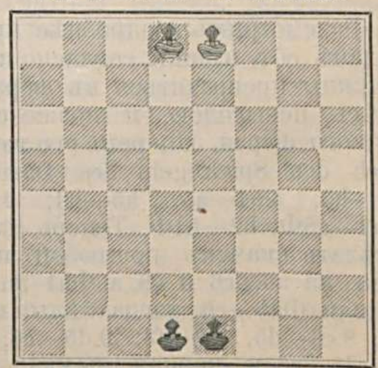
какъ и древнѣйшія шахматныя книги (1495, 1497), появились въ Испаніи; что это древнѣйшая (арабско?) *испанская шашечная игра* разыгрывалась исключительно при 2×(3×4)=12=24 шашкахъ на шахматницѣ и лишь въ первой половинѣ XVIII столѣтія преобразовалась въ болѣе сложную польскую игру на стоклѣточной доскѣ съ 2×(4×5)=20=40 шашками. Замѣчательная аналогія съ исторіею шахматной игры! И не была ли собственно первоначальная испанская шахматно-досчаная-шашечная игра прямымъ потомкомъ древней арабско-испанской шахматной игры? Встрѣчая средневѣковыя проблемы, составленныя исключительно изъ ферзей, естественно приходишь къ мысли, что изъ упражненій въ такихъ кунштюкахъ на шахматной доскѣ невольно могла блеснуть зарница изобрѣтенія.

1512 г.—№ 44.—I. Guarinus.

Начинающій проигрываетъ.

1512 г.—№ 43.—II. Guarinus.

Начинающій выигрываетъ.

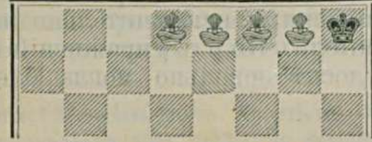
въ ходу. Къ сожалѣнію онъ не приводитъ ни одной. Изъ его книги все же видно, что дальнобойная доведь въ Испаніи—очень стара.—Онъ указываетъ еще на учебникъ Juan Timoneda отъ 1635 года, который въ библіографіи Линде не встрѣчается.

Относительно распространенія шашечной игры Сабатеръ говоритъ: „Съ своей стороны прибавлю, что въ теченіе арабскаго владычества эта игра культивировалась съ истиннымъ энтузіазмомъ, и что въ настоящее время очень распространена во французской Аргеликѣ (т. е. въ Алжирѣ), въ Португаліи, въ испано-американскихъ республикахъ, на Филиппинскихъ островахъ, на Кубѣ, въ Порто-Рико, во многихъ провинціяхъ Испаніи и ея колоніяхъ, но что, однако, относительно ея происхожденія не существуетъ никакихъ конкретныхъ данныхъ“. Ранѣе онъ же пишетъ, что „М. Аугасъ (M. Augas) въ своемъ сочиненіи *Жизнь и наука дикихъ людей* говоритъ, что внутри новой Зеландіи дикари играютъ въ шашки, которыя называютъ Е—Умъ, и думаетъ что знанія этой игры они не пріобрѣли отъ другого народа“. Изъ этого можно заключить, что въ Испаніи не вездѣ играютъ съ дальнобойной дамкой, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ сохранилась еще древняя форма старо-французской игры.

1512 г.—№ 45.—III. Guarinus.

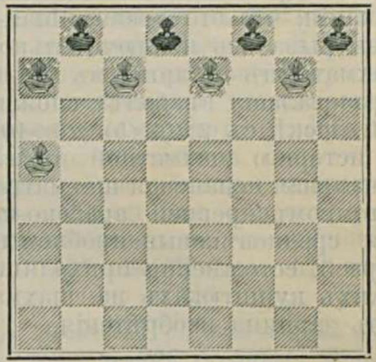

1283 г.—№ 58.—IV. Alonso.

Мать въ семь ходовъ.

Около 1300 г. № 183.—V. Bonus Socius.

Черный начинаетъ и выигрываетъ.

Разсмотримъ подробнѣе приведенныя положенія. Въ первой задачѣ обѣ пѣшки, согласно правиламъ того времени, обязательно должны превратиться въ ферзей; но право перваго хода является здѣсь невыгодою, и позже ступившій въ ферзи можетъ взять чужого ферзя, заперевъ его точь въ точь, какъ въ шашкахъ (ganz nach den Spielregeln des Damespiels): 1.a2—a3, h7—h6; 2.a3—a4, h6—h5; 3.a4—a5, h5—h4; 4.a5—a6, h4—h3; 5.a6—a7, h3—h2; 6.a7—a8Ф, h2—h1Ф. Теперь, какъ извѣстно, новые ферзи въ правѣ сдѣлать скачекъ по любой прямой линіи на третье поле (т. е. Фa8 на a6, c6 и c8, а Фh1 на f1, f3 и h3. Положимъ, что черныя пошли Фa8—c6, тогда бѣлыя выигрываютъ посредствомъ 7...Фh1—g2; 8.c6—d5, g2—f3; 9.d5—c6, f3—e4; 10.c6—b7, e4—d5; 11.b7—a8, d5—c6 и черная „дамка" заперта. Но, быть можетъ, мы навязали черному ферзю плохой ходъ, ибо скачокъ на 3-е поле не обязателенъ; попробуемъ: 7.a8—b7, h1—f3! 8.b7—a6, f3—e4; 9.a6—b5, e4—d5; 10.b5—a4(a6), d5—c4(c6), и черный ферзь будетъ убитъ на 11-мъ ходу на одной изъ клѣтокъ b3 или b5. Въ любомъ варіантѣ бѣлыя могутъ занять оппозицію, дѣлая скачокъ тогда, когда ферзь a8 его не дѣлаетъ и наоборотъ.

На такомъ же стратегическомъ пріемѣ основано и рѣшеніе второй задачи. Наконецъ, въ послѣдней остающійся пятый бѣлый ферзь во всѣхъ варіантахъ запирается, подобно простой шашкѣ въ шашечной игрѣ, напримѣръ: 1.f8 : e7, c7 : b8; 2.h8 : g7, a5 — b4; 3.e7 — d6, a7—b6; 4.g7 — f6. b4 — c3; 5.f6 — e5, c3—b2; 6.e5—d4, b8—a7; 7.d6—c7, b6 — a5! 8.d8 — e7, a5 — b4; 9.e7—d6, b4—a3; 10.d6—c5, b2—a1; 11.d4,—c3, a3—b2; 12.c3:b2, a1:b2; 13.c5—b4, и черныя выигрываютъ. Задачи третья и четвертая интересны для насъ по скопленію въ нихъ ферзей. И такъ какъ у средневѣковыхъ шахматистовъ, конечно, не хватало же столькихъ фигурокъ ферзей при изученіи ими подобныхъ проблемъ, и они замѣняли ихъ одноформенными вещицами (напр., пѣшками, монетами и т. п.); кромѣ того, такъ какъ и самыя фигурки средневѣковыхъ шахматъ обыкновенно были плохо выточены и мало чѣмъ различались между собою, наконецъ, такъ какъ существо-

вали уже задачи съ одними только ферзями, безъ всякихъ другихъ шашекъ, даже безъ царя, при чемъ простое взятіе дамъ, имѣющихъ такой же ходъ, какъ и въ шашкахъ, было единственною цѣлью проблемы, то не надобно было быть вторымъ Колумбомъ, чтобы увеличить число дамъ для занятія всей доски. Нѣкоторые изъ главныхъ факторовъ шашечной игры были уже на лицо: 1) доска о 64 квадратахъ; 2) самыя шашки, разставленныя рядами съ промежуточными пустыми клѣтками; 3) правила игры этими шашками, именно: одинъ шагъ по діагонали; 4) обязательный ходъ по одноцвѣтнымъ клѣткамъ; 5) взятіе или заключеніе всѣхъ шашекъ противника, какъ конечная цѣль игры; 6) своевременное занятіе оппозиціи, какъ тонкость игры. Не доставало, слѣдовательно, лишь двухъ элементовъ для полной шашечной игры: взятія черезъ шашку и права шашки, проведенной въ дамки, бить и ходить во всю длину свободной діагонали. Послѣднее уже лежало въ правѣ шахматной пѣшки, достигшей восьмой полосы доски, превращаться въ ферзя съ большею свободой движеній. Что же касается взятія черезъ шашку, то зародыши этого условія также встрѣчаются въ старинныхъ проблемахъ. Такъ, въ четвертой задачѣ бѣлыя шашки идутъ: 1.g8—g6; 2.d8—e7; 3.e8—e6, слѣдовательно, *черезъ* ферзя e7. Замѣтимъ въ заключеніе, что испанская шашечная литература возникла въ теченіе XVI столѣтія, слѣдовательно, вскорѣ по появленіи усовершенствованной шахматной игры (de la dama), и что та шашка въ шашечной игрѣ, которая стала преимущественно дамою (дамка), получила ходъ и силу новаго слона, простая же шашка усвоила себѣ ходъ визиря (fers) и стала бить какъ альфиль, т. е. черезъ убиваемую шашку.

Итакъ, заключаетъ Линде, шашечная игра, по всей вѣроятности, произошла изъ шахматной въ XV — XVI ст., при Филидорѣ духовно внѣдрилась даже и въ шахматную [29]), но по вы-

---

[29]) Вопреки мнѣнію М. К. Гоняева, мы полагаемъ, что Линде не совсѣмъ безъ основанія говоритъ, что знаменитый Филидоръ, объявившій пѣшки *душою шахматной игры*, заимствовалъ этотъ принципъ изъ игры шашечной: въ 1745 году, когда онъ проживалъ въ Голландіи безъ всякихъ средствъ, онъ даже поддерживалъ свое существованіе шашками въ кофейныхъ Роттердама и Амстердама (Твиссъ, Chess, I, 152, 154), гдѣ процвѣтала польская игра. Филидоръ прославился также и въ шашкахъ настолько, что подъ его именемъ въ 1785 году въ Амстердамѣ появилось руководство, которое, впрочемъ, могло исходить и отъ него самого, ибо его авторство въ этой книгѣ (появившейся на родномъ ему по матери языкѣ) не было оспариваемо никѣмъ изъ современниковъ. „Преимущественная моя цѣль, говоритъ Филидоръ въ своемъ шахматномъ руководствѣ, выступить съ чѣмъ нибудь новымъ, и при томъ такимъ, о чемъ никто еще не думалъ, или быть можетъ до чего не могъ додуматься: и это состоитъ въ томъ, что надобно умѣть хорошо играть пѣшками. Онѣ душа шахматной игры, онѣ однѣ несутъ на своихъ плечахъ и защиту, и аттаку, ибо отъ ихъ хорошаго или дурного расположенія и взаимной связи зависитъ всецѣло выигрышъ или проигрышъ партіи“. Всѣ комментаторы, говоритъ Линде, просмотрѣли въ Филидорѣ тонкаго шашечнаго игрока. Никто не сомнѣвался и

дѣленіи своемъ можетъ идти при дружескихъ отношеніяхъ своею собственною дорогою.

Такова гипотеза ванъ-деръ-Линде. Излагая ее въ 1877 году, М. К. Гоняевъ полагалъ, что „она весьма правдоподобна и, насколько можно судить, съ обстоятельствами дѣла вполнѣ согласна“. Позднѣе, въ 1884 году, не зная тогда ни объ итальянскихъ, ни объ испанскихъ шашкахъ, онъ измѣнилъ свой взглядъ на гипотезу Линде и высказалъ въ „Радугѣ“ [30]) свои собственныя соображенія. Такъ какъ и ознакомившись впослѣдствіи съ правилами испанской игры, М. К. Гоняевъ не отказался отъ своего взгляда, и продолжалъ думать, что древнѣйшая форма игры суть шашки англійскія, или что тоже старо-французскія, то гипотеза его остается

до него въ важности пѣшки въ концѣ партіи, но по взгляду Филидора слѣдуетъ заложить самую партію на проведеніи пѣшки въ дамы и стремиться побѣдить именно этимъ средствомъ. Всѣ случайныя примѣчанія къ составленнымъ имъ партіямъ выдаютъ эту тенденцію. Мысль объ этомъ пришла ему на умъ при одновременномъ упражненіи въ шашкахъ и шахматахъ, и онъ сдѣлалъ изъ нея, особенно въ практическомъ отношеніи, все, что только можно было сдѣлать. Если Гегель даже сумасшествіе Спинозы могъ привести въ причинную связь съ его метафизическимъ понятіемъ субстанціи, то, быть можетъ, и мнѣ позволено будетъ заключить эти сопоставленія указаніемъ на то, что „русскій Филидоръ“ фонъ-Петровъ († 1864) при случаѣ также написалъ книгу о шашечной игрѣ, и что величайшій аналитикъ во вселенной и даже за предѣлами ея фонъ-Янишъ, раздувшій изреченіе Филидора въ „вѣчную“ истину, также занимался шашками.—Самъ Линде былъ, по его словамъ, хорошимъ игрокомъ въ польскія шашки.—Біографія Филидора разработана очень подробно, и рѣдкій журналъ не помѣщалъ ея у себя вновь, но замѣчательно, что вмѣсто того, чтобы въ позднѣйшихъ статьяхъ тщательно собрать все, что находится въ предыдущихъ, шахматисты не только не дѣлаютъ этого, но даже опускаютъ нѣкоторыя любопытныя подробности; къ нимъ принадлежитъ и игра Филидора въ шашки, о которой считаютъ возможнымъ даже совсѣмъ умалчивать: это не небрежность, а искаженіе дѣйствительности. Филидоръ извѣстенъ, кромѣ того, какъ оперный композиторъ; здѣсь онъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ основателемъ легкой комической оперы, чего многіе изъ шахматистовъ-біографовъ также не знаютъ.—Жанъ-Жакъ-Руссо былъ также большимъ любителемъ шашекъ. Послѣдній вечеръ передъ смертью онъ провелъ за разборомъ шашечныхъ положеній (Balédent, III, ap.).

[30]) „Радуга“ 1884 г., №№ 5—8 (стр. 100, 119, 145, 165). Очеркъ исторіи шашечной игры. Эта статья (напечатанная съ большими опечатками, иногда искажающими даже смыслъ) была переведена (по моимъ поправкамъ) на французскій языкъ Альфредомъ Репье (изучившимъ русскій языкъ уже въ старости) и напечатана въ 3-мъ томѣ сочиненія Баледана (Le Damier par *G. Balédent*, I, II—1881; III et appendice 1886—1887) стр. 731—736. Переводчикъ сдѣлалъ невѣрное замѣчаніе, будто М. К. Гоняевъ ошибся, указывая на итальянскій трактатъ о шашкахъ отъ 1785 года. Между тѣмъ у Линде (II, 58) читаемъ: Il giuoco pratico osieno capitoli diversi, che servono di regola od una raccolta di giuochi più praticati... Bologna... 1753.—8-vo. 244 стр.—То же, перепечатка 1785 года. 12-mo 124 стр. На стр. 47—51 Cap. per il giuoco di Dama, т. е. глава объ игрѣ въ шашки.

такою же, какъ и при напечатаніи. Послѣ смерти М. К. Гоняева было установлено еще, что въ Германіи, Австріи и бывшей Польшѣ играютъ на русской шашечницѣ, по частію съ польскими правилами, (petite Polonaise) и выяснилась игра Соединенныхъ Штатовъ; кажется, впрочемъ, эта послѣдняя распространена мало.

Указавъ очень кратко главнѣйшія правила игръ русской, англійской и польской, М. К. Гоняевъ говоритъ:

Линде утверждаетъ, что 1) движенія простой шашки заимствованы изъ шатренджа (альфиль для взятія и альферецца для хода), а дамка изъ усовершенствованныхъ шахматъ и 2) что Луцена (1497) и Даміано (1512) называютъ новую шахматную игру à la dama, очевидно, намекая на вновь возникшую шашечную игру, но оба эти положенія основаны на путаницѣ понятій и на фактическихъ ошибкахъ, ибо, если шашки произошли изъ усовершенствованныхъ шахматъ, ясно, что не дамка заимствовала ходы слона, а наоборотъ, и Луцена не могъ называть новой шахматной игры въ смыслѣ шашечной, ибо juego de las Damas тогда еще не могла существовать. За то положенія Линде: 1) что ранѣе Торквемады не сохранилось никакихъ слѣдовъ шашечной литературы; 2) что въ рукописныхъ сборникахъ игръ, начиная съ XIII столѣтія, постоянно помѣщались рядомъ съ шахматами трактаты объ игрѣ въ триктракъ и мельницу, но о шашкахъ ни слова, и 3) что древнѣйшая шашечная литература, подобно шахматной, возникла и разцвѣла въ Испаніи, притомъ почти одновременно въ XV—XVI столѣтіяхъ, когда шатренджъ преобразовался въ современную шахматную игру,—эти положенія М. К. Гоняевъ находитъ заслуживающими полнаго вниманія, хотя на основаніи ихъ онъ приходитъ къ нѣсколько инымъ выводамъ. Онъ не можетъ согласиться, что шашки произошли всецѣло отъ шахматъ. Дѣйствительно, англійскія шашки во многомъ сходны съ шахматами, при чемъ несомнѣнно, что если шашки произошли отъ шахматъ, то только изъ шатренджа, и выводить дамку изъ новаго слона—натяжка Линде, ибо дамка по ходу сходна съ ферземъ, а не со слономъ, а по образу удара, — перескакиваніемъ, въ равной мѣрѣ отличается отъ обоихъ. Шашки, однако имѣютъ элементы, на которыхъ нѣтъ и намека въ шахматахъ, а именно: 1) образъ взятія перескакиваніемъ; 2) однородность игорнаго матеріала и 3) запираніе чужихъ шашекъ, какъ высшій конечный элементъ игры.

Не были-ли эти элементы присущи ранѣе другимъ играмъ? Въ средневѣковыхъ сборникахъ (codices), начиная отъ испанскаго Алонзо 1283 года, продолжая съ конца XIII вѣка и по XVI столѣтіе латинскими и французскими списками ломбардскаго кодекса Nicolai de Nicolai и кончая геттингенскою рукописью конца XV столѣтія, во многихъ изъ нихъ, кромѣ шахматъ, трактуется объ игрѣ въ триктракъ или похожей на нее (juego de tablos, ludus alearum или tabularum, jeu de tables или de taules на пиккардійскомъ нарѣчіи, Puffspiel нѣмецк.) и объ игрѣ въ мельницу (juego de dados, ludo marrelarum или marellarum, jeu de mèrelles, Mühlespiel). Изъ этихъ игръ первая, повидимому, къ нашему

предмету не относится, но вторая могла бы разрѣшить вопросъ, если бы кто перевелъ изъ безчисленныхъ сборниковъ правила этой игры. Въ нынѣшней игрѣ въ мельницу (ср. игру въ „крѣпость“, „агонъ“, и пр.), если только и средневѣковая Mühlespiel сходна съ нею, именно имѣются характеризующіе шашечную игру своеобразные элементы: взятіе посредствомъ перескакиванія и одноформенность всего игорнаго матеріала при началѣ партіи.

Если прибавить, что съ начала XVII вѣка обѣ эти игры исчезаютъ изъ шахматной литературы, и jeu de tables или ludus tabularum превращается въ триктракъ съ самостоятельною литературой, а jeu de mérelles исчезаетъ вовсе и только въ XIX столѣтіи вновь появляется подъ видомъ Mühlespiel, и мѣсто ея занимаетъ въ литературѣ съ конца XVI столѣтія шашечная игра, то гипотеза, что шашки *суть амальгама шатренджа съ jeu de mérelles*, поглотившая и вполнѣ замѣнившая послѣднюю игру,—получаетъ достаточное вѣроятіе.

Когда и гдѣ возникла эта амальгама? Шашки могли выйдти только изъ шатренджа,—слѣдовательно ранѣе XVI столѣтія; но ходы альфиля и ферзя въ шатренджѣ, описанные персидскимъ поэтомъ Фирдусси около 1000 г. по Р. Х., съ тѣхъ поръ оставались неизмѣнными и могли быть таковыми еще ранѣе въ доисторическія времена, равно и игра въ мельницу, по всей вѣроятности занесена въ Европу съ Востока, ибо кодексъ Алонзо 1283 года составленъ по арабскимъ источникамъ. Однако, предположеніе, что амальгама послѣдовала еще на востокѣ, рушится о тотъ доводъ Линде, что слѣдовъ шашечной игры не найдено въ средневѣковыхъ кодексахъ, тогда какъ въ нихъ съ XIII вѣка фигурируетъ гораздо болѣе первобытная тавлейная игра Mühlespiel.

III.

Самая большая трудность и опасность ошибиться въ выводахъ лежитъ въ установленіи и распредѣленіи логическихъ посылокъ, а не въ извлеченіи изъ нихъ заключеній.

Шопенгауеръ.

Невозможно согласиться ни съ гипотезой Линде, ни съ гипотезой Гоняева; при подробномъ разборѣ обѣ онѣ не выдерживаютъ критики.

Линде находитъ, что слово dame, въ смыслѣ шашки вообще, встрѣчается въ шахматныхъ сочиненіяхъ Юго-Западной Европы въ началѣ XIV столѣтія. Это могло бы имѣть значеніе въ томъ случаѣ, если бы было безспорно установлено, что шашки произошли отъ шахматъ и отъ нихъ заимствовали слово dame; на дѣлѣ же самъ Линде допускаетъ, что шахматы стали называть главную фигуру свою отъ игры шашечной. Могло бы имѣть значеніе употребленіе шахматнаго термина въ спеціальныхъ игровыхъ сочиненіяхъ и въ томъ случаѣ, если бы было твердо установлено, что слово dame ранѣе не употреблялось въ техническомъ смыслѣ ни въ какой другой игрѣ, въ разговорномъ языкѣ, напримѣръ; но изъ Линде мы объ этомъ ничего не знаемъ. Допустивъ апріорное предположеніе, что слово dame, какъ игорный терминъ, въ XIV столѣтіи было *новымъ*, Линде не нашелъ нужнымъ произвести о немъ подробныхъ филологическихъ изысканій, которыя могли бы освѣтить дѣло [31]). Такимъ образомъ, изъ указаннаго у Линде обстоятельства, мы можемъ заключить только то, что слово dame въ *спеціальныхъ шахматныхъ* сочиненіяхъ ранѣе не употреблялось, а съ XIII—XIV ст. начинаетъ сюда входить.

Далѣе; если приблизительно съ этого времени, или нѣсколько ранѣе, слово dame было примѣнено къ игрѣ шашечной, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы сама игра не могла существо-

---

[31]) Это было, конечно, необходимо сдѣлать въ смыслѣ простого безпристрастія; но для Линде, который строилъ свои выводы и на филологическихъ основаніяхъ, это было обязательно болѣе, чѣмъ для кого нибудь. Далѣе мы увидимъ, что когда ему понадобилось поддержать свою тенденцію о древности термина „колесница“ и о новѣйшемъ будто бы появленіи названія „ладьи“ въ шахматахъ, Линде сталъ ссылаться на *разговорный* языкъ арабовъ, хотя послѣдній, разумѣется, не могъ быть изслѣдованъ европейцемъ (да еще не знающимъ арабскаго языка) съ такою полнотою, какъ языки европейскіе.

вать ранѣе подъ другимъ названіемъ. Хотя новое названіе, какъ будетъ далѣе видно, появляется обыкновенно при эволюціи игры, при значительной перемѣнѣ ея правилъ, и впослѣдствіи даже вытѣсняетъ старое названіе, но это не исключаетъ того, что главнѣйшіе законы измѣнившейся игры могутъ существовать раньше подъ другимъ названіемъ. Извѣстно, напримѣръ, что средневѣковая ludus tabularum, jeu de taules, тавлеи, превратились въ трик-тракъ, а ранѣе эта же игра у римлянъ называлась ludus duodecim scriptorum, или по-просту scriptula. Главные законы всѣхъ этихъ игръ, общій ихъ духъ (смѣсь случая и разсчета), кости, число шашекъ, доска—все осталось прежнимъ. То же, конечно, могло быть и въ шашкахъ.

Линде приводитъ задачи только съ одними ферзями, или съ большимъ ихъ количествомъ, при чемъ поля одного цвѣта остаются безъ употребленія и вовсе нѣтъ царей. Прекрасно! Но мы не знаемъ, въ какомъ ходу были эти задачи? Было ли ихъ множество, или Линде случайно нашелъ ихъ въ двухъ-трехъ спискахъ? Все говоритъ за то, что ихъ было весьма немного, иначе Линде не преминулъ бы указать на ихъ большое количество. Въ самомъ дѣлѣ, вторая задача есть почти буквальное *повтореніе* первой, взятой изъ *одного и того же* списка, гдѣ она и стоитъ рядомъ съ предыдущей.—Допустимъ, однако, что такихъ задачъ было много, что средневѣковые шахматисты охотно ими занимались,—откуда взялись эти задачи? Почему можно *утверждать*, что шахматисты самостоятельно начали создавать такія проблемы? Это ни на чемъ не основанная апріорная мысль. Не естественнѣе ли предположить, что они *сами заимствовали* такія задачи съ однороднымъ матеріаломъ, или создавали ихъ по аналогіи, обходясь даже безъ необходимаго элемента шахматъ—царя? Притомъ три изъ приведенныхъ Линде задачъ относятся къ 1512 году, т. е. къ тому времени, когда про шашки уже существовали литературныя указанія. Прескоттъ въ „Завоеваніи Перу" (книга II, гл. 6) упоминаетъ, что когда Пизарро держалъ въ плѣну несчастнаго инку Атагуально (1533 г.) то „испанцы научили инку играть въ шашки и въ другую, еще болѣе замысловатую, игру—шахматы, въ которыхъ плѣнникъ достигъ значительнаго искусства и любилъ сокращать ими томительные часы узничества". Еще болѣе раннее указаніе находимъ у Джіованни Боккачіо (1313—1375) въ его Декамеронѣ [32]).

Изъ этихъ упоминаній о шашкахъ мы въ правѣ отнести ихъ къ періоду гораздо болѣе раннему, чѣмъ 1512 годъ; да и самъ Линде не настаиваетъ, что игра изобрѣтена именно въ 16-мъ вѣкѣ, допуская возможность этого и для 15-го столѣтія. Какимъ же образомъ задачи XVI вѣка, т. е. позднѣйшія, могутъ имѣть значеніе въ вопросѣ о происхожденіи игры?—Самыя рѣшенія ихъ не

[32]) Русскій полный переводъ подъ редакціею С. Трубачева, изд. Пантелеева, Спб. 1898. Здѣсь, 6-й день: „Кто отправился спать, кто игралъ въ шахматы, кто—въ шашки (a tavole).... Діонео сѣлъ играть въ шашки". Теперь въ Италіи игра въ шашки называется giuoco di dama, но игральная фигурка tavola.

даютъ права заявлять, чтобы ферзи отрѣзывали другъ другу пути точь въ точь, какъ въ шашкахъ; напротивъ, *далеко не точь въ точь:* не говоря уже о томъ, что ферзи имѣютъ право скачка,— они еще и берутъ иначе, а отсюда измѣняется самое свойство доски. Въ самомъ дѣлѣ, въ англійскихъ шашкахъ, гдѣ доведи имѣютъ ходъ подобный альферецдѣ, первыя двѣ задачи предыдущей главы рѣшились бы иначе. Послѣ 1.a2—a3, h7—h6; 2.a3—a4, h6—h5; 3.a4—a5, h5—h4; 4.a5—a6, h4—h3; 5.a6—a7, h3—h2; 6.a7—a8Ф, h2—h1Ф; 7.a8—c6, h1—g2; 8.c6—d5, g2—f3; *черныя* должны ходить 9.d5—e6! тогда f3—e4; 10.e6—f7! e4—f5; 11.f7—g8, f5—g6; въ шахматной задачѣ теперь *черный* ферзь изловленъ, ибо на 12.g8—h7 послѣдуетъ g6:h7, но въ англійскихъ шашкахъ черная дамка не ловится, двойникъ ее спасаетъ, *и игра ничья*; тоже самое и во второй задачѣ. Такъ ли не важно это различіе между шашечницей и шахматницей, чтобы признать его ничтожнымъ, да еще въ задачахъ XVI вѣка? Думается, что нѣтъ.

Нововведенія въ шахматахъ въ средніе вѣка, читаемъ мы въ очеркахъ по исторіи шахматъ („Шахматн. Листокъ“ 1880 г., стр. 2), составленныхъ по тому же сочиненію Линде „были весьма разнообразны, возникали въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и прослѣдить исторію каждаго изъ нихъ не было бы возможности даже и при обиліи источниковъ. Относительно правилъ игры должно было господствовать большое смѣшеніе и разнообразіе; въ одномъ мѣстѣ держались однихъ правилъ, въ другомъ—другихъ. По этой причинѣ и дошедшими до насъ источниками должно пользоваться съ большою осторожностью. Напримѣръ, не слѣдуетъ дѣлать строгихъ выводовъ и заключеній изъ положеній въ средневѣковыхъ задачахъ, иначе легко какую-нибудь мѣстную, или даже лично принадлежащую автору задачи, особенность принять за общее правило“. А между тѣмъ Линде въ гипотезѣ о происхожденіи игры забылъ свое собственное предостереженіе, и въ основаніе болѣе или менѣе серьезныхъ выводовъ употребляетъ такія шаткія основанія, какъ единичныя задачи позднѣйшаго времени.

Зародыша взятія черезъ шашку въ скачкѣ ферзя черезъ *своего же* ферзя мы не видимъ, и не можемъ не признать этого довода натяжкой. Явною натяжкой надо признать и указаніе на употребленіе монетъ вмѣсто ферзей. Для чего было употреблять ихъ, когда прототипъ нынѣшняго триктрака [33]) съ *одинаковыми* шашками существовалъ еще во времена классическаго міра и постоянно описывался въ средневѣковыхъ спискахъ въ шахматныхъ рукописяхъ вслѣдъ за шахматами, какъ употребительная игра того времени?

Если принять, что древнѣйшею формой шашекъ была англійская игра настоящаго времени, то мы должны допустить, что по гипотезѣ Линде для изобрѣтенія шашекъ изъ шахматъ надо было:

---

[33]) Древнѣйшая восточная игра, запрещенная мусульманамъ въ Коранѣ, игра „нардъ“, того же характера, что и триктракъ, сохранилась до нашего времени.—См., кстати, „Нива“ 1892 г., № 33, стр. 729. Въ Арабской кофейнѣ. Карт. Эйзенгута, гравир. Кедеманъ.

1) принять старинныхъ ферзей за дамокъ, 2) создать *вновь* простыя шашки безъ права хода и взятія назадъ и 3) тѣмъ и другимъ придать элементъ взятія *черезъ шашку*, ибо его нѣтъ и въ альфилѣ, только ходившемъ черезъ шашку, но бравшемъ одинаково съ прочими шахматными фигурами. Такимъ образомъ, изобрѣтеніе игры шло отъ конца къ началу, отъ производнаго къ основному. Это въ крайнемъ случаѣ могло бы случиться, если бы существовала игра въ одни ферзи, но Линде такой игры указать бы не могъ.—Если игра временъ Торквемады была тою же, что и теперь въ Испаніи, то альферецы были превращены въ простыхъ, у нихъ было отнято право движенія и взятія назадъ, создана новая доведь и обѣимъ, простой и дамкѣ, приданы права бить черезъ шашку, также слишкомъ сложная и маловѣроятная комбинація.

Линде говоритъ, что главные факторы игры были уже въ шахматахъ, по нашему же мнѣнію *главныхъ-то* шашечныхъ пріемовъ въ шахматахъ и нѣтъ. Стоитъ уничтожить обязательность взятія подставленныхъ шашекъ, — и игры въ шашки,—въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ,—существовать не будетъ; а въ шашкахъ есть и еще не менѣе важный принципъ,—именно взятіе заразъ нѣсколькихъ шашекъ. Откуда взялись эти правила и какъ они произошли, Линде не объясняетъ.

Самое умолчаніе о степени различія шашечныхъ игръ и указаніе только на два ихъ вида,—по числу клѣтокъ доски, показываетъ, что Линде не былъ знакомъ хорошенько ни съ одною шашечною игрою на 64 клѣточной доскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не зналъ ни того, что въ испанской игрѣ простая не беретъ назадъ, ни силы англійской дамки. Конечно, при такомъ незнакомствѣ съ предметомъ, нельзя было и браться за рѣшеніе вопроса о происхожденіи игры.

Болѣе удачною представляется гипотеза М. К. Гоняева, ибо она не обходитъ молчаніемъ различій игръ и состава ихъ элементовъ. Гипотеза эта (высказанная, впрочемъ, съ большою долей сомнѣнія и условно, въ зависимости отъ переводовъ правилъ средневѣковой игры въ „мельницу"), однако, также разрушается, ибо основанія ея иногда прямо ошибочны. Ссылки на *мельницу* и на *агонъ* неправильны. Въ современной мельницѣ (или городкахъ) вовсе нѣтъ взятія черезъ шашку, и шашки передъ началомъ игры не разставляются въ боевомъ порядкѣ; въ игрѣ же агонъ шашки съ самаго начала игры разныя и вовсе съ доски не снимаются; шестигранная доска ея также рѣзко отличается отъ шашечницы, не говоря уже о томъ, что ничего не извѣстно о древности этой игры [34]).

---

[34]) Правила ея можно видѣть въ „Сборникѣ игръ и занятій для семьи и школы". Я. Герда. Спб. 1873.—Изучивъ латинскіе и греческіе тексты, относящіеся къ различнымъ древнимъ играмъ разсчета, я пришелъ къ заключенію, что „агонъ" (греческое слово, означающее борьбу, состязаніе, игру и мѣсто для игръ)—игра, сочиненная кѣмъ либо изъ филологовъ. Въ ней искусственно соединены элементы разныхъ игръ, какъ они встрѣчаются въ дошедшихъ до

Игры, какъ „Осада крѣпости“, которую, вѣроятно, болѣе всего имѣлъ въ виду М. К. Гоняевъ, или „Пустынникъ“ („Солитеръ“) и тому подобныя, суть не игры, а задачи. Естественнѣе думать, что задачи, и притомъ сравнительно легкія, произошли изъ игры, а не наоборотъ.—Средневѣковая мельница игралась прежде шашками разной формы, съ разными ходами и названіями: луна, звѣзда, кругъ, крестъ и проч. Это, вѣроятно, была игра, образованная подъ вліяніемъ шахматъ, а не самостоятельная. Будь она распространенною народною игрою, она не исчезла бы окончательно [35]).

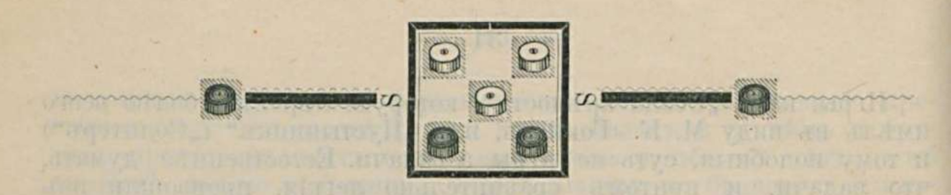
Современная мельница (на что есть серьезныя данныя) существовала въ очень давнія времена, но если класть ее въ основаніе шашекъ, то по гипотезѣ Гоняева эти послѣднія могли образоваться лишь крайне сложнымъ путемъ; а именно для этого слѣдовало: 1) взять одноформенный матеріалъ изъ какой-либо шашечной игры, напримѣръ, изъ мельницы или нарда, 2) разставить по аналогіи съ шахматами передъ началомъ игры, 3) заимствовавъ шахматницу, выбросить изъ употребленія 32 клѣтки, 4) принять изъ шахматъ проведеніе простой въ дамки, а развитіе правъ дамки создать самостоятельно, 5) дать обѣимъ сражающимся по двѣнадцати шашекъ, когда этого числа нѣтъ ни въ одной игрѣ, 6) установить обязательность взятія, 7) право брать въ одинъ ходъ нѣсколько шашекъ и 8) цѣль игры—отнять всѣ шашки противника.

Все это настолько сложно, настолько не правдоподобно, что мы должны признать не вѣрною и гипотезу М. К. Гоняева. По аналогіи съ созданіемъ другихъ игръ, невозможно допустить появленія шашекъ по меньшей мѣрѣ изъ трехъ игръ такъ, чтобы онѣ не походили ни на одну изъ нихъ, и притомъ имѣли бы еще свои самостоятельныя особенности. Если бы новыя игры могли составляться такимъ путемъ, то мы наблюдали бы очень быструю ихъ смѣну. На дѣлѣ же игры существуютъ многія сотни лѣтъ, а главныя ихъ основанія, какъ увидимъ, переживаютъ и тысячелѣтія.

насъ классическихъ отрывкахъ, притомъ взятыхъ иногда въ такомъ значеніи, котораго подлинныя выраженія не заключаютъ (именно, числа шашекъ *семь* у классиковъ нѣтъ, оно взято изъ филологической (XIX вѣка) поправки древняго текста). Получилось нѣчто скучное и малоинтересное. Сборники игръ упорно повторяютъ, впрочемъ, правила Агона; однако, въ него никто не играетъ. Это еще разъ указываетъ, какъ далеки составители этихъ игръ отъ жизни.

[35]) Линде, говоря о правилахъ этой игры, приводитъ отрывокъ изъ рукописи, хранящейся въ Парижской публичной библіотекѣ подъ № 10286.

IV.

Разсмотримъ подробнѣе основные элементы, изъ которыхъ состоятъ всѣ главныя игры въ шашки на 64 клѣточной доскѣ, ибо польскія шашки—явленіе позднѣйшаго времени: какъ увидимъ далѣе, не ранѣе первой четверти XVIII столѣтія.

Перечисляя эти элементы, мы замѣтимъ: a) доска шахматная;—b) играющихъ двое, одинъ противъ другого;—c) исходъ игры зависитъ отъ степени сообразительности играющихъ: случай участія не принимаетъ;—d) игра выигрывается, проигрывается и бываетъ ничьею;—e) число шашекъ съ обѣихъ сторонъ одинаково;—f) убитыя шашки снимаются съ доски и въ данной партіи болѣе участія не принимаютъ;—g) всѣ шашки одновременно выставляются на доску передъ началомъ игры;—h) разставляются шашки на трехъ горизонтальныхъ линіяхъ;—i) у каждаго по двѣнадцати шашекъ;—j) ходы всѣхъ шашекъ и права ихъ одинаковы въ началѣ игры;—k) всѣ шашки берутъ, перескакивая черезъ убиваемую;—l) брать обязательно, и не взявшая шашка можетъ быть вынуждена сдѣлать ударъ;—m) всѣ шашки могутъ быть взяты;—n) въ одинъ ходъ возможно взять нѣсколько шашекъ;—o) цѣль игры взять всѣ шашки противника, или запереть остающіяся на доскѣ такъ, чтобы имъ не было хода;—p) выигрышъ происходитъ изъ подставки и обязательной мѣны, взятія нѣсколькихъ вмѣсто одной, оттѣсненія шашекъ противника на такія мѣста, гдѣ онѣ берутся или запираются;—q) простыя шашки ходятъ только впередъ;—r) во всѣхъ шашечныхъ играхъ, вслѣдствіе законовъ разыгрыванія, возможны (и по большей части существуютъ на практикѣ) поддавки;—s) каждая простая шашка можетъ превратиться въ дамку съ болѣе обширными правами, дойдя до послѣдняго ряда доски;—t) шашки могутъ запираться какъ въ срединѣ игры, такъ и въ концѣ ея;—u) шашки берутъ иначе, чѣмъ ходятъ.

Сравнимъ эти элементы съ основными законами шахматъ, шатренджа или современной игры, все равно (но не съ древнѣйшей чатурангой), *оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ объ одноформенности доски*.

1) И тамъ, и здѣсь играющихъ двое, но такова борьба и во множествѣ другихъ игръ, не только шашечныхъ, но даже въ

играхъ шарами (билліардъ, крокетъ [36]), въ играхъ карточныхъ (пикетъ и мн. др.), въ смѣшанныхъ играхъ, основанныхъ на случаѣ и разсчетѣ (нардъ и его виды ludus duodecim scriptorum, триктракъ, тавлеи; индійская падчизи). Подобныя игры между двоими встрѣчаемъ мы въ глубочайшей древности, въ рисункахъ, находимыхъ въ Египтѣ, въ рисункахъ и статуэткахъ древней Греціи.

2) Сообразительность, какъ главное основаніе выигрыша, также присуща другимъ играмъ, и даже во многихъ изъ нихъ, гдѣ случаю отведено значительное мѣсто,—она играетъ нерѣдко первенствующую роль, особенно если игра состоитъ изъ нѣсколькихъ партій; таковы, напримѣръ, карточныя игры вистъ, бостонъ, винтъ, не говоря уже о чисто шашечныхъ, въ родѣ облавной китайской ки, западно-европейской мельницы и т. д.

3) Равное съ обѣихъ сторонъ число шашекъ также не составляетъ особенности шахматъ. Это устройство игры есть слѣдствіе борьбы между двумя лицами, гдѣ выигрышъ зависитъ отъ разсчета, и наблюдается даже въ играхъ съ участіемъ случая; его необходимо признать древнѣйшимъ во всѣхъ вообще играхъ на доскѣ, а упражненія въ родѣ задачъ „волки и овцы“, „осада крѣпости“ и т. п., не по тому только должны быть причислены къ явленіямъ позднѣйшимъ, что по внутреннему строю своему оказываются задачами, но и по тому еще, что борющіяся силы въ нихъ не одинаковы.

4) Игра кончается розыгрышемъ, или бываетъ ничьею, точно также не только въ шахматахъ, а и во множествѣ развлеченій, иногда случайно, иной разъ вслѣдствіе соображенія и законовъ разыгрыванія. При этомъ не лишнее замѣтить, что ничья въ шахматахъ—явленіе скорѣе новѣйшаго времени, чѣмъ основное. Въ восточной игрѣ нардъ и японской го (китайской ки)—ничьей въ сущности нѣтъ; если она (изумительно рѣдко) и можетъ произойти въ послѣдней игрѣ, то совершенно не предусмотрѣна въ нардѣ, а шахматы древнѣйшей формы (о чемъ мы потомъ будемъ имѣть случай говорить) разыгрывались съ костями, иными словами тогда также *ничьей не имѣли*. Они получили ее лишь тогда,

---

[36]) Кстати замѣчу, что правила игры въ крокетъ въ моемъ изложеніи были помѣщены въ „Радугѣ“ 1885 г. №№ 16, 24 и 26. Это кажется единственная статейка, въ которой предусмотрѣны всѣ возможные случаи этой игры, такъ что по нимъ можно научиться играть. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ правила игръ излагаются на столько небрежно и невразумительно, что понять ихъ нельзя. Мнѣ не пришлось, напримѣръ, встрѣтить никого изъ знающихъ игру триктракъ или быть можетъ „большой триктракъ“. Въ моей библіотекѣ есть много сборниковъ игръ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, но понять игры, т. е. научиться играть въ нее, я не могъ. Всѣ толкуютъ о тонкостяхъ веденія партій, но никто не даетъ самыхъ правилъ игры. Есть и русское изданіе, также непонятное. Гердъ въ своемъ сборникѣ сообщаетъ правила не триктрака, а новѣйшей формы игры нердъ. Мою статью (которая была безъ подписи) П. Бобровъ передѣлалъ и помѣстилъ въ „Охотникѣ“ 1888 г. № 44, исключивъ наиболѣе интересную тонкость игры о такъ называемыхъ мертвыхъ шарахъ.

когда отбросили кости, вѣроятно, подъ давленіемъ древнѣйшихъ шашечныхъ игръ чистаго разсчета. Въ шатренджѣ матъ былъ явленіемъ рѣдкимъ, партіи сводились большею частію къ уничтоженію шашекъ и только изрѣдка кончались ничьей.

5) Убитыя шашки снимаются съ доски также во множествѣ игръ; даже въ такихъ производныхъ играхъ, какъ столбовыя шашки,—гдѣ на первый взглядъ кажется, что шашки не уничтожаются,—даже здѣсь общее число занятыхъ на доскѣ клѣтокъ постепенно уменьшается и, будучи уменьшено, потомъ никакими мѣнами не можетъ быть увеличено, такъ что подъ конецъ становится все менѣе и менѣе борющихся шашекъ. Лишь въ очень немногихъ играхъ убитыя шашки продолжаютъ вновь вступать въ игру: это въ древнѣйшемъ нардѣ, въ японскихъ шахматахъ и въ новѣйшемъ агонѣ.

6) Весь игорный матеріалъ выставляется на доску сразу во многихъ играхъ, напримѣръ, въ древне-персидскомъ нардѣ; многія карточныя игры, особенно основанныя главнымъ образомъ на разсчетѣ, также разыгрываются послѣ раздачи всѣхъ картъ колоды, какъ вистъ, бостонъ и пр.; карточныя игры идутъ по другимъ законамъ сравнительно съ тавлейными, но встрѣчая и здѣсь одинаковые пріемы, мы съ увѣренностью можемъ заключить, что созданіе сходнаго правила, основано не на заимствованіи его изъ шахматъ, а вытекаетъ изъ законовъ мышленія.

Итакъ, шесть признаковъ, совершенно *сходныхъ* въ шахматахъ и шашкахъ, мы въ равной мѣрѣ встрѣчаемъ и въ другихъ играхъ; слѣдовательно на основаніи ихъ мы не можемъ производить шашки отъ шахматъ; *нельзя ихъ приводить и въ подтвержденіе такого производства.* — Нетрудно видѣть, что можно подыскать и еще нѣкоторыя сходства въ подобномъ родѣ. Напримѣръ, и въ той и другой игрѣ болѣе сильный игрокъ для уравненія игры можетъ давать впередъ слабѣйшему нѣкоторое количество партій, шашекъ, ходовъ; очевидно, что такой обычай есть слѣдствіе способностей игроковъ и вовсе не заимствованъ одною игрой отъ другой; въ иныхъ формахъ онъ примѣняется и въ другихъ состязаніяхъ.

Перейдемъ теперь къ обзору того, чѣмъ *отличаются* шашки отъ шахматъ; здѣсь мы увидимъ:

1) Разстановка шашекъ на трехъ горизонтальныхъ линіяхъ есть явленіе самостоятельное, ибо мы не видимъ его ни въ шахматахъ, ни въ такихъ шашечныхъ играхъ, которыя могутъ претендовать на нѣкоторую древность [37]) и не суть варіаціи шашекъ, какъ башни, клешни и т. п.

2) Число шашекъ,—двѣнадцать,—явленіе самостоятельное, ибо

[37]) Только въ кавказскихъ шашкахъ (впервые описанныхъ А. Н. Кондратьевымъ въ „Шахм. Листкѣ" 1879 г., №№ 9—10) видимъ разстановку и число шашекъ шахматныя; но игра эта играется на *шахматницѣ,* древность ея сомнительна, и распространенность мало извѣстна. Скорѣе можно думать, что эта варіація относительно-позднѣйшаго времени и притомъ мало распространенная. Объ игрѣ этой и ея происхожденіи мы далѣе будемъ говорить особо.

мы не видимъ его въ другихъ шашкахъ; такъ въ нардѣ по 15 шашекъ, въ мельницѣ по 9, въ японской го по 181, въ китайскихъ шахматахъ по 16, въ японскихъ по 20.

3) Ходы всѣхъ шашекъ при началѣ игры одинаковы, и этимъ шашечная игра рѣзко отличается отъ шахматной, гдѣ боевая сила дѣлится на шесть разрядовъ вообще и на два главныхъ: пѣшки [38]) и офицеры. Мы видимъ однообразныя силы въ мельницѣ, въ японской го, въ триктракѣ, но съ особенностями: шашки или вовсе не ходятъ (японская го, китайская ки), или не переходятъ по клѣткамъ, а переносятся на разныя разстоянія по указаніямъ костей (нардъ, триктракъ, тавлеи), или ходятъ взадъ и впередъ (мельница или городки).

4) Въ шахматахъ (какъ и въ нардѣ) берущая шашка ставится всегда на мѣсто убитой. Единственное [39]) исключеніе представляетъ взятіе на проходѣ, но и это исключеніе лишь кажущееся, во-первыхъ, потому что постановка берущей пѣшки приводится въ связь съ возможностью нахожденія убиваемой на первой отъ дома клѣткѣ, а во-вторыхъ,—и это главное,—потому что passar bataglia—правило позднѣйшее, явившееся послѣ существованія шашекъ на шахматницѣ въ продолженіе большого ряда лѣтъ. Въ шатренджѣ вовсе не было взятія на проходѣ, а въ современныхъ шахматахъ и по сейчасъ многія страны въ Азіи и Африкѣ его не признаютъ.—Взятія переходомъ черезъ шашку нѣтъ ни въ триктраковыхъ играхъ (нардъ, тавлеи, ludus XII scriptorum), гдѣ берущая ставится на мѣсто убитой, ни въ Японіи, ни въ Китаѣ.— Въ разновидности шашекъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ мы встрѣчаемъ взятіе дамкою съ постановкою ея на мѣсто убитой шашки, но это явленіе новѣйшаго времени и притомъ не повсемѣстное, ибо американцы играютъ преимущественно въ англійскія шашки; объ этомъ пріемѣ любопытно упомянуть, потому что создался онъ хотя и подъ вліяніемъ шахматъ, но все же долженъ былъ сохранить свой шашечный характеръ: взятіе въ американскихъ шашкахъ связано съ *возможностью скачка черезъ убиваемую шашку*, и коль скоро скачекъ этотъ невозможенъ,—недопустимо и самое взятіе.

5) Обязательности взятія подставленной шашки мы не наблюдаемъ нигдѣ, кромѣ шашекъ и ближайшихъ къ нимъ разновидностей; этой обязательности нѣтъ ни въ шахматахъ, ни въ мельницѣ, ни въ нардѣ; въ двухъ послѣднихъ играхъ иногда даже воспрещается брать. Въ китайско-японской облавной игрѣ невзятую въ одинъ ходъ шашку можно снять въ слѣдующій ходъ, если противникъ не успѣетъ защитить ее. Въ шашкахъ взятіе

[38]) Позднѣе я укажу на происхожденіе этого слова, его значеніе и вѣроятное правописаніе.

[39]) Нѣкоторые думаютъ, благодаря плохимъ описаніямъ, что въ китайскихъ шахматахъ (ср., напр., „Шахматн. Лист.“ 1878 г., стр. 132) пушка беретъ, перескакивая черезъ убитую шашку; это не вѣрно; тамъ всякая шашка становится на мѣсто убиваемой. Подробнѣе объ этой интересной шашкѣ мы скажемъ далѣе.

не только обязательно, но за неисполненіе его по народнымъ обычаямъ (вся западная и южная Европа и Россія) полагается наказаніе, при чемъ если это возмездіе, т. е. фуканье шашки, не выгодно,—поддавшему предоставляется право не пользоваться имъ и принудить шашку взять слѣдуемое, подъ угрозой потери самой партіи. Очевидно, что это *свой, основной, самостоятельный* законъ шашечной игры, составляющій характерное ея отличіе [40]).

Необходимость въ шахматахъ взятія той шашки, отъ шаха которой нельзя избавиться инымъ путемъ, есть явленіе, подчиненное закону защиты царя, и слѣдовательно не можетъ имѣть даже отдаленной связи съ правиломъ шашечнымъ.

6) Въ шахматахъ относительно—новѣйшаго времени, т. е. въ персидско-арабскомъ шатренджѣ и современныхъ, изъ которыхъ Линде и Гоняевъ производятъ шашки (ибо они вовсе не затрогиваютъ древней чатуранги индійцевъ), вовсе нельзя взять всѣхъ шашекъ противника: царь (по персидской идеѣ) прямо не берется. Въ мельницѣ игра кончается, какъ только у слабѣйшей стороны останется двѣ шашки, т. е. двѣ послѣднія шашки вовсе не берутся. Въ китайско-японской игрѣ взятіе всѣхъ, поставленныхъ на доскѣ, шашекъ на практикѣ почти невозможно, и игра кончается обыкновенно даже ранѣе, чѣмъ противники употребятъ въ дѣло всѣ свои силы. Въ нардѣ цѣль игры—сбросить свои, дошедшія до конца, шашки ранѣе, чѣмъ этого достигнетъ противникъ, и убиваютъ здѣсь шашку не для того, чтобы лишить ея противника, а для того, чтобы убивъ возвратить ее ему на руки, принуждая ее снова ввести въ игру черезъ начальныя мѣста. Въ игрѣ агонъ шашки разныя [41]), и онѣ вовсе ни съ доски не удаляются, ни въ числѣ не измѣняются.

---

[40]) Особенно интересно, что этотъ законъ наблюдается главнымъ образомъ въ Европѣ и въ Россіи у русскихъ и ея западныхъ инородцевъ. Въ Азіи у независимыхъ и подчиненныхъ Россіи племенъ, заимствованная явно отъ русскихъ игра, разыгрывается безъ рѣзкой принудительности взятія. Это любопытно съ этнографической точки зрѣнія. Принудительность взятія есть строго-логическое развитіе законовъ игры, и въ Европѣ оно проведено ясно и твердо; азіаты не замѣчаютъ, что они измѣняютъ характеръ игры разсчета, вводя въ нее нѣкоторый элементъ случайности, ибо безъ строгой обязательности взятія въ концѣ игры выиграть невозможно, и здѣсь они по европейски начинаютъ принуждать брать.

[41]) По одной королевѣ и шести простыхъ. Сущность этой игры, разыгрываемой на шестигранной доскѣ (въ 91 мѣсто) изъ шестиугольниковъ, расположенныхъ кругами (въ центрѣ одно мѣсто, въ бортовомъ кругу—тридцать), состоитъ въ томъ, чтобы главною своею шашкою занять срединное поле, а прочими—окружающее его кольцо клѣтокъ; шашки двигаются вдоль по кругамъ и впередъ къ центру; чужая, оказавшаяся въ любкахъ по прямой линіи между двумя чужими, считается плѣненною; владѣлецъ ея въ свой слѣдующій *ходъ* обязанъ взять ее изъ любковъ и поставить на клѣтку бортового круга по своему выбору. Въ началѣ игры шашки свои, въ перемежку съ чужими черезъ одну клѣтку, ставятся на бортовомъ кругу, при чемъ въ угольной клѣткѣ, передъ которой сидитъ играющій, ставится своя королева, по сторонамъ ея

7) Взять болѣе одной шашки въ разъ въ шахматахъ нельзя, напротивъ, это обстоятельство въ шашкахъ составляетъ главный пріемъ веденія игры. Не только это допускается, но это обязательно, когда представляется случай, и шашка не докончившая удара, т. е. не взявшая всего, что слѣдуетъ, наказывается совершенно такъ же, какъ и та, что вовсе не беретъ. Это законъ взятія русскихъ шашекъ; въ другихъ странахъ онъ разработанъ подробнѣе, такъ что, напримѣръ, требуется брать наибольшее количество шашекъ, при чемъ убиваемыя дамки учитываются, какъ увеличивающія данную „взятку". Въ мельницѣ также нельзя взять болѣе одной шашки. Въ нардѣ въ одинъ ходъ можно взять отъ одной до четырехъ шашекъ, но здѣсь самый „ходъ", т. е. выполненіе всего того, что допустимо по числу выпавшихъ на костяхъ очковъ, можетъ состоять изъ одного или изъ четырехъ движеній; только тогда, если можно сдѣлать два, три или четыре движенія въ свой чередъ, можно и убить нѣсколько шашекъ; если же кости даютъ право лишь на одно передвиженіе, то убить болѣе одной чужой нельзя.

8) Цѣль шашекъ рѣзко отличается отъ средневѣковыхъ и новѣйшихъ шахматъ. Тамъ нападеніе на одну шашку, или какъ въ играхъ „осада крѣпости", „волки и овцы" нападеніе на нѣсколько клѣтокъ, или занятіе центральной клѣтки, какъ въ агонѣ и осадѣ Плевны [42]), рѣшаютъ все дѣло; въ *шашкахъ необходимо взять всѣ шашки или запереть оставшіяся.* Въ мельницѣ, какъ уже указано, двѣ послѣднія шашки вовсе не берутся, а въ китайско-японской игрѣ взятіе шашекъ—одинъ изъ пріемовъ игры, но не цѣль; если играющій успѣетъ окружить своими шашками число пустыхъ пунктовъ больше, чѣмъ противникъ, то онъ уже выигралъ; взятая шашка—лишь половина выигрыша, ибо очищенный отъ нея пунктъ ставится въ ту же цѣну, что и шашка.

9) Поддавковъ, какъ обычнаго явленія, въ шахматахъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ также ни въ мельницѣ, ни въ нардовыхъ играхъ, ни въ китайско-японскихъ шашкахъ, ни въ агонѣ. Едва ли возможно и создать здѣсь поддавки. И замѣчательно, что *поддавковъ вообще*

чужія простыя, затѣмъ двѣ своихъ и опять двѣ чужихъ. Королева отличается отъ стражи только тѣмъ, что можетъ ступить на срединную клѣтку. Кто окружитъ срединную клѣтку стражей, а королеву оставитъ внѣ круга своихъ шашекъ, тотъ проигралъ. Въ игрѣ вовсе нѣтъ ничьей. См. примѣч. 34-е.

42) Изданіе (см. пр. 4-е) О-ва Краснаго Креста въ пользу раненыхъ. Она составляетъ искусственное соединеніе игры агонъ съ русскими шашками. Въ ней многоклѣтчатая квадратная шашечница въ 13×13=169 клѣтокъ и по 12 одинаковыхъ шашекъ. Цѣль игры—занять центральную клѣтку,—Плевну,—своею шашкою или уничтожить чужія шашки. Если своя шашка попадетъ въ Плевну простымъ движеніемъ, то это—простое занятіе крѣпости, если же она станетъ туда въ концѣ взятія чужой (по правиламъ игры русской), то крѣпость взята штурмомъ. Мало интересная игра, принадлежащая къ тому разряду ихъ, который постоянно пополняется разными магазинами игрушекъ и учебныхъ пособій. Есть спеціальная публика, охочая до этихъ новинокъ, которая, очевидно, съ избыткомъ покрываетъ издержки по изданію.

нѣтъ въ играхъ востока. Въ шашкахъ же и въ производныхъ отъ нихъ играхъ поддавки оказываются вполнѣ осуществимыми; такъ, напримѣръ, въ столбовыхъ шашкахъ, гдѣ убитыя съ доски не удаляются и неоднократно возвращаются къ противнику, поддавки оказываются возможными не только въ идеѣ, а и на практикѣ. Даже въ переходахъ при нѣкоторыхъ усиліяхъ можно организовать поддавки, не говоря уже о клешняхъ.

Итакъ, мы нашли *девять* совершенно самостоятельныхъ пріемовъ, коихъ нельзя практически примѣнить къ шахматамъ безъ уничтоженія этой игры. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ шахматахъ было необходимо убивать подставленныя шашки, то вся игра была бы уничтожена. Если въ шашкахъ мы сдѣлаемъ попытку отмѣнить обязательность взятія,—то мы также совершенно уничтожимъ игру, ибо партнеръ во второй рукѣ при нѣкоторой сообразительности всегда будетъ стремиться запереть всѣ шашки противника, если же начинающій будетъ брать, то игра почти всегда будетъ кончаться ничьею. Во всякомъ случаѣ, если принципъ свободы взятія примѣнить къ шашкамъ и введеніемъ особыхъ правилъ приспособить такъ, что самая игра можетъ быть продолжаема, то это будетъ уже не обычная шашечная игра, а нѣчто совершенно новое.—Не отраженіе нападенія на одну шашку въ шахматахъ даетъ побѣду, хотя бы оно было сдѣлано безъ содѣйствія другихъ своихъ шашекъ, что мы и наблюдаемъ постоянно на практикѣ; напротивъ, въ шашкахъ нѣтъ партій, гдѣ какая-либо шашка не принимала бы участія въ игрѣ; даже запертая, она оказываетъ вліяніе на ходъ партіи какъ въ срединѣ ея, такъ и въ большинствѣ окончаній, ибо держитъ запирающія шашки, можетъ при случаѣ вступить въ игру, или стѣсняетъ движенія прочихъ шашекъ [43]).

Въ шашкахъ, въ обычной игрѣ, нельзя пожертвовать многими шашками и, не взявъ взамѣнъ ничего, выиграть игру; въ шахматахъ возможно съ однимъ царемъ и какою-нибудь пѣшкою дать матъ и выиграть, когда у противника на лицо превосходныя, но неудачно расположенныя силы; въ шахматахъ поэтому возможны многократныя и большія пожертвованія (вспомнимъ „безсмертную“ партію А. Андерсена противъ Кіезерицкаго [44]),

---

[43]) Такъ, въ польской игрѣ три дамки не могутъ выиграть противъ одной, даже занимая большую дорогу; если къ этому окончанію прибавить двѣ связанныхъ шашки, одну простую для одинокой дамки и одну простую же для трехъ дамокъ, поставивъ ихъ на двойникѣ такъ, чтобы первая шашка была заперта второю, то эти двѣ неподвижныя шашки дадутъ тремъ дамкамъ выигрышъ даже и въ томъ случаѣ, если одинокая дамка овладѣетъ большою дорогою.—Въ русскихъ шашкахъ въ положеніи *бѣлыя*: доведи g1, e1, простая h6, *черныя*: доведь h8—игра ничья, но ежели прибавить черную простую b8 и бѣлую простую a7, то бѣлые, какъ показалъ М. К. Гоняевъ, выиграютъ. (Въ шашкахъ испанскихъ и здѣсь будетъ ничья). См. примѣч. 46-е.

[44]) Вотъ эта партія, игранная на Лондонскомъ турнирѣ 1851 года (который былъ первымъ международнымъ турниромъ въ мірѣ). Бѣлые—А. Андерсенъ, черные—Л. Кіезерицкій 1. e2—e4, e7—e5; 2. f2—f4, e5 : f4; 3. Cf1—c4, Фd8—h4+; 4. Цe1—f1, b7—b5; 5. Cc4 : b5, Kg8—f6; 6. Kg1—f3, Фh4—h6; 7. d2—d3, Kf6—h5;

въ шашкахъ же это явленіе наблюдается лишь въ задачахъ съ запираніями, проблемахъ, почти не имѣющихъ ничего общаго съ практическою игрою. Въ шахматахъ случаются мѣны, гдѣ трудно точно опредѣлить выгоду или невыгоду таковой, въ шашкахъ почти всегда возможно выяснить свойство мѣны даже при появленіи дамокъ.

Наконецъ, поддавки,— эта замѣчательнѣйшая ярко-характерная особенность шашекъ,—есть слѣдствіе самостоятельныхъ законовъ этой игры, и ихъ вовсе не существуетъ въ другихъ играхъ! Правда, въ шахматныхъ *задачахъ* мы имѣемъ киперганн [45]), но это крайне искусственное видоизмѣненіе игры. Здѣсь одна сторона желаетъ получить матъ и для этого грозитъ матомъ же! Противникъ также съ своей стороны стремится къ полученію мата, но когда ему даютъ шахъ, отъ котораго иначе нельзя спастись, какъ давъ нежелательный матъ противнику,—онъ все-таки дѣлаетъ этотъ ходъ. Поддавки въ шашкахъ это игра съ *обратною цѣлью,* но съ тѣми же законами разыгрыванія; шахматныя киперганн не суть поддавки, а лишь развитіе обязанности защищать аттакуемаго царя, т. е. онѣ представляютъ случай ошибочной комбинаціи при игрѣ въ крѣпкую. Уже по одному этому можно утверждать, что киперганн—явленіе сравнительно позднѣйшее и несамостоятельное.

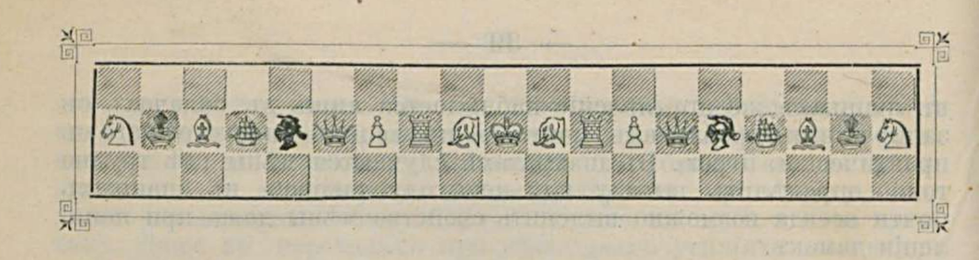
Итакъ, повторимъ, девять самостоятельныхъ пріемовъ въ шашкахъ, рѣзко отличныхъ отъ шахматъ, встрѣчающихся въ другихъ играхъ лишь случайно (притомъ, вѣроятно, и заимствованныхъ отъ шашекъ, каковы мизеры въ бостонѣ, распасовки въ преферансѣ и винтѣ и т. п.), т. е. одинъ признакъ въ одной, другой—въ другой игрѣ, и одинъ изъ нихъ—поддавки, не встрѣчаемый ни въ одной тавлейной игрѣ, ни даже въ позднѣйшихъ разновидностяхъ, въ родѣ агона, осады Плевны, ни въ древнѣйшемъ Нардѣ. Шесть же случаевъ, вполнѣ сходныхъ въ обѣихъ играхъ, встрѣчаются и во множествѣ другихъ.

Остается разсмотрѣть остальные элементы, встрѣчаемые въ большей или меньшей степени въ обѣихъ играхъ. Ясно, что только эти послѣдніе и могутъ послужить основаніемъ для сближенія шашекъ съ шахматами; лишь на нихъ можетъ опереться подозрѣніе о зависимости созданія шашекъ изъ игры шахматной. Посмотримъ, каковы эти элементы.

---

8. Kf3—h4, Фh6—g5; 9. Kh4—f5, c7—c6; 10. g2—g4, Kh5—f6; 11. Лh1—g1, c6 : b5; 12. h2—h4, Фg5—g6; 13. h4—h5, Фg6—g5; 14. Фd1—f3, Kf6—g8; 15. Cc1 : f4, Фg5—f6; 16. Kb1—c3, Cf8—c5; 17. Kc3—d5, Фb6 : b2; 18. Cf4—d6!, Cc5 : g1 (при Cc5 : d6 матъ въ 4 хода); 19. e4—e5! Фb2 : a1+; 20. Цf1—e2, Kb8—a6. Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода: 21. Kf5 : g7+, Цe8—d8; 22. Фf3—f6+!!, Kg8 : f6; 23. Cd6—e7×. Достоинство партіи въ томъ, что и при 20. ..:Cc8—a6!, какъ указалъ М. Чигоринъ, черные все-таки проигрывали (См. „Шахм. Листокъ", 1879 г., стр. 175—178).

[45]) „Самоматъ", по переводу учебн. Дюфреня въ изд. Губинскаго 1897 г.— Здѣсь есть и еще курьезъ: „Не всегда партія кончается въ серединѣ игры"!? См. мою рецензію въ „Конской охотѣ" 1897 г.

V.

Каковы же элементы, присущіе и шахматамъ, и шашкамъ?

1) Если простая ходитъ только впередъ, то подобное же направленіе имѣетъ и пѣшка въ шахматахъ; но пѣшки не составляютъ всего содержанія игры шахматной: онѣ сравнительно мало принимаютъ участія въ битвѣ, и сила ихъ возрастаетъ постепенно лишь съ освобожденіемъ доски, съ уничтоженіемъ фигуръ. Въ шашкахъ же какъ разъ наоборотъ: сила простыхъ къ концу игры уменьшается и иной разъ пріобрѣтаетъ даже отрицательное значеніе [46]).

2) Въ шахматахъ пѣшка, дойдя до послѣдняго ряда, превращается въ фигуру, или въ средніе вѣка (но не въ древности) только въ альферецу, аналогично съ превращеніемъ простой въ дамку. Но въ шахматахъ только одна пѣшка имѣетъ свойство мѣнять свои права [47]),—въ шашечной игрѣ всѣ простыя обладаютъ этимъ свойствомъ. Независимо отъ этого, важно обра-

---

[46]) Такъ, три дамки не могутъ выиграть противъ одной доведи, находящейся на большой дорогѣ, но если при одинокой есть простая, то выигрышъ иной разъ и возможенъ. Напримѣръ, *бѣлыя* доведи c1, e1, g1, *черная* доведь a1—игра ничья, но если прибавить сюда черную простую на h8, то бѣлыя выигрываютъ и не только при своемъ ходѣ, но и при ходѣ черныхъ. Такое отрицательное вліяніе проявляетъ простая не по тому только, что своимъ присутствіемъ отнимаетъ у доведи свободу движеній, но и вслѣдствіе законовъ взятія. Послѣ 1. ... h8—g7; 2. c1—e3, a1—f6! 3. g1—h2, черные могутъ сдвинуть простую съ большой дороги 3. ... g7—h6, но 4. e3—g5 даетъ бѣлымъ выигрышъ.—Въ положеніи *бѣлыя* дамки d2, f8, простая h4, *черныя* простыя a7, h6 и b2 бѣлые при своемъ ходѣ выигрываютъ послѣ 1. d2—f4, b2—a1; 2. h4—g5, даже не проводя своей простой въ доведи.—Съ особенною рѣзкостью выступаетъ отрицательное значеніе черной простой въ этюдѣ М. К. Гоняева, (указанномъ въ 43-мъ примѣчаніи). Положеніе его народными игроками считается ничьею, но бѣлые выигрываютъ, вынуждая черныхъ стать дамкою на f6 или покинуть большую дорогу: 1. g1—c5, h8—e5 (если h8—f6, то сейчасъ же e1—a5); 2. e1—d2, e5—h8; 3. d2—b4, h8—e5; 4. b4—e1, e5—f6 (ибо на e5—h8 слѣдуетъ, h6—g7, а на e5—a1, e1—c3); 5. e1—a5, и черная доведь не имѣетъ хода; если же она покинетъ большую дорогу, то бѣлые, занявъ ее, проведутъ h6 и выиграютъ безъ труда.

[47]) Изумительною особенностью обладаютъ лишь японскія шахматы: въ нихъ не только пѣшки, но и прочія фигуры, дойдя до извѣстнаго ряда (не до крайняго даже) клѣтокъ противника превращаются въ особаго рода ферзя.

тить вниманіе, во что̀ именно превращается пѣшка: она дѣлается тѣмъ, что̀ въ игрѣ уже было; дамка же въ шашкахъ явленіе *новое*, то, *чего въ игрѣ ранѣе не было.* Во что̀ бы ни была обращена извѣстная намъ пѣшка,—она не сохраняетъ почти ничего общаго съ своими прежними правами, съ ходомъ пѣшки; наоборотъ, дамка *есть прямое дальнѣйшее развитіе правъ простой*, какую бы мы ни взяли шашечную игру. При этомъ дамка есть всегда фигура съ *расширенными*, или *увеличенными правами простой*, въ средневѣковомъ же шатренджѣ превращеніе пѣшки въ ферзя даже уменьшало нѣкоторымъ образомъ ея права.—Доведь беретъ такъ же, какъ и простая, т. е. иначе, чѣмъ ходитъ; всякая же фигура, сдѣланная изъ шахматной пѣшки, беретъ тѣмъ же путемъ, какъ и ходитъ, т. е. *иначе, чѣмъ пѣшка.* Почему именно проведеніе простой въ дамки должно было произойти по аналогіи съ шахматами, да еще и по аналогіи съ ферземъ преимущественно? Развѣ сама шашечная игра, *помимо шахматъ*, не заставляла рѣшить вопроса: „что же дѣлать съ шашкой, когда она дойдетъ до послѣдняго ряда и уже не въ состояніи будетъ двигаться впередъ?“ И, дѣйствительно, рѣшеніе здѣсь послѣдовало самостоятельно и было совершенно инымъ противъ шахматнаго. Тамъ проведенная пѣшка не вноситъ въ игру ничего *новаго*, ибо въ древнѣйшей формѣ игры она обращалась въ ладью, коня, слона или царя, а въ средневѣковой въ ферзя, бывшаго уже неотъемлемою принадлежностью состава фигуръ, въ игрѣ же шашечной, въ образѣ дамки, мы видимъ новую фигуру, которой ранѣе въ игрѣ не было; съ появленіемъ первой же дамки въ партіи, создаются новыя комбинаціи, *новая игра.*—Нельзя забывать при этомъ, что въ шахматахъ проведеніе пѣшки событіе сравнительно рѣдкое и не необходимое: множество партій могутъ кончаться безъ этого; напротивъ, въ шашкахъ проведеніе въ доведи составляетъ такой пріемъ игры, который не можетъ быть упущенъ ни на минуту, и уже черезъ нѣсколько ходовъ послѣ начала игры возникаетъ забота объ освобожденіи пути для прохода въ дамки [48]).

Въ шашкахъ проведеніе простой есть одна изъ главнѣйшихъ цѣлей игры, въ шахматахъ это одно изъ побочныхъ явленій; извѣстно, что въ отступленіяхъ отъ основной шахматной игры встрѣчаются такія правила, по коимъ пѣшка, дойдя до дальняго борта, ни во что не превращается; такъ это, напримѣръ, и сейчасъ въ Италіи, гдѣ пѣшка превращается въ ту фигуру, на мѣстѣ коей она дѣлается офицеромъ; если оба данныхъ офицера на лицо, то пѣшка ни во что не превращается и стоитъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не будетъ взятъ.—Итакъ, въ переименованіи простой въ доведь и пѣшки въ офицера мы имѣемъ лишь внѣшнее сходство, случайное совпаденіе, ибо доведь вызывалась строемъ самой шашечной игры [49]).

---

[48]) См. примѣчаніе 29-е о Филидорѣ.

[49]) Впослѣдствіи мы покажемъ, что скорѣе превращеніе пѣшки въ альферецъ произошло подъ вліяніемъ шашекъ, чѣмъ наоборотъ.

3) Простая и дамка берутъ иначе, чѣмъ ходятъ; то же явленіе наблюдается и въ шахматной пѣшкѣ: она движется прямо, а бьетъ вкось. Однако и здѣсь внимательный разборъ указываетъ разницу. Шашка беретъ по направленію своего хода впередъ (право бить назадъ—явленіе новѣйшее), пѣшка же беретъ по другому пути; она не увеличиваетъ, какъ простая, своего поступательнаго движенія, взятіе передвигаетъ ее на столько же, какъ и простой ходъ, и принципъ взятія у нея тотъ же, что и у фигуръ—постановка на мѣсто убитой. Къ этому можно добавить, что и въ средневѣковомъ шатренджѣ пѣшка могла ступить иногда изъ дому болѣе одного шага, движеніе же шашки всегда одно и то же, оно увеличивается только во время удара. Такимъ образомъ и здѣсь обнаруживается, что сходство пѣшки съ простою шашкою внѣшнее.

Дабы выяснить отдаленность этого сходства, мы должны указать на одинъ законъ, который, кажется, никѣмъ еще до сихъ поръ не подмѣченъ. Онъ состоитъ въ томъ, что *во всякой игрѣ, гдѣ шашка по произвольному разсчету движется однообразнымъ движеніемъ только впередъ, она должна брать иначе, чѣмъ ходитъ*, въ противномъ случаѣ не будетъ вовсе и игры. И этотъ законъ видимъ мы въ движеніи пѣшки, во всѣхъ шашечныхъ играхъ чистаго разсчета и въ ихъ видоизмѣненіяхъ; онъ наблюдается и въ тѣхъ играхъ, гдѣ шашки (частію или вовсе) не ходятъ, какъ мельница и китайско-японскія шашки. Въ нардѣ шашка беретъ одинаково съ ходомъ, но тутъ движеніе шашки хотя и направляется только впередъ, но не однообразно, ибо иной разъ шашка передвигается на одно мѣсто, иной разъ больше двадцати.

4) Выигрышъ въ шашкахъ достигается посредствомъ подставки и обязательной мѣны; взятія нѣсколькихъ чужихъ вмѣсто своей одной; оттѣсненія свободныхъ шашекъ противника такъ, чтобы онѣ дѣлали только извѣстные ходы; запиранія чужихъ шашекъ и своевременнаго занятія оппозиціи, какъ тонкости игры. То же отчасти можемъ найти мы и въ шахматахъ, гдѣ мѣна бываетъ обязательною, когда иначе нельзя защитить царя, или вызывается необходимостью для поддержанія равновѣсія. Извѣстно, что при однѣхъ только пѣшкахъ шахматы весьма сходны по разсчетамъ съ шашками, и самая мѣна становится почти обязательною [50]).

---

[50]) Интересно, что шахматисты считаютъ игру въ шахматы наиболѣе трудною, когда она приходитъ къ борьбѣ однѣхъ пѣшекъ между собою. Въ шахматной литературѣ встрѣчается не мало положеній, помѣщавшихся многіе десятки лѣтъ въ лучшихъ сборникахъ съ какимъ либо однимъ рѣшеніемъ, которое впослѣдствіи, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, оказывалось невѣрнымъ. Эти обстоятельства могутъ отчасти показать, что люди, незнакомые съ шашками, крайне заблуждаются, считая игру въ нихъ болѣе или менѣе незамысловатою. „Шахматный игрокъ, пишетъ Эдгаръ Поэ, отлично вычисляетъ, напримѣръ, не анализируя. Отсюда слѣдуетъ, что значеніе шахматной игры въ смыслѣ упражненія ума, понимается весьма неправильно. Я не хочу писать трактата объ анализѣ, но написавъ эти строчки, какъ вступленіе къ

Но косвенно вынужденная мѣна не есть правило, и въ шахматахъ, особенно современныхъ, цѣлью игры все-таки остается

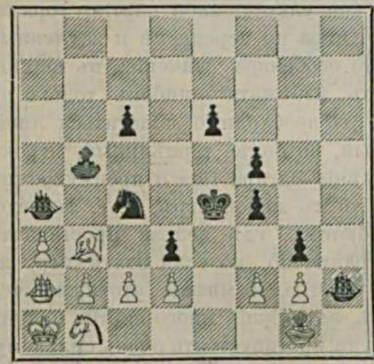
моей книгѣ, я пользуюсь случаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, скорѣе догадокъ. Итакъ, я заявляю, что высшая сила мышленія гораздо болѣе находитъ себѣ примѣненій въ скромной игрѣ въ шашки, чѣмъ въ затѣйливыхъ тонкостяхъ шахматъ. Въ этихъ послѣднихъ фигуры имѣютъ различные и причудливые ходы, пользуются большимъ или меньшимъ значеніемъ, и одна только сложность принимается за глубину,—ошибка самая обычная, главное дѣло здѣсь одно вниманіе. Ослабѣй оно хоть на минуту,—упущеніе сдѣлано, и вся игра разстроена, или пропала; а возможность ходовъ не только разнообразныхъ, но еще и въ попятномъ движеніи, усиливаетъ шансы на подобное упущеніе, и девять разъ изъ десяти выигрываетъ не искусный, а наиболѣе сосредоточенный игрокъ. Напротивъ, въ шашкахъ, гдѣ въ сущности лишь единственный ходъ, мало измѣняющійся, особаго вниманія не требуется, и побѣда зависитъ единственно отъ проницательности".

Въ самомъ дѣлѣ, въ шашкахъ нерѣдко, даже въ началѣ партіи, приходится производить глубокій разсчетъ, до такого положенія, когда можетъ быть выясненъ окончательно самый исходъ партіи, а этотъ послѣдній зависитъ часто отъ оппозиціи одной или двухъ шашекъ, которая въ свою очередь можетъ быть нарушена простою мѣною шашки на шашку. Прослѣдить это умственно чрезвычайно трудно; но провѣрить большинство разсчетовъ, проставляя ходы, т. е. разбирая варіанты у себя на дому или въ консультаціонной партіи, гораздо легче, чѣмъ въ шахматахъ. Благодаря этому, игра по перепискѣ и заученныя партіи пріобрѣтаютъ въ шашкахъ совершенно особенное значеніе; въ шахматахъ справка съ книгами даетъ возможность избѣжать ошибокъ только въ дебютѣ, но затѣмъ наступаетъ средина игры, гдѣ необходимо полагаться лишь на свои силы; въ шашкахъ же и болѣе слабый, но болѣе терпѣливый, игрокъ можетъ противустоять сильному. Поэтому мнѣніе Эдгара Поэ о преимуществѣ шашекъ весьма интересно, если прилагать его къ живой игрѣ, т. е. къ веденію партіи за доской и притомъ новымъ дебютомъ, гдѣ нельзя проставлять варіантовъ, и гдѣ время на обдумываніе ограничено, но если взять игру по перепискѣ, или серьезную консультаціонную партію, то мнѣніе это нуждается въ большой поправкѣ. Въ шашкахъ человѣкъ, заучившій много партій, будучи слабымъ по игрѣ, можетъ за доскою безъ труда противустоять очень сильному, иногда можетъ въ этомъ случаѣ оказаться даже выше сильнаго, если случайно тотъ попадетъ на неизвѣстную ему игру. Но если игра развернулась одинаково, дошла до средины, то игрокъ сильный всегда конечно будетъ имѣть преимущество, т. е. игра придетъ въ то же положеніе, какъ и въ шахматахъ, ибо сильный сумѣетъ воспользоваться самымъ незначительнымъ преимуществомъ, и воспользуется онъ имъ на основаніи общей оцѣнки положенія, мало доступной для слабаго любителя. И здѣсь шашечный игрокъ также будетъ играть не анализируя, а полагаясь, такъ сказать, на „верхнее чутье", т. е. избирая продолженія не по выгодности ихъ, а по относительной безвредности, въ силу необходимости ходить. Но въ шахматахъ такое положеніе встрѣчается почти всегда, т. е. и при игрѣ по перепискѣ, а въ шашкахъ, при извѣстномъ запасѣ терпѣнія, по перепискѣ можно проанализировать главные варіанты до самаго конца партіи. Такимъ образомъ игры не сравнимы. Если же прибавить, что въ шашечницѣ только 32 клѣтки, а въ шахматницѣ 64, что число комбинацій при просмотрѣ ихъ впередъ можетъ быть въ шашкахъ сокращаемо обязательной

мать. Поэтому всѣ пріемы самаго веденія шахматной партіи являются подчиненными случайнымъ событіямъ, изъ коихъ ненарушимымъ правиломъ остается только защита царя. Можетъ разыграться великое множество партій, гдѣ не придется ни разу подумать о своевременномъ занятіи оппозиціи въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ въ шашкахъ, или при игрѣ одними пѣшками въ шахматахъ. Оттѣсненіе шашекъ противника въ шахматахъ возможно лишь по отношенію къ царямъ, при воздѣйствіи ихъ другъ на друга, но и здѣсь эти фигуры не приближаются вплотную, какъ въ шашкахъ.

5) Запираніе въ шашкахъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ игры; оно практикуется или въ срединѣ, для временнаго воздѣйствія на противника, или какъ конечная цѣль. Послѣдній случай осуществимъ только при лишеніи противника всѣхъ остальныхъ его шашекъ. Для этого на практикѣ требуется обыкновенно большой перевѣсъ въ силахъ: или въ качествѣ шашекъ, или даже въ ихъ количествѣ. Выиграть игру, оставшись съ меньшимъ количествомъ шашекъ, возможно, лишь заперевъ дамку и нѣсколько простыхъ. Этого почти не бываетъ на дѣлѣ, и ежели такое событіе происходитъ, то оно становится анекдотомъ, т. е. характеризуетъ исключеніе. Силы запирающаго въ шашкахъ бываютъ одинаковыми съ силами противника лишь въ партіи, гдѣ всѣ находящіяся при началѣ игры шашки запираются, не помѣнявшись ни разу; эта партія, хотя и рѣдко, встрѣчается на практикѣ, и именно у несвѣдущихъ игроковъ [51]).

Ж. Дюфрень
Черные.

Бѣлые.

Запираніе наблюдается и въ шахматахъ; напримѣръ, пѣшки могутъ запирать ходъ другъ другу; но здѣсь, въ шахматахъ, дѣло иное: встрѣтившіяся пѣшки своими ходами не могутъ освободить себя, онѣ должны либо ожидать возможности взять въ сторону и въ

мѣной,—то теоретически надо признать, что игра въ шашки легче шахматной. Практика, однако, указываетъ, что весьма хорошіе шахматисты часто играютъ не только очень не сильно въ шашки, но и не могутъ усвоить характера этой игры. И надо думать, что обѣ игры удержатъ свою самостоятельность: шахматы не вытѣснятъ шашекъ. Изъ видоизмѣненій же шашекъ есть такія, веденіе партіи въ которыхъ пока еще выше обыкновеннаго умственнаго уровня, они могутъ практиковаться только по перепискѣ. Таковы столбовыя шашки даже безъ сохраненія убитыхъ дамокъ.

[51]) Игра 4-я учебника А. Д. Петрова, 1827 г.: 1. g3—h4, h6—g5; 2. f2—g3, g7—h6; 3. e3—d4, d6—e5; 4. a3—b4, b6—a5; 5. b2—a3, c7—b6; 6. b4—c5, g5—f4; 7. a3—b4, h6—g5; 8. g1—f2, b8—c7; 9. f2—e3, c7—d6; 10. a1—b2, h8—g7; 11. b2—a3, g7—h6; 12. c1—b2, f8—g7; 13. e1—f2, d8—c7. Всѣ бѣлыя заперты.

другомъ ряду получить ходъ, либо воспользоваться случаемъ, когда одна изъ запирающихъ будетъ взята какою-либо шашкою противника. Такимъ образомъ, это не запираніе въ шашечномъ смыслѣ, а встрѣча двухъ шашекъ, которыя временно не могутъ разминуться.—Возможно придумать запираніе и въ чисто-шашечномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, въ положеніи діаграммы бѣлые послѣ ходовъ 1. f2—f3+; 2. Фg1—d4+; 3. c2—c3+ не имѣютъ ни одного хода, заперты совершенно, какъ въ шашкахъ. Это не патъ, а полное отсутствіе ходовъ. Подобное положеніе, однако, исключительно, и притомъ до того, что вовсе не предусматривается въ шахматныхъ уставахъ и почти не фигурируетъ въ задачахъ. Если о такой позиціи и возбуждался вопросъ, то *подъ вліяніемъ шашекъ*. Представить же себѣ партію, которая окончилась бы шахматнымъ заключеніемъ, прямо таки нельзя, не говоря уже о запираніи всѣхъ шашекъ какой-либо стороны [52].

Итакъ, подводя итоги соображеніямъ о сходныхъ элементахъ въ шахматахъ и шашкахъ, мы должны пріити къ тому выводу, что сходства эти, при ближайшемъ разборѣ, оказываются также далеки другъ отъ друга, какъ и прежде указанныя. Слѣдовательно и на нихъ никоимъ образомъ нельзя ссылаться въ гипотезахъ о созданіи шашекъ изъ шахматъ.

[52]) Наиболѣе вѣроятно появленіе запираній на практикѣ въ игрѣ четверной, о чемъ указано впервые мною въ „Охотникѣ“ 1887 г., №№ 12 и 13. См. „Московскій Шахматный Альманахъ“ 1893 г., гдѣ статья эта перепечатана. (Стр. 57, сноска 2-я).

Здѣсь кстати сдѣлаю два замѣчанія объ этомъ Альманахѣ. Во 1-хъ, изданіе его было сдѣлано на три четверти на средства покойнаго М. М. Жеребцова, пожелавшаго поддержать „Шахматное Обозрѣніе“. Во 2-хъ, въ предисловіи къ Альманаху намѣренно ошибочно указано П. Бобровымъ, будто и отдѣлъ въ „Зрителѣ“ велся имъ. Онъ велся мною, и я лишь въ 1881 году познакомился съ П. Бобровымъ, который до этого знакомства со мной вовсе не занимался ни шахматами, ни шашками, и нигдѣ еще ничего не печаталъ. (ib. V, стр. 67).

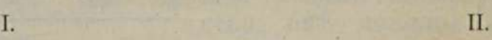
VI.

Обратимся теперь къ шахматной доскѣ, заимствованіе которой представляется на первый, по крайней мѣрѣ, взглядъ аксіомой, не требующей доказательствъ.

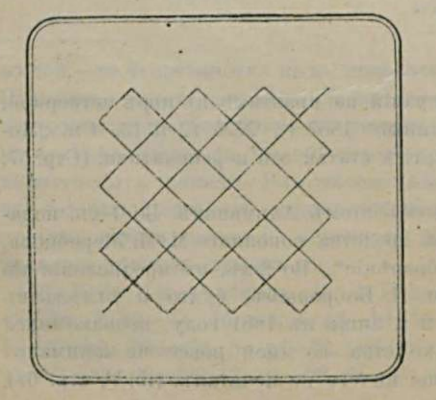
Положеніе шашечницы между играющими во всѣхъ странахъ то же, что и въ шахматахъ. Играютъ, по большей части, на черныхъ клѣткахъ, но въ печати иногда (главнымъ образомъ во Франціи и Англіи) шашки располагаютъ на поляхъ свѣтлыхъ. Это, кажется, просто слѣдствіе типографскаго набора, который первоначально (какъ и у насъ) былъ изготовленъ на бѣлыхъ клѣткахъ. Въ этихъ случаяхъ доска поворачивается, т. е. сохраняется направленіе большой дороги слѣва направо. Интересно, что въ Испаніи и Италіи печатныя руководства хотя располагаютъ шашки на бѣлыхъ поляхъ, но положеніе доски сохранили „шахматное“.

Итакъ, не только шашечница одинакова по своему виду съ шахматницей, но даже положеніе ея между играющими такое же, что и въ шахматахъ.

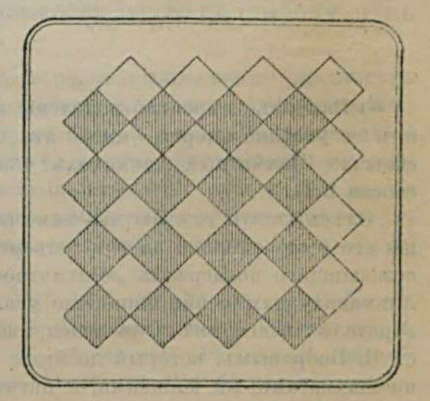
Осмѣлимся, однако, задаться вопросомъ: необходима ли шахматница, не въ состояніи ли шашки обойдтись безъ нея, не могутъ ли онѣ создать какой-нибудь *своей* доски? На практикѣ мы такихъ досокъ не знаемъ, но еще Кохъ въ своемъ учебникѣ (J. Koch. Das Damenspiel. Magdeburg. 1811) и позднѣе Poirson-Prugneaux въ своей Encyclopédie du jeu de dames (Commerci. 1855) указали эту возможность. Въ самомъ дѣлѣ, шашки, нисколько не мѣняя своихъ правилъ, могутъ имѣть пять своихъ досокъ. Посмотримъ

I.

II.

рисунки. На первомъ изъ нихъ шашки должно ставить на концы и пересѣченія линій; пересѣченія эти возможно отмѣтить кружками, въ родѣ того, какъ въ играхъ „осада крѣпости“, или можно совсѣмъ уничтожить линіи, оставивъ одни кружечки, мѣста для шашекъ, и доска получится въ родѣ той, что въ игрѣ „пустынникъ“ (солитеръ); вторая доска раскрашена, но ее можно сдѣлать одноцвѣтною, или для раскраса употребить не два цвѣта, а болѣе, можно даже каждой клѣткѣ придать свой оттѣнокъ. Наиболѣе удобными будутъ, конечно, доски, представленныя на рисункахъ, одноцвѣтная же клѣтчатая доска и доска безъ линій, „въ ямкахъ“, будутъ не практичны.

Всѣ эти доски имѣютъ то отличительное свойство, что въ нихъ нѣтъ ни одного лишняго пункта, такого, который не былъ бы необходимъ для игры. Это свойство, *экономія средствъ*, наблюдается *во всѣхъ рѣшительно играхъ*, кромѣ современныхъ шашекъ и ихъ ближайшихъ варіацій. Таковы шахматы, мельница, китайско-японская игра, нардъ, агонъ, „осада крѣпости“, „пустынникъ“ и т. д. Нигдѣ нѣтъ *лишнихъ* мѣстъ, только однѣ шашки (и ихъ варіаціи [53]) выбрасываютъ изъ употребленія цѣлую половину доски, чѣмъ и придаютъ особое свойство шахматницѣ, превращая ее въ *шашечницу* съ четырнадцатью бортовыми полями, гдѣ шашка не можетъ быть непосредственно аттакована.

Почему же шашки не пользуются ни одной изъ *своихъ* досокъ, а употребляютъ для этого шахматную? Потому, отвѣчаютъ намъ ванъ-деръ-Линде и Гоняевъ, что шашки произошли изъ шахматъ и заимствовали оттуда доску. Но мы уже съ достаточною ясностью доказали, что правила шашечной игры не имѣютъ ничего общаго съ шахматами, слѣдовательно, первая часть отвѣта не вѣрна; разсмотримъ же вторую, кажущуюся несомнѣнной.

Если допустить, что шашки получили доску изъ игры шахматной, то когда это произошло? Отвѣта дать мы не можемъ, ибо не рѣшенъ самый вопросъ, получила-ли шашечная игра доску отъ шахматъ. Поэтому измѣнимъ его и попробуемъ опредѣлить, ранѣе какого времени не могло произойти заимствованія шахматницы? На это мы можемъ отвѣтить съ точностью: это могло совершиться только *послѣ раскраса доски*, послѣ того, какъ шах-

[53]) Кавказскія шашки, однако, играются на шахматницѣ, и это, въ связи съ постановкой шашекъ въ два ряда и числомъ ихъ шестнадцать, даетъ основаніе сказать, что онѣ составлены изъ шахматъ и шашекъ. Въ кавказской игрѣ нѣтъ разницы между путями, они всѣ одинаковы, въ восемь мѣстъ; шашки вмѣсто двухъ направленій имѣютъ одно, а для взятія четыре, такъ что дамка пріобрѣтаетъ свободу движеній вчетверо болѣе противъ простой, а не вдвое, какъ въ прочихъ играхъ. Вмѣсто 14 угловыхъ полей здѣсь ихъ только четыре; благодаря этому и запираются здѣсь шашки иначе, а именно двѣ шашки останавливаютъ движеніе двухъ въ томъ родѣ, какъ останавливаютъ другъ друга пѣшки. Принадлежитъ ли игра эта къ числу древнихъ, и не представляетъ-ли она созданія относительно-новѣйшаго времени, т. е. позднѣе появленія на Кавказѣ шахматъ?—Она также зовется „дамâ“.

матница изъ одноцвѣтной превратилась въ двуцвѣтную. Если сами шахматисты нашли неудобной свою древнюю доску и существенно измѣнили ея внѣшность, то играть въ шашки на одноцвѣтной шахматницѣ, не употребляя въ дѣло 32 клѣтокъ, было прямо таки невозможно. Здѣсь совершенно ускользали бы свойства шашечницы, угловыя клѣтки терялись бы, а сложные удары были бы такъ запутанны, что вели бы къ постояннымъ спорамъ и недоразумѣніямъ. Итакъ, до раскраса шахматницы, употребленіе ея для шашекъ было немыслимо.

Когда была расписана шахматная доска, и чѣмъ это было вызвано? Сколько извѣстно, ясное упоминаніе о двуцвѣтной доскѣ, по словамъ шахматистовъ, впервые встрѣчается у Іоанна Галлензскаго (Гваленэскаго, или Валензскаго) родомъ изъ Валиса (Wales) жившаго, кажется, въ Парижѣ около 1260 года [54]).

Онъ написалъ латинское сочиненіе, въ которомъ между прочимъ встрѣчаются слова: „свѣтъ подобенъ доскѣ съ бѣлыми и черными полями, на которой люди, какъ шахматныя куклы, занимають разныя мѣста". Другое упоминаніе объ этомъ же, судя по Линде, видимъ мы у Іакова Вессольскаго, монаха доминиканскаго ордена, жившаго во времена императора Фридриха († 1250 г.) въ сочиненіи о шахматахъ; отсюда видно, что шахматница въ то время не только была раскрашена, но и ставилась между играющими такъ же, какъ и теперь. Въ рукописи Алонзо, которая окончена въ Севильѣ въ 1283 году, на одномъ рисункѣ (перепечатанъ у Линде въ Quellenstudien) изображены два рыцаря за раскрашенной доской, а положеніе ея опять то же. Эта рукопись, говорять намъ, интересна тѣмъ, что она есть древнѣйшій, *европейскій, изъ арабскихъ источниковъ* образовавшійся, предшественникъ цѣлаго ряда подобныхъ средневѣковыхъ трактатовъ о шахматахъ, триктракѣ, мельницѣ („Шахм. Лист." 1879 г., стр. 330 [55]).

Всѣ три источника говорять о двуцвѣтной доскѣ, какъ о явленіи всѣмъ хорошо извѣстномъ; слѣдовательно, раскрасъ доски былъ общепринятымъ обычаемъ уже въ половинѣ XIII вѣка и мы, опираясь на эти данныя, не сдѣлаемъ никакой ошибки, если отнесемъ появленіе двуцвѣтной доски *въ шахматахъ* не только къ половинѣ XII вѣка, но даже къ его началу. На самомъ дѣлѣ это, какъ мы потомъ покажемъ, должно было случиться гораздо ранѣе.

---

[54]) Въ Histoire litteraire de la France (vol. XIX, p. 147 et XXI, p. 293) сказано, что Jean de Galles, Gallensis въ 1262 году получилъ степень доктора теологіи въ парижскомъ университетѣ, при чемъ прибавлено, что было нѣсколько докторовъ, носившихъ это имя, и что біографіи ихъ не могуть быть разобраны. Сочиненіе Іоанна было впервые издано въ XV столѣтіи. См. Linde, G. I, 149.

[55]) Кстати укажу здѣсь, что въ статьѣ „Мавританскій стиль" (В. П. Боткинъ. Письма объ Испаніи), помѣщенной въ исторической хрестоматіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. пр. П. Г. Виноградова (Книга для чтенія.... вып. II, изд. 3, М. 1903) восьмая таблица изображаетъ „Львиный дворъ въ Альгамбрѣ" (по фотот. К. Фишеръ въ Москвѣ). Здѣсь на полу нѣсколько двуцвѣтныхъ шашечницъ въ 8×8 клѣтокъ. Альгамбра построена въ XIII—XIV в.в.

Замѣчательно, что нововведеніе въ раскрашиваніи шахматной доски появилось въ Европѣ и затѣмъ усвоилось лишь *европейскими народами*. Внѣ Европы и европейскихъ колоній, какъ извѣстно, даже въ настоящее время существуетъ еще одноцвѣтная [56]), не раскрашенная, доска, и несмотря на постоянное общеніе съ европейцами, не мало восточныхъ и южныхъ народовъ продолжаютъ упорно употреблять для шахматъ древнюю одноцвѣтную доску.

Что послужило поводомъ къ окрасу доски? Вопросомъ этимъ историки-шахматисты почти не задавались. Въ шахматныхъ рукописяхъ попадаются задачи, гдѣ одна сторона при большомъ количественномъ перевѣсѣ не можетъ побѣдить другой. Такъ, на діаграммѣ („Шахм. Лист.“ 1879 г., стр. 204) черные не могутъ выиграть при ходѣ бѣлыхъ: ни одна бѣлая шашка не можетъ быть аттакована черными, ибо альфереццы ихъ ходятъ только по чернымъ полямъ, свободныя пѣшки превращаются также въ ферзей на черныхъ клѣткахъ, пѣшка a5 и по освобожденіи превратится въ черную же альфереццу, а альфиль c8 также не можетъ ни на что напасть,—ибо въ шантренджѣ, какъ извѣстно, онъ имѣлъ ходъ только на третью отъ себя клѣтку (за то могъ ходить и чрезъ шашки), т. е. на a6, c4, a2, e2, g4, e6 и g8. Слѣдовательно послѣ 1. Af1—d3, Це5—e4; 2. Ad3—f5, Це4—f3; 3. Af5—h7, Цf3—g3; 4. Ah7—f5 и затѣмъ Цg6—h7—g6, игра—ничья. Если бы первый ходъ былъ

Шатренджъ.
Черные.

Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ, игра ничья.

---

56) См., напр., статейку „Остатки восточной шахматной игры въ Алжирѣ“, переведенную изъ Stratégie (безъ указанія года и № журнала), въ „Шахмати. Обозр.“ 1902 г., № 54, стр. 456—457. „Иностранецъ—любитель шахматной игры.... замѣтить, проходя.... картину любопытнаго архаизма. Въ витринѣ.... въ бюро уличнаго писца, сидятъ по восточному на цыновкахъ два старика.... Передъ ними лежитъ большой кусокъ грубаго полотна, раздѣленный на 64 бѣлыхъ клѣтки. Отъ времени до времени одинъ изъ нихъ тихонько царапаетъ.... клѣтку раньше, чѣмъ поставить на нее фигуру.... Ихъ шахматамъ болѣе ста лѣтъ; ...они напоминаютъ индусскія мусульманскія фигуры изъ музея.... Множество мавровъ,—арабы-горожане, проходящіе мимо,—не знаютъ даже названія игры. Нѣкоторые, болѣе просвѣщенные, говорятъ: „это стронджe“.... они говорятъ это съ извѣстнымъ почтеніемъ, хотя ничего дальше не знаютъ объ игрѣ. ...Чернь, которая наполняетъ теперь многочисленныя кофейни, играетъ въ вульгарную „дамма“, игру въ шашки, болѣе скромную, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ она играется на 64 клѣткахъ при 12 шашкахъ у каждаго партнера, и шашка не имѣетъ права брать назадъ, прежде чѣмъ не пройдетъ въ дамки.—Возвратимся къ нашимъ игрокамъ. Они играютъ, какъ, вѣроятно, играли во времена Саладина.... Къ нимъ перешли всѣ правила отъ предковъ такъ же, какъ ихъ

за черными, то они выигрывали бы: 1... c5—c4; 2. ∼, e3—e2 и затѣмъ, взявъ альфиля на d3 или f1, они получали бы бѣлую альферецну и выигрывали. При нынѣшней доскѣ все это легко сообразить, но въ древней игрѣ задача казалась удивительной, и надо было посвятить извѣстное количество времени на сображеніе, что шашки черныхъ находятся въ другомъ *порядкѣ* клѣтокъ.

Конечно, эти и имъ подобныя положенія могли натолкнуть на мысль раскрасить доску, но не это было главною побудительною причиною, ибо, повторимъ, мы видимъ, что и сейчасъ древняя доска еще не оставлена на востокѣ и у восточныхъ народовъ [57]).

Новые обычаи въ распространенныхъ играхъ вводятся съ большимъ трудомъ, и потому если бы мысль раскрасить доску появилась у шахматистовъ, то, во-первыхъ, мы увидѣли бы нѣсколько способовъ этого раскраса а, во-вторыхъ, оказались бы европейскія страны, которыя вовсе бы его не приняли; да и о самомъ раскрашиваніи сохранились бы какія-нибудь легенды или сказанія. Ничего изъ этого не случилось. Гораздо вѣроятнѣе, что способъ раскраса доски, именно въ два цвѣта попеременно, взятъ откуда нибудь, гдѣ онъ уже прочно утвердился. Такое заимствованіе до сего времени не выяснено, а между тѣмъ не можетъ не броситься въ глаза обстоятельство, что оно явилось и прочно водворилось только въ Европѣ. Линде и другіе шахматисты обходятъ вопросъ объ измѣненіи восточной доски молчаніемъ, указывая лишь на самый фактъ, какъ будто онъ явился самъ собою и не представляетъ изъ себя замѣчательнаго явленія, тогда какъ онъ имѣетъ, кромѣ сказаннаго, и еще одну особенность: раскрашенная доска не только явилась въ Европѣ, не только была разрисована вездѣ по одному плану въ два цвѣта, но кромѣ всего этого она, по совершенно неразъясненной пока причинѣ, *вездѣ приняла однообразное положеніе между играющими*—бѣлымъ угловымъ полемъ вправо. Между тѣмъ если двуцвѣтная доска и представляла нѣкоторыя удобства для игры, то положеніе ея между играющими *въ игрѣ шахматной* рѣшительно никакого вліянія оказать не могло. Въ печатныхъ діаграммахъ и частію на

фигуры.... и любитель.... долженъ принаравливаться къ ихъ правиламъ.... Труднѣе сносно сыграть сразу на доскѣ безъ черныхъ полей.... Гораздо удобнѣе пойдти въ ....кафе Бордо ....гдѣ собираются любители алжирской шахматной игры. Тамъ онъ полюбуется восточной игрой на современной доскѣ".—См. еще слѣдующее примѣчаніе.

[57]) Такъ, маіоръ Гриммъ въ Schachzeitung'ѣ 1865 г., про шахматы у арабовъ на востокѣ пишетъ: „Шахматница арабовъ есть собственно платокъ, раздѣленный, посредствомъ начерченныхъ или оттиснутыхъ черныхъ линій на 64 клѣтки, которыя всѣ одинаково бѣлы, или одинаково грязны. Въ этотъ платокъ завязываются шашки, и для игры онъ, какъ есть измятый, разстилается на диванѣ, при чемъ нелегкая задача опредѣлять ходы слоновъ и коней.... Также здѣсь, въ Константинополѣ, между турками и даже въ гаремахъ очень много играютъ въ шахматы и притомъ по арабскимъ правиламъ". „Шахм. Лист." 1879 г., стр. 200.

деревянныхъ доскахъ мы можемъ наблюдать поля бѣлыя и черныя, т. е. темныя и свѣтлыя, но для шахматъ въ этомъ надобности нѣтъ, и если бы окрасъ произошелъ для *шахматной* игры, то вѣроятнѣе всего были бы выбраны такіе цвѣта, гдѣ затруднительно сказать, который изъ нихъ свѣтлѣе, напримѣръ, клѣтки могли бы быть красными и зелеными, или сохранился бы одинъ цвѣтъ, но такъ, чтобы на 32 клѣткахъ были помѣщены, напримѣръ, какіе-либо рисунки.

Если и въ настоящее время въ шахматныхъ кодексахъ встрѣчается еще статья, узаконивающая невѣрную постановку доски между игроками, когда это замѣчено позднѣе 4-го хода съ обѣихъ сторонъ, то тѣмъ болѣе понятно было бы разнообразіе раньше, при первоначальномъ появленіи раскрашенной доски; при этомъ есть еще обстоятельство, которое легко упустить изъ виду: теперь мы играемъ въ шахматы, всегда начиная бѣлыми шашками, и этотъ обычай можетъ привлечь вниманіе играющихъ на положеніе доски, ибо бѣлый царь всегда стоитъ справа, а черный слѣва отъ центра; но правило начинать игру бѣлыми совсѣмъ недавняго происхожденія; еще во второй половинѣ XIX столѣтія (какъ теперь въ народѣ въ игрѣ шашечной) безразлично начинали бѣлыми или черными, а начиная этими послѣдними (при нѣкоторой привычкѣ начинать игру чаще бѣлыми, ибо такъ учили руководства) было бы даже удобнѣе ставить доску неправильно. Къ этому необходимо добавить, что обычай раскрашивать самыя шашки не въ бѣлый и черный цвѣтъ, а въ другіе—довольно старинный; упоминанія о шашкахъ бѣлыхъ и красныхъ или черныхъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ.

Не отмѣчено, однако, ни малѣйшей неустойчивости въ расположеніи доски: сразу, у всѣхъ народовъ Европы, она приняла свое современное положеніе, не вызывавшееся никакою внутреннею необходимостью самой игры! Не ясно ли отсюда, что шахматницу раскрасили по аналогіи съ другими, ранѣе существовавшими,— и именно въ Европѣ, — играми, гдѣ имѣлись уже на лицо всѣ детали этого раскраса, т. е. 1) доска съ четнымъ въ каждомъ ряду числомъ клѣтокъ, такъ что съ одной ея стороны было поле темнаго цвѣта, съ другой свѣтлаго, 2) раскрасъ именно въ два цвѣта черезъ клѣтку и притомъ въ цвѣта рѣзко-различные между собою, и 3) твердо установившееся положеніе доски между игроками. Такое положеніе ея могло быть прочнымъ, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если оно вызывалось внутренними потребностями самой игры, постоянно о себѣ напоминавшими, а запомниться всюду могло только при широкомъ распространеніи этой игры [58]).

[58]) Въ настоящее время раскрашенная шашечница распространена повсюду, встрѣчается и въ Азіи. Такъ, у сойотовъ, народа живущаго въ Монголіи, по сосѣдству съ нашей Енисейской губерніей, шахматная игра извѣстна на раскрашенной доскѣ. Е. К. Яковлевъ, путешествовавшій за Саяны около 1889 г., пишетъ, что у нихъ „Доска всегда устанавливается такъ, чтобы угольное поле слѣва отъ игроковъ было черное. Совершенно излишнее правило въ виду слѣдующей особенности. Король и ферзь не занимаютъ опредѣленнаго мѣста, но

И, дѣйствительно, раскрасъ, какъ говорятъ теперь „въ шахматъ", былъ у древнихъ римлянъ самымъ обычнымъ. Въ Геркуланумѣ и Помпеѣ постоянно встрѣчаются украшенныя такимъ способомъ стѣны, полы, столы, вазы [59]).

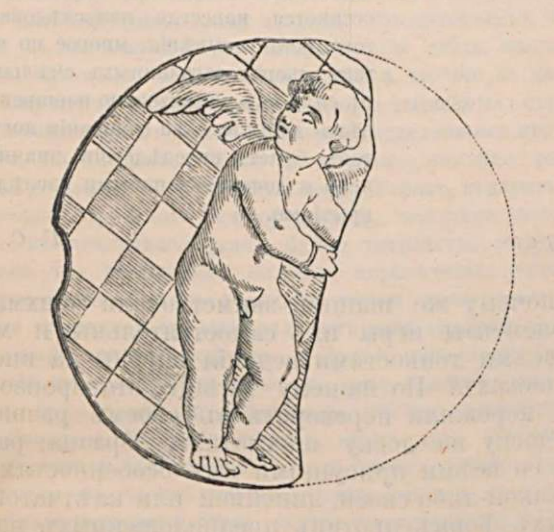
Бекъ де-Фукьеръ приводитъ снимокъ съ античнаго рисунка на камнѣ, дошедшаго до насъ не въ полномъ видѣ [60]). Онъ да-

ставятся всегда рядомъ, на среднихъ клѣткахъ крайней линіи (d1, e1 и d8, e8), но непремѣнно такъ, чтобы король находился противъ короля, королева противъ королевы" („Шахм. Обозр." 1904 г., стр. 207). Это этнографическое показаніе свидѣтельствуетъ съ особенною рѣзкостью о томъ, что положеніе доски идетъ не изъ шахматной игры; въ настоящее время оно, кромѣ того, указываетъ на знакомство сойотовъ съ шашками. См. еще „Шахматн. Обозр." 1904 г., № 67, стр. 5, „Шахматы у инородцевъ", гдѣ помѣщена въ переводѣ замѣтка изъ St-Petersburger Zeitung, написанная со словъ г. Передольскаго, хранителя музея при Петербургскомъ университетѣ. „Всѣ эти народы: якуты, тунгусы, самоѣды, долганы и др.—страстные игроки въ шашки и шахматы. Въ массѣ болѣе распространена игра въ шашки, по шахматамъ предаются съ большимъ увлеченіемъ. Доски дѣлаются примитивно, при чемъ черныя клѣтки просто выжигаются раскаленнымъ желѣзомъ. „Игра въ шашки, пишетъ газета, очевидно уже отъ себя, какъ сказано выше, распространена гораздо больше, даже среди женщинъ, но далеко не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какъ шахматы, которые занесены къ сѣвернымъ народамъ Сибири китайцами". Послѣднее ошибочно и, вѣроятно, даже намѣренно.—Относительно инородцевъ мнѣ пришлось встрѣтить еще такое свѣдѣніе: „Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно въ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой игрѣ. Тунгусы не рокируютъ, и ферзь у нихъ не прыгаетъ по коневьи". См. „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ", *Гартвига*, пер. съ нѣмецк. С. А. Усова. Изд. 2-е. М. 1866, стр. 227—228.— Вѣроятно была какая нибудь игра, гдѣ ферзь имѣлъ право на ходъ коня; по крайней мѣрѣ В. И. Даль, въ своемъ *Словарѣ живого великорусскаго языка*, говоритъ, что „если, по уговору, *ферзь* ходитъ всѣми ходами, т. е. и конемъ, то зовется: *ферзь всяческая*". Возможно, однако, что техническое названіе это сохранилось отъ временъ шатренджа, когда проведенная въ ферзи пѣшка пріобрѣтала право сдѣлать съ 8-й линіи скачекъ.

[59]) Далѣе я подробнѣе касаюсь вопроса о древности раскраса, здѣсь же упомяну, что въ греческихъ постройкахъ и на украшеніяхъ вещей также встрѣчается иногда раскрасъ въ шашечницу. См., напр., снимокъ съ кипрскихъ вазъ (по Cesnola) въ „Большой Энциклопедіи" т. IV, стр. 306.—Въ Исторіи древняго міра К. А. Иванова (Спб., 1904, изд. 4-е) на 129 стр. помѣщена очень распространенная реконструкція театра Діониса (лат. Вакхъ) въ Аѳинахъ; здѣсь, въ орхестрѣ (мѣсто, гдѣ дѣйствовалъ хоръ), полъ состоитъ изъ одноцвѣтныхъ квадратныхъ плитъ, а средина его украшена алтаремъ въ честь Діониса; полъ алтаря представляетъ изъ себя шашечницу въ два цвѣта; числа клѣтокъ опредѣлить нельзя, но и въ противномъ случаѣ оно не было бы достовѣрнымъ, ибо авторъ реставраціи всегда могъ увлечься, ошибиться, или не обратить вниманія на размѣръ.—Въ жертву Діонису приносились козлы (врагъ виноградной лозы) и быки (символъ производительной силы).

[60]) Стр. 432 изданія 1873 г.—Онъ указываетъ, что рисунокъ этотъ опубликовалъ Caylus, IV, pl. 80.

же прямо полагаетъ, что это рисунокъ древней шашечницы съ геніемъ или Амуромъ на ней*). Къ крайнему сожалѣнію, въ недошедшей до насъ части рисунка находилось то, что̀ этотъ Амуръ держалъ въ рукѣ; это могло быть дать намъ указанія на какую-нибудь важную подробность.

*) D'ailleurs, nous avons la représentation exacte d'un damier antique sur la pierre gravée suivante qu'à publiée Caylus sans l'examiner à ce point de vue. Au milieu du damier, dont une moitié a été brisée, est un Amour ou un génie. On ne voit plus ce qu'il tenait à la main, mais c'était bien certainement une torche, symbole de la vie, dont le damier rappelait le coté aléatoire (l. c.).

VII.

Конечно, и здѣсь, какъ всюду, мы наталкиваемся на такое отдаленное прошлое, которое останется навсегда неизслѣдованнымъ; кромѣ того, безъ сомнѣнія, многое по части результатовъ, скорѣе отгаданныхъ смѣлыми археологами въ силу ихъ удивительно изощреннаго инстинкта, чѣмъ добытыхъ на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, будетъ впослѣдствіи значительно исправлено и дополнено новыми изслѣдованіями и открытіями.

Г. С. Чамберленъ.

Итакъ, почему же шашки заимствовали шахматную доску, когда всѣ элементы игры ихъ самостоятельны и могли проявляться (со всѣми тонкостями веденія партій) на вполнѣ „экономичныхъ" доскахъ? По нашему мнѣнію, это произошло потому, что шашки пережили переворотъ въ своемъ развитіи, перемѣнили свою доску на доску шахматнаго образца; ранѣе онѣ существовали со всѣми присущими имъ особенностями и разыгрывались на какой-либо своей, линейной или клѣтчатой доскѣ, быть можетъ иныхъ формъ противъ предположенныхъ нами, а затѣмъ *были перенесены* на доску шахматнаго образца, съ исключеніемъ изъ употребленія свѣтлыхъ полей. При этомъ древнѣйшая форма игры могла улучшиться, напримѣръ тѣмъ, что шашки, перемѣщаясь на своей линейной доскѣ только впередъ по одному направленію, на доскѣ шахматнаго образца пріобрѣли движеніе въ двѣ разныя стороны, или имѣя на своей доскѣ не только двойное, но (хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ) даже тройное движеніе (вспомнимъ туркестанскія шашки), а вообще же движеніе единичное, на доскѣ шахматной получили *вездѣ* двойное направленіе. Это было обновленіемъ игры, ея значительнымъ усовершенствованіемъ, которое придало ей новый интересъ и настолько увеличило комбинаціи, что *окончательно вытѣснило древнюю доску.* Могло при этомъ измѣниться и число шашекъ.—Нѣтъ, однако, данныхъ утверждать, что шашки заимствовали новую доску изъ *игры* шахматной. Если шашечница и шахматница одинаковы по числу клѣтокъ, то ниоткуда не слѣдуетъ, чтобы шахматная доска была неотъемлемою принадлежностью этой игры въ томъ смыслѣ,

что была придумана одновременно съ самою игрою шахматной. Это такая же ошибка апріорнаго умозаключенія, какъ и указанная въ главѣ первой мысль объ изобрѣтеніи шахматъ сразу и однимъ лицомъ. Доска шахматная могла существовать задолго до самихъ шахматъ, или предшественницъ ея, игръ не съ однообразными шашками [61]).

[61]) И. Т. Савенковъ въ „Шахм. Об." (1904 г. стр. 234), *ссылаясь на Е. Б. Тейлора*, высказываетъ въ высоко-ученомъ стилѣ удивительныя соображенія относительно шахматной доски: „Съ этнографической точки зрѣнія, говоритъ онъ, игры, производящіяся на шахматной доскѣ, но съ выдѣленіемъ для игры только 32 клѣтокъ, находящихся только въ діагональной связи, должны (!) быть разсматриваемы какъ предшествующая шахматамъ эволюціонная разновидность, какъ обычное предшествованіе болѣе простого (?) этнографическаго явленія болѣе сложному однородному явленію.—Въ литературѣ болѣе простыхъ, но однородныхъ съ шашками, игръ [интересно бы знать, какія подразумѣваются здѣсь болѣе простыя, чѣмъ шашки, игры, и что это за литература этихъ невѣдомыхъ никому игръ?] даже и въ самой исторіи шашечныхъ игръ есть указанія на то, что шашечная игра въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ могла(?) производиться и по линіямъ, и даже по точкамъ, линейно расположеннымъ (слѣдуетъ глухая ссылка на Бекъ-де-Фукьера).—Узнавъ квадратъ и его подраздѣленія, что всегда отражается на орнаментѣ, человѣкъ могъ перейти отъ линейной доски къ квадратной [какъ будто устройство линейной доски для игръ было таково, что въ линіяхъ не было пересѣченій, образующихъ квадраты, и люди, *употребляя* такія доски, не имѣли *знакомства съ квадратомъ*, когда сама доска игральная представляла изъ себя квадратъ!], конечно (?!), въ началѣ, съ меньшимъ числомъ клѣтокъ.—Далѣе, накопленіе геометрическихъ свѣдѣній, развитіе архитектуры и, наконецъ, какъ сказано выше [тамъ, къ изумленію читателя, *вовсе ничего не говорится*], таблица умноженія и особенно счетная доска Пиѳагора и пиѳагорейцевъ, могли дать человѣку доску и въ 64 клѣтки [у Пиѳагора и его послѣдователей никакъ нельзя даже при натяжкахъ отыскать доску въ 64 клѣтки] еще тогда, когда у него начали складываться только самыя первоначальныя формы шашечной игры [и это пишется серьезно, когда есть египетскія доски, существовавшія на тысячи лѣтъ раньше Пиѳагора и несомнѣнно служившія для игръ шашечныхъ].—Когда же человѣкъ изучилъ ихъ діагональное соотношеніе 32 клѣтокъ, онъ естественно (?) былъ приведенъ къ мысли воспользоваться для осложненія игры и остальными (?) 32 клѣтками, введя въ игру и вертикальное соотношеніе клѣтокъ. Такимъ образомъ, заимствованіе болѣе сложной [почему доска изъ квадратовъ болѣе сложна, чѣмъ линейная, неизвѣстно] доски привело человѣка впослѣдствіи къ мысли объ одновременномъ сочетаніи вертикальныхъ и діагональныхъ соотношеній клѣтокъ въ одной игрѣ, а это, въ свою очередь, потребовало и большаго разнообразія въ фигурахъ, съ болѣе сложнымъ ихъ взаимодѣйствіемъ по всѣмъ направленіямъ шахматной доски".

Такъ пишутся ученыя этнографическія статьи, наводящія туманъ въ головы тѣхъ читателей, которые принадлежатъ къ обыкновенной публикѣ, не подозрѣвающей, что 90% того, что пишется „учеными", составляетъ въ лучшемъ случаѣ ненужный (а большею частію вредный) переводъ бумаги и времени.—Мало того, что здѣсь предрѣшенъ вопросъ о болѣе раннемъ будто бы употребленіи на шахматницѣ только 32 клѣтокъ вообще въ шашечныхъ играхъ

Что касается до шахматъ, то они, появившись въ Европѣ со своею первобытною одноцвѣтною доскою, сперва черезъ персовъ

на доскѣ изъ квадратовъ; мало этого: здѣсь допускается еще, будто діагональное соотношеніе клѣтокъ принадлежитъ къ явленіямъ болѣе простымъ, чѣмъ вертикальное; тутъ утверждается прямо, что такое діагональное употребленіе клѣтокъ „привело человѣка *впослѣдствіи* къ мысли" употребить въ дѣло всѣ 64 клѣтки, какъ будто правила первообразныхъ игръ шашечныхъ кому нибудь извѣстны, или о нихъ имѣются данныя, указывающія на существованіе такихъ діагональныхъ игръ. Здѣсь опредѣляется даже самая эпоха появленія 64 клѣточной доски, именно: позднѣе Пиѳагора! Не разъяснено только одно обстоятельство, какъ могла существовать игра на 64 клѣточной доскѣ съ употребленіемъ въ дѣло лишь 32 полей, если доска не была раскрашена? Или авторъ въ простотѣ души полагаетъ, что доска вообще, послужившая потомъ матеріаломъ для игры, сразу явилась двуцвѣтной, а одноцвѣтная азіатская шахматница создалась лишь впослѣдствіи, была „эволюціоннымъ развитіемъ" европейской шашечницы? Это было бы однимъ изъ любопытнѣйшихъ соображеній современной этнографіи, которая по словамъ того же И. Т. Савенкова (стр. 221), на практикѣ „всѣми мѣрами старается предупреждать пробѣлы и недочеты при собираніи разнородныхъ матеріаловъ, всячески стараясь предотвращать недостаточно обоснованныя заключенія". Увы! Ни одна наука не обладаетъ средствами „предотвращать" такія умозаключенія, и „историческій методъ", напримѣръ, на который указывалъ Линде, не помѣшалъ ему сослаться на „психологическую несообразность" тамъ, гдѣ ея вовсе не было.—Любителямъ игръ, которымъ попадется въ руки настоящая книжка, и которые стоятъ болѣе или менѣе далеко отъ разныхъ наукъ, я сообщу одинъ секретъ, который имъ можетъ пригодиться при чтеніи всякихъ ученыхъ сочиненій. Какъ только одно изъ нихъ начинаетъ пространно говорить о наукѣ вообще и особенно превозносить ея пріемы и методы, то дѣло не чисто. Въ самомъ лучшемъ случаѣ это не болѣе, какъ полемическій пріемъ; вообще же почти всегда это означаетъ незнакомство авторовъ съ тѣми самыми науками, которыя они восхваляютъ, и болѣе или менѣе полное незнаніе предмета, о коемъ они берутся разсуждать. Люди, сколько нибудь двигающіе науку, пользуются только глубиною своего ума, дающаго имъ возможность строить вѣрные выводы изъ правильно избранныхъ основаній. Никакихъ другихъ пріемовъ въ наукѣ нѣтъ. Правда, въ нѣкоторыхъ наукахъ для обихода устанавливаются временно кое-какіе общіе принципы, но эти пріемы не безусловны и могутъ быть употребляемы для провѣрки опять таки только людьми, которые въ состояніи правильно мыслить, прочіе не сумѣютъ приложить ихъ къ дѣлу. Человѣка, который самостоятельно не можетъ рѣшить ариѳметической задачи на тройное правило, можно временно вымуштровать, такъ что онъ будетъ рѣшать эти задачи, пока въ его головѣ держится тотъ *внѣшній* порядокъ мышленія, который приводитъ къ вѣрному рѣшенію, но современемъ, *и притомъ очень быстро*, онъ забудетъ эти пріемы, возвратится въ свойственное ему первобытное состояніе и будетъ не въ состояніи производить этого рѣшенія. И въ другихъ своихъ умозаключеніяхъ онъ будетъ таковъ же. А такъ какъ научное рѣшеніе какихъ либо вопросовъ куда сложнѣе задачъ на тройное правило, то въ результатѣ на книжномъ рынкѣ и появляется та масса изданій, которыя въ большей части своей не заслуживаютъ никакого уваженія.

Съ широкой этнографической точки зрѣнія невозможно допустить употре-

и арабовъ на Кавказѣ и въ Византіи, и черезъ арабовъ въ Италіи, Испаніи и прилегающихъ къ нимъ странахъ, а позднѣе

бленія раскрашенной доски ранѣе одноцвѣтной, а съ игровой точки зрѣнія употребленіе въ дѣло лишь 32 клѣтокъ, вмѣсто 64, нарушаетъ ту „экономію средствъ“, которая наблюдается во всѣхъ безъ исключенія играхъ. „Шахматная“ одноцвѣтная доска несомнѣнно древнѣе шашечницы, и шашки съ доски линейной перенесены на нее послѣ ея окраса и съ исключеніемъ изъ игры половины полей.

Но самое интересное въ разсужденіяхъ И. Т. Савенкова это ссылка на Э. Тейлора. Послѣ первой фразы дѣлается сноска: „*Э. Б. Тейлоръ.* Антропологія (Введеніе). Спб. 1882. Стр. 307“.—Люди стремящіеся найти въ читателѣ друга, знаютъ, что онъ почти вовсе лишенъ возможности провѣрить ссылку; поэтому принято, или приводить основныя слова въ кавычкахъ, или по крайней мѣрѣ излагать ихъ своими словами и только для провѣрки ихъ спеціалистами, указывать цитируемую страницу. И. Т. Савенковъ дѣлаетъ наоборотъ, онъ обращается съ читателемъ деспотически, хочетъ или принудить его вѣрить въ ссылку, или заставить его работать, итти въ библіотеку, достать книгу и читать указанную страницу. Тѣ изъ его читателей, которые живутъ по мелкимъ городамъ и деревнямъ, или обремененные занятіями почти лишены досуга для такой ходьбы, и не въ силахъ ни довѣриться автору, ни провѣрить его цитаты, за неимѣніемъ указанной книги,—могутъ разстраивать себѣ нервы: г. Савенкову это все равно. Поможемъ же читателю и сдѣлаемъ изъ *Антропологіи* Э. Б. Тейлора выписку объ играхъ разсчета. Она очень не длинна: „Комнатныя игры имѣютъ также свою любопытную исторію. Бросаніе жребія или игральныхъ костей слишкомъ древне для того, чтобы могло сохраниться какое нибудь свидѣтельство о его возникновеніи, и можно видѣть еще въ музеяхъ тѣ самыя шашечницы и шашки, которыя служили для игры древнимъ египтянамъ. Греки и римляне также играли въ шашки, хотя ихъ игры не походили на нашу шашечную игру новѣйшаго времени. Съ другой стороны, къ древней классической группѣ игръ относятся наша (англійская) мельница или мавританская игра (merells, morris), и Овидій упоминаетъ о дѣтской игрѣ „tit-tat-to“. Этими играми забавляются также и въ Китаѣ, и неизвѣстно, гдѣ онѣ были выдуманы впервые. Великое изобрѣтеніе въ области требующихъ соображенія игръ было сдѣлано лѣтъ тысячу тому назадъ или около того, когда какой то индусъ, имя котораго утрачено, усѣлся за древнюю шашечницу съ шашками и выработалъ изъ нихъ военную игру, гдѣ встрѣчались въ боевомъ порядкѣ съ каждой стороны король и его генералы, со слонами, колесницами, кавалеріею и пѣшими солдатами. Таковы были самые ранніе шахматы, которые съ небольшими измѣненіями перешли въ современную европейскую шахматную игру, продолжающую удерживать передовое мѣсто среди всѣхъ игръ, напрягая умъ до его самыхъ крайнихъ усилій въ предусмотрительности и комбинированіи. Наши шашки новаго времени представляютъ родъ упрощенныхъ шахматъ, гдѣ всѣ шашки представляютъ пѣшекъ, пока не перейдутъ черезъ все поле и не сдѣлаются дамками“. Вотъ и все. Выписка изъ этого перевода свидѣтельствуетъ, что Тейлоръ только слегка коснулся отдѣла игръ, съ которыми, видимо, знакомъ очень поверхностно. Онъ еще стоитъ на той (непозволительной для этнографа) точкѣ зрѣнія, что *игру изобрѣлъ какой то индусъ, имя котораго потеряно.* Во всякомъ случаѣ онъ ни одного слова не говоритъ, чтобы шашки съ употребленіемъ въ дѣло 32 клѣтокъ изъ 64-хъ предшествовали

распространившись на сѣверъ черезъ крестоносцевъ [62]), встрѣтили въ Европѣ уже издревле существовавшую здѣсь раскрашенную въ два цвѣта шашечницу и были перенесены на нее, такъ какъ это, не мѣняя самой игры, вносило въ нее существенное улучшеніе. Крестоносцы, возвращаясь изъ походовъ, показывали мѣстному населенію правила новыхъ еще для того времени шахматъ (какъ будемъ говорить далѣе, съ дальнобойнымъ ферземъ) прямо на шашечницѣ, которая въ своей игрѣ имѣла уже прочное положеніе. Такимъ образомъ совершилось двойное заимствованіе доски, происшедшее въ разныя времена, отдѣленныя другъ отъ друга вѣками.

шахматамъ. Наоборотъ, слова его не оставляютъ сомнѣнія: индійскую игру онъ считаетъ древнѣйшею, а современныя шашки, какъ и Линде, считаетъ „упрощенными шахматами"! Читатель въ правѣ сказать по адресу И. Т. Савенкова, что такія ссылки непозволительны, совсѣмъ непозволительны.

[62]) Принято думать, что шахматы распространились главнымъ образомъ послѣ крестовыхъ походовъ. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что участники этихъ походовъ могли сами ознакомиться съ игрой (въ южной Европѣ и на востокѣ) и при возвращеніи быстрѣе перенести ее на сѣверо-западъ, но сама игра появилась гораздо ранѣе крестовыхъ походовъ (первый въ 1096 году). Древнѣйшее *историческое* свидѣтельство о шахматахъ въ Италіи имѣется въ письмѣ кардинала Петра Даміани отъ 1061 или 1063 г. къ папѣ Александру II (1061—1073); въ немъ авторъ возстаетъ противъ страсти духовенства къ играмъ вообще и разсказываетъ о наложенной имъ эпитимьѣ на одного епископа, игравшаго ночью въ шахматы во время путешествія. Анна Алексѣевна Комненъ (1083—1148), дочь византійскаго императора (1081—1118), разсказываетъ (въ 12-ой книгѣ Алексіады), что отецъ ея обязанъ былъ открытіемъ составленнаго противъ него заговора и спасеніемъ жизни привычкѣ играть ночью въ шахматы (zatrikion), когда онъ не могъ заснуть, и прибавляетъ: „игра эта изобрѣтена ассиріянами, а отъ нихъ и мы заимствовали ее" *(εἶχε τῶν συγγενέων τινὰς παίζων τὸ ζατρίκιον· παιδιὰ δὲ τοῦτο ἐκ τῆς τῶν Ἀσσυρίων τρυφῆς ἐξευρημένον καὶ εἰς ἡμᾶς ἐκεῖθεν ἐληλυθός).* Ассиріей тогда владѣли арабы.—У Комненъ игра по-гречески называется „затрикіонъ", въ другихъ спискахъ этого же сочиненія *σατρίκιον*, у Дуки, византійскаго историка, жившаго въ XV вѣкѣ, игра называется *σατράτζ*, и онъ говоритъ, что это слово персидское. С. А. Сорокинъ, изъ рукописной статьи котораго я привожу греческій текстъ, замѣчаетъ здѣсь: „Дѣло въ томъ, что греки не имѣютъ въ своемъ алфавитѣ буквъ для означенія звуковъ ш, ж, ч, щ, встрѣчающихся въ словахъ иностранныхъ; этимъ объясняется разница письма въ иностранныхъ словахъ и несоотвѣтствіе письма выговору; такъ, средневѣковые греки турецкое слово *юруш* писали *γιουροῦσι (юруси)*, *ἀγκίστρα* у нихъ звучало, какъ наше *анчистра* (удочка). Поэтому *σατρίκιον*, *ζατρίκιον* и *σατράτζ* у нихъ произносилось какъ арабское щатранджъ".— Это достовѣрное свидѣтельство говоритъ о шахматахъ, какъ объ игрѣ очень давно извѣстной въ Греціи. Указаніе на болѣе раннее знакомство грековъ съ нею, а именно письмо императора Никифора Лагофета отъ 802 года считается сомнительнымъ, но этнографическія соображенія, подтверждаемыя частыми, длительными и интимными отношеніями между Греціей и Персіей еще до завоеванія ея арабами даютъ полное основаніе утверждать, что какъ только игра появилась въ Персіи, такъ вскорѣ же она должна была перейти въ Грецію. Ср. Linde, G., II, 143. О Россіи будемъ говорить далѣе особо.

Только допустивъ эти положенія, мы въ состояніи будемъ объяснить удовлетворительно въ обѣихъ играхъ то, что̀ до сего времени считалось случайнымъ и непонятнымъ.

Въ исторіи игръ мы не знаемъ ни одной такой, которая явилась бы сразу, вполнѣ самобытной. Новыя игры, какъ мы говорили въ главѣ первой, даже при намѣренномъ стремленіи *удалиться* отъ оригинала, невольно подчиняются духу первоначальной игры, тѣмъ съ большею рѣзкостью выступило бы это тамъ, гдѣ одна игра произошла изъ другой, какъ это утверждается про шашки [63]).

При нѣкоторомъ вниманіи вездѣ можно прослѣдить ходъ заимствованій, не прибѣгая къ натяжкамъ. Только однѣ несчастныя шашки какимъ-то невѣдомымъ путемъ явились изъ шахматъ, да еще будто бы въ XV столѣтіи! Путь открытій человѣческаго ума, говоритъ Э. Б. Тейлоръ въ „Исторіи игръ“ [64]) очень медлененъ даже въ наукахъ, которыми спеціально занимаются, стараясь двигать ихъ впередъ [65]), въ играхъ онъ еще медленнѣе.

---

[63]) Возьмемъ, напримѣръ, башни, гдѣ вошли такіе новые пріемы, какъ сохраненіе на доскѣ убитой шашки и возвращеніе прежде взятыхъ противнику, и здѣсь увидимъ мы вліяніе оригинала въ остановкѣ бьющей шашки по другую сторону взятой. Въ шашкахъ американскихъ, въ переходахъ, въ клешняхъ, въ турецкихъ, въ игрѣ для троихъ—вездѣ ясно усматривается вліяніе оригинала; мы въ состояніи прослѣдить постепенное измѣненіе и въ играхъ карточныхъ: вистъ превратился въ бостонъ, затѣмъ возникъ преферансъ, позднѣе—сибирскій ералашъ съ винтомъ (въ Екатеринбургѣ), наконецъ, современный винтъ съ прикупками и т. п.

[64]) *Еженедѣльное Новое Время*, т. II, 21 іюня 1879 г. стр. 539—555.

[65]) Сами нечаянности,—продолжаетъ онъ,—помогавшія нерѣдко при открытіяхъ новыхъ знаній, не были вполнѣ внезапны и имѣли подготовку въ матеріалахъ. Телескопъ былъ открытъ случайно, комбинаціей двухъ стеколъ,—выпуклаго и вогнутаго,—но самыя стекла были уже давно въ употребленіи для очковъ; порохъ дала нечаянно упавшая искра,—но она могла попасть въ пороховой составъ лишь послѣ долгихъ лѣтъ существованія алхиміи, искавшей философскаго камня и составлявшей для этого различныя смѣси. Въ наукахъ умозрительныхъ прогрессъ развитія значительно медленнѣе, въ играхъ же онъ еще тише. Нуженъ большой, долгій промежутокъ времени, чтобы ввести въ употребленіе новый пріемъ, или новое условіе. Прекрасный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ игра въ мячъ отбойниками (лаптой). Сперва играли въ мячъ пѣшкомъ, подбрасывая его руками и ногами; затѣмъ игроки пересѣли на лошадей, и игра сдѣлалась иною; такъ какъ ноги были заняты, а руками также неудобно было кидать мячъ, то ввели подходящій инструментъ—деревянный „отбойникъ“ (лапту). Затѣмъ эта конная игра въ свою очередь превратилась въ пѣшую, при чемъ остался и изобрѣтенный инструментъ, давшій возможность создать еще другія новыя игры. Казалось бы,—чего проще?—прямо изобрѣсти отбойникъ, но исторія игры показываетъ, что до этого не додумались сразу, и только послѣ множества лѣтъ существованія игры на лошадяхъ появилась пѣшая игра съ отбрасывательнымъ инструментомъ.

а мы прибавимъ, съ своей стороны, что нигдѣ консерватизмъ народовъ не выступаетъ съ такою яркостью, какъ именно въ созданіи новыхъ игровыхъ пріемовъ. Во вновь появляющіяся иноземныя игры народъ вноситъ поправки, соотвѣтственно своему національному характеру [66]); весьма, вѣроятно, что часть этихъ „новшествъ“ составляетъ повтореніе пріемовъ прежнихъ, исчезнувшихъ въ данное время игръ, часть же относится къ тѣмъ, которыя могутъ быть названы международными [67]).

---

[66]) Напримѣръ, въ древней Греціи существовала, какъ мы достовѣрно знаемъ, игра, гдѣ двѣ шашки окружали и брали одну. Народная память не забыла этого пріема и сохранила его, создавъ варіацію современной шашечной игры, именуемую „клешни“ (иногда „клещи“); англичане, народъ отличающійся своимъ консерватизмомъ, сохранили почти въ неприкосновенности древнѣйшую форму шашечной игры, которая не вполнѣ еще забыта и въ Европѣ (Италія, Франція, Австрія и Германія), русскіе же, наоборотъ, разработали эту игру до полнаго развитія силъ простой и доведи. Особенно интересны шахматы китайскіе и японскіе; получивъ ихъ, несомнѣнно, изъ Индіи, оба народа передѣлали ихъ въ духѣ своихъ древнихъ шашечныхъ игръ. См. примѣч. 70-е.

[67]) И. Т. Савенковъ въ вышеуказанной статьѣ своей, трактующей гораздо больше о чувствахъ автора къ этнографіи (какъ будто это научная дисциплина обладаетъ какими нибудь особыми, строго опредѣленными, пріемами изслѣдованій) и о способахъ собиранія матеріаловъ, чѣмъ о шахматахъ, проводитъ мысль, что опредѣленіе Антономъ ванъ-деръ-Линде игры шахматной какъ „чисто-европейскаго усовершенствованія изъ средневѣковаго шатренджа“ и особенно возвращеніе Европою на востокъ игры въ новомъ видѣ „болѣе чѣмъ подозрительно“, и за неимѣніемъ данныхъ опровергнуть это, пускается въ предсказанія, что „Востокъ своею живою шахматною стариною, а можетъ быть и библіографически (?), докажетъ, что, отправивъ шатренджъ въ Европу около VIII столѣтія, онъ до XII столѣтія и далѣе, въ ожиданіи европейскихъ улучшеній шатренджа, не спалъ, а игралъ и, хотя не торопясь, но улучшалъ игру. Неужели народы Востока ни единаго зерна, ими взращеннаго, не положили на шахматную доску въ теченіе почти восьми столѣтій? Мнѣ кажется, только будущее нелицепріятно можетъ воздать должное и Европѣ, и Азіи“ („Шахм. Об.“, 1904 г., стр. 218 и 227). Это замѣчаніе по своей глубинѣ представляетъ исключеніе изъ легкомысленныхъ мнѣній И. Т. Савенкова; въ общемъ, я думаю, что оно вѣрно, но все же требуетъ доказательствъ. Европейскіе ученые могутъ возразить, что ни Линде и никто другой не утверждалъ, что Востокъ ничего не внесъ; напротивъ, изъ исторіи шахматной игры видно, что уже во времена Масуди существовало множество проектовъ улучшенія игры на арабскомъ Востокѣ. Эти попытки улучшеній исходили, разумѣется, изъ того общаго чувства, что шатренджъ не удовлетворялъ къ этому времени массъ, что *игра старѣла*. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти поправки оказывали вліяніе на Европу, но несомнѣнно, что настоящій, законченный, видъ игры есть усовершенствованіе европейское, и то обстоятельство, что она отсюда въ этой формѣ вернулась въ Азію и Африку,—доказывается названіями рокировки, пата, матча и королевы; точно также вліяніе Европы рѣзко проявляется въ принятіи всѣми европейскихъ названій шашекъ, особенно Дамы, Королевы и Туры. Курьезно, что И. Т. Савенковъ самъ употребляетъ (напр., стр. 8 брошюры) эти невѣрныя названія, какъ будто они общеприняты въ Россіи. Распростра-

Вновь открытый игровой пріемъ, какъ бы интересенъ онъ ни былъ, крайне медленно входитъ въ употребленіе, такъ какъ по большей части требуетъ дальнѣйшей обработки. Прекраснѣйшее поясненіе представляетъ вновь нарождающаяся игра—башни или столбы, которая, вѣроятно, вытѣснитъ современемъ простыя шашки. Новый, чрезвычайно оригинальный, пріемъ взятія, такъ замѣчательно усложняющій игру, далеко не разработанъ до конца, и игра не приняла своего конечнаго вида, хотя уже отмѣчена въ литературѣ [68]).

неніе по всему свѣту западно-европейской одежды, англійскаго рукопожатія, нѣмецкой елки, парламентаризма, суда присяжныхъ отрицать нельзя, то же явленіе наблюдается и въ играхъ. Шахматная раскрашенная доска явленіе европейское, а она вытѣсняетъ и вытѣснитъ восточную одноцвѣтную шахматницу. Вѣрность указанія И. Т. Савенкова состоитъ въ томъ (чего онъ, впрочемъ, не зналъ и даже не подозрѣвалъ), что наиболѣе важное въ современныхъ шахматахъ, именно дальнобойный ферзь былъ изобрѣтеніемъ восточнымъ. Вотъ что современемъ востокъ докажетъ. А вотъ и этнографическое доказательство, которое И. Т. Савенковъ, могъ бы выяснить и самъ: въ статьѣ А. Н. Черневскаго („Шахматн. Листокъ“ 1877 г., стр. 268), „Шахматы въ Туркестанѣ“, сообщается, что игру съ дальнобойнымъ ферземъ именуютъ „персидскою игрою“ или „игрой королевы“, въ противоположность древней игрѣ, которую называютъ „бухарскою“. Названіе „королевы“, конечно, вліяніе европейское, но если бы и самая дальнобойность фигуры была не азіатскою, игры никакъ не назвали бы „персидскою“; это указаніе на мѣстное ея происхожденіе.

[68]) Когда я предложилъ, для устраненія въ игрѣ неожиданностей, установить, что всякая чужая дамка, будучи взята, превращается въ простую, такъ что въ столбахъ внизу всегда всѣ чужія взятыя будутъ только простыми шашками, что чрезвычайно облегчаетъ разсчеты, то противъ этого раздались возраженія. Хотя они исходили изъ личной непріязни ко мнѣ критика, тѣмъ не менѣе были обставлены обычными возраженіями, въ защиту будто бы *установившейся* игры, хотя правила игры башенъ новыя и еще *совершенно никѣмъ не установлены*. (См. „Шашечн. Лист.“, 1903 г., стр. 81 *).

---

*) Въ правилахъ игры этой должно сдѣлать и еще одну важную поправку, а именно о превращеніи простыхъ въ доведи. Если взятіе шашки разработано такимъ образомъ, что въ одинъ ходъ снимается только *одна* шашка,—то это вполнѣ отвѣчаетъ духу игры, составляетъ логическое развитіе ея оригинальнаго пріема; другое дѣло дамка: здѣсь нѣтъ никакихъ основаній устанавливать ихъ созданіе соотвѣтственно законамъ взятія, а должно условиться, что всѣ находящіяся наверху столба шашки (если ихъ не одна, а нѣсколько), дойдя до пристани превращаются въ дамки, такъ что взятіе одной изъ нихъ сверху, не будетъ превращать (какъ теперь) столба въ (того же цвѣта) простую шашку, или въ случайно оказавшуюся тамъ дамку. Это также облегчитъ разсчеты и ускоритъ развязку окончанія партіи и безъ того такъ сложной, что игры избѣгаютъ изъ-за ея трудности.—Впрочемъ все это не устранитъ главной причины трудности игры,—ея слишкомъ большой сложности при размѣнахъ (попробуйте прослѣдить и записать, напримѣръ, всѣ послѣдствія ходовъ 1. c3—d4, f6—g5; 2. d4—c5). Быть можетъ эту сложность можно было бы уничтожить, или значительно ослабить,—допустивъ *право не брать* подставленной шашки, но съ наказаніемъ въ родѣ фука; можетъ быть игра могла бы осуществиться, если берущая шашка въ наказаніе за то, что отказалась взять, фукалась бы посредствомъ постановки ея подъ шашку, которая не взята. Но и этотъ принципъ

Мы не имѣемъ права допускать, что только *однѣ шашки* нарушили этотъ законъ медленнаго развитія и оказались изобрѣтеніемъ мало образованныхъ и плохо игравшихъ средневѣковыхъ шахматистовъ: необходимо оставить подобное заблужденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ясно разрѣшаются всѣ необъясненныя до сихъ поръ частности обѣихъ игръ, если мы допустимъ существованіе шашекъ раньше, со всѣми ихъ особенностями.

Тогда мы увидимъ: 1) шахматница раскрашена по аналогіи съ древнѣйшими европейскими играми, которыя впослѣдствіи можно будетъ и найти, и указать.—2) Всѣ характерныя особенности шашекъ объясняются ихъ прежнимъ существованіемъ.—3) Постановка шахматницы бѣлымъ полемъ вправо, не вызываемая правилами разыгрыванія игры шахматной, взята изъ шашекъ, гдѣ прочное соблюденіе этого обычая объясняется привычкою играющихъ имѣть „большую дорогу“ въ извѣстномъ направленіи.—4) Скорѣе можно допустить, что пѣшки стали обращаться (вмѣсто фигуръ, мѣста коихъ они достигали) въ ферзей по аналогіи съ шашками, чѣмъ наоборотъ [69]). Въ шахматахъ китайскихъ, которыя едва ли моложе персидскаго „шетренга“, даже узаконено, что пѣшка ни въ какую фигуру не обращается [70]).—

Другой примѣръ изъ области новыхъ пріемовъ. Въ разновидностяхъ шашекъ ихъ такъ много, что они повидимому совершенно исчерпаны, остается развѣ ихъ комбинировать между собою (что также даетъ множество новыхъ интересныхъ игръ; напр., „турецкія башни“), но одинъ пріемъ до сихъ поръ еще не использованъ, а именно: нѣтъ шашечной игры, гдѣ простая шашка могла бы *брать только назадъ*. Идея эта, быть можетъ, заслуживаетъ вниманія, но безъ разработки примѣнить ея нельзя, и подобно тому, какъ въ башняхъ, новый законъ взятія даетъ новую игру вслѣдствіе введенія правила брать *только одну верхнюю шашку* со столба, подобно этому, и правило *брать только назадъ* должно быть дополнено чѣмъ нибудь такимъ, что непремѣнно вызывало бы мѣну, препятствовало бы противникамъ запирать другъ другу всѣ двѣнадцать шашекъ.—См. еще примѣч. объ играхъ Н. В. Бугаева.

[69]) Интересна современная обмолвка шахматиста; въ переводѣ шахматнаго руководства де-ля-Бурдонне 1839 г. мы читаемъ: ....„подвинуть ваши пѣшки, чтобы первому успѣть сдѣлать доведь (дойти въ ферзи)“; къ этому переводчикъ Н. К. дѣлаетъ замѣчаніе, что „это выраженіе не совсѣмъ точно, ибо иногда зависитъ отъ воли игрока сдѣлать изъ доведи ферзя или иного офицера“.—См. еще въ примѣч. 61 выписку изъ введенія къ *антропологіи* Тейлора.

[70]) Это послѣднее правило свидѣтельствуетъ не только о томъ, что во время перехода игры въ Китай превращеніе пѣшки не было еще прочно установлено,

долженъ быть разработанъ въ подробностяхъ; такъ, необходимо, чтобы отказъ отъ взятія могъ быть допущенъ только передъ началомъ хода, а не въ срединѣ сложнаго удара, чтобы отказывающійся брать лишался хода; чтобы въ случаѣ возможности брать не въ одну сторону, отказавшаяся шашка становилась подъ ту чужую, которую укажетъ ея владѣлецъ; чтобы въ случаѣ возможности одновременно брать нѣсколькими шашками,—отказываться брать было нельзя и т. п. Я пробовалъ примѣнять право отказа и пришелъ къ выводу, что практически это можно допустить только для одинокихъ шашекъ, т. е. не для башенъ; все равно, будетъ ли отказывающаяся дамкою или простой; допущеніе же права отказа и для башенъ не упроститъ, а еще больше осложнитъ игру.

5) Шахматисты по знакомству съ шашками составляли задачи безъ царей, или съ одними альфереццами, но такъ какъ на шахматницѣ вслѣдствіе способа взятія не образовывалось угловыхъ полей, на которыхъ альферецца не могла бы быть аттакована, то задачи эти не развились, представляя слишкомъ мало интереса.—6) Зная шашки и присущее имъ *однѣмъ* свойство игры въ поддавки, шахматисты ввели въ свою игру обратные маты, блѣдное и искусственное подобіе настоящихъ поддавковъ; насколько оно неестественно и ненужно, можно видѣть изъ того, что большинство шахматистовъ съ ними незнакомо и не подозрѣваетъ даже о ихъ существованіи; учебники обходятъ ихъ почти всегда молчаніемъ, а большая часть читателей шахматныхъ журналовъ пропускаетъ обратные маты, не разсматривая; не хочетъ ихъ знать [71]).—7) *Если будетъ* какимъ нибудь образомъ *доказано*, что ко времени появленія въ Европѣ шахматъ шашки разыгрывались еще на *своей спеціальной* доскѣ, а не на клѣткахъ шахматницы, то *въ такомъ только случаѣ* честь созданія „новой" игры надо будетъ отдать шахматистамъ. Однако и въ этомъ случаѣ *созданіе* выразилось только въ перенесеніи древней игры на шахматницу и быть можетъ въ перемѣнѣ числа шашекъ, соотвѣтственно новой разстановкѣ.—8) Первоначальная форма игры по переходѣ на шашечницу была та же, что теперь въ Англіи, но, вѣроятно, съ бо́льшимъ количествомъ стѣсненій въ выборѣ между ударами. Затѣмъ, подъ вліяніемъ средневѣковаго шатренджа, обладавшаго дальнобойною фигурой ладьи, древняя дамка измѣнилась и получила право двигаться во всю длину открытаго пути. Это преобразованіе шашечной игры отразилось въ свою очередь на шахматахъ, гдѣ по образцу дамки данъ былъ обширный ходъ новому ферзю съ переименованіемъ его при этомъ въ дамы. Вотъ причина, почему къ названію новыхъ шахматъ (Луцена 1497 г.) стали прибавлять слова della dama, alla dama, т. е. по образцу шашекъ, по шашечному, или alla rabiosa, т. е. стре-

но и о томъ, что въ Китаѣ въ то время не было игръ шашечныхъ съ дамками, которыя могли бы оказать свое вліяніе. Въ Японіи же, гдѣ, очевидно, такія игры были, шахматы въ этомъ отношеніи почти превратились въ шашки, ибо тамъ чуть не всякая фигура обращается въ ферзя, и даже не на бортовой линіи доски. Въ Японіи, кромѣ того, шашки въ шахматной игрѣ (Шо-Гой-Е) у обоихъ партнеровъ *одного цвѣта*, и плѣненная шашка можетъ быть по желанію взявшаго введена въ его собственную игру (на одно изъ свободныхъ полей, вмѣсто хода). Различаются шашки партнеровъ постановкою; онѣ устроены такъ, что имѣютъ острую сторону, которая всегда обращена къ противнику.

[71]) Нельзя не подумать, что *шахматисты поклонники кипергавей* въ сущности—любители игры шашечной. У насъ кипергапями увлекались А. Д. Петровъ и К. А. Янишъ, оба любившіе шашки. Послѣдній написалъ обширный трактатъ по теоріи этихъ задачъ, помѣщенный въ первомъ „Шахматномъ Листкѣ", редактировавшемся В. М. Михайловымъ, который былъ также любителемъ шашекъ. Изъ русскихъ авторовъ кипергаией большинство хорошо, конечно, знакомо съ русскою шашечною игрой, а Д. В. Кларкъ и Е. Ф. Андресенъ были составителями шашечныхъ задачъ.

мительно, въ противоположность прежней игрѣ, которая именуется alla antiqua [72]).

Слонъ-альфиль былъ впослѣдствіи, вѣроятно, вскорѣ же, уравненъ съ ферземъ увеличеніемъ своей силы, ибо съ перерожденіемъ альфереццы оставался единственною слишкомъ слабою фигурою [73]).—9) Слово dama требуетъ особаго изслѣдованія, но не-

[72]) Линде (G. I, 321—322 и „Шахм. Лист." 1880 г., стр. 167) также полагаетъ, что названіе alla dama происходило изъ шашечной игры, и указываетъ на чрезвычайно важную подробность, что названіе игры словами alla dama не могло намекать на переименованіе ферзя въ даму, ибо въ старой игрѣ ферзь въ рѣшеніяхъ уже давно носилъ названіе королевы. Въ Quellenstudien (Berlin. 1881) онъ возвращается къ этому и приводитъ изъ ломбардскихъ списковъ трактата Николаи-де-Николаи (на латино-пиккардійскомъ нарѣчіи), относящихся къ 1250—1512 г.г., одно изъ правилъ для веденія партіи: Et peut on prendre toute le gent et demeure li rois tout seuls et il couuient traire por trait tout ke il plaist a se contrepartie ne nia (n'i a) point dame, т. е.: И можно брать всѣ шашки, такъ что король останется совершенно одинокимъ; когда онъ не будетъ имѣть ни одной шашки (dame), долженъ онъ каждый ходъ дѣлать по желанію своего противника (Quell., S. 126).

[73]) А. Н. Грачевскій, въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи шахматной игры" („Шахм. Лист." 1880 г., стр. 125—126), не согласенъ съ мнѣніемъ Линде, что реформа въ ходѣ ферзя нѣсколько предшествовала реформѣ альфиля, и говоритъ: „всего вѣроятнѣе, что обѣ реформы были одновременны". Однако такое голословное утвержденіе, подкрѣпляемое только словами, что приводимыя Линде доказательства „есть явное недоразумѣніе", совсѣмъ не убѣдительны *).

*) Въ „Шахматн. Обозрѣніи" 1904 г. № 67, стр. 17—19, помѣщена замѣтка Н. М.: „Шахматы въ Энциклопедіи Ефрона", гдѣ онъ, указывая на плохое качество статьи въ 77-мъ полутомѣ, принадлежащей А. К. Макарову, пишетъ, что довѣріе этого „компилятора къ „теоріи" Вейссенбаха объясняется тѣмъ, что въ „Шахматномъ Листкѣ" 1876 г., на стр. 29 и 75 помѣщено извлеченіе изъ „лекціи" В. Но въ томъ же журналѣ (1877 г., стр. 247) напечатана весьма обстоятельная статья М. Гоняева, составленная на основаніи „Исторіи" Линде и совершенно опровергающая доводы В. Почему г. Макаровъ не воспользовался статьей Гоняева"? Понятно почему; потому что отнесся къ дѣлу кое-какъ; но почему самъ Н. М. умалчиваетъ объ обширныхъ и болѣе солидныхъ статьяхъ А. Н. Грачевскаго и упоминаетъ только о статьѣ М. К. Гоняева, которая составляетъ лишь рецензію сочиненія Линде и притомъ наполнена ошибками? Это потому, что самъ Н. М. имѣетъ очень смутныя понятія объ исторіи игры; онъ утверждаетъ, что будто „именно ранняя эпоха шахматной игры, эпоха зарожденія и развитія ея въ Индіи, Персіи и Аравіи, особенно тщательно разработана Линде. На основаніи своихъ собственныхъ изысканій, а также изслѣдованій извѣстнаго оріенталиста Вебера, Линде доказалъ ошибочность до тѣхъ поръ господствовавшаго мнѣнія англійскаго ученаго Форбса, что за 1500 лѣтъ до Р. Х. въ Индіи существовала четверная шахматная игра (Чатуръ-анга), изъ которой будто бы впослѣдствіи выработалась современная игра вдвоемъ. Увы, Линде ничего не доказалъ, а много напуталъ и очень грубо полемизировалъ; англичане надъ нимъ смѣются и дѣлаютъ это основательно. Не такъ просто рѣшаются такіе сложные вопросы, да еще при полномъ почти отсутствіи историческаго и этнографическаго матеріала. Успѣхъ выводовъ Линде объясняется отчасти необразованностью шахматистовъ, а главное тѣмъ, что подавляющее большинство ихъ и не интересуется историческими вопросами. И лучшее доказательство тому—энциклопедическая статья А. Н. Макарова. Значитъ плохо обстоитъ дѣло, если словарю въ цѣломъ Петербургѣ не къ кому было обратиться, кромѣ А. Н. Макарова! Точно также нетрудно было и Н. И. Максимову

сомнѣнно, что оно,—какъ видно изъ его современнаго употребленія,—принадлежало сперва шашкамъ, имѣло другое значеніе и лишь по созвучію превратилось потомъ въ даму и госпожу [74]). 10) Древность современной игры „мельница" не вполнѣ еще установлена, но и въ противномъ случаѣ, мельница никакъ не могла повліять на созданіе шашекъ, ибо пріемъ введенія въ игру шашекъ (безъ разстановки ихъ передъ началомъ игры) и способъ взятія въ ней (призъ за построеніе въ одну линію трехъ шашекъ), совершенно иные; въ одинъ ходъ можно въ ней взять не болѣе одной шашки, а предоставленіе свободы движеній шашкамъ, оставшимся въ меньшинствѣ, не есть проведеніе въ дамки. Скорѣе эта свобода движеній (коей мало можно и воспользоваться) создана [75]) въ мельницѣ по аналогіи съ шашками. 11) Всеобщій обычай располагать шашки на черныхъ клѣткахъ надо признать, если такъ можно выразиться, отголоскомъ древняго обыкновенія ставить шашки на перекресткахъ линейныхъ досокъ.—12) Древнія игры пока намъ мало извѣстны, но туркестанскія шашки могутъ служить прекраснымъ примѣромъ поясненія нашей гипотезы, которая въ этомъ случаѣ нѣсколько совпадаетъ съ теоріею М. К. Гоняева.

[74]) Далѣе мы подробнѣе остановимся на этомъ словѣ и выскажемъ, откуда оно возникло, по нашему мнѣнію; здѣсь же замѣтимъ, что Линде приводитъ изъ словаря французскаго языка E. Littre' большую выписку, къ сожалѣнію, неполную, относящуюся лишь къ значеніямъ этого слова въ современныхъ шахматахъ и шашкахъ во Франціи (интересно, что Литтре для игры въ шашки указываетъ 24 шашки, прибавляя, что теперь въ большемъ употребленіи доска въ 100 клѣтокъ съ 40 шашками).—Тутъ же онъ сообщаетъ: dame—это пѣшка, проведенная на одну изъ клѣтокъ ряда со стороны противника... и тогда она можетъ пробѣгать всю шашечницу діагонально, какъ королева или дама въ шахматахъ. Cette circonstance, empruntée au jeu des échecs, est probablement l'origine du nom de *jeu de dames*... На провансальскомъ нарѣчіи будетъ не dame, а dama.—Въ концѣ указывается неинтересная этимологія, и затѣмъ говорится: „Dame s'est dit au masculin pour seigneur; *dame Dieu* (очевидно соотвѣтствуетъ славянскому: Господи Боже, Господь Богъ) est continuellement dans les anciens textes. Dama, s. mascul., vient de *dominus*, comme dame, s. fém.,—*de domina*" (Quell., 241). Едва ли эти производства заслуживаютъ какого нибудь довѣрія. Просто это злоупотребленіе своимъ филологическимъ авторитетомъ. Любопытные примѣры такихъ злоупотребленій читатели увидятъ далѣе.

[75]) Вообще появленіе доведи, которая составляетъ прямое, естественное и логическое развитіе движеній простой, наблюдается въ чистомъ видѣ только въ шашкахъ, но намеки на измѣненіе правъ простыхъ шашекъ, съ переходомъ ихъ на дальнія мѣста, могутъ быть замѣчены и въ нардѣ, гдѣ на первыхъ одиннадцати мѣстахъ свои шашки могутъ помѣщаться лишь по одной на флеши, а начиная съ 12-ой и на всѣхъ флешахъ второй половины доски, онѣ получаютъ право помѣщаться уже по двѣ и болѣе.

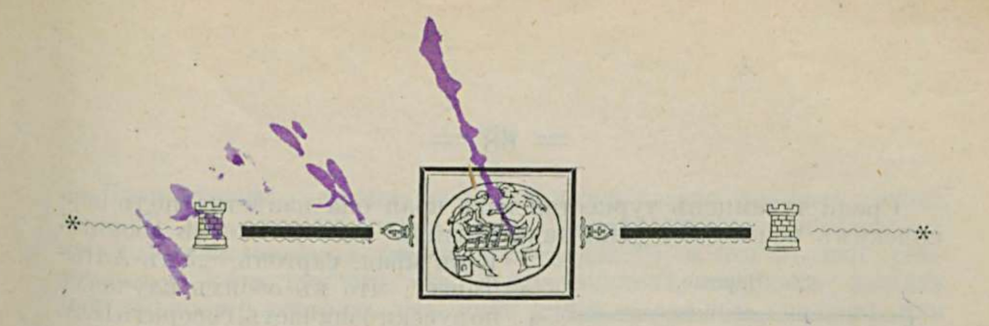
и издателю задаться вопросомъ, нѣтъ ли заслуживающихъ разбора статей въ другихъ энциклопедическихъ словаряхъ, кромѣ Брокгауза. Но и этого сдѣлано не было.

Когда же шашки перенесены на шахматницу, и гдѣ это произошло? Яснаго отвѣта пока нѣтъ. Это могло случиться въ средніе вѣка, могло произойти и на тысячу лѣтъ раньше.

Если мы довѣримся Линде и положимъ въ основаніе его сомнительное утвержденіе, будто слѣдовъ новой шашечной игры совершенно нѣтъ ранѣе XV—XVI вѣка, то мы вынуждены будемъ остановиться на Испаніи, ибо здѣсь прочнѣе всего въ Европѣ утвердились шахматы и ихъ доска. Опредѣляя же время появленія шашекъ, мы и *по этой теоріи* должны отодвинуть его значительно глубже, чѣмъ это дѣлаетъ Линде. Онъ останавливается на XV—XVI столѣтіяхъ, т. е. на появленіи первыхъ *отдѣльныхъ* сочиненій по шашкамъ. Съ такою датою невозможно согласиться. Шашки во всякомъ случаѣ необходимо признать въ болѣе раннюю эпоху: онѣ несомнѣнно уже существовали задолго до того времени, когда въ шахматахъ появились кипергани. Когда это произошло впервые? Въ трактатѣ Николаи-де-Николаи, въ рукописи XIV, или, быть можетъ, даже XIII вѣка, встрѣчается одинъ обратный матъ. Хотя списокъ этотъ въ большей части своей составленъ по арабскимъ источникамъ, все-таки эта рукопись европейская; когда же появились кипергани у арабовъ, мы не знаемъ. Если-бы тамъ онѣ нашлись въ спискахъ VII—VIII вв., то мы имѣли бы въ *шахматной* литературѣ доказательство существованія шашекъ уже въ эту эпоху. Пока же, повторяемъ, и *по этой теоріи* мы въ правѣ остановиться на XII вѣкѣ для шашекъ въ ихъ формѣ шотландско-англійской игры на 64-клѣточной доскѣ.

Такова должна быть гипотеза о происхожденіи шашекъ и переходѣ ихъ на шахматную доску, если-бы основныя положенія ванъ-деръ-Линде были вѣрны; но они, какъ уже сказано, крайне сомнительны. Разборъ же древнѣйшихъ извѣстій покажетъ, что ни Линде, ни другіе историки-шахматисты не знали, что мы имѣемъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства о существованіи шашекъ и раскрашенныхъ шашечницъ задолго до нашей эры.

VIII.

При этомъ переводѣ извѣстіе Геродота мгновенно измѣняется: нелѣпость, приписываемая историку, исчезаетъ, и слова его, пріобрѣтя точный смыслъ, даютъ возможность разъяснить и опредѣлить множество встрѣчающихся у древнихъ авторовъ подобныхъ выраженій.

М. С. Куторга.

Какъ вѣрно здравый смыслъ народа
Значенье словъ опредѣлилъ!
Не даромъ, видно, отъ „ухода"
Онъ вывелъ слово „уходилъ".

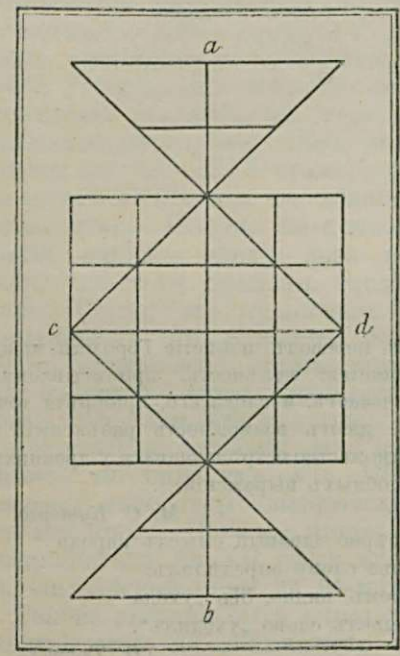
Ѳ. Тютчевъ.

Лучшимъ поясненіемъ существованія шашекъ въ ихъ древнѣйшей линейной формѣ служатъ, какъ мы сказали, шашки туркестанскія; онѣ описаны впервые П. А. Комаровымъ въ „Шахматномъ Обозрѣніи" (1893 г., стр. 250).

Въ нихъ (см. слѣд. стр.) у каждаго изъ играющихъ, которые сидятъ передъ „крѣпостями" (т. е. передъ узкими концами доски) по шестнадцати шашекъ.—Всѣ онѣ разставляются на своей сторонѣ доски, на пересѣченіяхъ и углахъ линій такимъ образомъ, что передъ началомъ партіи свободною остается лишь линія cd.—Всѣ шашки одинаковы, ходятъ на одинъ шагъ, т. е. отъ одного пересѣченія, или угла, до другого пересѣченія, во всѣ стороны прямо или вкось, взадъ, впередъ или въ бока, но непремѣнно по одной изъ линій.—Берутъ шашки, какъ у насъ, перескакивая и становясь по ту сторону убиваемой, и не одну шашку въ ходъ, а и нѣсколько. — Шашки правъ своихъ не мѣняютъ, такъ какъ дамокъ или иныхъ отличій нѣтъ.—Цѣль игры занять крѣпость противника, переведя туда свои шашки, но игра выигрывается также и въ томъ случаѣ, если противникъ потеряетъ всѣ свои шашки.—Брать обязательно лишь условно, а именно: если противникъ требуетъ бить стоящія подъ ударомъ его шашки, въ противномъ же случаѣ можно и не брать.

Среди туземцевъ туркестанскаго края она извѣстна подъ персидскимъ названіемъ „Шанзакъ-Каттаръ“ или на языкѣ аборигеновъ края, сартовъ, „Унъ-Алты-Ташъ“, что въ обоихъ случаяхъ по русски означаетъ, говоритъ П. А. Комаровъ, *шестнадцать камней.* Выступающій передъ каждымъ игрокомъ треугольникъ называется *астаръ*, что значитъ *крѣпость.* П. А. Комаровъ находитъ въ немъ сходство съ греческимъ *ἄστυ* (asty—городъ, крѣпость), по моему же мнѣнію оно гораздо болѣе похоже на aster, что и по-гречески, и по-латыни значитъ *звѣзда*; кромѣ того по-гречески есть слово *κάθαρον*, katharon, означающее *лучшая часть войска, отборный отрядъ* [76]).

Черные.

Бѣлые.

Ничего неизвѣстно о возрастѣ этой игры, но на меня она производитъ впечатлѣніе глубокой древности, когда шашки ходили еще по линіямъ, и цѣлью игры было не истребленіе противника, а подобно древнѣйшему нарду,—переведеніе шашекъ съ одной стороны доски на другую. Особенно же древнею кажется мнѣ доска (право понятнаго движенія шашекъ мнѣ представляется новымъ пріемомъ) этой игры, и я осмѣлюсь высказать мнѣніе, что доска туркестанскихъ шашекъ та же, что была у древнихъ грековъ въ ихъ наиболѣе славной игрѣ петтейя или пессейя.

---

[76]) Сходство съ греко-латинскимъ aster не случайное. По латыни asteria или asterias означало птицу съ перьями, испещренными звѣздочками, и этимъ же словомъ именовали драгоцѣнный сіяющій камень (въ настоящее время словомъ „астеризмъ“ означаютъ свойство нѣкоторыхъ минераловъ сіять звѣздо-образно), а устройство доски скорѣе напоминаетъ звѣздо-образное сіяніе, чѣмъ городъ или крѣпость. Быть можетъ, техническій терминъ игры слѣдуетъ сблизить и съ именемъ греческой богини Астреи; эта богиня удалилась на небо, гдѣ сверкаетъ въ зодіакѣ въ качествѣ созвѣздія Дѣвы, а объ этомъ созвѣздіи мы будемъ имѣть случай говорить далѣе.—Древнѣйшее финикійское божество Астарта была не только богиней любви и плодородія, но также и богиней войны (изображалась съ копьемъ, верхомъ на львѣ или быкѣ). Ее же, вѣроятно, именовали Астара. Въ энциклопедіяхъ сообщается, что статуя, посвященная этой богинѣ царицею боспорскою Комасаріею за 200 лѣтъ до Р. Х., была найдена въ Таврической губерніи и описана Келеромъ. Въ Персіи и до сего времени сохранился городъ Астаръ.

Но извѣстій о древне-греческой игрѣ дошло до насъ очень мало [77]. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что она называлась *шашки пятилинейныя (πεσσὰ πεντέγραμμα* [78]), и что въ ней упоминаются пять шашекъ. Въ туркестанскихъ шашкахъ каждая изъ крѣпостей состоитъ изъ пяти линій, а средній квадратъ изъ пяти линій идущихъ вдоль и пяти—поперекъ, пять же шашекъ, упоминаемыхъ Поллуксомъ (II в. до Р. Х.), могутъ относиться къ числу шашекъ перваго ряда. Извѣстно, кромѣ того, что у грековъ имѣлась „священная линія", которая была „среднею изъ пяти", и что одна шашка разсматривалась какъ священная и неподвижная и была въ нѣкоторомъ родѣ шашкой боговъ. Если предположить, что туркестанскія шашки представляютъ какую-либо первобытную восточную игру, которая въ древней Греціи получила дальнѣйшее развитіе сообразно какой-либо мѣстной европейской игрѣ, гдѣ были простыя и дамки (а на эти послѣднія въ греческихъ текстахъ намеки есть), то превращеніе простой въ доведь могло происходить только на концѣ длинной линіи; дабы воспрепятствовать этому, надо было возможно долѣе удерживать свою шашку на концѣ этой линіи, и отсюда станетъ понятнымъ выраженіе Евстаѳія (1166—1198), что „священною линія называется потому, что побѣжденный уходитъ съ этой послѣдней" (1397, 30). Впрочемъ описаніе, опредѣляющее священную линію, очень кратко и потому не ясно. Возможно, что это была не та средняя изъ пяти, которая шла отъ одного игрока къ другому, а та поперечная линія, черезъ которую чужія шашки прорывались въ крѣпость (т. е. ближайшая къ себѣ въ среднемъ квадратѣ), которая была также „среднею изъ пяти съ каждой стороны" [79]. Въ самой игрѣ неопытный игрокъ, по словамъ Пла-

---

[77]) При этомъ филологи ихъ не разработали и даже нѣкоторыя данныя, несомнѣнно относящіяся къ ней, почему то сближаютъ съ игрою въ кости. Такъ, на древнихъ вазахъ часто повторяется изображеніе двухъ воиновъ, играющихъ, очевидно, въ какую то игру разсчета, на что указываютъ ихъ руки, протянутыя къ шашкамъ, и позы, изображающія раздумье и вниманіе; (см. рисунокъ на стр. 26-й). Однако, принято говорить, что это Ахиллъ и Аяксъ играютъ въ кости. Но въ рисункѣ нѣтъ никакого на нихъ и намека. Бекъ-де-Фукьеръ, воспроизводя снимокъ съ одной Ватиканской вазы, на которой имѣется надпись *ΤΕΣΑΡΑ ΑΧΙΛΕΟΣ ΤΡΙΑ ΑΙΑΝΤΟΣ,* tessara Achileos tria Aiantos, полагаетъ, что въ ней подразумѣвается слово lithidia, и что ее должно понимать: четыре шашки Ахилла, три шашки Аякса (B. de Fouq., ed. 2., p. 307). (См. рисунокъ на стр. 66-й). Но *λιθίδια* въ понятіи *шашки* въ текстахъ не встрѣчается.

[78]) Выраженіе встрѣчается еще у Софокла (497—406 до Р. Х.): самая же игра извѣстна была, конечно, задолго до него. Такимъ образомъ, мы имѣемъ историческое свидѣтельство очень отдаленной эпохи.

[79]) Китайскія шахматы представляютъ передѣлку шахматной игры индійской формы; на переработкѣ этой отразилось вліяніе какой-то древней шашечной игры, которая, быть можетъ, также имѣла кое-что общее съ древне-греческою игрою. Въ самомъ дѣлѣ, въ китайскихъ шахматахъ пѣшекъ у каждаго игрока только по *пяти*, а передняя линія каждаго игрока, составляющая границу рѣки, *пятая* отъ себя; средняя линія, могущая быть соединенной черезъ рѣку

тона (427—347 до Р. Х.), бывалъ такъ запертъ, или отрѣзанъ, что не зналъ, куда ступить.

Къ сожалѣнію, греческія извѣстія (которыя передаются здѣсь въ точномъ переводѣ) такъ скудны [80]), что не даютъ возможности доказать наше предположеніе болѣе удовлетворительно. Позволительно только замѣтить, что сближеніе петтейи съ доскою туркестанскихъ шашекъ объясняетъ дошедшіе до насъ тексты гораздо полнѣе, чѣмъ предположенія Meursius'а, Soumais (=Salmasius), Christie и Бекъ-де-Фукьера. Подлинная греческая игра повидимому исчезла на мѣстѣ уже въ далекія времена. Гезихій, жившій приблизительно въ IV—V вѣкахъ по Р. Х., чуть ли не составлялъ предположеній о ней по древнимъ текстамъ, такъ какъ въ одномъ случаѣ онъ говоритъ правильно, что „петтейя отличается отъ кюбейи тѣмъ, что въ этой послѣдней мечутъ вверхъ игральныя кости, тогда какъ въ петтейѣ только двигаютъ шашки", въ другомъ же мѣстѣ сообщаетъ, что „петтейя игра посредствомъ костей, *πεττεία ἡ διὰ κύβων παιδιά*" (petteia he dia kyboon paidia; B. de Fouq., p. 303). Если же допустить, что игры ему были хорошо извѣстны, то надо заключить, что kybos означало въ его время не только кость, но и вообще игральную шашку [81]).

Быть можетъ мы могли бы узнать кое-какія подробности о греческихъ играхъ, если бы шахматисты-любители обратили вниманіе на нынѣ существующія въ Греціи мѣстныя игры, но едва ли на это можно серьезно разсчитывать. Въ выходящемъ въ настоящее время обширномъ французскомъ словарѣ античныхъ древностей Даранберга въ обстоятельной статьѣ Georges Lafaye *) приводится снимокъ съ одной римской геммы (изъ аметиста), принадлежащей герцогу де-Люинь; здѣсь изображена одна изъ досокъ древнихъ игръ. Не извѣстны, однако, ни древность геммы,

---

(которая теперь ее перерываетъ), также *пятая* съ каждой стороны; она имѣетъ то значеніе, что пѣшка, перейдя за рѣку, не можетъ пересѣкать этой линіи при своемъ боковомъ движеніи. Помимо всего этого, съ каждой стороны сохранилось по крѣпости, и ни царь, ни ферзи изъ этой крѣпости выходить не могутъ.

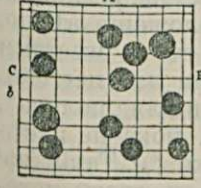
[80]) Между ними встрѣчаются имена знаменитыхъ игроковъ въ петтейю: Діодоръ изъ Мегалополиса и Теодоръ и Леонъ изъ Митилены; послѣдній считался непобѣдимымъ въ игрѣ.

[81]) Не предполагая этого, ученые допускали, что Геродотъ (500—424 до Р. Х.), передавая разсказъ египетскихъ жрецовъ объ игрѣ въ шашки (II, 122) фараона Рампсинита, ошибался, ибо употребилъ слово *συγκυβεύειν*, synkybeyein. Тутъ нѣтъ ошибки; напротивъ, это выраженіе Геродота чрезвычайно важно и интересно: оно указываетъ, что рѣчь шла объ игрѣ нардовой, которая сперва носила у Грековъ названіе кюбейи, а впослѣдствіи тавлеи.

*) Dictionnaire des antiquités grecques et romaines par Ch. Daremberg, Ed. Saglio et Ed. Pottier.—Ed. Hachette.—V. mot Latrunculi, p. 992—995. Статья снабжена обширнымъ перечнемъ источниковъ о древнихъ играхъ и обстоятельной библіографіей по изслѣдованіямъ ихъ, равно перечисляетъ и всѣ изданія, гдѣ встрѣчаются подходящіе рисунки.

ни принадлежность доски къ какой либо опредѣленной игрѣ. Снимокъ съ нея приводится здѣсь въ заставкѣ настоящей главы.

Нѣсколько интереснѣе даваемое Лафайе изображенiе доски съ шашками въ одной греческой статуэткѣ, найденной въ Аѳинахъ. Статуэтка эта, снимокъ съ которой мы приводимъ далѣе,—изъ обожженной глины и сдѣлана довольно грубо. Древность этой статуэтки точно не извѣстна, равно не опредѣлено и какая это игра. Самая доска и расположенiе шашекъ на ней также исполнены небрежно. Нѣкоторыя шашки стоятъ на линiяхъ и перекресткахъ, а нѣкоторыя попали въ средину клѣтокъ. Словарь и вообще люди, непонимающiе ничего въ устройствѣ игръ *), утверждаютъ, что здѣсь мы имѣемъ изображенiе доски въ *42 клѣтки;* это не вѣрно. Несомнѣнно, что художникъ ошибся и отнесся къ воспроизведенiю доски не совсѣмъ внимательно, но въ ней сохранены главнѣйшiе признаки, по которымъ и доску, и употребленiе ея въ игрѣ возстановить можно. Большая часть шашекъ стоятъ на пересѣченiяхъ линiй, только двѣ шашки въ лѣвомъ верхнемъ углу внутри клѣтокъ и только двѣ (одна на СВ; другая ниже на b) на линiяхъ. Такимъ образомъ игра безспорно велась съ постановкой шашекъ на перекресткахъ линiй.

*) Къ нимъ надо причислить и талантливаго шахматиста, но горе-историка И. Т. Савенкова. Онъ пишетъ (стр. 9, примѣч.): „Относительно доски на древнихъ рисункахъ мы позволимъ себѣ обратить вниманiе на изображенiе шахматной и шашечной доски въ 42 клѣтки, хотя рисунокъ навѣрное относится къ временамъ, когда, внѣ сомнѣнiй, доска была въ 64 клѣтки. Для примѣра и нагляднаго разъясненiя, предлагаемъ сопоставить рисунки у Линде (Quellenstud., 97) и въ книгѣ Иванова, К. И., „Средневѣковый замокъ и его обитатели". Спб. 1899 г., стр. 44. Въ 1-мъ случаѣ доска нарисована вертикально стоящею между играющими, крестоносцемъ и монахомъ, какъ дiаграмма позицiи. На 2-мъ изображенiи (тоже съ старинной гравюры) изображены играющими дама и мужчина,—доску для раккурса и перспективы рисовальщикъ уменьшилъ, *обрѣзавъ поля.* Невольно возникаетъ дальнѣйшее сопоставленiе. Сохранилась античная римская [для И. Т. С. все равно, что греческая, что римская] терракотовая группа изъ трехъ лицъ, съ пѣшечною доскою и пѣшками на ней. Группа жизненна, типична, дышитъ реализмомъ, но, увы, доска тоже въ 42 клѣтки, съ 12 несоразмѣрно большими разной величины плоскими камешками (см. рисунки у Richter, Die Spiele Gr. u. Röm., Leipzig. 1887., стр. 101—102). Категорическое заключенiе по этой группѣ о шашечной игрѣ у римлянъ [опять римляне вмѣсто грековъ] на доскѣ въ 42 клѣтки является крайне сомнительнымъ [но никто такого заключенiя и не дѣлалъ], правдоподобнѣе приписать эти уменьшенiя числа клѣтокъ доски просто тому, что доски для художниковъ имѣли только декоративное значенiе,—фотографическую точность мелочей, они считали излишнею".—Къ этому необходимо замѣтить, что группа и доска у Richter тѣ-же, что и въ словарѣ Даранберга. Книга Рихтера называется: Cultur-bilder aus dem classischen Altertume. II. Die Spiele der Griechen und Römer von D-r. W. Richter. Leipzig. Verlag von E. A. Seeman. 1887. 8-vo. VII+219+1 Seiten.

Игроки сидятъ передъ С и В, на мѣстѣ А третья фигура, лишь присутствующая при игрѣ. Но кромѣ шашекъ на способъ игры указываетъ сама доска. Линіи, раздѣляющія клѣтки, проведены *до конца доски*, чего никакъ не было бы, если бы игра шла на поляхъ. Отъ одного игрока къ другому идутъ *восемь* линій, а между ними лишь семь. Послѣднее, я полагаю, небрежность: ихъ должно быть также восемь. Ежели это предположеніе вѣрно, (а все говоритъ за него), то мы имѣемъ доску съ 64 мѣстами для шашекъ. Слѣдовательно это не была доска, ни для петтейи, гдѣ ясно указывается на пять какихъ то линій, ни для „полиса", гдѣ игра шла по клѣткамъ. Какая была это игра, пока не извѣстно, но въ ней были круглыя и плоскія шашки *). Такія же шашки были найдены, какъ указываетъ І. Котцъ въ своей исторической статьѣ, помѣщенной въ послѣднемъ изданіи Handbuch'a Бильгера **) при новѣйшихъ раскопкахъ на островѣ Кипрѣ, въ Алазіи, о чемъ сообщилъ 24 октября 1908 года dr. Max Ohnefalschrichter въ „Gegenvart". Между прочимъ тутъ открытъ продолговатый богато-украшенный игральный ящикъ изъ слоновой кости, на верхней сторонѣ котораго помѣщена „шашечница". Въ качествѣ матеріала названы „круглыя плоскія шашки изъ слоновой кости". „Всѣ признаки, говоритъ Котцъ, отсылаютъ это произведеніе искусства къ срединѣ героическаго гомеровскаго вѣка, около 1200 лѣтъ до Р. X., а вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на Египетъ, который въ то время находился въ живомъ общеніи съ Кипромъ и Греціей. Находка—свидѣтель глубокой древности игръ за доской вообще, но не шахматной игры". Извѣстно, что сами греки приписывали изобрѣтеніе петейи египтянамъ. Фалькенеръ ***) сближаетъ петтейю и latrunculi съ игрою Tau древнихъ египтянъ, но это не вѣрно, ибо петтейя была не то, что игра римская.

Кромѣ того мы имѣемъ много снимковъ съ древне-греческихъ вазъ, гдѣ изображаются воины за игрой въ кости или шашки различнаго цвѣта (см. пр. 77-е); опредѣлить игры въ нихъ нельзя.

Персидская ли Шанзакъ-Каттаръ въ греческомъ измѣненіи, или древняя греческая петтейя, но одна изъ такихъ игръ [82]) была

*) Почему И. Т. Савенковъ именуетъ ихъ то пѣшками, то плоскими камешками, неизвѣстно. Вѣрнѣе всего по тому разсчету, что никто провѣрки не станетъ дѣлать, а тѣмъ болѣе указывать на ошибку.

**) Handbuch des Schachspiels von P. R. von Bilguer (v. d. Lasa). Achte, von *Carl Schlechter* neubearbeitete Auflage. Erste Lieferung. Leipzig: Verlag von Veit & Comp. 1912.—Kurze Geschichte des Schachspiels. Erster Teil. Das Schachspiel im Mittelalter von *J. Kohtz*. I. Von der Erfindung des Schachspiels und seiner Verbreitung im Orient., S. 17.

***) *Ed. Falkener*, Games ancient and oriental and how to play them. London. 1892. 8-vo., p. 9—101 et 37—62.

[82]) Въ книжкахъ „Научно-забавной библіотеки для семьи и школы" подъ редак. Ник. Аменицкаго (М. 1912. Изд. Панафидиной), въ выпускахъ 9-мъ (Игра въ „шашки") и 18-мъ (Игра въ „мельницу") затрогиваются и древнія игры. Изложеніе ведется такъ, какъ будто игры эти извѣстны, и главнѣйшіе законы ихъ открыты. На самомъ дѣлѣ изданіе (я видѣлъ выпусковъ десять) не заслу-

уже въ древнемъ римскомъ [83]) мірѣ перенесена на клѣтчатую доску, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, вполнѣ совпадала съ нашею современною *раскрашенною* шашечницей, и въ этомъ переносѣ на другую доску кроется исчезновеніе петтейи: она была вытѣснена

живаетъ ни малѣйшаго довѣрія, и съ точки зрѣнія серьезной критики должно быть отнесено къ разряду макулатуры. Просто изумительно, до какой степени необразованы и довѣрчивы наши издатели, рѣшаясь затрачивать деньги на такія сочиненія, и до чего составители подобныхъ книжекъ презираютъ своихъ читателей! Въ 18-мъ выпускѣ сообщаются, напримѣръ, этнографическія свѣдѣнія, что игра въ „мельницу" очень, будто бы, распространена въ Польшѣ, Украйнѣ, Подоліи и Валахіи, гдѣ она „извѣстна подъ названіемъ Млинекъ". „Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, увѣряетъ Н. Аменицкій, существуетъ еще очень распространенная игра, которая особенно практикуется среди крестьянъ, и извѣстна подъ названіемъ „Wisielec" (Висѣльникъ). Эта игра, говоритъ онъ, напоминаетъ [самой игры описывать онъ не находитъ нужнымъ] „простую мельницу" съ той только разницей, что въ ней можно переставлять какую угодно пѣшку, не передвигая ея обязательно по одной изъ линій рисунка. Въ этомъ случаѣ партія всегда будетъ ничьей, если, конечно, оба противника будутъ внимательно слѣдить другъ за другомъ". Возможно, конечно, что подобныя игры существуютъ и носятъ даже въ Польшѣ (но не въ Украйнѣ, Подоліи и Валахіи, разумѣется) указанныя названія, но чтобы онѣ были распространены, да еще и очень, да къ тому же между крестьянами,—это не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Такія игры могутъ занимать дѣтей только самаго младшаго возраста и притомъ не у крестьянъ, а въ средѣ интеллигентовъ, гдѣ дѣтей развиваютъ мало образованныя и тупыя бонны, и гдѣ дѣтямъ покупаютъ книжки подобныхъ изданій. Луврскій музей обладаетъ 6-ю коническими терракотовыми шашками изъ одной дѣтской могилы въ Греціи (salle L); значитъ и древніе видѣли въ мельницѣ лишь *дѣтскую* игру.

[83]) М. К. Гоняевъ въ своихъ *Историческихъ замѣткахъ* сообщаетъ („Ш. Л." 1879 г., стр. 335): „Извѣстный нашъ художникъ В. В. Верещагинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ „Отъ Оренбурга до Ташкента, 1867 и 1868 г." *(Всем. Путеш.*, 1874 г., стр. 67) пишетъ: „Въ Ходжентѣ, передъ лавкою каждый вечеръ послѣ работы собираются жители потолковать о томъ—о другомъ, подышать свѣжимъ воздухомъ и поиграть въ игру, похожую на наши шахматы; *на землѣ чертятъ небольшою палочкою родъ шахматной доски* и передвигаютъ по нѣкоторымъ правиламъ маленькіе сѣрые и простые камешки. Я игралъ въ нее иногда, и, разумѣется, постоянно проигрывалъ, къ величайшему удовольствію публики".— И. Т. Савенковъ („Ш. О.", 1904 г., стр. 219) пишетъ, что эта игра „неопредѣленна, но интересна..." О правилахъ—ни слова. А кто знаетъ, можетъ быть тутъ кроется какая нибудь древняя эволюціонная форма шахматной или шашечной игры, что нибудь въ родѣ Petteia или римской разбойничьей игры (Ludus Latrunculorum)... Игра, видимо, не изъ простыхъ, но не въ такихъ играхъ человѣчество интересовало этого загадочнаго художника. Навѣрное эта народная игра еще жива и будетъ описана кѣмъ-нибудь изъ живущихъ въ Ташкентѣ". Конечно, игры этой никто и не подумалъ описывать. Но интересно, что В. В. Верещагинъ говоритъ ясно про „игру, похожую на наши шахматы", а И. Т. Савенковъ словъ этихъ *не сообщаетъ* и пускается въ догадки о петтейѣ и лятрункуляхъ, увѣряя при этомъ, что „игра не изъ простыхъ". Что сказать о такомъ „научномъ" пріемѣ?—

этою новою формою игры, которая сохранила въ себѣ всѣ ея главныя составныя части.

Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ фразы римскихъ писателей объ этой игрѣ, которая получила у нихъ названіе latrunculi, очень скудны, встрѣчаются по большей части у поэтовъ, изложены крайне труднымъ языкомъ и наполнены техническими выраженіями, значеніе которыхъ не было до сихъ поръ выяснено. Если прибавить къ этому, что самый текстъ ихъ читается различнымъ образомъ, и что филологи не пришли по этому поводу ни къ какому соглашенію, то станетъ понятнымъ, почему римская игра до сихъ поръ не возстановлена, хотя служитъ предметомъ изученія между учеными уже нѣсколько столѣтій.

Мнѣ удалось вполнѣ раскрыть смыслъ *всѣхъ безъ исключенія* латинскихъ текстовъ, сюда относящихся: въ точномъ переводѣ они даютъ полный и ясный отвѣтъ, во что играли римляне: игра эта была *шашки*, въ ихъ, конечно, древнѣйшей формѣ, которая теперь называется шотландско-англійской, а въ XVIII столѣтіи называлась французской; дамка здѣсь ходитъ на одинъ шагъ и беретъ какъ русская простая, а простая шашка ходитъ и беретъ только впередъ. Кромѣ установленія этого факта, я нашелъ ключъ къ разъясненію западно-европейскаго названія шашекъ игрою *въ дамки*. Ранѣе, однако, чѣмъ перейти къ толкованію всѣхъ текстовъ и опроверженію невѣрныхъ переводовъ, я ознакомлю читателей предварительно съ двумя текстами, которые дадутъ достаточное подтвержденіе моимъ словамъ [84]).

---

[84]) Начало этой статьи до половины IX главы (въ сокращенномъ видѣ) было помѣщено въ журналѣ В. И. и А. И. Шошиныхъ за 1903 годъ. Предлагая „Шашечному Листку" статью „О происхожденіи шашечной игры", я разсчитывалъ въ этой главѣ перейти къ разбору латинскихъ текстовъ и высказать въ формѣ осторожныхъ предположеній, что не все въ теоріи Линде вѣрно, что есть поводъ предполагать знакомство древнихъ съ играми шашечнаго характера. Однако, самостоятельное изученіе текстовъ, которыми я занялся въ это время (августъ—сентябрь 1903 г.), обратило предположеніе въ увѣренность, при чемъ работа приняла филологическій характеръ, и небольшая глава разрослась въ цѣлое изслѣдованіе. Для подкрѣпленія своихъ переводовъ и толкованій ихъ, мнѣ пришлось сдѣлать различнаго рода отступленія; эти послѣднія, будучи необходимы, не представляли все таки большого интереса для журнала, который посвященъ преимущественно самой игрѣ, и читатели котораго въ большинствѣ не настолько знакомы съ латинскимъ языкомъ, чтобы судить о вѣрности перевода безъ популярныхъ объясненій. Кромѣ того журналъ не могъ предоставить въ мое распоряженіе достаточнаго числа страницъ, поэтому я ограничился лишь двумя текстами, замѣтивъ, что лица, знающіе латинскій языкъ, могутъ и изъ объясненій этихъ двухъ текстовъ понять смыслъ прочихъ, но что вѣрный переводъ и раскрытіе смысла ихъ не менѣе трудны, чѣмъ въ словѣ geminus.

Дѣлая это замѣчаніе въ „Шашечномъ Листкѣ", я сказалъ между прочимъ, что изслѣдованіе мое давало мнѣ надежду опровергнуть главные выводы Линде о современныхъ шахматахъ. Въ то время я хотѣлъ ограничиться лишь замѣчаніями по этому поводу. Уже послѣ опубликованія начала моей статьи

Достовѣрно извѣстно и установлено несомнѣннымъ образомъ какъ цитатами, такъ и находимыми при раскопкахъ шашками, что во всѣхъ древне-римскихъ шашечныхъ играхъ (которыхъ,— по увѣреніямъ филологовъ,—было будто бы очень много), шашки по формѣ и величинѣ въ каждой игрѣ были одинаковыми и различались между собою, подобно нашимъ, лишь по цвѣту, который тексты именуютъ бѣлымъ и чернымъ, иногда же краснымъ и бѣлымъ.

Одною изъ наиболѣе любимыхъ и распространенныхъ игръ была ludus latrunculorum, которая принадлежала къ играмъ, требующимъ глубокаго и тонкаго разсчета. Для ясности необходимо еще замѣтить, что latrunculus слово уменьшительное отъ latro, которое ранѣе означало наемнаго солдата, воителя, бойца, а впослѣдствіи пріобрѣло значеніе разбойника, грабителя, мародера, нѣчто въ родѣ нашихъ „громила“ и „золоторотецъ“ [85]), но въ игрѣ римляне принимали значеніе этого слова еще въ его прежнемъ военно-боевомъ смыслѣ.

Относительно хода шашекъ мы имѣемъ свидѣтельство въ сочиненіи епископа Исидора Севильскаго (560—636). Въ своей Энциклопедіи Originum seu etimologiarum libri XX онъ пишетъ, что въ игрѣ latrunculi „шашки двигаются частію въ порядкѣ (partim ordine), частію туда и сюда (partim vage), почему однѣ называются обыкновенными (ordinarii), а другія блуждающими (vagi). Тѣ, которыя не могутъ быть вовсе сдвигаемы, называются пришедшими въ отчаяніе“. Изъ этихъ словъ выводили то шахматы, то создавали игру съ двумя разрядами шашекъ уже при самомъ началѣ партіи. Между тѣмъ,—какъ ни кратокъ текстъ,—мысль его совершенно ясна, и выраженія взяты точныя. Онъ говоритъ, что шашки *двигаются* частію такъ, частію иначе (patrim moventur), а вовсе не говоритъ, что *часть шашекъ* двигается по одному способу, а часть по другому. Само общее противоположеніе блуждающихъ шашекъ ординарнымъ показываетъ, что отношеніе ихъ было не одинаковымъ, колебалось. Наконецъ, рѣчь идетъ о названіи шашекъ, *пришедшихъ* въ неподвижное состояніе, т. е. сдѣлавшихся такими *во время самой игры*, или подъ конецъ ея. Въ виду этого мы не только въ правѣ, мы *обязаны* толковать это мѣсто такимъ образомъ, что шашки *пріобрѣтали* свойство блуждать, изъ обыкновенныхъ превращались въ ходящія туда и сюда, т. е. по-

---

въ мартѣ 1904 года, я углубился въ разборъ всѣхъ положеній Линде. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, теорія его о первоначальномъ видѣ шахматъ, оказалась такъ же слабо построенною, какъ и гипотеза о шашкахъ, съ тою, однако, существенною разницею, что догадки о шашкахъ, какъ ни слабо онѣ построены, все же стремились дать посильное рѣшеніе вопроса безъ тенденціознаго направленія; соображенія же о шахматахъ вели къ затемнѣнію того, что было добыто трудами прежнихъ изслѣдователей, и затемнѣнію намѣренному, исходившему изъ мелкаго чувства буржуазной ненависти къ Россіи и Англіи.

[85]) Относительно latrina будемъ говорить позднѣе.

лучали расширенныя [86]) права, подобно нашимъ дамкамъ, а простыя шли только впередъ.

Игру latrunculi описываютъ съ упоминаніемъ способа взятія, которымъ она, какъ и наши шашки, отличалась, надо думать, отъ всѣхъ другихъ; въ ней именно medius calculus gemino hoste perit. Это переводили такимъ образомъ, что одна шашка бралась *двумя* чужими шашками. Такой переводъ: 1) имѣетъ невѣрное основаніе, 2) противорѣчитъ другимъ текстамъ и 3) неправильно приписываетъ слову geminus значеніе *простой* двойственности.

Основаніе взято изъ греческой игры „Городъ", которая не имѣетъ къ игрѣ римской никакого отношенія (какъ японская го, или современная игра нэрдъ къ нашимъ шашкамъ), почему и не можетъ пояснять римскаго термина [87]).

---

[86]) Глаголъ vago или vagor значитъ не только *ходить то въ ту, то въ другую сторону*, но употребляется еще въ смыслѣ *блуждать съ намѣреніемъ* (errare—блуждать по незнанію мѣстности); кромѣ этого онъ означаетъ еще *распространяться, расширяться, удаляться отъ своего предмета*; vagae stellae значитъ планеты; vagina—ножны сабельныя, чехолъ для меча.

[87]) Греческая игра составляетъ главную опору, на которой зиждется невѣрный переводъ филологами слова geminus. У Поллукса (IX, 98) встрѣчается такое мѣсто: *Ἡ δὲ διὰ πολλῶν ψήφων παιδιὰ Πλινθίον ἐστί, χώρας ἐν γραμμαῖς ἔχον διακειμένας· καὶ τὸ μὲν πλινθίον καλεῖται Πόλις, τῶν δὲ ψήφων ἑκάστη Κύων. Διῃρημένων δὲ ψήφων κατὰ χρόας, ἡ τέχνη τῆς παιδιᾶς ἐστί, περιλήψειν τῶν δύο ψήφων ὁμοχρόων τὴν ἑτερόχροον ἀναιρεῖν*, т. е.: „А игра во много шашекъ есть Плинтіонъ съ клѣтками, расположенными въ линіяхъ. И Плинтіонъ же зовется Городомъ (Полисъ), каждая же изъ шашекъ Собакой. Раздѣлены шашки надвое по мастямъ, а искусство сей игры въ томъ, чтобы окружить двумя (dyo) одномастными шашками таковую иной масти и снять"; нѣсколько далѣе (IX, 99) къ этому добавляется: „близко къ той игрѣ подходитъ Граммисмосъ, каковую игру нѣкоторые называли также Линіями (чертами)". Филологи считаютъ полисъ и latrunculi играми одинаковыми, но прежде чѣмъ дѣлать прямое утвержденіе, слѣдовало-бы привести хоть какія-нибудь основанія для этого. Если кто нибудь сдѣлалъ такое утвержденіе, а за нимъ всѣ остальные безъ повѣрки повторяли это, то сколько бы лѣтъ ни продолжалось это повтореніе, оно вѣрнѣе отъ этого не станетъ. Недостаточности латинскихъ текстовъ нельзя восполнять греческими, когда послѣдніе могутъ показаться слегка подходящими. Для признанія греческой игры одинаковою съ римской нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ ошибочнаго перевода латинскаго слова, но одна ошибка не исправляется другою. Если въ игрѣ собаками понятно, что двѣ загрызаютъ одну, то для игры римской, сохранявшей доблестный военный характеръ, такой пріемъ борьбы съ врагомъ совершенно не пригоденъ.—Въ Діаграммисмосѣ было шестьдесятъ шашекъ, по тридцати у каждаго. Такая рѣзкая разница въ числѣ ихъ сравнительно съ числомъ шашекъ той игры, которая разыгрывалась на обратной сторонѣ доски игры въ latrunculi, т. е. двѣнадцати линій, конечно не могло быть обойдено молчаніемъ при описаніи доски, служившей одновременно для обѣихъ игръ, между тѣмъ, здѣсь о рѣзкой разницѣ въ числѣ шашекъ ничего не говорится. Накопецъ,—и это самое важное,—греческій текстъ указываетъ на такое существенное несходство между играми, которое одно даетъ право положительно утверждать, что между греческой и римской игрой не было даже

Противорѣчіе съ остальными текстами полное. Мы уже ранѣе говорили о законахъ взятія, *о необходимости для шашки брать*

самаго отдаленнаго сходства. Въ игрѣ полисъ требовалось искусство, ловкость, сноровка (*τέχνη*, techne), чтобы окружить одну, въ „бойцахъ" же, какъ въ шахматахъ и шашкахъ, для этого не требуется никакой ловкости, противники даже намѣренно подставляютъ свои шашки подъ удары (fac pereat miles ab hoste tuus), или мѣняются (aut quis periturus calculus non perdidit hostem?), и римскіе писатели не говорятъ ни о какомъ *искусствѣ* для этого; они опредѣляютъ только пріемъ взятія, законъ, по коему оно совершалось. Большое количество шашекъ, даже безъ упоминанія его числа, и указаніе на необходимость сноровки, навыка, окружать чужія, показываютъ, что греческая игра полисъ могла принадлежать къ числу облавныхъ, въ родѣ японской го, гдѣ шашки не всѣ сразу выставляются передъ игрой, а вступаютъ на доску очередными ходами противниковъ; при этомъ условіи число шашекъ существенной роли не играетъ и можетъ колебаться въ большихъ предѣлахъ. Помимо этихъ соображеній, Евстаѳій, архіепископъ Солунскій (1166—1198), даетъ (ad Od., a) подробность, которая совершенно опрокидываетъ сближеніе полиса съ римскою игрою. Онъ пишетъ (1397, 45), что „видомъ кюбейи является также полисъ; въ ней происходитъ взаимное (*ἀνταναίρεσις πολλῶν ψήφων*) уничтоженіе множества шашекъ, расположенныхъ на поляхъ, описанныхъ линіями". Извѣстно, что игра кюбейя (впослѣдствіи тавлея)—то же, что и восточная нардъ; она разыгрывалась посредствомъ бросанія костей и представляла смѣсь случая и разсчета. Полисъ, видимо, отличался отъ нея тѣмъ, что игрался, во-первыхъ, многими шашками, и, во-вторыхъ, что шашки ставились не на линіи, а на клѣтки. Патріархъ Фотій (439 Pors.) указываетъ именно на эту подробность: „играть въ города именуется теперь хоры (поля, клѣтки) посредствомъ шестидесяти шашекъ". Фотій жилъ въ 820—891 г.г., слѣдовательно игра полисъ сохранялась очень долго и ее, вѣроятно, можно возстановить при изысканіяхъ на мѣстѣ. Э. Б. Тейлоръ пишетъ про Плинтіонъ: „Попытки выяснить точныя правила классической игры до сихъ поръ не удавались пытавшимся; но при взглядѣ на нее мнѣ кажется, что игра, совершенно соотвѣтствующая описанію, существуетъ до сихъ поръ. Погонщики ословъ въ Каирѣ играютъ въ нее тоже *собаками*, шашками, состоящими изъ камешковъ и красныхъ кирпичиковъ, и проводники нацарапываютъ свои siga или діаграммы на верхушкѣ большой пирамиды. Если этой игры не было раньше, то она явилась вмѣстѣ съ Александромъ въ Александрію и, повидимому, сохранилась безъ измѣненія". Здѣсь же кстати замѣчу о формѣ шашекъ въ видѣ собакъ. У сойотовъ, живущихъ въ Монголіи по вершинамъ Енисея, ферзь въ шахматахъ и изображается, и называется собакою; по однимъ свѣдѣніямъ „Баръ-Мерзе" или „Арсланъ-Мерзе", гдѣ *мерзе* значитъ *собака* (арсланъ *левъ*, а *баръ* неизвѣстно, что значитъ; быть можетъ, искаженіе слова *берзе, тигръ)*, по другимъ извѣстіямъ просто *ытъ=собака*, а пѣшки хотя называются *олъ* (парень, ребята, солдатъ), но изображаются собачками или щенками. Если названіе *мерзе* можно принять за искаженіе непонятаго на мѣстѣ термина *ферзь*, то изображеніе пѣшекъ собачками изъ исторіи шахматной игры объяснить нельзя. Не остатокъ ли это глубокой старины, отмѣченной греческимъ текстомъ?—Въ снимкахъ съ памятниковъ индійской архитектуры (бывшей, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ македонскаго нашествія) встрѣчается изображеніе собаки на капители колонны въ память побѣды. (См.

иначе, чѣмъ ходитъ, если она имѣетъ только поступательное движеніе. Въ игрѣ римской шашка брала иначе, чѣмъ ходила (слѣдовательно и отсюда можно заключать, что она ходила только впередъ). Не было бы ничего удивительнаго, если-бы при этомъ древне-римская игра оказалась чѣмъ нибудь въ родѣ нашихъ клешней, но допустить это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если-бы geminus имѣло такое же безспорное значеніе раздѣльной двойственности, какъ duo, bis, bini, uter и т. п.

Вопреки всѣмъ комментаторамъ мы говоримъ, что рѣчь идетъ здѣсь вовсе не о взятіи двумя шашками одной, а что тутъ мы встрѣчаемся съ техническимъ [88]) выраженіемъ, которое требуетъ подробныхъ изысканій. На это даетъ намъ право не только само выраженіе geminus hostis, но и другіе относящіеся сюда тексты. Игра не могла быть клешнями, потому что игра римская требовала глубокаго и тонкаго разсчета, потому что въ ней, по словамъ Сенеки, „изощряется тонкость соображенія", потому что въ ней аттакованная шашка могла избѣжать гибели [89]).

„Б. Энцикл.", т. X, Индія, таб. II). Въ Россіи въ XVI—XVII в., кромѣ игры въ шахматы и тавлеи, существовали еще игры въ *саки* и *бирки*, какъ это видно изъ приведеннаго у Забѣлина (Бытъ русскихъ царей, стр. 132) приказа отъ 13 Сентября 1680 г.: „взять изъ Оружейной Палаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать на-скоро". Что это были за игры, не извѣстно. У Сенковскаго (Соч., т. V, 1858 г., стр. 365) я встрѣтилъ такое мѣсто: „.... и я вамъ докажу, что *Саки* у древнихъ греческихъ, *Кимаки* (что произносится *Кемеки*) у Арабскихъ и *Ногайцы* у новѣйшихъ писателей, суть одинъ и тотъ-же народъ, названный тремя различными языками; ибо какъ *Сакъ* на древнемъ персидскомъ языкѣ, такъ *Кемекъ* (а въ другихъ нарѣчіяхъ *Кебекъ* и *Кѣпекъ)* по-турецки и *ногай* по-монгольски означаютъ собаку..." Не были-ли *саки* такою игрой, гдѣ шашки изображались или именовались собаками?

[88]) Что такіе техническіе термины были у древнихъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться даже a priori, но дальнѣйшій разборъ текстовъ убѣдитъ читателей, что они были въ большомъ ходу; здѣсь достаточно будетъ указать, что, напримѣръ, въ игрѣ двѣнадцати линій одна изъ нихъ у грековъ называлась Антигоною, а у римлянъ въ этой же игрѣ сочетаніе костей, когда на нихъ выпадало по одному очку, называлось canes—псы, но это же слово употреблялось и въ ругательномъ смыслѣ.

[89]) Филологи, приписывавшіе римлянамъ взятіе одной шашки двумя, не пробовали примѣнять этого способа на клѣтчатой доскѣ; если-бы они знали игру клешни (это незнаніе доказываетъ также молодость видоизмѣненія, называемаго „клешни"), они, вѣроятно, съ радостью остановились бы на ней, ибо *внѣшнимъ* образомъ она разрѣшила бы смыслъ многихъ текстовъ, и противъ подобнаго формальнаго толкованія было бы еще труднѣе бороться за истину.— Въ утвержденіи ученыхъ о способѣ взятія двумя шашками, измышленномъ на основаніи невѣрнаго пониманія слова geminus, можно видѣть, до какой степени трудно создать новую игру. Принципъ придуманъ, онъ, какъ указываетъ игра клешни, *осуществимъ и практически,* но никому, однако, изъ филологовъ не пришелъ въ голову способъ клешней, хотя на первый взглядъ кажется, что его очень легко себѣ представить, разъ напередъ говорятъ, что

Помимо этого, мы не имѣемъ *ни одного* прямого, открытаго указанія на взятіе дѣйствительно *двумя* шашками; наоборотъ, рядомъ съ этимъ непонятымъ терминомъ есть нѣсколько (вполнѣ безспорныхъ въ переводѣ) выраженій, гдѣ ясно говорится о томъ, что *одна* шашка губитъ другую, что *одна* шашка облагаетъ сразу двѣ чужихъ. Это было бы немыслимо по закону взятія клешней или агона.

Латинское выраженіе о взятіи мы можемъ перевести по-русски самымъ точнымъ образомъ, а именно **„средняя шашка губится сугубымъ непріятелемъ“**. Филологи не могутъ ничего возразить противъ такой передачи и должны согласиться, что это *единственно вѣрный, буквально точный* переводъ, должны признать, что нельзя даже подыскать взамѣнъ его *никакого* другого выраженія, которое, будучи краткимъ, полнѣе выражало бы латинскій терминъ. Русское старинное слово это удобно для насъ еще въ томъ отношеніи, что даетъ полную картину спорнаго вопроса и для лицъ, незнакомыхъ съ латинскимъ языкомъ, такъ какъ оно точно совпадаетъ съ римскимъ терминомъ geminus.

Но что значитъ *сугубый?* Оно также значитъ *двойной* [90]), *удвоен-*

одна шашка убивается двумя. Бекъ-де-Фукьеръ, который,—какъ и всѣ,—придерживается ошибочнаго перевода, одинъ изъ всѣхъ придумалъ собственную игру, гдѣ шашка бралась въ любкахъ. Однако, когда ему понадобилось разъяснять этотъ пріемъ практически (онъ мечталъ реставрировать игру, и написалъ даже уставъ ея) и согласовать его съ прочими текстами, то пришлось допустить: 1) что окруженная шашка берется не немедленно (какъ во всѣхъ облавныхъ играхъ: мельница, го, клешни, агонъ), а можетъ *выходить* изъ любковъ, такъ что снятіе окруженной шашки должно было происходить въ слѣдующій ходъ; 2) что шашка берется, когда она осталась въ любкахъ, но что игрокъ, снявъ ее съ доски, кромѣ того, ходитъ въ другомъ мѣстѣ другою своею шашкою и 3) самое нелѣпое, что шашка, которая движется только впередъ, запирается не только спереди, но и сзади, куда она не можетъ ходить!

Говоря объ играхъ, любятъ приводить слова, приписываемыя Лейбницу, что нигдѣ умъ человѣческій не проявилъ столько гибкости, какъ въ созданіи различнаго рода игръ. Необходимо къ этому прибавить, что игры болѣе или менѣе распространенныя никогда не заключаютъ въ себѣ логическихъ несообразностей, несмотря на всю массу вложенной въ нихъ фантазіи; наоборотъ, игры придумываемыя, точнѣе проекты игръ, нерѣдко поражаютъ своею нелѣпостью и внутренними противорѣчіями. Придуманная Бекъ-де-Фукьеромъ игра никогда не могла существовать, ибо она построена на законахъ, противныхъ *всѣмъ* шашечнымъ играмъ. Не въ частностяхъ, не въ подробностяхъ, а въ главныхъ основаніяхъ умъ человѣческій и проявленія характера обнаруживаютъ извѣстное однообразіе, и это именно обстоятельство заставило, какъ указываетъ Э. Тейлоръ (Первоб. культура), итальянцевъ сказать tutto il mondo é paese—весь міръ—одна страна! Желающіе ознакомиться съ реставраціей Бекъ-де-Фукьера могутъ прочесть ее по-русски въ 18-мъ выпускѣ изданія, указаннаго въ примѣчаніи 82-мъ. Другая построенная на подобномъ же принципѣ игра—это агонъ, описанная въ примѣчаніи 34-мъ. Она хотя очень плоха, но все же лучше организована.

[90]) В. И. Даль (Толков. слов. живаго великорус. яз.) даетъ изъ Ю. Н. Бартенева

ный (вспомнимъ *сугубую аллилуія),* но слово это содержитъ и другія значенія,—какъ-то: *усиленный, увеличенный* (сугубое наказаніе, сугубая ектенія). Латинское слово заключаетъ въ себѣ также нѣсколько значеній; оно, дѣйствительно, значитъ *двойной,* но значитъ также *похожій, родственный, ближайшій, парный.* Латинскій глаголъ того же корня geminare, соотвѣтствующій русскому *усугублять,* переводится словами *удвоять, спаривать, повторять, двойку дѣлать.* Когда рѣчь шла не объ одномъ предметѣ, то geminus у латинянъ являлось во множественномъ числѣ, напримѣръ nuptiae gemini, pedes, двойная свадьба, двойныя ноги [91]); gemini значитъ *братья близнецы.* Наоборотъ, когда рѣчь несомнѣнно шла объ одномъ предметѣ, geminus всегда является въ числѣ единственномъ, напримѣръ, geminus Chiron (Кентавръ), двоеобразный Хиронъ, geminus Cecrops (получеловѣкъ—полузмѣй [92]); у Цицерона gemina audacia—выдающаяся храбрость, geminum lucernae lumen—двойной свѣтъ фонаря; Босфоръ Ѳракійскій именовался janua gemini maris, дверь двойного моря.

Западно-европейскіе ученые (русскіе, насколько мнѣ извѣстно, этого предмета не касались) считаютъ непріятельскую шашку удвоенною въ прямомъ значеніи, т. е. что бьютъ *двѣ отдѣльныя* шашки, но такое толкованіе, какъ мы видимъ, не соотвѣтствуетъ значенію слова и потому не можетъ быть обязательнымъ, а коль скоро оно приводитъ къ противорѣчіямъ, не разъясняетъ дѣла, а затемняетъ, оно должно быть отвергнуто, какъ ошибочное. Не въ правѣ ли мы понимать латинскій терминъ такимъ образомъ, что шашка погибаетъ отъ (ближайшаго къ ней) *близнеца непріятеля,* отъ *непріятеля парнаго* (составляющаго вмѣстѣ съ погибающей пару)? Вѣдь въ положеніи бѣлая c5, черная d6, обѣ шашки вмѣстѣ по латыни назвали бы gemini, *близнецы, двойни,* а каждая изъ нихъ погибаетъ отъ своего близнеца, отъ своего *двойника?* — Бекъ-де-Фукьеръ въ одномъ мѣстѣ случайно (потомъ онъ это забываетъ) переводитъ латинское выраженіе „отъ двой-

---

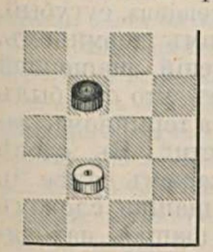
примѣръ: „Галиматья простая, коли слушающій ничего не понимаетъ; галиматья сугубая, когда ни слушающій, ниже бесѣдующій сами себя не понимаютъ“.

Въ славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1618 г.) буквы кси и пси названы сугубыми, такъ какъ состоятъ изъ двухъ звуковъ.—Къ слову замѣчу, что буква щ также сугубая и вполнѣ можетъ быть замѣнена буквами сч, или зч,—отъ чего даже выиграетъ пониманіе орѳографіи,—но этого, при разговорахъ объ измѣненіи русскаго правописанія, почему-то большею частію не замѣчаютъ.

[91]) Нѣкоторые словари переводятъ *двѣ свадьбы, обѣ ноги.* Первый переводъ вѣренъ, ибо двойная свадьба, конечно, ничто иное какъ двѣ свадьбы, но „двѣ или обѣ ноги“ переводъ крайне сомнительный; надо думать, что рѣчь идетъ о двойныхъ ногахъ, т. е. или о болѣе длинныхъ или о сдвоенныхъ у разныхъ людей, стоящихъ рядомъ.

[92]) Между прочимъ онъ раздѣлилъ исконныхъ обитателей Аттики на 12 областей.

ной аттаки непріятеля“ (sous une double attaque de l'ennemi). Не въ правѣ ли мы сохранить этотъ переводъ вполнѣ? Въ самомъ дѣлѣ, въ позиціи бѣлая f2, черная f4, шашка (которой предстоитъ двинуться) гибнетъ *отъ двойной аттаки одного непріятеля*, оттого, что непріятельская шашка бьетъ *на двѣ стороны*, тогда какъ въ игрѣ XII линій шашка била лишь на одно какое либо мѣсто впередъ. Уже одно это давало поводъ назвать шашку geminus hostis. Но мы не думаемъ, что это было причиною латинскаго выраженія; мы идемъ далѣе и говоримъ: необходимо допустить и болѣе распространительное толкованіе, необходимо признать, что въ данномъ случаѣ слова „отъ сугубаго непріятеля“ значатъ, что шашка гибнетъ *отъ удвоеннаго въ своемъ ходѣ, отъ два раза шагающаго* непріятеля, то есть бралась тѣмъ же способомъ, что теперь у насъ; это подтверждается словомъ medius—средній, которое указываетъ, что шашка погибала *посрединѣ*, и значеніе глагола geminare *удвоять, двойку дѣлать*. Только при такомъ переводѣ темное выраженіе дѣлается яснымъ, получаетъ смыслъ употребленіе единственнаго числа, и становится понятнымъ полное отсутствіе фразъ, гдѣ открыто говорилось бы о взятіи двумя шашками [93]). Только при такой передачѣ мы въ состояніи будемъ понять фразы латинскихъ текстовъ: „сдѣлай, чтобъ погибалъ твой воинъ отъ непріятельскаго“, или „какая твоя шашка, обреченная на гибель, (сама) не губила непріятеля“? Лишь при этомъ выясняется, почему (какъ будетъ видно изъ другихъ текстовъ) одна шашка могла ворваться къ непріятелю и разрушить его укрѣпленія, или одна —связать двухъ (obligat ipse duos).

Кромѣ этого geminus могло удерживать и прямое значеніе двойственности. Въ первичной формѣ шашекъ игра довольно часто сводится къ борьбѣ двухъ дамокъ противъ одной, и здѣсь одинокая всегда (и на двойникѣ) гибнетъ отъ *двухъ* чужихъ дамокъ. Сама дамка по отношенію къ простой имѣетъ правъ ровно вдвое болѣе (идетъ и бьетъ на четыре стороны, впередъ и назадъ, а простая лишь на двѣ стороны, только впередъ), слѣдовательно была удвоенною шашкою, calculus geminus; проигрышъ же партіи происходитъ по большей части съ появленіемъ у противника доведи, этой *удвоенной въ своихъ правахъ* шашки, которая и губила простыхъ; въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ простая лишь вслѣдствіе предшествующихъ размѣновъ могла одновременно напасть на двѣ шашки въ двѣ разныя стороны, дамка нападала одновременно на двѣ шашки въ разныя стороны въ двухъ случаяхъ: не только въ любкахъ, но и сзади; при размѣнахъ же могла напасть сразу на всѣ четыре стороны (напримѣръ, бѣл.

[93]) При упоминаніи въ этихъ же текстахъ двухъ отдѣльныхъ костей (игры XII линій) стоятъ слова bis и duo; для означенія въ самой игрѣ двухъ шашекъ употреблено duo; означеніе двухъ перпендикулярныхъ направленій линій, образующихъ клѣтки доски, выражено словомъ bini.

д. f6, пр. g7; черн. пр. h8, d4, d6, f4; послѣ f6—e5, h8 : f6, доведь нападаетъ на четыре шашки). Такимъ образомъ geminus, сугубый, былъ во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе подходящимъ терминомъ, приложимымъ одновременно къ множеству явленій шашечной игры. Раскрытіе его истиннаго смысла показываетъ, что онъ былъ не тѣмъ, чѣмъ представляли его себѣ филологи, а терминомъ *замѣчательнымъ* по своей „многосторонней точности". Въ словѣ этомъ были и еще двѣ особенности, о которыхъ скажемъ далѣе [94]).

Что касается до опредѣленія погибающей шашки словомъ medius, *средній*, то кромѣ означенія, что гибнетъ шашка, находящаяся въ срединѣ хода берущей, оно совпадаетъ еще и съ другимъ смысломъ, именно, что шашка берется на срединѣ доски, а не на бортовыхъ клѣткахъ.

Въ подтвержденіе того, что слова gemino hoste были техническимъ выраженіемъ, я обращу вниманіе на одинъ фактъ, который, какъ доказательство, въ настоящее время можетъ показаться сомнительнымъ, но который впослѣдствіи, при лучшихъ изысканіяхъ,—я убѣжденъ,—оправдаетъ мои надежды и явится новою и солидною опорою для моихъ переводовъ.

Если древніе латиняне играли въ шашки, то, разумѣется, эта игра должна была распространиться всюду, куда достигало римское вліяніе; конечно, при этомъ и самые термины должны были являться вмѣстѣ съ игрою, входить въ употребленіе, и по частямъ могли даже сохраняться очень долгое время и въ различныхъ странахъ.

---

[94]) Глаголъ въ этой фразѣ perit также заслуживаетъ вниманія. Онъ вообще значитъ *погибать, исчезать*, но коренное его значеніе другое; онъ составленъ изъ глагола ire—*идти*, и предлога per, означающаго *черезъ* и *во время*. Въ сложеніи онъ пріобрѣлъ не прямой, а страдательный или возвратный смыслъ, какъ наши *пасть, пропасть; стать, перестать; хлебать, захлебнуться; дохнуть, задохнуться; вести, извести*. И не въ этой ли возвратной формѣ слѣдуетъ лучше переводить его здѣсь по-русски, подобно abire—*расходиться, разлучаться;* exire—*освободиться, извернуться?* Quo modo alligatus exeat calculus? Если это предположеніе вѣрно, то для современниковъ выраженіе perit заключало смыслъ, что шашка непріятелемъ *переходится, перешагивается*. Впрочемъ, при богатствѣ русскаго языка, возможно передать латинскій терминъ даже въ прямой формѣ: „проходитъ сугубымъ непріятелемъ", если понимать это въ томъ смыслѣ, какъ мы говоримъ „проходитъ воротами, улицей", т. е. сквозь ворота, внутри улицы: шашка берется дѣйствительно внутри удара, *проходитъ подъ непріятелемъ*. Толкованіе, что шашка „затаптывается", еще и потому можетъ быть допущено, что calco, глаголъ одного корня со словомъ calculus, значитъ *попирать, топтать ногами*. Такимъ образомъ переводъ техническаго латинскаго термина подкрѣпляется и со стороны грамматической, и со стороны возможности игры словъ.

Въ поясненіе того, какъ латинскій глаголъ perire могъ пріобрѣсти смыслъ *погубить*, для незнакомыхъ съ латинскимъ языкомъ можно указать на русскій глаголъ *уходить*, который не только значитъ *отходить прочь, въ сторону*, но и сдѣлался видомъ глагола *ухаживать*, пріобрѣтя обратное значеніе, такъ что *ухожу, уходилъ, уходить* имѣетъ не только смыслъ *иду прочь, удалялся, отходить*, но значитъ также *изведу до смерти, уморилъ, убить*. Французскій глаголъ s'en aller значитъ *уходить, удаляться* и употребляется въ значеніи *умирать, кончаться*.

Въ относительно-новѣйшее время, т. е. много спустя послѣ Р. Х., шашки должны были быть извѣстными и на Востокѣ, въ Азіи.—И вотъ, у Фирдусси (940—1020), персидскаго поэта, въ его поэтическихъ сказаніяхъ о шахматной игрѣ [95]), я встрѣтилъ выраженіе, которое, сколько можно теперь догадываться, составляетъ переводъ техническаго латинскаго выраженія. Сперва въ сказаніяхъ рѣчь идетъ о присылкѣ изъ Индіи къ Нуширвану (съ подробнымъ и яснымъ описаніемъ состава) шахматной игры, которую персидскіе мудрецы разгадываютъ; затѣмъ идетъ разсказъ объ изобрѣтеніи персидскимъ мудрецомъ Бузурджиміромъ игры „нардъ" и отсылки ея въ Индію, гдѣ игры этой разгадать не могли. Въ противоположность разсказу о шахматахъ, здѣсь самая игра описывается до того неясно, до того сбивчиво и туманно, что очевидно самому поэту она была не понятна, и онъ лишь съ буквальною точностью повторяетъ въ своемъ разсказѣ старинныя выраженія [96]). Разумѣется, если-бы легенда эта соотвѣтствовала дѣйствительности больше, т. е. если-бы рѣчь шла о народной персидской игрѣ, такой неясности и путаности не было бы мѣста. Неопредѣленность описанія усиливается еще тѣмъ, что персидское слово „нардъ" вовсе не составляетъ спеціальнаго имени той игры съ костями, которая въ настоящее время носитъ у насъ на Кавказѣ названіе „нарды" у армянъ и „нарди" у грузинъ (въ западной Европѣ триктракъ, бокгамонъ, пуф-шпиль; въ древней Россіи—тавлея); нѣтъ, какъ указывалъ еще Th. Hyde, слово нардъ означало вообще шашечную игральную фигурку цилиндрической формы, т. е. означало всякую вообще игровую шашку (то, что французы называютъ pièce). У Фирдусси идетъ рѣчь о присылкѣ изъ Персіи въ Индію какой то шашечной игры, въ составъ которой входитъ отрывочнымъ образомъ кое-что изъ игры нардъ, кое-что изъ шахматъ и кое-что изъ шашекъ. И вотъ, здѣсь встрѣчается описаніе способа взятія въ этой игрѣ, которое извѣстный переводчикъ Jules Mohl передаетъ такъ: quand deux de l'autre coté avaient surpris un homme isolé, celui-ci était perdu pour les siens, т. е. „когда двое съ противоположной стороны захватывали изолированнаго человѣка, этотъ былъ потерянъ для своихъ". Меня крайне заинтересовало это выраженіе, и я захотѣлъ узнать его въ подлинникѣ. Только онъ могъ разрѣшить, надо ли сближать его съ древне-греческимъ выраженіемъ или съ древнимъ латинскимъ. Любезное содѣйствіе оказалъ мнѣ профессоръ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ Г. А. Халатовъ.

Это стихи №№ 2801 и 2802 большого изданія Фирдусси, въ VI томѣ перевода Жюля Моля, стр. 392, и они въ русскомъ начертаніи могутъ быть (конечно приблизительно) переданы такъ:

якhира чо тháнхhа бегирядъ дотháнъ
зеляшкhяръ бадинъ яктhа́нъ аядъ шикhяпъ.

въ переводѣ это будетъ значить: „одного (як) когда (чо) отдѣленнаго (или одинокаго) захватываетъ двойной (до) человѣкъ, (то) изъ войска этому (и въ подлинникѣ дательный падежъ) одному (як) человѣку (танъ) приходитъ (аядъ)

---

95) См. „Шахм. Лист." 1878 г., №№ 4—8, гдѣ помѣщенъ русскій переводъ этого мѣста, сдѣланный, впрочемъ, съ большими отступленіями отъ французскаго перевода, который, въ свою очередь, не представляетъ ни безусловной, ни подстрочной точности.

96) Въ концѣ этихъ сказаній онъ и указываетъ на это, говоря, что онъ передѣлалъ эти исторіи такъ, какъ онъ узналъ ихъ изъ старинныхъ разсказовъ (см. Linde, Gesch., II, 245—256).

гибель". Выраженіе „двойной человѣкъ" принадлежитъ мнѣ (принято переводить и понимать „двое"), но интересно, что глаголъ, относящійся къ выраженію „двое",—бегирядъ,—употребленъ въ *единственномъ* числѣ. Это послѣднее обстоятельство объясняютъ тѣмъ, что въ стихотвореніяхъ у Фирдусси иногда въ глаголахъ употребляется единственное число, вмѣсто множественнаго (ср. примѣчаніе 148), но для меня здѣсь выступаетъ замѣчательное совпаденіе съ техническимъ латинскимъ терминомъ geminus hostis, совпаденіе тѣмъ болѣе яркое, что и латинскій глаголъ pereo переданъ здѣсь очень близко: „приходитъ гибель".

Я думаю, что здѣсь, въ поэтическихъ пересказахъ Фирдусси, мы встрѣчаемъ очень древнее отраженіе когда-то вліятельной римской цивилизаціи и подстрочный переводъ латинскаго выраженія съ тою-же характерною подробностью, которая выступаетъ изъ другихъ латинскихъ текстовъ, что гибнетъ отдѣленный, изолированный непріятель, т. е. стоящій одиноко, вдали отъ своихъ.—Въ этомъ же сказаніи у Фирдусси встрѣчается важная подробность, намекающая на шашки, а именно говорится, что „поле было черное, поле сраженія квадратное", le champ était noir, le champ de battaille carré, что, по моему мнѣнію, указываетъ, что игра шла на раскрашенной доскѣ, и именно, по чернымъ клѣткамъ, такъ какъ въ нардѣ съ костями нѣтъ квадратныхъ клѣтокъ. Ни число шашекъ, ни ихъ отдѣльное достоинство не указаны; говорится только, что армія была устроена какъ въ шахматахъ, и помѣщалась съ обѣихъ сторонъ въ порядкѣ сраженія, располагаясь на *восьми* клѣткахъ; затѣмъ являются подробности уже путанныя, что въ игрѣ было два могущественныхъ царя, которые должны были ходить оба, но никогда не принося другъ другу вреда; что войска располагались вполнѣ готовыми къ битвѣ и ко взятію города, и что въ игрѣ были двѣ кости съ цифрами цвѣта чернаго дерева. Вся эта путаница указываетъ, что любовь къ нерду (двѣ кости) и удивленіе передъ новыми шахматами (два царя) затмили славу когда-то распространенной въ Персіи шашечной игры настолько, что лишь съ большимъ трудомъ можно догадаться о ея быломъ процвѣтаніи [97]).

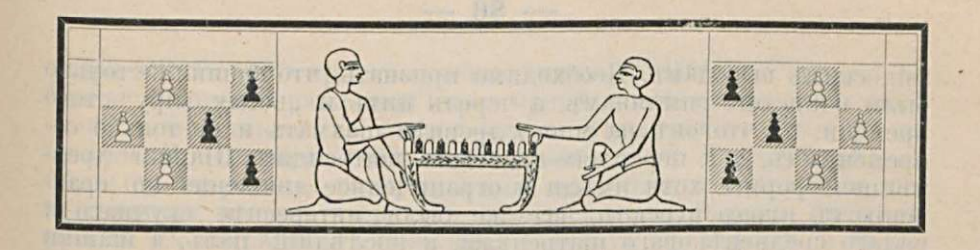
Здѣсь же кстати замѣчу по поводу персидскаго наименованія шашки человѣкомъ, что у грузинъ въ нарди шашка называется также человѣкомъ, а у испанцевъ форсированный ходъ шашки носитъ спеціальное названіе: „путь мертваго человѣка"—trecha del hombre muerto.

---

[97]) Относительно самаго составленія сказаній, въ шахматной литературѣ указывается, что поэма Фирдусси, называемая Шахъ-Наме, содержитъ древнія сказанія о персидскихъ царяхъ изъ матеріаловъ, собранныхъ по повелѣнію Нуширвана и впослѣдствіи дополненныхъ и приведенныхъ въ порядокъ.

Профессоръ Лазаревскаго Института баронъ Штакельбергъ, иранистъ, писалъ мнѣ, что „Разсказъ у Фирдауси есть поэтическій пересказъ, и при изученіи шахматной игры его слѣдуетъ сличить съ другими болѣе древними источниками, которые приводятся у Залемана (русскій академикъ) и у Нёльдеке: C. Salemann, Mittelpersische Studien въ Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'académie imperiale des sciences de S-t Pétersbourg. T. IX, livraison 3. Петербургъ, 1887 г., стр. 222 и слѣд. — Th. Nöldeke, Persische Studien, t. II, Wien, Tempoky, 1892, Seiten 20—26.—Ни Линде, ни Лаза этихъ источниковъ не знаютъ.

Онъ же говоритъ, что „слово nard (теперь произносится нэрдъ) есть сокращеніе изъ сассанидско-персидской формы невартахшер=trictrac".

IX.

Я совершилъ путь къ наукѣ, какъ собака, которая гуляетъ съ своимъ господиномъ,—сотню разъ пробѣжалъ по пути взадъ и впередъ,—и когда я добѣжалъ, я уже усталъ...

Лихтенбергъ.

Пора бросить пріемы ложной учености à la Линде [98]) и обратиться къ здравому разсудку, который одинъ даетъ цѣну исто-

---

[98]) Сочиненія Линде произвели громадное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ видомъ, по которому имъ приписали и внутреннія достоинства. М. К. Гоняевъ въ рецензіи объ „Исторіи" писалъ („Шахм. Лист." 1877 г., №№ 9—10, стр. 247—248): ...„Къ сожалѣнію, большинство писавшихъ доселѣ о шахматахъ не были вмѣстѣ съ тѣмъ людьми науки, а ученые изслѣдователи старины не были шахматистами. Результатомъ этого было самое легковѣрное и некритическое отношеніе шахматныхъ историковъ къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ они черпали свои свѣдѣнія... Величайшая заслуга г. Линде состоитъ именно въ томъ, что онъ первый рѣшился отнестись критически ко всѣмъ извѣстнымъ доселѣ источникамъ. Ученый лингвистъ и обладатель превосходной шахматной библіотеки (слишкомъ въ 1200 томовъ), объѣздившій Европу и Америку въ поискахъ за книгами и древними рукописями, мало-мальски относящимися до шахматъ,—онъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ ознакомилъ шахматный міръ съ результатами своихъ изслѣдованій. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ даже вкратцѣ передать здѣсь тѣ остроумные и глубоко-научные доводы, на основаніи коихъ г. Линде относитъ всѣ сохранившіяся преданія о происхожденіи шахматъ къ области миѳовъ, не имѣющихъ ни малѣйшей исторической подкладки. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Линде принялъ въ основу своихъ изысканій слѣдующій вполнѣ научный критеріумъ: если мы встрѣчаемъ шахматное извѣстіе у какого-либо писателя, то мы съ достовѣрностью можемъ заключить изъ этого лишь то, что *въ его* (писателя) *время* шахматы уже были извѣстны—никакъ не болѣе" и т. п.—Позднѣе М. Г. перемѣнилъ свое мнѣніе.

А вотъ какъ признается въ своемъ подчиненіи мнѣніямъ Линде и его теоріямъ И. Т. Савенковъ.... „Нравы сойотъ грубы, суровы и даже жестоки...

рическимъ выводамъ. Необходимо признать, что шашки не только были извѣстны римлянамъ, а черезъ нихъ и „всему міру“ того времени, но что онѣ на много древнѣе шахматъ и не только современныхъ, а и персидско-арабскаго шатренджа. Шашки древнѣйшей формы, хотя имѣли и ограниченное движеніе по сравненію съ игрою русскою, все же были интереснѣе скучнаго и вялаго средневѣковаго шатренджа, и послѣдній палъ, а шашки римской формы не потеряли своей занимательности до настоящаго времени, найдя себѣ пріютъ у англичанъ, этихъ современныхъ римлянъ по ихъ обширному вліянію и господству. Древній Римъ не только владѣлъ всею западною и южною Европой, онъ еще налагалъ на завоеванныя имъ страны неизгладимую печать своей цивилизаціи. Уже по одному этому нельзя допустить, чтобы древне-римскія шашечныя игры исчезли безвозвратно. Онѣ могли заглохнуть на время, могли измѣниться въ своихъ правилахъ, или небольшихъ частностяхъ, могли перемѣнить названія, но чтобы онѣ пропали, и пропали безслѣдно, да еще и вездѣ, это уже нелѣпость, недопустимая въ серьезной исторической статьѣ [99]). Описаніе ходовъ въ „бойцы“ встрѣчаемъ мы у ученаго Севильскаго епископа Исидора, родившагося около эпохи Юстиніана, слѣдовательно незадолго до покоренія Испаніи арабами, которое послѣдовало въ первые годы VIII столѣтія. Доводъ Линде, будто слѣдовъ шашечной литературы не встрѣчается ранѣе XV—XVI вв., слишкомъ слабъ, слишкомъ субъективенъ, чтобы

и вообще ихъ быть такъ примитивенъ, что сойоты и шахматы были для насъ понятіями совершенно несочетаемыми, несовмѣстимыми... Тогда мы еще исповѣдывали ученіе нѣкоторыхъ германскихъ шахматныхъ историковъ, что шахматы могутъ возрастать только на высоко-культурной почвѣ“. (Брошюра, стр. 6—7).

[99]) Бекъ де Фукьеръ въ своей книгѣ „Игры древнихъ“ приводитъ множество снимковъ съ античныхъ памятниковъ. Надо изумляться, до какой степени современныя дѣтскія игрушки совпадаютъ съ древними: извѣстные, напримѣръ, лабиринты, продолжающіе и по сейчасъ интересовать дѣтей (почему повторяются постоянно въ дѣтскихъ журналахъ), совершенно одинаковы съ такими же рисунками древнихъ. Куклы, бабки (къ слову замѣчу, что въ русской игрѣ въ бабки одно положеніе *битки* именуется чуть ли не греческимъ словомъ *ника*=„побѣждай“, употребленному здѣсь въ ироническомъ смыслѣ), мячи, качели, свистульки, обручи, пѣтушиные бои, гимнастическія упражненія съ шарами, все это почти одинаково съ настоящимъ временемъ.

Въ снимкахъ съ египетскихъ памятниковъ также встрѣчаемъ мы много указаній на современныя игры, таковы, напримѣръ, игроки въ мячи въ позахъ настоящаго времени.

Э. Б. Тейлоръ въ „Исторіи игръ“ пишетъ: „не только на многихъ сложныхъ играхъ, какъ шахматы или игра въ мячъ отбойниками, но даже на многихъ изъ дѣтскихъ игръ можно замѣтить ихъ образованіе и развитіе, которыя могутъ быть означены на картѣ почти съ такою же точностью, съ какой ботаникъ опредѣляетъ географическіе центры растенія. Мы можемъ съ довѣріемъ взирать на этотъ предметъ, если мы оглянемся также на историческій и географическій опытъ, который укажетъ намъ на погрѣшности“.

опираться на него при построеніи гипотезы. Вѣдь не зналъ же Линде ни одной шашечной игры, кромѣ новой испанской и польской, точно также не зналъ онъ и упоминаній объ игрѣ въ шашки. Представимъ себѣ, что гдѣ-нибудь въ Европѣ найдены были бы старинныя раскрашенныя шахматницы,—Линде и его поклонники тотчасъ возразятъ, что доски эти *должны* быть отнесены къ эпохѣ послѣ появленія шахматъ въ Европѣ, и на такомъ основаніи отвергнутъ самое фундаментальное доказательство. Въ настоящее время, послѣ нашихъ разъясненій, необходимо будетъ доказывать уже иное, а именно, что такихъ досокъ въ Европѣ ранѣе VII—VIII вв. не встрѣчалось, и только доказавъ это, говорить о „шахматницѣ".

Древнія игры римлянъ сохранились и дошли до насъ, вѣроятно, въ большей своей части, подобно игрѣ XII линій, которая превратилась въ западно-европейскій триктракъ;—подобно персидско-египетскому нарду, въ который играютъ у насъ на Кавказѣ по правиламъ, существовавшимъ до Магомета;—подобно индійско-персидскому шатренджу, превратившемуся въ современныя шахматы,—а эти игры съ своей стороны, или по крайней мѣрѣ двѣ первыя изъ нихъ, какъ и „бойцы" римскіе, восходятъ ко временамъ доисторическимъ.

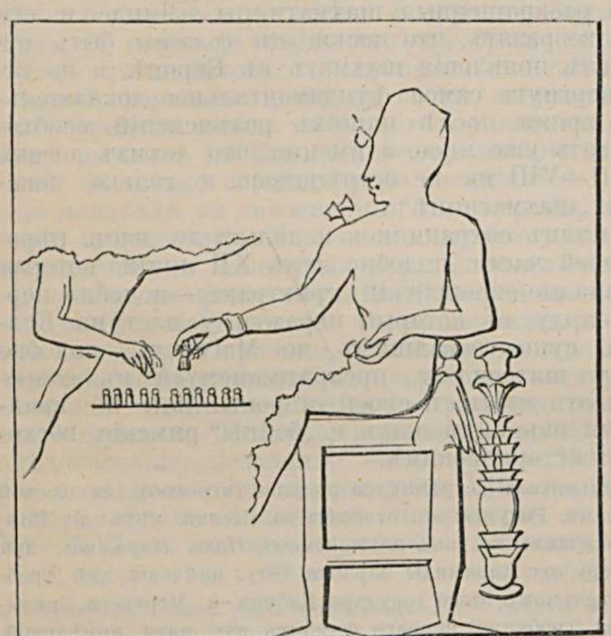
Въ египетскихъ могильникахъ встрѣчаются рисунки игроковъ за доской съ однообразными шашками. Рисунки эти относятъ за тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Въ раскопкахъ на такъ называемомъ *Полѣ Пирамидъ*, при селеніи Саккари, къ сѣверу отъ пирамиды фараона Тету, найдены двѣ гробницы, сооруженныя для вельможъ этого государя Кабина и Мернкера, называвшагося Мера. Мастаба (гробница) перваго состоитъ изъ пяти помѣщеній, стѣны которыхъ покрыты рельефами и стѣнною живописью. Памятникъ Меры наиболѣе замѣчателенъ; до сихъ поръ въ немъ открыто не менѣе 27 сводовъ и галлерей. Среди стѣнной живописи, изображающей главнымъ образомъ сцены охоты и рыбной ловли, находится группа скорбящихъ женъ Меры съ его сыновьями, которые держатъ другъ друга за руки; самъ же Мера изображенъ за игрой въ шашки *). Фараонъ Тету или Тайту принадлежитъ къ шестой династіи; время его правленія Лепсіусъ (Linde, I, 40) относитъ къ 2700 г. до Р. Х., профессоръ же Бругшъ-паша отодвигаетъ эту эпоху къ 3300 г. до Р. Х. [100]). „Большая Энциклопедія", давая снимокъ іероглифическихъ надписей гробницы принца Раготена въ Медумѣ (по Ф. Питри около 2800 г. до Р. Х.) говоритъ: „Самые лучшіе образцы (іероглифовъ) найдены на могильныхъ памятникахъ въ Медумѣ... къ числу ихъ принадлежатъ надписи и изображенія на прилагаемой нами таблицѣ. Іероглифы всѣ... тщательно выработ-

---

*) Ср. „Московск. Вѣдом.", 1897 г., V, 1, № 118;—„Нива", 1900 г. № 7, Смѣсь;—„Шахматн. журналъ" Макарова, 1897 г., № 8, стр. 257—258. Всѣ три изданія говорятъ о шахматахъ; конечно, это не вѣрно.

[100]) Египетская хронологія еще не установлена, и неизвѣстно, когда именно царствовалъ такой-то фараонъ, а потому принято датировать ея событія по династіямъ, которыхъ до персидскаго завоеванія (525 г. до Р. Х.) считается 26—30, при чемъ первыя 10 именуютъ древнѣйшими.—Продолжительность царствованія династій также не можетъ быть опредѣлена, за отсутствіемъ египетской эры, но даже при самомъ умѣренномъ хронологическомъ разсчетѣ, первую династію надо отнести къ IV тысячелѣтію до Р. Х. (См. еще примѣчаніе о египетскомъ календарѣ, при разборѣ числа 12).

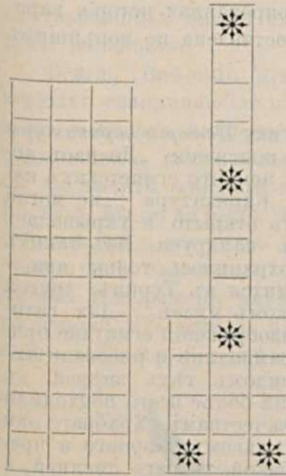
таны рельефомъ и раскрашены... По бокамъ, направо и налѣво, изображены предметы, положенные въ могилу съ покойникомъ—кресло, письменный приборъ, сосуды, фляжка съ освященнымъ масломъ, не забыта и шашечная доска“ (изъ 3×10=30 клѣтокъ).

Приведенный нами на стр. 14 (помѣщенный, какъ указано раньше, у О. И. Сенковскаго) рисунокъ повторяется у К. Оппеля „Чудеса древней страны пирамидъ“ (пер. съ нѣм. Н. Страхова, изд. Д. Ѳедорова. Спб. 1868); здѣсь читаемъ (стр. 177): „Мужчины особенно любили *игру въ шашки*.... Шашки были черныя и бѣлыя, или также красныя и бѣлыя, напоминали нѣсколько по виду кегли и вырѣзывались обыкновенно изъ дерева, у богатыхъ людей — изъ слоновой кости. Шашечницы были въ видѣ низенькаго столика; поэтому къ нимъ садились или присѣдали на корточки на полу... одной ногой становились на колѣно, садились на пятку, а другое колѣно подтягивали къ груди. (См. заставку наст. главы). За высокими столами сидѣли на стульяхъ, какъ и мы.—Любимымъ препровожденіемъ времени у царей была именно игра въ шашки“. Съ не менѣе древняго египетскаго рисунка, изъ дворца Рамзеса III въ Ѳивахъ, взятъ, воспроизводимый здѣсь, снимокъ въ шахматномъ руководствѣ Гр. Бастеро (Traité élémentaire du jeu des échecs par le c-te de Basterot; 2 ed., Paris. 1863 [101]).

[101]) И. Т. Савенковъ (брошюра, стр. 9, пр. 1). по поводу этого рисунка, не приводя никакихъ основаній, пишетъ: „У Bastero, на стр. 14, между прочимъ есть рисунокъ съ египетскаго фреска времени Рамзеса, могущій наглядно убѣдить интересующихся: поскольку неосновательно видѣть въ фигуркахъ одной формы шахматы. Предполагають игру въ дамки (Dameh). Беря во вниманіе манеру египтянъ рисовать и сосчитавъ пѣшки на доскѣ (и 1 промежутокъ, всего 12 мѣстъ или клѣтокъ) мы склонны видѣть въ этой египетской игрѣ прототипъ римской lud. duodecim scriptorum. Но опасеніе односторонности и увлеченій приводитъ насъ къ предположенію, что этотъ не вполнѣ сохранившійся рисунокъ можетъ изображать и египетскихъ архитекторовъ или математиковъ, производящихъ вычисленія на древнемъ счетномъ столѣ. За табуретомъ уцѣлѣвшей фигуры виденъ орнаментный символическій жезлъ; мнѣніе египтологовъ о немъ желательно узнать“. Не знаешь, чему здѣсь удивляться, легкости-ли мнѣній, или степени развязности, съ коей они высказы-

Въ Булакскомъ музеѣ находятся нѣсколько древне-египетскихъ шашечницъ, къ сожалѣнію, подробно не описанныхъ. Только въ Palamède'ѣ встрѣтилъ я описаніе шашечницы изъ коллекціи д-ра Аббота (см. Balédent, III, 723); у ней на одной сторонѣ доска въ 3×10=30 клѣтокъ, на другой въ 20 клѣтокъ, при чемъ онѣ расположены такимъ образомъ, что съ одного края четыреугольникъ изъ 3×4=12 клѣтокъ, а къ среднимъ четыремъ полямъ въ одну сторону прибавлено еще восемь клѣтокъ, вытянутыхъ въ одну линію, такъ что въ ней получается (вмѣстѣ съ полями доски) всего 12 клѣтокъ. Jean Gay (Bibl. anecd. Paris, 1864, p. 67) описываетъ эту же доску, въ луврскомъ [102]) музеѣ; при ней шашки различныхъ цвѣтовъ, похожія на греческія пессы и римскія латрункули. Хотя эти послѣднія и не безызвѣстны, но имѣли разнообразную форму и вовсе не походили на тѣ шашки, которыя мы встрѣчаемъ въ египетскихъ рисункахъ въ родѣ приводимаго у Бастеро.

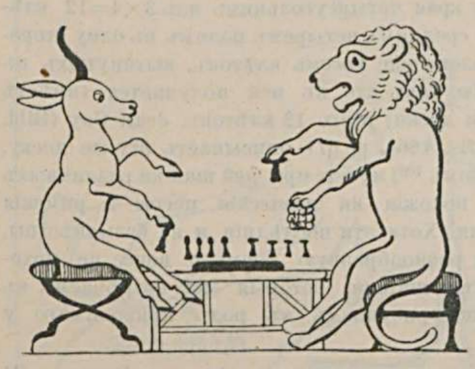
Изъ египетскаго міра дошла до насъ карикатура на фараона Рамзеса III (1269—1244 до Р. Х.; у греч. историковъ Рампсинитъ). Папирусъ, съ котораго

ваются. „Предполагаютъ игру въ дамки“ и тутъ же ученое поясненіе—Dameh, между тѣмъ это слово современное и употребляется въ Египтѣ по отношенію къ шашкамъ на стоклѣточной доскѣ. Далѣе авторъ беретъ „во вниманіе манеру египтянъ рисовать“ (манеру, которая весьма характерна въ томъ отношеніи, что она *скрываетъ* смыслъ рисунка) и дѣлается склоннымъ „видѣть въ этой *египетской игрѣ* прототипъ (?!) римскихъ 12 линій“. Почему прототипъ,—И. Т. Савенковъ, разумѣется, объяснить будетъ не въ состояніи. Римская игра разыгрывалась посредствомъ кости и пятнадцатью шашками. Здѣсь нѣтъ намека на кости и *всего* 12 (да и не тринадцать ли?) шашекъ, т. е. если шашки выставлены всѣ, то по шести на человѣка. Ни малѣйшаго указанія въ рисункѣ нѣтъ на клѣтки, но у г. Савенкова и онѣ явились! Затѣмъ, забывъ, что онъ не только искалъ *въ игрѣ* прототипъ другой игры, слѣдовательно вполнѣ призналъ игровой характеръ рисунка, И. Т. Савенковъ готовъ видѣть здѣсь и архитекторовъ, и математиковъ, и даже счетный столъ, хотя былъ ли у египтянъ счетный столъ,—это еще подлежитъ сомнѣнію, а если и былъ, то на немъ считали, надо думать, никакъ не „пѣшками“. Словомъ, чего хочешь, того и просишь!

[102]) Словарь Даранберга въ статьѣ lusoria tabula даетъ снимокъ съ шкатулки, найденной на островѣ Критѣ. На верхней сторонѣ ея доска въ 20 клѣтокъ, изъ коихъ пять украшены розетками; вѣроятно это тотъ самый ящикъ, который описывалъ М. Онефальшрихтеръ. См. стр. 72.

Въ музеѣ изящныхъ искусствъ имени Александра III въ Москвѣ, въ египетскихъ памятникахъ „Новаго царства“, какъ указывается въ краткомъ путеводителѣ (ч. I, изд. 4-е, 1913 г., стр. 18): „Витрина 3 заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, образцы игральныхъ шашекъ (№№ 2659 и 2651—въ видѣ бога Беса и др.) и костей“.

она взята, находится въ Британскомъ музеѣ. На ней изображены левъ и антилопа, играющіе повидимому въ шашки. (См. „Вѣстн. иностран. литературы", изд. Пантелеева, 1913 г., Январь, приложеніе „Иллюстрированная исторія карикатуры съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; составлена по новѣйшимъ изслѣдованіямъ А. В. Швыровымъ. Спб. 1903 [103]).

[103]) Къ рисунку *Исторія карикатуры* даетъ такія поясненія: „До насъ дошло весьма немного египетскихъ карикатуръ. ....Карикатура ....не могла существовать открыто и укрывалась въ свиткахъ папируса. Изъ такихъ свитковъ сохранилось только два,—одинъ находится въ Туринѣ, другой въ Британскомъ музеѣ.... Для сатирическихъ изображеній египтяне прибѣгали къ символикѣ и рисовали людей подъ видомъ тѣхъ звѣрей, къ которымъ они болѣе всего подходили по своимъ качествамъ. Храбраго они изображали львомъ, вѣрнаго и преданнаго собакой, хитраго лисицей, а грязнаго и отвратительнаго въ видѣ свиньи.... Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ съ карикатуры, взятой изъ египетскаго папируса Британскаго музея. Карикатура эта направлена ни меньше, ни больше, какъ на его египетское величество Рамзеса III (1269—1244 до Р. Х.). Здѣсь изображены левъ и антилопа, играющіе въ шашки... Левъ, повидимому, выигралъ и забираетъ деньги; выраженіе хвастливой гордости на его лицѣ и удивленный разочарованный видъ партнерши переданы довольно вѣрно и комично. Чтобы уяснить смыслъ этой карикатуры, намъ нужно обратиться къ исторіи. Въ своемъ безконечномъ тщеславіи Рамзесъ III приказалъ расписать стѣны храма въ Медине-Табу громадными картинами, изображающими его побѣды надъ различными варварскими народами. Но не одно это бахвальство послужило для современниковъ поводомъ къ насмѣшкамъ надъ Фараономъ. Онъ возбудилъ противъ себя.... тѣмъ, что пренебрегъ общепринятыми понятіями о нравственности, выставивъ на показъ свою интимную... далеко не скромную жизнь, изобразивъ ее въ отдѣльныхъ сценахъ на стѣнахъ одного изъ павильоновъ вышеупомянутаго храма. Изображенія эти сохранились до сего дня. Фараонъ представленъ... окруженный своими женами и дочерьми. Онъ сидитъ, женщины же, совершенно обнаженныя, стоятъ вокругъ него. Онѣ обмахиваютъ его опахаломъ и предлагаютъ цвѣты. Онъ же нѣжно ласкаетъ одну изъ принцессъ, съ которой играетъ въ шашки. Подобная профанація.... говоритъ.... египтологъ Фр. Венигъ, должна была непремѣнно вызвать неудовольствія... Почти весь папирусъ Британскаго музея испещренъ изображеніями, осмѣивающими Рамзеса III" (стр. 8—9).—И все это пишется, повидимому, на основаніи такихъ изображеній, какъ воспроизведенное нами на стр. 88-й. Но и оно, вѣроятно, нѣсколько исправлено европейскими художниками. По крайней мѣрѣ та самая карикатура, которую даетъ *Исторія* съ общеизвѣстнаго и тысячи разъ повтореннаго рисунка, можетъ, дѣйствительно дать поводъ утверждать, что выраженія играющихъ переданы вѣрно и комично, но новѣйшее изданіе Гунгера и Ламера *(I. Гунгеръ и Г. Ламеръ.* Культура древняго востока въ картинахъ. Пер. съ нѣмецк. подъ редакц. М. С. Сергѣева. Изд. „Фаросъ". Москва. 1913.—См. стр. 34, рис. № 72 и стр. 28 текста.) даетъ этотъ-же рисунокъ (который приводится здѣсь въ концѣ главы) съ фотографіи нѣсколько въ другомъ видѣ. Основываясь на немъ, I. Гунгеръ пишетъ, что „любимая игра въ шашки съ камешками различной формы, на подобіе современныхъ шахматовъ, изображена на сатирической сценкѣ рисунка № 72: левъ и антилопа мирно сидятъ другъ противъ друга, между ними находится шахматный столикъ". Такое утвержденіе вызвало согласіе лица, любезно указавшаго мнѣ это изданіе, и оно въ письмѣ ко мнѣ пишетъ, что „рисунокъ соотвѣтствуетъ тексту", иными словами, что

Линде (G, II, 415;—E. Jahrtausend, № 406) сообщалъ, что д-ръ Brown изъ Лимерика въ Ирландіи занялся исторіею различныхъ шашечныхъ игръ, предшествовавшихъ нашей игрѣ; оконченъ ли этотъ трудъ, и былъ ли онъ напечатанъ, неизвѣстно.

Вейсъ, „Внѣшній бытъ народовъ" (1873—1877; т. II, ч. 2-я), говоря о сѣверныхъ скандинавскихъ народахъ, пишетъ (стр. 115). „Впрочемъ въ древнѣйшихъ могилахъ найдено также нѣсколько шашекъ безъ всякихъ украшеній и служившихъ, какъ полагаютъ, для той же шашечной игры, изъ чего можно бы заключить, что игра эта извѣстна была еще въ весьма отдаленное время. Но какъ бы то ни было, достовѣрно лишь то, что игры, въ родѣ приведенныхъ сейчасъ, но о которыхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, извѣстны были на сѣверѣ еще задолго до десятаго вѣка и считались одною изъ любимѣйшихъ забавъ. Изображеніе двухъ играющихъ въ шашки мужчинъ встрѣчается даже на одномъ изъ роговъ, найденныхъ близъ Тондена (P. E. Müller, Antiq. Unters и пр., табл. 2-я, 3-я клѣтка снизу).

на немъ шашки различной формы. На дѣлѣ это не такъ. Просто рисунокъ плохо исполненъ, и если есть различіе въ формѣ шашекъ, то его надо относить скорѣе къ разницѣ между шашками одного и другого партнера. Я нарочно привожу оба рисунка, дабы полнѣе выяснить вопросъ о формѣ игръ Египта, Греціи и Рима. Несомнѣнно, что игры всѣхъ этихъ странъ велись шашками одной формы. Если бы было иначе, то, во 1-хъ, мы могли бы подмѣтить въ дошедшихъ до насъ рисункахъ и шашкахъ болѣе рѣзкую разницу, а, во 2-хъ, и это главное, мы не могли бы наблюдать такого единодушнаго и всеобщаго удивленія передъ игрою шахматною; при своемъ появленіи она произвела громадное впечатлѣніе и такъ поразила всѣхъ, что и персы, и арабы, и китайцы, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что игра пришла изъ Индіи. Это всеобщее изумленіе и признаніе источника происхожденія игры объясняется тѣмъ, что до появленія шахматъ въ V—VI вѣкахъ *не было игры съ разнообразными шашками* передъ началомъ состязанія; въ другихъ, дотолѣ извѣстныхъ играхъ, разнообразіе ходовъ появлялось лишь во время состязанія или подъ конецъ его, а шашки были всѣ одинаковы: шахматы были *совершенно новымъ явленіемъ*.

X.

История—это апелляціонная жалоба на современныя погрѣшности, поданная въ судъ потомства.

Гр. де-Сегюръ.

Теперь слѣдовало бы перейти къ переводамъ остальныхъ текстовъ, но мы скажемъ ранѣе еще нѣсколько словъ о различныхъ варіаціяхъ игры и о распространеніи ея по разнымъ странамъ.

Въ эпоху великихъ открытій и изобрѣтеній, когда все подвергалось перемѣнамъ, или, быть можетъ, нѣсколько ранѣе, передъ наступленіемъ этой эпохи, игра въ шашки, *если судить по спеціальной игровой литературѣ* (какъ то дѣлаетъ Линде), получила въ Юго-Западной Европѣ обновленіе, и это отразилось на шатранджѣ, который явно пришелся совсѣмъ не по вкусу европейскому населенію. Шатранджъ казался игрою медленною, вялою, скучною и требовалъ реформы. Первыя попытки, пишетъ Линде „были слабы и дѣтски наивны. Такъ, въ видахъ усиленія матующей партіи, составители задачъ стали прибавлять условіе, что нѣкоторыя, или даже всѣ шашки, неприкосновенны.“ Никакъ нельзя согласиться съ такимъ простодушнымъ выводомъ. Никоимъ образомъ не могло это дѣлаться только (или главнымъ образомъ) для усиленія матующей стороны; та же цѣль могла быть достигнута и безъ введенія такихъ странныхъ, на первый взглядъ, условій, путемъ небольшой переработки задачъ; если не прибѣгали къ этому для лучшаго проведенія въ задачѣ ея идеи, для болѣе яркаго ея выполненія, то вовсе не по наивности и не по нежеланію трудиться; причина здѣсь лежала *въ подражаніи игрѣ шашечной*, какъ и въ заимствованіи каперганей, ибо первымъ пріемомъ усиленія правъ дамки *на югѣ Европы* (если, повторяемъ, исходить изъ предположенія, что самая реформа возникла въ Европѣ) должно было быть предоставленіе доведи неприкосновенности. Реформа, которую Линде именуетъ наивною для шахматъ, не была такою тамъ, гдѣ она явилась не изъ подражанія, а съ разумною цѣлью исправить старѣвшую игру, не была безплодной и удержалась до нашихъ дней въ Италіи, въ ея національной шашечной игрѣ (juego di dama all' Italiana), гдѣ простая не можетъ брать дамки. Съ этой-то мѣстной реформы (которая могла быть, впрочемъ, и не первичною, не предшественницею дальнобойной дамки, а замѣною ея) шахматисты и брали примѣръ, вводя условія неприкосновенности фигуръ. Появленіе въ шатранджѣ задачъ съ такимъ условіемъ можетъ указывать (конечно, лишь съ очень растяжимою приблизительностью) на время возникновенія итальянскихъ шашекъ.

Слѣдующею ступенью развитія игры въ Западной Европѣ была бы дальнобойная дамка безъ перемѣны силы простой шашки. Кто создалъ новую доведь и гдѣ, говорятъ намъ, неизвѣстно. Въ спеціальной шахматно-шашечной литературѣ реформа эта замѣчена впервые въ Испаніи; но въ разборѣ созданій игръ, или ихъ крупныхъ варіацій, едва-ли можно сколько-нибудь серьезно опираться на спеціально-игровую литературу. Она указываетъ лишь на интересъ къ игрѣ, точнѣе—*на степень этого интереса въ образованныхъ классахъ*, болѣе же всего она свидѣтельствуетъ о развитіи письменности въ данной странѣ, но не даетъ никакого отвѣта на самое возникновеніе игры, или новаго пріема въ ней. Иной разъ такая игровая литература оказывается даже излишне консервативной, обходитъ намѣренно молчаніемъ вновь нарождающіеся виды игры. Легко могло статься, что дальнобойная доведь появилась впервые на востокѣ или даже въ Россіи во времена очень отдаленныя и уже потомъ перекочевала въ Европу [104]).

Если будетъ установлено (чего нельзя, конечно, ожидать серьезно), что новая дамка создана была первоначально въ Испаніи, то она должна была быстро перекочевать [105]) въ испанскую провинцію Нидерланды, которые сохраняли связи съ метрополіею и послѣ признанія своей независимости (1648 г.).

Франція ни отъ одного изъ своихъ сосѣдей не заимствовала новой дамки и до половины XVIII столѣтія продолжала держаться старинной римской игры [106]).

---

[104]) Далѣе мы подробнѣе коснемся этого вопроса, здѣсь же замѣтимъ, что очень многое указываетъ на Россію. Въ шашкахъ наша русская игра представляетъ наиболѣе совершенный ея видъ и притомъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ разработанный наилучшимъ образомъ; этотъ русскій типъ игры сразу вытѣснилъ во Франціи игру древнюю и постепенно вытѣсняетъ прочіе виды игры въ средней Европѣ. Ни въ устныхъ преданіяхъ западной Европы, ни въ иностранныхъ сборникахъ игръ, ни въ шахматно-шашечныхъ журналахъ, наконецъ,—не встрѣчается сколько нибудь интересныхъ варіацій игры, а если изрѣдка такія разновидности и попадаются (какъ египетскія шашки и шахматошашки учебника Lallement 1802 г.), то онѣ очень плохи и составляютъ не плодъ народной фантазіи, а единоличныя попытки, погибающія обыкновенно безъ развитія. Напротивъ, въ Россіи есть нѣсколько видовъ игры (переходы, турецкія, клешни, столбы), всѣ они въ своемъ родѣ интересны и носятъ самобытный отпечатокъ. При этомъ, создавая разныя варіаціи,—народъ не забываетъ своей основной игры и совершенно игнорируетъ западно-европейскіе виды ея. Само собой разумѣется, что игра шашечная (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго) въ ея первобытномъ видѣ latrunculorum была извѣстна у славянъ съ незапамятныхъ временъ.

[105]) Могло быть и наоборотъ, а именно, что новая дамка была узнана впервые въ Голландіи и оттуда перешла въ Испанію. По крайней мѣрѣ Линде, самъ голландецъ, свидѣтельствуетъ, что на его родинѣ дамка *всегда* была дальнобойной. Впрочемъ это послѣднее соображеніе затемняется тѣмъ, что дальнобойная дамка въ Испаніи появилась очень рано.

[106]) Въ 1668 году Пьеръ Маллетъ выпустилъ первое во Франціи отдѣльное сочиненіе по шашкамъ (jeu de dames à la française, во всемъ почти согласная

Въ Англіи эта древняя игра (съ отмѣною лишь самыхъ незначительныхъ частностей, сохранившихся еще въ игрѣ французской) удержалась до нашихъ дней и проникла во всѣ многочисленныя англійскія колоніи, главнымъ образомъ въ Австралію [107]) и Сѣверную Америку, гдѣ въ Соединенныхъ Штатахъ получила своеобразную реформу: дамка создалась съ полушахматнымъ—съ полушашечнымъ боемъ. Впрочемъ, этотъ видъ игры (Checkers?) распространенъ мало, и учебники американскихъ изданій большею частію трактуютъ объ игрѣ англо-шотландской.

Въ Южной Америкѣ, бывшей въ зависимости отъ Испаніи, распространилась игра испанскаго типа.

Если будетъ доказано, — чего, повторимъ, ожидать никакъ нельзя,—что новая дамка создана не въ Россіи, или заимствована ею не съ востока (черезъ Кавказъ), а произошла въ западной или южной Европѣ, Россія въ этомъ случаѣ могла ознакомиться съ новымъ изобрѣтеніемъ непосредственно въ Испаніи или Италіи, ибо въ это время отъ насъ въ Европу было довольно много посольствъ [108]); независимо отъ этого связи наши съ Италіей поддерживались и поддерживаются паломничествомъ простого народа въ Баръ-Градъ (Бари, на Адріатическомъ морѣ), гдѣ съ 1087 года хранятся мощи св. Николая чудотворца [109]).

Самая игра была у насъ переработана самостоятельно, и простая не только пріобрѣла право брать назадъ, но значеніе ея увеличилось льготами при выборѣ ударовъ и при обращеніи въ доведь посредствомъ взятія [110]).

съ игрою англійскою), гдѣ говоритъ о большомъ распространеніи игры въ его время и сообщаетъ, что то же было и сто лѣтъ раньше; дѣйствительно, Rabelais (1483—1553), въ книгѣ, изданной въ 1533 году, въ числѣ игръ своего героя Гаргантуа перечисляетъ и игру въ шашки.

[107]) Въ „Adventures on the Columbia River“ by Poss. Cox., 1831, publiced by Curnabrun and Beutley, p. 33, vol. I, читается: „Во время бала, королевы (вдовы Уоахоза, короля одного изъ Сандвичевыхъ острововъ) играли въ шашки съ нѣкоторыми изъ нашихъ игроковъ, въ большинствѣ знающими теорію, которыхъ онѣ совсѣмъ побѣдили; и такъ искусно вели партіи, что ни одному изъ нашихъ лучшихъ игроковъ не удавалось сдѣлать себѣ дамки“. См. „The Englisch draught player“, conducted by J. A. Kear, Bristol, Febr., p. 13—14.—Или быть можетъ эта древняя форма игры была извѣстна въ Индіи ранѣе нашей эры?—См. еще примѣч. 56-е.

[108]) Напримѣръ въ Испанію въ 1656 г., во Флоренцію въ 1659 г., въ Англію въ 1662 г., въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту въ 1697 году.

[109]) Въ настоящее время изъ Россіи въ Бари бываетъ не менѣе четырехсотъ паломниковъ въ годъ.

[110]) Нельзя не изумляться и не сѣтовать на нашу интеллигенцію. Въ то время, какъ народъ всюду проявляетъ самостоятельное творчество, интеллигенція наша слѣпо поклоняется западу и не желаетъ знать ничего русскаго. Сборникъ игръ извѣстнаго въ педагогическомъ мірке А. Я. Герда 1873 г. и 1880 г. (наскоро и не важно составленная книжка эта удостоилась хвалебныхъ отзывовъ чуть не во всѣхъ русскихъ газетахъ и журналахъ) приводитъ партіи изъ англійскихъ шашекъ; энциклопедія Граната (Гарбеля) говоритъ, что брать

Во Франціи игра русскаго типа, съ новѣйшею дамкою и новою простою, но со введеніемъ стѣсненій (испанской и старо-

назадъ зависитъ отъ условія и т. п.; такое уличное изданіе, какъ „Московскій Листокъ“ даетъ задачи на стоклѣточной доскѣ; то же дѣлалъ журналъ „Новь“ въ 1885—86 г.г. изд. А. Вольфа.—Шахм. руков. изданія Земскаго 1872 г. даетъ сборникъ польскихъ задачъ Грегуара; дѣтск. журн. „Семья и Школа“ (1871 г., № 1, стр. 94—96) даетъ невѣрныя правила игры (здѣсь есть статейка „мельница“, тоже плохая). Въ обоихъ руководствахъ И. Фоглера (шахм. и шашечн.) правила искажены. Статья „Игры и образовательныя занятія“, помѣщенная въ „Каталогѣ педагогическаго музея Военно-учебныхъ заведеній“ (Спб. 1872) составлена по статьѣ Spiel изъ 80—81 вып. Encyclopédie des gesam. Erziehungs und unterrichtswesen von K. Smid, и задача „Волки и овцы“ описывается подъ заглавіемъ Der kleine Moltke oder Stratégie und Tactik!?

А. Я. Гердъ (англичанинъ по происхожденію; см. біографію въ „Живоп. Обозр.“ 1889 г., № 2) говоритъ, что лучшій сборникъ игръ на русскомъ языкѣ составленъ по порученію Штаба Военныхъ заведеній: „Игры для всѣхъ возрастовъ.“ Спб. Тип. Военно-учебныхъ заведеній. 1843. 8 д. л.—То же, новое изданіе, 2 части. Спб. 1844. Ц. 2 р. 50 к. Книгъ этихъ въ Москвѣ не удалось мнѣ достать. — Рецензіи о нихъ были: 1) „Отечест. Зап.“, т. XXXII, отд. VI, стр. 32 и 2) „Сѣверн. Пчела“, 1844, № 25.—Не удалось мнѣ также увидать ни одного „Календаря игръ“, изданія, выходившаго, какъ видно изъ цензурныхъ показаній, болѣе пятнадцати лѣтъ подъ рядъ: 1) 1877 годъ. Календарь игръ (эскизъ). Изданіе охотника (право перевода предоставляетъ себѣ сочинитель). Спб. Тип. О. Ланга. 16 д. л., 197 стр., 1000 экз., ц. 1 р. 50 к.; 2) То же, 1878 годъ. Годъ второй. 16 д. л., 128 стр., 240 экз., ц. 1 руб. („Голосъ“, 1877 г., № 158); 3) То же 1879. Годъ третій. 16 д. л., 144 стр.—2-е изданіе (изданіе редакціи „Семья и Школа“) 1879. 8 д. л., 112 стр.; 4) Календарь игръ на 1880—81 учебный годъ (изд. ред. „Семья и Школа“) 1880 г., 16 д. л., 164 стр.; 5) То же, памятная книжка на 1882 годъ. Годъ шестой. Изданіе охотника (съ 6-ю рисунками). 32 д. л., 128 стр., 240 экземп.; 6) То же... на 1889 годъ., 16 д. л., 64 стр.+2 таблицы 17 экз.; 7) То же... на 1890 годъ, 16 д. л., 64 стр.+2 таблицы, 25 экз.; 8) То же... на 1891 годъ (годъ 15-й), изд. охотника. (Съ таблицею восхожденія и захожденія солнца и таблицею нѣкоторыхъ монетъ и ихъ цѣнности). Спб. Тип. О. Ланга, 16 д. л., 64 стр.—„Правит. Вѣстн.“ 1891 г., № 110, указываетъ, что выпущено всего двадцать экземпляровъ. 9) То же на 1892 (годъ 16-й). 16 д. л., 64 стр., 30 экземпляровъ; 10) То же на 1893 г. (годъ 17-й), 16 д. л., 64 стр., 25 экз. Можетъ быть были и еще выпуски, но я уже пересталъ слѣдить за библіографіей.

Изъ бывшихъ въ моихъ рукахъ—лучшій сборникъ изданіе Черкесова: „Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы“ *Вал. Висковатовъ*, Спб. 1875, 8 д. л., XIII+629 стр., ц. 3 руб.—То же 2-е изд., 8 д. л., 1885, XIII+I+657 стр.— Въ каталогахъ я встрѣтилъ: Разныя забавы для дѣтей. 4 части. М. 1800.— Дѣтскія игры, забавы и увеселенія. Спб. 1837. Ц. 4 р. 30 коп. сер.—Забавникъ гостинныхъ и дѣтскихъ, объясняющій болѣе 150 игръ и забавъ и пр. Съ карт. Спб. 1864. 12 д. л.—То же, 2-е изд., съ 16 карт. Спб. 1872.—Есть множество изданій, уже по одному заглавію не заслуживающихъ вниманія.—Въ разныхъ толстыхъ оракулахъ, сонникахъ и гадательныхъ книгахъ встрѣчаются иногда описанія игръ; онѣ плохо объяснены, но изрѣдка здѣсь попадаются любопытнѣйшія игры, неизвѣстныя серьезнымъ собирателямъ. Изъ такихъ сборни-

французской игры) появилась во второй четверти XVIII вѣка, при чемъ была перенесена на стоклѣточную доску съ соотвѣтственнымъ добавленіемъ шашекъ (20—вмѣсто 12). Была ли новая доска введена сразу, или же ранѣе, хотя краткое время, разыгрывалась на шахматницѣ, извѣстій пока не найдено. Первое упоминаніе о новой игрѣ, *еще безъ названія*, встрѣчается во французскомъ шашечномъ учебникѣ 1727 года l'Egide de Pallas, написанномъ испанцемъ дономъ Діего кавалеромъ дель-Кверчетано, который отнесся къ ней неодобрительно.

Получившая названіе *польскихъ шашекъ*, хотя въ такомъ видѣ она въ самой Польшѣ никогда извѣстна не была, новая варіація вытѣснила во Франціи, кажется, окончательно [111]) игру прежнюю и постепенно, хотя крайне туго, проникаетъ оттуда въ Бельгію, Англію, Италію и даже къ нѣмцамъ.

ковъ стоютъ, повидимому, отмѣтки въ библіографіи слѣдующія старинныя изданія, которыхъ мнѣ не удалось просмотрѣть: *а)* Увеселительное волшебство, или открытіе чудесныхъ и удивительныхъ таинственныхъ опытовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ фокусъ-покусъ, производимыхъ посредствомъ сокровеннаго искуства, приводящаго въ недоуменіе самыхъ просвященныхъ и остроумныхъ зрителей, съ присовокупленіемъ ста гравированныхъ фигуръ, служащихъ для объясненія сихъ опытовъ. Пер. съ франц., 3 части. Спб. 1791, 8 д. л.;—*б)* Собраніе разныхъ нравоучительныхъ вещей въ пользу увеселенія. Віенна, 1793.—*в)* Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей. 12 частей. Печатано съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ тип. у В. Корнильева. 1793—1794.—*г)* Пріятное и полезное препровожденіе времени. 20 частей. Москва. 1794—1798.

Кстати здѣсь отмѣчу русскую карикатуру на русскую жизнь: „Юмористическій Альманахъ, политико-общественно-сатирическій еженедѣльный журналъ съ каррикатурами на злобу дня". № 32. „Тишь да гладь"; выпускъ 101-й (3-й годъ изданія). Спб.—На этомъ рисункѣ ясно видна шашечница въ 5×9=45 клѣтокъ, при чемъ шашки стоятъ и на бѣлыхъ, и на черныхъ клѣткахъ. Современные художники не далеко ушли отъ древне-греческихъ кустарей!

То же видимъ мы въ „Нивѣ" 1890 г., № 2, стр. 37, гдѣ помѣщенъ рисунокъ: „*Шахматы.* Черные сдаются"., рис. Ферфаксъ Моклей, гравир. Флюгель. Двое котятъ играютъ шахматными шашками на шашечницѣ изъ 8×9=72 клѣтокъ.— Въ картинѣ Ѳ. Ѳ. Шведе „Игра въ шашки", находящейся въ Моск. Публ. и Румян. музеѣ (ср. замѣтку П. Боброва: „Радуга" 1885 г. № 11, стр. 263), доска нарисована такъ странно, что кажется, будто бы она невѣрно лежитъ между игроками.—См. еще „Искры" 1913 г., № 43, сним. съ карт. И. Щедровскаго.

[111]) Спеціальная литература и журнальные отдѣлы всѣ посвящены игрѣ стоклѣточной, но въ серьезныхъ французскихъ книгахъ не игорнаго характера, попадаются указанія на существованіе даже и сейчасъ игры на шахматницѣ. Такъ, напримѣръ, Бекъ де Фукьеръ пишетъ: J'ajouterai d'ailleurs cette remarque c'est que si l'on demande à l'impoviste à un enfant, à une grande personne même, avec combien de dames on joue sur notre damier et combien celui-ci a de cases, la réponse se fera presque toujours attendre, par cette raison que ce nombre est assez indifferent (p. 411).—См. также выписку о словѣ dame изъ словаря Литтре.—Въ Швейцаріи играютъ въ испанскія шашки.

Во французской литературѣ нѣтъ ничего серьезнаго по поводу происхожденія этой игры [112].

Я первый высказалъ мнѣніе въ Tygodnik'ѣ Szachow'омъ (1898 г.), что французы познакомились съ новыми пріемами черезъ поляковъ, благодаря тому, что французскій король Людовикъ XV былъ женатъ на дочери польскаго короля Станислава Лещинскаго [113].

---

[112]) Разсказъ Manoury, помѣщенный во второмъ изданіи его учебника (Paris, 1850, p. 21—36), не заслуживаетъ довѣрія; галантно-развязная лживость этого повѣствованія обнаруживается при внимательномъ чтеніи множествомъ противорѣчій между приводимыми будто бы фактами. Утвержденіе его, что одинъ изъ свидѣтелей возникновенія новой игры, Лаклефъ, умеръ, не вѣрно: онъ былъ еще живъ нѣсколько лѣтъ послѣ выпуска своей книжки, и Эвератъ много разъ съ нимъ разговаривалъ объ игрѣ. Если бы Лаклефъ зналъ что нибудь, то онъ сообщилъ бы это Эверату (Balédent, III, 729). Ссылка Манури на Тавернье быть можетъ случайно имѣетъ кое-какія основанія. Въ Encyclopédie des gens du monde. Paris, 22 vol., in 8⁰, 1833., и въ Dictionnaire général de Biographie & d'histoire par Dezobry & Bachelet. Paris, 1857., даются о немъ нѣсколько разнорѣчивыя свѣдѣнія. Tavernier (Jean Baptiste), сынъ торговца географическими картами (изъ Аньера), укрывшагося во Францію отъ преслѣдованій протестантовъ въ Бельгіи, родился въ Парижѣ въ 1605 году. Побуждаемый страстью къ путешествіямъ, объѣздивъ въ молодости большую часть Европы,—почти на всѣхъ языкахъ которой онъ говорилъ,—Тавернье въ 1636 году отправился въ Азію, куда затѣмъ въ продолженіе тридцати шести лѣтъ совершилъ шесть путешествій; онъ былъ въ Турціи, Персіи и Индіи. Торговля драгоцѣнными камнями доставила ему огромное состояніе. Возведенный Людовикомъ XIV за заслуги французской торговлѣ въ дворяне, онъ купилъ баронское помѣстье Обонъ въ Швейцаріи, которое потомъ продалъ для поправленія своихъ пошатнувшихся дѣлъ знаменитому Дюкеню (Duquesne). Несмотря на свои престарѣлые годы, онъ поѣхалъ въ Монголію черезъ Россію, но на дорогѣ умеръ въ Москвѣ въ 1686 или въ 1689 году. Онъ оставилъ записки о своихъ путешествіяхъ въ Турцію, Персію и Индію, которыя были потомъ напечатаны; лучшимъ считается Парижское изданіе Chapuzeau et la Chapelle 1679—1679 гг. Мнѣ не удалось ихъ просмотрѣть. Массманъ ссылается на сочиненіе Тавернье 1684 г., говоря о шахматахъ съ большимъ количествомъ шашекъ—40, 64, 100, 104. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что Тавернье могъ ознакомиться въ дорогѣ съ русскими правилами игры и затѣмъ занести ихъ во Францію.

[113]) Познанскій воевода Станиславъ Лещинскій собственно былъ только избранъ на польскій престолъ, но въ Польшѣ не царствовалъ. Избраніе его состоялось въ іюлѣ 1704 года, а въ августѣ того же года онъ находился уже во Львовѣ у Карла XII, бѣжавъ изъ Польши. Въ 1705 году Станиславъ короновался въ Варшавѣ, но затѣмъ до самой кончины своего покровителя, короля Шведскаго (1718 г.), велъ борьбу съ дѣйствительно царствовавшимъ польскимъ королемъ Августомъ II, которому протежировалъ Петръ I; затѣмъ Станиславъ до своей смерти (1766 г.) скитался по Европѣ, проводя большую часть жизни во Франціи. До своего избранія онъ былъ польскимъ посломъ въ Швеціи.

Еще ранѣе польскій король Владиславъ при посредствѣ кардинала Мазарини вступилъ во второй бракъ въ 1645 году съ герцогиней Маріей Луизой Гонзаго-Клевъ, принцессой Мантуанской и Неверъ; она привезла съ собой въ

Франція нѣсколько помогала ему войсками, и сохранилось извѣстіе, что одинъ небольшой французскій отрядъ былъ у Данцига окруженъ и находился въ плѣну у русскихъ около года. Въ это время игра въ шашки всюду была сильно развита; такъ, напримѣръ, въ церкви одного села около Полтавы сохранилась икона, на которой шведы вырѣзали шашечницу [114]). Не трудно прослѣдить, что при Петрѣ I шашки въ Россіи были въ такомъ же широкомъ распространеніи, какъ въ 30—60 гг. XIX вѣка [115]).

Варшаву молодую дѣвушку Марію Лагранжъ, которая впослѣдствіи также вышла замужъ за короля, Яна Собѣскаго. По смерти Владислава, въ 1648 г., вдова его вышла замужъ за его родного брата и преемника—Яна Казиміра, такъ что была двукратно польской королевой.—Благодаря такимъ связямъ, кардиналу Мазарини удалось привлечь на французскую службу (для взятія у испанцевъ Дюнкерка) малороссійскихъ казаковъ.—См. „Московск. Вѣдом.“, № 55 отъ 25-го II, 1899 г.; статья Анат. Половцева: „Казаки на французской службѣ въ 1646 году“ (по неиздан. матеріаламъ).

[114]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., т. II, № 5, стр. 27—28. Здѣсь помѣщены любопытные (на книжномъ дѣланномъ языкѣ) стихи, повидимому, современника событія. Игра названа *дамы*.

[115]) А. Д. Петровъ, извѣстный шахматистъ и авторъ перваго русскаго шашечнаго учебника (Спб. 1827), родился въ концѣ XVIII вѣка (умеръ 10. IV. 1867 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника). Учился играть онъ, по его словамъ, у своего дѣда П. А. Соколова, который жилъ въ домѣ, купленномъ имъ въ началѣ царствованія Екатерины II, т. е. около 1762 года. Дѣдъ Петрова поэтому былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, какъ играли въ шашки при Петрѣ I (1682—1689—1725). Если бы игра измѣнилась въ это время, или незадолго передъ царствованіемъ Петра, то такой реформы не забыли бы, о ней говорили бы, сохранились бы анекдоты о ея появленіи, какъ и о всѣхъ самыхъ мелочныхъ событіяхъ при Петрѣ. А. Д. Петровъ слышалъ бы объ этомъ отъ своего дѣда и не преминулъ бы сообщить намъ, если не въ учебникѣ, то въ своихъ воспоминаніяхъ о шашкахъ („Шахм. Лист.“, 1861 г., № 29). Такимъ образомъ явствуетъ, что дамка въ Россіи была дальнобойною въ очень давнія времена; вѣроятнѣе всего она составляетъ либо *коренное русское* изобрѣтеніе, либо заимствованіе съ востока отъ арабовъ въ наиболѣе раннее время. Изобрѣтеніе это лишь гораздо позднѣе и съ большимъ трудомъ проникло на западъ.—Сохранились пословицы, указывающія на силу дамки, на рѣшающее ея значеніе, чего не было въ такой степени въ древней игрѣ: „Хорошо тому, кто въ доведи прошелъ“, „хорошо въ доведяхъ быть“. Тутъ доведь понимается въ смыслѣ всемогущаго временщика, или вообще человѣка, достигшаго громадной власти *).

---

*) Здѣсь же позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе по поводу четверной шахматной игры съ крѣпостями, изобрѣтенной въ Россіи. А. Д. Петровъ въ статьѣ своей объ этой игрѣ ничего не говоритъ о времени ея появленія. Вѣроятно она также игра не молодая. Въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ я видѣлъ полный наборъ шашекъ (всего семьдесятъ восемь штукъ) для игры съ крѣпостями; по описи, какъ мнѣ сказали, шахматы эти (золотые и серебряные, дутые) отнесены къ XVII столѣтію. По формѣ своей они не представляютъ ничего оригинальнаго: круглые, точеные; ладьи въ вершинѣ своей представляютъ вазу или чашу, очень сходную съ церковной. Интересна только одна подробность: слоны для крѣпостей хотя и весьма сходны съ двумя игровыми, но все же нѣсколько отличаются своею формою: покороче и потолще. А. Д.

Такъ Бергхольцъ, въ своемъ дневникѣ за 1721—1725 гг., описывая ассамблею въ домѣ Матвѣева въ Москвѣ, говоритъ, что „въ комнатахъ, гдѣ танцуютъ должны быть приготовляемы... еще нѣсколько другихъ столовъ для игры въ шахматы и шашки, но карты на ассамблеяхъ не терпятся и не подаются.“ Веберъ [116]), самъ участникъ этого рода собраній, говоритъ: „На этихъ ассамблеяхъ въ одной комнатѣ танцуютъ, въ другой играютъ въ карты, въ шашки и особенно въ шахматы, въ которые многіе даже изъ самыхъ незнатныхъ русскихъ весьма искусны“...

Легко могло случиться, что русскія правила разыгрыванія были узнаны во Франціи непосредственно отъ русскихъ, а новая игра была только наименована въ честь Польши. Французское правительство того времени (XV—XVIII ст.) было враждебно Россіи, а Парижъ во время появленія игры былъ переполненъ поляками. Такимъ образомъ длинный и неправдоподобный разсказъ Манури объ изобрѣтеніи игры во дворцѣ, быть можетъ, составлялъ отголосокъ истиннаго событія, которое заключалось въ томъ, что тамъ настаивали на *названіи* игры польскою; это тѣмъ легче было дѣлать, что въ Польшѣ играли тогда такъ же, какъ и теперь; самое перенесеніе игры на стоклѣточную доску могло исходить изъ придворныхъ сферъ и поддерживаться тою же враждебностью къ русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, связи Франціи съ Польшею были очень давними и дружественными [117]), а между тѣмъ новая игра появилась во Франціи лишь послѣ путешествія Петра I за границу [118]), и притомъ почти одновременно оказалась извѣстною *и въ Голландіи*, сватовство же Маріи Лещинской за французскаго короля началось только въ 1725 году, т. е. долго спустя послѣ посѣщенія Петромъ Парижа (1717 г.) и послѣ появленія книги Кверчетано. Нѣкоторые французскіе любители по-

---

[116]) Der veränderte Russland., Th. I, S. 226—227.

[117]) Опорою французской политики со временъ Франциска I была дружба и союзы съ Турціей, Швеціей и Польшей, исконными врагами Россіи. Союзы съ ними составляли политическую систему Франціи, извѣстную подъ названіемъ barrière de l'Est. Людовикъ XIV хотя думалъ даже въ 1702 году сдѣлать заемъ въ Россіи, все же презрительно къ ней относился, и только со смертію великаго короля былъ заключенъ первый (по словамъ Мартенса, т. XIII) международный трактатъ съ русскими, но и послѣ этого враждебное отношеніе къ намъ не прекращалось очень долгое время.

[118]) Первое путешествіе было въ 1697 году (Голландія, Англія, Австрія), а передъ нимъ было отправлено пятьдесятъ молодыхъ людей, для обученія морскому дѣлу, въ Венецію, Англію и Голландію. Во Францію были отъ насъ еще посольства раньше: въ 1615, 1653, 1668, 1681, 1685 гг., но въ извѣстіяхъ о нихъ, кажется, ничего не говорится про игры, и лишь про пословъ 1685 года сохранилось любопытное извѣстіе относительно шахматъ.

Петровъ ничего не сообщаетъ о разницѣ въ ходахъ слона крѣпостного; но, кажется, что какая то разница есть и не вовсе забыта. По крайней мѣрѣ мнѣ проходилось видѣть четверныя шахматы, изготовлявшіеся на заказъ. Въ нихъ слоны для крѣпостей, въ отличіе отъ кругло-точеныхъ фигурокъ двухъ игровыхъ слоновъ, изготовлялись въ видѣ головы животнаго съ хоботомъ и клыками.

лагали даже, что игра перешла во Францію изъ Голландіи, и въ подтвержденіе этого они указывали на современное извѣстіе, что игру съ польскими правилами наблюдали въ одной кофейнѣ Амстердама, которая имѣла вывѣску „Полякъ" (Balédent, III, Stams, p. 730 [119]).

Что касается прочихъ странъ, то свѣдѣнія мои очень скудны. У нѣмцевъ, сколько можно судить по ихъ спеціальной литературѣ, нѣтъ своей національной игры въ шашки, и они играютъ въ разные ихъ виды [120]).

---

[119]) Игра во Франціи появилась какъ-то сразу на стоклѣточной доскѣ съ дальнобойной дамкой и русскою простой. Этотъ рѣзкій переходъ отъ игры древняго типа къ совершенно новой, этотъ скачекъ безъ посредствующаго перехода черезъ игру испанскую, представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что связи Франціи съ Испаніею и особенно Бельгіею были довольно обширны; новая дамка легко могла бы проникнуть оттуда, но этого почему то не случилось, старинная игра еще не одно столѣтіе продолжала удовлетворять французовъ, и только тогда, когда окончательно устарѣла, она была замѣнена новой, повидимому вытѣсняющей старую. Подобное отсутствіе вліянія сосѣднихъ народовъ можно подмѣтить и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, въ русской шахматной номенклатурѣ совершенно не отразилось вліянія татаръ (слова ханъ, меринъ); у насъ въ Азіи и на Кавказѣ среди туземцевъ широко распространена игра нардъ, но въ Европейской Россіи ея теперь не знаютъ, хотя во времена царей (и даже позднѣе, до конца XVIII ст.) она была извѣстна русскимъ подъ именемъ тавлеи. Незнаніе такъ велико, что я, живя въ Москвѣ, лишь послѣ двадцатилѣтнихъ поисковъ могъ наконецъ добыть точныя ея кавказскія правила.

[120]) Голландцы играютъ теперь въ польскія шашки.—Въ Австріи учебникъ Вайдера (1837 г.) основною игрой считалъ англійскую, но сообщалъ подробно правила и другихъ игръ. Фонъ-деръ-Лаза въ Schachzeitung'ѣ 1847 г. (стр. 241—246) сообщалъ глухо, что въ Германіи простая ходитъ только впередъ, но дамка можетъ ходить и назадъ, а когда позднѣе въ тотъ же журналъ извѣстный русскій шахматистъ Н. И. Петровскій, едва-ли и подозрѣвавшій, что могутъ быть другія правила игры, кромѣ русскихъ, послалъ двѣ своихъ шашечныхъ задачи, то ихъ тамъ приняли, но печатая сдѣлали подробное примѣчаніе (1870 г., стр. 149: In beiden Diagrammen zieht Weis an,—bei vor— und rückwärtsschlagen,—und gewinnt, ohne einem der shwarzen Steine zu schlagen, durch völiges Einschliessen derselben) съ указаніемъ, что простая бьетъ и назадъ, но не рѣшились прямо сказать, что черные запираются. Изъ этого можно заключить, что знали игру только испанскую. Дюфренъ (Dufresne) составилъ для нѣмцевъ учебникъ по сборнику Баледана (Le Damier. 1883—1887. Amiens, I, II, III et Appendice, gr. 8-vo), но перевелъ игру на шахматницу, создавъ, такимъ образомъ, русскую игру съ польскими правилами (французы обозвали ее petite polonaise).—Креднеръ предлагаетъ и польскую игру, и древнюю. При этомъ бросается въ глаза, что нѣмцы ни съ одною игрою не знакомы основательно; напримѣръ, въ комментаріяхъ къ партіямъ изъ petite polonaise забываютъ брать назадъ.—Одно время появился было шашечный отдѣлъ (только задачи на выигрышъ) въ Deutsches Wochenschach (подъ редакціею, кажется, Gartewig'a), но послѣ нѣсколькихъ №№ прекратился. Онъ былъ изъ игры petite polonaise.

Остзейскіе нѣмцы и финляндцы играютъ въ шашки русскія. Вообще, игра русская свободно распространяется у всѣхъ присоединенныхъ къ Россіи народностей, и лишь у юго-восточныхъ племенъ продолжаетъ сохраняться древнѣйшій нардъ и нѣкоторыя разновидности въ родѣ туркестанскихъ „шанзакъ-каттаръ", которыя, впрочемъ, можетъ быть претерпѣли уже вліяніе русской игры, сохранивъ лишь древнюю доску; у крымскихъ татаръ есть какая-то шашечная игра „дамâ" *).

Несомнѣнная для Франціи предшественница польскихъ шашекъ, игра образованная по образцу шашекъ русскихъ, но со многими стѣсненіями прежнихъ игръ, частію уже оставленными, на 64 клѣточной доскѣ, называемая иногда, какъ уже замѣчено, petite polonaise, составляетъ вымирающій видъ игры, постепенно вытѣсняемый въ средней Европѣ съ одной стороны игрою русскою, съ другой шашками французскими на стоклѣточной доскѣ. Въ русской Польшѣ иногда придерживаются правилъ этой игры, но дамка тамъ всегда русская, и простая, при проходѣ во время удара черезъ пристань, беретъ частію на правахъ простой, частію на правахъ дамки въ одинъ и тотъ же ходъ.

*) Повидимому это „кавказскія шашки" съ 16 шашками съ обѣихъ сторонъ, разыгрываемыя на шахматницѣ. Эта игра извѣстна и въ Константинополѣ. Нѣсколько московскихъ грековъ увѣряли меня, что у нихъ, въ Греціи, извѣстна только эта игра, также именуемая теперь дамâ, а игры въ шашки на 32 клѣткахъ въ Греціи будто бы не знаютъ. Быть можетъ на доскѣ (см. стр. 71-ю) статуэтки, снимокъ съ которой здѣсь помѣщается, какъ разъ изображена древняя форма этой игры еще на своей линейной доскѣ?

XI.

Филологія не есть только языкознаніе, но является изученіемъ культуръ историческихъ обществъ во всемъ ихъ объемѣ, въ томъ числѣ и языковъ, которые, кромѣ того, служатъ и могучимъ методомъ филологическихъ изысканій.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Перейдемъ къ подробному разбору всѣхъ латинскихъ текстовъ, дошедшихъ до насъ объ игрѣ latrunculi.

Прежде, однако, сдѣлаемъ еще небольшое отступленіе. Какъ уже сказано, разборомъ текстовъ занимались очень многіе [121]). Игра latrunculi обращала на себя вниманіе, ибо текстовъ о ней дошло до насъ сравнительно много, быть можетъ не менѣе, чѣмъ о XII линіяхъ. Не разгадали игры потому, главнымъ образомъ, что хотѣли непремѣнно найти въ „бойцахъ" указаніе на шахматы, чего тамъ не было, да и не могло быть. Съ этою цѣлью не только переводили тексты невѣрно, съ натяжками, но измѣняли и самое начертаніе ихъ. Никому до сихъ поръ не пришло въ голову посмотрѣть на вещи просто и предположить въ игрѣ римской *шашки*, т. е. то, что̀ слѣдовало предположить даже въ томъ случаѣ, если бы до насъ вовсе не дошло латинскихъ извѣстій объ игрѣ [122]).

---

[121]) Начиная, кажется, съ 1620 года: *Souterius:* Palamedes sive de tabula lusoria etc. Ex off. Elzevirj. 1622., и *Saumaise:* Ad Script. hist. Aug. 1620.

[122]) Интереснѣйшій примѣръ русскаго перевода посредствомъ догадки встрѣтилъ я въ статьѣ М. С. Куторги („Русск. Вѣстн.", 1872 г. № 12) „О счетахъ у древнихъ грековъ. Исторія слова камешекъ", которая меня, не филолога, заинтересовала своимъ заглавіемъ, обѣщавшимъ указанія на древне-греческія шашечныя игры (здѣсь я, дѣйствительно, нашелъ много новыхъ библіографическихъ указаній на изслѣдованія, не встрѣчающихся у Линде).—У Геродота (II, 36, 5) встрѣчается мѣсто, которое въ буквальномъ переводѣ можно передать: „Письмена пишутъ и считаютъ камешками Эллины, ведя руку съ лѣвой стороны на правую, а Египтяне съ правой на лѣвую". Никто изъ западно-европейскихъ переводчиковъ до 1873 года не зналъ смысла этого мѣста и не могъ объяснить его сколько нибудь удовлетворительно. Придумывали для объясненія даже нелѣпости. Между тѣмъ русскій переводчикъ Геродота, извѣстный дѣятель и ученый А. А. Нартовъ (1737—1813), въ изданіи своего перевода Геродота въ 1763 году, догадался передать его вѣрно: „Греки пишутъ и *выкладываютъ на счетахъ* (ведя руку) съ лѣвой на правую сторону, а Египтяне съ правой на лѣвую". Фраза, надъ которой ломали го-

Правда, Бекъ де Фукьеръ въ началѣ своего изслѣдованія, не называя именъ, говоритъ, будто „многіе искали въ римской игрѣ шашки", но это только манера выражаться. Единственно, кто опредѣленно указалъ на римскую игру, какъ на шашки, былъ Ѳома Гайдъ († 1703), профессоръ арабскаго языка въ Оксфордскомъ университетѣ, который въ сочиненіи своемъ Mandragorias seu historia Shahiludii 1694 года отнесъ всѣ латинскіе тексты въ главу

лову лучшіе комментаторы Европы, изъ нелѣпой дѣлается ясною и простою. М. С. Куторга (1813—1886) пишетъ по этому поводу: „Правда, нѣтъ сомнѣнія, что переводъ Нартова былъ дѣломъ вдохновенія, не учености, и что у него блеснула счастливая мысль; но она признакъ даровитости и его собственность. Вдохновеніе сопровождается творчествомъ, которое одно даетъ цѣну учености". Мнѣ думается, что М. С. Куторга не выяснилъ въ статьѣ своей еще одной интересной стороны дѣла. Наши ученые либо воспитываются въ антинаціональномъ духѣ, либо прямые иностранцы. Нартовъ же при всѣхъ своихъ разностороннихъ знаніяхъ остался русскимъ. Счеты у насъ въ Россіи составляютъ явленіе самое обычное, естественно было предположить подобное же явленіе и у Грековъ. Заслуга Нартова между прочимъ состоитъ въ томъ, что онъ не отвергъ своей мысли, что онъ и не задумался ее опубликовать. Въ наше время, когда западно-европейское вліяніе достигло своего апогея, русскій ученый, которому придетъ въ голову такое русское толкованіе, несмотря на очевидную его вѣрность, чего добраго, поспѣшитъ заглушить его въ самомъ началѣ, увѣритъ самого себя, что тутъ не можетъ быть рѣчи о счетахъ, „ибо ихъ нѣтъ въ Западной Европѣ, которая была наслѣдницей всей культуры древнихъ" и т. д. и т. д.—Я дѣлаю отступленіе на счетъ такого не игроваго мѣста потому, что именно переводъ Нартова побудилъ меня пересмотрѣть латинскіе и греческіе тексты объ играхъ. Мысль о переводѣ слова geminus пришла мнѣ еще въ 1887 году, я сообщалъ объ этомъ П. П. Боброву, С. А. Сорокину, В. А. Эрдели, Н. Н. Панкратову, В. И. Шошину и многимъ другимъ любителямъ, но въ то время большинство отнеслось къ моему переводу съ большимъ недовѣріемъ, да и самъ я тогда не допускалъ возможности, чтобы словари латинскіе не знали значенія нѣкоторыхъ латинскихъ словъ, и я не рѣшился опубликовать свой переводъ, тѣмъ болѣе что прочіе тексты объ игрѣ казались мнѣ совершенно непонятными, до такой степени они трудны; трудность эта увеличивалась еще тѣмъ, что я не имѣлъ ни въ то время, ни долго впослѣдствіи, подъ руками всѣхъ текстовъ и, главное, ихъ варіацій, иными словами, имѣлъ дѣло не съ подлинными текстами, а съ ихъ искаженіями. Впослѣдствіи я ознакомился со статьею Бекъ де Фукьера, гдѣ нашелъ не мало новыхъ данныхъ, подтверждающихъ мою догадку, но все же многое оставалось для меня неяснымъ. Наконецъ, лишь въ концѣ 1903 года, когда я, благодаря любезности В. Е. Сердобинскаго († 1905 г.), могъ прочитать статью Фонъ деръ Лаза, гдѣ приведено множество разночтеній подлинныхъ текстовъ, и когда я выяснилъ содержаніе дошедшей до насъ медали, я убѣдился, что догадка моя безспорна, и принялся за новый разборъ текстовъ; при этомъ получились новыя значенія словъ, иныя противъ указываемыхъ въ словаряхъ.

Здѣсь кстати упомяну, что небольшая шахматная библіотека В. Е. Сердобинскаго и Н. П. Острогорскаго поступила въ мое распоряженіе.

Другой любопытнѣйшій примѣръ незнанія западно-европейскихъ ученыхъ встрѣтился мнѣ въ шахматной литературѣ. О немъ подробно я говорю позднѣе.

Historia Damiludii [123]). Онъ, однако, вовсе не понялъ смысла латинскихъ выраженій, а утвержденіе свое подорвалъ первыми же словами вступленія въ главу о шашкахъ: „Нѣкоторые сомнѣваются, говоритъ онъ, въ томъ, одинакова ли игра Dam съ игрою latrunculorum, такъ какъ способъ разыгрыванія не одинъ и тотъ же; въ игрѣ Dam, какъ она практикуется у Германцевъ, одна шашка беретъ другую, тогда какъ въ игрѣ latrunculorum, какъ видится, двѣ заключаютъ и берутъ одну. Но (заканчиваетъ онъ совершенно неожиданно) эта разница не настолько велика, чтобы она не могла быть различною у разныхъ народовъ“?! [124]). Признакъ наиболѣе существенный, способъ взятія, которымъ шашки характерно отличаются отъ прочихъ игръ (пардъ, мельница, японо-китайская го, греческая полисъ, шахматы европейскія, китайскія, японскія)—Гайдъ считаетъ совершенно неважнымъ и незначительнымъ! [125]).

Такимъ образомъ наше утвержденіе, что latrunculi суть шашки, серьезно дѣлается впервые; оно будетъ доказано съ безспорною очевидностью смысломъ всѣхъ текстовъ. Новые переводы совершенно не сходятся, какъ будетъ показано, съ прежними и совпадаютъ съ ними лишь тамъ, гдѣ не было никакихъ сомнѣній или затрудненій, но и здѣсь впервые указывается внутренній смыслъ текстовъ. Необходимо замѣтить, что большинство изслѣдователей не только переводили неудачно или невѣрно, но и старались скрыть это

---

[123]) Эта рѣдкая книга есть въ моей библіотекѣ. Кромѣ Гайда, Бекъ-де Фукьера и ванъ-деръ-Линде, мною были еще просмотрѣны Массманъ (Gesch. des deutsch. Schasp. 1839), четыре статьи фонъ деръ Лаза о греческихъ и римскихъ играхъ въ Schachzeitung'ѣ 1863 г. (Ueber die griechischen und römischen Spiele, welche einige Aehnlichkeit mit dem Schach hatten), Марквардтъ (das Privatleben der Römer. 1882), реальные словари Любкера (Спб. 1885), A. Pauly (1846 г.) и An. Rich (Dict. des ant. Rom. et Gr., traduit de l'anglais, 1873), независимо отъ тѣхъ книгъ и статей, на которыя сдѣланы особыя ссылки, и не считая различныхъ упоминаній и небольшихъ замѣтокъ въ спеціальныхъ шахматныхъ и шашечныхъ книгахъ и журналахъ. Всѣ эти сочиненія исчерпываютъ вопросъ настолько, что позднѣйшіе изслѣдователи почти ничего не дополняютъ отъ себя, повторяя буквально своихъ предшественниковъ. Подробный библіографическій перечень статей и книгъ о древнихъ греко-римскихъ играхъ есть у Линде въ его *Исторіи*; Бекъ де Фукьеръ даетъ нѣкоторыя новыя указанія, а М. С. Куторга, какъ уже сказано, приводитъ отъ себя самостоятельныя данныя; дополнивъ все это тѣми заглавіями, на которыя ссылаются реальные словари, можно бы составить почти полную библіографію о древнихъ греко-римскихъ играхъ, но она, конечно, имѣла бы лишь академическій интересъ.

[124]) Lib. 2—dus, 173: An ludus **Dam** sit idem cum Ludo *Latrunculorum,* a quibusdam dubitatur, forte quia modus ludendi non est prorsus idem; cum in **Dam** (prout apud Germanos exercetur) unus capiat alterum, sed in Latrunculis (ut videtur) duo includant capiantque unum. Sed haec differentia non est tam magna, quin ut a diversis Gentibus diversi mode exerceatur.

[125]) Hyde ссылается еще на Saraçin: D. Saraçin, ingeniosus Scriptor, judicat ludum **Dam** Romanis notum fuisse sub nomine *Latrunculorum,* de quibus mox agendum. Однако, Линде (I, 41), перечисляя изданія (1694, 1656, 1657, 1658, 1663, 1685, 1764), не подтверждаетъ этого; онъ указываетъ между прочимъ, что разсужденія Saraçin'a (Opinion du Nom & du jeu des Echets) перепечатано въ журналѣ Palamède, 1836, pp. 236—245. Мнѣ не удалось ихъ прочитать.

отъ читателя, лишали его возможности сдѣлать провѣрку, либо давая переводъ безъ подлинника, приводя текстъ по одному чтенію, нерѣдко исправленному, т. е. недостовѣрному, либо, наконецъ, вовсе пропуская нѣкоторыя фразы, какъ будто онѣ не имѣютъ значенія. Такъ какъ очень многіе любители, которые прочтутъ эту статью, по незнанію латинскаго языка, едва-ли будутъ въ состояніи судить самостоятельно о вѣрности нашихъ переводовъ, то, во избѣжаніе упрековъ въ односторонности и съ цѣлью уничтожить возможность самаго незначительнаго подозрѣнія, обращаемъ вниманіе читателя, что мы: 1) приводимъ всѣ безъ исключенія тексты, относимые до сего времени къ игрѣ latrunculorum, и 2) приводимъ ихъ не только въ одной какой либо, удобной для насъ, редакціи, но даемъ и всѣ разночтенія ихъ, какія намъ удалось собрать, или подмѣтить самостоятельно; такимъ образомъ тексты не подобраны по какой либо тенденціи, а мы иныхъ и не знаемъ; возможно, что послѣ нашихъ переводовъ для выясненія игры къ дѣлу будутъ привлечены филологами еще новые тексты (которыхъ ранѣе не касались), но это уже вопросъ другой. Выводовъ нашихъ эти тексты не измѣнятъ.

Переходя къ толкованію текстовъ и встрѣчающихся въ нихъ терминовъ, мы, несмотря на то, что высказали уже утвержденіе о римской игрѣ, какъ о шашкахъ, будемъ все же вести рѣчь такъ, какъ будто это еще спорно, какъ будто это еще не вполнѣ доказано. При такомъ изложеніи для читателя видно будетъ, какъ постепенно, текстъ за текстомъ, открываются доказательства нашего утвержденія [126]).

---

[126]) Считаю не излишнимъ замѣтить здѣсь, что самъ я не принадлежу ни къ числу филологовъ, ни къ знатокамъ латинскаго языка. Я только имѣлъ несчастіе учиться въ то время, когда во всей силѣ у насъ господствовала классическая школа графа Д. Толстого (который самъ латинскій языкъ зналъ неважно, а греческому обучился уже взрослымъ, передъ введеніемъ своей реформы). Тогда, при помощи чеховъ-братушекъ, на дѣлѣ губили сотни учениковъ, лишь бы добиться, чтобы десятки ихъ знали кое-какъ классическіе языки. До какой степени филологія считалась въ то время полезной и важной, можетъ дать не дурную иллюстрацію такой примѣръ. Наше училище,—Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ,—долженъ былъ посѣтить бразильскій императоръ, испанецъ по происхожденію, Донъ-Педро. Онъ (какъ говорили въ то время) былъ полиглотъ, т. е. зналъ много языковъ (кромѣ русскаго, конечно!). Готовясь къ его посѣщенію, мы интересовались всякими о немъ свѣдѣніями. Мое вниманіе обратила одна статья „Московскихъ Вѣдомостей", помѣщенная вслѣдъ за передовою статьею. Знаменитый издатель газеты М. Н. Катковъ, этотъ (перифразируя извѣстное опредѣленіе Сперанскаго) „огромнаго размѣра психопатъ", нашелъ подходящимъ для большой публики сообщить ей филологическія соображенія относительно имени дона Педро; въ статьѣ подробно указывалось, что нельзя говорить и писать донъ-Педро, а необходимо употреблять форму домъ-Педро, ибо *н* передъ *п* въ романскихъ языкахъ переходитъ въ *м*, но что въ падежахъ будетъ уже дона-Педро, доному Педро.—Наплывъ филологіи и нѣкоторый интересъ къ ней лежали, вѣроятно, въ духѣ того времени. Такъ, одинъ шахматистъ-любитель, едва-ли знакомый съ арабскимъ языкомъ, въ шахматной статьѣ („Шахм. Лист.", изд. М. Чигорина, 1878 г., стр. 138) счелъ не лишнимъ указать (хотя очень сдержанно) шахматистамъ читателямъ, что нельзя говорить и писать Гарунъ-аль-Рашидъ, что это совершенно неправильно,

Всѣ изслѣдователи начинаютъ съ названія доски и шашекъ. Шашка, называлась calculus, *камушекъ*. Эта уменьшительная форма произошла, говорятъ филологи, отъ слова calx, *камень*, слова стариннаго, уже въ самомъ Римѣ вышедшаго изъ употребленія. Оно дошло до насъ въ выраженіи Плавта (приблиз. 254—184 до Р. Х.), имѣвшемъ форму пословицы или поговорки:

Profecto ad incitas Lenonem rediget, si eas abduxerit,
Quin prius disperibit faxo, quam unam calcem cierit.—(Plautus, Poenul. *).

Здѣсь слова ad incitas rediget, prius quam unum calcem **) civerit переводили въ смыслѣ: привести въ неподвижность раньше, чѣмъ онъ двинетъ хоть одною шашкою; относительно „неподвижности“ мы будемъ говорить дальше, здѣсь же замѣтимъ, что по самому содержанію фразы, для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ шашечными играми, очевидно, что поговорка эта взята и должна примѣняться къ играмъ въ родѣ „мельницы“, гдѣ сначала шашки

ибо л ассимилируется здѣсь съ плавнымъ р. Онъ могъ бы кстати прибавить, что арабскій членъ произносится въ нѣкоторыхъ странахъ аль, въ нѣкоторыхъ эль, и что есть даже выговоръ уль.— Наша интеллигенція удивительно преклоняется передъ всѣмъ иностраннымъ. Какъ бы посмѣялись французы или нѣмцы, если бы ихъ стали убѣждать даже въ чемъ нибудь болѣе справедливомъ, положимъ, въ необходимости писать и говорить Москва, а не Moscou или Moskau, у насъ же (при благосклонномъ поощреніи инородческаго Петербурга) воспитываютъ такъ, что давнымъ давно обрусѣвшее слово *пальто* (отъ котораго народъ правильно образовалъ русское множественное число „пальты“) обязательно оставлять не склоняемымъ! Въ русскомъ языкѣ звуки л и р уживаются прекрасно (напр., пѣсня: „Встану-ль ранымъ я ранешенько“) и даже тамъ, гдѣ въ иностранныхъ словахъ встрѣчаются двѣ одинаковыхъ буквы, русскій выговоръ расчленяетъ ихъ на разныя; такъ, составъ, называемый „шеллакъ“, всѣ маляры произносятъ „шерлакъ“, и тутъ нѣтъ ничего неправильнаго; не мѣнять же многомилліонному народу своихъ законовъ языка въ угоду филологамъ, мнѣнія которыхъ бываютъ часто ошибочными, или даже прямо антинаучными и противорѣчивыми (напримѣръ, позволяется писать кабатчикъ, потатчикъ, но почему то считается неправильнымъ писать притчина, поручикъ, хотя всѣ такъ говорятъ и хотя это произношеніе основано на тѣхъ же законахъ производства, какъ и кабатчикъ; или почему то надо писать пріобрѣтать, рѣчь, лѣкарь, хотя вся стать писать ихъ черезъ е; и особенно пріобрести и цвести,—ибо глаголы на ести,—вести, „шести“, плести, брести,—имѣютъ въ прошедшемъ окончаніе ёлъ). Нѣтъ поэтому ни малѣйшей ошибки писать по-русски Гарунъ-аль-Рашидъ и донъ-Педро, вмѣсто Гарунъ-аръ-Рашидъ и домъ-Педро.

*) „Ce passage est dans *le Carthaginois* (906). Un prostitueur détient deux jeunes filles; on veut les lui enlever. La scène se passe entre Milphion, l'esclave de l'amant de l'une des deux jeunes filles, et Syncerastus, l'esclave du prostitueur, fatigué de servir un tel maître: „Sans aucun doute, dit Syncerastus, si ton maître enlève la jeune fille, il reduira le prostitueur à l'impuissance *(ad incitas rediget)*.—Le prostitueur sera perdu, répond Milphion, avant d'avoir eu le temps de bouger une pièce *(prius... quam unam calcem civerit)*“. Бекъ де Фукьеръ стр. 425.

**) Это слово употребляется и въ мужскомъ, и въ женскомъ родѣ.

выставляются на доску очередными ходами и лишь послѣ этого пріобрѣтаютъ права движенія. Въ подобной игрѣ, дѣйствительно, иногда можно запереть противника такъ, что при наступленіи его очереди ходить, ciere calces, онъ будетъ лишенъ этой возможности, запертъ. Къ игрѣ latrunculi выраженіе это не можетъ относиться. Филологи дѣлаютъ это ошибочно, по незнакомству съ играми.

Слово calculus имѣло общее значеніе шашки, игральной фигурки, и примѣнялось въ такомъ смыслѣ и въ другихъ шашечныхъ играхъ, напримѣръ, въ XII линіяхъ; оно соотвѣтствуетъ французскому слову pièce; греческое *ψῆφος* и нѣмецкое Stein также значатъ *камень*. Въ занимающей насъ игрѣ шашка, кромѣ общаго обозначенія, имѣла еще свое частое наименованіе: latrunculus. Про перемѣну значенія этого слова мы уже говорили (стр. 75): у филологовъ относительно этой перемѣны мы встрѣчаемъ подробную и интересную справку. Уменьшительная форма эта происходитъ отъ слова latro, которое,—какъ указываетъ Гайдъ,—уже въ древнемъ мірѣ измѣнило свой смыслъ. Первоначально оно означало воина, наемнаго солдата, вообще человѣка, служившаго въ войскѣ по найму, за плату; такъ, напримѣръ, это у Плавта. Позднѣе оно пріобрѣтаетъ уже презрительное значеніе человѣка приключеній и грабежа. Для Горація (65—8 до Р. Х.) это уже грабитель проѣзжихъ на большой дорогѣ, бандитъ и воръ [127]).

Уменьшительное latrunculus, вѣроятно, было не презрительнымъ словомъ, но уменьшительно-ласкательнымъ, ибо (какъ видно изъ многихъ текстовъ) въ самой игрѣ слово latro сохраняло еще свой военный смыслъ и если звучало при употребленіи въ значеніи разбойника, то, вѣроятно, въ такомъ же смыслѣ, какъ англійскій игровой терминъ rower или robber (разбойникъ) въ крокетѣ [128]).

Для насъ наименованіе latrunculus важно тѣмъ, что оно относилось къ единственной, опредѣленной игрѣ. Но именовали эту игру различнымъ образомъ. У прозаиковъ она—ludus latrunculorum, у поэтовъ—ludus latronum. Hyde полагалъ, что въ обоихъ случаяхъ это было сокращеніемъ, а что полное названіе ея было ludus latronum et latrunculorum. Къ этому, чисто-формальному, предположенію присоединяется и Бекъ де Фукьеръ. Согласиться съ этимъ невозможно. У всѣхъ народовъ наблюдаются въ играхъ названія наиболѣе краткія; то же должно было быть и у римлянъ.

---

[127]) Значеніе это перешло во французскій языкъ, гдѣ larron значитъ воръ.

[128]) М. К. Гоняевъ (который, впрочемъ, совѣтовалъ мнѣ бросить мои попытки разобраться въ текстахъ, такъ какъ вѣрилъ основательности выводовъ фонъ деръ Лазы и Линде объ окончательномъ исчезновеніи древне-римскихъ игръ) переводилъ latrunculus словомъ „разбойничекъ“; словари, однако, въ переводѣ не даютъ уменьшительной формы. Нѣкоторымъ поясненіемъ слова latro могутъ служить, быть можетъ, слова *ушкуйникъ, казакъ, янычаръ, хунхузъ* (новѣйшія *громила* и *босякъ* сюда не подходятъ), но не совсѣмъ, ибо въ Италіи, какъ теперь, такъ и въ древности, бандитъ иногда пріобрѣтаетъ такую власть, что держитъ подъ нею цѣлыя провинціи, какъ завоеванныя.

Не особенно длинное названіе другой ихъ распространенной игры ludus duodecim scriptorum, замѣняли болѣе краткимъ XII scriptae и совершенно короткимъ scriptula. Вѣрнѣе всего, что игра носила два названія, болѣе древнее—ludus latronum и позднѣйшее ludus latrunculorum, которое появилось съ образованіемъ этого уменьшительнаго термина, имѣвшаго *спеціально шашечный* смыслъ, и которое этимъ отражало и первоначальный терминъ, отнимая у него презрительное значеніе; поэты же, выражавшіеся болѣе возвышеннымъ слогомъ, употребляли прежнее, еще незабытое, но уже вышедшее изъ употребленія, наименованіе, и въ ихъ рѣчи слово latro не казалось двусмысленнымъ, вслѣдствіе пояснительныхъ эпитетовъ. Кромѣ того у прозаиковъ встрѣчаемъ и наиболѣе краткое названіе—latrunculi.

Бекъ де Фукьеръ сдѣлалъ интересное замѣчаніе, что уменьшительная форма должна относиться къ шашкѣ, двигавшейся лишь впередъ, а latro къ шашкѣ съ расширенными правами. Онъ, однако, ничѣмъ не подкрѣпилъ своей остроумной догадки [129]). Между тѣмъ, какъ мы увидимъ, нѣсколько текстовъ даютъ возможность установить съ достаточною очевидностью, что latro въ игрѣ дѣйствительно примѣнялось къ названію дамки, а latrunculus къ названію простой. Это послѣднее явствуетъ изъ того, что (какъ видно изъ всѣхъ вообще текстовъ) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о ходѣ шашекъ вообще, т. е. и простыхъ и дамокъ вмѣстѣ, нигдѣ не употребляется слово latrunculus, а вездѣ calculus, тамъ же, гдѣ рѣчь заводится именно о дамкѣ, употребляется слово latro. Два стиха изъ Овидія съ особенною полнотою отражаютъ такое употребленіе этихъ словъ. Говоря о различныхъ книгахъ и между прочимъ о тѣхъ, которыя посвящены играмъ, Овидій пишетъ (Trist., lib. 2, I, 479—480):

Ut mage velle sequi sciat, et revocare priorem(:)
Nec tuto fugiens incomitatus eat.

Никто еще не перевелъ этихъ стиховъ, такъ они трудны.

Переводили, напримѣръ, Фонъ деръ Лаза, такъ: „Пусть знаетъ, что лучше слѣдовать сзади и отзывать назадъ передняго, чтобы даже убѣгающій отъ преслѣдованія ради безопасности не шелъ безъ сопровожденія (своимъ равнымъ)“ [130]).

Но если лучше было „слѣдовать сзади“, или „идти вслѣдъ“, то передній при этомъ имѣлъ уже подмогу, сзади него стояли уже шашки, и его не зачѣмъ

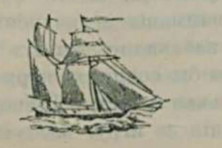
[129]) Ибо, какъ уже замѣчено, полагалъ, что у римлянъ были шашки съ разными движеніями при самомъ началѣ партіи; по его мысли latrones стояли въ заднемъ ряду, какъ офицеры въ шахматахъ. См. примѣч. 82 и 89.

[130]) Бекъ де Фукьеръ даетъ: comment il faut savoir tenter la poursuite et rappeller la première pièce envoyée à l'attaque; et comment celle-ci pour assurer sa fuite ne doit pas se lancer sans être accompagnée.—А. Фетъ переводитъ: „Зналъ бы, что лучше во слѣдъ идти и передняго кликнуть, Безъ провожатаго чтобъ при отступленіи не быть“. (Скорби Овидія, изд. 1893 г., стр. 50).—Маркуардтъ нашелъ, что латинское выраженіе темно, и что „текстъ требуетъ поправки“!

было отзывать назадъ. Чтобы скрыть нелѣпость перевода, прибѣгали, при изслѣдованіи игры, или вовсе къ пропуску этихъ стиховъ, или исправляли подлинный текстъ. Вмѣсто второй строки читали: Ne tuto fugiens incomitatus eas— „чтобы ты при преслѣдованіи (при отступленіи) не шелъ безъ сопровожденія". Это даетъ, однако, лишь нѣкоторый, чисто формальный, смыслъ, и читатель все же остается въ недоумѣніи, смутно догадываясь только, что переводчикъ сумѣлъ отдѣлаться отъ труднаго мѣста.

На самомъ дѣлѣ стихи говорятъ объ игрѣ, говорятъ вѣрно и сообщаютъ о тонкости веденія партіи. Fugiens, конечно, значитъ *бѣгущій*, но на преслѣдованіе здѣсь нѣтъ даже намека. Бѣжать можно не только назадъ, но и впередъ; можно бѣжать и назадъ, но не отъ преслѣдованія, а для нападенія. Такъ, далѣе мы встрѣтимъ выраженіе dum fugit ipse rapit,—„пока бѣжитъ, самъ бьетъ, грабитъ", т. е. бьетъ, будучи одинокимъ и во время бѣга. Fugiens должно переводить здѣсь не *бѣгущій*, а многократнымъ видомъ, *бѣгающій*, что означаетъ дамку, которая, въ отличіе отъ простой, естественно могла быть названа „бѣгающею", ибо шла во всѣ стороны.—Prior вовсе не значитъ *передній, впереди идущій*, такое значеніе можно придавать ему лишь распространительно, коренной же смыслъ его: *первый изъ двухъ, первѣйшій, прежній, лучшій, превосходнѣйшій;* грамматики учатъ, что во множественномъ числѣ оно употреблялось для означенія *предковъ*. Кто же здѣсь первый изъ двухъ, важный?—Ясно, что это latro, который былъ не только лучшею шашкою, но по своему названію былъ дѣйствительно и „предкомъ" для слова latrunculus. Итакъ, надо переводить: „Пусть знаетъ, что лучше идти слѣдомъ и отзывать назадъ предка (т. е. latronem), чтобы для безопасности даже бѣгающая шашка не ходила безъ сопровожденія". Получается ясный и правильный совѣтъ: вести свои шашки не въ разбродъ, а подкрѣпляя сзади, и поскорѣе отозвать къ своимъ, къ простымъ, доведь, дабы она не была обмѣнена на простую. Въ совѣтѣ этомъ интересна игра словъ: prior здѣсь и *важная* шашка, и *предокъ*, и даже, вѣроятно, *первая* доведь, ибо при проведеніи слѣдующихъ дамокъ отзывать ихъ къ своимъ особой надобности уже не представлялось.

Кромѣ подтвержденія догадки Бекъ де Фукьера, переводъ этого текста даетъ также возможность выяснить названіе игры; замѣняя латинскіе термины современными, мы открываемъ, что сперва игра называлась „игра въ доведи, въ дамы", а затѣмъ стала именоваться „игрою въ дамочки, въ дамки", гдѣ *дамка* означала уже (подобно малороссійскому названію шашекъ) простую шашку.—Приводимый далѣе текстъ изъ Марціала про Новія и Публія окончательно устанавливаетъ, что latro относилось именно къ дамкѣ.

XII.

Нѣтъ такого самаго безсмысленнаго взгляда, котораго бы люди легко не усвоили, разъ удастся имъ внушить, что онъ общепринятъ и распространенъ.

А. Шопенгауэръ.

Не менѣе интересенъ смыслъ и двухъ стиховъ, которые предшествуютъ переведеннымъ, въ томъ же мѣстѣ у Овидія.

Discolor ut recto grassetur limite (limine) miles,
Cum medius gemino calculus hoste perit.

Въ первомъ стихѣ хотѣли видѣть описаніе хода простой шашки впередъ. Бекъ де Фукьеръ переводитъ: „Какъ солдатъ двигается впередъ по прямой линіи, въ той игрѣ, гдѣ шашка гибнетъ отъ двойной аттаки непріятеля", и прибавляетъ, что здѣсь подразумѣвается: „если она не можетъ избѣжать этого двойного обхвата". За исключеніемъ этого послѣдняго толкованія, явно ошибочнаго [131]), переводъ на первый взглядъ кажется вѣр-

[131]) Если даже допустить, что шашка бралась двумя чужими (какъ, напримѣръ, въ клешняхъ), то отсюда вовсе еще нельзя вывести, чтобы пойманная такимъ путемъ шашка имѣла *послѣ этого* право хода, а не снималась бы тотчасъ же съ доски, какъ это дѣлается во *всѣхъ* рѣшительно играхъ (въ современныхъ шахматахъ игра кончается матомъ однимъ ходомъ раньше, ибо заключительный ходъ, снятіе чужого царя, опускается, какъ безцѣльный). Допущеніе такого правила, очевидно противнаго природѣ игрового мышленія, указываетъ, съ какимъ легкомысліемъ рѣшаются вопросы объ играхъ, вопросы, достойные самаго серьезнаго вниманія, ибо правила распространенныхъ игръ могутъ дать намъ свѣдѣнія о такихъ психологическихъ свойствахъ народовъ, которыя, быть можетъ, инымъ путемъ даже и вовсе не будутъ подмѣчены, или, по крайней мѣрѣ, надолго ускользнутъ отъ вниманія. Устройство игръ, несмотря на полную свободу фантазіи, идетъ по какимъ то законамъ, которые не могутъ не заслуживать вниманія и изученія. Если бы эти законы были извѣстны хотя отчасти, мы избавились бы отъ многихъ ложныхъ умозаключеній. Тогда немыслимо было бы сочинить игру въ родѣ „Агона", ибо напередъ была бы извѣстна ея печальная участь. Точно также и Бекъ де Фукьеръ не принялъ бы своей реставраціи за игру, заслуживающую вниманія. Извѣстный

нымъ[132]). Въ подтвержденіе его французскій ученый дѣлаетъ длинное отступленіе о ходѣ мула, который по другому (не игровому) тексту recte viam graditur *). Желая, однако, провѣрить переводъ, я беру словарь [133]), и узнаю, что limes значитъ *граница, дорожка между двухъ полей*, а grassari, кромѣ значенія *шествовать*, содержитъ еще понятія *нападать, насильничать*. Слѣдовательно, возможенъ переводъ: „Какъ воинъ убиваетъ на межѣ между двухъ полей, когда"... Получается описаніе взятія! Однако, точный латинскій языкъ никогда не даетъ мѣста такимъ противорѣчивымъ переводамъ, и оба они поэтому не вѣрны. Нельзя ли перевести такъ, чтобы сохранить оба смысла? Оказывается, что это возможно; для этого надо лишь признать (чего въ словаряхъ я не нашелъ), что grassari, имѣя значенія *шествовать* и *нападать*, соотвѣтствуетъ русскому глаголу *ходить*, въ томъ значеніи, которое мы придаемъ ему, когда говоримъ объ играхъ, гдѣ „ходить" значитъ и просто *передвигаться, идти* съ клѣтки на клѣтку, и *бить* чужія шашки. Тогда смыслъ текста дѣлается яснымъ, и переводъ надо изложить такимъ образомъ, что въ книгахъ учатъ тому, какъ „пусть воинъ *играетъ* (grassetur, т. е. и ходитъ, и бьетъ) въ законныхъ предѣлахъ (recto limite), когда средняя шашка гибнетъ отъ сугубаго непріятеля". Рѣчь, такимъ образомъ, идетъ объ общемъ содержаніи учебниковъ, а вовсе не о ходѣ простой лишь впередъ, какъ это до сихъ поръ думаютъ.—И здѣсь, какъ и при словѣ geminus, видимъ мы замѣчательную точность выраженій.—Поправка limine (по вѣрной ступени) не вѣрна.

Относительно хода шашекъ мы уже привели содержаніе текста изъ энциклопедіи епископа Исидора († 636). Онъ пишетъ:

Артуръ Шопенгауэръ былъ очень не высокаго мнѣнія о людской сообразительности, и выписанныя въ эпиграфѣ его слова совершенно справедливы, если подъ „людьми" подразумѣвать здѣсь болѣе или менѣе выродившуюся городскую толпу, особенно въ примѣненіи къ неустойчивымъ вещамъ въ родѣ моды на одежду и т. п., но если взять народъ въ его цѣломъ, то выводъ получится другой. Съ особенною рѣзкостью проявляется это на играхъ разсчета: народъ принимаетъ только изумительно хорошія игры, представляющія такой интересъ, который ослабляется лишь вѣками, и сразу же отбрасываетъ новыя игры, которыя „людямъ" Шопенгауэра кажутся не хуже прежнихъ. Вмѣсто того, чтобы считаться съ этою дѣйствительною народною мудростью, интеллигенція (и русская особенно) въ массѣ своей презираетъ его за это. Сколько, напримѣръ, напечатано насмѣшекъ надъ сохой, этимъ поразительнымъ по удобству для бѣдныхъ земледѣльцевъ инструментомъ. Къ слову: на югѣ Франціи, около Пиринеевъ, народъ и сейчасъ еще обработываетъ землю орудіями временъ древнихъ римлянъ.

[132]) А. Фетъ, l. c., переводитъ: „Чтобъ по прямому пути шла въ бой разноцвѣтная пѣшка, Какъ межъ врагами двумя средняя шашка падетъ".

*) Выводъ, конечно, получается невѣрный, ибо глаголы gradi и grassari разные и имѣютъ разное значеніе, но филологи такъ убѣждены въ недостаточности текстовъ, что и не прилагали стараній ихъ перевести.

[133]) Латино-русскій и русско-латинскій лексиконъ, составленный Иваномъ Кронебергомъ. Шестое изданіе. Москва. 1860.

Calculi partim ordine moventur, partim vage. Ideo alios ordinarios, alios vagos appellant. At vero qui omnino moveri non possunt, incitos dicunt.

„Шашки частію въ порядкѣ двигаются, частію туда и сюда. Поэтому иныхъ называютъ обыкновенными, иныхъ блуждающими. Тѣхъ же однако, которыя болѣе двигаться не могутъ, зовутъ отчаянными“.

Здѣсь филологи слово incitos переводятъ *неподвижными, пришедшими въ неподвижность;* нѣкоторые словари даютъ *впавшими въ бѣдность.* Смыслъ фразы допускаетъ такой переводъ, но онъ не вѣренъ по существу. Ссылка на вышеприведенный текстъ изъ Плавта также ничего не доказываетъ. Если cieri значитъ *двигаться,* то отсюда еще не слѣдуетъ, что incitus *долженъ непремѣнно значить* и именно здѣсь „неподвижный“. Incitus значитъ *возбужденный, скорый, стремительный.* Епископъ Исидоръ поясняетъ свою мысль:

Unde et egentes homines inciti vocantur, quibus spes ultra procedendi nulla restat (*Originum,* LXVII, 67).

„Откуда называются отчаянными и нуждающіеся люди, которымъ не остается совершенно никакой надежды выбиться“.

Изъ этого замѣчанія становится ясно, что incitus слѣдуетъ переводить словомъ *отчаянный.* Такимъ образомъ equo incitato можно передать по словарю „во всю прыть“, „на разъяренномъ конѣ“, или „на отчаянной скачкѣ“. Въ словѣ incitus заключается тотъ смыслъ, что шашка при своемъ ограниченномъ ходѣ наскочила на неодолимое препятствіе, какъ бы уперлась въ стѣну, попала въ безвыходное положеніе. Это отчасти подтверждаетъ, что шашка шла лишь впередъ, отчасти же намекаетъ на то, что игрокъ, какъ и теперь, попадалъ въ неловкое положеніе, „приходилъ въ отчаяніе“, будучи запертъ, лишенъ ходовъ. Создавать для incitus новое значеніе *неподвижнаго,* какъ это дѣлаютъ филологи, нѣтъ основаній, надо отыскивать то значеніе, которое разумѣли сами римляне. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что запираніе, какъ обычное явленіе, свидѣтельствуетъ, кромѣ того, что на доскѣ было, подобно нашей шашечницѣ, много *угловыхъ* мѣстъ.

Мы уже говорили (стр. 75) о содержаніи нашего перевода описанія ходовъ изъ энциклопедіи еп. Исидора; смыслъ этого перевода не можетъ подлежать сомнѣнію *), но важно добавить, что оно под-

*) Оказалось, что даже этотъ простой и ясный текстъ можно истолковать ложнымъ способомъ. Лафайе (въ словарѣ Даранберга) указываетъ, что кромѣ шашекъ подобныхъ кумскимъ и галикарнасскимъ, рисунки которыхъ мы здѣсь воспроизводимъ, въ одной изъ раскопокъ близъ древней Перузіи (нынѣ Перуджа) собрали 816 стеклянныхъ (въ видѣ полушара) шашекъ (pions); „тутъ были голубыя, желтыя и бѣлыя; это раздѣленіе на три цвѣта навело (a suggéré) г. Тиллея (Tilley) на новую теорію, онъ предполагаетъ, что именемъ calculi inciti означали третью категорію шашекъ (pions), особенная роль которыхъ, въ сторонѣ отъ шашекъ ordinarii и vagi, состояла въ томъ, чтобы не имѣть возможности двигаться; онѣ представляли бы лагерь, мѣстный (sédentaire) гарнизонъ,

кл҃ѣпляется тѣмъ, что шашки у римлянъ были всегда одинаковы. Форму онѣ имѣли, впрочемъ, не нашу плоскую, а дѣлались или въ видѣ полуядра, или же бывали коническими и цилиндрическими съ обточеннымъ верхомъ*). Только у египтянъ и, кажется, у грековъ встрѣчаются фигурки съ собачьими [134]) и львиными головами.—Дѣлались шашки изъ различныхъ матеріаловъ; онѣ бывали восковыми, изъ разноцвѣтнаго стекла, изъ камня. Богатые люди дѣлали ихъ изъ дорогихъ камней, какъ видно изъ эпиграммы Марціала (lib. 14, ep. 20):

Insidiosorum si ludis bella latronum,
Gemmeus iste tibi miles et hostis tuus.

въ противоположность подвижнымъ войскамъ *(Classical review,* VI, 1892, p. 335). Его поддержали не безъ правдоподобія тѣмъ, что медали римской имперіи, извѣстныя подъ именемъ contorniati nummi, не были ни чѣмъ инымъ, какъ пѣшками, служащими для какой нибудь тавлейной игры *(Froehner,* Annuaire de la Société française de numism., mars-avril 1894;—*C. W. King,* On the true nature of the contorniate medals, p. 5.;—*Mowat,* Rivista italiana di numismatica, XI, 898, n. 1.)".

До какой степени надо стоять далеко отъ жизни, чтобы предположить, будто въ широко распространенной народной игрѣ могли быть употребляемы шашки, которыя вовсе не двигались?! А между тѣмъ эта нелѣпая мысль не только была высказана, но даже поддержана въ трехъ ученыхъ журналахъ!... Это обстоятельство заставляетъ меня исправить мой переводъ страницы 75-ой и указать, что omnino значитъ *совсѣмъ, всеконечно, всемѣрно, всячески,* и внѣ сомнѣнія смыслъ фразы здѣсь заключается въ томъ, что „шашки, дошедшія до такого состоянія, когда онѣ вовсе не могутъ двигаться, называются отчаянными"; слѣдовательно, omnino надо перевести здѣсь словомъ *болѣе.* Если бы шашекъ было три разряда, то всѣ разряды были бы перечислены въ одной фразѣ. Но особенно подтверждается это поясненіемъ о бѣдныхъ людяхъ, коимъ нельзя выйти изъ своего отчаяннаго положенія; procedere значитъ не только *выбиваться, выходить, преуспѣвать,* но его главное значеніе *итти впередъ, выступать далѣе,* и Линде (I, 47) ближе къ подлиннику переводитъ это мѣсто „weiter vorwärts zu kommen", но по нѣмецки это значитъ и *итти впередъ* и *выбиваться.*

*) Словарь Даранберга даетъ четыре снимка формы древнихъ шашекъ. Три, приводимыя здѣсь, взяты изъ одной римской могилы въ Кумахъ *(Minervini,* Bull. arch. Napolet. n. s., t. I,—1852,—p. 192, tav. VIII. n. 6.; cf. *Fiorelli.* Mon. Cumani, tav. II, 5); онѣ глиняныя; четвертая шашка, приводимая въ заставкѣ настоящей главы, костяная, изъ Галикарнаса *(Newton,* Halicarnassus, p. 307), носящаго теперь названіе Будрунъ. Онъ находится въ М. Азіи, на берегу Эгейскаго моря; въ 334 г. до Р. Х. былъ разрушенъ Александромъ Великимъ. Въ 1867 г. отрыты остатки знаменитаго мавзолея.

134) У римлянъ „собаками" назывались кости въ XII линіяхъ, когда на нихъ выпадало по одиночкѣ. См. Ovid, Tr. 471—474. Фетъ эти стихи переводитъ невѣрно.

„Если играешь въ коварныя войны латроновъ, пусть изъ драгоцѣннаго камня будетъ у тебя воинъ и твой непріятель“. Изъ дорогихъ камней, кажется, чаще всего дѣлались кости для скриптулы [135]).

Шашка часто называется discolor, что должно бы переводить словомъ *многоцвѣтный*, ибо dis значитъ *богатый*. Возможно, что шашки были полосатыя, въ родѣ тѣхъ стеклянныхъ шариковъ, какія употребляются у насъ въ игрѣ „солитеръ“; при этомъ нетрудно было, конечно, сдѣлать разницу въ общемъ тонѣ окраски для отличія шашекъ одного игрока отъ шашекъ другого; вѣроятно, стеклянныя шашки были подражаніемъ драгоцѣннымъ камнямъ.

Нѣкоторые филологи переводятъ dis противоположеніемъ и даютъ ему смыслъ *противоположнаго цвѣта*. Если это значеніе имѣется, то въ фразѣ со словомъ grassetur нельзя переводить, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые.—„Другого цвѣта солдатъ пусть движется“...,—ибо получается нелѣпый выводъ, будто шашки одного игрока шли не по тѣмъ же законамъ, какъ у другого; надо понимать здѣсь discolor въ смыслѣ означенія шашекъ *того и другого цвѣта*, т. е. переводить: „Каждаго цвѣта солдатъ пусть ходитъ“..., по строю же русскаго языка здѣсь лучше, кажется, перенести опредѣленіе отъ существительнаго къ глаголу, и тогда получимъ (тяжелый, впрочемъ) переводъ: „Какъ воинъ взаимно играетъ въ законныхъ предѣлахъ въ той игрѣ, гдѣ шашка гибнетъ въ срединѣ отъ сугубаго непріятеля“. (Текстъ стр. 110).

Светоній (XXII) сообщаетъ про Нерона (54—68 по Р. Х.), что „въ началѣ своего царствованія онъ игралъ на абакѣ (in abaco) двухколесными колесницами изъ слоновой кости“. Въ этой фразѣ искали намека на шахматныхъ ладей. Бекъ де Фукьёръ (p. 438) возстаетъ противъ этого; надо необходимо понимать это мѣсто, говоритъ онъ, въ томъ смыслѣ, что всѣ шашки изображали колесницъ, ибо Светоній (прибл. 70—140 по Р. Х.) ничего не говоритъ о нѣкоторыхъ шашкахъ. Будь эта фраза взята у писателя, который случайно и мимоходомъ коснулся бы игровыхъ выраженій, ей нельзя было бы придавать особаго значенія, но Светоній написалъ книгу объ играхъ и поэтому, конечно, хорошо зналъ спеціальныя названія; если бы среди шашекъ было лишь нѣсколько колесницъ, то онъ и выразился бы иначе [136]).

---

[135]) Марквардтъ сообщаетъ, что, подразумѣвая шашки, говорили даже „играть въ драгоцѣнные камни“, и ссылается на Марціала 12, 40.

[136]) До какой степени запутанъ вопросъ о римской игрѣ, можно видѣть изъ того, что тотъ же Бекъ де Фукьеръ, который даетъ это прекрасное соображеніе о колесницахъ, чтобы выпутаться изъ своей невѣрной гипотезы о наличности (уже при началѣ игры) шашекъ двухъ разныхъ силъ, придаетъ слову discolor значеніе *двуцвѣтный* и толкуетъ это значеніе въ томъ смыслѣ, что шашки были одинаковы по формѣ, но отличались раскраскою, т. е. что у каждаго были шашки *двухъ* цвѣтовъ: Par exemple, les latroncules pouvaient être, d'une part de verre mélangé de noir, de l'autre de verre mélangé de rouge, et les larrons, d'une part de verre mélangé de noir et de jaune, et de l'autre de

Плиній старшій (23—79) сообщаетъ въ своей „Естественной Исторіи“ (VIII, 54) объ обезьянѣ, которая, по свидѣтельству Муціана [137]) играла въ latrunculi, „различая сдѣланныя изъ воска орѣхи“ (т. е. кругловатыя шашки). Въ этомъ анекдотѣ нѣкоторые прочли fictas cera icones usu (вмѣсто nuces visu) distinguente, т. е. „различая при употребленіи сдѣланныя изъ воска изображенія“, и на этомъ, явно невѣрномъ чтеніи, стали строить догадки о различномъ видѣ шашекъ, неправильно придавая *изображеніямъ* значеніе *фигурокъ*. Ванъ деръ Линде (I, 46, [8]) возмущается этой поддѣлкой текста, однако, Марквардтъ и Бекъ де Фукьеръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, настоящаго текста даже и не приводятъ.

Цѣль игры—взять всѣ шашки противника, или привести остающіяся на доскѣ въ отчаянное положеніе неподвижныхъ, запертыхъ шашекъ, съ своей стороны также подтверждаетъ, что шашки ординарныя двигались только впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, запереть шашки возможно лишь при этомъ условіи; если онѣ могутъ ходить и назадъ, то какъ бы мало ни было такое попятное движеніе,—запиранія, какъ явленія частаго, *обычнаго*, допустить уже нельзя; оно возможно въ теоріи, но на практикѣ можетъ происходить лишь въ случаяхъ до крайности исключительныхъ.

Названіе шашки ordinarius приводитъ къ тому же выводу. По Бекъ де Фукьеру слово это означало рядового воина, и его употребляли для означенія пѣшихъ солдатъ, т. е. при упоминаніи о войскахъ съ ограниченнымъ образомъ движенія.

Такимъ образомъ все приводитъ къ заключенію, что шашки въ римской игрѣ ходили только впередъ; а это съ своей стороны обязываетъ признать, что дошедшія до отдаленнаго края простыя шашки пріобрѣтали новыя права, превращались въ дамки. Вышеприведенный текстъ съ совѣтомъ sequi, итти слѣдомъ, также указываетъ на то, что шашки простыя шли лишь впередъ; обладай онѣ возможностью ходить назадъ, такой совѣтъ не имѣлъ бы смысла, и не въ мѣру выдвинувшаяся шашка просто отступила бы назадъ, къ своимъ.

Одно только можетъ еще возбудить сомнѣніе въ подозрительномъ читателѣ—это ходъ дамки. Несомнѣнно, скажетъ онъ, игра римская была шашками и, конечно, шашками древнѣйшей формы; но какова эта форма? Соотвѣтствуетъ ли она шашкамъ англійскимъ или итальянскимъ? Она могла быть вѣдь и этой послѣдней формы и затѣмъ въ другихъ странахъ, внѣ Италіи, упроститься такимъ образомъ, что дамка потеряла свое право не быть битою

---

verre mélangé de rouge et de jaune; или же неожиданно для читателя допускаетъ, что шашки, будучи одного фасона, различались по величинѣ, когда нигдѣ нѣтъ и намека на то, чтобы онѣ бывали разными по формѣ, не говоря уже про то, что онъ самъ же особенно настаивалъ на ихъ одинаковости (стр. 437).

[137]) Голландское изданіе Плинія отъ 1669 года, по словамъ фонъ деръ Лаза, даетъ: Simiarum genera.... tradunt. Mucianus (подразумѣвается tradit) et latrunculis lusisse fictis (fictas) cera, nuces visu distinguere (distinguente).

простою шашкой? И на этотъ вопросъ латинскія цитаты даютъ намъ ясный отвѣтъ, если мы углубимся въ ихъ содержаніе. Такъ, текстъ съ revocare priorem свидѣтельствуетъ, что дамка бралась простою, иначе совѣтъ отзывать ее къ своимъ не имѣлъ бы смысла [138]).

Есть еще одно интересное мѣсто, которое относится къ шашкѣ, проходящей въ дамки.

Въ своемъ „Искусствѣ любить“ Овидій говоритъ о молодыхъ дѣвушкахъ и женщинахъ, совѣтуетъ каждой умѣть играть въ въ шашки (Ars am. III, 357):

Cautaque non stulte latronum proelia ludat,
Unus cum gemino discolor hoste perit.
Bellator (que) suo prensus sine compare bellet (bellat),
Aemulus incoeptum saepe recurrat opus.
[Aemulus, et (in)coeptum saepe recurrat iter (reccurrit iter.)].

Первые два стиха, послѣ сдѣланныхъ разъясненій, не представляютъ уже трудностей для перевода:—„И осторожная пусть не глупо играетъ она въ битвы латроновъ, гдѣ одинъ гибнетъ взаимно отъ сугубаго непріятеля“,—зато два послѣднихъ стиха самые трудные изъ всѣхъ цитатъ объ игрѣ latrunculi, и содержаніе ихъ не только никѣмъ до сихъ поръ не понято, но и признается почти всѣми малопонятнымъ.

Здѣсь хотѣли видѣть указаніе на шахматы и, сдѣлавъ небольшую поправку,—sua, вмѣсто suo,—переводили: „Царь, захваченный безъ своей равной т. е. безъ

---

[138]) То обстоятельство, что у итальянцевъ, прямыхъ наслѣдниковъ римлянъ, не сохранилось древней игры, не должно считать неодолимымъ препятствіемъ для возстановленія правилъ древнѣйшей игры во всѣхъ ея подробностяхъ. Конечно, пока не найдется случайно какой-либо латинской рукописи объ играхъ, всегда останется мѣсто сомнѣнію и нѣкоторая неувѣренность, но все же, вглядѣвшись глубже въ ходъ развитія игры, который замѣтно выражался въ постоянномъ освобожденіи игроковъ отъ различныхъ ограниченій при взятіяхъ, и принимая во вниманіе ту мелочную разработку, которая проявилась у римлянъ въ примѣненіи ихъ юридическихъ положеній, можно выбрать рядъ правилъ изъ итальянской, старофранцузской и испанской игръ, и съ достаточною вѣроятностью реставрировать правила игры latrunculorum. По моему мнѣнію, они должны были заключаться въ слѣдующемъ: *Простая при проходѣ въ дамки взятіемъ оканчивала ударъ на клѣткѣ пристани и въ этотъ же ходъ назадъ на правахъ дамки брать не могла.—При возможности брать одинаковое количество шашекъ, обязательно было брать дамкою предпочтительно передъ простою, но если при одинаковости числа убиваемыхъ можно было взять чужую дамку или большее ихъ количество, то обязательно брать туда, гдѣ больше дамокъ, хотя бы онѣ убивались простою шашкою.—Обязательно брать наибольшее количество шашекъ, при чемъ качество убиваемыхъ играетъ подчиненную роль; такъ, если въ одну сторону, или одною шашкою, можно взять три простыхъ, а другимъ способомъ убить двѣ дамки, то необходимо брать три простыхъ.—Ходы простой шашки и дамки одинаковы съ современною англійскою игрою.—Брать обязательно.*—Далѣе будутъ приведены и самыя партіи этой реставрируемой игры.

королевы". Крайняя неосновательность такого толкованія поистинѣ поразительна, ибо королева въ шахматахъ, вмѣсто древняго ферзя, явилась уже по исчезновеніи латинскаго языка, а въ видѣ альфереццы представляла такую незначительную величину, потеря или оттѣсненіе которой не могло имѣть значенія, слѣдовательно не могло быть и предметомъ вниманія со стороны игроковъ, а тѣмъ болѣе не заслуживало упоминанія въ описаніи игры. Но ошибочность этого толкованія выступитъ съ особенною силою, если мы обратимся къ современнымъ шахматамъ, гдѣ королева представляетъ значительную величину, и увидимъ, что все-таки ни въ одномъ описаніи игры нигдѣ нѣтъ рѣчи о какомъ-либо оттѣсненіи царя отъ ферзя, или необходимости имъ быть вмѣстѣ.

Бекъ де Фукьеръ даетъ этому мѣсту такое объясненіе: „это тамъ, что воюетъ сражающійся, который оказывается взятымъ, если онъ не сопровождается своимъ равнымъ, и что часто одинъ изъ двухъ равныхъ (aemulus) возвращается назадъ по пройденному пути". Не лучше переводили и другіе [139]).

Не удивительно, что при такомъ непониманіи текстовъ, не была выяснена и самая игра. Какъ мы сейчасъ увидимъ, оба стиха заключаютъ въ себѣ простой и ясный смыслъ и даютъ кромѣ того изящную игру словъ чисто шашечнаго характера.

Надо переводить возможно ближе къ подлиннику.—Aemulus имѣетъ первоначальное значеніе *ревнительный, ни въ чемъ не усту-*

---

[139]) Пантелѣевское („Вѣстн. Иностр. Литерат.") изданіе Овидія (Спб. 1903., т. I, стр. 78): „Я хочу также, чтобъ она умѣла играть въ шахматы—одна пѣшка противъ двухъ должна погибнуть. Когда король отдѣленъ отъ своей королевы, онъ подверженъ всякимъ опасностямъ,—надо вернуть его на старое мѣсто".—*Фонъ деръ Лаза* (1863 г.) Auch der ergriffene Krieger ohne seinen Gefährten kämpft, und der Nacheifernde oft den begonnenen Plan wieder aufnimmt.—Также и тотъ воинъ, на котораго нападаютъ безъ своихъ товарищей, сражается, и преслѣдователь часто снова берется за начатый планъ.—*Von Oppen* (1847 г.): Er, in die Enge getrieben durch sie, wird eifriger kämpfen,—Schwächer an Volk, Du machst öfter vergeblich den Zug—Онъ, загнанный ими въ узкость, будетъ усерднѣе сражаться, болѣе слабый народомъ ты часто дѣлаешь напрасно ходъ.—*J. Christie.* (An inquiry into the ancient greek game supposed to have been invented by Palamedes. 1801) даетъ два перевода: a) And when the warrior fights, caught without his comrade, and in rivalry often recommences his attack.—И когда воинъ сражается, пойманный безъ своихъ соратниковъ, и въ соперничествѣ онъ часто возобновляетъ свою аттаку;—b) Again goes over the way he had before attempted. Снова онъ идетъ черезъ ту дорогу, на которую онъ нападалъ передъ этимъ.—*Т. Гайдъ* (1694 г.), не понявъ самой игры, все же даетъ поясненіе этого мѣста: Nam semper molestum opus iterque zeloso Bellatori sive Lusori recurret, si deprehensus sit, ut sine compare bellet.—

Всѣ эти переводы и толкованія съ достаточною полнотою показываютъ, что переводчики сами не понимали того, что писали. Фонъ деръ Лаза сознается въ этомъ: „Оба послѣдніе стиха, пишетъ онъ, кажутся намъ непонятными, и мы отказываемся отъ ихъ вѣрной передачи". Но тутъ же онъ не можетъ удержаться на строго научной почвѣ, и прибавляетъ свои толкованія: „По крайней мѣрѣ изъ нихъ слѣдуетъ, что шашки, какъ мы уже знаемъ (?!), дѣлали хорошо, держась по двѣ (?) вмѣстѣ, и что часто можно было оказаться въ положеніи, вынуждающемъ (!) повторять (?) тѣ же самые (?) ходы. Schztg., 1863, S. 231).

пающій, но въ этомъ главномъ своемъ значеніи, говорятъ лексиконы, употребляется рѣдко; переводчики интересующихъ насъ текстовъ почему то по большей части избѣгаютъ основнаго значенія, между тѣмъ оно обязательно, пока нѣтъ причинъ его избѣгать.—Далѣе: глаголъ recurrere значитъ *возвращаться снова* (febris recurrens=возвратная горячка), *возвращаться вспять* и *возвращаться съ противоположнаго конца*, съ мѣста, напримѣръ, окончанія бѣга. Такъ, говорили versus recurrens, *возвратный стихъ*, т. е. такой, который можно читать взадъ и впередъ, т. е. не только вправо, но и влѣво, причемъ слова не мѣняются; напримѣръ: „Великъ а на показъ у дуба буду закопанъ, аки левъ", или: Signa te signa, temere me tangis et angis.

Послѣ этихъ поясненій понятенъ будетъ подстрочный и буквальный переводъ: „Воитель [же] безъ своего оттѣсненный собрата, [пусть] сражался бы, ревностный онъ часто возвращался бы [обратно] (на) черезъ начатое дѣло". Это—главное чтеніе, но допустима и варіація: „Воитель же (и) безъ своего оттѣсненный собрата пусть сражается ревностный и часто пусть возвращается (обратно) на (черезъ) сдѣланный путь".

Конечно, пока не былъ выясненъ характеръ древне-римской игры, и этотъ переводъ показался бы темнымъ и непонятнымъ. Но теперь смыслъ фразы для насъ выясняется. Онъ состоитъ въ томъ, что шашка, будучи оттѣснена отъ своихъ, зарвавшись, попавъ далеко впередъ, въ непріятельскій станъ (быть можетъ временно тамъ запертая), пусть не отчаивается и продолжаетъ ревностно бороться, такъ какъ часто оказывается въ состояніи возвратиться обратно съ того конца доски, т. е. въ видѣ дамки, къ начатому дѣлу, или къ своимъ черезъ пройденный путь [140]).

Дѣлая это характерное для игры замѣчаніе, Овидій играетъ словами; есть еще созвучный глаголъ recurare, означающій *заботиться, лечить, вылечивать*. Онъ можетъ имѣть ту же форму (recurat). Такимъ образомъ при произнесеніи стиха могъ слышаться смыслъ: „Онъ часто исправляетъ (исцѣляетъ) начатое дѣло", или „Онъ поправляетъ предпринятый такимъ образомъ (т. е. случайно, ошибочно, неосторожно, или вынужденно) путь". Судя по смыслу, варіація чтенія со словомъ iter была сдѣлана еще въ то время, когда пониманіе стиха не было утеряно. Наличность этой инте-

---

[140]) Г. И. Торъ-Ланге, извѣстный въ Москвѣ филологъ (кромѣ древнихъ языковъ, онъ изучилъ еще двадцать другихъ), къ которому я обращался въ надеждѣ получить кое-какія указанія, сдѣлалъ по поводу этихъ двухъ стиховъ интересное для меня замѣчаніе, что „глаголъ recurrere для времени Овидія долженъ всегда переводиться съ предлогомъ *черезъ*". Бекъ де Фукьеръ (также крупный филологъ) переводитъ подобнымъ же образомъ. Вѣроятно съ формальной, чисто филологической, точки зрѣнія, когда изучаютъ значеніе словъ по эпохамъ, чтобы добиться смысла въ темныхъ текстахъ, такой узкій взглядъ на значеніе recurrere вполнѣ правиленъ. Для меня онъ, кромѣ того, былъ и недоступенъ. Но коль скоро мысль непонятнаго текста открыта, придерживаться филологическаго толкованія уже нѣтъ надобности, и мы видимъ, что смыслъ сохраняется, давая нѣкоторую игру словъ и при другихъ предлогахъ.

ресной игры словъ даетъ мнѣ поводъ предполагать, что чтенія bellat и recurrit позднѣйшія ошибочныя поправки, или искаженія переписчиковъ.

Какая шашка подразумѣвается подъ словомъ bellator? Конечно это была простая (коей опасно оставаться одной), но она могла быть оттѣснена отъ своихъ вынужденно, путемъ взятія чужихъ, или временно заперта, или же могла сама устремиться впередъ, съ цѣлью пройти въ дамки. Я думаю, что подъ словомъ bellator могла подразумѣваться всякая такого рода шашка, но что главнымъ образомъ оно относилось къ шашкѣ, которая стремилась (или была къ этому вынуждена) итти въ дамки, и притомъ къ той именно простой, которая дѣлалась первою, или въ данный моментъ единственною дамкою. Позднѣе, при объясненіи слова mandra, мы возвратимся еще разъ къ этому слову (стр. 134).

Во всякомъ случаѣ и совѣтъ, чтобы шашки держались по возможности вмѣстѣ (въ текстѣ sequi sciat), и упоминаніе объ изолированной шашкѣ, могущей пробраться въ доведи, указываютъ на широкое распространеніе шашечной игры, хорошее ея пониманіе, и отмѣчаютъ самыя характерныя ея стороны.

Къ дамкѣ же относится фраза, на которой до сего времени основывали выводъ, будто въ римской игрѣ простыя шашки ходили назадъ; она находится въ стихотвореніи „Похвала Писону", о которомъ далѣе мы будемъ говорить подробно:

Sed tibi quis non terga dedit?

„Но тебѣ кто не обращалъ тыла?" Здѣсь также игра словъ, имѣющая чисто-шашечное значеніе. Въ древней игрѣ, какъ и въ современной англійской, побѣда обезпечивается, конечно, наличностью дамки, но при ограниченности ея силы,—только шагъ на сосѣднее поле,—дамка въ этой игрѣ старается почти всегда напасть на простыхъ сзади, *со спины*, ибо простая назадъ не беретъ. Такимъ образомъ здѣсь получается смыслъ: „кто не допускалъ тебя къ себѣ въ тылъ?", т. е. кто могъ не допустить тебя пройти въ дамки? Смыслъ этотъ имѣлся тѣмъ болѣе, что terga у поэтовъ употреблялось не только въ смыслѣ *тыла, спины*, но означало и *голову*, и все *тѣло*, такъ что тутъ было значеніе „кто не подставлялъ тебѣ тѣлъ?", т. е. своихъ воиновъ.—Въ этой фразѣ вовсе нѣтъ рѣчи объ отступленіи. Да оно и понятно: въ игрѣ, если бы даже шашка отступала, она никоимъ образомъ не могла бы обратить тыла, который у нея можетъ быть лишь по отношенію къ расположенію шашекъ противника, къ направленію ея ходовъ, а никакъ не по отношенію къ виду шашки, къ ея фигурному изображенію. Тѣ, которые хотѣли видѣть здѣсь отступленіе шашекъ, должны допустить, что латинскіе авторы выражались слишкомъ неточно.

Чтобы исчерпать по вопросу о ходахъ шашекъ все содержаніе текстовъ, надо подробно остановиться еще на одномъ словѣ, которое до сего времени не было подвергнуто подробному разбору, хотя оно представляетъ, по моему мнѣнію, одно изъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ.

Въ „Похвалѣ Писону“ встрѣчаемъ стихъ:

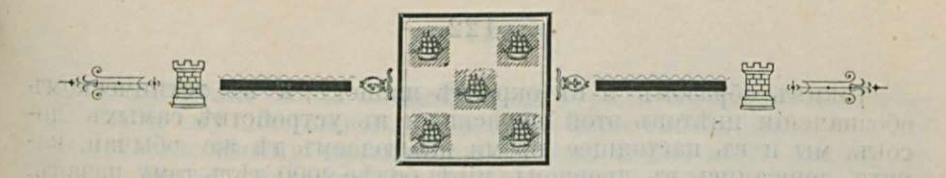
Ancipites subit ille moras,

„тотъ (подходитъ, подвергается) подбирается (подкрадывается) къ *обоюднымъ* размѣнамъ“. Всѣ пишутъ ancipites, но Гайдъ, издавшій свое изслѣдованіе въ 1694 году (позднѣе оно было предметомъ его диссертаціи) и добросовѣстно приводящій многія различныя чтенія текстовъ, здѣсь вовсе не упоминаетъ о разночтеніи и вмѣсто Ancipites пишетъ Anticipes, чего не замѣтилъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ возможно, что это не вовсе безразлично [141]). Какой текстъ вѣрнѣе? Латинскіе словари относятся безразлично къ словамъ anceps и anticeps, считая, ихъ за одно и то же слово лишь съ разнымъ произношеніемъ, а переводчики и не останавливаются на разночтеніи. Конечно, для меня не возможна провѣрка по первоисточникамъ, и я долженъ допускать оба чтенія, хотя одно изъ нихъ, я думаю, непремѣнно филологическая поправка. Лично я склоняюсь къ тому, что редакція Гайда, профессора-филолога и притомъ въ диссертаціи на докторскую степень, вѣрнѣе. Если начертаніе ancipites, то должно переводить его: „онъ подкрадывается къ обоюдно-опаснымъ размѣнамъ“ или „подвергается обоюдно-опаснымъ размѣнамъ“, если же надо читать anticipes, то его можно переводить такимъ же образомъ, но допустимо, что слово это можетъ быть принято за именительный падежъ единственнаго числа, и тогда его можно переводить „берущій впередъ“ (отъ anti и capio):—„тотъ, берущій впередъ, подбирается къ размѣнамъ“. Но вѣренъ-ли такой переводъ, не натяжка-ли онъ? Я не рѣшаюсь въ данномъ случаѣ положительно утверждать этого. Замѣчу только одно, что филологи берутся за поправки, не понимая текста. Далѣе я укажу, что mora есть техническій игровой терминъ о мѣнѣ, которая дѣйствительно можетъ быть обоюдно опасна, ибо вмѣсто предположеннаго выигрыша можетъ повести къ проигрышу, но, не зная этого термина, какъ утверждать, что слѣдуетъ читать ancipites, ежели написано anticipes, что можетъ быть также игровымъ терминомъ, характеристикой простой шашки? Если же переводъ „берущій впередъ“ допустимъ и вѣренъ *), то онъ свидѣтельствуетъ и о томъ, что простая шла только впередъ, ибо во всѣхъ играхъ можно наблюдать, что идущія только впередъ шашки могутъ иногда (какъ въ русской игрѣ) брать и назадъ, но ни въ одной игрѣ не встрѣчается такого сочетанія, чтобы берущая только впередъ шашка, могла ходить назадъ.

---

[141]) Относительно anticipes см. еще стр. 144 и прим. 214.—Редакція, даваемая Гайдомъ, замѣчательна и въ другомъ отношеніи: она не содержитъ въ себѣ одного стиха, который, какъ видно изъ дальнѣйшаго, можетъ быть признанъ вставкою переписчика, не совсѣмъ уже ясно понимавшаго дѣйствительный смыслъ этого мѣста „Похвалы“.

*) Къ кому изъ большихъ филологовъ я ни обращался, всѣ единогласно отрицаютъ возможность производства здѣсь отъ anti и capio, и считаютъ это слово равнозначущимъ ancipites. Но вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ по смыслу текста, а не по мнѣніямъ филологовъ.

XIII.

Мнѣ кажется, у каждаго изъ васъ, русскихъ, въ головѣ цѣлая библіотека.

Эмиль Верхарнъ.

Итакъ, шашки: 1) ходили одинаково; 2) лишь впередъ; 3) проходили въ дамки и 4) были всѣ одной формы.

Какого цвѣта были онѣ? Очевидно господствовала полная свобода, какъ и теперь, но были и основные цвѣта. Въ текстахъ шашки называются большею частію *бѣлыми* и *черными;* въ скриптулѣ вмѣсто черныхъ упоминаются *красныя.* (См. примѣч. стр. 112).

Относительно числа клѣтокъ на доскѣ и числа шашекъ мы будемъ говорить далѣе, теперь же замѣтимъ, что подобно тому, какъ у насъ и особенно въ Западной Европѣ, внутри складной шашечницы часто помѣщаютъ доску триктрака, такъ и у римлянъ, доска съ одной стороны служила для XII линій, а съ противоположной для игры въ latrunculi, какъ видно изъ Марціала (14, ер. 17):

Heic (Hac) tibi (mihi) bis seno numeratur tessera (tabula) puncto, (:)
Calculus heic (hac) gemino discolor hoste perit.

„Здѣсь тебѣ двѣ кости нумеруются точками съ шести сторонъ, тамъ шашка взаимно гибнетъ отъ сугубаго непріятеля“ [142]).

---

[142]) Чтеніе tabula можетъ возбуждать небольшое сомнѣніе, ибо доска дѣлилась линіями, а не точками, однако его нельзя вполнѣ отрицать, что же касается до tessera, то оно можетъ здѣсь означать не только названіе костей, но можетъ быть даже древнѣйшимъ названіемъ *самой игры*, подобно греческой кюбейѣ. Заслуживаетъ вниманія переводъ первой строчки Бекъ де Фукьеромъ (367): Je comprends peut-être cette épigramme un peu différemment des autres traducteurs. Il ne faut pas perdre de vue que ce n'est point le dé qu'il décrit. mais la table; et c'est aux douze lignes, ou mieux aux deux fois six lignes qu'il fait allusion, en disant: ici deux fois le point de six du dé se peut compter; et cette interprétation rentre dans ce que nous avons dit plus haut, que le point de départ du jeu était le dé, avec ses six faces et ses six points.

Я, однако, не углублялся въ смыслъ цитатъ относительно скриптулы, частію потому, что онѣ не касаются шашекъ, главнымъ же образомъ потому, что, даже достигнувъ хорошаго перевода, я былъ бы лишенъ возможности ихъ опубликовать иначе, какъ на свой счетъ, а изслѣдованіе текстовъ о скриптулѣ было бы не менѣе обширнымъ, чѣмъ настоящее. Мои попытки помѣстить свои переводы въ ученые журналы, хотя бы и безплатно, не имѣли успѣха;

Такимъ образомъ и въ окраскѣ шашекъ, и въ техническомъ обозначенiи цвѣтовъ этой окраски, и въ устройствѣ самыхъ досокъ, мы и въ настоящее время наблюдаемъ тѣ же обычаи, какихъ держались въ древнемъ мiрѣ, болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ.

Что доска [143]) служила одновременно для обѣихъ игръ, важно для выясненiя числа шашекъ. Въ скриптулѣ было,—какъ мы почти навѣрно знаемъ[144]), у каждаго игрока по пятнадцати шашекъ. Если бы число шашекъ въ latrunculi рѣзко отличалось отъ скриптулы въ ту или другую сторону, то это не могло бы не проскользнуть въ тѣхъ текстахъ, которые до насъ дошли, да и доску дѣлали двойной, конечно, въ виду удобства пользоваться приблизительно тѣмъ же числомъ шашекъ въ обѣихъ играхъ. Возможно даже, что у римлянъ и въ скриптулѣ было 12 шашекъ.

Въ игрѣ latrunculi было ли у каждаго одинаковое число шашекъ? Несомнѣнно. Сенека (4—65 по Р. Х.) приходитъ въ изумленiе [145]) передъ душевнымъ спокойствiемъ приговореннаго при Калигулѣ (37—41) къ смертной казни Юлiя Кана: „Онъ игралъ

тамъ, какъ оказалось, не переводы стоятъ на первомъ планѣ, а извѣстныя отношенiя, т. е. важно, кто переводитъ, и каково его положенiе въ педагогическомъ или ученомъ мiрѣ, я же ни съ филологами, ни съ учеными ни въ какихъ отношенiяхъ не состою. Все же на случай, замѣчу здѣсь, что имѣющiеся переводы текстовъ о скриптулѣ далеки отъ точности и требуютъ большого и серьезнаго пересмотра.

[143]) Относительно размѣровъ доски сообщаетъ Плинiй старшiй (37,2): Alveus lusorius cum tesseris e gemmis duabus, latus pedes tres, longas pedes quatuor, „Шашечница игральная, съ двумя костями изъ драгоцѣнныхъ камней, шириною фута три, длиною фута четыре“. Эта шашечница, которую Плинiй (23—79 по Р. Х.) называетъ alveus служила для скриптулы, а на обратной ея сторонѣ была tabula latruncularia. Показанные размѣры, конечно, были произвольными, но можно предполагать, что отношенiе сторонъ доски, какъ три къ четыремъ, въ скриптулѣ соблюдалось.

[144]) Изъ эпиграммы у Агаѳiя (IX, 482), оставившаго сборникъ не только своихъ произведенiй, но и нѣкоторыхъ другихъ предшествовавшихъ и современныхъ ему авторовъ; равно также въ испорченномъ, по мнѣнiю Марквардта, Cento virgilianus de alea у Мейера (Anth. lat., 1613, 54=Riese № 8). Въ этомъ, непонятомъ филологами, мѣстѣ рѣчь идетъ, какъ я думаю, о метанiи костей для опредѣленiя, кому какого цвѣта шашками играть.

[145]) Verisimile non est, quae vir ille dixerit, quae fecerit, quam (до какой степени) in tranquillo (въ душевномъ покоѣ) fuerit. Ludebat latrunculis cum centurio agmen periturorum trahens, et illum quoque citari jubet. Vocatus, numeravit calculos et sodali suo (сотоварищу по игрѣ): Vide, inquit, ne post mortem meam mentiaris te vicisse. Tum annuens centurioni: Testis, inquit, eris me uno antecedere. Lusisse tu Canum illa tabula putas. Illusit (Seneca, De tranquil. animi, lib. 14).

Этотъ изумительный и достовѣрный случай былъ впослѣдствiи приписанъ нѣмцами, одними: Конрадину Гогенштауфену, какъ происшедшiй будто-бы съ нимъ въ 1268 году, другими Курфюрсту саксонскому Iоганну Фридриху, проявившему будто бы такое же хладнокровiе при игрѣ въ шахматы съ Герцогомъ Эрнестомъ Брауншвейгскимъ въ 1547 году. Ср. Linde, Gesch., I, 45, 8.

въ латрункули, когда сотникъ, ведя отрядъ осужденныхъ, приказалъ и ему поспѣшить. Позванный пересчиталъ шашки и обратился къ своему противнику: Смотри, послѣ моей смерти не соври, что ты одолѣлъ. Затѣмъ, кивнувъ головою сотнику, сказалъ: Будешь свидѣтелемъ, что у меня одной больше. Полагаешь ли ты, что Канъ выигралъ въ этой партіи?—Онъ шутилъ!“

Итакъ, потеря одной шашки была важна такъ же, какъ и теперь; вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ текстъ. Конечно, это могло быть лишь въ строгой игрѣ разсчета, гдѣ число шашекъ было одинаково, и случайности не играли роли.

Выставлялись ли всѣ шашки сразу на доску, или же, какъ (неизвѣстно, почему) предполагалъ фонъ деръ Лаза, вводились въ игру постепенно, подобно современной мельницѣ? И на это найдемъ мы косвенный отвѣтъ въ „Похвалѣ Писону“, гдѣ говорится, что „Съ открытіемъ партіи коварно-хитро мѣняется шашка, и стеклянным воинствомъ ведутся битвы“. Здѣсь видно, что борьба начинается сразу, и шашка хитро *играетъ*, а не просто ставится на доску до времени, пока наступитъ чередъ игры. Въ скриптулѣ также всѣ шашки выставлялись на доску одновременно передъ началомъ партіи. Впрочемъ я останавливаюсь на этомъ вопросѣ лишь для того, чтобы лишить придирчивую критику возможности сдѣлать формальное возраженіе, опираясь на авторитетъ фонъ деръ Лазы; извѣстно, что ничто такъ не опасно для истины, какъ устарѣлая ошибка.

Перейдемъ снова къ способу взятія.

Мы съ достаточною ясностью показали, что шашка бралась такъ же, какъ и теперь, т. е. перескакиваніемъ, что gemino hoste значитъ „отъ удваивающаго свой ходъ непріятеля“; однако, это можетъ быть подкрѣплено еще болѣе.

Бекъ де Фукьеръ, доказавшій, что скриптула была первообразомъ триктрака, высказавшій догадку, что римлянамъ была извѣстна и мельница въ ея простѣйшей формѣ, указываетъ, что Овидій вслѣдъ за игрою latrunculi упоминаетъ и про игру солитеръ. „Располагаютъ, говоритъ онъ, легкіе шарики (pilae leves) на столѣ съ пустотами (reticulo), который имѣютъ предъ собою; и нельзя двинуть ни одного шарика безъ того, чтобы не снять какого-нибудь“ [146]). Нельзя не отдать должнаго проницательности французскаго ученаго и не согласиться съ тѣмъ, что это дѣйствительно игра солитеръ (пустынникъ, одиночка) [147]). Овидій

---

[146]) Nisi quam tolles (Бекъ де Фукьеръ объясняетъ, что здѣсь quam вмѣсто aliquam, по причинѣ предшествующаго nisi).—Большая часть переводчиковъ, и комментаторовъ, говоритъ онъ, хотѣли видѣть здѣсь описаніе игры въ мячъ, но это не вѣрно. Игра описана среди пяти игръ, изъ коихъ четыре разыгрывались на столѣ: кости, latrunculi, игра двѣнадцати линій и мельница; очевидно, что она относится къ этому же разряду, и кромѣ того, Овидій далѣе описываетъ, что мужчины имѣютъ болѣе обширный выборъ въ играхъ, и здѣсь дѣйствительно говоритъ объ игрѣ въ мячъ (l. c., p. 418—421).

[147]) Современная игра эта, для одного, состоитъ въ томъ, что на доскѣ въ тридцать три мѣста, расположенныхъ по три въ рядъ крестообразною фигурою

не описываетъ самаго способа взятія, но то обстоятельство, что онъ упоминаетъ объ игрѣ непосредственно вслѣдъ за „дружинниками“, показываетъ, что способъ этотъ былъ одинаковъ съ игрою latrunculi. Такимъ образомъ является еще новое доказательство нашего перевода слова geminus. Шашка въ солитерѣ не только беретъ, перескакивая черезъ убиваемую, но едва ли возможно (даже нарочно) придумать для нея какой-нибудь новый пріемъ взятія, который въ корень не уничтожилъ бы замысловатости этого шашечнаго пасьянса.

Какъ ни кратко упоминаніе объ игрѣ солитеръ, оно, при скудости извѣстій объ римскихъ играхъ, имѣетъ все же существенное значеніе; изъ него мы видимъ, во-первыхъ, что до насъ дошла игра, которая легче другихъ могла погибнуть, благодаря своему малому интересу, а во-вторыхъ, что у римлянъ существовала игра, которая вся въ томъ только и состояла, чтобы брать.

Такъ, идя шагъ за шагомъ, отъ текста къ тексту, мы находимъ и косвенныя подтвержденія, и прямыя доказательства, что игра римская latrunculi была простыми шашками. Въ игрѣ солитеръ рѣшеніе этой задачи, конечно, не ограничивалось взятіемъ въ одинъ ходъ по одной лишь шашкѣ, въ подходящихъ случаяхъ брали и по нѣскольку, какъ въ шашкахъ. Отсюда мы можемъ заключить, что въ игрѣ latrunculi брали по нѣскольку шашекъ заразъ. И, дѣйствительно, изъ „Похвалы Писону“ мы видимъ, что не только одинъ игрокъ отбиралъ у другого бо́льшее количество шашекъ (чего возможно достигнуть, подобно шахматамъ, и отбирая по одной шашкѣ въ ходъ), но и ясное выраженіе о возможности взятія нѣсколькихъ шашекъ въ одинъ ходъ; тамъ говорится, что „шашка, похожая на обложенную, сама облагаетъ двухъ“. Но мы имѣемъ еще не мало доказательствъ.

Сохранилось интереснѣйшее упоминаніе объ обязательности

(во французской доскѣ въ углахъ прибавляютъ еще по одному мѣсту, такъ что всего получается тридцать семь мѣстъ), всѣ ямки заполняютъ шариками, обыкновенно изъ полосатаго многоцвѣтнаго стекла; затѣмъ одинъ шарикъ снимается, а прочіе надо удалить всѣ, кромѣ одного послѣдняго, убивая ихъ скачкомъ черезъ шашку, какъ бьетъ простая въ русской игрѣ, съ тѣмъ отличіемъ, что ударъ доканчивать не обязательно: можно по произволу остановиться и начать брать любою иною шашкою. Доску для этой игры дѣлаютъ круглою, хотя въ этомъ надобности нѣтъ. У насъ игра эта мало извѣстна, (не имѣетъ даже мѣткаго русскаго прозвища) и относится къ дѣтскимъ; она и описывается въ дѣтскихъ сборникахъ игръ; въ Италіи же описанія этой игры вмѣстѣ съ партіями помѣщаются въ шашечныхъ руководствахъ и разыгрываются на шашечницѣ 24-мя шашками. См. *Michelangello Lanci*, Tratato del giuoco di dama. 1837. I, 136 (della partita del salitario).—Вотъ одна партія. Шашки ставятся на поляхъ c1, d2, e3, f4, на всей большой дорогѣ и на всѣхъ поляхъ лѣвѣе ея, и игра идетъ такъ: 1.e7 : g5; 2.h8 : f6; 3.c5 : e7; 4.f8 : d6; 5.a7 : c5; 6.d8 : b6; 7.c5 : e7; 8.a5 : c7; 9.b8 : d6; 10.a3 : c5; 11.d2 : b4; 12.a1 : c3 13.b4 : d2; 14.d4 : f2; 15.c1 : e3; 16.f2 : d4; 17.c5 : e3; 18.f6 : h4; 19.e3 : g5; 20.h4 : f6; 21.e7 : g5; 22.d6 : f4; 23.g5 : e3. Шашки при этомъ могутъ быть бѣлыя: на e3, e5, e7, g7 и линіяхъ a и c; черныя: на f4, f6, f8 и h8 и на линіяхъ b и d. Въ изданіяхъ примѣч. 82-го есть книжка, посвященная этой игрѣ. Она лучше другихъ выпусковъ.

взятія. Овидій въ „Искусствѣ любить“ (lib. 2, 207) даетъ совѣты влюбленному, какъ лучше угодить возлюбленной, и говоритъ, что играя въ latrunculi:

Sive latrocinii sub imagine calculus ibit,
Fac pereat vitreo miles ab hoste tuus.

Это обыкновенно филологи переводятъ такъ:

„Если по образу грабежа идетъ шашка, сдѣлай, чтобы погибъ твой воинъ отъ стекляннаго непріятеля“. Онъ совѣтуетъ поддаться и проиграть. Такой совѣтъ могъ имѣть смыслъ и значеніе лишь въ томъ случаѣ, если существовала обязательность взятія, хотя бы и не полная, напримѣръ, подобно туркестанскимъ шашкамъ. Сама фраза, взятая отдѣльно, безъ связи съ другими текстами, безъ выясненія ея внутренняго смысла, можетъ быть принята за простой совѣтъ не защищаться, допустить потерю своей шашки. Бекъ де Фукьеръ не придаетъ ей значенія. Онъ считаетъ этотъ текстъ наиболѣе простымъ (le plus simple [148]), а фонъ деръ Лаза вовсе даже этого текста не приводитъ. Между тѣмъ онъ имѣетъ значеніе и очень важное. Во-первыхъ, изъ него явствуетъ, что шашка брала шашку, а не двѣ одну, а во-вторыхъ, онъ свидѣтельствуетъ объ обязательности взятія.

Было бы ошибочно, однако, думать, что мы здѣсь дѣлаемъ натяжку, отыскивая въ простомъ, повидимому, совѣтѣ поддаться указаніе на обязательность взятія. Послѣдняя вытекаетъ не изъ приводимой фразы, а составляетъ логическую необходимость, является непремѣннымъ слѣдствіемъ закона движенія однообразныхъ шашекъ по направленію лишь впередъ. При полной свободѣ не брать подставленныхъ шашекъ, игру сталъ бы выигрывать всегда кто-нибудь одинъ, т. е. либо начинающій, либо вторая рука (соотвѣтственно тому, возможно ли для второй руки повторять ходы начинающаго, или же, по устройству игры, этого дѣлать будетъ нельзя). Такимъ образомъ, коль скоро мы основываемся на положеніи, что шашки были *всѣ одинаковы* и шли *только впередъ*,—мы *обязаны допустить*, что *непремѣнно должно было существовать и правило о понужденіи брать подставленныя шашки*.

Совѣтъ Овидія интересенъ въ другомъ отношеніи. Что значитъ *по образу грабежа*, sub imagine latrocinii? Вѣдь не имѣлъ же намѣренія поэтъ сказать здѣсь: „допусти гибель своей шашки, ежели на нее нападетъ чужая, если же нападенія нѣтъ, то и не отдавай“? Это было бы нелѣпостью, и переводъ Бекъ де Фукьера не вѣренъ. Само собою понятно, что въ игрѣ, гдѣ выигрываетъ тотъ, кто отберетъ всѣ чужія шашки, для того, чтобы проиграть, надо отдавать свои; тутъ не къ чему было упоминать о нападеніи противника. Совѣтъ поддаться и проиграть могъ быть изложеннымъ проще и короче. И, дѣйствительно, про скриптулу, въ которой поэтъ также учитъ проигрывать, совѣтъ этотъ выраженъ

---

148) „Si une pièce s'avance comme pour une attaque, fais que ton soldat périsse sous un ennemi de verre“. Ces vers ne renferme qu'une allusion générale au jeu et ne demande pas d'autre explication. (См. стр. 84).

иначе [149]). Кромѣ этого само слово latrocinium заслуживаетъ вниманія. Во времена Овидія оно несомнѣнно значило вообще: *грабежъ, разбой*, но ранѣе оно означало другое, именно *службу военную, службу солдатскую*, а мы уже видѣли, что какъ терминъ игры слово latro не потеряло своего боевого значенія; то же должно было быть и въ словѣ latrocinium. Такимъ образомъ здѣсь былъ еще смыслъ: „Если по образу войны, т. е. для побѣды, идетъ шашка, то“ и т. д. По моему мнѣнію, выраженіе sub imagine latrocinii составляетъ техническій терминъ, не менѣе важный, чѣмъ описаніе игры посредствомъ способа взятія (gemino hoste), ибо въ немъ встрѣчается *старинное* слово, измѣнившее свой смыслъ у самихъ римлянъ. Терминъ этотъ означаетъ не самый фактъ случайнаго, единичнаго, нападенія на какую-либо одну шашку, какъ понимаетъ Бекъ де Фукьеръ, и что могло бы быть выражено обыкновенными словами, а описываетъ *способъ веденія игры*, и латинскіе глаголы должно переводить многократнымъ видомъ: „Если какъ на войнѣ (по образу грабежа) *будетъ ходить* шашка, то дѣлай, чтобы *погибалъ* твой воинъ отъ стекляннаго непріятеля“, т. е. „если игра будетъ вестись на обираніе, то допускай гибель твоего войска отъ непріятельскаго“, иными словами: существовала еще другая система игры, гдѣ шашка ходила не для завоеванія, не для обиранія, гдѣ отдавать для проигрыша *не слѣдовало*. Выраженіе sub imagine latrocinii есть терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій нашему выраженію „игра въ крѣпкія“, и его употребленіе Овидіемъ даетъ не только точный смыслъ совѣту, но свидѣтельствуетъ, что *римлянамъ были извѣстны и поддавки*, иначе не представлялось надобности подробно указывать и притомъ древними словами, когда именно слѣдовало отдавать шашки, а сами поддавки могли существовать, конечно, только при наличности болѣе или менѣе строгой обязанности брать подставляемыя шашки.

Терминъ sub imagine latrocinii интересенъ еще и въ смыслѣ опредѣленія самой древности игры, которая, судя по нему и по слову latro, была извѣстна до Плавта, употреблявшаго эти слова еще въ ихъ первоначальномъ значеніи.

Принудительность взятія подкрѣпляется также выраженіемъ изъ „Похвалы Писону“: „Какая изъ твоихъ обреченныхъ на гибель шашекъ (сама) не губила непріятельской?“

Само техническое выраженіе perit gemino hoste также содержитъ въ себѣ указаніе на принудительность взятія; дѣло въ томъ, что gemini означало *близнецовъ*, но не простыхъ, лишь родившихся одновременно, а примѣнялось и для означенія близнецовъ недѣлимыхъ, сросшихся между собою, подобно извѣстнымъ Сіамскимъ близнецамъ [150]), слѣдовательно geminus hostis заключаетъ въ себѣ

---

[149]) Тамъ онъ просто говоритъ, что бросать кости и играть по нимъ слѣдуетъ дурно: Seu ludet (sc. Proca) numerosque manu jactabit eburnos, Tu male jactato, tu male jacta dato.

[150]) Къ слову замѣчу: въ біографіи этихъ близнецовъ каталогъ музея Гаснера (М. 1878. 84 стр.) указывалъ, что они „играли хорошо въ шахматы, однако, не играли между собою, а всегда съ чужими“.

смыслъ, что непріятель не можетъ разойтись съ своимъ врагомъ, неразрывно связанъ съ шашкою, которую ему надлежитъ взять,—это идея боя на смерть [151]).

Итакъ, брать было обязательно; но такъ ли строго соблюдалось это правило, какъ у насъ, свидѣтельства мы не имѣемъ. Мы можемъ лишь догадываться объ этомъ по общему положенію игры въ древнемъ мірѣ, по ея широкому развитію и по свѣдѣніямъ о другихъ играхъ. Все это вмѣстѣ взятое въ связи съ тою точностью, которая такъ рѣзко проявилась въ Римѣ въ разработкѣ общихъ законовъ, въ ихъ примѣненіи на судѣ, даетъ основаніе думать, что обязательность взятія, по крайней мѣрѣ въ эпоху процвѣтанія Рима, была самою строгою и подробно разработанною, до мелочей. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ шахматахъ не одно столѣтіе господствовала большая путаница въ разработкѣ различныхъ правилъ, въ шашкахъ уже въ старинныхъ изданіяхъ (напримѣръ, въ учебникѣ Pierre Mallet'a 1668 г.) предусмотрѣны и разрѣшены различные случаи взятія. Такая точная разработка правилъ, на всѣ случаи, конечно, явилась по традиціи отъ древнихъ, не была самостоятельною, иначе она проявилась бы въ это же время и въ шахматахъ. (См. примѣч. 138).

Такимъ образомъ прямого, совершенно яснаго, отвѣта объ обязательности брать—тексты не даютъ, но различныя подробности объ играхъ достаточно уясняютъ вопросъ. Сенека (Ep. 106) пишетъ: Latrunculis ludimus: in supervacuis subtilitas teritur:—„Играемъ въ дружинники—на досугѣ изощряется острота соображенія". Въ другомъ мѣстѣ (Ep. 117) онъ говоритъ:

Nemo, qui ad incendium domus suae (своего дома) currit, tabulam latruncularіam perspicit (ut sciat), quomodo alligatus exeat calculus.

„Ни одинъ (человѣкъ), который бѣжитъ къ себѣ на пожаръ, не станетъ разсматривать шашечной партіи (чтобы узнать), какимъ образомъ вывернется обложенная шашка".—Это говоритъ намъ, что играли, очевидно, много; повсюду; играли на улицахъ, и игра была такъ общеизвѣстна и любима, что прохожіе останавливались, интересуясь трудными положеніями; проходили мимо только тогда, когда было спѣшное дѣло, въ родѣ, напримѣръ, пожара.

Про другую игру, не менѣе распространенную, чѣмъ latrunculi, про линейку (scriptula), сохранились любопытныя подробности. Публій Муцій Сцевола (=Лѣвша), юристъ, бывшій въ 153 году до Р. Х. консуломъ, игралъ въ нее превосходно [152]). Квинти-

---

[151]) О близнецахъ вообще, народныхъ повѣрьяхъ о нихъ и обычаяхъ см., между прочимъ, Э. Б. Тейлоръ: „Доисторическій бытъ человѣчества". Переводъ Е. Валицкой. М. 1868, стр. 143. Здѣсь онъ сообщаетъ: „Извѣстно, что въ большей части Африки преобладаетъ обычай, что когда родятся близнецы, то одного изъ нихъ, или обоихъ, немедленно убиваютъ. У племени Виніамвези одного изъ двухъ ребенковъ всегда убиваютъ".

[152]) Цицеронъ сообщаетъ о немъ: Pila bene et duodecim scriptis ludere, proprium esse juris civilis quoniam utrumque P. Mucius optime fecerit (De oratore, I, 50).

ліанъ (35—118 по Р. Х.) указываетъ на его изумительную память: „Сцевола въ игрѣ двѣнадцати линій, когда первый продвинулъ шашку, проигралъ; по дорогѣ въ деревню, повторивъ порядокъ всего состязанія и припомнивъ, на какомъ ходѣ онъ ошибся, возвратился къ тому, съ кѣмъ игралъ, и тотъ согласился, что это такъ и произошло“ [153]).

---

[153]) An vero Scaevola in lusu duodecim scriptorum, cum prior calculum promovisset, essetque victus, dum rus tendit (dum ostendit) repetito totius certaminis ordine, quo dato errasset, recordatus, rediit ad eum quicum luserat; isque ita factum esse confessus est (Quintil., XI, 2^2, de memoria).—Выраженіе *первый продвинулъ шашку* не значитъ, что онъ начиналъ игру (какъ это принимаютъ нѣкоторые), ибо это обстоятельство въ скриптулѣ не имѣло ни малѣйшаго значенія. Слова эти надо понимать въ томъ смыслѣ, что либо онъ первый перешелъ съ своей стороны доски на половину противника, либо что онъ первый сбросилъ съ доски шашку.—Quo dato,—что̀ было дано, т. е. что̀ сдѣлано сообразно выпавшимъ очкамъ костей, слѣдовательно означаетъ ходъ, передвиженіе шашекъ.—До какой степени путаются филологи въ пониманіи игровыхъ текстовъ, можно видѣть изъ такого примѣра. У грековъ была такая же игра съ костями, какъ и скриптула, только разыгрывалась она не съ двумя костями, какъ въ Персіи и у Римлянъ, а съ тремя. Въ новѣйшее время она именовалась тавлея, въ древнѣйшія же времена носила названіе кюбейи (отъ *κύβος*, откуда *кубъ*). Въ одномъ греческомъ текстѣ (Artemid., Oneir. 3, 1), гдѣ игра не названа прямо, а говорится объ игрѣ въ шашки вообще *(ψῆφος)* есть фраза, гдѣ одни читаютъ *πλείονας*, а другіе *μείονας*, отъ чего въ одномъ случаѣ получается смыслъ „такъ какъ при большемъ числѣ шашекъ онъ остается проигравшимъ“, въ другомъ же—„при меньшемъ“. И то, и другое чтеніе можетъ быть справедливо, но meionas составляетъ поправку подлинника. Чтобы рѣшить вопросъ о вѣрности этой поправки, необходимо въ точности выяснить, о какой игрѣ идетъ здѣсь рѣчь. Для этого данныхъ пока мало, ибо греческія извѣстія объ играхъ скудны до крайности. Если это мѣсто относится къ кюбейѣ, то общепринятое чтеніе (pleionas) обязательно. Такъ это и дѣлаетъ Gronovius, указывая, что въ этой игрѣ проигрываетъ тотъ, у кого шашекъ осталось больше (выиграетъ тотъ изъ двухъ, кто раньше противника сброситъ съ доски свои шашки), но извѣстный І. Марквардтъ (1812—1882), считающійся въ ученомъ мірѣ (особенно у нѣмцевъ) однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древностей, не хочетъ съ этимъ согласиться. Онъ самый текстъ греческій относитъ почему-то къ игрѣ latrunculorum, а въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о чтеніи meionas ссылается какъ разъ на тексты о скриптулѣ, гдѣ въ извѣстіи о Сцеволѣ слова quo dato понимаетъ „при потерѣ какой шашки“. Получается путаница. Въ скриптулѣ (какъ и въ нардѣ) нельзя ни спасти своей шашки, ни по произволу допустить ея потерю, такъ какъ она не находится подъ ударомъ въ продолженіе нѣсколькихъ ходовъ и, кромѣ того, убитая вновь поступаетъ въ распоряженіе прежняго владѣльца, затрудняя его игру. Иными словами, если бы даже quo dato дѣйствительно означало „при потерѣ какой шашки“, то и въ этомъ случаѣ у проигрывающаго оказалось бы шашекъ *больше*, и чтеніе pleionas обязательно. Если же текстъ относится не къ кюбейѣ, то нельзя въ разъясненіе его ссылаться на скриптулу. Такимъ образомъ видно, что филологи-изслѣдователи рѣшаютъ вопросы, не только не будучи знакомы съ игрою, но не желая даже и узнавать ея характера. Этотъ же Марквардтъ

Здѣсь удивительна не только память Сцеволы, но и его партнера.

Авзоній, учитель краснорѣчія и грамматики въ Бордо, воспитатель Граціана, назначившаго его въ 379 г. по Р. Х. консуломъ въ Галліи (т. е. Франціи), передаетъ (Commemoratio professorum Burdigalensium I), что ораторъ Тиберій Викторъ Минервій могъ вспомнить въ скриптулѣ всѣ сочетанія костей и возстановить всѣ ходы [154]), какіе были сдѣланы и какіе пропущены.

Светоній (см. стр. 114) сообщаетъ (*Cl.* XXXIII) про императора Клавдія (9—54 по Р. Х.), что онъ страстно предавался этой игрѣ и издалъ о ней книгу. Любя играть въ дорогѣ, онъ такъ приспособилъ шашечницу въ повозкѣ, чтобы игра не сбивалась [155]).

Замѣтимъ, что партіи въ триктракѣ длятся довольно долго. Въ большомъ нардѣ, какъ онъ играется теперь на Кавказѣ, надо для обоихъ игроковъ бросать кости 150 и болѣе разъ, т. е. каждому сдѣлать 75 „ходовъ“, а въ каждомъ ходѣ переставляется обыкновенно двѣ шашки, а иной разъ и четыре. Чтобы запомнить подобную партію, необходимо изучить игру до тонкости подобно тому, какъ изучены теперь извѣстными любителями шашки и шахматы, а при такомъ развитіи игры обязательность взятія шашекъ въ игрѣ latrunculorum не можетъ подлежать сомнѣнію: она должна была быть самою строгою.

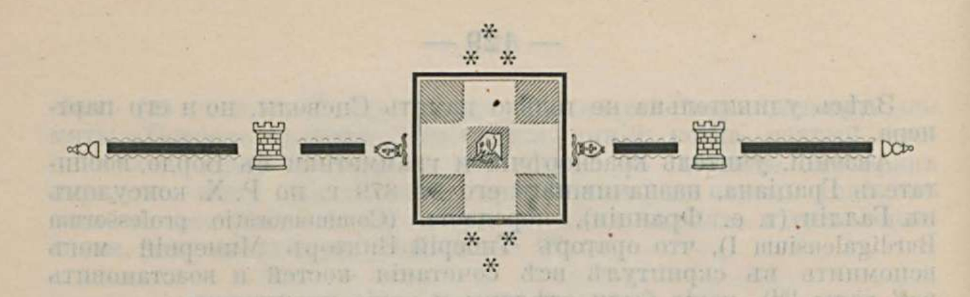
Одинъ текстъ о скриптулѣ даетъ любопытную подробность. У Цицерона (Non.) читаемъ: „Итакъ, я уступаю тебѣ, какъ это у насъ въ обыкновеніи въ игрѣ двѣнадцати линій, отвести назадъ шашку, если ты раскаиваешься въ какомъ-нибудь ходѣ“ [156]). Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ игрѣ latrunculi ходы не мѣнялись, иначе Цицеронъ не отмѣтилъ бы съ такою точностью, что это дѣлается или дѣлалось раньше именно въ скриптулѣ.

про реставрацію двѣнадцати линій Бекъ де Фукьеромъ, реставрацію заслуживающую самаго глубокаго почета (несмотря на то, что многія мѣста переведены неточно) пишетъ: „Фукьеръ, стр. 357 и слѣд., старается дать объясненіе этой игры“. При такомъ отношеніи къ дѣлу трудно прійти къ какому либо серьезному выводу.

[154]) Vidimus et quondam tabulae certamine longo, Omnes qui fuerant enumerasse bolos, Alternis vicibus quos praecipitante rotatu Fundunt excisi per cava buxa gradus; Narrantem fido post singula puncta recursu, Quae data per longas, quae revocata moras (manus). Такъ приводитъ цитату Гайдъ, Фонъ деръ Лаза же двѣ среднихъ строки пропускаетъ.

[155]) Aleam studiosissime lusit: de cujus arte librum quoque emisit: solitus etiam in gestatione ludere, ita essedo alveoque adoptatis, ne lusus confunderetur.

[156]) Itaque tibi concedo, quod in duodecim scriptis solemus, ut calculum reducas, si te alicujus dati poenitet. Гайдъ на стр. 10-й Nerdiludii даетъ это чтеніе согласно съ другими, а на 34-й стр., вмѣсто solemus пишетъ olim, понимая это слово въ смыслѣ „въ старину“. [Кронебергъ говоритъ, что olim означаетъ время прошедшее (нѣкогда), настоящее (иногда) и будущее (впредь), такъ что если чтеніе olim вѣрнѣе, то текстъ можетъ дать поводъ къ сомнѣнію, особенно въ полемикѣ].

XIV.

Утвержденіе „Nomina si pereat, perit et cognitio rerum“ не всегда справедливо: иногда можно догадываться объ исчезнувшихъ терминахъ.

Д. С.

Относительно шашечницы филологи сообщаютъ, что она называлась ťabula latruncularia, *доска шашечная*, tabula lusoria, доска игровая. Первоначальное значеніе, конечно, было таково, но затѣмъ выраженіе это, по моему мнѣнію, когда оно употреблялось безъ опредѣленія, относилось уже не спеціально къ доскѣ, а понималось и въ смыслѣ *шашечной партіи*. Это видно, какъ изъ нѣкоторыхъ фразъ латинскихъ, болѣе ясныхъ при такомъ переводѣ, такъ и изъ дальнѣйшаго употребленія этого слова въ игровой практикѣ, и изъ судьбы его въ новѣйшихъ языкахъ. Извѣстно, что въ трактракѣ полный кругъ игры состоитъ изъ двѣнадцати партій, и вотъ въ средніе вѣка игра эта получила наименованіе ludus tabularum, jeu des tables, какъ игра *партій* по преимуществу. Конечно названіе это шло изъ классическаго міра. Такъ, у Авзонія [157]) встрѣчается выраженія (Hyde, II, 1) ad tabulam ludere въ смыслѣ игры въ скриптулу.

Съ другой стороны является вопросъ, какими словами римляне называли розыгрышъ въ игрѣ latrunculi? Ничьи должны были случаться часто, но въ подлинникахъ не дошло до насъ ихъ наименованія. Я думаю, что выраженіе для этого было tabula remissa, и что изъ этого, не дошедшаго до насъ термина, образовались названія ничьей: испанское tabla и tablas [158]), французское и нѣмецкое remis [159]).

---

[157]) Приблизительно 309—344 гг. Біографію его см. *Поль Гиро*. Частная и общественная жизнь римлянъ. Пер. съ франц. Спб. 1899. Изд. Пантелѣева.—Доска въ игрѣ XII линій называлась tabula aleatoria, alveus, alveus lusorius.

[158]) См., напр., вышеприведенное во II гл., въ примѣч. 28, заглавіе книги Лоренцо Вальса 1547 г.: „съ однимъ окончаніемъ (lance) въ концѣ, которое Педро Рюисъ Монтеро даетъ въ своей книгѣ за выигранное, и которое есть принудительно ничья (tabla forçoso)“.

[159]) Отсюда же и русское *ремизъ*, получившее, впрочемъ, иной смыслъ, именно проигрыша неокончательнаго, но такого, гдѣ въ выигрышѣ остается

Игра въ шашки, какъ извѣстно, во всѣхъ ея болѣе или менѣе распространенныхъ видахъ, отличается отъ шахматъ и нарда не только обязательностью взятія, но и слѣдствіемъ этого закона: относительно рѣдкою возможностью выигрыша; ничьи въ шашкахъ, между равносильными игроками, происходятъ очень часто. То же должно было быть и въ игрѣ римской.

Флавій Вопискъ, писатель III вѣка, въ біографіи Прокула (XIII), разсказываетъ случай изъ жизни этого анти-императора: когда на одномъ пиру въ Ліонѣ, играя въ latrunculi, Прокулъ вышелъ десять разъ подъ рядъ въ императоры, одинъ изъ присутствовавшихъ при игрѣ, любившій шутку, принесъ зимнюю красную мантію, накинулъ ему на плечи и привѣтствовалъ: Ave Auguste! [160])

Значеніе этого извѣстія по отношенію къ игрѣ также до сего времени не объяснено. Нѣкоторые хотѣли видѣть здѣсь намекъ на шахматы, другіе, по неизвѣстной причинѣ, выводили отсюда, что императоромъ называлась шашка, прошедшая на край доски! Ничего этого здѣсь нѣтъ, и самый текстъ очень простъ. Въ переводѣ его важно лишь то, что Прокулъ выходилъ въ императоры не просто десять разъ, а *подрядъ десять разъ*. Это указываетъ, что въ latrunculi выигрышъ достигался рѣдко, ничьи случались часто, и побѣда подрядъ въ нѣсколькихъ партіяхъ обращала на себя вниманіе [161]).

игра, столъ. Терминъ „ремизъ“ утвердился въ игрѣ карточной и почти не встрѣчается въ шахматно-шашечной литературѣ. Ив. Бутримовъ, въ своемъ шахматномъ руководствѣ 1821 г., впрочемъ, пишетъ: „Если которому игроку должно будетъ ходить непремѣнно царемъ, но сей приведенъ игрою въ такое положеніе, что ему шахъ и матъ не сказано, а стать будетъ некуда, не подвергаясь шаху, то сіе называется Патъ; игра оканчивается по условію: или ничьею, или слѣдующая увеличивается въ ея достоинствѣ (Ремизъ)“.—стр. 12.

[160]) Nam cum in quodam convivio ad latrunculos luderetur, atque ipse decies imperator exisset, quidam non ignobilis scurra, AVE, inquit, AUGUSTE, allataque loena purpurea, humeris ejus junxit (humeros ejus vinxit).—„Прокулъ, произшедши отъ родителей, извѣстныхъ по разбойничеству, и научившись отъ нихъ сему ремеслу, дерзостью и чрезвычайною силою тѣлесною добился до главнаго начальства надъ нѣсколькими римскими легіонами въ Галліи во время безпокойнаго правленія Авреліанова (270—275 по Р. Х.)... Ліонскіе жители, которые ничего не ожидали хорошаго отъ императора Проба (276—282), и которые можетъ быть задумали давно посадить Прокула на его мѣсто, исполнили предзнаменованіе. Шутка обратилась въ дѣло, и Прокулъ возглашенъ императоромъ, хотя на самое короткое время“. *Россійскій Музеумъ*, изд. Влад. Измайловымъ. Ч. IV, М. 1815. Переводъ статьи Виланда „О древнѣйшихъ играхъ“.

[161]) Возможно, однако, что „императоромъ“ именовался не просто выигравшій партію, а выигравшій ее какимъ нибудь особымъ образомъ, напримѣръ, не проводя своихъ простыхъ въ дамки, или не допустивъ противника сдѣлать дамки, или оставшись съ извѣстнымъ излишнимъ количествомъ шашекъ, а, можетъ быть, и заперевъ шашку противника. Это, конечно, навсегда останется неизвѣстнымъ, если не сохранилось въ какомъ нибудь видѣ указанія по традиціи у преемниковъ римской цивилизаціи. Такъ, въ шашечномъ учебникѣ Ма-

Что касается до обычая называть побѣдителя „императоромъ", то онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ представленію древнихъ объ игрѣ, какъ о военномъ сраженіи. Изъ „Похвалы Писону" мы увидимъ, что игрокъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ военнымъ характеромъ, назывался вождемъ, предводителемъ,—dux.

Перейдемъ теперь къ запиранію шашекъ. Кромѣ данныхъ изъ энциклопедіи еп. Исидора, мы имѣемъ еще текстъ (VII, ep. 72) изъ Марціала (40—102 г.):

Sic vincas Novium Publiumque,
Mandris et vitreo latrone clusos.

Здѣсь слово mandra, въ связи съ малопонятнымъ выраженіемъ въ „Похвалѣ Писону" fracta mandra, давало изслѣдователямъ обширное поле для разныхъ фантастическихъ предположеній. Никто не понялъ значенія этого слова въ примѣненіи къ игрѣ, между тѣмъ, разъ она сама выяснена, смыслъ его становится довольно простъ и понятенъ.

Объясняли слово mandra по разному. Вернсдорфъ (Poetae lat. minores. 1785.) придалъ этому слову значеніе пѣшекъ, стоявшихъ будто-бы на доскѣ во второмъ ряду, передъ офицерами, подобно шахматнымъ пѣшкамъ, хотя,—какъ мы видимъ,—ни въ одномъ текстѣ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на то, что онѣ стояли, ни на второй рядъ клѣтокъ. Нелѣпое предположеніе Вернсдорфа перешло почти во всѣ, составленные филологами, словари и комментаріи (особенно нѣмецкіе [162]).

Нѣсколько проницательнѣе былъ Бекъ де Фукьеръ. Онъ понималъ, что mandra означаетъ клѣтку доски, но находясь подъ вліяніемъ фантазіи Вернсдорфа и его послѣдователей, принялъ, что оно означало *клѣтку, занятую пѣшкою*. Но и это не вѣрно.

Mandra, мандра,—слово не латинское. Оно встрѣчается и въ греческомъ языкѣ и значитъ *тырло, загонъ*, вообще мѣсто, куда загоняли скотъ, чтобы онъ не разбѣжался. Впослѣдствіи по-гречески оно стало означать *монастырь*. Въ современномъ русскомъ языкѣ оно сохранилось въ словѣ *архимандритъ*, что значитъ начальникъ монастыря. В. И. Даль кромѣ того даетъ это слово какъ сибирское, гдѣ оно означаетъ *твердую землю, материкъ*, вообще берегъ по отношенію къ морю, къ водѣ; „добрался до мандры".—По свидѣтельству извѣстнаго кіевскаго любителя шашекъ, слова *мандровать, помандровать* и теперь обычны на югѣ Россіи въ просторѣчіи въ смыслѣ „двигаться, отпра-

---

нури 1770 г. сообщается о курьезномъ обычаѣ (въ старо-французской игрѣ): выигравшій партію такъ, что противникъ не успѣлъ еще пройти въ дамки, въ правѣ заставить побѣжденнаго, въ видѣ наказанія, поцарапать снизу шашечницу: „le vainqueur est en droit de faire grater au vaincu le dessous du damier: cette punition étoit plus en usage aux dames à la Françoise". (Balédent, II, 607).

[162]) Вотъ, напримѣръ, какъ пишетъ Паули: „Наравнѣ съ этимъ были еще мандры, соотвѣтствующія пѣшкамъ въ шахматной игрѣ; онѣ имѣли мало собственнаго движенія, а преимущественно служили для защиты важнѣйшихъ шашекъ и для запиранія противника. Вмѣстѣ съ этимъ mandrae, вѣроятно, были названы такъ потому, что имѣли нѣкоторое сходство по своему наружному виду съ телѣгами (для баррикадъ). По крайней мѣрѣ Марціалъ отличаетъ mandris et vitreo latrone clusos".—Замѣчательное объясненіе!

вляться, особенно въ чужіе края". Въ прошломъ году около Москвы ловили ушедшую изъ гусарскаго полка и одичавшую лошадь (см. „Голосъ Москвы", 1913 г., 6, IV, № 80). Описывая подробно самую ловлю и выясняя характеръ такихъ, не переносящихъ неволи, лошадей, Вл. Гиляровскій (ib. „Охота за дьяволомъ") сообщаетъ: „Старые казаки задонскіе знаютъ, что такія лошади—бродячія по природѣ—существуютъ и, убѣжавъ, цѣлыми годами „мандруютъ" по такимъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ человѣка.—Такихъ въ старину называли:—„Конь Мандрыка".—Латинскіе словари, кромѣ загона и хлѣва даютъ еще: берлога, пещера, скитъ и телѣга для возки большихъ тяжестей; mandrita=пустынникъ, отшельникъ.

Не удивительно, что Вернсдорфъ и другіе за нимъ ошиблись. Не разгадавъ самой игры, можно было остановиться на чемъ-либо невѣрномъ, но изумительно то, что фразы латинскихъ писателей, на которыя въ подтвержденіе своей гипотезы ссылается Вернсдорфъ, говорятъ ясно объ истинномъ значеніи слова, приложимомъ и къ игрѣ. Такъ, Марціалъ (V, XXII) пишетъ, что ему съ трудомъ удалось прорвать longas mulorum mandras; Ювеналъ (60—130 по Р. Х.), описывая городской шумъ, останавливается (III, 237) на нарушающихъ покой горожанъ ослиныхъ крикахъ stantis convicia mandrae. Ни линія муловъ, или вереница ихъ, ни конюшня, или стойло, тутъ не причемъ. Надо переводить слово mandra *обозомъ*, и все станетъ яснымъ: трудно было перебраться на другую сторону обоза, ослиными криками наполнялъ улицы остановившійся обозъ.

По отношенію къ игрѣ, mandra должна означать ту клѣтку послѣдняго отъ себя ряда, гдѣ простая превращается въ доведь, что̀ на современномъ игорномъ языкѣ мы называемъ *пристань*, и смыслъ стиховъ станетъ понятнымъ: „Такъ побѣдишь ты Новія и Публія, запертыхъ обозами и стекляннымъ латрономъ".

Таково, конечно, главное значеніе слова mandra. Зная игру, не трудно догадаться, что слово это, вѣроятно, было переносимо и на названіе всякой *бортовой* клѣтки; это соотвѣтствовало и понятію слова mandra, какъ загона или пещеры.

Въ положеніи: бѣлая дамка c1, черная дамка a1, простыя a3 и b2, черныя заперты краемъ доски и дамкою. Впрочемъ, какъ и у насъ, такія большія запиранія были исключительными, происходили крайне рѣдко; чаще дѣло ограничивалось запираніемъ простой шашки или нѣсколькихъ; напримѣръ, бѣлая дамка g1, черная простая h2. Кромѣ того латинское cludere, запирать, какъ и въ нашихъ современныхъ языкахъ, могло означать и вѣроятно означало не глухое запираніе, т. е. полное лишеніе ходовъ, а лишь постановку чужихъ шашекъ подъ убой, такимъ образомъ, что при своемъ движеніи онѣ должны были погибнуть. Важно обратить вниманіе, что и въ этомъ случаѣ при помощи mandrae, обоза или угловыхъ клѣтокъ, можно было съ одною дамкою выиграть или сдѣлать ничью противъ дамки и простой. Такимъ образомъ выраженіе Марціала можно пояснить позиціями: a) Бѣл. д. c3 (или a3); черн. д. a1 пр. a5, гдѣ чернымъ при ихъ ходѣ надо сдаваться: a5—b4; 1. c3:a5. a1—b2; 2. a5—b4, b2 на a1, c1, или a3; 3. b4—c3, и черная доведь бьется; b) бѣл. д. e3; ч. д. g1, пр. h2; c) б. д. e1, ч. д. c1, пр. d2, въ обоихъ случаяхъ черныя при своемъ ходѣ проигрываютъ; d) бѣл. д. d4; черн. д. a3, пр. a5; тутъ бѣлый достигаетъ ничьей 1. d4—c3, a3—b4; 2. c3—d4, b4—a3; 3. d4—c3, a3—b4; 4. c3—d4.

b4—a3 и т. д., или же 4 ....b4—c5, 5. d4:b6, a5—b4 (ибо простая назадъ не беретъ); 6. b6—c5, b4—c3; 7. c5—d4, c3—d2; 8. d4—e3, d2—e1; 9. e3—f4, e1—f2; 10. f4—e5, f2—e3; 11. e5—d6 (но не на e7, тогда проиграетъ), e3—d4; 12. d6—c7, d4—c5; 13. c7—b8, c5—b6; 14. b8—a7, и бѣлая дамка изловлена быть не можетъ.

Такимъ образомъ запереть посредствомъ мандры, mandris cludere, соотвѣтствуетъ русскому „припереть къ стѣнѣ".

Какъ уже сказано, latrunculi представлялась римлянамъ игрою военною, сраженіемъ двухъ армій. Выясненіе латинскихъ терминовъ даетъ намъ возможность представить себѣ картину битвы, какъ она рисовалась современникамъ. Взятіе шашки переходомъ соотвѣтствовало тому, что враги дрались въ рукопашную, и наиболѣе храбрый (вспомнимъ выраженіе Цицерона gemina audacia)! закалывалъ другого и *переходилъ черезъ его трупъ* дальше, чтобы сразиться вновь или быть убитому самому; вблизи сражающагося должна была быть подмога, чтобы отомстить за смерть собрата. Но если помощи не было, или она была разбросана въ отдѣльныхъ мѣстахъ, то нападающій не только убивалъ врага, но встрѣчая позади него другого не защищеннаго врага, убивалъ и этого и могъ убить даже третьяго (болѣе трехъ шашекъ простая въ разъ взять не могла). Раскрытіе смысла слова mandra показываетъ, что идея доведи была совсѣмъ не такой, какъ представила (стр. 15) ее намъ фантазія О. И. Сенковскаго. По мысли древнихъ пѣшій воинъ стремился впередъ, чтобы попасть въ *обозъ* непріятельской арміи, который находился позади его войскъ; тамъ, въ обозѣ, были собраны провіантъ и упряжныя животныя. Проникнувъ туда, пѣшій воинъ *грабилъ*, добывалъ себѣ мула или лошадь, и превратившись въ коннаго (въ *князя*, въ *козака)* бросался на враговъ сзади, съ тыла, гдѣ они были беззащитны. Захватъ обоза или разрушеніе его въ дѣйствительной войнѣ, конечно, должны были вести къ побѣдѣ, а она доставалась тому, кто достигалъ этого раньше противника. Въ игрѣ это выражалось въ появленіи доведей или въ пріобрѣтеніи большаго ихъ количества, чѣмъ у противника.

Переводя текстъ со словомъ bellator (стр. 116), мы не указали, что содержаніе его близко съ совѣтомъ revocare priorem (стр. 108). Въ обоихъ текстахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же, о сохраненіи дамки. При ограниченности хода древней доведи, опасность для нея быть отрѣзанной отъ своихъ, особенно многими чужими шашками, очевидна, и понятной становится забота о возвращеніи ея къ своимъ шашкамъ, о чемъ говорятъ оба текста; въ самомъ дѣлѣ, при обязательности взятія, противнику представлялась возможность изловить чужую дамку (особенно новую, только что достигшую клѣтокъ обоза), смѣнявъ ее на одну изъ своихъ простыхъ, тогда какъ дамка, возвращаясь къ своимъ, становилась грозной силой; по пути она нападала сзади, а присоединясь къ своимъ, она была въ состояніи не только нападать, но и своевременно отступать. Называя дамку prior, Овидій, какъ мы видѣли, играетъ словами. Не менѣе интересна и еще болѣе сложна игра словъ въ названіи шашки bellator; дѣйствительно, слово это значитъ *воинъ, военный человѣкъ, солдатъ*, т. е вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу слова latro

(bellator въ произношеніи даже похоже на слова et latro), а въ то же время оно намекаетъ на идею древнихъ о доведи, какъ о конномъ воинѣ, ибо bellator употреблялось въ латинскомъ языкѣ, какъ эпитетъ лошади, пріученной къ сраженіямъ, которая называлась bellator equus. Независимо отъ этого, если bellator понималось не какъ простая шашка, а какъ доведь, то слова sine compare bellet можно понимать, что „пусть дамка сражается и одна, безъ сотоварища, ибо въ состояніи нападать сзади“.

Упомянемъ здѣсь кстати, что слово equus означало не только коня, но употреблялось и какъ наименованіе военной машины, на подобіе тарана, и этимъ же словомъ называлось созвѣздіе Пегаса.

Выраженіе fracta mandra означало достиженіе цѣли, превращеніе простой въ доведь; могло статься, что оно примѣнялось къ случаю *насильственнаго* завладѣнія обозомъ, т. е. означало проходъ въ дамки посредствомъ сложнаго удара, или путемъ принудительнаго очищенія пристани поддачею своихъ шашекъ.

Текстъ про Публія и Новія, какъ мы говорили и раньше, важенъ въ томъ отношеніи, что его выясненіе въ связи съ предыдущими цитатами вполнѣ устанавливаетъ значеніе latro, какъ доведи [163]), а раскрытіе взгляда древнихъ на дамку, какъ на коннаго воина, даетъ намъ возможность нѣсколько проникнуть въ вопросъ о древности игры, о чемъ будемъ говорить далѣе.

---

[163]) Не имѣетъ ли *не латинское* слово mandra соотношенія съ какою либо древнѣйшею шашечною игрою Египта или Востока, въ родѣ туркестанскихъ шашекъ? По крайней мѣрѣ есть поводъ сдѣлать такое сближеніе съ однимъ шахматнымъ терминомъ, о чемъ скажемъ позднѣе.—Во всякомъ случаѣ въ самой Индіи, откуда выводятъ шахматы, должны быть шашечныя игры *однообразными* фигурками; если ихъ подробно не описывали до сего времени, то это происходило отъ страннаго преклоненія передъ шахматами, доходившаго до умственнаго ослѣпленія. Вмѣсто того, чтобы подробно и всесторонне изслѣдовать большинство шашечныхъ игръ и, уже послѣ этого изученія, перейти къ рѣшенію вопроса о происхожденіи шахматъ, любители-шахматисты напередъ рѣшили, что шахматная игра стоитъ особнякомъ, внѣ вліянія прочихъ игръ, и если описывали шашечныя игры, то вскользь, кое-какъ. Такой узкій взглядъ повелъ къ тому, что въ большой публикѣ шахматы считаются древнѣйшею игрою, а игра шашечная именуется младшею сестрою шахматъ даже въ устахъ такихъ любителей, какъ, напримѣръ, Н. Н. Панкратовъ („Шашки“, 990). Знаменитый П. С. Палласъ (1741—1811), въ своихъ Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften (Спб. 1776, I, 157), сообщая о знакомствѣ калмыковъ съ шахматами пишетъ: „У нихъ есть также родъ шашечной игры *мингма*, при чемъ шашки ставятся по бѣлымъ клѣткамъ, а черныя остаются незанятыми; кромѣ того они умѣютъ играть въ токодили [триктракъ] подъ названіемъ *нарръ*“. („Шахм. Обозр.“ 1892 г., стр. 410).—Въ Cahiers d'enseignement illustrés (Paris, éd. Lud. Baschet. Imp. Gillot) въ № 68, p. 49 et № 69, p. 78, посвященныхъ описанію французской колоніи Конго, есть рисунки шашечницы и игры на ней въ какія-то шашки. Шашечница представляетъ грубой работы плоскій ящикъ съ ручкой, на поверхности котораго находится доска съ 4×6=24 одноцвѣтными клѣтками. Число шашекъ не указано.

Перейдемъ теперь къ объясненію слова mora, которое, какъ покажемъ, составляетъ техническое выраженіе.

Въ обычномъ своемъ смыслѣ оно значило: *замедленіе, препятствіе, задержка*, въ примѣненіи къ произнесенію рѣчи (in dicendo) оно означало *остановка, передышка*. Слова habeo moram значили *я остаюсь, я долженъ отложить дѣло*.

Въ скриптулѣ, какъ не трудно догадаться, оно должно было примѣняться къ случаю пропуска хода, когда выпавшихъ на костяхъ очковъ нельзя было по положенію игры выполнить [164]).

Какое же значеніе должно имѣть слово mora въ игрѣ latrunculi? Гдѣ здѣсь *замедленіе*, въ чемъ можетъ выражаться *передышка?* Конечно, передышка, *отдыхъ отъ умственнаго напряженія*, тутъ больше всего выражается во время размѣновъ, которые здѣсь обязательны. Размѣны эти могутъ быть и не единичными, а составлять слѣдствіе предыдущихъ размѣновъ, открывающихъ шашки подъ новые удары, или же происходить отъ шашекъ, оставшихся подъ ударами потому, что въ предшествующіе ходы играющій не успѣлъ ихъ взять, будучи вынужденъ брать въ нѣсколькихъ мѣстахъ разными шашками. Во французской игорной литературѣ есть спеціальное выраженіе для такого взятія, которое осталось отъ прежнихъ ходовъ,—coups de répos, „удары роздыха". Этотъ же самый терминъ въ латинскомъ языкѣ выражался словомъ mora. Вѣроятно, французскій терминъ явился не самостоятельно, а перешелъ по традиціи отъ римлянъ, прежнихъ владѣльцевъ Галліи, и составляетъ либо переводъ его (хотя односторонній), либо искаженіе какого-нибудь латинскаго, не дошедшаго до насъ, термина (отъ repono, reposco) болѣе новаго, чѣмъ mora. Въ игрѣ эти „роздыхи" чрезвычайно важны, ибо пока играющій совершаетъ вынужденные и строго опредѣленные ходы, противникъ его можетъ въ это время сдѣлать такіе подготовительные ходы, которые дадутъ ему большія выгоды. Въ древней игрѣ эти coups de répos могли образовываться не только путемъ обычнаго размѣна, но открываться еще и при проходѣ въ дамки, ибо здѣсь простая, достигшая обоза (хотя бы не движеніемъ, а путемъ взятія) не могла брать (въ противоположность игрѣ русской) въ тотъ же ходъ оказавшіяся подъ ея ударомъ шашки противника, т. е. не могла немедленно брать назадъ на правахъ дамки,—она должна была закончить свой ходъ на восьмой линіи [165]).

Но латинскій терминъ не былъ одинаковъ съ теперешнимъ французскимъ; онъ означалъ не только размѣнъ съ роздыхомъ, а, какъ мы сейчасъ покажемъ, примѣнялся еще къ особенному

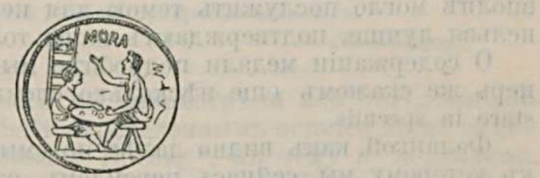
[164]) Въ былинѣ о Добрынѣ попадается старинное выраженіе, что при игрѣ въ тавлею онъ „пропустилъ ступень шашечный". Это должно относиться къ подобному же вынужденному пропуску хода.—См. примѣч. 154-е.

[165]) Например, въ положеніи бѣл. простая, d2, d4, d6, h6; черн. пр. b8, d8, f8, g7, черныя при своемъ ходѣ не проигрываютъ: b8—c7; 2. d6:b8, f8—e7; 3. h6:f8 (только, но не на d6), d8—c7, и какъ бы бѣлый ни бралъ: f8:d6, или b8:d6, черныя берутъ въ дамки и дѣлаютъ ничью, занимая доведью двойникъ g1 и h2.

случаю нахожденія шашки подъ ударомъ, именно къ тому, гдѣ эта шашка не успѣвала быть убитою противникомъ за окончаніемъ игры и оставалась запертою; слово mora означало еще то, что мы, русскіе, называемъ *воздушнымъ заключеніемъ*, или запоромъ *на вѣсу*.

Незнакомство изслѣдователей филологовъ съ шашечною игрою повело къ тому, что они не въ состояніи были доискаться смысла слова mora и придавали ему совершенно неожиданныя толкованія.

Бекъ де Фукьеръ приводитъ изъ Ленормана [166]) снимокъ съ одной медали, хранящейся въ Парижской публичной библіотекѣ.

На одной ея сторонѣ цифра XIII, а съ другой изображены двое игроковъ за доской, гдѣ видны и шашки; медаль, впрочемъ, довольно потерта, и ни клѣтокъ доски, ни формы шашекъ, хорошенько разобрать нельзя. Доска лежитъ на колѣнахъ игроковъ, которые сидятъ другъ противъ друга на невысокихъ скамейкахъ; она имѣетъ кругловатую форму. Правый (отъ зрителя) игрокъ поднялъ кверху правую руку; онъ представленъ въ позѣ человѣка, захваченнаго врасплохъ неожиданностью; лѣвый торжествующимъ жестомъ указываетъ на доску и имѣетъ видъ побѣдителя, совершившаго рѣшительный ходъ или достигшаго замѣчательнаго положенія въ игрѣ. Позади лѣваго игрока приставная лѣстница и между концами ея, на верхней ступени, ясное изображеніе козла. Вверху медали, надъ игроками, надпись крупными буквами MORA. „Меня удивляетъ, говоритъ Бекъ де Фукьеръ, что терминъ этотъ привлекалъ вниманіе ученыхъ, но медаль не послужила для его разъясненія... Эту медаль относили до сихъ поръ къ итальянской игрѣ morra, но у римлянъ не было этого слова, и играя въ эту игру, они говорили micare digitis [167]).

[166]) M. Ch. Lenormand, iconographie des empereurs romains. Pl. X., med. 4.— Cette médaille, прибавляетъ Бекъ де Фукьеръ (стр. 447), se trouve rangée, je ne sais pourquoi, parmi les médailles spintriennes. Elle n'a certainement rien d'érotique.

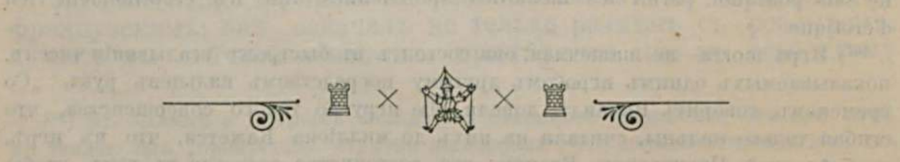
[167]) Игра morra—не шашечная; она состоитъ въ быстромъ угадываніи чиселъ, показываемыхъ однимъ игрокомъ другому посредствомъ пальцевъ рукъ. „Со временемъ, говоритъ Виландъ, довели сію игру до такого совершенства, что сгибая только пальцы, считали на нихъ до милліона. Кажется, что въ игрѣ, изобрѣтенной Прекрасною Еленою, все достоинство состояло въ томъ, чтобы съ великою скоростью пальцами выдѣлать подобіе нѣкоторыхъ чиселъ, которыя надлежало угадать играющему товарищу съ такою же скоростью. Какъ-бы то ни было, тотъ, кто первый приписалъ изобрѣтеніе сей игры греческой красавицѣ, не много сдѣлалъ чести принцамъ и кавалерамъ, жившимъ при дворѣ добраго царя Пріама“. „Россійск. Музеумъ“ 1815, ч. IV, стр. 48.—„Нива“ 1901 г.,

Для меня несомнѣнно, что на медали то самое слово, которое употреблялъ Салей Бассъ (авторъ „Похвалы Писону")". Мы съ этимъ совершенно согласны, но французскій ученый все же не разъяснилъ ни содержанія медали, ни самаго термина mora, который онъ принимаетъ равнозначущимъ шахматному возгласу „шахъ!" Но это—ошибка, бросающаяся въ глаза. Помимо того, что нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы римляне предупреждали о чемъ-либо партнера, самое предупрежденіе такого рода, какъ „шахъ", настолько незначительно, что никоимъ образомъ не могло удостоиться воспроизведенія на медали; рѣдкое же запираніе на вѣсу вполнѣ могло послужить темою для нея, и позы игроковъ, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ наше толкованіе.

О содержаніи медали подробнѣе мы поговоримъ позднѣе. Теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ о терминахъ фаланга и stare in speculis.

Фалангой, какъ видно далѣе по смыслу, авторъ стихотворенія, къ которому мы сейчасъ перейдемъ, означаетъ первый ближайшій къ себѣ рядъ шашекъ, т. е. тотъ, гдѣ противникъ достигаетъ дамокъ. Вѣроятно и прежде держались вообще того взгляда, который въ большой публикѣ распространенъ и въ наше время, что полезно и слѣдуетъ сохранять возможно долѣе шашки перваго отъ себя ряда, не сдвигать ихъ, чтобы не допустить противника въ дамки. Подобнаго веденія партіи рекомендовалъ держаться и знаменитый А. Д. Петровъ въ своемъ учебникѣ 1827 г. На самомъ дѣлѣ это мнѣніе не вполнѣ вѣрно, но таково общее убѣжденіе теперь, таковымъ, очевидно, было оно и раньше. Въ древней игрѣ притомъ удерживать на мѣстахъ шашки перваго ряда значительно важнѣе, чѣмъ въ современной игрѣ русской, ибо тамъ простыя назадъ не берутъ, слѣдовательно не могутъ путемъ обмѣна занять снова освобожденныхъ клѣтокъ и не задерживаютъ шашекъ противника, находясь на третьей отъ себя линіи, когда тѣ проходятъ въ дамки сзади.

Что касается до stare in speculis, то мы, пока не разбирая его подробно, переведемъ согласно съ нѣкоторыми филологами „стоять въ засадѣ". Далѣе мы увидимъ, что выраженіе это могло означать и нѣчто другое.

Литературн. прилож. № 12 описываетъ современный видъ этой игры въ Китаѣ подъ названіемъ Тзай-Май (стб. 211).

XV.

> Они ненавидятъ въ думающемъ иначе не столько противоположность высказываемаго имъ мнѣнія, сколько его дерзновеніе судить самостоятельно, на что̀ они никогда не отваживаются и что̀ втайнѣ прекрасно сознаютъ.
>
> *А. Шопенгауэръ.*

Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли всѣ отдѣльные отрывочные тексты объ игрѣ. Непереведеннымъ остался лишь одинъ отрывокъ изъ поэмы „Похвала Писону“, къ чему и перейдемъ.

Поэму эту приписывали разнымъ лицамъ. Теперь нѣкоторые филологи согласились считать, что авторомъ ея былъ Saleius Bassus. Она содержитъ 261 стихъ, изъ коихъ семнадцать относятся къ игрѣ latrunculi. Среди изслѣдователей римскихъ древностей, равно какъ и у филологовъ, отрывокъ этотъ почитается главнымъ и наиболѣе важнымъ свидѣтельствомъ для разъясненія игры. Взглядъ этотъ далеко не вѣренъ. Отрывокъ подтверждаетъ и разъясняетъ ранѣе приведенные тексты, но самъ по себѣ имѣетъ мало цѣнности; и будь онъ одинъ, мы не могли бы изъ него доказать, въ чемъ состояла древне-римская игра; наоборотъ, при отсутствіи этой поэмы, но наличности прочихъ текстовъ, мы все же знали бы, что̀ такое ludus latronum.

Кней Кальпурній Писонъ, богатый римлянинъ, принадлежавшій къ высшему сословію [168]), славился своею игрою въ latrunculi; онъ обладалъ въ ней такимъ искусствомъ, что на игру его собирались глядѣть толпой. Вотъ какъ описываетъ игру его авторъ поэмы (Wernsd., P. lat. min. IV, 1, 267; v. 178—198; Baehrens, Poet. lat. min. n. 15, 193):

---

[168]) Piso ex antiqua familia, scenico habitu tragoedias actitavit: in latrunculi lusu tam perfectus et callidus, ut ad eum ludentem curreretur... post consulatum materna hereditate didatus, magnificentissime vixit. Схол. Ювенала (ad sat. V, 109).—Фонъ деръ Лаза приводитъ изъ Тацита (Ann. 15) болѣе подробныя свѣдѣнія о римскомъ маэстро. Онъ происходилъ изъ рода Кальпурніевъ и принадлежалъ къ высшему римскому обществу; высокій ростомъ, съ благородными чертами лица, прекрасный ораторъ, богатый и щедрый, онъ былъ изнѣженъ и любилъ наслажденія, какъ и вся среда, которая его окружала. Конецъ его былъ печаленъ. Онъ сталъ во главѣ заговора противъ Нерона; заговоръ былъ открытъ и кончился смертью его участниковъ, среди которыхъ былъ Луканъ и невинный Сенека. Писонъ, Луканъ и Сенека, послѣ объявленія о присужденіи ихъ къ смерти, всѣ трое покончили съ собой одинаково (открыли себѣ вены), но Писонъ, чтобы спасти состояніе для своей прекрасной, но недостойной, супруги, оставилъ послѣ себя завѣщаніе исполненное лести по отношенію къ Нерону. Schztg. 1863.

Te si forte juvat studiorum pondere fessum,
Non languere tamen, lususque movere per artem: (,)
Callidiore modo tabula variatur aperta
Calculus, et vitreo peraguntur milite bella; (,)
Ut niveus nigros, nunc ut (et) niger alliget albos.
Sed tibi quis non terga dedit? quis te duce cessit
Calculus, aut quis non (,) periturus (,) perdidit hostem?
(Mille modis acies tua dimicat: ille petentem)
Dum figit, ipse rapit: longo venit ille recessu. (,)
Qui stetit in speculis, (:) hic se commitere rixae
Audet, et in proedam venientem decipit hostem.
Anticipes (Ancipites) subit ille moras, similisque ligato,
Obligat ipse duos: hic ad majora movetur,
Ut citus, et fracta perrumpat (prorumpat) in agmina mandra,
Clausaque dejecto populetur moenia vallo.
Interea sectis (septis) quamvis acerrima surgant
Proelia militibus; (,) plena tamen ipse phalange, (;)
Aut etiam pauco spoliata milite (,) vincis,
Et tibi captiva resonat manus utraque turba.

„Если тебѣ, уставшему отъ ученыхъ занятій, пріятно не оставаться празднымъ, но предаться искусной игрѣ, то вотъ съ открытіемъ болѣе хитрымъ образомъ партіи измѣнчива дѣлается шашка, и стеклянньмъ воинствомъ создаются поединки. То бѣлый черныхъ, то теперь черный вяжетъ бѣлыхъ. Но кто не допускалъ тебя (къ себѣ) въ тылъ? Какая шашка, тобой ведомая (когда ты вождь) доставалась врагу? Или какая обреченная на гибель шашка (твоя) не губила (сама) непріятельской? Пока бѣжитъ, сама (она) разитъ; тотъ приходитъ изъ дальняго мѣста, этотъ, что стоитъ въ засадѣ (in speculis) дерзаетъ вмѣшаться въ распрю и обманываетъ явившагося за добычею врага. Тотъ, берущій впередъ, подкрадывается къ размѣнамъ съ роздыхомъ и похожій на обложеннаго самъ облагаетъ двухъ; этотъ движется къ бо́льшему, какъ проворный, и, разрушивъ обозъ, онъ врывается въ ряды, а затѣмъ, покинувъ крѣпостной валъ, разоряетъ замкнутыя стѣны. Между тѣмъ, послѣ того какъ воины отрѣзаны (окружены), хотя бы начались ожесточеннѣйшія схватки, ты самъ все-таки съ полной фалангой, или хотя немного и обнаженной, выходишь побѣдителемъ, и въ каждой рукѣ твоей позвякиваетъ множество взятыхъ въ плѣнъ“.

Переводъ этотъ показываетъ, какъ смотрѣли на игру въ шашки римляне, какъ изображали они ею военныя дѣйствія, подобно нашему времени, когда шахматами пробовали и пробуютъ изображать цѣлыя сраженія [169]).—Въ латинскомъ стихотвореніи нѣтъ,

---

[169]) См. мою замѣтку о четырехъ такихъ книжкахъ М. Г. изъ Вильны въ „Московск. Иллюстриров. Газеткѣ“ 1890 г., № 35, перепечатанную полностью въ „Московск. Шахм. Альманахѣ“ 1893 г., стр. 68—69. Кстати укажу здѣсь, что этого М. Г. изъ Вильны (въ шахматномъ отношеніи довольно безграмотнаго человѣка) не надо смѣшивать съ Мих. Конст. Гоняевымъ, изъ Елисаветграда, который часто подписывался также иниціалами М. Г.—Въ рѣдкомъ въ насто-

однако, описанія какой-либо партіи; здѣсь въ поэтическомъ видѣ изображается только ходъ игры вообще.

Кое-что въ переводѣ требуетъ небольшихъ поясненій.

Выраженіемъ „какая шашка подъ твоимъ водительствомъ доставалась врагу“ авторъ хотѣлъ сказать, „когда ты проигрывалъ шашку? когда у тебя было шашкой меньше?“ Обыкновенно переводятъ „какая изъ твоихъ шашекъ отступала назадъ?“, но такой передачи допустить нельзя; можно еще предлагать переводъ: „какая изъ твоихъ шашекъ уступала врагу дорогу, отходила въ сторону?“, но не болѣе. Глаголъ cedere не содержитъ въ главномъ своемъ значеніи понятія *отступать* или *пятиться*. Переводъ дѣлался на основаніи невѣрнаго пониманія текста съ совѣтомъ revocare priorem (стр. 108).

Передъ словами „пока бѣжитъ“ есть вставная строка. Гайдъ не приводитъ ея, и вовсе не упоминаетъ объ этомъ чтеніи. Ее придется перевести: „Тысячью способовъ сражается отрядъ твой, тотъ проникающаго въ игру (petentem, т. е. стремящагося впередъ) пока бѣжитъ, самъ разитъ“ и т. д. Строка эта кажется мнѣ сомнительною, ибо она придаетъ дальнѣйшимъ словамъ тотъ смыслъ, что дѣло идетъ о дамкѣ, которая, нападая сзади на идущаго впередъ, бьетъ его на ходу, тогда какъ о проходѣ въ дамки рѣчь начинается позднѣе. Но если понимать, что слова „пока бѣжитъ“ описываютъ боевой ударъ простой шашки, который, благодаря перемѣщенію шашки сразу на два поля вмѣсто одного, можетъ быть названъ бѣгомъ, то вставная строка допустима. Во всякомъ случаѣ, если она не подлинная, то вписана тогда, когда смыслъ стихотворенія былъ еще не вовсе утерянъ.

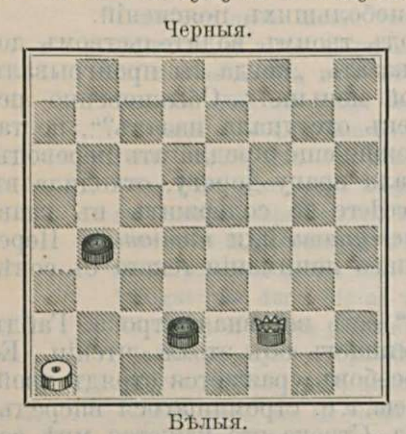
„Этотъ, что стоитъ въ засадѣ (на сторожѣ) дерзаетъ вмѣшаться въ распрю и обманываетъ явившагося за добычей врага“;—эти слова могутъ быть пояснены примѣрами. Такъ, въ концѣ партіи можетъ быть положеніе: бѣл. пр. a1, бѣл. д. f2; черн. пр. d2, b4; ходъ бѣлыхъ. Если теперь 1. a1—b2 (ходъ изъ засады), то чер-

---

ящее время учебникѣ А. Д. Петрова, въ концѣ пятой части на стр. XI и XII помѣщено „Бѣгство Наполеона изъ Москвы въ Парижъ, гдѣ бѣлый царь дѣлаетъ ему матъ“. Упоминаю объ этомъ, потому что въ изрѣдка встрѣчающихся въ продажѣ экземплярахъ сочиненія Петрова эти двѣ страницы, а равно и двѣ послѣднія (погрѣшности), обыкновенно отсутствуютъ. Вотъ эта позиція: „Бѣлыя шашки означаютъ Россійское войско.—Черный король—Наполеонъ.—*Положеніе шашекъ.—Бѣлыя:* Царь h2, Фh1, Cg6, Kf1, Ke2, пѣшки c2, c5 и d4.—*Черныя:* Кр. a1, Ka5, Kd8, пѣшки: g4, b2, c4, c7, e6. f6 и g7.—Мѣсто a1, гдѣ стоитъ Наполеонъ,—есть Москва, а клѣтка h8, гдѣ ему дѣлаютъ матъ,—Парижъ.—Конница преслѣдуетъ разбитаго Наполеона.—1. Kf1—d2+, Кр. a1—a2; 2. Ke2—c3+, Кр. a2—a3; 3. Kd2—b1+, Кр. a3—b4; 4. Kc3—a2+, Кр. b4—b5; 5. Kb1—a3+, Кр. b5—a6; 6. Ka2—b4+ (ферземъ слѣдовало преградить путь Наполеону, ступивъ на кл. a8, тогда бы онъ не ушолъ въ Парижъ, а былъ бы ему шахъ и матъ), Кр. a6—a7; 7. Ka3—b5+, Кр. a7—b8; 8. Kb4—a6+ Кр. b8—c8; 9. Kb5—a7+, Кр. c8—d7; 10. Ka6—b8+, Кр. d7—e7: 11. Ka7—c8+, Кр. e7—f8; 12. Kb8—d7+. Кр. f8—g8: 13. Kc8—e7+, Кр. g8—h8; 14. Цh2—g1,—матъ“.

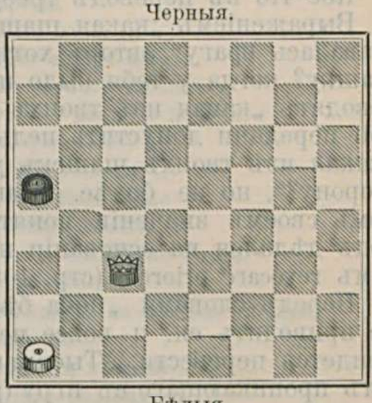
нымъ необходимо играть на ничью d2—e1, если же 1... b4—a3 или d2—c1, то онѣ будутъ обмануты: 1... b4—a3? 2. f2—e1, a1:c1. 3. e1:c3

Черныя.

Бѣлыя.

Черныя.

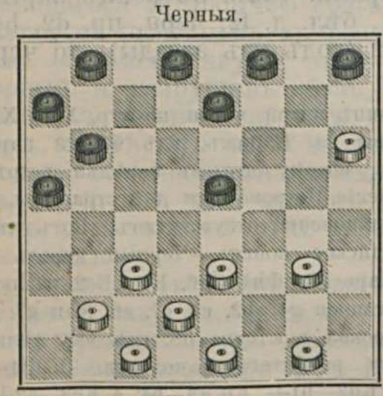

Бѣлыя.

и бѣлыя выиграли;—если 1... d2—c1? то 2. b2—c3; b4:d2; 3. f2—e1 и черныя „заперты" mandris et latrone. Или бѣл. д. c3, пр. a1; черн. пр. a5. 1. c3—d2! a5—b4: 2. a1—b2 теперь чернымъ слѣдуетъ отдать свою простую на c3, ибо если 2... b4—a3?, то бѣлыя идутъ не d2—c1?, запирая простую, а 3. b2—c3!, a3—b2; 4. d2—c1, b2—a1; 5. c1—b2 и бѣлыя заперли дамку. Въ иномъ родѣ могутъ быть примѣры и изъ средины партій. Такъ, нижеслѣдующій примѣръ подходитъ и къ этому случаю.—О самомъ терминѣ in speculis рѣчь пойдетъ позднѣе.

„Тотъ, берущій впередъ, подкрадывается къ размѣнамъ"... Это мы пояснимъ положеніемъ изъ партіи. Здѣсь на діаграммѣ черный идетъ 1... h8—g7, вызывая бѣлыхъ напасть на свои двѣ шашки и подкрадываясь къ размѣнамъ. Бѣлый отвѣчаетъ 2. e3—d4, нападаетъ на двухъ, и черный походитъ на обложеннаго—similis ligato,—такъ какъ если онъ ошибочно защитится посредствомъ g7—f6, то проиграетъ [3. d4—c5, b6:d4; 4. g3—f4, e5:g3; 5. c3:g7 и бѣлыя, пройдя въ дамки, выиграютъ].—Между тѣмъ (вмѣсто ошибочнаго g7—f6) вѣрный отвѣтъ черныхъ не только избавляетъ ихъ отъ затрудненій, но и даетъ съ своей стороны возможность еще лучше напасть сразу на двухъ бѣлыхъ; ходомъ 2... e7—f6 черный obligat ipse duos, ибо грозитъ: a5—b4; 3. c3:c7, e5:a1 и выигрываетъ; если-же бѣлый замѣтитъ это и, въ предотвращеніе хода a5—b4, ошибочно пойдетъ 3. b2—a3, то e5—f4! 4. g3:e5, b6—c5; 4. d4:b6, f6:62 и чер-

Черныя.

Бѣлыя.
Ходъ черныхъ.

ный также проходитъ въ дамки; 5. b6—c7, d8:b6; 6. a3—b4, a5:c3; 7. c1:a3, b6—a5; 8. d2:b4, a5:c3 и нельзя помѣшать ходу c3—b2 [170]).

[170]) Положеніе взято изъ русскихъ шашекъ, изъ партіи А. А. Оводова съ А. И. Бородинскимъ, игранной на (первомъ изъ устроенныхъ кіевскимъ любителемъ П. Н. Бодянскимъ) турнирѣ въ Москвѣ въ 1894 году. Оно получилось послѣ ходовъ: 1. c3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, c7—d6; 3. e3—f4, b6—a5; 4. d4—c5, d6:b4; 5. a3:c5, h6—g5; 6. f4:h6, e5—f4; 7. g3:e5, f6:b6; 8. a1—b2, g7—f6, 9. h2—g3, f6—e5; 10. f2—e3, h8—g7! 11. e3—d4, e7—f6!—А. А. Оводовъ сыгралъ здѣсь 12. b2—a3 и проигралъ; слѣдовало 12. g3—f4!, e5:g3; 13. g1—h2, g3—f2! 14. e1:g3, и хотя партія бѣлыхъ была бы испорчена, все же они смѣло могли разсчитывать на ничью. Эта интересная двойная ловушка рѣдко встрѣчается въ русской игрѣ, въ шашкахъ же англо-шотландскихъ она довольно обычна.—Она получается также при началѣ 1. a3—b4, b6—a5; 2. b2—a3, d6—e5; 3. e3—f4, c7—d6; 4. b4—c5 и т. д. Труднѣе достигается она со стороны начинающаго игру: 1. c3—d4. d6—e5; 2. b2—c3, c7—d6; 3. a1—b2, d6—c5; 4. g3—h4, e5—f4; 5. e3 : g5, h6:f4; 6. a3—b4, c5:a3; 7. d4—c5, b6:d4; 8. c3:g3, f6—e5; 9. f2—e3, g7,—f6; 10. d2—c3, h8—g7; 11. g1—f2, a7—b6? 12. e3—d4!, и черному необходимо мѣняться 12. ...b6—c5; 13. d4:b6, b8—a7, иначе онъ проиграетъ.

Вотъ примѣръ въ другомъ родѣ, изъ игры англійской, т. е. e ludo latrunculorum:

1. c3—d4, f6—e5; 2. d4:f6 (quis non periturus perditit hostem?), g7: e5; 3. b2—c3, h8—g7; 4. a1—b2 (ut sequi sciat), g7—f6 (то же); 5. a3—b4, b6—a5 (alligat albos); 6. b2—a3, c7—b6 (продолжаетъ связывать, не допуская b4—c5); 7. e3—f4 (niveus alligat nigros), b6—c5; 8. d2—e3, c5—d4; 9. e3:c5, b8—c7; 10. e1—d2! c7—b6; 11. c1—b2 (similisque ligato, obligat ipse duos), b6:d4; 12. b4—c5! d6:b4; 13. f4 : d6, (если 13. a3:c5, то d4—e3, угрожая взять на c1, 14. f2:d4, a5—b4; 15. f4:d6, b4—a3; 16. g3—f4, a3:c1 mora; 17. f4—e5, c1:e3; 18. e5:g7, e3—d2; 19. c3—b4, d2—c3,—obligat duos,—20. d6—c7, c3:e5 и т. д.), e7:c5; 14. c3:g7 и т. д. Если же послѣ 13. a3:c5, d4—e3; 14. f2:d4, a5—b4; 15. f4:d6, a7—b6, то бѣлымъ обязательно брать 16. c3:c7, тогда d8:b6; 17. c5:a7, e7:c1; 18. b2—a3 и выиграть должны бѣлыя.

Вотъ еще партія въ latrunculi; здѣсь съ особенною рѣзкостью выступаетъ то отличіе прежней игры, что простая назадъ не беретъ.

1. c3—b4, b6—a5; 2. b4—c5; d6:b4; 3. a3:c5, f6—e5; 4. e3—f4, e5—d4; 5. f4—e5, h6—g5; 6. g3—h4, e7—f6; 7. d2—c3, g5—f4; 8. c1—d2, f8—e7 (оба хода изъ фаланги); 9. c3—b4, a5:c3; 10. d2:b4, f4—e3; 11. e5—d6, c7:e5; 12. b2—a3 (obligat duos, грозя c5—b6 и b4:f8), d4—c3 (similisque ligato, obligat ipse duos, т. е. устраняетъ указанную угрозу и связываетъ ходъ шашекъ a1 и e1); 13. f2:d4 (quis te duce cessit calculus, ибо черныя вынуждены были вернуть шашку взамѣнъ пожертвованной бѣлыми), b8—c7; 14. g1—f2, g7—h6: 15. f2—g3, c7—d6 (ежели h6—g5, то бѣлый обманываетъ чернаго: 16. g3—f4, и если g5:e3, то 17. c5—d6, e7:c5; 18. b4:b8); 16. b4—a5 (если 16. g3—f4, e5:g3; 17. h2:f4, то f6—e5 и бьетъ двухъ), d6:b4; 17. a3:c5, d8—c7; 18. g3—f4, e5:g3; 19 h2:f4, c7—d6; 20. a5—b6, d6:b4; 21. d4—c5, e7—d6; 22. c5:e7, a7:c5, 23, e7—d8, c5—d4; 24. d8—c7 (dejecto vallo), d4—e3; 25. c7—b6, b4—a3; 26. b6—c5, a3—b2; 27. c5—b4 (у бѣлыхъ шашкой меньше, и онѣ должны стараться вернуть ее, иначе проиграютъ), b2—c1 (in proedam venientem decipit hostem); 28. b4:d2, f6—g5! 29. h4:f6, e3—f2! 30. e1:g3, c1:e7 и черныя выиграютъ.

Исправленіе ancipites кромѣ смысла „подбираться къ обоюднымъ размѣнамъ“ даетъ нѣкоторымъ поводъ переводить: „тотъ подвергается опаснымъ задержкамъ“, но такая передача не вѣрна, ибо anceps до такой степени значитъ обоюдный, что иногда употребляется даже вмѣсто duplex. Предлагали переводить „попадаетъ въ двойную ловушку“, но и это должно отвергнуть, ибо заключеніе, какъ конечная цѣль игры, сравнительно рѣдко встрѣчающееся на практикѣ, особенно заключеніе воздушное, „на вѣсу“, могло быть достойно изображенія на медали, ловушка же,—одно изъ самыхъ обычныхъ явленій игры, этого заслуживать никоимъ образомъ не могла. Все это снова даетъ намъ поводъ повторить, что ancipites чтеніе невѣрное и составляетъ позднѣйшую и неудачную поправку *).

„Послѣ того какъ обозъ разрушенъ“ надо понимать—„послѣ

*) Для лицъ, малознакомыхъ съ латинскимъ языкомъ, необходимо добавить, что слово anticipes вовсе не составляетъ только метатезиса отъ ancipites, т. е. особаго способа выговора этого слова, и если большіе филологи (стр. 120) не признаютъ пока производства его отъ anti и capio, то это не значитъ, что подобнаго производства нельзя и допускать. Оно вполнѣ возможно, и съ нимъ соглашались многіе (напримѣръ, С. А. Сорокинъ—филологъ по образованію); легко могло бы случиться, что даже знатоки языка латинскаго признали бы такое производство, если бы мы имѣли достаточное время посвятить ихъ въ наши переводы. Къ сожалѣнію времени не хватало какъ съ ихъ, такъ и съ нашей стороны; согласиться же безъ всесторонняго изученія вопроса на наше словопроизводство большимъ филологамъ мѣшало понятное опасеніе за свой авторитетъ, на который я могъ ссылаться.—Извѣстно, напримѣръ, что prior во множественномъ числѣ допускается переводить *предками*. Если бы я спросилъ у филологовъ, возможенъ-ли такой переводъ этого слова и въ единственномъ числѣ (текстъ стр. 108), то мнѣ, по всей вѣроятности, отвѣтили бы, что „это пока не извѣстно“.—Во всякомъ случаѣ, если даже передачу *anticipes* словомъ „берущій впередъ“ нельзя ставить *основнымъ, главнымъ*, переводомъ, онъ вполнѣ допустимъ, какъ игра словъ, имѣющая именно такое значеніе.—Кромѣ того по латыни не мало словъ, начинающихся слогами anti; изъ нихъ для даннаго текста интересны два: anticus, *передній*, и *anticipare, напередъ взять* или *сдѣлать, предускорить, упредить*. Послѣднее слово можетъ имѣть форму текста, а первое можетъ имѣть такой выговоръ при послѣдующемъ словѣ pes, *нога*, antici pes, что значитъ *передняго нога*, а anticipes, отъ anticipare, будетъ имѣть смыслъ *предупреди, обезпокойся;*—кромѣ этого, слово moras можетъ происходить отъ глагола morare, *медлить, ожидать*. Такимъ образомъ могъ быть смыслъ: „Предупреди, онъ подкрадывается, ты медлишь, и онъ похожій на обложеннаго самъ облагаетъ двухъ“, или „нога передняго, она подкрадывается подъ размѣны съ роздыхомъ“ и т. п.—Независимо отъ этого латинянамъ вмѣсто ille могло слышаться ile, *кишка*, или illa, *тамъ, въ томъ мѣстѣ*. Мнѣ не удалось разгадать, какая именно здѣсь игра словъ, но что она тутъ существовала, это—несомнѣнно.—Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что большинство выраженій объ игрѣ latrunculi явно заключаетъ въ себѣ скрытый смыслъ и по большей части довольно интересный. Даже въ выраженіи Сенеки (стр. 127) объ остроуміи, которое изощряется (изнашивается, утомляется), есть поводъ подозрѣвать скрытую игру словъ, такъ какъ могло слышаться ter itur.

того какъ появились дамки", а слова „покинувъ крѣпостной валъ" говорятъ объ обратномъ движеніи дамки, отходящей отъ края доски, отъ вала; извѣстно, что римскія войска, располагаясь лагеремъ даже на короткій срокъ (напримѣръ, на одну ночь), окапывались кругомъ валомъ.

Послѣдняя строка,—et tibi captiva resonat manus utraque turba,— кромѣ главнаго значенія „и въ каждой рукѣ у тебя позвякиваетъ множество плѣнныхъ", по переводу фонъ деръ Лазы можетъ значить: „и каждая рука твоя стонетъ отъ множества плѣненныхъ"; наконецъ, кіевскій тавлеистъ-филологъ (какъ я указывалъ въ „Шашечномъ Листкѣ") полагаетъ, что фраза эта значитъ: „и послѣ того, какъ масса попала къ тебѣ въ плѣнъ, оба отряда оглашаются кликами". Этотъ послѣдній переводъ, будучи невѣренъ какъ основной, вполнѣ допустимъ какъ интересная игра словъ, которая слышалась римлянамъ.

Итакъ, всѣ безъ исключенія тексты, бывшіе до сихъ поръ непонятными, объясняются наилучшимъ образомъ игрою шашечною, и если бы въ дѣло не замѣшались пріемы ложной учености, то вопросъ рѣшался бы просто и ясно: у римлянъ было множество шашечныхъ игръ, изъ коихъ двѣ славились болѣе всего; дошедшія до насъ упоминанія даютъ намъ серьезныя основанія полагать, что изъ числа мало распространенныхъ игръ мельница и солитеръ все же дошли до насъ, сохранились до сего времени; что же касается до игръ скриптулы и латроновъ, то первая изъ нихъ превратилась въ средніе вѣка въ западной Европѣ въ ludus tabularum, а затѣмъ въ триктракъ (нѣмецк. Puff oder Tockadilenspiel; англ. Bockgamon), при чемъ правила разыгрыванія въ главныхъ своихъ чертахъ настолько не измѣнились, что дошедшее до насъ положеніе изъ этой игры въ одной эпиграммѣ на императора Зенона Исавріанина (474—497), сохранившейся въ сборникѣ Агаѳія Схоластика (530—582), какъ показалъ Бекъ де Фукьеръ, рѣшается пріемами триктрака настоящаго времени. Могла ли не сохраниться другая римская игра, которую разыгрывали на обратной сторонѣ доски двѣнадцати линій? Римляне владѣли всѣмъ тогдашнимъ міромъ и, завоевывая новыя страны, налагали вездѣ свою цивилизацію. При такихъ условіяхъ мы должны логически вывести, что если сохранилась и дошла до насъ одна изъ ихъ главныхъ игръ, притомъ очень сложная, требовавшая, кромѣ доски и шашекъ, еще костей и стакана для ихъ бросанія [171]), то не могло не сохраниться и другой игры, менѣе сложной по своему аппарату и болѣе простой по своимъ правиламъ. И игра эта сохранилась въ видѣ шашекъ, въ ихъ древнѣйшей формѣ, называемыхъ нынѣ англійско-шотландскими.

Необходимо при этомъ замѣтить еще и то чрезвычайно важное обстоятельство, что ни шахматъ, ни, главное, картъ въ то время въ Европѣ не было, и мѣсто ихъ занимали кости, шашки

---

[171]) Бекъ де Фукьеръ даетъ снимки того и другого съ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ. Все это одинаково по формѣ съ тѣмъ, что употребляется и теперь въ триктракѣ.

и шашечныя игры съ костями. При подобныхъ условіяхъ допустить, что шашечныя игры грековъ и римлянъ могли быть забыты, значитъ совсѣмъ не считаться съ „психологическою необходимостью".

Такъ просто, ясно и, что главное, вѣрно рѣшался бы вопросъ, если бы въ дѣло не вмѣшались шахматисты. Въ слѣпомъ поклоненіи передъ *современною* шахматною игрою, они приписали ей излишнюю древность, вообразили, что шашки игра новѣйшая, и потребовали представленія письменныхъ свидѣтельствъ о древности шашечной игры.

Доска шахматная и шашечная совпадаютъ, но изъ-за теоріи Линде теперь приходится *доказывать*, что шашки могли разыгрываться на шашечницѣ ранѣе появленія шахматъ въ Европѣ, хотя это могло быть даже ранѣе *возникновенія* самихъ шахматъ [172]).

---

[172]) Остатки самой глубокой старины могутъ быть (какъ мы уже указывали: см. стр. 18) наблюдаемы, при извѣстной внимательности, повсюду и въ настоящее время. Профессоръ Ключевскій въ своемъ Курсѣ (1903, I, 140) относительно словъ нашей лѣтописи про браки у славянъ — „на бѣсовскихъ игрищахъ умыкаху жены себѣ"—говоритъ: „Извѣстная игра сельской молодежи обоего пола *въ горѣлки* — поздній остатокъ этихъ до-христіанскихъ умычекъ". —Э. Тейлоръ въ „Исторіи игръ" указываетъ, что „между дѣтскими играми существуютъ такія, которыя можно отнести къ предѣламъ исторической древности. Среди картинъ игръ древняго Египта, въ могилахъ Бени-Гассанъ, на одной представленъ игрокъ съ поникшею головою такъ, что онъ не можетъ видѣть, что другіе дѣлаютъ съ сжатыми кулаками на его спинѣ. Это очевидно игра, называемая по-англійски hot cockles, по-французски main chaude, а еще лучше выражаемая средневѣковымъ qui ferry?, „кто ударилъ?" Ничего не видящій человѣкъ долженъ былъ угадать, отъ кого получилъ онъ ударъ, или какою рукою. Это было греческое коллавитласъ (игра въ толчки); она носитъ въ себѣ трагическое воспоминаніе, приводя на память тѣ мѣста изъ Евангелія, гдѣ игра эта обратилась въ насмѣшку римскихъ солдатъ: „и закрывше лице Его... по ланитома Его біяху... и вопрошаху Его, глаголюще: прорцы намъ, кто есть ударей Ты?" (Луки XXII, Марка XIV).—Наиболѣе рѣзкій примѣръ глубокой старины, примѣръ дикости, которая считается исчезнувшей, но на дѣлѣ процвѣтаетъ и сейчасъ съ полною силою, даетъ намъ современная Италія съ ея бандитами. Въ большой публикѣ, благодаря лживымъ западно-европейскимъ газетамъ, распространены свѣдѣнія объ этихъ современныхъ бандитахъ, главнымъ образомъ, какъ о грабителяхъ и убійцахъ проѣзжихъ; въ постоянныхъ сообщеніяхъ объ этихъ происшествіяхъ мало кого, повидимому, удивляетъ многолѣтняя безнаказанность этихъ разбойниковъ при непрекращающемся наплывѣ въ Италію путешественниковъ. Все это объясняется тѣмъ, что бандиты эти вовсе не разбойники по существу и, главное, не убійцы, а представители древняго обычая родовой мести, которая и по сейчасъ въ полной силѣ царствуетъ въ Италіи; населеніе поддерживаетъ эту кровавую расправу, всячески помогая мстителямъ скрываться отъ преслѣдованій.

Еще въ большей степени кровавая месть господствуетъ въ ново-основанной Албаніи. Она тамъ такъ велика, что албанцы, можно сказать, уничтожаютъ самихъ себя.

XVI.

Самый умный нѣмецъ, когда начнетъ говорить о Россіи, непремѣнно скажетъ глупость.

Ѳ. Тютчевъ.

Мы не имѣемъ указаній у римскихъ писателей, какова была доска, и сколько было шашекъ въ игрѣ latrunculi. Попробуемъ, однако, разобраться въ этомъ темномъ вопросѣ.

Ванъ деръ Линде въ своей *Исторіи Шахматной игры* ввелъ будто бы научный пріемъ, что „встрѣчая шахматное извѣстіе у какого-либо писателя, мы въ правѣ заключить отсюда, что шахматы были извѣстны въ его, писателя, время,—*никакъ не болѣе*". Конечно, это не вѣрно. Такой критическій пріемъ допустимъ лишь для лучшей оцѣнки извѣстія, для возможности различить достовѣрное отъ сомнительнаго, а не самъ по себѣ [173]). Изъ „Исторіи"

[173]) Съ этой точки зрѣнія разсказы, слышанные мною отъ моего дѣда, родившагося въ XVIII столѣтіи, про 1812 годъ и записанные мною въ XX столѣтіи, будутъ уже не достовѣрны, и должны быть разсматриваемы, какъ произведеніе моей фантазіи. М. К. Гоняевъ былъ восхищенъ пріемомъ Линде и писалъ („Шахм. Лист.", 1877 г. 249): „Мы, съ своей стороны, подкрѣпимъ положеніе г. Линде примѣромъ изъ отечественной литературы. Въ мистеріи Симеона Полоцкаго (Исторія или дѣйствіе евангельской притчи о блудномъ сынѣ бываемое, напечатан. въ Москвѣ въ 1685 году) блудный сынъ (во 2-мъ дѣйствіи) нанимаетъ себѣ множество слугъ, пьетъ съ ними вино, играетъ съ ними въ карты и шахматы и пр. Спрашивается: въ правѣ ли мы смотрѣть на это мѣсто, какъ на историческое свидѣтельство того, что въ шахматы играли уже въ ту отдаленную эпоху, къ которой пріурочена евангельская притча о блудномъ сынѣ? Или же мы должны ограничиться однимъ только заключеніемъ, что во времена Симеона Полоцкаго шахматы уже были извѣстны въ Россіи? Поставить такъ вопросъ—значитъ разрѣшить его".—Невозможно согласиться съ такимъ поспѣшнымъ рѣшеніемъ. То обстоятельство, что Симеонъ Полоцкій,—наиболѣе просвѣщенный человѣкъ своего времени, — считалъ возможнымъ отнести шахматы къ евангельскому времени,—показываетъ, что они въ его время въ Россіи были такъ стары, что считались игрою древнѣйшею. Не будетъ ни малѣйшей ошибки на основаніи „Исторіи о блудномъ сынѣ" заключить, что шахматы извѣстны были въ Россіи *по крайней мѣрѣ* вѣкомъ ранѣе рожденія Полоцкаго (1628—1680). Будь это иначе, Полоцкій слышалъ бы о нихъ, какъ о новости,

Линде мы видимъ, однако, что и самъ онъ не вполнѣ строго слѣдуетъ этому будто бы научному методу, такъ какъ все-таки признаетъ, что родиной шахматъ была Индія, хотя древнѣйшія письменныя извѣстія о шахматахъ встрѣчаются у арабовъ.

Въ большой публикѣ держится мнѣніе, что шахматы—игра индійская, имѣющая за собою тысячи лѣтъ существованія. На самомъ дѣлѣ это лишь догадки и притомъ по методѣ, *требующей* историческихъ свидѣтельствъ, догадки съ очень слабыми основаніями. „Когда, пишетъ А. Н. Грачевскій въ *Очеркахъ по исторіи шахматной игры* [174]), въ концѣ XVIII столѣтія открытъ былъ для европейской науки санскритъ, древній священный языкъ индійцевъ, давно уже вышедшій изъ употребленія, и его богатая литература, наполненная сказаніями объ огромныхъ историческихъ періодахъ,—въ этой литературѣ нашли извѣстія о шахматной игрѣ. Подъ вліяніемъ означенныхъ сказаній и отзывовъ ученыхъ браминовъ, составились и между европейскими учеными преувеличенныя мнѣнія о древности санскритскихъ памятниковъ и содержащихся въ нихъ извѣстій. Нынѣ, при болѣе точныхъ изслѣдованіяхъ, оказывается, что санскритская литература, по крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, не только не древнѣе греческой, но даже отчасти находилась подъ вліяніемъ послѣдней“... „При разрушительномъ климатѣ Индіи, говоритъ Линде [175]), рукописи быстро уничтожаются; ни одна изъ дошедшихъ до насъ не имѣетъ болѣе 500 лѣтъ. Вслѣдствіе этого необходимо часто ихъ переписывать, а при этихъ перепискахъ текстъ постоянно подвергается вставкамъ и искаженіямъ, нерѣдко съ намѣреніемъ, въ интересахъ какой-нибудь секты“.

Вотъ какими свидѣтельствами подкрѣпляется мнѣніе о глубокой древности шахматъ!

Древнѣйшій, упоминающій о шахматахъ на санскритскомъ языкѣ, Рагунандана—принадлежитъ XVI вѣку, второй, Ананта—XVII и даже XVIII вѣку; первый, сообщившій въ Европу о шахматахъ въ Индіи, англичанинъ Вильямъ Джонсъ (W. Jones), писалъ объ этомъ въ 1790 году и притомъ описывалъ не нашу нынѣшнюю игру и не ближайшій ея прототипъ шатранджъ, а игру между четырьмя лицами, гдѣ ходы опредѣляются посредствомъ метанія кости. Другой англичанинъ, Кольбрукъ, продолжатель

и не рѣшился бы ввести ихъ въ мистерію, тѣмъ болѣе, что это было одно изъ первыхъ въ Россіи драматическихъ произведеній. Такимъ образомъ, при правильной оцѣнкѣ извѣстія, мы узнаемъ *изъ этого* литературнаго отрывка (если въ подлинникѣ шахматы упомянуты), что въ Россіи шахматы были извѣстны не позднѣе *начала* XVI столѣтія, а не конца XVII, когда была напечатана мистерія. Линде же, какъ извѣстно, проводилъ мысль, что едва-ли шахматы были извѣстны въ Россіи даже въ XVII столѣтіи!—См. пр. 180.

[174]) „Шахмат. Лист.“, 1879 г., стр. 33.—Эти очерки составлялись по *Исторіи* Линде, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскій авторъ, по его собственнымъ словамъ, не соглашаясь съ подлинникомъ, высказывалъ свои соображенія и дополнялъ самые очерки изъ другихъ источниковъ.

[175]) „Шахматный Листокъ“, 1879 г., стр. 37.

Джонса, писалъ уже позднѣе; онъ описываетъ игру между двумя лицами. Оба они, однако, того мнѣнія, что шахматы извѣстны въ Индіи съ незапамятныхъ временъ.

Древнѣйшее достовѣрное историческое свидѣтельство о шахматахъ принадлежитъ знаменитому арабскому писателю Масуди, умершему въ Каирѣ въ 956 году. Въ „Золотыхъ Лугахъ“ этого писателя сообщается о различныхъ шахматныхъ доскахъ того времени, упоминаемыхъ, по словамъ Масуди, въ сочиненіи филолога Джагиса († 868); тогда было шесть различныхъ типовъ игръ: 1) славнѣйшій, извѣстный подъ именемъ четвернаго, который содержитъ 8 клѣтокъ (въ одномъ ряду, т. е. 8×8=64) и приписывался древнимъ индійцамъ; 2) продолговатый, 4 помноженные на 16 (=64), въ которомъ фигуры были поставлены въ 4 ряда; 3) четыреугольный, 10 помноженные на 10 (=100); 4) круглый, приписываемый грекамъ; 5) астрономическій, который называется также небеснымъ; поля его, какъ небесныя звѣзды, раздѣлены на двѣ половины, южную и сѣверную,.... 6) вновь изобрѣтенный около времени Масуди, 7 помноженные на 8 (=56) и 12 другихъ, 6 на каждой сторонѣ (=68), которыя называются по человѣческимъ членамъ, именно 5 чувствамъ и 6-му чувству, которое есть сердце [176]).

Итакъ, наиболѣе раннее, исторически-достовѣрное, свѣдѣніе о шатренджѣ съ 64-клѣточной доской относится къ X вѣку нашей эры, т. е. къ тому времени, когда въ Европѣ латинскій языкъ сдѣлался окончательно мертвымъ, иными словами болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ позднѣе римской игры latrunculi. При этомъ изъ описанія видно, что, хотя доска въ 64 клѣтки и была главною, все же было и нѣсколько другихъ видовъ доски, слѣдовательно, ни доска, ни число шашекъ не установились окончательно.

„Шахматная игра, говоритъ Линде [177]), была изобрѣтена въ Индіи ранѣе X вѣка нашей эры, можетъ быть въ VIII. Всякая догадка, приписывающая ей бо́льшую древность, можетъ быть вполнѣ справедлива, но не имѣетъ за себя историческаго свидѣтельства“. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ (Quellenstudien), однако, отодвинуть этотъ предѣлъ къ VI вѣку нашей эры.—Разбираясь въ предположеніяхъ объ изобрѣтеніи шахматной игры буддистами [178]), надо прійти къ заключенію, что если она со-

---

[176]) „Шахматный Листокъ“ 1879 г., стр. 96.

[177]) „Шахм. Листокъ“, 1879 г., стр. 40.

[178]) Извѣстный нѣмецкій санскритологъ, профессоръ Альбрехтъ Веберъ (род. 1825 г.), предполагаетъ, что изобрѣтеніе принадлежитъ буддистамъ, склоннымъ къ созерцанію и размышленію. Это предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что на востокѣ шахматная игра особенно распространена у народовъ, исповѣдающихъ буддизмъ: въ Бирмѣ, Сіамѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Японіи, Цейлонѣ, Явѣ, Монголіи и у нашихъ калмыковъ (по свидѣтельству петербургскаго академика Палласа 1776 г.); съ другой стороны имъ объясняется можетъ быть намѣренное молчаніе санскритской литературы,—которая сохранялась и поддерживалась браминами,—о шахматной игрѣ, какъ о произведеніи секты ненавидимой и гонимой.—Всѣ эти соображенія очень остроумны, но упоминаніе о Китаѣ и Японіи здѣсь не должно имѣть мѣста. Въ этихъ странахъ мѣстныя шахматныя

здана ими, то время изобрѣтенія ограничивается двумя эпохами: II вѣкомъ до Р. X., когда буддизмъ возникъ, и X вѣкомъ нашей эры, когда буддизмъ былъ окончательно истребленъ въ Индіи [179]).

Такимъ образомъ и самое раннее время возникновенія шатренджа *позднѣе* игры римской въ latrunculi, которая во II вѣкѣ до Р. X. уже процвѣтала въ Римѣ, была игрою любимою и распространенною. Ясно отсюда, что никакъ игра римская не могла заимствовать своей доски отъ шахматъ, это скорѣе могло быть наоборотъ; вѣроятнѣе же всего доска обѣими странами была заимствована изъ какого-либо иного общаго источника.

Шахматы въ видѣ шатренджа появились на югѣ западной Европы послѣ завоеванія арабами Персіи и, позднѣе, Испаніи, а къ населенію сѣверной Европы перешли значительно позднѣе (какъ увидимъ далѣе, въ обновленномъ уже видѣ, съ дальнобойнымъ ферземъ) отъ возвращавшихся изъ своихъ походовъ крестоносцевъ. Средневѣковыя легенды о шахматахъ въ Европѣ начинаютъ появляться лишь въ XII столѣтіи, въ XIII онѣ достигаютъ наибольшаго развитія, а затѣмъ начинаютъ уже затихать.

Игра римская, какъ мы уже сказали, никакъ не могла быть забыта въ Европѣ. Изъ разсмотрѣнныхъ нами текстовъ видно, что въ Испаніи (еп. Исидоръ) она была извѣстна въ VI вѣкѣ, во Франціи (Фл. Вопискъ) въ III вѣкѣ по Р. X.—У римлянъ она была распространена какъ между патриціями, такъ и между плебеями; поэтому переселенцы изъ латинянъ и правители (не говоря уже о войскахъ) подвластныхъ Риму странъ всюду приносили ее съ собою [180]).

игры очень далеки отъ ихъ древняго образца, особенно у японцевъ; у нихъ шашки обоихъ игроковъ одного цвѣта; за исключеніемъ царя, всѣ онѣ, дойдя до мѣстъ первоначальнаго расположенія чужихъ фигуръ (даже не краевыхъ), могутъ быть обращаемы въ иныя шашки, а шашки взятыя поступаютъ въ распоряженіе взявшаго и могутъ быть имъ введены въ свою игру. Это совершенно самостоятельная шашечная игра и притомъ особаго типа. Доска у японцевъ имѣетъ 9×9=81 клѣтку. См. „Живописная Русская Библіотека", изд. К. Полевымъ, 1857 г., т. II, № 47, стр. 371. Здѣсь игра описана лучше, чѣмъ у Линде въ Quellenstudien zur Gesch. und Litt. des Schsp., Seiten 279—281.—Въ Китаѣ игра также подверглась сильной переработкѣ и содержитъ въ себѣ много особенностей, о которыхъ я упоминаю въ другихъ примѣчаніяхъ. (См. пр. 204).

179) „Шахм. Лист.", 1879 г., стр. 41—42.—И. Т. Савенковъ, стремясь вездѣ сказать что нибудь самостоятельное, пишетъ (стр. 101), что „Если шахматная игра отмѣчена въ Персіи въ VI вѣкѣ, то приписывать ея первую передачу изгнаннымъ изъ Индіи буддистамъ, по меньшей мѣрѣ, странно, а такое мнѣніе встрѣчается въ литературѣ". Въ чемъ, однако, заключается странность, онъ не выясняетъ, предоставляя легковѣрнымъ людямъ думать, что если что-либо отрицается рѣшительно („по меньшей мѣрѣ"!), то значитъ для отрицанія имѣются и солидныя данныя. Быть можетъ такія данныя и дѣйствительно существуютъ, если не на дѣлѣ, то хотя по мнѣнію И. Т. Савенкова, но мы лишены возможности ихъ провѣрить, а доступныя обыкновенному читателю пособія не даютъ данныхъ совершенно отрицать гипотезу Вебера. (См. стр. 17).

180) Такъ Марціалъ, родившійся въ Испаніи, большую часть жизни прожилъ

Какъ могла исчезнуть такая игра, когда другая, разыгрывавшаяся на обратной сторонѣ доски, несомнѣнно сохранилась? Масуди, говоря о древнѣйшихъ шахматныхъ трактатахъ, приписываетъ шахматныя сочиненія грекамъ и римлянамъ, а латинское названіе ludus latrunculorum или latronum было въ Европѣ первоначально перенесено на шахматную игру и при употребленіи латинскаго языка долго сохранялось въ литературѣ. Говорятъ, что здѣсь въ обоихъ случаяхъ смѣшаны игры. Несомнѣнно! Но почему произошло *такое именно* смѣшеніе? Почему шахматы смѣшали съ игрою latrunculorum, а не съ какою-либо другою? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: потому что доски ихъ были одинаковы, и смѣшеніе было такъ естественно и понятно.

„Въ романахъ о королѣ Артурѣ, царствовавшемъ въ VI вѣкѣ въ Валисѣ, и о рыцаряхъ Круглаго Стола часто упоминается о шахматахъ. Въ одномъ изъ нихъ, XIII вѣка, разсказывается, что когда однажды король и его рыцари послѣ пиршества сидѣли въ залѣ, вдругъ въ окно влетаетъ чудесная шахматная доска (een scaec) изъ слоновой кости, золота и серебра, украшенная драгоцѣнными камнями, стоющая дороже всего королевства Артурова. По разсмотрѣніи ея присутствующими, она поднимается и исчезаетъ. Король обѣщаетъ сдѣлать наслѣдникомъ того, кто отыщетъ чудесную доску..... Если основаніемъ этого романа, замѣчаетъ Линде, послужило древнѣйшее сказаніе, то въ послѣднемъ несомнѣнно говорилось не о шахматной, а о какой-нибудь другой кельто-бретонской игрѣ“ *). Замѣчаніе вѣрно, но оно не исчерпы-

---

въ Римѣ, но умеръ въ 102 г. по Р. Х. на родинѣ, куда онъ вернулся съ воцареніемъ Траяна (98 г.), а Марціалъ любилъ шашки и писалъ (II, XLVIII): „Доску да шашки (tabulamque calculosque), да нѣсколько избранныхъ книгъ... и я уступаю тебѣ всѣ прелести Нероновыхъ термъ“.—Овидій умеръ въ Томи близъ устьевъ Дуная, въ 17 г. по Р. Х.—Нынѣшняя Румынія при Траянѣ (56—117) была значительно заселена римскими солдатами.—Пилатъ, конечно, зналъ игру, и блудный сынъ въ мистеріи Полоцкаго могъ играть въ шашки; присутствіе на сценѣ *шашечницы* не было бы анахронизмомъ.—См. кстати: „Нива“ 1905 г., № 15, стр. 287, гдѣ приведенъ снимокъ съ картины Лихштедта (писанной, конечно, на основаніи археологическихъ изысканій) „Явленіе Христа въ Эммаусѣ“. Полъ здѣсь изъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ „въ шашку“.—Въ „Сѣверѣ“ 1905 г., №№ 9 и 10, помѣщены снимки съ картинъ К. Форти и Г. Семирадскаго изъ древне-римской жизни. На обѣихъ есть украшенія въ видѣ старинной формы доски для игры въ „мельницу“, а на одной—украшенія „въ шашку“.—См. также „Живоп. Обозр.“ 1888 г., № 15, стр. 237. Выставка Имп. акад. худ. 1888 г. Съ картины академика С. В. Бакаловича „Помпейская лавочка“.: на стѣнахъ украшенія „въ шашку“, на прилавкѣ продавца ящичекъ съ поверхностью „въ шашку“.—См. еще *Р. Випперъ.* Учебникъ древней исторіи“. М. 1906 г., стр. 129. Рисунокъ: Пріемные покои въ домѣ нобиля.

Наконецъ для опредѣленія распространенія игры въ latrunculi въ Европѣ могутъ служить всѣ тексты о скриптулѣ, ибо, несомнѣнно, гдѣ знали эту послѣднюю (сложную по правиламъ и разстановкѣ) игру, тамъ знали и latrunculi. Авзоній, напримѣръ, жилъ приблизительно въ 309—394 гг. по Р. Х.

*) „Шахм. Лист.“ 1878 г., стр. 138.

ваетъ предмета. Легенда интересна тѣмъ, что она, видимо, мало измѣнила древнее сказаніе; она говоритъ не о шахматной *игрѣ*, а лишь о *доскѣ шахматной*. Названіе доски могло измѣниться, но сама она могла быть и *совершенно одинаковою* съ шахматницею.

Говорятъ, что число клѣтокъ шахматницы 4 дважды помноженное на самого себя, $4^3=64$, было въ Индіи числомъ мистическимъ [181]). Это обстоятельство не только не исключаетъ возможности нахожденія ея въ древнемъ Римѣ, но скорѣе говоритъ за него. Извѣстная, напримѣръ, Пиѳагорова теорема въ основаніи своемъ имѣла также мистическій треугольникъ, стороны котораго равнялись 3, 4 и 5 ($3^2+4^2=5^2$); онъ былъ извѣстенъ египетскимъ жрецамъ и отъ нихъ перешелъ къ грекамъ.

Магометъ (571—632) не зналъ шахматъ; запрещенная Кораномъ игра,—есть игра нардъ [182]),—смѣсь случая и разсчета, ибо

---

[181]) То же находимъ мы въ Китаѣ. Первое мѣсто въ китайской литературѣ, говоритъ „Больш. Энциклопедія", занимаютъ пять книгъ Цзинъ. Главнѣйшая изъ нихъ И-дзинъ „Книга перемѣнъ" въ началѣ появилась не книгой, а въ видѣ таблицы діаграммъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ элементовъ: одной непрерывной линіи ——— и одной, раздѣленной на два ——— ———; комбинаціи ихъ (располагая ихъ не въ линію, а сверху, одну надъ другой) по три даютъ восемь фигуръ, если послѣднія комбинировать по шести, то получается шестьдесятъ четыре. Съ давняго времени на эти діаграммы смотрѣли съ почти религіознымъ благоговѣніемъ, какъ на сосредоточіе всей мудрости; всегда онѣ возбуждали проницательность однихъ,- суевѣрное почтеніе другихъ. Происхожденіе этихъ діаграммъ относится къ миѳическимъ временамъ Китая. Первыми объяснителями ихъ считаются князь Венвангъ и его сынъ Джеуцзянь; дальнѣйшія разъясненія къ нимъ написалъ Конфуцій.

[182]) Не знаю, почему въ ученомъ мірѣ западной Европы принято называть эту игру не нардомъ, а нердомъ или нэрдомъ, персидскимъ словомъ, по объясненію Гайда, означающимъ цилиндрическую фигурку шашки этой игры. На Кавказѣ у армянъ она называется теперь „нарды", у Грузинъ „нардй", что зналъ также и Гайдъ; у калмыковъ она именуется „наръ" или „нарръ". Нардъ есть индійское пахучее растеніе изъ колосистыхъ: по Далю Nardostachys iatamansi. У грековъ изъ этого душистаго растенія выжимали особое благовонное масло; оно было извѣстно и евреямъ (упоминаемое въ Евангеліи—было это самое масло). Такимъ же образомъ, черезъ *а*, писали это слово римляне, означая растеніе nardum или nardus. Если бы игра эта была персидскаго происхожденія, и названіе ея было преимущественно нердъ, то оно не могло бы измѣниться у всѣхъ сосѣднихъ народовъ въ нардъ. Если оно теперь, по *современному* выговору персіанъ и арабовъ, выговаривается черезъ *е*, то это не должно быть причиною для насъ удерживать такое новѣйшее произношеніе.

Мѣсто въ коранѣ, коимъ запрещена эта игра, относили къ шахматамъ. Оно переводится такъ: „О, правовѣрные, по истинѣ вино, игры (maisir), изображенія и чудодѣйственныя палочки суть гнусныя выдумки сатаны". Иные переводы прибавляютъ къ играмъ опредѣленіе „азартныя". Въ другомъ мѣстѣ корана про фигурныя изображенія говорится, что правовѣрный, который сдѣлалъ бросающее тѣнь тѣло, будетъ спрошенъ на страшномъ судѣ Аллахомъ, въ состояніи ли онъ это тѣло одушевить, и такъ какъ онъ этого не можетъ сдѣлать, то будетъ ввергнутъ въ адъ. Второе мѣсто изъ корана также можетъ

шашки въ ней передвигаются на основаніи очковъ, выпадающихъ на двухъ игральныхъ костяхъ, которыя мечутся передъ ходомъ. Игра эта принадлежитъ также къ древнѣйшимъ, какъ забава; она несравненно старше шахматъ и можетъ быть старше даже шашекъ.

Относительно древности игры нардъ ни у Линде, ни у другихъ, не пришлось мнѣ прочесть ничего дѣльнаго. Только Бекъ де Фукьеръ осторожно касается этого предмета, возстановляя игру римскую XII scriptorum или скриптулу. Въ персидскихъ и арабскихъ сказаніяхъ ей, подобно шахматамъ, приписываютъ большую древность. Бекъ де Фукьеръ, разбирая дошедшіе объ ней тексты у греческихъ и римскихъ писателей, показалъ съ достаточною очевидностью, что эта древняя игра сохранилась до нашихъ дней и носитъ теперь въ Европѣ (французское) названіе триктрака (англійск. Bockgamon, нѣмец. Tokkadille или Puff), въ средніе же вѣка называлась tabula или ludus tabularum, что соотвѣтствуетъ средневѣковому греческому *ταβλή* и *ταῦλη*—русскому тавлея. Въ Египтѣ теперь она именуется „тавулехъ“. Въ наиболѣе древнихъ греческихъ текстахъ она называется по костямъ *κυβεία*, kybeia, кюбейя. Нѣкоторые филологи принимаютъ это слово за означеніе игры въ кости (безъ шашекъ и доски). Это ошибочно. У римлянъ она получила названіе игры двѣнадцати

относиться къ нарду, ибо древнія персидскія шашки, какъ и греческія, въ вершинѣ своей имѣли собачьи и львиныя головы (Гайдъ даетъ и рисунки).

Шахматная литература, сообщая о запрещеніи кораномъ игры нардовой, не выясняетъ самаго главнаго, что слово нардъ, помимо его приложенія къ игрѣ съ костями по преимуществу, означаетъ, какъ и наша „шашка“, вообще игральную фигурку и потому запрещеніе безъ большой натяжки могло быть примѣняемо ко всѣмъ вообще *шашечнымъ* играмъ, а въ широкомъ смыслѣ шахматы, конечно, игра шашечная—jeu de table, brettspiel. Споры мусульманъ объ этомъ запрещеніи важны для насъ тѣмъ, что ими твердо установлена новизна шахматъ: Магометъ, какъ выяснилось, не зналъ ихъ.

Относительно кавказскихъ армянъ и грузинъ необходимо прибавить, что для означенія выпавшихъ на костяхъ очковъ (ихъ обязательно провозглашать передъ ходомъ) употребляются термины на старинномъ персидскомъ (фарсійскомъ) языкѣ, нынѣ уже вышедшемъ изъ употребленія, притомъ почти въ неискаженномъ видѣ, лишь съ очень небольшою примѣсью словъ турецкихъ. Всѣ эти термины мѣстному населенію вовсе не понятны и не имѣютъ ничего общаго съ корнями мѣстныхъ нарѣчій. Казалось, это должно бы затруднять распространеніе игры, на самомъ же дѣлѣ это нисколько не вліяетъ на ея живучесть, и „древнія“ названія охотно заучиваются и тщательно сохраняются. Вотъ кавказскія сочетанія этихъ названій, сообщенныя мнѣ однимъ, совершенно необразованнымъ, армяниномъ: а) 1—1, іе́къ-іе́къ; б) 1—2, ду́-бирь-іекъ; в) 1—3, се́-бирь-іекъ; г) 1—4, ча́харь-іекъ; д) 1—5, паха́ньжъ-у-іекъ; е) 1—6, ше́шъ-у-іекъ; ж) 2—2, ду-баро́; з) 2—3, се́-ба-ду; и) 2—4, ча́харъ-ду; і) 2—5, па-ха́ньжъ-у-ду; к) 2—6, ше́шь-у-ду; л) 3—3, ду́-се; м) 3—4, чаха́ръ-у-се; н) 3—5, паньжъ-у-се; о) 3—6, ше́шъ-у-се; п) 4—4, до́ртъ-чахаръ; р) 4—5, паха́ньжъ-у-чаръ; с) 4—6, ше́шъ-у-чаръ; т) 5—5, ду-бе́шь; у) 5—6, ше́шъ-у-бешъ; ф) 6—6, ду-шешъ. У русскихъ на Кавказѣ, по свидѣтельству В. А. Эрдели, у грековъ и вообще по всему восточному и южному побережью Чернаго моря, игра называется *тавлея*. Въ нее играютъ какъ высшее общество, такъ и простонародье.

линій, XII scriptorum, или короче scriptula. Греки разыгрывали ее въ древности (показаніе Гезихія) при помощи трехъ костей, тогда какъ въ Римѣ и вездѣ на Востокѣ въ ней употребляется только двѣ кости. Въ Римѣ была найдена одна мраморная доска этой игры съ греческою апокриѳическою надписью *Χριστὸς βοηθεῖ τοὺς γράψαντας αὐτὸν καὶ παίζοντας εἰς τὰ βόλια*. Бекъ де Фукьеръ воспроизводитъ рисунокъ этой доски, но, не зная игры персидской, не замѣчаетъ главной ея особенности—способа отмѣтки шестыхъ линій, которая указываетъ, что шашки, какъ и въ триктракѣ, двигались навстрѣчу другъ другу. То же было и въ положеніи изъ игры императора Зенона, которое впервые разрѣшено Бекъ де Фукьеромъ. Въ персидской же формѣ игры, которая сохранилась на Кавказѣ подъ именемъ „большая игра нарды“, шашки ставятся передъ началомъ игры на крайнія линіи въ діаметрально противоположныхъ углахъ доски, на сторонѣ *противоположной* отъ играющаго, и идутъ къ себѣ, притомъ не навстрѣчу другъ другу, а кругомъ, въ догонку. Игра эта, какъ видно изъ приводимыхъ у Гайда греческихъ, латинскихъ и восточныхъ текстовъ, имѣла символическое значеніе. Число двѣнадцать линій соотвѣтствовало числу мѣсяцевъ въ году, а дѣленіе доски на 4 части,—четыремъ временамъ года; шашки, числомъ тридцать, означали лунныя и безлунныя ночи, а движеніе ихъ изображало движеніе звѣздъ на небѣ; сумма очковъ на противоположныхъ сторонахъ кости,—семь,—относилась къ числу планетъ (солнце, луна и пять планетъ извѣстныхъ въ древности), отъ которыхъ происходитъ на землѣ все дурное и хорошее; это—египетское представленіе, которое впослѣдствіи повторяли греки временъ имперіи. Къ этому надо прибавить, что число шашекъ, 30, помноженное на число линій, 12, даетъ 360—число дней въ году, и можно думать, что созданіе игры относится еще къ тому глубоко-отдаленному времени, когда календарь считалъ въ году только 360 дней. На это указываетъ египетская легенда (объ выигрышѣ богомъ Таотомъ у богини Луны пяти прибавочныхъ дней въ году), которую мы привели въ первой главѣ [183]).

Легенда относится именно къ этой игрѣ съ костями, и Геродотъ (500—424

[183]) Египтяне знали неточность счета 365 дней, но не вносили въ свой календарь поправки посредствомъ высокосныхъ годовъ; всѣ годы были у нихъ простые въ 365 дней, а мѣсяцы (первый Тотъ) по 30 дней; въ концѣ года прибавлялось пять добавочныхъ дней; черезъ 1461 годъ повторялся циклъ годовъ, когда солнце всходило въ томъ же мѣстѣ въ одинъ и тотъ же день; такимъ образомъ можно думать, что они еще до Р. Х. знали по крайней мѣрѣ два такихъ цикла, т. е. ихъ исторія должна восходить не менѣе какъ къ 2922 году до Р. Х., а по всѣмъ вѣроятіямъ и глубже. См. примѣч. 100.

до Р. Х.), сообщая о Рампсинитѣ, игравшемъ въ подземномъ царствѣ, совершенно правильно означаетъ понятіе „играть въ шашки“ словомъ *συγκυβεύειν*, sygkybeyein. Плиній сообщаетъ (XXXVII, 2), что Помпей во время третьяго своего тріумфа велѣлъ нести доску кюбейи (alveum lusorium) съ костями изъ драгоцѣнныхъ камней. На столѣ этомъ была также *золотая Луна*. Это прямо указываетъ, что игра была и считалась принадлежностью одной изъ завоеванныхъ странъ, быть можетъ, взята была изъ какого нибудь храма. Платонъ (427—347 до Р. Х.) въ X книгѣ „Республики“ сравниваетъ обстоятельства человѣческой жизни съ выборомъ ходовъ по выпавшимъ на костяхъ очкамъ. Плутархъ (50—135 по Р. Х.) описываетъ ходъ игры одного жреца, который пригласилъ играть съ собою *(διακυβεύειν)* Геркулеса: сперва онъ ставилъ шашки (*ψῆφοι)* за бога, потомъ за себя. Въ другомъ мѣстѣ, въ жизни Артаксеркса (XVII), онъ подробно разсказываетъ, какъ мать его Парисатида, была искусна въ игрѣ кюбейѣ *(δεινὴ κυβεύειν)*. Все это съ достаточною ясностью показываетъ большую древность игры. Сохранившіяся на Кавказѣ подробности и направленіе ходовъ указываютъ не только на ея древность, но и на самобытный характеръ ея, дающій ей самостоятельное мѣсто между шахматами и шашками, независимое ни отъ одной изъ нихъ. По своей цѣли нардъ составляетъ не только смѣсь случая и разсчета, но еще и смѣсь игры въ крѣпкія съ игрою въ поддавки. Убивать здѣсь чужія шашки выгодно, но убитая не удаляется съ доски, а поступаетъ въ распоряженіе прежняго владѣльца, который обязанъ немедленно ввести ее снова въ игру черезъ одно изъ шести первоначальныхъ мѣстъ. Дамокъ здѣсь вовсе нѣтъ, и шашка могущая играть (т. е. ходить и бить) только впередъ, окончивъ свой путь, вмѣсто хода сбрасывается съ доски. На стрѣлкѣ (линія, флеша, клинокъ) доски, которая по существу соотвѣтствуетъ клѣткѣ шахматницы, можетъ стоять одновременно нѣсколько одноцвѣтныхъ шашекъ, но убита можетъ быть лишь одинокая шашка, при чемъ убивающая становится на мѣсто взятой. Выигрываетъ тотъ изъ двухъ противниковъ, который раньше другого сброситъ свои шашки съ доски. Въ одну „очередь“ (т. е. по числу очковъ на костяхъ, брошенныхъ одинъ разъ), которая соотвѣтствуетъ очередному „ходу“ другихъ игръ, можно пойти (передвинуться, убить, оживить убитую, сбросить дошедшую) или одною своею шашкою два раза, или двумя шашками по одному разу, а при костяхъ парныхъ (дублетахъ) число передвиженій удваивается. Игроки сидятъ другъ противъ друга, передъ длинной стороной доски, но шашки ихъ, какъ уже сказано, выставляются передъ началомъ игры на сторонѣ противника (въ правомъ отъ себя углу) и затѣмъ идутъ съ той стороны доски *къ себѣ*, сперва влѣво, потомъ внизъ и направо, и притомъ кругомъ, въ одну сторону, въ догонку другъ за другомъ, а не навстрѣчу, какъ во всѣхъ другихъ играхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ игрокъ лишается хода (вынужденно пропускаетъ его). Убивать чужія шашки разрѣшается лишь соотвѣтственно числу пустыхъ мѣстъ въ домѣ, на коихъ противникъ въ правѣ оживлять убитыя, и если число ранѣе убитыхъ равно уже числу пустыхъ брусковъ перваго двора противника, то убивать больше нельзя, надо играть иначе (иной разъ пропускать ходъ), выжидая, когда противникъ освободитъ такія мѣста, такъ что иногда вовсе нельзя убивать чужихъ, хотя бы онѣ оказывались подъ ударомъ. Въ верхней начальной половинѣ доски свои шашки можно помѣщать лишь по одной на каждой линіи, начиная же съ 12-ой и на всѣхъ 12 въ нижней, ближайшей къ себѣ, половинѣ доски можно ставить уже по 2 и болѣе своихъ шашекъ. Это единственный случай усиленія правъ шашки, ибо находящіяся на линіи двѣ (или болѣе) своихъ шашки не могутъ быть вовсе убиваемы.

Игра эта извѣстна и въ Китаѣ, но тамъ она пріобрѣла особенности. Шашки ставятся также по угламъ и идутъ кругомъ, но шашекъ по 16, стоятъ онѣ не на линіяхъ, а между ними; всѣхъ линій семь, такъ что въ одной сторонѣ доски восемь мѣстъ и восемь въ другой. Въ этомъ видно вліяніе шахматъ; и наоборотъ шахматы китайскіе измѣнились подъ вліяніемъ нарда, ибо тамъ доска раздѣлена на двѣ половины—рѣкою. Тогда какъ у всѣхъ почти древнихъ народовъ ближайшаго къ Европѣ Востока и у древнихъ европейцевъ шашки были, большею частію, въ видѣ нашихъ кегель, у китайцевъ онѣ всегда были круглыми и плоскими. Такія же шашки у нихъ и въ шахматахъ, а для отличія на нихъ написаны соотвѣтственныя ихъ ходу іероглифы названій.

Игра эта, лишь въ особой передѣлкѣ (въ которой, однако, сохранился весь строй ея основныхъ правилъ), была извѣстна римлянамъ. Доска скриптулы вполнѣ совпадала съ доскою восточнаго нарда, равно какъ, вѣроятно, и число ея шашекъ.—Но если доска одной изъ восточныхъ игръ была извѣстна древнему міру, то почему могла быть не извѣстна имъ другая восточная доска, шахматная, принадлежавшая игрѣ, распространенной въ Индіи и сосѣдней съ нею Персіи? Греки, какъ извѣстно, вели большія войны съ Персіей, завоевывали Египетъ, доходили и до Индіи (до нынѣшнихъ Туркестана и Пятирѣчья) и овладѣвали ею. Мысль, что доска шахматная явилась въ Европу *только вмѣстѣ съ шахматами*, кроется въ такомъ же апріорномъ предположеніи, какъ и предположеніе объ изобрѣтателѣ игры. Допускается напередъ, безмолвно, какъ безспорная истина, что правила движеній шахматныхъ фигуръ созданы были *одновременно* съ доскою. Это не только ни на чемъ не основано, но и противорѣчитъ разсудку, ибо ясно, что доска могла существовать сама по себѣ, а движенія шахматной игры созданы позднѣе. Такъ это и было въ дѣйствительности.

Впрочемъ, къ нарду можно примѣнить такія разсужденія à la Линде: „Въ Персіи, а быть можетъ еще ранѣе въ Индіи, существовала шашечная игра съ костями. Подобная же игра была у древнихъ грековъ и у римлянъ. По дошедшимъ отъ нихъ цитатамъ игра эта въ новѣйшее время реставрирована Бекъ де Фукьеромъ. Происхожденіе ея относится ко временамъ глубокой древности. Арабскіе и персидскіе источники считаютъ ее древнѣйшею изъ игръ; греки съ своей стороны относили ее ко временамъ баснословнымъ. Нѣкоторые выводили ее изъ Египта. Все это провѣрено быть не можетъ, ибо египетскія рисунки въ профиль не даютъ представленія объ игрѣ, а персидская и арабская литература относится къ сравнительно новымъ временамъ, и вообще на востокѣ по письменнымъ свидѣтельствамъ можно прослѣдить ее не далѣе VIII—VII, можетъ быть VI вѣка, извѣстія же греческія относятся ко временамъ древнѣйшимъ, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Такимъ образомъ игру нардъ надо признать игрою греческою, или по меньшей мѣрѣ извѣстною въ Греціи гораздо ранѣе, чѣмъ на азіатскомъ востокѣ; это соображеніе подкрѣпляется также свѣдѣніями о самой игрѣ. У грековъ были три кости, а у персовъ и арабовъ лишь двѣ; у грековъ и римлянъ шашки шли, какъ и во всѣхъ шашечныхъ играхъ, навстрѣчу другъ другу, а у персовъ онѣ идутъ кругомъ въ догонку, при чемъ располагаются на чужой сторонѣ доски и двигаются къ себѣ. Все это надо признать позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ: *психологическою невозможностью*. Такъ какъ греческія извѣстія древнѣе персидско-арабскихъ, а греки

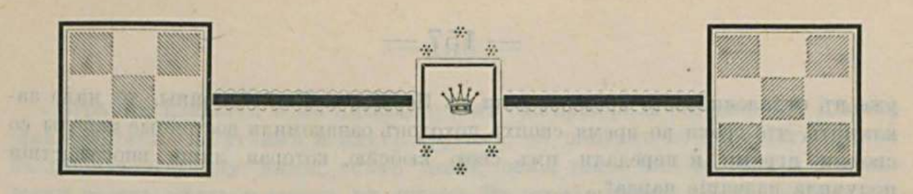
уже въ отдаленнѣйшія времена вели съ Персіей и Индіей войны, то надо заключить, что греки во время своихъ походовъ ознакомили восточные народы со своими играми и передали имъ свою кюбейю, которая лишь впослѣдствіи получила названіе нарда"...

Такія и имъ подобныя разсужденія, *подгоняемыя къ случайно сохранившимся письменнымъ памятникамъ,* могутъ быть выданы за вѣрныя. Но если обратить вниманіе на всю совокупность данныхъ, пожелать оцѣнить ихъ, разобраться, какія важны изъ нихъ и какія незначительны, то выводы будутъ другими.

Общее убѣжденіе и преданія, что игра нардъ не европейскаго происхожденія, и была въ древности извѣстна въ Египтѣ и на Востокѣ, должны быть признаны болѣе солидными, несмотря на отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ.

Число костей,—двѣ,—какъ на востокѣ, такъ и у римлянъ,—свидѣтельствуетъ о заимствованіи игры изъ одного общаго источника, и очевидно, что три кости было мѣстною, греческою, особенностью, мѣстнымъ нововведеніемъ, заимствованнымъ изъ другой игры (у грековъ была азартная игра въ кости на наибольшее число очковъ,—т. е. три шестерки,—реставрація Бекъ де Фукьера). Будь игра греческою, три кости могли превратиться въ двѣ лишь по одну какую-либо сторону Греціи, въ Римѣ или на Востокѣ, а не вездѣ. Точно также мѣстною особенностью, европейскою, надо признать движеніе шашекъ навстрѣчу другъ другу. Кругообразное движеніе ихъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ изображенію движенія небеснаго свода. Въ Римѣ игра эта хотя и признавалась зависѣвшею отъ случая, отъ счастливо выпавшихъ костей, но все же была, очевидно, переработана посредствомъ разныхъ частностей въ игру значительно болѣе зависѣвшую отъ разсчета, ибо римскіе писатели указываютъ, какъ на не вполнѣ очевидную особенность ея, на то, что исходъ въ ней все-таки зависитъ отъ счастливо выпадающихъ костей. Позднѣе, въ средніе вѣка, игра эта была обставлена массою штрафовъ за невниманіе, полный кругъ ея состоялъ изъ двѣнадцати партій, а шашки, подвергающіяся ударамъ, не могли уже быть снимаемы съ доски. Все это вмѣстѣ, хотя и не устранило вліянія костей, на столько, однакоже, измѣнило игру, что она изъ азартной превратилась почти въ игру разсчета, въ то, что̀ теперь мы именуемъ въ картахъ игрою „коммерческою". Наоборотъ, востокъ сохранилъ правила ея неприкосновенными, онъ не передѣлывалъ ея, и она до сихъ поръ тамъ вездѣ (проникла даже къ китайцамъ и японцамъ) составляетъ любимое развлеченіе. И это-то обстоятельство, живучесть игры, пристрастіе къ ней мѣстнаго населенія, по моему мнѣнію, гораздо важнѣе въ рѣшеніи вопроса о ея родинѣ, чѣмъ множество достовѣрныхъ свидѣтельствъ, находящихся въ письменныхъ памятникахъ какой-нибудь одной страны.

XVII.

Для лучшаго опредѣленія характера современныхъ шахматъ и ихъ исторіи необходимо уяснить себѣ, чѣмъ въ сущности былъ шатренджъ. Большинство любителей понимаетъ, что это было чѣмъ-то въ родѣ нашихъ шахматъ. Это далеко не такъ. Правда, въ немъ были всѣ элементы современной шахматной игры, разнообразіе шашекъ, матъ и неприкосновенность царя, но по духу своему, по способу разыгрыванія партій, игра эта была гораздо болѣе шашечной, чѣмъ шахматной. Матъ былъ вообще недостижимъ; онъ составлялъ одинъ изъ пріемовъ игры, былъ угрозою для ослабленія противника, идеаломъ партіи, но случался на практикѣ такъ же рѣдко, какъ въ игрѣ шашечной запираніе дамки, если еще не рѣже. Обыкновенно партію выигрывали, отбирая шашки противника; поэтому и патъ, и одинокій царь,—хотя бы ему даже нельзя было дать мата,—считались за проигрышъ [184]).

---

[184]) Отсюда именно, изъ этого характера шатренджа, явилась и идея шахматной задачи: такъ какъ осуществить идеалъ игры, матъ, въ партіи было невозможно, или было явленіемъ до крайности исключительнымъ, то стали сочинять искусственныя позиціи. Въ наше время шахматная задача сдѣлалась не осуществленіемъ мата, не его иллюстраціей, а стала разрабатывать рѣдкія, не встрѣчающіяся въ партіяхъ, сочетанія фигуръ и ихъ взаимныхъ движеній. Утвержденія Н. Н. Панкратова въ его статьяхъ противъ П. Н. Бодянскаго (въ „Шашкахъ" и особенно въ „Шахматномъ Обозрѣніи") не вѣрны и подкрѣпляются не только парадоксальными умозаключеніями, но иной разъ и прямыми подтасовками и передержками. Задача *есть слѣдствіе и выраженіе законовъ игры,* придатокъ ея, и придатокъ вовсе не необходимый. Всякая игра можетъ свободно существовать безъ задачъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ ко мнѣ (см. „Шахм. Об." 1892 г., № 10, стр. 114) М. К. Гоняевъ между прочимъ писалъ: „изслѣдуя арабскія и средне-вѣковыя задачи по даннымъ г-на Линде (кстати: вы представить себѣ не можете, какъ онъ небрежно и *спутанно* издаетъ первоисточники! Это такой пошлый дилетантъ, что всякъ, кто работалъ по его „обработкамъ", навѣрное ругалъ его „до насморка"), я убѣдился: а) что арабы X—XII вв. играли въ шатранджъ *великолѣпно;* б) что высшія тайны тонкаго веденія игры были потеряны уже у самихъ арабовъ къ XIII вѣку, вѣроятно, по отсутствію средствъ „фиксаціи", сирѣчь книгопечатанія: и теперь

Шатренджъ, сравнительно съ современными шахматами, былъ игрою вялою, скучною, неинтересною. Не удивительно, что онъ

наборщики врутъ,—но переписчики всегда врали еще больше, хотя и неумышленно (traduttori—traditori!), и в) что преобладающій стиль арабской игры можно охарактеризовать терминами „жертва и натискъ!“, а средневѣковую игру Николаи-де-Николаи и его подражателей (XIV—XVI вв.) непереводимымъ нѣмецкимъ техническимъ словомъ Zugzwang (терминъ Макса Ланге). И я готовъ доказать эти тезисы всякому, хотя бы и самому Линде, съ книгами въ рукахъ“.

Въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ своей 1886 года, предназначенной для „Радуги“, но попавшей лишь въ „Охотникъ“ 1887 г., а въ окончательномъ видѣ увидавшей свѣтъ лишь въ моемъ „Шахм. Об.“ 1893 г. (№№ 23—29, стр. 272—274), М. Г. писалъ: „Итакъ, мы имѣемъ передъ собой древній списокъ сборника избранныхъ задачъ Адли и Сули, обработанный Ладшладжемъ, который, по его собственному показанію, лично еще зналъ Аль-Сули!—Такой достойный тріумвиратъ изъ временъ наибольшаго процвѣтанія шатранджа у арабовъ (IX и X вѣка) породилъ во мнѣ живѣйшее желаніе проникнуть въ тайны арабскаго шахматнаго искусства, и я не напрасно потратилъ время на изученіе арабскихъ проблемъ: шатранджъ оказывается прекрасной въ своемъ родѣ игрой, изящнаго и тонкаго стиля (въ чемъ живо напоминаетъ русскія шашки, тоже требующія строгаго и дальновиднаго разсчета въ веденіи игры), и арабы довели до высокаго совершенства разработку тонкостей игры, искуснаго маневрированія своими своеобразными фигурами: альфереццой и альфилемъ; шатранджъ обезобразила до неузнаваемости и дискретировала его въ глазахъ всѣхъ уже впослѣдствіи средневѣковая Европа въ мрачные вѣка своей умственной спячки и застоя“.

Едва ли можно со всѣмъ этимъ согласиться. Весьма вѣроятно, что арабы IX—X вѣковъ играли *лучше*, чѣмъ въ XV—XVI вв., когда шатранджъ сталъ уже старѣть, но сама игра и ея веденіе не можетъ быть опредѣляема по задачамъ. Лучшимъ поясненіемъ этого могутъ служить русскія шашечныя задачи, въ которыхъ глубина замысла и тонкость разыгрыванія искусственной позиціи доведена у насъ до совершенства. Проблемы могутъ дать даже прямо таки ложное представленіе о веденіи партіи, ибо лучшіе составители задачъ и этюдовъ нерѣдко очень плохо играютъ практически, а игроки, какъ, напр., М. И. Чигоринъ, В. Стейницъ и шашечные С. А. Воронцовъ, Ф. А. Кауленъ,—совсѣмъ не составляютъ задачъ и даже мало ими интересуются. То, что доступно воображенію А. В. Галицкаго или Лойда,—то въ партіи неосуществимо. Именно потому то и развились шатранджевыя задачи, что сама игра, т. е. партія, не давала мѣста глубокимъ комбинаціямъ. Ссылка на отсутствіе книгопечатанія ошибочна. Римляне не оставили намъ своихъ партій, а современные англичане ту же игру практически изучили великолѣпно, но задачи у нихъ не развились. То же и въ русской игрѣ. Игроки 30—40—50-хъ годовъ XIX столѣтія играли великолѣпно и знали наизусть множество партій. Не только не было напечатано нигдѣ ихъ игръ, но они (какъ и теперешніе профессіональные московскіе „городскіе“ игроки) тщательно *скрывали* эти партіи, и все же, какъ только игрой заинтересовались образованные любители,—большинство этихъ партій выяснилось, а арабскихъ партій нѣтъ. Игра глубокая не могла быть такъ забыта, такъ заброшена всюду, т. е. не только въ Европѣ, но и въ Азіи, если бы она заключала въ себѣ много тонкости. Маіоръ Гриммъ (см. примѣч. 57-е), описывавшій правила современнаго арабскаго шатранджа

могъ не понравиться воевавшимъ съ Персіей и Индіей (походъ Александра Македонскаго въ 327 г. до Р. Х.) грекамъ, *если только существовалъ во время ихъ походовъ*. По всѣмъ соображеніямъ ни чатуранги, ни тѣмъ болѣе шатранджа, въ то время не было и въ самой Индіи, или если чатуранга и существовала,— то она еще *не переходила въ стадію игры*; нардъ же, какъ видно изъ греческой литературы, существовалъ уже въ то время; онъ пришелся по вкусу грекамъ, и они не только взяли его, но и передали римлянамъ, при чемъ на мѣстѣ, въ Греціи, очевидно уже значительно позднѣе, прибавлена была третья кость.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ выводу, что нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что шахматная доска не была извѣстна древнимъ римлянамъ; она могла быть у нихъ самостоятельною и потомъ перейти на востокъ, или могла быть взята съ востока изъ той шашечной игры, которая предшествовала чатрангу и шатренджу. Необходимо допустить, что именно въ Римѣ или у грековъ шашки были перенесены на доску „въ шахматъ" съ ихъ древнѣйшей линейной доски.

Все убѣждаетъ въ этомъ. Шахматы потому раскрасили свою доску, что встрѣтили въ Европѣ ее уже раскрашенною ранѣе. Употребленіе шашечной доски, ея положеніе между играющими, было настолько строго установлено въ игрѣ latrunculi, что стало извѣстно повсемѣстно, во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Риму и сосѣднихъ съ этими послѣдними. Шахматисты нигдѣ не отступали отъ обычая класть доску по шашечному, хотя это не имѣетъ отношенія къ внутреннему ходу ихъ игры. Будь иначе,—явись окраска доски лишь въ томъ случаѣ, если бы доска шахматная

писалъ: „Но все это сдѣлалось мнѣ ясно только тогда, когда я настоялъ, чтобы дожидались всегда отвѣтнаго хода противника. Ибо въ первый разъ, когда я игралъ съ арабомъ и пригласилъ его начинать, онъ сдѣлалъ съ невѣроятною скоростью 10—12 ходовъ одинъ за другимъ, ни мало не заботясь о моей игрѣ. Въ удивленіи я его спросилъ, когда же дойдетъ очередь до меня; онъ сдѣлалъ мнѣ также въ удивленіи вопросъ, зачѣмъ же я не хожу. Всѣ эти ходы собственно не что иное, какъ измѣненіе первоначальной разстановки, при чемъ для игроковъ совсѣмъ не важно, дѣлаетъ ли одинъ изъ нихъ двумя ходами болѣе, чѣмъ другой. Также я замѣтилъ, что они во время этого приготовленія никогда не дѣлаютъ два хода тою же шашкой (исключая короля при рокировкѣ), такъ что пѣшки не могутъ вступить въ борьбу. Только тогда, когда каждый разставилъ свои силы по новому плану, начинается собственно игра. Арабъ, напримѣръ, ходитъ e3, g3, Cg2, Kf3, Фе2, Ле1+Цg1, b3, Cb2, d3, Kd2, Лad1. Тогда онъ смотритъ, такъ ли далеко зашелъ его противникъ. Если нѣтъ, то ждетъ немного".—Конечно это не то, что современная шахматная или шашечная игра, гдѣ всякій ходъ, всякое передвиженіе одной шашки имѣетъ громадное, нерѣдко рѣшающее, значеніе, и не только не удивительно, а вполнѣ понятно, почему дошли до насъ задачи шатренджа, и не сохранилось партій.

Кстати замѣчу, что И. Т. Савенковъ, хотя и приводитъ выдержку изъ письма М. К. Гоняева во вноспыхъ знакахъ, но пропускаетъ въ ней важную фразу. Разумѣется, цитируя такимъ образомъ, онъ обезцѣниваетъ и всѣ прочія свои цитаты.

пришла въ Европу только вмѣстѣ съ шахматами,—мы наблюдали бы какое-нибудь отступленіе отъ вездѣ принятаго обычая, тѣмъ болѣе, что сами шахматные уставы до послѣдняго времени не придавали положенію доски исключительно-важнаго характера и допускали законность продолженія партіи при неправильномъ положеніи шахматницы, если оно замѣчено позднѣе 4-го хода съ обоихъ сторонъ.—Прочность закона о расположеніи доски, бѣлымъ угловымъ полемъ направо, не обратила до сихъ поръ ничьего вниманія. Между тѣмъ одинъ этотъ законъ,—явно идущій не изъ шахматной игры,—свидѣтельствуетъ о наличности шашечницы въ Европѣ задолго до появленія въ ней шахматъ.

Есть, однако, и другія обстоятельства, подтверждающія это. Названіе игры latrunculi было въ средніе вѣка перенесено на шахматы опять таки *вслѣдствіе одинаковости досокъ ихъ*, а не по простому, ни на чемъ не основанному, смѣшенію. Если бы оно было случайнымъ, то и наблюдалось бы какъ явленіе единичное, на дѣлѣ же мы находимъ его всеобщимъ, у разныхъ европейскихъ народовъ и даже у арабовъ, которые сохранили свѣдѣнія объ индійскомъ происхожденіи игры, и у которыхъ не было никакихъ причинъ преклоняться передъ римлянами или греками.

Изъ игры же римской взяты европейскими шахматами и кипергани. Шахматы, какъ „мельница“, какъ китайская облавная игра ки (японская го), не имѣютъ (т. е. не въ состояніи имѣть) поддавковъ. Между тѣмъ въ шахматы они попали; введены крайне искусственно и притомъ *только въ Европѣ*.

Одноформенностью же доски шахматной и игры lartunculorum объясняется существующее въ нѣсколькихъ языкахъ названіе шахматъ *большою шашечною игрою*, а прежней игры latrunculorum, *малой шашечной игрой*. Это опредѣленіе указываетъ, что и раньше на доскѣ въ дѣлѣ были только 32 клѣтки; съ появленіемъ шахматъ, требовавшихъ всѣхъ 64 полей, старая игра стала казаться *малой*, что соотвѣтствовало и меньшему числу шашекъ въ ней, и ихъ однообразію.

О числѣ шашекъ римской игры также не дошло до насъ вполнѣ ясныхъ и прямыхъ извѣстій, но коль скоро доска была въ шестьдесятъ четыре клѣтки, то оно не могло быть инымъ кромѣ двѣнадцати, и этою незначительною разницею отъ числа шашекъ скриптулы, гдѣ ихъ могло быть по пятнадцати, объясняется двойное устройство доски для той и другой игры. Число двѣнадцать (дѣлящееся на 2, 3, 4 и 6) не менѣе замѣчательно [185]), чѣмъ число клѣтокъ шахматницы. Въ древнемъ Римѣ 12 было числомъ самымъ употребительнымъ (вспомнимъ 12 таблицъ законовъ, 12 мѣсяцевъ календаря, 12 знаковъ зодіака, 12 жрецовъ Марса и т. д.;—у грековъ 12 подвиговъ Геракла и пр. [186]).

---

[185]) Его встрѣчаемъ уже въ древнемъ Вавилонѣ; здѣсь созданъ былъ способъ счисленія, гдѣ двѣнадцатиричная система сливалась съ десятиричной; при этомъ основною крупною единицей было число 60, отъ 12 (мѣсяцевъ) ×5 (пальцевъ).

[186]) Норовъ въ своемъ „Путешествіи по Египту и Нубіи“ (Спб., 1840, ч. II, стр. 101—102) описываетъ египетскіе рисунки въ пирамидахъ; въ числѣ ихъ

Въ играхъ: въ персидско-арабскомъ нардѣ и римской скриптулѣ было по 12 линій; въ средневѣковомъ триктракѣ, образовавшемся изъ игры римской, полный кругъ игры состоялъ, кромѣ того, изъ 12 партій, и это не было нововведеніемъ, а шло изъ Рима [187]).

Такимъ образомъ, число двѣнадцать было весьма употребительнымъ и въ самомъ Римѣ вообще, и въ его игрѣ scriptula, и допущеніе этого числа напрашивается само собою.

Наконецъ, новѣйшій словарь Даранберга сообщаетъ, что въ музеѣ Walraf-Richartz, въ Кёльнѣ, есть двадцать четыре костяныхъ шашки, изъ коихъ двѣнадцать краснаго цвѣта, но такъ какъ при нихъ же находятся и рожки (cornets, стаканчики для метанія костей), и кости, то, говоритъ Ляфайе, „онѣ служили скорѣе для игры въ триктракъ". Съ этимъ, однако, трудно вполнѣ со-

---

онъ упоминаетъ о символическихъ изображеніяхъ 12 часовъ дня и 24 часовъ сутокъ. У древнихъ египтянъ, какъ извѣстно, календарь былъ гораздо совершеннѣе римскаго; годъ у нихъ также дѣлился на 12 мѣсяцевъ. Вавилоняне тоже дѣлили эклиптику на 12 частей, при чемъ означали ихъ и теперь еще употребительными знаками зодіакальнаго круга. Сутки имѣли у нихъ 12 часовъ.

[187]) Выше приведенъ былъ текстъ изъ Квинтиліана про Сцеволу и его память (см. примѣчаніе 153-е). Въ этомъ текстѣ вмѣсто scriptorum, нѣкоторые читаютъ in lusu duodecim scruporum, „въ игрѣ двѣнадцати камней". Гайдъ указываетъ, что это чтеніе встрѣчалось въ старинныхъ изданіяхъ, in veteribus editionibus, но считаетъ его ошибочнымъ, nam ejus nominis lusus revera nunquam extitit. Въ данномъ случаѣ для меня не доступно разобраться въ этомъ вопросѣ; быть можетъ лучше сохранившіяся рукописи даютъ scriptorum, но, зная страсть филологовъ исправлять тексты на основаніи собственныхъ догадокъ, основанныхъ на знаніи духа языка,—знаніи, нерѣдко сомнительномъ,—я не могу не замѣтить, что само по себѣ названіе scruporum могло существовать. Мы такъ мало знаемъ *игорные* термины древнихъ латинянъ, отъ ихъ литературы такъ мало дошло до насъ, что мы не имѣемъ права утверждать, будто такого выраженія у нихъ *и не было, и не могло быть*. Если было для шашекъ названіе *камня* у грековъ, если оно есть теперь у нѣмцевъ, если оно было у латинянъ въ видѣ calculus, то почему бы ему не носить иногда названіе scrupus? Между тѣмъ, это не единственное чтеніе. Въ текстѣ Цицерона про Сцеволу также существуетъ чтеніе Pila bene et duodecim scrupis ludere. Если лучшія изысканія установятъ, что здѣсь scrupus чтеніе не ошибочное, то мы будемъ имѣть прямое свидѣтельство, что у римлянъ было двѣнадцать шашекъ.

О древне-египетскомъ рисункѣ, снимокъ съ коего приведенъ у насъ изъ Бастеро и о курьезныхъ замѣчаніяхъ на него И. Т. Савенкова (который, очевидно, не зная, что l. XII scriptorum не имѣла клѣтокъ, все же берется умозаключать о прототипѣ этой игры), см. примѣчаніе 101-е.

Кстати замѣчу здѣсь, что текстъ изъ Овидія про скриптулу, который слѣдуетъ непосредственно за игрою солитеръ, Est genus in totidem tenui ratione redactum Scriptula, quot menses lubricus annus habet, Пантелѣевское изданіе Овидія невѣрно переводитъ, соединяя смыслъ его съ послѣдующими словами о мельницѣ: „Существуетъ еще игра, ее начинаютъ столько разъ, сколько въ году мѣсяцевъ; на столѣ съ обѣихъ сторонъ по три шашки, и чтобы выиграть надо ихъ соединить вмѣстѣ". Первое относится къ скриптулѣ, послѣднее къ мельницѣ первоначальнаго типа.

гласиться. Во-первыхъ, число шашекъ, двѣнадцать, должно скорѣе относиться къ игрѣ въ latrunculi, ибо игру нардъ мы знаемъ на востокѣ и въ средніе вѣка въ Европѣ въ пятнадцать шашекъ, а, во-вторыхъ, и это главное, мы не имѣемъ прямого свидѣтельства древнихъ, что у нихъ было въ scriptul'ѣ несомнѣнно по 15 шашекъ; легко могло быть, что у нихъ и здѣсь было также лишь по двѣнадцати шашекъ, а тогда присутствіе рожковъ не говорить ничего, ибо мы знаемъ, что доска у римлянъ устраивалась для обѣихъ игръ: на одной ея сторонѣ играли въ latrunculi, а на другой въ двѣнадцать линій. Такимъ образомъ при двѣнадцати шашкахъ всегда должны были быть и рожки, дабы можно было играть въ ту или иную игру *).

Всѣ эти факты, сопоставленія, выводы и сближенія [188]) доводятъ, я надѣюсь, насъ до полнаго выясненія дѣла, до „ясности убѣжденія“, что доска игры latrunculorum была нашею современною раскрашенною шашечницею въ 64 клѣтки, и что это именно обстоятельство было причиною перенесенія латинскаго названія на шахматы; а затѣмъ этотъ переносъ наименованія повелъ къ тому, что римлянамъ приписали знакомство съ шахматами [189]).

Что римляне играли не на линейной доскѣ, а на четыреугольной клѣтчатой и притомъ на раскрашенной,—это можетъ быть установлено вполнѣ безспорно.

Играли на шашечницѣ, но играли, какъ завѣряютъ филологи,

---

*) Анонимный авторъ русскаго изданія о триктракѣ сообщаетъ: „Изысканія нѣкоторыхъ ученыхъ и антикваріевъ объ этой игрѣ мало удовлетворительны, и можно только сказать, что триктракъ восходитъ до глубокой древности, такъ что время изобрѣтенія его теряется во буракѣ вѣковъ. Аббатъ Бартелеми въ своемъ путешествіи Анахарсиса говоритъ, что эта игра была извѣстна въ Аѳинахъ. Вѣроятно она отличалась отъ нынѣшней. И въ самомъ дѣлѣ у грековъ игра въ тавлеи или триктракъ имѣла только десять стрѣлокъ и двѣнадцать дамокъ или шашекъ“. *Триктракъ,* объясненный условіями и положеніями игры и правилами разыгрыванія. Москва. 1869. 12-mo. с. р. 3-я. Не знаю, откуда почерпнуто извѣстіе о десяти линіяхъ и 12 шашкахъ въ древней греческой игрѣ; я такого текста не встрѣтилъ. Въ разгаданной же Бекъ де Фукьеромъ позиціи императора Зенона, сообщаемой Агаѳіемъ, шашекъ по пятнадцати; но это уже средніе вѣка, когда число шашекъ могло и измѣниться.

[188]) Укажу еще на мелочи: 1) первый ближайшій къ себѣ рядъ шашекъ, какъ мы видѣли, назывался фалангою; слово phalanx означало между прочимъ особаго вида корпусъ македонскихъ солдатъ изъ *восьми* тысячъ человѣкъ, такъ что техническій игровой терминъ фаланга какъ бы намекалъ на восемь клѣтокъ перваго ряда доски; 2) слово gemini, двойники, означало также созвѣздіе Близнецовъ; расположеніе звѣздъ въ немъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ рядами клѣтокъ шашечницы, называемыми двойникомъ (пути g1—a7 и h2—b8).

[189]) Подобное смѣшеніе мы можемъ наблюдать и въ ближайшее къ намъ время: англичанинъ Коксъ (Coxe), путешествовавшій по Россіи въ концѣ царствованія Екатерины II, передаетъ (J. Gay. Bibliographie anecdotique du jeu des échecs. P. 1864, p. 31) о любви русскихъ къ шахматамъ, такъ какъ видѣлъ, что въ Москвѣ даже простой народъ предавался ей на улицахъ. Конечно, онъ наблюдалъ шашки.

и на *абакѣ*, и тогда говорили ludere abaco et latrunculis (Macrob., I, 5). Однако, не зная хорошо игорныхъ терминовъ, нельзя положительно утверждать, что выраженіе это относится къ одной только игрѣ latrunculi, и даже если это такъ, то нельзя переводить: играть въ латрункули *на доскѣ*. Абакомъ именовали четыреугольный столикъ и этимъ же словомъ называли *клѣтку* разноцвѣтнаго украшенія „въ шахматъ", бывшаго, какъ уже замѣчено, самымъ обычнымъ въ Римѣ. Нѣкоторые лексикографы говорятъ, что *поверхность стола абака* была въ клѣткахъ, какъ шашечница, и что столъ этотъ употреблялся для математическихъ вычисленій [190]). Изъ выраженія Макробія выводили, что для игры въ latrunculi число клѣтокъ было безразлично. Такое неосновательное мнѣніе только безцѣльно путаетъ дѣло: игра глубокаго разсчета не могла произвольно мѣнять своей доски. Слова ludere abaco et latrunculis, должно переводить: „играть клѣткой и шашками", т. е. это выраженіе было противоположеніемъ игрѣ съ костями на линіяхъ, про которую говорили играть alveo et calculis.—Сами шашки, потому, разумѣется, что помѣщались на клѣткахъ, назывались иногда abaculi, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему слову „шашечка", если мы вспомнимъ, что *шашкою* по-русски называется кубическій обрубочекъ дерева и квадратная клѣтка, почему (см. Слов. Даля) про пестрый съ шахматнымъ рисункомъ платокъ говорятъ „платокъ въ шашкахъ", или „въ шашку", то-есть клѣтчатый.

Другое свидѣтельство встрѣчаемъ мы еще ранѣе (Макробій жилъ въ V в. по Р. Х.), у Варрона (116—27 до Р. Х.), который сравниваетъ съ шашечницею таблицу падежей латинскаго скло-

---

[190]) То, что для насъ довольно просто, что узнаютъ теперь ученики въ приготовительномъ классѣ гимназій, не было такимъ въ древности. Еще въ средніе вѣка для умноженія пользовались клѣтчатою доскою. Такъ, чтобы помножить, напримѣръ, 321 на 645 чертили клѣтки и располагали цифры надъ ними въ порядкѣ a, b, c, d, e, f, гдѣ a=300, b=20, c=1, d=600, e=40, f=5, и затѣмъ помножали каждую цифру отдѣльно одну на другую, записывая произведеніе въ порядкѣ, указанномъ на буквенной таблицѣ. Цифровой результатъ писался такимъ образомъ, что каждая клѣтка дѣлилась діагонально, при чемъ надъ чертою писалась цифра десятковъ, а подъ нею цифра единицъ. По окончаніи этого умноженія, полученный результатъ складывался по діагональному направленію; сперва писалась внизу правая угловая цифра (5), затѣмъ сумма слѣдующихъ трехъ цифръ: 4+0+0, затѣмъ слѣдующихъ пяти: 6+0+8+1+5, при чемъ получающіеся десятки относились къ слѣдующей діагонали (2)+0+2+0+2+1 и т. д. Цифры слѣва таблицы и внизу ея составляли произведеніе: 321×645=207045.

a	b	c	
ad	ae	af	d
bd	be	bf	e
cd	ce	cf	f

	3	2	1	
2	1/8	1/2	1/5	6
0	1/2	0/8	1/0	4
7	0/6	0/4	0/5	5
	0	4	5	

Доска скриптулы употреблялась такъ же, какъ абакъ, какъ счетная таблица, и именно для сложенія и вычитанія; для этого въ промежуткахъ между шестью линіями дѣлались отверстія для колышковъ или шишекъ (см. Тейлоръ, Антропологія, изд. 1882 г., стр. 314, рис. 77). Наши русскіе счеты, вѣроятно, надо производить изъ древней скриптулы.

Латинское слово calculus было корнемъ понятія счисленія (calculare; фран. calculer); греческое *ψηφίζειν*, psephizein,—считать,—также происходитъ отъ *ψῆφος*, psephos, названія шашки.

ненія, говоря, что здѣсь два порядка клѣтокъ, однѣ попереч-ныя, другія прямыя „какъ это обыкновенно на доскѣ, на кото-рой играютъ въ latrunculi“ [191]). Здѣсь же кстати можно упомянуть о томъ, что римляне и войска свои располагали по шашечному. „Строй войска у римлянъ былъ своеобразный. Они раздѣляли въ бою полкъ *(легіонъ)* на небольшія отдѣленія и ставили ихъ въ три ряда съ промежутками въ каждомъ ряду, отдѣленія вто-рого ряда стояли противъ промежутковъ въ первомъ ряду; когда утомлялись въ битвѣ воины перваго ряда, въ пустыя мѣста между ними быстро и безъ помѣхи вдвигали второй рядъ. Въ запасѣ стоялъ еще третій рядъ изъ старшихъ солдатъ, которыхъ выво-дили въ случаѣ крайней опасности“ *).

Ранѣе было уже указано, что украшеніе „въ шашку“, или, какъ принято говорить теперь, „въ шахматъ“, въ древнемъ Римѣ было самымъ обычнымъ, наиболѣе распространеннымъ. Такимъ образомъ выкладывали не только полы, но и домовыя стѣны, выходящія на улицы. Это обстоятельство давало нѣкоторымъ шахматнымъ учебникамъ предлогъ безъ изслѣдованія латинскихъ текстовъ утверждать, что доска шашечная вполнѣ совпадала съ римскою [192]), но, сколько мнѣ извѣстно, ни одной несомнѣнно римской шашечницы для игры въ latrunculi не найдено [193]), и въ реальныхъ словаряхъ классическихъ древностей не нашелъ я на это никакихъ указаній или рисунковъ. Только въ одномъ случаѣ попался мнѣ интересный рисунокъ мозаичныхъ половъ римскаго дома, каменное основаніе котораго было найдено въ Англіи на островѣ Уайтѣ, близъ Брединга. „Нива“ (1880 г. № 46, стр. 946 и 948) такъ описываетъ ихъ: „Мозаичные полы пред-

---

[191]) Ad hunc quadruplicem fontem (genus, species, casus et exitus) ordines di-riguntur bini, uni transversi, alteri directi: ut in tabula solet, in qua latrunculis ludant. Transversi sunt qui a recto casu obliqui declinatur, ut albus, alba, album; utrique sunt partibus senis. Transversarum ordinum partes appelantur casus: directorum genera; utrisque inter se implicatis, forma. (Varro, de ling. lat. IX).

*) *Р. Випперъ.* Учебникъ древней исторіи. Изд. 4-е. М. 1906., стр. 118.

[192]) Такъ (см. стр. 46), нѣмецкій учебникъ I. Коха (S. XIII) говоритъ: Auch hatte das dazu gebrauchte Spielbrett (tabula latruncularia) ungefehr Gestalt, wie unser Dambrett“... Но тотъ же Кохъ указываетъ въ предисловіи, что извѣстный Аделунгъ въ своемъ словарѣ при словѣ dame поддерживаетъ мнѣніе, что игра въ шашки, какъ и большинство нашихъ игръ, восточнаго происхожденія.— Голландскій учебникъ Van Damme (1871 г.) также утверждаетъ это. Въ пере-водѣ Баледана (III, 722): Il se nommait Jeu à la française, bien que les vestiges qu'on a trouvés dans les marbres de Paros ou d'Arondel etc., en forme de damier pourraient faire supposer que ce Jeu était déjà connu des anciens.

[193]) Прямое утвержденіе авторитетнаго лица о шахматницѣ, какъ о римской доскѣ, встрѣтилъ я только въ одномъ случаѣ: въ переводѣ статьи извѣстнаго въ свое время знатока древностей Виланда, въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 года. Говоря объ игрѣ latrunculi, онъ пишетъ: „Въ нее играли на шахматной доскѣ, которую Сенека называетъ tabula latruncularia“. Ошибка ли это русскаго пе-реводчика, или же такъ выразился самъ Виландъ, мнѣ не извѣстно. Во вся-комъ случаѣ нѣтъ поясненія, на чемъ основано такое прямое утвержденіе.

ставляютъ широкое поле для изученія. Два изъ нихъ, составляющіе часть корридора или прохода, болѣе 60 футъ длины, сложены въ шашечницы, бѣлые и красные квадраты которыхъ также украшены узорами". Одна часть корридора покрыта клѣтками такимъ образомъ, что въ ширину его расположено восемь полей, а въ длину 12, затѣмъ идетъ мозаичный рисунокъ: среди большаго „квадрата, приблизительно въ 8 футъ, обнесеннаго бордюромъ изъ разноцвѣтныхъ, гильошированныхъ шашекъ, изображенъ кругъ, центръ котораго составляетъ Орфей, играющій на своей лирѣ, его окружаютъ обезьяна, лисица, птицы и разныя другія животныя". За этимъ рисункомъ опять мозаика шашечная, при чемъ здѣсь мы имѣемъ какъ разъ шестьдесятъ четыре клѣтки по восьми въ каждую сторону. Къ сожалѣнію, рисунокъ „Нивы" лишь гравюра съ фотографіи, притомъ очень неважная, и неизвѣстно, точно ли она воспроизводитъ фотографію. Самая вилла относится къ временамъ древнѣйшимъ, такъ какъ среди предметовъ найдены монеты, при чемъ наименѣе старыя изъ нихъ не позднѣе IV столѣтія по Р. X.

Что касается до приводимаго Бекъ де Фукьеромъ снимка Амура на доскѣ кругловатой формы (весьма напоминающей вторую доску главы VI н шего изслѣдованія), онъ если и имѣетъ какое-либо отношеніе къ игрѣ latrunculorum, то, по моему мнѣнію, самое отдаленное; я полагаю, что это изображеніе было символическимъ и относилось ко всѣмъ вообще играмъ разсчета на шашечницахъ. Было бы слишкомъ счастливою случайностью, чтобы въ этомъ рисункѣ сохранился древнѣйшій прототипъ той доски, съ которой римляне перенесли шашки на современную шашечницу, выбросивъ изъ употребленія 32 клѣтки. Какъ это ни представляется похожимъ на дѣйствительность, мы боимся высказывать это положительно, опасаясь быть обвиненными въ натяжкахъ [194]).

Вообще можно привести множество косвенныхъ доказательствъ существованія раскрашенныхъ шашечницъ въ Европѣ ранѣе появленія здѣсь шахматъ, при чемъ впослѣдствіи мѣсто древнихъ исчезнувшихъ терминовъ замѣнено было шахматными. Jean Gay въ своей Bibliographie anécdotique du jeu des échecs (Paris. 1864.), составленной по солиднымъ источникамъ, съ указаніемъ ихъ [195]), сообщаетъ, что Шахматницей назывался высшій трибуналъ въ Нормандіи, составленный изъ свѣтскихъ и духовныхъ судей для разсмотрѣнія дѣлъ по аппеляціямъ. Этотъ трибуналъ собирался два раза въ году, около праздника Пасхи и около дня св. Михаила, въ разныхъ мѣстахъ, то въ Руанѣ, то въ Канѣ (Caen), иногда въ Тулузѣ. Людовикъ XII (заслужившій прозваніе „отецъ народа" за уменьшеніе податей, улучшеніе правосудія и за свою

---

[194]) У Масуди, какъ мы видѣли (гл. XVI, примѣч. 176), упоминалась круглая доска для шахматъ, и ее приписывали грекамъ.

[195]) Совершенно неизвѣстно, почему И. Т. Савенкову захотѣлось эту серьезную книжку, притомъ выпущенную всего въ 260 экземплярахъ, объявить незаслуживающею довѣрія, и онъ это сдѣлалъ безъ всякаго стѣсненія, заявивъ, что ей не мѣсто въ научной литературѣ: но почему не мѣсто, этого онъ сказать не пожелалъ.

справедливость и великодушіе) сдѣлалъ въ 1499 году этотъ трибуналъ постояннымъ и назначилъ засѣдать ему въ Руанѣ; онъ опредѣлилъ его составъ изъ четырехъ президентовъ и двадцати восьми совѣтниковъ. Францискъ I въ 1515 году далъ ему имя *парламента* (Dict. de Moreri). Наименованіе Шахматницы, продолжаетъ Гай, если вѣрить французской энциклопедіи (конца XVIII ст.), происходитъ отъ того, что первая Шахматница, именно нормандская, засѣдала въ залѣ, полъ которой состоялъ изъ каменныхъ квадратовъ, попеременно черныхъ и бѣлыхъ, подобно доскѣ, служащей для шахматной игры. Другіе авторы думаютъ, что это имя дано было трибуналу потому, что столъ былъ покрытъ ковромъ съ черными и бѣлыми клѣтками *).—Въ 1189 г. при коронованіи Ричарда I, короля англійскаго, шесть графовъ и бароновъ несли шахматную доску съ регаліями для изображенія Палаты Шахматницы (Court of Exchequer), введенной въ Лондонѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ въ 1079 году (Twiss, II, 35).

Толкованіе о происхожденіи названія отъ пола или скатерти „въ шашкахъ", вѣроятно, имѣетъ за собой солидныя основанія, но самый обычай употреблять такую скатерть (ибо „Шахматница" засѣдала въ разныхъ городахъ) опирался, надо думать, на какую-нибудь древнюю традицію, или повѣрье, связанное съ древнею шашечницею, быть можетъ, какъ символомъ справедливости, или намекало на мудрость суда въ соотвѣтствіе съ замысловатостью древней игры, которая при правильныхъ отвѣтахъ съ обѣихъ сторонъ обнаруживала истину. Впослѣдствіи, благодаря всеобщему преклоненію передъ шахматами, это было приведено въ связь съ игрою шахматной, въ которой по случайному совпаденію число шашекъ съ обѣихъ сторонъ равняется числу игровыхъ клѣтокъ шашечницы. Составъ трибунала, можно думать, былъ назначенъ по соотвѣтствію съ древними традиціями, и число членовъ его вмѣстѣ съ президентами происходило изъ древней доски (гдѣ для одного игрока 28 клѣтокъ простыхъ и 4 для дамокъ), а не изъ новой шахматной игры, гдѣ для такого дѣленія нѣтъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что мы и теперь глядимъ на судъ и судебный процессъ какъ на нѣчто игорное, и до сего времени употребляемъ выраженія „судебное состязаніе", „выиграть, проиграть дѣло", въ языкѣ латинскомъ также существовало выраженіе grassari jure, non vi. [196])

Самое интересное сообщеніе относительно раскраса доски встрѣтилось мнѣ въ рецензіи журнала Stratégie (іюнь 1891) на сочиненіе Брюнета о происхожденіи шахматъ [197]).

*) Болѣе ранніе „парламенты" во Франціи ведутъ свое начало отъ такъ назыв. Curia domini regis, судившей во имя короля.

[196]) Мнѣніе Линде, будто „Шахматница" могла происходить отъ древняго нѣмецкаго слова Schach, которое, по его словамъ, значило „убійство" и извѣстно было будто бы повсюду въ Европѣ, не заслуживаетъ никакого уваженія, ибо, во-первыхъ, подозрительна древность слова Schach, а во-вторыхъ, и потому, что судъ Шахматницы вовсе не разсматривалъ по преимуществу дѣлъ объ убійствѣ, а былъ высшей инстанціей надъ судами.

[197]) El Ajedrez, investigationes sobre su origen. Изданіе J. Brunet y Bellet.

Авторъ указываетъ на одинъ древній манускриптъ монастыря св. Іосифа въ Барселонѣ, изъ котораго видно, что король Людовикъ Благочестивый (el Piadoso) изъ фамиліи Карла Великаго [198]), наградилъ рыцаря Gausefret титуломъ виконта Castelnou въ Руссильонѣ и позволилъ ему употребленіе въ гербѣ доски изъ 8×8 клѣтокъ золотыхъ и зеленыхъ въ воздаяніе его храбрости при взятіи у мавровъ Барселоны въ 805 году. Такимъ образомъ, доска въ это время (весьма раннее для шахматъ въ Европѣ) не только была вполнѣ извѣстна, но была уже раскрашена. Самая идея дать для герба *раскрашенную* доску могла имѣть побудительною причиною дать эмблему побѣды старой (европейской) игры надъ новой (арабской).

Другое интереснѣйшее указаніе въ этой рецензіи встрѣчаемъ мы относительно Египта: авторъ свидѣтельствуетъ, что въ могилахъ фараоновъ найдены *разной формы шашечницы съ клѣтками двухъ цвѣтовъ*. Эти остатки древнѣйшей цивилизаціи даютъ намъ право окончательно установить, что раскрасъ доски шелъ изъ Египта и перешелъ въ Европу; что древній міръ не могъ не знать этого, и что tabula latruncularia несомнѣнно была доскою раскрашенною. Между тѣмъ азіатскіе народы продолжали долго еще держаться своей болѣе древней одноцвѣтной доски, а отчасти держатся ея даже и теперь.

Раскрасъ доски въ Египтѣ и въ Европѣ указываетъ, что здѣсь для игры пользовались не всѣми ея полями, тогда какъ въ Азіи одноцвѣтная „шахматница" удовлетворяла основному закону игръ—„экономіи средствъ", цѣликомъ служила для игры, и потому надо признать, что здѣсь она была извѣстна ранѣе Египта.

Барселона. 1891. См. „Шашечница" 1891 г., стр. 72.—Авторъ полагаетъ, что сама шахматная игра идетъ не изъ Индіи (что̀ будто бы не подтверждено до сихъ поръ ни однимъ достовѣрнымъ древнимъ текстомъ, равно какъ и какими-либо (?) слѣдами на памятникахъ), а изъ Египта, что здѣсь открыты будто бы предметы и рисунки, относящіеся къ игрѣ, *похожей* на шахматы, къ игрѣ, которую *во всякомъ случаѣ надо признать предкомъ шахматъ*. Но такое умозаключеніе едва-ли вѣрно, ибо понятіе подобія,—есть понятіе очень относительное, а то, что въ могилахъ найдены шашки *различной* формы, также мало доказательно, ибо шашки эти могли относиться къ разнымъ играмъ. Рѣшающую роль должны играть показанія и преданія большинства народовъ, а они *единогласно* указываютъ на Индію, какъ на прародительницу шахматъ; таковы китайцы, персы, арабы. Филологія съ своей стороны подкрѣпляетъ это всеобщее единогласіе. Наконецъ главное, что свидѣтельствуетъ объ азіатскомъ происхожденіи шахматъ, это одноцвѣтность шахматной доски. Она не могла превратиться изъ раскрашенной въ одноцвѣтную.

[198]) Какъ извѣстно, онъ при жизни Карла Великаго былъ имъ назначенъ преемникомъ и торжественно коронованъ въ Ахенѣ въ 813 году. Впослѣдствіи онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.—Интересно, что къ этому именно Людовику отправлено было въ 839 году посольство отъ Византійскаго императора Ѳеофила. Въ числѣ прибывшихъ нѣсколько человѣкъ было русскихъ, присланныхъ ранѣе въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего кіевскаго князя (кагана). Ѳеофилъ просилъ Людовика дать имъ средство вернуться домой другой дорогой, такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали возвратиться имъ тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли. Людовикъ отнесся подозрительно къ славянамъ и велѣлъ задержать ихъ, пока въ точности не объяснится, зачѣмъ они пришли;—что̀ съ ними потомъ сталось, неизвѣстно.

XVIII.

Уловка озадачить и сбить противника съ толку безсмысленнымъ наборомъ словъ и фразъ основывается на томъ, что «люди, если что нибудь слышатъ, привыкли думать, будто подъ фразами скрывается какая нибудь мысль». *А. Шопенгауэръ.*

Итакъ, мы съ достаточною ясностью установили, что не только римляне играли въ шашки, но что доска ихъ совпадала съ шашечницею, или что то же, съ шахматною доской.

Есть, однако, еще нѣсколько соображеній, бросающихъ свѣтъ на исторію шахматъ и шашекъ; они вытекаютъ изъ дальнѣйшаго разбора латинскихъ текстовъ объ игрѣ latrunculi. Для изложенія ихъ надо снова сдѣлать отступленіе въ сторону шахматъ.

Выше было уже указано, что шахматы въ литературѣ своей около времени Луцены, т. е. 1497 г., а въ дѣйствительности вѣроятно, значительно ранѣе этого, получили названіе alla rabioso, т. е. „по стремительному", или a la dama, de la dama, de las damas, т. е. „по дамковому", „по шашечному" [199]). Это послѣднее толкованіе многими отвергается; говорятъ, что оно заимствовано не отъ шашекъ, а указываетъ на новаго шахматнаго ферзя, который получилъ въ Европѣ названіе королевы и дамы. Съ появленіемъ игры въ Европѣ, говоритъ шахматная литература [200]), сама собой явилась потребность дать шашкамъ названія. Латинское названіе ludus latrunculorum вскорѣ было покинуто, ибо къ XI вѣку, до котораго можно прослѣдить шахматы въ Европѣ, латинскій языкъ сдѣлался окончательно мертвымъ и вышелъ изъ общаго употребленія. Вмѣсто этого игру стали называть ludus scacchorum, scac, въ смыслѣ шаха—eschack. Названіе главной шашки шаха, сначала принято было, вѣроятно, безъ перемѣны, но въ источникахъ его не встрѣчается. Оно было вскорѣ же замѣнено словомъ rex и соотвѣтствующими ему.—Ферзь, *т. е. визирь или полководецъ*, оставался сначала также безъ перемѣны: въ латинскихъ сочиненіяхъ fers, ferse, ferzia, въ рукописи Алонза по-испански, съ арабскимъ членомъ, alferza. Но уже у древнѣйшаго европейскаго автора, упоминающаго объ этой фигурѣ, Некама она называется королевою, regina; въ поэмѣ De vetula, которую приписывали Овидію, она именуется virgo, regia virgo, т. е. дѣва, королевская дѣва. На-

---

[199]) Въ учебникѣ Луцены встрѣчаются еще оба вида игры, т. е. шахматы и шатранджъ, слѣдовательно послѣдній не былъ еще въ это время окончательно вытѣсненъ шахматами.

[200]) Ср. „Шахм. Лист." 1880 г., стр. 3.

званіе королевы въ этомъ сочиненіи считается въ исторіи шахматной игры самымъ важнымъ для рѣшенія вопроса о новомъ названіи королевою и превращеніи его въ даму [201]).

Авторомъ латинской поэмы De vetula, „О старухѣ“, признается теперь жившій въ южной Франціи, въ Амьенѣ, во второй половинѣ XIII вѣка, Ришаръ де Фурниваль (Fournival); въ средніе вѣка неправильно относили ее къ классическимъ сочиненіямъ. Здѣсь есть шахматное мѣсто, при чемъ названіямъ приданы астрономическія значенія:

Rex est sol, pedes est Saturnus, Mars quoque miles,
Regia Virgo Venus, Alphinus episcopus ipse est
Jupiter, et Roccus discurrens luna.

т. е. Король есть солнце, пѣшка—Сатурнъ, воинъ (конь?)—Марсъ, Королевская Дѣва—Венера, Алфинъ епископъ есть самъ Юпитеръ, а Рокъ разбѣгающійся — Луна.—Поэма эта была переведена на французскій языкъ Жаномъ Лефевромъ въ XIV столѣтіи. Мѣсто о ферзѣ передано такъ:

La roine que nommons fierge
Tiens de Venus, qui n'est pas vierge,
Aimable est et amoureuse,
Debonnaire et non orgueilleuse.

т. е. королева, которую называемъ fierge, похожа на Венеру, которая не есть дѣва; она любезна и влюбчива, добра и не горда.

„Какимъ путемъ восточный визирь, полководецъ, спрашиваетъ А. Н. Грачевскій [202]),—превратился въ даму, королеву? Слово ферзь было непонятно европейцамъ, такъ какъ визирское достоинство у нихъ было неизвѣстно; нужно было замѣнить его другимъ. Всего естественнѣе представляется предположеніе, которое и было уже давно высказано, что замѣна визиря королевой основана на созвучіи словъ—fierce, fierge, vierge, откуда dame (Sainte-Vierge, Notre Dame) и, наконецъ, для соотвѣтствія съ главной фигурой игры—roine, reine, regina, королева. На это производство ясно указываетъ французскій переводчикъ поэмы De Vetula... Очень вѣроятно даже, что самъ авторъ поэмы имѣлъ въ виду то же производство, называя постоянно королеву—virgo, regia virgo. Оно подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ три приведенные автора или были французы, или жили во Франціи. Фонъ деръ Лаза и Линде считаютъ это производство невѣрнымъ. Послѣдній говоритъ (I, 150): „Одновременно съ тѣмъ, какъ слово shâch было переведено по латыни rex, средневѣковая шахматная символика наглядно объясняла также восточнаго ferzân (визирь), котораго должность на западѣ не знали, то-есть подлѣ rex поставила reginam (королеву). Эта символика никогда не распространялась на собственно шахматную фигуру. Во всѣхъ діаграммахъ всѣхъ временъ и всѣхъ языковъ сама шахматная фигура называлась всегда fers, но въ

[201]) „Шахм. Листокъ“, 1879 г., стр. 329.
[202]) „Шахм. Листокъ“, 1880 г., стр. 3 и 4.

рѣшеніяхъ (за исключеніемъ испанскихъ, непосредственно изъ арабскихъ сборниковъ заимствованныхъ задачъ) писали regina, roype и пр. Это совершенно свободное, духовное, независимое отъ всякой этимологіи превращеніе... является уже ранѣе 1200 года у Некама, встрѣчается также и при другихъ фигурахъ... и не могло найти дорогу во всѣ языки черезъ одно французское нарѣчіе. Итакъ, королева почти такъ же, какъ судья или совѣтникъ вмѣсто альфилъ (alphilus, alphinus, alfyn, aufyn, awfyn), есть просто представленіе шахматной поэзіи, но настоящая первоначальная шахматная фигура встрѣчалась всегда рядомъ съ нею". Но это толкованіе (продолжаетъ А. Н. Грачевскій), впрочемъ весьма темное и неясное, нимало не опровергаетъ высказаннаго предположенія. Линде находитъ невозможнымъ, чтобы превращеніе ферзя въ королеву произошло во всѣхъ языкахъ черезъ посредство французскаго; но и шахматная игра распространилась по всей Европѣ преимущественно изъ Испаніи черезъ Францію. Обстоятельство, что одна и та же фигура называется въ діаграммахъ задачъ ферземъ, а въ рѣшеніяхъ—королевой, можетъ быть объяснено тѣмъ, что задачи большею частію восточнаго происхожденія и потому въ нихъ удержано восточное названіе; рѣшенія же должны были часто составляться вновь, такъ какъ въ задачахъ дѣлались постоянно измѣненія и перестановки, а малѣйшее измѣненіе въ задачѣ можетъ совершенно уничтожить рѣшеніе, и потому въ рѣшеніяхъ является уже новое названіе. Допустимъ, что слова fers и regina существовали одновременно одно подлѣ другого, на чемъ особенно настаиваетъ Линде; все-таки остается необъясненнымъ, какимъ образомъ подлѣ короля въ игрѣ могла явиться королева. Игра, какъ очевидно для всякаго, изображаетъ битву двухъ армій, а въ битвѣ присутствіе супруги короля совсѣмъ неумѣстно, слѣдовательно появленіе здѣсь королевы противорѣчитъ духу игры. Въ фигурѣ шашки, означавшей ферзя, какъ она была заимствована у арабовъ, также не могло быть ничего, напоминающаго женщину и королеву. Итакъ, за неимѣніемъ другого лучшаго объясненія, заканчиваетъ А. Н. Грачевскій, мы держимся стараго, основаннаго на созвучіи словъ, пока противъ него не представляется никакого уважительнаго возраженія" *).

Здѣсь упущено изъ виду очень многое. Указаніе Линде, будто на западѣ не знали должности визиря,—доводъ слишкомъ сомнительный. Во-первыхъ, нѣчто подобное было, а во-вторыхъ, если бы даже этого понятія и вовсе не было, то европейцы могли составить себѣ представленіе отъ тѣхъ, у кого взяли шахматы. Вѣдь арабы владѣли Испаніей, жили въ Европѣ, и первыя шахматныя сочиненія составлялись по арабскимъ источникамъ. При такихъ условіяхъ значеніе ферзя (если онъ соотвѣтствовалъ по-

---

*) Это воззрѣніе, что надо повторять разъ данное объясненіе, къ сожалѣнію, проводится многими. На дѣлѣ, разумѣется, нѣтъ никакой необходимости повторять невѣрный выводъ, коль скоро другого еще не найдено, но масса желаетъ разъясненія, и большинство компиляторовъ стремится удовлетворить это требованіе: vult mundus decipi,—decipiatur.

нятію визиря, конечно) легко могли замѣнить чѣмъ-нибудь подходящимъ въ родѣ консула, вице-короля, маршала, принца, полководца, главнокомандующаго, мажордома, намѣстника и т. п. Съумѣлъ же одинъ польскій учебникъ найти для передачи термина *ферзь* слово „гетманъ"! Это во-первыхъ.—Если же западно-европейское населеніе тѣхъ временъ было мало образовано, вовсе не интересовалось значеніемъ слова, то такое длинное и сомнительное словопроизводство могло произойти случайно, въ какой-нибудь маленькой мѣстности, въ цѣлой провинціи, наконецъ, но не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; въ другихъ мѣстахъ оно было бы непремѣнно другимъ. „Намъ кажется", писалъ задолго до Линде Стойковичъ (1853 г.), что „мнѣніе это,—о переименованіи ферзя въ даму — допускаетъ слишкомъ преувеличенное на шахматную номенклатуру вліяніе того народа, которому принадлежитъ слово vierge". Это во-вторыхъ.

Въ третьихъ, утвержденіе, что древній терминъ исчезъ во всѣхъ языкахъ — не вѣрно: онъ въ своей правильной формѣ сохранился въ Россіи [203]). Слово ферзь въ русскомъ языкѣ заслу-

---

[203]) Th. Hyde въ 1694 году могъ въ Англіи добыть свѣдѣнія о русскихъ названіяхъ шахматныхъ фигуръ; онъ пишетъ, будто ферзь по-русски именуется korolemna (опечатка въ подлинникѣ), или kraia, или царица; вѣроятно свѣдѣнія свои онъ почерпнулъ изъ польскихъ источниковъ и притомъ отъ лица плохо освѣдомленнаго въ игрѣ; (такъ кости, бабки, онъ передаетъ (стр. 137) словомъ *маслаки* и также съ опечаткой Moklókie). Въ Россіи въ шахматахъ шашки всегда носили правильныя названія, и это строго соблюдалось всѣми нашими лучшими писателями (у Грибоѣдова *ферзь*, у Пушкина *царь, ладья, пѣшка*), и лишь въ послѣднее время все усиливающійся наплывъ иностранцевъ начинаетъ замѣнять ихъ исковерканными западно-европейскими терминами *король, королева, офицеръ, тура* и даже *дама, шпрингеръ* и *лейферъ!* Интересныя данныя сообщаются въ „Русской Старинѣ" 1892 года (стр. 456) въ выдержкахъ изъ одного судебнаго дознанія 1686 г. гдѣ упоминается „ѳерзь". Это самое раннее изъ извѣстныхъ доселѣ упоминаній объ именахъ шашекъ. Оно не было извѣстно Линде. Слѣдующее по времени принадлежитъ А. Леонтьеву, секретарю русскаго посольства въ Пекинѣ, который примѣнилъ русскія названія къ описанію китайской шахматной игры. Описаніе это, отъ 1775 года, было перепечатано въ „Шахматномъ Листкѣ" М. И. Чигорина, но безъ поясненій, такъ что осталось непонятымъ [204]).

---

[204]) А. Н. Грачевскій пишетъ, напр., что „пушка, китайское нововведеніе, есть единственная шашка, которая беретъ непріятельскую не такъ, какъ ходитъ. Она идетъ прямо или въ сторону на столько шаговъ, сколько нужно, но брать она можетъ только (какъ въ игрѣ въ шашки) черезъ другую шашку" (1879 г., стр. 132). Это не вѣрно. Эта оригинальная шашка ходитъ, какъ наша ладья, и убиваетъ чужую шашку, подобно всѣмъ фигурамъ, становясь на мѣсто убитой, но она не можетъ брать непріятельской, ежели между нею самою и этою чужою всѣ мѣста свободны; дабы она могла взять, необходимо, чтобы путь между пушкою и шашкою противника *былъ загороженъ* какою либо другою шашкою, все равно своею или чужою, и притомъ непремѣнно одною шашкою; такъ что если на одной линіи стоятъ двѣ своихъ пушки и далѣе чужая шашка, то дальняя отъ чужой можетъ ее брать, а ближайшая нѣтъ; точно также и шахъ непріятельскій царь получаетъ, когда загражденъ отъ нея *одною* шашкою.

живаетъ вниманія филологовъ и этнографовъ. Въ древней Руси была верхняя одежда (мужская и женская) подъ именемъ *ферязь*. Въ игрѣ слово *ферзь* перешло къ намъ, надо думать, въ очень давнія времена. Сохранился онъ также въ Венгріи—Vezèr, но я не знаю, есть ли онъ въ Турціи и, наконецъ самое главное, о чемъ будемъ говорить далѣе, соотвѣтствуетъ ли онъ тому понятію, которое выражается словомъ *визирь*.

Въ четвертыхъ, терминъ королевы явился вовсе не вездѣ. По числу языковъ онъ встрѣчается довольно часто (Англія, Голландія, Португалія, Греція, Данія), но по размѣру мѣстностей главное новое названіе есть Dame, *дама*, понимаемое въ настоящее время, какъ *госпожа;* мы находимъ его у испанцевъ, французовъ, нѣмцевъ, чеховъ и шведовъ.

Въ пятыхъ, и это наиболѣе существенно: хотя терминъ *дамы* и остался кое-гдѣ въ шахматахъ, но утвердился онъ по преимуществу въ игрѣ шашечной, гдѣ его нельзя объяснить никакою символикой,—какъ-бы туманно ни говорить объ этомъ,—ибо, какъ мы знаемъ, шашечная игра была понимаема, какъ битва двухъ армій.

Въ шестыхъ, вопросъ, почему терминъ этотъ сохранился преимущественно въ шашкахъ и перешелъ здѣсь даже въ самое названіе игры, и притомъ на совершенно разныхъ языкахъ, остается

Ежели эта шашка своя, то аттакованный царь уничтожаетъ щахъ, уведя эту свою шашку. Интересно пишетъ И. Т. Савенковъ („Шахм. Обозр." 1904 г., стр. 212): „Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что это видоизмѣненіе шахматной игры появилось сравнительно недавно, уже послѣ изобрѣтенія пороха въ Китаѣ" и затѣмъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „на югѣ Минусинскаго уѣзда, недалеко отъ китайской границы, были находимы и каменныя ядра". Тутъ не знаешь, чему изумляться, тому ли, что введено указаніе объ изобрѣтеніи пороха въ Китаѣ, тому ли умозаключенію, что если есть ядра, то, значитъ, они непремѣнно изъ огнестрѣльной пушки, тому ли смѣлому выводу, что разъ эти положенія допущены, то долженъ быть признанъ и выводъ, что шахматная китайская пушка появилась сравнительно недавно. И. Т. Савенковъ, какъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, не могъ не знать, что метательныя орудія, дѣйствовавшія круглыми каменными ядрами, были извѣстны въ глубочайшей древности, звались они балистами и катапультами и представляли изъ себя усложненный видъ лука (см., напр., „Исторія древняго міра" К. А. Иванова. Спб. 1904., рисунокъ на стр. 190). Для чего же понадобилось И. Т. Савенкову такъ путать дѣло и сбивать съ толку тѣхъ изъ шахматистовъ любителей, которые не получили обширнаго образованія? Слѣдствіемъ подобнаго отношенія къ дѣлу является полное недовѣріе читателя къ серьезности автора, недовѣрія переносимаго невольно и на другія печатныя произведенія, а на шахматныя въ особенности. Нельзя изумляться послѣ этого, что издатель „Шахматнаго Журнала" помѣщаетъ серьезно, безъ поправки, газетную замѣтку (притомъ въ переводѣ), увѣряющую, что шахматы открыты въ Египтѣ. (См. примѣч. 39).

Но наиболѣе полную неосвѣдомленность проявилъ здѣсь И. Т. Савенковъ (какъ и А. Н. Грачевскій) въ томъ, что онъ и не подозрѣваетъ о древности китайской шахматной пушки. Ранѣе въ своемъ китайскомъ іероглифѣ (который пишется наверху круглой плоской шашки) начертаніе это не имѣло знака огня, знакъ этотъ прибавленъ лишь впослѣдствіи. И прочесть объ этомъ И. Т. Савенковъ могъ, между прочимъ, у того самаго гр. Бастеро, изъ коего онъ разбираетъ рисунокъ древне-египетской игры, гдѣ обнаженную женскую фигуру (см. стр. 88) склоненъ принять за архитектора: en avant de ces pièces se placent deux autres appelées *Pao*, dont le nom s'écrivait autrefois avec la clé des *pierres* et qui signifiaient alors des balistes; plus tard, on y ajouta la clé du *feu*, et ils sont devenus des canons. (*Basterot*, 1863., p. 15).

до сего времени не выясненнымъ. Вотъ рѣзкій примѣръ: по итальянски *ферзь* или *королева* называется donna, госпожа, а игра въ шашки giuoco di dama.

Относительно названія слона, превратившагося во французскомъ языкѣ въ fou, *дуракъ, сумасшедшій*, тоже создали филологическую теорію. Именно арабское названіе его *альфиль*, гдѣ *аль* есть членъ, превратилось будто бы въ fil, потомъ въ fol и наконецъ въ fou. Линде отвергаетъ и это: онъ высказываетъ мнѣніе, что слона назвали шутомъ по сходству изображенія его съ дурацкимъ колпакомъ. Оставивъ въ сторонѣ эту грубую выходку противъ католической епископской*) митры, нельзя не согласиться что превращеніе fil въ fol и fou, дѣйствительно, представляется крайне сомнительнымъ. Древнѣйшія изображенія альфиля (XIII и XIV вв.) по свидѣтельству Линде, представляли его съ раздвоеннымъ верхомъ, намекая будто бы на клыки слона.

По моему мнѣнію и новѣйшее французское названіе слона кроется въ игрѣ римской. Древній слонъ имѣетъ наибольшее сходство съ движеніемъ шашки вкось; онъ хотя бралъ по шахматному, становясь на мѣсто убиваемой, но имѣлъ право перешагивать черезъ свои и чужія шашки. Само собою напрашивается соображеніе, что приложенное первоначально къ шахматной игрѣ во всемъ ея объемѣ названіе latrunculi, по своемъ паденіи, было удержано преимущественно за одною шашкою, именно за слономъ, который ходилъ черезъ шашку и вкось, и онъ, вѣроятно, сталъ именоваться latrunculus; кромѣ этого въ латинскомъ языкѣ было еще слово truncus *пень, обрубокъ дерева*, и уменьшительное trunculus, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему понятію *шашка, шашечка***). Какъ по смыслу своему *обрубочекъ, шашка*, такъ и по созвучію съ latrunculus оно вполнѣ замѣняло его, при чемъ la могло приниматься какъ членъ, слово же truncus, кромѣ главнаго значенія *пень*, употреблялось еще въ понятіи *дубина, дуракъ, болванъ*. Замѣна слова latrunculus словомъ trunculus была тѣмъ болѣе подходящею, что алфиль былъ, дѣйствительно наиболѣе глупою по своему ходу фигурою, такъ какъ изъ всѣхъ 64 клѣтокъ доски могъ ходить только на восемь мѣстъ. Это-то безсиліе шашки и значеніе латинскаго слова, надо думать, и повели къ упроченію за нимъ названія fol и fou.

Вопросъ о названіи ферзя *дѣвою, дамою* и *королевою*, и самой игры alla dama, de las damas, гораздо интереснѣе, и его рѣшеніе также исходитъ изъ игры римской. Оно значительно важнѣе, ибо устанавливаетъ вліяніе шашекъ на шахматы, указываетъ, что развитіе ихъ шло не тѣмъ путемъ, какъ представляли его до сихъ поръ.

Выше, объясняя слово mora, мы привели описаніе латинской медали. Хотя содержаніе рисунка даетъ всѣ основанія отнести ее къ игрѣ latrunculi, не все въ ней, однако, было нами разобрано.

---

*) По англійски слонъ въ шахматахъ называется епископомъ, bishop, бишопъ и бишофъ (ср. польск. бискупъ).

**) Гайдъ IV главу о шашкахъ въ нардѣ (Historia Nerdiludii, p. 20) озаглавливаетъ: §. IV. De Frustulis seu Trunculis lusoriis, qui hodie Orbiculi plani, olim Calculi dicti.

Ни Бекъ де Фукьеръ, ни его читатели, ни тѣ ученые, которые раньше приводили медаль въ связь съ угадываніемъ чиселъ по пальцамъ, не вникли въ ея содержаніе, а въ немъ, я думаю, находится ключъ къ разрѣшенію самаго важнаго вопроса относительно современнаго названія шашекъ. Медаль такая вещь, гдѣ важны всѣ мельчайшія подробности, а между тѣмъ одна изъ нихъ, и притомъ бросающаяся въ глаза, страннымъ образомъ не привлекла ничьего вниманія.

На медали (см. заставку), какъ уже сказано, лѣстница, а на ней козелъ въ томъ приблизительно видѣ, какъ изображаютъ знакъ Козерога. При чемъ же здѣсь козелъ, или козерогъ, capricornus, aegoceros? Не имѣетъ ли это какого-нибудь отношенія къ игрѣ latrunculi, а черезъ нихъ и къ шахматамъ, къ древнѣйшимъ изображеніямъ ладьи и слона и вытачиванію ихъ въ видѣ рогатыхъ фигуръ, отчего ладья называлась bifrons, biceps (двухголовый), discurrens (расходящійся), а слонъ cornuz?

У римлянъ, какъ извѣстно, всѣ шашки дѣлались одинаковыми, но часто были онѣ не плоскія, какъ наши нынѣшнія, древне-греческія или китайскія, а походили, судя по описаніямъ, на современныя пѣшки; дѣлались онѣ также въ видѣ орѣховъ и въ формѣ полуядра [205]).

Шашки эти проходили, какъ мы теперь знаемъ, въ дамки. Спрашивается, какимъ способомъ отмѣчали римляне ихъ въ этомъ случаѣ отъ простыхъ? Переворачивать ихъ, по образцу нашихъ, было не удобно [206]), слѣдовательно не могло и повести къ установленію такого обычая, класть на бокъ совсѣмъ нельзя: онѣ скатывались бы съ клѣтки. Невозможно также допустить предположенія, что дамки замѣнялись шашками какого-либо другого образца, ибо каждая игра, а тѣмъ болѣе народная, широко распространенная, всегда пользуется своими средствами, при самомъ строгомъ соблюденіи „экономіи“; между тѣмъ въ latrunculi играли всѣ, какъ высшее сословіе, такъ и плебеи. Есть одно извѣстіе, что вмѣсто шашекъ употреблялись монеты, [207]) золотые

---

[205]) Это обстоятельство не препятствовало играть въ XII линій. На Кавказѣ въ игрѣ нардъ продолжаютъ еще употреблять пѣшко-образныя фигурки, хотя по сравненію съ нашими плоскими шашками, которыя можно ставить другъ на друга, онѣ менѣе удобны, ибо ихъ трудно умѣщать по многу на одномъ мѣстѣ (на одной линіи или флеши), и при началѣ игры ихъ всѣхъ на первый клинокъ и не выставляютъ, ибо онѣ помѣститься тамъ не могутъ; ихъ ставятъ кучкой, около доски, и *предполагается, что онѣ стоятъ на первомъ мѣстѣ*. То же должны были допускать египтяне и римляне въ XII линіяхъ.

[206]) Ни Бекъ де Фукьеръ, ни Гайдъ, ни прежніе реальные словари не давали рисунковъ шашекъ въ latrunculi. Несмотря на то, что приводимые въ нѣкоторыхъ словаряхъ снимки съ шашекъ, даютъ ихъ неодинаковыми съ нашими, я думаю все-таки, что въ *народѣ* большею частію давно уже были въ ходу плоскія шашки; но въ то время египетская традиція не была еще окончательно побѣждена, и древнѣйшая форма въ видѣ полуядра или нашей пѣшки удерживалась въ состоятельныхъ классахъ.

[207]) А именно: Petronius Arbiter въ Сатириконѣ: Sequebatur puer cum tabula

и серебряные динаріи; кромѣ того, какъ мы видѣли въ одной статуэткѣ (см. стр. 101), найденной близъ Аѳинъ, шашки сдѣланы плоскими, по образцу нашихъ современныхъ. Но такія шашки не были вполнѣ обычными въ Римѣ, и распространились тамъ, вѣроятно, гораздо позднѣе; замѣчательно, что и послѣ того, какъ плоскія шашки въ западной Европѣ вошли во всеобщее употребленіе,—дамка тамъ все же не отмѣчается переворачиваніемъ: *это обычай чисто русскій*.

Не отмѣчали ли дамки какимъ-нибудь особымъ пріемомъ? Не намекаетъ ли медаль, что ихъ дѣлали рогатыми, что̀ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было тѣмъ болѣе возможно, что шашки часто дѣлались изъ воска? Или четыре звѣзды, выдѣляющіяся по прямой линіи въ верхнемъ ряду созвѣздія Козерога имѣли нѣкоторую связь съ четырьмя клѣтками пристаней?—Или на медали надо видѣть козу Амалтеи, кормилицы Зевса, которая также была помѣщена въ числѣ созвѣздій? Считалось, что восхожденіе и захожденіе ея сопровождалось бурями; не имѣетъ ли она связи съ дамкой, съ появленіемъ ея въ игрѣ, такъ какъ выраженіе cornu Amaltheae понималось какъ „рогъ изобилія“, а появленіе доведи вело въ партіи къ побѣдѣ?

Много подобныхъ вопросовъ можно представить себѣ, но правильное рѣшеніе по отношенію къ тому, что̀ послужило *первоначальною* причиною присоединенія къ игрѣ изображенія козы весьма затруднительно. Далѣе мы возвратимся къ этому вопросу, здѣсь же замѣтимъ лишь, что выяснить полнѣе всѣ подробности игры возможно лишь послѣ привлеченія къ дѣлу другихъ латинскихъ текстовъ, до сего времени къ игрѣ не относимыхъ [208]).

Во всякомъ случаѣ надо здѣсь замѣтить, что мы имѣемъ основанія сближать Козерога съ идеею дамки, ибо рога по латинскимъ воззрѣніямъ означали признакъ силы *).

---

terebinthina et crystallinis tesseris: notavique rem omnium delicatissimam; pro calculis albis aut nigris aureos argenteosque habebat denarios. Петроній, писатель, какъ полагаютъ, былъ одно и то же лицо съ любимцемъ Нерона—Гаемъ Петроніемъ.

[208]) Напримѣръ, указывается на латинскую пословицу: a baculo ad angulum=отъ палки къ углу. Пословица эта употреблялась, какъ говоритъ энциклопедія Гарбеля, для означенія „нелѣпаго несообразнаго окончанія“. Коль скоро такая пословица существовала и примѣнялась къ нелѣпому окончанію чего либо, она если происходила не изъ самой игры шашечной, то во всякомъ случаѣ имѣла шашечную игру словъ: abaculo ad angulum, „шашкой въ уголъ“, т. е. глупое самозапираніе.—2) Въ энциклопедіи Граната на I таблицѣ въ числѣ снимковъ съ древнихъ монетъ имѣется тетрадрахма изъ Эноса во Ѳракіи эпохи Пелопонесскихъ войнъ (431—404 до Р. Х.); на одной ея сторонѣ голова Гермеса, на другой козелъ съ надписью; 3) Выраженія (Plin.): ponere calculos in re;—non possum parem calculum ponere и т. д.

*) Гаторъ, египетская богиня веселія и радости, изображалась съ рогами на головѣ, точно также и египетская Изида (Исетъ), культъ которой распространился потомъ на весь древній міръ (позднѣе онъ выродился въ рядъ безнравственныхъ мистерій) и исчезъ не ранѣе V вѣка нашей эры.

По моему мнѣнію, отмѣтка доведи производилась въ Римѣ игорнымъ пріемомъ. Случайно, конечно, могла она отмѣчаться какимъ либо знакомъ на восковой шашкѣ, или замѣною доведи монетой, напримѣръ, или переворачиваніемъ шашки, но обычное, общепринятое, отличіе ея надо искать въ самомъ устройствѣ игры съ цилиндрическими высокими шашками, и такъ какъ у римлянъ существовала уже игра скриптула, въ которой на одной линіи можно было помѣщать по нѣскольку шашекъ, то идея отличить доведь постановкой на одну клѣтку двухъ шашекъ не могла показаться имъ несообразностью, и я думаю, что доведь отмѣчалась именно этимъ пріемомъ. Это было не только по силѣ, но и по виду своему—geminus calculus; шашка эта давала также нѣкоторое подобіе роговъ, намекала на нихъ. Подтвержденіе своей догадки я нахожу, во-первыхъ, въ томъ, что въ позднѣйшее время въ западной Европѣ *во всѣхъ подвластныхъ Риму странахъ* сохранился и прочно удержался до нашего времени обычай отмѣчать дамку накладываніемъ на нее *второй шашки*, и, во-вторыхъ, въ томъ, что въ созвѣздіи Козерога есть *двойная* звѣзда, видимая даже простымъ глазомъ.

Игра latrunculi, какъ мы видѣли, была въ большомъ почетѣ у поэтовъ и въ высшемъ римскомъ обществѣ, и только одни философы строго относились къ ней, какъ и ко всѣмъ вообще шашечнымъ играмъ [209]).

---

[209]) „Они смотрѣли на latrunculi, пишетъ Фонъ деръ Лаза, такъ же, какъ смотрятъ теперь на шахматы, считая ихъ слишкомъ серьезными для игры и слишкомъ игрою для науки. Сенека, въ сочиненіи *О краткости жизни* (XIII), говоритъ объ игрѣ latrunculi, что «только тотъ можетъ быть признанъ абсолютно свободнымъ, кто увѣренъ, что онъ избавленъ отъ всякаго дѣла, но было бы очень условнымъ причислять къ людямъ свободнымъ только тѣхъ, кто проводитъ свою жизнь въ игрѣ latrunculi, или въ мячъ, или въ томъ, что грѣется на солнцѣ». Такимъ образомъ ludus latrunculorum представляется ему пустымъ времяпрепровожденіемъ, подобно праздности. Такое чрезмѣрное порицаніе Сенеки, даже если бы оно относилось къ шахматамъ, какъ игрѣ въ сущности аналогичной съ игрою въ latrunculi, не должно насъ смущать, ибо философъ съ такою же страстностью нападаетъ и на тѣхъ, кто предается разрѣшенію вопросовъ, что̀ раньше было издано:—Иліада или Одиссея? или же онѣ принадлежали одному автору?,—называя такія изысканія пустыми. Ученые настоящаго времени согласятся, что онъ въ своихъ приговорахъ иной разъ переходилъ надлежащія границы, и не можетъ быть признанъ вполнѣ безпристрастнымъ, хотя бы уже по тому, что постоянно проповѣдуя презрѣніе къ земнымъ благамъ, самъ не отказывался пользоваться этими благами, будучи надѣленъ ими съ избыткомъ. Не онъ одинъ, однако, осуждалъ игру latrunculi; новоплатоникъ Макробій, жившій въ первой половинѣ V-го ст. по Р. Х., въ сочиненіи своемъ о convivia saturnaliorum (I, 5) съ пренебреженіемъ отзывается о тѣхъ, которые слѣдующій день проведутъ за шашечницею и игрою въ шашки“ (D. Schachz., 1863 г., стр. 259). Мѣсто изъ Макробія Гайдъ даетъ такъ: Sed vultisne diem sequentem, quem plerique omnes abaco et latrunculis conterunt, nos istis sobriis fabulis, mutuis ex lecto relationibus exigamus? (Стр. 182).

Далѣе Фонъ деръ Лаза приводитъ мнѣніе Плинія Младшаго (62—114), въ

Игра, какъ мы знаемъ, была распространена и во всѣхъ другихъ слояхъ общества; въ нее играли, видимо, на улицахъ *). Такая склонность къ ней была вполнѣ понятна, такъ какъ правила были не особенно сложны, аппаратъ игры очень простъ, а занимательна она была въ высшей степени **).

Спрашивается, не имѣла ли игра latrunculi какого-либо своего, народнаго, названія?

которомъ тотъ разсказываетъ (ep. VII, 24) о знатной римлянкѣ Нумидіи Квадратиллѣ; здѣсь рѣчь идетъ уже просто объ игрѣ въ шашки вообще,—calculi,—и это не можетъ быть вполнѣ отнесено къ игрѣ latrunculi. Нумидія всякій разъ, когда занималась шашками, отсылала своего внука, котораго воспитывала, чтобы онъ не присутствовалъ при игрѣ.

*) См. примѣч. 145, 160 и 168.

**) Словарь Даранберга (см. примѣч. на стр. 70-й) сообщаетъ, что найдена эпитафія одного вольноотпущенника, жителя города Ошъ (Auch) во Франціи, гдѣ онъ названъ doctor librarius et lusor latrunculorum. Онъ жилъ приблизительно въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и занималъ довольно высокое положеніе въ своемъ городѣ, а именно онъ былъ curator civium romanorum. *Corp. inscr. lat.* XIII, 444. Къ сожалѣнію, имени латинскаго маэстро словарь не даетъ. Возможно, что оно есть въ томъ источникѣ, на который словарь ссылается, но провѣрить этой ссылки мнѣ не удалось.

XIX.

Допросимъ, однако-жъ, Индію... Вильямъ Жонесъ... увѣряетъ насъ, что онъ не нашелъ въ древнихъ книгахъ Индусовъ ни одного мѣста *вполнѣ и непремѣнно относящагося къ шахматамъ.* Подобное свидѣтельство знаменитаго санскритиста поражаетъ насъ тѣмъ бо̀льшимъ удивленіемъ, что въ этихъ книгахъ всякій находитъ всегда, болѣе или менѣе удачно, то̀, чего онъ ищетъ. Санскритскій языкъ... понимается иногда точно такъ же, какъ и жесты глухонѣмого, которые всякій разумѣетъ по-своему, и на это онъ никогда не жалуется; а поэтому нѣкоторые филологи, не знаемъ, болѣе ли счастливые, или только менѣе опытные, чѣмъ Жонесъ, нашли гдѣ-то *два санскритскихъ выраженія именно для нашихъ шахматъ.* *А. Стойковичъ.*

Обѣ римскія игры, какъ мы сказали, и скриптула и латрункули, сохранились, дошли до насъ, но самыя наименованія этихъ игръ, тѣ названія, которыя находимъ мы въ классическихъ сочиненіяхъ, исчезли совершенно *во всѣхъ европейскихъ языкахъ* западной Европы.

Скриптула, преобразовавшаяся въ новѣйшій триктракъ въ средніе вѣка стала называться ludus tabularum, jeu de tables или de taules, т. е. игрою тавлейною [210]), терминомъ новымъ, но все же

[210]) Въ языкѣ французскомъ латинское слово tabula перешло въ tablier, *шашечница*, и въ **table**, *столъ*, но послѣднее слово (на что̀ никто не обращалъ до сихъ поръ вниманія) сохраняло, и еще сравнительно недавно, въ концѣ XVIII столѣтія, *значеніе слова шашки,* игральной фигурки, вмѣсто слова dame. Такъ, Жиффаръ въ своемъ руководствѣ къ большому триктраку (Le Grand Trictrac ou méthode facile pour apprendre sans maître. Du Fonds de P. F. Giffart. Paris. MDCCLXVI), параграфъ, описывающій шашки, озаглавливаетъ *Les Dames ou Tables* и замѣчаетъ: „Les dames sont assez connues pour n'avoir pas besoin d'explication.... on les nomme aussi Tables quand on veut“.—Такимъ образомъ слово table въ средніе вѣка значило то же, что теперь у насъ шашка, равнымъ образомъ это же значеніе имѣло и слово dame. Это, конечно, не случайность, а результатъ употребленія этихъ словъ въ продолженіе многихъ вѣковъ.—Кромѣ того, по-французски есть слова: tabler, ставить шашки (въ трик-

такимъ, которое основаніе свое имѣло въ языкѣ латинскомъ. Нельзя сомнѣваться, что замѣна эта началась еще ранѣе, еще въ то время, когда латинскій языкъ былъ живымъ, разговорнымъ.

Не было ли у игры latrunculi своего, народнаго, названія, не вошедшаго въ классическую литературу? Не произошло-ли здѣсь, какъ въ имени ludus tabularum, новѣйшее названіе изъ языка латинскаго?

Я думаю, что такое наименованіе у игры древней было, и что на него именно указываетъ медаль: *коза* по латыни, *горная* коза, и притомъ *мѣстная* горная коза, *коза альпійская*, называется DAMA. Вотъ гдѣ лежитъ зародышъ новаго названія игры шашечной! Вотъ откуда[211]) идетъ ея прозваніе *игрою въ дамы*, словомъ, кото-

тракъ);—tabletier, токарь или продавецъ шашекъ;—tabletterie, токарное ремесло и самое издѣліе.—Подобное же наблюдаемъ мы и у насъ. Извѣстный В. И. Даль, объясняя слово дамка, пишетъ: „Въ *дамкахъ* или шашкахъ, дамка, доведь, шашка, прошедшая до 8-й клѣтки“. А. К. Леонтьевъ пишетъ: „плинтусы или дамки“.

По-итальянски шашка называется tavola.—По-русски тавлеею (въ единств. числѣ) именовали игру нардъ или триктракъ, но кромѣ того слово тавлея означало въ прежнее время и самую фигурку игральную, а во множественномъ числѣ, внѣ сомнѣнія, и самую игру въ простыя шашки.—Въ Домостроѣ и Стоглавѣ попадаются запрещенія играть въ „шахматы, зернь и тавлеи“. Подъ зернью здѣсь понимаютъ до сихъ поръ игру въ кости безъ шашекъ. Это едва ли вѣрно. Скорѣе надо думать, что въ этихъ случаяхъ слово зернь относится къ игрѣ нардовой и должно быть переводимо „съ костями“. Если бы зернь составляла только простую игру въ кости, то ее выдѣлили бы, не упоминали бы вмѣстѣ съ играми разсчета. Здѣсь то же, что у древнихъ грековъ, гдѣ въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ (Платонъ, Плутархъ, Геродотъ), подразумѣвая игру нардовую, называли ее кюбейею. Римляне также подъ словами ludere tesseris понимали иногда свою скриптулу. Интересно, что поляки простыя шашки еще именуютъ варцабы, словомъ, которое у русскихъ понималось, какъ кости. Пока древность шашекъ не была доказана, можно было сомнѣваться въ значеніи слова *тавлеи*, теперь же, когда это выяснено, сами собой возникаютъ вопросы, какимъ *славянскимъ* словомъ означали раньше *на письмѣ* шашки, и какъ, упоминая шахматы и нардъ, могли умолчать про шашки? Нельзя иначе понять этого, какъ допустивъ, что запрещеніе стоглаваго собора надо понимать въ смыслѣ „шахматы, триктракъ и шашки“, ибо безспорно азартныя игры ясно запрещены номоканономъ, и о нихъ говорить было нечего. Самое слово шашки, вѣроятно, не вполнѣ новѣйшаго происхожденія, а было плебейскимъ, вульгарнымъ (что сохранилось отчасти и теперь), а потому не скоро проникло въ литературу, замѣняясь здѣсь, то тавлеями, то плинтусами, то дамками. Ни одно изъ этихъ названій не удержалось, и народный терминъ побѣдилъ ихъ.

211) Каменный козелъ, обитатель Кавказа и Альпъ, принадлежитъ къ животнымъ вымирающимъ. Въ прежнее время въ Альпахъ козелъ этотъ водился цѣлыми стадами, и во времена римскаго владычества охотники отправляли козловъ въ Римъ сотнями для гладіаторскихъ боевъ (*Ф. Мартинъ*. Три царства природы. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. проф. Никольскаго. Спб. 1903). Кромѣ дѣйствительнаго козла, римляне, по плохому знанію міра животныхъ, какъ и многіе другіе древніе народы, называли козою, dama, низкорослаго альпійскаго оленя, извѣстнаго теперь у нѣкоторыхъ (Бремъ; Энц. Ефрона) подъ именемъ cervus dama. Это послѣднее животное интересно для насъ потому, что шкура

рое по созвучію лишь въ новѣйшія времена было принято за женщину, госпожу. Непонятное для Линде появленіе будто-бы въ XIV—XV столѣтіяхъ новаго термина, получаетъ простое и ясное объясненіе: оно было простонароднымъ, не употребительнымъ въ языкѣ литературномъ, но уже распространеннымъ въ такой степени, что съ нимъ приходилось считаться при отливкѣ медали.

Возможно, конечно, что идея помѣщать козу при изображеніи игры *первоначально* исходила изъ другихъ соображеній, и что лишь впослѣдствіи Козерогъ превратился въ *даму*, или этотъ терминъ былъ примѣненъ къ Козерогу [212]). Возможно, что dama, съ одновременнымъ означеніемъ этимъ словомъ оленя или козы, представлялась римлянамъ дальнѣйшимъ развитіемъ термина latrunculus, подходящею замѣною древняго латрона, и прошедшая въ доведи простая въ соотвѣтствіе съ одной стороны съ прыжкомъ при взятіи и при перемѣщеніи съ клѣтки на клѣтку, а съ другой для опредѣленія разбойническаго значенія, пріобрѣтеннаго древнимъ войсковымъ „наймитомъ", охотно усвоила въ разговорномъ языкѣ мѣткое и задорное прозвище *козы*, животнаго также прыгающаго и живущаго, подобно бандитамъ въ горахъ между скалъ [213]).—Но возможно, что первоначально слово

его, рыжеватая, испещрена вся довольно правильно расположенными бѣлыми пятнами и очень напоминаетъ раскрашенную шашечницу.—Писали dama, писали и damma. У Горація, по словарю Ананьева, слово dama встрѣчается также въ смыслѣ раба, въ мужскомъ родѣ. Къ сожалѣнію, не удалось мнѣ узнать, гдѣ именно употребляетъ Горацій это слово въ такомъ значеніи.

[212]) Корень dam встрѣчается въ различныхъ языкахъ. Гайдъ полагалъ, что оно коренное нѣмецкое слово, и что игра получила отсюда названіе, ибо у нѣмцевъ dam или damm значитъ *валъ, окопъ, укрѣпленіе*. Это лишь случайное совпаденіе. Игра къ нѣмцамъ шла изъ Италіи и отъ славянъ, и будь слово dam чисто нѣмецкимъ, оно не могло бы распространиться по всей Европѣ; если бы оно шло отъ нѣмцевъ, то утвердилось бы прочнѣе всего у англо-саксовъ, а на дѣлѣ это не такъ, и англичане называютъ шашки—draughts (лат. draucus??). Сосѣди нѣмцевъ—русскіе—зовутъ шашками, а поляки—варцабами; хотя относительно русскихъ поляковъ (какъ и финляндцевъ) надо сказать, что у нихъ начинаетъ преобладать русское названіе *шашки*, оно же употребляется и на Кавказѣ.

Виландъ указывалъ на греческій глаголъ *δαμεῖν*, damein, укрощать, усмирять. Въ языкѣ японскомъ, въ ихъ національной игрѣ го, также встрѣчается терминъ damma; онъ примѣняется къ шашкамъ, которыми заполняютъ мѣста, не принадлежащія ни одному изъ игроковъ (ничьи мѣста). По аналогіи съ другими игровыми словами можно думать, что Римъ не самъ создалъ этотъ терминъ, а заимствовалъ его откуда нибудь, изъ еще болѣе древней цивилизаціи, напримѣръ, египетской, но что этотъ древнѣйшій терминъ былъ *узнанъ позднѣе и замѣнилъ греко-римское слово latro* и *latrunculus*, которыя по инерціи продолжали еще сохраняться у писателей III и V вв. по Р. Х. Конечно яснѣе это обстоятельство станетъ лишь при тщательныхъ филологическихъ изысканіяхъ. Въ современномъ Египтѣ игра въ шашки называется *дамехъ*, у крымскихъ татаръ, какъ уже указано, *дама́*. Въ Азіи есть нѣсколько городовъ съ корнемъ *дам*.

[213]) Въ вѣтви юго-западныхъ Альпъ есть гора Дамма; она составляетъ выс-

dama, будучи занесено съ востока [214]), примѣнялось не къ доведи, а соотвѣтственно шахматному раскрасу оленя, означало европейскую *доску* и лишь позднѣе перешло на довѣдь [215]). Ко всему этому необходимо прибавить, что слово dama, хотя и вошло въ латинскій языкъ, вполнѣ имъ усвоилось, не было въ немъ кореннымъ, и филологи приходятъ къ выводу, что оно было иностраннымъ терминомъ [216]).

Народное названіе игры *дама* должно было широко распро-

шую точку мѣстной группы горныхъ пиковъ.—*Дамъ*—мѣра пути въ Анамѣ и Камбоджѣ=0,89 км.—*Дамо*—дочь философа Пиѳагора, жившая за 500 лѣтъ до Р. Х., которой Пиѳагоръ завѣщалъ не выдавать въ свѣтъ его сочиненій.—*Даммъ* или Альтдаммъ—городъ въ прусской провинціи Штетинъ, при впаденіи рѣки Плены въ Даммское озеро.—На берегу Балтійскаго моря, близъ Кезлина есть мѣстечко Дамкерортъ.—*Дама*—французская дворянская фамилія.—*Дамаскъ*, дамаская сталь. Одна энциклопедія увѣряетъ, что Дамаскъ упоминается еще во время Авраама.—Но этотъ перечень далеко не полонъ.

[214]) Какъ курьезъ приведу мнѣніе испанскаго учебника д-ра Сабатера. Онъ пишетъ: „По моему мнѣнію этимологія слова *Damas* (дамки),—которое сравнительно ново, такъ какъ раньше игра называлась de *Tablas*, del *Marro* и del *Marro de punta*,—производится точно такъ же, какъ этимологія слова *diamante* (алмазъ, твердость, непоколебимость) отъ *adamas*, что означаетъ *твердость, стойкость*, а метафизически *твердость, постоянство*,—условія, необходимыя для того, чтобы владѣть ею хорошо, и которыя предполагаютъ ея большую трудность, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока не были изобрѣтены шахматы, была самой трудною и самою упорною изъ всѣхъ извѣстныхъ игръ".—(l. c., p. 6).

[215]) Къ слову замѣчу: во французскомъ каталогѣ Alph. Picard (Paris. 1890), встрѣтилъ я такое заглавіе книги: *Pelicier*, agrégé de l'Université, archiviste de la Marne.—Essai sur le gouvernement de la dame de Beaujeu 1483—1491. Paris. 1882. 1 vol., 8-vo.

[216]) См. обширный латинскій словарь, выходящій и въ настоящее время, но доведенный пока только до буквы *e:* Thesaurus linguae Latinae, editus auctoritate et consilio academiarum quinque germanicarum Berolinensis, Gottingensis, Lipsiensis, Monacensis, Vindobonensis. MDCCCCI. Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri.—Vol. V. MDCCCCX.—**Damma, ae,** *f. [vox peregrina esse videtur....] ....de genere: Prisc.* gramm. II, 141, 18— „—a" *etc.* in utroque genere promiscue sunt probata.... *scribitur saepius* dama.... *etiam....* dammus.... damus. Этотъ же словарь указываетъ на греческія слова *δαμάλης, δαμάλη, δάμαλις* и даетъ уменьшительныя: dammula, dammola, dam(m)ulus.—

При словѣ anticeps словарь отсылаетъ къ слову anceps, и значеніе послѣдняго въ „Похвалѣ Писону" даетъ (пятое значеніе) какъ dubius in malam partem. Несмотря на весь авторитетъ словаря пяти университетовъ, не могу я не удивляться смѣлости филологовъ. Значеніе слова не извѣстно, значеніе того реченія, коему это слово служитъ опредѣленіемъ, также не извѣстно, но филологи толкуютъ это слово такъ, какъ будто они его прекрасно понимаютъ! Не удивительно, что при такомъ злоупотребленіи своимъ знаніемъ и положеніемъ филологи не пользуются довѣріемъ ни у публики, ни у другихъ ученыхъ, и выводы ихъ считаются большею частію сомнительными. Насколько выигралъ бы словарь даже среди самихъ изслѣдователей языка латинскаго, если бы просто указалъ, что въ данномъ стихѣ значеніе слова малопонятно и еще никѣмъ окончательно не объяснено!

страниться по завоеваннымъ Римомъ провинціямъ, и конечно привилось лучше всего тамъ, гдѣ встрѣчалось съ мѣстными словами (какъ нѣмецкое damm, окопъ, укрѣпленіе), а позднѣе, когда потеряло свой прежній плебейскій характеръ, оно вошло въ новые языки, сдѣлалось литературнымъ и было принято шахматистами, которые смѣшали его съ образовавшимся впослѣдствіи французскимъ словомъ dame, госпожа [217]). Вотъ причина созданія новаго игорнаго термина въ новѣйшихъ языкахъ. Естественно, что появившись первоначально въ шашкахъ, оно преимущественно и удержалось въ этой игрѣ, тогда какъ въ шахматахъ во многихъ странахъ было замѣнено названіемъ королевы и госпожи.

Когда произошла реформа въ ходѣ древней дамки, опредѣлено пока не можетъ быть съ точностью, но во всякомъ случаѣ никоимъ образомъ нельзя утверждать, (какъ это дѣлаетъ Линде), что эта реформа была испанскою. Ей несомнѣнно предшествовала другая.

Ходъ древней доведи, какъ будемъ говорить потомъ подробнѣе, всего вѣроятнѣе измѣнился на востокѣ. Это должно было быть быстро узнано на югѣ Европы, но тамъ *не удержалось*. Только въ одной Россіи, гдѣ шашки получили наибольшее распространеніе въ массахъ, реформа привилась очень рано, получила наиболѣе полное развитіе своего внутренняго содержанія и лишь позднѣе вновь явилась въ Европу, которая держалась (и держится) крѣпко за прежнія правила.

Во всякомъ случаѣ видно, что тогдашнее появленіе новой дальнобойной доведи оказало сильнѣйшее вліяніе на переработку скучной восточной *шашечной* игры шатренджъ. При первомъ его появленіи игра *дама* передала ему свою раскрашенную доску и ея положеніе между играющими, а потомъ и названіе, которое въ шахматахъ естественно укрѣпилось преимущественно за тою фигурой, которая испытала наибольшее вліяніе шашекъ и которая, *подобно дамкѣ, могла появляться на доскѣ изъ проведенной пѣшки*. Названіе слона шутомъ отъ latrunculus, заимствованіе шахматами киперганей [218]), и задачи въ шахматахъ съ однимъ ферзями подкрѣпляютъ эту гипотезу самымъ полнымъ образомъ.

---

[217]) Не безынтересно будетъ замѣтить, что титулъ madame въ старинномъ французскомъ языкѣ относился къ женщинѣ высшаго круга, но имъ означали не только замужнюю женщину, но и дѣвушку, тогда какъ женщина не дворянскаго происхожденія называлась mademoiselle, какъ до выхода въ замужество, такъ и послѣ. Въ одномъ изъ писемъ Монтеня (1533—1592) имѣется посвященіе: A mademoiselle de Montaigne, ma femme („Русь", 1903 г., № 6).—Кстати упомяну, что Монтень, по словамъ J. Gay („Ш. Л." 1880 г., стр. 326) въ своихъ *Опытахъ* порицалъ шахматы, какъ игру слишкомъ серьезную, требующую много вниманія, которое можно бы было употребить на что нибудь лучшее.

[218]) Онѣ не пошли дальше задачъ. Покойный Н. В. Бугаевъ изобрѣлъ какую то особую шахматную игру въ „шахматные поддавки", которая была основана, кажется, на обязательности взятія. Игра эта не привилась, и я не могъ добыть ея правилъ.—Н. В. Бугаевъ показывалъ въ клубѣ также возможность

Для лучшаго уясненія хода развитія шахматной игры весьма интересно попытаться выяснить *появленіе* въ древнемъ шатранджѣ ферзя и самый составъ его страннаго хода, такъ противорѣчащаго своею неполнотой замѣчательной цѣлостности ходовъ прочихъ шашекъ: царя, альфиля, коня, ладьи и пѣшекъ. Былъ ли ферзь наравнѣ съ ними самостоятельною, первоначальною, *шахматною* фигурою, лишь исчезнувшею въ четверной игрѣ (какъ хочетъ этого Линде), или же ферзь былъ шашкою новѣйшею, производною, созданною не безъ вліянія шашечныхъ игръ древнѣйшаго типа? Пока шашки на шахматницѣ не были удостовѣрены, какъ игра болѣе древняя, чѣмъ шахматы, самый вопросъ могъ показаться не вѣрнымъ, теперь мы не только въ правѣ, мы обязаны имъ задаться.

Шахматная игра въ Индіи, по описаніямъ, хотя и не очень древнимъ [219]), имѣла два вида:—чатуранга, сходная съ шатренджемъ арабовъ, была описана позднѣе Кольбрукомъ, первое же извѣстіе о шахматахъ въ Индіи, сдѣланное Джонсомъ, описывало игру четверную. Здѣсь у каждаго было по царю, слону, коню и ладьѣ при четырехъ пѣшкахъ. Фигуры были четырехъ цвѣтовъ и ставились на 64-клѣточной доскѣ, какъ думаютъ, въ такомъ порядкѣ: *желтыя* на d1 царь, c1 слонъ, b1 конь, a1 ладья (которая здѣсь имѣла ходъ древняго альфиля, т. е. вкось только на третью отъ себя клѣтку);—*зеленыя:* h4 h3, h2, h1;—*красныя* (союзныя желтымъ): e8, f8, g8, h8; — *черныя* (союзныя зеленымъ): a5, a6, a7 и a8. Пѣшки ставились во второмъ ряду, непосредственно передъ фигурами. Въ игрѣ этой корабль, или ладья, — наука, — стоитъ вмѣсто вооруженной колесницы—*рать* (rath, что бенгальцы произносятъ roth и что персіяне измѣнили въ rukh). Санкритское мѣсто

Красныя.

Черныя.

Зеленыя.

Желтыя.

игры въ шахматы съ постановкою на каждую клѣтку двухъ шашекъ; къ сожалѣнію и это утеряно. Я обращался къ двумъ его постояннымъ партнерамъ въ клубѣ, но ни одинъ не могъ дать мнѣ никакихъ свѣдѣній объ этихъ любопытныхъ фантазіяхъ извѣстнаго ученаго. Точно также не знали ничего и другіе члены. Этотъ случай прекрасно иллюстрируетъ наши положенія главы I-ой: въ Москвѣ, въ клубѣ, на глазахъ у множества лицъ извѣстный ученый, пользовавшійся авторитетомъ и какъ хорошій игрокъ (онъ игралъ на равныхъ условіяхъ съ М. И. Чигоринымъ, конечно, проигрывая большую часть партій), показываетъ свои проекты игръ, и никто на нихъ не обращаетъ вниманія, никто ихъ не запомнилъ.—См. примѣч. 68.

[219]) Кромѣ санскритскаго источника XVII ст., четверная игра описана также у арабскаго писателя аль-Бируни въ „Путешествіи по Индіи“, писанномъ въ 1031 году. См. „Шахм. Об.“ 1892 г., стр. 376.

объ этой игрѣ было сообщено Джонсу ученымъ индійцемъ Радакантою, по словамъ котораго игра была изобрѣтена на островѣ Цейлонѣ и оттуда перешла въ Индію.—Шашка, которой играющему надлежало дѣлать ходъ, опредѣлялась посредствомъ метанія кости. Игра называлась также *чатуранга*[220]), или чаще *чатурраджа (чатурраджя)*, что въ послѣднемъ случаѣ значитъ *четыре царя*. Съ каждой стороны сражаются двѣ союзныхъ арміи. При выбрасываніи пяти очковъ движется солдатъ, *вати, ватика* (по другимъ текстамъ *падата, падматамъ*) или царь, *раджа* (и *раджанъ*); при четырехъ—слонъ, *гастинъ* (по другимъ чтеніямъ *гости*), при трехъ—конь, *асва*, при двухъ—ладья, *наука*. Взятый царь можетъ быть возстановленъ въ игрѣ; пѣшка, достигшая восьмого ряда, дѣлается тою фигурою, которая при началѣ игры ставится на полѣ, коего она достигла; когда пѣшка попадала на мѣсто раджи, то являлся иногда пятый царь.

Эта игра считалась древнѣйшею, а игра вдвоемъ, гдѣ союзныя арміи соединились, и одинъ царь „замѣненъ былъ ферземъ“, при чемъ исчезла и кость, считалась игрою позднѣйшею. Ванъ деръ Линде держался первоначально такого же воззрѣнія, но затѣмъ круто измѣнилъ свой взглядъ и высказалъ такія дикія соображенія:

„Описанія четверной игры не было до сихъ поръ найдено въ пуранахъ; если бы оно и находилось въ одной изъ нихъ, то этого нельзя было бы признать за несомнѣнное свидѣтельство о ея древности: по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ни одна изъ пуранъ не восходитъ далѣе X вѣка нашей эры. Древнѣйшій упоминающій о ней авторъ, Рагунандана, которому, вѣроятно, принадлежитъ самое описаніе игры въ видѣ діалога (весьма любимой ин-

---

220) Но не „чатаръ-ранга“, какъ сообщаетъ И. Т. Савенковъ („Шахм. Обозр.“ 1904 г., стр. 209) со словъ будто бы профессора Н. Ф. Катанова. Такого начертанія исторія шахматной игры не знаетъ, и ежели оно существуетъ, то должно быть сообщено со ссылкою на рукопись, иначе мы въ правѣ принимать его за одну изъ тѣхъ самовольныхъ поправокъ (ср. „Отеч. Зап.“ 1853, т. LXXXIX, отд. VII, стр. 6), которыя только затемняютъ дѣло. И. Т. Савенковъ (l. c. стр. 210—211) въ салонно-легкомъ стилѣ замѣчаетъ про эту орѳографію, что „это, повидимому, несущественно, но все таки написаніе и толкованіе этого слова желательно окончательно выяснить“. Но это именно и сдѣлано: всѣ, кромѣ И. Т. Савенкова, въ настоящее время пишутъ *анга*, слово имѣющее свой смыслъ и перешедшее, по свидѣтельству Стойковича, безъ измѣненія въ китайское названіе шахматъ „сы-анга“, гдѣ *сы* значитъ четыре, т. е. переводъ слова *чатуръ*. Слово *ранга*, имѣющее значеніе *стороны свѣта*, вводилось раньше по недоразумѣнію, т. е. по добросовѣстному заблужденію, а теперь можетъ быть употребляемо лишь съ цѣлью показать свою „ученость“ передъ необразованной аудиторіей. Извѣстно, что такихъ ученыхъ, мѣтко опредѣляемыхъ какъ „типичный профессоръ женскихъ курсовъ“, развелось въ Россіи теперь не мало. При моемъ руководительствѣ „Шахматнымъ Обозрѣніемъ“, въ 1891—1893 гг., такое мнѣніе, конечно, сопровождалось бы редакціоннымъ замѣчаніемъ, объясняющимъ ошибку, а вѣроятнѣе всего было бы авторомъ даже исключено изъ статьи.

дійскими писателями формы изложенія), принадлежитъ XVI вѣку второй, схоліастъ Ананта—XVII или XVIII, Джонсъ и Кольбрукъ еще ближе къ намъ. Непосредственное изобрѣтеніе игры со столь противоположными элементами, какъ жребій и соображеніе, слѣдуетъ считать психологической невозможностью. Такое сочетаніе могло образоваться только впослѣдствіи, посредствомъ искусственнаго сочетанія.—Четверная игра заключаетъ въ себѣ рѣшительныя нововведенія: несомнѣнно позднѣйшую ладью вмѣсто колесницы, но особенно позднѣйшее правило объ измѣненіи пѣшки, достигшей восьмой линіи: въ древней игрѣ такая пѣшка дѣлалась всегда ферземъ, въ четверной игрѣ, напротивъ, она превращается въ ту фигуру, мѣсто которой она заняла".

Словомъ: не могъ человѣкъ переварить, что Англіи принадлежитъ исторія о древнѣйшихъ шахматахъ, и что въ одной только Россіи сохранились вполнѣ правильныя индійскія названія шашекъ, обидѣлся на это въ высшей степени и рѣшилъ во что бы то ни стало сломать установившійся взглядъ, хотя бы при помощи самыхъ нелѣпыхъ умозаключеній [221]).

[221]) Къ слову замѣчу здѣсь, что шахматныя сочиненія ванъ деръ Линде, несмотря на громадный трудъ, въ нихъ вложенный, не систематичны, изложены крайне разбросанно и въ необработанномъ видѣ. Это скорѣе записки библіографа-дилетанта, чѣмъ филолога-изслѣдователя. Страстный пангерманистъ, неспособный къ широкимъ обобщеніямъ, Линде до такой степени увлекался своими чувствами, что въ конецъ испортилъ все дѣло, и въ значительной степени лишилъ свои сочиненія у серьезныхъ читателей даже того уваженія, котораго они дѣйствительно заслуживаютъ, какъ громадный сборникъ сырого необработаннаго матеріала по библіографіи (Э. В. Тейлоръ, напримѣръ, прямо смѣется надъ Линде). Не говоря уже про крайнюю рѣзкость выраженій и про забытіе всякихъ литературныхъ приличій по адресу своихъ предшественниковъ въ исторіи шахматъ, Линде былъ до такой степени умственно ограниченъ, что либо не замѣчалъ, какъ подъ вліяніемъ своего узкаго патріотизма онъ для главныхъ своихъ выводовъ искажалъ факты, замалчивалъ ихъ и даже прямо отрицалъ, либо (если дѣлалъ это сознательно) разсчитывалъ, что этого не замѣтятъ другіе. Твердо и большею частію основательно установившіяся названія нѣкоторыхъ шахматныхъ дебютовъ, какъ, напримѣръ, „испанская партія", „французская защита", онъ старался уничтожить, придираясь къ основаніямъ весьма сомнительнымъ, а иной разъ и прямо издѣваясь; такъ, по его словамъ, „французская партія" названа такъ будто бы иронически. Шахматный учебникъ Линде (передѣлка руководства Неймана) съ этими ультра-нѣмецкими тенденціями, къ стыду нашему, переведенъ по-русски (изданіе Исакова. Спб. 1884) и работаетъ ad majorem gloriam Germaniae. См. мою рецензію въ „Радугѣ" 1885 г., № 4, „Салонъ".

XX.

Когда какой либо обычай, искусство или мнѣніе достаточно распространены, измѣняющія вліянія долго могутъ дѣйствовать на нихъ въ столь слабой степени, что они продолжаютъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ потокъ, однажды проложившій себѣ русло, будетъ продолжать свое теченіе цѣлые вѣка. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ устойчивостью культуры; но тѣмъ не менѣе весьма замѣчательно, что перемѣны и перевороты въ человѣческой исторіи позволяютъ столькимъ маленькимъ ручейкамъ такъ долго продолжать свое теченіе. *Э. Б. Тейлоръ.*

И четыремъ или восьми колонамъ
Вмѣнялось въ долгъ шеренгою торчать
Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
Гр. А. К. Толстой.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ подробному разбору историческихъ выводовъ ванъ деръ Линде, отклонимся нѣсколько въ сторону, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ того, что извѣстно о шахматахъ въ Россіи и укажемъ на одно филологическое или этнографическое свидѣтельство, на которое до сего времени никто не обратилъ вниманія.

И самая правильность русскихъ терминовъ въ шахматахъ и ихъ несомнѣнная старина поистинѣ поразительны, хотя большихъ историческихъ изысканій по этому предмету не было сдѣлано. Существующее нынѣ названіе *шахматы*, происходящее отъ персидскаго *шахъ* и термина *матъ* и указывающее на то, что составныя части его существовали въ видѣ игорныхъ терминовъ, встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ 1282 и 1284 годовъ, но даты эти относятся лишь къ бумагѣ рукописей, самое же содержаніе ихъ легко можетъ относиться не только ко времени столѣтіемъ ранѣе, но восходить и гораздо далѣе [222]); слова *шах-*

[222]) По древнѣйшему, дошедшему до насъ списку перевода Кормчей книги, или Номоканона, 42-е правило шестого вселенскаго собора,—Episcopus, vel Presbyter, vel diaconus, aleis et ebrietatibus vacans, vel cesset, vel deponatur,—гласитъ: „Епископъ ли, Попъ ли, Діаконъ ли силами играя, ли упиваяся, ли да останется того, ли да извержется".—По полному тексту перевода, приписаннаго Кипріану митрополиту, это правило передается: „Епіскопъ, или попъ, или діаконъ шегами играя, или упиваяся, или да останется, или да отвержется".—Толкованія XI и XII вв. Аристина, Валсамона и Зонара были приве-

маты, *царь* и *ферзь* встрѣчаемъ мы въ 1686 году [223]); слова *шах-*

зены къ намъ въ 1270 году въ болгарскомъ спискѣ, съ какого времени къ правиламъ перевода начинаютъ въ Россіи приписывать и толкованія. Толкованіе Зонара въ древнѣйшемъ переводѣ таково: „Епископомъ и клирикомъ всѣмъ утѣшеніе всѣхъ къ добродѣтели быти подобаетъ и первообразное раздраженіе къ благодѣланію; понеже и отъ сихъ есть нѣкимъ уклонятися отъ добраго или шахматы и зернію играти, или упиватися; повелѣваетъ правило престати“... и т. д. См. „Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ“ бар. Розенкампфа. М. 1829, стр. 50 и 5). Эта книга была найдена мною. М. К. Гоняевъ указалъ отрывокъ изъ рукописи 1282 г. „Свитокъ законьный“ (Синод. библ. № 132), приведенный въ „Исторической хрестоматіи“ Буслаева (М. 1861, стр. 390—391): „Не званъ не ходи въ міръ и на покормъ. одежю носи долгоу до глезна. не отъ пьстринъ ни отъ оутварии мирьскыхъ. ни почитай възбраненыхъ книгъ. или доселѣ чемоу наоучился еси. невѣдомая словеса. чары и лечьбы. коби или игры дивы творя. басніи звягомыхъ. лѣкы и шахматы имети да ся останеши. ни коньнаго оуристанія не зри“... и т. д. Желающіе ознакомиться подробнѣе съ этими и другими данными могутъ прочесть ихъ въ „Шахматномъ Обозрѣніи“ 1892 г., въ статьѣ С. А. Сорокина „Историческія справки о шахматахъ въ Россіи (Матеріалы для исторіи шахматъ въ Россіи)“, стр. 222, 299, 339. Здѣсь, въ новой и значительно дополненной обработкѣ, соединено все, что было напечатано ранѣе по этому поводу въ иностранной и русской шахматной литературѣ. Наибольшее содержаніе дали разныя выписки, добытыя частію мною, большею же частію М. К. Гоняевымъ. Еще ранѣе было почти все это С. А. Сорокинымъ напечатано въ „Радугѣ“ 1885 г. (№ 22 и приложенія „Салонъ“ при №№ 20, 38 и 42). Въ „Шахматномъ Обозрѣніи“ въ отдѣлѣ „Изъ Шахматнаго Архива“ собрано также не мало подобныхъ свѣдѣній. И во всѣхъ другихъ статьяхъ этого журнала, во время моего руководства имъ въ 1891—1893 гг., не упускалъ я случая давать историческія свидѣтельства, примѣчанія и разъясненія къ нимъ. Въ томъ же журналѣ помѣстилъ я въ своей редакціи обширную историческую статью М. К. Гоняева, первоначально напечатанную въ малораспространенномъ журналѣ „Охотникъ“ 1890 г. (См. „Шахм. Об.“ 1892 г., стр. 376 и 1893 г., стр. 265), и переводъ статьи Яниша Linguistique de l'échiquier russe“ („Шахм. Об.“ №№ 13—14), замѣтку „Фарфоровые шахматы XVIII вѣка“ (ibid., стр. 150) и т. д. Статья И. Т. Савенкова почти сплошь состоитъ изъ этихъ данныхъ, но онъ лишь вскользь упоминаетъ объ этомъ и, приводя ссылки на тѣ же первоисточники, представляетъ дѣло такъ, какъ будто онъ добылъ и читалъ ихъ большею частію самъ, или по крайней мѣрѣ тщательно провѣрилъ ихъ. Свитку законьному онъ посвящаетъ болѣе страницы, сообщая шахматистамъ совсѣмъ ненужныя подробности, о томъ, напр., что свитокъ этотъ принадлежитъ къ чину рукоположенія во священники, что оно держится безъ существенныхъ измѣненій и до сего времени, что его можно отнести по языку (по мнѣнію И. Т. Савенкова) къ XII вѣку и т. д. Для исторіи шахматной игры всѣ эти подробности совершенно не нужны и для этнографіи также. Вотъ найти такой отрывокъ, какъ это сдѣлалъ Гоняевъ,—это трудно, а по указанному поправлять несущественныя сокращенія—это относится къ области ничѣмъ не оправдываемой полемики и ни на іоту не возвыситъ авторитета критики, разумѣется, у серьезныхъ читателей.

[223]) См. „Шахм. Обозр.“ 1901 г., стр. 61, гдѣ перепечатана изъ „Русской Старины“ (1892 г., № 2, стр. 456) одна изъ главъ статьи „Бытовыя черты

матница, *шахъ* и *матъ* встрѣчаются неоднократно въ былинахъ, т. е. приблизительно въ XVII вѣкѣ и даже ранѣе; сюда же относятся описи Оружейной Палаты, гдѣ встрѣчается еще терминъ *шахматникъ*, мастеръ, изготовляющій шахматы; термины: *слонъ*, *ладья*, *конь* и *пѣшка* могли быть узнаны Гайдомъ въ 1694 году въ Лондонѣ, при чемъ уже Гайдъ указываетъ, что *конь* не обычное разговорное слово. Всѣ термины повторяются А. Леонтьевымъ въ 1775 году [224]). Знаніе русскими игры засвидѣтельствовано самими иностранцами. Извѣстно, что Иванъ Грозный умеръ (1584), собираясь играть въ шахматы съ Бѣльскимъ. Англичанинъ Горсей, бывшій тогда въ Москвѣ, въ запискахъ своихъ *) сообщаетъ характерную подробность, а именно, что Иванъ разставилъ шашки, но „Короля (the Kinge) никакъ не могъ поставить“ [225]). Еще ранѣе

XVII вѣка“ сообщенія Н. Н. Оглобина, озаглавленная „Опасная игра 1686 года“. Еще ранѣе это сообщеніе П. Бобровъ напечаталъ въ шахм. отдѣлѣ „Московск. Вѣд.“. На „Русск. Стар.“ указалъ мнѣ И. И. Ковальскій. Вотъ замѣтка въ буквальной точности: „Въ генварѣ 1686 г. Сибирскій приказъ представилъ государямъ „докладъ“ по поводу „отписки“ Красноярскаго воеводы стольника Григорія Шишкова, прислалъ „отписку“, писавшаго о слѣдующемъ „государевѣ дѣлѣ“: „Красноярскаго уѣзду Верхнего Караульнаго острога служилой человѣкъ Тимошка Елеимовъ извѣщалъ на служилого-жъ человѣка на Марчка Хомякова государево дѣло: игралъ-де онъ, Марчко, шахматы съ Андрюшкою Волынщикомъ, и взялъ-де онъ, Марчка, съ доски шахматъ и молылъ (т. е. молвилъ): и то-де я чаялъ ѳерзь, а но-де царь! и царя (т. е. шахматную фигуру) избранилъ матерны. И то-де слышали красноярскихъ служилыхъ людей 3 человѣка. И Марчко распрашиванъ, а въ роспросѣ заперся, а служилые люди, которые тутъ были, сказали, что то слышали“...—Красноярскій воевода донесъ объ этомъ происшествіи енисейскому воеводѣ, боярину князю Константину Осиповичу Щербатову, который велѣлъ „пытать“ Марка Хомякова, и „съ пытки“ онъ „винился, что то непристойное слово говорилъ безъ вымыслу“..... Послѣ пытки воевода посадилъ несчастнаго шахматиста въ тюрьму „до указу“.— „Докладъ“ Сибирскаго приказа заканчивается обычною формулою: „великіе государи, цари.... о томъ что укажутъ“?—Въ царскомъ приговорѣ изображено: „194 году, генваря въ 13 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія и малыя, и бѣлыя Росіи самодержцы, сей выписки слушавъ, указали: Того Марчка свободить, и о томъ изъ Сибирского приказу въ Красноярской къ воеводѣ послать свою великихъ государей грамоту“.—Грамота послана 15 генваря.—Московскій Архивъ Министерства Юстиціи; Сибирскаго приказа столбецъ 749“.

[224]) А. К. Леонтьевъ изъ стариннаго дворянскаго рода; въ 1742 году отправился съ маіоромъ Шокуровымъ въ Пекинъ, гдѣ пробылъ десять лѣтъ, изучивъ китайскій и манджурскій языки. Въ 1767 году онъ снова отправился въ Пекинъ въ качествѣ секретаря при полковникѣ Кропотовѣ. Умеръ въ Спб. въ 1786 году. Онъ очень много писалъ о Китаѣ и много переводилъ съ китайскаго. Въ Росписи Смирдина я насчиталъ тринадцать сочиненій, ему принадлежащихъ. См. примѣч. 27-е.

*) Выдержка изъ этихъ записокъ есть въ примѣчаніяхъ къ *Исторіи* Н. М. Карамзина.

[225]) „Къ исторіи шахматъ въ Россіи“ М. К. Гоняева. „Радуга“ 1885 г., № 50, „Салонъ“.

стоглавый соборъ 1551 года запрещаетъ играть зернью, шахматами и тавлеями. Самъ Линде, прирожденный библіографъ, приводитъ (G. II, 175) выдержку изъ польскаго письма 1581 г. относительно превосходной игры рускихъ въ шахматы. Чтобы подорвать значеніе этого свидѣтельства, Линде заявляетъ, что здѣсь мы имѣемъ [226]) дѣло „съ вѣчнымъ смѣшиваніемъ шахматъ съ шашками". Въ гипотезѣ же своей о происхожденіи шашекъ Линде появленіе ихъ опредѣляетъ въ Испаніи въ XV—XVI столѣт., слѣдовательно для Россіи, по его словамъ, „пребывающей въ Азіи", еще позднѣе; такимъ путемъ получается явная несообразность: шахматы оказываются смѣшанными съ игрой, которой въ Россіи еще не могло быть въ то время!

Самый вопросъ, откуда и какъ получили мы, русскіе, шахматную игру, вполнѣ серьезно не разрабатывался въ русскихъ журналахъ, а на иностранные, конечно, ни надѣяться, ни тѣмъ болѣе полагаться нельзя. К. А Янишъ (Palamède 1842, 165) лишь кратко замѣтилъ, что русскіе получили игру прямо съ индо-персидскаго востока, а въ поясненіе утверждаетъ, что научиться ей они могли „только отъ своихъ побѣдителей (монголовъ), которые сами научились ей отъ персовъ". А. Н. Грачевскій („Шахм. Лист." 1879 г. стр. 323) болѣе осторожно выразился, что всего вѣроятнѣе предположеніе о полученіи ея черезъ татаръ. Но это требуетъ доказательствъ. Упоминанія о шахматахъ въ рукописяхъ (совершенно различныхъ) отъ 1282 и 1284 года свидѣтельствуютъ о знакомствѣ съ игрою гораздо ранѣе. Не будетъ ошибкою на основаніи этихъ свидѣтельствъ отодвинуть это знаком-

---

[226]) Такъ же будто бы и у Олеарія. Вотъ какъ читается это мѣсто у Олеарія по Гамбургскому изданію 1696 года, которое я имѣлъ въ рукахъ: „Tzai Chattai chane, in welchem Kruge sie ein fremd warm Wasser trincken darvon bald mit mehrem. Bey solchem trincken haben sie das Bretspiel oder auch das Schachspiel vor sich. Mit diesem wissen sie noch meisterlicher als die Russen, welche auh darin woll geübet umbzugehen und sagen dass es von ihrer Nation.erst erfunden sey, wie es auch der Nahm Schach welches ein König heist andeutet. Sie nennen das Schachspiel Sedrenz Hundert-Sorgen weil es viel nachsinnen gibt und man auff vielerley Umbstände seine Gedancken richten muss. Wer aber der erste Erfinder dieses Spieles gewesen habe ich im Persischen Rosenthal im 7 Buche. Hift. 13., aussfürhlichen Bericht gethan". Des Welt-berühmten **Adami Olearii** colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibungen bestehend in der nach Muscau und Persien. См. стр. 273. Русскій переводчикъ (Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ, пер. съ нѣм. М. 1870. стр. 726). П. Барсовъ передаетъ, что *чай хатай хане* это такая харчевня, въ которой попивая иностранную теплую воду (чай) „персіяне играютъ сдѣсь въ шашки, или же и въ шахматы". Если кто нибудь здѣсь и путаетъ, то это Линде, увѣряя всѣхъ, что въ средневѣковыхъ кодексахъ ничего нѣтъ о шашкахъ; очевидно, что онѣ на книжномъ языкѣ того времени вѣрнѣе всего именовались Brettspiele, названіе же Dam-spiel было только разговорнымъ.—П. Барсовъ невѣрно читаетъ слово Sedrenz—Седренцъ; должно читать Шетренджъ или Четренджъ.—См. „Шахм. Обозр." 1892 г., стр. 305.

ство по крайней мѣрѣ на сто лѣтъ, но тогда мы получимъ дату 1180—1200 гг., т. е. установимъ знакомство съ шахматами ранѣе нашествій Чингизъ-хана (1224) и Батыя (1237 — 1240). Несомнѣнно, что впослѣдствіи, когда первоначальная тягость татарскаго ига стала уменьшаться, когда собираніе дани уже не отдавалось на откупъ *), а производилось самими русскими князьями, которые и отвозили ее въ Орду, — могли установиться сколько-нибудь сносныя отношенія, но это только впослѣдствіи, слѣдовательно опять таки гораздо позднѣе древнѣйшихъ славянскихъ упоминаній о шахматахъ. Первоначально же этого не могло быть. Собираніе дани татарскими откупщиками сопровождалось обыкновенно грубыми насиліями и рѣдко обходились безъ дракъ, а степень гостепріимства, которое оказывали татары пріѣзжавшимъ къ нимъ князьямъ достаточно иллюстрируется, какъ замѣтилъ С. А. Сорокинъ, участью князей Михаила и Андрея и угощеніемъ въ Ордѣ сына убитаго князя Андрея. Про отношеніе татаръ къ другимъ народамъ мы имѣемъ свидѣтельство современника Плано Карпини, монаха францисскаго ордена, посланнаго въ Орду папою Иннокентіемъ IV въ 1246 году. Онъ говоритъ, что „сообщества другихъ людей они не терпятъ до того, что и говорить съ ними не хотятъ, и въ играхъ, и гдѣ бы то ни было, желаютъ имѣть надъ ними верхъ". Далѣе онъ разсказываетъ, какъ два грузина, играя, побороли двухъ татаръ и за это были искалѣчены другими татарами. При такомъ положеніи допустить возможность первоначальнаго знакомства съ игрою, которая стала впослѣдствіи любимою, отъ татаръ—было бы прямою ошибкою. Наконецъ третье и не менѣе важное доказательство состоитъ въ полномъ несходствѣ русскихъ терминовъ съ татарскими [227]), хотя слова *ханъ* и *меринъ* вошли въ русскій языкъ. У современныхъ татаръ въ Крыму слово шатранджъ превратилось въ „стронжи". Игра отъ татаръ не могла бы прельстить русскихъ, къ ней относились бы такъ же, какъ и до сихъ поръ большинство народа относится къ любимому татарскому напитку кумысу,—съ отвращеніемъ. Возможно, повторяемъ, что впослѣдствіи, при частыхъ поѣздкахъ русскихъ въ Орду, при долговременномъ тамъ пребываніи, особенно когда татарскою властью князья стали пользоваться для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, возможно, что въ это время русскіе изрѣдка и играли съ татарами въ шахматы,—но о полученіи черезъ нихъ игры не можетъ быть и рѣчи. Это этнографическое соображеніе для исторіи игры имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ связи съ названіями шашекъ и упоминаніями объ игрѣ въ рукописяхъ XIII вѣка, без-

*) „Въ первый вѣкъ рабства сборъ дани иногда отдавался на откупъ хивинскимъ и бухарскимъ купцамъ, даже жидамъ, и производился послѣдними съ необыкновенными насиліями и жестокостью". *С. Рождественскій.* Отечественная исторія въ связи съ всеобщею. Изд. 2-е, Спб. 1873, стр. 97.

[227]) По Гайду Kaan; Beglerbegh; Yeghân; At, или Oûi, или Yund, или Camènd; Ruch; Kûl; Tchâgber; по Линде: chan, noïn; berze; zân; mörin; tergen; köbun. „Татарскія племена, а за ними и русскіе зовутъ кошемную кибитку свою такъ, какъ и не напишешь: ближе всего будетъ *эй*, или нѣмцк. öi, домъ". (В. И. Даль. *Вѣжа*).

спорно устанавливаетъ тотъ фактъ, что русскіе **играли первоначально въ шатренджъ, а не въ современные шахматы.** Наконецъ, необходимо замѣтить, что самая мысль о полученіи нами игры отъ татаръ совершенно произвольна и исходитъ изъ апріорнаго предположенія, будто мы узнали игру сравнительно недавно и во всякомъ случаѣ позднѣе западной Европы.

С. А. Сорокинъ, которому я ранѣе высказывалъ свой взглядъ, не согласился со мною, и проводилъ свою мысль, будто мы получили шахматы отъ грековъ. Конечно, съ формальной стороны, такой взглядъ могъ быть и вѣренъ, но въ подтвержденіе его нельзя привести никакихъ данныхъ.—Мнѣніе, что шахматы попали къ намъ изъ остзейскаго края, разумѣется, не болѣе какъ вздоръ, объясняемый только презрѣніемъ нѣмцевъ къ русскимъ и ихъ систематическимъ желаніемъ насъ унижать. Такой же вздоръ и полученіе нами шахматъ отъ іезуитовъ.

Но ежели мы получили игру не отъ татаръ, то когда и какимъ путемъ она могла къ намъ проникнуть? Я думаю, что появленіе ея у русскихъ должно быть отнесено къ самому раннему періоду, а именно: **до завоеванія Персіи арабами.**

Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже твердо установлено научными изысканіями, что славяне искони [228]) обитали тамъ, гдѣ знаетъ ихъ наша первоначальная лѣтопись, т. е. за много вѣковъ до Р. Х. Но здѣсь, въ шахматахъ, игрѣ сравнительно молодой, намъ достаточно указать и на событія новѣйшія. Арабъ Масуди въ „Золотыхъ лугахъ“ разсказываетъ о коренномъ славянскомъ племени, господствовавшемъ надъ прочими, а именно о Волынянахъ или Хвалынянахъ (Хвалинани). Въ VII вѣкѣ появились хазары, которые основались на низовьяхъ Волги и были посредниками торговаго обмѣна съ арабскимъ востокомъ, приблизительно около того времени, когда при Аббасидахъ центръ халифата перемѣстился изъ Дамаска въ Багдадъ. Арабскій писатель IX вѣка Ибнъ-Хордадъ-Бегъ прямо указываетъ на Русь, какъ на славянское племя и на то, что славянскіе плѣнники служили переводчиками русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Багдадъ, гдѣ онъ самъ ихъ и видалъ. Онъ сообщаетъ, что рускіе купцы ходятъ въ хазарскую столицу Итиль (близъ нынѣшней Астрахани) по рѣкѣ Славянъ, т. е. по Волгѣ. Масуди указываетъ, что въ Итилѣ Русь и славяне занимаютъ одну и ту же часть города. Ключевскій создалъ цѣлую теорію о славянской торговлѣ на востокѣ, по берегамъ Чернаго моря и въ Византіи (ср. Курсъ, I, 145 и сл.) Эти торговыя сношенія подтверждаются и множествомъ кладовъ въ области Днѣпра съ древними арабскими монетами: серебряными диргемами. Но помимо торговли Арабы знали Русь

[228]) Этотъ взглядъ начинаетъ проникать и въ западную Европу. Офицеръ генеральнаго штаба австрійской арміи майоръ Мартинъ Жунковичъ (по происхожденію, впрочемъ, словинецъ) въ сочиненіи своемъ Die Slaven im Urvolk Europa's, вышедшемъ въ 1911-мъ году *шестымъ* изданіемъ, доказываетъ, что „заселеніе славянами Европы произошло задолго до нашей эры, и приходитъ къ выводу, что культура слаnянъ древнѣе культуры германской“. См. „Московск. Вѣдом.“ 1911 г., 21, X, № 241. Замѣтка Е. де-Витте.

какъ многочисленный, сильный народъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Эти извѣстія согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X вѣка, которые предпринимались въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ Итилѣ, этомъ огромномъ для того времени торжищѣ, рядомъ жили хазары, арабы, евреи, греки и волжскіе болгары. Послѣдніе также были славянами, но съ небольшой примѣсью турецкой расы.

Ибнъ-Фадланъ, лично посѣтившій Камскую Болгарію въ первой половинѣ X вѣка, постоянно называетъ царя болгарскаго „царемъ славянъ“, а городъ Болгаръ „городомъ славянъ“. Кромѣ того были еще кубанскіе болгары, жившіе на Кавказѣ. Въ самой Хазаріи жило множество славянъ. Баладури, писатель IX вѣка, говоритъ, что арабскій полководецъ Мерванъ, во время набѣга на Хазарію, взялъ въ плѣнъ 20.000 славянъ, которыхъ поселилъ за Кавказомъ. Масуди пишетъ, что нѣкоторыя племена язычниковъ въ землѣ хазарскаго царя суть славяне и Руссы, и что изъ нихъ набираются отряды въ его войско. Волжскіе болгары сухимъ путемъ ходили въ Бухару, а въ ихъ странѣ бывало много бухарцевъ, арабовъ, русскихъ, армянъ, грековъ и хазаръ (потомками этого народа нѣкоторые считаютъ нынѣшнихъ караимовъ). Съ распространеніемъ у этихъ камскихъ болгаръ мусульманства въ началѣ X вѣка, развилось и арабское вліяніе; сюда должно было проникнуть арабское образованіе, и можно думать (полагаетъ „Большая Энциклопедія“), что знатные болгары въ X вѣкѣ знали по арабски. Болгары камскіе издавна были въ разнообразныхъ сношеніяхъ съ Русью, вели съ нею вначалѣ и удачныя для себя войны, но впослѣдствіи слились съ русскими. Кромѣ того часть хазаръ исповѣдывала еврейскую религію, а другая часть исламъ и, слѣдовательно, имѣла у себя также и арабскую письменность (своей собственной письменности у хазаръ не было). Къ этому необходимо добавить научно установленный фактъ, что и гунны были также славяне-болгары. Но независимо отъ всѣхъ этихъ исторически достовѣрныхъ свѣдѣній, надо обратить вниманіе на изслѣдованія о происхожденіи славянской азбуки, которая (равно какъ и часть переводовъ священнаго писанія) существовала задолго до Кирилла и Меѳодія. Извѣстно, что въ азбукѣ этой 24 буквы греческія, остальныя 12 или 14—добавочныя. В. Ѳ. Миллеръ („Журн. М. Народн. Пр.“, 1884 г., Мартъ) сближаетъ эти добавочныя буквы съ письменами сассанидскими, поскольку они сохранились на монетахъ и надписяхъ. Эти письмена развились изъ болѣе древнихъ иранскихъ или авестійскихъ (которыми написана Авеста), происшедшихъ, въ свою очередь, отъ арамейскаго письма, почему нѣкоторыя наши буквы и похожи на еврейскія. По этому поводу Д. И. Иловайскій говоритъ: „Славянскій міръ издревле и долго былъ сосѣдомъ иранскихъ народовъ и со стороны средней Азіи, и со стороны Кавказа. Онъ является въ исторіи, можно сказать, пропитаннымъ иранскими элементами.... Если возьмемъ, собственно, эпоху Сассанидовъ, т. е. III—VII вв. по Р. Х., то

увидимъ, что въ теченіе почти всей этой эпохи восточно-славянскіе народы находились въ сношеніяхъ съ Новоперсидской имперіей, владѣнія которой иногда не только простирались до Кавказскаго хребта, но и переходили на его сѣверную сторону. Извѣстно, что полководцы Атиллы воевали Персовъ, и самъ онъ собирался итти на завоеваніе Персіи (Прискъ).... Вліяніе персидской культуры на культуру восточныхъ славянъ ясно засвидѣтельствовано многими предметами, по преимуществу найденными въ южно-русскихъ могильникахъ.... Отрицать непосредственное вліяніе этой культуры на нашу собственную не возможно.... А потому, повторяю, и заимствованіе части славянскаго алфавита непосредственно изъ персидскаго весьма и весьма возможно“ [229]).

Такимъ образомъ наиболѣе оживленныя связи славянъ съ востокомъ совпадаютъ именно съ переходомъ въ Персію шахматной игры изъ Индіи (V—VI вв.) и съ распространеніемъ игры между арабами (калифъ Магди 777—785, напримѣръ). Вотъ путь, которымъ *могли* проникнуть къ намъ шахматы, и становится понятнымъ, что мы въ славянскихъ рукописяхъ XIII вѣка находимъ вполнѣ установившееся нынѣшнее новѣйшее названіе шахматной игры, а въ арабской рукописи X вѣка, какъ покажемъ далѣе, встрѣчаемъ чисто русское слово въ видѣ техническаго игорнаго термина, *понятнаго* арабамъ [230]).

---

[229]) *Д. Иловайскій*, „Русская Старина“, 1885 г., Май. Кирилло-Меѳодіевское тысячелѣтіе.

[230]) Я первый высказывалъ предположеніе о возможности полученія нами игры черезъ Персію и арабовъ, равно какъ первый же нашелъ въ русскомъ языкѣ слово, замѣнившее санскритскую чатурангу. Я не скрывалъ своихъ соображеній, и въ небольшомъ кружкѣ любителей разсказывалъ о нихъ откровенно, а подробно развивалъ это еще весною и раннею осенью 1904 г. Къ удивленію моему, указаніе на этотъ путь появилось безъ ссылки на меня въ статьѣ И. Т. Савенкова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ 1905 г., будучи, повидимому, сообщено имъ также словесно въ чтеніи 4-го Ноября (см. „Шахм. Об.“ 1904 г., стр. 300), какъ *свое собственное* открытіе (ср. стр. 109 отдѣльнаго оттиска статьи). Ничего не было бы удивительнаго, что лицо, интересующееся и занимающееся этнографіей, могло съ своей стороны натолкнуться на такое же сближеніе и сослаться (съ присовокупленіемъ указаній на нечитанныя книги объ арабской торговлѣ) на Курсъ Исторіи Ключевскаго, но это, конечно, могло произойти лишь у такого лица, которое болѣе или менѣе самостоятельно изучило исторію шахматной игры. Не то видимъ мы у И. Т. Савенкова, который серьезнымъ тономъ высказываетъ, напримѣръ, такія противорѣчивыя мысли („Ш. О.“, 1904 г., стр. 211): „*Древнѣйшая четверная* игра, отмѣченная санскритскимъ текстомъ XI (?) столѣтія, велась четырьмя двухрядными (по четыре въ рядъ) отрядами съ четырьмя вождями, царями, называвшимися по сторонамъ свѣта. Четыре войска занимали каждый (?) *свой уголъ* доски. Шахматы и четверная ея разновидность признаются эволюціоннымъ видоизмѣненіемъ этой игры“, во всей статьѣ постоянно обнаруживаетъ весьма поверхностное знакомство съ исторіей игры и большею частію лишь повторяетъ, какъ мы уже сказали, матеріалы, собранные С. А. Сорокинымъ и М. К. Гоняевымъ, прибавивъ къ нимъ лишь незначительныя сообщенія о шахматахъ у сойотовъ и многословныя,

Западно-европейскіе ученые, въ родѣ Линде (а такихъ, къ со-
никому ненужныя, собственныя соображенія о цѣнности различныхъ неважныхъ подробностей.

Что г. Савенковъ не самъ дошелъ до соображеній объ арабско-персидскомъ пути — это не трудно видѣть изъ стр. 111-й его брошюры (оттискъ изъ LXIV кн. „Этн. Об.“). Здѣсь онъ перечисляетъ имена авторовъ, изъ коихъ можно узнать объ арабской торговлѣ, и первымъ ставитъ имя Хурдадбигъ (ум. въ 912 г.), а затѣмъ даетъ выписку изъ Ключевскаго со ссылкою на Хордадбе, не подозрѣвая, что это одно и то же лицо! Я не опубликовывалъ своихъ догадокъ, такъ какъ не хотѣлъ опираться на одни общія соображенія, подтверждаемыя извѣстными названіями шахматныхъ фигуръ и игры. По моему мнѣнію, въ этихъ названіяхъ недоставало самаго главнаго звена; но не я одинъ думалъ о Персіи и о востокѣ.

На стр. 99-й И. Т. Савенковъ полемизируетъ съ фонъ деръ Лаза, говоря: „Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію Лаза, появленіе шахматъ въ Греціи возможно относить къ X и даже IX вѣку.... Кромѣ того, невѣрнымъ оказывается и заявленіе Лаза о томъ, что послѣ Анны Комненъ въ Греціи совершенно не встрѣчается никакихъ указаній о шахматной игрѣ. Несмотря на большую давность появленія шахматной игры и несмотря на ея большое распространеніе въ Греціи, древность и самостоятельность русскаго заимствованія съ востока нисколько не ослабляется. На русской шахматной терминологіи и на составѣ игры греческое вліяніе нисколько не отразилось: къ русскимъ славянамъ шахматы пришли послѣ, болѣе прямымъ путемъ“. Здѣсь важны три обстоятельства: это, во-первыхъ, мнѣніе И. Т. Савенкова, что въ Греціи шахматы появились не ранѣе IX вѣка (что, конечно, совершенно ошибочно), во-вторыхъ, что русскіе получили игру *послѣ*, слѣдовательно, не ранѣе конца IX или даже въ X-мъ вѣкѣ, а, въ третьихъ, и это самое главное, умалчиваніе о мнѣніи фонъ деръ Лаза. На *Исторію* этого послѣдняго И. Т. Савенковъ указываетъ въ своей брошюрѣ много разъ (страницы 19, 20, 33, 37, 62, 68, 99), при чемъ иногда ссылается даже по два и по три раза (стр. 104, 106), слѣдовательно онъ не только имѣлъ ее въ рукахъ, но и читалъ ее и разсматривалъ неоднократно. Фонъ деръ Лаза же, на страницѣ 60-й своей „исторіи“ говоритъ: Die russische Benennung für die *Dame* ist *Fers* geblieben und deutet auf direktere Entleihung des Spieles von den Persen und Arabern hin, mit *Umgehung von Europa*“.

Теперь спрашивается, почему же И. Т. Савенковъ обошелъ молчаніемъ такое важное умозаключеніе въ исторіи игры, высказанное на семь лѣтъ *(Tassilo von der Lasa*. Zur Geschichte und Litteratur des Schachspiels. Forschungen. Leipzig. 1897) раньше его собственнаго, да еще въ нѣмецкой литературѣ, которую никакъ нельзя заподозрить въ симпатіяхъ къ русскимъ? Какимъ образомъ *послѣ этого* можно позволить себѣ говорить съ каѳедры и печатать, какъ это дѣлаетъ И. Т. Савенковъ: „Въ VIII или IX вѣкѣ шахматная игра могла прійти къ русскимъ славянамъ. Указаніе на распространеніе сассанидскихъ монетъ по Волгѣ и арабскихъ на югѣ Россіи, какъ подтвержденіе нашего предположенія, мы получили“... и т. д.—? И какимъ образомъ это „наше предположеніе“, заявленное на 108 и 109 страницахъ съ VIII и IX вѣками, т. е. гораздо раньше указаннаго имъ же полученія игры Греціею, какимъ способомъ его связать съ утвержденіемъ страницы 99-й, гдѣ указывается, что славяне игру получили *послѣ грековъ?* Не ясно ли отсюда, что никакого представленія о переходѣ къ намъ игры отъ сосѣднихъ народовъ у г. Савенкова вовсе не было, и что самостоятельнымъ оно никакъ и не могло быть.

жалѣнію, большинство), могутъ сколько угодно глумиться надъ русскими. Въ концѣ концовъ истина должна восторжествовать. Но мы съ особеннымъ удовольствіемъ должны засвидѣтельствовать, что даже безъ тѣхъ указаній, которые мы дѣлаемъ въ настоящемъ изслѣдованіи, европейцы пришли почти къ нашему же выводу. Въ послѣднемъ изданіи Handbuch'а Бильгера, въ статьѣ I. Котца мы читаемъ: „За то въ Россіи, и только въ этой странѣ, до сихъ поръ еще угловая фигура называется *ладья (корабль)*, а лейферъ—*слонъ* (Elefant). Съ обыкновенною своею осторожностью фонъ деръ Лаза говоритъ (Forschungen, стр. 13), что это своеобразное совпаденіе русскихъ названій съ бенгальскими особенными обозначеніями требуетъ еще объясненія. Но въ добавленіе къ этому онъ цитируетъ слова оріенталиста Вебера, въ которыхъ этотъ объявляетъ возможнымъ, что русскіе получили игру на пути изъ центральной Азіи черезъ монгольскихъ князей. Судя по этому, фонъ деръ Лаза, кажется, не склоненъ отрицать подобное мнѣніе. На стр. 60-й высказываетъ онъ это еще болѣе ясно. Онъ говоритъ: „Русское названіе *дамы* осталось *ферзь*, и оно указываетъ на прямое введеніе игръ персами и арабами *въ обходъ Европы*". Вполнѣ происхожденіе русскихъ шахматныхъ наименованій еще не выяснено, но то, что̀ допускаетъ фонъ деръ Лаза имѣетъ за себя такъ много, что мы должны къ нему присоединиться". Разумѣется, бо̀льшаго отъ иностранцевъ нельзя и ожидать. Они, конечно, не знаютъ ничего о жизни русскихъ въ первые вѣка нашей эры и не могутъ представить себѣ цивилизаціи того времени, тѣмъ болѣе, что сами русскіе въ большинствѣ начинаютъ свою исторію только съ 862 года. Не удивительно, что нѣмцы склонны приписывать полученіе нами игры между прочимъ и черезъ татаръ. Уже и то хорошо, что они теперь не подчеркиваютъ этого рѣзко и говорятъ *въ общихъ выраженіяхъ о персидско-арабскомъ пути, помимо Европы.*

Мы можемъ дать теперь подтвержденіе нашему мнѣнію, что получили игру весьма рано. Языкъ, одинъ изъ лучшихъ свидѣтелей общенія народовъ, иногда сохраняетъ тысячи лѣтъ въ себѣ такія данныя, которыя давно утеряны народною памятью. Десятки просмотрѣнныхъ мною различныхъ словарей не дали мнѣ сноснаго объясненія одного русскаго слова, выражающаго теперь форму разстановки войскъ и шахматныхъ шашекъ не въ разбросъ, а въ прямую вытянутую линію, и я пришелъ къ выводу, что оно есть несомнѣнное видоизмѣненіе санскритскаго *чатуранга;* слово это—ШЕРЕНГА. Обычное теперь въ русскомъ языкѣ (встрѣчается также и въ польскомъ) слово шеренга претерпѣло измѣненіе, получило другой смыслъ,—значеніе войска, расположеннаго въ узкую, прямую линію. Подобное измѣненіе смысла иностранныхъ словъ довольно обычно, и мы далѣе укажемъ еще два-три интересныхъ примѣра и также изъ области игръ. Но „шеренга" важна для насъ въ томъ отношеніи, что она указываетъ на эпоху проникновенія къ намъ игры еще ранѣе арабскаго нашествія на Персію. Извѣстно, что Персы получили шахматы изъ Индіи, а затѣмъ, будучи завоеваны арабами (651 г.

по Р. Х.), передали имъ и шахматную игру, которую арабы въ концѣ концовъ называли шатранджъ или *шетренджъ*; это слово происходитъ изъ индійскаго *чатуранга*, которое персы передѣлали сперва въ *чатрангъ*, а затѣмъ очевидно въ шатрангъ и шетренгъ, но арабы не имѣютъ ни начальнаго *(ч)*, ни конечнаго звука *(г)* слова чатуранга въ своемъ языкѣ, и сдѣлали изъ него *шатранджъ*, наименованіе, которое, по свидѣтельству шахматныхъ историковъ, перешло отъ арабовъ въ новый персидскій языкъ и обратно въ Индію. Если бы славяне узнали шахматы значительно позже завоеванія арабами Персіи, то мы имѣли бы названіе, которое походило бы на арабское произношеніе (напримѣръ, крымскіе татары именуютъ шахматы „стронжи", турки—„шитранжи" и „сандренжь",—сойоты „шодра" или „чыдыра", калмыки—„шатера", „шатыръ" или „чатера", буряты—„шатара"; въ Тибетѣ—„шандараки", „шатара" или „шитара"), на дѣлѣ же мы болѣе тысячи лѣтъ сохранили слово изъ древне-персидскаго языка и притомъ самое близкое къ индійской *чатурангѣ:* мы удержали конечную букву *а*, которая впослѣдствіи у персовъ была потеряна. Вѣроятно (хотя мы и не знаемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ), торговля славянская на Востокѣ, о которой говорятъ арабскіе писатели, происходила съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ существовала ранѣе того, какъ шахматы появились въ Персіи. При арабахъ же торговля эта могла оживиться и усилиться. Только при наличности древнѣйшихъ сношеній можетъ быть объяснено полученіе слова *шеренга*. Ко времени арабскаго завоеванія Персіи оно настолько уже укрѣпилось въ языкѣ, настолько вросло, что не могло быть изъ него вытѣснено окончательно [231]). Но арабское вліяніе не прошло

[231]) Сообщая въ разныхъ шахматныхъ кружкахъ и многимъ филологамъ свои мысли о томъ, что мы знали игру еще въ формѣ шатренджа (а можетъ быть даже и ранѣе) я не скрывалъ и слова *шеренги*, какъ доказательства этого. По счастію никто мнѣ не вѣрилъ, и я избѣжалъ „плагіата", если такъ можно выразиться. Еще недавно одинъ филологъ, которому я довѣрился, прямо замахалъ на меня руками и запротестовалъ самымъ положительнымъ образомъ: „Что вы, что вы!! *Шеренга*—это рядъ войска, длинная линія; это новѣйшее слово! нѣтъ ни одного письменнаго памятника! Это слово несомнѣнно взято нами у венгерцевъ!" Однако сопоставленіемъ съ другими словами, о коихъ я буду говорить далѣе, я съумѣлъ, кажется, поколебать его отрицательное отношеніе, но отъ средней интеллигентной публики я былъ крѣпко защищенъ ея непониманіемъ и недовѣріемъ къ филологіи; будь иначе, мое „открытіе" давно бы попало въ печать. Послѣ появленія статьи И. Т. Савенкова я уже хранилъ и „шеренгу", и другія мои изысканія, крѣпко про себя, сообщая ихъ лишь людямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія.—Я не знаю венгерскаго языка и значенія того слова, изъ котораго производятъ шеренгу, но если это слово у венгровъ есть, то оно взято ими у славянъ, и именно у поляковъ, которые сохранили его въ томъ же русскомъ значеніи.—Любопытно было возраженіе одного моего сослуживца, который высшее образованіе получилъ въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института, т. е. зналъ и восточные языки. Онъ, какъ и всѣ, мнѣ не повѣрилъ, и началъ производить шеренгу отъ нѣмецкаго Enge Schaar. Конечно, онъ понималъ, что по-нѣмецки нельзя сказать

безслѣдно, конечное восклицаніе при матѣ, которое прежде всегда было полнымъ (т. е. шахъ-матъ), оказало свое давленіе и замѣнило первоначальную шеренгу. При этомъ у самихъ арабовъ въ Малой Азіи,—по крайней мѣрѣ, такъ это теперь, какъ мнѣ говорилъ М. О. Атайя, профессоръ Лазаревскаго Института въ Москвѣ, самъ арабъ,—игра впослѣдствіи стала называться *шахъ-матъ*. Быть можетъ это было обоюднымъ вліяніемъ, т. е. вліяніемъ и славянъ на арабовъ азіатскаго востока.

Другія названія фигуръ также указываютъ на глубокую древность. Мы сохранили еще индійскую ладью, которая, вопреки позднѣйшему мнѣнію Линде, лишь впослѣдствіи была названа рокомъ. Если бы игра перешла къ намъ послѣ распространенія арабскаго вліянія, то фигура эта, конечно, именовалась бы у насъ либо **рокомъ**, либо **ратью**, *такъ какъ оба эти слова находятся въ языкѣ русскомъ* [232]). На основаніи уцѣлѣвшаго русскаго названія этой фигуры мы можемъ *утверждать*, что наименованіе ладьи древнѣе. Русское названіе это составляетъ *важное этнографическое явленіе*, на которое можно ссылаться, какъ на *древнѣйшее свидѣтельство*, а никакъ не оспаривать его. При этомъ необходимо указать еще, что самое слово „ладья“ („лодія“)—слово древнее, вышедшее давно уже изъ употребленія въ русскомъ языкѣ.

Слово „ферзь“ также замѣчательно. Терминъ сохранился у насъ въ цѣлости, одновременно съ созвучнымъ ему названіемъ одежды „ферязь“, съ каковымъ онъ легко могъ бы быть сбитъ.

Названіе слона взято изъ игры индійской формы и могло быть поддерживаемо при арабскомъ вліяніи.

Изъ наименованій шашекъ слово *конь* лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что шахматы взяты нами не отъ татаръ; будь иначе, получи мы игру отъ нихъ, или незадолго до нихъ, или инымъ путемъ, но во времена позднѣйшія,—фигура эта несомнѣнно именовалась бы *лошадью*, но никакъ не конемъ, словомъ настолько стариннымъ, что уже въ концѣ XVII столѣтія оно не было обычнымъ [233]).—Что касается до *пѣшки*, то это

Schaar Enge, но воспитанный съ юныхъ лѣтъ подъ давленіемъ нѣмецкой цивилизаціи, онъ не могъ допустить и мысли, что здѣсь дѣло обошлось безъ нѣмцевъ.—Мнѣ приходитъ въ голову, что фамилія князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ происходитъ отъ соединенія шеренги и шахматъ, но конечно, это не легко доказать.

[232]) Восточное *рохъ* созвучно еще съ русскимъ *рогъ*, „а у насъ *рога* всегда означали (какъ и въ церкви. языкѣ) моготу или гордыню, киченье, упорство... Домъ на рогу, *смянск.*, угольный... Рогъ войска, рати, *црк.*, крыло, боковой отдѣлъ“. (В. И. Даль).

[233]) Гайдъ, приводя его, поясняетъ: est autem *Kônie* peculiariter *Equum* Tataricum et Nagaia, scilicet Equus generosus; nam alia habent nomina, quibus *Equum* appellare solent. Янишъ пишетъ: Le Cavalier—конь, что значитъ *рысакъ, лошадь*.—Янишъ не зналъ, что *лошадь* не русское слово, а лишь обрусѣвшее, и что когда намъ надо создавать слова производныя, мы говоримъ: конскій заводъ, конка, конныя состязанія, конная площадь, инстинктивно избѣгая слова лошадь. Кромѣ того въ русскомъ языкѣ (см. Слов. Даля) есть названіе верховой лошади *фарь*, явное искаженіе арабскаго слова pharas (конь); *фаревникъ*, всадникъ.

слово, по моему мнѣнію,—этнографическое явленіе болѣе крупное даже, чѣмъ наименованіе ладьи; о немъ мы будемъ подробно говорить далѣе: оно имѣетъ свое особое происхожденіе.

Помимо заимствованія игры непосредственно изъ Персіи и независимо отъ вліянія сношеній при торговлѣ съ арабами, существованіе игры должно было поддерживаться и связями съ Греціей. Вопреки увѣреніямъ И. Т. Савенкова, въ исторіи шахматной игры существуетъ мнѣніе, что и въ Византіи шахматы были узнаны ранѣе арабскихъ завоеваній. Въ самомъ дѣлѣ „сношенія между государями греческими и персидскими были очень части и интимны въ VI и VII вѣкахъ, особенно когда въ Персіи царствовалъ Хозрой II, внукъ извѣстнаго уже намъ Нуширвана, и въ Византіи—императоръ Маврикій, при дворѣ котораго Хозрой долго жилъ до восшествія своего на престолъ въ 591 году, что тоже удалось ему, лишь благодаря содѣйствію Маврикія. Въ благодарность за помощь Хозрой много лѣтъ держалъ отборное войско изъ тысячи молодыхъ грековъ знатныхъ фамилій. Затѣмъ, послѣ смерти Маврикія, Хозрой, подъ предлогомъ мести за его смерть, напалъ на Византію и около десяти лѣтъ стоялъ лагеремъ почти у стѣнъ Константинополя. Отъ арабскихъ историковъ мы знаемъ, что все это время шахматы были любимымъ развлеченіемъ Хозроя и его приближенныхъ. Одинъ изъ этихъ историковъ, описывая великолѣпіе его двора, говоритъ между прочимъ о драгоцѣнной шахматной игрѣ, въ которой половина шашекъ была изъ изумрудовъ, а другая изъ рубиновъ. Другой историкъ прибавляетъ, что малѣйшая изъ этихъ шашекъ стоила три тысячи золотыхъ динаріевъ (болѣе 20.000 руб. на теперешнія наши деньги). Невозможно предположить, чтобы при столь частыхъ сношеніяхъ такая увлекательная игра, какъ шахматы, не была заимствована любознательными греками" (М. К. Гоняевъ, въ переводѣ шахм. учебн. Гебелера 1874 г.). А такъ какъ славяне вели обширнѣйшую торговлю не только съ востокомъ, но и съ Византіей, то они могли знакомиться съ игрою и черезъ эту послѣднюю, которая въ то время можетъ быть выговаривала свой затрикіонъ какъ шатригкіонъ, т. е. шатринкіонъ.

Русская *шеренга*, ея бьющая въ глаза близость къ древне-персидскому шатрангу, ея теперешній смыслъ, явно взятый изъ способа расположенія шахматныхъ фигуръ, въ противоположность расположенію шашечному,—не можетъ быть заподозрѣна въ своемъ происхожденіи; но изумительно, что слово это сохранилось такъ долго и несмотря на то, что заимствованіе его до сихъ поръ никѣмъ не было угадано, все же безъ большаго труда даетъ знать о своемъ индійско-персидскомъ происхожденіи. Конечно, незнающіе филологіи согласятся со мной, что оно свидѣтельствуетъ о немъ гораздо яснѣе, чѣмъ европейскіе термины: „эшекъ" французовъ, „скаки" итальянцевъ, „чесъ" англичанъ, „ахедресъ" испанцевъ и „затрикіонъ" грековъ.

Всего одно только слово, но оно даетъ намъ право утверждать, что не только мы знали шахматы еще въ видѣ шатранджа, но что мы знали ихъ *ранѣе арабовъ!*

Почему слово это не удержалось и замѣнилось „шахматами“? Я подозрѣваю здѣсь нѣсколько причинъ. Самая существенная и главная, по моему мнѣнію, кроется въ развитіи игры. Въ это, вѣроятно, приблизительно время на востокѣ возникла идея дальнобойнаго ферзя, и *новая игра* отмѣчена была *новымъ именемъ*, а старое пало само собой, сохранившись лишь въ его переносномъ смыслѣ. Названіе „шахматы“ по *мату* могло создаться, конечно, только тогда, когда самый матъ сталъ вообще осуществимъ, чего не было въ шатранджѣ или шеренгѣ, которая, какъ и шашки, кончалась обираніемъ противника. Другую и не менѣе важную причину нахожу я въ постоянныхъ сношеніяхъ славянъ съ Византіей. Встрѣчая и практикуя игру у себя дома, на ея восточномъ пути и на югѣ, ведя обширную торговлю и тутъ и тамъ, славяне волей-неволей наталкивались на необходимость создать терминъ всюду понятный, а для него естественно было избрать конечное восклицаніе игры, означеніе той цѣли, къ которой стремились играющіе и которую всѣ означали восточными словами. Если даже теперь части этого восклицанія сохранились въ западной Европѣ (mat почти вездѣ, Schach у нѣмцевъ), то, конечно, въ то отдаленное время оба восточныхъ термина были понятны всему тому многоязычному населенію, которое жило или проходило на югѣ нынѣшней Россіи и населяло Балканскій полуостровъ, было оно понятно и всѣмъ сѣвернымъ народамъ, которые приходили на Русь. Извѣстно, напримѣръ, что такъ часто нападавшіе на Русь печенѣги и половцы (потомками ихъ считаютъ теперешнихъ кавказскихъ татаръ) служили цѣлыми отрядами у Византійскихъ императоровъ.

Терминъ *ладьи*, хотя былъ, вѣроятно, болѣе древнимъ, чѣмъ колесница, все же могъ бы измѣниться (какъ это произошло, напримѣръ, у поляковъ и чеховъ, гдѣ ладья именуется крѣпостью—*вѣжа* *), если бы не встрѣчалъ поддержки въ способѣ древне-славянскаго передвиженія, преимущественно на ладьяхъ, какъ по рѣкамъ, такъ и по морямъ Каспійскому и Черному. Весьма возможно, что въ самой Византіи, какъ приморской странѣ, *въ то время* также существовалъ терминъ ладьи [234]).

Терминъ *царя* какъ будто не древній. Возможна вѣроятность, что первоначально фигура называлась *шахъ*, согласно съ персидскимъ наименованіемъ, однако, увѣренно сказать и этого нельзя. Подобно терминамъ коня и ладьи, царь могъ быть переводомъ какъ индійскаго, такъ и персидскаго названія; у грековъ эта фигура называется василевсъ, что значитъ царь, такъ что здѣсь могло сказаться даже и византійское вліяніе [235]).

---

[234]) Теперь на новогреческомъ языкѣ ладья именуется то *φρούριον*, phrourion, крѣпость, то *πύργος*, pyrgos, башня, а слонъ—*τρέλλος*, trellos, сумасшедшій. Въ этихъ названіяхъ ясно видно французское вліяніе, какъ въ нашихъ новѣйшихъ *королева*, *тура* и *офицеръ*, отражается вліяніе западной Европы.

*) Необходимо, однако, замѣтить, что *вѣжа*, или *вежа*, кромѣ понятія *башни*, *шатра*, въ старину по русски означала еще особое устройство для рыбной ловли (В. И. Даль).

[235]) Предположенія, что главная фигура послѣ возможнаго „шаха“ именовалась еще у славянъ „потомъ сперва княземъ, потомъ царемъ“, какъ это дѣ-

Любопытнѣйшія данныя сообщаются о распространеніи шах-
-ляетъ И. Т. Савенковъ, не подтверждаются никакими доказательствами и составляютъ простую потерю времени, словъ и бумаги; точно съ такою же „основательностью“ можно допустить, что она называлась *витяземъ, воеводой, ханомъ, шейхомъ, атаманомъ* или даже *каганомъ*, какъ называли Владиміра св. Тамъ, гдѣ лекторъ правдами и неправдами съумѣлъ пріобрѣсти себѣ дешевый авторитетъ среди малообразованной толпы, составляющей главное ядро слушателей многочисленныхъ теперешнихъ лекцій,—тамъ такія предположенія временно могутъ сойти за нѣчто научное, но печатать этотъ вздоръ не стоило бы. Единственное оправданіе этому заключается въ томъ, что „ученые“ a là Савенковъ, или Е. А. Покровскій, умѣютъ всѣ эти ненужныя словоизверженія печатать на казенныя или общественныя деньги. Такимъ искуснымъ путемъ они сходятъ за ученыхъ. И. Т. Савенковъ въ главѣ III своего „реферата“, громко озаглавленной „Вопросъ о заимствованіи русскими шахматной игры съ этнографической точки зрѣнія“, разобравъ запретительныя статьи объ играхъ (гдѣ встрѣчаются и шахматы) изъ номоканона и другихъ духовныхъ и гражданскихъ источниковъ, приходитъ къ торжественному умозаключенію, что „на основаніи всего сообщеннаго о западномъ заимствованіи шахматной игры, обвиненіе византійскихъ христіанъ въ томъ, что они вмѣстѣ съ христіанствомъ принесли русскимъ и шахматы, нельзя признать основательнымъ: византійское христіанство, принявъ мѣры къ утвержденію насажденнаго имъ христіанства, только отмѣтило ихъ существованіе у русскихъ. Случайному совпаденію нельзя приписывать причинную связь.....“ (точки въ подлинникѣ). Тутъ, что ни слово, то непродуманное заявленіе. Не говоря о томъ, что никто не *обвинялъ* византійскихъ *христіанъ* въ шахматизмѣ, для этнографа не позволительно и говорить о занесеніи шахматъ *вмѣстѣ* съ христіанствомъ. Самое принятіе Русью христіанства было, конечно, не первоначальнымъ событіемъ въ сношеніяхъ съ юго-востокомъ Европы, а слѣдствіемъ громаднаго и притомъ многовѣковаго вліянія Византіи на Русь, *закончившагося* такимъ подчиненіемъ этому вліянію, какъ перемѣна религіи. Во-вторыхъ, всякаго рода духовныя и гражданскія запрещенія никогда не оказывали нигдѣ никакого серьезнаго вліянія на бытовыя склонности народовъ (какъ это легко видѣть на азартныхъ играхъ и употребленіи вина), и, слѣдовательно, статьи номоканоновъ и всякаго рода увѣщанія не могли имѣть и у насъ никакого значенія, и дѣлать на основаніи ихъ *этнографическіе* выводы, значитъ обращать статью шахматную въ публицистическую, преслѣдующую партійныя цѣли, ничего общаго съ истинными выводами не имѣющія. Впрочемъ самъ И. Т. Савенковъ видимо и не заботится объ уваженіи читателя и тутъ же приводитъ указанный М. К. Гоняевымъ переводъ изъ подлинной арабской рукописи увѣщанія извѣстнаго шахматиста калифа Магди отъ 780 года: „всѣ эти сборища дураковъ для игры въ нардъ, стрѣлы, шахматы и т. п. пошлыя развлеченія, которыя только вводятъ въ соблазнъ и отвлекаютъ помыслы отъ Господа, отъ соблюденія своего долга по отношенію къ нему.... повелитель правовѣрныхъ приказываетъ вамъ тотчасъ уничтожить и очистить отъ нихъ священное мѣсто Господне“. И. Т. Савенковъ и изъ этого ухитряется дѣлать публицистику, увѣряя, будто запретительныя мѣры калифовъ „по отношенію игръ имѣли въ виду также (?) только (?) простой народъ“. Вмѣсто того, чтобы глядѣть просто, а именно, что всякаго такого рода увѣщанія и запрещенія относились ко всѣмъ (читались, конечно, грамотными, выслушивались тѣми состоятельными гражданами, которые имѣли время посѣщать храмы и принимать у себя духовенство), а писались лишь

матъ у насъ, въ Россіи, за время Лжедмитрія и позднѣе [236]).

для формальнаго соблюденія религіозныхъ доктринъ (подобно тому, какъ и теперь говорится и печатается большинство проповѣдей), и сами писавшіе хорошо знали, что исполняться они не будутъ,—вмѣсто этого дѣлается тенденціозное дѣленіе и вводится политика, разумѣется, угодная и пріятная тѣмъ, отъ кого зависитъ допущеніе къ лекціи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что не будь такого уклоненія въ сторону quasi-либеральной публицистики, — статья Н. Т. Савенкова не попала бы въ печать на счетъ этнографическаго общества.

[236]) Въ шахм. отдѣлѣ „Московск. Вѣдом." 1895 г., № 332, гдѣ они перепечатаны Д. А. Грингмутомъ изъ „Петербургской Газеты". Почерпнуты они, видимо, изъ историческихъ источниковъ, но къ сожалѣнію, московская газета ихъ не указала, а петербургской увидать мнѣ не пришлось. Въ 1866 г. Линде вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ издалъ на французскомъ языкѣ собраніе документовъ о Лжедмитріи. Ужъ не оттуда ли все это взято?—

П. П. Бобровъ плохо слѣдилъ за библіографіей и не ввелъ ихъ въ рубрику „Шахматнаго Архива". Свѣдѣнія производятъ впечатлѣніе исторической достовѣрности, но, конечно, было бы пріятнѣе узнать первоисточники ихъ; вотъ то, что не было извѣстно въ спеціальной литературѣ: „При московскомъ дворѣ шахматы считались однимъ изъ любимѣйшихъ занятій. Извѣстно, напримѣръ, что царь Іоаннъ Грозный, въ минуты хорошаго расположенія духа, любилъ играть въ шахматы и даже училъ этой игрѣ своего наперсника Малюту Скуратова.—Король Сигизмундъ, во время пребыванія его въ Тушинскомъ станѣ, частенько сражался въ шахматы съ боярами: Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ и княземъ Иваномъ Куракинымъ. Между прочимъ онъ проигралъ Салтыкову въ шахматы нѣсколько тысячъ золотыхъ, но такъ какъ Сигизмундъ былъ вообще скупъ, то онъ, вмѣсто денегъ, приказалъ боярской думѣ возвратить Салтыковымъ отобранныя у нихъ помѣстья и дозволилъ имъ выбрать въ Москвѣ лучшіе дома.—Особенно же отличался искусною своею игрою въ шахматы при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ думный дворянинъ Леонтій Тяпкинъ. Будучи въ Варшавѣ въ качествѣ представителя въ Польшѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, Тяпкинъ долженъ былъ ѣхать на коронацію Яна Собѣскаго въ Краковъ. Денегъ же у него не было ни гроша, ибо онъ былъ страшный кутила. „Хоть бы въ шахматы кого нибудь обыграть",—говорилъ онъ одному изъ польскихъ своихъ пріятелей. Тотъ указалъ Тяпкину на одного изъ приближенныхъ къ Яну Собѣскому, графа Людвиговскаго, богатаго польскаго магната и страстнаго любителя шахматной игры. Тяпкинъ и Людвиговскій сразились. Играли они цѣлыя сутки. Въ результатѣ графъ Людвиговскій проигралъ Тяпкину въ шахматы около 30.000 десятинъ земли близъ Варшавы. Землю эту Тяпкинъ на другой же день продалъ.—Адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, во время войны Петра I съ Карломъ XII, все свободное время свое проводилъ за шахматами. Постоянными его партнерами были графъ Головкинъ и Шафировъ. Играли они на крупныя суммы, при чемъ Шафировъ проигралъ Апраксину даже золотую табакерку, пожалованную ему Петромъ I. Императоръ, узнавъ о проигрышѣ Шафирова, прислалъ своему любимцу берестяную тавлинку при письмѣ: „коль не въ разумѣ былъ ты уберечь мой даръ тебѣ изъ золота чеканнаго, то береги оную берестяную тавлинку, изъ коего табакъ будетъ тебѣ по твоему носу впору".—При дворѣ Екатерины II шахматы были въ большомъ фаворѣ. Придворный ювелиръ Повье въ запискахъ своихъ говоритъ, что однажды Олсуфьевъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, проигралъ бывшему въ то время англій-

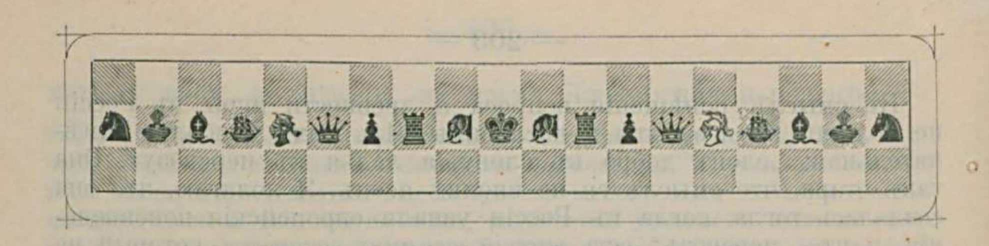
Въ смыслѣ освѣщенія вопроса о древности игры въ Россіи не должны быть забыты и пословицы. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательная: „слонъ добро къ слову, а ладья къ перевозу“. Она такъ стара, что смыслъ ея не вполнѣ ясенъ. Я полагаю, что она создалась тогда, когда въ Россіи узнали европейскія нововведенія, и что „перевозъ“ есть *русскій терминъ рокировки*, который не удержался, такъ что смыслъ ея будетъ: „слонъ хорошъ для шахованья, а ладья для рокировки“ [237]).

скимъ посланникомъ въ Петербургѣ Чарльсу Гюнбри въ шахматы въ одну партію 5.000 рублей. Самъ „свѣтлѣйшій“ не прочь былъ иногда сразиться въ шахматы и научилъ даже этой игрѣ одну изъ своихъ племянницъ, графиню Браницкую, которая до того пристрастилась къ шахматамъ, что приказала даже двумъ камеръ-юнгферамъ своимъ непремѣнно научиться играть въ шахматы и впослѣдствіи, когда захворала, проводила съ ними за этою игрой цѣлые дни.—Въ 1796 году, по случаю пріѣзда въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ устроилъ великолѣпный праздникъ въ своемъ великолѣпномъ загородномъ дворцѣ въ нынѣшнемъ Строгановскомъ саду. Праздникъ этотъ удостоила своимъ присутствіемъ сама императрица Екатерина II, пріѣхавшая къ Строганову вмѣстѣ со шведскимъ королемъ. Между прочими развлеченіями, графъ Строгановъ устроилъ въ саду живую шахматную партію. На большой лужайкѣ, покрытой зеленымъ и желтымъ дерномъ, правильными квадратами въ 64 клѣтки, разставлены были слуги графа, одѣтые въ средневѣковые костюмы желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Живыя фигуры разставлены были на соотвѣтствующія игрѣ мѣста. Самою игрою руководили Левъ Нарышкинъ и гр. Остерманъ. Зрѣлище было очень оригинальное и чрезвычайно понравилось царственнымъ гостямъ Строганова“.

Относительно новѣйшаго времени укажу, что легенды о декабристахъ (воспѣтые, напр., Некрасовымъ въ его „Русскихъ женщинахъ“) въ настоящее время уже разрушены. Декабристы жили въ Сибири хорошо. „Новое Время“, по словамъ „Голоса Москвы“ (отъ 21. VII. 1911 г., № 167), изъ дневника декабриста Завалишина, сообщаетъ, что „Правительство съ перваго же года разрѣшило роднымъ присылать деньги ссыльнымъ. „Когда свели общіе счеты,—разсказываетъ Завалишинъ,—то оказалось, что кромѣ цѣнности посылокъ, одинъ нашъ казематъ получилъ въ годъ 400.000 рублей.... при такомъ обиліи денегъ явилось въ Читѣ двѣнадцать хорошихъ лавокъ, въ которыхъ можно было достать все“.... У Трубецкаго и Волконскаго было 25 человѣкъ прислуги, а въ казематѣ болѣе 40.... Работы шли особымъ, тоже своеобразнымъ, порядкомъ въ этой оригинальной каторгѣ. Передъ тѣмъ, какъ итти на работу,—разсказываетъ Завалишинъ,—начиналась суета между сторожами каземата и прислугою въ домахъ нашихъ дамъ. Несутъ на мѣсто работъ книги, газеты, шахматы, завтракъ, самовары, чай, кофе, складные стулья и пр.“

Относительно Польши см. еще „Шахм. Лист.“ 1880 г., стр. 267, 268 и 326. На послѣдней указывается, что король Казиміръ II, умершій въ 1194 году запрещалъ шахматную игру.

237) Въ рукописномъ словотолкователѣ (азбуковникѣ), составленіе котораго по мнѣнію Востокова—А. Х. Остенека (Описаніе. Спб. 1842. № II), восходило не ранѣе половины XVII вѣка, и который хранится въ публичной библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ, встрѣтилъ я при словѣ „шахъ“ пословицу, которой, къ сожалѣнію, не могъ прочесть.

XXI.

Человѣка, привыкшаго слышать много непонятнаго и притворяющагося, что онъ все понимаетъ, можно засыпать совершенно серьезно ученымъ, или глубокомысленно звучащимъ абсурдомъ, выдавая его за безспорное доказательство. Извѣстно, что такимъ образомъ поступали въ послѣднее время нѣмецкіе философы съ поразительнымъ успѣхомъ, когда имѣли дѣло даже съ большимъ скопленіемъ публики.

А. Шопенгауэръ.

Каждое положеніе въ выводахъ Линде не вѣрно и можетъ быть вполнѣ опровергнуто [238]).

Отрицаніе за четверною игрою древности, „даже если бы описаніе ея впослѣдствіи и нашлось въ пуранахъ", не есть, конечно, доводъ въ пользу шатранджа. Оно показываетъ лишь боязнь изслѣдователя, какъ бы такого описанія дѣйствительно не отыскалось, что легко можетъ случиться, принимая во вниманіе сравнительно недавнее и очень малое изученіе санскрита; вѣроятно, въ Индіи существуютъ сотни рукописей, которыя долго еще не будутъ извѣстны европейцамъ. Отрицаніе это указываетъ и на то, что выводы писались не хладнокровно, а въ пылу расоваго азарта.

Указаніе на относительную молодость индійскихъ рукописей совсѣмъ странно: не виновата же Индія, что климатъ ея дѣйствуетъ разрушительно, и рукописи быстро уничтожаются, „такъ что ни одна изъ дошедшихъ до насъ пуранъ не имѣетъ болѣе 500 лѣтъ". Подобное отношеніе къ возрасту рукописей изъ научнаго переходитъ въ полемическое: вмѣсто сужденія о важности даннаго извѣстія, предъявляется *требованіе* письменнаго свидѣтельства. Такое притязаніе не допустимо даже по отношенію къ тому, что обыкновенно принято было записывать (религіозныя, законодательныя постановленія), тѣмъ болѣе не позволительно оно

---

[238]) Внимательнаго и серьезнаго читателя я попрошу передъ просмотромъ этой главы перечитать еще разъ страницы 185—186 настоящей книги.

по отношенію къ играмъ. Древность свидѣтельства можетъ быть опредѣляема и по другимъ даннымъ, по языку, по встрѣчѣ въ нѣсколькихъ различныхъ спискахъ [239]), хотя бы сравнительно не старыхъ. Существуетъ еще особое дѣленіе. Говорятъ, что историческое изслѣдованіе должно опираться непремѣнно на письменные памятники, что другого сорта доказательства (преданія, языкъ, предметы раскопокъ и т. д.) относятся къ этнографіи, археологіи и т. п., т. е. не могутъ быть названы историческими. Все это можетъ быть вѣрно тамъ, гдѣ предметъ изслѣдованія захватываетъ обширный кругъ событій, но примѣнять такое дѣленіе къ изслѣдованію объ одной игрѣ,—это значитъ ставить себя въ смѣшное положеніе. Ясно, что здѣсь, при крайней ограниченности предмета изысканій, должно примѣнять всѣ возможныя и доступныя данныя безразлично, будутъ ли они относиться къ исторіи или этнографіи, къ археологіи или сравнительному языковѣдѣнію. И для того, чтобы разобраться въ этихъ данныхъ, вовсе нѣтъ надобности изучать всѣ эти науки подробно. Такимъ образомъ, главное положеніе Линде, что за шатренджъ имѣются болѣе древнія свидѣтельства арабско-персидскія, падаетъ само собою. Коль скоро онъ самъ признаетъ, на основаніи филологическихъ сопоставленій, родиною шахматъ Индію, онъ обязанъ считаться и съ извѣстіемъ объ игрѣ четверной такъ же, какъ если бы оно было не моложе персидскихъ и арабскихъ рукописей.

Предположеніе, что авторъ діалога самъ Рагунандана,—есть натяжка; это надо еще доказывать, да и въ наиболѣе счастливомъ случаѣ,—доказавъ это,—никоимъ образомъ нельзя утверждать, что самое *содержаніе* діалога не взято изъ болѣе старинныхъ рукописей. Съ другой стороны, въ сужденіи о молодости четверной игры указывать, что упоминающій о ней Рагунандана принадлежитъ лишь къ XVI столѣтію, имѣло бы смыслъ, если бы двойная форма была описана кѣмъ-либо изъ индійцевъ раньше, но когда свѣдѣнія о ней исходятъ отъ Нилаканты, жившаго около 1600—1700 г.г., т. е. *позднѣе* Рагунанданы, то это становится по меньшей мѣрѣ удивительно. При этомъ Нилаканта не даетъ термина „колесница“, послѣдній находится въ рукописи, относящейся къ XVIII вѣку. Если персидскія и арабскія свѣдѣнія о шатранджѣ относятся къ X вѣку нашей эры и отодвигаютъ начало игры по преданіямъ къ VI вѣку, то надо принять

---

[239]) Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ по этому поводу Э. Б. Тейлоръ: „Если мы даже не совсѣмъ согласны съ профессоромъ Максомъ Мюллеромъ (предисловіе къ его переводу „Ригъ-Веды“), что это собраніе арійскихъ гимновъ „займетъ и навсегда удержитъ свое положеніе, какъ древнѣйшая изъ книгъ библіотеки человѣчества“, если мы и не вполнѣ примемъ строгую вѣрность его вычисленія древности ея въ вѣкахъ до Р. Х., мы, однако, должны согласиться, что онъ не безъ основанія относитъ составленіе этой книги къ очень древнему періоду, чѣмъ указываетъ, что въ то время существовала уже сравнительно высокая варварская цивилизація („Первобытная культура“, 2-е изд. Спб. 1896 г., стр. 63).

во вниманіе, что индійскія рукописи писаны древнѣйшимъ языкомъ, который уже съ половины IV вѣка нашего лѣтосчисленія сдѣлался окончательно мертвымъ, а изъ употребленія вышелъ, конечно, гораздо ранѣе. Слишкомъ трудно допустить, чтобы въ XVI столѣтіи могли на санскритскомъ языкѣ появляться самостоятельныя сочиненія или даже серьезныя поправки въ нихъ. Итакъ, въ *индійскихъ* извѣстіяхъ описаніе четверной игры съ костями принадлежитъ автору, жившему *раньше* автора объ игрѣ двойной.

Впослѣдствіи Линде удалось свои соображенія подкрѣпить ссылкою на данныя о четверной игрѣ изъ рукописи Аль-Бируни. Она относится къ 1031 году и въ ней, въ четверной игрѣ, авторъ-арабъ вмѣсто термина ладьи—употребляетъ терминъ колесницы. Мы, разумѣется, въ правѣ думать, что замѣна вѣрнаго индійскаго термина скорѣе искажена арабскимъ авторомъ, чѣмъ индійскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же Аль-Бируни въ четверной игрѣ *царя*, вмѣсто *раджи* называетъ farsan (отъ древне-персидскаго *ферзь)*, какого имени въ Индіи для царя быть никоимъ образомъ не могло. Относительно ходовъ важно указать, что слонъ четверной игры и *по санскритскому* и *по арабскому* тексту ходитъ, какъ наша современная ладья, т. е. арабская „колесница“ ходила вкось на третье отъ себя поле и черезъ шашки, что, конечно, никакъ не соотвѣтствуетъ движенію какого-бы то ни было экипажа и указываетъ, что этотъ терминъ позднѣйшій.

Чувствуя свою неправоту, Линде забѣгаетъ впередъ и говоритъ о „непосредственномъ“ изобрѣтеніи шахматной игры съ костями, путая такимъ образомъ вопросъ о древности игры съ вопросомъ объ ея первоначальномъ видѣ. Ничто не принуждаетъ предполагать „прямого“ изобрѣтенія шахматъ съ костями, наоборотъ необходимо допустить, что передъ чатураджей была предшествующая форма игры, простѣйшая, и именно игра съ костями, но съ шашками *однообразнаго вида*, которыя лишь впослѣдствіи были замѣнены фигурами разной силы и формы. Къ такому умозаключенію приводитъ знакомство хотя бы съ игрою нардъ, которая была извѣстна въ Греціи въ древнѣйшія времена и не могла остаться неизвѣстной въ Индіи, такъ какъ со времени Александра Македонскаго греки довольно долго были въ близкихъ съ нею отношеніяхъ: „греческіе князья властвовали болѣе двухъ столѣтій въ сѣверо-западныхъ областяхъ Индіи, греческіе посланники являлись при дворахъ индійскихъ царей, греческіе купцы, греческое искусство и наука проникали въ Индію частію изъ Пенджаба, частію черезъ Александрію“ [240]). Такимъ образомъ нардъ былъ извѣстенъ въ Индіи. Но вотъ еще другое свидѣтельство. Русселэ, въ „Живописной Индіи“ [241]), описываетъ „Дворъ Падчизи“ въ развалинахъ Футтенора, „Версали великаго Анбера“, жившаго во второй половинѣ XVI вѣка: „Падчизи—старинная игра въ шашки, къ которой индійцы во всѣ времена были очень пристрастны; она играется посредствомъ

---

240) „Шахм. Лист.“ 1879 г., стр. 37. Слова изъ „Исторіи“ Линде.

241) Русск. пер. Спб. 1877, стр. 292.

пѣшекъ, почти на такой же доскѣ, какая въ употребленіи въ Европѣ. Всѣхъ играющихъ четверо, и у каждаго по четыре шашки. Бросаютъ кости и затѣмъ ходы обусловливаются числомъ выпавшихъ очковъ. Побѣдителемъ будетъ тотъ, кто соединитъ всѣ свои четыре шашки на центральномъ квадратѣ. Размѣры падчизи Анбера, дѣйствительно царскіе; шашечницу изображаетъ самый дворъ, разбитый на квадраты, а огромный камень, лежащій на четырехъ подставкахъ, изображаетъ центральный пунктъ. Тутъ-то Анберъ и его придворные играли въ падчизи. Шестнадцать молодыхъ гаремныхъ невольниковъ, одѣтыхъ въ соотвѣтствующіе цвѣта, замѣняли шашки изъ слоновой кости и передвигались сообразно указанію выпавшихъ очковъ. Преданіе говоритъ, что императоръ такъ пристрастился къ этому живому падчизи, что устроилъ его во всѣхъ своихъ дворцахъ; еще и теперь можно видѣть слѣды его игры въ Агрѣ и Аллабадѣ".

Правда, здѣсь свидѣтельство XVI столѣтія, но при изысканіяхъ о всѣхъ вообще шашечныхъ играхъ могутъ быть открыты указанія и болѣе раннія. Линде, однако, не дѣлаетъ изысканій ни о какихъ шашечныхъ индійскихъ играхъ: онъ обходитъ ихъ почти полнымъ молчаніемъ, приводитъ лишь кое-что и безъ критики, не желаетъ ихъ знать, а тѣмъ болѣе видѣть въ нихъ прототипъ шахматъ. Въ своей теоріи о происхожденіи шашекъ въ Европѣ онъ идетъ даже далѣе: игру менѣе сложную по своему составу выводитъ изъ болѣе сложной.

Между тѣмъ вопросъ о прототипѣ игры самый существенный и важный. Наличность шашечной игры съ костями, и именно четверной формы, свидѣтельствуетъ, что чатураджа могла быть древнѣйшею формою шахматъ. Будь четверной видъ игры шахматной позднѣйшимъ измѣненіемъ, онъ и проявился бы только въ шахматахъ, никакъ не могъ бы повліять на игру шашечную. Въ падчизи по четыре шашки у каждаго, въ чатураджѣ число это удвоилось, что также говоритъ за то, что первоначальною формою была игра съ однообразными шашками (Ср. Linde I, 79—81).

Положеніе о психологической невозможности сочетанія разсчета съ жребіемъ, да притомъ подкрѣпляемое изумительнымъ по своей наивности доводомъ, что „такое сочетаніе могло образоваться только впослѣдствіи, посредствомъ искусственнаго искаженія",—такое положеніе ни на чемъ не основано и является вполнѣ голословнымъ. Нигдѣ никѣмъ никогда не было устанавливаемо, чтобы игры чистаго разсчета были древнѣе игръ со жребіями. Мало этого, такой вопросъ основательно и не разрабатывался. Вообще же все заставляетъ скорѣе полагать, что игры съ костями предшествовали появленію игръ прямого разсчета, и законодательства всѣхъ странъ удостовѣряютъ существованіе азартныхъ игръ съ костями (воспрещая ихъ) во времена самой глубокой древности, а самыя кости, даже съ вырѣзанными очками на ихъ сторонахъ, находятъ во многихъ и разнообразныхъ могильникахъ, принадлежащихъ къ доисторическимъ эпохамъ, между тѣмъ, какъ шашечницъ тамъ до сего времени не найдено

ни одной [242]). Изъ этого явствуетъ, что кости были древнѣе, и что имъ придавалось большее значеніе. Индусамъ кости были извѣстны во всякомъ случаѣ ранѣе шахматъ, ибо греки этихъ послѣднихъ не знали, а игра нардъ съ костями у грековъ была. Въ индійской поэмѣ Гариванса говорится объ игрѣ красными и черными костями и о доскѣ съ восмью клѣтками [243]). Вейсъ, говоря о древнѣйшихъ народахъ, сообщаетъ, что „не меньше, чѣмъ музыку и пляску любили индусы и разнаго рода игры, особенно азартныя. Несмотря на строгіе законы противъ азарт-

---

[242]) Сомнительно сообщеніе И. Т. Савенкова (Брошюра, стр. 35): „Интересное указаніе по шахматной археологіи находится въ XI томѣ *Живописной Россіи*, изд. 1884 г., стр. 93.—Въ Курганскомъ уѣздѣ, Тобольской губ. (55^0, 27 с. ш., 83^0 в. д. отъ 1-го мер.) при раскопкѣ одного изъ городищъ начала желѣзнаго періода, найдены костяныя издѣлія, очень похожія на шахматы, что даетъ основаніе предполагать знакомство съ этою игрою кочевниковъ, населявшихъ Сибирь въ отдаленное время. Авторъ статьи, А. А. Павловъ, заключаетъ, что и потомки Тамерлана, иногда останавливавшаго свои полчища для шахматной игры, развлекались ею. Гдѣ хранятся эти издѣлія? Нельзя ли съ нихъ получить фотографическій снимокъ? Отдѣльныя фигурки (особенно безъ соотвѣтственныхъ постаментовъ) могутъ быть выраженіемъ анимизма и могутъ быть предметами шаманскаго культа. Если послѣ провѣрки и сравненій заключеніе А. А. Павлова подтвердится, то у кочевниковъ въ предѣлахъ западной Сибири, или въ Монголіи, на югѣ, можетъ быть въ близкомъ сосѣдствѣ съ урянхайцами, должна сохраниться шахматная игра или какая-либо ея разновидность. Разслѣдованіе въ этомъ направленіи весьма желательно“.—Если г. Павловъ дѣйствительно пишетъ, что *Тимуръ иногда останавливалъ свои полчища для шахматной игры*, то показанія такого лица не заслуживаютъ вниманія. Всѣ эти разнообразныя выраженія о *сходствѣ съ шахматами*, объ игрѣ *похожей на шахматы* и т. п., оказываются обыкновенно искаженіями истины. Словарь Даранберга сообщаетъ, напримѣръ, что Fauvel владѣлъ *шахматнымъ конемъ* изъ слоновой кости, найденнымъ въ одной могилѣ въ Аѳинахъ (Raoul-Rochette, *Mém. de l'Institut*, XIII, p. 638; 3-e Mém., p. 110), но справедливо спрашиваетъ: „Но что сталось съ этой фигурой, и была-ли она древнею?“

[243]) „Шахм. Лист.“ 1878 г., стр. 137.—Это мѣсто изъ поэмы приписывается смѣшенію игръ, и А. Н. Грачевскій, со словъ Линде, пишетъ: „Это смѣшеніе такъ естественно, что повторяется даже и въ наше время. Въ индійской поэмѣ Гариванса (Hariwança) идетъ дѣло объ игрѣ красными и черными костями и о доскѣ съ 8 клѣтками; французскій оріенталистъ Ланглуа въ переводѣ этого мѣста назвалъ игру шахматами (échecs), но въ позднѣйшемъ изданіи того же перевода, замѣтивъ ошибку, замѣнилъ шахматы игрою въ кости (jeu de dés)“. Послѣдній переводъ, конечно, съ формальной стороны вѣренъ, но оба перевода, какъ и замѣчанія комментатора, обнаруживаютъ незнакомство съ играми и ихъ древнѣйшими обозначеніями. Коль скоро указывается *доска* съ клѣтками, то дѣло идетъ очевидно объ игрѣ шашечной. Быть можетъ подъ костями надо понимать здѣсь просто шашки, т. е. игральныя фигурки (pièces), но легко можетъ статься, что здѣсь идетъ рѣчь объ игрѣ шашечной, разыгрывавшейся при посредствѣ костей древнѣйшей формы, еще безъ очковъ, когда жребій опредѣлялся лишь различіемъ сторонъ кости и цвѣтомъ ихъ; число 8 полей должно быть относимо къ счету ихъ по одной сторонѣ доски-шахматницы.

ныхъ игръ и игорныхъ домовъ (Ману IV, 74;—VII, 47;—IX, 221 со сл.) не только народъ, но и высшія сословія, даже сами цари съ увлеченіемъ предавались игрѣ въ кости. О ней упоминается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ индійской письменности. Индусы считали ее, впрочемъ, наравнѣ съ шахматною игрою...,—искусствомъ, коему можно научиться" [244]), кости упоминаются также въ огромныхъ индійскихъ поэмахъ Магабгаратѣ и Рамаянѣ.—Геродотъ, жившій за 500 лѣтъ до Р. Х., передаетъ (II, 122) со словъ египетскихъ жрецовъ разсказъ объ игрѣ въ шашки фараона Рампсинита: „Послѣ этого, разсказывали жрецы, царь живымъ нисходилъ въ то мѣсто, которое Эллины считаютъ преисподней; тамъ онъ игралъ въ шашки съ Деметрой, при чемъ частію выигрывалъ, частію проигрывалъ; наконецъ, опять возвратился на землю и принесъ съ собой отъ богини золотой утиральникъ". Какъ уже замѣчено было ранѣе, подъ словами „играть въ кости" во многихъ случаяхъ, и кажется даже въ большинствѣ ихъ, въ *древнѣйшихъ* свидѣтельствахъ, надо понимать *игру въ шашки съ костями.* Но если нѣкоторыя выраженія могутъ быть сомнительны, то тѣ изъ нихъ, гдѣ упоминается *искусство* игры въ кости, или *доска* и кости, уже безспорно свидѣтельствуютъ объ игрѣ шашечной съ костями, а свидѣтельство Геродота со словомъ *συγκυβεύειν*, (synkybeyein) разъясняется изъ египетскихъ источниковъ. (См. пр. 81).

Слова Линде, что кость [245]) могла появиться „только впослѣдствіи", не заслуживаютъ поэтому никакого уваженія; они только характерны для его умозаключеній, которыя при внимательномъ разборѣ оказываются крайне тенденціозными и легкомысленными, хотя и обставлены внѣшними аттрибутами учености. Разборъ его „Исторіи" показываетъ, что къ 1874—75 гг. онъ не былъ знакомъ, кромѣ шатренджа, шахматъ и польскихъ шашекъ, ни съ одною игрою, хотя бы даже поверхностно, внѣшнимъ образомъ, и считалъ при этомъ себя въ правѣ браться за рѣшеніе вопросовъ объ ихъ происхожденіи [246]). Употребленіе кости въ чатураджѣ,

---

244) *Вейсъ*, „Внѣшн. бытъ народовъ". Русск. пер. Чаева. М. 1873—1877. Т. I, ч. 1-я, стр. 90. Здѣсь Вейсъ ссылается: „Ср. P. v. Bohlen. Das alte Indien II, 67, 176.—Duncker. Gesch. des Alterthums. II, 108, 109".

245) П. Полевой (Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта). Вып. I. Спб. 1879 г., стр. 130 говоритъ: „Способъ сожженія у древнихъ славянъ.... на этомъ кострѣ полагали покойника, а около него разныя вещи.... игорныя принадлежности.... и проч. Самоквасовъ („Др. и Нов. Россія". 1876) нашелъ въ *Черной Могилѣ* въ Черниговѣ три сорта игральныхъ костей".

246) Библіографическій грузъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ заглавій, множество выписокъ на всѣхъ языкахъ, нѣкоторыя филологическія познанія (онъ готовился на пастора, изучалъ въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ богословіе, въ Геттингенѣ получилъ степень доктора теологіи и философіи, такъ что настоящаго филологическаго образованія въ сущности не имѣлъ), все это взятое вмѣстѣ дало ему репутацію ученаго, хотя именно настоящей-то, серьезной учености, т. е. умѣнья обращаться съ сырымъ матеріаломъ, отличить важное отъ пустяковъ, дѣлать изъ сопоставленій вѣрные выводы и излагать ихъ въ си-

такимъ образомъ, ничуть не противорѣчило ничему, и весьма естественно, что при наличности древнѣйшихъ шашечныхъ игръ (нардъ, падчизи), разыгрывавшихся помощью жребія и однообразныхъ шашекъ, могла создаться подобная же игра съ шашками уже не одинаковыми, а разной формы и силы.

Не противорѣчили кости и духу самой игры. При крайней ограниченности движеній шашекъ, позволительно думать, что

стемѣ,—этого то именно у Линде вовсе не было. Между тѣмъ теоріи Линде гуляютъ по бѣлу свѣту, попали даже въ энциклопедіи.

До какой степени великъ престижъ иностранныхъ ученыхъ у насъ (и особенно у петербуржцевъ) видно изъ словъ А. Н. Грачевскаго, который въ своемъ изложеніи „Исторіи“ Линде, приведя вышеуказанныя, разбираемыя теперь нами, утвержденія, пишетъ: „Съ этими доводами нельзя не согласиться. Такимъ образомъ индійскую игру вчетверомъ съ костью слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ безчисленныхъ искаженій, которыя образовались въ позднѣйшее время въ Европѣ и на Востокѣ и продолжаютъ возникать и въ наше время посредствомъ введенія въ игру разныхъ усложненій и перемѣнъ, часто совсѣмъ несогласныхъ съ ея духомъ. Но нельзя не удивляться тому, что мнѣніе о первенствѣ этой формы, высказанное Коксомъ безъ всякаго основанія, только потому, что она очень груба, даже въ противорѣчіе единственному источнику, которымъ онъ пользовался,—статьѣ Джонса,—было принято всѣми позднѣйшими изслѣдователями безъ всякой критики и вошло во всѣ руководства, что и побудило насъ остановиться подробно на этомъ предметѣ“.—Тутъ, что ни слово, то перлъ въ своемъ родѣ. Доводы Линде, какъ видно изъ дальнѣйшаго нашего разбора, ничего не стоютъ, но А. Н. Грачевскій, не разбирая ихъ, говоритъ, что „съ ними нельзя не согласиться“, и подтверждаетъ это тѣмъ, будто и теперь возникаютъ повсюду нововведенія, хотя такой новости, какъ введеніе въ игру костей, да еще въ Европѣ, *нѣтъ ни одной.* Казалось бы то именно, что форма игры съ костями *не такъ глубока* по разсчетамъ, какъ безъ жребія, должно было бы свидѣтельствовать *за ея древность,* а оказывается, что доводъ этотъ негоденъ, при чемъ указывается на противорѣчіе со словами Джонса, какъ будто его единоличное мнѣніе (исходившее изъ любви къ современнымъ шахматамъ) о четверной игрѣ, которая ему „кажется новѣйшею“, есть нѣчто такое, что имѣетъ историческую или научную цѣнность.—М. И. Чигоринъ, помѣщая статью А. Н. Грачевскаго, конечно, также не подозрѣвалъ, что этимъ попросту игралъ въ руку нѣмцу, которому гораздо важнѣе было униженіе Россіи, чѣмъ научная истина.

Этотъ же престижъ иностранца-Линде побудилъ, конечно, и И. Т. Савенкова сообщить шахматистамъ и этнографамъ (хотя въ неясныхъ выраженіяхъ) про двойное употребленіе слова „чатуранга“: „Смѣшеніе названій приводило и можетъ приводить къ недоразумѣніямъ. Одна древняя игра „основана на духовной силѣ“, другая азартная—съ метательною костью, назначающею фигуру, которой надлежитъ ходить. Первая—эволюціонная стадія разсматриваемаго этнографическаго вида, а вторая — не разновидность (varietas), а помѣсь—аномалія, которая для насъ имѣетъ второстепенное, но вспомогательное значеніе: она можетъ облегчить выясненіе древней исторіи истинной чатуранги“ (стр. 18 брошюры). Безъ всякаго разбора, безъ всякой критики, тенденціозный выводъ Линде выдается за установленный фактъ, за такое научное изслѣдованіе, которое можетъ быть положено въ основаніе дальнѣйшихъ изысканій! См. еще примѣчаніе 230-ое.

игра съ ходами по жребію, какъ игра, была не менѣе интересна, чѣмъ шатранджъ. Да и была ли первоначальная чатураджа игрою? Не вѣрнѣе ли, что она сдѣлалась ею лишь впослѣдствіи?

Во всякомъ случаѣ при сужденіи о древности формы нельзя исходить изъ того духа игры, который наблюдается теперь и хорошо извѣстенъ, а древняя форма игры въ своихъ подробностяхъ до того не разобрана, что мы не можемъ разыграть изъ нея ни одной партіи [247]).

Что „ладья“ будто бы названіе позднѣйшее противъ „колесницы“, да еще „несомнѣнно“, болѣе чѣмъ спорно; это прямо противорѣчитъ здравому смыслу, не говоря уже о древнѣйшей легендѣ, и самъ Линде писалъ ранѣе [248]), что „чрезвычайно интересныя указанія Вебера (извѣстнаго берлинскаго санскритолога) дѣлаютъ вѣроятнымъ, что мирная военная игра могла быть буддистскимъ и притомъ Цейлонскимъ изобрѣтеніемъ...“

Ошибочное (и притомъ намѣренно-ошибочное, исходившее изъ предвзятой цѣли: подорвать знакомство русскихъ съ игрою во времена древнѣйшія) утвержденіе Линде, будто „ладья“ есть терминъ сравнительно новый, даетъ ему поводъ замѣтить по адресу Россіи: „Русскіе заимствовали шахматную игру не изъ западной Европы, а изъ Азіи (ферзь, слонъ, ладья) и притомъ въ тотъ періодъ (?) когда „ладья“ уже стала вытѣснять (?) „колесницу“, слѣдовательно, вовсе не такъ давно“ (II, 192). Въ слѣдующемъ сочиненіи своемъ Quellenstudien zur Geschichte des Schachspiels 1881 г. Линде со всякими натяжками старался подкрѣпить свои положенія. Такъ, по его словамъ, прежде полагали, что „рукъ“ древне-персидское слово, означающее героя, или что оно произошло отъ названія баснословной гиганстской птицы „рохъ“. Оба толкованія оказываются будто-бы произвольными и совершенно неосновательными догадками. Доказано (?), что въ *разговорномъ* языкѣ арабовъ *рукъ* означалъ *повозку*, и что слово это будто бы несо-

[247]) За древность костей говоритъ также то, что остатки ея не вымерли и по сейчасъ держатся въ Азіи. См. „Шахм. Лист.“ 1879 г., стр. 37 и 132. Четверная игра отмѣчена въ Испаніи еще въ 1283 году. См. Linde, Qu., 256—264.

[248]) Мнѣнія свои онъ перемѣнилъ, какъ указываетъ А. Н. Грачевскій въ „Шахм. Листкѣ“, во время печатанія своей „Исторіи“, такъ что въ нѣкоторыхъ листахъ уцѣлѣли отрывки изъ его прежнихъ мыслей. Эта перемѣна мнѣнія также весьма характерна; она свидѣтельствуетъ, что для Линде на первомъ планѣ стояла библіографія, а не научные выводы. И, дѣйствительно, онъ съ крайнею любовью относится ко всякому внѣшнему описанію книгъ, приводитъ не только ихъ заглавія, но какъ страстный библіографъ, печатаетъ ихъ полностью, раздѣляетъ строки этихъ заглавій, указываетъ на разницу заглавія книги и ея обертки, сообщаетъ съ тою же подробностью оглавленія отдѣльныхъ томовъ, и т. п., словомъ, увлекается тѣмъ, что подъ силу всякому собирателю почтовыхъ марокъ. Когда же дѣло касается существа книги, то онъ не церемонится придать ложное толкованіе смыслу цитаты, или, *имѣя въ рукахъ подлинники шашечныхъ учебниковъ, не интересуется узнать разницу между играми испанскою, старо-французскою, итальянскою, русскою и „польскою“*, но со смѣлостью профана берется создавать историческія гипотезы.

мнѣнно произведено изъ санскритскаго *ротъ, рата*, колесница. Но такіе лингвистическіе выводы, гдѣ нѣтъ явнаго совпаденія буквъ, всегда болѣе или менѣе сомнительны, а когда они относятся ко временамъ такой отдаленной древности, какъ языкъ санскритскій, и преслѣдуютъ плохо скрытую тенденцію, то дѣлаются крайне подозрительными, и никоимъ образомъ нельзя ихъ выдавать за безспорныя, несомнѣнныя и доказанныя. Персидская птица рохъ, соотвѣтствуя понятію „сила-птица", такъ же хорошо извѣстна на востокѣ, какъ „жаръ-птица" нашихъ сказокъ. Вполнѣ понятно и естественно, что персіяне примѣнили это слово къ наиболѣе сильной у нихъ фигурѣ игры, и несомнѣнно, что отсюда происходитъ терминъ рокъ; подкрѣплять *сомнительное* словопроизводство ссылкой на *значеніе* словъ въ языкѣ *разговорномъ*, при *значительномъ* несходствѣ въ произношеніи, совсѣмъ не позволительно. Такимъ путемъ можно доказать все, что захочется.

Впрочемъ, какъ ни подозрительны выводы Линде, все же они могли бы запутать вопросъ окончательно, если бы самъ онъ не выдавалъ себя головой, не выражалъ бы такъ откровенно тѣхъ чувствъ, которыя руководили имъ въ этихъ „научныхъ" выводахъ. „Zur neunten gluthölle mit dem *nachen* auf ewig! Проваливайте въ девятую преисподнюю на вѣки со своей ладьею!" пишетъ онъ (Qu. 259) по адресу русскихъ. Сказавъ глухо то же о заимствованіи русскими шахматъ изъ Азіи, что и въ „Исторіи", Линде подкрѣпляетъ здѣсь (Quellenstudien) этотъ выводъ такими словами: „Россія внутренно находится еще въ Азіи, а потому и ея шахматныя названія, заимствованныя изъ сравнительно новѣйшей азіатской разновидности (Abart) шахматъ, гласятъ: король, ферзь, слонъ, конь и ладья". При этомъ онъ не останавливается ни передъ искаженіями (ибо главная шашка ранѣе именовалась царь, шахъ, а король явился совсѣмъ недавно), ни передъ умолчаніями (кромѣ названія шашекъ русскіе сохраняли еще наибольшее противъ всѣхъ европейцевъ восточное названіе игры и термины шахъ и матъ), ни даже передъ прямою клеветою, сообщая тутъ же, будто русскій шахматный журналъ ухудшилъ эти названія въ королеву, офицера, кавалера и туру. Выходитъ, что это онъ, нѣмецкій ученый, открылъ болѣе древніе русскіе термины!—Оставаясь строго безпристрастнымъ въ историческихъ выводахъ, Линде долженъ былъ бы замѣтить и выяснить, что мы взяли съ запада слова *патъ, рокировать* и *кипергань*, и что это еще болѣе оттѣняетъ фактъ первоначальнаго полученія нами игры въ видѣ шатранджа изъ Азіи, а новѣйшихъ шахматъ изъ Европы. Русскимъ тѣмъ легче было спутать и испортить игорный терминъ, что они имѣли еще, какъ мы указывали, созвучное слово, означавшее одежду *ферязь*, которая была и мужской и женской, но шахматный терминъ удержался въ мужскомъ родѣ [249]). Еще легче было бы (какъ уже замѣчено выше) принять намъ названіе ладьи согласно съ санскрит-

[249]) Въ XIX ст. начали уже сбиваться и путаться. Янишъ въ „Паламедѣ" 1842 г. увѣряетъ, что русскіе, не понимая слова, склоняютъ его, то въ мужскомъ, то въ женскомъ родѣ. Въ этомъ видно вліяніе европейской королевы. В. И. Даль

скимъ *ратью* или по созвучію съ персидскимъ рохомъ—*рокомъ*, словами существовавшими въ русскомъ языкѣ; особенно подходящимъ была бы *рать*, ибо древняя ладья по сравненію съ остальными шашками была сильнѣе, чѣмъ нынѣшній ферзь, такъ что отвѣчала понятію сильнаго отряда. Рогъ было также славянскимъ именемъ, полная его форма Рогволодъ; былъ Рогдай богатырь и Гюрятъ Роговичъ. (См. примѣч. 234).

Не безызвѣстно было на Руси и слово *тура*, какъ стѣнобитное военное орудіе (рѣка Тура, притокъ Тобола; Буйтуръ Всеволодъ и т. д.). Очевидно изъ всего этого, что термины игры были заимствованы еще въ то время, когда ни персидскій терминъ *рокъ*, ни санскритская *рать* не были прочными, что они *позднѣе* нашей

(какъ и Янишъ, иностранецъ и петербуржецъ) шахматный терминъ даетъ въ своемъ словарѣ въ родѣ женскомъ, но замѣчаетъ, что „правильнѣе мужскаго рода". Толь въ своемъ „Настольномъ словарѣ" даетъ невѣрныя названія: „король, королева (ферезь), 2 скакуна (коня), 2 пушки (крѣп., башни), 2 офицера (слона) и 8 пѣшекъ". Но русскіе писатели, какъ Леонтьевъ, Державинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, всегда употребляли вполнѣ вѣрные термины. Сколько можно догадываться въ судебномъ дознаніи 1686 года „ѳерзь" употребленъ въ родѣ мужскомъ, и утвержденіе И. Т. Савенкова, будто здѣсь ѳерзь рода женскаго не основательно. Интересно, что въ *славянскомъ* переводѣ Библіи есть слово созвучное съ ферземъ. Въ I книгѣ Царствъ (что̀ у евреевъ и латинянъ 1-ая книга Саула), есть текстъ, который по новѣйшему русскому переводу читается: „А золотыя мыши по числу всѣхъ городовъ филистимскихъ—пяти владѣтелей, отъ городовъ укрѣпленныхъ и до открытыхъ селъ (латинск. vicorum paganorum), до большаго камня, на которомъ поставили ковчегъ...." Въ славянскомъ переводѣ: „И златыя мышы по числу всѣхъ градовъ иноплеменничихъ пяти воеводъ (греч. и лат. сатраповъ), отъ града оутверже̂на и даже до веси ферезеовы и до камене великаго, на немже положиша кі̂вотъ..." Но это не самостоятельный переводъ съ еврейскаго. Въ гречèской библіи здѣсь *ἕως κώμης τοῦ Φερεζαίου*, eos komes toy Pherezaioy, т. е. до села Ферезея. Въ еврейскомъ текстѣ тутъ слово haferos. Кромѣ того, въ Библіи нѣсколько разъ встрѣчается народъ Ферезеи (Быт. 3, 7; I. Н. 17, 15; Суд. I, 1, 4).

Н. П. Устряловъ, въ „Исторіи Петра Великаго" (Спб. 1858, III, 198—199), описывая одежду до-петровскихъ бояръ, даетъ подробное описаніе одежды ферязь: „При выѣздѣ со двора, кафтанъ подпоясывался персидскимъ кушакомъ и сверхъ его надѣвался *ферязь*, длинное и широкое платье, бархатное, обояриновое или аксамитовое, безъ перехвата и безъ козыря, съ длинными [по *Саввант.* 292, съуживающимися къ запястью] рукавами, застегнутое спереди, сверху до низу, рядомъ дорогихъ пуговицъ; на ферязь накидывался лѣтомъ опашень или охабень (широкій плащъ), зимою же шуба.... женскій нарядъ во многомъ сходствовалъ съ мужскимъ, какъ покроемъ такъ и названіемъ одеждъ. Барыни носили, сверхъ лѣтниковъ и тѣлогрѣй, ферязи, опашни, шубы съ длинными рукавами... Мужья, даже высшаго сословія, нерѣдко передѣлывали женины платья на свои ферязи и кафтаны".—В. И. Даль замѣчаетъ, что во многихъ губерніяхъ *ферязь, ферязи* и понынѣ (слѣдов. въ 1866 г.) праздничный сарафанъ. И. Срезневскій (слов. 1903 г.) подъ сл. *шахматьцы* сообщаетъ: „...узоръ въ клѣтку на подобіе шахм. доски. Да на тѣхъ ферезяхъ 14 пуговицъ серебряны золочены велики, чеканены, какъ шахматцы. *Оп. им. ц. Ив. Вас.* 1582—1583 г. 30".

ладьи. Вотъ почему ни одной изъ вышеуказанныхъ, такъ возможныхъ, ошибокъ не произошло, и шахматный терминъ дошелъ къ намъ во всей его чистотѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ явился въ древнѣйшей игрѣ. М. К. Гоняевъ („Шахм. Обозр." 1892 г. стр. 410), приходя къ предположенію, что и *ладья* и *верблюдъ* (мѣстами, и именно у индусовъ, монголовъ и парсовъ въ Бомбеѣ) могли быть *такъ же древни, какъ и рохъ*, дѣлаетъ какъ бы уступку мнѣнію Линде, довѣряетъ ему, что въ самой Индіи *рата* была все же нѣсколько древнѣе *). Но это еще не установлено. Необходимо это подтвердить болѣе солидно, чѣмъ дѣлаетъ Линде, безъ лингвистическихъ натяжекъ, безъ ссылки на разговорный языкъ (котораго Линде самъ не знаетъ), ссылки, которую слишкомъ трудно провѣрить. Пока это не доказано, а самое желаніе признать терминъ „наука" болѣе молодымъ исходитъ не изъ стремленія къ правдѣ, а изъ умозаключеній, подсказанныхъ политически-расовою ненавистью онѣмеченнаго голландца, терминъ *наука* и вѣрный переводъ его старинным словомъ *ладья* у людей здравомыслящихъ останется и болѣе древнимъ и болѣе подходящимъ къ духу игры. Хотя колесница, какъ боевой экипажъ, извѣстна очень давно, а во времена историческія могла быть даже одною изъ составныхъ частей индійской арміи [250]), но этотъ доводъ имѣлъ бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы было достовѣрно извѣстно, что родиной шахматъ была именно Индія, а не острова, и если бы прочія соображенія не говорили въ пользу древности четверной игры, гдѣ упоминается ладья. Необходимо исходить изъ этихъ соображеній, а не наоборотъ: изъ термина „рата" доказывать молодость игры четверной. Скорѣе надо предположить, что *рата* явилась взамѣнъ *персидскаго* „рока", чѣмъ наоборотъ. Самъ Линде признаетъ, что *ладья*, какъ шахматный терминъ, кромѣ Цейлона, употребляется еще въ Бенгаліи *(наука)*, Сіамѣ *(рюа)* и Явѣ *(прау, пирога)*, т. е. въ странахъ ближайшихъ къ Индіи; вмѣстѣ съ Россіею это составляетъ такое солидное подтвержденіе первобытности ладьи, которое необходимо колебать болѣе серьезными доводами, чѣмъ посылка въ преисподнюю! Въ новѣйшее время шахматы открыты и на Суматрѣ, гдѣ они также не имѣютъ термина раты. Терминъ мѣстнаго языка нѣмецкій журналъ (Deutsche Wochenschach 1904 г.) передаетъ въ угоду Линде словомъ „колесница", но не говоритъ, переводъ ли это; рисунокъ

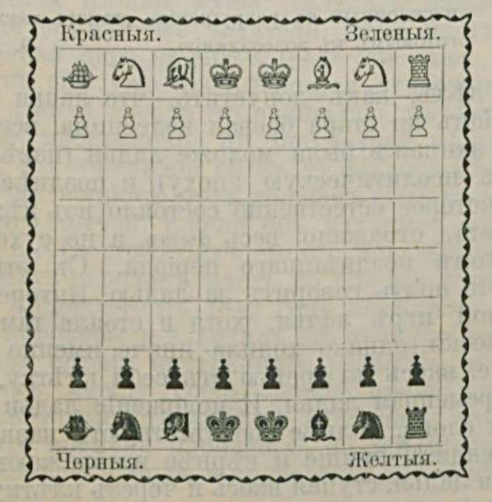
---

*) Подобную же уступку повторяетъ отъ себя и И. Т. Савенковъ: „Но ладья могла замѣстить колесницу въ самой Индіи, при расхожденіи изъ нея эволюціонныхъ формъ шахматной игры. Разница во времени могла быть очень незначительна". Стр. 23, примѣчаніе.

[250]) Внѣ Индіи упоминается уже у Гомера. Геродотъ говоритъ о колесницахъ Сезостриса Великаго (Рамзесъ II Міамунъ приблиз. 1350 г. до Р. Х.).— Царь Селевкъ въ 302 г. до Р. Х., воюя противъ Дмитрія Поліоркета, привелъ въ Каппадокію 480 слоновъ и 100 колесницъ съ серпами.—У Вегнера („Римъ", перев. проф. Модестова) есть рисунки римскихъ колесницъ, которые превратились уже въ многоэтажныя осадныя башни на колесахъ: изъ нихъ бросали камни, лили кипящую смолу и т. п.

же суматрской фигуры не оставляетъ никакого сомнѣнія, что она изображаетъ лодку, „пирогу“, нѣчто въ родѣ нашей „душегубки“.

Линде, въ преклоненіи передъ цивилизаціею Западной Европы вообще и передъ нѣмецкою въ особенности, считалъ будто прогрессъ характеризуется между прочимъ и тѣмъ, что наиболѣе „передовыя“ націи раньше другихъ знакомятся съ шахматами; взглядъ, разумѣется, изъ тѣхъ, которые смѣло можно назвать мѣщански-пошлымъ, какъ и мнѣніе, что принадлежность къ Азіи есть что-то унизительное. Въ самомъ дѣлѣ, въ свое время и Китай, и Тибетъ, и Персія знали шахматы раньше Европы, но это не помѣшало имъ остаться позади Европы (въ смыслѣ европейскаго прогресса).—Между тѣмъ, дѣло обстояло такъ, что въ дѣйствительно древнѣйшей игрѣ употребляется на мѣстѣ, въ Индіи, какъ разъ русскій терминъ „ладья“. Дабы подорвать такой аргументъ въ пользу Россіи, Линде не остановился и вывернулъ самую теорію о первобытной формѣ игры! Что было бы, если бы еще при жизни Линде удалось мнѣ открыть русскій терминъ чатуранги—*шеренгу?* Вѣроятно онъ просто отвергъ бы ее, такъ какъ терминъ этотъ не встрѣчается ни въ одномъ древнемъ спискѣ. Я его дѣйствительно не нашелъ, но можно подозрѣвать, что древнѣйшій переводъ (примѣч. 222) игры *шегами* есть ошибка переписчика, и что первоначально здѣсь стояло *шеренгами.* Однако, я далекъ отъ мысли настаивать*) на вѣрности такой поправки, ибо для меня самая наличность въ современномъ языкѣ слова *шеренги* и характерная перемѣна ея смысла свидѣтельствуютъ не меньше, чѣмъ рукопись XIII столѣтія, когда древняя *шеренга* уже смѣнилась новѣйшими *шахматами.*

(Къ страницѣ 223-й).

*) Дальше будетъ показана возможность объяснить это слово и иначе, но, конечно, въ томъ случаѣ, если не допускать здѣсь ошибки въ рукописи.

XXII.

> Было ли другое время, когда затерявшіяся историческія событія возстановлялись, а знакомыя уже намъ исправлялись болѣе тщательно, чѣмъ они возстановляются и исправляются теперь... Самые миѳы, которые были отвергнуты, какъ басни, наполненныя ложью, становятся источниками исторіи, такими путями, о которыхъ едва ли мечтали творцы и передѣлыватели ихъ. Ихъ смыслъ былъ неправильно понимаемъ, но смыслъ заключается въ нихъ несомнѣнно... Вотъ почему старые миѳы заняли принадлежащее имъ мѣсто между историческими фактами, какъ свидѣтельства процесса развитія мысли, какъ воспоминанія о давно исчезнувшихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и даже, въ извѣстной мѣрѣ, какъ матеріалы для исторіи тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежали; относясь къ нимъ такимъ образомъ, современный историкъ, столь способный и склонный къ разрушенію, станетъ также способнымъ и готовымъ къ возсозданію. *Э. Б. Тейлоръ.*

Въ самомъ дѣлѣ, какъ допустить, что ладья была фигурою позднѣйшею? Какъ ни стара боевая колесница, все же она, какъ искусственный экипажъ, была моложе ладьи (извѣстной человѣчеству еще въ неолитическую эпоху) и позднѣе вошла въ составъ войска, которое естественно состояло изъ пѣхоты, конницы, слоновъ и флота, отражало весь *бытъ*, а не сухопутное только войско и притомъ позднѣйшаго періода. Съ этнографической точки зрѣнія это опять говоритъ за ладью. Интересно при этомъ, что въ четверной игрѣ ладья, хотя и стояла тамъ, гдѣ теперь, т. е. въ углу доски, однако ходила иначе, именно какъ альфиль шатренджа, т. е. вкось на третью отъ себя клѣтку, слонъ же ходилъ какъ современная ладья. И положеніе ладьи *съ края*, и самые ходы ея и слона, полнѣе соотвѣтствуютъ названію шашекъ, чѣмъ въ шатренджѣ, лучше и вѣрнѣе изображаютъ идею и ходъ войны. Древняя ладья, ступая вкось и черезъ клѣтку, какъ бы изображаетъ ныряніе лодки по волнамъ или ея путь отъ берега до берега черезъ рѣку вкось по теченію; она, какъ и дѣйствительный флотъ, оказываетъ ограниченное воздѣйствіе на сраженіе, тогда

какъ слонъ, соотвѣтственно силѣ этого могучаго животнаго [251]), идетъ черезъ всю доску по прямой линіи и даетъ исходу битвы рѣшающее значеніе. Ходъ этой фигуры въ шатранджѣ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ шествію слона. Изъ этого очевидно, что не только терминъ рока позднѣе, но и ходы слономъ вкось и ладьею прямо, составляютъ позднѣйшую форму игры, искаженіе основной идеи древняго вида, а не наоборотъ.

Вопросъ о ладьѣ затемняется въ сочиненіяхъ Линде еще тѣмъ, что сама игра признается чисто индійскою, какъ будто это обстоятельство твердо установлено. Между тѣмъ индійская легенда говоритъ, что игра самою Индіею получена съ острова Цейлона. Съ какимъ бы недовѣріемъ ни относились мы къ легендамъ, все же съ ними до извѣстной степени необходимо считаться. Если персы, арабы и китайцы, совершенно забывая національный патріотизмъ (проявляющійся обыкновенно въ легендарныхъ самовосхваленіяхъ), согласно указываютъ въ своихъ преданіяхъ, что шахматы перешли къ нимъ изъ сосѣдней Индіи,—то такое единодушіе даетъ этому указанію силу историческаго свидѣтельства; точно также не можетъ быть отвергаема легенда индійская о Цейлонѣ, какъ о первоначальной родинѣ шахматъ. Необходимо такъ или иначе подорвать ея достовѣрность, указать причины ея тенденціи въ пользу Цейлона, и тогда уже отрицать ея содержаніе, говорить о колесницѣ, какъ о фигурѣ первоначальной; пока этого не сдѣлано, а филологическій терминъ ладьи, встрѣчаемый во многихъ мѣстахъ, поддерживаетъ легенду,—мы въ правѣ продолжать думать, что она совпадаетъ съ дѣйствительностью, въ правѣ повторять, что родиною шахматъ былъ Цейлонъ.

Но особенно любопытенъ доводъ Линде, будто въ древнѣйшей игрѣ проведенная пѣшка *всегда* дѣлалась ферземъ. Это верхъ злоупотребленія вниманіемъ читателя! Рѣчь идетъ еще о рѣшеніи вопроса, какая игра древнѣе, былъ ли даже въ ней самый ферзь, и вдругъ онъ уже предрѣшается утвержденіемъ, что „въ древней игрѣ пѣшка всегда превращалась въ ферзя!“

Что древнѣе, превращеніе ли шахматной пѣшки непремѣнно въ ферзя, или же обращеніе ея въ ту фигуру, мѣста коей она достигла?—Конечно, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ сторону этого послѣдняго обычая. Ежели онъ находилъ мѣсто въ Европѣ даже въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, то это показываетъ лишь то, что мышленіе разныхъ народовъ идетъ по одному пути. Еще извѣстный Адольфъ Андерсенъ въ 1842 году изумлялся появленію въ партіи второй королевы и находилъ это правило нелѣпымъ. И, конечно, съ точки зрѣнія внутренняго развитія законовъ игры, — согласованія ихъ между собою,—такое превращеніе ничѣмъ не вызывается и до крайности нелѣпо. Признаніе его всеобщимъ въ игрѣ настоящаго времени произошло по той причинѣ, что королева—самая сильная шашка, а проведеніе любой пѣшки въ совре-

[251]) Въ африканскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ слоны, какъ сообщаетъ д-ръ Елисѣевъ, отправляясь стадомъ на водопой, прокладываютъ широкія дороги; они проламываютъ цѣлыя просѣки, сваливая на ходу всѣ громадныя деревья. Это называется „слоновой тропинкой“.

менныхъ шахматахъ одинаково трудно; однако и теперь обращеніе пѣшки въ ферзя не обязательно; хотя крайне рѣдко, но все-же случается, что оно не выгодно. Какой же смыслъ заключало въ себѣ обращеніе пѣшки въ альферецщу, шашку слабую, ходившую лишь по 32 клѣткамъ доски? Пріобрѣтеніе ея не могло быть даже желательнымъ, и ясно, что правило объ обращеніи пѣшки только въ ферзя, могло произойти лишь впослѣдствіи, по особымъ причинамъ, и я думаю, что причины этого не самостоятельнаго пріема *могутъ быть разгаданы*.

Въ своемъ выводѣ о новизнѣ будто бы игры четверной, Линде упускаетъ объяснить обстоятельства, которыя должны быть признаны наиболѣе важными, имѣющими рѣшающее значеніе.

Четверная игра, по свидѣтельству Вебера [252]), вошла въ число индійскихъ обрядовъ при празднованіи новолунія, которому предшествуютъ бдѣніе, сопровождаемое разными развлеченіями, музыкою, пѣніемъ, играми и т. п. Уже это одно должно указывать на старшинство четверной игры, ибо для обрядовъ религіозныхъ большею частію избираются формы самыя древнія, и конечно мѣстные жрецы могли объ этомъ судить лучше и полнѣе, чѣмъ европейцы, имъ и въ голову не пришло бы помѣщать сюда какую-нибудь новѣйшую разновидность. Самое употребленіе игры въ числѣ обрядовъ бросаетъ, кромѣ того, свѣтъ на ея происхожденіе: вѣроятнѣе всего, что въ своемъ первоначальномъ видѣ она была *однимъ изъ видовъ гаданія*, однимъ изъ средствъ предсказывать будущее (о побѣдѣ, пораженіи, союзахъ, а можетъ быть и о другихъ событіяхъ) и лишь значительно позднѣе выродилась въ игру. При такихъ условіяхъ кости должны были играть наиболѣе существенную роль, и ихъ наличность говоритъ о древности игры четверной, а не объ искаженіи.

Древнѣйшая астрологія, которая означала сперва астрономію и лишь въ средніе вѣка, пойдя по ложному пути, пріобрѣла

[252]) Весьма любопытна, какъ мы уже говорили, замѣтка Н. И. Максимова въ „Шахм. Об.“ 1904 года о статьѣ А. К. Макарова въ Энциклопедіи Ефрона-Брокгауза. Статья эта показываетъ полное незнакомство автора съ предметомъ, но не меньшее незнакомство съ нимъ проявляетъ и критикъ. Линде, какъ всѣмъ извѣстно, разработалъ только библіографію шахматной игры, все остальное у него болѣе чѣмъ сомнительно. Его саморекламирующее заявленіе, что онъ установилъ исторически вѣрную дату для начала игры (и именно X вѣкъ нашей эры), что онъ отнялъ у шахматъ ихъ существованіе будто бы за нѣсколько тысячъ лѣтъ, можетъ производить впечатлѣніе только на неопытныхъ, мало читавшихъ, шахматистовъ. На самомъ дѣлѣ новаго онъ далъ мало. Онъ долженъ былъ отодвинуть свою дату сперва къ VIII, потомъ къ VI вѣку по Р. Х. Но не большее количество лѣтъ признавалось и ранѣе серьезными изслѣдователями. Такъ Гайдъ въ своей Historia damiludii писалъ: Cumque jam ex certissimis indiciis satis appareat hunc Ludum esse octingentis aut pluribus annis antiquiorem *Shahiludio* (quod orienti sua incunabula debet, et non nisi quingentis post Christum annis excogitatum est). Особенно Линде запуталъ дѣло о первомъ видѣ игры, при чемъ указанія Вебера идутъ въ разрѣзъ съ выводами Линде. Если Линде имѣлъ въ виду читателей à la Максимовъ, то онъ не ошибся: его теорія не скоро еще опровергнется. См. примѣч. 73*.

репутацію мнимой науки предсказаній, пыталась угадывать будущее по положенію звѣздъ и движенію планетъ. Древнѣйшіе астрологи Вавилоніи и Ассиріи—Халдеи своими астрономическими предсказаніями пріобрѣли еще у римлянъ славу маговъ и чародѣевъ. Въ древнемъ Египтѣ, какъ теперь извѣстно, жрецы связывали астрологію съ медициной и ставили прогнозъ болѣзни на основаніи вида звѣзднаго неба. Связь игры нардовой съ астрономическими понятіями, связь, о которой помнили еще въ сравнительно новѣйшее время, не могла быть случайной или созданной позднѣе самой игры. Не позволительно ли, въ виду множества соприкосновеній состава разныхъ шашечныхъ игръ съ астрономическими понятіями, сдѣлать предположеніе, что самыя игры на доскѣ произошли изъ астрологіи, представляли первоначально въ рукахъ жрецовъ орудія предсказаній, гороскопическіе аппараты, и лишь позднѣе обратились въ развлеченія? Установленіе этого взгляда разрѣшило бы одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ антропологіи о происхожденіи игръ разсчета. Допустивъ эту гипотезу, мы путемъ дальнѣйшаго ея развитія, должны были бы прійти къ заключенію, что игральныя расчерченныя доски были аппаратами, на которыхъ постановкою шашекъ на-черно записывались астрономическія наблюденія надъ движеніями небесныхъ свѣтилъ, а позднѣе эти аппараты вылились въ извѣстныя формы и стали служить уже гороскопами. Такое заключеніе поддерживается существованіемъ въ древности доски—абака, служившей для вычисленій и походившей видомъ своимъ то на шашечницу нашихъ шашекъ, то на шашечницу нардовую.

Другое, неразъясненное обстоятельство,—это устройство кости. Въ своемъ переводѣ съ санскритскаго проф. Веберъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „во всѣхъ другихъ случаяхъ (кромѣ перечисленныхъ) игрокъ, для котораго кидался жребій, вѣроятно, терялъ свой ходъ“. Это замѣчаніе показываетъ неполное знакомство съ предметомъ. Дѣло въ томъ, что кости древнѣйшаго образца были не всегда кубическими, а очень часто продолговатыми, и нумеровались не со всѣхъ шести сторонъ, какъ это было позднѣе, а лишь съ четырехъ. Такъ, въ древнемъ Римѣ, при метаніи костей для избранія главы пиршества, употребляли еще кости старой формы, изъ коихъ на каждой было четыре цифры 1, 3, 4 и 6, числа же 2 и 5 *были пропущены*. На кости индійской были пропущены числа 1 и 6. Въ римской скриптулѣ употреблялись кубическія кости съ числами со всѣхъ сторонъ, и это обстоятельство при упоминаніи о костяхъ въ этой игрѣ подробно указывалось: tessera bis seno (съ шести сторонъ) numeratur. Линде, оставляя замѣчаніе Вебера безъ разбора, поступается въ данномъ случаѣ истиной. Онъ не могъ не знать устройства древней кости. Она указана въ теоріи Форбса, который замѣчаетъ, что эти кости *и до сего времени не вышли въ Индіи изъ употребленія*. Само происхожденіе рисунка доски, число ея клѣтокъ, лежитъ въ четыреугольной и четырехсторонней кости: какъ уже было замѣчено число 64 считалось въ Индіи мистическимъ, происшедшимъ отъ 4, дважды помноженнаго на самого себя.

„Въ классическомъ мірѣ, говоритъ Э. Б. Тейлоръ, дѣвочки играли въ астрологи (бабки), встряхивая ихъ и бросая рукою; и до сихъ поръ въ Англіи можно видѣть дѣвочекъ за этимъ древнимъ занятіемъ... бабки падаютъ на четыре стороны; такимъ образомъ онѣ составляютъ видъ настоящей игры въ кости. Въ Индіи природа производитъ пятисторонній орѣхъ, соотвѣтствующій какъ разъ игрѣ въ кости. Разумѣется, если всѣ четыре стороны одинаковы, то онѣ должны быть сосчитаны или занумерованы, какъ четырехъ-сторонняя индійская шашка". Бекъ де Фукьеръ (l. c. 309—310) указываетъ, что въ египетскихъ коллекціяхъ Лувра можно видѣть пирамидальныя кости, каждая изъ четырехъ сторонъ которыхъ представляетъ треугольникъ. Онъ утверждаетъ, что ни греки, ни римляне не знали этихъ костей, что у нихъ онѣ всегда были кубическими, и онъ соединяетъ латинскій терминъ костей съ формой стороны куба, но этого никакъ нельзя признать вѣрнымъ. Латинское названіе tessera, происходящее очевидно отъ греческаго tessares, tettares, одного корня съ русскимъ *четыре* (санскритск. чатуръ) говоритъ за то, что въ древнѣйшее время у римлянъ кость была четырехстороннею, а обычай употреблять (хотя и кубическія) кости, помѣченныя лишь съ *четырехъ* сторонъ, подтверждаетъ вѣрность нашего вывода. Греческое же слово кюбосъ, давшее происхожденіе слову *кубъ* (и производнымъ отъ него), указываетъ, что шестисторонняя кость появилась въ Европѣ черезъ Грецію, и языкъ европейскихъ народовъ запомнилъ это обстоятельство.

Слишкомъ не вѣроятно, чтобы двойная, болѣе или менѣе сложная, игра разсчета превратилась въ четверную съ уничтоженіемъ одной фигуры, со введеніемъ костей и болѣе логичныхъ правилъ о движеніи и превращеніи пѣшекъ. Если ужъ искать опоры въ „психологической невозможности", то это именно здѣсь, въ недопустимости предположить, чтобы болѣе разработанное и сложное превратилось бы въ первобытное, разсчетъ въ жребій, а не наоборотъ, какъ дѣлаетъ Линде. Происхожденіе игръ на доскѣ ставитъ пока втупикъ всѣхъ антропологовъ, но все же мнѣніе, что скорѣе шашки произошли изъ костей, должно поставить основнымъ.

Первоначально, ранѣе еще появленія четырехсторонней кости, жребій метался простыми двухсторонними предметами, могъ отвѣчать только да или нѣтъ, какъ въ нашей „орлянкѣ", которая, несмотря на новизну своего названія, относится къ самой древнѣйшей формѣ игры. Позднѣе это усложнилось бросаніемъ одновременно нѣсколькихъ простыхъ жребіевъ, чтобы сосчитать потомъ, сколько изъ нихъ упало на лицо и сколько на изнанку. Народы, говорящіе арабскими нарѣчіями, по свидѣтельству Э. Б. Тейлора, и по сіе время играютъ на Востокѣ въ нардъ, употребляя, вмѣсто нумерованныхъ костей, четыре пальмовыхъ шашки, въ которыхъ одна сторона черная, другая бѣлая.

Линде въ своихъ работахъ по исторіи шахматной игры остался узкимъ поклонникомъ шахматъ, гораздо болѣе шахматистомъ, чѣмъ ученымъ. Онъ слегка касался другихъ игръ, но не поже-

лалъ ни подробнѣе изучить ихъ, ни привлечь ихъ для выясненія игры шахматной, несомнѣнно составляющей развитіе игры шашечной. Указанная нами игра падчизи, одна изъ древнѣйшихъ игръ Индіи (которую надо подозрѣвать всюду, гдѣ въ санскритскихъ текстахъ идетъ рѣчь о костяхъ, какъ игру шашечную кюбейю въ греческихъ текстахъ о кости [253]), нѣсколько освѣщаетъ этотъ вопросъ; въ ней есть родственная черта съ шахматною игрою: цѣль игры нападеніе на неподвижную *клѣтку* доски, которую надо окружить; въ шахматахъ эта идея измѣнилась во взятіе подвижной шашки царя, превратившейся позднѣе въ идею мата, уже только въ окруженіе его.

Третье, не менѣе важное, обстоятельство состоитъ въ отсутствіи въ четверной игрѣ ферзя. Какъ могла эта шашка появиться въ Индіи? Прежняя теорія давала на это простой и ясный отвѣтъ:—это произошло потому, что индійская игра перешла въ Персію, была передѣлана здѣсь окончательно въ двойную и въ этомъ новомъ видѣ появилась вновь въ Индіи. Утвержденія Линде спутали дѣло до такой степени, что его нельзя стало понять.

Четвертое обстоятельство, которое должно было привлечь вниманіе, состоитъ въ томъ, что въ четверной индійской игрѣ [254]) царь не представлялъ изъ себя той особенности, которою онъ отличается въ игрѣ двойной. Непріятельскій царь могъ быть взятъ, онъ очевидно могъ долго находиться подъ шахомъ, пѣшка могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться въ царя, такъ что на доскѣ ихъ становилось уже не четыре, а пять. И это вполнѣ понятно, такъ какъ составляетъ прямое послѣдствіе ходовъ шашекъ, простое и логическое развитіе законовъ игръ безъ всякихъ особыхъ тонкостей, какъ и должно быть въ игрѣ болѣе древняго типа. Въ игрѣ же двойной явилась идея неприкосновенности царя, окончаніе игры ходомъ раньше его взятія. Нельзя сомнѣваться въ происхожденіи этой идеи: она была персидскою. „Если въ Индіи, говоритъ А. Стойковичъ [255]), раздробленной съиздавна на нѣсколько государствъ, вели войну короли союзные противъ другихъ союзныхъ же, то понятно, что въ единовластной Персіи этотъ элементъ союзничества долженствовалъ быть отброшенъ, какъ лишній и въ дѣйствительной войнѣ, и въ ея подобіи шахматахъ; четыре рати ихъ должны были слиться въ двѣ, и второй король

[253]) Линде касается подобной игры и приводитъ (I, 80) доску для нея изъ Гайда, но по обыкновенію разрѣшаетъ вопросъ самымъ нелѣпымъ образомъ, утверждая, что это позднѣйшее видоизмѣненіе шахматной игры.—Эта игра у Гайда именуется *Чупуръ* (II, 68, De Indorum ludo Tchûpur), а Линде называетъ ее Чаупуръ (Tschaupurspiel).

[254]) Правила ея къ сожалѣнію плохо разработаны въ европейской литературѣ. Изъ переводовъ съ санскритскаго ихъ почти нельзя понять, а тѣ, по коимъ она разыгрывалась въ Индіи въ XVIII столѣтіи, (вѣроятно разыгрывается и теперь), описаны глухо и невразумительно, такъ что по нимъ нельзя разрѣшить многихъ интересныхъ вопросовъ, но и при этомъ плохомъ изложеніи все же видно, что дѣйствительныя правила ея должны говорить за древность игры четверной.

[255]) „Отечест. Зап." 1853 г., т. 89, VII, 8.

каждаго войска замѣниться его визиремъ (по персидски ферзь), который по духу персидскаго правленія былъ во всемъ тождественъ съ остальнымъ королемъ, кромѣ титула и значенія въ минуту *шахъ и мата*“ [256]).

Въ пятыхъ, само санскритское названіе игры говоритъ объ отсутствіи первоначально въ Индіи ферзя. Мы говоримъ не о новѣйшемъ видѣ „чатурраджа“, а о словѣ болѣе старомъ „чатуранга“, которое часто употребляется въ различныхъ индійскихъ рукописяхъ „то какъ прилагательное къ слову баля (войско), то какъ существительное женскаго или средняго рода въ смыслѣ войска, состоящаго изъ четырехъ частей“. Въ этомъ словѣ, говорятъ знатоки санскритскаго языка, анга значитъ: членъ, составъ, часть и пр., а чатуръ есть четвертое въ ряду санскритскихъ числительныхъ именъ [257]), и слѣдовательно названіе игры свидѣтельствуетъ объ арміи, заключающей въ себѣ *четыре рода войскъ:* пѣхота, конница, слоны и флотъ. Здѣсь нѣтъ никакого намека на ферзя въ первоначальномъ составѣ войска.

Всѣ эти соображенія заставляютъ признать, что древнѣйшею формою шахматъ была игра четверная, какъ это думалъ Гайрамъ Коксъ, мнѣніе котораго, до появленія сочиненія Линде, было принято всѣми и, благодаря „Исторіи шахматной игры“ Дункана Форбса, вошло во многія шахматныя изданія.

Нельзя обойти молчаніемъ, что самая разстановка въ четверной игрѣ очень сомнительна*). Джонсъ, первый сообщившій объ этой игрѣ, со словъ ученаго индійца Радаканты, писалъ, что „двѣ союзныя арміи сражаются съ каждой стороны“. Санскритское мѣсто объ этой игрѣ, въ переводѣ проф. Вебера, не даетъ никакого намека на разстановку врозь по четыремъ угламъ. Тамъ говорится: „Восемь полей начерти по порядку направо, поставь впереди красное войско, направо зеленое, внизу желтое, налѣво черное. Влѣво отъ царя поставь слона, потомъ коня, потомъ ладью; впереди поставь четырехъ пѣхотныхъ воиновъ. Въ углу стоитъ

[256]) Неприкосновенность царя, невозможность оставаться ему подъ шахомъ и совершенная недопустимость ходить имъ подъ шахъ, принадлежитъ, конечно, къ очень сложнымъ идеямъ, не мыслимымъ въ игрѣ первобытной. Игра кончается, какъ остроумно замѣтилъ М. К. Гоняевъ, *ходомъ раньше,* чѣмъ взять царь; предполагается, что онъ не можетъ избѣжать этой гибели, и дѣйствительно при объявленіи мата, при обязанности устранять шахъ, взятіе главной шашки неизбѣжно, но не то въ срединѣ игры, гдѣ нападеніе, шахованье, можетъ быть произведено такъ, что шахующая фигура *не въ состояніи взять* царя, такъ какъ откроетъ этимъ подъ шахъ *своего* царя; въ рѣдкихъ искусственныхъ случаяхъ можно придумать и такой матъ. Но почему подъ шахъ такой фигуры, которая не въ состояніи сама сдвинуться, не можетъ пойти непріятельскій царь? Разработка правила до такой тонкости указываетъ уже на большую цивилизацію, на сложный типъ игры, а не на первобытность ея.

[257]) Стойковичъ приводитъ ихъ въ формѣ *эка, двоя, троя, чатуръ,* теперь, ихъ читаютъ *эка, двалъ, трайясъ, чатуарасъ, панча* и т. д.

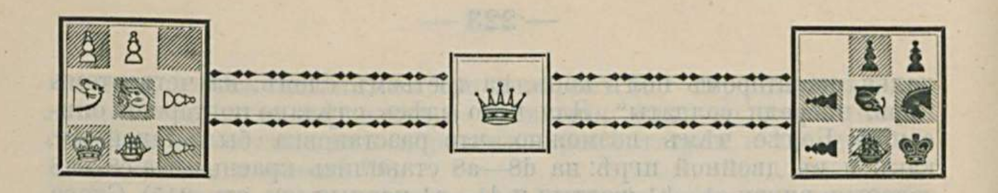
*) При ней (стр. 184) нельзя понять правила, что пѣшка превращалась въ фигуру, мѣста коей достигла, ибо пѣшки, стоящія передъ царями и слонами, въ восьмомъ ряду достигали мѣстъ, ничѣмъ первоначально не занятыхъ.

ладья, на второмъ полѣ конь, на третьемъ слонъ, на четвертомъ царь, впереди солдаты“. Для чего здѣсь сдѣлано повтореніе описанія? Болѣе чѣмъ возможно, что разстановка была такой же, какъ и въ двойной игрѣ: на d8—a8 ставились красныя, на e8—h8 зеленыя; внизу e1—h1 желтыя и d1—a1 черныя (см. стр. 215). Слова „влѣво отъ царя“ относятся лишь къ партіи красной; затѣмъ описывается поставка всѣхъ прочихъ цвѣтовъ. То обстоятельство, что союзники сидѣли другъ противъ друга ни откуда не слѣдуетъ. Это лишь мнѣніе изслѣдователей [258]), союзники могли сидѣть и рядомъ, а ходы шли перекрестно, какъ въ четверной шахматной игрѣ новѣйшаго времени на двухъ доскахъ, т. е. первымъ ходилъ, положимъ красный, за нимъ его противникъ желтый, затѣмъ зеленый, и наконецъ черный. Въ описаніи встрѣчается совѣтъ: если можно двухъ (непріятельскихъ) слоновъ получить, то бей находящагося на лѣвой сторонѣ“. Изъ этого, признаваемаго неяснымъ, мѣста выводили, что порядокъ ходовъ (при угловой разстановкѣ) шелъ влѣво, и что поэтому лѣвый слонъ, какъ самая сильная фигура (онъ ходилъ, какъ наша ладья) былъ наиболѣе опаснымъ; такое пониманіе остается и при разстановкѣ, предположенной нами, ибо когда красный возьметъ лѣваго желтаго слона, защищеннаго чернымъ, то если желтому не удастся взять краснаго, зеленый въ свой чередъ можетъ загородить его отъ нападенія чернаго, и игра краснаго усилится, тогда какъ взявъ слона праваго, т. е. чернаго, можно потерять своего, ибо желтый въ слѣдующій свой ходъ вѣроятнѣе можетъ его взять.— При такой разстановкѣ гораздо понятнѣе превращеніе игры четверной въ двойную. Было ли оно древнѣйшимъ, сказать трудно, *но во всякомъ случаѣ переходная стадія игры была такова.* Описаніе игры двойной также очень темно и мало понятно, но въ немъ встрѣчаются слова, которыя (по мнѣнію проф. Вебера) составляютъ искаженія словъ персидскихъ (*дурокаса*, вмѣсто ду—рока—шахъ и *катиса* вмѣсто катъ—и—шахъ) и находится прямой намекъ на игру четверную: „Это въ двойномъ боевомъ порядкѣ поставленное войско“... [259]) Кромѣ того вмѣсто нашего слона здѣсь верблюдъ, а въ углу на мѣстѣ ладьи стоитъ слонъ, ходящій какъ древняя ладья, т. е. „колесница“ вовсе не упоминается. Наконецъ въ рукописи „Чатурангавинода“, которая принадлежитъ, какъ думаютъ, лишь XVIII столѣтію, хотя и встрѣчается колесница, но она, играя, не проявляетъ той силы, какая ей приличествовала бы, какъ могучей боевой машинѣ (превратившейся современемъ въ многоэтажную башню на колесахъ), и ходитъ такъ же, какъ древняя ладья, т. е. на третью отъ себя клѣтку. Такимъ образомъ доводы Линде надо признать совершенно неудачными.

---

[258]) А. Н. Грачевскій („Шахм. Лист.“ 1879 г., стр. 36) пишетъ, что это есть мнѣніе Линде. Это не вѣрно. Такъ же думали и до него. См., напр., шахматн. руководства Гр. Бастеро и переводъ учебн. Гебелера.

[259]) Въ нѣмецкомъ переводѣ у Линде мѣсто это (I, 124) очень непонятно: Dieses in doppelter Schlachtordnung aufgestellte Heer, welches die Tödtung des Feindes (eben) ˛gemäss der (regulären) in der gewöhnlichen Schlachtordnung vollziet, welches in zweifacher, dreifucher Weise ausgerüstet (?) ist heisst, *durokhaça.*

XXIII.

Превращеніе четверной игры въ двойную не представляетъ чего-либо невозможнаго или даже исключительнаго. Коль скоро чатуранга превратилась въ игру, она естественно должна была подпасть вліянію другихъ шашечныхъ игръ, которыя разыгрывались большею частію между двумя лицами. Это было тѣмъ понятнѣе, что самый способъ разыгрыванія чатураджи былъ уже отчасти *двойнымъ*, ибо борьбу вели не четверо между собою, а *двѣ союзныхъ* арміи, противъ *двухъ другихъ союзныхъ же*. Описанія двойной игры даютъ основанія предполагать, что та разстановка по угламъ, которую дали ей Джонсъ и его послѣдователи, либо относится ко временамъ наиболѣе отдаленнымъ, либо не вѣрна *); по всѣмъ вѣроятіямъ, сохраняя еще и кость, и четверную форму разыгрыванія, она вскорѣ же, т. е. также очень давно, пріобрѣла разстановку игры двойной, и союзныя арміи помѣстились совершенно рядомъ, а возможно, что онѣ и всегда стояли рядомъ. Предположеніе (или современное разыгрываніе на религіозныхъ торжествахъ), что союзники сидѣли не рядомъ, а напротивъ (какъ въ современныхъ четверныхъ играхъ съ прибавочными къ шахматницѣ полями), какъ уже мы выяснили, *сомнительно;* если раскрасить доску, то мы ясно увидимъ, что однѣ союзныя ладьи стояли въ одномъ порядкѣ полей, а другія въ другомъ, т. е. не соблюдена была даже внѣшняя симметрія; скорѣе и вѣроятнѣе, что и въ наиболѣе первобытной установкѣ союзниками были сосѣди, какъ это бываетъ и въ дѣйствительной войнѣ, которую изображала древнѣйшая игра. „Время происхожденія этой четверной игры лежитъ еще во мракѣ, писалъ Линде раньше (когда онъ не считалъ еще нужнымъ идти въ разрѣзъ съ общимъ убѣжденіемъ), но кажется, что индійская шахматная игра съ костью около VI столѣтія христіанской эры уже прошла и окончила свой періодъ развитія въ средневѣковую игру вдвоемъ

*) Она имѣла и иную разстановку. Такъ, Линде (въ Quellenstudien, 260) приводитъ: Ца1, Ка2, Сb2, Лb1, пѣшки а3, b3 по направленію къ а4 и b4 и пѣшки с1, с2 по направленію къ d2 и d1. См. заставку, гдѣ приведены углы съ а1 и съ h1.—См. еще примѣч. 247-е.

Сколько времени она на это употребила, древнѣе ли она нашего лѣтосчисленія, или современна ему, мы не знаемъ, но она не можетъ восходить ранѣе II столѣтія до Рождества Христова“ [260]).

Полагаютъ, что ферзь двойной игры образовался вслѣдствіе соединенія двухъ союзныхъ армій въ одну, при чемъ одинъ изъ царей оказывался покореннымъ и превращеннымъ въ ферзя. Не знаю, кто первый высказалъ эту мысль, но она была подхвачена и постоянно потомъ повторялась. Съ ней не возможно согласиться, ибо она ни чѣмъ не подтверждается. Ни арабско-персидское названіе ферзя. ни санскритское „мантринъ“ (совѣтникъ, мудрецъ) не даютъ для этого поводовъ.

Слово „ферзь“ есть арабскій терминъ для означенія шахматной фигуры, происшедшій изъ персидскаго языка. Онъ перешелъ къ русскимъ, и его не забывали нѣкоторое время даже въ Западной Европѣ. Такъ, у Іоанна Вельскаго, о которомъ мы ранѣе упоминали (1260 г.), встрѣчается: regina sive domina, quae dicitur ferse. И. Т. Савенковъ (стр. 105) съ краткою ссылкою на Линде, между прочимъ, указываетъ на мнѣніе Г. Зелесковича, что Pherz (*Ѳерзь*, курьезно поясняетъ И. Т.)—не званіе визиря, но не выясняетъ ни того, считаетъ-ли онъ это мнѣніе серьезнымъ, ни того, какъ отнесся къ этому самъ Линде. Въ „Исторіи“ послѣдняго, дѣйствительно, есть мѣсто о Селесковичѣ въ примѣчаніяхъ къ наименованіямъ шашекъ, гдѣ даются различныя филологическія указанія; здѣсь Линде, между прочимъ, приводитъ выписку изъ анонимнаго нѣмецкаго перевода книги Маринелли [261]) отъ 1765 года: „Царско-королевскій восточный переводчикъ и придворный совѣтникъ, заслуженный господинъ фонъ Селесковичъ удостовѣряетъ мнѣ: ферзь не значитъ визирь, но есть свойственное одной только шахматной игрѣ слово для шахматной шашки“ [262]). Но ни Линде ни другіе шахматисты-историки не задавались даже вопросомъ о названіи ферзя. Кѣмъ-то когда-то было указано, что *ферзь* есть искаженіе или измѣненіе слова *визирь* (оно также персидское), и эта басня пошла гулять по свѣту. Ничего нѣтъ удивительнаго, что ей повѣрили, и что она укрѣпилась у шахматистовъ такъ прочно; такія ошибки возможны и случаются при изслѣдованіяхъ, но когда одинъ изъ историковъ и притомъ представляющійся знающимъ восточные языки, каковъ ванъ деръ Линде (въ своей „Исторіи“ онъ много текстовъ приводитъ восточными шрифтами), встрѣчаетъ указаніе на ошибочность обычнаго пониманія слова, притомъ указаніе со ссылкою на авторитетное лицо, и не считаетъ нужнымъ провѣрить его, представляетъ читателямъ это свѣдѣніе, между прочимъ, мелькомъ, въ такомъ видѣ, что оно и не заслуживаетъ никакого вниманія, когда это такой историкъ, который пожелалъ произвести полный

260) „Шахматн. Листокъ“ 1879 г. стр. 35,

261) *F. Marinelli.*—Il Giuoco degli scacchi fra tre. Napoli. 1722. 8-vo.—*F. Marinelli.* Das dreyseytige Schachbrett. Regensburg 1765. 8-vo.

262) „Der Kais. König. orientalische Dollmetsch und Hofkriegsrath, der verdienstvolle Herr von Seleskowicz bestättiget mir: *Pherz* heisse nicht Vezir sondern sey ein dem Schachspiel allein eigenes Wort eines Schachsteins“.—*Linde*, Gesch., II, 173.

пересмотръ трудовъ предыдущихъ изслѣдователей,—а всѣ другіе шахматисты-историки также не придаютъ этому указанію никакого значенія,—то значитъ, что къ дѣлу относятся не такъ серьезно, какъ оно того заслуживаетъ. Въ 1765 году дано было важное и интересное свѣдѣніе; его могли не замѣтить, ибо оно попало въ переводъ книги о тройной шахматной игрѣ, т. е. о такой, которой шахматисты мало интересуются, но въ 1874 году оно опубликовано у Линде, и все же ни онъ самъ и никто изъ шахматистовъ не обратилъ на него должнаго вниманія. Разсматривали рукописи арабскія и персидскія, разбирали, что̀ такое значитъ *матъ* и иные термины, но *ферзь* такъ и остался у всѣхъ *визиремъ*, и вѣроятно надолго еще останется имъ. Можно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, что И. Т. Савенковъ, который обратилъ вниманіе на это указаніе, произведетъ съ своей стороны изслѣдованіе, хотя бы такъ, какъ онъ сдѣлалъ это по отношенію къ заимствованію русскими игры съ арабско-порсидскаго востока, но и онъ, вездѣ и всюду говоря о критикѣ и провѣркѣ, не придалъ словамъ Селесковича должнаго значенія и ограничился глухимъ замѣчаніемъ,—*совершенно не вытекающимъ изъ содержанія его брошюры*,—что „на западѣ названіе ферзя дамою могло произойти отъ болѣе древней игры „въ Дама“ или, у русскихъ „въ дамки“ *).

Я произвелъ провѣрку относительно ферзя и получилъ полное подтвержденіе мнѣнія Селесковича. Профессоръ Лазаревскаго Института баронъ Штакельбергъ, извѣстный иранистъ, на мой вопросъ по этому поводу написалъ мнѣ, что „слово *ферзин*, какъ названіе *королевы* въ шахматной игрѣ (древнѣе *фарзин* или *фражин*), встрѣчается нерѣдко въ персидской поэзіи. Объ искаженіи изъ слова *визирь* (*вчир*—арм., тоже персидское) не можетъ быть и рѣчи“ [263]). Что *ферзь* относится только къ названію шахматной шашки подтвердилъ мнѣ и профессоръ Ѳ. Е. Коршъ.

Такимъ образомъ въ основѣ самаго разсужденія о древности того или иного вида шахматной игры лежало ложное положеніе, что въ игрѣ рядомъ съ фигурой *раджи*, *шаха*, *царя* находился и его ближайшій сотрудникъ—*визирь*, между тѣмъ какъ вообще визирей [264]) никогда не назначали изъ числа покоренныхъ владыкъ, точно такъ же, какъ никогда не брали побѣжденныхъ властителей въ число совѣтниковъ. Такое объясненіе ферзя было просто первымъ пришедшимъ въ голову соображеніемъ, которое затѣмъ всѣми повторялось безъ провѣрки.

Ферзь явился, конечно, вмѣсто одного изъ царей, взамѣнъ его, при окончательномъ превращеніи четверной игры въ двойную, но въ немъ не заключается идеи уменьшенія правъ царя.

---

*) Въ другихъ мѣстахъ своей статьи (7, 8, 10, 12, 13, 42, 104) И. Т. Савенковъ называетъ ферзя то королевой, то дамой; особенно интересны мнѣнія стр. 26, 31, 52 и 104.

[263]) Онъ ссылается: C. Saleman, Mittelpersische Studien въ Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'académie impériale des sciences de S-t Pétersbourg. Томъ IX, livraison 3. Петербургъ. 1887, стр. 222 и слѣд. (о ферзѣ стр. 224. § 5).

[264]) Кстати, по Энциклоп. Граната—*визирь* есть титулъ русскаго посла въ Персіи.

Если бы это было такъ, или приблизительно такъ, то это появилось бы въ иномъ устройствѣ ходовъ ферзя [265]).

---

[265]) I. Котцъ въ чрезвычайно странной статьѣ своей, излагающей новую гипотезу о происхожденіи игры (въ послѣднемъ изданіи Handbuch'а Бильгера 1912 г.), держится, очевидно, того мнѣнія, что шахматная чатуранга всегда была игрою двойною и всегда заключала въ числѣ своихъ фигуръ ферзя. Онъ, какъ и многіе, полагается въ этомъ на Линде. Подобная вѣра сама по себѣ, конечно, очень мало доказательна, но съ своей стороны I. Котцъ высказываетъ такія сужденія, которыя обнаруживаютъ его полное незнакомство съ исторіею игры и историческими доказательствами. Напримѣръ, онъ говоритъ, что царь, какъ наиболѣе могущественное лицо въ жизни, долженъ былъ и въ игрѣ получить наибольшую власть. „Вѣрный совѣтникъ рядомъ съ нимъ получаетъ половину его власти. Если бы изобрѣтатель исходилъ изъ доски въ 9×9=81 клѣтку, то онъ, вѣроятно, помѣстилъ бы по совѣтнику съ каждой стороны короля, и одному даровалъ бы право ходить прямо, а другому вкось". Но это предположеніе ничѣмъ не можетъ быть подтверждено: въ игрѣ китайской какъ разъ два ферзя, но ходы они имѣютъ *одинаковые*. Въ игрѣ японской съ 81 клѣткой, также нѣтъ разныхъ ферзей съ разныхъ сторонъ. „Мы знаемъ,— говоритъ I. Котцъ,—что изобрѣтатель крѣпко держался за доску въ 8×8 клѣтокъ и избралъ для ферзя ходъ косой. Что пѣхотинцы должны ходить прямо и шагъ за шагомъ,—это само собой понятно, а то что они могутъ бить вкось, это едва ли происходило при первородномъ ихъ состояніи (Dass sie aber schräg zu schlagen haben, wird schwerlich auf den ersten Wurfzustande gekommen sein)". Почему *едва ли* остается неизвѣстнымъ. Мнѣніе Мöррея о происхожденіи идеи мата (что въ восточныхъ битвахъ смерть короля означала пораженіе) I. Котцъ считаетъ „ученою натяжкою, если бы даже его можно было подтвердить полдюжиной битвъ. Если возможно показать изъ натуры возстановленой игры, что потеря короля обозначаетъ то же, что и потеря партіи...—предпочтительно другое доказательство, ибо мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній, сколько могъ знать невѣдомый изобрѣтатель игры о битвахъ своей родины или сосѣднихъ странъ, и даже не знаемъ, долженъ ли онъ былъ знать хотя бы даже объ одной изъ такихъ битвъ". Понимаете ли, читатель, авторъ въ исторической гипотезѣ говоритъ съ вами, какъ капризный учитель съ учениками самыхъ младшихъ классовъ, покрикивая на нихъ и твердостью своихъ утвержденій замѣняя логику. Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что былъ невѣдомый изобрѣтатель, и что изъ того устройства игры, которое придумано за него г. Котцемъ, можно узнать мысли и намѣренія этого изобрѣтателя, а, во-вторыхъ, онъ приглашаетъ васъ повѣрить, что этотъ изобрѣтатель могъ ничего и не знать объ исходѣ битвъ, хотя придумывалъ игру, именно изображающую битвы! Невольно приходитъ на умъ мнѣніе, которое высказалъ, кажется, Г. Гейне, что „всякій человѣкъ имѣетъ право быть глупымъ, но нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ". Въ самомъ дѣлѣ, высказавъ десятка два такихъ же странныхъ доводовъ, г. I. Котцъ полагаетъ, что въ этой его „гипотезѣ удержана логика"! I. Котцъ вмѣстѣ съ Кокелькорномъ составлялъ прекрасныя шахматныя задачи, но какъ историкъ проявилъ себя споснымъ компиляторомъ, не больше. Въ собственныхъ выводахъ онъ показалъ полную несостоятельность.—Между прочимъ онъ очень жалѣетъ, что не только въ Англіи продолжаютъ держаться прежней теоріи Д. Форбса о происхожденіи шахматъ изъ четверной игры, но что и въ самой Германіи выходятъ учебники съ этою именно гипотезой, но предупреждаетъ,

Мнѣ думается, что если углубиться въ разборъ превращенія въ фигуру проведенной пѣшки, то можно будетъ выяснить происхожденіе законовъ о ходахъ древняго ферзя. Ходы эти не были вполнѣ самостоятельными, они созданы *по аналогіи съ древнѣйшими шашечными играми.*

Движенія древняго ферзя обращаютъ на себя вниманіе своею „нелогичностью“, кажутся взятыми какъ бы изъ другой игры. Въ самомъ дѣлѣ, если происхожденіе шахматъ кроется въ игрѣ въ родѣ падчизи, то четыре шашки, двигавшіяся только впередъ, представлены въ чатурангѣ пѣшками, а затѣмъ это войско было увеличено вдвое, при чемъ всѣмъ четыремъ *новымъ* шашкамъ даны были новыя права ходить болѣе, чѣмъ на одинъ ходъ, а впослѣдствіи еще и взадъ и впередъ. Ферзь представляетъ въ игрѣ пятую шашку; его ходы не выражаютъ никакой идеи по сравненію съ ярко-характерными особенностями движеній древнѣйшихъ фигуръ; царя, слона (могучаго), коня (прыгающаго), ладьи (ныряющей) и пѣшки; если бы ферзь былъ помощникомъ царя, обязаннымъ исполнять его приказанія и доносить ему о событіяхъ, то онъ долженъ былъ бы обладать и большою подвижностью, а не ходить только по *половинѣ* шахматницы. Я думаю, что прежде, чѣмъ окончательно образовался ходъ средневѣковаго ферзя, онъ обладалъ нѣсколько иными движеніями.

Если человѣку, незнакомому съ шатранджемъ и чатурангой, объяснить всѣ правила игры, кромѣ превращенія пѣшекъ, и задать потомъ вопросъ, чѣмъ дѣлается прошедшая на послѣдній рядъ пѣшка, то онъ можетъ дать три отвѣта: а) пѣшка превращается во что-либо совершенно новое; б) дѣлается пѣшкою съ расширенными правами ея хода и в) превращается въ того офицера, чьего мѣста она достигла въ восьмомъ ряду; но ему и въ голову не придетъ превращать пѣшку въ древняго ферзя, въ нѣчто среднее между пѣшкою и фигурой, въ шашку, движенія которой таковы, что отбиваютъ всякую охоту превращать въ нее пѣшку. На почвѣ одного изъ этихъ умозаключеній должны были рѣшать и ранѣе вопросъ о проведенной пѣшкѣ. Первый способъ—созданіе чего-либо самостоятельнаго, по отношенію къ ферзю, не былъ приведенъ въ исполненіе, и первоначально (какъ видно изъ сохранившагося до послѣдняго времени преданія и санскритскаго описанія) избранъ былъ третій способъ, наиболѣе простой и естественный: пѣшка обращалась въ фигуру, мѣста коей она достигала. Этотъ способъ долженъ былъ, однако, представлять нѣкоторыя неудобства, какъ по неравенству пѣшекъ и пріобрѣтенію такой фигуры, которая могла быть въ данный моментъ и не желательной, такъ и по появленію пятаго царя. Неудобства эти въ игрѣ четверной, впрочемъ, не такъ сильно проявлялись, какъ это можетъ казаться намъ теперь, но съ переходомъ игры четверной въ двойную, когда жребій былъ покинутъ, они должны были выступить довольно ярко. Помимо этого, такъ какъ сама

что новый издатель—не знаменитый шахматистъ Максъ Ланге, а другой, лишь однофамилецъ: *Max Lange.* Das Schachspiel und seine strategischen Prinzipien. Leipzig 1910.

двойная форма игры создалась несомнѣнно по аналогіи съ устройствомъ игръ шашечныхъ, эти послѣднія не могли не оказать своего вліянія на способъ превращенія пѣшки въ новую шашку; такимъ образомъ старый способъ былъ покинутъ и избранъ былъ шашечный: создать доведь, т. е. пѣшку съ расширенными правами ея хода. Соотвѣтственно этому разработка хода ферзя представится въ такомъ видѣ: доведь-ферзь должна была двигаться, какъ и пѣшка, прямо на одинъ шагъ по одной линіи отъ одного игрока къ другому, но взадъ и впередъ, бить же соотвѣтственно пѣшкѣ надлежало ей вкось, но вмѣсто двухъ сторонъ,—во всѣ четыре. Такъ какъ пѣшка, кромѣ того, пользовалась правомъ двигаться изъ дому сразу на два шага, то это-же право слѣдовало предоставить и ферзю-доведи, и какъ мы знаемъ, въ шатранджѣ древній ферзь, дѣйствительно, при своемъ *первомъ* понятномъ движеніи, т. е. изъ своего новаго *дома*, имѣлъ право дѣлать прыжокъ черезъ одну клѣтку.

Таковъ былъ бы ходъ ферзя-доведи при полномъ соотвѣтствіи его ходу пѣшки и при правильномъ развитіи этого хода. То ли мы видимъ въ ферзѣ шатранджа? Почему въ немъ сохранилось лишь кое-что изъ этого хода?

Всѣ фигуры чатураджи [266]) обладаютъ однимъ свойствомъ, противоположнымъ пѣшкѣ: ходить и бить одинаково; новый ферзь-доведь шелъ въ разрѣзъ съ этимъ направленіемъ игры, ибо ходилъ однимъ путемъ, а билъ другимъ. Ежели бы такой ферзь-доведь получался въ игрѣ всегда однимъ путемъ, подобно дамкѣ, т. е. только изъ проведенной пѣшки, то такая особенность его хода не представила бы затрудненій, и, будучи развитіемъ пѣшечныхъ правъ, она была бы способна удержаться и въ игрѣ; но помимо ферзя-доведи явилась идея, при превращеніи четверной игры въ двойную, замѣнить этою шашкою одного изъ царей, т. е. поставить ферзя въ ряду фигуръ съ самаго начала партіи. Это обстоятельство впослѣдствіи естественно потребовало согласованія хода ферзя съ прочими фигурами. Оно было достигнуто тѣмъ, что незначительное право передвиженія его лишь по одной прямой линіи, хотя взадъ и впередъ, было у него отнято, право же его бить въ четыре стороны вкось было расширено и въ право двигаться на эти клѣтки; создаваемый во время партіи, изъ пѣшки ферзь сохранилъ, однако, свое право скачка черезъ одну клѣтку, но это право также было расширено дозволеніемъ дѣлать его не только обратно по прямой линіи, но во всѣ стороны, т. е. и вкось [267]).

---

[266]) Употребляю этотъ терминъ лишь для большей ясности. На дѣлѣ чатурангой называлась именно четверная игра, и лишь позднѣе слово это стало примѣняться къ игрѣ двойной.

[267]) Въ аналогіи съ этимъ прыжкомъ надо искать и право царя дѣлать одинъ разъ въ партіи съ своего первоначальнаго мѣста прыжокъ на третью отъ себя клѣтку. Любопытно, что въ народныхъ преданіяхъ, въ различныхъ странахъ, сохранилось воспоминаніе о проведеніи въ доведи даже по отношенію къ королю. Нерѣдкость встрѣтить и теперь, среди малознающихъ игру

Гдѣ и какъ произошла перемѣна въ ходѣ древняго ферзя-доведи, сказать теперь невозможно, но нельзя не признать, что только допустивъ такую перемѣну, мы уяснимъ себѣ ходъ персидско-арабской альфереццы, ежели будемъ, конечно, исходить изъ того общаго положенія, что созданіе народныхъ игръ идетъ не путемъ каприза, а путемъ внутренняго развитія первоначальныхъ правилъ и ходовъ шашекъ.

Я нахожу нѣсколько подтвержденій своему предположенію, что первоначально альферецца была ферземъ-доведью. Это объясняетъ, почему ферзи стоятъ не строго симметрично, какъ бы имъ слѣдовало, а другъ противъ друга. Это какъ бы напоминаетъ пѣшекъ, которыя могли встрѣтиться на одной прямой. Обстоятельство, что альфереццы не могутъ воздѣйствовать другъ на друга, ходятъ въ разномъ порядкѣ клѣтокъ, указываетъ на то, что первоначальный ихъ ходъ былъ инымъ. По свидѣтельству статьи И. Т. Савенкова о шахматахъ у сойотовъ, у нихъ ферзь въ настоящее время ходитъ вкось на одну клѣтку, а по прямымъ линіямъ, какъ современная ладья (стр. 32). Это, по моему мнѣнію, одинъ изъ остатковъ древняго ферзя-доведи, ходившаго прямо лишь по одной линіи; теперь онъ получилъ у нихъ право прямого движенія съ расширеніемъ его до хода ладьи и сохранилъ право движенія вкось. Въ японскихъ шахматахъ вліяніе шашечныхъ игръ и присущее имъ свойство обращать шашки въ доведи дошло до такой степени, что тамъ почти всѣ фигуры, дойдя до перваго ряда клѣтокъ въ домѣ противника, пріобрѣтаютъ въ добавленіе къ своимъ ходамъ еще и права ферзя, а самихъ ферзей тамъ четыре; изъ нихъ два старшіе ходятъ, какъ цари, но не имѣютъ движенія назадъ по діагональнымъ линіямъ, младшіе же ходятъ подобно старшимъ, но лишены права двигаться по горизонталямъ или по прямому направленію назадъ.—Въ китайскихъ шахматахъ царь ходитъ на одинъ шагъ, какъ ладья, но вкось не ходитъ. Все это различнаго рода отраженія прежняго ферзя-доведи, исчезнувшаго окончательно на мѣстѣ. Кромѣ того, мы убѣждаемся въ существованіи указанной нами переходной формы ферзя тѣмъ, что въ средневѣковомъ шатранджѣ пѣшки, по утвержденію Линде, *всегда* обращались въ ферзя. Такое правило только и могло исходить изъ предшествующей (шашечной) формы игры; въ этой послѣдней оно могло существовать лишь подъ вліяніемъ нѣкоторой логической послѣдовательности и главное игровой выгоды. Между тѣмъ средневѣковая альферецца была шашкою крайне невыгодной, иногда даже пѣшка была лучше ея. Ясно, что альферецца была искаженіемъ первоначальнаго (исчезнувшаго теперь) ферзя-доведи, увеличеннаго въ силѣ противъ пѣшки.

Наконецъ, относительная новизна правила средневѣковаго шатранджа о превращеніи пѣшки въ ферзя и укрѣпленіе этого правила подъ вліяніемъ мѣстной шашечной игры явствуютъ изъ того, что и сейчасъ у многихъ восточныхъ народовъ законъ этотъ не привился, и пѣшки превращаются по старинному въ того офицера, мѣста коего они достигли, или же въ убитаго. Это объясняютъ нововведеніемъ („Шахм. Лист." 1879, стр. 200), но на правило надо глядѣть, какъ на остатокъ древности, указывающій на то, что въ одномъ случаѣ у однихъ народностей игра приняла развитіе въ сторону ферзя, у

(какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ), утвержденіе, что когда король дойдетъ до одной изъ клѣтокъ 8-го ряда, то играющій въ правѣ требовать себѣ у противника одну изъ взятыхъ пѣшекъ.

другихъ же пошла по прежнему пути. Такой прiемъ „этнографическаго размышленiя“ гораздо чаще оправдывается на дѣлѣ, чѣмъ голословныя утвержденiя о новизнѣ такого-то правила.

Есть, кромѣ того, одно филологическое сближенiе шахматъ съ игрою latrunculi, которое напрашивается само собою. Выше была рѣчь о латинскомъ терминѣ mandra *), которымъ именовалась та клѣтка, гдѣ простая обращалась въ доведь. Слово это, какъ говорятъ филологи, не латинское, но откуда идетъ оно, не извѣстно. Не исходитъ ли и оно, подобно корнямъ dam и gra, изъ временъ древнѣйшихъ, напримѣръ, изъ Египта? На эту мысль наводитъ индiйское названiе ферзя mantrin, совѣтникъ, мудрецъ, отъ санскритскаго mantra, совѣтъ („Шахм. Лист.“ 1879, стр. 40). Не отъ грековъ ли, воевавшихъ съ Индiей, перешелъ туда корень этого слова въ шахматы, гдѣ и превратился въ санскритское mantra? Или же mandra принадлежитъ къ тѣмъ международнымъ корнямъ, которые встрѣчаются во многихъ языкахъ? Въ языкѣ древней Индiи оно значило „совѣтъ“. Не свидѣтельствуетъ ли это, что шашка, происшедшая изъ проведенной пѣшки, получила свое названiе mantrin по той причинѣ, что добывалась въ игрѣ путемъ „совѣта, размышленiя“, или, иными словами, путемъ „чистаго разсчета“? И появленiе этого термина въ игрѣ не восходитъ ли къ тому времени, когда кости, элементъ случая, были удалены изъ игры?

Если это такъ, то mandra римлянъ и мантра индусовъ [268]) кроется въ какой-либо древней, нынѣ еще не найденной *шашечной* игрѣ, гдѣ простая проходила только въ доведь, т. е. всегда обращалась *въ одну и ту же* шашку. Такой игрой не могли быть ни падчизи, ни нардъ, ибо тамъ дамокъ нѣтъ, но это могла быть игра въ родѣ римскихъ latrunculi. Извѣстно, что теперь среди ученыхъ прошла вѣра въ безусловную древность санскрита, и въ его литературѣ (по словамъ Линде) находятъ даже влiянiе Грецiи.

---

*) См. примѣч. 163-е.

[268]) Слово *мандаринъ* есть европейское, созданное португальцами изъ санскритскаго mantra, названiе высшихъ китайскихъ чиновниковъ. Это не китайское слово. Поэтому сообщенiе англiйскаго миссiонера между монголами J. Gilmour въ его книгѣ Among the Mongols (292), что въ шахматахъ, которыя онъ наблюдалъ въ тюрьмѣ въ Калганѣ, существуетъ фигура, называющаяся „мандаринъ“, не вѣрно. См. статью H. I. R. Murray въ „Britiss Chess Madazine“ за май 1904 г. въ переводѣ, кажется, И. Т. Савенкова въ „Шахм. Об.“ 1904 г., стр. 221. Переводчикъ, впрочемъ, не замѣтилъ этой погрѣшности (см. брошюру И. Савенкова, стр. 46).

Русское слово *мудрецъ* (производное, напр., цѣломудрiе),—писавшееся по-славянски черезъ большой юсъ и выговаривавшееся, слѣдовательно, съ носовымъ звукомъ,—одного корня съ санскритскимъ *мантринъ*.

Въ нѣмецкомъ языкѣ есть счетная единица *мандель* для предметовъ, продаваемыхъ по-штучно; большой мандель содержитъ шестнадцать штукъ, а 64 штуки, т. е. четыре манделя, составляютъ новую счетную единицу копу, Schock. Быть можетъ и это не простая случайность, а имѣетъ связь съ древней римской доской и словомъ mandra?

При завоеваніи Индіи Александромъ Македонскимъ и позднѣе, греки, конечно, ознакомили индусовъ (и прочіе народы по пути туда) со своими шашечными играми, среди которыхъ былъ и прототипъ игры римской. Отсюда станетъ понятнымъ появленіе въ шатранджѣ закона о превращеніи пѣшки только въ ферзя, а не въ другую фигуру, какъ въ четверной чатурангѣ.—Что ко времени окончательнаго превращенія четверной шахматной игры въ двойную, т. е. ко времени Нуширвана или Хозроя-Великаго (531—579), когда игра перекочевала съ одной стороны въ Персію, а съ другой въ Китай (и вѣроятно въ Тибетъ),—права пѣшки не были еще вполнѣ установившимися, видно изъ того, что въ игрѣ китайской пѣшка, достигнувъ края доски, ни въ какую фигуру не обращается [269]).

Превращеніе пѣшки не въ ту фигуру, мѣста коей она достигла, а только въ ферзя, необходимо признать закономъ, явившимся подъ вліяніемъ игръ *шашечныхъ*, съ шашками *однообразной* формы; иначе законъ этотъ не понятенъ. Это же явленіе позднѣе повторилось въ Европѣ при созданіи новаго ферзя; и какъ въ словѣ mantra отразилось вліяніе шашекъ того времени, такъ въ новѣйшихъ шахматахъ заимствовано было отъ современныхъ шашекъ названіе *дамы*. Одни и тѣ же причины вызвали одни и тѣ же слѣдствія.

Такія превращенія названій какъ fers въ fierge, потомъ въ vierge, Sainte Vierge и Notre Dame, хороши только въ смыслѣ филологическаго жонглированія искусно подобранными словами, и притомъ не всѣми терминами, а лишь тѣми изъ нихъ, которые можно подогнать къ догадкѣ. Въ жизни, въ дѣйствительности, такихъ хитростей не бываетъ. По крайней мѣрѣ не возможно указать аналогичнаго примѣра такого сложнаго словопроизводства.

Если допустить, что fers въ концѣ концовъ превратилось въ dame, то какъ могло оно возвращаться назадъ, изъ французскаго vierge дѣлаться латинскимъ virgo, *дѣва*? И почему одинъ только терминъ virgo оказалъ свое вліяніе, а употребленные въ той же латинской поэмѣ прозвища другихъ шашекъ (Солнцемъ, Сатурномъ, Марсомъ и Юпитеромъ) изчезли безслѣдно?

Если придавать значеніе латинскому virgo, то оно объясняется изъ языка латинскаго значительно проще, чѣмъ изъ персидско-арабскаго нарѣчія, испорченнаго французскимъ выговоромъ; оно можетъ быть связано съ игрою древне-римскою. Ни Линде ни другіе изслѣдователи не пожелали обратить должнаго вниманія на значеніе слова virgo въ древнемъ мірѣ. Извѣстно, что Минерва называлась virgo bellica, Діана—virgo dea и просто virgo, Веста virgo saturnica. Такимъ образомъ не было бы ничего удивитель-

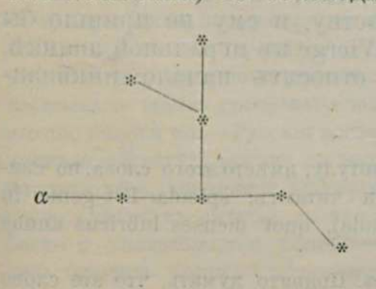
[269]) Тамъ она, перейдя рѣку, лишь расширяетъ свои права въ томъ смыслѣ, что можетъ двигаться (и бить) на одинъ шагъ, не только впередъ, но и въ бока, вправо или влѣво, но только до средней линіи крѣпости; переходить за эту линію, на другую половину доски (съ лѣвой на правую или съ правой на лѣвую)—не можетъ. Бьетъ китайская пѣшка по направленію своего хода:—прямо передъ собою. Назадъ по направленію къ своему дому пѣшка не ходитъ и не бьетъ; въ Японіи пѣшка беретъ также прямо впередъ, какъ и ходитъ.

наго, если бы въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ римской литературы, одну изъ шахматныхъ фигуръ назвали бы virgo. Но слово это, помимо своего значенія дѣвы и дѣвственности, примѣнялось еще къ названію непаханной земли, т. е. значило *новь*. При такомъ своемъ значеніи въ связи съ вышеуказанными названіями богинь, оно *напрашивалось* для означенія „шахматной новинки“, новаго ферзя, и тѣмъ болѣе въ стихотвореніи, написанномъ человѣкомъ, такъ прекрасно знавшимъ латинскій языкъ, что произведеніе его приписывали даже Овидію.

Помимо этого простого объясненія, можно сдѣлать сближеніе термина virgo и съ древне-римскою игрою, предположить, что оно появилось въ шахматахъ не настолько случайно, а подъ вліяніемъ исчезнувшаго термина игры въ latrunculi. Нельзя выдавать этого сближенія за вполнѣ вѣрное, но оно во всякомъ случаѣ достойно опубликованія и заслуживаетъ вниманія не менѣе, чѣмъ сложное производство при содѣйствіи Sainte Vierge.

При переводѣ выраженія stetit in speculis было замѣчено, что смыслъ его передается согласно переводу филологовъ: „тотъ, что стоитъ въ засадѣ“. Этотъ совершенно вѣрный съ формальной стороны переводъ даетъ поводъ предположить, не заключаетъ ли онъ въ себѣ еще другого, скрытаго смысла. Поэтически можно, конечно, въ игрѣ находить шашки, „стоящія въ засадѣ“, но вообще говоря, гдѣ въ шашечной игрѣ засады, какъ могутъ онѣ создаваться? Притомъ все стихотвореніе Басса наполнено техническими выраженіями (tabula, terga dedit, anticipes, mora, ligatus, mandra, phalanx). Не слѣдуетъ ли сдѣлать попытки поискать и здѣсь, въ выраженіи „стоять въ засадѣ“, особаго техническаго смысла, приложимаго лишь къ игрѣ?

Specula слово уменьшительное; оно можетъ происходить отъ spes, надежда, и тогда надо передавать смыслъ, что „тотъ, который исполненъ былъ лишь малыхъ надеждъ, теперь вступаетъ въ битву“.—Можетъ specula происходитъ отъ spetio, и тогда означаетъ не *засаду*, какъ переводятъ, а *сторожевой пунктъ, подзорную башню, каланчу, высокую городскую стѣну*, откуда можно видѣть вдаль. In speculis esse значитъ *быть на караулѣ, подстерегать*. И этотъ смыслъ можно подставить въ стихъ: „тотъ, что стоялъ на караулѣ, теперь и т. д.“—Но есть еще одно слово, которое, будучи существительнымъ, имѣетъ, однако, всѣ три рода: spicus, spica, spicum, что значитъ *колосъ*. Этимъ словомъ означали звѣзду α (первой величины) въ созвѣздіи Дѣвы, которое называлось virgo. Оно имѣетъ въ своемъ основаніи четыре звѣзды по одной *прямой* линіи. Не соотвѣтствовало ли оно бортовымъ клѣткамъ доски a1, c1, e1, g1, (и h2), чрезвычайно важнымъ для прохода простыхъ въ дамки? М. Т. Варронъ пишетъ про звѣзду *колосъ:* spica, quam rustici vocant (которую деревенскіе зовутъ) specam. Легко статься можетъ, что въ стихотвореніи Басса выраженіе

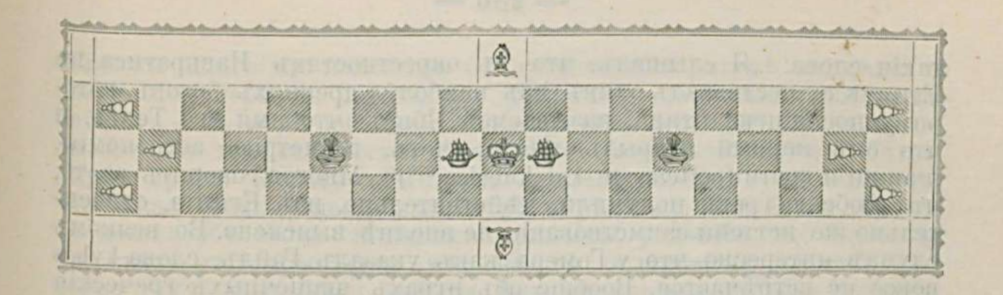
stare in speculis заключаетъ игру словъ: съ одной стороны оно можетъ быть понимаемо въ смыслѣ собственнаго огражденія, пребыванія на стражѣ, или въ засадѣ, съ другой—можетъ относиться къ техническому выраженію и означать клѣтки перваго ряда, которыя на игорномъ языкѣ получили уменьшительное названіе speculae, вмѣсто specae; быть можетъ, что названіе это относилось не ко всѣмъ клѣткамъ, а лишь къ двумъ крайнимъ (a1 и g1, или a1 и h2), такъ какъ spiculum значило еще *кончикъ, остріе* [270]).

Терминъ шахматной „дамы“ и названіе новой игры „по дамковому“, alla dama, вполнѣ разъяснены народнымъ названіемъ латинской игры шашечной. Позволительно будетъ сдѣлать сближеніе съ древнею игрою и въ терминѣ virgo, который примѣняли къ ферзю. Въ самомъ дѣлѣ, если, specula означала клѣтки a1 и g1 (h2), а весь ближній къ себѣ рядъ клѣтокъ назывался virgo, то ферзь, занимая въ шахматахъ клѣтки d1 и d8, находился именно на томъ мѣстѣ созвѣздія, гдѣ оно развѣтвляется, и такимъ образомъ терминъ virgo напоминалъ техническій терминъ латинской игры. Такъ ли это? Не будетъ ли это принято за натяжку? Я ничуть не намѣренъ въ данномъ случаѣ настаивать на правильности своей догадки; я хочу указать только, что если здѣсь произошло случайное совпаденіе въ терминахъ, то оно все же интересно и заслуживаетъ упоминанія. Если же такого термина въ игрѣ римской не было, то указанное сближеніе можетъ служить поучительнымъ примѣромъ, какія сложныя толкованія можно создавать при желаніи найти зависимость между сходными словами и означаемыми ими предметами. Какъ, однако, ни мало доказательно наше сближеніе (ибо, повторимъ, мы не знаемъ, существовалъ ли *игровой* терминъ virgo, хотя второй смыслъ словъ mandra fracta существованіе его и позволяетъ подозрѣвать), все же производство это предполагаетъ заимствованіе термина *одной игрой у другой*, что вполнѣ возможно и въ дѣйствительности. Но производство fers въ dame можетъ служить классическимъ образцомъ злоупотребленія филологіей и искаженія здраваго смысла, торжествомъ формальныхъ предположеній надъ истинными. То обстоятельство, что такому производству вѣрили, находили его возможнымъ и повторяли въ исторіи игры, надо объяснить только слишкомъ большимъ преклоненіемъ передъ ученостью филологовъ и нежеланіемъ читателей вдуматься въ объясненіе, ибо хотя европейское населеніе и ранѣе и теперь осталось въ душѣ глубоко языческимъ, все-таки въ немъ было внѣшнее почтеніе къ христіанству, и ему не пришло бы въ голову примѣнять терминъ Sainte Vierge къ игральной шашкѣ, да еще въ тѣ времена, къ которымъ относятъ начало инквизиціи (1204 г. [271]).

---

270) Въ одномъ текстѣ, описывающемъ скриптулу, вмѣсто этого слова, по свидѣтельству Гайда (II, 6), нѣкоторые филологи читаютъ: spicula: Est genus in totidem tenui ratione redactum, spicula (scriptula), quot menses lubricus annus habet. (Ov.. a. a., l. III).

271) Здѣсь сдѣлаю замѣчаніе о словѣ *матъ*. Принято думать, что это слово

XXIV.

Подводя итоги нашимъ изысканіямъ относительно происхожденія шашекъ и древности игръ нарда и шахматъ, мы должны сказать: Игра latrunculi была въ самомъ Римѣ игрою древнѣйшею, происхожденіе коей не было извѣстно. Въ древней Греціи,—по текстамъ значительно болѣе раннимъ, чѣмъ описывающіе игру латинскую,—мы встрѣчаемъ игру петтейю и пессейю. Характеръ ея разыгрыванія (безъ костей) и цѣль игры (отобрать шашки противника, стѣснить ихъ такъ, чтобы онѣ не имѣли хода, не знали куда ступить), показываютъ, что она или была одинакова съ игрою римскою или была ея прототипомъ, разыгрывавшимся по тѣмъ же правиламъ, но на иной доскѣ, и можетъ быть при иномъ числѣ шашекъ. Въ самой Греціи петтейя считалась игрою старинною, но иногда и ей приписывали не мѣстное происхожденіе. Такъ, Платонъ въ Федрѣ (Ed. Bekker, I, 96) влагаетъ Сократу

арабское, но Линде въ Quellenstudien увѣряетъ, что это ошибка, что слово это персидское. На самомъ дѣлѣ, при лучшихъ филологическихъ изысканіяхъ, и это слово, по моему мнѣнію, окажется такимъ же международнымъ, какъ dama, mandra, tavola, a bacus. Тѣ или иныя значенія, которыя придаютъ этимъ словамъ народы, интересны, какъ этнографическій матеріалъ, но не могутъ быть положены въ основаніе, пока не установлена древность какого либо пониманія. Не удивительно, поэтому, что по арабски *матъ* значитъ *онъ умеръ*, а по персидски *возбужденный* или *изумленный, удивленный*. Адамъ Олеарій (1633, 1636, 1639) передавалъ, напримѣръ, въ своемъ описаніи путешествія по Персіи, что „четрепжъ“ значитъ по персидски „сто заботъ“.—При сужденіи о словѣ *матъ* не надо упускать изъ вида санскритскаго *падматамъ*, персидскаго mâo (побѣжденный) латинскаго *matta*, греческаго masso или matto, русскаго мотаюсь (греческое *ματάω, μάτη*) и т. п.—Русскія пословицы „дожили до мâту: ни хлѣба про голодъ, ни дровъ про хату“, „дожили до матỳ, что ни вина, ни табаку“ указываютъ также на свободное обращеніе русскаго народа съ шахматными терминами, и самое слово „матъ“ въ смыслѣ окончательной гибели въ народѣ понимается однообразно и употребляется постоянно, хотя теперь шахматъ онъ не знаетъ; „кричать благимъ матомъ“, вѣроятно, взято также изъ шахматъ.

такія слова: „Я слышалъ, что въ окрестностяхъ Навкратиса въ Египтѣ существовалъ одинъ изъ наиболѣе древнихъ боговъ, которому посвящена птица, называемая Ибисъ; что имя его Тевтъ, и что онъ первый открылъ числа, счетъ, геометрію, астрономію, шашки и кости (petteias te kai kubeias [272])“. Многое говоритъ за то, что кюбейю греки получили, дѣйствительно, изъ Египта, относительно же петтейи заимствованіе не вполнѣ выяснено. Во всякомъ случаѣ интересно, что у Гомера, какъ указалъ Гайдъ, слова kybos вовсе не встрѣчается. Вообще объ играхъ шашечныхъ греческія свидѣтельства говорятъ мало и недостаточно. Изъ нихъ видно только, что игръ шашечныхъ, основанныхъ на чистомъ разсчетѣ, было нѣсколько, что были игры облавныя и съ движеніями шашекъ, что ходили шашки то по клѣткамъ (horai), то по линіямъ.

Снимки съ одной древне-греческой доски изъ словаря Daremberg'a приведены выше на стр. 71 и 101. Доска содержитъ въ одну сторону семь линій, въ другую—восемь. Это, по моему мнѣнію, крайне сомнительно и указываетъ на плохую кустарную работу, равно какъ и безпорядочное расположеніе шашекъ. Въ дѣйствительности доска, разумѣется, была квадратною, подобно шашечницѣ игры въ latrunculi и шахматницѣ индійской, но имѣла ли она только семь линій въ каждую сторону, или по восьми, рѣшить по этой статуэткѣ нельзя. Можно лишь по аналогіи съ шахматами и шашками говорить о восьми линіяхъ. Одно только не сомнѣнно, что игра велась по линіямъ и пересѣченіямъ ихъ, а не по клѣткамъ; на это указываютъ какъ расположеніе большинства шашекъ, такъ и въ особенности продолженіе линій до самаго борта доски. Самое интересное въ статуэткѣ—это форма шашекъ; онѣ сдѣланы круглыми и плоскими, подобно современнымъ нашимъ. Такимъ образомъ обычай дѣлать такія шашки въ Европѣ восходитъ ко временамъ глубокой древности, а не заимствованъ въ относительно новѣйшее время изъ Китая [273]).

Петтейя, какъ можно догадываться, была въ древнемъ Римѣ перенесена на раскрашеннную шашечницу въ шестьдесятъ четыре клѣтки, съ исключеніемъ изъ игры половины полей. Я полагаю, что latrunculi и прототипъ ихъ петтейя были не только игрою очень древнею, но что игра эта была *мѣстною европейскою* игрою, или такою египетскою, которая была тамъ забыта окончательно.

Къ такому заключенію я прихожу по тому, что въ то время,

---

272) Это мѣсто, по моему мнѣнію, не оставляетъ сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь о двухъ разныхъ играхъ петтейѣ и кюбейѣ, но оно можетъ дать поводъ невѣрно толковать его, принимать послѣднее слово лишь за дополненіе къ предыдущимъ „шашки съ костями“.

273) Здѣсь эта форма заняла настолько прочное мѣсто, что шашки въ китайской шахматной игрѣ даже размѣромъ одинаковы, круглыя и плоскія; въ игрѣ онѣ различаются по іероглифамъ, изображеннымъ на верхней части доски и означающимъ названіе шашекъ. Изрѣдка и у насъ встрѣчаются въ продажѣ такія шашки, но ихъ мало, и очевидно, что играющіе предпочитаютъ точеныя фигурки, хотя послѣднія менѣе удобны, не могутъ служить для игры въ простыя шашки и часто неустойчивы. У насъ на верхней части шашекъ, конечно, не іероглифы, а тѣ рисунки, которые употребляются въ діаграммахъ.

какъ въ нардѣ мы находимъ въ древней литературѣ свѣдѣнія о связи этой игры съ понятіями древнихъ о движеніи небесныхъ свѣтилъ,—въ игрѣ latrunculi о такой связи извѣстій до насъ не дошло: она представляется уже только какъ изображеніе битвы двухъ армій. Между тѣмъ есть не мало поводовъ подозрѣвать, что такая связь существовала и въ игрѣ шашечной. Если до насъ не дошло объ этомъ никакихъ прямыхъ указаній, это значитъ, что связь эта забывалась уже въ тѣ отдаленныя времена (подобно тому, какъ были забыты пирамидальныя четырестороннія кости); это запамятованіе даетъ намъ основаніе сказать, что latrunculi, или все равно шашки, были въ *Европѣ* игрою значительно *болѣе древнею, чѣмъ нардъ.*

Выше, при объясненіи игры словъ въ текстѣ bellator, замѣчено было, что словомъ equus означалось также созвѣздіе Пегаса. Оно по словарю Кронеберга имѣло 23 звѣзды, т. е. приближалось къ общему числу шашекъ. Въ настоящее время учатъ, что всего въ немъ 178 звѣздъ *(Гейсъ)*, но замѣтныхъ, болѣе бросающихся въ глаза, въ немъ 12 звѣздъ (*Клейнъ*, Астроном. вечера. Спб. 1898), т. е. столько же, сколько у одного игрока шашекъ. Созвѣздіе Пегаса находится вблизи отъ созвѣздія Козерога почти на прямой линіи къ Близнецамъ (Gemini). Имѣло ли это какое нибудь отношеніе къ игрѣ? Нѣтъ ли здѣсь той мысли, что простыя, идя только впередъ, совершали путь по извѣстному еще въ древности зодіаку, а затѣмъ обратно возвращались уже по прямому пути? Въ самомъ дѣлѣ удивительно, что число шаговъ простой, шашки до дамокъ,—восемь клѣтокъ,—какъ разъ совпадаетъ съ числомъ созвѣздій отъ Близнецовъ до Козерога: Близнецы, Ракъ, Левъ, Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ и Козерогъ. Допустить же, что созвѣздія Близнецовъ и Козерога имѣли отношеніе къ игрѣ, есть много основаній. Козерогъ, повидимому, изображенъ на дошедшей до насъ медали. Въ древности онъ соотвѣтствовалъ декабрьскому повороту увеличенія дней. Число звѣздъ его—шестьдесятъ три (Э. Гарбель)—очень близко къ числу полей шашечницы. По астрономическимъ понятіямъ древнихъ знакъ Козерога вызывалъ бурю. Нѣтъ ли въ этомъ связи съ представленіемъ объ игрѣ, такъ какъ появленіе дамки также вноситъ въ игру смятеніе? Въ созвѣздіи Близнецы, которое такъ близко по своему названію съ игорнымъ терминомъ geminus hostis, наиболѣе яркія звѣзды носятъ имена Кастора и Поллукса. По миѳу эти другъ другу преданные братья, принимали участіе во всѣхъ современныхъ имъ геройскихъ предпріятіяхъ (въ походѣ аргонавтовъ за золотымъ руномъ; въ каледонской охотѣ), при чемъ Поллуксъ (греч. Полидевкъ), отличался въ рукопашномъ бою, а Касторъ славился какъ укротитель коней. Нѣтъ ли и здѣсь связи съ представленіемъ объ игрѣ, съ превращеніемъ простой шашки въ конную? Если такая связь существуетъ, то выраженіе geminus hostis заключало въ себѣ, кромѣ всего ранѣе выясненнаго, еще и напоминаніе, что простой воинъ, кулачный боецъ, не разлученъ съ своимъ другимъ видомъ,—бойцомъ коннымъ, укротителемъ лошадей [274]).

[274]) См. Миѳы классич. древности *Г. В. Штоля.* Пер. съ нѣм. В. И. Покров-

Всѣ эти вопросы и догадки могутъ быть теперь только намѣчены. Быть можетъ современемъ ученые филологи обратятъ на нихъ вниманіе и для выясненія привлекутъ къ дѣлу другіе тексты изъ классическихъ писателей [275]). Для насъ важно лишь то, что такое большое количество соприкосновеній съ игрою не можетъ быть случайнымъ; по всѣмъ вѣроятіямъ и шашки ранѣе были чѣмъ нибудь въ родѣ жреческаго гаданія, *только роль костей здѣсь замѣнялась правиломъ объ обязательности взятія подставленныхъ шашекъ, расширеннымъ до взятія нѣсколькихъ заразъ;* но это было такъ давно, что сами древніе народы уже не помнили этого, такъ что теперь могутъ быть подмѣчены лишь слабые слѣды, кое-какіе намеки*). Разрѣшеніе этого вопроса интересно въ томъ отношеніи, что оно въ утвердительномъ случаѣ *установитъ глубочайшую древность игры безъ жребія,* по крайней мѣрѣ для южной Европы и Египта, ибо извѣстно, что греки и римляне свои астрономическія познанія черпали изъ Египта, или, что не менѣе важно, покажетъ, какимъ пріемомъ впервые было устранено вліяніе на игру костей.

Почти настолько же древнею надо считать игру и нардъ. Мы не только имѣемъ о ней греческія свидѣтельства, восходящія за нѣсколько столѣтій до Р. Х., но и преданіе, сохранившее намъ свѣдѣніе, что игрою этою изображалось движеніе небесныхъ свѣтилъ по небосклону. По характеру разыгрыванія своего нардъ надо признать игрою не европейскою. Греки думали, что она была извѣстна въ Египтѣ. Тамъ ли она зародилась или была получена изъ Азіи (отъ халдеевъ), рѣшить пока не возможно, но достовѣрно, что если она перешла къ грекамъ изъ Египта, то она не могла остаться неизвѣстною въ Азіи, хотя бы благодаря многочисленнымъ войнамъ.

Восточныя сказанія объ игрѣ нардъ связываютъ изобрѣтеніе ея съ появленіемъ игры шахматной. Въ виду этого можно предполагать, что четверная чатуранга также относится къ древнимъ временамъ, болѣе или менѣе современна нарду, произойдя изъ шашечной игры вродѣ падчизи. При возникновеніи

скаго и П. А. Медвѣдева. Т. I. М. 1865. Стр. 77—79; „Діоскуры и Афареиды". Въ этомъ изложеніи миѳа—борьба, съ одной стороны Кастора и Полидевка, съ другой Линкея и Идаса за стада быковъ, напоминаетъ нѣсколько описаніе борьбы въ шашечной партіи.

[275]) Такъ въ XII одѣ первой книги Горація есть какой-то темный намекъ на игру, при чемъ упоминаются созвѣздія Дѣвы и Близнецовъ, а мы видѣли, что звѣзда Спика въ созвѣздіи Дѣвы можетъ имѣть отношеніе къ игрѣ.—Точно также надо отмѣтить, что греческая богиня Артемида, которую римляне отожествляли съ древне-италійской Діаной (Dea virgo), была первоначально богиней луны, культъ ея связанъ съ культомъ ея близнеца Аполлона, а въ г. Дидимахъ, въ храмѣ „Близнецовъ", рядомъ съ нимъ почиталась и Артемида „далеко попадающая"; особенно любимымъ животнымъ ея почитался олень, лань (dama??).

*) Въ слов. Daremberg'a *(adoratio)* есть снимокъ съ древне-египетскаго рисунка; вверху фигура приносящаго жертву, внизу—клѣтчатая доска въ 7×9=63 клѣтки, расчерченная тремя способами, слѣд. въ три цвѣта.

своемъ шахматы имѣли форму четверной игры съ костями. Эта форма, помимо всего сказанаго подтверждается еще и тѣмъ, что въ легендахъ объ изобрѣтеніи шахматъ и нарда [276]) вездѣ идетъ рѣчь о *сравненіи* этихъ игръ между собою, чего не могло бы быть, если бы шахматы первоначально были игрою *чистаго* разсчета. Вѣрнѣе всего, что она была одною изъ формъ гаданія и лишь позднѣе перешла въ игру [277]). Въ этомъ видѣ гаданія они могутъ имѣть самую глубокую древность, и ничего нѣтъ удивительнаго, что они остались неизвѣстными грекамъ.

Другая легенда, о награжденіи изобрѣтателя игры по его просьбѣ зерновымъ хлѣбомъ по числу клѣтокъ доски (на первую клѣтку одно зерно, на вторую двѣ, на третью—четыре и т. д. [278]), указываетъ, думается мнѣ, на переходъ древнѣйшей формы шахматъ въ новую; вѣроятно легендарный Сисса ибн-Дагиръ т. е. (сынъ Дагира), *изобрѣлъ игру* въ томъ смыслѣ, что предложилъ *отбросить кости* и вести ее на основаніи чистаго разсчета.

Самою младшею игрою должна быть признана игра шахматная въ видѣ шатранджа. Превратившись изъ игры четверной въ двойную, она хотя и сохраняла (видимо извѣстную съ незапамятныхъ временъ) 64-клѣточную квадратную доску, которая въ Индіи была одноцвѣтною [279]), все же не была вполнѣ установив-

[276]) См. „Шахм. Обозр.“ 1893 г., стр. 368.

[277]) Это первоначальное назначеніе шахматъ было извѣстно ранѣе и у насъ на Руси. Такъ „Шахматный Листокъ“ 1880 г. даетъ выписку изъ рукописи XVI столѣтія Императорской Публичной Библіотеки (къ сожалѣнію, безъ №, такъ что провѣрка не возможна), гдѣ между прочимъ читаемъ: „Аще нѣкто отъ клирикъ, калугирь, попъ или діаконъ, играетъ шахматы, да извержется сану; аще ли дьякъ или простецъ играетъ—епитемью на 2 года, а поклоны по 200 на день: понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей, жрецъ идольскихъ; тою игрою бесѣдоваша цари о побѣдѣ; та бо есть прельщеніе сатанино“.

„Шахматный Листокъ“ М. И. Чигорина не отличался точностью. Такъ, напр., въ статьѣ П. Чарина, носящей претенціозное заглавіе „Исторія шахматной игры въ связи съ исторіей цивилизаціи народовъ“ (1877, стр. 46—47) сообщается о шахматной картинѣ, которую авторъ видѣлъ въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Хотя она, по его словамъ, относится лишь къ XVIII столѣтію, все же слѣдовало указать ея № въ каталогѣ, или иной способъ, по коему можно было бы ее розыскать. Иначе самое сообщеніе о ней позволительно заподозрить.

И. Т. Савенковъ (стр. 86 брошюры), приводя выписку о халдеяхъ, говоритъ, что „В. Н. Бенешевичъ указалъ на л. 45 Паис. сб. (XIV в.)“. Подобное же мѣсто С. А. Сорокинъ встрѣтилъ въ рукописи 1754 г., хранящейся въ библіотекѣ Румянцевскаго музея подъ № 574.—См. еще „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ“. И. Срезневскаго. Спб. 1902. (ср. пр. 249), гдѣ *(лъкъ)* указывается также на Паисьевскій сборникъ.

[278]) Ср. „Отечеств. Записки“ 1839 г., т. X, отд. VII, стр. 12. Награда изобрѣтателю шахматной игры.

[279]) Не лишнее, однако, замѣтить, что снимки съ старинныхъ восточно-азіатскихъ досокъ (напримѣръ, у Гайда) показываютъ, что доски эти были *не вполнѣ одноцвѣтны*; нѣкоторыя клѣтки ихъ расчерчивались рисунками, но это дѣлалось по разнымъ системамъ и не черезъ клѣтку.

шеюся по формѣ доски и даже въ X вѣкѣ христіанской эры имѣла еще нѣсколько ихъ видовъ. По содержанію арабскихъ и персидскихъ сказаній появленіе шахматъ въ Персіи можно опредѣлить приблизительно въ VI вѣкѣ нашей эры. Это находитъ подтвержденіе въ лѣтописяхъ китайцевъ, которые хотя и передѣлали шатранджъ, или его предшествующую форму, на свой ладъ, но считаютъ, что шахматы не самостоятельное*) китайское явленіе, а занесены къ нимъ изъ Индіи и также въ VI вѣкѣ нашей эры.

„Есть, правда, одно еще древнѣйшее, относящееся къ шахматамъ хронологическое опредѣленіе, говоритъ А. Стойковичъ, оно индійскаго происхожденія и относится ко времени осады *Рамою* столицы королевства Ланки (нынѣшняго острова Цейлона), при чемъ супруга осажденнаго короля *Раванна* изобрѣла будто бы шахматы вслѣдствіе той же причины — скуки уединенія, которая въ новѣйшія времена, при осадѣ города Бостона, произвела игру *бостонъ*. Время этого событія (т. е. осады) относится по вычисленіямъ (санскритиста) Жонеса (Jones. Recherches asiatiques;—ср. прим. 1-е) къ 2029 году до Р. Х. (!); но мы не знаемъ санскритскаго языка, не довѣряемъ хронологіи индусовъ, не можемъ принять за достовѣрное индійскій фактъ, такъ неразрывно связанный съ чудесной космогоніей индусовъ, и потому предпочитаемъ вышеприведенный фактъ, которымъ обязаны аккуратности и положительности китайцевъ. Въ обширномъ словарѣ ихъ „хай—пьень", въ этомъ *морѣ* (хай) 261 тысяча словъ, говорится подъ словомъ *шахматы*, что игра эта перешла въ Китай изъ Индіи въ 35-мъ году царствованія государя, основавшаго непродолжительную династію Лянъ, и потому получившаго посмертное историческое имя Гао-цзу-Ву-ди (что значитъ *первый почтенный*, т. е. династическій *предокъ* и *воинственный государь*), или сокращенно, просто Ву-ди. Государь этотъ царствовалъ съ 502 по 550 годъ послѣ Р. Х. и, слѣдовательно, опредѣленный въ *Хай-пьень*, китайскимъ лѣтосчисленіемъ и терминомъ, годъ правленія его соотвѣтствуетъ 537 нашего лѣтосчисленія по Р. Х. Останавливаясь съ удовольствіемъ на этомъ первомъ исторически достовѣрномъ державномъ протекторѣ шахматъ, мы присовокупимъ, что онъ былъ однимъ изъ великихъ государей Поднебесной Имперіи и былъ надѣленъ лицомъ въ высшей степени воинственнымъ, обширнымъ умомъ и сильною волею, что онъ утвердилъ въ Китаѣ систему общественнаго воспитанія и усовершенствовалъ во многомъ уголовные законы („законы о наказаніяхъ"), что мудрое и твердое правленіе его заслужило ему уваженіе сосѣднихъ государей Индіи и что, наконецъ, послѣ тяжелыхъ государственныхъ трудовъ, воинственный Вуди любилъ отдыхать за подобіемъ войны—за игрой въ шахматы" [280]).

---

*) До чего запутанъ вопросъ о происхожденіи игры, можно видѣть, напр., изъ того, что фонъ деръ Лаза считалъ китайскіе шахматы самостоятельною формою игры, не зависимою отъ индійской.

[280]) „Отечест. Зап." 1853 г., т. 89.—И. Т. Савенковъ въ „Шахм. Об." 1904 г., стр. 238, дѣлаетъ ссылку на K. Himly въ „Zeitschr. d. D. Morgenl. Ges." XXIV, XXXI и XLI, и говоритъ, будто этотъ авторъ „относится къ вышеназванному словарю съ сомнѣніемъ. Игра пришла, вѣроятно, позднѣе". Такія умозаключенія только путаютъ дѣло. Едва ли сколько нибудь заслуживаетъ довѣрія заключеніе К. Гимли, германскаго консула въ Шанхаѣ въ 1873 г., утвержденіе же И. Т. С., что игра пришла позднѣе, кромѣ его собственнаго авторитета, ни на чемъ не основано. Если подозрѣвать словарь, то можно сдѣлать только противоположное предположеніе, а именно, что игра появилась въ Китаѣ гораздо

Появившись въ Европѣ съ юга черезъ арабовъ, главнымъ образомъ испанскихъ, и распространившись на сѣверъ послѣ крестовыхъ походовъ, персидско-арабскій шатранджъ встрѣтился здѣсь съ широко распространенною во всѣхъ слояхъ общества раскрашенною шашечницею, на которую и былъ перенесенъ, а затѣмъ, отчасти подъ давленіемъ обновившейся въ это же время шашечной игры, былъ переработанъ до неузнаваемости. Наименьшее измѣненіе перенесла при этомъ персидско-индійская ладья, которая лишь пріобрѣла участіе въ рокировкѣ; затѣмъ слѣдуютъ царь и пѣшка, также относительно-мало измѣнившіе свои права; болѣе же всего передѣланы были ходы слона и ферзя, которые обширностью своихъ новыхъ движеній превратили шашечный шатренджъ въ современные шахматы; всецѣло сохранилъ свой характерный ходъ только одинъ конь.

Въ этомъ новомъ своемъ видѣ шахматы не только распространились у народовъ съ европейскою цивилизаціею, но постепенно вытѣсняютъ шатранджъ съ его варіяціями и у народовъ восточныхъ въ Азіи, равнымъ образомъ и въ Африкѣ.

Въ Россіи шахматы появились непосредственно съ востока изъ Персіи, еще до арабскаго завоеванія ея, подъ именемъ *шеренги*, а затѣмъ укрѣпились черезъ арабовъ, измѣнивъ названіе въ *шахматы* и принявъ арабскій терминъ *ферзя*. Только въ одной Россіи шахматы сохранили наиболѣе правильныя названія шашекъ; у народовъ западной Европы термины всѣ перековерканы, иногда до неузнаваемости, или замѣнены совершенно новыми. Съ запада русскими взяты только слова „кипергань, рокировка и патъ“. За послѣднее время, къ несчастію, сильное давленіе западной цивилизаціи вытѣсняетъ русскія названія, и въ массѣ ходовыми являются „король, королева, офицеръ и тура“; только „пѣшка“ и „конь“ удерживаютъ свои прежнія имена.

Древне-римскія же шашки, распространившись по Европѣ, а отсюда по всему свѣту, пріобрѣли на новыхъ мѣстахъ особенности и разбились на нѣсколько различныхъ народныхъ игръ, изъ коихъ многія еще вовсе не извѣстны.

ранѣе и попала въ словарь лишь послѣ того, какъ удостоилась богдыханскаго вниманія, но даже и такое предположеніе необходимо допускать съ крайнею осторожностью, въ виду всѣмъ извѣстной китайской точности и правдивости ихъ сообщеній. Китайская историческая литература даетъ показанія, начиная съ 2600 г. до Р. Х. Къ нимъ можно относиться недовѣрчиво, ибо богдыханъ Шисянти (255—206 до Р. Х.), начавшій постройку великой стѣны, приказалъ сжечь всѣ письменные памятники, напоминавшіе предыдущія времена (впослѣдствіи ихъ возстановляли по памяти); лѣтописныя же записи, начиная съ II ст. до Р. Х., не могутъ подлежать никакому серьезному сомнѣнію. Даже возстановленныя по памяти сожженныя записи отличаются изумительною точностью. Такъ, сообщенія о солнечныхъ затмѣніяхъ совпадаютъ съ современными вычисленіями. Такая точность объясняется тѣмъ, что словари тѣ заучивались наизусть.

Китайское названіе шахматъ „сы-анга“ состоитъ изъ санскритскаго *анга* и китайскаго *сы*, которое значитъ *четыре;* слѣдовательно, названіе игры составляетъ неполный переводъ санскритскаго *чатуранга*. Прибавляемое иногда къ нему въ концѣ слово *ки* (khi), значитъ по-китайски *игра*.

Относясь къ играмъ народнымъ, любимымъ въ массахъ населенія, шашки своими особенностями въ правилахъ гораздо яснѣе указываютъ и путь заимствованія игръ одною націею у другой и относительную самостоятельность народныхъ характеровъ. Изъ извѣстныхъ въ настоящее время видовъ игры наиболѣе интересною надо признать игру русскую, а когда шашки устарѣютъ, то ихъ мѣсто займетъ, вѣроятно, игра столбовая [281]).

Вопросъ о происхожденіи шахматъ, конечно, очень труденъ, и едва ли можетъ быть разрѣшенъ окончательно хотя бы такъ, чтобы привлечь на свою сторону большинство шахматистовъ. Причины этого кроются не только въ древности ихъ происхожденія и отсутствіи историческаго и этнографическаго [282]) матеріала, но вопросъ труденъ особенно по тому, что до сихъ поръ его только запутывали, не пытались даже поставить правильно, не намѣчали даже путей къ его разрѣшенію, и въ преклоненіи передъ современными шахматами, передъ ихъ превосходствомъ надъ другими играми на доскѣ, рѣшили, что это *первая* по достоинству и *древнѣйшая* по происхожденію игра, а въ историческихъ сочиненіяхъ объ этомъ происхожденіи не стѣснялись высказывать явно противорѣчивые взгляды или даже прямо свое настроеніе, взамѣнъ фактовъ и логическихъ разсужденій. Тотъ самый Линде, который устанавливалъ, что шахматы исторически не восходятъ далѣе VIII—X в. нашего лѣтосчисленія, или въ крайнемъ случаѣ VI ст.,—этотъ самый Линде, то считаетъ, что шашки произошли изъ шахматъ и въ сравнительно недавнее время, то, встрѣчая древнее свидѣтельство о возможности знакомства какого-либо народа съ шахматами, спѣшитъ заявить, что здѣсь „встрѣчается вѣчное смѣшеніе шахматъ съ шашками“.—Тотъ самый И. Т. Савенковъ, который писалъ (стр. 58), что „общій законъ начинанія всѣхъ этнографическихъ явленій съ простѣйшихъ формъ приводитъ къ

---

[281]) Польскія шашки, утвердившіяся преимущественно во Франціи и Бельгіи, разыгрываются по правиламъ очень близкимъ къ русскимъ шашкамъ; стоклѣточная доска ихъ, однако, не прибавила интереса игрѣ, такъ какъ изъ-за обширности доски исчезла наиболѣе интересная сторона игры,—окончанія партій, отчего безмѣрно увеличилось число ничьихъ. Частности относительно способовъ взятія (при сложныхъ ударахъ) и прохода въ дамки (при взятіяхъ) также усиливаютъ сторону обороняющуюся и, слѣдовательно, увеличиваютъ число ничьихъ.

[282]) „Веберъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ сказалъ, что мы еще не имѣемъ всѣхъ свѣдѣній о шахматахъ въ Индіи; онъ предостерегалъ отъ поспѣшныхъ категорическихъ заключеній, особенно хронологическихъ, онъ говорилъ, что каждый день можетъ принести новыя открытія, особенно изъ буддійскихъ источниковъ, при чемъ онъ указывалъ на юридическій трактатъ, упоминаемый Кольбрукомъ, и на ссылки Готамы въ діалогѣ Віасы. Надо быть чуждымъ истиннаго духа науки, чтобы къ подобнымъ заявленіямъ отнестись свысока, со странною и неумѣстною проніею. Прошло полстолѣтія, а сказанное Веберомъ по отношенію изученія исторіи шахматной игры остается въ силѣ. Мы не только поддерживаемъ заявленія Вебера, но позволяемъ себѣ дополнить ихъ. Намъ кажется, что Индія въ этнографическомъ отношеніи мало обслѣдована: мы не имѣемъ этнографическихъ свѣдѣній о нашей игрѣ изъ различныхъ частей Индостана,—они встрѣчаются только урывками, сдѣланы мимоходомъ... Однимъ словомъ, для этнографовъ, интересующихся шахматною игрою, въ Индіи, на нашъ взглядъ, представляется обширное поле дѣятельности“. И. Т. Савенковъ, стр. 25.

предположенію, близкому къ увѣренности, что шашечныя игры предшествовали шахматной игрѣ",—этотъ самый И. Т. Савенковъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 43) той же статьи говоритъ: „этнографъ... не отнесется поверхностно къ нашей игрѣ, онъ не пренебрежетъ древнѣйшею благороднѣйшею изъ умственныхъ игръ". — Наконецъ, подавляющее большинство писавшихъ объ игрѣ никакъ не могутъ отрѣшиться отъ мысли о „непосредственномъ изобрѣтеніи шахматной игры" вмѣстѣ съ костями, напримѣръ. О такомъ *непосредственномъ* созданіи игры, въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ, говоритъ даже Линде [283]).

Въ послѣднемъ изданіи Handbuch'а Бильгера помѣщена гипотеза I. Котца, пытающаяся разрѣшить вопросъ объ игрѣ шахматной *въ моментъ ея изобрѣтенія* и показывающая дальнѣйшую ея эволюцію. По этой теоріи ладья, въ соотвѣтствіе съ ходами коня и слона шатренджа, прыгала на третью отъ себя клѣтку, но только по прямому направленію, такъ какъ при этомъ „въ шахматахъ была бы система!" [284]). Разумѣется, при подобномъ направленіи изслѣдованій — рѣшенія

---

283) Читателямъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что въ настоящемъ сочиненіи говорится большею частію о данныхъ, опубликованныхъ Линде еще въ 1874 году; но они ошибутся, если подумаютъ, что съ того времени открыто много новаго относительно древнѣйшаго періода игры. Нѣтъ, большихъ и новыхъ данныхъ не найдено, все обстоитъ въ томъ же, приблизительно, положеніи, какъ и 75 лѣтъ тому назадъ. Такъ, I. Котцъ, въ послѣднемъ изданіи Handbuch'а Бильгера (см. прим. ** стр. 72), говоритъ, что самымъ старымъ санскритскимъ сочиненіемъ ванъ деръ Линде считалъ сочиненіе Халяйуды (Halayudha), которое было написано въ X столѣтіи по Р. Х.—Фонъ деръ Лаза въ своихъ Forschungen (см. примѣч. 230) говоритъ, что въ 1896 году профессоръ Х. Якоби въ Боннѣ открылъ два старѣйшихъ санскритскихъ извѣстія. Болѣе древнее относится къ первой половинѣ IX вѣка и принадлежитъ жителю Кашмира по имени Ротнакара. Здѣсь, какъ составныя части игры, перечислены пѣшки (padâti), кони (açwa), колесницы (ratha) и слоны (hastin), зато вовсе не упоминаются ни царь (раджанъ), ни ферзь (mantrin). Объ одномъ еще болѣе древнемъ упоминаніи шахматной игры сообщаетъ Мӧррей (H. J. R. Murray) въ ноябрьской книжкѣ журнала British Chess Magazine за 1900-й годъ. Онъ знакомитъ тутъ съ открытіемъ (1898 г.) профессора А. А. Макдонеля, который нашелъ указаніе въ стихотвореніи Баны (Bana), принадлежащаго къ концу VII вѣка нашей эры. Здѣсь прославляется необыкновенное миролюбіе Срихарши (Sriharscha), царя Каньякубджи. Во время его царствованія (618—650) не происходило другихъ споровъ, кромѣ споровъ между собирающими медъ пчелами, не отрѣзали другихъ стопъ, кромѣ стопъ стихотворныхъ, и не содержали другой арміи (чатуранга), какъ только на доскѣ въ 8×8 клѣтокъ (аштапада). Итакъ, заключаетъ I. Котцъ, основываясь на этомъ, самомъ старомъ шахматномъ, мѣстѣ санскритской литературы, мы должны сказать, что во второй половинѣ VII столѣтія игра чатуранга была хорошо извѣстна въ Индіи, но относить ея изобрѣтеніе *по этимъ* свидѣтельствамъ къ болѣе раннему времени, мы не считаемъ себя въ правѣ.

284) До какой степени наивно, можно сказать дѣтски-наивно, изслѣдовалась исторія шахматной игры, особенно яркій примѣръ даетъ статья I. Котца. Онъ пишетъ: „...наиболѣе изумительнымъ въ этомъ изобрѣтеніи показался мнѣ конь. Я не могъ постичь, какъ индійскій мудрецъ могъ напасть на этотъ своеобразный и интересный способъ движенія. Много лѣтъ спустя... мое удивленіе измѣнилось, тогда я очень хорошо понялъ изобрѣтеніе хода коня... Естественно, я

вопроса быть не можетъ, и любители вынуждены будутъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Изумительно, до какой степени прочно засѣла мысль объ изобрѣтателѣ игры, о созданіи ея *сразу* въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ! Казалось бы другія игры и самое развитіе игры шахматной въ позднѣйшее время должны были показать вздорность и нелѣпость идеи о появленіи игры шахматной въ цѣломъ видѣ, но эти факты, не смотря на ихъ многочисленность, не производятъ даже впечатлѣнія! Кто выдумалъ рокировку, кому пришла первому въ голову мысль о взятіи пѣшки на проходѣ, кто установилъ правило начинать игру всегда бѣлыми? Все это не извѣстно, и авторовъ не отыскиваютъ! Кто и когда изобрѣлъ карты, домино? Авторы не вѣдомы, а вѣдь эти игры появились позднѣе шахматъ и притомъ на европейской почвѣ! Здѣсь изобрѣтателя не ищутъ, а въ шахматахъ былъ, видите-ли, какой-то мудрецъ, который организовалъ игру [285]) сразу, со всѣми ея сложными идеями мата, проведенія пѣшекъ, одновременнаго дѣйствія фигуръ и пѣшекъ!

Ничего, конечно, подобнаго никогда не было и, что̀ главное, и *не могло*

началъ искать мою прыгающую туру у Линде; но я ея не нашелъ. Несмотря на твердое, какъ скала, утвержденіе Линде, что „шатранджъ есть не измѣнившаяся, но истинная чатуранга“, мысль о прыгающей турѣ меня не покидала, и втайнѣ я надѣялся, что я еще ее гдѣ нибудь встрѣчу. Такъ прошло болѣе десяти лѣтъ. Когда я вновь занялся древними шахматами... моя прыгающая тура опять пришла мнѣ на умъ. „Если въ обычныхъ шахматахъ нѣтъ отъ нея слѣдовъ, отвѣчалъ мнѣ (на письмо) баронъ Хольцхаузенъ, то статься можетъ, ихъ можно подмѣтить въ одной изъ разновидностей. Гдѣ нибудь должны же они отыскаться!“ Никогда до этого внимательнѣе не разсматривалъ я „видоизмѣненій“ у Линде. Теперь едва только взглянулъ я на нихъ, я наткнулся на прыгающую туру. Во всякомъ случаѣ называлась она тамъ не Ruch; въ одномъ мѣстѣ именовалась она *львомъ*, въ другомъ названа *даббабахъ;* въ концѣ концовъ я нашелъ еще во второй шахматной легендѣ Фирдусси на его стоклѣточной доскѣ *дромадера*. Всѣ прыгаютъ прямо черезъ одно поле. Передо мной открылась, наконецъ, надежда прослѣдить съ успѣхомъ за ходомъ мысли изобрѣтателя“ и т. д. Десять лѣтъ I. Котцу не приходила въ голову самая простая мысль— просмотрѣть повнимательнѣе видоизмѣненія шахматъ, и доживъ до почтенной старости (недавно праздновали его семидесятилѣтіе), онъ все еще вѣритъ въ *изобрѣтателя*, которому „предстояла задача даровать жизнь и движеніе своимъ выстроеннымъ въ боевомъ порядкѣ фигурамъ“, а про себя онъ объясняетъ: „непринужденный и логическій выводъ, который я здѣсь развиваю, даетъ мнѣ возможность думать, что въ этой гипотезѣ я возстанавливаю наши первоначальныя шахматы—старинный индійскій чатурангъ“.

285) Въ томъ же Handbuch'ѣ, въ другомъ мѣстѣ, I. Котцъ пишетъ: „Относительно изобрѣтенія шахматной игры существуетъ много басенъ, но историческихъ твердыхъ данныхъ мы не имѣемъ; мы не можемъ съ полною увѣренностью назвать ни страны, гдѣ находилась ея колыбель, ни времени, когда она была изобрѣтена. Мы вовсе не знаемъ ничего относительно первоначальныхъ ея свойствъ и относительно личности ея изобрѣтателя... только названія доски и фигуръ доставляютъ намъ древне-индійскія письмена. О способахъ ходьбы фигуръ и о правилахъ игры они намъ ничего не говорятъ. Только въ гораздо позднѣйшія времена, когда игра наша достигла уже возраста около 400 лѣтъ, имѣемъ мы первыя извѣстія относительно этого. Согласуется ли то, что передается этими извѣстіями позднѣйшаго времени съ тѣмъ, что̀ было въ первоначальныхъ шахматахъ изобрѣтателей, все еще покрыто глубокимъ мракомъ“.

быть. Идея, развитая I. Котцемъ, что первоначально ладья ходила, и даже не ходила, а прыгала на третью отъ себя клѣтку,—очень счастливая [286]) идея, но она представляетъ одну изъ стадій игры, одну изъ ея формъ, быть можетъ, совсѣмъ не существовавшую въ шатранджѣ, т. е. въ игрѣ *разсчета.* При существованіи такого хода ладьи, дѣйствительно, становится понятнымъ .созданіе коня: одна фигура, ладья, прыгала прямо, другая, слонъ,—вкось, а третьей фигурѣ, коню, данъ былъ ходъ средній между этими двумя. Но создалось это, конечно, не вдругъ, а путемъ долгихъ эволюцій въ игрѣ, продолжавшихся, вѣроятно, столѣтія.

Самое главное въ разгадкѣ созданія шахматъ—опредѣлить, изъ какой игры развивались они. Правильное рѣшеніе вопроса о томъ, произошли ли шахматы изъ четверной игры съ костями, или же они всегда были чистою игрою разсчета, какъ хотѣлъ Линде [287]), рѣшеніе этого вопроса наиболѣе важно, и оно, на мой

[286]) Было бы, однако, ошибкой думать, что идею эту открылъ первый I. Котцъ. Конечно, всѣ, кто задавался вопросами о развитіи игры, должны были наталкиваться на такую идею, которая поддерживалась и многими „видоизмѣненіями" игры шахматной, представляющими нерѣдко остатки глубокой старины, но замѣчательно, что даже указаніе на такую форму хода ладьи въ исторической литературѣ сдѣлано впервые не I. Котцемъ. Такъ, И. Т. Савенковъ, какъ мы указывали (стр. 11, пр. 10) ранѣе, писалъ: „Сойотская шахматная игра есть эволюціонная форма древне-азіатскаго шатранджа съ ферземъ, пріобрѣвшимъ уже ходы современной ладьи (ранѣе ходившей только на третью клѣтку)... при чемъ слонъ уже пріобрѣлъ полную силу (т. е. ходитъ не на 3-ю только клѣтку). Представленная форма... игры указываетъ на слѣдующую послѣдовательность эволюціонныхъ измѣненій игры: сперва усилилась ладья, ея дѣйствіе расширено на всѣ клѣтки вертикальныхъ и горизонтальныхъ полосъ шахматной доски; за этою формою слѣдуетъ стадія съ ферземъ..." и т. д. Это было писано за много лѣтъ до статьи I. Котца. Правда, И. Т. Савенковъ высказалъ свою мысль скорѣе случайно, нечаянно, такъ какъ не придалъ ей никакого значенія, и не вѣрно сообщалъ о ней какъ объ историческомъ общеизвѣстномъ фактѣ; видимо, онъ и не подозрѣвалъ, что его догадка такъ важна. Честь указанія на важность этого движенія всецѣло должна принадлежать I. Котцу. Однако онъ не выяснилъ подробно самаго хода. Если онъ полагалъ, что ладья древняя прыгала подобно альфилю шатранджа, или подобно нашему современному коню, не только на третью отъ себя клѣтку, но еще и черезъ шашки, то это ошибка. Прыжокъ слона и коня черезъ шашки (свои или чужія), вѣроятно, есть позднѣйшее усовершенствованіе. Въ древности, надо думать, фигуры эти черезъ шашки не ходили, а должны были имѣть свободный путь, хотя на промежуточную клѣтку, онѣ и не могли становиться. Подтвержденіемъ этому могутъ служить правила китайскихъ шахматъ, гдѣ конь, если оба промежуточныхъ поля заняты, не можетъ черезъ нихъ переходить; китайцы говорятъ, что тогда „у коня ноги связаны". Такъ (поясняя мысль на нашей доскѣ), если предстоитъ ходить конемъ b1, а клѣтки a2, b2, c2 и d2 заняты, конь хода не имѣетъ; если свободны b2 или c2, то конь можетъ идти на c3, а если свободны a2 и b2, то конь въ правѣ прыгать и на a3 и на c3. Конечно, это отраженіе древнѣйшихъ правилъ.

[287]) Линде, утверждая, что чатуранга была основана на духовной силѣ, не привелъ въ свою пользу самаго главнаго аргумента, который, вѣроятно, и привлекъ къ его мнѣнію такъ много сторонниковъ, именно онъ не разработалъ подробно того положенія, что шахматы изъ Индіи распространились по всему свѣту разными путями, но вездѣ, принимая даже новыя формы, остались

взглядъ, дастъ если не картину изобрѣтенія, то, по крайней мѣрѣ, ключъ къ созданію этой картины. Мы видѣли, что, вопреки мнѣнію Линде, рѣшеніе это должно склониться къ шахматамъ съ костями, т. е. къ игрѣ со смѣсью случая и разсчета.

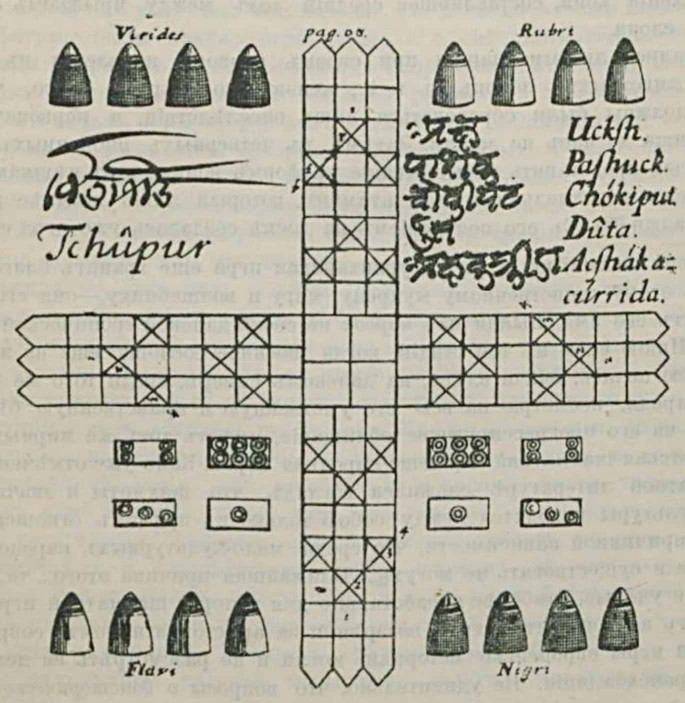
Позволю себѣ представить не путь, не весь ходъ развитія игры шахматной, а ту схему, по которой могъ онъ идти. Разумѣется, это чистая догадка, которую можно подкрѣпить въ настоящее время лишь весьма немногими доказательствами, но такъ какъ она все же можетъ нѣсколько освѣтить темный вопросъ о происхожденіи шахматъ, то и заслуживаетъ опубликованія.

Изъ общаго обзора игръ въ разныхъ странахъ, какъ въ настоящее время, такъ и особенно въ древности, когда картъ еще не было, — мы знаемъ, что было много шашечныхъ игръ на доскѣ. Всѣ онѣ разыгрывались *однообразными* шашками, при чемъ нѣкоторыя игры были играми чистаго разсчета, какъ петтейя грековъ и латрункули римлянъ, а другія, какъ кюбейя и нардъ, были смѣсью разсчета со случаемъ, разыгрываясь при посредствѣ костей такимъ образомъ, что показанное на костяхъ число очковъ могло быть использовано игрокомъ различнымъ образомъ. Игръ съ *разными шашками*, подобныхъ шахматамъ, повидимому, еще нигдѣ не было, или, точнѣе, о такихъ играхъ нѣтъ никакихъ историческихъ указаній. Въ VI вѣкѣ такая игра явилась. Спрашивается, какъ она создалась?

Разумѣется, общій отвѣтъ, что шахматы есть развитіе какой либо шашечной игры съ однообразными шашками, будетъ совершенно вѣрнымъ, но такое рѣшеніе ничего еще не говоритъ. Развивая его, мы можемъ и даже должны прійти къ заключенію, что въ виду множества игръ, шахматы, вѣроятнѣе, всего соединяютъ признаки *разныхъ* шашечныхъ игръ, признаки, встрѣчаемые частями то въ одной, то въ другой игрѣ. Но первоначальная стадія ихъ, вѣрнѣе всего, шла изъ игръ съ костями. Въ главнѣйшей изъ этихъ игръ, въ нардѣ, мы видимъ: однообразныя шашки, кости и убиваніе шашекъ съ постановкою берущей шашки на мѣсто взятой. Все это находимъ мы и въ шахматахъ, но въ то время, какъ игра нардъ пошла по тому пути, что вмѣсто одной шашки въ ней стало можно ходить сразу нѣсколькими шашками и убить въ этомъ случаѣ даже не одну шашку,—въ это время въ шахматахъ уцѣлѣло правило,— явно болѣе древнее, — что въ разъ можно убить не болѣе *одной* шашки, и подобно тому, какъ въ нардѣ по произволу можно убивать чужія или не убивать, если это не выгодно,—подобно этому сохранилась такая же свобода и въ шахматахъ.—Главное отличіе древнѣйшей, неизвѣстной намъ, формы шахматъ состояло въ томъ, что онѣ стали разыгрываться не просто на прямыхъ линіяхъ, какъ нардъ, а были развитіемъ игры на доскѣ болѣе сложной, первоначально, вѣрнѣе всего, линейной, гдѣ линіи перекрещивались съ другими, съ постановкой шашекъ на пересѣченіяхъ, при чемъ древняя цѣль игры нарда — просто перевести шашки съ одной стороны на другую и потомъ сбросить ихъ съ доски, эта цѣль была замѣнена болѣе сложной—занять шашками опредѣленные перекрестки, или клѣтки доски. Переходъ игры съ доски линейной на клѣтчатую, вѣроятно, не представлялъ большихъ затрудненій. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ Китаѣ шахматы уже въ сравнительно развитой своей формѣ, съ разными шашками, сохранили древнюю форму разыгрыванія по линіямъ и ихъ

игрою разсчета. Будучи развито подробнѣе, такое мнѣніе дало бы утвержденію Линде еще болѣе послѣдователей и надолго бы задержало разгадку созданія игры шахматной. Къ счастію, Линде просто изъ каприза высказалъ свое мнѣніе, а не на основаніи изученія созданія игръ.

перекресткамъ, а въ Японіи, гдѣ они появились, несомнѣнно, изъ Китая, они были перенесены на доску клѣтчатую. Несмотря на то, что большинство древнѣйшихъ игръ состоитъ въ состязаніи двухъ игроковъ другъ противъ друга, созданіе игры четверной, какъ одной изъ эволюціонныхъ, промежуточныхъ, формъ, не составляетъ чего либо невозможнаго или противорѣчащаго духу какой бы то ни было шашечной игры, и надо допустить, что первоначальною формою усложненія простѣйшихъ игръ шашечныхъ, съ однообразными шашками, было именно созданіе игръ для четырехъ игроковъ, подобно описанной Ѳ. Гайдомъ (II, 68) игрѣ „чупуръ" или упомянутой ранѣе „падчизи".

Самыя игры эти описаны вездѣ не очень вразумительно, такъ что возстановить ихъ правила трудно, но важно обратить вниманіе, что здѣсь у каждаго изъ играющихъ по *четыре* пути и по *четыре* однообразныхъ шашки. Конечно, дальнѣйшее развитіе этихъ игръ заключалось въ томъ, что шашки не только, подобно нарду, кончали свой путь, достигнувъ извѣстныхъ клѣтокъ, но впослѣдствіи, по аналогіи съ играми чистаго разсчета, съ играми петтейею и латрункулями, или прототипами ихъ, стали превращаться въ доведи съ расширенными способами передвиженія. Расширеніе это шло и должно было идти разнообразными путями, создавая всякаго рода движенія. Первоначальная доведь, въ родѣ представленной выше (стр. 228), ферзя-доведи, должна была быть болѣе или менѣе простымъ развитіемъ хода простой шашки или пѣшки, но затѣмъ фантазія народа, или быть можетъ даже нѣсколькихъ народовъ[288]), не была въ состояніи удовлетво-

[288]) „Ученые шахматисты, исторіографы, филологи, лингвисты, библіографы всѣхъ народовъ болѣе 9 вѣковъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ и книгахъ, особенно среди безчисленныхъ сказокъ и миѳовъ востока, напрасно ищутъ имя

риться столь простымъ рѣшеніемъ, и въ правахъ доведи наступила перемѣна, они стали слагаться по другому способу, съ созданіемъ движеній совершенно новыхъ, которыхъ у пѣшекъ не было. Такимъ путемъ въ играхъ съ однообразными шашками появились новыя доведи съ правомъ скачка назадъ черезъ одну клѣтку (или черезъ одно пересѣченіе). Были-ли эти новыя доведи созданы сразу *въ одной* игрѣ, или онѣ появлялись постепенно и въ разныхъ играхъ, сказать, конечно, очень трудно, но нельзя сомнѣваться, что первоначальныя движенія ихъ заключались въ одномъ случаѣ въ прыжкѣ по прямому пути, а въ другомъ—по косому. Послѣ долгихъ лѣтъ существованія такихъ доведей создано было движеніе коня, составлявшее средній ходъ между прыжкомъ ладьи и прыжкомъ слона.

Назывались ли эти шашки при своемъ первомъ появленіи въ играхъ именами животныхъ, лодокъ и т. п., неизвѣстно. Вѣрнѣе всего, что эти названія должны были образоваться лишь впослѣдствіи, а первоначальныя ихъ прозвища до насъ не дошли. Затѣмъ въ четверныхъ шашечныхъ играхъ явилась идея представить разыгрываніе въ формѣ войны, и къ пѣшкамъ былъ присоединенъ военачальникъ или атаманъ, который лишь позднѣе принялъ названіе раджи [289]). Съ его появленіемъ на доскѣ создалась уже игра съ *двумя*

изобрѣтателя шахматной игры. А урянхайская игра еще хранитъ благодарную память къ этому таинственному мудрецу, магу и волшебнику,—она его знаетъ и еще чтитъ его имя. Выйдя изъ *народа* на своей далекой тропической родинѣ, оставивъ Индію еще въ той стадіи, когда военное сословіе еще не наложило на нее свою печать, она и здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, среди того же простого темнаго народа, несмотря на всю его умственную и нравственную бѣдноту и не взирая на его прогрессирующее обнищаніе, имѣетъ тотъ же мирный характеръ. Сойотская шахматная игра еще народная игра... Какъ уже отмѣчено выше, въ шахматной литературѣ сложился взглядъ, что шахматы и значительная степень культуры находятся между собою только въ прямомъ отношеніи, т. е. въ такой причинной зависимости, что среди мало-культурныхъ народовъ шахматы даже и существовать не могутъ... Ближайшая причина этого... та, что авторитетные ученые, наиболѣе поработавшіе для исторіи шахматной игры, были далеки отъ антропологическихъ воззрѣній: за аристократизмомъ современной шахматной игры европейскіе историки могли и не разсмотрѣть ея демократическаго происхожденія. Не удивительно, что вопросы *о доисторической жизни шахматной игры среди народа* (разумѣю всю совокупность народовъ и племенъ Азіи), о значеніи живой старины шахматной игры, о значеніи ея эволюціонныхъ формъ у разныхъ народностей и др. оставались почти нетронутыми... A. Oefele, между прочимъ, говоритъ: „Высота культуры и степень развитія интеллекта — это двѣ различныя вещи, нерѣдко находящіяся между собою въ обратномъ отношеніи“. Шахматная игра въ Азіи — еще народное достояніе. Этимъ однимъ ея доисторическое прошлое будетъ всегда привлекательно и интересно для этнографовъ всѣхъ народностей“. И. Т. Савенковъ, стр. 29, 30 и 50.

[289]) I. Котцъ по поводу короля высказываетъ такія соображенія; „Эта система исходитъ изъ того предположенія, что изобрѣтатель чатуранги хотѣлъ надѣлить фигуру короля наибольшею властью. Я считаю это само собою понятнымъ. Всѣ источники указываютъ, что открытіе было сдѣлано при дворѣ короля. Что же другое могъ предпринять изобрѣтатель, какъ не даровать королю величайшую власть? Что̀ бы ему за это было, если бы онъ этого не сдѣлалъ?“ Разумѣется съ такими дѣтски-наивными пріемами доказательствъ можно дойти до самыхъ нелѣпыхъ выводовъ.—I. Котцу не пришла въ голову

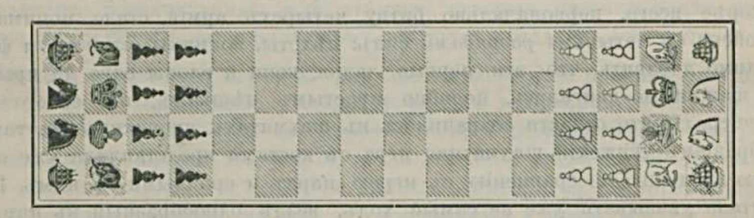
разрядами силъ, ибо естественно, что предводителю войска даны были болѣе расширенныя права, чѣмъ пѣшкамъ, но фигуръ, современныхъ фигуръ, я думаю, еще не было; онѣ продолжали появляться лишь изъ проведенныхъ пѣшекъ. Возможно, что даже самое созданіе начальника дружины, атамана, а впослѣдствіи раджи, также исходило изъ шашки-доведи. Вспомнимъ утвержденіе Линде, что „въ шатренджѣ пѣшка всегда превращалась въ ферзя". Эти доведи-пѣшки могли создаться и въ одной игрѣ, а на устройство ихъ разнообразныхъ движеній могло повліять ихъ мѣсто появленія на доскѣ, т. е. то обстоятельство, превращались ли пѣшки въ новыхъ доведей на одной изъ *среднихъ* краевыхъ клѣтокъ, или же въ углу, ибо несомнѣнно, что первоначальныя движенія этихъ новыхъ фигуръ были крайне ограничены, т. е. онѣ двигались по какой либо одной линіи и притомъ въ однообразномъ направленіи, къ своему дому, напримѣръ. Позднѣе должна была явиться идея рядомъ съ предводителемъ поставить уже въ началѣ игры второй рядъ шашекъ съ расширенными движеніями. Въ это время онѣ, вѣроятно, сообразно своимъ ходамъ, и получили для отличія различныя названія. Такимъ образомъ древнее слово чатуранга, означавшее, скорѣе всего, первоначально битву четырехъ армій, стало пониматься, какъ войско съ четырьмя *разрядами* силъ: пѣхоты, конницы, слоновъ и флота. Необходимо добавить, что эти первые ладьи, кони и слоны едва ли прыгали *черезъ* шашки, но двигались, подобно простымъ пѣшкамъ, изъ своего дома только впередъ, что отчасти сохранилось въ шахматахъ японскихъ. Съ такимъ разнообразіемъ движеній шахматная игра съ костями представляла уже очень большую эволюцію по сравненію съ игрою нардъ и сродными съ нимъ. Кость здѣсь стала указывать уже не самый ходъ, вездѣ однообразный въ нардѣ, а шашку, которая передвигалась по разному. При этомъ простыя пѣшки продолжали проходить въ доведи, и сообразно постановкѣ офицеровъ, куда онѣ достигали на послѣдней линіи, онѣ пріобрѣтали и разныя права, такъ что могъ явиться въ игрѣ и пятый царь, какъ это указано въ санскритскомъ текстѣ. Самая же разстановка офицеровъ позади пѣшекъ явилась, вѣроятно, также не вполнѣ случайно, а соотвѣтствовала тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ создавались сперва доведи, ладьи, слоны, кони и даже цари. Когда игра достигла такого сравнительно большого развитія, она стала возвращаться въ первоначальный видъ, т. е. вмѣсто четырехъ сражающихся армій — стало двѣ арміи союзныхъ. Дальнѣйшее развитіе игры, надо полагать, заключалось въ томъ,

самая простая мысль, что впослѣдствіи, когда шахматы дошли до современной ихъ формы,—развитіе ихъ совершалось также въ странахъ королей, обладавшихъ громадною властью, однако, наибольшую силу получилъ ферзь, а не король, и ничего за это никому не было. Нѣтъ сомнѣнія, что шахматы, какъ скоро появился въ нихъ раджа или шахъ, относятся ко временамъ той цивилизаціи, когда установилась прочная царская власть, но откуда извѣстно, что сами шахматы появились именно въ это время, изобрѣтены *при дворѣ* короля? Какіе источники говорятъ намъ объ этомъ? Вопросы о томъ, „что было бы изобрѣтателю, если бы онъ не даровалъ королю наибольшей власти", хороши только для школьниковъ, да и то самаго младшаго возраста. Такіе вопросы легко обращать въ совершенно противоположные и, напримѣръ, изумляться, какъ допущено было, чтобы король могъ фигурировать въ игрѣ? И какъ это могло пройти безнаказанно?—И почему же потомъ, въ той же Азіи, гдѣ появилась дальнобойная ладья, изобрѣтателямъ ничего за это не было? Надо бросить подобный образъ мышленія; онъ именно, этотъ способъ мышленія, и способствуетъ вѣрѣ въ существованіе изобрѣтателя.

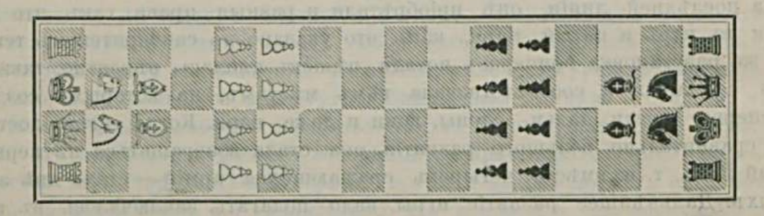
что фигуры, ходившія только впередъ, пріобрѣли право сперва бокового, а позднѣе и попятнаго движенія. Но и на это незначительное расширеніе ходовъ требовались многіе десятки лѣтъ.

Какую доску имѣла игра шахматная въ первоначальномъ своемъ видѣ, мы не знаемъ. Правда, Линде и другіе историки-шахматисты постарались всѣхъ увѣрить, что квадратная доска въ 64 клѣтки есть явленіе шахматное, но даже и это обстоятельство требуетъ провѣрки. Весьма и весьма возможно, что оно такъ же вѣрно, какъ то, что *ферзь* есть будто бы искаженіе слова *визирь*. Легко могло быть, что первоначальная форма доски соотвѣтственно четыремъ разрядамъ силъ, построенныхъ въ два ряда, имѣла и доску съ основаніемъ въ четыре линіи, какъ въ игрѣ чупуръ, или съ четырьмя клѣтками, при 16 клѣткахъ въ длину. Эта форма доски сохранилась и дошла до насъ въ видоизмѣненіяхъ съ двумя способами разстановки шашекъ. (См. напр. Linde, G. I, S. 112 и 113):

I.

II.

Какъ бы то ни было, шахматы съ костью пріобрѣли клѣтчатую доску и вѣроятную разстановку, представленную нами на страницѣ 215-й. Но въ этомъ своемъ видѣ они не интересовали сосѣднихъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, не удивляли ихъ. Полуазартныя игры, хотя и занимательнѣе чисто азартныхъ, но недолговѣчны, часто смѣняются и не составляютъ событія въ жизни народовъ. Въ играхъ чистаго азарта интересенъ выигрышъ, волненія игроковъ, но не самый процессъ игры. Онъ быстро изучивается, надоѣдаетъ и бросается. Пояснительнымъ примѣромъ могутъ служить игры карточныя, гдѣ господствуетъ случай. Нѣчто подобное должно быть и въ играхъ смѣшанныхъ.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ, съ костью, чатуранга представляла нѣкоторый интересъ, любопытную эволюцію нарда, но, видимо, сама по себѣ была мало интересна, иначе слѣды ея сохранились бы не только въ Индіи и у арабовъ въ Испаніи, но и въ другихъ странахъ. Впрочемъ первобытная форма шахматъ такъ мало изслѣдована, что, быть можетъ, отсутствіе указаній на нее, надо объяснять не тѣмъ, что переходныхъ формъ мы не знаемъ за

ихъ отсутствіемъ, а тѣмъ, что путешественники на эти формы не обращаютъ вниманія, обходятъ ихъ молчаніемъ, считая ихъ мало интересными и принимая ихъ за позднѣйшія измѣненія. (См. примѣч. 282 и 288).

Въ своихъ многообразныхъ первобытныхъ формахъ чатуранга можетъ восходить чрезвычайно глубоко, и весьма возможно, что ея зарожденіе, какъ говорятъ легенды, относится къ болѣе чѣмъ тысячелѣтнему періоду до нашего лѣтосчисленія, но это не были ни шахматы ни видъ, близкій къ шатранджу. Эта послѣдняя форма явилась только тогда, когда по аналогіи съ петтейей и латрункулями или сродными съ ними играми, шахматы превратились въ игру чистаго разсчета, отбросивъ совершенно кости. Этотъ переходъ игры, этотъ переворотъ не только въ ней самой, но и *во всѣхъ другихъ шашечныхъ играхъ*, поразилъ всѣхъ, не однихъ мѣстныхъ игроковъ, но и сосѣдніе народы, которые, быть можетъ, были ранѣе частію знакомы съ игрою въ ея первомъ видѣ съ костью. Переходъ игры изъ малоинтересной формы въ игру, требовавшую глубокаго и тонкаго разсчета, былъ такъ же значителенъ въ мирной жизни народовъ, какъ въ позднѣйшее время было значительно появленіе картъ. И память народовъ въ легендахъ и преданіяхъ отмѣтила родину этой новѣйшей шахматной игры и эпоху ея появленія, именно около VI вѣка нашей эры. Эти многочисленныя и согласныя указанія китайцевъ, персовъ, арабовъ,— можно считать, какъ мы уже говорили, свидѣтельствомъ историческимъ, несмотря на то, что въ нихъ передаются и легендарныя подробности.

Оставались ли при этомъ шахматы долго съ прыгающею ладьею, не извѣстно; но мы знаемъ и имѣемъ историческія свидѣтельства, что, по переходѣ въ VI столѣтіи въ Персію и Китай, чатуранга въ видѣ игры разсчета пріобрѣла уже ладью дальнобойную. Реформа въ ходѣ ладьи—дѣло востока, и начавшись по отношенію къ ходамъ *одной* фигуры, развитіе шахматъ могло продолжаться и по отношенію къ другимъ фигурамъ, т. е. къ слону и ферзю. Приписывать эти реформы Европѣ, какъ то дѣлаютъ Линде и его послѣдователи, нѣтъ основаній, наоборотъ, наличность игры съ дальнобойнымъ ферземъ въ многихъ очень глухихъ мѣстахъ Азіи, куда европейская культура еще не проникла, или выражается крайне слабо, — говоритъ за то, что реформа эта послѣдовала еще на востокѣ, а оттуда уже проникла въ Европу [290]) послѣ крестовыхъ походовъ, почему и самое появленіе ея въ Европѣ связывали съ этими походами. Какую роль играли здѣсь „шашки“, смѣнившія древнія латрункули, для меня не ясно, но что связь тутъ есть—это несомнѣнно. Произошла ли дальнобойная шашечная дамка подъ вліяніемъ ладьи шатранджа, или, наоборотъ, новая дамка побудила измѣнить ходъ ладьи,—это обстоятельство очень темно, но, думается мнѣ, сперва явился „рухъ“, а затѣмъ дамка, которая передала свое названіе ферзю.— Какимъ путемъ создалась идея мата и неприкосновенности царя, выяснить мнѣ не удалось, но разъ въ Индіи существовали игры, цѣлью которыхъ, какъ въ падчизи, было занятіе извѣстной клѣтки, то идея эта могла измѣниться въ идею нападенія не на неподвижную клѣтку, а на подвижную шашку. Притомъ весьма вѣроятно, что первоначально шашка, изображавшая начальника войскъ, была или вовсе неподвижной, или же имѣла крайне

---

[290]) „Вопреки общераспространенному въ шахматной исторіи и литературѣ взгляду, новѣйшую форму шахматной игры въ Азіи, по нашему мнѣнію, правильнѣе разсматривать, какъ конечную эволюціонную форму, начавшую слагаться, а, можетъ быть, въ главнѣйшихъ признакахъ и сложившуюся въ Азіи *самостоятельно*“. И. Т. Савенковъ, стр. 53.

ограниченное движенiе, по примѣру царя въ китайскихъ шахматахъ, гдѣ онъ можетъ ходить только внутри крѣпости. Первоначальные шахматы были, несомнѣнно, игрою чисто шашечною, т. е. такою, гдѣ выигрывалъ отобравшiй у противника бо́льшее количество шашекъ, и мы знаемъ, что въ четверной чатурангѣ царь могъ быть взятъ. Даже шатренджъ, гдѣ дѣйствовалъ дальнобойный рухъ, и царь не могъ браться, все же оставался игрою преимущественно шашечною: матъ былъ большою рѣдкостью, и ничьи случались часто.

Болѣе полная картина развитiя шахматъ можетъ быть составлена только послѣ изученiя разныхъ видоизмѣненiй игръ шахматныхъ, а равнымъ образомъ и шашечныхъ. За крайнею отдаленностью отъ насъ эпохъ, въ которыя шахматы создавались, вполнѣ точной картины мы не получимъ, но что въ общихъ чертахъ, развитiе шахматъ шло представленнымъ мною путемъ, я не сомнѣваюсь и вполнѣ увѣренъ, что дальнѣйшiя изысканiя о мѣстныхъ играхъ будутъ все болѣе и болѣе подтверждать мои предварительныя соображенiя.

Во всякомъ случаѣ необходимо отмѣтить, что шахматы сохранили характерную особенность нарда: въ нихъ нѣтъ поддавковъ, т. е. ихъ нельзя и создать.

Что касается до утвержденiя Линде о томъ, что созданiе шахматъ съ костью представляется „психологическою невозможностью", то этотъ аргументъ слишкомъ слабъ*), чтобы требовать особаго и подробнаго разбора. Коль скоро

---

*) Напримѣръ, можно было бы думать, что понятiя словъ *дѣвица, жена, овца* во всѣхъ языкахъ будутъ рода женскаго, но по нѣмецкой психологiи они рода средняго: das Mädchen, das Weib, das Schaf.—Н. Н. Панкратовъ, исходя изъ мысли, что шашки—игра простѣйшая, народная, составилъ задачу, гдѣ въ сложномъ ударѣ каждая взятая шашка снимается тотчасъ послѣ перехода черезъ нее берущей шашки, но мнѣ удалось доказать, что это не такъ, и что это можетъ (хотя и въ очень рѣдкихъ случаяхъ для партiи) имѣть важное и рѣшающее значенiе; должно сперва описать весь ударъ, т. е. стать на *имѣющуюся* пустую клѣтку за убиваемой шашкой, а потомъ уже снимать ихъ всѣ съ доски. По идеѣ Н. Н. Панкратова (поддержанной въ учебникахъ И. И. Фоглера) можно взять шашекъ больше, ибо снимаемая убитая шашка, освобождая клѣтку, даетъ возможность брать шашки, которыя при началѣ хода не были подъ ударомъ. Народное правило исходитъ изъ положенiя, что брать можно только то, что̀ находится подъ ударомъ передъ ходомъ (и что̀ поэтому можно заранѣе точно опредѣлить), по мысли же Панкратова игра сводилась къ дѣтской психологiи, т. е. бралось въ основанiе правила то обстоятельство, что игрокъ, дабы не забыть, что̀ взято, долженъ былъ каждую убитую шашку сейчасъ же снимать съ доски.—Въ шахматахъ новѣйшей формы рокировать можно только при полной свободѣ мѣстъ между царемъ и ладьею, между тѣмъ нисколько не противорѣчило бы духу игры, если бы клѣтки g1 или f1 (d1 или c1) были заняты чужою, не шахующею фигурою, такъ что рокировка сопровождалась бы и взятiемъ на g1 царемъ или на f1 ладьею; однако этого не допускается.—Янишъ во многихъ своихъ статьяхъ доказывалъ, *и притомъ совершенно основательно,* что взятiе пѣшкою чужой пѣшки на проходѣ есть логическiй абсурдъ, недопустимый по духу игры,—однако общее желанiе побѣдило его доводы, и взятiе en passant вошло во всѣ кодексы.—Игра въ шахматы кончается ходомъ раньше взятiя чужого царя. Это имѣетъ смыслъ, но смыслъ этотъ долженъ быть поддержанъ фактическою возможностью такого взятiя, между тѣмъ матомъ считается и такое положенiе, гдѣ чужого царя взять будетъ нельзя, ибо свой собственный откроется тогда подъ шахъ.

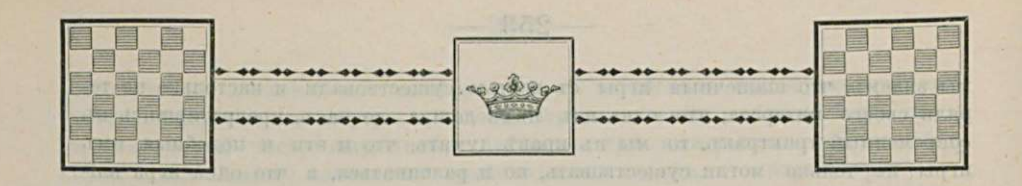
мы знаемъ, что шашечныя игры съ костью существовали и настолько не теряли своего интереса, что одна изъ нихъ дошла до насъ, превратившись въ современный триктракъ, то мы въ правѣ думать, что и эти и подобныя имъ игры не только могли существовать, но и развиваться, а что одна игра вліяетъ на другую, это мы можемъ видѣть на созданіи картъ, начало которыхъ нѣкоторые отыскиваютъ въ шахматахъ. Ссылка же на психологическую невозможность, какъ главное и единственное основаніе для какихъ бы то ни было выводовъ—совсѣмъ недопустима. Она можетъ имѣть значеніе лишь вспомогательное, а не основное, и притомъ въ томъ только случаѣ, когда она почти безспорна; но это бываетъ крайне рѣдко.

Въ заключеніе о шахматахъ приводимъ снимокъ съ одной старинной русской шахматной ладьи изъ собранныхъ въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ *). Эта фигура, по мнѣнію И. Т. Савенкова „весьма цѣнный уникатъ однопарусной ладьи, съ небольшими отверстіями въ бортахъ для веселъ. Эта модель, несомнѣнно долго продержавшаяся, стилизирована по образцу древней ладьи; сдѣлана она практично, прочно,—не ломка; борта ладьи штрихованы накрестъ, какъ бы намекая на рѣшотчатость, но въ ней особенно интересны слѣды древнихъ пережитковъ (survival) на треугольномъ парусѣ. Вертикально проведенныя черты могутъ указывать на бечевы, скрѣплявшія холстъ паруса, но обрамляющія ихъ черты по ребрамъ треугольника заставляютъ вспомнить о тростниковомъ или камышевомъ парусѣ, прикрѣпленіе котораго, конечно, было инымъ. На мачтѣ наштрихована лѣстница. Флага нѣтъ. Эту модель можно отнести къ XVII столѣтію, если не къ концу XVI-го. (Стр. 107 и 108).

(Къ стр. 198 и 212).

*) Въ брошюрѣ И. Т. Савенкова приведены четыре рисунка. Три изъ нихъ представляютъ снимки съ фигуръ относительно новѣйшаго образца (см. стр. 107 брошюры).—См. еще мою замѣтку въ „Шахм. Об.“ 1892 г., № 11, стр. 150: „Фарфоровые шахматы XVIII вѣка“.

XXV.

На Руси есть игра, а откуда она,
Не осталось совсѣмъ и преданія....
Мы лѣнивы читать, мы лѣнивы искать,
Уцѣлѣли-ль какія сказанія....
Изъ одного неизданнаго стихотворенія.

Когда проникли шашки въ Россію? Свѣдѣній объ этомъ нѣтъ никакихъ; не установлено даже, какъ шашки назывались въ древней Руси. Одинъ только И. Т. Савенковъ высказалъ, не извѣстно на чемъ основанное мнѣніе, будто въ XI и XII вѣкахъ онѣ назывались *лѣкы* [291]). И. Срезневскій въ своихъ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“ даетъ нѣсколько противорѣ-

---

[291]) „Въ XI и XII в.в. они, по всей вѣроятности, назывались *лѣкы*“ (стр. 58). „Въ лѣкахъ мы склонны видѣть древнѣйшее названіе игры въ дамки или шашечной игры“ (стр. 117), но филологическія заключенія и познанія И. Т. Савенкова очень сомнительны. Такъ, на стр. 78—79, онъ пишетъ: „Въ болгарскомъ словарѣ Дювернуа (стр. 1108) означено: леке́ (lekié et leké). s. z. Tache, suillure, пятно. Въ матер. для словаря древне-русскаго яз. Срезневскаго, т. II, стр. 71, „отрицаемъ епископомъ *лѣка* играти“ объяснено: *ταβλίζειν,* tabulas ludere. Lexicon Miklosich'a о *лѣкѣ*, т. говоритъ ludi genus, fortasse saltatio, alea ludere. Мы присоединяемся къ толкованію г. Срезневскаго, впослѣдствіи навѣрное выяснятся и данныя, склонившія этого весьма авторитетнаго ученаго къ вышеозначенному толкованію“. Между тѣмъ И. Срезневскій не даетъ никакого толкованія, а только *сопоставляетъ* греческіе и латинскіе подлинники (означающіе въ подстрочномъ переводѣ „тавлействовать“, или играть на доскѣ) съ переводомъ *лѣками* и не даетъ никакого представленія о значеніи этого послѣдняго слова.

Если бы И. Т. Савенковъ пожелалъ научнымъ образомъ объяснить мнѣніе И. Срезневскаго, то онъ привелъ бы подлинную цитату изъ его матеріаловъ, гдѣ говорится совсѣмъ другое: а именно въ II томѣ (Спб. 1902) у Срезневскаго читаемъ: **„Лѣкъ=лѣка**—игра въ кости. *Лѣкъмь играти (κυβεύειν,* alea ludere). Ефремовская кормчая XI вѣка. Трул. 50.—*Отърицаемъ: епископомъ лѣка играти (ταβλίζειν,* tabulas ludere) т. ж. LXXXVII, 37. Кормч. Моск. Дух. Ак. 123. *Лѣкы и шахматы имѣти да ся останеши.* Новг. Кормч. 1280 г. *Играти шахматы или лѣки.* Паис. сб. 45. Апост. зап.—То же самое, т. е. что *лѣка* есть *игральная*

чивыхъ мнѣній, или скорѣе предположеній, о значеніи древнихъ словъ, *лѣка, сига, сила, шахы, шеги*, которыя въ славянскихъ переводахъ соотвѣтствуютъ въ подлинникахъ греческимъ и латинскимъ реченіямъ *ταβλίζειν*, tabulas ludere, alea и т. д. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ шашками считаетъ слово *лѣка*, въ другомъ—*шахы*, а въ третьемъ—*шеги* [292]). Въ древнѣйшихъ рукописяхъ встрѣчается тутъ же еще выраженіе *силами играетъ*, гдѣ, можетъ быть, слово *силами* есть просто описка вмѣсто *сигами* [293]);

кость, говоритъ И. Срезневскій и при словѣ сига (Т. III, Спб. 1903): „**Сига**—игральная кость:—*Ни единому... или отъ клирикъ или отъ простьць сигами лѣкьмь играти (κυβεύειν*, alea ludere). Ефрем. Корм. Трул. 50. Диакономъ, сигами играти... да изврьженъ боудеть *(κύβοις*, aleae; въ Уст. Крм. *силами)* т. ж. Апл. 42.

[292]) Выписки изъ И. Срезневскаго о *лѣкѣ* и *сигѣ* см. въ предыдущемъ примѣчаніи.—Т. III. Спб. 1903. „**Сила**—зернь, игральная кость,—см. *сига*“.—Т. III. Спб. 1909. „**Шахматы**—**шашки**, **шахматы**:—*Лѣкы и шахматы имѣти да ся останеши*. Новг. Крм. 1280 г. (Бусл. 390). Аще кто отъ клирикъ іли колугѣръ... *іграеть шахмати іли лѣки, да ізвержеться сана*. Паис. сб. Апл. зап. л. 45.—„**Шахы**—игра въ шашки:—*Тавлѣи и шахы въ многыхъ васъ обрѣтаеми соуть (πεττοὺς μὲν καὶ κύβους)* Пчел. И. Публ. б. л. 53.—**Шега**—игра въ кости или въ шашки:—*Яко не достоитъ епископу, ни клирикоу, ни людиноу въ шегахъ и пияньствиихъ, ни въ кърчьмицахъ обрѣтатися (ἐν κύβοις)*. Уст. Крм. Іо. Схол. л. 10.

Выводъ И. Т. Савенкова, что **лѣкы**—*шашки*, выводъ самостоятельный, ибо статья его и брошюра (съ той же нумераціей страницъ) вышли на нѣсколько лѣтъ раньше тѣхъ выпусковъ словаря И. Срезневскаго, гдѣ *лѣки* переданы также и понятіемъ *шашки*.

Здѣсь же кстати упомяну, что происхожденіе слова *фарь*, какъ *коня* и *всадника* (см. примѣч. 233) въ русскомъ языкѣ можетъ идти и изъ Греціи. См. И. Срезневскій Т. III. Спб. 1909. „**Фарисъ**=**Ѳарисъ** (греч. *φάρις*)—конь—*И всѣдъ* (царь Константинъ) *на ѳарисъ, поиде къ Златымъ вратамъ* (Никон. л. 6961 г. Пов. о взятіи Царегр.) Виз. *φάρης, φαρίον, φάρας*—equus arabicus et quivis equus sella instructus (Duc. Gl. med. Graec.).—**Фарь**—(греч. *φάρης, φαρίον*)—конь:—*Тогда же Оугре на фарехъ и на скокохъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество*. Ип. л. 6658 г. *Половчинъ застрѣли Оуза въ око, и, спадшу емоу съ фаря, взяша тѣло его*. т. ж. 6727 г. *Фарѣ ихъ поимаша*. т. ж. 6727 г. *Пода стратигъ своему зятю 30 фаревъ, а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды златомъ кована*. Девг. дѣян. (Кар. И. Г. Р. III, 272). *Кто сему не дивится, како дрьзость яви унoша, какъ лось нагони бърже фаря брьзаго*. т. ж. (Кар. II, 333). *Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ горадно на немъ играеть*. т. ж.

Вѣроятно и здѣсь, въ греческомъ языкѣ среднихъ вѣковъ, встрѣчается арабское вліяніе, такъ какъ коренное греческое слово для означенія *коня*—*ὁ ἵππος*, hippos.

Слово *ферезь*—*ѳерезь* И. Срезневскій указываетъ лишь въ значеніи одежды и предлагаетъ сравнить „съ арабск. ferdjiah и греч. *φορεσία, φόρεμα*“, но въ греческомъ словарѣ находятся еще слова *φόρημα* и *θερίστριον, θέριστρον;* последнее означаетъ *лѣтнее платье* и родъ вуаля.—В. И. Даль (1-е изд.), при словѣ **визирь**, повторяетъ установившееся производство: „...*визирь* (уэзиръ), главнокомандующій въ Турціи, отъ этого названіе шашки *ферзь*“.

[293]) Относительно этихъ интереснѣйшихъ терминовъ И. Т. Савенковъ (стр. 75—76) пишетъ: „1. Слово „силами“, по первому впечатлѣнію должно принять за описку, но, намъ кажется, возможно предполагать, что въ XII—XIII столѣ-

позднѣе здѣсь же часто упоминается про игру *тавлеи*. Разобраться во всѣхъ этихъ названіяхъ въ настоящее время крайне

тіяхъ слово „сила“ употреблялось и въ переносномъ значеніи, въ смыслѣ власти (сила Божія, сила царская), правъ, преимуществъ и обязанностей, налагаемыхъ высокимъ положеніемъ, духовнымъ саномъ. Мнѣніе спеціалистовъ, конечно, имѣетъ рѣшающее значеніе.—2. „Сигами“—слово, ясно указывающее на сербское происхожденіе славяно-русскихъ переводовъ древнихъ греческихъ Кормчихъ. Сербскія слова: „сигачъ“ (прыгунъ), „сигоня“ (прыгунья) и особенно „сигать“ (прыгать), употребляющіяся и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, указываетъ и прямое и переносное значеніе слова „сигами“: прыжками, бѣготней, плясками и т. п. забавами.—4. „Шегами“,—слово это, по первому впечатлѣнію, многимъ, особенно шахматистамъ, можетъ показаться испорченнымъ арабскимъ словомъ; „шейхами, шехами“, подобно „шахами“, что встрѣчается у митр. Даніила, но это слово мы нашли и въ сербскомъ и въ болгарскомъ словаряхъ (Мичатекъ и Дювернуа): „шега“—шутка, сербское „шегачити се“—забавляться. Здѣсь болгарское заимствованіе“.

Все это не выдерживаетъ никакой критики, какъ бездоказательныя и голословныя утвержденія. Но особенно характерно подстрочное замѣчаніе, которое И. Савенковъ дѣлаетъ къ первому своему толкованію: „Иноземныя слова нашихъ Кормчихъ отмѣчены у Калачева, стр. 84 и у др., но далеко не всѣ перечислены. Полный ихъ перечень съ точнымъ истолкованіемъ словъ имѣлъ бы большое значеніе въ соединеніи съ указаніями на №№ списковъ Кормчихъ, въ которыхъ они встрѣчены“. Читатели, не причастные къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, не пожелаютъ ли вспомнить мои указанія примѣчанія 61? Въ нѣсколькихъ строкахъ авторъ съумѣлъ безсознательно выяснить свое отношеніе къ предмету. Мало того, что ему хочется, чтобы филологи дали перечень всѣхъ иностранныхъ словъ нашихъ Кормчихъ, мало того, что онъ присоединяетъ сюда еще ненужное отступленіе объ указаніи на №№ этихъ Кормчихъ (ибо ясно, что ни одинъ филологъ безъ подобныхъ указаній не обойдется), нѣтъ, ему хочется, чтобы слова эти были даны еще „съ точнымъ истолкованіемъ“. То, чего въ большинствѣ случаевъ не понимаетъ ни одинъ ученый, то, что подлежитъ кропотливому и многолѣтнему изслѣдованію будущихъ ученыхъ, то, что удается понять урывками только послѣ многочисленныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій разныхъ ученыхъ, словомъ, то, *что составляетъ одну изъ отраслей филологіи—истолкованіе словъ,* которая едва ли даже когда нибудь будетъ исчерпана,—это-то самое И. Савенковъ считаетъ такими пустяками, что стоитъ кому нибудь изъ филологовъ присѣсть по усерднѣе, и въ результатѣ явится „перечень съ точнымъ истолкованіемъ“! Не было бы ничего удивительнаго, если бы подобное пожеланіе было высказано кѣмъ либо изъ шахматистовъ-историковъ, и не стоило бы на немъ такъ долго останавливаться,—но изумительно то, что оно высказано въ ученомъ журналѣ, которому приличествовало бы имѣть представленія о наукѣ, и при томъ человѣкомъ, который самъ себя въ статьѣ своей выдаетъ за ученаго и даетъ высокомѣрныя указанія о достоинствѣ источниковъ, о научной ихъ цѣнности и поучаетъ, напримѣръ, что „Беллетристическому произведенію Тушаръ-Лафосса, хотя бы и съ наименованіемъ въ русскомъ переводѣ *лѣтописью,* мѣсто въ анекдотической библіографіи, въ родѣ Gay, Bibliogr. anecdotique, но отнюдь не въ научной“ (стр. 47—48). А какими любопытными пріемами И. Т. Савенковъ подорвалъ значеніе интереснѣйшаго свѣдѣнія изъ „Лѣтописи Круглаго Окна“,—мы покажемъ дальше.

трудно. Мы имѣли уже случай высказать предположеніе, что въ словахъ *шегами играя*, возможна описка, что древнѣе, въ первоначальномъ спискѣ, быть можетъ, было „*шеренгами* играя", но предположеніе это трудно доказать, и особенно потому, что слово *шеги* встрѣчается неоднократно, т. е. оно въ тѣ времена было кореннымъ *славянскимъ* словомъ, едва-ли, впрочемъ, русскимъ; повидимому оно употреблено просто въ значеніи *игры, забавы*, но происхожденіе его можетъ крыться и въ шашечныхъ терминахъ; *сиги*, по моему мнѣнію, то же слово, но въ иномъ произношеніи.

Въ древней игрѣ, какъ уже было говорено, важное значеніе имѣли бортовыя клѣтки двойника (g1, h2 и a7, b8), гдѣ одинокая доведь дѣлала ничью противъ одинокой дамки противника, хотя бы послѣдняя на другихъ клѣткахъ уже пріобрѣла оппозицію; такимъ образомъ аттакуемая одинокая доведь должна была стремиться попасть на двойникъ, гдѣ она спасалась. Такъ какъ въ римской игрѣ при одинокихъ дамкахъ это есть единственный видъ ничьей (другіе сводятся къ нему), то онъ не могъ, конечно, пройти не замѣченнымъ игроками, и долженъ былъ имѣть особое названіе. Дѣйствительно, въ современной итальянской игрѣ это движеніе имѣетъ термины sega, segare, far la sega. Откуда идутъ эти современные итальянскіе [294]) термины? Я думаю, что они также остатокъ древности. Особенно склоняюсь я къ этому еще по тому, что по свидѣтельству Э. Б. Тейлора погонщики ословъ въ Египтѣ и до сихъ поръ играютъ *шашками-собаками* въ какую-то древнюю шашечную игру, для которой они чертятъ на землѣ доски или діаграммы, именуя ихъ sîga. Ежели итальянскій и египетскій термины идутъ изъ одного общаго источника, то весьма возможно, что въ древности шашки имѣли и наименованіе *шеги*. Во всякомъ случаѣ, если этотъ терминъ [295]) существовалъ, то онъ былъ у славянъ южныхъ, т. е. у болгаръ, иначе онъ въ русскомъ языкѣ сохранился бы подобно *шеренгѣ*.

Какъ бы то ни было, современное названіе игры въ шашки—названіе сравнительно новое.

Быть можетъ, мы подойдемъ ближе къ рѣшенію вопроса о древнѣйшемъ наименованіи игры, если попробуемъ выяснить, когда именно шашки появились на Руси, или точнѣе, когда онѣ должны были появиться у славянъ.

Новизна современнаго названія, конечно, не должна давать повода думать, что и сама игра въ Россіи—явленіе относительно новое. Не можетъ быть сомнѣній, что шашки, въ древней римской формѣ ихъ, должны были быть извѣстны на Руси.

Теперь въ наукѣ уже твердо установлено, что славяне занимали тѣ мѣста, которыя перечисляетъ наша древнѣйшая лѣтопись, во времена на-

---

[294]) На современномъ итальянскомъ языкѣ sega значитъ *пила*.

[295]) Едва ли возможно сближать этотъ терминъ съ современнымъ русскимъ названіемъ игры *шашки*, хотя и очень заманчиво предположить, что *шега* приняла значеніе *шагающей* фигурки, откуда *шажка* и *шашка*. Такое производство хотя и гораздо ближе, чѣмъ dama отъ fers, но все же сомнительно: его нельзя предлагать серьезно.

иболѣе отдаленныя, что они поселились здѣсь, вѣроятно, за много вѣковъ до Р. Х. [296]).

Извѣстно, что народамъ, населявшимъ области между Днѣпромъ и Дунаемъ передъ Р. Х. (Геты, Даки, Роксоланы или Россоланы), римляне даже вынуждены были уплачивать дань; нѣкоторые народы, какъ скиѳы, подолгу заживавшіеся въ припонтійскихъ степяхъ, входили въ тѣсное соприкосновеніе съ античной культурой; скиѳская знать ѣздила учиться въ самую Грецію. Наша лѣтопись говоритъ о разселеніи славянъ, когда на нихъ напали волхи. Волхи или волохи, по мнѣнію изслѣдователей (Бѣляевъ, Забѣлинъ и др.),—римляне. Рѣчь идетъ, читаемъ мы у пр. Ключевскаго (1804, I, 121), о разрушеніи императоромъ Траяномъ царства Даковъ, которымъ его предшественникъ Домиціанъ принужденъ былъ платить дань. (Въ двухъ походахъ 101—106 г.г. имп. Траянъ завоевалъ Дакію, обратилъ ее въ провинцію и населилъ римлянами, которые позднѣе слились со славянами, образовавъ нынѣшнихъ румынъ). Это указаніе на присутствіе славянъ въ составѣ Дакійскаго царства и о передвиженіи ихъ въ началѣ II вѣка по Р. Х.—одно изъ самыхъ раннихъ историческихъ воспоминаній славянства. Какъ бы ни смотрѣть на всѣ эти народности, даже если допустить, что онѣ не были славянскими, нельзя не признать того, что онѣ должны были оставить многочисленные слѣды своей культуры на коренномъ славянскомъ населеніи этого края. Славяне съ V вѣка, когда греки стали знать ихъ подъ ихъ собственнымъ именемъ, и впродолженіе всего VI вѣка громили восточную Имперію, переходя за Дунай. Начало этихъ усиленныхъ вторженій относятъ еще къ III вѣку. Сѣверные берега Чернаго моря и восточные Азовскаго еще задолго до нашей эры были усѣяны греческими колоніями, главнѣйшія изъ нихъ: Ольвія (въ устьѣ нынѣшняго Буга), выведенная изъ Милета за 6 вѣковъ до Р. Х., затѣмъ Пантикапея (Керчь), колоніи Нимфея, Ѳеодосія, Тирасъ, дорійскій Херсонесъ; далѣе города Танаисъ (Азовъ) при устьѣ Дона, Фанагорія, Фазисъ (Поти) и Діоскуры на восточномъ берегу Чернаго моря у подножія Кавказа. Здѣсь, пишетъ Н. Е. (Первобытная культура русской равнины., „Русск. Вѣстн.“, 1906 г., № 12), шла торговля съ Колхидой, Левантиной и Индіей. На рынкѣ Страбонъ (60 до Р. Х.—20 по Р. Х.)

---

[296]) См., напр., „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки народной, издаваемые по Высочайшему повелѣнію *В. П. Прохоровымъ*“. Здѣсь приведено множество рисунковъ съ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ въ южной Россіи, а также снимки съ извѣстной Траяновой колонны (нач. II в. по Р. Х.), на которой представлены разные народы: Ѳракійцы, Даки и пр. „Въ числѣ главныхъ и многочисленныхъ дѣятелей изображены здѣсь типы славянскіе и преимущественно чисто русскіе, какъ пѣшіе, такъ и конница. Разсказы арабскихъ писателей о русскихъ и между прочимъ о русской конницѣ ихъ совершенно сходны съ изображеніями Русскихъ на Траяновой колоннѣ“. Скиѳы Геродота, по мнѣнію Прохорова, по всѣмъ вѣроятіямъ, были также славяне. Снимки съ древнѣйшихъ скиѳскихъ вазъ, дѣйствительно, не оставляютъ сомнѣній, что изображенные на нихъ люди принадлежатъ вполнѣ къ русскимъ.

Есть, кромѣ того, нѣсколько солидныхъ ученыхъ, которые доказываютъ, что Гунны были славянами. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого историческаго взгляда, но достаточно указать, что и тѣ историки, которые отрицаютъ славянство Гунновъ, признаютъ все же, что въ полчищахъ Аттилы было много славянъ.—См. еще: Гунны. Эпоха великаго переселенія народовъ И. К. Кондратьева. М. 1878.

слышалъ, какъ говорили на семидесяти языкахъ. Въ Херсонесѣ уже въ первомъ столѣтіи нашей эры появляется христіанство. Эта провинція стала мѣстомъ ссылки знатныхъ христіанъ. Сюда была сослана племянница Тита и Домиціана, христіанка Флавія Домитилла. Сосланный сюда при Траянѣ св. Климентъ, епископъ римскій, построилъ въ Херсонесѣ до 75 церквей, а языческія капища и рощи уничтожилъ. Въ концѣ III вѣка въ Херсонесѣ появляются христіанскіе проповѣдники изъ Іерусалима. Въ эпоху иконоборства, около 756 года, Херсонесъ сталъ убѣжищемъ защитниковъ иконопочитанія. Въ царствованіе Михаила III (856—867) городъ посѣтилъ св. Кириллъ (Константинъ философъ). Расцвѣтъ Херсонеса и архитектуры въ немъ приходится на VII—IX столѣтія. Сосѣднее съ Херсонесомъ царство хозарское имѣло главный городъ, какъ уже сказано, близъ нынѣшней Астрахани. Другой ихъ городъ Саркеллъ,—въ русскихъ лѣтописяхъ Бѣлая Вѣжа,—построенъ около 835 г. съ помощію греческихъ зодчихъ, вѣроятно, въ нижнемъ теченіи Дона. Дочь хозарскаго кагана была матерью византійскаго императора Льва IV (ум. въ 780 г.); въ IX вѣкѣ хозары въ большомъ числѣ служили въ императорской гвардіи *).

Такія обширныя связи славянскихъ народностей съ греками въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, приведшія къ принятію христіанства, не могли, конечно, не отразиться на всѣхъ сторонахъ быта, а извѣстно, что ничто такъ охотно не перенимается какъ игры [297]).

Хотя древнія названія, какъ русское, такъ и латинское, исчезли, все же сохранились въ языкѣ русскомъ кое-какіе слѣды, указывающіе на знакомство съ игрою во времена отдаленнѣйшія и на связи съ игрою римскою.

Слова: ничья, выигрышъ, проигрышъ, поддавки, доведь, игра, бить, ходить, брать—все это выраженія, повидимому, коренныя русскія, образовавшіяся вполнѣ самостоятельно, или если и происшедшія изъ переводовъ, то слѣды таковыхъ исчезли и доказаны ясно быть не могутъ; но слово „простая" уже даетъ поводъ

*) И. Т. Савенковъ указываетъ еще на рабство, какъ на одинъ изъ путей содѣйствія распространенію игръ, говоря, что „Есть очень давнія и многочисленныя свѣдѣнія о рабахъ—славянахъ; славяне встрѣчались вездѣ—въ Хоросанѣ, въ Византіи, въ Италіи... Въ Испаніи изъ нихъ были образованы цѣлыя колоніи, своего рода товарные склады. Ибн-Хаукалъ (IX в.), а также Мукаддаси (X в.) и Ар-Раккамъ свидѣтельствуютъ, что славяне евнухи представляютъ собою испанскій товаръ, торговлю коимъ вели евреи" (стр. 109—110 брошюры). Однако этотъ видъ торговли можно признать скорѣе за путь распространенія славянской культуры, чѣмъ наоборотъ, что же касается до самихъ славянъ, то хотя рабство у нихъ и существовало, но свѣдѣнія о немъ, повидимому не велики.

[297]) Если даже въ угоду формальнымъ возраженіямъ и для устраненія споровъ съ читателями малообразованными, допустить невозможное, т. е. что за это раннее время римскія шашки не были еще извѣстны славянамъ, то даже самые упорные скептики должны признать, что во времена Ярослава Мудраго онѣ никоимъ образомъ не могли не перекочевать къ намъ. Извѣстно, что государь этотъ (978—1019—1054) былъ женатъ на дочери шведскаго короля, а сестра его была замужемъ за королемъ польскимъ, три дочери Ярослава были выданы за королей норвежскаго, французскаго и венгерскаго; двое сыновей были женаты на нѣмецкихъ принцессахъ, а третій, Всеволодъ, на дочери греческаго императора Константина Мономаха. Бѣжавшій отъ своего брата Петра арпадовичъ Андрей добылъ себѣ венгерскій престолъ съ помощію рати Ярослава.

быть принятой за переводъ латинскаго термина ordinarius (представляя наиболѣе точный его смыслъ), переводъ, какого нѣтъ въ другихъ языкахъ [298]); впрочемъ, и здѣсь возможно сомнѣніе, ибо терминъ могъ создаться самостоятельно, съ появленіемъ на Руси шантренджа, какъ противоположеніе новой игрѣ, представлявшейся *большими* или сложными шашками; наконецъ, можетъ онъ быть и сравнительно новѣйшимъ, ибо въ старину были (и дошли до насъ) какъ названія шашекъ слова *плинтусы* и *дамки*.

Какъ именовалась ранѣе доведь [299]), или современная дамка? Мнѣ думается, что и здѣсь существовалъ переводъ, и латинское dama *), *коза*, дало русское „козырь", подобно тому, какъ изъ греческаго „куба" образовался „кубарь". Есть выраженіе „ходить козыремъ";—не кроется-ли оно въ шашечно-игровомъ значеніи этого слова, и не позднѣе-ли „козырь" перешелъ въ игру карточную? [300]).

Самый смыслъ этого выраженія — *ходить смѣло, дерзко, весело* (есть также выраженіе „козырь-дѣвка", встрѣчающееся и у малороссовъ), *молодцомъ*, — указываетъ на заимствованіе его не изъ одежды и не изъ карточной игры. Терминъ „доведь", несмотря на свой русскій строй, можетъ оказаться и не вполнѣ русскимъ. Возможно, что это обрусѣвшая передача татарскаго слова „давать"; но такъ дамку называютъ современные казанскіе татары. Быть можетъ это они [301]) переиначили русскій терминъ?

Чѣмъ объясняется странное крѣпкое русское названіе положенія запертой шашки? Не идетъ-ли оно отъ значенія латинскаго latrina [302]), слова созвучнаго съ игорнымъ latro и latrunculus? Или

[298]) Тамъ встрѣчаемъ переводъ общаго термина psephos, calculus, Stein, что же касается простой шашки, то въ современныхъ европейскихъ названіяхъ ея отразилось даже вліяніе шахматной игры, какъ французск. pion.

[299]) Что древнѣе у насъ, „доведь" или „дамка", сказать пока трудно. На первый взглядъ кажется, что дамка новѣе, но это требуетъ доказательствъ. Сколько нибудь старое употребленіе этого слова встрѣтилъ я въ имени воеводы Евстафія Дамковича, который вмѣстѣ съ кн. Михаиломъ Изяславичемъ былъ разбитъ въ 1514 году близъ Мстиславля войсками Василія III. Слово „доведь" слышимъ мы у солидныхъ купцовъ, находящихъ „дамку" выраженіемъ вульгарнымъ, представляющимъ, по ихъ мнѣнію, уменьшительное отъ современной французской „дамы", но терминъ „дамки" взятъ не отсюда, и онъ можетъ оказаться, какъ покажемъ далѣе, при лучшихъ изслѣдованіяхъ чрезвычайно древнимъ.

*) Paulys R.-Enc. von *Georg Wissowa*. Stuttgart. 1910. даетъ: „Dama villkürlich gewählter Name. Martial, VI, 39, 11; XII, 17, 10".—Ср. примѣч. 211—216.

[300]) Козыремъ въ древности именовали еще высокій стоячій воротникъ (въ родѣ современнаго женскаго на каркасѣ), а теперь (уменьшительно)—наглазникъ на шапкѣ, фуражкѣ.

[301]) На турецкомъ языкѣ игра въ шашки—„дамà", шашка называется „дама ташъ" (ташъ,—дашъ=камень); шашечница=„дама тахташъ"; „тахти"=доска; выйти въ дамки „дамайя чикмакъ"; дамка=дамайя чикмышъ дашъ", буквально: камешекъ, вышедшій въ дамки. Иностранное для турокъ слово „дама" измѣняется у нихъ согласно общимъ законамъ языка (дамая=дательн. падежъ).

[302]) Слово latrina означало баню, а потомъ русское простонародное названіе заключенія. Повидимому оно одного корня съ названіемъ игры, но нѣкоторые филологи производятъ его отъ lavatina. Между тѣмъ значеніе latrina, какъ отхо-

же русское прозвище образовалось позднѣе, подъ вліяніемъ Италіи, куда въ Баръ-градъ проникало не мало русскихъ паломниковъ? Къ сожалѣнію я не знаю, какъ рано возникли эти паломничества.—Или быть можетъ образованіе термина шло не изъ самой Италіи, а изъ Крыма и Византіи, когда Генуэзцы основали по Черному морю не мало колоній? [303]).

Въ другихъ играхъ не наблюдается у насъ такихъ странныхъ опредѣленій; при томъ кличка заключенія (necessarium) нисколько не соотвѣтствуетъ его содержанію: въ такія мѣста никто никого не запираетъ, да еще насильно, какъ это происходитъ въ игрѣ. Русскіе склонны придавать особый насмѣшливый смыслъ иностраннымъ словамъ и опредѣленіямъ [304]); латинское latrina, смыслъ котораго въ древности, конечно, былъ извѣстенъ, могъ повести къ образованію русскаго наименованія, а другія, переиначенныя подобнымъ же образомъ выраженія, могли поддерживать его дальнѣйшее существованіе.

Самый главный терминъ латинской игры latro перешелъ въ русскій языкъ и сохранился до нашихъ временъ. В. И. Даль, извѣстный знатокъ русскаго языка, несмотря на всю свою любовь къ русскимъ [305]), не могъ, разумѣется, уничтожить въ душѣ своей того иноземнаго взгляда, который и вольно, и невольно, заставляетъ всѣхъ „нѣмцевъ“ и особенно петербуржцевъ, производить все изъ Германіи. При словахъ *лотрыга, латрига, лантрига,* означающихъ *дармоѣда, лѣнтяя* и т. п., онъ задается вопросомъ, не отъ нѣмецкаго-ли liederlich онѣ происходятъ? Конечно нѣтъ, и всѣ эти слова явно испорченное латинское latrunculus и latro. Присутствіе ихъ въ *современномъ* русскомъ языкѣ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія филологовъ и этнографовъ [306]), какъ

жаго мѣста, встрѣчается довольно рано. Словарь Ch. Daremberg'a, говоритъ: Les latrines publiques durent être en usage de bonneheure à Rome. Un texte, remontant au II siècle av. J. C. y mentionne des urinois (C. Titius ap. Macrob. Sat. II, 12).

[303]) Венеція также „имѣла многія торговыя конторы въ Азовѣ и для охраненія ихъ заключила въ 1281 г. договоръ въ Чингисъ-ханомъ. Республика отправляла каждый годъ четыре большихъ торговыхъ флота подъ прикрытіемъ вооруженныхъ галеръ. Одинъ изъ этихъ флотовъ доходилъ Азовскимъ моремъ до устьевъ Дона. Туда приходили русскіе и татарскіе караваны съ товарами по Каспійскому морю и вверхъ по Волгѣ“. Кн. П. Вяземскій, т. X, 5, изъ исторіи Венеціи Quadri.—Позднѣе, передъ смутнымъ временемъ (1612 г.), Венеція имѣла конторы въ Архангельскѣ.—См. еще у Вяземскаго: Гл. IX, стр. 118.

[304]) Напримѣръ, gerundium превратилось въ *ерунду*; liebe sich—въ *лебезить;* cher ami—въ *шеромыгу;* греческое kurie eleyson—въ *куралесить;* латинское *caput* —въ *капутъ;* еврейское *суббота*—въ *шабашъ*; вспомнимъ еще *баталія, бестія, дебошъ, шулеръ, маляръ, артистъ,* интересны *фофанъ,* (Ѳеофанъ), *ахинея* (Аѳинея, т. е. Аѳина) и пр. и пр.

[305]) Датчанинъ по происхожденію и лютеранинъ, онъ не задолго до смерти, въ глубокой старости уже, принялъ православіе.

[306]) Тотъ же В. Даль слово мандровать (изд. I, прибавленіе 9-е) помѣщаетъ за подписью М. (что означаетъ, кажется, Микуцкаго) съ утвержденіемъ, что оно

одно изъ свидѣтельствъ, которое трудно было ожидать найти въ настоящее время [307]).

Нигдѣ не пришлось мнѣ ничего прочесть о шашечномъ терминѣ *фукъ, фукать*. По-русски мы теперь употребляемъ это выраженіе въ двухъ случаяхъ: или когда снимаютъ не берущую шашку, или когда говорятъ объ этомъ обычаѣ, осуждая такую игру, — „играть съ фуками,—это ужъ послѣднее дѣло!“ [308]).

Обычай играть съ фуками, хотя произошелъ изъ игры на ставку, относится, вѣроятно, ко временамъ очень давнимъ, такъ какъ распространенъ у всѣхъ европейскихъ народовъ [309]); наоборотъ у восточныхъ племенъ фуканья и вообще принудительнаго взятія не наблюдается. Широкое распространеніе фука и твердая

происходитъ отъ нѣмецкаго, wandern; и это въ то время, когда есть латинское mandra! Подобнымъ словопроизводствомъ можно все онѣмечить. Есть, напримѣръ, пословица: „не гонись за простымъ воромъ, а лови атамана“. Въ виду значенія latro, какъ грабителя, можно заподозрить, что самая поговорка взята изъ игры шашечной, и что въ *атаманъ* кроется исчезнувшій древній терминъ современной доведи. При разсмотрѣніи слова „атаманъ“ оказывается, что Даль производитъ его отъ Hauptmann! А, что, если осмѣлиться предположить первоначальный выговоръ въ видѣ „отыманъ“, отъ глагола *отымать*, или сблизить атамана съ греческимъ *αὐτόμανης*, aytomanes,—*самый бѣшеный?* Право, и то и другое безпристрастному читателю (не преклоняющемуся передъ развязной фантазіей записныхъ филологовъ) покажется куда ближе нѣмецкаго Hauptmann'a, особенно если принять во вниманіе, что не только греческій, но и русско-славянскій языкъ много древнѣе нѣмецкаго. Между тѣмъ производство отъ Hauptmann'a повторяется и въ другихъ словаряхъ (впрочемъ по большой части нѣмецко-еврейскаго производства).

[307]) Кстати рискну замѣтить здѣсь, что глаголъ *трунить*, слегка подсмѣиваться, не происходитъ-ли отъ латинскаго же latrunculus? Очень странно, что этотъ *русскій* глаголъ не даетъ отъ себя *никакихъ* производныхъ словъ, не образуетъ даже отглагольнаго существительнаго.

[308]) Такое осужденіе произошло потому, что самый обычай фукать идетъ изъ игры азартной, на деньги, гдѣ учитываются всякіе поступки игрока, между тѣмъ какъ масса играетъ въ шашки безъ денегъ. Въ игрѣ же со ставкой правило о фукѣ примѣняютъ не къ случаямъ отказа брать (откуда оно возникло) и не къ случаямъ дѣйствительнаго невниманія (на что фукъ былъ распространенъ, вѣроятно, позднѣе), а стараются *создать* примѣненіе уловками; нѣкоторые, напримѣръ, въ концѣ игры, при явномъ своемъ проигрышѣ, когда выпускаютъ изъ руки свою шашку (обыкновенно дамку и особенно одинокую при борьбѣ ея противъ трехъ), стараются *незамѣтно* подставить ее подъ ударъ. Противникъ при поспѣшности въ отвѣтѣ, (задуманномъ и приготовленномъ ранѣе), обманутый тѣмъ, что рука съ шашкой опускалась на клѣтку свободнаго пути, дотрогивается до шашки, которая ничего брать не можетъ, попадаетъ на фукъ и теряетъ побѣду.

[309]) У сойотовъ, въ странѣ Урянхайцевъ, въ Сибири, около Монголіи, по словамъ И. Т. Савенкова, хотя и распространена игра въ шашки, но брать, какъ сообщилъ ему путешествовавшій туда профессоръ г. Катановъ, не обязательно; слѣдовательно, обычай въ родѣ шашекъ туркестанскихъ. Тутъ, при неполной обязательности взятія, конечно, не можетъ быть обычая фукать.

убѣжденность простонародья въ его необходимости [310]) заставляютъ предполагать, что фукъ идетъ изъ міра древнихъ. Не латинскаго ли происхожденія терминъ „фукъ"? Извѣстно, что звукъ *ф* не русскій, и самостоятельнымъ слово это у насъ быть не могло. Какъ оказывается, фукъ дѣйствительно надо производить изъ языка латинскаго [311]).

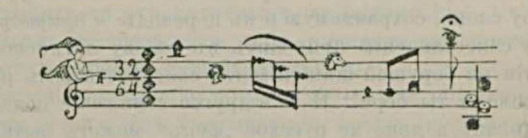
[310]) Навстрѣчу этимъ желаніямъ идутъ и нѣкоторыя книги. Такъ, во многихъ французскихъ учебникахъ посвящены иногда десятки страницъ защитѣ фука. Эта страстность защиты сама по себѣ указываетъ, что обычай повсемѣстно падаетъ, и любители предпочитаютъ заставлять брать подставленную шашку подъ угрозой потери партіи, чѣмъ продолжать игру, рѣзко мѣняющую свой характеръ послѣ снятія шашки не въ счетъ хода.—Старинный обычай фукать шашку можетъ быть использованъ въ новѣйшихъ играхъ. Такъ, въ игрѣ тройной, гдѣ одинъ долженъ побѣдить двоихъ, и гдѣ даже простая мѣна можетъ быть иногда не желательна (ведя къ дальнѣйшей убыточной мѣнѣ), слѣдовало бы ввести фукъ, какъ *право* не брать подставленной шашки. Точно также фукъ, но опять таки не какъ наказаніе, а какъ *право не брать* и какъ *ходъ* со стороны фукающаго, слѣдовало бы ввести въ столбовыя шашки, какъ это указано въ примѣчаніи 68-мъ.

[311]) Дабы показать, съ какою трудностью сопряжены филологическія сопоставленія, и какъ легко впасть въ ошибку даже въ томъ случаѣ, когда этнографическія соображенія указываютъ на вѣрность тенденціи, укажу здѣсь на свои первоначальныя предположенія по этому поводу.—Въ самомъ дѣлѣ, само собой напрашивается сблизить русскій терминъ „фукъ" съ латинскимъ fucus, что значитъ *румяна* (греч. fykia), *притворство, шмель, трутень*. Словарь указываетъ, что у Цицерона понятіе *обманывать* выражается фразой fucum, ut dicitur, facere: фука, какъ говорится, дѣлать. Невольно является къ услугамъ фантазія и подсказываетъ вопросъ, не изъ игры ли шашечной идетъ это выраженіе, употребляемое притомъ съ оговоркой, гдѣ латинское *фукъ* могло заключать въ себѣ игру словъ, сохраняемую и въ переводѣ: *и притворство и трутня?* На подмогу этому сопоставленію приходитъ въ голову латинское fac,—дѣлай,—которое при снятіи не берущей шашки могло соотвѣтствовать русскому укоризненному выраженію: „а ты бери!" И то и другое сближеніе поддерживается еще тѣмъ, что какъ-никакъ, а явно не русское „фукъ" можетъ быть безъ большихъ усилій сближено съ языкомъ латинскимъ, чего нельзя сказать про современное итальянское buffare, нѣмецкое wegblasen и англійское to huff. Ко всему этому въ языкѣ греческомъ встрѣчаемъ мы прилагательное fyktos, означающее *избѣгнутый, минуемый*, что опять таки наводитъ на мысль, что фукъ происходитъ изъ древняго греко-римскаго міра.

Всѣ эти соображенія, однако, меня не удовлетворяли. Мнѣ они казались и натянутыми, и сомнительными. Я записалъ ихъ на случай, но не оставлялъ попытокъ объяснить лучше. Я показывалъ эти соображенія одному знакомому мнѣ филологу, и тотъ нашелъ ихъ „прекрасными!" На высказанныя же мною сомнѣнія, онъ съ легкимъ сердцемъ замѣтилъ—„Ну, помилуйте, чего вы еще лучше ищете? Да и кто станетъ васъ опровергать? Если бы даже и вышли ошибки, то не такъ ужъ это важно!" Эти и подобныя имъ соображенія очень часто руководятъ учеными, и въ результатѣ мы имѣемъ массу ложныхъ quasi—научныхъ выводовъ. Лучше вовсе воздержаться отъ выводовъ, чѣмъ приводить сомнительные, но обыкновенно такъ не поступаютъ. И, дѣйствительно, оказалось, что терминъ „фукъ" образовался не совсѣмъ такъ.

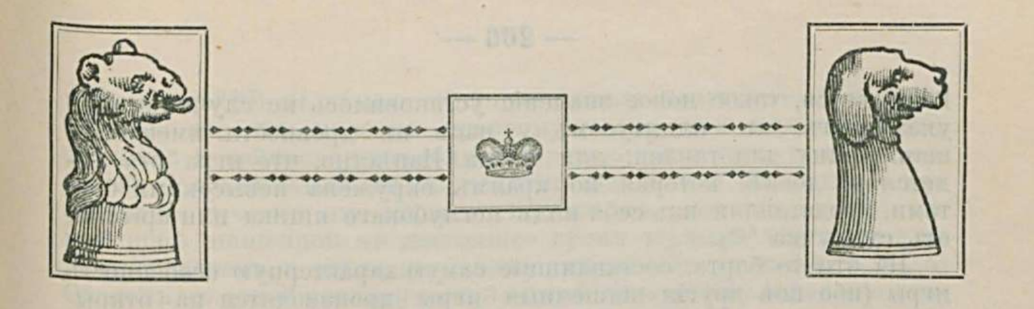
Разсматривая современные термины фука у разныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ у испанцевъ глаголъ soplar, у французовъ—souffler въ смыслѣ „фукать“, оба они, видимо, одного корня—латинскаго. И, дѣйствительно, здѣсь мы встрѣчаемъ (того же приблизительно значенія, что и по-французски)—глаголъ sufflare, *надувать, вздувать, поддувать* и *хвастать*. Изъ этихъ современныхъ терминовъ Испаніи и Франціи въ правѣ мы заключить о существованіи термина sufflare и у самихъ римлянъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее отъ насъ время. Но тутъ же въ словарѣ встрѣчаемъ мы глаголъ suffocare, означающій *задушить, погубить*, который и по значенію и по звуку нельзя не признать за родоначальника нашего русскаго „фука“, за игорный латинскій терминъ, быть можетъ даже болѣе древній, чѣмъ sufflare [312]). Сокращеніе suffoco въ „фукъ“ вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что оно могло поддерживаться вышеуказаннымъ восклицаніемъ fac!

Каждое изъ этихъ нашихъ сближеній, взятое въ отдѣльности, можетъ быть отрицаемо или подвергаться сомнѣнію, но вся совокупность ихъ указываетъ, надѣемся, и скептикамъ, что здѣсь не случайныя совпаденія и натяжки, а нѣчто заслуживающее вниманія и дальнѣйшаго изученія.

---

[312]) Замѣчу, кстати, что словарь Кронеберга, кромѣ перевода полнаго глагола suffocare, даетъ еще такой же не полный глаголъ suffoco, are, при которомъ вовсе *не прилагаетъ перевода*, а указываетъ лишь догадку: „Ptol. *можетъ быть* курить, окурять“. Какъ интересно бы узнать эту цитату, смыслъ которой не понятенъ филологамъ!

XXVI.

Qui de originibus verborum multa dixerit commode, potius boni consulendum, si quid nequiverit, quam reprehendendum.

Varro.

Итакъ, шашки въ ихъ древне-римской формѣ должны были быть извѣстны на Руси въ самое отдаленное время; но какъ назывались онѣ? Едва-ли именовались онѣ латронами или лятрункулями, хотя остатки этого слова и сохранились въ языкѣ русскомъ. Да и во всякомъ случаѣ впервые должны были шашки появиться къ намъ изъ Греціи, цивилизація которой настолько воздѣйствовала на славянъ, что закончилась даже передачею имъ религіи. До чего вліяніе это было сильно и длительно, видно, напримѣръ, изъ словъ А. Леонтьева (см. примѣч. 27 и 224), описывавшаго китайскіе шахматы въ 1775 году. Стараясь объяснить игру наиболѣе понятнымъ образомъ, онъ говоритъ: „китайцы шашки игры сей дѣлаютъ круглыя, похожія на наши плинтусы или дамки...". Для его времени греческое слово „плинтусъ" [313]) было понятно, какъ толкованіе *русскаго* слова „шашка", оно было равнозначуще съ *дамкою*, хотя въ языкѣ греческомъ означало не только фигурку игровую, но и самую шашечницу. Въ настоящее время это слово, подобно „шеренгѣ", потеряло у народа свой коренной и прежній смыслъ шашки, и „плинтусъ" сталъ означать преимущественно названіе той планки, которую прибиваютъ въ комнатахъ вдоль стѣнъ, чтобы прикрыть неровные концы пола [314]).

---

[313]) Оно означаетъ *кирпичъ, черепица*, вообще всякое четыреугольное тѣло—*πλίνθος*; въ формѣ *πλινθίον*, оно значитъ *кирпичикъ*, всякій четыреугольный обрубочекъ, карре, значитъ еще и *шашечница*, доска игральная. Въ языкѣ цркслав. *плинѳъ*—кирпичъ.

[314]) В. И. Даль: „**плинтусъ, плинтъ**, *м., греч.*, подножье, стояло; нижняя полоса стѣны, печи, выступомъ; панель, пришивная, по стѣнамъ, по полу дощечка; наружный уступъ стѣны, противъ полу". 1-е изданіе.

Разумѣется, такое новое значеніе установилось не случайно; оно указываетъ, что плинтусомъ у насъ въ древности именовали шашечницу для тавлеи, для нарда. Извѣстно, что игра эта ведется на доскѣ, которая по краямъ окружена невысокими бортами, представляя изъ себя видъ неглубокаго ящика или крышки отъ сундучка [315]).

На эти то борта, составлявшіе самую характерную особенность игры (ибо всѣ другія шашечныя игры производятся на открытыхъ доскахъ), народъ и перенесъ названіе плинтусовъ. Какъ въ „шеренгѣ" народъ подмѣтилъ новое расположеніе шашекъ по прямой линіи, въ противоположность древней игрѣ шашечной, такъ въ „тавлеѣ" показалось ему наиболѣе характернымъ устройство доски съ краями. Перемѣна смысла слова „плинтусъ" служитъ, хотя и косвенно, большимъ и важнымъ подтвержденіемъ нашего объясненія „шеренги".

Но если слово *плинтусъ*,—названіе древней шашечной игры,—было греческимъ, а шахматы, пришедшіе съ персидско-арабскаго востока, имѣли сперва индо-персидское названіе, а впослѣдствіи арабско-русское, то надо придти къ выводу, что и шашки древнѣйшей формы, т. е. въ формѣ греческой петтейи,—должны были имѣть свое особое названіе, и, несомнѣнно, названіе это для славянъ надо искать въ языкѣ греческомъ. И я думаю, что мнѣ посчастливилось подмѣтить это названіе въ современномъ русскомъ языкѣ: по моему мнѣнію, шашки должны были именоваться первоначально *пѣшками*. Я полагаю, что это вовсе не шахматный терминъ, а шашечный, перенесенный въ шахматы, какъ перенесенъ туда въ западной Европѣ терминъ „дамки".

Въ самомъ дѣлѣ, „пѣшка" если и есть уменьшительная форма, то до сихъ поръ никѣмъ еще не было указано, отъ какого слова. *Пѣшку* обыкновенно пишутъ черезъ *ѣ* [316]), соединяя понятіе съ пѣшимъ войскомъ, въ противоположность шашкамъ-офицерамъ, но такое современное толкованіе понятія еще не значитъ, что оно и происходитъ отъ слова *пѣшій*. Знатокъ языка В. И. Даль понялъ это раньше другихъ, усомнился въ такомъ производствѣ и задался вопросомъ, не происходитъ-ли этотъ терминъ отъ *пихать, пёхомъ, пешня*. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, тутъ буква ѣ

---

[315]) Въ настоящее время доску триктрака обыкновенно рисуютъ внутри складной шашечницы.—У римлянъ доска эта называлась (примѣч. 157-е) alveus, alveus lusorius. Слово alveus полатыни въ первоначальномъ своемъ значеніи должно переводиться: ровъ рѣчной, логовище рѣки, каналъ, ванна, чанъ, вообще всякая посудина желобоватая, и все, что желобовато, безъ крышки. Объ этомъ стоитъ упомянуть, ибо мы не имѣемъ латинскаго описанія доски для XII линій. Изъ самаго названія ея видно, что она устраивалась подобно доскѣ нардовой, триктраковой, тавлейной.

[316]) Я первый въ шахматной литературѣ обратилъ вниманіе на это слово и въ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ С. А. Сорокина („Шахм. Об." №№ 13—14 стр. 223) указалъ на мнѣніе В. И. Даля, что писать надо здѣсь *пешка;* но въ то время происхожденіе самаго слова было для меня еще не ясно.

не у мѣста"[317]). Я думаю, что и не отсюда идетъ это слово. Замѣчательно, что подобно древнему слову *конь* (примѣч. 233), „пѣшка" и сейчасъ употребляется русскими, и при томъ совершенно безсознательно не въ понятіи шахматной фигурки, а для означенія *простой* изъ игры въ шашки, въ „дамки", хотя въ самой игрѣ шашечной въ настоящее время терминъ этотъ вовсе не употребителенъ, и когда въ такомъ смыслѣ его употребилъ А. А. Оводовъ въ одной аналитической статьѣ, то я имѣлъ основаніе указать, что это не вѣрно. Однако, ни издатель[318]) ни читатели не обратили вниманія на это выраженіе. Пословицы и выраженія: „я тебѣ не пѣшка", „точить пѣшки" (т. е. балясы), „швыряться какъ пѣшками" и многія другія въ этомъ родѣ—встрѣчаются постоянно и въ языкѣ разговорномъ и въ литературныхъ[319]) произведеніяхъ. Статья И. Т. Савенкова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" 1905 г. представляетъ въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ, и еще тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, авторъ древнимъ названіемъ шашекъ считаетъ *лѣкы, лѣки.* Про это слово онъ говоритъ (стр. 78): „Этотъ .... переводъ.... интересенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ выдѣленнымъ, по всей вѣроятности, древнѣйшее названіе пѣшечной или шашечной игры"..... „группа изъ 3-хъ лицъ, съ пѣшечною доскою и пѣшками на ней" (см. примѣч. 71).... „слово *шашки*, замѣнившее *пѣшки*,.... могли смѣшиваться съ болѣе древнею игрою *въ дамки* или въ *тавлеи*". (стр. 47)... „Тавлеи,.... во многихъ памятникахъ.... смѣшиваются съ пѣшками" (стр. 79).

Откуда идетъ такое всеобщее, такое постоянное и однообразное употребленіе этого слова? А оно наблюдается у людей, даже совершенно не знакомыхъ съ шахматами, или знающихъ объ нихъ по наслышкѣ.—Я полагаю, что слово это такъ же старо, какъ *шеренга*, какъ *плинтусъ*, и такъ же продолжаетъ отражать въ своемъ употребленіи и прежній взглядъ на древнюю игру, и тотъ, который образовался при замѣнѣ ея новѣйшими *дамками* и *шашками*, и тотъ, который создался при появленіи шахматъ.

---

[317]) „**Пѣшій**, *смб. пѣхій, арх.* пѣшой, кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ **пѣши, пѣшкомъ**, *пѣшечкомъ*, нар. пѣшеходъ, **пѣхотою**; *ряз.* **пѣсью**, песью; шуточно **пѣхтурой**, тмб. **пѣхтуромъ, пѣшью**. У Рейфа, съ санскрит., у Шимкев. отъ *песъ;* не отъ *пехать, пхать-ли?* И нынѣ гов. на югѣ: *куда пхаешь?* идешь; съ этимъ были бы согласны; *пѣшка,* которую суютъ, куда вздумаютъ, *пѣ(е)шня*, коею бьютъ *пи(е)хомъ,* и пр." В. И. Даль, 1-ое изданіе.

[318]) П. Н. Бодянскій, „Шашки" 1891 г., № 4, стр. 96: „Анализъ центральнаго дебюта при 4-мъ ходѣ бѣлыхъ f4—e5". А. А. Оводова.—„Шашечный Листокъ", изд. В. И. Шошина 1903 г. №№ 2—4, стр. 21 и 22: „Одинъ варіантъ городской партіи". Д. И. Саргина.

[319]) „Только слово *пѣшка* перешло въ фигуральное выраженіе, или въ пословицу. Чтобы обозначить человѣка, которымъ не задумаются пожертвовать, на котораго смотрятъ какъ на орудіе, бросаемое по миновaніи надобности, по-русски говорятъ: „играть имъ, какъ пѣшками". Это новое доказательство древности слова *пѣшка,* ибо пословицы всегда состоятъ только изъ старинныхъ словъ". Шахм. Обозр. 1892 г., стр. 223, мой переводъ статьи К. А. Яниша: Linguistique de l'échiquier russe, помѣщенной въ Palamède'ѣ 1842 года (II, 163—165).

Извѣстно, что древнѣйшія шашечныя игры разыгрывались фигурными шашками, изображавшими собачьи или львиныя головы; у грековъ въ одной изъ игръ, какъ мы знаемъ, онѣ даже назывались „собаками" (см. примѣч. 87). Гайдъ даетъ и рисунки этихъ древнихъ шашекъ, которыя мы приводимъ въ заставкѣ настоящей главы. У сойотовъ, какъ видно изъ статьи И. Т. Савенкова, въ шахматной игрѣ пѣшки именуются *щенками*, а ферзь, котораго здѣсь И. Т. Савенковъ именуетъ (стр. 41) визиремъ,—называется *собакою*. Это, разумѣется, идетъ изъ той же глубокой старины, которая относится ко временамъ древней Греціи [320]).

Названіе шашекъ „собаками" у грековъ, фигурки игры съ собачьими головами на югѣ Европы и въ Азіи не могли быть неизвѣстными славянамъ, постоянно соприкасавшимися какъ съ цивилизаціею греческою, такъ и съ персидско-кавказскою, славянское же названіе этого животнаго было *песъ* [321]). И, вотъ, я думаю, что съ одной стороны названіе въ греческой игрѣ шашекъ *собаками*, съ другой стороны самая форма древнихъ шашекъ съ песьими и львиными головами, съ третьей — на-

---

[320]) Мнѣніе И. Т. Савенкова и развиваемыя имъ пространно поясненія, будто у сойотовъ въ этомъ наименованіи дамы *собакою* выражается униженное положеніе женщины (какъ будто „королева" явилась впервые не въ Европѣ, а еще въ Азіи), что у нихъ, въ ихъ жизни, собака будто-бы почитается важнѣе женщины,—конечно, курьезъ, представляющій превосходный образчикъ того, какъ этнографія не можетъ научить вѣрнымъ выводамъ, хотя будто бы и принимаетъ для правильныхъ умозаключеній всѣ мѣры (см. примѣч. 61).

Кстати упомяну здѣсь, что и переводъ названія ферзя *арсланъ* словомъ *левъ* съ лингвистической точки ошибоченъ. По крайней мѣрѣ вотъ что привелось мнѣ прочесть въ „Извѣстіяхъ восточнаго института", Т. XLV, вып. 1: *А. А. Гребенщиковъ*. „Маньчжуры, ихъ языкъ и письменность". Владивостокъ. 1912. Говоря объ обычномъ переходѣ звука *а* въ *е*, на стр. 33, авторъ между прочимъ указываетъ на *арсаланъ* и *ерселен* и замѣчаетъ: „Захаровъ и Harlez не правы, переводя эти слова левъ и львица"... Всего вѣроятнѣе, что и здѣсь, какъ и всюду, а въ играхъ особенно, мы встрѣчаемъ „осмысливаніе" иностраннаго термина, означавшаго въ дѣйствительности совсѣмъ не то, что ему приписываютъ на новомъ мѣстѣ.—Къ названію ферзя *Баръ-мерзé* или *Арзланъ-мерзé* (мерзé—собака) И. Т. Савенковъ даетъ примѣчаніе (стр. 13): „корень и слова: мерз-кій, мерз-ость, мерзо-пакостный и т. п. мы считали русскими, но теперь мы склонны ихъ считать монгольскими или тюрко-алтаизмами, подобно словамъ олухъ, балбесъ, ни бельмеса и др. Конечно, рѣшающій голосъ принадлежитъ лингвистамъ". Разумѣется послѣдніе скажутъ, что нельзя на основаніи случайно подмѣченаго сходства со словомъ неизвѣстнаго языка дѣлать выводъ.—Вѣрнѣе всего, что и въ данномъ случаѣ *мерзе* не самостоятельное названіе, а искаженіе персидско-арабскаго термина *ферзь*, измѣненнаго на свой мѣстный ладъ.

[321]) Въ употребленіи этого слова, и особенно производныхъ отъ него, наблюдается то же явленіе, что и при словѣ *конь*. Мы говоримъ: пахнетъ псиной, густо-псовая порода, злой песъ, псарь, псарня, псивѣть и т. п., хотя слово *собака* достаточно обрусѣло и укоренилось въ языкѣ. Почти всѣ пословицы употребляютъ только слово *песъ*, очень немногія изъ нихъ съ *собаками*.

именованіе главнѣйшей греческой игры пессейей, гдѣ шашка называлась *πεσσός*, pessys, во мн. ч. *πεσσοί* и, наконецъ,—совпаденіе слова „песъ" съ этимъ послѣднимъ терминомъ и съ фигурными изображеніями шашекъ—повело къ созданію уменьшительнаго отъ песъ—*песка* и *пешка*, ибо извѣстно, что въ славянскомъ языкѣ, какъ теперь въ польскомъ и чешскомъ, *песъ* произносилось безъ звука ё [322]), игра же пессейя,—или по другому выговору петтейя,—конечно была въ древней Руси извѣстна [323]). Подтвержденіе всѣмъ этимъ сближеніямъ нахожу я: во-первыхъ, въ современныхъ терминахъ шахматной игры у грековъ, гдѣ пѣшка теперь именуется *πεσσός*, pessos, которое взято, конечно, изъ древней петтейи, а во-вторыхъ, въ сибирскомъ говорѣ, гдѣ по словарю Даля, шашечница именуется *пѣшельница* и *пѣшечница*.

Что касается до слова „шашка", то оно является терминомъ совершенно новымъ, не древнѣе языка былинъ *), которыя отно-

---

[322]) Напримѣръ пословица: „Богатъ какъ крезъ, а живетъ какъ песъ".

[323]) Цитата изъ Даля въ примѣчаніи 317-мъ можетъ дать поводъ читателямъ думать, что производство *пешки* отъ *песъ* высказано уже Шимкевичемъ. Однако, такое заключеніе будетъ ошибкою.—*Ѳ. С. Шимкевичъ*, въ трудѣ своемъ „Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками" (Спб. 1842),—который разсматриваетъ только коренныя русскія слова, такъ что всѣ заимствованныя изъ другихъ языковъ реченія, исключены, хотя бы они вполнѣ обрусѣли,—вовсе не касается слова „пѣшки" и ничего не говоритъ о собакѣ, *о псѣ*. Онъ даетъ только корни слова **пѣшій, ая, ее**: „*прилаг.* тотъ, который идетъ на своихъ погахъ (а не ѣдетъ). *Болгарск.* пѣшій; *литовск.-русск.* пѣшый; *польск.* pieszy; *верхне-лузацк.* pjeschi; *нижне-лузацк.* pěschi; *богемск.* pěsj, pěchý; *виндск.* и *краинск.* pesh; *сербск.* пеше, пјеше, пѣшкомъ; *кроатск.* pessecz; *боснійск.* pjescjaç; *рагузск.* pjescjaz: *славонск.* pishac, пѣхотный воинъ; *литовск.* peszcias; *сам.* pescias.—*Ср. санскритск.* песъ и пись, идти.—Въ Рейфовомъ лексиконѣ приведено для сравненія санскритск. *падъ*, а я привелъ слово *песъ;* но сіи слова, не смотря на разность послѣдней буквы, имѣютъ сродство между собою, потому что въ санскритскомъ языкѣ буква с замѣняется буквою д. (См. A. Gramm. of the Sungskr. lang., by Carey, p. 30)". Даль не указалъ, что „песъ" Шимкевича не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ „псомъ"; Бодуэнъ де Куртенэ, въ 3-мъ изданіи словаря Даля, также не исправилъ неясности этой редакціи.

*) Здѣсь, то говорится, что игра идетъ „въ шашки-шахматы" (Рыбн. II, 123), то „играютъ въ шашечки кленовыя, на тыхъ дощечкахъ на дубовыихъ" (ib. 42) то перечисляются игры: „въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ" (ib., 144).

Общераспространенная и часто встрѣчающаяся въ историческихъ свидѣтельствахъ игра *зернь* (одно время она у насъ отдавалась даже на откупъ) по большей части, и особенно въ ближайшее къ намъ время (напр. въ царствованіе Алексѣя Михайловича) была игрою въ кости, но изрѣдка можетъ быть она понимаема и какъ игра въ шашки съ костями, какъ это и видно изъ былиннаго выраженія. (Ср. примѣч. 164-е). Въ Италіи въ средніе вѣка кости были извѣстны подъ названіемъ zara, zarda или azarra (К. Д. Гюлльманъ. Общественная и частная жизнь въ европейскихъ городахъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1839). Отсюда, вѣроятно, и происходитъ русское слово *азартный*, которое нѣкоторые

сятъ вообще къ XVII столѣтію и даже къ концу его и лишь съ большимъ сомнѣніемъ допускаютъ XVI вѣкъ. Мнѣ пришлось говорить о „шашкѣ", съ очень многими, между прочимъ съ И. Д. Мансвѣтовымъ, И. Е. Забѣлинымъ, Н. И. Чаевымъ, но всѣ они, какъ и многіе другіе, согласно утверждаютъ, что слово „шашки" въ древнихъ письменныхъ памятникахъ вовсе не встрѣчается. Конечно, по отношенію къ игорнымъ терминамъ, сохраняющимся вообще чрезвычайно долго [324]), языкъ былинъ можно считать болѣе старымъ (см. примѣч. 164), но отсутствіе термина „шашки" въ древнѣйшихъ рукописяхъ говоритъ все-таки за то, что названіе это въ языкѣ литературномъ сравнительно ново. Единственная допустимая уступка по отношенію къ этому наименованію можетъ быть только та, что терминъ *шашки* былъ простонароднымъ, не употребительнымъ въ высшихъ классахъ, считался вульгарнымъ, и потому, будучи въ дѣйствительности сравнительно старымъ, сохранился въ былинахъ, но не попалъ въ письменные памятники. И весьма возможно, что это, повидимому бездоказательное, предположеніе окажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Извѣстно, что какъ бы ни было неправильно созданіе новаго слова, оно найдетъ мѣсто въ языкѣ, коль скоро распространится въ широкихъ массахъ, и наоборотъ, какъ бы ни было желательно сохранить древнее слово, оно или исчезнетъ или совершенно измѣнитъ свой смыслъ, если почему либо не нравится народу. Въ *шеренгѣ* [325]) и *плинтусѣ* видѣли мы при-

---

выводили изъ французскаго hasard; въ Полн. Собраніи Законовъ слово это пишется: азардный; въ современномъ итальянскомъ языкѣ азартная игра giuoco d'azzardo.

[324]) Лучшимъ примѣромъ могутъ служить названія сочетаній въ костяхъ на Кавказѣ у различныхъ народностей, о чемъ мы говорили въ примѣчаніи 181-мъ; они сохраняются у различныхъ народностей одинаково на непонятномъ и мертвомъ теперь средневѣковомъ персидскомъ языкѣ.—Кстати упомяну здѣсь объ одномъ терминѣ изъ игры нардъ. Въ западной Европѣ въ триктракѣ каждая четверть доски (шесть флешей) именуется *дворомъ*, при чемъ у французовъ употребляется для этого слово jan, у грузинъ же каждая флеша (или линія) называется „дверью". Очевидно, что то и другое идетъ отъ латинскаго janua, дверь.

[325]) Защищая свои выводы самымъ серьезнымъ образомъ, не могу я обойти молчаніемъ указаніе на происхожденіе *шеренги* отъ венгерскаго *шерегъ*. Даль при словѣ *шеренга* писалъ: „*ж.*, ширинга (*ширинка?*, или польск., итальянск.?)"; новѣйшее изданіе этого словаря, подъ редакціей Бодуэнъ де Куртенэ, прибавляетъ отъ себя: „пол. szereg, szereg, мадьярск. sereg". Я никоимъ образомъ не могу допустить вліянія здѣсь со стороны венгровъ, народа незначительнаго, какъ по своей численности, такъ и по культурѣ, и при томъ вліянія настолько сильнаго, чтобы оно проявило себя черезъ Польшу на всю Россію. „Шерегъ" по-мадьярски значитъ *войско*, а вовсе не вытянутая прямая длинная линія, какъ это понимается по-русски, и при томъ понимается не гдѣ нибудь въ провинціальномъ говорѣ, а повсемѣстно (см. слѣдующее примѣч). Въ языкѣ сербскомъ (Сербско-русскій словарь *П. Лавровскаго*. Спб. 1870) мы встрѣчаемъ „шережанинъ, шережникъ", которымъ именуются „солдаты полка въ Хорватіи, сторожащаго на турецкой границѣ", но въ этомъ же языкѣ находимъ мы: *шаренъ, а, о,* пестрый,

мѣры перемѣны значенія, въ *шашкахъ* видимъ вытѣсненіе этимъ терминомъ прежнихъ названій—*пѣшки* *), *плинтусы, тавлеи, дамки*. Въ языкѣ польскомъ древне-славянское слово *варцабы*, означавшее у русскихъ кости, перешло въ значеніе шашекъ *(варцабница* по польски значитъ *шашечница)*, а въ настоящее время вытѣсняется этимъ послѣднимъ словомъ [326]). Во всякомъ случаѣ, ни въ русскомъ ни въ славянскомъ языкѣ не имѣемъ мы реченія, отъ котораго могло получиться слово *шашка*, какъ уменьшительное [327]), а между тѣмъ оно должно было казаться уменьшительнымъ и въ прежнее время, подобно тому, какъ терминъ „дамка" въ настоящее время представляется намъ уменьшительнымъ отъ „дама", хотя, какъ увидимъ далѣе, слово это могло появиться совсѣмъ другимъ путемъ и быть очень древнимъ [328]).

двуличный, *шаренгаща*, м. ж., съ пестрыми штанами, *шареница*, ж., пестрый коверъ, *шарентрба*, ж., пестробрюхая (лягушка), *шаринъ, на*, пестрый конь.—Откуда могло бы взяться въ этихъ созвучныхъ словахъ понятіе *пестраго*, какъ не отъ шахматницы? Необходимо установить, что само венгерское „шерегъ" взято изъ „шеренги", а не наоборотъ.—Въ сербскомъ же языкѣ находится слово *ферецa*, ж., какъ названіе верхней одежды у турчанокъ (ср. примѣч. 249 и 292).

*) Въ Московскомъ уѣздѣ есть слобода *Пѣшки*. См. „Заря", изд. Сытина, 1914 г., № 15, стр. 18. „Праздникъ новаго крестьянства".

[326]) См. Польско-Россійскій словарь, сочиненный Станиславомъ *Миллеромъ*. Вильно. 1829.—*Dama*, gra w warcaby шашки, дамки,—*Warcab, u*, шашка, gra w warcaby, шашечная игра; *warcabnica, y*, шашечница, шашечная доска въ шестьдесятъ четыре четвереугольника раздѣленная, на которой играютъ шашками; *warcabny*, шашечный, относящійся къ шашкамъ.—2) *warcabny*, одинъ изъ чиновниковъ при соляномъ дворѣ.—Про шеренгу словарь этотъ пишетъ: szeręg, рядъ; нѣкоторое число людей или вещей, помѣщенныхъ на одной и прямой чертѣ; шеренга; szeręgami, по шереножно, szeręg liczb, рядъ чиселъ; szeręgować ставить въ шеренгу, въ рядъ; szeręgowy, шереножный—2) szeręgowy= szeręgowiec, рядовой солдатъ. Этотъ же словарь слово szach переводитъ также словомъ „шашка" и тутъ же даетъ dadz czash królowi, дать шахъ царю; szachy, pl., шахматная игра; w szachy grać, играть въ шахматы... szachownica, y, f., шашечница... szachowy, шашечный, шахматный.

[327]) П. Н. Бодянскій по аналогіи со словомъ „шахматистъ" создалъ терминъ „шашистъ"; но словъ *шашъ* или *шаша* мы не имѣемъ. Даль даетъ „шашà", съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, какъ исковерканное *шоссе*. Въ современномъ сербскомъ языкѣ (сл. Лавровскаго) слово „шашка" значитъ саранча, а „шашкинъ" ничтожный человѣкъ, слова „шашъ, шаша, шашакъ, шашка" значатъ осока, кромѣ того есть *шачица* уменьш. отъ *шака*, кисть руки, ладонь, горсть, *шакописъ*, рукопись, шакатати, бить ладонью, *шакати се*, драться голыми руками, ладонями и т. п.; все это ничего не даетъ для пониманія *шашки*.

[328]) Какъ курьезъ надо отмѣтить, что И. Т. Савенкову показался, надо думать, неловкимъ терминъ „бирки", и онъ отъ себя придумалъ слово *биры*, хотя его вовсе нигдѣ не встрѣчается въ памятникахъ; на страницѣ 79 онъ пишетъ: „О другихъ умершихъ названіяхъ игръ на доскахъ: саки и биры или бирки извѣстно (см. далѣе), что они производились на особыхъ различныхъ доскахъ"; но доски именуются *сачными* и *бирковыми*, а вовсе не бировыми.—Другому любителю, П. К. Плотицыну, не понравился терминъ *дамка*, и онъ въ своемъ ша-

Слово „шашка“, помимо его главнаго теперь употребленія для опредѣленія игры шашечной, имѣетъ нѣсколько значеній [329]), изъ которыхъ замѣчательно его значеніе какъ четыреугольнаго обрубка, или какъ квадратной клѣтки пестрой ткани. Если слово шашка явилось въ русскомъ языкѣ впервые какъ наименованіе игры, то здѣсь можно увидать такое же измѣненіе смысла, какъ въ *шеренгѣ* и *плинтусѣ*, ибо мы знаемъ (стр. 71, 88, 90 и 91), что древнѣйшія шашки были всегда круглыми. Но помимо этого мы въ русскомъ языкѣ употребляемъ слово *шашка* еще и для означенія

шечномъ отдѣлѣ („Живоп. Обозр.“ 1891 г., № 2, стр. 42), въ *почтовомъ ящикѣ*, помѣстилъ такую защиту *доведи*: „Мы не можемъ помѣщать въ нашемъ отдѣлѣ такихъ безсмыслицъ, какъ „игра на кола“ или „партія обратнаго кола“. Употреблять въ печати подобныя безсмыслицы могутъ лишь умственные недоноски, неспособные понять такой очевидной истины, что не все то, что имѣетъ смыслъ въ средѣ какихъ нибудь невѣжественныхъ лавочниковъ (см. „Радугу“ 1883 г., стр. 369), можно заносить въ теорію и навязывать всѣмъ и каждому. Къ такимъ безсмыслицамъ мы относимъ и слово „дамка“, употребляемое вмѣсто „доведь“ (доведенная шашка). Здравый русскій смыслъ давно уже указалъ этому слову болѣе соотвѣтствующее мѣсто въ языкѣ—быть собачьей кличкой вмѣстѣ со словами „діанка“, „венерка“ и т. п.“.

[329]) В. И. Даль, Слов. жив. великорусск. яз.: „**Шашка**, *ж.*, всякій мелкій обрубочекъ, отрѣзочекъ, кубикъ; кость игральная съ очками; *волжск.* деревяный брусочекъ, поплавокъ на сѣть и снасть; отрѣзки для подклейки чего, у столяровъ; *столешница приклеена къ подстолью шашками, держится на шашкахъ; подъ цвѣточный горшокъ подсунуты три шашки*; козна, козанокъ, бабка игральная, костыга, шлякъ, лодыга, баска, надкопытная говяжья кость, *вор. ряз., кстрм.*; точеный кружокъ, стопочка, для игры на доскѣ въ 64 клѣтки, и самая игра эта: *играть въ шашки, убить, фукнуть шашку*; *шашка въ доведи прошла.—Я тебѣ не шашка*, не игрушка, не слуга; не помыкай мною.—Низенькая ножка. *Подъ углы доски подклеены шашечки. Платокъ, коверъ въ шашкахъ*, въ клѣткахъ. *Изрѣзать сало шашечками и поджарить. За шашку, такъ и за мѣсто*, тронута—сыграна. *Что шашка, то ей и мѣсто (и клѣтка).—Прм., заводск.*, любовница.—*Юж.* одинадцатый волъ, котор. берется взапасъ къ пяти ярмамъ, впрягаемымъ въ плугъ. **Шашковая** снасть, *вост. волж. касп.*, для ловли стерлядей и вообще красной рыбы, хребтина: веревка протянута подъ водой на двухъ кольяхъ, къ ней, на поводкахъ, часто подвѣшаны крючки, кованцы, острые, но безъ наживы; хребтина плаваетъ на *шашкахъ;* протираясь по дну, рыба садится на крючекъ: она же черная, голая снасть (пртвпл. *кусовая*, съ наживой), и запрещена, потому будто-бы, что портитъ много рыбы; но безъ нея нельзя обойтись, и она въ общемъ ходу.—**Шашникъ**, легкое дерево, ветла, осокорь, изъ коего рѣжутся шашки на поплавки.—**Шашечная** *доска*, **шашечница** и **шашница** или *шашня* ж., шахматная доска въ 64 клѣтки; *шашечные игроки, игра.—ткань*, клѣтчатая, какъ шашня.—*разстановка чего*, шахматная, одинъ рядъ супротивъ промежутковъ другого, вразбѣжку. **Шашня** *ж.*, *шашни мн.*, стачка, тайный скопъ, плутовскія происки, происки собща, за одно, пролазничество, интриги, продѣлки. *Я ваши шашни выведу наружу!* **Шашничать**, промышлять, заниматься этимъ дѣломъ;—**чанье**, дѣйст. по гл. **Шашникъ**, *м.*—**ница**, *ж.*, кто водитъ шашни, кто втай заодно съ кѣмъ и строитъ стачки. *Отложи шашни, да прямись за пашню*“.— Шимкевичъ вовсе не даетъ слова „шашки“.

кавказской сабли [330]). Слово это филологи и словари ставятъ совершенно отдѣльно [331]). Значить-ли это, что оно образовалось совершенно самостоятельно и независимо отъ шашки-обрубочка, игральной фигурки? Это обстоятельство совершенно обходится молчаніемъ. Для меня, пишущаго большею частію не для филологовъ, надо отвѣтить на вопросъ, могутъ-ли совершенно одинаковыя слова въ одномъ и томъ же языкѣ происходить изъ разныхъ источниковъ и отъ разныхъ корней? Слова *дама* и *дамка*, *пѣшій* и *пѣшка*, сербскія *шашъ* и *шашка* (пр. 327) даютъ на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный и достаточно ясный. Слѣдовательно возможно такое происхожденіе и здѣсь. Поэтому „шашку-саблю" необходимо оставить въ сторонѣ, хотя меня въ ней интересуетъ то именно, что она идетъ съ Кавказа, т. е. оттуда, откуда получили мы шахматы и вѣроятнѣе всего новый видъ игры въ шашки—*въ дамки*; тутъ образованіе обоихъ словъ могло влiять одно на другое, хотя-бы они шли и отъ разныхъ корней. Во всякомъ случаѣ, если ранѣе, для означенія игры въ шашки, существовалъ, хотя бы не у русскихъ, а у южныхъ славянъ, терминъ „шеги", то онъ долженъ былъ способствовать (ср. прим. 295) укрѣпленію новаго названія, благодаря своему созвучію съ шашками; послѣднія могли казаться производными отъ славянскаго слова, подобно тому, какъ намъ теперь кажется, что французское слово *бутонъ* необходимо соединять съ русскимъ *бутѣть*.

О. И. Сенковскій (1800—1858) филологъ и профессоръ восточныхъ языковъ, произвелъ терминъ *шашки* совсѣмъ просто. По его мнѣнію (см. стр. 14 и 15) *шахъ* даетъ будто бы уменьшительное *шахекъ*, отчего и происходитъ слово *шашка*. Рѣшать такимъ путемъ вопросы о происхожденіи словъ легче всего: стоитъ придумать не существовавшее никогда переходное слово, и всѣ затрудненія исчерпаны! [332])

[330]) *В. И. Даль.* Сл. жив. в.-русск. яз.: „**Шашка**, ж., *квк.*, сабля горцевъ и казаковъ: довольно широкая, съ малымъ погибомъ, съ гладкою и голою рукоятью, въ кожаныхъ ножнахъ, на узкомъ ремешкѣ черезъ плече; носится наоборотъ, обухомъ впередъ (ударъ въ ножнахъ); шашкамъ, по клейму на нихъ, присвоены особыя названья: *волчекъ*, *чурда* и пр."

[331]) Ѳ. Е. Коршъ производитъ „шашку—саблю" изъ черкесскаго нарѣчія отъ слова, какъ онъ мнѣ говорилъ, трудно изображаемаго русскими буквами, нѣчто въ родѣ „Себ-схо, или Са-шхо", что значитъ *длинный ножъ*.

[332]) Мысль эта была высказана Сенковскимъ въ рецензіи о выходѣ плохенькой брошюрки: „Описаніе вѣрнѣйшихъ правилъ шашечной игры". М. 1850.—Самая книжонка эта (32 д. л.) вовсе не стоила отзыва, и появленіе его въ „Библіотекѣ для чтенія" объясняется,—помимо обычая давать отчетъ о всѣхъ русскихъ вновь выходящихъ книгахъ, въ то время очень малочисленныхъ,—появленіе его объясняется еще тѣмъ, что Сенковскій, обладая громаднымъ по тому времени образованіемъ и обширнѣйшими энциклопедическими свѣдѣніями, не могъ избавиться отъ того фельетоннаго отношенія къ дѣлу, которое побуждало его выражать мнѣнія рѣшительно обо всемъ, часто не заботясь ни о глубинѣ, ни о серьезности сказаннаго. Это, конечно, повело къ потерѣ уваженія, какъ у современниковъ, такъ и у потомства. Вотъ, какъ, напримѣръ, выразился Сенковскій въ статьѣ своей „Скандинавскія саги" объ исторической истинѣ: „Истина для древней исторіи не нужна: для нея довольно правдоподобія, при совершенномъ

Такія вводныя слова могли помогать, однако, только тогда, когда читатели слѣпо вѣрили филологіи; но вѣра эта давно прошла. Теперь если и довѣряютъ филологамъ, то съ большой опаской, да и то только тѣмъ изъ нихъ, которые не принимаютъ своей собственной фантазіи и первыхъ пришедшихъ въ голову соображеній за нѣчто научное (ср. прим. 162).—И. Т. Савенковъ также не сомнѣвается, что *шашки* образовались изъ „шахматъ" (стр. 47), хотя у него имѣлись доказательства, что игра шашечная древнѣе шахматной. На самомъ дѣлѣ, если „шашки" произошли изъ „шахматъ", то это было не такъ просто.

Знакомство славянъ съ шахматами произошло въ самую раннюю эпоху ихъ появленія, т. е. еще до завоеванія Персіи арабами, а новѣйшая форма игры съ дальнобойной дамкой могла быть узнана и отъ арабовъ. Въ первое время шахматы именовались „шеренгой", которая болѣе тысячи лѣтъ сохранилась по словесному преданію. Ея нѣтъ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, но тамъ нѣтъ также ни *лодіи*, ни *ферзя*, ни *пѣшки*, какъ терминовъ шахматныхъ. Между тѣмъ въ древности этихъ послѣднихъ никто не сомнѣвается, при чемъ „пѣшка", какъ мы показали съ достаточною убѣдительностью, оказывается терминомъ еще болѣе древнимъ, чѣмъ „шеренга", представляется болѣе важнымъ этнографическимъ явленіемъ, чѣмъ, напримѣръ, „ферзь", который, вѣроятно, полученъ нами отъ арабовъ, ибо, какъ мы видѣли, въ языкѣ персидскомъ онъ имѣлъ и другія формы: ферзинъ, фарзинъ или

отсутствіи доказательствъ противнаго. Тогда всѣ вѣрятъ правдоподобію, какъ настоящей истинѣ, и оно ровно столько же приноситъ пользы человѣчеству. Исторія или историческая критика суть, такъ сказать, умственные шахматы, искусная игра въ факты, въ которой проигрывающіе, т. е. читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шахъ и матъ, должны платить наличнымъ довѣріемъ". Ему нѣтъ дѣла до того, что діалектика будетъ разгадана и отпадетъ, а доказательства противнаго со временемъ явятся.—Въ результатѣ такихъ воззрѣній не трудно дойти до поддѣлокъ въ доказательствахъ, и Сенковскій до этого и дошелъ! Въ повѣсти „Микерія Нильская лилія", составленной по строгимъ историческимъ даннымъ, со множествомъ рисунковъ, воспроизводящихъ снимки съ Ѳивскихъ памятниковъ, онъ не удержался и помѣстилъ, какъ египетскій рисунокъ, узоръ вышивки, составленный изъ современныхъ карточныхъ мастей, увѣряя, что онъ взятъ изъ Египта! (См. *Сенковскій*, т. V, стр. 201). При этомъ онъ не задумался сдѣлать еще такое примѣчаніе: „...Тѣмъ же узоромъ расписанъ и потолокъ гробницы царевны Микеріи. Это безспорно одинъ изъ самыхъ любопытныхъ остатковъ египетской древности: нельзя не узнать въ немъ четырехъ фигуръ, означающихъ четыре масти на нынѣшнихъ игорныхъ картахъ, и невозможно приписать такого разительнаго сходства простому случаю. Изобрѣтеніе картъ, относимое нами къ четырнадцатому столѣтію, или, по крайней мѣрѣ, изобрѣтеніе карточныхъ фигуръ, очевидно восходитъ до самой глубокой древности. Мы увидимъ далѣе шахматы и домино, которые по нашимъ преданіямъ, принадлежатъ также новѣйшему времени, а они между тѣмъ были уже извѣстны Египтянамъ во время Троянской войны". Подъ шахматами понимается здѣсь рисунокъ, приведенный нами на стр. 14-ой, домино совсѣмъ нѣтъ, а есть только кубическія кости; рисунка же карточныхъ мастей, кромѣ Сенковскаго, нигдѣ въ серьезныхъ сочиненіяхъ о Египтѣ не встрѣчается.

фражинъ (см. примѣч. 97 и стр. 226). Такимъ образомъ, не одно случайное слово „шеренга", а *многіе игорные термины* показываютъ намъ, что слова могутъ тысячи лѣтъ передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, по преданію, хотя они иногда и не сливаются вполнѣ съ языкомъ. Живучесть такихъ словъ свидѣтельствуетъ не только о безсознательной народной памяти, но еще и о томъ глубокомъ интересѣ, который былъ вызванъ игрою при ея появленіи. Первое названіе игры шахматной—„шеренга"—пало и замѣнилось болѣе новымъ—„шахматы", созданнымъ по конечному возгласу при полномъ выигрышѣ, но перемѣна смысла слова „шеренги", означеніе имъ понятія длинной и прямой линіи, указываетъ еще на то, какъ эта перемѣна произошла; языкъ народа отмѣтилъ, что было сравненіе новой въ то время игры со старой: съ „пѣшками", съ игрою шашечною, гдѣ борющіяся силы располагались не прямыми, стройными, рядами, а въ разбросъ [333]).

Критическій разборъ игръ былъ естественно всестороннимъ; онъ не могъ ограничиваться лишь сравненіемъ внѣшняго расположенія силъ, онъ долженъ былъ идти дальше: простираться на ихъ внутреннее содержаніе, на самое веденіе партіи, на силы шашекъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что персидское piyâdach и арабское baidak [334]) замѣнены греко-русскимъ терминомъ *пѣшка*. Не забудемъ, что въ то время картъ игральныхъ въ ходу въ Европѣ еще не было, почему и „шеренга" и „шахматы" при знакомствѣ съ ними должны были производить огромное впечатлѣніе, и тѣмъ большее, что разыгрывались на извѣстной народу *пѣшечницѣ*. Въ шахматахъ обращала вниманіе, конечно, болѣе всего новая цѣль игры—дать матъ, и такъ какъ эта цѣль имѣла и у персовъ, и у арабовъ, и у грековъ спеціальное означеніе *шахъ-матъ*, или съ членомъ *ашъ-шахъ-матъ*, то этотъ именно терминъ и былъ избранъ для означенія новой игры, вытѣснивъ „шеренгу" тѣмъ легче, что и малоазійскіе арабы называютъ игру также *шахъ-матъ*.

---

[333]) См. стр. 165*.—То же находимъ мы у *Вегнера:* Римъ. Изд. Вольфа.—У насъ расположеніе идетъ не по шашечному, а по шахматному, т. е. солдатъ стоитъ за солдатомъ въ походѣ и на смотру; въ бою же сохраняется шашечное расположеніе; большею частію оно въ двѣ шеренги, но бываетъ и въ четыре; тогда, при стрѣльбѣ, двѣ переднія шеренги становятся на колѣна. Ср. *Даль*, сл. ж. в.-р. яз.: „Шеренга... строй солдатъ плечемъ къ плечу, фронтомъ; вглубь идутъ *ряды*; обычный строй пѣхоты въ три, конницы въ двѣ *ширинги*, а въ ширингѣ столько рядовъ, сколько человѣкъ".—Правописаніе Даля—*ширинга*—произошло по тому, что онъ сближаетъ это слово съ русскимъ *ширинка*, которое есть только „осмысливаніе" непонятнаго теперь термина.

[334]) Слово *байдакъ* сохранилось въ русскомъ языкѣ, и въ настоящее время употребляется во многихъ и разнообразныхъ значеніяхъ, происхожденіе которыхъ трудно объяснить; между прочимъ, по Далю, значитъ оно (*ниж. мак.*) *озорникъ, буянъ; байдаки бить, байды-бить* южн., *байдать*, кур., бить баклуши, продавать слоновъ, слоняться, шататься безъ дѣла. *У насъ дураковъ семь байдаковъ, и уголъ не початъ.*—Весьма возможно, что и эта пословица идетъ изъ древней шахматной игры, равно какъ и выраженіе *слоновъ продавать*, т. е. праздно шататься.—У Даля же, какъ я указывалъ, встрѣчается древняя шахматная пословица: *слонъ добро къ слову, а ладья къ перевозу.*—На Явѣ пѣшка также зовется bidak.

Перемѣна древняго названія на новое не была случайной. Она, какъ и въ другихъ играхъ, произошла при реформѣ въ ходахъ, при обновленіи шатранджа. Названіе „шахматы“ могло, однако, создаться по „мату“ лишь тогда, когда самый матъ сталъ вообще осуществимымъ. Въ шатренджѣ, какъ извѣстно, онъ былъ большою рѣдкостью, игра кончалась либо ничьею, либо отобраніемъ шашекъ противника, при чемъ roi dépouillé, т. е. царь безъ прочихъ шашекъ, хотя-бы и вовсе нельзя было дать ему мата, считался проигрышемъ, слѣдовательно восклицаніе „шахъ-матъ!“ примѣнялось рѣдко [335]).

Пріемъ и усвоеніе новаго названія „шахматы“, помимо этого, объясняется еще и чрезвычайнымъ удобствомъ его для славянъ при ихъ международныхъ сношеніяхъ съ одной стороны съ Персіей, съ другой съ греками: и тамъ и здѣсь былъ онъ понятенъ въ той многоязычной толпѣ, которая бывала на древнихъ торжищахъ.

Въ другой игрѣ, въ шашкахъ, напротивъ, выигрышъ былъ сравнительно рѣдокъ, чаще всего происходили ничьи; притомъ и самое веденіе шашечной партіи направляется главнымъ образомъ на приведеніе къ ничьей (ибо, какъ замѣтилъ Н. Н. Панкратовъ, играя съ равносильнымъ игрокомъ на ничью, можно достичь вы-

[335]) И. Т. Савенковъ, стремясь объяснить названіе „шахматы“, нарисовалъ цѣлую картину, которая была бы прекрасна, если бы не была вся цѣликомъ выдумана безъ всякихъ основаній. Онъ пишетъ (стр. 113) про русскихъ купцовъ на востокѣ: „Любознательный купецъ, присматриваясь ко всякимъ товарамъ и разыскивая товары „на свою землю“, не могъ не замѣтить шахматъ, разнообразной формы, отъ звѣринаго индійскаго стиля до простыхъ символическихъ фигуръ, не противорѣчившихъ религіознымъ воззрѣніямъ арабовъ. На улицахъ и около лавокъ онъ не могъ не замѣтить и игроковъ въ шахматы. Передъ расчерченными на клѣтки платками, съ разставленными на нихъ звѣриными и человѣческими фигурками, въ глубокомъ размышленіи, сидѣли типичные восточные люди, „игры дивы творя“. Не безъ суевѣрныхъ помысловъ, прислушивался русскій купецъ къ возгласу, часто повторявшемуся „шахъ“, и къ возгласу, который раздавался единожды, въ каждой партіи,—только въ концѣ „шахъ-матъ!“, и запечатлѣлъ въ названіи игры свое непосредственное воспріятіе. Заинтересовавшемуся игрою смѣтливому торговцу не трудно было усвоить ея правила и перенести ее на свою далекую родину“.

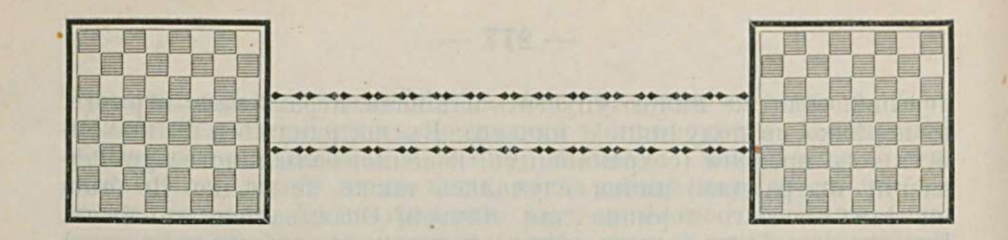
Словомъ, чего хочешь, того и просишь. Тутъ и суевѣрные помыслы, тутъ и смѣтливость и впечатлительность! Напиши это не шахматистъ,—не было бы ничего удивительнаго, если бы онъ вообразилъ себѣ, что „шахъ и матъ“ раздается въ *каждой* партіи, но для шахматиста, да еще говорящаго ученымъ слогомъ, такъ фантазировать прямо таки не позволительно. Не говоря уже о томъ, что въ шатранджѣ матъ, вообще, былъ не достижимъ; допустимъ, что эти восточные люди играли уже съ новымъ ферземъ, и что матъ у нихъ бывалъ не такъ рѣдко, но онъ и въ этомъ случаѣ бывалъ никакъ не въ *каждой* партіи. Множество ихъ (какъ и теперь) оканчивалось ничьею, или противникъ сдавался гораздо раньше мата, видя невозможность избѣжать проигрыша. При этомъ не надо забывать, что если даже въ то время дальнобойный ферзь и появился, то онъ, во 1-хъ, не моментально пріобрѣлъ всеобщее признаніе, и шатранджъ продолжалъ существовать, какъ существуетъ на востокѣ еще и нынѣ, и, во 2-хъ, что даже въ новыхъ шахматахъ, конечно, не были еще исключены прежнія правила шатранджа, когда и патъ, и одинокій царь, признавались выигрышемъ.—Но такіе скороспѣлые выводы и невѣрныя историческія картины всегда встрѣчаются у людей несамостоятельно изучающихъ предметъ, а занимающихся перефразировкой чужихъ данныхъ. Тамъ, гдѣ они пытаются выступать самостоятельно, они моментально обнаруживаютъ свою неспособность къ сколько нибудь вѣрнымъ умозаключеніямъ. Онъ не зналъ даже того, что средневѣковые арабы въ Персіи и около нея сами называли игру *шахъ-матъ*.

игрыша, если же ничью упустить изъ вида, играть на выигрышъ, то нерѣдко не получишь и ничьей). Въ шатранджѣ и въ шахматахъ того времени (сохранявшихъ, конечно, большинство установленій шатранджа) ничьи случались также не рѣдко. Не было ли тамъ особаго термина для ничьей? Оказывается, что былъ. Выраженіе побѣды—„шахъ-матъ"—понималось арабами, какъ слова „царь умеръ", но кромѣ этого существовало еще противуположеніе—„шахъ-камъ", что значитъ „царь стоитъ". Слова эти были также ходовымъ техническимъ игровымъ терминомъ и примѣнялись для означенія ничьей, когда она являлась результатомъ „вѣчнаго шаха". Не надо обладать большою смѣлостью, чтобы предположить, что арабскій терминъ, прямой смыслъ котораго былъ славянамъ не ясенъ и скоро позабытъ, сталъ примѣняться и для означенія той игры, гдѣ *ничья* съ „вѣчнымъ" передвиженіемъ новой доведи (по большой дорогѣ при трехъ дамкахъ у противника, или вообще по доскѣ при двухъ чужихъ доведяхъ) была однимъ изъ самыхъ частыхъ явленій и какъ нельзя лучше подходила къ арабскому термину. Не забудемъ при этомъ, что, получивъ шахматы изъ Персіи и играя въ нихъ съ арабами, торговцы русскіе, разумѣется, знакомили ихъ со своею коренною игрою, производившеюся на той же доскѣ, и могли слышать здѣсь отъ самихъ арабовъ примѣненіе словъ „шахъ-камъ", по отношенію къ ничьей. Такъ какъ по строю языка русскаго сочетаніе *х* и *к* не возможно, то *х* естественно перешло въ *ш* (*плаха, плашка; рубаха, рубашка*), а окончаніе *м* отпало. Вотъ какъ могла образоваться русская *шашка*.

Ко всему этому необходимо добавить, что слово „шахматы" установилось, конечно, не сразу; изъ письменныхъ источниковъ видно, что для означенія игры были еще слова *шахы* и *шахи*. У насъ термины эти не удержались, но у поляковъ и чеховъ они сохранились, при чемъ у поляковъ перешли отчасти и въ названіе игры въ шашки (прим. 326). Такимъ образомъ „шашки" могли казаться и уменьшительнымъ отъ *шахы*, но, конечно, безъ всякаго посредствующаго „шахекъ", которое дало бы слово мужского рода, а никакъ не женскаго: *шашка* создалась по аналогіи съ *пѣшкой*.

Весьма вѣроятно, что новыя слова „шахматы" и „шашки" были сперва простонародными, почему и не могли проникнуть въ литературу, гдѣ господствовали еще прежніе термины: *шеренга, тавлеи, лѣкы, шеги*, первоначальное *шахы*, и употреблялись даже еще очень долго потомъ греческія выраженія въ родѣ *петтевствовати*, но „шахматы" скоро восторжествовали, „шашки" же такъ и не попали въ древніе памятники, хотя живучесть ихъ оказалась такъ велика, что онѣ проникають и къ полякамъ и финляндцамъ, вытѣсняя здѣсь коренныя названія [336]).

336) Весьма возможно, что въ названіи кавказской сабли „шашкою", независимо отъ его самостоятельнаго появленія, отразилось игорное названіе, воспоминаніе того, что игра „шашки", въ ея обновленномъ видѣ, пришла съ Кавказа, отъ тѣхъ народностей, которыхъ могли въ насмѣшку называть маленькими *шахами, шашками*, подобно тому, какъ теперь названіе „князь" стало полунасмѣшливымъ-полупрезрительнымъ обращеніемъ въ народѣ къ каждому татарину.

XXVII.

Въ игрѣ да въ дорогѣ узнаютъ людей.

Пословица.

Что касается до древнихъ наименованій *силы*, *сиги* (стр. 255), *шеги*, (стр. 257), *лѣкы* (стр. 267) и *шахы*,—то, очевидно, что они или не были распространенными или, вѣроятнѣе всего, употреблялись тѣми южными славянами, на языкѣ которыхъ были писаны наши первыя славянскія книги, иначе мы какимъ нибудь образомъ были бы въ состояніи подмѣтить остатки этихъ названій въ языкѣ. Могли эти термины частію относиться и не къ шашечнымъ играмъ, и даже не къ костямъ. Что это такъ, видно изъ того, что въ русскихъ старинныхъ справочныхъ (рукописныхъ) сочиненіяхъ, которыя именовались большею частію *азбуковниками*, попадаются объясненія словъ *лѣки* или *лики*, а также *саки*. Такимъ образомъ слова эти во времена царей до такой степени были забыты и не понятны, что о нихъ считали нужнымъ упоминать въ толковыхъ словаряхъ.

Пока терминъ *шашки* не замѣнилъ всѣхъ остальныхъ, для означенія ихъ употреблялись еще слова *тавлеи* и *дамки*. Послѣднее слово, подобно „шашкамъ", также не встрѣчается въ рукописяхъ и можетъ даже показаться новѣйшимъ, но я думаю, что оно явилось у насъ одновременно съ „шашками", хотя и не удержалось. Его, какъ терминъ игры шашечной, постоянно приводятъ при толкованіяхъ (см. стр. 180, пр. 210 и стр. 265), считая весьма понятнымъ; но охотнѣе употребляютъ его на югѣ и особенно у малороссовъ. У большей части славянъ [337]), кажется, также шашки называются игрою въ *дамы*. Изрѣдка оно попадается и у насъ, какъ въ разговорахъ, такъ и въ языкѣ литературномъ, такъ какъ слово *шашка* пріобрѣло общее значеніе игральной фигурки, и мы говоримъ теперь *шахматныя шашки*, *тавлейныя*, *дорожныя* и т. п., а для означенія игры употребляемъ уже спеціальное названіе: „простыя шашки". Сами шахматы не такъ давно именовались „большою шашечною игрою". (См. стр. 160).

Въ болѣе позднихъ письменныхъ памятникахъ встрѣчаемъ мы

---

[337]) Относительно знакомства славянъ съ шахматами многое можно почерпнуть въ сочиненіи Dějiny hry šachové v čechách od dob nejstaršich až po náš věk. Studie kulturně-historická. Napsal Čeněk Zíbrt. Praha. 1888. 8-vo. VIII+28 стр. Про игру въ шашки здѣсь, къ сожалѣнію, ничего не говорится.

еще игры *зернь, саки* и *бирки* (см. пр. 87, стр. 78).—Что касается до *зерни*, то она большею частію означала игру въ кости, но изрѣдка могла переходить, какъ мы говорили (пр. 210, стр. 180), и на тавлею, какъ игру нардовую. Слово *зернь*, въ другой правда, формѣ, также попадало въ старинные толкователи, слѣдовательно и оно почему то исчезало изъ языка и становилось малопонятнымъ. Причину изчезновенія самой игры *зерни* надо приписать, конечно, картамъ.

Относительно игръ *бирки* и *саки* можно считать выясненнымъ, что онѣ были несомнѣнно шашечными, ибо 1) упоминаются вмѣстѣ съ шахматами и тавлеями и 2) имѣли свои особыя доски. По свидѣтельству Вельтмана [338]), въ описяхъ вещей, хранящихся въ Москвѣ въ Оружейной Палатѣ, часто упоминаются шашечныя игры подъ названіями *тавлеи, бирки* и *саки*: „большая часть въ 30 и 18 мѣстъ". Что касается до 30 мѣстъ, то число это, безъ сомнѣнія, относится къ тавлеѣ, а 18 мѣстъ—къ мельницѣ; она то вѣроятно, и именовалась *саками* [339]).

Труднѣе опредѣлить, что такое были *бирки*, но кажется производство отъ глагола *брать* (есть формы *бирать* и *бирывать*) и сближеніе *бирки* съ татарскимъ *бирмекъ*, брать,—какъ дѣлаетъ В. И. Даль,—даетъ ключъ къ пониманію игры; это, надо полагать, игра,

[338]) А. А. Вельтманъ. Московская Оружейная Палата. М. 1844.—У И. Е. Забѣлина въ приложеніяхъ ко второму тому (М. 1869) въ числѣ, предметовъ, подносимыхъ государю въ первый день Пасхи, въ росписи отъ 1675 года, встрѣчаемъ: „доски на одной сторонѣ списаны саки, на другой бирки"; тамъ же въ перепискѣ дворецкаго и дьяковъ находимъ: „доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые и шахматы, саки, тавлеи, бирки".

[339]) Сужу такъ еще по сочиненію T. Hyde (Оксфордъ 1694), который въ *Исторіи мельницы*, именуемой имъ по латыни (отъ себя, не существующимъ терминомъ) Triodium, пишетъ: „In de Castelli Lexico Polygloto hic Ludus vocatur Russice Cacki.—Я подозрѣваю здѣсь опечатку: должно было быть Çacki, т. е. *саки*. Въ азбуковникѣ № II по описанію А. Востокова, составленномъ не ранѣе половины XVII вѣка (см. примѣч. 237), находимъ: „*Сакъ*, мѣхъ и на ризѣ архіерейской", тоже въ словарѣ Памвы Берынды 1627 г. (Кіевъ), перепечатанномъ въ „Сказаніяхъ Русскаго народа" И. Сахаровымъ. Т. III. Спб. 1849. Подлинникъ называется: „Лексиконъ словено-русскій, составленный Всечестнымъ отцемъ Киръ Памвою Берындою". Въ другомъ, здѣсь же, т. е. у Сахарова, перепечатанномъ азбуковникѣ, *Саки* передаются: „мѣшечикъ вязаный, что деньги при поясѣ посятъ". Сенковскій (т. VI, 1859, стр. 529—30) указывалъ (см. примѣч. 87): „*Сакъ* или *секъ* по-персидски, *нохай* или *ногай* по-монгольски равно значатъ собака. Имя собачьяго народа или ногайцевъ—весьма древнее въ исторіи. Отсюда почти допотопная сказка о среднеазійскомъ народѣ съ собачьими головами и лаемъ, Kynokephali, извѣстная въ самой глубокой древности. Saki и Sagi, Малые Ногайцы и Mahasagi или Masagi (Масагеты), т. е. Великіе Саки, Великіе Собаки. Великіе Ногайцы являются въ другой надписи Дарія подъ соединеннымъ названіемъ *Саки-Маки*". (*Манифестъ Дарія*; статья 1848 года). У Даля: „**сака**, ж. *прм.*, **сакъ?** *вят.* въ конаньи бабками: ника, хребтомъ вверхъ"; Небольсинъ же („Библіот. для чтенія" 1852, № 7, іюль, т. CXIV. „Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса") говоритъ, что *сакъ* есть русское названіе бабки „плоцки", употребляемое въ Россіи въ другихъ мѣстахъ и разнозначущее съ выраженіемъ „быкъ" въ этихъ же терминахъ.

именуемая теперь „Пустынникъ“ (см. примѣч. 147), которая вся въ томъ только и состоитъ, чтобы брать, причемъ здѣсь играетъ роль счетъ, ибо обыкновенно требуется окончить игру такъ, чтобы остался одинъ камешекъ, а самое число мѣстъ на доскѣ и число шашекъ, разставляемыхъ въ началѣ, можетъ отъ условій и колебаться [340]).

Трудно допустить, чтобы бирки были какою нибудь особенною игрою, безслѣдно исчезнувшею на мѣстѣ.

Что касается слова „тавлеи“, то тутъ мы можемъ вполнѣ разобраться, какъ въ первоначальномъ значеніе термина, такъ и въ его распространительномъ пониманіи и употребленіи.

Тавлеи игра, образовавшаяся изъ *кюбейи*, или точнѣе одно изъ развитій этой игры, носившей въ древности, а частію и теперь на востокѣ, имя *нарда*, а у римлянъ ludus XII scriptorum; въ средніе вѣка въ западной Европѣ называлась она ludus tabularum, jeu de tables, а еще позднѣе стала именоваться *триктракомъ, бокгамономъ* и т. д. Какъ и въ другихъ играхъ, эти перемѣны названій соотвѣтствовали перемѣнамъ правилъ игры, подобно чатурангѣ (шеренгѣ), шатранджу и современнымъ шахматамъ. Игра эта разыгрывалась при помощи метанія костей, обыкновенно двухъ, но въ Греціи въ древности игралась она, какъ мы указывали, и съ тремя костями [341]). Что *тавлеею* именовалась игра нардоваго характера, лучше всего подтверждается тѣмъ, что терминъ этотъ, по свидѣтельству В. А. Эрдели, сохранился въ такомъ именно употребленіи на Кавказѣ и по всему побережью Чернаго моря, и не только у грековъ, но и у русскихъ [342]).

[340]) При словѣ **Бирюля, бирюлька** Даль описываетъ современную дѣтскую игру, а пословицу приводитъ чуть-ли не указывающую на игру *въ бирки*, которая была пассьянсомъ, т. е. для одного: *„Продулся, такъ играй въ бирюльки... Играть въ бирюльки*, заниматься бездѣльемъ, пустяками“.—Вышеуказанный (примѣч. 339 и 237) азбуковникъ № II даетъ: „Бирки, варцабы, зарнпа, жребіи... толкъ *костьки костареи*“. (л. 17 об.); значитъ уже въ то время *бирки* стали дѣлаться терминомъ мѣстнымъ, не вездѣ понятнымъ: напримѣръ, въ Кіевѣ.—Въ современномъ русскомъ языкѣ „биркою“, или „бирками“, именуется расщепленная на двое палка, изъ коихъ одна половинка находится у поставщика товара, другая у покупателя. При доставкѣ новой партіи обѣ половинки складываются, и надрѣзами на обѣихъ отмѣчается количество принятаго въ долгъ товара.

[341]) Шашки игры *тавлеи* сохраняются въ Московской Оружейной Палатѣ. Онѣ очень большія по размѣру: въ діаметрѣ болѣе вершка, очень низки, съ обѣихъ сторонъ одинаковы и съ выемками, такъ что походятъ на двухстороннія небольшія блюдца; по наружной сторонѣ въ срединѣ у нихъ врѣзана металическая узкая полоска. Словарь Академіи Наукъ (старый, конца XVIII ст.) говоритъ, что шашки въ игрѣ этой называются *плинтусами*; однако, какъ видно изъ *описей*, онѣ именовались, притомъ очень часто, и просто *тавлеями*.

[342]) Здѣсь стоитъ упомянуть про форму доски нарда на Кавказѣ: тамъ въ ней нѣтъ не только флешъ, означающихъ мѣста шашекъ, но нѣтъ даже самыхъ линій, и только по краямъ доски, на внутренней сторонѣ борта, есть углубленія, гдѣ ставится первая шашка, такъ что линія только воображается.—Въ настоящее время западно-европейскій триктракъ переживаетъ новую эволюцію. Теперь, съ перемѣною наименованія (jacquet), въ каждой четверти доски его не по 6, а только по 5 флешъ.

Пока новый терминъ *шашки* не вполнѣ вытѣснилъ древнія названія *пѣшки* и *плинтусы* и болѣе новое *дамки*, слово *тавлея*, подобно итальянскому tavola (примѣч. 32) и французскому table (примѣч. 210), долго служило и для наименованія самой игральной фигурки, а во множественномъ числѣ переносимо было и на самую игру въ простыя шашки. Въ этомъ убѣдиться мы можемъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Въ такомъ значеніи слово это, какъ указывалъ еще М. К. Гоняевъ, употреблялъ историкъ Н. И. Костомаровъ. Въ извѣстныхъ запискахъ А. Т. Болотова о XVIII вѣкѣ (примѣч. 6) шашки упоминаются подъ именемъ тавлей и при томъ не одинъ разъ.—Въ новѣйшемъ изданіи описей вещамъ Оружейной Палаты А. А. Вельтмана (Москва. 1860., стр. 147) встрѣчаемъ выписку: „Тавлеи янтарныя, присланы съ двумя шахматными досками въ 1675 году, ноября 25, отъ бранденбургскаго курфирста Фридерика Вильгельма съ посломъ Іоакимомъ Скутеръ“. Здѣсь уже изъ самаго упоминанія о присылкѣ ихъ вмѣстѣ съ шашечницами, видно, что рѣчь идетъ о простыхъ шашкахъ. И, дѣйствительно, это очень небольшія шашки нынѣшняго образца съ точенымъ верхомъ и плоскою нижнею стороною [343]).

Кромѣ Болотова, о тавлеяхъ, какъ о шашкахъ, говорится и въ другихъ изданіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи очевидца, описывающаго время съ 1717 по 1725 годы *), про петербургскія собранія сообщается: „Всѣ знатныя особы расписаны по днямъ, и въ которые послѣ полудни Его Величество пріѣзжаетъ и веселится, назывались асамблея. Забавляются въ карты, и въ шахматы, и въ тавлеи, тутъ и Государыня съ фамиліей присутствуетъ“. Въ былинахъ находимъ: „въ шахматы играть золотыми тавлеями“ (Кирѣевскій 1868, IV, 65); или „беретъ онъ шахматницу дорогу со золоты тавлеями, со тѣми дороги вальящеты“ (ibid. V, 143) **).

Когда и почему новообразованный терминъ „шашки“ началъ вытѣснять древнее названіе римско-греческой игры, или русскія *пѣшки?* Такая замѣна не могла быть случайной, и я думаю, что она, какъ и въ шахматахъ, совпала съ внутреннею реформой игры, а именно, что названіе „шашки“ стало примѣняться *къ новой игрѣ съ дальнобойною дамкой*. Это соображеніе подтверждается еще тѣмъ, что количество ничьихъ въ новой игрѣ (по сравненіи съ древнею) значительно увеличилось, вѣроятно, въ нѣсколько разъ; здѣсь ничья достигается не только при дамкѣ противъ дамки (въ древней игрѣ и здѣсь не всегда ничья), но и противъ двухъ и даже противъ трехъ доведей.

Выше я уже говорилъ, что реформу въ ходѣ дамки приписы-

---

343) Гайдъ, приводя русскія названія шахматныхъ шашекъ, совершенно не знаетъ русскихъ терминовъ ни для нарда, ни для игры въ простыя шашки; не упоминаетъ онъ и о биркахъ.

*) Русскіе анекдоты... изданные Сергѣемъ Глинкою. Спб. 1822, II, стр. 23.

**) См. также Записки *Семена Порошина*, служащія къ исторіи Е. И. В. Цесаревича Павла Петровича. Изд. 2-е. Спб. 1881. Здѣсь стр. 327: (1765 г., іюня 14) „Потомъ тавлейки по столу водилъ вмѣсто полковъ“.

ваю я не Испаніи, какъ то неосновательно дѣлаетъ Линде [344]), а русскимъ. Хотя нельзя привести этому прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе общій обзоръ и этнографическія соображенія настолько подкрѣпляютъ догадку, что ее можно высказывать серьезно.

Прежде всего зададимся вопросомъ, что послужило поводомъ къ измѣненію игры шашечной, которая, какъ мы показали, претерпѣла реформу раньше шатранджа, такъ что онъ принялъ даже наименованіе своей новой главной фигуры изъ шашекъ?

Линде исходилъ изъ того положенія, что когда все всколыхнулось, когда наступила эпоха обновленія, великихъ открытій и изобрѣтеній (открытіе Америки, книгопечатаніе и т. д.), то въ это время обновилась будто бы и игра въ шахматы. Однако, такой взглядъ слишкомъ уже обобщаетъ событія, приписывая *произвольно* избранной исторической эпохѣ *всякія* перемѣны. Если мы имѣемъ случай переработки шахматъ во время первой французской революціи, то онъ не даетъ еще права предполагать, что и въ иной историческій моментъ также произойдетъ перемѣна. Но мало того, что революціонная передѣлка шахматъ конца XVIII вѣка исходила изъ слѣпого антагонизма къ прошлому, который стремился уничтожить и передѣлать все,—и форму правленія, и календарь, и религію, и названія дней недѣли,—а потому не могъ миновать и шахматъ (гдѣ фигурировали ненавистныя имена фигуръ), мало этого,—слѣдуетъ помнить, что революціонная перемѣна въ шахматахъ, не вызванная внутреннею потребностью, пала сама собой очень быстро и не оставила по себѣ слѣда. Такимъ образомъ нельзя провести даже полной аналогіи.

Какъ не было никакой надобности въ переработкѣ игры шахматной въ концѣ XVIII столѣтія, такъ не было побудительныхъ причинъ на юго-западѣ Европы и къ созданію или реформированію игры шашечной въ эпоху возрожденія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что древне-римская форма игры и ея главныя особенности сохранились въ западной Европѣ до нашего времени. Игра эта, лишь съ самыми небольшими перемѣнами въ сво-

---

[344]) Помимо непростительнаго незнанія видовъ игры, Линде опирается въ своихъ выводахъ на игровую литературу, но добытыми такимъ путемъ данными слѣдовало бы пользоваться съ крайней осторожностью; они могутъ привести лишь къ формально-правильнымъ умозаключеніямъ, годнымъ для тенденціозной полемики, а не для дѣла. Такъ, напр., если судить по игровой литературѣ, то во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи и Англіи шашки ставятся на бѣлыхъ поляхъ доски, между тѣмъ въ дѣйствительности любители этихъ странъ, не подпавшіе подъ вліяніе печатныхъ учебниковъ, продолжаютъ, подобно намъ, играть, размѣщая шашки на клѣткахъ темнаго цвѣта, и обычай этотъ такъ проченъ, что едва ли скоро исчезнетъ; скорѣе можно думать, что случайно введенный типографами способъ будетъ вытѣсненъ народною привычкою. Независимо отъ этого, игорная литература развивается обыкновенно очень поздно; такъ, первый въ Россіи шашечный учебникъ появился въ 1827 году, а въ Италіи еще позднѣе—въ 1830 году.

бодѣ выбора при ударахъ, какъ мы имѣли уже случай говорить, удержалась всецѣло въ Англіи и отсюда распространилась въ Америку и во всѣ англійскія колоніи. До сихъ поръ она сохраняется также въ Австріи и Германіи (учебники Waidder 1837 г., Kredner 1890). Во Франціи игра эта, съ соблюденіемъ даже многихъ древнихъ стѣсненій, удерживалась еще до конца XVIII вѣка и можетъ быть сохраняется тамъ въ глухихъ мѣстахъ еще теперь. Въ Италіи сила дамки измѣнилась, и теоретически довольно много, но на практикѣ, при игрѣ, въ партіяхъ, реформа эта проявляется лишь въ самомъ концѣ состязанія, въ заключительныхъ его ходахъ и при томъ въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, ибо, подобно древней игрѣ (современной англійской), дамка при первомъ своемъ появленіи на доскѣ нападаетъ на чужія шашки всегда сзади, откуда она и по прежнимъ правиламъ простою не бралась; такъ же это происходитъ и въ современной итальянской игрѣ, гдѣ дамка не можетъ убиваться повсемѣстно простою и впередъ [345]).

Такой устойчивости игры не могло бы быть, если бы появленіе въ Испаніи дальнобойной дамки было самостоятельнымъ и принятымъ въ народѣ. Извѣстно, что въ эпоху открытія Америки Испанія была на верху своего могущества и не могла поэтому не оказывать громаднаго вліянія на западную Европу, и это вліяніе скорѣе всего проявилось бы въ такой повсюду распространенной игрѣ, какъ шашки. Очевидно поэтому, что реформа была не мѣстною *испанскою*, а занесена извнѣ, и въ то время еще не проникла широко въ народъ. Мало этого, если бы перемѣна въ правахъ довели произошла даже не въ Испаніи, а только была бы тамъ *охотно* принята, подобно новѣйшимъ шахматамъ, то и тогда она, если не совершенно, то въ значительной степени, вытѣснила бы древній видъ игры въ Европѣ; на дѣлѣ же мы видимъ обратное: Европа удерживала и до сихъ поръ удерживаетъ старинную свою форму. Можно положительно поэтому утверждать, что эволюція пришла съ востока. Въ эпоху возрожденія или значительно ранѣе южная Европа, а отчасти и сѣверная, отъ возвращавшихся крестоносцевъ могла знать объ этой реформѣ, но такъ какъ она затрогивала свою, привычную, древнюю игру, и притомъ затрогивала односторонне (ибо, при сохраненіи за простою шашкою прежнихъ правъ, множество игръ разыгрывалось и кончалось по прежнему, безъ дамокъ), то она прививалась туго, и успѣвъ передать свое имя шахматному ферзю

---

345) Реформа итальянской игры вообще довольно странна и производитъ впечатлѣніе какой то несамостоятельности, какого-то слабаго отголоска большой реформы, впечатлѣніе какой то уступки новѣйшему движенію; какъ будто это расширеніе права введено лишь для того, чтобы не отстать отъ общаго движенія, имѣть возможность сослаться на нѣкоторый прогрессъ. Игра на дѣлѣ почти не перемѣнилась противъ древней. Самая реформа при этомъ не вполнѣ достовѣрна въ смыслѣ своей всеобщности: нѣкоторые сообщаютъ даже, что игра итальянская ни чѣмъ не отличается отъ старой французской, слѣдовательно новая игра еще не вытѣснила древней.

сама новая дамка была забыта, чтобы позднѣе появиться вновь уже на стоклѣточной доскѣ и въ сопровожденіи новой простой. Но въ Испаніи, гдѣ властвовалъ восточный народъ — арабы, отношеніе было иное, а такъ какъ арабы прочно осѣли только въ Испаніи и по сѣверному берегу Африки, то въ Италіи новая дамка не привилась, а въ Испаніи и Африкѣ утвердилась. Въ Африкѣ, по свидѣтельству Гарселесъ-Сабатера (примѣч. 28), арабы играютъ въ теперешнія испанскія шашки, а въ эпоху своего владычества въ Испаніи увлекались ею съ энтузіазмомъ. Конечно, такъ какъ эта игра съ одной стороны была мѣстною европейскою, при томъ въ такой римской провинціи, гдѣ вліяніе метрополіи было чрезвычайно сильно (такъ что туземное населеніе образовало свой языкъ изъ языка побѣдителей), и такъ какъ съ другой стороны игра римская была извѣстна въ томъ же видѣ и на востокѣ, то испанскіе арабы легко примирились съ законами прежней римской игры, гдѣ господствовали: maximum взятія, остановка на пристани при проходѣ въ дамки ударомъ и простая безъ боя назадъ; это тѣмъ болѣе понятно, что такая „простая" въ шашкахъ гармонировала съ шахматною пѣшкой; то же, что дамка въ Испаніи явилась не самостоятельно, а съ востока, и введена была именно арабами, подтверждается еще тѣмъ, что первыя испанскія сочиненія (1590, 1597) именуютъ новую игру „арабскою или мавританскою" (del marro).

Отсюда становится понятною и обособленность игры испанской и ея тугое распространеніе по западной Европѣ, гдѣ древняя, прочно укоренившаяся, игра постоянно противодѣйствовала новой. Понятнымъ оказывается и появленіе дальнобойной дамки въ Голландіи, которая долгое время была испанскою провинціею и вела обширную торговлю съ нею и по освобожденіи своемъ. Простая же съ боемъ назадъ, изобрѣтеніе *русское*, въ Испанію такъ и не проникла, но въ Голландію при Петрѣ I перешла. Это было подготовлено еще тѣмъ, что во Франціи игра русская должна была сдѣлаться извѣстной при королевѣ Маріи Лещинской и даже ранѣе. Такимъ двойнымъ путемъ—черезъ Польшу, знакомую съ игрою русскою, и черезъ Голландію, гдѣ утвердилась еще ранѣе дальнобойная дамка, — проникла въ Европу русская простая съ ея боемъ назадъ.

Что же послужило первоначальною причиною измѣненія хода древней доведи? Я думаю, что толчкомъ къ созданію новаго движенія было появленіе съ Востока въ Европу шатранджа и наличность въ этой игрѣ такой сильной и интересной фигуры, какъ ладья: она именно натолкнула на мысль ввести въ дѣло дальнобойную дамку.

Шеренга не могла не оказать вліянія на старую игру, разыгрывавшуюся на той же доскѣ, на игру, которую шеренга должна была начать вытѣснять и тѣмъ задѣвать самолюбіе ея поклонниковъ. Должны были возникать споры, сравненія, появляться желанія спасти прежнюю игру отъ вытѣсненія, побужденія придать ей тотъ же или такой же интересъ, какой возбуждала новая игра. Конечно желаніе переработать игру могло возникнуть скорѣе всего у тѣхъ

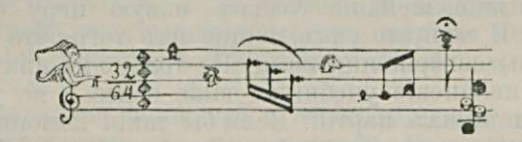
народовъ, гдѣ шашки не были такъ стары и привычны, какъ въ западной Европѣ, воспитанной подъ давленіемъ могучей римской цивилизаціи. Вотъ почему мы думаемъ, что новая дамка появилась скорѣе всего въ Россіи, и ими передана на востокъ арабамъ, или если возникла у малоазійскихъ арабовъ, то ранѣе всего была принята русскими. Прямымъ подтвержденіемъ этому является русская простая съ ея боемъ назадъ. Въ Европѣ дальнобойную дамку сравнительно рано, въ XVI столѣтіи (да и то это еще требуетъ провѣрки), мы встрѣчаемъ только въ учебникахъ Испаніи, при чемъ игру съ нею, какъ уже замѣчено, именуютъ Мавританскою: vulgarmente nombrado el marro или por otro nombre el Marro de Punta. Легко могло быть, что на первыхъ порахъ она была принята лишь въ образованныхъ классахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ же старыхъ испанскихъ учебникахъ встрѣчаемъ мы особую комбинированную игру, гдѣ въ началѣ партіи дѣйствуютъ не 12 простыхъ шашекъ, а 11 простыхъ съ дамкою противъ такого же количества и даже 10 простыхъ съ двумя дамками противъ 10 простыхъ и двухъ доведей. Такой составъ игры кажется чрезвычайно теоретическимъ, придуманнымъ. Это было шахматное вліяніе, желаніе создать новую игру съ двумя разрядами силъ. И что это такъ, видно изъ того, что эти комбинированныя игры совершенно пали. Не только въ нихъ не играютъ, но новѣйшіе испанскіе учебники даже вовсе и не упоминаютъ о существованіи такихъ партій. Если бы такія комбинаціи были не искусственными, не произведеніями отдѣльныхъ лицъ, то это указывало бы на стремленіе дальше разработать игру, а такое стремленіе, разъ появившись, не остановилось бы и дало бы что-нибудь жизненное. Однако этого не произошло, и сосѣдняя съ Испаніей Франція, равно какъ родственныя ей по династіи нѣмецкія земли, остались при старой римской игрѣ.

Другое дѣло у насъ. Древняя игра, полученная нами или отъ римлянъ, или еще ранѣе изъ Византіи, не была на столько своею, какъ въ западной Европѣ, и естественно, что реформа въ ходѣ доведи, при постоянныхъ связяхъ съ арабскою цивилизаціею, не только скорѣе могла быть создана или охотнѣе принята, но получила и дальнѣйшее свое развитіе, т. е. увеличеніе силъ простой шашки при взятіи, при проходѣ въ дамки и при выборѣ между ударами. Въ этомъ новомъ своемъ видѣ игра русская значительно интереснѣе средневѣковаго шатранджа.

И, такъ, отсутствіе традицій съ одной стороны и дальнѣйшее логическое развитіе реформы съ другой, указываютъ, что переработка игры была русскою, или по меньшей мѣрѣ на то, что дальнобойная дамка, будучи создана первоначально на Востокѣ, прежде, чѣмъ въ западной Европѣ, появилась у насъ; ранѣе привилась у насъ, принята была охотно и повела къ дальнѣйшему усовершенствованію игры. Помимо основной игры у себя мы находимъ не только очень большое количество разновидностей, но и интересное разнообразіе въ нихъ. Въ самомъдѣлѣ, мы имѣемъ кромѣ шахматной четверной игры съ крѣпостями еще:—шашки—клешни, шашки—турецкія, шашки—переходы и, наконецъ, наиболѣе инте-

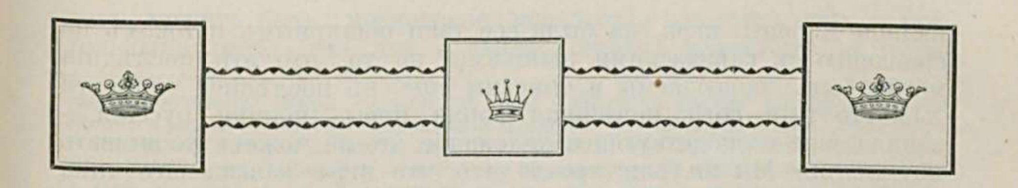
ресную варьяцію,—шашки будущаго, — это столбовыя шашки. Какое богатство содержанія по сравненію, напримѣръ, со скучною новѣйшей сальтой!

Народъ, который былъ менѣе другихъ подъ вліяніемъ древняго міра, который далъ такъ много самостоятельнаго и въ цивилизаціи [346]) и въ игровыхъ варіяціяхъ (при томъ очень жизненныхъ), который болѣе всѣхъ другихъ въ Европѣ играетъ въ шашки, конечно, съ этнографической точки зрѣнія, долженъ быть признанъ болѣе способнымъ произвести реформу, чѣмъ страны, которыя лишь крайне медленно и туго подчинялись новому движенію и притомъ старательно цѣплялись за древнія правила, до того, что даже принявъ, наконецъ, въ XVIII столѣтіи новую дамку и новую простую, все же сохранили ни на что ненужныя здѣсь древнія римскія правила о maximum'ѣ взятія и о стѣсненіяхъ при проходѣ въ доведи. Кто способенъ развивать новыя правила дальше, тотъ способенъ и создавать ихъ [347]).

[346]) Позволю сдѣлать очень смѣлое предположеніе. Извѣстно, что русскихъ всегда укоряютъ въ томъ, что они изобрѣли только самоваръ. Между тѣмъ приборъ этотъ,—не для чая, конечно,— былъ извѣстенъ древнимъ римлянамъ. Этотъ сосудъ для согрѣванія или кипяченія воды находили при раскопкахъ Помпеи и Геркуланума. Устроенъ онъ былъ, подобно современному, т. е. съ краномъ внизу и внутреннею трубою для огня, но разнился въ устройствѣ крышки; она была не съемная, а на петлѣ, и составляла одно цѣлое съ верхнею крышкою отъ трубы, такъ что послѣдняя на столѣ была всегда прикрыта; кромѣ того вверху резервуара, въ боковой стѣнѣ, была придѣлана воронка, черезъ которую, очевидно, доливали самоваръ, или вливали въ воду другія жидкости, напримѣръ, вино. См. „Прогулки русскаго въ Помпеи". Соч. Алексѣя Левшина. Спб. 1843. Здѣсь, на стр. 128, приведенъ и рисунокъ древне-римскаго самовара.—Ф. Ф. Велишскій (Бытъ грековъ и римлянъ. Пер. съ чешскаго. Прага. 1878) даетъ разрѣзъ такого самовара (стр. 185). Спрашивается, почему въ Западной Европѣ, усвоившей всю римскую цивилизацію, не сохранилось самовара, а у русскихъ онъ уцѣлѣлъ? Не древніе ли заимствовали (примѣч. 259) этотъ приборъ отъ славянъ? Извѣстно, что рабовъ славянъ у римлянъ было очень много; теперь самыя слова *славяне* и *сербы* производятъ отъ латинскихъ sclavini и servi.—Если даже допустить, что именно русскіе взяли самоваръ у римлянъ, то и въ такомъ случаѣ это свидѣтельствуетъ о большихъ связяхъ славянъ съ древнимъ Римомъ и объ ихъ высокой культурѣ того времени.

[347]) См. также примѣч. 104, 105, 112, 115 и 118.

XXVIII.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на развитіи высказаннаго нами предположенія о томъ, что шеренга съ ея дальнобойною ладьею должна была произвести вліяніе на шашки; это такъ понятно, что не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, но интересно, что въ одной малораспространенной шашечной варіяціи мы имѣемъ какъ бы подтвержденіе этого предположенія; варіяція эта: кавказскія шашки. Онѣ носятъ явные слѣды вліянія шахматъ, ибо шашекъ здѣсь по 16, и разставляются онѣ шеренгою, а самая игра ведется на шахматницѣ, т. е. не только на всѣхъ 64 клѣткахъ, но,—что̀ самое существенное,—можно сказать,—безъ *угловыхъ* полей, ибо ихъ здѣсь всего четыре. Что это за игра? Древняя-ли форма новѣйшихъ шашекъ, созданная по аналогіи съ шахматами съ одной стороны и съ шашками съ другой, или же это сравнительно новая варіяція изъ придуманныхъ? Трудно допустить послѣднее, ибо такая мало интересная варіяція не могла бы имѣть живучести, не могла бы быть найдена на мѣстѣ и отмѣчена, какъ *народное* развлеченіе. Записана же игра эта была тогда, когда еще и не возникло вопроса о глубокой древности шашекъ, и ихъ, съ не легкой руки Линде, считали игрой новой, упрощеніемъ шахматъ. Скорѣе всего мы въ *кавказскихъ шашкахъ* встрѣчаемъ остатокъ той формы игры, которая создана была арабами и персами, при знакомствѣ ихъ съ шашками русскими. Конечно, право простой брать назадъ—вліяніе уже прямо русское. Будь иначе, будь это право изобрѣтеніемъ арабовъ, завоевавшихъ Персію, оно непремѣнно перешло бы и въ Испанію.

Вспомнимъ слова Э. Б. Тейлора о маленькихъ „ручейкахъ“ [348]). На Кавказѣ, этомъ проходѣ въ Европу столькихъ народностей, примѣнили шатранджъ къ шашкамъ, создали мало интересную варьяцію, и она успѣла удержаться столько времени, успѣла укорениться такъ, что могучія вліянія позднѣйшія не могли уничтожить этого „ручейка“. Не удивительно, что древне-римская форма игры шашечной сохранилась въ Англіи и въ большей части за-

---

348) См. эпиграфъ къ главѣ XX на стр. 187.

падной Европы; игра эта была все таки обширнымъ потокомъ по сравненію съ кавказскими шашками, но то, что эти послѣднія могли быть наблюдаемы и описаны еще въ послѣдней четверти XIX столѣтія, когда новѣйшая форма игры,—шашки русскія,—заняла уже господствующее положеніе, это не можетъ не вызвать изумленія.—Мы видѣли кромѣ того, что игра кавказскаго типа сохраняется, повидимому, по сейчасъ еще у крымскихъ татаръ, у турокъ въ Константинополѣ и въ Греціи.

Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что простая съ боемъ назадъ и другими обширными ея правами и именно на 64-хъ клѣточной шашечницѣ,—явленіе чисто русское и перешло въ западную Европу изъ Россіи либо черезъ Польшу, либо черезъ Голландію при Петрѣ Великомъ, а скорѣе всего обоими этими путями.

Выше мы уже указывали, что у насъ не сохранилось никакихъ намековъ на древнюю „простую" и на ограниченность хода доведи (гл. IX), и наоборотъ всѣ соображенія говорятъ за то, что наша игра была такою же, какъ теперь во времена очень давнія, гораздо ранѣе появленія испанскихъ шашекъ. Обратимъ вниманіе читателей еще на одно косвенное доказательство. Въ сборникѣ различныхъ сказаній современниковъ, изданныхъ Тушаръ-Лафоссомъ подъ заглавіемъ Chronique de l'Oeil de Boeuf [349]), современникъ сообщаетъ про 1685 годъ [350]): „Первый

[349]) Русскій переводъ съ французскаго подъ заглавіемъ: „Лѣтописи круглаго окна". Спб. 1873 г., т. II, стр. 125.

[350]) Позволю себѣ сдѣлать здѣсь еще большое отступленіе по поводу этого источника и отношенія къ нему И. Т. Савенкова. Слабость работы этого шахматиста выяснена мною съ достаточною яркостью, но не безынтересно для читателей узнать, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ такія „ученыя изслѣдованія". И. Т. Савенковъ написалъ свою работу по тѣмъ даннымъ, которыя въ большинствѣ собраны въ статьяхъ С. А. Сорокина въ „Шахм. Обозр." (составленныхъ на основаніи выписокъ своихъ, М. К. Гоняева и моихъ), М. К. Гоняева въ „Радугѣ", „Шахм. Листкѣ" и „Шахматн. Обозрѣніи" и т. д. Собственныя его прибавки крайне незначительны и состоятъ не изъ „историческихъ выписокъ", а больше изъ легкихъ, хотя и очень длинныхъ разсужденій о духовенствѣ, правительствѣ, сойотахъ, византизмѣ, кормчей и т. п., т. е. изъ такихъ отступленій, которыя для *исторіи шахматъ* никакого интереса не представляютъ. И. Т. Савенковъ и не скрываетъ работъ Сорокина, Гоняева и моихъ. Онъ упоминаетъ о нихъ, но такъ глухо или искаженно, что читатель не знаетъ, что̀ именно принадлежитъ г. Савенкову, что̀—другимъ. Между прочимъ, чтобы показать нѣкоторую самостоятельность работы, г. Савенковъ прибѣгаетъ къ критикѣ тѣхъ источниковъ, которыми пользовались его предшественники, стараясь ихъ опорочить. Ему не понравился Тушаръ-Лафоссъ, и онъ на стр. 47 и 48 набрасываетъ тѣнь на этотъ источникъ. И вотъ какъ онъ это дѣлаетъ. Въ „Шахм. Обозр." была помѣщена статья С. Сорокина. Въ ней онъ приводитъ выписку изъ Тушаръ-Лафосса, данную ранѣе Гоняевымъ въ его переводѣ учебника Гебелера въ 1875 г. При этомъ С. Сорокинъ либо описался, либо я, исправляя корректуру, не замѣтилъ опечатки (3 такъ похоже на 8), и вмѣсто 1685 года въ „Шахм. Об." вышелъ 1635-й годъ. Затѣмъ, позднѣе, помѣщая вторично (а не просто „послѣ смерти", какъ говоритъ И. Савенковъ) въ „Ш. О." статью М. К. Гоняева (напечатанную первоначально при жизни М. Г. въ „Охотникѣ"), я уже *исправилъ* 1685 годъ на 1635, полагаясь на вѣрность даты въ статьѣ С. Сорокина; но въ имени короля французскаго ошибки не было, и потому не трудно было догадаться при справкѣ, что 1635 годъ есть опечатка, и что слѣдуетъ поставить здѣсь годъ 1685-й. Помимо всего этого, г. Савенковъ досталъ русское изданіе Тушаръ-Лафосса и, имѣя его подъ руками, могъ усмотрѣть, что

разъ, можетъ быть, московское посольство состоитъ изъ значительныхъ лицъ... ихъ два, а свита состоитъ человѣкъ изъ пяти-

тамъ напечатанъ 1685-й годъ, и что дата 1635 есть прямая опечатка, ибо не сходится съ источникомъ Сорокина и Гоняева. Но это было очень „просто", а г. Савенкову хочется не этого: онъ утверждаетъ, что беллетристическому произведенію Тушаръ-Лафосса мѣсто въ анекдотической библіографіи въ родѣ J. Gay, но „отнюдь не въ научной", и для того, чтобы оконфузить источникъ, онъ, умалчивая о статьѣ М. Г. въ переводѣ учебника Гебелера, начинаетъ примѣчаніе утвержденіемъ, что въ „Шахм. Л." 1877 года „М. К. Гоняевъ отмѣтилъ Тушаръ-Лафосса безъ даты", затѣмъ дѣлаетъ выписки съ опечаткою изъ статей Сорокина и М. К. Гоняева въ „Шахм. Об." и разражается такою репликой: „Обратившись къ указанной „лѣтописи", мы узнаемъ, что это посольство привезло *Людовику XIV* двѣ шубы изъ черно-бурыхъ лисицъ; о лисицахъ же читаемъ слѣдующее: *ссыльный*, осужденный умереть въ этихъ ледовитыхъ пустыняхъ, получаетъ прощеніе, если доставитъ *губернатору* три шкуры лисицы. По наведеніи надлежащихъ справокъ, получаемъ слѣдующую хронологическую дату: Московское посольство, въ 1635 г. въ шахматномъ состязаніи разбило на голову придворныхъ *Людовика XIV* за 129 лѣтъ до учрежденія губернаторствъ въ Сибири, за 13 лѣтъ до учрежденія ссылки въ Сибири и за *три* года *до рожденія* Людовика XIV. Оказывается, что дата Тушаръ-Лафосса 1685, а не 1635 г. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о посольствѣ, съ которымъ путешествовалъ Петръ I Великій, но „Лѣтопись круглаго окна" поспѣшила внести это событіе въ свою хронику за 13 лѣтъ до прибытія этого посольства въ Парижъ.— Были основанія сомнѣваться и въ шахматныхъ показаніяхъ Тушаръ-Лафосса". Если бы опечатка была у Тушаръ-Лафосса,—то справка имѣла бы хоть какую нибудь цѣну. Однако, въ переводѣ опечатки нѣтъ, и г. Савенкову это извѣстно, но онъ излагаетъ такъ, что читатель остается въ увѣренности, что и тутъ 1635, а не 1685 годъ. Предположеніе, что рѣчь идетъ о посольствѣ Петра (1697 года?), очень сомнительно, а какія были основанія сомнѣваться въ „шахматныхъ показаніяхъ", этого и угадать нельзя. Скорѣе всего, что и самъ г. Савенковъ этого не знаетъ.

Всякій, сколько нибудь знакомый съ историческими статьями и хрониками, хотя бы онѣ были даже историческими романами (какъ у Вальтеръ-Скотта, напримѣръ), никакъ не усумнится, что сообщаемыя Тушаръ-Лафоссомъ свѣдѣнія взяты изъ хорошихъ, заслуживающихъ довѣрія, источниковъ. Но г. Савенкову вовсе нѣтъ дѣла до дѣйствительной достовѣрности данныхъ. Конечно зауряднный шахматистъ-читатель не скоро догадается, что заподозриваніе Тушаръ-Лафосса—одинъ изъ тонкихъ пріемовъ для сокрытія компилятивности своей работы. Встрѣчая критику чужихъ источниковъ, читатель этотъ легко можетъ подумать, что г. Савенковъ ихъ переработалъ заново, т. е. внесъ нѣчто свое и притомъ такое, съ чѣмъ вообще надо серьезно считаться. На самомъ же дѣлѣ, если „были поводы сомнѣваться и въ шахматныхъ показаніяхъ Тушаръ-Лафосса", то читатель въ правѣ требовать отъ автора изложенія этихъ поводовъ, ибо въ *шахматной* статьѣ, конечно, важнѣе всего сужденія о *шахматныхъ* показаніяхъ, но какъ разъ того-то, что нужно, г. Савенковъ и не даетъ, отдѣлываясь высокомѣрностью тона. Конечно, простаки и повѣрятъ... а правда? Когда то еще она на свѣтъ появится!?—Мы, напримѣръ, имѣемъ одно польское извѣстіе о шахматизмѣ русскихъ отъ 1581 года, т. е. на сто лѣтъ ранѣе данныхъ Тушаръ-Лафосса. Оно можетъ только подтверждать эти данныя, заставить подумать, ужъ не къ 1535-ли году (вмѣсто 1635) относятся они, но И. Т. Савенковъ обходитъ молчаніемъ это извѣстіе: оно въ корень подрывало бы его собственную (довольно таки дикую) тенденцію (что русскіе сперва знали игру хорошо, что затѣмъ она была вытѣснена духовенствомъ, и впослѣдствіи была будто бы *вторично* получена изъ Западной Европы). Вотъ это извѣстіе: „Эти русскіе или московиты очень хорошо и усердно играютъ въ шахматы (Latronum ludum): они такъ искусны въ этой игрѣ, что, по моему мнѣнію, другимъ народамъ не легко съ ними сравняться". Это извѣстіе помѣщено въ шахматномъ руководствѣ Густава Селенуса 1616 года. Извѣстно, что на языкѣ средневѣковой латыни шахматы назывались latronum ludus. Самъ Селенусъ (герцогъ Августъ Люневильскій), конечно, былъ лучше другихъ освѣдомленъ о значеніи этого слова и не помѣстилъ бы его въ свое *шахматное* руководство при со-

десяти... Эти русскіе превосходно играютъ въ шахматы; наши лучшіе игроки передъ ними школьники“. Русскіе того времени, какъ извѣстно, плохо владѣли иностранными языками, и потому естественно было, что французы развлекали ихъ игрою въ шахматы; но это сообщеніе современника интересно по своей отрицательной сторонѣ. Въ это время во Франціи, какъ мы знаемъ изъ учебника P. Mallet (1669 г.), шашки были не только одною изъ самыхъ распространенныхъ игръ, но и одною изъ самыхъ любимыхъ, при томъ во всѣхъ слояхъ общества: отъ простонародья до дворцовъ; между тѣмъ объ игрѣ русскихъ въ шашки ничего не говорится. Конечно, при невозможности вести съ русскими разговоры, и во время самой игры въ шахматы, — не могло, для

мнительномъ значеніи слова, да и авторъ письма, Paulus Oderbornius, не сталъ бы отмѣчать качества игры русскихъ, ежели бы рѣчь шла о шашкахъ, ибо въ это время шашки уже націонализировались, въ каждой странѣ имѣлась своя игра, съ особенными правилами. Во всякомъ случаѣ, если бы такое извѣстіе могло возбудить сомнѣніе, то мы имѣемъ возможность его провѣрить изъ другихъ источниковъ: напримѣръ, по Олеарію, выписка изъ котораго дана нами на стр. 190 въ подлинныхъ выраженіяхъ.

Олеарій не случайно обмолвился словомъ, смыслъ котораго можно извращать, нѣтъ, онъ ясно говоритъ объ игрѣ шахматной, подробно толкуетъ о ней, сообщаетъ, современное ему, ея персидское названіе (Sedrenz) и говоритъ объ ея изобрѣтателѣ. Онъ опредѣленно указываетъ, что не только въ шашкахъ, но именно въ шахматахъ персы, какъ игроки,—лучше русскихъ. Такая ясность можетъ убѣдить, кажется, всякаго, но только не г. Савенкова, конечно, которому надо поддержать новую тенденцію, и онъ, ничтоже сумняся, пишетъ (стр. 47): „На показаніяхъ Герберштейна и особенно Олеарія, а также и Тушаръ-Лафосса, мы остановимся только для того, чтобы напомнить о необходимости провѣрки надежности показаній путемъ сопоставленій. Показаніе Герберштейна, въ отдѣльности подвергнуто сомнѣнію: шахматы и... шашки... могли смѣшиваться съ болѣе древнею игрою „въ дамки“ или „въ тавлеи“. У Олеарія это смѣшеніе замѣчено сперва Лаза, а затѣмъ Линде разъяснилъ, что Олеарій именно подразумѣвалъ игру въ дамки“. Что, читатель, можно сдѣлать съ такимъ историкомъ и этнографомъ? Неудивительно, что нѣмцы такъ или иначе старались унизить русскихъ, но какимъ образомъ русскій, который имѣлъ въ рукахъ вышеприведенную выписку изъ нѣмецкаго подлинника, можетъ повторять, что Линде что-то *разъяснилъ*, этого и „разъяснить“ нельзя!

Въ недоумѣніи я и о Герберштейнѣ. Изъ подлиннаго изданія Герберштейна выписки увидать мнѣ не удалось (у Линде нѣтъ), хотя я искалъ его, а въ просмотрѣнныхъ мною русскихъ переводахъ (напр., въ русскомъ переводѣ съ Базельскаго изданія 1556 г. И. Анонимова. Спб. 1866) я „шахматнаго мѣста“ не нашелъ. Замѣтьте, это—я, который много, очень много, досуговъ посвятилъ исторіи шахматъ и шашекъ, не могъ разыскать этого мѣста; на что же можетъ надѣяться обыкновенный читатель?! Г. Савенковъ тоже не пожелалъ сообщить, читалъ ли онъ Герберштейна, или нѣтъ, слѣдовательно опирался на того самаго Гая, котораго самъ же обругалъ. Въ сноскѣ, правда, онъ даетъ нѣсколько заглавій о Герберштейнѣ, но нигдѣ не указываетъ „шахматной“ страницы. Значитъ, и онъ не читалъ его! Зачѣмъ же сомнѣніе? Зная, однако, что съ такими пріемами легко попасть въ просакъ, г. Савенковъ оставляетъ на всякій случай спасительныя лазейки. Вы можетъ быть думаете, читатель, что г. Савенковъ мною изловленъ вполнѣ, уличенъ въ явно невѣрныхъ и тенденціозныхъ выводахъ? Не думайте этого! Онъ хитрѣе. Отвергнувъ такъ рѣшительно Герберштейна (кстати: онъ жилъ въ 1486—1566 гг.) и „особенно Олеарія“, онъ заключаетъ свой приговоръ такъ: „При сопоставленіи же съ проповѣдями и увѣщаніями митрополита Даніила, свидѣтельствъ Герберштейна и Олеарія нельзя отбросить безъ всякаго вниманія“. Вотъ, читатель, и понимай, какъ знаешь! Съ одной стороны „сомнительно“, а съ другой „безъ сумлѣнія“. Блестящій фельетонъ А. Стойковича (см. „Шахм. Об.“ 1892 г., стр. 229) передъ этой quasi-ученою болтовней становится солидною и серьезною статьею.

разнообразія, не послѣдовать предложенія сыграть и въ шашки, но о такой игрѣ „хроника“ молчитъ. Это возможно объяснить не иначе, какъ допустивъ, что русскіе въ это время не знали уже вовсе старинной игры римской, которая подъ именемъ jeu à la française еще всецѣло господствовала во Франціи; конечно, игра эта русскимъ, при наличности нашихъ правилъ, не могла понравиться. Статься можетъ, что русскіе въ это уже время показывали французамъ свою игру, такъ что ко времени женитьбы Людовика XV на Маріи Лещинской почва для новой игры была уже подготовлена.

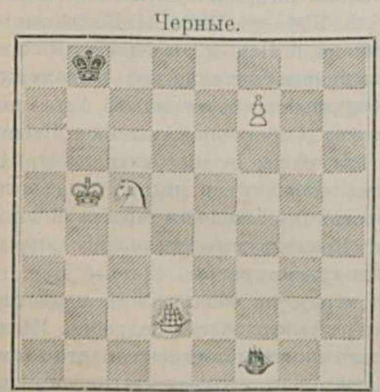
Однако, недовѣрчивый читатель, прочтя всѣ эти соображенія, можетъ сказать: правда, все это похоже на истину, но все же хотѣлось бы имѣть болѣе частныя доказательства, а не ограничиться одними общими соображеніями о томъ, что новая дамка зародилась въ Россіи или на Востокѣ, на Кавказѣ, а отсюда черезъ арабовъ перешла въ южную Россію.

И это требованіе можетъ быть удовлетворено отчасти, хотя и не прямымъ свидѣтельствомъ, но все же такимъ, которое относится къ IX вѣку нашей эры. Оно находится въ шахматахъ, но должно относиться и къ шашкамъ, ибо говоритъ о ходѣ шашекъ, *какъ игральныхъ фигурокъ*.

Въ Quellenstudien zur geschichte der schachlitteratur (стр. 344) Линде даетъ переводъ рѣшенія одной шахматной задачи изъ арабской рукописи Аль-Адли и, встрѣчая выраженіе ighrâ (und nach oder gegen ighrâ), становится въ тупикъ: ein noch unerklärter ausdruk, а въ сноскѣ приводитъ слова Pertsch'a: Die terminologie des arabischen Schachspiels liegt aber noch ganz im Argen. Для русскаго здѣсь не можетъ быть затрудненій, и только изумляешься, что наше коренное слово—**игра**,—видимо въ своемъ русскомъ же значеніи,—встрѣчается въ арабской рукописи IX вѣка!

Вотъ эта любопытная задача и ея рѣшеніе. Оно въ переводѣ, сообщаемомъ Линде, таково [оговариваемся: мы исправляемъ у себя одну мелкую небрежность Линде, можетъ быть описку]:—„Для чернаго нѣтъ ничего лучше, какъ брать пѣшку (Лf1 : f7), тогда даетъ ему красный шахъ своимъ рохомъ (Лd2—d8+!); онъ идетъ тогда внизъ на второе поле альфиля (Цb8—c7); потомъ даетъ ему шахъ конемъ съ третьяго поля царя (Кc5—e6+), и онъ идетъ на второе поле своего коня (Цc7—b7); красный ставитъ своего роха на поле альфиля напротивъ роха (Лd8—f8); куда бы теперь черный своимъ рохомъ ни пошелъ (т. е. на d7 или e7, или въ другую сторону на g7, h7), красный все же ставитъ своего роха на второе поле альфиля, на мѣсто, гдѣ стоялъ черный рохъ (Лf8—f7), *и такъ*

Черные.

Красные.
Ходъ черныхъ, красные выигрываютъ.

или иначе игра (т. е. такое или иное будетъ положеніе игры,—окажется ли черный царь подъ шахомъ, или нѣтъ,—съиграетъ ли бѣлый съ шахомъ или безъ него), черному ничего не остается, какъ его взять (Л : f7), тогда грозитъ онъ царю и роху своимъ конемъ (Ке6—d8+) и непремѣнно выиграетъ".—Для ясности надо повторить, что въ шатренджѣ одинокій царь и патъ считались за проигрышъ. Слово ighra [351]), не арабское, иначе нѣмецкіе знатоки восточныхъ языковъ, помощію которыхъ пользовался Линде, объяснили бы его смыслъ и употребленіе, но они сочли его спеціальнымъ *арабскимъ* терминомъ и при томъ *шахматнымъ!*

Изъ этого свидѣтельства IX вѣка мы въ правѣ заключить, что сношеніе арабовъ со славянами были настолько близки и такъ часты, что *коренное русское слово*, встрѣчающееся въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ (съ различными производными), перешло къ арабамъ и употреблялось ими какъ обычный, вполнѣ имъ *понятный*, техническій терминъ [352]). А такъ какъ

---

[351]) Слово **игра** въ арабскихъ рѣшеніяхъ этого времени встрѣчается неоднократно. Такъ, къ задачѣ Аль-Сули, помѣщенной подъ № 168 на стр. 366, Линде подъ № 135 (sic) даетъ малопонятный въ концѣ переводъ рѣшенія того же Перча изъ Готы опять со словомъ „игра". Положеніе задачи: *Красный,* царь f2, рухъ c4, конь f5, альфили b1 и e3, пѣшки a3 и b6.—*Черный:* царь b3, рухъ g4, конь f3, пѣшки c3 и c6. Красный начинаетъ и выигрываетъ. Начало рѣшенія таково (стр. 378—379, Quell.). „Это прекрасная (пикантная) игра. Онъ (красный) беретъ лошадь своимъ царемъ, 1. Ц f2:f3, на что черный по необходимости долженъ брать руха, Лg4:c4; на это красный ходитъ своимъ выгоднымъ альфилемъ на третью клѣтку своего ферзя, 2. Ab1—d3, и черному не остается ничего другого, какъ пойти своимъ рухомъ на край, Лc4—a4; послѣ этого красный объявляетъ шахъ своимъ филемъ съ его собственнаго поля, 3. Ad3—f1+, и тотъ идетъ на второе поле руха, Цb3—b2. На это красный ходитъ своею лошадью на третье поле лошади, 4. Kf5—h6, и послѣ того, какъ черный возьметъ пѣшку, Лa4:a3, говоритъ ему шахъ лошадью, 5. Kh6—g4, Цb2—b1. Послѣ этого ходитъ онъ своимъ царемъ на третье поле лошади, 6. Цf3—g3, и черному ничего не остается болѣе, какъ игра (еще не объясненное техническое выраженіе) своимъ рухомъ" и т. д.—Къ вышеприведенному замѣчанію въ задачѣ Аль-Адли объ „игрѣ" Перчъ къ слову ausdruck поясняетъ: „Собственно Antreiben, Hetzen (погоня, травля); см. Бланда (Bland) стр. 21: 'ira, check by discovery, по стр. 49 та фигура, которая ходитъ между шахматнымъ королемъ и рухомъ для того, чтобы прикрыть перваго отъ нападенія второго. Терминологія арабской шахматной игры лежитъ еще въ неизвѣстности". Конечно это объясненіе „игры" совсѣмъ не вѣрно. Арабскаго слова „игра" не существуетъ.

[352]) Что касается до славянскаго слова „игра", то, сколько мнѣ извѣстно, происхожденіе и древность его филологами не разсматривались подробно. Нѣкоторые соединяютъ русское *играть* съ греческимъ egoreo и латинскимъ gruo (см., напр., „Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ" Б(одров)а. М. 1879.), однако, это едва ли основательно. Гораздо вѣрнѣе, по моему мнѣнію, обратить вниманіе на корень „гра". У грековъ была шашечная игра *граммисмосъ,* которая по доскѣ своей называлась еще ai grammai, и глаголъ gramizo—играю въ шашки; въ латинскомъ надо сблизить его съ grassari, которое, какъ мы показали (ибо въ словаряхъ этого нѣтъ), пре-

вліяніе арабовъ на славянъ и обратно шло черезъ Кавказъ, то указаніе на наличность кавказскихъ шашекъ, какъ остатка арабской цивилизаціи, пріобрѣтаетъ нѣкоторое солидное значеніе [353]).

Реформа въ ходѣ доведи произошла ранѣе перемѣны движеній древней альферецды,—это доказывается лучше всего перенесені-

красно переводится русскимъ *играть* (и не только въ нашемъ шашечномъ текстѣ, но и въ другихъ выраженіяхъ, напримѣръ, grassari jure, non vi; grassari consilio).—К. Оппель въ своемъ сочиненіи о Египтѣ (русск. перев. изд. 1868 г., стр. 204) даетъ древне-египетское слово *эграи*, переводя его значеніемъ *противъ, напротивъ*. Не изъ этого ли отдаленнаго источника идетъ и славянское *игра* и греческое *gramizo?*—В. И. Даль въ одномъ случаѣ (при словѣ **иклы**) также склоняется къ корню *гра*, считая *и* приставкой. См. еще „Этимологическій словарь русскаго языка" сост. А. Преображенскимъ, заслуж. преподав. Моск. 4-й гимназіи. Выпускъ четвертый. Москва. 1911., гдѣ приведено много формъ на славянскихъ и другихъ языкахъ; мнѣнія разныхъ филологовъ; но указываемыхъ здѣсь мною сближеній не дано. Потебня считаетъ корнемъ **иг**, а Миклошичъ хотя и допускаетъ **гра**, но съ оговоркой.

[353]) Дѣлая такое умозаключеніе, я не могу не предвидѣть сомнѣній со стороны читателя, и для оправданія себя мнѣ хочется сдѣлать отступленіе въ сторону этнографіи. „Одинъ великій историкъ, говоритъ Э. Б. Тейлоръ (Первобытная культура. Русск. пер. 1896 г., стр. 8), предложилъ мнѣ относящійся сюда вопросъ: какимъ образомъ утвержденіе о какихъ бы то ни было обычаяхъ, миѳахъ, вѣрованіяхъ и пр. какого нибудь дикаго племени можетъ имѣть доказательную силу, когда оно зависитъ отъ свидѣтельства какого нибудь путешественника или миссіонера, который можетъ быть поверхностнымъ наблюдателемъ, болѣе или менѣе невѣжественнымъ въ туземномъ языкѣ, необдуманнымъ разсказчикомъ неосновательныхъ слуховъ, человѣкомъ предубѣжденнымъ или даже намѣреннымъ обманщикомъ? Дѣйствительно, этотъ вопросъ всякій этнографъ долженъ постоянно имѣть передъ собой. Безъ сомнѣнія онъ долженъ всѣми силами своего сужденія убѣждаться въ достовѣрности тѣхъ авторовъ, которыхъ онъ цитируетъ, и, если возможно, добывать различныя указанія для провѣрки каждаго вопроса въ данной мѣстности. Но эти мѣры предосторожности являются излишними, когда мы убѣждаемся въ повторности описываемаго явленія". Обращу еще разъ вниманіе читателя, что дѣло не въ самыхъ пріемахъ (внѣшнее направленіе которыхъ укладывается въ нѣкоторые афоризмы, оказывающіеся, впрочемъ, иногда не вполнѣ вѣрными), на которые ссылаются изслѣдователи въ родѣ гг. Савенковыхъ и Линде, а дѣло въ силѣ сужденія, въ широтѣ и вѣрности выбора тѣхъ посылокъ, изъ коихъ истекаетъ данное умозаключеніе. И не самыя свидѣтельства наблюдателей извѣстнаго этнографическаго явленія столько опасны, сколько выводы изслѣдователей. Легкомысліе, тенденціозность, недостатокъ вдумчивости въ факты—приводятъ къ ложнымъ выводамъ даже такихъ людей, на основательность сужденій которыхъ, казалось, можно бы положиться безусловно. Что, какъ не поспѣшность и излишнее довѣріе къ предшествующимъ изслѣдователямъ, привело того же Тейлора къ нелѣпому выводу о шахматахъ и побудило его написать, что „лѣтъ тысячу тому назадъ или около того, когда какой то *индусъ, имя котораго утрачено, усѣлся (?!) за древнюю шашечницу съ шашками и выработалъ изъ нихъ военную игру*"? (Антропологія. Пер. 1882 г., стр. 304—308). Тутъ что ни слово, то нелѣпость и притомъ громадная, а для этнографа и непростительная.

емъ шашечнаго слова dam, dama, въ игру шахматную. Что это былъ переносъ изъ одной игры въ другую,—это несомнѣнно; а то, что переносъ былъ сдѣланъ изъ шашекъ въ шахматы, а не наоборотъ, доказывается тѣмъ, что въ шашкахъ слово это удержалось до сего времени и встрѣчается у разныхъ народовъ, въ шахматахъ же исчезло, замѣнившись словами *королева, царица, госпожа*, а у нѣкоторыхъ народовъ даже и не попадало въ шахматную номенклатуру (персы, арабы, русскіе). Самое главное это то, что корень dam въ примѣненіи къ играмъ шашечнымъ встрѣчается на большемъ пространствѣ, почти всюду, и въ языкахъ европейскихъ, и въ Египтѣ, и въ Японіи; и поэтому должно признать, что исходитъ онъ вовсе не изъ новѣйшаго французскаго dame, какъ это утверждали шахматисты-историки.

Какъ велика древность этого корня, можетъ быть рѣшено только послѣ обширныхъ филологическихъ изысканій, но мнѣ хочется указать, что существованіе этого корня, кажется, восходитъ къ предѣламъ самой глубокой исторической древности. Въ новѣйшихъ открытіяхъ по исторіи Халдеи и Ассиріи, мы встрѣчаемъ слово *Дамкина*. Это было одно изъ названій *богини земли* у шумиро-аккадьянъ [354]) за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х.— Вотъ откуда можетъ происходить русская „дамка", которая совершенно не является уменьшительнымъ отъ французскаго dame, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ.

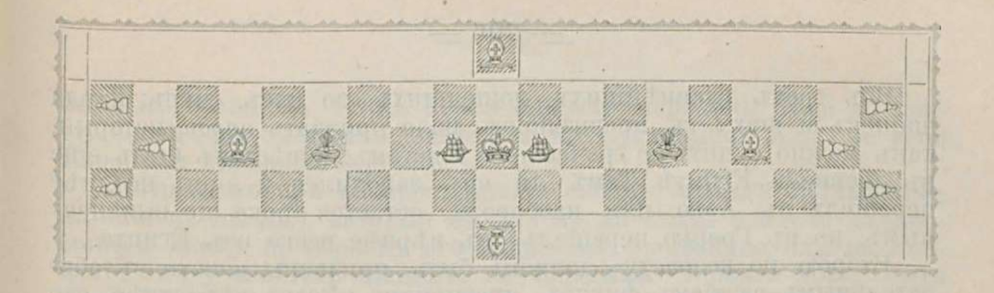
Когда именно появилось на Руси слово *дамка*, разумѣется, теперь, безъ дальнѣйшихъ изысканій, установлено быть не можетъ. Я предполагаю, что оно должно было явиться у насъ значительно позднѣе *шеренги*, не ранѣе возникновенія сношеній съ арабами и вообще черезъ Кавказъ; остаткомъ появленія слова „дамка" является современное малороссійское названіе всей игры „игрою въ дамкѝ", которое встрѣчаемъ и у великоруссовъ, какъ, напр., въ описаніи Леонтьева, который, говоря о формѣ китайскихъ шашекъ, выражается: „Китайцы шашки игры сей дѣлаютъ круглыя, похожія на наши плинтусы или дамки". (См. примѣч. 27 и 224).

Если бы именованіе это шло къ намъ съ запада, то мы встрѣтили бы его и въ Польшѣ, но этого нѣтъ: тамъ игра именуется *варцабы*, т. е. кости, или же по русски—игрою *въ шашки*.

Ранѣе, чѣмъ появилось слово *дамка*, доведь вѣроятнѣе всего означалась именемъ *козыря*, своеобразнымъ переводомъ латинскаго dama, которое позднѣе перешло въ игру карточную. Труднѣе допустить, что въ противуположность слову „простая", доведь именовалась *козакомъ*, хотя и это имѣетъ за себя кое-какія основанія.

---

354) См., напримѣръ, Исторію Халдеи и Ассиріи, *Е. А. Рагозиной*. Изд. 1903 г., стр. 188. Другіе изслѣдователи народъ этотъ именуютъ: *сумеро-аккадьяне*.

XXIX.

Итакъ, подводя итоги нашимъ изысканіямъ, мы должны сказать:

Игра въ шашки вообще, т. е. игра однообразными фигурками на расчерченной доскѣ, была извѣстна во времена глубочайшей древности, предѣловъ которой даже нельзя опредѣлить.

По всѣмъ вѣроятіямъ первоначальные доски были одноцвѣтными съ линіями въ одну сторону, а позднѣе и съ перерестками линій; самыя шашки въ древнѣйшихъ играхъ не двигались, а лишь выставлялись на избранныя мѣста.

Поэтому изъ современныхъ шашечныхъ игръ наиболѣе древними надо признать китайскія и японскія облавныя игры, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ видно изъ Гайда, производятся на линейныхъ доскахъ, при чемъ еще безъ пересѣченій линій.

Слѣдующею ступенью были игры, гдѣ шашки въ началѣ выставлялись на мѣста игрою, а затѣмъ *двигались* по линіямъ. Остаткомъ этихъ игръ является современная „мельница".

Затѣмъ создались игры, гдѣ всѣ шашки выставлялись на доску передъ игрою сразу и передвигались по линіямъ съ самаго начала партіи; древнѣйшимъ типомъ этого сорта игръ является нардъ.

Первоначальныя игры, надо думать, разыгрывались при посредствѣ жребія, т. е. метанія костей (ранняя ихъ форма безъ помѣтки очками, съ указаніемъ очковъ по наружнымъ гранямъ), а не по соображенію.

Игры разсчета явились позднѣе, когда были установлены способы вынужденія противника продолжать или оканчивать игру. Въ восточной Азіи это было заполненіе всей доски, въ Египтѣ и Индіи—законы обязательности взятія и идея защиты отъ мата, каковая первоначально относилась къ занятію извѣстнаго мѣста на доскѣ (падчизи) и лишь позднѣе перешла въ плѣненіе отдѣльной двигающейся шашки.

Всѣ вообще игры, какъ можно догадываться, первоначально были способами жреческихъ гаданій и предсказаній, и лишь позднѣе перешли въ форму забавы, но и этотъ переходъ произошелъ во времена отдаленнѣйшія [355]).

---

[355]) Удивительно, однако, что это назначеніе игръ не исчезло безслѣдно, и при появленіи въ Европѣ картъ онѣ стали однимъ изъ матеріаловъ для пред-

Изъ трехъ главнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, игръ: нарда шашекъ и шахматъ, древнѣйшею надо признать *нардъ*, который, какъ можно судить по греческимъ текстамъ, извѣстенъ былъ еще въ древнемъ Египтѣ. Тамъ ли онъ зародился и лишь позднѣе перешелъ въ Азію, или наоборотъ, остается пока не выясненнымъ, но въ Грецію перешелъ онъ вѣрнѣе всего изъ Египта.

Второю по возрасту—должны быть признаны *шашки* съ обязательнымъ взятіемъ фигуръ противника. Всего вѣроятнѣе, что и эта форма игры была извѣстна ранѣе въ Египтѣ и оттуда перешла въ Грецію. Видъ ея въ это время могъ быть линейнымъ и лишь позднѣе перенесенъ на клѣтчатую доску (остатокъ древней формы: шашки туркестанскія). Изъ Грецiи шашки перешли къ древнимъ римлянамъ, которые знали ихъ за долго до Р. X. подъ именемъ ludus latronum, а затѣмъ подъ именемъ latrunculi. Позднѣе игра эта приняла имя dama. Корень этого названія встрѣчается у разныхъ народовъ Азіи, Африки и Европы и принадлежитъ къ кочующимъ терминамъ, смыслъ которыхъ принимался сообразно съ другими однозвучными мѣстными словами [356]).

Наиболѣе новою игрою должно считать *шахматы*, которыя сперва разыгрывались при помощи жеребьевыхъ костей между четырьмя лицами и лишь позднѣе, подъ вліяніемъ игръ шашечныхъ (нардъ и шашки), перешли въ двойную игру, пріобрѣтя характеръ чистаго разсчета. Изъ игры шашечной шатранджъ заимствовалъ превращеніе пѣшки въ ферзя-доведь. Занесенный въ Китай и Японію, шатранджъ пріобрѣлъ здѣсь особенности подъ вліяніемъ мѣстныхъ шашечныхъ игръ; а именно: въ Китаѣ онъ былъ перенесенъ на болѣе древнюю линейную доску и сохранилъ пѣшку, еще не пріобрѣвшую права превращенія; въ Японіи же шахматы измѣнились, обратившись въ особую шашечную игру, ибо большинство фигуръ ихъ пріобрѣло право превращаться въ родъ дамки, и кромѣ того взятыя шашки получили возможность вновь вступать въ игру въ пользу взявшаго, такъ что исчезъ даже особый окрасъ двухъ борющихся армій. Всѣ эти особенности, очевидно, произошли подъ вліяніемъ мѣстныхъ древнихъ шашечныхъ игръ, намъ еще неизвѣстныхъ.

Шахматы въ видѣ шатранджа введены въ Европу персами (и отчасти арабами) черезъ Кавказъ, откуда его заимствовали славяне, и арабами черезъ югъ Европы, когда они громили его и осѣдали въ Греціи, Италіи и главнымъ образомъ въ Испаніи. Изъ европейскихъ народовъ сохранили лучше всего восточные термины игры русскіе, западная же Европа или забыла ихъ, или исковеркала до неузнаваемости.

Шашки, благодаря вліянію Рима, распространились по всѣмъ подвластнымъ ему странамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, проник-

---

сказанія судьбы. Въ играхъ шашечныхъ отголоскомъ ихъ прежняго значенія были клѣтчатые полы или скатерти въ высшихъ средневѣковыхъ судилищахъ.

[356]) Вспомнимъ, напримѣръ, афоризмы современнаго Кузьмы Пруткова: „Дѣвицы вообще подобны шашкамъ: не всякой удается, но всякой желается попасть въ дамки“.

ли и къ сосѣдямъ этихъ побѣжденныхъ народовъ. Еще до христіанской эры онѣ были извѣстны въ ближайшей Азіи, во всей Европѣ и сѣверной Африкѣ.

Шатранджъ при распространеніи своемъ оказалъ сильнѣйшее вліяніе на шашки, которыя въ это время стали вводить дальнобойную дамку по образцу его ладьи; это произошло или на Кавказѣ, или у южныхъ славянъ, по берегамъ Чернаго моря, быть можетъ даже, что реформа зародилась въ самой Персіи [357]).

Новая форма игры при своемъ возникновеніи должна была распространиться всюду по югу Европы, но удержалась она только у русскихъ, которые продолжили реформу, создавъ новую простую съ боемъ назадъ, полную свободу въ выборѣ между ударами и свои законы о проходѣ въ дамки. Въ Европу новая форма шашечной игры хотя и проникла черезъ Испанію, но не удержалась, не могла побѣдить привычки къ старой римской игрѣ, и даже позднѣе, когда она во второй разъ черезъ Польшу и Голландію, появилась въ Европѣ, и развилась даже далѣе, пріобрѣтя въ началѣ XVIII столѣтія во Франціи стоклѣточную доску и сорокъ шашекъ, она все же сохранила по традиціи отголоски римскихъ правилъ въ необходимости брать наибольшее количество шашекъ и въ лишеніи простой правъ доведи, если она только проходитъ ударомъ черезъ пристань, а не останавливается на ней.

Новая доведь игры шашечной оказала съ своей стороны вліяніе на игру шахматную, гдѣ по образцу ея создался новый ферзь, а затѣмъ вскорѣ передѣланъ былъ и слонъ.

Что перемѣна ходовъ стараго ферзя произошла именно подъ вліяніемъ игры шашечной, доказывается лучше всего новымъ названіемъ этой фигуры отъ древняго международнаго корня dam, встрѣчаемаго именно въ шашкахъ и здѣсь преимущественно сохранившагося, тогда какъ въ шахматахъ онъ по большей части исчезъ.

Гдѣ зародилась идея перемѣны ходовъ ферзя, пока не извѣстно, но мнѣніе, что она возникла въ юго-западной Европѣ весьма сомнительно. Скорѣе можно думать, какъ это впервые высказалъ И. Т. Савенковъ, что идея шла съ востока, гдѣ уже въ IX—X ст. мы встрѣчаемъ описанія многихъ видовъ шатренджа.

Второе и также очень важное соображеніе состоитъ въ томъ, что будь реформа европейскою, появленіе шахматъ въ Европѣ не было бы приписано вліянію крестовыхъ походовъ, изъ которыхъ даже первый былъ предпринятъ позднѣе историческихъ письменныхъ свидѣтельствъ о шахматахъ въ Европѣ, т. е. позднѣе того, когда шахматы были извѣстны европейцамъ относительно широко.

Третье подтвержденіе состоитъ въ томъ, что будь реформа

---

[357]) Можетъ быть „лыгенда" (по правописанію Н. С. Лѣскова), переданная у Фирдусси (стр. 83—84 и примѣч. 13, 95, 96 и 97) имѣетъ подкладкой именно эту реформу. Индійцы предлагали, вѣроятно, персамъ играть въ двойной чатрангъ безъ костей, и оказалось, что персы игру эту уже знали и побѣдили индійцевъ, а персы предложили сразиться въ реформированныя шашки, которыхъ въ Индіи еще не знали, и персы опять вышли побѣдителями.

ферзя западно-европейскою, русскіе, вслѣдствіе обособленности своей въ это время, узнали бы объ этомъ сравнительно поздно, и это не могло бы пройти совершенно незамѣченнымъ: европейская реформа перешла бы и съ европейскимъ названіемъ *королевы;* на дѣлѣ же мы, русскіе, сохранили древнее восточное названіе *ферзя* и прочихъ фигуръ, и въ какое бы раннее время ни зашла у европейцевъ рѣчь о шахматизмѣ русскихъ, они нигдѣ не отмѣчаютъ отсталости русскихъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, новѣйшія извѣстія путешественниковъ указываютъ наличность дальнобойнаго ферзя даже въ такихъ странахъ Азіи, которыя почти вовсе не находились подъ европейскимъ вліяніемъ, какъ, напримѣръ, у сойотовъ и въ Тибетѣ.

Въ частности, относительно русскихъ мы полагаемъ, что они въ очень отдаленное время знали и древне-римскую игру latrunculi и азіатскій шатранджъ. Первая называлась *пѣшками* [358]), а второй—*шеренгой*. Съ перемѣною ходовъ доведи и ферзя, они измѣнили и названіе и стали именоваться *шашками* и *шахматами*. Наравнѣ съ шашками существовало и новое названіе *дамки*.

Игра нардъ у древнихъ грековъ была извѣстна ранѣе подъ именемъ кюбейи, а позднѣе подъ названіемъ тавлеи. Это послѣднее именованіе перешло къ русскимъ. Въ западной Европѣ игра этого рода, древне-римская скриптула,—которая въ самое раннее время у латинянъ именовалась, надо думать, подобно кюбейѣ, просто tessera (примѣч. 142),—перемѣнила свое названіе сперва на jeu de tables, а позднѣе на триктракъ, пуффъ, токкадиле и бокгамонъ. Эта перемѣна произошла, вѣроятно, въ то время, когда въ игрѣ запрещено было на дѣлѣ бить и снимать убитыя шашки.

Игры „мельница“ и „осада крѣпости“ составляютъ остатки древнѣйшихъ линейныхъ игръ. Мельница была и у римлянъ, но, кажется, только примитивнаго рода. Мельница извѣстна также въ современномъ Китаѣ; она описана, какъ тамошняя мѣстная игра, еще Гайдомъ въ 1694 г.

Доска въ 64 клѣтки относится къ глубокой древности. Ее знали уже римляне. Но въ Европѣ доска эта была раскрашенною, въ Азіи же она долго оставалась одноцвѣтною и встрѣчается въ этомъ видѣ еще и теперь.

Шахматы, попавъ въ Европу, были перенесены на эту раскрашенную доску, положеніе которой между игроками давно уже установилось въ древне-римской игрѣ. Вотъ почему въ средне-вѣковой латыни шахматы очень часто именуются ludus latronum, а арабы приписывали знакомство съ ними древнимъ грекамъ и римлянамъ.

Отдѣльныя частности шахматныхъ правилъ были разработаны окончательно въ Европѣ. Взятіе пѣшкою на проходѣ—правило чисто европейское, зачатки же рокировки и ходъ пѣшки изъ дома на два шага были уже въ шатренджѣ. Всѣ эти европейскія правила теперь проникаютъ на Востокъ, гдѣ, однако, не вполнѣ еще приняты, хотя дальнобойный ферзь тамъ извѣстенъ давнымъ давно.

---

[358]) Слово *пѣхотинецъ* считалось совсѣмъ новымъ въ русскомъ языкѣ даже въ первой четверти прошлаго вѣка. См. А. Н. Пыпинъ. *Два словаря*, „Вѣстникъ Европы“ 1892 г., №№ 6—9.—Такимъ образомъ производить отсюда *пѣшку* не возможно.

Русская разработка игры шашечной охотно принимается всѣми присоединенными къ Россіи народами, какъ къ западу (поляки, балты, финляндцы), такъ къ югу и востоку (Кавказъ, Сибирь, Ташкентъ, Хива, Бухара), но въ западную Европу проникаетъ туже. Нѣмцы, а подъ вліяніемъ ихъ и поляки, вводятъ ограниченія стоклѣточной игры, которыя уменьшаютъ количество комбинацій [359]). Италія, преемница Рима, сохранила почти въ цѣлости древнюю форму игры, такъ какъ увеличеніе силы доведи правами неприкосновенности отъ простой шашки, не могло исходить изъ практическихъ партій (ибо дамка и здѣсь и въ англійской игрѣ нападаетъ большею частію сзади). Англія же, можно сказать, вполнѣ сохранила древнюю римскую игру, ибо уничтоженіе обязанности брать наибольшее количество шашекъ и другія тому подобныя частности (бывшія въ полной силѣ во Франціи до XVIII вѣка), очень мало измѣнили игру. Въ средней Европѣ, кажется, сохраняется еще въ силѣ въ глухихъ мѣстахъ и старая jeu de dames à la française, которая уже вполнѣ и во всѣхъ частностяхъ одинакова съ игрою древнихъ (стр. 116). Черезъ Голландію наша русская дальнобойная дамка перекочевала въ Европу, но не пріобрѣла полнаго распространенія. Ранѣе всего она проникла въ Испанію, бывшую метрополіей Голландіи, но здѣсь удержалась древняя простая. Во всѣхъ колоніяхъ Англіи, не только въ Америкѣ и Австраліи, а кажется даже и въ Индіи,—распространена игра англійская, но въ Америкѣ она, такъ же, какъ и въ Италіи, претерпѣла странное измѣненіе въ ходѣ дамки, которая здѣсь передѣлана подъ вліяніемъ шахматъ; господствующій же типъ игры въ Америкѣ остался англійскимъ. Есть, свѣдѣнія, что и въ Италіи сохранилась древняя игра, безъ увеличенія правъ доведи неприкосновенностью.

Игра въ шашки на 64 клѣточной доскѣ имѣетъ въ настоящее время много варіацій, но наиболѣе характерныя и интересныя созданы русскими, которые дали также важную варіацію и шахматъ, именно четверную игру съ крѣпостями. Въ Россіи же указана возможность четверной игры въ шашки по аналогіи съ шахматной: посредствомъ соединенія вплотную двухъ обыкновенныхъ досокъ. (См. „Шашечн. Листокъ“ 1903 г., № 8, стр. 113—116).

Вообще, при наблюденіи за перемѣнами въ играхъ, можно замѣтить, что наиболѣе живучими являются тѣ формы, которыя созданы народомъ, т. е. тѣ игры, гдѣ авторы неизвѣстны, и гдѣ, всего вѣрнѣе, изобрѣтенія не единоличны. Единичныя попытки переработки игръ, которыхъ множество (особенно въ Западной Европѣ), большею частію, падаютъ сами собой, ибо какъ иной

---

[359]) Интересно замѣтить, что ограниченія въ выборѣ ударовъ не только уменьшаютъ количество комбинацій, но и не облегчаютъ разсчетовъ. По крайней мѣрѣ въ литературѣ польскихъ шашекъ встрѣчаются, и не рѣдко, положенія, гдѣ авторы забываютъ объ обязательности взятія наибольшаго количества подставленныхъ шашекъ въ прямомъ смыслѣ, т. е. берутъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ и, главное, забываютъ о немъ въ смыслѣ возможности приведенія въ дѣйствіе; такъ, нѣкоторыя проблемы лучше и быстрѣе кончаются выигрышемъ бѣлыхъ, если избрать продолженія, гдѣ черные обязаны брать maximum, но авторы этого не видятъ; не замѣчаютъ этого и рѣшающіе.

разъ ни хитро онѣ задуманы, при ближайшемъ знакомствѣ оказываются нелѣпыми и скучными.

Таковы выводы, которые можно было сдѣлать на основаніи разобранныхъ нами матеріаловъ. Выводы эти сами по себѣ даютъ очень много, но, разумѣется, они были бы полнѣе, если бы матеріалы о составѣ разныхъ игръ были обширнѣе. Множество игръ еще существующихъ нигдѣ не описаны, множество игръ исчезло. Относительно этихъ послѣднихъ можно подозрѣвать, что нѣкоторыя могли бы быть возстановлены. Такъ какъ шашечныя игры вообще, т. е. всѣ вообще игры на доскѣ фигурками, переживаютъ столѣтія, то правила ихъ могли бы служить хорошимъ подспорьемъ въ этнографическихъ выводахъ [360]). Напримѣръ, наши русскіе термины въ шахматной игрѣ несомнѣнно указываютъ на нашу близость съ востокомъ и Греціею и на относительно высокую стадію славянской цивилизаціи въ то время, про которое пока принято думать, что тогда едва ли существовали самые славяне, или если и существовали, то были на первобытныхъ ступеняхъ развитія.

Будемъ надѣяться, что современемъ найдется любитель, который посвятитъ свои досуги этому интересному предмету. Рѣшенія историческихъ вопросовъ не менѣе любопытны, чѣмъ рѣшеніе шахматныхъ и шашечныхъ задачъ и этюдовъ.

[360]) Э. Б. Тейлоръ въ ранѣе цитированной „Исторіи игръ“ между прочимъ пишетъ: „Въ заключеніе, поставленныя рядомъ многія игры, безъ сомнѣнія окажутся несовершенными..., но все таки полезно и о нихъ сказать нѣсколько словъ съ цѣлью заставить путешественниковъ и другихъ лицъ давать точный и вѣрный отчетъ о всѣхъ еще не описанныхъ играхъ, ими замѣченныхъ. Въ *Третьемъ путешествіи Кука* упоминается, что на Сандвичевыхъ островахъ жители играютъ въ игру, похожую на шашки, бѣлыми и черными камешками на доскѣ съ 14 до 17 квадратовъ. Если бы описатели потратили лишній часъ на изученіе этой игры, мы, можетъ быть, теперь знали бы, китайская эта или малайская игра, или какая нибудь другая. И возможно, что это было бы нитью для потерянной туземной памяти, для сочетанія полизенійцевъ съ болѣе высокой азіатской культурой, въ вѣка до появленія европейскаго корабля у ихъ коралловыхъ рифовъ“. „Ежен. Новое Время“ 1879, т. II, стр. 554.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

УСТАВЪ
игры въ русскія шашки.

Предварительныя замѣчанія.

Несмотря на самое широкое распространеніе игры въ шашки въ Россіи,— любителей, знающихъ главныя правила игры, надо считать, вѣроятно, милліонами,—игра до 1884 года совершенно не имѣла устава: играли, по большей части, по преданію. Нѣкоторыя данныя о правилахъ можно было почерпнуть изъ учебника А. Д. Петрова [398]), изъ сочиненія „Любителя цыфръ“ [399]), изъ „Описанія“ [400]), изъ рѣшеній задачъ, помѣщавшихся во „Всемірной Иллюстраціи“ и „Шахматномъ Листкѣ“ М. И. Чигорина [401]), но вообще и здѣсь нельзя было отыскать ясныхъ отвѣтовъ даже на вопросы о законахъ игры, о ея внутреннихъ правилахъ; во внѣшнихъ правилахъ сообразовались иногда съ шахматными уставами.

Когда игра заинтересовала болѣе образованные классы общества, чѣмъ было раньше, и когда при рѣшеніи нѣкоторыхъ задачъ въ „Шахматномъ Листкѣ“ возникли въ 1878 г. разногласія, М. И. Чигоринъ обратился ко мнѣ съ просьбою составить перечень главнѣйшихъ правилъ. Статейка моя, написанная тогда наскоро и безъ системы, не попала въ печать. Впослѣдствіи я переслалъ ее М. К. Гоняеву, который и написалъ *первый уставъ игры*. Онъ былъ напечатанъ въ еженедѣльномъ журналѣ „Радуга“ [402]) за 1884 годъ, №№ 15 и 16. Въ

---

[398]) Руководство къ основательному познанію шашечной игры, или искуство обыгрывать всѣхъ въ простыя шашки.—Honny soit qui mal y pense.—Санктпетербургъ, Въ Типографіи А. Смирдина. 1827 года. 12-mo. IV+68 стр.—Цѣна 1 руб. 50 к. асс. или 43 коп. сер. Имя автора было открыто В. М. Михайловымъ въ его „Шахматномъ Листкѣ“ (издававшемся при журн. „Русское Слово“ съ 1859 по 1863 г.) еще при жизни А. Д. Петрова, который въ этомъ же журналѣ помѣстилъ свои интересныя *Воспоминанія* объ игрѣ въ шашки (1861 г., № 29, стр. 119—123).

[399]) Таблицы игоръ въ простыя шашки, служащія введеніемъ въ общую правильную игру, сочиненныя *Любителемъ цыфръ*. Москва. 1836 г.—Третія таблица, продолженіе двухъ первыхъ. Москва. 1838.—Отзывъ мой о содержаніи этихъ таблицъ см. въ журн. „Шашечница“ 1891 г., № 6.

[400]) Описаніе вѣрнѣйшихъ правилъ къ изученію шашечной игры, составленное по лучшимъ источникамъ. Москва. 1850. 32-mo. 28+IV стр.—См. примѣч. 386.

[401]) Этотъ „Ш. Л.“ выходилъ въ Петербургѣ съ 1876 по 1881 г. Игра въ шашки очень многимъ ему обязана, несмотря на то, что отдѣлъ былъ чрезвычайно малъ. Здѣсь впервые были выяснены законы взятія въ сложномъ ударѣ, о которыхъ въ предыдущихъ изданіяхъ совершенно ничего не говорилось.

[402]) Журналъ этотъ (въ 1883 году изданіе Н. П. Гилярова-Платонова, а съ 1884 г.—Л. Метцля) сталъ въ настоящее время библіографической рѣдкостью. Онъ издавался въ Москвѣ съ 1883 по 1886 годъ. Въ 1887 году вышло лишь семь №№. Въ его шашечномъ отдѣлѣ было много интереснаго. Тутъ, между прочимъ, находится статья М. К. Гоняева по исторіи игры, переведенная впослѣдствіи по-французски и помѣщенная въ извѣстномъ сочиненіи Г. Баледана „Le Damier“.—См. примѣч. 362-е.

составленіи и редактированіи этого устава я принималъ дѣятельное участіе. Особенно полезенъ былъ намъ шахматный уставъ К. А. Яниша [403]).

Уставъ М. К. Гоняева примѣнялся во многихъ турнирахъ и матчахъ [404]). Онъ хотя и разрѣшаетъ главнѣйшія недоразумѣнія, но не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, напримѣръ, въ немъ про выигрышъ замѣчено, что побѣда почитается наиболѣе блестящею при заключеніи шашекъ противника, по смыслу же другой статьи разрѣшается во всякое время смѣшать шашки и признать себя побѣжденнымъ, слѣдовательно дается право лишить противника блеска побѣды. Такое противорѣчіе не даетъ возможности разрѣшить споръ, когда одинъ настаиваетъ на своемъ правѣ бросить игру, а другой требуетъ возстановить положеніе смѣшанной партіи и продолжать ее до конца. Статья 30-я устава могла породить сомнѣнія даже о самыхъ законахъ игры. Наконецъ, самое остроумное въ содержаніи устава, именно предложенное М. К. Гоняевымъ положеніе о „незаконныхъ дѣйствіяхъ", составляя съ уставомъ неразрывное цѣлое, не могло быть въ случаѣ необходимости выдѣленнымъ, а между тѣмъ примѣненіе его иной разъ было затруднительно.

Въ 1897 году [405]) П. Н. Бодянскій въ первомъ же номерѣ своего журнала „Шашки" [406]) помѣстилъ составленныя имъ „Правила игры", вскорѣ вышедшія

---

[403]) Новый Уставъ Шахматной Игры, принятый въ 1857-мъ году Обществомъ Любителей сей игры въ С.-Петербургѣ, въ замѣнъ изданнаго имъ въ 1854-мъ году временнаго шахматнаго устава. С. Петербургъ. 1858.—8 д. л.—IV+92 стр. Уставъ трактуетъ лишь о внѣшнихъ правилахъ игры, а изъ внутреннихъ только о спорныхъ и о разныхъ отступленіяхъ отъ обычныхъ правилъ; вообще же внутреннія правила „за общеизвѣстностію здѣсь не излагаются". Проектъ устава ранѣе былъ помѣщенъ въ Berliner Schachzeitung за 1856 годъ, а затѣмъ Общество уполномочило, отъ его имени, составить уставъ и окончательно утвердить его коммиссію изъ лучшихъ игроковъ, въ которую вошли кн. Д. С. Урусовъ, В. М. Михайловъ, И. С. Шумовъ и К. А. Янишъ.

[404]) Между прочимъ на первомъ изъ турнировъ, устроенномъ П. Н. Бодянскимъ въ Москвѣ въ 1894 году.

[405]) И до этого года и позднѣе выходили разныя изданія, гдѣ описывались правила шашечной игры, иной разъ съ видоизмѣненіями, но всѣ эти изданія не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики и большею частію искажаютъ самые законы игры. Мнѣ извѣстны изданія: *Красный дьяволъ или бѣлая магія* I... II... III. Игры въ шахматы, шашки, домино, кегли и пр.... *Ришаръ*, пер. съ франц. М. 1866. 8 д. л.—Полн. самоуч. шахм. игры и игра въ русскія и польск. шашки. 1872. Изд. *Земскаго* (прим. 110-е).—Каталогъ педагогич. Музея (прим. 110-е).—Сборникъ *И. Я. Гердъ* (прим. 110-е).—Сборникъ игръ для дѣтей *Юліи Игнатовичъ* Вып. II. Спб. 1874.—Сборникъ *Вал. Висковатова* (прим. 110-е).—Практич. руководство, чтобы правильно, вѣрно, со всѣми тонкостями играть безъ проигрыша въ шахматы, шашки, бильярдъ, кегли, лото, триктракъ, домино и т. д. *Серг. Галактіонова*. Спб. 1880.—Рук. къ изуч. шахм. игры. Игра въ русскія шашки. *И. И. Фоглера*. М. 1880 г.—Есть 2-е изданіе (примѣч. 110-е).—Руков. къ изуч. шашечн. игры *И. И. Фоглера*. М. 1881 (см. примѣч. 110-е).—*Шашки*. Полный сборникъ правилъ и задачъ. Спб. Тип. Тронщель. 1891. 12 д. л.—Шашки и шахматы. *М. Н. Васильевскій*; изд. Вольфъ. Прилож. къ ж. „Задушевное Слово".—Библ. ж. „Трудъ и Забава": № 27. *С. Муравьевъ*. Какъ научиться хорошо играть въ шашки. Спб. 1906.—*Школа какъ играть* въ карты, шашки и шахматы. *В. Вусовъ*, М. 1886. Изд. Леухина.—Шашки, статья въ журн. „Семья и Школа" 1871, № 1, стр. 94—96; (примѣч. 110-е).—*Календарь игръ* (примѣч. 110-е). См. еще примѣчаніе 82-е.

[406]) Это былъ первый въ Россіи журналъ, спеціально посвященный игрѣ въ шашки. Онъ былъ ежемѣсячнымъ и издавался въ Кіевѣ съ іюля 1897 года по декабрь 1901 года включительно. Всего въ немъ 1418 страницъ. Самое изданіе страдало большими недостатками, но оно, особенно въ соединеніи съ личною дѣятельностью издателя, организовавшаго нѣсколько турнировъ и

отдѣльною брошюрою. Здѣсь онъ, иной разъ въ крайне неудачной редакціи на отчаянномъ провинціальномъ жаргонѣ [407]), ввелъ принятый на турнирѣ 1895 г. въ Москвѣ давнишній [408]) народный обычай о ловлѣ одинокой дамки тремя въ 15 ходовъ, повторилъ почти весь уставъ М. К. Гоняева, со всѣми его ошибками, нѣкоторыя правила изложилъ такъ, что они способны повести лишь къ недоразумѣніямъ [409]), и совершенно исключилъ статьи о незаконныхъ дѣйствіяхъ [410]).

Однако вести серьезную игру на ставку, въ клубахъ, гдѣ въ турнирахъ приходится играть съ незнакомыми, безъ взысканія за неправильныя внѣшнія дѣйствія слишкомъ не удобно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ поступить, если противникъ будетъ постоянно трогать [411]) шашки, не имѣющія хода? П. Н. Бодянскій пишетъ (§ 10), что если играющій сдѣлаетъ тихій ходъ, когда ему предстоитъ брать, то ходъ этотъ отмѣняется и замѣняется ударнымъ; какъ, однако, избавиться отъ того, если противникъ, съ скрытою цѣлью раздражить [412]) партнера,

---

матчей, привлекло къ игрѣ много любителей изъ интеллигенціи. Подробно мои мнѣнія о журналѣ изложены въ „Конской Охотѣ“ за 1897 и 1898 гг.

407) Напримѣръ: „Если шашка проникаетъ на одну изъ клѣтокъ самаго верхняго для себя горизонтальнаго ряда не путемъ удара, а посредствомъ обыкновеннаго продвиганія и, сдѣлавшись такимъ образомъ дамкой, встрѣчаетъ подставленную подъ ея ударъ чужую шашку, то она ударяетъ ее не за тѣмъ ходомъ, при которомъ она прошла въ дамки, а за слѣдующимъ, если при слѣдующемъ ходѣ сохранилось положеніе, при которомъ возможно сдѣлать ударный ходъ относительно этой чужой шашки“ (§ 21).

408) Впервые въ литературѣ о немъ упомянулъ С. П. Звѣревъ въ „Шахм. Листкѣ“ 1881 г., стр. 92, но онъ былъ уже всеобщимъ въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, особенно въ Москвѣ, этомъ центрѣ шашечной игры.

409) Статьи 28, 29, 30, 32, 33 и 36, по нумераціи П. Н. Бодянскаго.

410) Изложеніе въ правилахъ П. Н. Бодянскаго страдало такою неполнотой, что самъ же авторъ въ своемъ журналѣ далѣе допустилъ къ обсужденію тѣ законы, которые были вполнѣ разрѣшены уставомъ М. К. Гоняева и которые въ редакціи „Правилъ“ были пропущены.

411) М. И. Чигоринъ писалъ по этому поводу („Ш. Л.“, 1876, № 1, стр. 31 и 32): „Практика даетъ возможность при изученіи теоріи выработать свою игру, улучшить ея качество и выработать извѣстный стиль игры и извѣстную манеру играть. Послѣдняя гораздо важнѣе, чѣмъ можно предположить это съ перваго взгляда. Манера играть вліяетъ на выработку самой игры. Нѣкоторыя привычки, которыя кажутся непріятными для партнера, часто въ себѣ заключаютъ невозможность прогрессивнаго развитія игры для самихъ игроковъ. Нѣкоторые игроки имѣютъ обыкновеніе прежде, чѣмъ пойти какой либо шашкой, трогать другую, или нѣсколько другихъ, возить ими по доскѣ, потомъ опять ставить на прежнее мѣсто и ходить совершенно другой. Нѣкоторые доходятъ до того въ своихъ рекогносцировкахъ по всей доскѣ различными фигурами, что забываютъ мѣсто, откуда она снята и обращаются къ своему партнеру съ вопросомъ: гдѣ она стояла? Не говоря уже о томъ, что эта привычка не можетъ доставить особеннаго удовольствія партнеру, она лишаетъ игру того характера серьезности и сосредоточенности, который ей присущъ и вслѣдствіе этого уменьшаетъ ея интересъ. Она показываетъ, что игрокъ не обдумываетъ своихъ ходовъ. Только тотъ можетъ хорошо научиться играть, кто соблюдаетъ самое строгое pièce touchée. Прежде, чѣмъ дотронуться до шашки, чтобы ею ходить, необходимо вполнѣ основательно обдумать, хорошъ ли этотъ ходъ и возможные отвѣты противника. Также не слѣдуетъ, при обдумываніи своихъ плановъ, указывать пальцами на клѣтки доски и *никогда не брать назадъ ходовъ*. Эти условія имѣютъ большое значеніе для выработки серьезной и основательной игры“.

412) Иногда это дѣлается даже открыто, безъ стѣсненій, лишь бы устранить конкурента, какъ это было, напр., на Всероссійскомъ шахм. турнирѣ въ Петроградѣ въ 1914 году. См. „Шахм. Вѣстникъ“ 1914 г., № 3, стр. 42—43: „Турниръ протекалъ мирно... Къ сожалѣнію, картина измѣнилась съ началомъ матча между побѣдителями... Въ дальнѣйшемъ возникли новыя препятствія, главнымъ

будетъ не нечаянно, а намѣренно, дѣлать тихіе ходы, когда предстоитъ брать? Уставъ игры долженъ предусматривать, по возможности, всѣ дѣйствія играющихъ, давать средства сдерживать недисциплинированныхъ игроковъ. Отвергнувъ обычай „фука“ и исключивъ въ то же время статьи за нарушеніе внѣшнихъ порядковъ игры, П. Н. Бодянскій возвратилъ игру къ ея прежнему состоянію, когда играли безъ устава. Такимъ образомъ, „Правила“ его составляли шагъ назадъ, и пользоваться ими—значитъ ставить себя въ постоянныя затрудненія.

Между тѣмъ все болѣе развивающаяся любовь къ игрѣ въ интеллигентномъ кругу и частыя устройства различныхъ турнировъ и матчей настоятельно требуютъ свода правилъ, который давалъ бы возможность разъяснять возникающія недоразумѣнія.

Уставъ М. К. Гоняева въ принципѣ прекрасно разрѣшаетъ всѣ главные вопросы какъ самой игры, такъ и внѣшнихъ ея распорядковъ, и потому я рѣшилъ переработать его, введя лишь необходимыя исправленія и дополненія. Надѣюсь, что мнѣ удалось достичь цѣли, и любители соединятся вокругъ новаго устава.

Для лучшаго уясненія дѣла не лишнее, быть можетъ, подробнѣе коснуться того, въ чемъ состояла переработка. Здѣсь, помимо языка, лучшаго распредѣленія статей и ихъ сокращенія, введенъ счетъ пятнадцати ходовъ для борьбы трехъ дамокъ противъ одной [413]), исправлены статьи о ничьей въ поддавкахъ, при чемъ на спорныя окончанія дано лишь 15 ходовъ, и, главное, статьи о незаконныхъ дѣйствіяхъ выдѣлены въ особую главу, и примѣненію ихъ данъ практически удобный характеръ; на это послѣднее я обращаю особенное вниманіе любителей.

Превосходныя въ принципѣ, введенныя М. К. Гоняевымъ, понятія о незаконныхъ дѣйствіяхъ (благодаря чему оказалось возможнымъ не касаться подробно мелочныхъ нарушеній [414]) и до сего времени являются не

виновникомъ которыхъ явился А. И. Нимцовичъ: его повышенная нервность и необоснованныя притязанія создавали такую обстановку, которая не могла не отразиться самымъ тягостнымъ образомъ на настроеніи и его противника (который, кстати сказать, держалъ себя прекрасно, во всемъ уступая) и членовъ турнирнаго комитета и зрителей“. Къ этому редакція журнала замѣчаетъ: „Поведеніе А. И. Нимцовича въ матчѣ явилось, повидимому, лишь продолженіемъ той тактики, которую онъ усвоилъ себѣ въ теченіе всего турнира, не стѣсняясь даже оскорбительными выходками противъ нѣкоторыхъ изъ членовъ турнирнаго комитета“.

413) Къ слову замѣчу, что и въ прочихъ окончаніяхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, было бы достаточно пятнадцати ходовъ (здѣсь, конечно, съ возобновленіемъ счета при матеріальной перемѣнѣ въ игрѣ и движеніи каждой простой), но я не счелъ удобнымъ касаться въ крѣпкихъ того, что вошло въ обычай: 30 ходовъ назначилъ А. Д. Петровъ, повторилъ М. К. Гоняевъ, принялъ и П. Н. Бодянскій. Нѣкоторые игроки изъ народа толкуютъ слова А. Д. Петрова въ томъ смыслѣ, что у него при 30 ходахъ подразумѣвается, будто бы, счетъ ходовъ отдѣльно для бѣлыхъ и для черныхъ, т. е. дается всего 15 ходовъ. Это не вѣрно: въ шахматахъ для спорныхъ окончаній давалось въ то время полныхъ 60 ходовъ, А. Д. Петровъ уменьшилъ это вдвое, но подъ ходомъ понималъ движеніе *обоихъ* противниковъ.

414) А. Д. Петровъ (стр. 12—14) даетъ такія правила: „3) кто забудетъ поставить шашку и начнетъ игру, въ волѣ другого игрока состоитъ поставить забытую шашку, или продолжать игру такъ, какъ есть.—4) Если условлено будетъ съ одной стороны дать шашку впередъ, и если, начиная игру, другой забудетъ взять условленное, въ волѣ того, кто долженъ былъ получить впередъ, продолжать игру, не бравши условленной шашки, или начать новую.—

вполнѣ признанными. На турнирахъ въ Москвѣ въ 1894 и 1895 гг. они встрѣчены были недовѣріемъ, чѣмъ и надо объяснить исключеніе ихъ изъ „Правилъ“ П. Н. Бодянскаго. Имѣя въ виду, что массу не такъ легко склонить къ прочному усвоенію новыхъ условій, я выдѣлилъ эти штрафы въ особый (послѣдній) отдѣлъ, такъ что любителямъ, упрямо не желающимъ принять ихъ, стоитъ только условиться играть безъ статей этого отдѣла, и въ уставѣ останется лишь его безспорное, всѣми признанное, содержаніе; но, конечно, это крайняя уступка, тѣмъ болѣе нежелательная, что она лишаетъ уставъ понудительной силы, сводитъ его къ правиламъ П. Н. Бодянскаго, т. е. отнимаетъ возможность разобраться въ неизбѣжныхъ пререканіяхъ. Въ игрѣ шахматной, всякаго рода незаконныя дѣйствія наказываются, по большей части, либо лишеніемъ хода, либо принужденіемъ играть царемъ [415]); въ шашкахъ это не примѣнимо, ибо здѣсь иной разъ даже выгодно лишиться хода; кромѣ того въ шахматахъ штрафуется *каждое* незаконное дѣйствіе, М. К. Гоняевъ штрафуетъ лишь *третье*. Такимъ образомъ является и отсутствіе придирчивости, и защита противъ злоупотребленій и распущенности. Эта-то мягкость устава, одновременно и приводящая къ серьезной игрѣ, и не создающая излишняго раздраженія, не была оцѣнена должнымъ образомъ.

Недовѣріе и глухое противодѣйствіе, встрѣченное идеей Гоняева, крылось, я думаю, не въ ней самой, а въ томъ способѣ примѣненія, который придалъ ей самъ М. К. Гоняевъ, и который въ 1884 году ускользнулъ отъ моего вниманія. По изложенію Гоняева выходило такъ, что *всякое* незаконное дѣйствіе должно было непремѣнно ставиться на счетъ; оказывалось, что нечаянное прикосновеніе къ шашкѣ, коей играть невозможно, не только давало противнику *право* учесть это въ свою пользу, но и *обязывало* его это сдѣлать, т. е. ставило играющихъ на турнирѣ, напримѣръ, прямо въ натянутыя отношенія, такъ какъ со стороны зрителей и особенно другихъ участниковъ турнира могли послѣдовать заявленія о несоблюденіи устава, если партнеры не строго слѣдили за своими движеніями; при отсутствіи же зрителей играющіе могли смотрѣть на перечень незаконныхъ дѣйствій, какъ на пустую придирку устава, не имѣющую реальной необходимости. Такимъ образомъ,—превосходно разрѣшая дѣло въ принципѣ,—уставъ Гоняева запутывалъ дѣло на практикѣ, ибо иной разъ изъ-за пустяковъ могъ повести къ досаднымъ пререканіямъ и разладу. Этотъ крупный недостатокъ я уничтожаю, вводя дополнительную поправку, а именно я ставлю ни во что незаконное дѣйствіе, если о немъ формально не заявлено противнику. Это ограждаетъ отъ злоупотребленій партнера и въ тоже время избавляетъ отъ стѣсненій устава, отъ придирчиваго контроля окружающихъ на турнирѣ. Такой контроль допустимъ и имѣетъ смыслъ лишь

5) Кто ступитъ неправильно и отниметъ отъ поставленной шашки руку, въ волѣ противника состоитъ заставить ступить сею шашкою иначе или оставить оную на томъ мѣстѣ, гдѣ она ошибкою поставлена; но если послѣ сего неправильнаго хода другой игрокъ уже ступилъ, шашка должна остаться на томъ мѣстѣ, куда она хотя неправильно поставлена.—7) Кто ступитъ ошибкою два раза, противникъ воленъ или поставить шашку, во второй разъ вышедшую, на прежнее мѣсто, или оставить обѣ на тѣхъ мѣстахъ, куда онѣ поставлены.—8) Кто возьметъ своею шашкою свою же шашку, и послѣ того другой игрокъ ступитъ, тогда ошибка остается безъ поправленія“.

[415]) Тутъ за послѣднее время даже на турнирахъ стали оставлять такія дѣйствія безъ шахматно-игрового наказанія, ибо ошибающійся самъ себя наказываетъ, теряя время на исправленіе невѣрныхъ ходовъ. Но такая потеря чувствительна только при строгой игрѣ съ часами, что въ шашкахъ не вошло еще въ широкое употребленіе даже на турнирахъ.

по отношенію къ соблюденію внутреннихъ правилъ игры, а изъ внѣшнихъ лишь по наблюденію за правиломъ играть тронутою шашкою. Я разсчитываю, что моя поправка, развивающая идею М. К. Гоняева, будетъ оцѣнена любителями и приведетъ къ ея всеобщему употребленію.

Подъ именемъ устава, конечно, надо понимать только его статьи, самое ихъ содержаніе. Для лучшаго уясненія дѣла и для утвержденія среди любителей однообразія въ различныхъ частностяхъ игры,—я ввелъ примѣчанія; они дѣлятся на два разряда. Находящіяся внизу страницы имѣютъ къ уставу отдаленное отношеніе; другія, идущія непосредственно за статьями, гораздо ближе къ ихъ содержанію, но все же могутъ быть опущены. Въ самомъ дѣлѣ, безразлично для самаго веденія партіи, будутъ ли названы извѣстные пути „двойникъ" по русски, „триктракъ" по французски, или gemini по латыни, извѣстное состязаніе „матчемъ" или по народному „партіей", будетъ ли просто примѣнена статья 64 или примѣненіе ея послѣдуетъ на основаніи примѣчанія къ ст. 52 и т. д.—Точно также для рѣшенія вопроса о взятіи достаточно словъ „брать обязательно", но при возникновеніи спора о фукѣ, мало указать на отсутствіе его въ уставѣ, не лишнее найти указаніе, что „фукъ не берется", что онъ имѣлся въ виду при составленіи устава и при томъ въ его правильной формѣ. Помимо этого различныя указанія на отступленія отъ устава помогутъ читателямъ пользоваться имъ съ большимъ удобствомъ, напримѣръ, вводя условіе „играть до конца", когда разсчетъ будетъ вестись за запертыя шашки или по числу оставшихся на доскѣ и т. п. Кромѣ всего этого, такой способъ изложенія устава позволитъ и любителямъ, мало знакомымъ съ игрою, получить о ней болѣе полное понятіе, чѣмъ изъ одного перечня правилъ.

За отсутствіемъ въ уставѣ понудительной силы—надлежало сразу же обратить вниманіе любителей на необходимость утвердить уставъ путемъ постоянныхъ единичныхъ соглашеній, дабы онъ сталъ общепринятымъ, благодаря долговременному употребленію. Съ этою цѣлью написано мною *введеніе* съ двумя главными положеніями. Оба они заимствованы изъ устава [416]) К. А. Яниша 1858 г.; тамъ они включены въ самый уставъ (см. ст. I и XLVI), что, по моему мнѣнію, не вѣрно: положенія эти должны лишь предшествовать ему.

Что касается до полноты устава, то это дѣло далекаго будущаго. Практика покажетъ, что еще необходимо включить въ уставъ или вѣрнѣе въ его добавленіе. Я стремился установить лишь самыя необходимыя положенія, не выходя изъ размѣровъ устава М. К. Гоняева; тѣ же стороны игры, которыя не общеприняты, либо вовсе обойдены молчаніемъ, либо о нихъ говорится вскользь, въ примѣчаніяхъ; таковы: игра турнирная, матчевая, на память, по перепискѣ [417])

---

416) Ср. полемику П. П. Боброва въ „Шахм. Об." 1903 г., № 62, стр. 307, гдѣ онъ глумится надъ этимъ введеніемъ.

417) Нельзя не обратить вниманія на то, что въ шашечныхъ турнирахъ по перепискѣ отправка отвѣта въ срокъ ничѣмъ не гарантирована. Напримѣръ, въ журн. „Шашечный Листокъ" въ условіяхъ турнира значилось: „При неполученіи въ назначенный срокъ ходовъ, участникъ турнира посылаетъ ходы вторично, и если на вторично посланные ходы онъ не получитъ своевременнаго отвѣта, то увѣдомляетъ объ этомъ распорядителя турнира; если же и на письмо распорядителя не будетъ отвѣта, то прекратившій игру исключается изъ турнира". Такая редакція даетъ возможность часто и произвольно нарушать сроки, при чемъ наказаннымъ остается тотъ, кто вынужденъ тратить время и марки на повторныя письма и обращенія къ распорядителю. Стоитъ, однако, ввести условіе, что тотъ, кто три раза пропуститъ срокъ отвѣтовъ, считается проигравшимъ эту партію, или выбывшимъ изъ турнира, и сроки будутъ соблюдаться строже. Конечно, здѣсь необходимо добавить условіе, что напоминающій о пропу-

съ дачею впередъ, права и обязанности зрителей (чего касается уставъ К. А. Яниша [418]), все это оставлено мною неразработаннымъ, ибо здѣсь едва ли можно единолично собрать правила, которыя удовлетворили бы многихъ.

Итакъ, повторю еще разъ: настоящій уставъ игры представляетъ изъ себя всестороннюю переработку устава М. К. Гоняева, со введеніемъ въ него необходимыхъ улучшеній и съ исправленіемъ его явныхъ ошибокъ. Своею переработкою я лишь развиваю уставъ покойнаго любителя въ томъ именно направленіи, какого ему хотѣлось, т. е. въ стремленіи дать возможность вести серьезную игру безъ излишней придирчивости. Такимъ путемъ исправленный уставъ по справедливости долженъ носить не одно мое имя, а называться „Уставомъ М. К. Гоняева и Д. И. Саргина", подъ каковымъ заглавіемъ [419]) я его первоначально и опубликовалъ въ журналѣ „Шашечный Листокъ" за 1903 годъ [420]).

скѣ срока, кромѣ этого письма, одновременно увѣдомляетъ и распорядителя турнира, въ обоихъ случаяхъ заказными письмами. См. еще примѣчаніе 448-е.

418) Такъ онъ говоритъ, что о ходѣ, не согласномъ со внутренними правилами игры (законами), въ правѣ замѣтить не только противникъ, но и всякій изъ присутствующихъ при игрѣ зрителей (ст. 31), что зрители обязаны воздерживаться отъ всякаго совѣта, замѣчанія или намека, но имѣютъ право указать на явно незаконное расположеніе шашекъ (ст. 39); что матчи должно разыгрывать на большинство изъ извѣстнаго числа партій, и что число это непремѣнно должно быть четнымъ, дабы возможенъ былъ исходъ состязанія въ ничью (ст. 42); что тоже необходимо соблюдать при игрѣ по перепискѣ и по консультаціи (ст. 44).—Вообще уставъ К. А. Яниша можетъ служить важнымъ подспорьемъ для посредниковъ при разрѣшеніи какихъ либо недоразумѣній между играющими.—Въ Петроградѣ на шахм. турнирѣ 1878 г. между прочимъ было установлено, что по обоюдному согласію играющихъ партія можетъ быть играна и безъ наблюденія времени, но съ условіемъ непремѣнно окончить ее къ извѣстному часу, въ противномъ случаѣ партія признавалась за ничью (Ш. Л., 1879 г., стр. 2), что во время игры должно избѣгать громкихъ разговоровъ и безусловно всякихъ замѣчаній, а равно разсужденій вслухъ, касающихся партіи. Если одинъ изъ играющихъ будетъ находить, что ему мѣшаетъ разговоръ противника, то послѣдній обязанъ прекратить его.—Общепринятымъ на шахматныхъ турнирахъ обычаемъ считается при игрѣ на часы передъ перерывомъ партіи свой послѣдній ходъ, не сообщая противнику, записать и передать въ заклеенномъ конвертѣ распорядителю; при возобновленіи игры конвертъ передается противнику, и тотъ лишь по прочтеніи его пускаетъ въ ходъ свои часы. Когда приходится откладывать партію на слѣдующій день, такая запись пріобрѣтаетъ большое значеніе. Подобная запись имѣетъ смыслъ и при игрѣ по перепискѣ, если дѣлается перерывъ на значительное время; а иной разъ перерывы эти достигаютъ 2—3 мѣсяцевъ; за столь продолжительное время можно, имѣя ходъ противника, такъ разработать партію, что болѣе или менѣе вѣрная ничья окажется проигранною. И въ игрѣ въ шашки, гдѣ анализъ легче, чѣмъ въ шахматахъ, это пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. См. примѣч. 417 и 421.

419) Теперь я его такъ не называю, ибо тотчасъ же по опубликованіи его стали означать одною моею фамиліею; настаивать же на практически неудобномъ, хотя бы и точномъ заглавіи, было бы безцѣльно. Важно лишь то, чтобы любители знали, какъ составленъ уставъ, что онъ не представляетъ ничего существенно новаго противъ устава М. К. Гоняева. Легко могло быть, что не напиши покойный любитель своего устава въ замѣчательномъ по систематичности изложеніи,—не было бы и настоящаго устава.

420) Это былъ второй спеціально шашечный журналъ; онъ выходилъ только въ 1903 г. въ Спб. (изданіе В. И. Шошина, редакція А. И. Шошина). Третій спеціальный журналъ „Листокъ Шашиста" 1908—1909 гг., изд. В. В. Локотьянова въ Спб., не пошелъ; вышло только двѣнадцать №№: 1—2, Октябрь 1908 г. №№ 3—4 Декабрь 1908 г.; № 5, Янв. 1909 г., № 6, Февраль; № 7—8, Апр. 1909 г. № 9, Май 1909 г.; № 10—11, Іюль 1909 г.; № 12, Августъ 1909 г.—Были оттиски отдѣла изъ

Настоящее изданіе исправлено лишь въ незначительныхъ частностяхъ, по указанію тѣхъ любителей, которые въ письмахъ ко мнѣ указали на просмотры

журнала „Трудъ и Забава“ 1908 г., тоже подъ ред. В. В. Локотьянова.—Нѣкто А. Г. Зенченковъ также основалъ было ежемѣсячный журналъ—„Шашечные досуги“, но вышло всего три книжки: вып. I Февр. 1911 г.; вып. II и III Мартъ и Апр. 1911 г.; вып. IV и V Май и Іюнь 1911 г.

Ранѣе любители имѣли только отдѣлы въ разныхъ изданіяхъ; мнѣ извѣстны: „Всемірная Иллюстрація“, ежен. изд. Гоппе въ Спб., въ отдѣлахъ подъ ред. И. С. Шумова и А. П. Шишкина; во время же редактированія М. И. Чигорина шашекъ здѣсь не было; годы 1870—71; 1873—76; 1879—80; 1882; 1887; 1892—98.—„Нива“, еженед. изд. Маркса въ Петроградѣ съ 1879 г., затѣмъ подъ редакціями Э. С. Шифферса, А. П. Шишкина и В. И. Шошина. Послѣдніе годы отдѣлъ помѣщается не въ №№ журнала, а въ ежем. литерат. приложеніяхъ.—„Шахматный Листокъ“, изд. М. И. Чигорина въ Спб. 1876—1881. Къ послѣднему году 5-го Мая 1883 г. напечатанъ былъ „Дополнительный нумеръ“ въ 91 стр. и оглавленіе за 1880 годъ. Содержаніе его потомъ вошло цѣликомъ въ „Ш. В.“- „Нумеръ“ этотъ большая библіографическая рѣдкость, такъ какъ *выпущенъ* изъ типографіи во время онъ, кажется, *не былъ*. — Въ „Ш. Л.“, изд. Гр. Кушелева-Безбородко, шашечнаго отдѣла не было. Тамъ были лишь двѣ задачи Н. И. Петровскаго. Задачи этого же автора были помѣщены въ Deutsche Schachzeitung 1870 г.—„Газета А. Гатцука“, ежен. изд. въ Москвѣ 1881—1884 г. Къ этому отдѣлу мною была выпущена брошюра „Отчетъ о первомъ конкурсѣ шашечныхъ задачъ“ 1883 г.—„Шахматный журналъ“ А. Гельвига 1882 г., ежемѣс. изд. въ Москвѣ.—„Зритель“, изд. въ Москвѣ въ 1881 г. и въ 1883 г. Журналъ выходилъ не долго. Отдѣлъ въ немъ шашечн. редактировался мною.—„Ребусъ“ 1882 г., изд. Прибыткова въ Спб. Здѣсь отдѣлъ былъ открытъ подъ редакціею С. П. Звѣрева, но скоро былъ прекращенъ издателемъ спиритомъ.—„Радуга“, ежен. въ Москвѣ 1883—1887 гг.—„Шахматный Вѣстникъ“ 1885—1887 г. Спб.; изд. подъ ред. М. И. Чигорина;—„Родина“, Спб. еженед. изд. 1895 г., 1898 г. и нѣсколько разъ позднѣе;—„Огонекъ“, ежен., Спб. изд. Гоппе за 1883 г., ред. М. И. Чигоринъ;—„Сѣверъ“, Спб., еженед. изд. 1893—1896 г.;—„Охотникъ“, еженед. въ Москвѣ 1887 г.;—„Моск. Илл. Газета“, а потомъ „М. И. Газетка“, ежедн. въ Москвѣ за 1890 г.;—„Шахматы“, Спб. ежемѣсячн. изд. Н. Е. Митропольскаго за 1890 г.;—„Сынъ Отечества“, Спб. 1889—1890 гг.;—„Семья“, ежен. изд. Липскерова въ Москвѣ 1892, 1894, 1897, 1898 г.г.; редакція П. Боброва;—„Живописное Обозрѣніе“ Спб., ежен. изданіе съ 1888 г. Въ 1889 г. первый редакторъ этого отдѣла П. К. Плотицынъ (жившій въ Самарѣ) устроилъ первый въ Россіи шашечный турниръ по перепискѣ. (Первый обыкновенный небольшой турниръ устроилъ В. А. Эрдели близъ Орла, у себя на дачѣ, въ 1884 г.).—„Живоп. Об.“ годы 1888—1894; 1896—1898;—„Шахматный журналъ“ А. К. Макарова, ежемѣс. изд. въ Спб.; шашечный отдѣлъ былъ лишь въ нѣкоторыхъ годахъ;—„Шашечница“, ежемѣс. изданіе въ Москвѣ П. Боброва и Д. И. Саргина;—„Шахматное Обозрѣніе“, ежемѣс. изд. ихъ-же 1892 г.—Тоже, изд. Д. И Саргина 1893 г.;—Тоже, изд. П. Боброва 1901—1904 гг., 1909—1910 гг. (кончилось съ выпуска за мартъ—май 1910 г.). „Московскій Шахматный Альманахъ“, приложеніе къ „Шахм. Об.“ за 1893 годъ; „Шахматные вечера“, тоже за 1901 г.;—„Черный Король“, тоже за 1902 годъ;—„Конская Охота“, еженед. въ Москвѣ, изд. Подолинскаго 1896, 1897 г.г.; тутъ отдѣлъ сперва редактировался П. П. Бобровымъ, а затѣмъ мною (съ № 11 1897 г.), позднѣе я велъ только шашечный отдѣлъ, а шахматнымъ сталъ завѣдывать Р. А. Фалькъ, московскій присяжный повѣренный, который къ изумленію моему и вѣроятно многихъ другихъ, оказался человѣкомъ, плохо владѣющимъ русскимъ языкомъ.—„По морю и сушѣ“, изд. въ Кіевѣ, ред. М. А. Аносовъ;—„Спортъ“ въ Кіевѣ;—„Огонекъ“ за 1908 г. Спб., ежен. изд., ред. В. Заневскій;—„Трудъ и Забава“ за 1908 г., ред. В. Локотьяновъ;—„Открытка“, журн. въ Калугѣ, ред. А. Харьяновъ.—Встрѣчались задачи во „Всеобщей Газетѣ“ въ Москвѣ за 1882 г., въ журналѣ „Новь“ 1885 г. изд. Вольфа, въ приложеніяхъ къ газетѣ „Московскій Листокъ“; въ этихъ двухъ послѣднихъ, къ удивленію любителей, задачи были изъ польской игры на стоклѣточной доскѣ!; были еще задачи въ журналахъ „Главарь“, „Искры“ и пр.—Въ 1909 г. начали появляться задачи въ газетѣ „Журналъ Копѣйка“. Есть еще большой отдѣлъ въ приложеніяхъ къ журналу „Копѣйка“, которые называются „Волны“. Въ нѣмецкой литературѣ

въ редакціи.—Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ любители находили, что я обошелъ во введеніи молчаніемъ вопросъ объ игрѣ на деньги, и находили, что въ примѣчаніяхъ на это долженъ былъ находиться полный отвѣтъ, такъ какъ серьезный уставъ пишется для взрослыхъ, играющихъ по преимуществу на деньги. Это указаніе едва ли справедливо. Во первыхъ, какъ въ шахматахъ, такъ и въ шашкахъ, хотя и играютъ на деньги, но деньги здѣсь всегда на второмъ планѣ; а во вторыхъ, и это главное, вопросъ о денежной игрѣ и всякаго рода послѣдствіяхъ ея такъ великъ, что можетъ представить самостоятельную тему для отдѣльнаго юридическаго сочиненія. Здѣсь можно замѣтить, что желающіе найти указанія по этому поводу могутъ навести справки, напримѣръ, въ „Законахъ Гражданскихъ" (т. X, ч. 1-я) съ объясненіями А. Боровиковскаго; въ девятомъ изданіи 1898 г., которое было у меня подъ руками, въ § 14 при статьѣ 1529, въ § 8 при ст. 2014 и въ § 3² при ст. 2149 собрано много указаній по вопросу объ играхъ и пари. Вообще же игра на деньги не пользуется защитою закона, не только въ русскомъ законодательствѣ, но и въ другихъ; напримѣръ, такъ обстоитъ дѣло во Франціи; у мусульманъ въ арабской литературѣ встрѣчаемъ указаніе, что мусульманинъ, уличенный въ игрѣ Нердъ, лишался даже права быть свидѣтелемъ при сдѣлкахъ и на судѣ (по всѣмъ вообще дѣламъ).

Такимъ образомъ, по русскимъ законамъ *) нельзя взыскивать судомъ выигрыша, нельзя брать письменнаго обязательства объ уплатѣ выигрыша; однако, ничтоженъ только долгъ по игрѣ; деньги же, выплаченныя по игрѣ, не подлежитъ возвращенію (Рѣшен. Кассац. деп. Сената 1879 г., № 368): такая уплата основана на правѣ каждаго распоряжаться своею собственностью (ibid. 1869 г., № 912). Жизнь обходитъ эти законы такимъ путемъ, что многимъ клубамъ уставами ихъ предоставлено заносить на черную доску тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые не уплатили денегъ по игрѣ; за расплату гостя отвѣчаетъ рекомендовавшій его членъ клуба.—Къ играмъ относятся еще законы: т. XIV, ст. ст. 128—144; 260—269; т. XV, ст. ст. 990—992; 1670; т. XII, ч. II, ст. ст. 492, 529 и вѣроятно нѣкоторые другіе.

шашки видѣлъ я въ Deutsches Wochenschach за 1896 и 1897 г.г., кромѣ того встрѣчалъ задачи въ Gartenlaube, Universum, Vom Fels zum Meer; здѣсь онѣ на 64 клѣточной доскѣ, но съ правилами польскихъ шашекъ.—Въ Варшавѣ въ 1898 г. началъ было выходить Tygodnik Szachowy, но скоро прекратился.—Были шашечныя статьи въ изданіяхъ Ф. Амелунга „Dorpater Schachbericht" и „Baltishe Schachblätter";—изъ французскихъ изданій многія задачи могутъ быть переложены на русскую доску; особенно замѣчательно громадное трехтомное изданіе Баледана Le Damier 1881—1883 гг., кромѣ того во Франціи за послѣднее время было нѣсколько спеціальныхъ шашечныхъ журналовъ. Подробности можно узнать изъ шахм. журнала La Stratégie въ Парижѣ, издающагося много десятилѣтій, гдѣ также есть шашечн. отдѣлъ; одно время, за смертію Numa Préti, сына извѣстнаго шахматиста Jean Préti, журналъ прекращался, но теперь выходитъ снова.—Въ Германіи вышло нѣсколько шашечныхъ учебниковъ: Дюфреня, Креднера и др.

*) См. любопытную брошюру: Объ играхъ забавы, разсчета и корысти. Историческія изысканія и современныя соображенія. Санктпетербургъ. Военная Типографія. 1858. На оборотѣ указано: № 211 „Русскаго Инвалида" 1858 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Такъ какъ въ уставѣ невозможно предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, то любителямъ, желающимъ вести серьезную игру, должно соблюдать два главныхъ основанія [421]):

I.

Въ игрѣ шашечной, какъ и во всякой другой, съ общаго согласія участвующихъ, можетъ быть измѣняема сила даже основныхъ законовъ игры. Въ виду этого, при намѣреніи какъ либо отступить отъ сего устава, или расширить его дѣйствія,—что чаще всего бываетъ при игрѣ на время [422]), на память [423]) съ дачею впередъ [424]), вообще при устройствѣ различныхъ длительныхъ

---

[421]) Оба основныхъ положенія введенія составлены по аналогіи со сходными статьями шахматныхъ уставовъ К. А. Янпша 1854 и 1858 гг., гдѣ они помѣщены среди статей самаго устава, что, конечно, не вѣрно. Оба положенія весьма важны, такъ какъ въ мірѣ спортивномъ встрѣчаются не одни только хорошо воспитанные люди, но нерѣдко капризные, и даже прямые озорники, готовые воспользоваться любою мелочью, лишь бы сдѣлать другому непріятность. Изъ числа ихъ нѣкоторые попадаютъ даже въ заправилы клубовъ и кружковъ. Въ играхъ нѣтъ другого понудительнаго средства, кромѣ взаимнаго договора, поэтому послѣдній долженъ для обузданія несправедливыхъ и для спокойствія воспитанныхъ быть очень точнымъ и предусматривать всевозможныя подробности, въ томъ числѣ и свободу игроковъ. Дозволеніе измѣнять даже основные законы игры должно понимать, какъ самое точное опредѣленіе того предѣла, до котораго простираются права любителей. Отсутствіе перваго положенія введенія давало бы старшинамъ клуба, или вліятельнымъ его членамъ, право, подъ предлогомъ несоблюденія статей устава, устраивать разнаго рода инциденты съ любителями, желающими ввести въ свою игру тѣ или иныя отступленія, которыя имъ лично нравятся.

[422]) При игрѣ на деньги, въ виду возможности злоупотребленія временемъ на обдумываніе, играютъ на часы, условливаясь заранѣе, сколько именно ходовъ въ часъ обязанъ сдѣлать каждый изъ противниковъ. Въ этомъ случаѣ необходимо записывать партію и имѣть особые шахматные часы, сущность устройства которыхъ состоитъ въ томъ, что они двойные съ особымъ рычагомъ; часы устанавливаются на одинаковомъ часѣ и ставятся сбоку около шашечницы; ударомъ о рычагъ послѣ сдѣланнаго хода игрокъ останавливаетъ свои часы и пускаетъ въ ходъ часы противника. Кто въ часъ не сдѣлаетъ условленнаго числа ходовъ, тотъ считается проигравшимъ партію.—Играть съ часами безъ привычки не такъ легко; можно поэтому условливаться соблюдать время иначе, напримѣръ, предоставляя нѣсколько разъ въ партіи думать по 10-15-20 минутъ надъ ходомъ, или иначе. См. еще примѣчанія 417 и 438.

[423]) При игрѣ на память, или не глядя на доску, одинъ изъ играющихъ (а иногда и оба) играетъ наизусть, удерживая въ памяти всѣ предыдущіе ходы. Ходы назначаются по какой либо заранѣе условленной нотаціи и передаются посредникамъ.

[424]) На практикѣ не выработалось какихъ нибудь опредѣленныхъ пріемовъ дачи впередъ (какъ это видимъ въ шахматахъ), и она весьма разнообразна. Даютъ впередъ: а) извѣстное *число партій*, напр., одному выиграть пять партій

состязаній (пр. 438),—**необходимо напередъ точно и ясно условиться**

ранѣе, чѣмъ другой выиграетъ ихъ двѣ; б) *ничью*, когда дающій впередъ почитаетъ ничью за свой проигрышъ; в) *шашку впередъ*, и тогда дающій снимаетъ передъ игрою какую либо шашку, большею частію съ передняго своего ряда; но снимаютъ и иначе; г) *часть шашки*, половину, треть шашки; въ этихъ случаяхъ играется двѣ и три партіи, изъ которыхъ въ первой снимается шашка, а послѣдующія партіи ведутся уже **„такъ на такъ"**, т. е. съ равными силами; д) наконецъ, соединяютъ вмѣстѣ нѣкоторыя изъ этихъ дачъ впередъ, напр., даютъ полшашки и ничью и т. п.—Почти вовсе не употребляется интересная (и практикуемая въ Испаніи, по свидѣтельству Альфреда Ренье) дача впередъ, состоящая въ позволеніи слабѣйшему игроку замѣнять одну или двѣ простыхъ дамками съ самаго начала партіи. Не даютъ нѣсколькихъ ходовъ впередъ, не прибавляютъ слабѣйшему тринадцатой шашки.—Въ польской игрѣ дающій впередъ всегда ходитъ вторымъ. См. примѣч. 414.

Меня заинтересовалъ вопросъ, на сколько сильнѣе игрокъ, дающій другому впередъ ничью. При помощи В. Е. Сердобинскаго мнѣ удалось рѣшить этотъ любопытный вопросъ.

Между игроками въ шашки, при игрѣ на деньги, давно вошли въ обычай уравниванія своихъ силъ тою или иною дачею впередъ. Большею частью даютъ впередъ нѣсколько партій, т. е. условливаются сыграть на ставку небольшой матчъ, гдѣ одинъ обязуется выиграть извѣстное, заранѣе опредѣленное, число партій, другой—другое. Такъ играютъ, напримѣръ, на условіи одному выиграть пять партій, а другому—три, или чаще уговариваются, что побѣдителемъ считается тотъ, кто выиграетъ три партіи раньше, чѣмъ другой—двѣ; обыкновенно ничьи здѣсь вовсе не считаются, но можно ввести и ихъ. Среди подобныхъ уравненій силъ есть одно весьма оригинальное, не встрѣчающееся ни въ какихъ другихъ играхъ, а именно—сильнѣйшій игрокъ даетъ слабѣйшему впередъ ничью, т. е. соглашается платить за нее, какъ за проигранную партію.

Если и для перваго рода дачи впередъ существуютъ трудности при опредѣленіи борющихся силъ, то проблема о дачѣ впередъ ничьей казалась на первый взглядъ неразрѣшимою. По крайней мѣрѣ я, натолкнувшись на нее, сталъ въ тупикъ. Мысль о трудности ея поддерживалась во мнѣ еще тѣмъ, что попытки мои рѣшить задачу при помощи знающихъ высшую математику, были не удачны; я не могъ много лѣтъ найти никого, кто бы мнѣ помогъ; а обращался я человѣкамъ къ тридцати: къ студентамъ—математикамъ (техникамъ и инженерамъ), къ учителямъ математики въ гимназіяхъ, къ преподавателямъ высшей математики; никто не рѣшался даже взяться за задачу: такой не легкой представлялась она всѣмъ. Между тѣмъ задача эта, какъ оказалось впослѣдствіи, и не была настолько трудна. Первое рѣшеніе ея посчастливилось мнѣ получить въ 1902 г. отъ извѣстнаго любителя-шахматиста и профессора математики В. Е. Сердобинскаго, котораго мнѣ удалось ею заинтересовать, указавъ на мои многолѣтнія безплодныя попытки и отказы другихъ математиковъ, въ томъ числѣ и извѣстнаго ученаго Ник. Вас. Бугаева.—В. Е. рѣшилъ эту задачу повидимому очень просто, но такъ, что кому изъ понимающихъ математику впослѣдствіи я ни показывалъ это рѣшеніе, всѣ находили его замѣчательно интереснымъ и остроумнымъ. Я былъ чрезвычайно радъ этому рѣшенію, такъ какъ безъ него нельзя было рѣшить другой болѣе обширной задачи, а именно: выработать систематическую таблицу уравнительныхъ записей для турнировъ, въ которой могли бы быть допущены всякаго рода дачи впередъ при игрѣ съ полнымъ комплектомъ шашекъ. До рѣшенія этой задачи такого турнира и организовать было бы совсѣмъ нельзя. Необходимость опредѣленія силъ при полученіи впередъ ничьей тѣмъ настоятельнѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ практикуется сложная дача впередъ; такъ, играютъ, напримѣръ, на условіи одному выиграть двѣ партіи раньше, чѣмъ другой сдѣлаетъ три ничьихъ и т. п. Какъ, однако, ни замѣчательно рѣшеніе В. Е. Сердобинскаго, оно меня не вполнѣ удовлетворило. Оно казалось мнѣ не столько краткимъ, сколько неяснымъ, ибо приводило къ тому, что примѣрные результаты разнообразныхъ состязаній съ дачею впередъ ничьей, при провѣркѣ по обыкновенной записи, *не совпадали съ его выводомъ*; выходило всегда такъ, что игрокъ дающій ничью, менѣе силенъ, чѣмъ дается въ рѣшеніи. Неясность эта еще болѣе усиливалась пояснительными примѣчаніями, подрывавшими

обо всѣхъ отступленіяхъ и измѣненіяхъ, и затѣмъ уже все неоговоренное разрѣшается по смыслу статей настоящаго устава игры.

сдѣланный выводъ; изъ нихъ слѣдовало, что игрокъ, дающій впередъ, не вполнѣ уравнивалъ свои силы, а все же оставался сильнѣе получающаго. Долго не удавалось мнѣ понять, почему это такъ выходитъ... Лишь въ октябрѣ 1909 года, когда я захотѣлъ опубликовать рѣшеніе В. Е. Сердобинскаго, мнѣ пришло въ голову другое рѣшеніе этой задачи, которое окончательно выяснило дѣло и указало, гдѣ покойный любитель ошибался, и гдѣ онъ былъ правъ.

Я думаю, что оба рѣшенія этой задачи заслуживаютъ вниманія любителей.

Предварительно надо, однако, сказать нѣсколько словъ вообще объ опредѣленіи силъ между двумя игроками. Во 1-хъ, силы эти могутъ быть опредѣляемы лишь въ томъ случаѣ, когда двое играли между собою много и долго, когда при этомъ результатъ игры ихъ былъ болѣе или менѣе постояненъ. Во 2-хъ, если существующая между этими двумя игроками дача впередъ является прямымъ уравненіемъ силъ, т. е. въ томъ только случаѣ, когда болѣе сильный игрокъ даетъ впередъ менѣе сильному столько, что силы послѣдняго, очевидно, уравниваются. Замѣчаніе это необходимо сдѣлать, потому что въ шашкахъ, кромѣ этого обычнаго уравниванія (принятаго и въ шахматахъ, и въ другихъ играхъ и состязаніяхъ), бываетъ еще азартная игра; здѣсь игрокъ, имѣющій возможность при простой дачѣ впередъ давать лишь нѣсколько партій, предлагаетъ другому то, чего онъ никакъ не можетъ ему давать: напримѣръ, шашку, но на условіи обратной дачи впередъ партій, такъ что сильнѣйшій игрокъ берется безъ шашки выиграть, положимъ, одну или двѣ партіи, тогда какъ слабѣйшій игрокъ долженъ выиграть ихъ двадцать и болѣе. Здѣсь никакія вычисленія не мыслимы, такъ какъ тутъ учитываются не комбинаціонныя способности играющихъ, а ихъ характеръ, горячность, разсѣянность, быстрота соображенія, утомляемость, раздражительность, умѣнье играть безъ шашки и т. п., и т. п. Въ 3-хъ, надо замѣтить, что вообще въ вычисленіяхъ выигранная партія принимается за единицу, проигранная за нуль, а ничья каждому игроку за половину партіи.—Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, перейдемъ къ выводамъ.

Если достовѣрно извѣстно, что игрокъ A всегда выигрываетъ m партій въ то самое время, когда игрокъ B выигрываетъ ихъ n, то отношеніе силы игрока A къ силѣ игрока B выразится дробью m/n. Чтобы сравнять такихъ игроковъ ($A:B=m:n$) посредствомъ записи, должно сосчитать выигрышъ у обоихъ,—и то, что получится у игрока A, помножить на обратное соотношеніе силъ, то есть n/m, а у игрока B оставить неизмѣннымъ, или наоборотъ, число партій игрока B помножить на прямое отношеніе силъ, а запись A оставить безъ перемѣны. Положимъ, напримѣръ, что игрокъ A выигрываетъ 12 партій въ то время, когда игрокъ B выигрываетъ ихъ 3; въ этомъ случаѣ $m=12$, $n=3$; $m/n=4$; $n/m=1/4$. Если игроки сыграли не весь рядъ своихъ партій, а, напр., десять, изъ которыхъ A выигралъ шесть, двѣ сдѣлалъ ничьихъ и двѣ проигралъ, то запись игрока A, то есть $6+1/2+1/2$, надо умножить на $1/4$; слѣдовательно ему надо записать $7 \cdot 1/4=7/4$, игроку же B запишется $2+1/2+1/2$, то есть 3. При обратномъ уравненіи A будетъ имѣть всего 7, а B $(2+1/2+1/2) \cdot 4=12$. Отношенія эти можно перевести на деньги, и если сыграна всего одна партія, которую выигралъ A, то онъ долженъ получить, положимъ, 20 копеекъ, а если выигралъ B, то долженъ въ этомъ случаѣ получить съ игрока A 80 копѣекъ; при ничьей A долженъ приплатить игроку B 30 копѣекъ; если же было еще особое условіе, чтобы ничьи не считать, то одинъ другому не платитъ.

Итакъ, вычисленія относительно силы двухъ, не равныхъ между собою, игроковъ, играющихъ на равныхъ условіяхъ, не представляютъ большой трудности. Нѣсколько труднѣе привести къ этимъ основаніямъ различныя формы дачи впередъ нѣкотораго количества партій.

„Совсѣмъ другой вопросъ, писалъ мнѣ В. Е. Сердобинскій въ письмѣ отъ 19 мая 1902 г.,—объ играхъ съ дачей впередъ ничьей. Пусть игроки тѣ же самые A и B, какъ выше сказано. Положимъ, что игрокъ A согласился считать ничьи выигранными партіями игрокомъ B. Когда игрокъ A выигрываетъ m партій, а игрокъ B n партій, тогда всего сыграно будетъ $m+n$ партій. И, такъ, игрокъ B выигралъ n партій изъ $m+n$ игранныхъ. Отсюда же слѣдуетъ, что игрокъ B выиграетъ одну партію изъ $(m+n):n$ партій, а $1/2$ или ничью игрокъ B выиграетъ изъ $(m+n):2n$ партій. И, такъ, выходитъ, что, по окончаніи первой

II.

При устройствѣ какихъ либо состязаній на ставку,—какъ то: турнировъ, матчей (см. примѣч. 418), игры по почтѣ (см. примѣч. 417

ничьей, игроками сыграно $(m+n):2n$ партій. Изъ нихъ игрокъ A выигралъ всѣ, кромѣ послѣдней; слѣдовательно ему надо записать $[(m+n):2n]-1$; игрокъ же B, хотя выигралъ $1/2$, по условію получаетъ 1. Чтобы ставка была безобидною, должно принять $[(m+n):2n]-1=1$, или $m+n-2n=2n$, или $m=3n$. Отсюда $m:n=3$, т. е. условіе будетъ безобидное только въ томъ случаѣ, когда игрокъ A втрое сильнѣе игрока B, и изъ четырехъ партій выигрываетъ три.—Перехожу къ занимающему васъ вопросу объ игрѣ съ дачей впередъ. Въ этомъ случаѣ если означить черезъ 1 силу игры игрока, давшаго впередъ, сила игрока, получившаго впередъ, будетъ больше единицы; означимъ эту послѣднюю силу черезъ p, тогда $p > 1$ (то есть p больше 1). Если ничья считается игроку B за выигранную партію, то ему слѣдовало бы записать 1, а другому игроку нужно записать $[(m+n):2n]-1$, но игрокъ B при дачѣ впередъ сильнѣе игрока A отъ этой дачи, а потому ему нужно записать не единицу, а единицу, уменьшенную въ число разъ силы, происшедшей отъ дачи впередъ: т. е. ему надо записать $1:p$. При безобидности игры обѣ записи должны быть равны, и если теперь, при дачѣ впередъ, игрокъ A выигрываетъ m, а игрокъ B n партій, то слѣдовательно $[(m+n):2n]-1=1:p$. По сокращеніи это уравненіе принимаетъ видъ $(m-n):2n=1:p$, откуда $p=2n:(m-n)$. Такъ какъ $p>1$, то $2n:(m-n)>1$, или $2n>m-n$; то есть $3n>m$; $3>m:n$: слѣдовательно игра будетъ только тогда безобидною, когда игрокъ A менѣе чѣмъ втрое будетъ сильнѣе игрока B, при дачѣ ему впередъ ничьей. Значитъ если игрокъ A берется выиграть двадцать партій, то игрокъ B долженъ выиграть ихъ меньше шести, а никакъ не двадцать. Для него будетъ, стало быть, очень хорошій результатъ въ томъ случаѣ, когда изъ двадцати шести игръ онъ выиграетъ 5 и одну сдѣлаетъ ничью.—Изъ этого же уравненія, то есть изъ уравненія $(m-n)$: $2n=1:p$ слѣдуетъ, что $(m-n):n=2:p$, или $(m:n)-1=2:p$, то есть $m:n=1+(2:p)$. Это показываетъ, что $m:n$ больше единицы, а потому игрокъ, давшій впередъ, остается все-таки сильнѣе игрока, получившаго впередъ".

Здѣсь слова о 20 и 26 партіяхъ относятся къ просмотрамъ и требуютъ исправленія. Слѣдовало бы сказать, что „если A и B **взялись сыграть** между собою двадцать партій ($=m+n$) при дачѣ и полученіи ничьей, то для B будетъ очень хорошимъ результатомъ, если онъ **изъ нихъ** выиграетъ пять и одну сдѣлаетъ ничью". Но и въ такомъ видѣ выводъ В. Е. Сердобинскаго будетъ не вѣренъ, какъ я сейчасъ покажу.

Мое рѣшеніе, которое, быть можетъ, слѣдуетъ назвать лишь разъясненіемъ рѣшенія В. Е. Сердобинскаго, приводитъ къ болѣе точнымъ умозаключеніямъ.

Если одинъ другому даетъ впередъ ничью (т. е. при ничьей платитъ другому за ничью, какъ за партію проигранную), то онъ въ то же время ничего не даетъ другому, когда тотъ не ничью сдѣлаетъ, а выиграетъ партію. Значитъ игроки только въ томъ случаѣ не равны между собою, когда происходитъ ничья; когда же другъ у друга выигрываютъ,—они равны. Такимъ образомъ, при вычисленіи силъ двухъ играющихъ съ дачею ничьей, изъ обычныхъ записей (1 для выигрыша и $1/2$ для ничьей) должно у каждаго удалить изъ счета то число выигранныхъ партій, которое получающій ничью выигралъ. Такъ какъ мы отыскиваемъ вообще отношеніе силы игрока, дающаго впередъ, къ получающему ничью, безотносительно къ какому либо случаю или ряду состязаній двухъ данныхъ лицъ, то мы можемъ допустить такое сокращеніе, подобно тому, какъ въ состязаніяхъ на равныхъ условіяхъ (или съ дачею впередъ нѣкотораго количества партій) постоянно практикуется аналогичное сокращеніе ничьихъ (то-есть тѣхъ партій, гдѣ игроки равны между собою), которыя исключаютъ изъ счета послѣ состязанія, или даже напередъ уговариваются ихъ во вниманіе не принимать. Исключеніе изъ счета числа выигранныхъ вторымъ игрокомъ партій, потому еще необходимо допустить, что оно не только не вліяетъ на денежный разсчетъ, но не должно вліять и на самыя условія дачи впередъ, ибо ясно, что будетъ ли такихъ выигранныхъ вторымъ игрокомъ партій много или мало, дающій впередъ можетъ не прекращать своей

и 438), по телеграфу (см. примѣч. 431) или телефону,—**необходимо**

дачи, если за сказаннымъ вычетомъ число остающихся выигранныхъ имъ партій уравновѣшиваетъ его убытки отъ ничьихъ. Исключивъ же у обоихъ игроковъ сказанное число партій, мы увидимъ, что при вполнѣ безобидной игрѣ (то-есть въ томъ случаѣ, когда при денежномъ разсчетѣ ни одинъ другъ у друга не выигрываетъ), дающій впередъ на каждую получающуюся въ состязаніи ничью долженъ выигрывать одну партію; иными словами игру съ такою дачею мы въ правѣ разсматривать, какъ состязаніе, сводящееся къ ряду матчей изъ двухъ партій, гдѣ: то первую выигрываетъ игрокъ A, а вторая сводится къ ничьей, то наоборотъ. Такимъ образомъ, при формѣ обычной записи, послѣ того, какъ игрокъ A первую партію выиграетъ, вторую и третью сведетъ къ ничьей, а четвертую опять выиграетъ, онъ будетъ имѣть $1+\frac{1}{2}+\frac{1}{2}+1=3$, тогда какъ игрокъ B запишетъ $0+\frac{1}{2}+\frac{1}{2}+0=1$, откуда ясно, что игрокъ A втрое сильнѣе игрока B.

Изъ этого должно сдѣлать выводъ, что при безобидной игрѣ дающій впередъ ничью втрое сильнѣе получающаго ее впередъ, если у обоихъ изъ счета удалены тѣ партіи, которыя получающій ничью пріобрѣлъ простымъ выигрышемъ; иными словами: дающій ничью только тогда несомнѣнно сильнѣе втрое, если получающій впередъ *никогда* не можетъ выиграть у него ни одной партіи, а въ состояніи лишь достичь ничьей. Въ другихъ случаяхъ дающій сильнѣе второго, но менѣе, чѣмъ втрое, и тѣмъ значительнѣе это удаленіе, чѣмъ чаще получающій ничью выигрываетъ, хотя бы по денежнымъ расчетамъ они достигали розыгрыша. Такъ, во взятомъ нами примѣрѣ, если прибавимъ каждому по одной выигранной партіи и причтемъ эти партіи, то получимъ отношеніе $4:2=2$, т. е. A только вдвое сильнѣе B, если же прибавимъ не по одной, а по три партіи, то получимъ $A:B=6:4$, т. е. A сильнѣе B только въ полтора раза.

Практика игры замѣчательно подтверждаетъ этотъ теоретическій выводъ. Получающій впередъ ничью дѣйствительно почти не въ состояніи играть на выигрышъ и если достигаетъ иногда побѣды, то это бываетъ въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно онъ и не заботится о выигрышѣ и не углубляется въ подробный разборъ выигрывающихъ комбинацій, если видитъ возможность вѣрной ничьей.

Такимъ образомъ выводъ В. Е. Сердобинскаго, что A изъ четырехъ партій выигрываетъ три, не вѣренъ; не вѣренъ и исправленный примѣръ о 20 партіяхъ. Для получающаго ничью впередъ удовлетворительно будетъ, если онъ изъ 20 партій достигнетъ въ 10 ничьей, а если онъ сведетъ къ ничьей 9, а 1 выиграетъ, то результатъ игры будетъ уже хорошимъ; при 8 ничьихъ и 2 выигранныхъ—превосходнымъ.

Но зато замѣчательно вѣрными оказываются выводы В. Е. Сердобинскаго о силѣ перваго игрока. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы рѣдко ни выигрывалъ получающій ничью, все же иногда онъ этого достигаетъ, и притомъ возможность выиграть представляетъ ему самъ дающій впередъ, который не можетъ играть на ничью и потому долженъ иногда выбирать рискованныя продолженія, которыя при вѣрныхъ отвѣтахъ ведутъ его партію къ гибели. Будь иначе, будь выигрышъ партіи слабѣйшимъ игрокомъ совсѣмъ рѣдкимъ явленіемъ, выработалась бы и иная дача впередъ; тогда дающій ничью былъ бы настолько сильнѣе, что часто бы выигрывалъ, и согласился бы за свою проигранную партію, приплачивать. Тогда и самая задача потеряла бы свой путанный характеръ. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, дающій ничью все же менѣе, чѣмъ втрое, сильнѣе получающаго ее, ибо принужденъ и проигрывать. Съ другой стороны вѣрнымъ оказывается и тотъ выводъ В. Е. Сердобинскаго, что дающій ничью, будучи силенъ менѣе, чѣмъ втрое, все же, и при дачѣ впередъ ничьей, остается сильнѣе получающаго ее. Въ самомъ дѣлѣ, если игрокъ A выигрываетъ изъ 4 партій 3 и одну проигрываетъ, то онъ несомнѣнно сильнѣе B втрое, никакъ не больше; но если онъ однѣ партіи выигрываетъ, а другія сводитъ къ ничьей, и никогда не проигрываетъ, или проигрываетъ весьма рѣдко, то онъ несомнѣнно остается сильнѣе второго игрока, не могущаго даже мечтать о выигрышѣ у своего сильнаго противника. И здѣсь невольно напрашивается подъ перо указаніе, что дача впередъ одной только ничьей, безъ уравниванія силъ при проигранной партіи,—есть не такая полная дача впередъ, которая уравновѣшивала бы силы вполнѣ.—Что касается до слабости второго игрока, то она

избирать посредника или судью[425]) даннаго состязанія, **отъ котораго уже будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе возникающихъ недоразумѣній;** при чемъ, на случай неясности или неполноты устава и предварительныхъ условій, посреднику предоставляется право приглашать для совѣщанія другихъ любителей, изъ числа неучаствующихъ въ этомъ состязаніи.

Означеніе клѣтокъ доски.

Обычная шахматная нотація.

Сторона черныхъ шашекъ.

a8	**b8**	c8	**d8**	e8	**f8**	g8	**h8**
a7	b7	**c7**	d7	**e7**	f7	**g7**	h7
a6	**b6**	c6	**d6**	e6	**f6**	g6	**h6**
a5	b5	**c5**	d5	**e5**	f5	**g5**	h5
a4	**b4**	c4	**d4**	e4	**f4**	g4	**h4**
a3	b3	**c3**	d3	**e3**	f3	**g3**	h3
a2	**b2**	c2	**d2**	e2	**f2**	g2	**h2**
a1	b1	**c1**	d1	**e1**	f1	**g1**	h1

Сторона бѣлыхъ шашекъ.

Нумерація для телеграфа.

Черный, или Вторая рука.

18	**28**	38	**48**	58	**68**	78	**88**
17	27	**37**	47	**57**	67	**77**	78
16	**26**	36	**46**	56	**66**	76	**86**
15	25	**35**	45	**55**	65	**75**	85
14	**24**	34	**44**	54	**64**	74	**84**
13	23	**33**	43	**53**	63	**73**	83
12	**22**	32	**42**	52	**62**	72	**82**
11	21	**31**	41	**51**	61	**71**	81

Бѣлый, или Первая рука.

подтверждается тѣмъ, что соглашающійся играть, получая впередъ ничью, никакъ не согласится на борьбу съ тѣмъ же противникомъ на условіи выиграть одну партію изъ четырехъ, если ничьи не будутъ считаться. Между тѣмъ для него это представлялось бы безразличнымъ, если бы онъ дѣйствительно былъ просто втрое слабѣе противника.

Это замѣчаніе важно въ томъ отношеніи, что наводитъ на вопросъ, вполнѣ ли вѣрна обычная оцѣнка ничьей половиною партіи; быть можетъ, ничья при игрѣ на равныхъ условіяхъ должна бы записываться каждому менѣе, чѣмъ за половину. Рѣшеніе этого вопроса (который уже возникалъ во многихъ состязаніяхъ) имѣло бы громадное значеніе для шашечныхъ и шахматныхъ турнировъ и матчей... Только тогда, когда была бы выяснена „натура ничьей", проблема о дачѣ ея впередъ могла бы быть рѣшена полнѣе. Тогда мы узнали бы, что дающій ничью впередъ не только даритъ противнику свою „выигранную часть партіи", но прибавляетъ къ этому еще то, чего не хватаетъ до единицы. Я обращаю вниманіе на это обстоятельство любителей, знакомыхъ съ математикой. Вопросъ стóитъ того, чтобы надъ нимъ поразмыслить: онъ,—какъ и многое въ играхъ, и особенно въ играхъ разсчета,—имѣетъ научный интересъ. (Рѣшеніе задачи этой, подъ заглавіемъ „О дачѣ впередъ ничьей", послано было мною В. В. Локотьянову для его журнала „Листокъ Шашиста", но напечатано было имъ въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ къ газетѣ „Копѣйка" 1913 г., называемыхъ „Волны": №№ 1, 2, 3 и 5).

[425]) Ему же обыкновенно поручаютъ храненіе денежной ставки (пари), иногда же хранителемъ избираютъ другое лицо. Въ шахматныхъ турнирахъ разборъ недоразумѣній, равно какъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ состязанія, поручается турнирному комитету изъ нѣсколькихъ лицъ.

Отдѣлъ I. Внутреннія правила игры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ играющихъ.—§ 1. Въ шашки играютъ вдвоемъ, одинъ противъ другого (§ 5).—*Примѣчаніе.*—Если играющихъ одну партію (§ 8, пр. 1) не двое, а больше, то на этотъ предметъ необходимо всякій разъ заключать особыя условія.

О шашечницѣ.—§ 2. Игра идетъ на доскѣ, называемой **шашечницей.**—§ 3. Шашечница есть прямоугольная плоская доска съ равными сторонами, поверхность которой вся разбита на шестьдесятъ четыре одинаковыхъ равностороннихъ четыреугольника, окрашенныхъ въ шахматъ (т. е. попеременно) въ два рѣзко различныхъ между собою цвѣта.—*Примѣчанія.*—1) Размѣры шашечницы на практикѣ не выработались и бываютъ различными [426]).—2) Свѣтлые и темные четыреугольники шашечницы называются **бѣлыми** и **черными клѣтками** или **полями.**—3) Поля, лежащія по краямъ доски, называются *бортовыми.*—4) Ряды полей по прямому направленію, отъ одного играющаго къ другому, называются *продольными;* таковые же ряды, идущіе отъ одной руки играющаго къ другой,—*поперечными;* **послѣднимъ** или **крайнимъ** рядомъ называется восьмой поперечный рядъ клѣтокъ, считая отъ играющаго [427]).—5) Рисунокъ шашечницы съ шашками или безъ нихъ называется *діаграммою* [428]).—§ 4. Изъ шестидесяти

[426]) Въ клубахъ и у знатоковъ игры употребляются доски большія, такъ что каждая сторона клѣтки бываетъ не менѣе вершка, чаще же $1^1/_8$ и $1^1/_4$ вершка. Теперь въ большихъ городахъ продаютъ клеенку *линолеумъ*, раскрашенную въ шашку, размѣромъ вершка полтора клѣтка. Клеенка эта удобна тѣмъ, что раскрасъ ее идетъ вглубь, и цвѣтныя клѣтки не уничтожаются, если поверхность слегка износится. Доски изъ такой клеенки дешевы и могутъ мыться.

[427]) Почти передъ отправкою устава, при первоначальномъ его опубликованіи въ „Шашечномъ Листкѣ", встрѣтилъ я одного любителя изъ Тулы, изъ разговора съ которымъ совершенно случайно узналъ, что бортовыя клѣтки, гдѣ простая дѣлается доведью, называются **пристанями.** По его выраженію, простой, чтобы сдѣлаться дамкой, „достаточно пройти черезъ пристань". Вѣроятно, это старинное названіе, оно фигурируетъ и въ другой шашечной игрѣ—именно въ тавлеяхъ или триктракѣ.

[428]) Въ печати на діаграммахъ шашки обыкновенно всегда располагаются такъ, что домъ бѣлыхъ приходится внизу діаграммы, а черныхъ—вверху.

четырехъ клѣтокъ шашечницы для игры служатъ только тридцать два черныхъ поля, при чемъ на каждомъ въ разъ можетъ стоять не болѣе одной шашки.—*Примѣчанія.*—1) Только на нихъ [429]) разставляются первоначально шашки и затѣмъ исключительно по нимъ передвигаются во все продолженіе игры.—2) Черные ряды полей называются вообще *косыми* (діагональными) рядами или **путями**.—3) Путь изъ восьми полей, идущій отъ лѣвой угловой клѣтки, называется **большою дорогою**; два пути изъ семи клѣтокъ каждый, идущихъ отъ правой руки играющаго, именуются **двойникомъ**; пути по бокамъ большой дороги, каждый изъ шести клѣтокъ, равно какъ и соединяющіе ихъ на концахъ ряды изъ трехъ полей, называются **тройникомъ** и, наконецъ, послѣдній четыреугольникъ изъ косыхъ рядовъ по пяти и по четыре клѣтки наименовывается **косякомъ** [430]).—§ 5. Шашечница кладется между играющими (§ 1) такъ, чтобы у каждаго лѣвое угловое поле [431]) было темнаго цвѣта (§ 62).

О шашкахъ.—§ 6. Обыкновенно играютъ круглыми и плоскими одинаковыми фигурками, имѣющими рѣзкую разницу въ рисункѣ верхней и нижней стороны (§ 59), называемыми **шашками** (§ 15, пр.; § 29).—*Примѣчанія.*—1) Размѣромъ шашки должны быть та-

---

[429]) Нѣкоторые считаютъ безразличнымъ ставить шашки на черныхъ или на бѣлыхъ поляхъ. Но, во первыхъ, это вноситъ ненужное разнообразіе въ привычки играющихъ, а, во вторыхъ, это—обычай иностранный и тѣмъ болѣе не вѣрный, что во многихъ странахъ Западной Европы, гдѣ въ печати шашки помѣщаютъ на бѣлыхъ поляхъ, народъ и большинство любителей продолжаютъ играть на клѣткахъ черныхъ. Такъ, напр., Poirson-Prugneaux въ своей Encyclopédie du jeu de dames 1859 года свидѣтельствуетъ, что въ Парижѣ играютъ на бѣлыхъ клѣткахъ, а въ провинціяхъ по большей части—на черныхъ.

[430]) Кромѣ этихъ народныхъ названій, наиболѣе мѣткихъ и легко запоминаемыхъ, въ литературѣ встрѣчались и другія, какъ-то: а) *большая дорога*—главная или большая линія;—б) *двойникъ*—линіи среднія, триктракъ (изъ польскихъ шашекъ), перекрестокъ;—в) *тройникъ*—параллельныя линіи, проселки;—г) *косякъ*—крайнія линіи, квадратъ, окольникъ. Названія „перекрестокъ, проселки и окольникъ“ предложены были Н. Н. Панкратовымъ.

[431]) Всѣ клѣтки шашечницы для записи партій, носятъ названія, что именуется **нумераціей** или **нотаціей** доски. Наиболѣе принятая нотація—шахматная, которую предложилъ арабъ Филиппъ Стамма, жившій въ Лондонѣ; она состоитъ въ означеніи продольныхъ рядовъ первыми восемью буквами латинскаго алфавита: a, b, c, d, e, f, g, h, (а, бе, це, де, э, эфъ, ге, ха), отъ лѣвой руки къ правой, и поперечныхъ рядовъ—цифрами отъ 1 до 8 снизу вверхъ, считая отъ дома бѣлыхъ. Изъ сочетанія буквы съ цифрою получается названіе клѣтки, при чемъ буквѣ полагается первое мѣсто, а самый ходъ означается названіемъ обѣихъ клѣтокъ, т. е. той, откуда шашка идетъ, и той, гдѣ она останавливается. При передвиженіи шашки клѣтки соединяются чертою, при взятіи—двоеточіемъ. При записи ходовъ они нумеруются, при чемъ ходъ бѣлыхъ и черныхъ имѣетъ одинъ нумеръ. Рѣже записываютъ ходы въ видѣ дроби: въ числителѣ—ходъ бѣлыхъ, въ знаменателѣ—черныхъ. Въ варіантахъ, когда начинаютъ его съ хода черныхъ, послѣ нумера хода ставится многоточіе. При игрѣ по телеграфу шахматная (называемая также алгебраическою) нотація не примѣнима (по правиламъ нашего телеграфнаго вѣдомства), и тогда пользуются нотаціею, которую употреблялъ въ своемъ журналѣ (издававшемся по французски въ Парижѣ) полякъ Ліонель Кіезерицкій; въ ней буквы замѣнены цифрами же, такъ что названіе клѣтки состоитъ изъ двухъ цифръ;—см. стр. 317 и прим. 448. При игрѣ по перепискѣ въ сложномъ ударѣ описывается подробно весь путь берущей шашки, если означеніе только конечныхъ клѣтокъ можетъ повести къ недоразумѣніямъ.

ковы, чтобы часть занятаго шашкою поля оставалась неприкрытою [432]).—2) Нижняя сторона шашки дѣлается обыкновенно совершенно плоскою.—§ 7. Всѣхъ шашекъ двадцать четыре, изъ нихъ двѣнадцать одинаковаго между собою свѣтлаго цвѣта и двѣнадцать одинаковаго темнаго.—*Примѣчанія.*—1) Свѣтлыя и темныя шашки называются **бѣлыми** и **черными**.—2) Черныя шашки должны быть и снизу чернаго цвѣта, бѣлыя—бѣлаго (§ 59).—§ 8. Каждый изъ играющихъ имѣетъ при началѣ партіи двѣнадцать шашекъ одного цвѣта и только ими и можетъ играть въ данной партіи.—*Примѣчанія.*—1) **Партіей** называется одно состязаніе между двумя лицами, начатое съ двѣнадцатью шашками съ каждой стороны, которое можетъ окончиться или однимъ выигрышемъ кого либо, или одною ничьею [433]).—2) Состязаніе между двумя лицами, состоящее изъ нѣсколькихъ партій, число коихъ заранѣе опредѣлено какимъ нибудь способомъ (напр., выиграть большинство изъ столькихъ то партій; или одному выиграть столько то партій ранѣе другого и т. п.), называется англійскимъ словомъ **матчъ**.—3) Одновременное состязаніе нѣсколькихъ лицъ между собою посредствомъ игры каждаго съ каждымъ одинаковаго и точно опредѣленнаго числа партій, съ цѣлью выдѣлить сильнѣйшихъ игроковъ, именуется **турниромъ** или **съѣздомъ**.—§ 9. Каждый играющій передъ началомъ партіи разставляетъ свои шашки на трехъ ближайшихъ къ себѣ поперечныхъ рядахъ шашечницы (§ 4).—*Примѣчаніе.*—Сторона первоначальнаго расположенія шашекъ называется ихъ *домомъ*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О составѣ игры.—§ 10. Игра состоитъ въ правѣ каждаго изъ играющихъ (§ 1) ходить своими (§§ 8 и 9) шашками, проводить ихъ въ доведи и брать или запирать чужія шашки, при чемъ права эти составляютъ,—всѣ вмѣстѣ или порознь,—и обязанности играющихъ.

О ходахъ.—§ 11. Каждый изъ противниковъ (§ 49) играетъ, т. е. ходитъ, по очереди.—§ 12. Передвиженіе шашки съ одной клѣтки на другую безъ взятія чужихъ шашекъ или съ таковымъ

[432]) Лучшими шашками у знатоковъ игры считаются шашки большія и плоскія, шириною въ серебряный рубль, а высотою въ толщину двухъ рублей. Такой фасонъ шашекъ наиболѣе удобенъ въ большинствѣ шашечныхъ игръ (столбы; нардъ). Для игръ же со множествомъ шашекъ (го; хальма) употребляютъ заставки отъ лото.

[433]) Это примѣчаніе введено по тому, что между многими любителями и до сихъ поръ принято то, что мы называемъ (заимствуя изъ шахматъ) *партіей*, именовать по старинному *игрою*; подъ *партіей* же разумѣть рядъ заранѣе условленныхъ игръ между двумя лицами. Такъ какъ, съ одной стороны, понятіе *игры* сдѣлалось теперь уже слишкомъ общимъ, чтобы употреблять его въ ограничительномъ смыслѣ, и такъ какъ, съ другой стороны, у большинства любителей и устно и въ печати слово *партія* давно уже принято въ нашемъ смыслѣ, то настаивать на введеніи въ уставъ устарѣвшаго названія, хотя бы еще и не оставленнаго, было бы ошибкою; тѣмъ болѣе, что понятіе *партіи* въ смыслѣ матча не повсемѣстное. Съ филологической точки зрѣнія народное употребленіе слова „партія“, однако, вѣрнѣе.

взятіемъ называется **ходомъ**.—*Примѣчаніе.*—Взятіе шашки называется, кромѣ того, *ударомъ*, взятіе нѣсколькихъ—*сложнымъ ударомъ* [434]).—§ 13. Продвиганіе шашки никогда не переходитъ въ ударъ и наоборотъ: ударъ никогда не переходитъ въ самостоятельное движеніе (§ § 34 и 36).—§ 14. Ходить можно только одною (§ 8) какою либо шашкою заразъ (§ § 18 и 21 со слѣд.).—§ 15. Всѣ шашки имѣютъ одинаковый ходъ, кромѣ проведенныхъ въ доведи (§ 29).—*Примѣчаніе.*—Шашка, не прошедшая въ дамки, называется **простою**.—§ 16. Взятіе одной или нѣсколькихъ шашекъ заразъ (§ 14) считается однимъ ходомъ.—§ 17. Шашка можетъ передвигаться или только на правахъ простой или только на правахъ доведи, брать же шашка, кромѣ того, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (§ 36) частію на правахъ простой, частію на правахъ доведи.

О простой шашкѣ.—§ 18. Простая шашка передвигается только впередъ, считая отъ дома (§ 9, пр.).—§ 19. Простая ходитъ только на сосѣднее не занятое поле, вправо или влѣво.—§ 20. Простая можетъ брать, какъ впередъ, такъ и назадъ.

О взятіи.—§ 21. Брать обязательно, и нельзя играть иначе, когда предстоитъ брать.—*Примѣчанія.*—1) Фукъ вовсе не берется [435]).—2) Всѣ шашки, простыя и доведи, берутся одинаково.—§ 22. Если рядомъ (§ 20) съ простою (т. е. на ближайшемъ къ ней полѣ) стоитъ чужая шашка со свободною за нею непосредственно клѣткой (считая отъ берущей шашки), то такая шашка берется.—§ 23. Простая беретъ, перескакивая черезъ шашку и становясь по другую (§ 22) ея сторону, а взятая шашка снимается (§ 57) съ доски.—*Примѣчанія.*—1) Снятіе съ доски взятыхъ шашекъ за ходъ (§ 12) не считается.—2) Снятіе производится

---

434) Ходы безъ взятія и безъ подставки называются *тихими;* ходы ударные называются также *принудительными* (форсированными); въ зависимости отъ положенія шашекъ и ходовъ противника, ходы бываютъ *вынужденными*, *выжидательными*, *единственными* и т. п.

435) Въ народныхъ обычаяхъ и до сихъ поръ еще держится правило **о фукѣ**; оно состоитъ въ томъ, что шашка, не взявшая подставленной ей чужой или не докончившая сложнаго удара, снимается съ доски противникомъ, при чемъ снятіе это производится **не въ счетъ хода**, и фукающій шашку вслѣдъ за этимъ дѣлаетъ свой очередный ходъ; фукъ никогда не былъ обязательнымъ, и игрокъ въ волѣ: или фукать виновную шашку или принудить ее брать подставленное (А. Д. Петровъ, 1827 г., стр. 6;—„Описаніе“ 1850 г., стр. 21). Этого многіе не знаютъ, а потому игра съ фуками приводитъ къ пререканіямъ, особенно при игрѣ на пари, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые распространительно толкуютъ фукъ, напримѣръ, за неснятіе съ доски убитыхъ шашекъ, за неотмѣтку дамки. „Между хорошими игроками фукъ болѣе не въ употребленіи“ писалъ еще А. Д. Петровъ, и фукъ изъ устава исключенъ. Исключеніе это на турнирахъ было принято охотно, но такъ какъ народные обычаи уничтожаются не легко, то при игрѣ съ незнакомыми лучше предупреждать объ уничтоженіи фуковъ. „Играть съ фуками, говоритъ А. Д. Петровъ (стр. 14), зависитъ отъ условія, а **если не было о семъ говорено, фукъ можно брать**“. Фукъ обычай международный; онъ не оставленъ до сихъ поръ за границей; французскіе учебники его защищаютъ и отстаиваютъ, но за послѣднее время противъ него начали возставать и тамъ. Большіе споры возбуждаетъ также право требовать взятія подставленнаго. Дѣло въ томъ, что кто взялся за чужую шашку, чтобы ее фукать, не имѣетъ уже права требовать взятія, но многіе этого не признаютъ. Эти и имъ подобныя недоразумѣнія привели хорошихъ игроковъ къ осужденію фука.

послѣ того, какъ взявшая шашка остановилась на конечномъ полѣ своего удара (§ § 25, 58).—3) Взятая и снятая съ доски шашка не вступаетъ (§ 63) въ игру, впредь до новой партіи, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ § § 60 и 62.

О сложномъ ударѣ простой шашки.—§ 24. Когда простая, перейдя черезъ одну шашку, станетъ на клѣтку (§ 22), съ которой можетъ взять еще шашку, то она беретъ (§ 21) и эту шашку и слѣдующія при тѣхъ же условіяхъ (§ § 13, 58).—*Примѣчаніе.*—При этомъ берущая шашка можетъ переходить и на другіе пути.—§ 25. Взятіе подрядъ нѣсколькихъ шашекъ производится однимъ непрерывнымъ ударомъ (§ 13).—*Примѣчаніе.*—Владѣлецъ убиваемыхъ шашекъ можетъ требовать, чтобы берущая шашка прикасалась ко всякой (см. примѣч. 431 и 448) клѣткѣ, находящейся за каждой убиваемой шашкой (§ 58).—§ 26. При сложномъ ударѣ берущая шашка въ правѣ неоднократно становиться на одну и ту же пустую клѣтку, но не имѣетъ права переходить болѣе одного раза [436]) черезъ одну и ту же шашку (§ 58).—*Примѣчаніе.*—Слѣдовательно всѣ клѣтки, на которыхъ пріостанавливается берущая шашка, свободны до начала сложнаго удара, не считая поля, занятаго самою берущею шашкою.

О выборѣ между ударами.—§ 27. Если представляется возможность одновременно брать разными шашками, или хотя одною и и тою же, но по разнымъ направленіямъ, то отъ произвола играющаго зависитъ брать тою или иною шашкою, въ ту или другую сторону, не стѣсняясь ни количествомъ ни качествомъ убиваемыхъ шашекъ.—*Примѣчанія.*—1) Слѣдовательно по § § 24 и 27 всѣ шашки, которыя по одному какому либо избранному направленію могутъ быть взяты, должны быть взяты въ одинъ ходъ, будутъ ли это простыя или доведи безразлично, лишь бы берущая шашка остановилась тамъ, откуда она не можетъ уже ничего взять.—2) Положеніе шашки между двумя чужими шашками по протяженію какого либо пути и притомъ такъ, что въ свой ходъ срединная шашка можетъ брать ту или другую изъ нихъ, носитъ названіе **любки** [437]).—§ 28. Такая же свобода выбора предоставляется берущей шашкѣ, если возможность брать въ разныя

---

[436]) Въ положеніи бѣлая f6, черныя g7 и e5, бѣлая при своемъ ходѣ можетъ взять какую либо одну шашку, ибо при f6 : h8Д : a1 она перешла бы черезъ g7 *два раза.* Во время споровъ, поведшихъ къ точному выясненію народнаго обычая о взятіи, любители, стоявшіе за то, что каждая изъ убитыхъ шашекъ снимается тотчасъ послѣ перехода черезъ нее берущей, упустили изъ виду это положеніе (а подобныя ему не рѣдки въ игрѣ), между тѣмъ правила о сложномъ ударѣ исходятъ именно изъ такихъ простѣйшихъ положеній (ср. Фоглеръ 1881 г., стр. 25—26). Въ польскихъ шашкахъ, которыя произошли изъ русской игры, сохранены принципы нашихъ правилъ, т. е. тамъ также нельзя два раза переходить черезъ шашку и нельзя снимать убитой тотчасъ послѣ перехода.—Мнѣ приходилось, однако, въ практикѣ встрѣчать отступленіе отъ правила въ томъ смыслѣ, что въ положеніи: бѣлая доведь f8, черныя e7, c3, f2, g5, бѣлая будто бы можетъ послѣ f8 : b4 : e1 : h4 стать и на f6 и на d8; конечно, это не вѣрно, ибо тогда черезъ e7 былъ бы двойной переходъ.

[437]) Необходимость совершить въ слѣдующій свой ходъ какой либо (болѣе или менѣе опредѣленный) ударный ходъ называется (съ непріятельской стороны)—**роздыхомъ** (coup de répos). По французски *любки* называются le lunette; въ женскомъ родѣ это слово имѣетъ другое значеніе (ср. примѣч. 386, стр. XVIII).

стороны откроется въ сложномъ ударѣ послѣ взятія одной или нѣсколькихъ шашекъ.

О доведи.—§ 29. Простая шашка, продвиганіемъ или путемъ взятія достигшая одной изъ клѣтокъ послѣдняго ряда (пристани), тотчасъ же (§ 36) превращается въ **доведь** и остается таковою до конца партіи.—*Примѣчанія.*—1) Въ настоящее время доведь чаще называютъ **дамкою** [438]).—2) Число доведей въ партіи не ограничено, и каждый играющій можетъ имѣть ихъ столько, сколько проведетъ простыхъ.—§ 30. Доведь отличается отъ простой только большею свободою движеній при ходѣ и при взятіи.—*Примѣчаніе.*—Слѣдовательно, на основаніи предыдущихъ статей, всѣ доведи имѣютъ одинаковыя права; можно въ одинъ ходъ играть (т. е. передвигать или брать) или только одною своею простою, или какою либо доведью; доведь беретъ, перескакивая и становясь по другую сторону убитой, и т. д.—§ 31. Доведь ходитъ и беретъ впередъ и назадъ (§§ 17 и 21).—§ 32. Доведь ходитъ во всю длину доступнаго для нея и свободнаго отъ шашекъ пути на любое поле.—*Примѣчаніе.*—Если идущій отъ доведи путь не свободенъ, вслѣдствіе присутствія своей шашки или двухъ и болѣе рядомъ (по протяженію того же пути) стоящихъ чужихъ шашекъ, то доведь не въ правѣ черезъ нихъ переходить.

О взятіи доведью.—§ 33. Если на одной изъ клѣтокъ пути, доступнаго для движеній доведи, стоитъ чужая шашка, за которой,—считая отъ доведи,—находится непосредственно пустое поле, то доведь беретъ эту шашку, не стѣсняясь дальностью своего разстоянія отъ нея.—§ 34. Если за взятою шашкой на томъ же пути находится два или болѣе свободныхъ поля, то доведь становится по произволу на любое изъ нихъ, за исключеніемъ того случая, когда ей предстоитъ сдѣлать сложный ударъ (§ 35).

О сложномъ ударѣ доведи.—§ 35. Если доведь, убивъ шашку или болѣе на какомъ либо одномъ пути, можетъ потомъ пріостановиться такъ, чтобы съ мѣста этой остановки взять еще шашку (по тому же или иному пути), то она обязана остановиться именно на такой клѣткѣ и, взявъ еще шашку, брать, если есть возможность, и слѣдующія шашки при тѣхъ же условіяхъ до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ такого ряда клѣтокъ, откуда ей уже нечего брать (пр. 431), при чемъ всѣ поля, на коихъ доведь пріостанавливается, должны быть пустыми до начала удара, не считая поля, занятаго самою берущею доведью [439]).—*Примѣчаніе.*—Слѣдова-

---

[438]) Доведь названіе народное и чисто русское, оно и сейчасъ въ ходу; его надо признать болѣе солиднымъ и подходящимъ, чѣмъ употребительное теперь **дамка**. Глаголъ *довѣдѣти* встрѣчается въ словарѣ Миклошича, заключающемъ, какъ извѣстно, славянскія слова изъ старинНѣйшихъ рукописей. Можетъ быть вѣрнѣе было бы писать *довѣдь*. См. стр. 294 и примѣч. 299 и 328.

[439]) Сложный ударъ дамки является постоянною и главною темою пререканій между любителями; въ виду этого мы предпочли дать, хотя и тяжелое по слогу, но такое описаніе, которое не допускаетъ никакихъ своеобразныхъ толкованій. Это опредѣленіе сперва помѣщено было въ примѣчаніи, самый же §, изложенный по Гоняеву, давалъ поводъ замѣчанію, что сложный ударъ простой могъ быть и незаконченнымъ; это описаніе отнесено теперь въ примѣчаніе. См. еще примѣч. 431.

тельно, сложный ударъ дамки отличается отъ сложнаго удара простой (§ § 24 и сл.) лишь въ тѣхъ отношеніяхъ, а) что дамка беретъ, не стѣсняясь разстояніемъ убиваемыхъ шашекъ отъ своего первоначальнаго мѣста или какой либо взятой уже шашки, и б) что дамка не въ правѣ избрать такой остановки, чтобы по данному направленію ударъ не былъ законченъ; но доведь, какъ при началѣ удара, такъ и въ срединѣ его, пользуется такою же свободою въ выборѣ [440]) убиваемыхъ шашекъ, что̀ и простая, и въ сложномъ ударѣ дамки, какъ и простой, всѣ поля, кромѣ занятаго самою доведью, должны быть свободны до начала удара [441]).

О доведи при взятіи простою шашкою.—§ 36. Если простая шашка посредствомъ взятія (одной или болѣе шашекъ) достигла одного изъ полей послѣдняго ряда, то она въ тотъ же ходъ (§ 16) беретъ (пр. 431) оказавшіяся подъ ея ударомъ шашки на правахъ доведи (§ § 17, 29 и 31).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ игрѣ въ крѣпкія.

О цѣли игры.—§ 37. Конечная цѣль игры заключается въ выигрышѣ партіи или приведеніи ея къ ничьей [442]).

---

[440]) Изрѣдка наблюдается искаженіе этого правила. Такъ, весьма распространено и въ настоящее время ошибочное мнѣніе, будто въ поддавкахъ обязательно брать наибольшее количество шашекъ (А. Д. Петровъ, стр. 15).—Указаннаго И. Фоглеромъ (шахм. руков., стр. 151; шашечн. рук., стр. 23) правила, что при взятіи въ одну сторону, будто бы, обязательно брать наибольшее количество,—на практикѣ мнѣ вовсе не приходилось наблюдать.

[441]) Въ партіи послѣ: 1. c3—d4, b6—c5; 2. d4 : b6, c7 : a5; 3. b2—c3, f6—g5; 4. a1—b2, d6—c5; 5. g3—h4, a7—b6; 6. h4 : f6, e7 : g5; 7. h2—g3, g5—h4; 8. g3—f4, f8—e7? (знакъ вопроса означаетъ, что сдѣланный въ этомъ положеніи ходъ слабъ, плохъ); 9. c3—b4! (знакъ восклицанія означаетъ, что ходъ въ данномъ положеніи очень хорошъ или сильнѣйшій), a5 : a1Д; 10. f2—g3!, h4 : d4; 11. f4—g5, h6 : f4; 12. c1—b2, a1 : c3 бѣлые берутъ 13. d2 : b4 : d6 : f8Д : h6 : c1, или d2, или e3; шашка b4, хотя и взятая, препятствуетъ взять шашки d4 и b6.—Если положеніе послѣ 11-го хода черныхъ измѣнимъ такимъ образомъ, что удалимъ съ доски шашки c1, d2, a1 и e1 и поставимъ вмѣсто нихъ бѣлую дамку на h4, черную дамку на e1 и черную простую на d2, то увидимъ, что послѣ g1—f2, e1 : g3 бѣлые могутъ взять только: 1) h4 : e1 : a5 : c7 или 2) h4 : e1 : c3 : e5, f6, или наконецъ, 3) h4 : e1 : b4 : d6 : f8 : h6 : e3. Этотъ послѣдній случай, когда ходъ берущей дамки останавливается взятою уже шашкою (d2), называется **турецкимъ ударомъ**, терминомъ, заимствованнымъ изъ французской литературы польскихъ шашекъ; его переносятъ и на указанный въ партіи ходъ 13. d2 : c1, гдѣ шашка b4, не вліяя на остановку берущей дамки, препятствуетъ ей взять шашки d4 и b6.

[442]) На практикѣ,—въ матчахъ и на съѣздахъ игроковъ, равнымъ образомъ и при игрѣ по перепискѣ,—по большей части выигранная партія зачитывается выигравшему за единицу, ничья каждому изъ противниковъ за половину партіи, проигранная отмѣчается нулемъ; матчи нерѣдко разыгрываютъ, вовсе не считая ничьихъ. Противъ отмѣтки ничьей половиною партіи въ турнирахъ все болѣе и болѣе возстаютъ, предлагаютъ ее или исключить изъ счета или, по крайней мѣрѣ, зачитывать меньше, чѣмъ за половину; однако, ничего практическаго въ этомъ смыслѣ еще не выработалось, и не было еще ни одного турнира, гдѣ эти указанія были бы приняты; проигранныя партіи вѣрнѣе было бы записывать не 0, а—1, но это важно лишь для математическихъ вычисленій, а не для игры, гдѣ нули *считаются*, какъ единицы. См. прим. 424 на стр. 317.

О выигранной партіи.—§ 38. Выигрышъ партіи достигается: 1) взятіемъ всѣхъ шашекъ противника или 2) лишеніемъ хода всѣхъ остающихся на доскѣ чужихъ шашекъ и взятіемъ остальныхъ (§§ 62, 63 и 66).—*Примѣчаніе.*—Лишеніе чужихъ шашекъ хода называется *заключеніемъ* [443]), *запираніемъ* или *уголкомъ*; если запертыя шашки оказываются подъ ударомъ запирающихъ, то такое заключеніе называется *воздушнымъ* или „на вѣсу“ (§ 63, пр.).

О ничьей.—§ 39. Если ни одинъ изъ противниковъ не располагаетъ достаточнымъ для выигрыша перевѣсомъ (въ числѣ шашекъ или ихъ расположеніи), то игра признается **ничьею,** или *розыгрышемъ.*—§ 40. Если у одного изъ противниковъ осталось три доведи [444]), а у другого одна,—то владѣлецъ послѣдней въ правѣ, когда захочетъ, потребовать сокращеннаго счета ходовъ, и тогда, если въ пятнадцатый послѣ этого требованія ходъ доведь его взята не будетъ,—партія признается ничьею.—*Примѣчаніе.*—Если въ продолженіе этихъ пятнадцати ходовъ одинокая доведь возьметъ всѣ чужія, то вступаетъ въ силу § 38 (ср. примѣч. § 41).—§ 41. Во всѣхъ остальныхъ спорныхъ случаяхъ каждый изъ играющихъ въ правѣ потребовать полнаго счета ходовъ, и тогда, если послѣ тридцати ходовъ съ каждой стороны матеріальныя силы игроковъ останутся тѣми же, игра признается ничьею, каково бы ни было ея положеніе.—*Примѣчанія.*—1) Счетъ ходовъ **производится вслухъ** и при тридцати ходахъ начинается сызнова всякій разъ, какъ только одна изъ находящихся на доскѣ шашекъ будетъ взята или изъ простой сдѣлается доведью.—2) Если положеніе партіи, послѣ приступа къ счету тридцати ходовъ

---

[443]) См. стр. XVIII, пр. 386. Въ польскихъ шашкахъ заключеніе дамки называется *мышеловкою,* coup de souricière.

[444]) На практикѣ приходится встрѣчать примѣненіе правила польскихъ шашекъ, что если у одного изъ играющихъ дамка, а у другого большая дорога и дамка съ двумя простыми или двѣ дамки съ простою, то владѣлецъ одинокой дамки въ правѣ требовать, чтобы простыя шашки, безъ проведенія ихъ на послѣдній рядъ, превращались на своихъ мѣстахъ въ дамки; нѣкоторые же ограничиваютъ это, примѣняя право требованія лишь къ тому случаю, когда большая дорога за одинокою дамкою. И то и другое не вѣрно. Простая можетъ превратиться въ доведь не иначе, какъ достигнувъ пристани.

П. Н. Бодянскій разбиваетъ это народное правило на двѣ статьи и искажаетъ его, говоря, что при одинокой дамкѣ на большой дорогѣ и трехъ дамкахъ внѣ ея игра прекращается и признается ничьей, а что въ противномъ случаѣ игра признается выигранною тремя, но владѣлецъ одинокой можетъ требовать ловли его доведи въ 15 ходовъ. Дѣло въ томъ, что могутъ встрѣтиться случаи, когда одинокая дамка проиграетъ и на большой дорогѣ (напр., бѣл. д. a5, c5, g3, черн. д. f6; ходъ бѣлыхъ) и, наоборотъ, сдѣлаетъ ничью противъ плохого игрока внѣ ея; кромѣ того, люди, не знающіе игры, не убѣждены, что одинокая дамка не ловится на большой дорогѣ, и дѣйствительно, при плохой игрѣ, она можетъ быть поймана и тутъ. Въ партіи обыкновенно достаточно 6-7-8 правильныхъ ходовъ для ловли одинокой дамки, но „положеніе“ даетъ пятнадцать.—Н. Н. Панкратовъ въ подробнѣйшемъ изслѣдованіи борьбы трехъ доведей противъ одной, показалъ, что въ самыхъ труднѣйшихъ, искусственно созданныхъ, разстановкахъ на ловлю требуется не болѣе 12 ходовъ, и что есть одна позиція (бѣл. д. a1, b2, c3), гдѣ на это необходимо 13 ходовъ.—Интересно, что въ польской игрѣ на стоклѣточной доскѣ, гдѣ одинокая дамка ловится тремя лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ трудныхъ этюдныхъ положеніяхъ, на ловлю одинокой полагается теперь также не болѣе пятнадцати ходовъ; ранѣе тамъ на это давалось двадцать ходовъ.

или одного изъ его повтореній, придетъ къ положенію трехъ доведей противъ одной, то вступаетъ въ силу § 40.—§ 42. При требованіи счета ходовъ таковый начинается съ хода стороны, заявляющей о превосходствѣ своихъ силъ.—§ 43. Ничьею признается также двукратное повтореніе обѣими сторонами однородныхъ ходовъ, влекущее за собою двукратное же возвращеніе къ какому либо прежнему положенію игры безъ перемѣны очереди хода.—*Примѣчаніе.*—Иными словами, ничьею игра признается, когда въ партіи при однородныхъ ходахъ одно и то же положеніе безъ перемѣны очереди хода произойдетъ три раза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ игрѣ въ поддавки.

О цѣли игры.—§ 44. Цѣль игры состоитъ въ приведеніи партіи къ выигрышу или ничьей.

О выигранной партіи.—§ 45. Выигрышъ партіи достигается: 1) отдачею (см. примѣч. 440) всѣхъ своихъ шашекъ противнику или 2) отдачею части своихъ шашекъ противнику и лишеніемъ всѣхъ своихъ остающихся на доскѣ хода [445]).

О ничьей.—§ 46. Если у каждаго игрока осталось по одной доведи, и каждая изъ нихъ стоитъ на угловыхъ клѣткахъ двойника въ раскосъ или рядомъ, то игра признается ничьею.—§ 47. Какъ въ этомъ (§ 46), такъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, при несогласіи одного изъ играющихъ признать игру ничьею, противникъ его въ правѣ потребовать счета ходовъ, и тогда, если послѣ пятнадцати ходовъ съ каждой стороны силы игроковъ и качество шашекъ не измѣнятся, партія признается ничьею (ср. § 41).

Отдѣлъ II. Внѣшнія правила игры.

О началѣ партіи.—§ 48. Какого цвѣта шашками кому играть, разрѣшается до начала игры жребіемъ [446]).—§ 49. Начинаетъ партію, т. е. дѣлаетъ первый ходъ, играющій бѣлыми шашками [447]).—*Примѣчаніе.*—Играющій бѣлыми шашками называется

[445]) Нѣкоторые утверждаютъ, что въ поддавкахъ не можетъ быть запертыхъ шашекъ, и что если игрокъ не имѣетъ хода, то противнику его предоставляется три или два хода для освобожденія запертыхъ шашекъ (см. „Всеміри. Илл." 1882 г., № 718, зад. № 617, Н. П. Стремоухова). Это не вѣрно: поддавки (иногда называемыя „въ слабую")—игра, во всемъ согласная съ крѣпкими, лишь съ обратною цѣлью.—Въ польской игрѣ есть комбинированная игра, гдѣ съ одной стороны играютъ двадцать шашекъ, а съ другой только десять, но владѣлецъ послѣднихъ всякій разъ дѣлаетъ подрядъ два хода (одною шашкою или двумя). Если онъ будетъ запертъ такъ, что въ свой чередъ можетъ сдѣлать лишь одинъ ходъ, то онъ считается проигравшимъ.

[446]) Обыкновенно одинъ изъ играющихъ беретъ бѣлую и черную шашку и, зажавъ по одной въ каждой рукѣ, предлагаетъ противнику выбрать; избранный цвѣтъ опредѣляетъ и право перваго хода.

[447]) Правила §§ 49 и 50 заимствованы изъ шахматной игры, гдѣ они также приняты не очень давно. По народнымъ обычаямъ начинаютъ независимо отъ цвѣта шашекъ; по окончаніи партіи шашками мѣняются, а первый ходъ предо-

игрокомъ *въ первой рукѣ*, черными—*во второй рукѣ*.—§ 50. Въ слѣдующихъ партіяхъ, за исключеніемъ недѣйствительныхъ (§ § 60—62), цвѣтъ шашекъ мѣняется.—*Примѣчаніе*.—Слѣдовательно по § 49 мѣняется и очередь хода, чѣмъ бы партія ни кончилась.—§ 51. При недѣйствительныхъ партіяхъ цвѣтъ шашекъ (и очередь хода) не мѣняется.

О прикосновеніи къ шашкамъ.—§ 52. Кто дотронется до своей шашки, долженъ [448]) ею ходить, если это возможно.—

ставляется выигравшему; при ничьей—тому, кто начиналъ эту ничью. Введеніе шахматныхъ правилъ, дающихъ бо́льшее равновѣсіе, охотно было принято на турнирахъ съ участіемъ любителей, держащихся народныхъ обычаевъ, почему правила эти и закрѣпляются уставомъ. Не лишнее, однако, предупреждать объ этомъ незнакомыхъ.

[448]) Относительно игры по перепискѣ (см. еще примѣч. 431, въ концѣ) можно руководствоваться правилами изъ устава К. А. Яниша 1857 г.: .... „Впрочемъ во всякой партіи, коей удары передаются письменно, каковъ бы ни былъ порядокъ ихъ означенія и отправленія, должно соблюдать слѣдующее: 1) описаніе хода считается полнымъ, когда содержитъ: a) означеніе той клѣтки, съ которой ступила шашка; b) означеніе той, на которую она перешла..... сверхъ того общепринято выставлять всегда нумеръ хода и объявлять при случаѣ.... о взятіи шашки [см. § 25]. Но эти подробности, а также поименованіе тронутыхъ и взятыхъ шашекъ, несущественны и не требуются для полноты изображенія хода. Всякая же погрѣшность въ ихъ описаніи, или несообразность ихъ съ главными подробностями хода.... подвергаетъ игрока взысканію.... 2) Хотя бы описаніе удара не заключало въ себѣ всѣхъ главныхъ подробностей..... оно тѣмъ не менѣе считалось бы полнымъ, если, по положенію и по законамъ игры, соотвѣтствовало бы только одному совершенно опредѣленному ходу. 3) Полученное противникомъ описаніе сдѣланнаго удара не подлежитъ уже никакому дальнѣйшему измѣненію или пополненію, хотя содержало бы въ себѣ явную описку. 4) Сообщенное описаніе хода можетъ оказаться неудобоисполнимымъ: отъ неполноты, двусмысленности, противорѣчія въ изложенныхъ подробностяхъ, несогласія съ законами игры (Двусмысленность и незаконность описаннаго удара могутъ произойти и отъ нечетнаго почерка. Алгебраическій алгориѳмъ и въ этомъ отношеніи предпочтителенъ всякому другому означенію, такъ какъ недоразумѣнія, происходящія отъ сходства между буквами c и e, совершенно устраняются употребленіемъ прописныхъ буквъ. Сверхъ того, любители, не привыкшіе къ отчетливому изображенію арабскихъ цифръ, властны замѣнять ихъ римскими) и наконецъ отъ невозможности прочесть описаніе. За всякое подобное сообщеніе игрокъ подлежитъ штрафу.... 5) Если незаконность или неточность въ описаніи хода... будетъ замѣчена по доставленіи уже противникомъ отвѣтнаго удара, то послѣдніе ходы отмѣняются, и игра начинается вновь съ положенія, непосредственно предшествовавшаго означенной несообразности. Также поступить должно и въ томъ случаѣ, когда бы противникъ вашъ ошибку вашу замѣтилъ только по совершеніи съ своей стороны другой подобной, которая тогда и не подпала бы подъ взысканіе.... 6) Если бы, не смотря на сообщенное вами правильное описаніе законнаго удара, противникъ исполнилъ бы его на своей шахматницѣ ошибочно, то посланное имъ впослѣдствіи о томъ извѣщеніе вовсе не дало бы ему права требовать отмѣны ходовъ, сыгранныхъ послѣ этой ошибки“.... См. еще примѣчанія 441, 442, 449, 450, 455 и 456.

Что касается до штрафовъ за нарушенія при игрѣ по перепискѣ, то они могутъ состоять: или въ признаніи ошибочнаго хода незаконнымъ дѣйствіемъ (§ § 64—66), или же, несмотря на полученіе хода (когда его нельзя разобрать или исполнить), пропускомъ срока, или даже наказываться признаніемъ партіи проигранной (§ 63). Наказанія, предлагаемыя уставомъ К. А. Яниша, къ шашкамъ не примѣнимы.

Наиболѣе характернымъ отличіемъ игры по перепискѣ отъ обыкновенной является **возможность совѣщаться** о своей партіи съ другими любителями. При игрѣ въ турнирахъ эта возможность можетъ возбуждать опасенія малоопытныхъ любителей. Разумѣется, подавляющее большинство игроковъ, изъ-за соб-

Примѣчаніе.—Если ею почему либо ходить не возможно, то прикосновеніе [449]) относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ (см. прим. 448).— § 53. Кто дотронется до своей шашки, которой нельзя ходить, потому что надо брать [450]) какою либо другою своею шашкою, долженъ брать этою послѣднею.—*Примѣчаніе.*—Самое же прикосновеніе относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ.—§ 54. Кто дотронется до чужой шашки, долженъ ее брать, если это возможно.—*Примѣчаніе.*—Если брать этой шашки не чѣмъ, то прикосновеніе относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ (см. примѣч. 448-е).—§ 55. Кто хочетъ лишь поправить шашку, долженъ до прикосновенія къ ней предупредить о томъ противника.—*Примѣчаніе.*—Если предупрежденія (—„Поправляю!"—„Не играю!"—) не было, то вступаютъ въ силу §§ 52 и 54.—§ 56. Пока шашка не выпущена изъ руки, можно сдѣлать ею [451]) любой законный ходъ.— § 57. Снимать взятую шашку обязательно немедленно послѣ окончанія хода.—*Примѣчаніе.*—1) Не снятіе съ доски взятой шашки относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ.—2) Незамѣченное противникомъ оставленіе на доскѣ убитой шашки ведетъ къ примѣненію §§ 60 и 62.—§ 58. Когда берется въ одинъ ходъ нѣ-

---

ственнаго удовольствія и самолюбія, вообще никогда не прибѣгаетъ къ чужимъ совѣтамъ, ибо всегда есть вѣроятность получить оскорбительный отказъ или намѣренно плохой совѣтъ, но не всѣ такъ поступаютъ. Между тѣмъ прослѣдить за тѣмъ, чтобы противникъ не совѣщался, нельзя, тѣмъ болѣе, что игра по перепискѣ считается состязаніемъ, гдѣ почти не встрѣчается обыкновенныхъ просмотровъ. Въ виду этого многіе разбираютъ и проставляютъ варіанты не только единолично, но и на виду у всѣхъ, въ собраніяхъ любителей, въ клубахъ и кофейняхъ, при чемъ зрители не рѣдко указываютъ продолженія. Такъ какъ, съ одной стороны, такихъ анализовъ отличить отъ совѣщаній не представляется возможнымъ, и такъ какъ, съ другой стороны, отрывочныя совѣщанія о какомъ либо ходѣ въ партіи не могутъ оказать никакого вліянія на исходъ турнира,—то принято, что при игрѣ въ турнирѣ по перепискѣ *можно* всегда и вездѣ совѣтоваться о любой своей партіи. Гг. устроители и распорядители такихъ турнировъ поэтому обыкновенно не принимаютъ къ разбору никакихъ заявленій (отъ постороннихъ-ли или отъ участниковъ) съ обвиненіями, или указаніями на консультаціи. Считается, что возможность справляться съ анализами и записками важнѣе единоличныхъ совѣтовъ, а необходимость отсылать свои отвѣты въ срокъ достаточно гарантируетъ противниковъ, почти уничтожая возможность совѣщаній, особенно систематическихъ.—Къ слову сообщу, что въ игрѣ по перепискѣ между А. И. Шошинымъ (въ Петроградѣ) и Ст. Вас. Васильевымъ (въ Москвѣ) послѣднему помогали многіе любители съ А. Ф. Кауленомъ во главѣ. Я самъ заставалъ въ лавкѣ В. В. Васильева цѣлый комитетъ игроковъ, которые при моемъ приходѣ бросали разборъ партій. Можно сказать, что А. И. Шошинъ выигралъ у цѣлой Москвы.—

[449]). Подробныхъ правилъ относительно игры по перепискѣ не выработалось. Общепринятымъ считается при посылкѣ своего отвѣта повторить *всѣ* тѣ ходы, которые присланы въ *послѣднемъ письмѣ* противникомъ; такимъ образомъ каждый изъ играющихъ имѣетъ у себя всю партію, *написанную рукою противника*, что представляетъ много различныхъ удобствъ.

[450]) При игрѣ по перепискѣ обязательное, т. е. единственное, взятіе со стороны противника совершается его партнеромъ, какъ если бы ударный ходъ былъ сдѣланъ, т. е. на обдумываніе такого хода времени не дается.

[451]) Это правило принадлежитъ къ общепринятымъ и вполнѣ усвоеннымъ законамъ игры, употребляемымъ всюду и всѣми, какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ. Правило П. Н. Бодянскаго, будто „если тронули, напримѣръ, c3, которая можетъ ходить на поле b4 и на поле d4, и уже поставили ее на b4, то она не можетъ быть переставлена на d4", не вѣрно, если оно должно пониматься относительно шашки, еще не выпущенной изъ руки.

сколько шашекъ, берущая шашка должна сначала совершить (пр. 431) весь сложный ударъ, и только по окончаніи его шашки снимаются съ доски (§ 25).—*Примѣчаніе.*—Снятіе съ доски шашекъ во время сложнаго удара, хотя бы съ соблюденіемъ § 26, относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ (ср. § 65).—§ 59. Шашка, проведенная въ доведи, должна быть немедленно перевернута для отличія ея отъ простыхъ (§ 7, пр. 2).—*Примѣчанія.*—1) Всякіе иные способы отмѣтки доведи могутъ быть сдѣланы не иначе, какъ съ предварительнаго каждый разъ согласія на то противника [452]).—

---

[452]) Нѣкоторые предлагали замѣнить дамки особыми фигурками или, по примѣру иностранцевъ и въ соотвѣтствіе съ нѣкоторыми печатными діаграммами, отмѣчать ихъ накрытіемъ сверху другою шашкою, изъ числа ранѣе взятыхъ. Нельзя согласиться на такія нововведенія и трудно осуществимыя и могущія повести къ раздорамъ. Обратная сторона шашки, обыкновенно совершенно плоская, рѣзко отличаетъ (см. §§ 6 и 7) доведь отъ простой, и самая эта отмѣтка легка и принята, какъ твердо установившійся народный обычай. Доиграть безъ привычки, напримѣръ, окончаніе съ тремя дамками противъ одной, при отмѣткѣ ихъ накрытіемъ лишней шашки, крайне не удобно, не говоря уже о томъ, что не рѣдко шашки вытачиваются плохо и не держатся другъ на другѣ. При низкихъ же и плоскихъ шашкахъ накрытіе одною шашкою почти не отличаетъ доведи отъ простой.

Многіе любители вовсе не отмѣчаютъ доведей и не рѣдко доигрываютъ такимъ образомъ партіи. Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести это, прекрасно поясняетъ слѣдующій случай, происшедшій на шахматномъ турнирѣ.— Дѣло было въ Москвѣ. Игра шла не быстро, ибо каждый изъ противниковъ записывалъ партію. Наконецъ, она пришла приблизительно въ такое положеніе: *Бѣлые*: Цg1, Лa8 и h4, Пa7, g2 и h3;—*Черные*: Цc4, Лb2 и e2, Пc5, d4 и g7. Ходъ былъ за бѣлыми, и игра пошла такъ: 1. Лh4 : d4+, c5 : d4; 2. Лa8—c8+, Цc4—b3 (а можетъ быть d3); 3. a7—a8. Теперь Бѣлому слѣдовало замѣнить свою пѣшку фигурой, но онъ этого не сдѣлалъ и оставилъ стоять на a8 *пѣшку*. Черный ничего на это не сказалъ, но, какъ потомъ выяснилось, оба игрока записали у себя „a7—a8Ф", т. е. что пѣшка *превратилась въ ферзя*. Записавъ это, Черный идетъ Лe2 : g2+; Бѣлый, все не замѣняя ничѣмъ пѣшки на a8, беретъ ею, какъ ферземъ, 4. a8 : g2. Черный и на это ничего не говоритъ и беретъ Лb2 : g2, но когда Бѣлый сталъ брать его послѣднюю ладью, то въ этотъ моментъ Черный заявилъ, что противникъ поступилъ неправильно; что онъ обязанъ былъ замѣнить пѣшку ферземъ; что, не сдѣлавъ этого, онъ сбилъ его, Чернаго, въ разсчетахъ; что будь на a8 ферзь, игра пошла бы иначе.... Словомъ, *произошелъ инцидентъ*! Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, и каждый началъ высказывать свое мнѣніе. Я былъ увѣренъ, что не правъ Черный, которымъ былъ М. И. Чигоринъ. Э. С. Шифферсъ шумно присоединился къ моему мнѣнію, и для меня стало очевидно его настроеніе: вѣрное рѣшеніе ему было безразлично, но его радовала возможность такъ или иначе оконфузить Чигорина. Тотъ, однако, видимо, зналъ, что́ дѣлалъ, и потребовалъ обсужденія черезъ турнирный комитетъ. Послѣдній въ числѣ, помнится, четырехъ членовъ Кружка, отобравъ листки съ записью партій, торжественно удалился въ отдѣльную комнату въ сопровожденіи секретаря, которымъ былъ въ то время П. П. Бобровъ. Совѣщались не долго, и постановленіе требовало: переиграть партію съ хода a7—a8, вмѣнивъ Бѣлому въ обязанность замѣнить пѣшку немедленно ферземъ. Результатомъ этого переигрыванія было то, что партія, первоначально выигранная Бѣлымъ,—оказалась выигранною Чернымъ. Мало этого: Бѣлаго, которымъ былъ г. Френкель, ославили въ уличной прессѣ, а въ газетѣ „Новости Дня" (изд. Липскерова) воспѣли даже въ стихахъ, представивъ дѣло такъ, что виноватъ былъ именно онъ.—Вотъ какія любопытныя послѣдствія бываютъ отъ неполноты уставовъ! Конечно, для тѣхъ, кто въ приведенномъ примѣрѣ сталъ за неправую сторону, это весьма выгодно, но быть на мѣстѣ г. Френкеля я никому бы не пожелалъ. Инцидентъ любопытенъ въ особенности тѣмъ, что самый исходъ партіи для М. Чигорина былъ совершенно безразличенъ, такъ какъ первый призъ у него былъ уже вполнѣ обезпеченъ. Возбудилъ

2) Оставленіе шашки, прошедшей въ доведи, безъ отмѣтки относится къ незаконнымъ дѣйствіямъ.

О недѣйствительныхъ партіяхъ.—§ 60. Всякій незаконный ходъ, хотя бы и незамѣченный своевременно ни однимъ изъ играющихъ, долженъ быть по обнаруженіи его отставленъ со всѣми послѣдовавшими за нимъ [453]) ходами, и партія переигрывается (см. примѣч. 448) съ хода, замѣняющаго незаконное движеніе.— § 61. Если играющіе не будутъ въ состояніи припомнить всѣхъ ходовъ, послѣдовавшихъ послѣ незаконнаго хода, то партія признается **недѣйствительною** (§ 51), какъ бы вовсе не игранною [454]).— § 62. Двѣ предыдущія статьи примѣняются и къ случаямъ неправильной постановки шашечницы (§ 5), разстановки шашекъ (§ 9), неснятія съ доски убитыхъ и т. п., если всѣ такія отступленія будутъ замѣчены спустя одинъ или нѣсколько ходовъ (§ 51).

О проигрышѣ партіи.—§ 63. Партія признается также проигранною тѣмъ изъ противниковъ, который 1) откажется подчиниться внутреннимъ и внѣшнимъ правиламъ игры и 2) явно покажетъ (см. примѣч. 448-е) свое нежеланіе продолжать игру, какъ то: смѣшаетъ на доскѣ шашки или начнетъ ставить на доску шашки изъ числа убитыхъ и т. п.—*Примѣчаніе.*—Изъ этого правила само

онъ его, очевидно, лишь потому, что позднѣе увидалъ возможность играть иначе, а главное, въ прямомъ разсчетѣ, что капризы „великаго" игрока будутъ уважены. Я не знаю, чѣмъ именно руководился въ данномъ случаѣ турнирный комитетъ, но для меня несомнѣнно, что уставъ долженъ лишать возможности выносить такія постановленія. Другой игрокъ могъ и не подчиниться подобному постановленію, и тогда ему осталось бы только выйти изъ турнира, потерять свой взносъ и нарушить хорошія отношенія съ старшинами кружка. А это уже вовсе не пустяки! По моей редакціи пришлось бы примѣнить примѣчаніе къ статьѣ 65-й, и несправедливости не было бы.—П. П. Бобровъ въ своей полемикѣ въ „Ш. О." 1903 г. совершенно не заботился объ интересахъ играющихъ, когда старался представить дѣло объ отмѣткѣ доведей совершенно неважною подробностью игры. Я потому распространяюсь въ этомъ случаѣ, что полемика помѣщена не въ газетѣ, а въ спеціальномъ журналѣ, и можетъ дѣйствовать продолжительно.—Тамъ же приведенъ другой любопытный случай съ окончаніемъ игры, гдѣ Г. Н. Пилльсбёри не могъ выиграть со слономъ и конемъ противъ одинокаго царя. Окружающая публика, по словамъ П. П. Боброва, стала требовать, чтобы игрокъ съ одинокимъ царемъ сдался, что въ такомъ положеніи играть стыдно и т. п.—П. Бобровъ совершенно одобряетъ это нелѣпое требованіе, не замѣчая, что такое одобреніе противорѣчитъ его собственному походу противъ 15 ходовъ для ловли одинокой дамки... Въ заключеніе обращу вниманіе любителей, что хотя отмѣтка доведей опредѣлена въ уставѣ весьма точно, все же она признана не существенно важной, ибо противнику предоставлено право соглашаться и на другія формы отличія дамокъ. Такимъ образомъ, привыкшіе слѣдовать иностраннымъ обычаямъ могутъ накрывать дамки другими шашками или даже отмѣчать ихъ иначе, и распорядители турнировъ не могутъ препятствовать въ этомъ играющимъ, при ихъ добромъ согласіи.—Что касается до главнаго положенія П. Боброва, будто уставъ долженъ заключать въ себѣ только тѣ статьи, которыхъ нельзя не выполнить, то, конечно, это идетъ въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ (ср. прим. 403), ибо такого устава, съ которымъ бы соглашались всѣ, создать нельзя, а если бы было можно, то незачѣмъ было бы его и писать.

[453]) К. А. Яничъ: „игроки обязаны.... доискаться.... начала отмѣною послѣдне-сыгранныхъ ходовъ въ восходящемъ порядкѣ (giuoco a monte)."

[454]) Этотъ и предыдущій §§ составлены по шахматному уставу К. А. Яниша изданія 1858 г.

собою вытекаетъ **право** каждаго изъ играющихъ признать себя побѣжденнымъ послѣ любого хода въ партіи [455]).

Отдѣлъ III. Незаконныя дѣйствія.

§ 64. Тотъ изъ играющихъ, кто не можетъ (см. примѣч. 448-е) выполнить требованій §§ 52, 53, 54, 57, 58 и 59, совершаетъ **незаконное дѣйствіе** [456]).—§ 65. О всякомъ незаконномъ дѣйствіи своего противника необходимо заявить ему до совершенія своего отвѣтнаго хода, и только такое **указанное** дѣйствіе признается незаконнымъ.—*Примѣчанія.*—1) Не указанное противникомъ незаконное дѣйствіе не ставится ни во что, если не влечетъ примѣненія другихъ статей устава (см. примѣч. 438-е).—2) Простое указаніе противнику о снятіи, напр., забываемой на доскѣ убитой шашки, безъ упоминанія о нарушеніи устава, не считается указаніемъ на незаконное дѣйствіе.—§ 66. Тотъ изъ играющихъ, кто совершитъ незаконное дѣйствіе три раза въ одной партіи (см. примѣч. 438-е),—послѣ третьяго раза признается проигравшимъ ее.

Старинное начало.

Анализъ Д. И. Саргина.

Начальный варіантъ настоящаго анализа (помѣщаемаго здѣсь вмѣсто примѣрной партіи къ уставу) представляетъ изъ себя партію между Я. А. Лебедевымъ и Д. О. Фишбиномъ, игранную на второмъ московскомъ шашечномъ турнирѣ, въ іюлѣ 1895 г. Дебютъ этой партіи дошелъ по памяти отъ временъ Яковлева и Хромого, почему онъ и названъ **стариннымъ началомъ.** Партія была напечатана мною въ № 17 „Конской охоты" 1897 г., гдѣ я между прочимъ писалъ:

Турниръ этотъ, организованный благодаря энергіи кіевскаго любителя П. Н. Бодянскаго и по его инниціативѣ, при содѣйствіи Д. И. Саргина (бывшаго хранителемъ денежныхъ взносовъ и вмѣстѣ съ П. П. Бобровымъ записывавшаго партіи), П. П. Боброва (бывшаго распорядителемъ турнира), Ф. А. Каулена, А. А. Оводова и другихъ любителей, далъ много интересныхъ партій, показавшихъ, до какого совершенства разработаны многія начала партій среди любителей Москвы. Между участниками турнира обращалъ на себя вни-

---

[455]) Въ народныхъ обычаяхъ доигрывать игру до конца, ибо побѣда съ заключеніемъ чужой шашки считается наиболѣе славною. Любителямъ, играющимъ на деньги съ особою платою за запертыя шашки (А. Д. Петровъ, стр. 5), необходимо оговаривать этотъ §.—Кромѣ того играютъ, производя расплату по числу оставшихся на доскѣ шашекъ у побѣдившаго („сколько осталось сухарей"). Въ этомъ случаѣ также необходимо доигрывать партію до конца.—Въ партіяхъ по перепискѣ при опубликованіи ихъ необходимо указывать, гдѣ именно партія оставлена и сдана.

[456]) Къ такимъ же незаконнымъ дѣйствіямъ должны быть отнесены и непредусмотрѣнныя подробно нарушенія, какъ то: дотронуться сразу до двухъ или болѣе шашекъ, отмѣтить доведью простую, которая въ дамки еще не прошла, взять свою шашку своею или чужою шашкою и т. п., если въ этихъ случаяхъ не будутъ примѣнимы §§ 52, 54 и др.—Конечно, въ игрѣ по перепискѣ правильное взятіе своей шашки чужою въ счетъ хода противника не составляетъ никакого нарушенія.

маніе Я. А. Лебедевъ, 75-лѣтній старецъ, игравшій въ прежнее время съ Хромымъ и Яковлевымъ и твердо помнившій многія разработанныя ими игры Настоящая партія (въ связи, конечно, съ даннымъ нами разборомъ) служитъ. однимъ изъ примѣровъ, какъ интересны были подобные дебюты. Можетъ показаться удивительнымъ, что, безъ всякихъ записей, игры эти не забыты, но дѣйствительность подтверждаетъ это.—Ходъ 7. ... h8—g7 обоюдо-острый; онъ даетъ атаку бѣлымъ, если черные дальше сдѣлаютъ не надлежащіе ходы, и атака переходитъ къ чернымъ, если бѣлые отвѣтятъ 8. b2—c3; считается даже, что 8. b2—c3 проигрываетъ игру, но какъ мы показали, это не вѣрно: у бѣлыхъ есть вѣрная ничья.

Старинное начало составляетъ, разумѣется, варіантъ **игры Хромого**, **игры на косяка**, **игры на обратнаго косяка** и т. д.: оно интересно особенно въ томъ отношеніи, что опровергаетъ ходячее въ Москвѣ мнѣніе, будто 4 .... c5—b4 проигрываетъ партію черныхъ.

1. c3—b4, b6—c5; 2. b2—c3, f6—g5; 3. g3—f4, g7—f6; 4. b4—a5, c5—b4; 5. a3:c5, d6:b4; 6. c3—d4!, b4—a3.

7. a1—b2 h8—g7!
U 8. f2—g3 g5—h4 S
9. b2—c3!! h4 : f2
10. e1 : g3 e7—d6? J. P
11. g3—h4! d6—e5 I
12. f4 : d6 c7 : e5
13. h4—g5! h6 : f4
14. e3 : e7 d8 : f6
15. a5—b6 a7 : c3
16. d2 : d6 g7—h6
17. c3—d4 h6—g5
D 18. h2—g3? f8—g7 c)
B 19. g3—h4 g5—f4
e) 20. d4—e5(!) f6 : d4
21. d6—e7 d4—c3
22. e7—f8 g7—f6
A 23. f8—h6 f4—g3
24. h4 : f2 c3—b2
25. h6—f4 b2—a1
26. f2—e3 a1—c3
27. f4—g3 c3—a5
28. g3—e1 f6—g5
29. e3—d4 a5—c7
30. e1—d2 g5—h4
31. d2—e1 b8—a7
32. d4—c5 c7—h2
33. e1—c3 h2—b8
34. c3—e1 b8—h2
35. e1—f2 h2—g3!
36. f2—e1 g3—c7
37. g1—h2 c7—b6
38. c5—d6 b6—f2
39. e1 : g3 h4 : f2
40. d6—e7 f2—g1
41. e7—d8 g1—d4
42. h2—g3 d4—h8
43. g3—h4 h8—a1
Ничья.

A

23. f8—c5 c3—b2
24. c5—d4 b2—a1!
25. d4 : h8 b8—c7
26. c1—d2 a3—d2
27. h8—b4 f4—g3
28. h4 : f2 b2—c1 f)
29. d2—c3?? c7—b6
30. d4 : b6 a1 : c3
31. a7 : e3 c1 : h6
Черн. выигр.

B

d) 19. g1—f2(!) g7—h6 C
20. f2—e3 g5—h4
21. g3—f4 h6—g5
22. f4 : h6 h4—g3
23. d6—e7 f6 : d8
24. h6—g7 g3—h2
25. g7—h8 d8—e7
Бѣл. в. не могутъ.

C

19. . . . g5—h4
20. d4—c5 g7—h6;
21. c5—b6 h6—g5
22. b6—c7 и т. д.

D

18. g1—f2!! f8—g7 H
19. d4—c5 g7—h6 F
20. f2—e3! g5—h4
21. e3—d4!! h6—g5
22. c5—b6 g5—f4
23. b6—c7 h4—g3 E
24. c7—d8 f6—e5
25. d4 : f6 g3—f2
26. f6—g7 f2—e1, g1
27. g7—h8 и выигр.

E

23. . . . f6—e5
24. d4 : f6 f4—e3
25. c7—d8 e3—f2
26. d8—b6 f2—e1
27. d6—c7 b8 : d6
28. b6—f2 e1 : g3
29. h2 : f4 и выиг.

F

19. . . . g5—f4 G
20. c5—b6 f6—e5
21. d6—e7 e5—d4
22. e7—f8 g7—h6
23. c1—d2! f4—e3
24. d2 : f4 d4—c3
25. b6—c7 b8 : d6
26. f8 : e1 a3—b2
27. f4—g5 h6 : f4
28. f2—e3 f4 : d2
29. e1 : a1 и выиг.

G

19. . . . g5—h4
20. c5—b6 g7—h6
21. h2—g3 h6—g5
22. b6—a7 и выиг.

H

18. . . . g5—h4
19. h2—g3 и какъ въ вар. G

I

11. . . . d6—c5
12. d4 : b6 a7 : c5
13. c3—d4 c7—b6
14. a5 : c7 d8 : b6
15. h2—g3! b8—a7
16. g1—h2 b6—a5
17. d4 : b6 a7 : c5
18. d2—c3 f8—e7
19. c3—d4 e7—d6
20. d4 : b6 a5 : c7
21. e3—d4 и выиг.

J

10. . . . . a7—b6
11. g3—h4 b8—a7 L
K 12. h2—g3 e7—d6
13. g1—h2 d8—e7
14. f4—e5? d6 : f4
15. g3 : e5 e7—d6
16. e3—f4 h6—g5!
черные выигр.
14. f4—g5 h6 : f4
15. e3 : g5 g7—h6
16. g3—f4 d6—c5
17. d2—e3 e7—d6!
18. g5 : e7 c5—b4
19. e7 : c5 b4 : d2
20. c5—d6

K

12. g1—f2 b6—c5
13. d4 : b6 a7 : c5
N 14. c3—b4 c7—d6!
M 15. d2—c3 f6—e5
16. f2—g3 g7—f6
17. c3—d4 e5 : c3
18. b4 : d2 a3—b2
19. c1 : a3 c5—d4
20. e3 : c5 d6 : b4
21. a3 : c5 f6—g5
22. h4 : f6 e7 : c1
23. c5—d6 h6—g5
24. d6—c7 d8 : b6
25. a5 : c7 g5—h4
26. c7—b8 h4 : f2
27. h2—g3 ничья.

L

11. . . . . b6—c5?
12. d4 : b6 f6—e5
13. f4 : d6 e7 : a7
14. c1—b2 a3 : c1
15. e3—f4 бѣл. в.

M

15. f4—g5 h6 : f4
16. e3 : g5 c5—d4!
g)17. d2—c3! d4 : b2
18. b4—c5 d6 : b4
19. a5 : a1 ничья.

N

O 14. f4—g5 h6 : f4
15. e3 : g5 e7—d6
16. g5 : e7 d8 : f6
17. h4—g5! f6 : h4
18. f2—e3 g7—f6
19. c3—d4 c5—b4!
20. a5 : c3 c7—b6
21. e3—f4 или
21. h2—g3 ничья.

O

14. c3—d4 c7—d6
15. d4 : b6 d6—e5
16. f4 : d6 e7 : a7
или
14. . . . . c7—b6
15. a5 : c7 d8 : b6
16. f2—g3 b6—a5??
17. d4 : b6 a5 : c7
18. e3—d4
или
16. . . . . c5—d4
17. c1—b2 a3 : c1
18. d4—e5 f6 : f2
19. g3 : e1 c1 : g5
20. h4 : d8 : a5 : c3 : h8
и бѣл. выигрыв.

P

10. . . . . f6—g5!
11. g3—h4 g7—f6
Q 12. f4—e5 e7—d6
13. e5 : g7 f8—e7
14. h4 : f6 h6 : f8
15. h2—g3 e7 : g5
16. c3—b4 a3 : c5
17. d4 : b6 a7 : c5
18. e3—d4 c5 : e3
19. d2 : h6 d6—e5
или
16. g3—h4 d6—e5
17. d4 : f6 g5 : e7
и т. д.
или
15. f6—g7 f8 : h6
16. h2—g3 e7—f6
17. g1—h2 f6—g5
18. g3—h4 d6—e5
19. d4 : f6 g5 : e7
20. h2—g3 и т. д.

Q

12. g1—f2 e7—d6
13. f2—g3 f8—e7 R
14. d4—c5 d6 : b4
15. c3—d4 c7—d6
16. a5 : c3 d6—c5
17. d4 : b6 a7 : c5
18. c3—b4! c5—d4!
19. e3 : c5 g5 : e3
20. d2 : f4 f6—g5
21. h4 : f6 e7 : e3
22. b4—a5 d8—e7
23. a5—b6 e7—f6
24. c5—d6 f6—g5
25. d6—e7 g5—h4
26. e7—f8 h4 : f2
27. h2—g3 f2 : h4
28. b6—c7 b8 : d6
29. f8 :f2 ничья.

R

13. . . . . d6—e5?
14. f4 : d6 c7 : e5
15. d4—c5 g5—f4
16. e3 : e7 f8 : b4
17. g3—f4 e5 : g3
18. h2 : f4 d8—e7
19. c3—d4 бѣл. в.

S

8. . . . . e7—d6??
9. b2—c3 d6—e5
10. f4 : d6 c7 : e5
a) 11. g3—h4 a7—b6!!
12. a5 : c7 d8 : b6
13. h2—g3 b6—a5
14. d4—c5 g5—f4
15. e3 : e7 f8 : b4
16. g3—f4 e5 : g3
17. h4 : f2 h6—g5
18. f2—g3 b8—c7
19. g1—h2 c7—b6
20. e1—f2 g5—h4
21. g3—f4 b6—c5
22. f2—e3 g7—f6 T
23. f4—g5 f6—e5
24. g5—h6 e5—f4
25. e3 : g5 h4 : f6
26. h2—g3 f6—e5
27. h6—g7 e5—f4
28. g3 : e5 c5—d4
29. e5—f6!! d4 : b2
30. d2—e3 b4—c3
31. e3—d4 c3 : e5
32. f6 : d4 a5—b4
33. g7—h8 бѣл. в.
если
29. g7—h8?, то
игра ничья.

T

22. . . . . g7—h6
23. c3—d4 h4—g3
24. d4 : b6 g3 : e5
25. b6—a7 e5—f4
26. e3 : g5 h6 : f4
27. a7—b8 бѣл. в.

U

8. b2—c3 a7—b6!! Z
9. f2—g3 g5—h4!
10. e1—f2!! b6—c5 V
11. d4 : b6 f6—e5
12. f4 : d6 e7 : a7
игра равна.

V

10. . . . . f6—g5
11. d4—e5 e7—f6? W
12. c3—d4? b8—a7

13. d2—c3 b6—c5
14. d4 : b6 f6 : b2
надо играть:
12. e5—d6! c7 : e5
13. f4 : d6 d8—c7?
14. e3—f4? g5 : e3!
15. d2 : f4 c7 : e5
16. f4 : d6 h6—g5
17. a5 : c7 g5—f4
18. g3 : e5 f6 : d2
надо играть:
14. e3—d4! c7 : e5
15. a5 : c7 b8 : d6
16. d4—c5 d6 : b4
17. c3 : e5 бѣл. в.

W

11. . . . e7—d6!
12. e3—d4 g5 : c5
13. c3—b4 d6 : f4
14. b4 : d6 c7 : e5
15. a5 : c7 d8 : b6!
16. c1—b2 a3 : e3
17. f2 : h8 h4 : f2
18. g1 : g5 h6 : f4
19. h8—d4 b6—a5! Y
20. d4—f2!! b8—a7 X
21. f2—c5 f8—g7
22. c5—d4 g7—h6
23. d4—c5 h6—g5
24. c5—f2 ничья.

X

20. . . . a5—b4
21. f2—e1 b4—a3
22. e1—d2 a3—b2
23. d2 : g5 b2—a1
24. g5—d8 a1—h8
25. h2—g3 f8—g7
26. g3—f4 g7—h6
27. d8—a5
28. a5—d8
29. d8—a5 ничья.

Y

19. . . . b8—a7
20. d4—c3 f4—e3
21. c3—a5 b6—c5
22. h2—g3 c5—d4
23. a5—b4 f8—g7
24. b4—f8 g7—h6
25. f8—b4 a7—b6
26. g3—f4 e3 : g5
27. b4—c5 d4—c3
28. c5 : a7 g5—f4
29. a7—b8 ничья,
или
27. . . . c3—b2
28. a7—b8
29. b8—h2
30. h2—b8 ничья.

Z

8. . . . e7—d6
9. f2—g3 g5—h4
10. e1—f2 f6—g5
11. d4—c5? d6 : b4
12. c3—d4 a7—b6!
13. a5 : c3 g7—f6
14. f4—e5 f8—g7
черн. выигр.
Надо играть:
11. f4—e5 d6 : f4
12. g3 : e5 c7—b6
13. a5 : c7 b8 : f4
14. h2—g3 f4 : h2
15. c3—b4 a3 : c5
16. d4 : b6 a7 : c5
17. e3—f4 g5 : e3
18. f2 : b6 h4—g3
19. b6—a7 g3—f2
20. g1 : e3 h2—g1
21. e3—f4 g1—e3
22. f4—e5 e3—c5
23. a7—b8
бѣлые вынуждаютъ ничью.

a) **Вар. S.** Если 11. ... f8—e7; то 12. c3—b4!, a3 : c5; 13. d4 : b6, a7 : c5; 14. e3—d4 и бѣл. выигр.—Если 11. ... d8—e7; то 12. h2—g3, a7—b6 (e7—d6; 13. d4—c5, d6 : b4; 14. e3—f4); 13. a5 : c7, b8 : d6; 14. e1—f2, и черн. не имѣютъ сноснаго хода.— Если 11.... d8—c7, то 12. h2—g3, a7—b6; 13. g1—h2, b8—a7; 14. e3—f4, g5 : c5; 15. c3—d4 и бѣлые выигрываютъ; или 12. ... c7—b6; 13. a5 : c7, b8 : d6; 14. g1—h2, f8—e7; 15. g3—f4, e5 : g3; 16. h2 : f4, a7—b6; 17. e1—f2 и выигр.

b) **10. ... e7—d6?** ведетъ, въ главной игрѣ, къ проигрышу. Необходимо ходить какъ въ варіантахъ J и P, т. е. f6—g5!!, или по крайней мѣрѣ a7—b6.

c) **18. h2—g3.** Этотъ въ главной игрѣ, на видъ очень хорошій, ходъ даетъ только ничью. Необходимо играть, какъ въ D., 18. g1—f2!, и черные не могутъ спасти партіи. Выигрышъ, однако, весьма не легокъ, такъ какъ расположеніе черныхъ шашекъ даетъ имъ возможность еще серьезно сопротивляться, и 18. g1—f2 лишь съ послѣдующими трудными ходами даетъ бѣлымъ побѣду. Дебютъ съ его развѣтвленіями сохранился въ памяти, наиболѣе же трудная часть—конецъ игры, видимо, уже забытъ, благодаря отсутствію записей, и его приходится отыскивать вновь. Любители, занимающіеся разборомъ партій, откроютъ, вѣроятно, еще много такихъ интересныхъ окончаній, если серьезно обратятъ вниманіе на остатки дошедшихъ до насъ анализовъ Хромого и Яковлева.

d) **Вар. B.** Здѣсь 19. g1—f2 уже не выигрываетъ партіи, ибо черные легко избѣгаютъ варіантовъ G и H.

e) **20. d4—e5.** И другіе ходы здѣсь не лучше.

f) **Вар. A.** Послѣ 28. ... b2—c1 бѣлымъ необходимо отдавать шашку d2, и тогда ничья.

g) **Вар. M.** 17. b4—c5, d4 : b6; 18. a5 : e5, f6 : d4; 19. d2—e3, d8—c7! 20. e3 : c5, e7—f6 и f8 : b4, и черные выиграютъ.

ПРОБЛЕМЫ.

Искусство составленія задачъ и этюдовъ, равно какъ и изслѣдованія концовъ игръ *), достигло въ русскихъ шашкахъ такого высокаго совершен-

*) Подъ *задачами* собственно въ шашкахъ понимаютъ такія проблемы, гдѣ бѣлые запираютъ черныхъ, или если просто выигрываютъ, то при крайне искусственномъ и неестественномъ расположеніи шашекъ. Подъ *концами* или *окончаніями игръ* понимаютъ не только вышедшіе изъ партіи, но и такія положенія, которыя болѣе или менѣе часто могутъ получаться изъ дѣйствительно игранныхъ партій и имѣютъ по нѣскольку разныхъ рѣшеній. Къ *этюднымъ окончаніямъ* относятъ такіе концы игръ, которые хотя и могутъ рѣшаться разными ходами, скорѣе или короче, но въ которыхъ опредѣленный результатъ достигается примѣненіемъ только *одной* какой либо *комбинаціи* или системы ходовъ, такъ что безъ открытія этой комбинаціи они рѣшены быть не могутъ; наконецъ, *этюдами* называютъ такія положенія, которыя, будучи съ виду похожи на окончанія игръ, имѣютъ, какъ и задачи, только *единственное* рѣшеніе. Къ *этюдамъ* же относятъ такія *этюдныя окончанія*, которыя начинаются рядомъ единственныхъ ходовъ. П. Н. Бодянскій отвергалъ задачи, будто бы вредныя для игры, но это заблужденіе. Не только задачи, но и очень многіе этюды, при внимательномъ разборѣ, оказываются такими же искусственными позиціями, которыя *никакъ не могутъ получиться ни изъ какой партіи*, т. е. къ нимъ нельзя даже нарочно придумать какой либо плохой партіи. Поэтому всякаго рода проблемы допустимы въ печать. Вредить игрѣ онѣ не могутъ, и разъ доставляютъ рѣшающимъ удовольствіе имѣютъ право на существованіе.— Эти мысли мои положены были въ основаніе статьи, написанной мною, главнымъ образомъ по настоянію Н. Н. Панкратова, для журнала „Шашки", но П. Н. Бодянскій не только не напечаталъ статьи моей, которая шла въ разрѣзъ съ его тенденціей (и на что онъ, конечно, имѣлъ право), но имѣлъ смѣлость заявить („Шашки", стр. 1068—1069), будто статья моя была имъ отвергнута „*единственно* въ виду ея крупныхъ недостатковъ". На самомъ дѣлѣ въ письмахъ ко мнѣ, критикуя различныя мелкія подробности, П. Н. Бодянскій требовалъ, чтобы я измѣнилъ самый взглядъ свой на задачи, на что я, разумѣется, согласиться не могъ.—По поводу конкурса этюдовъ въ журналѣ „Шашки", гдѣ судьею былъ Н. Н. Панкратовъ, П. П. Бобровъ въ газетѣ „Новости Дня" (изд. Липскерова) въ № 6249 отъ 13 октября 1900 г. помѣстилъ замѣтку и письмо Н. Н. Панкратова. Такъ какъ газета, конечно, недоступна для большинства любителей, а отвѣтъ П. Н. Бодянскаго въ „Шашкахъ" (стр. 1068—1069) постоянно будетъ ими читаться, то я считаю не лишнимъ даже теперь перепечатать это также въ *книгѣ:*

....„редакція „Шашекъ" не нашла возможнымъ опубликовать отчетъ о конкурсѣ г. Панкратова, оставивъ все таки распредѣленіе призовъ по его назначенію.—Въ объясненіе этого инцидента г. Панкратовъ проситъ насъ напечатать слѣдующее заявленіе: „М. Г.! въ августовскомъ нумерѣ „Шашекъ" въ выноскѣ „на стр. 996 имѣется такая редакторская замѣтка: „Панкратовъ присоединилъ „къ составленному имъ отчету о конкурсѣ нѣсколько строкъ, на напечатаніе „которыхъ мы, *охраняя достоинство журнала и свое,* согласиться не могли"...— „Вотъ мои строки, о которыхъ говоритъ Павелъ Бодянскій: „Въ заключеніе „обязанъ сказать, что еще въ первой половинѣ прошлаго года Д. И. Саргинъ „написалъ для журнала „Шашки" статью о шашечныхъ наименованіяхъ, къ „сожалѣнію, отвергнутую Вами. Съ разрѣшенія автора я широко воспользо- „вался данными въ ней указаніями и приношу ему за его любезность мою „почтительную признательность".—Какимъ образомъ эти строки нарушаютъ „достоинство журнала „Шашки" и его редактора, предоставляю судить читате- „лямъ.—Къ сказанному добавлю слѣдующій фактъ. Сначала редакторъ „Шашекъ" „прислалъ согласіе на опубликованіе этихъ строкъ и лишь потомъ потребовалъ „сокрытія источника, которымъ я пользовался при составленіи статьи объ „оцѣнкѣ конкурсныхъ задачъ.—Вопросъ о томъ, какимъ образомъ такое сокры- „тіе согласуется съ достоинствомъ журнала и редактора, тоже отдаю на судъ „читателей.—Примите и пр.—Н. Панкратовъ".—Въ сентябрьской книжкѣ „Шашекъ" отчетъ г. Панкратова о конкурсѣ опубликованъ, но безъ заключительной ссылки на работу Д. И. Саргина.

„Въ № 6179 „Нов. Дня" мы, сообщая о предстоящихъ конкурсахъ шашеч-

ства, какого у другихъ народовъ въ ихъ національныхъ играхъ вовсе нѣтъ. Представленныя здѣсь проблемы вовсе не имѣютъ цѣлью показать всѣ предѣлы этого достиженія, онѣ выбраны случайно, между ними есть легкія, и только двѣ, № 20 и 21, заслуживаютъ особаго вниманія любителей.

№ 1. **А. И. Шошина.**—Бѣл. д. а3, b6, c3, c5; пр. b4, c7, e1, h2;—черн. пр. а5, g5, h6. Запереть дамку и простую.—Задача эта получила 1-й призъ на второмъ конкурсѣ шашечныхъ задачъ журнала „Шахматное Обозрѣніе".

№ 2. **И. А. Карякина.**—Бѣл. д. а7, c3, f2, h8; пр. a1, c7, e1, d6, c1, e5, h2;—черн. пр. b8, g5, h6.—Запереть дамку и простую („Нива" 1914 г., № 9 Приложеній, стр. 156).

№ 3. **А. К. Мишина.**—Бѣл. д. а3, b4, c1, g3; пр. b2, c3, c7, d6, e1, f2, h2;—черн. д. b8; пр. а5, f8, h4.—Запереть дамку и простую. Эта задача получила 1-й призъ на 3-мъ конкурсѣ „Шахматнаго Обозрѣнія".

№ 4. **В. И. Сычугова.**—Бѣл. д. c1, e1, g1, h4;—черн. д. а1, пр. а3, h2. Выигрышъ.

№ 5.— **Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. b4, g1, f8;—черн. д. e5, пр. d8 и h8. Выигрышъ.

№ 6.—**М. К. Гоняева.**—Бѣл. д. f2, g3; пр. а7, h6;—черн. д. c3, пр. b8. Выигрышъ.

№ 7.—**Д. И. Саргина.** — Бѣл. д. h2; пр. c3 и b4;—черн. д. g1.—Выигрышъ при ходѣ бѣлыхъ и ничья при ходѣ черныхъ.

№ 8.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. b4, b8 h6; пр. c5;—черн. д. d8, h2, пр. h4. Выигрышъ.

№ 9.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. c1, а5, g1;—черн. д. а3, пр. f6, h4. Выигрышъ.

№ 10.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. c5, e7, h4;—черн. д. c7, d2; пр. b8, h8. Выигрышъ.

№ 11.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. b8, c1, f4, h2;—черн. д. b6, g7; пр. h4.—Выигрышъ.

№ 12.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. а7, c5, f4, h2;—черн. д. b2, g7; пр. а5, g3. Выигрышъ.

№ 13.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. b8, f8, h2;—черн. д. а1, пр. h8, f6, h4. Выигрышъ.

№ 14.—**И. А. Карякина.**—Бѣл. д. b2, c3, c5, g1, g3; пр. b4, e1, e5, g7;—черн. пр. а5, f8, h6;—Запереть дамку и простую.—Задача посвящена авторомъ памяти А. И. Шошина.

№ 15.—**М. А. Аносова.** — Поддавки.—Бѣл. д. b2, b8, e5, h2; пр. c1, e7, f6, e3, g1;—черн. д. e1; пр. а3, а5, b4, c5, g5, h4.—Запереть свою простую.—Эта задача получила первый призъ на конкурсѣ задачъ „Шахм. Обозр." 1892 г.

ныхъ задачъ въ „Нивѣ" и у насъ, отмѣтили странное отношеніе издателя „Шашекъ", П. Н. Бодянскаго, къ шашечнымъ задачамъ.—Въ сентябрьской книжкѣ журнала (стр. 986) г. Бодянскій въ замѣткѣ объ этихъ конкурсахъ говоритъ: „Желательно было бы надѣяться, что на эти конкурсы не будутъ допущены невозможныя (!!) шашечныя позиціи, что подобныя, отжившія (?!!) свое время позиціи, представляющія изъ себя теперь въ нѣкоторомъ родѣ вымирающую гниль (!!!), не будутъ искусственными мѣрами вновь возвращаемы къ жизни".—Не зная ни исторіи ни настоящаго положенія русской шашечной *задачи*, не понимая ея сущности и значенія, г. Бодянскій ранѣе еще имѣлъ нѣкоторое оправданіе своимъ взглядамъ въ своемъ невѣжествѣ по данному вопросу (конечно, недопустимому для *редактора*). Теперь же достаточно появилось указаній въ русской шашечной прессѣ на заблужденія кіевскаго „редактора"; наконецъ, въ сентябрьской книжкѣ „Шашекъ" появилась горячая статья Н. Н. Панкратова въ защиту русской шашечной задачи... Въ такихъ условіяхъ тупое упорство г. Бодянскаго слишкомъ непонятно"...

№ 16.—**Д. И. Саргина.**—Бѣл. д. b6, f4; пр. a7;—черн. пр. c3, h2 и h8. Выигрышъ.

№ 17.—**А. И. Шошина.**—Бѣл. д. g1 и h6; пр. e1;—черн. д. b2, пр. c3. Выигрышъ.

№ 18.—**П. С. Флорова.**—Бѣл. пр. e7, g7, e1;—черн. д. b4, пр. e5. Выигрышъ.

№ 19.—**Народная задача.**—Бѣл. пр. a3, c5;—черн. пр. a5, a7, b8. Ничья. Черные выиграть не могутъ. Ходъ бѣлыхъ.

№ 20.—**Н. Н. Панкратова.**—Бѣл. д. g1, g3, f4; пр. a7; черн. д. f8; пр. b8 и h2. Выигрышъ.

№ 21.—**Н. Н. Панкратова.**—Бѣл. д. c1, c7 и d8; пр. g1;—черн. д. a1; пр. a3, h4 и h6. Выигрышъ.

№ 22.—**В. В. Иванова.**—*Двойная.*—Бѣл. д. b6, b8 и e3; пр. c7, f2, f4, g3;—черн. д. g1; пр. f6.—Бѣлые начинаютъ и, играя въ крѣпкія, запираютъ дамку и простую черныхъ, а играя въ поддавки, запираютъ свою довѣдь (см. пр. 438) и простую.

Рѣшенія. № 1.—1. c5—f2, g5—h4(*a*); 2. c7—b8; 3. b8 : g3, h6—g5; 4. c3—e5, g5—f4. 5. e5—d4, f4—e3; 6. b4—c5, e3 : g1; 7. d4—f2, g1 : a7; 8. e1—f2; 9. a3—b4; 10. b4—e1.—— *a*) 1. ... g5—f4; 2. h2—g3; 3. f2—g1, h6—g5; 4. b6—a7, g5—h4(*b*); 5. c7—b8, h4—g3; 6. c3—b2, a5 : a1; 7. b8—f4, g3 : e5; 8. a7—d4, e5 : c3; 9. a3—b2, c3—d2; 10. e1 : c3;—— *b*) 4. ... g5—f4; 5. a7—e3. f4 : d2; 6. c7—b8, d2—c1 Д; 7. b8—g3, h2 : f4; 8. g1—e3, f4 : d2; 9. c3—h8 и 10. h8 : b2.—Ср. „Нива“, 1909 г., зад. № 2.

№ 2.—1. e1—d2, g5—h4(*a*); 2. h2—g3; 3. a1—b2; 4. c3—b4; 5. f2—g1; 6. e5—f6; 7. g1 : b6; 8. d6—e7; 9. b6—d4; 10. f6—e7; 11. a7—c5 и 12. h8—c3;—(*a*) 1. ... g5—f4; 2. e5 ; g3; 3. g3—h4; 4. h4—g5; 5. c3—a5; 6. f2—h4; 7. h4—g5; 8. h2—g3; 9. h8—e5; g5—h4(*b*); 10. a7—f2; 11. d2—e3; 12. a5—c3; 13. d6—c7; 14. e5—f4; 15. c3—d4; 16. d4—c3; 17. a1—b2; 18. c1—d2; 19. f2—e1; 20. e1—c3 и 21. f4—c1;—*b*) 9. ... g5—f4; 10. a1—b2; 11. a7—g1; 12. d2—e3; 13. a5—b4; 14. d6—c7; 15. b4—a5; 16. a5—b4; 17. g1—f2; и 18. e5—h2.

№ 3.—1. d6—e7, b8 : d6(*a*); 2. g3 : c7; 3. h2—g3, b8—a7(*b*); 4. c1—f4; 5. f4—d6; 6. d6—f4; 7. c3 : e5; 8. e1—d2; 9. a3—b2; 10. f2—e3; 11. d2—c3 и 12. f4—c1;—*a*) 1. ... f8:d6; 2. b4:e7; 3. a3—b4; 4. c1—h6; 5. e1—d2; 6. h6—d2; 7. d2—e1;—*b*) 3. ... b8—c7; 4. b4—d6; 5. c3—d4; 6. a3—b4; 7. c1—b2 и 8. e1 : c3.

№ 4.—1. h4—f2, a1—h8 (если a1—f6, или g7, то 2. f2—g3 и 4. e1—c3); 2. f2—a7, h8—a1 (если h8—e5, то 3. e1—h4); 3. c1—e3, a1—h8 (a3—b2? 4. e3—c1); 4. e3—c5. a3—b2 (если иначе, то 5. c5—b4 или 5. e1—c3; 6. b8 : e5); 5. g1—d4! h8:c3; 6. e1:a5 и 7 (смотря по ходу черныхъ) a5—c3, или a5—d2, или a5—w—b4. Подробности см. „Шахм. Обозр.“ 1892 г., № 17, стр. 407.

№ 5.—1. g1—h2, e5—b2; 2. h2—e5! a1 : f6; 3. b4—e7. Этотъ этюдикъ, кажется, нигдѣ еще не былъ напечатанъ. Я посылалъ его П. П. Боброву и просилъ напечатать съ посвященіемъ Н. А. Кукуеву, такъ какъ мнѣ очень понравился его этюдъ, напечатанный въ „Живописномъ Обозрѣніи“: Бѣл. д. h6; пр. a7, g1, g7;—черн. д. c1, пр. c3, h2.—П. П. Бобровъ эти выраженія мои понялъ такъ, будто этотъ этюдъ посвященъ мнѣ, и въ такомъ видѣ, *съ посвященіемъ мнѣ*, напечаталъ его въ № 41 „Конской Охоты“ за 1896 годъ! Узнавъ это, я просилъ выяснить и ошибку и то, какъ она произошла, но П. Бобровъ ограничился только оговоркой въ рѣшеніи, а мой этюдикъ такъ и остался не напечатаннымъ.—Рѣшеніе этюда Н. А. Кукуева: 1. g7—h8, c3—d2 (c1—b2; 2. h6—g7); 2. h8—c3! d2 : b4; 3. a7—b8 (грозя b8—f4), c1—a3 (если c1—b2, то b8—g3); 4. b8—d6, b4—c3; 5. h6—f8.

№ 6.—Эта борьба двухъ дамокъ и двухъ простыхъ, не могущихъ пройти въ

дамки, противъ дамки и простой очень не рѣдко получается и изъ дѣйствительно игранныхъ партій, но многими считается за ничью.—М. К. Гоняевъ показалъ здѣсь выигрышъ. Если черная доведь сойдетъ съ большой дороги, то выигрышъ легокъ, ибо h6 проходитъ въ дамки, а тогда, поставивъ бѣлыя дамки на c5, d6 и d8, бѣлые лишаютъ черную доведь всякой защиты. Если же черные удерживаютъ большую дорогу, то необходимо поставить одну бѣлую дамку на c5, а другою маневрировать такъ, чтобы черная доведь вынуждена была стать на клѣтку f6; тотчасъ послѣ этого бѣлые другую дамку ставятъ на a5, и черная дамка либо ловится, либо вынуждается сойдти съ большой дороги. 1. f2—c5, c3—b2 или h8; 2. g3—e1, b2—e5! (если на h8, то h6—g7, а если на f6, то немедленно 3. e1—a5); e1—d2, e5—h8; 4. d2—b4, h8—e5; 5. b4—e1 (бѣлые выиграли темпъ), e5—f6 (ибо если на b2, то 6. e1—c3, а если на h8, то 6. h6—g7); 6. e1—a5!, и черная дамка въ слѣдующій же ходъ ловится, если останется на большой дорогѣ, если же сойдетъ, то 7. h6—g7.

№ 7.—*При ходѣ бѣлыхъ.* 1. b4—a5, g1—c5; 2. h2—g1, c5—e7; 3. g1—d4 (но не a5—b6, ибо тогда 3. ... e7—f6; 4. g1—d4, f6—d8; 5. b6—a7, d8—a5 и ничья), e7—d8; 4. d4—e5!, d8—e7; 5. a5—b6, e7—d8; 6. b6—a7, d8—a5; 7. c3—d4 и выигрываютъ.—Однако на практикѣ весьма рѣдко удается выиграть. Если подобное соотношеніе силъ получается изъ партіи (а это также часто происходитъ), то черные, обыкновенно, успѣваютъ достичь ничьей.

При ходѣ черныхъ. **1. ... g1—b6** (чтобы занять косякъ a5—d8); **2. h2—g1** (если 2. b4—a5, то b6—g1; 3. h2—b8, g1—a7; 4. b8—d6, a7—f2 и черная не можетъ быть сбита съ двойника g1—a7). **b6—a5; 3. g1—f2** (чтобы не допустить хода d8—e7 послѣ b4—c5.—Если 3. g1—e3, то a5—d8; 4. b4—c5, d8—e7; 5. c5—b6, e7—f6; 6. e3—d4, f6—d8; 7. b6—a7, d8—a5 и ничья.—Если 3. g1—a7, a5—d8; 4. b4—a5, то d8—f6; 5. a7—d4, d8—e7 и ничья), **a5—d8; 4. f2—e3** (если 4. b4—a5, то d8—f6; 5. f2—d4, f6—e7 и если теперь 6. d4—e5, то e7—c5, а если 6. d4—e3, то опять e7—f6 и затѣмъ f6—e7; если 4. b4—c5, то d8—h4; 5. f2—e3 или f2—g1; — *5. f2—d4, h4—e1;—5. f2—e1, h4—f6;* —, h4—e7; 6. c5—b6, e7—f6; 7. e3—d4 или g1—d4, f6—d8; 8. b6—a7, d8—a5 и ничья), **d8—a5; 5. e3—d4, a5—d8; 6. d4—e5** (если 6. b4—a5, то d8—e7; 7. d4—e5, e7—c5), **d8—b6; 7. e5—h2, b6—a5** (но не b6—g1?, ибо тогда 8. b4—a5 и бѣлые выиграютъ); **8. h2—g1, a5—d8; 9. b4—c5, d8—e7; 10. c5—b6, e7—f6; 11. g1—d4, f6—d8; 12. b6—a7, d8—a5** и ничья. Словомъ, бѣлые никакъ выиграть не могутъ, такъ какъ черные или удерживаются на a5—d8, если бѣлые не сдвигаютъ простыхъ, или займутъ двойникъ g1—a7, если b4 ступитъ на a5, или, наконецъ, выигрываютъ шашку c3. Практическіе игроки изъ народа часто не знаютъ истиннаго исхода этой позиціи, полагая, что противъ плохого игрока здѣсь всегда можно выиграть, имѣя бѣлые, или всегда противъ него сдѣлать ничью, имѣя черные.—

№ 8.—1. c5—d6; 2. b8 : h2, d8—f6; 3. h6—g5, f6—d8; 4. b4—a5; 5. h2—c7;— 3. ... f6—d4; 4. h2—g1; 5. g1 : a7;—3. ... f6—b2; 4. b4—c5; 5. c5—d4; — 3. ... f6—h8; 4. b4—f8; 5. f8—g7, f6—g5; 6. g7—a1.—

№ 9.—1. a5—c3, h4—g3; 2. c3 : g7, a3—e7; 3. g1—h2, g3—f2: 4. h2—g3; 5. g7—f6;— 1. ... a3—d6; 2. c3 : h8, d6—b8; 3. c1—h6, b8—h2; 4. g1—a7, h2—b8, 5. h6—c1, b8—h2; 6. a7—b8, h2—g1; 7. c1—d2, g1—a7; 8. d2—f4, a7—g1; 9. b8—a7;—2. ... a3—b4; 3. c1—f4;—2. ... g3—h2; 3. g7—f8;—3. ... e7—f8; 4. h2 : f4.

№ 10.—1. e7—d8, d2—f4 (d2—a5; 2. d8 : b6, a5 : c7; 3. h4—d8; — 1. ... c7—e5; 2. c5—d6; 3. d8 : e1; — 1. ... c7—a5; 2. c5—b6; — 1. ... d2—h6; 2. d8 : a5, b8—c7! 3. a5 : d8, h6—g7; 4. c5—f8); 2. d8 : a5, b8—c7! (f4—e5; 3. c5—d6; 4. a5 : d8) 3. a5 : d8, f4—e5; 4. h4—g5, e5—a1; 5. d8—f6, a1 : g7; 6. c5—f8, g7—h6; 7. g5—c1,

h8—g7; 8. f8—e7.—Или 1. ... d2—c1; 2. d8 : a5, b8—c7! (c1—b2; 3. c5—a3, b2—a1; 4. h4—f6; 5. a5—c7); 3. a5 : d8, c1—b2; 4. h4—g5, b2—a3! 5. c5—d4, и, овладѣвъ большой дорогой, безъ труда выиграютъ. Это исключительное положеніе, гдѣ три дамки выигрываютъ не вполнѣ форсированно противъ двухъ дамокъ, можетъ имѣть еще видъ: Бѣл. д. b4, d6, e1;—черн. д. b6, g5; пр. a7, h8. Здѣсь бѣлые при своемъ ходѣ также выигрываютъ.—Ср. еще **Д. Саргинъ**: бѣл. д. c3, e7, h2; пр. e1,—черн. д. e3, b8, пр. a7, a5. Выигрышъ.—Или: бѣл. д. g7, h4; пр. c5, e7;—черн. д. d6; пр. d2. Выигрышъ.

№ 11.—1. b8—a7, b6—g1! (b6—d8; 2. f4—c7, d8 : a5; 3. c1—d2, a5 : e1; 4. a7—f2, e1 : g3; 5. h2 : h8) 2. f4—e3, g1 : d4; 3. a7 : g1, g7—h8 или f6 (если g7—f8; то 4. c1—b2) 4. c1—e3! f6—a1; 5. e3—g5; 6. g1—d4.

№ 12.—1. f4—c1, g3—f2; 2. c1 : a3, f2—e1; 3. c5—f2, e1 : h4; 4. a3—e7, h4 : d8; 5. h2—c7, 6. a7 : h8;—1. ... b2—f6; 2. h2 : e5;—1. ... g7—c3; 3. c1 : a3.

№ 13.—1. f8—g7, h4—g3; 2. h2 : d6, f6—e5; 3. g7 : c3;—1. ... f6—e5; 2. b8 : g3; 3. h2—g1; 4. g1 : h8;—1. ... f6—g5; 2. b8—a7; 3.a7—d4.

№ 14.—1. g1—h2, f8—e7(*a*); 2. c5 : f8; 3. e1—f2, g5—f4(*b*); 4. f8—e7; 5. f2—e3; 6. g3—f4; 7. c3—e1; 8. h2—g3; 9. e1—c3 и 10. f4—c1;—*b*) 3. ... g5—h4; 4. c3—e1; 5. f8—d6; 6. d6—e5; 7. e1—d2 и 8. d2—e1;—(*a*) 1. ... h6—g5; 2. b2—a3; 3. h2—g1, g5—h4(*c*); 4. e1—f2; 5. g1—h2; 6. c5—e7; 7. c3—a1; 8. a1 : g7; 9. a3—d6; 10. d6—e5; 11. e5—d4; 12. d4—c3; 13. c3—d2 и 14. d2—e1;—*c*) 3. ... g5—f4; 4. e5—d6; 5. d6—c7; 6. c5—a7, g5—f4(*d*); 7. a7—e3; 8. c7—b8; 9. b8—g3; 10. g1—e3; 11. c3—e5 и 12. e5 : b2;—*d*) 6. ... g5—h4; 7. c7—b8; 8. c3—b2; 9. b8—f4; 10. a7—d4; 11. a3—b2 и 12. e1 : c3.—Къ сожалѣнію въ этой превосходной задачѣ есть небольшой double coup. Послѣ 1. g1—h2, f8—e7; 2. c5 : f8, h6—g5 можно ходить не только 3. e1—f2, но и 3. e1—d2, тогда если 3. ... g5—f4; 4. f8—e7, f4 : h6; 5. d2—e3 и т. д., какъ у автора; если же 3. ... g5—h4, то 4. g3—f4, h4—g3; 5. f4—h6, g3—f2; 6. d2—e3, f2 : h8; 7. c3—e1; 8. f8—g7; 9. h2—e5; 10. e1—c3 и 11. h6—c1.

№ 15.—1. e3—d4; 2. e5—c3; 3. h2—g3; 4. f6 : h4; 5. b8—h2; 6. b2 : e5; 7. c1 : a3; 8. a3—b4; 9. e5—f4; 10. g1 : e3; 11. h2 : c7, a5 : f6.

№ 16.—Разстановка этого этюда представляетъ усложненіе моего этюдика, опубликованнаго первоначально въ видѣ („Шашки“ № 164): Бѣл. д. b4, b8 и g1;—черн. д. a1; пр. h2 и h8. Выигрышъ. 1. b4—d2, a1—b2 или h8—g7; 2. g1—d4, b2 : f6; 3. b8—g3; 4. d2 : d8.—Тема этой проблемы позднѣе была замаскирована М. В. Краснухинымъ: Бѣл. д. d2, e3, g1;—черн. пр. b2, h8, h2.—1. e3—f4, b2—a1 (если b2—c1, то 2. f4—h6;—если 1. ... h8—g7, то 2. d2—c3; 3. g1 : a7); 2. f4—b8, и получается положеніе моего этюда. См. „Шашки“ стр. 483, 905 и 995. Предлагаемое усложненіе имѣетъ кое-какіе ложные слѣды. Такъ, если вмѣсто 1. b6—g1, c3—b2 (h8—g7; 2. f4—c1, g7—f6; 3. a7—b8, f6—g5; 4. c1 : h6, c3—b2; 5. b4—e5! и 6. e5—h8 или e5—f4, запирая шашку h2); 2. f4—c1, бѣлые пойдутъ 2. f4—d2, то b2—c1! и черные, занимая тройникъ, дѣлаютъ ничью. Если 1. f4—c1, h2—g1; 2. b6—c5, то g1 : b6; 3. a7 : c5, h8—g7; 4. c5—d6, g7—f6; 5. d6—c7, f6—g5 и ничья. Или 2. b6—a5, g1—d4; 3. a5 : e1, h8—g7, и нельзя устранить поддачи черной простой.—Если бы положеніе было: Бѣл. д. f4, e3; пр. a7;—черн. пр. c3, h2 h8, то для выигрыша можно было бы играть: 1. e3—c1, h2—g1; 2. f4—g3!, g1—d4; 3. a7—b8, c3—b2; 4. c1 : a3, h8—g7 (если иначе то g3—h4); 5. a3—d6 и т. д., какъ въ этюдѣ Н. Н. Панкратова „Шашки“ № 214.

№ 17. 1. g1—h2, b2—a3 (b2—a1; 2. h6—f4, a1—b2; 3. f4—c1, b2—a3! 4. h2—e5); 2. h6—f8, a3—b2 (c3—b2; 3. h2—d6; 2. ... a3—c1; 3. h2—e5, c1—b2; 4. f8—b4); 3. f8—a3, b2—c1; 4. h2—e5 и выигрываютъ.

№ 18.—**1. e7—f8, b4—c3** (b4—a3; 2. g7—h8, e5—f4; 3. e1—f2, a3—c1; 4.

f8—h6, и выигр.;—если 1.... b4—a5, то 2. g7—h8, e5—f4; 3. h8—c3, a5 : d2; .4 e1 : c3 и выигр.); **2. f8—d6!, e5 : c7; 3. g7—h8, c3—b4** (c3—a1; 4. e1—d2); **4. h8—c3** 5. e1 : c3, c7—d6; 6. c3—d4.

№ 19.—c5—d6, a7—b6; 2. d6—e7, b6—c5; 3. a3—b4! (e7—d8?, c5—b4; 4. a3 : c5, b8—c7), a5 : c3! (если c5 : a3, то 4. e7—f8, a3—b2; 5. f8—a3 и отрѣзывая тройникъ дѣлаютъ ничью); 4. e7—f8! c5—d4; 5. f8—g7, b8—c7; 6. g7—f6!, c7—b6 (c7—d6; 7. f6—g5, c3—b2; 8. g5—f4, d6—c5; 9. f4—c1, b2—a1; 10. c1—a3 ничья); 7. f6—d8! b6—a5 (или c5); 8. d8—f6, a5—b4; 9. f6—g5! b4—a3 (или c3—b2; 10. g5—c1, b4—a3; 11. c1—g5! ничья); 10. g5—c1, c3—b2; 11. c1—g5! b2—a1 (или d4—c3; 12. g5—c1, b2—a1; 13. c1—g5, a1—b2; 14. g5—c1); 12. g5—d2! a1—b2; 13. d2—c3, b2—a1; 14. c3 : h8, a3—b2; 15. h8—g7, b2—c1; 16. g7—f8.—Это положеніе дошло по памяти отъ временъ знаменитаго Хромого. См. „Вс. Иллюстр." изд. Г. Гоппе, № 327, зад. № 282.

№ 20.—Этотъ этюдъ представляетъ изъ себя, кажется, кульминаціонную точку, до коей достигло въ Россіи составленіе этюдовъ и изслѣдованіе концовъ игръ. Онъ былъ напечатанъ въ моемъ „Шахматномъ Обозрѣніи", и за рѣшеніе его (и слѣдующаго) назначенъ былъ призъ. Однако въ срокъ и вскорѣ послѣ срока рѣшеній ни этого этюда ни другого рядомъ съ нимъ (также Н. Н. Панкратова) никто не прислалъ, и лишь нѣсколько позднѣе—рѣшенія обоихъ этюдовъ были получены отъ И. И. Чирьева изъ Кіева. Другихъ любителей, которые преодолѣли бы трудность, сложность, изящество и богатство содержанія этого этюда не нашлось. И позднѣе, когда „Ш. О." прекратилось, никто рѣшенія не обнародовалъ. Я ждалъ, что съ появленіемъ „Шахматнаго Обозрѣнія" вновь съ 1901 года,—рѣшеніе его появится, но ни П. П. Бобровъ, ни самъ Н. Н. Панкратовъ рѣшеній такъ и не опубликовали. Такимъ образомъ помѣщеніе ихъ здѣсь является нѣкоторой новинкой, которая, быть можетъ, обратитъ на себя вниманіе не только тавлеистовъ, но и тѣхъ гг. шахматистовъ, которые, не будучи знакомы съ шашками, все же постоянно отзываются о нихъ пренебрежительно, считая игрою болѣе легкою. — Оба рѣшенія помѣщаются по изложенію И. И. Чирьева, ибо они, какъ нашелъ и Н. Н. Панкратовъ, и короче и, главное, систематичнѣе авторскихъ.

Разсмотримъ предварительно позиціи A, B, C, D, E, F, G и H.

A) *Бѣлыя* : дамки e1, f4, g1; простая a7.
Черныя : дамка (на любомъ мѣстѣ косяка); простыя b8 и h2.

a) 0. ... Дc7 (e7, f6); 1. f4—g3, f (f=форсированный ходъ); 2. g1—e3 и выигрываютъ.

b) 0. ... Дa5 (h4); 1. f4—d2, Дd8! (иначе 2. d2—f4 или 2. e1—g3); 2. e1—h4, Дa5! 3. d2—e1, Дd8! (Дc7? 4. h4—g3, f; 5. g1—e3 и выигр.). 4. e1—a5, b8—c7; 5. a7—b8Д, c7—b6; 6. g1 : a7, h2—g1Д; 7. b8—h2 и выигр.

c) 0. ... Дd8; 1. e1—h4, Дa5! 2. f4—h6, Дd8! (иначе h4—g3 или g1—f2); 3. h6—d2, Дa5! 4. d2—e1 и выигрываютъ; см. b.

B) *Бѣлыя* : дамки b4, d6, g1; простая a7.
Черныя : дамка h6; простыя b8 и h2.

Эта позиція гибельна для черныхъ, если ходъ за ними. Дѣйствительно:
a) 1. ... h6—f8; 2. b4—a3 и выигрываютъ.
b) 1. ... h6—g5(g7); 2. d6—c7 и выигрываютъ.

c) 1. ... g6—c1; 2. d6—g3, f; 3. b4—d2, f; 4. g1 : c5, f4—g3; 5. c5—e3, g3—h2; 6. e3 g1, b8—c7; 7. a7—b8Д, c7—b6; 8. g1 : a7, f; 9. b8—h2 и выигрываютъ.

C) *Бѣлыя* : дамки b4, e5, h1; простая a7.
Черныя : дамка g5; простыя b8 и h2.

Эта позиція также гибельна для черныхъ, если ходъ за ними. Въ самомъ дѣлѣ:

a) 1. ... Дg5—h6?; 2. e5—d6 и получается позиція B.

b) 1. ... Дg5—c1; 2. e5—g3, f; 3. b4—d2 и выигрываютъ.

c) 1. ... Дg5—d8; 2. e5—f4, Дa5! (h4!)—иначе f4—c7 или b4—e1;—3. b4—e1 и получ. A.

d) 1. ... Дg5—h4! 2. e5—d6! Дe1! (Дd8? 3. d6—f4 и т. д.; см. вар. c.); 3. b4—a5, Дh4; 4. a5—d8! Дe1; 5. d6—f8, Дh4 (иначе 6. g1—b6, или 6. d8—c7, или 6. f8—d6); 6. f8—h6, Дe1 (Дg3? 7. d8—h4 и 8. h6—f4 или 8. g1—f2); 7. d8—h4, Дa5; 8. h4—e1, Дd8; 9. h6—f4 и получается позиція A.

D) *Бѣлыя* : дамки h6, h4 g1; пр. a7.
Черныя : дамка (на любомъ полѣ косяка); простыя b8 и h2.

a) 0. ... Дe1; 1. g1—f2 и выигрываютъ.

b) 0. ... Дa5; 1. h4—e1, Дd8! 2. h6—f4=A.

c) 0. ... Дd8; 1. h6—g5, Дa5; 2. h4—e1 и выигрываютъ=A.

d) 0. ... Дc7; 1. h6—f4 и выигрываютъ.

e) 0. ... Дb4 (c3); 1. h4—g3 и выигрываютъ.

E) *Бѣлыя* : дамки a3, c5, e5; простая a7.
Черныя : дамка c1; простыя b8 и h2.

1. e5—f6, Д d2 [1. ... Дf4; 2. a3—c1, Дg3 (c7); 3. f6—h4 (d8) и 4. c5—f2 (b6) или 4. e1—f4 (c5—d6) и выигр.—2. ... Дh6; 3. c5—e3, f; 4. c1 : f4, h2—g1Д; 5. f4—d6 и выигр.—1. ... Дh6; 2. a3—c1 h2—g1Д; 3. c1—a3, f; 4. a7 : c5, h6—d2; 5. c5—d6 и выигр.;—4. ... h6—f4; 5. f6—e5 и т. д.—4. ... b8—c7; 5. f6—g7 и т. д.—1. ... h2—g1Д, 2. f6—c3, f; 3. a7 : c5, b8—c7; 4. c3—g7, c1—h6; 5. a3—b4;—3. ... c1—e3; 4. c5—d6 и выигр.] **2. a3—c1, Дa5** (*a*). **3. c1—h6, Дe1** (*b*) [3. ... Дb6; 4. c5—g1 и 5 f6—h4=позиціи D.—3. ... Дc7; 4. f6—h4, Дa5 (d8); 5. c5—g1=D.—4. ... h2—g1Д; 5. h4—d8, f; 6. f, Дa5 (e5); 7. c5—b6 (d6) и выигр.—4. ... Дe5; 5. c5—d6 и выигр.—3. ... Дd8; 4. f6—h4, h2—g1Д; 5. h6—g5, f; 6. f, Дa5; 7. h4—e1, Д d8; 8. g5—h4, Дa5; 9. h4—f6, b8—c7; 10. i6—d8;—6. ... Д c7; 7. g5—d8 и выигр.—4. ... Дa5; 5. c5—g1=D] **4. f6—h4, h2—g1Д** (иначе 5. c5—g1 или 5. h4—g3); **5. h6—g7, f; 6. f, Д d2** (b8—c7; 7. g7—h8; Дa5; 8. h4—e1 и выигр.—7. ... Дd2; 8. c5—d6 и выигр.—6. ... Дa5; 7. c5—d6 и выигр.) **7. c5—d6, Дh6; 8. g7—b2, Дc1? 9. h4—e1, f; 10. e7—f8** и выигрываютъ.

a) **2. ... Дe1; 3. c1—h6, Дh4** (h2—g1Д; 4. h6—f4, f; 5. f, Дh4(a5); 6. f6—g7 и выигр., напримѣръ: Дe7? 7. g7—f8, f; 8. f4—d6 и т. д.—3. ... Дa5; 4. f6—h4, h2—g1Д; 5. h6—g7 и выигр., какъ было указано;—4. ... Дb6; 5. c5—g1=D). **4. f6—d8, h2—g1Д** (Дe1?; 5. d8—h4 и выигр., какъ было указано); **5. h6—g7, f; 6 a7 : c5** и проводятъ простую въ дамки.

b) **3. ... h2—g1Д; 4. h6—f8. f; 5. f, Дd8** (Дd2; 6. f6—c3 и выигр.—5. ... Дc7; 6. f6—d8 и выигр.;—5. ... b8—c7; 6. f6—h8 и выигр.); **6. f6—h4, Дa5!; 7. f8—g7** и выигр., какъ было указано въ предыдущемъ варіантѣ.

F) *Бѣлыя*: дамки a3, f8, e5; простая a7.
Черныя: дамка h6; простыя b8 и h2.

1. e5—f6, Дf4 [Дc1: 2. f8—c5=E.—1. ... Дd2; 2. f8—h6, Дa5 (e1)=E послѣ 3-го хода бѣлыхъ.—2. ... Дc1; 3. f6—d4, h2—g1Д; 4. d4—c5, f; 5. f, b8—c7; 6. h6—g7, Дd2(e3); 7. c5—d6 и выигр.—6. ... Дh6?; 7. a3—b4 и т. д.—1. ... Дe3; 2. f8—c5, f; 3. f, h2—g1Д; 4. c5—d6 и выигр.—3. ... b8—c7; 4. f6—d8 и выигр.—1. ... h2—g1Д; 2. f8—c5 и выигр.]. **2. f8—h6; Дc7!** (Дg3; 3. f6—h4, Дe1!; 4. a3—c5 см. позиц. E.—3. ... Дc5; 4. h6—f4 и выигр.)—**3. a3—c5, Дa5** (Дd8; 4. f6—h4 см. поз. E.—h2—g1Д; 4. f6—d8 см. позиц. E.—Дb6; 4. c5—g1 см. поз. E.—Дg3, 4. f6—h4. См. позиц. E); 4. f6—h4, h2—g1Д; 5. h6—g7. f; 6. f, Дd2; 7. c5—d6 и выигр., какъ было указано.

G) *Бѣлыя* : дамки a3, e5, g1; простая a7.
Черныя : дамка d2; простыя b8 и h2.

1. e5—f6, Дf4 (h6) см. *a* (Дc1; 2. g1—c5 позиц. E); **2. g1—c5, Дc1** [h2—g1Д; 3. f6—c3, f; 4. f, Дc7; 5. c3—a5, Дd8! 6. a3—b2 и выигр.—2. ...Дh6; 3. a3—c1, h2—g1Д; 4. f6—h8, f; 5. f, b8—c7; 6. h8—a1 и выигр.—2. ... Дd2; 3. a3—c1 см. позиц. E;—2. ... Дg3! 3. f6—d8, Дh4; 4. c5—g1, Дe1; 5. a3—f8, Дh4; 6. f8—h6 и т. д.; см. C(d);—3. ... Дe1; 4. d8—a5, h2—g1Д; 5. a3—b2 и т. д.—4. ... Дh4; 5. c5—g1, Дd8(e1); 6. a3—b4 и т. д. см. C]; **3. c5—f8, Дh6** (h2—g1Д; 4. f8—c5 и т. д. см. F); **4. a3—c1, h2—g1Д; 5. f8—c5**, f; 6. f, b8—c7; 7. f6—h8 и выигрываютъ.

a) **1. ... Дe1(a5); 2. a3—f8, Дd2** (*b*) [Дe1; 3. f6—d8 и выигр., какъ въ предыд. варіантѣ]; **3. g1—c5, Дe1(a5)** [Дc1(h6); 4. c5—a3 см. F;—3. ... Дf4; 4. f8—h6 и выигрываютъ, какъ было уже указано; напримѣръ: 4. ... Дc1; 5. f6—a1, h2—g1Д; 6. a1—c3 и т. д.;—4. ... Дc7(g3); 5. f6—d8(h4) и т. д.]; **4. f8—h6** и получ. E.

b) См. второй ходъ варіанта *a*;—**2. ... Дa5!; 3. g1—c5, Дd2** [Дb6; 4. f6—d8! b6—g1 (иначе d8—c7); 5. d8—b6, b8—c7; 6. f, Дe5; 7. f8—c5, f; 8. d8 : a5. h2—g1; 9. a5—b6;—3. ... Дc7; 4. f6—d8 и выигр.;—3. ... Дd8; 4. f6—h4, Дa5, 5. f8—h6 и т. д. см. E.—4. ... Дb6? 5. f4—d8 и т. д.—4. ... h2—g1; 5. f8—g7 и т. д.—3. ... Дe1; 4. f8—h6! h2—g1Д; 5. h6—f8, f; 6. f, Дg3; 7. f8—d6 и 8. f6—d8;—6. ... Дf2; 7. c5—d6 и. т д.;—6. ... Дh4; 7. f6—d8, Дf2; 8. c5—d6, Дe5; 9. d6—c7;—8. ... b8—c7; 9. d8 : g1;—6. ... Дd2; 7. f6—c3 и выигр.—6. ... Дa5; 7. c5—d6, Дc7; 8, f6—d8, f; 9. f8—d6 и т. д.]; **4. f8—h6, Дa5(e1); 5. f6—h4** см. позиц. E.—Если же 5. ... Дc1, то 6. f6—c3 и выигрываютъ, какъ было показано.

Во всѣхъ варьянтахъ опущено невынужденное движеніе шашки b8, ибо тогда этюдъ приводится къ вышепомѣщенному этюду В. И. Сычугова.

H) *Бѣлыя* : дамки a3, e5, g1; простыя a7.
Черныя : дамка e1 (a5); простыя b8 и h2.

1. e5—f6. Дd2 [Дg3 (h4, c7); 2. f6—d8, Дe1; 3. a3—f8=позиц. C послѣ 5-го хода бѣлыхъ;—при 2. ... Дh4; слѣдуетъ 3. a3—b4 и т, д. см. порищ. C или D;—1. ... Дd8; 2. f6—h4, Дa5; 3. h4—e1 и 4. a3—c1; см. позиц. C;—1. ... Дa5 (e1) см. позиц. G *(a)*]; **2. a8—f8, Дf4** [Дc1; 3. g1—c5, h2—g1Д; 4. f6—c3, f; 5. f, Дf4!; 6. c3—f6! и на b8—c7; 7. c5—d6 и выигр.;—на f4—g3? 7. f8—d6 и выигр.;—на f4—e3; 7. c5—d6 и выигр.;—на b8—a7; 7. f6—b2; 8. f8—g7 и выигр.;—3. ... Дh6(f4) см. G (*a*) послѣ 3-го хода;—2. ... Дh6; 3. g1—c5, h2—g1Д; 4. f6—e5 и выигр.;—3. ... Дc1(f4) см. G (*a*) послѣ 3-го хода;—2. ... Дe1(a5) см. G, *b*, *a*]; **3. g1—c5, h2—g1Д** [Дh6(c1) см. G (*a*) послѣ 3-го хода], **4. f8—d6, ∞ ; 5. a7 : c5** (или 5. f6—d8); **6. f6—d8** (или 6. a7 : c5); **7. c5—b6** (или 7. c5—d6) и выигрываютъ.

Рѣшеніе этюда.

Разсмотрѣвши позиціи A, B, C, D, E, F, G и H, не трудно изложить рѣшеніе этюда въ слѣдующемъ видѣ:

1. g3—e1 Да3! (h6!) Иначе черные, очевидно, проиграютъ послѣ ходовъ 2. f4—g3 и 3. g1—e3.

2. f4—e5 Df8! Dc1?; 3. e5—g3, f; 4. c1—d2 и т. д.
De7?; 3. e5—g3 и т. д.
Dg5? 3. e1—b4=позиц. C.

3. e1—d2 Da3! Dh6; 4. d2—b4, Df8!; 5. g1—c5, Dh6! 6. c5—f8, Dc1! 7. b4—a3, Dh6; 8. e5—f6=F.

4. d2—c1 Db4! Df8; 5. c1—a3, Dh6; 6. a3—b4, Df8; 7. g1—c5 и т. д., какъ было указано.

5. c1—a3 Dd2(a5, e1) и получаются позиціи: или G или H.

№ 21.—**Рѣшеніе И. И. Чирьева**.—Разсмотримъ предварительно позиціи A,A′ и позицію B.

Позиціи A и A′.

Черныя: пр. a3, h4 и h6; Д ∽.
Бѣлые: д. e1, d4 и e5 . . . . **A**
д. e1, d4, h2. . . . . **A′**

Эти позиціи имѣютъ одни и тѣ же слабые (изолированные) пункты d8, f8 и c1, съ прикрытіемъ коихъ черные должны или отдать шашку и слѣдовательно проиграть, или же играть h6—g5, что, какъ увидимъ, равносильно отдачѣ шашки. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ, напр., позицію A: 0. ... Дf8!; 1. e5—h2 (A′), h6—g5 (иначе 2. h2—g3): 2. h2—e5, Дh6!; 3. e5—d6 и черные должны отдать шашку, иначе 3. ... Дf8?; 4. d6—c5, ∽; 5. e1 : a5, h4—g3; 6. a5—c3, g3—h2; 7. d4—g1 и выигрываютъ.

Позиціи A и A′ можно получить изъ позиціи B. Въ самомъ дѣлѣ:

Позиція B.

Черныя: пр. a3, h4, h6; д ∽.
Бѣлыя: д. a1, g1 и h2.

1. g1—f2, Дd2! (ибо бѣлые угрожали 2. a1—d4 или c3); 2. a1—w—h 8, Дg5 Дa5?; 3. h8—d4; 4. f2—e1=**A**); 3. h8—c3, ∽; 4. f2—d4, ∽; 5. c3—e1=**A**.

Теперь приступимъ къ рѣшенію этюда, предполагая, что дамка черныхъ не покидаетъ большой дороги въ виду позиціи **B**.

1. g1—f2, Д a1—b2—g7—h8! (1. ... Дc3??; 2. f2—g3 и 3. d8—g5;— 1. ... Дd4?; 2. c7—h2; 3. d8—f6; 4. f6—a1 и строятъ позицію **B**.—1. ... Дf6??; 2. h6 : f4; 3. c7 : g3 и т. д.); **2. c7—f4, Д ∽; 3. d8—a5, Д ∽** (Дd4?; 4. f4—h2; 5. a5—e3 и т. д. и строятъ позицію **B**.); **4 a5—e1, Д ∽; 5. f2—e3, Д ∽; 6. f4—h2, Д ∽** (6. ... h6—g5?; 7. h2—f4, и черные проигрываютъ шашку; или 7. ... Дd4?; 8. e3 : c5. g5 : e3; 9. c1 : f4, a3—b2; 10. f4—e5, b2—c1Д; 11. e1—f2 и выигрываютъ. Если же 7. ... a3—b2; 8. c1 : a3, Дd4; 9. f4 : h6, d4 : f2; 10. ... h4 : f2; 11. h6—e3; 12. a3—b4 и 13. b4—e1;—9. ... d4 : g1; 10. a3—b2 и выигрываютъ.

На 6. h6—g5; 7. h2—h4, Дf6; 8. f4 : h6, Дe5 могло послѣдовать: 9. h6—w—f8, Д ∽; 11. e3—f4, Д ∽; 12. h2—g1, Дa1!; 13. g1—a7, Д h8!; 14. e1—w—a5, и черные вынуждены отдать шашку, ибо на 14 ... Дa1 послѣдуетъ 15. f4—g5 и 16. a5—

b4. Съ отдачею же второй шашки получаются извѣстныя въ литературѣ окончанія)', **7. e3—f4, Д ∽**; **8. h2—g1** (угрожая e1—g3), **Да1!** (Дh8?; 9. g1—a7 и черные должны отдать шашку, ибо бѣлые угрожаютъ 10. e1—b4, а на 9. ... Да1 послѣдуетъ 10. f4—g5, h6 : f4; 11. c1 : g5 и 12. e1—b4); **9. g1—w—f2, Дg7!** (Дh8?; 10. f2—a7 и т. д. — 9. ... Дb2?; 10. e1—f2 и т. д. — 9. ... Дf6?; 10. f2—g3 и т. д.); **10. f2—w—e3, Да1** (Дf6?; 11. f4—g5 и выигр.); **11. e3—w—g7, Д h8** (иначе 12. e1—g3); **12. g1—a7,** и черные вынуждаются отдать одну изъ простыхъ (см. 8-й ходъ); такъ, напримѣръ:

a) **12. ... a3—b2; 13. c1 : a3, ∽ ; 14. a7—g1, ∽ ; 15. a3—e7** (возможно 15. g1—h2; 16. a3—b2 и т. д.—Если 14. ... Дd8, то 15. g1—h2, Да5, b6; 16. Да3—b4, c5, и т. д., то есть 17. h2—g3); **16. e7—d8, ∽ ; 17. g1—h2, Дh8!**; 18. e1—w—f2, Дg7; 19. f4—g5, h4 : f6; 20. d8 : g5 и т. д.

b) 12. ... h6—g5; 13. f4 : h6, и черн. вын. отдать еще шашку, ибо на 13. ... h8—a1 послѣдуетъ 14. c1—g5 и 15. e1—b4.—Если же 13. ... Дh8; то 14. h6—g7; 15. c1—g5 и т. д.

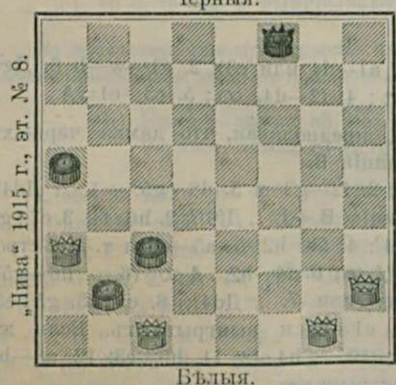
c) 12. ... h4—g3; 13. e1 : h4, ∽; 14. a7—g1. ∽; 15. g1—h2, Да1!; 16. c1—w—d2, Дh8!; 17. d2—b4 ∽; 18. h4—f6 и т. д.

Такимъ образомъ, предполагая, что дамка черныхъ не покидаетъ большой дороги (подъ угрозою позиціи В), мы приходимъ къ заключенію, что черные могутъ быть вынуждены къ постепенной отдачѣ шашекъ, что равносильно проигрышу, ибо три дамки и простая выигрываютъ противъ дамки на большой дорогѣ и простой.

№ 22.—А) 1. f4—g5, f6 : h4; 2. c7—d8, g1—h2; 3. b8—f4, h2—g1; 4. d8—f6, g1—h2; 5. f6—b2, h2—g1; 6. b6—a5, g1—h2; 7. e3—c1, h2—g1; 8. f4—h6, g1 : a1; 9. c1—e3, h4 : d4; 10. a5 : c3; 11. h6—c1.—В) 1. e3—c5, g1 : g5; 2. c5—e7, f6 : d8; 3. g3—f4, g5 : a7.

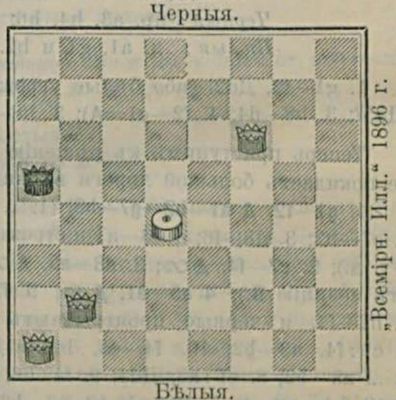
Въ заключеніе примѣровъ изъ игры въ русскія шашки—два этюда безъ рѣшеній:

Я. Г. Тихонова (въ Реутовѣ).
Посвящена В. И. Шошину.
Черныя.

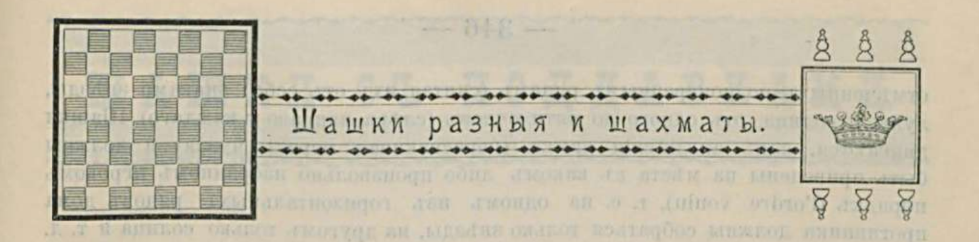

Бѣлыя.
Выигрышъ.

Н. А. Кукуева (въ Москвѣ).
Поддавки.
Черныя.

Бѣлыя.
Ничья.

Особое прибавленіе

къ уставу игры въ русскія шашки.

Вступленіе.

Въ этомъ прибавленіи къ уставу собраны мною нѣкоторыя любопытныя разновидности шашечныхъ игръ; изъ нихъ шашки англійскія, итальянскія, сѣверо-американскія, испанскія и польскія *) представляютъ употребительныя народныя игры Англіи (многихъ колоній ея и частію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ), Италіи, С. А. Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи (Мексики, Бразиліи) и Франціи (польскія). Кавказскія шашки опубликованы какъ мѣстная народная игра. Виды же: шашки американскія, турецкія, клешни и башни—варьяціи повидимому чисто русскаго происхожденія, неизвѣстныя въ Западной Европѣ. Шашки столбовыя представляютъ новый проектъ, имѣющій цѣлью устранить крайнія неудобства игры въ башни, принципы коей между собою не согласованы, такъ что въ игрѣ участвуетъ значительная доля азарта (см. стр. 61, пр. 68* и 263).

Всѣ эти игры сохраняютъ родственный съ основною игрою признакъ, а именно имѣютъ поддавки. Правила изложены самымъ краткимъ образомъ; все недосказанное объясняется статьями устава русской игры.

Изъ русскихъ разновидностей пропускаю я **переходы.** Сущность этой послѣдней игры состоитъ въ переводѣ своихъ шашекъ на мѣсто чужого дома, посредствомъ перескакиванія черезъ чужія шашки, какъ при взятіи въ русской игрѣ, но не снимая ихъ съ доски; перескакивать можно только впередъ, и это обязательно. Чтобы выиграть, надо перейдти на чужую сторону ранѣе противника; дамокъ вовсе не бываетъ. Кто не успѣлъ дойти, или сбилъ свои шашки въ сторону такъ, что онѣ не въ состояніи занять чужихъ первоначальныхъ мѣстъ, тотъ проигралъ. Ничьею игра бываетъ тогда, когда ни одинъ изъ играющихъ не можетъ достичь цѣли. Нельзя также запирать чужихъ шашекъ. Если можно, надо дать имъ выходъ. Новѣйшая игра **Salta** (латинское слово, означающее „прыгай") есть слегка усложненная варіація этой первобытной, а теперь дѣтской, игры. Въ Сальтѣ **) на стоклѣточной доскѣ по пятнадцати шашекъ,

---

*) Относительно Германіи см. стр. 100 и примѣч. 120.

**) Въ противоположность другимъ игра Сальту изобрѣлъ одинъ человѣкъ, нѣкто G. Bartmann, и она, къ удивленію, такъ вдругъ заинтересовала всѣхъ, что въ нее начали играть не только шашечные игроки, но и знаменитые шахматисты. Игра была представлена на Парижскую выставку, и вскорѣ стали организовываться даже международные турниры. Въ Парижѣ призы получили:

отмѣченныхъ по поперечнымъ рядамъ (считая ихъ отъ себя) знаками звѣзды, луны и солнца, отъ одного до пяти очковъ (слѣва направо у каждаго). Шашки двигаются, какъ англійскія дамки (перескакивая черезъ чужія) и должны быть приведены на мѣста въ какомъ либо произвольно избранномъ игрокомъ порядкѣ (l'ordre voulu), т. е. на одномъ изъ горизонтальныхъ рядовъ дома противника должны собраться только звѣзды, на другомъ только солнца и т. д. и непремѣнно въ порядкѣ, т. е. отъ 1 до 5. Разумѣется, выгоднѣе всего сохранять порядокъ своей первоначальной разстановки такъ, чтобы свой первый рядъ помѣстить на линію дамокъ, второй на второй рядъ и т. д. — Распространившаяся по игрушечнымъ магазинамъ лѣтъ 7—8 до этого **Хальма** (игра для двухъ и четырехъ) представляетъ уже ничто иное, какъ переходы на обширной шашечницѣ (16×16); шашки ставятся въ углахъ; если играющихъ двое, то по девятнадцать шашекъ, при четырехъ по тринадцати. Къ переходамъ же относятся туркестанскія шашки („Шахм. Об." 1893 г. стр. 250). Сюда не вошло также много игръ, правилъ которыхъ я не могъ узнать. Въ концѣ приложены правила и особыхъ шашечныхъ игръ, шахматы и старинная средневѣковая восточная игра Нардъ.

Кромѣ перечисляемыхъ здѣсь игръ, есть еще множество опубликованныхъ правилъ искусственныхъ игръ, которыя не привились и едва ли даже привьются. Можно вновь, кому захочется, создавать игры, комбинируя имѣющіеся уже принципы; такъ вмѣсто игры для четырехъ—создать игру для шестерыхъ, или соединить принципы игры обыкновенной съ принципами башенъ и турецкихъ шашекъ. Взять шашки, напримѣръ, четырехъ цвѣтовъ и разставить по двѣ на клѣтку: бѣлыя и черныя на верху, а красныя и зеленыя подъ ними, и установить, что при взятіи снимается съ доски верхняя шашка, а ходить шашки и брать должны по разному; положимъ, бѣлыя по принципамъ англійской игры, а красныя по турецки и т. д. Такимъ путемъ могутъ быть созданы очень сложныя игры [457].

1 и 2 Броди и Шлехтеръ, съ 3 по 7 М. И. Чигоринъ, Мароцци, Маршаль, Бартелингъ и Вейсъ (оба послѣдніе извѣстные игроки въ польскія шашки), далѣе съ 8 по 14 шли: Яновскій, Пильсбери, Шовальтеръ, Марко, Мизесъ, Розенъ и Кричкотте. Послѣ выставки былъ еще международный турниръ въ Сальту въ Монте-Карто и опять съ громадными призами. Потомъ оказалось, что изобрѣтатель игры, взявъ привилегію на нее, разсчитывалъ продажей игръ вернуть всѣ свои затраты на рекламы; а затраты были большія; такъ однажды онъ предложилъ сыграть съ нимъ знаменитому Э. Ласкеру, тотъ согласился, но не иначе, какъ на ставку въ 1000 франковъ, и, конечно, Бартманъ партію проигралъ. Какъ только пересталъ онъ давать деньги на устройство турнировъ, такъ игра была тотчасъ же брошена.

[457]) Упомянутый на стр. 62 принципъ можетъ быть проведенъ въ жизнь дополненіемъ, что впередъ шашка идетъ по способу переходовъ, а назадъ убиваетъ противника, при чемъ при выборѣ между ударами брать обязательно. Тогда получимъ: 1. c3—d4, b6—a5; 2. d4--c5, d6×b4 (не беретъ); 3. c5—b6, a7×c5; 4. b6 : d4 (взяла c5), f6—g5; 5. a3×c5, b4 : d6 (взяла) 6. d4 - c5, d6×b4; 7. c5 : a3, a5—b4; 8. a3×c5, b4 : d6; 9. g3—f4, d6—c5; 10. f4 - e5, g7—f6; 11. e5×g7, b8—a7; 12. g7 : e5, c7—d6; 13. e5×c7; d6 : b8; 14. e3—f4, g5×e3; 15. f2×b6, e3 : g5; 16. b6 : d4; g5—h4; 17. d4—c5, h4—g3; 18. h2×f4, g3 : e5; 19. c5—b6, a7×c5; 20. b6 : d4×f6, e5 : g7 и т. д.—Дамки, которыхъ здѣсь будетъ, вѣроятно, не мало, должны, кажется, имѣть ограниченный ходъ англійской игры, но съ правомъ, конечно, брать и впередъ.

ШАШКИ СЪ ПОДДАВКАМИ.

Игры на клѣтчатыхъ доскахъ.

Главнѣйшія правила.

Древне-римскія шашки. Онѣ сохранились и до сихъ поръ, именуясь французскими шашками, jeu de dame(s) à la française. Правила ихъ изложены на стр. 116, 142, 143. Многія положенія, какъ англійской игры, такъ, отчасти, итальянской, могутъ быть примѣнены къ этой древней игрѣ.

Англійскія или шотландскія шашки.—Отличаются *отъ русскихъ*:—Простая назадъ не беретъ.- Дамка ходитъ лишь на сосѣднюю клѣтку, слѣдовательно беретъ какъ русская простая.—Простая при достиженіи ударомъ пристани на ней и заключаетъ ходъ: назадъ въ этотъ же разъ на правахъ дамки брать не можетъ.—Какъ и въ русской игрѣ, при выборѣ между ударами, можно брать по произволу.—Начинаютъ игру черныя.—Если съ обѣихъ сторонъ осталось по одной дамкѣ, то дозволяется сдѣлать лишь двадцать ходовъ, послѣ чего игра считается ничьею, если ни одна изъ дамокъ не поймана.—Если у одного три дамки, а у другого двѣ, то этотъ послѣдній игрокъ въ правѣ требовать, чтобы игра была у него выиграна въ 40 ходовъ, иначе признается ничьею.

Примѣрная партія. **Wyllie, Jates.** 1. c3—d4, d6—c5; 2. g3—f4, c7—d6; 3. b2—c3, f6—e5; 4. d4 : f6, g7 : g3; 5. h2 : f4, h8—g7; 6. f2—g3, g7—f6; 7. g3—h4, b6—a5; 8. c3—d4, b8—c7; 9. d4 : b6, a7 : c5; 10. a1—b2, f6—e5; 11. g1—h2, e5 : g3; 12. h2 : f4, e7—f6; 13. f4—g5, h6 : f4; 14. e3 : e7, d8 : f6; 15. b2—c3, f8—g7; 16. c3—b4, a5 : c3; 17. d2 : b4, c5—d4; 18. b4—c5, d6 : b4; 19. a3 : c5, d4—c3; 20. c1—d2, c3—b2; 21. d2—c3, b2—c1; 22. c3—b4, c1—b2; 23. b4—a5, b2—c3; 24. c5—b6, c7—d6; 25. b6—c7, c3—d4; 26. a5—b6, d6—c5; 27. c7—d8, c5—b4; 28. b6—a7, b4—c3; 29. a7—b8, d4—c5; 30. b8—c7, g7—h6; 31. c7—b8, c3—b2; 32. d8—c7, b2—c1; 33. b8—a7, f6—e5; 34. c7—b6, e5—d4; 35. b6—c7, d4—c3; 36. c7—b6, c5—d6; 37. b6—a5, c1—d2; 38. a7—b6, d2—c1; 39. b6—a7, c1—b2; 40. a7—b6, b2—a3; 41. b6—a7, d6—e5; 42. a7—b6, e5—d6; 43. b6—a7, a3—b2; 44. a5—b6, b2—c1; 45. a7—b8, c3—b2; 46. b6—c7, d6—c5; 47. c7—d8, c5—d6; 48. d8—c7, d6—e7; 49. c7—d8, e7—f6; 50. b8—c7, b2—a1; 51. c7—d6, a1—b2; 52. d8—c7, b2—c3; 53. c7—b6, c1—d2; 54. b6—c7, d2—e3; 55. c7—d8 e3—d2; 56. d8—c7, d2—c1; 57. c7—b6, c1—b2; 58. b6—c7, b2—a3; 59. c7—b6 c3—b4; 60. d6—c7, f6—e5; 61. c7—b8, e5—d4; 62. b6—c7, b4—c5; 63. c7—d8, d4—e5; 64. b8—c7, e5—f6; 65. c7—b8, a3—b4; 66. b8—a7, b4—c3; 67. a7—b8; c3—d4; 68. b8—a7, d4—e5; 69. a7—b8, h6—g5; 70. b8—c7, c5—d6; 71. c7—b8, g5—f4; 72. d8—c7, f4—g3; 73. c7—d8, g3—h2; 74. b8—a7, h2—g1; 75. a7—b8, g1—h2; 76. d8—c7, h2—g3; 77. c7—d8, g3—f4; 78. d8—c7, f4—g3; 79. c7—d8, f6—g7; 80. b8—a7, e5—f6; 81. a7—b6, g3—f4; 82. b6—a7, f4—e3; 83. a7—b8, g7—h8; 84. b8—a7, f6—g7; 85. a7—b8, d6—e7; 86. d8 : f6, g7 : e5; 87. b8—c7, h8—g7;

88. c7—b6, e5—d6; 89. b6—a7, g7—f6; 90. a7—b8, e3—d4; 91. b8—a7, d4—c5; 92. a7—b8, c5—b6; 93. e1—f2, b6—a7; 94. f2—g3, f6—g7 и бѣлые проиграли. Ходы дамками, кажущіеся незнакомому съ игрой бездѣльными, объясняются желаніемъ со стороны черныхъ—выиграть оппозицію и достичь обмѣна, со стороны бѣлыхъ—не допустить черныхъ до этого. Представленная партія играна въ 1879 г. въ Нью-Іоркѣ, въ Америкѣ, между Wyllie, который считался лучшимъ игрокомъ въ свѣтѣ въ англійскія шашки и молодымъ американцемъ Yates'омъ.

Примѣрныя положенія.—№ 1. В. Пайна (W. Payne, 1756 г.). Бѣл. пр. a1, b4, d4, e1, f2, g1, h2, h4;—черн. пр. a7, c3, d6, e5, f8, f6, g5, g7. Бѣл. начинаютъ и выигрываютъ.—№ 2. Sturges 1808 г.—Бѣл. д. b4 и f2;—черн. д. a1, c1; пр. d4.—Тоже.—№ 3. Его-же.—Бѣл. пр. a3, c3, d2, d6, e1, e3, g3, h4; — черн. пр. a5, a7, b4, b8, c5, e5, g7, h6. — № 4. Его же.—Бѣл. д. e5, e7; пр. g1;—черн. д. c3; пр. d4, h2.—№ 5. Его же.—Бѣл. д. c1; пр. d2, g1;—черн. д. e3, f4, пр. h2.—№ 6. Mackintosh.—Бѣл. пр. a3, b4, c1, d4;— черн. пр. b6, c7, f8, g7.—№ 7. James Wyllie 1881 г.—Бѣл. пр. b2, b4, c5, d2, e1, e3, f2, g1, g3, h4;—черн. пр. a7, b6, b8, d4, d6, e5, e7, f8, g7, h6.—№ 8. Barker.—Бѣл. пр. a3, d2, e1, e3, f2, f4, g3, g5;—черн. пр. a7, b4, c5, d4, d6, f8, g7, h6.—№ 9. Henri Spaith 1860—1877 г—Бѣл. пр. c3, c5, d2, d4, e1, e3, f2, h2;—черн. пр. a7, b6, c7, e5, e7, f4, f6, g5, h6.—

Рѣшенія. № 1. e1—d2, c3 : e1; 2. d4—c5. e1 : g3; 3. c5 : e7, f8 : d6; 4. h2 : f8.—№ 2. 1. b4—c3; 2. f2—e3. — № 3. 1. d6—c7; 2. e3—f4, g7—f6; 3. e1—f2, a7—b6; 4. f2—e3.—№ 4. 1. g1—f2, h2—g1 (если d4—e3, то 2. f2 : d4, и три дамки выигрываютъ противъ двухъ); 2. e7—d6, g1 : e3; 3. d6—c5.—№ 5. 1. g1—f2; 2. d2—e3; 3. c1 : e3.—№ 6. 1. b4—c5, b6—a5; 2. a3—b4, a5 : c3; 3. c5—d6, c7 : e5; 4. d4 : h8. Подобный же пріемъ былъ возможенъ и въ древне-римской игрѣ, а теперь въ испанской и итальянской.—№ 7. 1. g3—f4; 2. h4—g5; 3. f2 : h4; 4. e1 : c7, b8 : d6; 5. d2—c3, b6 : d4; 6. c3 : c7.—№ 8. 1. g5—f6; 2. g3—h4; 3. h4—g5; 4. f2 : h4; 5. e1 : c7.—№ 9. 1. c3—b4, e5 : c3; 2. b4—a5; 3. d2 : b4; 4. e1 : g7.—

Итальянскія шашки.—Отличаются отъ англійскихъ:—Простая вовсе не можетъ брать дамки.—При выборѣ между ударами обязательно брать наибольшее количество шашекъ, не взирая на ихъ качество.—Когда предстоитъ брать простою или дамкою, необходимо брать этою послѣднею.—Итальянцы доску кладутъ по русски, а шашки ставятъ на бѣлыхъ поляхъ.

Примѣрная партія. 1. c3—d4, f6—g5; 2. g3—f4, g5—h4; 3. d2—c3, g7—f6; 4. c3—b4, h8—g7; 5. c1—d2, f6—g5; 6. b4—c5, d6 : b4; 7. a3 : c5, c7—d6 *(A, B)*; 8. b2—c3, d6 : b4; 9. c3 : c7, d8 : b6 *(C)*; 10. d4—e5, b6—c5; 11. d2—c3, e7—d6; 12. e5 : c7, b8 : d6; 13. a1—b2, g7—f6; 14. c3—d4, f8—e7; 15. d4 : b6, a7 : c5; 16. b2—c3. f6—e5; 17. e3—d4, e5 : g3; 18. d4 : b6, d6—c5; 19. h2 : f4, g5 : e3; 20. f2 : d4, c5 : e3; 21. c3—d4, e7—f6; 22. b6—c7, f6—g5; 23. c7—d8, g5—f4; 24. g1—h2, h4—g3, 25. d8—e7, e3—f2; 26. e7—d6, f2—g1; 27. d6—e5, g1—f2; 28. d4—c5, f2—e3; 29. c5—d6, h6—g5; 30. d6—e7, g5—h4; 31. e5—f6, e3—d4; 32. f6—g5, f4—e3; 33. h2 : f4, d4—e5; 34. e1—d2, e5 : g3; 35. d2 : f4, g3 : e5; 36. e7—d8, e5—d4; 37. g5—f4 d4—c5; 38. d8—c7, c5—d4; 39. c7—b6 и бѣлые выигрываютъ.—*A*) 7. ... e7—f6; 8. b2—c3, f8—e7; 9. a1—b2, c7—d6; 10. b2—a3, d6 : b4; 11. c3 : c7, d8 : b6; 12. a3—b4, e7—d6; 13. b4—a5, b6—c5; 14. d4 : b6, a7 : c5; 15. d2—c3, f6—e5; 16. a5—b6, e5 : g3; 17. h2 : f4, g7—f6; 18. b6—c7, f6—e5; 19. c7—d8, e5 : g3; 20. e3—f4, g5 : e3; 21. f2 : b6, b8—a7; 22. b6—c7, a7—b6; 23. d8—e7, b6—c5; 24. e7—f6, c5—d4; 25. c3 : e5, d6 : f4; 26. f6—g5 и выигр.—*B)* 7. ... g7—f6; 8. b2—c3, b6—a5 (c7—d6; 9. f4—e5; 10. f2—g3); 9. a1—b2, f8—g7; 10. b2—a3, c7—b6 (c7—d6; 11. h2—g3); 11. c5—d6, e7 : c5; 12. c3—b4, a5 : c3; 13. d2 : d6, b6—c5; 14. d4 : b6, a7 : c5; 15.

d6—e7, f6—e5; 16. f4 : d6, d8 : f6; 17. e3—f4, g5 : e3; 18. f2 : b6 и выигр.—*C)* 9. ... b8 : d6: 10. d2—c3, d6—c5; 11. d4 : b6, a7 : c5; 12. f4—e5, g5—f4; 13. e3 : g5, h6 : f4; 14. e5—d6, c5—d4; 15. c3 : e5, e7 : c5; 16. e5—d6, h4—g3; 17. f2 : h4, f4—e3; 18. h4—g5, c5—b4; 19. h2—g3, b4—c3; 20. g3—h4, e3—d2; 21. a1—b2, c3 : a1Д; 22. e1:c3, a1—b2; 23. c3—b4, b2—c3; 24. b4—a5, c3—d4; 25. g5—h6, d4—e5; 26. d6—c7, d8 : b6; 27. a5 : c7, e5—f6; 28. c7—d8, f6—g5; 29. d8—e7, g7—f6; 30. g1—f2, f6—e5. 31. f2—e3, e5—f4; 32. e3—d4, f4—g3; 33. d4—e5, g3—f2; 34. e5—f6, g5—f4; 35. e7—d6, f4—g5; 36. f6—e7, g5—f6, 37. e7—d8, f2—g1; 38. d6—e7, f6—g7; 39. d8—c7, g1—h2; 40. c7—d6, h2—g3; 41. d6—e5, g7—h8; 42. e7—f6, g3—h2; 43. e5—f4, h2—g1; 44. f6—e5, h8—g7; 45. h4—g5, g1—h2; 46. g5—f6, h2—g1; 47. f4—e3, g1—h2; 48. e3—d4, h2—g3; 49. d4—c3, g7—h8; 50. e5—d6, и игра черныхъ проиграна (perduta la partita См. стр. 261).

Игра разработана очень сильно; такъ, въ имѣющемся у меня сочиненіи Микельанджело Лянчи 1837 г. изъ 400 страницъ двухтомнаго учебника—300 страницъ (8 д. л.) заняты партіями и ихъ анализомъ.Интересно, что нѣкоторыя партіи носятъ русскія названія: Балабинъ, Кутузовъ, Остерманъ-Толстой, но почему это произошло, не пояснено. Про поддавки не упоминается, но они, кажется, могутъ быть. Задачъ и концовъ игръ мало.

Примѣрныя положенія. Всѣ взяты изъ учебника Michelangelo Lanci и принадлежатъ, вѣроятно, ему.—№ 1. Бѣл. д. f4.—черн. пр. a3, c3 ничья.—№ 2. Бѣл. д. g1; пр. c1, e1, f4, h2;—черн. д. b8, d8, e7, f8, g7, h8. Ничья.—№ 3. Бѣл. д. h6, пр. a1, c5, d2, d6, f6, h2; — черн. д. b6, f8; пр. a3, d4, h8. Бѣл. выигрываютъ.—№ 4. Бѣл. пр. a3, b6, c5, e1, e3, f2, g1;—черн. пр. a7, b8, c3, e7, g5, g7, h4.—№ 5. Бѣл. д. f6; пр. a5, b2, c1, c3, d2, e1;—черн. д. e3, h8; черн. пр. a3, c7, d4, e5, g3.—№ 6. Бѣл. д. c3, g7; пр. c1, d2, e1;—черн. д. a3, e3, пр. g3, g5, h8.—№ 7. Бѣл. д. d4, f6; пр. e7, f4, g5;—черн. д. a1, d6, пр. a5, d8, h6.—№ 8. Бѣл. д. a3, пр. c3, e3, f4, g3, h2;—черн. д. e5; пр. a7, b6, c5, g5, h6.—

Рѣшенія. № 1. 1. f4—e3, c3—b2; 2. e3—d2, b2—a1; 3. d2—c3, a3—b2; 4. c3—d2, b2—c1; 5. d2—c3 и, играя d2—c3—b4—c3—d2, не выпускаютъ черныхъ дамокъ и дѣлаютъ такимъ образомъ ничью (patta).—Черные могутъ и отдать одну доведь, но тогда оппозиція окажется въ рукахъ бѣлыхъ, и придется спасаться чернымъ: 5. ... c1—b2; 6. c3—b4, b2—c1; 7. b4—c3, c1—b2; 8. c3—d2, b2—a3; 9. d2—c3, a1—b2; 10. c3 : a1, a3—b4; 11. a1—b2, b4—c5; 12. b2—c3, c5—d6; 13. c3—d4, d6—c7; 14. d4—c5, c7—b8; 15. c5—b6, b8—a7 и ничья. Окончаніе относится одинаково и къ древне-римской игрѣ и къ современной англійской.—№ 2. 1. c1—d2, e7—f6; 2. d2—e3, f6—e5; 3. h2—g3, e5—d4; 4. e1—f2 и затѣмъ ходятъ дамкой g1—h2—g1—h2. Вотъ къ какому курьезному результату приводитъ неприкосновенность дамки отъ простой!—№ 3. 1. d2—e3, 2. a1—b2, b6 : d4; 3. d6—e7, f8 : d6; 4. f6—g7, h8 : f6 (или a3 : c1); 5. h6—g5, a3 : c1; 6. g5:g1. —№ 4. 1. e1—d2, c3 : e1; 2. c5—d6, e1 : g3; 3. d6 : f8, a7 : c5; 4. f8 : h2.—№ 5. 1. a5—b6, c7 : a5; 2. c3—b4, a5 : a1; 3. d2—c3, d4 : b2; 4. f6 : h4, h8—g7; 5. h4—g5, g7—f8, h8, h6; 6. g5—f6.—№ 6. 1. c1—b2, a3 : c1 (e3 : c1; 2. e1—d2, c1 : e3; 4. g7—f6, a3 : c1; 5. f6 : d4); 2. e1—f2, e3 : g1; 3. g7—f6, c1 : e3; 4. f6 : d4, затѣмъ, лишивъ дамку хода, отбираютъ простую и ловятъ дамку, но можно и иначе: 1. ... a3:c1; 2. c3—d4, e3 : c5; 4. g7—f6, c1 : e3; 5. f6 : b6.—№ 7. 1. d4—c5, d6 : b4; 2. f4—e5, h6 : f4; 3. f6—g5, d8 : d4 (но не на h4); 4. g5 : a3, a5—b4; 5. a3 : c5, a1—b2, 6. c5—d4 и выигр.—№ 8. 1. c3—d4, e5 : c3; 2. e3—d4, c3 : e5; 3. a3—b4, g5 : e3; 4. b4 : d2. Ничья называется также tavola (ср. стр. 130).

Сѣверо-американскія шашки. Отличаются отъ англійскихъ:—Если рядомъ съ дамкою на ближайшей по косому направленію клѣткѣ стоитъ чужая шашка,

за коею по той же косой линіи полей находится свободное мѣсто, то дамка беретъ эту шашку, становясь на мѣсто убитой; если, по взятіи одной шашки, доведь будетъ имѣть возможность взять такимъ же образомъ еще шашку, то она беретъ ее и слѣдующія при тѣхъ же условіяхъ. Можно сказать, что сѣвероамериканская дамка, взявъ чужую, какъ доведь англійская, тотчасъ же возвращается на мѣсто убитой. Въ положеніи бѣл. д. g7; черн. пр. h6, f6, g5, f4, g3, f2 бѣлая не можетъ брать h6, но беретъ остальныя: g7—e5, снимаетъ шашку f4 и становится на: f6+f6—h4: g5+g5—e3 : f4+f4—h2 : g3+g3—e1 : f2; но если бы здѣсь была еще шашка h4, то дамка взяла бы лишь одну f6.—При сложномъ ударѣ дамка, надо полагать, взявъ шашку, тотчасъ же снимаетъ ее съ доски и продолжаетъ потомъ свой ударъ.—Оригинальный способъ взятія, очевидно, народный варіантъ, но едва-ли игра эта имѣетъ національный характеръ. Большинство учебниковъ, выходящихъ въ С.-А. С. Штатахъ, посвящены англійской игрѣ, и англійскіе игроки сражаются съ американскими.

Американскія шашки. Искусственная игра, предлагаемая мною отличается отъ русскихъ:—Когда простая шашка или дамка могла бы взять чужую, какъ въ игрѣ русской, то она беретъ эту чужую, но становится на мѣсто убитой.—При сложномъ ударѣ взятая шашка тотчасъ же снимается съ доски.—Примѣнивъ здѣсь, при этомъ свойствѣ взятія, иныя правила разыгрыванія, получимъ: шашки *англо-американскія, испано-американскія, итальяно-американскія, турецко-американскія, польско-американскія;* въ послѣднемъ случаѣ на стоклѣточной доскѣ; могутъ быть и американскіе столбы или башни.

Испанскія шашки.—Отличаются отъ русскихъ:—Простая назадъ не беретъ.—Простая, путемъ взятія достигшая пристани, на этой клѣткѣ и заканчиваетъ ударъ.—При выборѣ между ударами обязательно брать наибольшее количество шашекъ, не обращая вниманія на ихъ качество.—Не трудно видѣть, что испанскія правила можно перенести въ другія игры: для троихъ, для четверыхъ, на стоклѣточную доску и пр.

Примѣрныя партіи. I. 1. c3—d4, f6—e5; 2. d4 : f6, g7 : e5; 3. b2—c3, h8—g7; 4. g3—h4, g7—f6; 5. h2—g3, b6—c5; 6. e3—f4, a7—b6; 7. f2—e3, b6—a5; 8. a1—b2, c7—b6; 9. g1—h2, b8—a7; 10. f4—g5, h6 : f4; 11. e3 : g5, c5—b4; 12. a3 : c5, d6 : b4; 13. g3—f4, e5 : g3; 14. h2 : f4, b4—a3; 15. c3—d4, b6—c5; 16. d4 : b6, a7 : c5; 17. b2—c3, c5—b4; 18. e1—f2, d8—c7; 19. f2—e3, c7—d6; 20. g5—h6, f6—e5; 21. f4—g5, e5—f4; 22. g5—f6, e7 : g5; 23. h4 : f6, f4—g3; 24. e3—f4, g3—f2? 25. h6—g7!, f8 : h6; 26. c1—b2, a3 : c1; 27. f6—g7, c1 : g5; 28. g7—f8Д, b4 : d2; 29. f8 : c7, т. е. беретъ четыре шашки и выигрываетъ.

II. 1. c3—d4, d6—c5; 2. b2—c3, f6—g5; 3. g3—h4, g5—f4; 4. e3 : g5, h6 : f4; 5. d4—e5, c5—d4; 6. a1—b2, e7—d6; 7. h4—g5, d8—e7; 8. f2—g3, d4—e3; 9. g3—h4, g7—f6; 10. e5 : g7, h8 : f6; 11. g5—h6, b6—a5; 12. e1—f2, a7—b6; 13. f2 : d4, f4—e3; 14. d2 : f4, d6—e5; 15. f4 : d6, e7 : e3; 16. c3—d4, c7—d6; 17. b2—c3, b8—a7; 18. h2—g3, b6—c5; 19. d4 : b6, a7 : c5; 20. c3—d4, a5—b4; 21. d4 : b6, b4—c3; 22. b6—c7, c3—d2; 23. a3—b4, e3—f2! 24. c1 : e3, f8—g7; 25. h6 : f8, f6—g5; 26. h4 : f6, f2—e1; 27. f8 : c5, e1 : a5 : a7, т. е. беретъ шесть шашекъ e1 : a5 : d8 : h4 : f2 : a7, но не иначе. Комбинація сохраняется, если бѣлые берутъ на 24-мъ ходѣ и g1 : e3.

Примѣрныя положенія.—Изъ книги Moya y Perez 1875 года.—№ 1. Бѣл. пр. e5, f2, f6, g3;—черн. д. e1; пр. c7, d8, h8. Выигрышъ.—№ 2. Бѣл. пр. a1, c1, c5, d6, e3; черн. д. c3; пр. a3, a7, b8, f8.—№ 3. Бѣл. д. b2, пр. a5, c1, e1, f4, g1;—черн. д. e7; пр. a7, f8, g3, g7, h6, h8.—№ 4. Бѣл. пр. a3, c5, d4, e5;—черн. д. g1, g5, g7; пр. a5, a7, b8, c7, e7, g3.—№ 5. Бѣл. пр. c1, d4, e1, g1, h2;—черн. пр.

a7, b8, f6, h4, h6.—№ 6. Бѣл. д. a7; пр. b4;—черн. пр. b8, g7, g5.—№ 7. Бѣл. д. a1; пр. a5;—черн. пр. a3, a7, b8.—№ 8. Бѣл. д. a1, c1, h2;—черн. д. a7; пр. a3 и h4.—№ 9. Бѣл. д. a1, h4; пр. c1;—черн. д. e1, пр. a3.—

Рѣшенія.—№ 1. 1. e5—d6, c7 : e5; 2. g3—f4, e1 : e7; 3. f4 : f8.—№ 2. 1. c5—b6, a7 : c5; 2. c1—b2, a3 : c1Д; 3. a1—b2, c1 : c7; 4. b2 : d8Д.—№ 3. 1. a5—b6, a7 : c5; 2. b2—d4, c5 : e3; 3. c1—d2, e3 : c1Д; 4. g1—f2, c1 : g5; 5. f2 : d8Д.—№ 4. 1. a3—b4 a5 : c3; 2. e5—d6, c7 : e5; 3. d4 : d8Д, g1 : b6; 4. d8 : a5 : e1 : h4 : f6 : h8.—№ 5. 1. d4—e5, f6 : d4; 2. h2—g3, h4 : f2; 3. g1 : c5, b8—c7; 4. e1—f2, h6—g5; 5. c1—d2! g5—f4; 6. d2—c3, c7—b6; 7. c5—d6, b6—c5; 8. d6—e7, a7—b6; 9. e7—f8, f4—e3; 10. f8 : a3, e3 : g1Д; 11. c3—d4.—№ 6. 1. a7—e3, g7—h6! 2. e3—g1, g5—f4; 3. g1—f2, h6—g5; 4. b4—c5, g5—h4; 5. c5—d6, f4—g3; 6. f2—g1, g3—h2; 7. d6—e7, h4—g3; 8. e7—f8, b8—a7; 9. f8—e7 и выигр.—Если 7. ... b8—c7; то 8. e7—d8 (e7—f8?, h4—g3; 9. f8—c5, g3—f2 и c7—d6, игра ничья), c7—d6; 9. d8—b6, h4—g3; 10. b6—a7, d6—e5; 11. g1—c5 и выигр.—Если 4. ... b8—c7, то 4. c5—d6! c7 : e5; 6. f2—h4 и выигр.—Если 4. ... b8—a7, то 5. c5—d6, g5—h4 и т. д., какъ показано, но не 5. f2—h4?, ибо тогда a7—b6; 6. h4 : a5 ничья. Эта проблема годна и для *русскихъ шашекъ.*—№ 7. 1. a1—f6, b8—c7; 2. f6—h8, a7—b6; 3. h8—f6, b6—c5; 4. f6—h8, c7—d6; 5. a5—b6, c5—b4; 6. h8—d4, d6—c5; 7. d4—a1. Съ такими же силами бѣлые въ русской игрѣ выиграть не могутъ.—№ 8. 1. c1—d2, a7—g1; 2. d2—a5, g1—a7; 3. a5—c7, a7—g1; 4. c7—b8, g1—e3; 5. b8—a7, e3—h6; 6. a1—d4, h6—d2; 7. a7—c5, d2—h6; 8. c5—f8, h6—d2; 9. f8—h6, d2—a5; 10. h2—d6, a5—e1; 11. d6—b8, e1—a5; 12. b8—h2, и у черной доведи нѣтъ мѣста. Не надо забывать, что простая здѣсь назадъ не беретъ, и потому выигрышъ въ концахъ игръ въ испанской игрѣ, вообще говоря, труднѣе, чѣмъ въ русской.—№ 9. 1. a1—g7, e1—b4; 2. h4—e1, b4—e7; 3. e1—a5, e7—g5; 4. g7—c3, g5—f4 (g5—e3; 5. c3—f6, e3—f4; 6. f6—d4, f4—g3; 7. d4—g7, g3—f4; 8. a5—c3 и т. д.); 5. c3—d4, f4—g3; 6. d4—g7, g3—f4; 7. a5—c3, f4—h6 (a, b, c, d); 8. g7—f8, h6—g5; 9. f8—h6, g5—d8; 10. c1—d2, d8—b6 (d8—h4; 11. h6—f8, h4—e1; 12. c3—a5, e1 : c3; 13. a5 : d2, a3—b2; 14. f8—g7); 11. c3—e5, b6—c5; 12. h6—g5, c5—f2; 13. g5—f6, f2—h4; 14. f6—d8, h4—e1; 15. d2—e3, e1—f2; 16. e3—f4, f2—g3; 17. f6—h4, g3—h2; 18. h4—g3, h2—g1; 19. e5—g7, g1—h2; 20. g7—a1 и 21. f4—g5.—Или 14. ... h4—f2; 15. e5—a1, f2—c5; 16. d8—c7, c5—f2; 17. c7—h2, f2—g1; 18. a1—g7, g1—c5; 19. h2—g1, c5—f8; 20. g7—a1, f8—h6; 21. g1—e3, h6—f8; 22. d2—c3, и выигр.—*a*) 7. ... f4—g5; 8. g7—h6, g5—h4; 9. c1—d2, h4—f2; 10. h6—f8, f2—b6; 11. c3—a1, b6—f2; 12. f8—d6, f2—b6; 13. d6—h2, b6—g1; 14. a1—g7, g1—c5; 15. h2—g1, c5—f8; 16. g7—a1, f8—h6; 17. g1—e3, h6—f8; 18. d2—c3 и 19. e3—c1.—*b*) 7. ... f4—g3; 8. c3—e1, g3—d6; 9. e1—f2, d6—b4; 10. f2—b6, b4—f8; 11. g7—h6, f8—e7; 12. b6—d4, e7—h4; 13. c1—d2, h4—e1; 14. d2—e3, e1—f2; 15. d4—a7, f2 : d4; 16. a7 : e3, a3—b2; 17. h6—g7 и выигр.—*c*) 7. ... f4—e3: 8. g7—h6, e3—f2; 9. c1—d2, f2—e1; 10. c3—a5 и выигр.—*d*) 7. ... f4—d6; 8. g7—h6 и 9. c1—d2; или 7. ... f4—c7; 8. c3—e1, c7—d6; 9. e1—f2 и т. д.—Здѣсь по тому выигрышъ труднѣе, чѣмъ въ русской игрѣ, что нельзя допустить обычнаго хода бѣлой простой съ d2 на c3, ибо c3 не задерживаетъ хода a3—b2.—Испанцы ставятъ доску и шашки какъ и итальянцы.

Турецкія шашки.—Отличаются отъ *русскихъ*: шашка беретъ перескакиваніемъ по направленію продольной или поперечной (Уст., § 3, пр. 2-е) линій, впередъ, назадъ и въ бока.—При сложномъ ударѣ, какъ и при простомъ, бьющая шашка обязана переходить лишь по чернымъ клѣткамъ: не въ правѣ пріостанавливаться на бѣлыхъ поляхъ.—Игра эта можетъ разыгрываться по правиламъ и не русскихъ шашекъ, тогда получатся турецко-англійскія и пр. и пр..—Игра

составляетъ одну изъ русскихъ варіацій и въ самой Турціи не извѣстна. —Благодаря разности хода и взятія, здѣсь должны быть часты запиранія дамокъ.

Примѣрныя партіи. Крѣпкія. Играна по перепискѣ съ 10 іюня 1899 г. по 2 іюня 1900 г.—А. П. Цытовичъ (бѣлые), В. П. Левицкій (черные)—1. c3—b4, f6—g5; 2. g3--h4, d6—c5; 3. f2—g3, e7—f6; 4. e3—d4, f6—e5; 5. g3—f4, c7—d6; 6. b4—a5, d8—e7; 7. d4 : d8Д, b8—c7; 8. d2—e3, f8 : b8; 9. a3—b4, a7 : a3; 10. a1 : a5, c5—d4; 11. g1—f2, b6--c5; 12. a5—b6, c7—d6; 13. b6 : f6, h6 : d6; 14. b4—a5, b8—a7; 15. f4 : b4, a7 : a3; 16. e3—f4, c5—d4; 17. b2—c3, a3 : e3; 18. b4—a5, d4—c3; 19. c1 : c5, g7—f6; 20. f4 : f8, h8 : d8; 21. a5—b6, e5 : a5; 22. e1 : e5, g5 : c5; 23. b6 : f6, a5—b4; 24. f6—g7, d8—c7; 25. g7—h8, b4—c3; 26. f2—e3, c3 : g3; 27. h8—g7, c5—b4; 28. g7 : g1, b4—c3; 29. g1—f2, c3—b2; 30. h4—g5, b2—a1; 31. f2—a7, a1—e5; 32. g5 : c5, c7 : c3; 33. a7 : g7, c3—d2; 34. g7—a1. Черные сдались.

Поддавки. Играна по перепискѣ въ 1900 г.—А. В. Харьяновъ (бѣлые), А. В. Трубленковъ (черные).—1. c3—d4, b6—c5; 2. d2—c3, d6 : d2; 3. c3—d4, d2 : d6; 4. e3—d4, d6 : d2; 5. g3—f4, c5—b4; 6. b2 : b6, b8 : b4; 7. f2 : b2 : b6, f6 : f2; 8. h2 : d2, h6—g5; 9. a1--b2, g5—f4; 10. a3—b4, g7—f6; 11. b4—a5, a7 : a3; 12. d2—c3, a3 : e3; 13. e1 : e5, e7 : e3; 14. b2—c3, e3 : a3; 15. b6—a7, a3—b2; 16. a7 : e7, f4—e3; 17. g1—f2, f6—e5; 18. c1—d2, b2—a1; 19. f2—g3, a1—c3; 20. g3—f4, d8—c7; 21. e7 : a7, h8—g7; 22. a7—b8, c3—a5; 23. b8 : h8, g7—f6; 24. f4 : f8, e5—f4; 25. f8 : f2, a5—d8; 26. h8 : b8, и простая черная заперта. Бѣлые проиграли. („Шашки“ стр. 1164—1165).

Задача В. П. Левицкаго. Бѣлыя: дамки d2 и f4; пр. b6, c1, d4, f2, f6, h6;—черныя: дамка d8; пр. a7, c7, e5. Запереть двѣ дамки и простую черныхъ.—*Рѣшеніе.* 1. d2—e1, d8 : d2 : h2 : h8; 2. e1 : e7, c7 : g7; 3. f4—g3, g7—h6; 4. f6—g7, h6—g5; 5. g3—f4, g5—h4; 6. f4—e3, h4—g3; 7. e3—f2, g3—h2; 8. f2—e1, h2—g1; 9. e1—c3, g1 : a1; 10. c3—b2 („Шашки“ стр. 464).

Я. Х. Гординъ („Шашки“ 1159 и 1184) показалъ, что при основномъ положеніи можно поддать всѣ 12 шашекъ одной, если она стоитъ на h8.

Вавилонскія шашки. — Шашки простыя и дамки берутъ вкось, какъ русскія, но ходятъ по прямому направленію съ черной клѣтки на черную (съ g3 на g5, дамки съ g7 на g3, если путь свободенъ) и кромѣ того со всякой бортовой клѣтки могутъ ступить вкось на сосѣднюю свободную клѣтку, равно какъ и наоборотъ: со всякой сосѣдней съ бортовою клѣткою на эту послѣднюю, если она свободна. — Варіація малоинтересная; приводится здѣсь для полноты; взята изъ литературы польскихъ шашекъ; именуется также *персидскими шашками.*— Конечно, это не народная игра. —

Клешни или краббы (также *клещи*). — Отличія отъ русскихъ: Шашка берется, когда съ какой либо одной ея стороны, спереди, сбоку или сзади, помѣстятся рядомъ съ нею на двухъ расходящихся отъ убиваемой путяхъ двѣ непріятельскія шашки. — Послѣ образованія около какой либо одной шашки (или двухъ)—клешни, окруженныя этимъ путемъ шашки берутся, при чемъ снятіе ихъ за ходъ не считается. — Если шашка не для образованія своей клешни, а просто сама пошла въ образовавшуюся уже ранѣе чужую клешню, то непріятель снимаетъ эту шашку, и такое снятіе считается ему за ходъ. — Клешни должны дѣлаться непосредственно рядомъ съ убиваемой шашкой, напримѣръ, черная d4, бѣлыя c3 и e3, или c3 и c5, или c5 и e5, или e3 и e5; чужая дамка также беретъ, создавая клешни вблизи; нѣкоторые увѣряли меня, что для дамки считается клешнями и окруженіе издали, напр., черная d4, бѣлая простая e3, бѣлая дамка g7, но это оказалось невѣрнымъ [458]). Здѣсь дамки легко запираются.

[458]) А. Н. Вигилянскій, первый сообщившій въ печати свѣдѣнія объ этой игрѣ, также не даетъ этого правила.

Поддавки въ этой игрѣ представляютъ мало интереса, ибо часты ничьи. — Дамки могутъ ходить или по русски, или по англійски, точно также можно установить, что клешни не бьютъ назадъ, тогда будутъ *англійскіе краббы*. — Игра сама по себѣ мало интересна, но любопытна тѣмъ, что отражаетъ идею древней греческой игры полисъ (см. примѣч. 87-е). Легко статься можетъ, что тамъ былъ подобный же пріемъ взятія, хотя и на иной доскѣ, съ большимъ числомъ клѣтокъ. —

Столбовыя шашки. (Проектъ Д. И. Саргина [459]). Отличаются отъ русскихъ: Берущая шашка ставится на ту же клѣтку, какъ и въ русскихъ шашкахъ, а убитая ставится подъ взявшую. — При сложномъ ударѣ всѣ убитыя шашки ставятся подъ взявшую одна на другой. — Столбъ принадлежитъ тому игроку, чья шашка на верху, и при ходѣ передвигается весь на правахъ верхней шашки. — При взятіи столба съ него въ *одинъ ходъ* снимается лишь *одна верхняя шашка*, а прочія шашки остаются на той клѣткѣ, гдѣ стоялъ столбъ. — Шашка, освобожденная отъ прикрытія сверху чужой шашкою, поступаетъ въ распоряженіе своего игрока. — При сложномъ ударѣ черезъ одинъ и тотъ же столбъ можно переходить только одинъ разъ, т. е. снять съ него въ одинъ ходъ лишь одну шашку. — При достиженіи столбомъ линіи дамокъ (пристани) всѣ верхнія одного цвѣта шашки, если ихъ нѣсколько, дѣлаются дамками, такъ что если впослѣдствіи съ такого столба будетъ взята верхняя шашка, то слѣдующая подъ нею шашка *того же цвѣта* окажется дамкою. — При взятіи дамки она, помѣщаясь подъ берущую, превращается въ простую. Такимъ образомъ при разсчетахъ слѣдующихъ ходовъ надо имѣть въ виду, что дамки бываютъ только на верху столба и всегда видимы, взятыя же шашки всегда всѣ простыя. — Цѣль игры помѣстить всѣ чужія шашки подъ свои, или запереть чужія, лишивъ ихъ ходовъ. — Игра хотя и очень трудна, но все же на практикѣ возможна [460]).

Башни (см. примѣч.). Отличаются отъ *столбовъ*: — При проходѣ въ дамки башни доведью дѣлается лишь одна верхняя шашка; если подъ нею есть своя простая, то башня, по взятіи дамки, превращается въ простую шашку. — При взятіи своею шашкою назадъ, на свою первую линію, оказавшіяся подъ нею

---

[459]) Игра въ столбы, башни и туры вовсе не что нибудь установившееся. Когда я, отчасти по соглашенію съ П. П. Бобровымъ, опубликовалъ въ „Радугѣ“ (1885 г., № 43, стр. 928;—1886 г., № 45, Салонъ; — № 46, стр. 1006 и № 49, стр. 1085) правила башенъ, то все это было разработано большею частію мною. Ссылка П. Боброва въ „Шахм. Об.“, при критикѣ моего устава въ „Шашечномъ Листкѣ“, была построена на невѣрномъ основаніи. Игра была опубликована въ сборникѣ Вал. Висковатова только съ принципами: 1) сохраненія на доскѣ взятой шашки и 2) взятія со столба лишь одной шашки. Все прочее приходилось создавать самимъ. При подобныхъ условіяхъ мой новый проектъ въ „Шашечномъ Листкѣ“ ни противъ чего не грѣшилъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ было указано, почему именно введены новыя правила. Въ настоящее время я еще болѣе улучшаю игру правиломъ о превращеніи въ дамки столбовъ.—Правила игры въ башни оставлены тѣ, что были опубликованы въ „Радугѣ“, что касается до „туръ“, то я ихъ описываю лишь для полноты.

[460]) Весьма, однако, вѣроятно, что для того, чтобы ввести эту игру въ общее употребленіе, придется сдѣлать и еще многія ограниченія для уменьшенія комбинацій и облегченія разсчетовъ, о чемъ я говорилъ уже въ примѣчаніи 68-мъ. Фукъ, однако, едва ли облегчилъ бы игру, но введеніе древнеримскихъ правилъ о взятіи, вѣроятно, очень бы помогло (см. примѣч. 138-е), но трудно надѣяться, чтобы такія ограниченія были приняты охотно. Во всякомъ случаѣ я держусь того мнѣнія, что столбовыя шашки стоило бы сохранить и ввести въ употребленіе; эта игра труднѣе шахматной и не менѣе занимательна.

чужія шашки дамками не дѣлаются.—Взятая дамка остается на все время игры дамкою и по взятіи и освобожденіи вступаетъ снова въ свои права. — Для облегченія разсчетовъ разрѣшается передъ ходомъ разсматривать содержаніе своихъ и чужихъ башенъ, чтобы опредѣлить, гдѣ находятся дамки. — При сложномъ ударѣ позволяется черезъ одну и ту же башню переходить нѣсколько разъ, снимая каждый разъ съ нея по одной шашкѣ, но обязательно брать по какому либо одному направленію, хотя бы и съ развѣтвленіями этого направленія, брать же то въ одну сторону, то возвращаться назадъ — воспрещается; другими словами: при сложномъ ударѣ можно брать не одинъ разъ съ одного и того же столба, снимая во всякій переходъ одну шашку, но перейдя черезъ него же еще разъ, необходимо брать дальше съ другого столба и т. д.

Королевскія шашки или туры. Отличаются отъ *столбовыхъ* шашекъ.— Всякая простая (слѣдовательно и образовавшаяся впослѣдствіи) шашка и тура съ одною шашкою на верху ходятъ и берутъ только впередъ. — Тура съ двумя или болѣе одноцвѣтными шашками на верху (безразлично, есть ли подъ ними чужія, или нѣтъ) тотчасъ по окончаніи образовавшаго ее удара пріобрѣтаетъ (со слѣдующаго хода) права брать назадъ и ходить назадъ на одну клѣтку (какъ англійская дамка). — Простая, дошедшая до линіи дамокъ, пріобрѣтаетъ права туры (т. е. англійской дамки), но лишь до ея взятія, когда снова обращается въ простую. — Простая не пріобрѣтаетъ правъ туры во время сложнаго удара посреди доски, но проходя линію дамокъ, дѣлается турою и во время удара. — Тура, дошедшая до линіи дамокъ, никакихъ правъ этимъ не пріобрѣтаетъ. — По всѣмъ вѣроятіямъ это западно- европейская варіація, но узналъ я ее въ Россіи, и въ иностранныхъ сборникахъ игръ нигдѣ не встрѣчалъ игры съ принципами туръ или башенъ.

Къ первымъ двумъ столбовымъ играмъ могутъ быть примѣнены различныя доски (польская, для четверыхъ) и различныя принципы игръ: польской, испанской, турецкой и т. п., такъ что получатся новыя игры. Всѣ, однако, такія комбинаціи не дадутъ жизненныхъ игръ, и можно предсказать, что если игра въ столбы (какъ назвалъ ее Н. В. Бугаевъ) привьется, то въ Россіи съ русскими правилами, въ Испаніи съ испанскими, въ Англіи съ англійскими и т. п. Башни съ сохраненіемъ правъ дамки за убитыми, слишкомъ азартная игра и потому едва ли можетъ надѣяться на распространеніе среди любителей игръ разсчета; но не будь теперь картъ, башни пріобрѣли бы себѣ много поклонниковъ.

Польскія шашки. Отличаются отъ *русскихъ*:— Доска во сто клѣтокъ, изъ коихъ для игры пятьдесятъ.—Въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, находящихся подъ вліяніемъ печати, шашки помѣщаютъ на бѣлыхъ поляхъ, въ большинствѣ же въ народѣ сохранился древній обычай пользоваться черными клѣтками. Большая дорога въ обѣихъ случаяхъ направляется отъ лѣвой руки играющаго. — Шашекъ по двадцати, разставляемыхъ на четырехъ горизонтальныхъ линіяхъ. — Простая при достиженіи путемъ взятія пристани либо заканчиваетъ на ней ударъ, если дальше предстоитъ брать на правахъ дамки, либо продолжаетъ ударъ на правахъ простой шашки, и въ этомъ случаѣ достоинства дамки не пріобрѣтаетъ, остается простою, пока снова не попадетъ на пристань, что можетъ произойдти въ этотъ же ходъ. — При выборѣ между ударами обязательно брать тамъ и тою шашкою, гдѣ можно взять больше шашекъ; качество убиваемыхъ при этомъ роли не играетъ. — Въ Голландіи и Бельгіи сохранился болѣе древній обычай испанскихъ шашекъ, а именно тамъ, въ польской игрѣ при взятіи, коль скоро берущая попала на линію дамокъ, она

тѣмъ и заканчиваетъ ударъ, не продолжая его ни на правахъ дамки, ни на правахъ простой. — При выборѣ между ударами, если предстоитъ брать разными шашками или одною и тою же, но въ разныя стороны *одинаковое* количество шашекъ, обязательно брать тамъ, гдѣ есть чужая дамка или больше ихъ количество; по этимъ отличіямъ игра называется à la hollandaise. — Въ Варшавѣ, а частію въ Германіи и Австріи, играютъ съ правилами польскихъ шашекъ на 24 клѣточной доскѣ; такая игра называется petite polonaise. — Въ Канадѣ, по словамъ „Stratégie", играютъ съ польскими правилами на доскѣ въ 144 клѣтки при 30 шашкахъ для каждаго. *Примѣрная партія.* (Нотація цифирная a1=46, a3=36; b10=1, k10=5 и т. д.); играна на международномъ турнирѣ августа 1894 во Франціи. *Бѣлые.*—Вейсъ. *Черные.*—Амаду—Канди.—1) 33–28, 18—23; 2) 39—33, 12–18; 3) 44–39, 7–12; 4) 50–44, 1–7; 5) 31–27, 20–24; 6) 37–31, 15—20; 7) 41—37, 10—15; 8) 46—41, 5—10; 9) 31—26? (слѣдовало 34—30 или 34—29), 24—29; 10) 33 : 24, 20 : 29! 11) 27—21!, 16 : 27; 12) 32 : 21, 23 : 32; 13) 34 : 23, 18 : 29; 14) 38 : 27, 11—16! 15) 42—38, 15—20; 16) 47—42? 10—15; 17) 39—34, 19—24! (слѣдовало 13—18); 18) 34 : 23, 24—30; 19) 35 : 24, 20 : 18; 20) 27—22!, 17 : 28; 21) 37—31, 16 : 27; 22) 31 : 33, 14—19; 23) 44—39, 7—11; 24) 41—37, 11—17; 25) 38—32, 9—14; 26) 32—27, 19—23; 27) 37—32, 4—10? 28) 43—38, 6—11; 29) 49—43, 11—16; 30) 27—21, 16 : 27; 31) 32 : 21, 17—22; 32) 21—16, 2—7 (форсированный ходъ); 33) 42—37!, 7—11; 34) 16 : 7, 12 : 1; 35) 37—32, 22—27! 36) 32 : 21, 23—28; 37) 33 : 22, 18 : 16; 38) 38–32, 1–7(?); 39) 43—38, 7–12; 40) 36—31! 12—17! 41) 31—27, 14—19; 42) 39—33, 10—14; 43) 33—28, 8—12; 44) 27—21, 16 : 27; 45) 32 : 21, 13—18; 46) 21—16, 18–22; 47) 48—42! (проходъ въ дамки посредствомъ 26–21, 48 : 37 и 16—11 не былъ хорошъ по причинѣ отвѣта 19—23 и 14—20), 22 : 33; 48) 38 : 29, 3—8 (чтобы остановить послѣ 26—21, 16—11 простую 11 посредствомъ 12—17 и 8—12); 49) 40–34!, 14—20; 50) 26—21! 17 : 26; 51) 16—11, 12—17; 52) 11 : 22, 8—12; 53) 22—18, 12 : 23; 54) 29 : 18, 20—24; 55) 18—12, 19—23; 56) 12—8, 23–28; 57) 8–3Д, 26–31!; 58) 3—26, 31—36! (если 28–33, 24—29 или 30 и 33—39, то бѣлые выигрываютъ посредствомъ 26 : 37, 34 : 23 или 25, 37—32 и 45–40); 59) 26–21? (это могло привести къ ничьей; правильно было 26—37 и на 28—33; 60) 37—32 и 42—37; или въ отвѣтъ на 59). ... 36—41; 60) 37 : 35, 15–20; 61) 35—19); 24—29!; 60) 34 : 32, 36—41! 61) 21—16, 15—20!; 62) 45—40, 20—24?*A*; 63) 40—34, 24—29; 64) 34 : 23, 41—47Д; 65) 42—37, 47—24?; 66) 36—2!, 24—33; 67) 23—19, 33—17; 68) 37—31, 17—22; 69) 31—26, 22—9; 70) 32—28, 9—25; 71) 28—22, 25—39; 72) 22—18, 39—34; 73) 18—13, 34—25; 74) 2—11! и выигрываютъ. Черные дѣлали ничью если 74) 13—8 посредствомъ 25—43! 75) 2—16 или 21—16, 43—32 ничья.—Теперь чернымъ остается только сдаться. Они вынуждены покинуть путь 3—25; ибо если 25—20, то 13—9 и 11—17, а разъ они съ этого пути сбиты, они не могутъ помѣшать шашкамъ 33 и 19 сдѣлаться дамками.—А) Здѣсь журналъ „Le jeu de dames" ed. E. Leclercq, № 6, juin 1895 г. говоритъ: Черный играетъ здѣсь 20—24, позволяя избѣжать ничьей. Необходимо замѣтить, между прочимъ, что эта партія, удивительно защищаемая до этого молодымъ Сенегальцемъ,—первая, которую онъ проигралъ въ турнирѣ, и что наканунѣ онъ пріобрѣлъ восемь очковъ на десяти партіяхъ, выигравъ шесть первыхъ у Гоффа, Маньеноца и Лонгвилля и сдѣлавъ четыре ничьихъ противъ Циммерманна и Дюссо. Про это можно въ полномъ смыслѣ слова сказать, что онъ потерпѣлъ крушеніе при входѣ въ гавань. Онъ долженъ былъ играть здѣсь 20—25, что мы указали тотчасъ послѣ партіи, и что обезпечивало ему красивую ничью; тогда: 63) 40—34(*a*), 41—47; 64) 42—37, 47—33; 65) 16—7(*b*), 33—6; 66) 7—1, 6—22; 67) 34—29!(*c*) 25—30; 68) 29—

23, 22—17; 69) 32—27! 30—34; и 39 ничья.—*a*) если 63) 40—35, то 25—30 и 41—47;—если 63) 16—2, то 41—47; 25—30 и 47—29, или если 16 играетъ иначе, то 41—47, 25—30, 30—34.—*b*) Если 65) 16—2, то 33—17; 66) 2—7, 17—6, какъ въ главномъ вариантѣ;—если 65) 16—21, то 33—6; 66) 34—29, 25—30, 34;—если 65) 16—27, то 33—17, 33—26 или 12;—если 65) 37—31, то 33—22; 66) 16—27!, 22—17, 17—26 или 12;—если 65) 32—27, то 33—28 и 28—23;—*c*) Если 67) 1—6, то 22—13, затѣмъ на 30 и если 1 играетъ иначе, то 22—6, дѣлая la navette.

Этюды Д. И. Саргина. № 1. Бѣл. д. 36, 24, 25;—черн. д. 37, пр. 5.—Выигрышъ.—№ 2. Бѣл. д. 48, 27, 16;—черн. д. 5, пр. 36, 19.—№ 3. Бѣл. д. 48, 2; пр. 22;—черн. д. 14, пр. 26, 23.—№ 4. Бѣл. д. 21, 49, 34;—черн. д. 13, пр. 22, 4.—№ 5. Бѣл. д. 6, 43, 50;—черн. д. 18, пр. 4, 45.—№ 6. Бѣл. д. 2, 17, 15; черн. д. 14, пр. 6, 25.—№ 7. Бѣл. д. 12, 27, 33;—черн. д. 14, пр. 19, 16.—№ 8. Бѣл. д. 12, 13, 38; черн. д. 14, пр. 1, 25.—№ 9. Бѣл. д. 31, 48, 15; черн. д. 14, пр. 6, 5.—№ 10. Бѣл. д. 1, 34, 25, 45;—черн. д. 11, 24; пр. 35.—№ 11. Бѣл. д. 42, 24, 35, пр. 6;—черн. д. 14, 18; пр. 4, 25.—№ 12. Бѣл. д. 4, 29, 15, 35;—черн. д. 36, 10; пр. 25.—№ 13. Бѣл. д. 46, 41, 16, 25;—черн. д. 31, 24, пр. 6, 15.—№ 14. Бѣл. д. 36, 31, 17, пр. 11;—черн. д. 46, пр. 6, 2.—№ 15. Бѣл. д. 13, 29, 34;—черн. д. 49, пр. 25.

Рѣшенія.—№ 1.—1) 36—9!, 37—48!; 2) 24—29, 48—37; 3) 25—14, 37 : 10; 4) 29—15, 10—4; 5) 8—36, 5—10; 6) 15—20. Другіе варіанты очевидны.—№ 2.—1) 48—37, 19—24 (5—14; 2) 27—18); 2) 27—32, но не иначе.—№ 3.—1) 48—25, 14—3; 2) 22—18; 3) 3—19.—№ 4.—1) 49—35, 13—2; 2) 21—17; 3) 34—29;—1)..... 13—9; 2) 34—25, 9—18; 3) 35—13;—2)..... 9—3; 3) 21—26;—№ 5.—1) 6—1, 18—36; 2) 50—22; 3) 1—40;—№ 6.—1) 15—20, 14—10; 2) 20—14;—1)..... 14—3; 2) 17—26;—1).... 14—28; 2) 2—11 и 3) 17—26;—1)..... 14—41; 2) 17—12; 3) 12—28;—№ 7.—1) 12—3, 14—5; 2) 3—14, 19 : 10; 3) 33—15, 10—14; 4) 15—10, 14—20; 5) 10—46, 20—25; 6) 27—43!—1)..... 14—10; 2) 33—11, 16 : 7; 3) 3—12, 7 : 18; 4) 27 : 15;—1)..... 14—25; 2) 27—21, 16 : 27; 3) 33—20, 25 : 14; 4) 3 : 20, 19—23; 5) 20—9, 27—32; 6) 9—14.—4)..... 27—32; 5) 30—42, 19—23; 6) 42—20!—№ 8.—1) 38—20, 14—3; 2) 12—26; 3) 13—8;—1)..... 14—10; 2) 13—4;—1)..... 14—5; 2) 12—4; 3) 4—10, 14—20; 4) 10—46, 20—25; 5) 12—34, 1—6; 6) 34—39;—1)..... 14—28; 2) 13—2; 3) 12—28; 4) 2 : 24.—№ 9.—1) 15—10, 14—25; 2) 31—18; 3) 18—34;—1)..... 14—20; 2) 48—25; 3) 31—9;—1)..... 14—46; 2) 31—37—1)..... 14—3; 2) 31—18! (но не иначе); 3) 48—26!—№ 10.—1) 1—6, 11—2; 2) 34—7, 2 : 16; 3) 25—43; 4) 6—44;—1)..... 11—50; 2) 34—39, 50 : 33; 3) 6 : 50, 24—15! 4) 25—39!, 15—42! 5) 39—30; 6) 50—33.—№ 11.—1) 6—1, 18—9; 2) 42—31; 3) 1—18;—1)..... 18—45; 2) 24—29, 45 : 23; 3) 1 : 45, 14—46; 4) 42—20; 5) 45—23;—3)..... 14—9; 4) 42—48, 9—36; 5) 45—18, 36 : 9; 6) 35—30;—4)..... 9—3; 5) 48—26, 3—9; 6) 26—3;—3)..... 14—4; 4) 42—26 и т. д.—3)..... 14—5; 4) 42—29!, 4—10; 5) 29—15, 10—14; 6) 15—10, 14—20; 7) 10—46;—№ 12.—1) 29—45, 36—47 или 41; 2) 35—30.—1)..... 10—5!; 2) 15—29!, 36—47; 3) 4—15, 47 : 24; 4) 15 : 29, 5—28; 5) 29—20; 6) 45—23;—2)..... 5—46; 3) 29—20; 4) 45—23; 5) 35 : 13;—№ 13.—Это другой видъ предыдущаго этюда; благодаря обширности доски здѣсь одна и та же идея можетъ быть выражаема различно: 1) 16—2, 31—36; 2) 2 : 35; 3) 45—24;—1)..... 24—47; 2) 2—25; 3) 46—41; 4) 35—24;—1)..... 24—35! 2) 41—19, 35 : 13; 3) 2 : 35, 31—48; 4) 45—30!, 48—41; 5) 46—37; 6) 30—34 или 30—24;—3)..... 31—26; 4) 35—8; 5) 46—14; 3)..... 31—4; 4) 46—19!, 4—22; 5) 19—10; 6) 35—13.—№ 14.—1) 31—13, 46—5! 2) 36—47, 5—46!; 3) 47—20, 46—5; 4) 20—3, 5—46 (5—10; 13—8, 2 : 13; 17—26); 5) 17—28. Съ подобной же разстановкой въ русской игрѣ есть этюдъ Панкратова; на польской доскѣ онъ имѣетъ совершенно другое рѣшеніе, не сходное съ русскимъ.—№ 15.—Въ

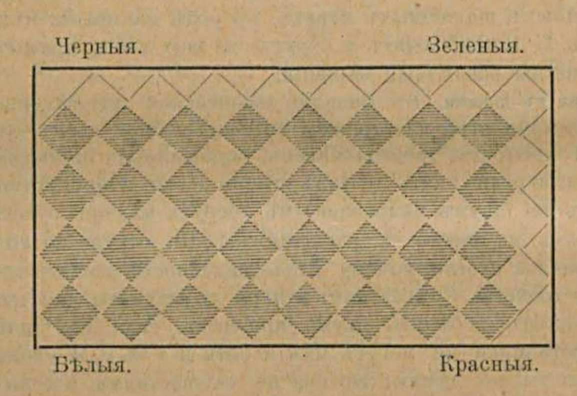
этомъ исключительномъ положенiи бѣлые достигаютъ выигрыша, но игра будетъ ничья, если бѣлые ошибутся и пойдутъ 1) 13—30?; тогда 44—28!, и черные либо ходятъ по двойнику, либо при случаѣ переходятъ на тройникъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ бѣлые выиграть не въ состоянiи, но здѣсь можно играть 1) 13—35!, и черные не имѣютъ спасенья: 44—50 [если 44—49, то 2) 29—33, 25—30; 3) 34 : 25, 49—32; 4) 25—43 и 33—44]; 2) 34—45!, 25—30; 3) 35 : 2, 50—28; 4) 2—11, 28 : 6; 5) 45—50;—или 2)... 50—28; 3) 29—20, 25 : 14; 4) 45—23.—

Кавказскія шашки. Отличія отъ русскихъ:—Игра идетъ на шахматницѣ, на всѣхъ 64 клѣткахъ.—У каждаго по 16 шашекъ, располагаемыхъ при началѣ игрѣ шеренгами на второй и третьей отъ себя линiяхъ.—Шашка ходитъ на одинъ шагъ только впередъ по прямой отъ себя линiи. — Шашки берутъ, перескакивая черезъ убиваемую и становясь на другую ея сторону по прямому направленiю впередъ и назадъ, вправо и влѣво. — Цѣль игры—взять всѣ шашки противника или запереть ихъ такъ, чтобы имъ не было хода. — Шашки здѣсь запираются иначе, чѣмъ въ обычныхъ шашечныхъ играхъ, въ родѣ запиранія пѣшками пѣшекъ въ шахматахъ. — Дамки ходятъ и берутъ во всю длину прямыхъ свободныхъ путей. — Возможны различныя варiацiи.

Тройная игра въ шашки. Въ Западно-европейской литературѣ была неоднократно предлагаема игра для троихъ, на треугольной доскѣ, состоящей чаще всего изъ 144 четырехъ треугольниковъ, окрашенныхъ по-перемѣнно, т. е. съ 72-мя для игры; игроки сидятъ противъ угловъ доски, а шашки (по 21 у каждаго) идутъ впередъ по двумъ направленiямъ, берутъ же, при русскихъ или польскихъ правилахъ, по шести направленiямъ. — Ни откуда не видно, чтобы эта игра была принята охотно, почему нѣтъ надобности входить въ большiя подробности ея устройства. Суть ея, какъ и игры въ шахматы для троихъ, въ томъ, что одинъ долженъ побѣдить двухъ, при чемъ, если его шашки лишились ходовъ, то противники не могутъ ихъ и бить и т. п. — Я упоминаю объ этой игрѣ для полноты, но думаю, что она не осуществима, и если возможна, то при введенiи чего нибудь особеннаго, напримѣръ, въ соединенiи съ принципами игры въ башни, гдѣ азартъ и неожиданности могутъ ослабить главный порокъ игры—борьбу одного противъ двухъ.

Четверная игра. — Игра для четверыхъ игроковъ одновременно (см. „Шашечный Листокъ" 1903 г., № 8, стр. 113 — 116). — Доска состоитъ изъ двухъ соединенныхъ между собою шашечницъ, т. е. изъ 16×8=128 клѣтокъ.—Цѣль игры—двоимъ побѣдить двоихъ; въ противномъ случаѣ игра ничья.—Шашки бѣлыя и красныя, черныя и зеленыя.—Бѣлыя и вправо стоящiя отъ нихъ красныя съ одной стороны—между собою союзники, равно, какъ ихъ противники, черныя и влѣво стоящiя отъ нихъ зеленыя—съ другой стороны.—У каждаго по двѣнадцати шашекъ одного цвѣта, располагаемыхъ обычнымъ способомъ.—Порядокъ ходовъ перекрестный: сперва ходитъ бѣлый, затѣмъ зеленый, ему отвѣчаетъ красный и кругъ ходовъ завершаетъ черный, затѣмъ снова ходитъ бѣлый, зеленый и т. д.—Союзныя шашки вовсе не бьютъ другъ друга.—При сложномъ ударѣ можно своею шашкою брать одновременно шашки обоихъ противниковъ.—Чьи шашки будутъ лишены ходовъ, благодаря шашкамъ противниковъ, или союзника, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ,—тотъ лишается хода, и очередь переходитъ къ слѣдующему игроку.—Шашки игрока, лишившагося хода, не могутъ быть биты до тѣхъ поръ, пока онъ въ свою очередь не совершитъ хода.—Союзники не имѣютъ права совѣщаться между собою, а каждый ходитъ по своему усмотрѣнiю; лишившiйся же хода можетъ совѣщаться съ союзникомъ,

но, сдѣлавъ ходъ въ свой чередъ, онъ снова не имѣетъ права ни давать, ни получать совѣтовъ; лишенный всѣхъ шашекъ также можетъ совѣщаться съ союзникомъ.—Когда одинъ изъ игроковъ потеряетъ всѣ свои шашки, то оставшійся одинокимъ, продолжаетъ играть противъ двоихъ имѣющихъ ходы союзниковъ, которые ходятъ такимъ образомъ подъ рядъ; если же одинъ изъ противниковъ будетъ запертъ, или лишится всѣхъ шашекъ, то игра идетъ попеременными ходами между оставшимися двоими, пока запертый снова не сдѣлаетъ хода.—Игра эта мало была испробована на практикѣ, но одинъ изъ любителей сдѣлалъ мнѣ любопытное указаніе, что въ сложномъ ударѣ должно позволять, въ случаѣ желанія, брать и шашки своего союзника.—Конечно на этихъ основаніяхъ можетъ на двойной доскѣ вестись игра по любымъ правиламъ: русскимъ, столбовымъ и т. д.; для польской игры должно соединять двѣ стоклѣточныя доски.—Для игры съ успѣхомъ можетъ быть предложена доска въ шестьдесятъ четыре клѣтки такого устройства, чтобы игра велась на всѣхъ поляхъ:

Одинъ довольно извѣстный любитель указываетъ въ письмѣ ко мнѣ, что на этомъ основаніи можно организовать игру для шестерыхъ или болѣе человѣкъ, постепенно прибавляя шашечницы. Однако, я думаю, что такая комбинація жизненной силы имѣть не будетъ.

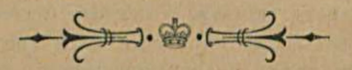
Примѣрная партія.

	Бѣлыя.	Зеленыя.	Красныя.	Черныя.
1.	c3—b4	f6^2—g5^2 *)	g3^2—h4^2	b6—a5
2.	b4—c5	g5^2—f4^2	e3^2—g5^2	d6 : b4
3.	a3 : c5	h6^2 : f4^2	c3^2—b4^2	f6—g5
4.	g3—f4	b6^2—c5^2	b2^2—c3^2	g7—f6
5.	b2—c3	g7^2—f6^2	f2^2—e3^2	g5—h4
6.	c3—b4	h8^2—g7^2	a3^2 : g5	a5 : c3
7.	d2 : b4	c5^2—a3	e3^2 : g5^2	f6 : h4
8.	h2—b4^2	g7^2—h6^2	g1^2—f2^2	h8—g7
9.	b4^2—c5^2	h6^2 : f4^2	f2^2—g3^2	h4—a3^2
10.	f2—g3	d6^2 : b4^2	g3^2 : g7^2	c7—b6

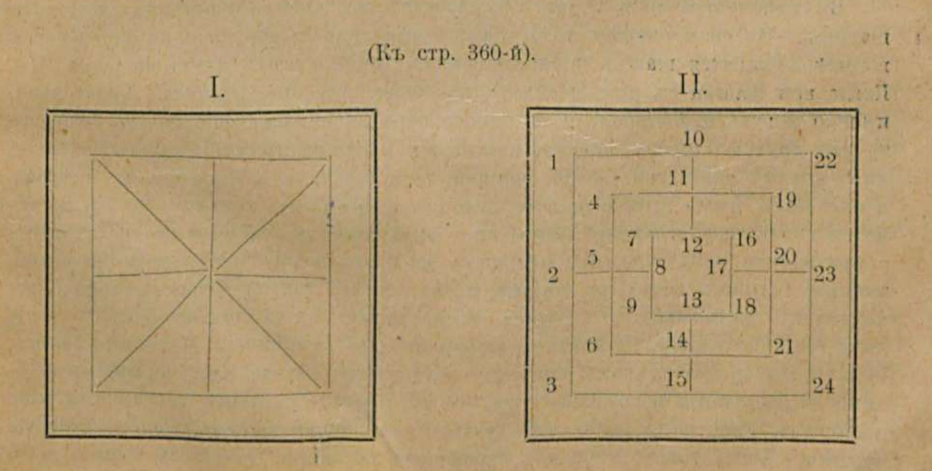
*) Цифра квадрата означаетъ другую, правую, доску, когда составлены двѣ полныя шашечницы.

11.	e1—f2	$f8^2 : h6^2$	$c3^2 : a5^2$	$h6 : b4^2$
12.	b4—a5	$h6^2 — g5^2$	$h4^2 : f6^2$	b6 : d4
13.	e3 : c5	$e7^2 : g5^2$	$a1^2 : b2^2$	b8—c7
14.	c1—d2	$a7^2 — b6^2$	$b2^2 : h4$	c7—b6
15.	a5 : c7	$b6^2 — a5^2$	$h4 : b6^2$	d8 : d4
16.	f4—g5	$c7^2 : a5^2$	$d2^2 — c3^2$	$b4^2 : d2^2$
17.	g5—h6?	$a5^2 — h4$	$e1^2 : c3^2$	$g7 : a5^2$
18.	g1—h2	$h4 — a3_2$	$c3^2 — b4^2$	$a5^2 : c3^2$
19.	$h2 : d2^3$	$g5^2 — f4^2$	$e1^2 — d2^2$	e7—d6
20.	a1—b2?	$f4^2 — e3^2$	$b2^2 — c3^2$	d4—c3
21.	$d2^2 : f4^2$	$b8^2 — c7^2$	$c3^2 — b4^2$	c3 : e1?
22.	g3—h4	$c7^2 — b6^2$	$b4^2 — a5^2$	e1 : g3
23.	h4 : f2	$b6^2 : h4$	$h2^2 — g3^2$	f8—g7
24.	$f4^2 — e5^2$	$d8_2 — e7^2$	$g3^2 — h4^2$	g7—h6
25.	$e5^2 — f6^2$	$e7^2 : g5^2$	$h4^2 : f6^2$	h6—g5
26.	b2—c3	h4—g3	$f6^2 — e7^2$	g5—h4
27.	f2—e3	g3—h2	$e7^2 — d8^2$	$h4 — a3^2$
28.	c3—d4	h2—g1	$d8^2 — f2$	$a3^2 — b4^2$
29.	d4—c5	$g1 — a3^2$	f2—e1	d6 : b4
30.	e3—f4	$a3^2 — d8$	e1 : a5	$b2^2 — a1$
31.	f4—g5	$d8 : c1^2$	a5—e1	$a1^2 — d6$
32.	$e1 — d8^2$	$c1^2 — d8$	$d8^2 — h4$	d6—c5
33.	h4—e1	d8—c7	e1—g3	c5—d6
34.	$g3 — a1^2$	c7—b8	$a1^2 : c7$	a7—b6
35.	c7 : a5	Ничья.		

Игра представляетъ богатый матеріалъ для задачъ, концовъ игръ и этюдовъ.

(Къ стр. 360-й).

ИГРЫ БЕЗЪ ПОДДАВКОВЪ.

Особыя доски и шахматы разные.

Главнѣйшія правила.

Агонъ. См. перечень правилъ и описаніе доски на стр. 36, примѣч. 41. Здѣсь надо прибавить, что если окружены двѣ шашки сразу, то онѣ перестаютъ ходить въ продолженіе двухъ ходовъ.—Шашки двигаются или по кругу, гдѣ стоятъ, или впередъ къ центру; назадъ не ходятъ. Окруженіе производится вплотную: окруженная шашка и берущія ея должны составлять одну прямую линію.

Мельница, или **Городки**. Шашечная игра подъ названіемъ „Мельница" (иногда называемая также „Городки") довольно употребительна въ Западной Европѣ, но сравнительно мало извѣстна у насъ. По свидѣтельству А. К. Мишина, игра эта очень распространена въ современной Греціи *(μύλος)*, и чертежи ея (II) „встрѣчаются въ изобиліи, напр., на ступеняхъ знаменитаго Парѳенона, въ Аѳинскомъ Акрополѣ. Здѣсь же можно встрѣтить и грековъ, съ усердіемъ отдающихся любимой игрѣ" („Ш. О." 1903 г., стр. 268). Къ сожалѣнію, пока мало извѣстно о древности современной игры. Простѣйшая ея форма (см. стр. 359) въ девять мѣстъ (I), по догадкѣ Бекъ-де-Фукьера (изд. 1873 г., стр. 389), была извѣстна древнимъ римлянамъ и описывается у Овидія (Ars amandi, III, 365): „Игра эта играется посредствомъ трехъ шашекъ у каждаго игрока на маленькой игральной доскѣ; чтобы выиграть, надо привести свои три шашки на одну линію". Гайдъ говоритъ, что на такой доскѣ существуетъ шашечная игра въ Китаѣ, называемая Хе-ло.

Въ современной игрѣ (II, стр. 359) у каждаго изъ двоихъ играющихъ по девяти шашекъ.—Въ свою очередь хода каждый выставляетъ на доску по одной своей шашкѣ.—Ставятся шашки на пересѣченіяхъ линій, и всѣхъ мѣстъ на доскѣ 24.—Когда всѣ шашки съ рукъ выйдутъ на доску, онѣ пріобрѣтаютъ право хода, именно могутъ передвигаться съ одного пересѣченія на свободное сосѣднее въ ту или другую сторону, впередъ или назадъ.—Кто выстроилъ въ рядъ по какой либо прямой линіи три своихъ шашки, тотъ сдѣлалъ *мельницу* или *городокъ*, и выигралъ этимъ чужую шашку, которую и снимаетъ тотчасъ же съ доски, не въ счетъ хода, выбирая любую изъ тѣхъ чужихъ, которыя не составляютъ у противника мельницы; изъ мельницы же брать воспрещается, хотя бы у противника осталось всего три шашки; послѣ снятія взятой, очередь хода переходитъ къ противнику.—Въ одинъ ходъ можно взять только одну шашку, даже если бы удалось сдѣлать одновременно двѣ мельницы.—Мельница беретъ, будучи только что сдѣлана; для того, чтобы взять ею же еще шашку, необходимо ее разрушить и создать снова.—У кого осталось только двѣ шашки, тотъ проигралъ; проигралъ также тотъ, у кого всѣ шашки лишены ходовъ, заперты чужими.—Когда у кого либо изъ играющихъ останется только три шашки, то

онѣ пріобрѣтаютъ право переходить съ любого мѣста на любое свободное, гдѣ бы такое ни было.—Когда и у другого игрока окажется также только три шашки, то онѣ также пріобрѣтаютъ эту свободу движенія, но игра продолжается затѣмъ лишь три хода; если въ продолженіе ихъ каждый сохранитъ по три шашки, то она признается ничьею. Мельница принадлежитъ къ тѣмъ шашечнымъ играмъ, которыя не имѣютъ поддавковъ.

Есть еще иной видъ игры, описанный у Бекъ-де-Фукьера, какъ практикующійся во Франціи. Доска (II, стр. 359) здѣсь отличается тѣмъ, что проведены еще линіи, соединяющія углы (1—4—7; 22—19—16; 24—21—18; 3—6—9), по коимъ шашки могутъ ходить и составлять мельницу.—Свободу движеній шашки пріобрѣтаютъ въ этой варіаціи игры, оставшись въ числѣ четырехъ, и при томъ очень ограниченную: кромѣ передвиженія на сосѣднее мѣсто, онѣ могутъ еще ходить отъ начала до конца какой либо линіи (напр., 1—22, или 12—10, или 18—24 и т. п.). Сколько дается ходовъ на ничью, узнать мнѣ не удалось.

Солитеръ, или **Пустынникъ**. Правила и описанія досокъ см. на стр. 123—124, примѣчаніе 147-е.—На такой же, но нарисованной (т. е. безъ ямокъ), доскѣ ведется игра-задача, называемая *Волкъ и собаки;* разница въ томъ, что здѣсь мѣста шашекъ соединены не только по прямымъ направленіямъ, параллельнымъ ребрамъ рисунка, но и діагонально. Семнадцать шашекъ, располагаемыхъ къ одной сторонѣ, изображаютъ собакъ, а одна шашка, ставящаяся на среднее поле,—волка. Волкъ ходитъ по всѣмъ направленіямъ, впередъ и назадъ, отъ одного пункта до другого, собаки же только по прямому и боковому направленію (не діагонально) и лишь впередъ. Собаки не берутъ, волкъ же беретъ по шашечному. Цѣль—окружить волка, чтобы ему не было выхода. Если осталось шесть или менѣе шашекъ, то выигралъ волкъ, ибо шестью шашками загнать и окружить волка нельзя.

Крѣпость, подобно *Волку и собакамъ*, играется на линейной крестообразной доскѣ; центръ состоитъ изъ 5×5=25 мѣстъ, къ которому съ каждой стороны прибавлено еще по 2 ряда мѣстъ (5×2×4=40), и кромѣ всего этого, въ одной сторонѣ, въ крѣпости, на крайней линіи еще прибавлено съ обѣихъ сторонъ по одному полю такъ, что основаніе креста здѣсь имѣетъ не пять, а семь мѣстъ. Всего слѣдовательно на доскѣ 67 мѣстъ, изъ нихъ семнадцать—отдѣляются отъ прочихъ зигзаго-образною границей. Всѣ мѣста соединены по прямому и по діагональному направленію. У нападающаго пятьдесятъ шашекъ, заполняющихъ всѣ мѣста внѣ крѣпости, а у защитника крѣпости только три шашки, которыя ставятся гдѣ угодно въ крѣпости. Всѣ ненаружныя мѣста, кромѣ основанія крѣпости, по направленію, параллельному этому основанію, соединены не линіями, а точками, и нападающіе по этому направленію не ходятъ, а защитники ходятъ всячески отъ пересѣченія до пересѣченія; защитники не берутся, но если защитникъ не взялъ того, что ему надо взять по шашечному, то не взявшая шашка съ доски снимается. Нападающіе идутъ только впередъ и должны занять всѣ мѣста крѣпости, изгнавъ защитниковъ. Всѣ наружныя мѣста соединены тоже не пунктиромъ, а чертами.

Туркестанскія шашки. См. стр. 67 и 68 книги.

Японская игра Го. Игра между двоими; у каждаго по сто шестьдесятъ одной шашкѣ особаго для каждой стороны цвѣта.—Доска изъ девятнадцати (19×19) перпендикулярно пересѣкающихся линій.—На перекрестки (коихъ всего триста шестьдесятъ одинъ) этихъ линій и ставятся шашки; онѣ вовсе не ходятъ.—Въ свою очередь хода партнеры выставляютъ одну свою шашку на любой свободный перекрестокъ (исключая случая **Ко**).—Кто непрерывнымъ рядомъ

своихъ шашекъ, по прямой, косой или ломаной линіи, окружилъ шашки противника такъ, что и всѣ мѣста внутри этой **цѣпи** заполнены сплошь (своими или чужими) шашками, тотъ беретъ эти непріятельскія шашки, снимаетъ ихъ съ доски послѣ той выступки, которая заключаетъ эту **облаву**[461]).—Въ срединѣ доски цѣпь должна составлять непрерывное кольцо (непрерывность понимается такъ, что окружившія шашки стоятъ или рядомъ по прямой линіи, или рядомъ по діагонали пересѣченій), но на краю доски цѣпью признается непрерывный рядъ шашекъ, имѣющій концы на наружной линіи доски.—Простѣйшая цѣпь, окружающая одно пересѣченіе, или все равно одну шашку, въ срединѣ доски состоитъ изъ *четырехъ* шашекъ, на краю изъ *трехъ*, и въ углу (окружаетъ угловой перекрестокъ) изъ *двухъ*.—Шашка внутри цѣпи—взята.—Если кто либо поставитъ свои шашки внутри чужой цѣпи такъ, что заполнитъ всѣ мѣста, то онъ теряетъ эти шашки: противникъ просто снимаетъ ихъ съ доски, какъ только послѣднее мѣсто будетъ заполнено, потомъ дѣлаетъ свой ходъ въ другомъ мѣстѣ, т. е. снятіе шашки за ходъ не считается.—Если одна простѣйшая цѣпь врывается однимъ бокомъ въ другую простѣйшую цѣпь противника, то, когда одинъ изъ играющихъ возьметъ своею цѣпью непріятельскую шашку (именно **одну** шашку), противникъ его не можетъ тотчасъ же поставить своей на мѣсто плѣненной шашки и взять такимъ образомъ убившую,—онъ долженъ *переждать одинъ ходъ*. Этотъ случай именуется **Ко**.—Когда окружившій своею цѣпью чужую цѣпь начнетъ заполнять пустыя внутри клѣтки, то онъ можетъ взять окруженныя шашки лишь послѣ того, когда совершенно эти клѣтки заполнитъ, но если внутри чужой окруженной цѣпи есть еще простѣйшія цѣпи противника, то случается, что заполнить ихъ невозможно. Это происходитъ тогда, когда внутри обложенной цѣпи—есть *двѣ* или больше цѣпи противника; тогда, заполнивъ одну, атакующій предоставляетъ ходъ противнику; этотъ послѣдній снимаетъ шашку изъ своей простѣйшей цѣпи и ходитъ въ другомъ мѣстѣ, слѣдовательно у него образовалось опять два свободныхъ мѣста. Такія мѣста, сохраняющія окруженныя шашки, называются **глазами**, и про такія шашки говорятъ, что онѣ *живутъ*. Глаза могутъ быть настоящими и ложными; ложными глазами называются такіе, которые, находясь вблизи окружающихъ шашекъ, могутъ быть уничтожены постепеннымъ взятіемъ составляющихъ ихъ шашекъ, когда цѣпь съ глазами берется не вся сразу, а врѣзывающимися цѣпями противника, снимающаго постепенно такимъ путемъ шашку за шашкой.—Игра кончается тогда, когда оба противника придутъ къ соглашенію, что имъ некуда больше ставить шашекъ. Послѣ этого каждый снимаетъ изъ средины своихъ цѣпей окруженныя шашки противника, которыя во время игры не были заполнены, но заполненію коихъ противникъ помѣшать не можетъ, по отсутствію *глазъ*. Цѣпи съ глазами, хотя бы и окруженныя, остаются неприкосновенными.—Перекрестки, не находящіеся ни въ одной цѣпи, заполняются не вошедшими въ игру шашками (все равно чьими). Шашки, заполняющія ничьи мѣста, называются **даммы**. Затѣмъ каждый считаетъ себѣ одно очко за взятую имъ шашку и одно очко за каждое пустое мѣсто внутри своихъ цѣпей, меньшая сумма вычитывается изъ большей суммы противника, и этимъ обнаруживается точный результатъ игры. Выигравшимъ, конечно, считается тотъ, у кого больше очковъ. Ничьихъ, кажется, вовсе не бываетъ.—Для большаго удобства счета, по окончаніи снятія шашекъ

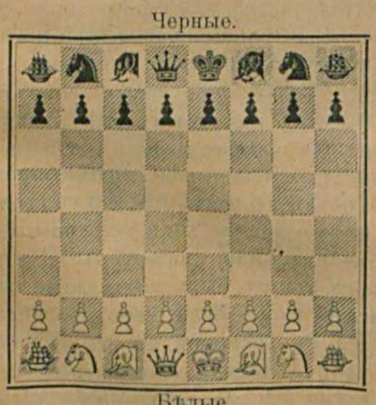
[461]) Извѣстный синологъ о. Іоакинѳъ, говоря про подобную же національную китайскую игру **Ки**, постоянно называетъ ее „облавною игрою въ шашки".

и послѣ постановки даммъ, каждый изъ играющихъ заполняетъ взятыми имъ шашками пустыя мѣста внутри цѣпей противника; когда всѣ шашки такимъ образомъ съ рукъ выйдутъ, каждый, съ согласія противника, такъ переставляетъ свои шашки, составляющія цѣпи, чтобы внутреннія незанятыя мѣста представляли четыреугольники, что удобнѣе для счета. Разумѣется необходимо, чтобы они совершенно точно равнялись числу тѣхъ мѣстъ, которыя раньше этого передвиганія были не заняты.—Когда во время игры случится такъ, что у кого нибудь не достанетъ шашекъ, то онъ отдаетъ противнику взятыя и получаетъ отъ того столько же взамѣнъ своихъ изъ числа снятыхъ съ доски.—Если (что бываетъ при неумѣньи играть, обыкновенно же далеко не всѣ шашки выставляются на доску) и этого не хватитъ, то занимаютъ у противника изъ числа взятыхъ (Go. Das Nationalspiel der Japanesen; von *R. Schurig*. Leipzig. 1882).

Описываемая у П. Н. Бодянскаго („Шашки", № 54, 1912) новая разновидность шашечной игры—есть тоже японская игра **Ко-Бангъ.** Появленіе ея въ Волынской губерніи объясняется тѣмъ, что одинъ чиновникъ администраціи получилъ назначеніе въ Каменецъ Подольскъ и показалъ здѣсь новую игру, о которой онъ узналъ на мѣстѣ своего прежняго служенія въ Ригѣ изъ одной нѣмецкой брошюры. Сущность этой игры въ томъ, что на шахматницѣ, т. е. на всѣхъ 64 клѣткахъ, идетъ игра, гдѣ шашки выставляются очередными ходами на любую клѣтку. Кто выстроилъ въ рядъ пять своихъ шашекъ по какой либо линіи (т. е. по прямой, діагональной или ломаной), тотъ, подобно мельницѣ, беретъ любую шашку противника не въ счетъ хода. Когда всѣ шашки съ рукъ вышли, то онѣ пріобрѣтаютъ право хода шахматнаго царя. Дамокъ нѣтъ. Выигрываетъ отобравшій шашки у противника. Игра теперь описана въ 5-мъ изданіи сборника И. Я. Герда; тамъ же описана и **Хальма.**—Слѣдуетъ еще замѣтить, что дѣтская игра „въ крестики", которая разыгрывается на квадратной доскѣ съ произвольнымъ числомъ клѣтокъ, изъ коихъ однѣ клѣтки отмѣчаются (заполняются) карандашемъ посредствомъ, положимъ, крестовъ, а другія—нулей, принадлежитъ также къ числу шашечныхъ игръ; выигрываетъ здѣсь тотъ изъ двухъ играющихъ, который займетъ своими знаками большее количество рядовъ по любому направленію клѣтокъ. Всякій разъ чертится новая доска.

Европейскіе шахматы. Въ шахматы играютъ вдвоемъ на шахматницѣ изъ 64 клѣтокъ, попеременно окрашенныхъ въ два цвѣта. Игра идетъ на всѣхъ клѣткахъ.—Доска между играющими кладется по шашечному, чернымъ угловымъ полемъ къ лѣвой рукѣ.—У каждаго по шестнадцати шашекъ, а именно: одинъ царь, одинъ ферзь, два слона, два коня, двѣ ладьи и восемь пѣшекъ.—Всѣ шашки одновременно передъ игрою ставятся на доску, каждая на особую клѣтку.—Шашки разставляются шеренгами на двухъ ближнихъ къ себѣ рядахъ, впереди—пѣшки, позади—офицеры, или фигуры.—По краямъ доски ставятся ладьи, рядомъ съ ними кони, рядомъ съ конями слоны, а двѣ среднія клѣтки занимаются царемъ и ферземъ съ тѣмъ условіемъ, что ферзь ставится на клѣткѣ своего цвѣта, бѣлый на бѣлой, черный на черной (Rex niger in albo, servat

Черные.

Бѣлые.

regina colorem); поэтому при началѣ игры ферзь стоитъ противъ ферзя, царь противъ царя.—Пѣшки ходятъ и берутъ только впередъ; офицеры—впередъ, въ бока и назадъ.—Всѣ шашки берутъ такъ, какъ ходятъ, кромѣ пѣшки, которая идетъ прямо, а бьетъ вкось на сосѣднюю клѣтку.—Всѣ шашки берутъ, становясь на мѣсто убитой, кромѣ взятія на проходѣ пѣшкою пѣшки.—Пѣшка ходитъ только впередъ, на одинъ шагъ, то есть на сосѣднюю клѣтку, но первый свой ходъ изъ дому пѣшка, въ любое время, если пожелаетъ, можетъ сдѣлать на два шага, на третью отъ себя клѣтку.—Сдѣлавъ съ первоначальнаго своего мѣста ходъ лишь на одну клѣтку впередъ, пѣшка впослѣдствіи не можетъ уже дѣлать двухъ шаговъ.—Если пѣшка, выступивъ изъ дому на два хода, пройдетъ въ это время подъ ударомъ чужой пѣшки такъ, что станетъ на сосѣднее съ нею поле, то чужая пѣшка, если пожелаетъ, можетъ, но не иначе какъ только въ слѣдующій непосредственно ходъ, убить выступившую на два шага пѣшку, становясь въ этомъ случаѣ не на мѣсто убитой, а на клѣтку, куда убитая стала бы, если бы выступила изъ дому лишь на одинъ шагъ. Это называется взятіемъ на проходѣ (en passant, passar bataglia).—Фигуры хода своего не мѣняютъ, каждая же пѣшка, дойдя до послѣдняго ряда (ступивъ на мѣсто чужихъ офицеровъ), перестаетъ быть пѣшкою, и владѣлецъ ея обязанъ замѣнить ее какою либо фигурою по своему выбору, хотя бы соименныя шашки и были еще налицо въ игрѣ. Въ царя пѣшку обращать воспрещается; равно нельзя взамѣнъ проведенной пѣшки требовать постановки этой пѣшки на одно изъ первоначальныхъ мѣстъ безъ обращенія въ фигуру.—Фигуры, попавъ на мѣсто пристаней, правъ своихъ не мѣняютъ и не доставляютъ этимъ владѣльцу своему никакихъ преимуществъ, хотя бы у него оставался въ игрѣ только одинъ царь.—Царь ходитъ на любое сосѣднее отъ себя поле по прямому или косому направленію, если поле это не атаковано какою либо чужою шашкою.—Царь съ царемъ рядомъ становиться не могутъ; между ними должна быть хотя одна клѣтка.—Одинъ разъ въ партіи царь можетъ сдѣлать ходъ одновременно съ одною изъ своихъ ладей, если оба они ни разу въ этой партіи еще не ходили. Такой двойной ходъ теперь именуется „рокировкою“.—Ферзь ходитъ по всѣмъ направленіямъ, какъ и царь, но не стѣсняется разстояніемъ; по коневьи ферзь не ходитъ.—Слонъ ходитъ вкось по клѣткамъ того цвѣта, который занимаетъ при началѣ партіи, на любое разстояніе.—Конь ходитъ на третью отъ себя клѣтку такъ, чтобы всякій разъ мѣнять цвѣтъ поля (Kb1—a3, c3, d2). Только одинъ конь можетъ переходить черезъ свои и чужія шашки, всѣ остальныя шашки дѣлать этого не въ правѣ.—Ладья ходитъ по прямымъ направленіямъ во всѣ стороны: рядомъ или вдоль, на сколько пожелаетъ.—Когда какая либо шашка сама, или открывая дѣйствіе другой своей шашки, нападетъ на чужого царя такимъ образомъ, что ему въ слѣдующій ходъ грозитъ опасность быть взятымъ, то она обязана объявить ему это возгласомъ „шахъ“! Никакой другой шашкѣ „шахъ“ не объявляется. Можно одновременно объявлять шахъ отъ двухъ своихъ шашекъ.—Атакованный царь обязанъ въ слѣдующій же ходъ устранить сдѣланное нападеніе, или собственнымъ движеніемъ, или движеніемъ другихъ своихъ шашекъ, при чемъ нападающая шашка можетъ быть взята, равно какъ этою защитой можетъ быть атакованъ и чужой царь.—Если царь сдѣланнаго ему шаха никакимъ способомъ устранить не въ состояніи, то онъ получилъ *матъ,* и игра кончается, такъ какъ иначе въ слѣдующій ходъ заматованный царь былъ бы снятъ съ доски, и игра не могла бы все равно продолжаться, ибо безъ царя игры нѣтъ. Такимъ образомъ партія кончается въ сущности ходомъ раньше, почему говорятъ, что цѣль ея состоитъ не въ плѣненіи царя,

а въ томъ, чтобы дать ему матъ; на самомъ дѣлѣ царь берется, но хода, не устраняющаго мата, не дѣлается, ибо совершеніе его безцѣльно.—Когда царю мата нѣтъ, а ни онъ и ни одна изъ его могущихъ ходить шашекъ не можетъ ступить никуда безъ того, чтобы царь не попалъ подъ шахъ,—то это называется *патъ* (стр. 349), и игра признается ничьею.—Рокировать можно, когда между ладьею и царемъ нѣтъ ни своихъ ни чужихъ шашекъ, когда ни одно изъ тѣхъ полей, которыя проходитъ или занимаетъ царь, не атаковано чужою шашкою, и когда царю нѣтъ шаха; отъ послѣдняго нельзя спасаться рокировкою, но рокировать можно, давая этимъ шахъ чужому царю, или проходя ладьею атакованныя клѣтки.—Рокировка состоитъ въ томъ, что одна изъ ладей придвигается на клѣтку, сосѣднюю съ царемъ, а этотъ послѣдній переходитъ черезъ ладью и ставится по другую ея сторону, также на сосѣднюю съ ней клѣтку.—Движенія рокировки совершаются только на ближайшемъ къ себѣ бортовомъ ряду клѣтокъ, т. е. въ офицерскомъ ряду.—Нельзя поэтому рокировать въ то время, когда на клѣткѣ, гдѣ станетъ ладья (или царь) находится чужая шашка, ибо рокировки со взятіемъ не бываетъ; рокировка, гдѣ ладья проходитъ два шага, называется короткою (Цg1, Лf1=0-0), гдѣ три (Лd1, Цc1=0-0-0)—длинною[162]).—Игра кончается выигрышемъ, когда чужому царю данъ матъ, или чужія шашки сдались, не желая продолжать битвы, въ противоположномъ случаѣ игра бываетъ ничьею.—Ничьей игра признается, когда ни одинъ изъ играющихъ не въ состояніи дать другому мата.—Если это не очевидно, то при спорѣ назначается счетъ ходовъ, и если не согласившійся на ничью послѣ пятидесяти своихъ ходовъ мата не дастъ, то игра объявляется ничьею, хотя бы въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она могла быть кѣмъ либо выиграна.—Кто потребовалъ счета ходовъ, тотъ отъ него отказаться уже не можетъ, если бы и увидѣлъ, что выиграетъ.—Счетъ ходовъ производится по требованію и начинается всякій разъ снова послѣ каждаго взятія чьей либо шашки и послѣ каждаго движенія пѣшки[163]).—Если одинъ

162) Въ Италіи въ народѣ образовалась „свободная рокировка"; въ ней ладья можетъ стать на любую клѣтку до царя, или даже на его мѣсто, а царь ставится на другую сторону ладьи также на любую въ этомъ ряду клѣтку.—Въ этой же странѣ проведенная пѣшка можетъ обратиться лишь въ ту фигуру, которая взята, если же взятыхъ фигуръ нѣтъ, то пѣшка стоитъ на пристани неподвижно до взятія противникомъ какой либо фигуры.—Въ Италіи же не берутъ на проходѣ.—Всѣ эти отступленія практикуются въ широкой публикѣ, но, повидимому, должны исчезнуть, ибо итальянскій шахматный журналъ держится общеевропейскихъ правилъ, а въ шахматахъ литература для правилъ очень важна.

163) Теперь къ этому прибавляютъ еще, что концы игръ, относительно которыхъ теоретически доказано, что для разрѣшенія ихъ требуется болѣе 50 ходовъ, не подлежатъ дѣйствію указаннаго правила, но, во всякомъ случаѣ, игрокъ въ подобнаго рода условіяхъ имѣетъ право требовать окончанія партіи въ сто ходовъ *безъ возобновленія счета;* если послѣ этихъ ста ходовъ не будетъ достигнутъ выигрышъ, то партія считается ничьей. Нѣмцы на турнирахъ, вмѣсто слова „выигрышъ", употребляютъ здѣсь даже „выигрышное положеніе", такъ что вопросъ о результатѣ игры, въ случаѣ требованія счета 100 ходовъ, разрѣшается уже турнирнымъ комитетомъ, который либо признаетъ партію ничьей, либо, при явномъ и теоретически доказанномъ концевомъ положеніи, присуждаетъ выигрышъ, „при чемъ, говоритъ переводчикъ правилъ, игрокъ, которому партія засчитывается проигранной, имѣетъ право требовать отъ своего противника окончить партію". См. Принятыя къ руководству во всѣхъ турнирахъ С.-Петербургскаго Шахматнаго Собранія **Правила игры** Германскаго Шахматнаго Союза". Спб. 1911., 16 д. л., стр. 7.—Конечно, Петроградскій шахматный клубъ могъ бы такимъ образомъ и не афишировать своего преклоненія передъ германцами (тѣмъ болѣе, что правила составлены плохо, и изъ нихъ нельзя, напримѣръ, узнать, что же дѣлать, если доска все таки оказалась лежащею неправильно);—но еще у Грибоѣдова сказано, что „намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ

изъ играющихъ даетъ безпрерывно чужому царю шахъ, и этотъ шахъ устраненъ быть не можетъ, а мата нѣтъ, то такой шахъ именуется „вѣчнымъ", и игра признается ничьею.—Ничьею признается также такая игра, гдѣ рядъ однихъ и тѣхъ же ходовъ повторяется съ обѣихъ сторонъ три раза безъ перемѣны очереди хода.—Наконецъ, ничьею игра можетъ быть признана противниками въ любой моментъ партіи по соглашенію.—Тотъ рѣдкій случай, когда нѣтъ ни шаха, ни пата, а ни одна изъ шашекъ играющаго никуда въ свой чередъ ступить не можетъ, т. е. когда шашки заперты, уставами игры и не предусматривается, хотя въ задачахъ онъ можетъ быть созданъ (стр. 44—45).—Ходы дѣлаются поочередно и всегда не болѣе одного хода въ разъ, поэтому нельзя начинать партіи болѣе, чѣмъ однимъ ходомъ.—Многіе ошибочно именуютъ по русски шашки, и чѣмъ дальше, тѣмъ эти неправильныя названія все болѣе, къ сожалѣнію, усваиваются. Особенно часто царя называютъ королемъ, ферзя—королевой, слона—офицеромъ, ладью—турой. Это вліяніе западной Европы на полуобразованную публику. Мало начитанные идутъ дальше и, подъ вліяніемъ инородцевъ, зовутъ ферзя—дамой, коня—скакуномъ, кавалеромъ и шпрингеромъ; слона—лейферомъ, шутомъ; ладью—пушкою, тумбою; пѣшку—піономъ; ничью—ничейнымъ положеніемъ; окончаніе игры (конецъ партіи)—эндшпилемъ!—Не смотря на множество международныхъ турнировъ, общаго свода внѣшнихъ правилъ до сихъ поръ не выработано, и уставы одинъ другому противорѣчатъ, а большая публика вниманія на это не обращаетъ и играетъ такъ, какъ ей хочется. Общепринято, что тронутою своею шашкою необходимо ходить, а чужую въ руку взятую брать, если можно; если же этого по законамъ игры сдѣлать нельзя, то по требованію противника обязательно ходить царемъ; если и этого нельзя, то провинившійся лишается хода, но множество учебниковъ и даже уставовъ рекомендуютъ оставлять это безъ наказанія.—Если положеніе доски или шашекъ не правильно, и это замѣчено ужъ послѣ четвертаго хода съ обѣихъ сторонъ, то ошибка остается безъ исправленія.—Необъявленный шахъ все таки долженъ быть устраненъ, а если шахъ объявленъ до прикосновенія къ какой либо своей шашкѣ, то объявившій не обязанъ дѣлать хода съ шахомъ: можетъ играть и иначе.—Рокировать должно такимъ образомъ, чтобы изъ-за этого не выходило недоразумѣній;

спасенья." Не трудно видѣть, что для практической игры всѣ эти тонкости совершенно не нужны.—На практикѣ чаще всего встрѣчается счетъ ходовъ, когда у одного игрока останется царь, а у другого при царѣ—слонъ и конь. Въ учебникахъ пишутъ, что здѣсь есть всегда матъ, на дѣлѣ дать его не совсѣмъ просто, и малоопытный любитель легко можетъ попасть на ничью даже при 50 ходахъ.—См. кстати любопытнѣйшую статью въ quasi-патріотическомъ стилѣ Н. И. Максимова, помѣщенную въ №№ 18—19 „Шахм. Вѣстн." 1915 г., стр. 262—267. Тутъ, между прочимъ, сообщается, что участники германскаго шахматнаго союза на Мангеймскомъ конгрессѣ 1914 года провели на общемъ собраніи постановленіе, коимъ ввели на своихъ (международныхъ) турнирахъ процентную норму для иностранцевъ; при этомъ было, однако, сдѣлано исключеніе для подданныхъ иностранныхъ державъ нѣмецкаго происхожденія. Такимъ образомъ и въ шахматной области былъ нѣкоторымъ образомъ проведенъ принципъ двуподданства, а между тѣмъ на петербургскомъ международномъ турнирѣ 1914 г. „былъ заключенъ своего рода оборонительный и наступательный союзъ между только что учрежденнымъ Всероссійскимъ Шахматнымъ Обществомъ и его старшимъ собратомъ—Германскимъ Шахматнымъ Союзомъ". Членъ совѣта Всероссійскаго Шахматнаго Союза (названнаго администраціей, при утвержденіи устава, „Обществомъ") Н. И. Максимовъ позабылъ упомянуть здѣсь, что изъ окраинныхъ организацій только Варшавское общество любителей не поколебалось принять участіе въ русскомъ союзѣ, Балтійскія и Финляндскія общества примкнуть къ нему отказались! („Шахм. Вѣстн.", № 9, 1914 года, стр. 140—141).

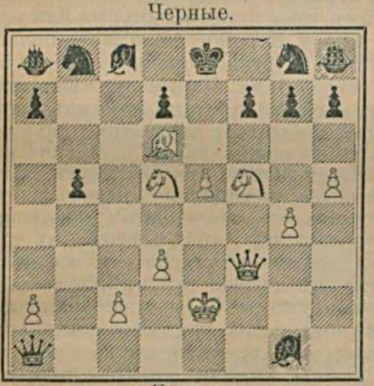
поэтому лучше сперва переставить царя, а затѣмъ ладью, ибо изъ такого порядка передвиженій ясно намѣреніе рокировать; если же перенести сперва ладью, а затѣмъ царя, то тутъ противникъ можетъ потребовать лишь хода ладьи, ссылаясь на замедленіе въ перестановкѣ царя. При привычкѣ подвигать сперва ладью, лучше заявлять напередъ: „рокирую".

Кромѣ того въ шахматахъ есть примѣненіе идеи поддавковъ. Въ задачахъ, и именно только въ нихъ, иногда требуется вынудить противника дать себѣ матъ. Для этого даются ему разнаго рода шахи, защищаясь отъ которыхъ, онъ даетъ наконецъ матъ. Это чрезвычайно искусственное усложненіе игры до того не привилось, что многіе шахматисты о немъ и не знаютъ, и даже если знаютъ, то, встрѣчая кипергани, ихъ не рѣшаютъ. Партій на обратный матъ никогда не бываетъ; онѣ встрѣчаются только въ шахматныхъ разсказахъ [464]).

Примѣрную партію читатели найдутъ на стр. 38—39, въ примѣчаніи 44-мъ. Здѣсь можно привести разборъ М. И. Чигоринымъ окончанія ея при лучшемъ ходѣ 20.... Сс8—а6!—В. Стейницъ полагалъ, что при немъ черные могли достичь ничьей, но это оказалось не вѣрнымъ. („Шахм. Лист." 1879 г., № 6, стр. 174—178).

Положеніе послѣ 20-го хода бѣлыхъ.

Черные.

Бѣлые.

Вѣрное продолженіе, говоритъ М. И. Чигоринъ, найдти, однако, не легко:

20. ... Сс8—а6
21. Kd5—с7+ Це8—d8
22. Кс7 : а6!

Этотъ ходъ ведетъ къ выигрышу; ходъ же, показанный Стейницемъ 22. Фf3: а8,—только къ ничьей: Фа1—с3! 23. Фа8 : b8+; Са6—с8; 24. Кс7—d5, Фс3 : с2+; 25. Це2—е1, Фс2—с1+, и ничья.

Бѣлые угрожаютъ 23. Cd6—с7+; 24. Kf5—d6+ и матомъ въ слѣдующій ходъ. Чтобы избѣжать его, чернымъ представляются слѣдующія шесть защитъ:

a) 22. ... f7—f6; 23. Фf3 : а8, и очевидно бѣлые выигрываютъ: Фа1—с3; 24. Фb8:+; ФсЬ8; 25. Сс7+.

b) 22. ... Kg8—h6; 23. Фf3 : а8, Фа1—с3; 24. Фа8 : b8+, и матъ въ два хода.

c) 22. ... Фа1—с3; 23. Cd6—с7+, Фс3 : с7!; 24. Ка6 : с7 и выигрываютъ ладью; а при плохомъ положеніи черные должны проиграть. Послѣ Цd8 : с7; 25. Фf3:а8 угроза Kf5—d6, и бѣлые выигрываютъ еще фигуру.

d) 22. ... Фа1 : а2 (чтобы защитить пѣшку f7 послѣ Сс7+ и Kd6+); 23. Ка6—b4, Ф ∞; 24. Фf3 : а8 и выигрываютъ.

e) 22. ... Cg1—с5 (чтобы предотвратить послѣ Сс7+ ходъ коня на d6); 23. Cd6—с7+!, Цd8—е8(с8); 24. Фf3 : а8, f7—f6; 25. Фа8 : b8+, Це8—f7; 26. Фb8:b5,

464) Здѣсь упомяну о тѣхъ искусственныхъ шахматныхъ партіяхъ, подбираемыхъ къ задачамъ, о коихъ говорилъ я во введеніи, въ примѣчаніи 362: См. „Московскій Шахматный Альманахъ" М. 1893. *Кипергань*, разск. офицера, стр. 31—45; тутъ партія приходитъ къ позиціи кипергани Н. П. Острогорскаго. Текстъ въ разсказѣ былъ слегка выправленъ П. Бобровымъ, чѣмъ и объясняется подпись *Двое* (въ концѣ разсказа высмѣиваются пріемы нѣмцевъ по отношенію къ русскимъ задачамъ).—„Шахматные вечера", альман., М. 1901, стр. 60: *Плаксивый шахматистъ*, вод. въ 1-мъ дѣйств. съ куплетами; здѣсь партія къ одной моей шахматной задачѣ.—„Черный король", альманахъ 1903 г., названный по заглавію разсказа В. Е. на стр. 51—56; партія къ задачѣ А. В. Галицкаго.

и бѣлые должны выиграть; они угрожаютъ, Фс4+ или Фd7 : +, матомъ въ нѣсколько ходовъ или выигрываютъ слона.

f) 22. ... Cg1—b6!; 23. Фf3 : a8, Фa1—c3!; 24. Фa8 : b8+, Фс3—c8; 25.Фb8:c8+ Цd8 : c8; 26. Cd6—f8!, h7—h6! (если 26. ... Kg8—h6, то 27. Kf5—d6+ и Cf8 : g7; —если 26. ... Цс8—b7, то 27. Cf8 : g7, или Kf5—d6 и Kd6 : f7 и т. д.); 27. Kf5—d6+ Цс8—d8 (при 27. ... Цс8—b8; 28. Kd6 : f7, Лh8—h7, черные въ безвыходномъ положеніи: ни ладья ни конь не имѣютъ хода); 28. Kd6 : f7+, Цd8—e8; 29. Kf7 : h8, Це8 : f8.

Могутъ ли черные играть на ничью при правильномъ продолженіи со стороны бѣлыхъ? Мы отвѣчаемъ, пишетъ М. И. Чигоринъ, отрицательно. Конь черныхъ не можетъ войдти въ игру безъ того, чтобы не помѣняться. При конѣ противъ слона, съ лишнею пѣшкой и при выгоднѣйшемъ положеніи пѣшекъ, бѣлые должны выиграть. Они могутъ даже избрать нѣсколько продолженій. Укажемъ на одно изъ нихъ: 30. Це2—f3, и если Цf8—f7 (или Kg8—e7), то 31. Kh8—g6, Цf7—e6; 32. Цf3—e4, d7—a6 (или 32. ... d7—d5; 33. Це4—f4; затѣмъ Ka6—b4); 33. d3—d4 и т.д.—Этотъ разборъ М.И. Чигорина очень замѣчателенъ[465]).

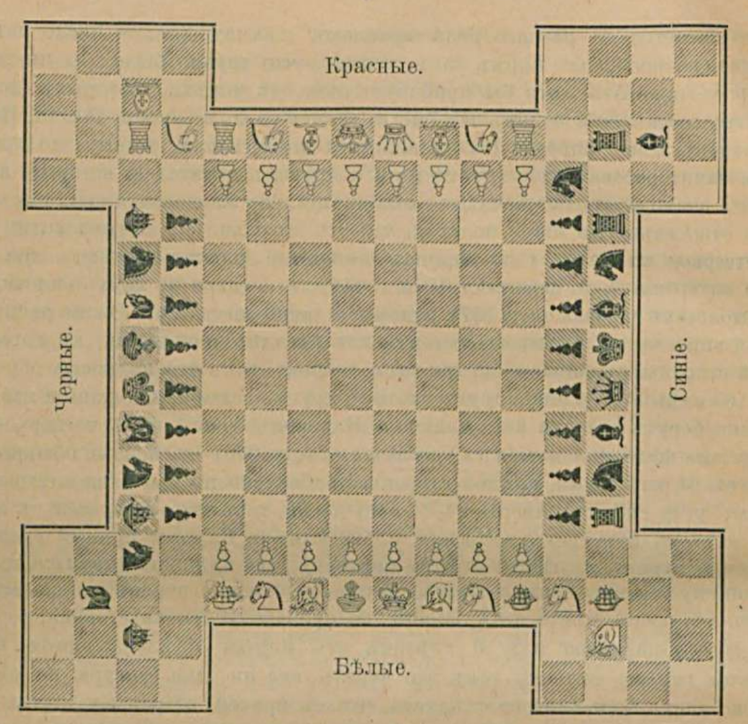
[465]) Приводя, какъ примѣрную, такъ называемую „безсмертную партію“, я имѣлъ въ виду дать понятіе о шахматной игрѣ и всѣмъ тѣмъ лицамъ (историкамъ, филологамъ, этнографамъ, археологамъ, тавлеистамъ), которые или вовсе не знаютъ игры шахматной, или имѣютъ о ней блѣдное пониманіе, полагая, что она представляетъ результатъ многолѣтней и разносторонней работы, гдѣ большинство ходовъ, особенно въ началѣ, разработано. Партія эта тѣмъ замѣчательнѣе, что она была играна на турнирѣ (1851 г.), притомъ противъ весьма сильнаго въ свое время практическаго игрока и издателя шахматнаго журнала. Она была перепечатана не только во всѣхъ почти спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, но помѣщалась и во многихъ шахматныхъ руководствахъ. Здѣсь всѣ народы были болѣе или менѣе объективны и преклонялись передъ вдохновеніемъ Адольфа Андерсена во время веденія имъ *этой* партіи, но нѣмцы... нѣмцы не были вполнѣ объективны и, восхищаясь этой партіей, въ то же время старались и на ней закрѣпить свое собственное убѣжденіе, что все нѣмецкое *превыше* всего. Теперь (см. стр. IV), когда это ложное самомнѣніе вылилось въ грандіозныя формы міровой борьбы и видно уже всѣмъ, я, конечно, не помѣстилъ бы этой партіи, какъ примѣрной, какъ образцовой, какъ особенно характеристичной для игры шахматной вообще. Въ настоящее время ни для кого не будетъ удивительнымъ, если мы укажемъ, что нѣмцы видѣли въ этой партіи не одну хорошую игру, но и высшее проявленіе нѣмецкаго генія и побѣду германца надъ полякомъ. Когда въ 1859—1863 годахъ появился знаменитый американецъ Павелъ Морфи и на голову разбилъ всѣхъ извѣстныхъ въ свое время игроковъ Америки и Западной Европы (съ А. Д. Петровымъ Морфи не игралъ, хотя оба они были одновременно въ Парижѣ и бывали другъ у друга), то имъ побѣжденъ былъ и А. Андерсенъ, какъ и другіе нѣмцы. Еще до матча (въ которомъ Морфи, не считая ничьихъ, достигъ условленныхъ семи выигранныхъ партій, при двухъ только проигранныхъ) нѣмецкій шахматный журналъ (М. Ланге) Schachzeitung наивно предупредилъ своихъ читателей, что каковъ бы ни былъ результатъ состязанія, изъ него не должно выводить никакихъ заключеній! Но и позднѣе, послѣ матча, нѣмцы все еще продолжали утверждать (См. „Ш. Л.“ 1859 г., №№ 2, 4, 6), что игра Андерсена выше, чѣмъ игра Морфи. Теперь (декабрь 1915 года), когда нѣмцы великой войной хотятъ доказать свое превосходство во всемъ надъ всѣмъ міромъ, необходимо сдѣлать оговорку про эту партію и указать, что подобныя ей по красотѣ и силѣ бывали и у другихъ націй, и что по силѣ игры партіи Морфи, напр., выше и притомъ значительно. Кромѣ того и въ самомъ названіи партіи *безсмертною* и въ разборѣ ея ходовъ несомнѣнно много рекламнаго и преувеличеннаго. Такъ, слабость защиты черныхъ этой партіею выяснена превосходно, но сама неудовлетворительная защита эта (b7—b5) въ гамбитѣ слона изобрѣтена была Кіезерицкимъ и еще задолго до турнира была извѣстна, такъ что Андерсенъ могъ ее анализировать и приготовиться ее отражать. Наконецъ, необходимо еще разъ (стр. XXIV) указать здѣсь, что на всѣхъ трехъ главныхъ невполнѣ законченныхъ изъ за войны турнирахъ въ Мангеймѣ 1914 года первый разъ за всю исторію Германскаго Шахмат-

Что касается до разнаго рода проблемъ шахматныхъ, то число ихъ такъ громадно, разнообразіе формъ такъ велико, что трудно было бы на десяткѣ примѣровъ показать хотя бы приблизительно тѣ успѣхи, которыхъ достигло искусство составленія задачъ вообще и даже только въ одной Россіи. Поэтому я образцовъ и не привожу. Въ шашкахъ я это сдѣлалъ, потому что примѣры могутъ заинтересовать и шахматистовъ и другихъ читателей, которые, не зная глубины возможныхъ шашечныхъ комбинацій, все же позволяютъ себѣ презрительно относиться къ игрѣ, полагая, что это довольно не замысловатая игра.

Четверные шахматы. Современныя четверные шахматы имѣютъ три вида. Самый интересный, съ перекрестными ходами, это—игра на двухъ вплотную рядомъ стоящихъ доскахъ (стр. 357); рядомъ сидящіе союзники.—Болѣе распространенный видъ четверной игры состоитъ изъ 64 клѣточной доски, къ которой съ каждой стороны прибавлено по три ряда клѣтокъ, такъ что на доскѣ образуется всего 160 клѣтокъ. Сидящіе другъ противъ друга—союзники, и шашки ихъ другъ друга не берутъ и шаха не дѣлаютъ.—Наконецъ, третій видъ четверной игры это *Русская шахматная игра съ крѣпостями* (стр. 370). Въ ней къ обыкновенной доскѣ въ 64 клѣтки съ каждой стороны прибавлено по два ряда клѣтокъ, а въ каждомъ углу еще по четверти (4×4=16) доски, такъ что образуется въ общемъ число клѣтокъ изъ трехъ досокъ, т. е. 192 клѣтки. Каждый правый уголъ принадлежитъ игроку, а лѣвый контръ-партнеру. Въ крѣпости ставится каждымъ по лишнему слону, коню и ладьѣ, которыхъ можно передъ началомъ игры ставить на любое мѣсто въ крѣпости по произволу. Лѣвая сторона, т. е. крѣпость контръ-партнера изъ 16 клѣтокъ, отъ игрока отдѣлена чертою, которая считается глухою стѣною, такъ что черезъ нее ни одна фигура не ходитъ и шаха не даетъ *); изъ этого слѣдуетъ, что съ правой стороны у игрока черта эта проходитъ наверху его крѣпости; соприкасающіяся ладейныя пѣшки съ своихъ мѣстъ другъ друга не берутъ. Ферзи становятся всегда слѣва отъ царя. Разница между четверною игрою русскою и западною европейской (см. Вс. Илл. 1876 г., № 372) состоитъ въ томъ, что въ русской игрѣ шашки заматованнаго игрока сейчасъ же снимаются съ доски, а въ европейской стоятъ неподвижно, не могутъ быть биты и по освобожденіи снова вступаютъ въ игру.—Пѣшки обращаются въ фигуры, когда попадутъ на линіи офицеровъ своихъ союзниковъ или (путемъ взятія) контръ-партнеровъ.—А. Д. Петровъ говоритъ, что въ четверную игру интереснѣе всего играть вдвоемъ, когда одинъ управляетъ шашками и своими и союзника.

наго Союза первые призы опредѣлились за русскими игроками: въ главномъ А-дръ А. Алехинъ; въ первомъ побочномъ (А)—А. И. Рабиновичъ и во второмъ побочномъ (В)—Н. Н. Рудневъ.—Въ заключеніе приведу интересную партію, выигранную русскимъ у нѣмца. Игравшій бѣлыми Гофманъ былъ хорошимъ и сильнымъ шахматистомъ. Воспоминанія о немъ А. Д. Петрова помѣщены въ „Ш. Л.“ 1863 года, № 60, стр. 394—398. Впослѣдствіи эта партія была А. Д. Петровымъ передѣлана въ прекрасную сказку про „Греческаго царя Паламеда, какъ онъ воевалъ съ Персицкимъ царемъ и какой сдѣлалъ ему матъ“.—Вотъ эта партія: Гофманъ (бѣлые), А. Д. Петровъ (черные). 1. e2—e4, e7—e5; 2. Kg1—f3, Kb8—c6; 3. Cf1—c4, Cf8—c5; 4. c2—c3, Kg8—f6; 5. d2—d4, e5 : d4; 6. e4—e5, Kf6—e4; 7. Cc4—d5, Ke4 : f2+; 8. Цe1 : f2, d4 : c3+; 9. Цf2—g3, c3 : b2; 10. Cc1 : b2, Kc6—e7, 11. Kf3—g5, Ke7 : d5; 12. Kg5 : f7, 0—0!! 13. Kf7 : d8, Cc5—f2+; 14. Цg3—h3, d7—d6+; 15. e5—e6, Kd5—f4+; 16. Цh3—g4, Kf4 : e6; 17. Kd8 : e6, Cc8 : e6+; 18. Цg4—g5, Лf8—f5+; 19. Цg5—g4, h7—h5+; 20. Цg4—h3, Лf5—f3×. См. „Ш. Л.“ 1879 г., №№ 9 и 10, стр. 262—267.

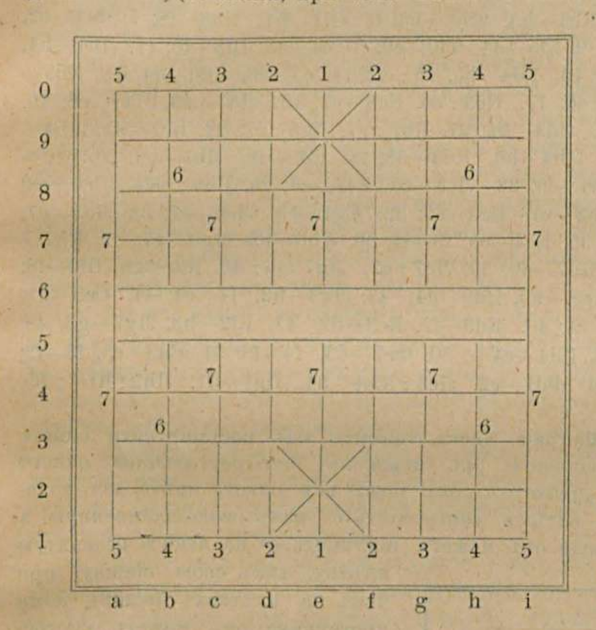
*) Черта эта, по техническимъ условіямъ типографскаго набора, на стр. 370-й не показана; она отдѣляетъ шашки каждаго игрока слѣва, проходя въ длину двухъ клѣтокъ около ферзевой ладьи и ея пѣшки.

Шатренджъ, средневѣковая шахматная игра, сохраняющаяся еще на востокѣ и сейчасъ (стр. 192—200).—Отличается отъ современныхъ европейскихъ шахматъ: —Царь рокировать не могъ, взамѣнъ этого одинъ разъ въ началѣ партіи онъ имѣлъ право въ любое время, слѣдовательно и отъ шаха и черезъ шахъ, прыгнуть съ первоначальнаго своего мѣста въ любую сторону на третью отъ себя клѣтку по любому направленію, т. е. и по коневьему.—Патъ считался проигрышемъ для немогущаго ходить, равно проигравшимъ же признавался тотъ, чей царь оказывался одинокимъ безъ всѣхъ шашекъ;—64 разнообразныхъ шаха, сдѣланныхъ подъ рядъ, также даютъ выигрышъ, но шахи однообразные, или систематично чередующіеся,—приводятъ къ ничьей, къ вѣчному шаху.—Пѣшка только въ началѣ партіи, и именно пока не было взято съ доски ни одной шашки, могла ступить изъ дому два шага, а позднѣе она двигалась только на сосѣднюю впередъ клѣтку.—Взятія на проходъ не было.—Ладья и конь ходили, какъ теперь.—Ферзь, называвшійся потомъ альферецца, ходилъ только на сосѣднюю клѣтку въ четыре стороны по полямъ того цвѣта, на которомъ стоялъ въ началѣ партіи.—Въ настоящее время онъ тоже можетъ дѣлать съ своего первоначальнаго мѣста скачекъ на третье отъ себя поле, но не по коневьему; раньше права на этотъ прыжокъ онъ не имѣлъ.—Пѣшка, дойдя до мѣста чужихъ офицеровъ, превращалась въ ту шашку, мѣста коей достигла, но на царскомъ мѣстѣ обращалась въ ферзя. Теперь арабы на востокѣ и въ Африкѣ замѣняютъ проведенную пѣшку какой либо взятой фигурой (согласно съ обычаями древней чатуранги). Слова Линде, будто въ шатренджѣ пѣшка обращалась всегда въ альфереццу, не соотвѣтствуютъ истинѣ. Это правило было нововведеніемъ и притомъ только европейскимъ.—Когда пѣшка стала обращаться только въ ферзя, то ей съ линіи чужихъ офицеровъ предоставлено было въ первый ходъ право

скачка въ любую сторону черезъ одну клѣтку (стр. 21—22), но ходить новый ферзь могъ все же только по клѣткамъ того цвѣта, гдѣ вновь образовался.—Слонъ или альфиль ходилъ и билъ только на третью отъ себя клѣтку по косому направленію, но за то могъ ходить и черезъ шашки (свои или чужія).—Партій шатренджа до насъ не дошло.—Задачи представлены въ книгѣ стр. 291 и 292.

Китайскіе шахматы. Игра идетъ на одноцвѣтной линейной продолговатой доскѣ изъ 9×10 линій, при чемъ шашки ставятся на точки пересѣченія этихъ линій, а не на клѣтки.—Китайцы шашки дѣлаютъ круглыми и плоскими, на подобіе нашихъ простыхъ шашекъ, особаго для каждой стороны цвѣта, а названіе ихъ отмѣчаютъ на верхней сторонѣ знаками.—Каждый имѣетъ: по 1) одному царю, 2) по два ферзя или мудреца, 3) по два слона, 4) по два коня, 5) по двѣ ладьи или колесницы, 6) по двѣ пушки и 7) по пяти пѣшекъ.—Всѣ шашки ходятъ только по линіямъ, останавливаясь на пересѣченіяхъ ихъ, и всѣ шашки бьютъ, становясь на мѣсто убитой, когда между бьющей и убиваемой линія свободна, за исключеніемъ только пушки; эта послѣдняя, хотя убивая становится также на мѣсто убитой, но бить и давать шахъ можетъ только тогда, когда между бьющею пушкой и атакуемой шашкой есть одна своя или чужая шашка, такъ что если на одной линіи стоятъ двѣ одинаковыхъ пушки и чужая шашка, то дальняя отъ этой шашки пушка можетъ бить эту чужую, а ближайшая къ ней на это права не имѣетъ.—Соединенныя по обѣимъ сторонамъ косыми линіями девять мѣстъ (d1, d2, d3, e1, e2, e3, f1, f2, f3) называются *крѣпостью;* пространство между пятою и шестою линіей—*рѣкой*; ширина рѣки считается за разстояніе одного мѣста отъ другого; стороны до рѣки китайцы называютъ *лагерями.*—Царь ходитъ по прямой линіи (подобно нашей ладьѣ) на сосѣднее мѣсто и не можетъ выходить изъ крѣпости.—Рокировки не бываетъ.—Ферзь (d1, f1) ходитъ только вкось и только въ крѣпости на сосѣднее мѣсто.—Слонъ (c1, g1) не ходитъ за рѣку, онъ ходитъ по косой линіи на второе отъ себя мѣсто притомъ не черезъ шашки, а по свободному пути, съ c1 на a3 или съ c1 на e3; если на b2 или d2 стоятъ свои или чужія шашки, то слонъ ходить не можетъ.—Конь (b1, h1) ходитъ подобно нашему, но путь его также долженъ быть свободенъ отъ своихъ или чужихъ шашекъ, хотя по одному изъ путей; такъ съ b1 онъ идетъ на c3, но необходимо, чтобы мѣсто b2 или c2 было свободно, иначе конь не ходитъ; китайцы говорятъ „у коня (*ма*) ноги связаны."—Ладья (a1, c1) ходитъ подобно нашей ладьѣ.—Пушка (b3, h3) ходитъ какъ и ладья, но беретъ и шахъ дѣлаетъ только изъ за одной шашки, какъ объяснено

выше.—Пѣшка идетъ прямо только на одинъ шагъ и беретъ она въ направленіи своего хода.—Пѣшка, дойдя до послѣдней линіи, ни въ какую фигуру не обращается.—Перейдя рѣку, пѣшка пріобрѣтаетъ право двигаться на одинъ шагъ въ сторону (подобно ладьѣ нашей) вправо или влѣво, но она при этомъ не можетъ переходить на другую сторону чужой крѣпости: должна держаться первоначальной стороны своего положенія, правой или лѣвой.—

Примѣрная партія. 1. Пh3—e3, Kb0—c8; 2. c4—c5, Cg0—e8; 3. g4—g5, Пb8—a8; 4. Kb1—c3, Лa0—b0; 5. Kh1—g3, Лb0—b6; 6. Лi1—h1, Пh8—f8; 7. Фf1—e2, Kh0—g8; 8. Kg3—f5, Лb6—f6; 9. Kf5—d4, Фf0—e9; 10. e4—e5, Пf8—f0; 11. Лh1—h4, c7—c6; 12. Kc3—e4, Лf6—d6; 13. Kd4—b5, c6 : c5; 14. e5—e6, Лd6—d4; 15. Kb5—c7, c5—c4; 16. Пb3—b7, e7 : e6; 17. Пe3 : e6, Kc8—e7; 18. Лa1—a3, Пa8—c8; 19. Лa3—f3, c4—c3; 20. Cc1—a3, Лd4—b4; 21. Пb7 : e7, Kg8 : e7; 22. Kc7—d5, Лb4—b7; 23. Лf3 : c3, Лi0—g0; 24. Лh4—h6, Пc8—d8; 25. Kd5—f6, Лb7—b6; 26. Kf6—h7, g7—g6; 27. Пe6—e5, Лb6—e6; 28. Лc3—c5, Ke7—c6; 29. Пe5 : e8+, Ce0 : e8; 30. Ke4—g3, Пd8—d7; 31. Ca3—c1, Kc6—e5; 32. Cg1—e3, Лe6—e7; 33. Лc5—c7, g6 : g5; 34. Kg3—e4, g5—f5; 35. Ke4—c5, f5—f4; 36. Лh6—h3, Лg0—g7; 37. Kh7—i9, Ke5—g4; 38. Лh3—g3, Пd7—d9; 39. Лc7 : e7, Лg7 : e7; 40. Ki9—g8, Пf0—f8; 41. Kc5—d3, Лe7—g7; 42. Kg8—h0, Пd9—d4; 43. Лg3—h3, f4—e4; 44. Ce3—g1, Kg4—e5; 45. Лh3—h1, Ke5—c4; 46. Kd3—f2, Kc3—d2; 47. Kf2—h3, Лg7—g3; 48. Kh0—g8, e4—f4; 49. Cc1—a3, Пd4—e4+; 50. Фe2—d3, f4—f3; 51. Ca3—c5, f3—f2; 52. Cg1—i3, Лg3—e3++; 53. Фd1—e2, Лe3 : h3+; 54. Цe1—d1, Лh3 : h1+; 55. Цd1 : d2, Пe4—d4×.

Японскіе шахматы или Шо-гой-е. Доска состоитъ изъ восьмидесяти одного продлинноватаго (по направленію отъ игроковъ) четыреугольника одного цвѣта [466]).—Шашки того и другого игрока также всѣ одного цвѣта, ибо взявшій чужую шашку можетъ затѣмъ употреблять ее какъ свою собственную, а именно въ свою очередь хода онъ можетъ поставить ее на любую незанятую клѣтку, какъ свою шашку, при чемъ на клѣткахъ рядовъ дома противника онъ можетъ употребить ее лишь съ первоначальною ея силою, а не съ тою, съ какою онъ ее пріобрѣлъ. При послѣдующихъ же ходахъ можно ее и перевернуть.—Пѣшки нельзя ставить такимъ путемъ на той полосѣ, гдѣ пѣшка есть, т. е. нельзя сдваивать пѣшекъ.—Всѣ шашки берутъ такъ, какъ ходятъ, становясь на мѣсто убитой.—Пѣшки плоски и клинообразны. Для отличія своей шашки отъ чужой служитъ положеніе шашки, обращенной остріемъ къ непріятелю. — Названія шашекъ, подобно китайской игрѣ, написаны на шашкѣ; наверху то названіе, которое принадлежитъ шаш-

5	4	3	2	1	2	3	4	5
	7					6		
8	8	8	8	8	8	8	8	8
8	8	8	8	8	8	8	8	8
	7					6		
5	4	3	2	1	2	3	4	5

[466]) Въ соотвѣтствіе съ европейскими шахматами у насъ издаютъ правила съ раскрашенной японской доской.

кѣ, внизу то, которое она пріобрѣтаетъ во время игры.—Царь не долженъ оставаться подъ шахомъ, если же средствъ избавить его нѣтъ, то игра кончается, какъ и во всѣхъ шахматныхъ играхъ.—Каждый имѣетъ по двадцати шашекъ.—Онѣ ходятъ по клѣткамъ такимъ образомъ:

1. Ого-шіо, или Воо-шоо (драгоцѣнный камень), соотвѣтствуетъ европейскому царю и ходитъ такъ же, какъ и у насъ по всѣмъ направленіямъ на одинъ шагъ. Онъ такъ же, какъ и у насъ, не можетъ оставаться подъ шахомъ.

2. Кинъ-шіо, или Кинъ-шоо (золото или старшій ферзь),—какъ царь, но не можетъ двигаться назадъ по діагональнымъ направленіямъ.

Ни царь, ни старшіе ферзи правъ своихъ не мѣняютъ и не переворачиваются; всѣ же прочія шашки увеличиваютъ свои права и переворачиваются на обратную сторону, какъ только ступятъ на одну изъ домовыхъ клѣтокъ непріятеля, все равно какого ряда; при этомъ они мѣняютъ и названія; но можно ихъ и не перевертывать, ибо это зависитъ отъ произвола игрока.

3. Гинъ-шіо, или Гинъ-шоо (серебро или младшій ферзь), имѣютъ права старшаго ферзя, но не могутъ двигаться по горизонтальнымъ линіямъ или по прямому направленію назадъ.—При переворачиваніи онъ дѣлается Гинъ-Нари-кинъ и получаетъ всѣ права старшаго ферзя.

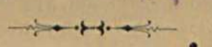
4. Кіэ-ма, или Ке-ма (летучій конь), ходятъ подобно коню шахматному, но съ тѣмъ отличіемъ, что направляются только впередъ на двѣ клѣтки и одну въ сторону, такъ что въ качествѣ кіэмы не могутъ совершить болѣе четырехъ ходовъ въ партіи; при перевертываніи обращается въ Кіэ-ма-Нари-кинъ и получаетъ всѣ права старшаго ферзя.

5. Кіо-шіа (жгучая колесница) двигаются подобно ладьѣ нашей, но только впередъ; назадъ и въ бокъ не ходятъ; при обращеніи на любомъ изъ трехъ первыхъ рядовъ (дома) противника называются Кіо-шіа-Нари-кинъ и пріобрѣтаютъ всѣ права старшаго ферзя.

6. Ги-шіа, или Фи-ша (летучая колесница), ходитъ подобно ладьѣ нашей, когда же переворачивается, то пріобрѣтаетъ названіе Ріо-гіо или Ріу-воо (драконъ) и, сохраняя свои основныя движенія, ходитъ еще и какъ царь Ого-шіо.

7. Каку-ко, или Каку-гіоо (рогъ), ходитъ подобно слону нашему, а когда переворачивается, то принимаетъ названіе Ріо-ме или Ріу-ма (драконица) и, сохраняя свои движенія, пріобрѣтаетъ еще ходы царя Ого-шіо.

8. Го-гей, или Хо-хей (воинъ), движется только впередъ на одну клѣтку; перевернутъ можетъ быть на каждомъ изъ трехъ первыхъ рядовъ противника и тогда дѣлается Го-Нари-кинъ и исполняетъ всѣ обязанности старшаго ферзя.

„Живописная Русская Библіотека“ (изд. К. Полевымъ, 1857 г., т. II, № 47, стр. 371) замѣчаетъ, что шашки „легче было бы различать, если бы заднюю сторону всѣхъ фигуръ покрыть какою-либо яркою краскою (по тому что каждый изъ играющихъ видитъ только одну часть своихъ собственныхъ фигуръ), а переднюю часть ихъ окрасить иначе.“

Въ книжкѣ:—*М. Н. Васильевскій*. Игра въ шоги. Японскіе шахматы. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. 1913 г. Ц. 20 коп.—даются нѣсколько иныя правила, но судя по другимъ компиляціямъ этого же автора, едва-ли изложеніе заслуживаетъ довѣрія.—У Линде (Quellenstudien) также есть отличія отъ нашего описанія, но нигдѣ не нашелъ я такой полноты и ясности изложенія правилъ, какъ въ „Живоп. Русск. библіотекѣ“, почему и считаю, что оно вѣрнѣе.

Въ заключеніе о шахматныхъ играхъ упомяну еще о двухъ попыткахъ ввести новыя шахматныя игры. Обѣ онѣ до крайности курьезны и сдѣланы, конечно, потому, что исправлять старыя игры и выдумывать новыя никому не воспрещено, и потому, что находятся охотники на новинки. Первая попытка представляетъ брошюру Альберта Саагхи фонъ-Саагъ изъ нѣмецкой Швейцаріи: Rationelle Esweiterung und Vervollkommung des Schachspiels. Von Albert Saaghy von Saagh emit. Secundar—Schuldireetor. Verlag von A. Saaghy. Basel. 1898. 8-vo. 62 Seiten. Здѣсь вводится новая фигура льва (голова его въ діаграммахъ—вмѣсто боковаго направленія набрана вверхъ), которая представляетъ развитіе хода коня, а именно левъ ходитъ дальше, чѣмъ конь, и на клѣтку того же цвѣта, такъ съ е5 можетъ онъ прыгать на f2, h4, d8, b4, d2, а съ d5 на е2, g6, с8 и проч. Доска стоклѣточная. Въ наивной увѣренности, что его попытка можетъ осуществиться, авторъ обращается къ кружкамъ и клубамъ съ просьбою высказаться по поводу его реформы, а въ предисловіи сообщаетъ о себѣ біографическія свѣдѣнія. Предлагаются и еще другія доски, въ 12×12, 9×9, 11×11 и 13×13. Я не видалъ даже ни одного отзыва въ шахматныхъ журналахъ объ этой попыткѣ.—Шахматисты плохо преставляютъ себѣ эволюцію въ ходахъ шахматныхъ фигуръ. Ходъ коня сохранился, такъ какъ онъ очень своеобразенъ, и не легко увидать его превращеніе въ дальнобойную фигуру. Если бы движеніе коня, подобно ходу слона, ладьи и ферзя, было бы удлинено до конца доски, то онъ долженъ былъ бы ходить до ребра шахматницы по какому либо прямолинейному направленію; напримѣръ, съ b1 или на а3, или на е7 (черезъ с3 и d5), или на h4 (черезъ d2 и f3); остановившись на с3, онъ въ слѣдующіе ходы могъ бы сразу идти или на е7 (черезъ d5), или на g5 (черезъ е4), или на а7 (черезъ b5), при чемъ, стоя на какой либо клѣткѣ, онъ долженъ былъ сохранять и свои первоначальныя права. Не трудно видѣть, что такое развитіе хода коня было бы логически правильнымъ, но при игрѣ весьма неудобнымъ, такъ какъ не легко было бы услѣдить, что конь съ b1 дѣлаетъ шахъ на е7, но не дѣлаетъ его на f6, а находясь ближе, на d5, шахуетъ и на е7 и на f6.

Другой курьезъ составляетъ новая игра, названная *Марсъ*; о ней не только изданы описанія, но и продаются самыя доски съ новыми фигурами. Это изобрѣтеніе голландца изъ Рейсвейка. Мнѣ удалось видѣть русскую брошюру: „МАРСЪ" новая шашечная игра, изобрѣтеніе М. Ванъ-Лёвенъ. Правила игры и образцовыя партіи. Переводъ съ англійскаго изданія. **Т-во Ф. Г. Эйрсъ.** Лондонъ 1910 г.—Москва 1911.—Типографія Русскаго Товарищества. Москва. Тел. 18—35.—Игра идетъ на доскѣ изъ шестиугольниковъ, при чемъ нѣкоторыя фигуры съ одной половины доски не переходятъ на другую, а самое дѣленіе доски устроено такъ, что чужія фигуры все же могутъ непосредственно встрѣчаться на среднихъ клѣткахъ, которыя входятъ въ обѣ половины. Нападеніе на главную шашку именуется *наблюденіемъ*, а неотразимое нападеніе—*полнымъ наблюденіемъ*. Хотя въ предисловіи и говорится, что игра „Марсъ"—результатъ тщательнаго мышленія и остроумныхъ вычисленій, и что „ни одна игра не превосходитъ ея очарованіемъ, какъ забаву или умственное упражненіе", можно тѣмъ не менѣе предсказать ей, какъ и всѣмъ такого рода попыткамъ, самую плачевную судьбу. (См. примѣч. 7-е и 385-е).

НЭРДЪ

древняя персидская шашечная игра.

Игра нарды, какъ называютъ ее армяне, или нарди, какъ произносятъ грузины, чрезвычайно распространена на Кавказѣ; въ нее играютъ отъ Владикавказа до Тифлиса, русскія же шашки здѣсь почти не извѣстны. Несомнѣнно, что это древняя персидская игра **нардъ**, запрещенная еще Магометомъ, который, какъ извѣстно, шахматъ не зналъ. Въ Батумѣ, Константинополѣ и на всемъ южномъ берегу Чернаго моря игра эта называется **тавлея**. Тавлеи въ московскомъ періодѣ русской исторіи были весьма распространенною въ Россіи игрой, и шашки ихъ сохраняются до настоящаго времени среди вещей Оружейной Палаты; но въ послѣднее время онѣ разыгрывались, кажется, по правиламъ западно-европейскаго трикъ-трака, ибо въ описяхъ при нихъ упоминаются не только „костки перемётныя", но и „втирки янтарныя", т. е. колышки или штифтики, для отмѣтки партій и выигранныхъ очковъ [467]). Нардъ извѣстенъ и у насъ въ Азіи. Такъ, В. Стасовъ [468]) пишетъ, что Бергманъ, описывая калмыцкій образъ жизни и нравы „разсказываетъ, что у калмыковъ въ большомъ употребленіи одна персидская игра, которую калмыки зовутъ *нарръ*, а русскіе *тавлея**). Объ этой игрѣ упоминается и въ грузинской поэмѣ Таріэлъ Барсова кожа (Грузинск. христомат. *Губинова*, ч. II, стр. XVI), конечно, вслѣдствіе сильнаго вліянія персидской національности на грузинскую (Bergmann, Nomadische Streifereien, II, 216; VI, 230). Эта азартная игра любима на востокѣ со временъ глубокой древности: упоминается уже въ Магбаратѣ, Рамаянѣ и т. д.

Игра эта, по содержанію своему относящаяся къ игрѣ характера *переходовъ*, восходитъ ко времени самой глубокой древности, какъ мы имѣли уже случаи

---

[467]) Академическій словарь (Спб. 1794) даетъ: „**Тавлеи**, ей. с. ж. мн. Игра, въ которой мечутъ двумя игральными костями, и по числу точекъ, какое онѣ покажутъ, ставятъ на соотвѣтствующія сему числу мѣста плитки и далѣе переходятъ. *Играть въ тавлеи*". Здѣсь слово **плитки**, конечно, народное осмысливаніе греческаго „плинтуса", замѣна иностраннаго слова русскимъ. Въ примѣчаніи 341-мъ произошла досадная ошибка, такъ какъ я не могъ разыскать у себя выписки изъ словаря даже ко времени корректированія листа, гдѣ свѣдѣнія привелъ я по памяти.—Кости въ древности въ Россіи именовали *зернью*. Это, несомнѣнно, также осмысливаніе древняго слова „зарія" (пр. 340), ибо очки костей можно принять похожими на зерна.

[468]) Прохожденіе русскихъ былинъ. „Вѣстн. Евр.", 1868, VII, 303.

*) У Сербовъ игра эта называется *табли*, и они считаютъ ее турецкою.—Кромѣ того у нихъ есть какая-то особенная шашечная игра подъ именемъ „кама".

говорить объ этомъ, но у древнихъ грековъ разыгрывалась съ тремя костями, и шашки у нихъ шли, повидимому (стр. 154), навстрѣчу другъ другу. Позднѣе эта древняя игра изъ римской ludus duodecim scriptorum превратилась въ Западной Европѣ въ **большой трикъ-тракъ** [469]), игру весьма сложную, такъ что не легко даже научиться [470]) играть. Мои старанія узнать ея правила остались тщетными.—

[469]) Сущность трикъ-трака состояла въ томъ, что шашки, двигаясь навстрѣчу другъ другу (при начальномъ положеніи ставились на бортовыхъ брускахъ какой-либо одной стороны доски, правой или лѣвой), не убивали чужихъ шашекъ на самомъ дѣлѣ, а лишь давали *право* бить, что переводили на очки.— Противъ каждой флеши въ борту устроены дыры, и каждая дыра составляла партію, а въ цѣлой игрѣ должно было быть 12 дыръ или партій; каждая дыра выигрывается тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ себѣ *ходами* 12 очковъ. Эти очки получались за различныя обстоятельства; за право бить чужія шашки, за занятіе цѣлаго двора своими шашками, за удержаніе занятаго двора и пр.—Независимо отъ этого, самыя очки эти надо было отмѣчать точно и непремѣнно послѣ метанія костей, передъ совершеніемъ ходовъ; кто упускалъ это дѣлать, тотъ не только не пріобрѣталъ себѣ очковъ, но очки эти зачислялъ себѣ противникъ. Кто наигрывалъ себѣ 12 очковъ и отмѣчалъ дыру,—тотъ въ правѣ былъ или продолжать игру дальше, или возвратиться, т. е. не доигравъ снова начать игру, поставивъ свои и чужія шашки въ складъ. Это именуется *простой партіей.* Ее играли на первыхъ своихъ двухъ дворахъ (каждый сидѣлъ на сторонѣ своего склада). Такъ можно было дѣлать нѣсколько разъ, но все же можно было доиграть и до конца, т. е. начать переходить своими шашками на чужіе дворы. Это называется *возвратной партіей.* И здѣсь также нельзя было бить чужихъ шашекъ, за это отмѣчались лишь очки; самые же ходы дѣлались только или на пустыя клинки, или на клинки, занятые своими шашками. Въ концѣ концовъ сбрасывали шашки съ послѣдняго двора. Такимъ образомъ игра была эволюціей древне-римской игры, въ которой также можно было начинать партію 12 разъ.—Интересно, что, не умѣя разобрать сущности дѣйствительнаго хода, создали правило о *ложномъ ударѣ,* а именно когда кто билъ чужую по суммѣ костей, не имѣя возможности теоретически опереться на свободный клинокъ, то это называлось ударомъ *ложнымъ,* и за это очки зачитывались тому, чья шашка представлялась этимъ путемъ битой. Пристань свою можно было занять только двумя своими шашками одновременно. Затѣмъ было множество подробностей о двойной дырѣ, о зачетѣ очковъ нѣсколько очередей подрядъ за одно и тоже. У меня есть книга Le grand Trictrac, ou methode facile pour apprendre sans maitre. Nouv. ed.—Du Fonds de P. F. Giffart. A Paris. Cher. de Hansy. MDCCLXVI.—Въ этой „Легкой методѣ“ 360 страницъ въ малую осьмушку, изъ коихъ можно откинуть не болѣе 60,—остальныя заняты діаграммами партій и изложеніемъ правилъ. Вѣроятно, былъ какой нибудь общій руководящій законъ вычисленія очковъ, сколько именно надо было брать и за что, но закона этого нигдѣ не показано, и дабы выучиться триктраку, надо изучать всѣ триста страницъ, и это несмотря на то, что книга изложена какъ будто ясно и послѣдовательно.—Двойныя кости въ большомъ триктракѣ ходовъ не удваивали, но пріобрѣтаемыя на дублетахъ очки были счетомъ выше простыхъ, т. е. за то, что на простыхъ костяхъ давало 4 очка, за то двойныя кости давали 6 и болѣе.

Въ Западной Европѣ есть, вѣроятно, другой трикъ-тракъ, обычный, безъ особыхъ марокъ для счета очковъ въ партіи, но правилъ и этого триктрака добыть мнѣ не довелось. Описаніе И. Я. Герда сомнительно.

[470]) „Вычисленію выигрыша въ триктракѣ едва-ли можно научиться иначе, какъ нагляднымъ образомъ и посредствомъ уроковъ, которые можно брать. Самымъ труднымъ дѣломъ для начинающаго кажется узнавать, когда онъ беретъ и когда нѣтъ, а также вычислять то, что онъ выигрываетъ или проигрываетъ“. *Триктракъ,* объясненный условіями и положеніями игры и правилами разыгрыванія. М. 1869. стр. 27.—Конечно, это не вѣрно. Какъ ни сложны бываютъ игровые разсчеты, но ихъ всегда можно изложить въ извѣстной болѣе или менѣе понятной системѣ; но раньше не умѣли этого дѣлать, и правила игры, существовавшей нѣсколько столѣтій и увлекавшей нашихъ предковъ,

Теперь, разумѣется, нельзя опредѣлить, изъ чего именно произошелъ нардъ, т. е. древнѣе ли онъ римской игры, или наоборотъ, но несомнѣнно одно, что игры эти одного и того же характера и сохранили свои главныя основанія. Всего, однако, вѣрнѣе, что игра *нардъ*, по современному выговору „нэрдъ,"—игра восточная или идетъ изъ Египта, до сего времени въ правилахъ своихъ сохраняетъ слѣды глубокой древности, и можно думать, что она разыгрывалась по этимъ правиламъ еще до Магомета. Въ этой игрѣ, какъ я говорилъ ранѣе (стр. 153), можно наблюдать тотъ безсознательный консерватизмъ, который проявляется съ особенною рѣзкостью въ играхъ. А именно армяне, грузины и татары называютъ выпавшія на костяхъ сочетанія очковъ на фарсійскомъ языкѣ съ примѣсью арабскаго [471]), хотя имъ легче бы говорить на своемъ языкѣ.

На самомъ Кавказѣ игра нэрдъ имѣетъ три разныхъ вида, а именно: 1) *Большая игра нарды*, 2) игра нарды, называемая „Марсъ" и 3) *Малая игра нарды*. Игра „Марсъ", очевидно, сокращенный большой нэрдъ, правила котораго здѣсь предлагаются. Насколько они вѣрны, я не знаю, но такъ какъ я имѣлъ случай повѣрять ихъ нѣсколько разъ и у армянъ и у грузинъ, то я думаю, что ошибокъ у меня нѣтъ. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, что большой нэрдъ игра исчезающая, по крайней мѣрѣ, у насъ на Кавказѣ; многіе молодые армяне и грузины правилъ ея уже не знаютъ.

В. А. Эрдели писалъ мнѣ объ этихъ играхъ въ 1890 году изъ Тифлиса: „На дняхъ пришлось познакомиться не только съ игрой нарды, но и со способомъ ея примѣненія на Кавказѣ. Здѣсь среди мѣстнаго интеллигентнаго населенія она очень распространена. Въ „бурдючномъ клубѣ" (такъ называютъ клубъ мѣстнаго дворянства: армянъ и грузинъ), гдѣ я былъ вчера спеціально, чтобы видѣть игру, играютъ на 7—12 столахъ; преимущественно Армяне и Грузины... часто они въ національныхъ костюмахъ; столы низенькіе, такъ что нужно играть, сидя и нагнувшись, имѣя доску въ уровень съ колѣномъ; при этомъ они бросаютъ кости какъ-то своеобразно, издали, вращая ихъ между

быть можетъ, исчезнутъ навсегда, если не найдется любителя, который пожелаетъ вновь ее теперь изучить и изложить въ системѣ.

[471]) Въ примѣчаніи 182-мъ привелъ я армянскій говоръ: грузины, какъ мнѣ удалось узнать позднѣе, употребляютъ нѣсколько иныя выраженія. Ихъ интересно сохранить съ этнографической точки зрѣнія. Вотъ термины у грузинъ: а) 1—1, ягнеби; б) 1—2, ду—яке; в) 1—3, сэ—яке; 2) 1—4, чаръ—яке; д) 1—5, паньджъ—яке; е) 1—6, шашъ—яке; ж) 2—2, ду—ба—ра̀; 3) 2—3, сэ—ду или сэ—ба—ду; и) 2—4, чаръ—и—ду; і) 2—5, паньджъ—и—ду; к) 2—6, шашъ—и—ду; л) 3—3 одинаково съ армянами; м) 3—4 чаръ—у—сэ; н) 3—5, паньджъ—у—сэ; о) 3—6, шашъ—у—сэ; п) 4—4, дортъ—чаръ—и, или ду—чаръ—и; р) 4—5, паньджъ—у—чаръ—и; с) 4—6, шашъ—у—чаръ—и; т) 5—5, ду—бешъ—и, или ду—паньджъ—и; у) 5—6, шашъ—у—бешь—и; ф) 6—6, ду—шашъ—и.—Персидскія слова екь=одинъ; ду=два; сэ=три; чхаръ=четыре; пенджъ=пять; шешь=шесть. Сочетанія бываютъ съ предлогомъ ба въ срединѣ; у, что̀ значитъ *и*, тоже вставляется для связи; дортъ и бешь слова турецкія. Итакъ, у армянъ чхаръ растянулось въ чахаръ, а у грузинъ сократилось въ чаръ; 4 и 4 у грузинъ сохранили и персидскій характеръ ду—чаръ—и; баръ значитъ разъ; ду—баро=2 два раза.

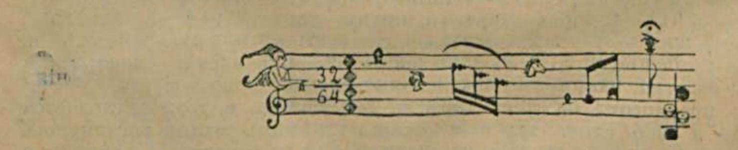
Все это такъ было и въ древности; извѣстно было и русскимъ, и возможно предположеніе, что часто употребляемое выраженіе шешъ=шесть могло отчасти вліять и на созданіе русскаго слова *шашка*.—У Миклошича встрѣчается славянское слово „шака", которое онъ переводитъ „отрядъ войска". Если слово „шашка" произошло отсюда, то выраженіе „игра въ шаки" можетъ быть принято за переводъ словъ ludus latrunculorum.—Я забылъ упомянуть, что у Даля встрѣчается еще слово „**Шагайка**, *сибирск.*, козна, лодыга, костыга, игральная бабка". Не древнее ли это названіе шашки, родственное древне-славянскому „шеги"?

пальцами; шашекъ не передвигаютъ, а хватаютъ, и съ высоты ударяютъ ими по доскѣ съ такимъ шумомъ, что я изъ третьей комнаты услыхалъ и прибѣжалъ посмотрѣть, что это такое. Нарды или тавлеи считаютъ здѣсь очень трудной игрой"...

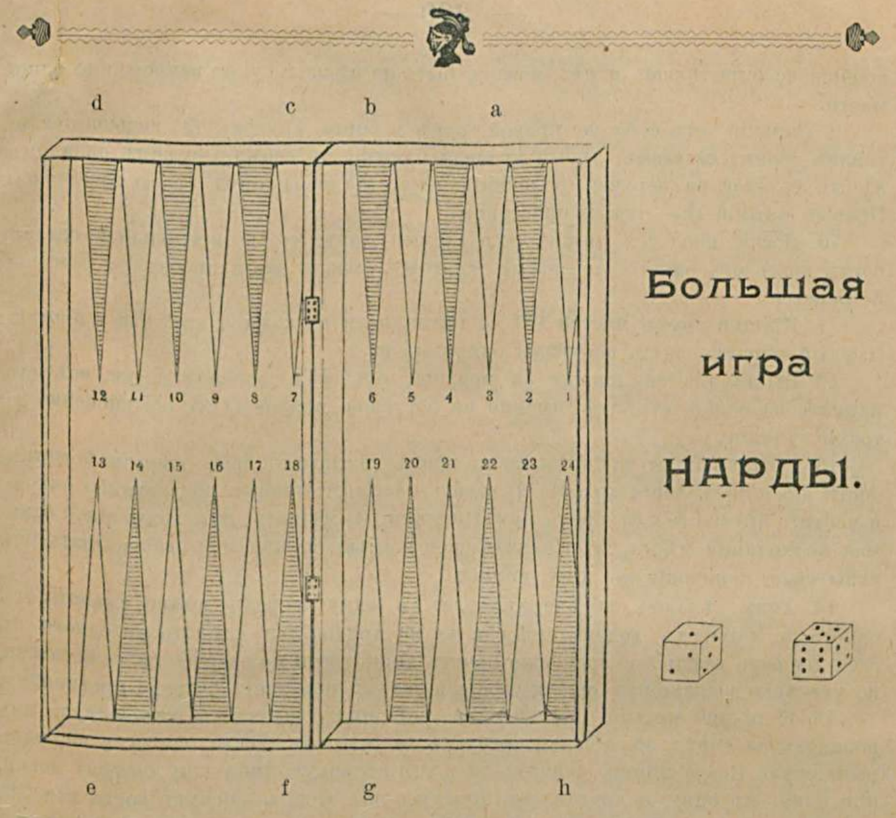
Нардъ—смѣсь случая и разсчета, ибо удачно выпавшіе кости улучшаютъ игру и наоборотъ. Вѣроятно у многоигравшихъ выработаны особыя примѣты, какъ именно безопаснѣе играть при тѣхъ или иныхъ костяхъ, при томъ или иномъ расположеніи шашекъ; что̀ считать ходомъ рискованнымъ и что̀ нѣтъ. По сравненію съ шахматами и шашками нэрдъ игра очень простая, но большая практика даетъ, вѣроятно, особые шансы. Извѣстно, что сама теорія вѣроятностей создана была Паскалемъ изъ за вопроса игрока Шевалье де Мере, пожелавшаго узнать, какъ часто можно разсчитывать на появленіе въ триктракѣ двойной шестерки.

Въ игрѣ нэрдъ, какъ это подробно было выяснено на страницахъ 154—155, все указываетъ на ея древность и своеобразность.—Какъ и большинство древнѣйшихъ игръ, и особенно восточныхъ, тавлеи не имѣютъ вовсе ничьей, и въ нихъ нельзя создать поддавковъ.

Игра ведется на особой доскѣ, въ формѣ неглубокаго складного ящика, которую на Кавказѣ дѣлаютъ именно для нарды. Въ ней стрѣлки очень удлиненныя, такъ какъ вообще здѣсь не принято ставить шашку на шашку, и это допускается лишь на первомъ брускѣ [472]). На Кавказѣ, благодаря популярности игры, доска сильно упрощена, и клинковъ даже не рисуютъ, ограничиваясь лишь полукруглыми выемками въ бортахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бруски должны начинаться; та линія, по которой ставятся шашки, только воображается; кости, большею частью, мечутъ прямо руками, но это считается, однако, незаконнымъ, и игрокъ въ правѣ требовать, чтобы противникъ металъ изъ стакана, обыкновенно деревяннаго. Думаютъ, будто при ручномъ способѣ есть возможность злоупотребленій, искусство выбрасывать болѣе выгодныя для себя кости. Въ Европѣ и у насъ тавлейную доску пишутъ внутри складной шашечницы, такъ что она приближается формой къ квадрату, но бываетъ такъ, что на одной сторонѣ квадратнаго ящика располагаютъ шашечницу, а на обратной—мельницу; въ этомъ случаѣ раскрытый ящикъ представляетъ уже два, вмѣстѣ сложенныхъ, квадрата; а самыя клинки или флеши кажутся укороченными и поневолѣ приходится помѣщать шашку на шашку; но, разумѣется, можно доску прямо рисовать и на гладкой поверхности.

[472]) Этотъ терминъ взятъ мною изъ русскаго изданія о триктракѣ. Здѣсь есть еще особое употребленіе этого слова, а именно *брускомъ* именуютъ клинокъ съ *двумя* или болѣе шашками, стрѣлки же съ *одною* лишь шашкою называются *полубрускомъ*; для означенія выхода шашекъ изъ *склада* употребляется выраженіе *сваливать*. Въ самой игрѣ на Кавказѣ, сколько я могъ выяснить, для перваго бруска есть только названіе *дома*.

Большая игра НАРДЫ.

1. Играющихъ въ нарды, или тавлею, двое; они играютъ съ цѣлью побѣдить другъ друга, ибо ничьей игры не бываетъ.

2. Приборъ игровой состоитъ изъ доски (adeh), шашекъ, костей и рожка.

3. Рожокъ, или стаканъ деревянный, употребляется для метанія костей въ свою очередь; онъ находится въ общемъ владѣніи и постоянно переходитъ отъ одного игрока къ другому; но можно имѣть ихъ и два.

4. Костей двѣ; онѣ кубическія, маленькія; на нихъ очки, означенныя обыкновенно точками отъ 1 до 6; очки расположены такъ, что сумма ихъ на противуположныхъ сторонахъ кости даетъ семь. Кости непремѣнно должны состоять въ общемъ владѣніи и переходить изъ рукъ въ руки.

5. Доска тавлейная, или нардовая, пишется внутри складного ящика, который дѣлится внутреннимъ бортомъ на двѣ половины; бортъ этотъ на движ... шашекъ вліянія не имѣетъ, но обычай требуетъ его сохраненія; онъ не лишній для метанія костей и облегченія разсчетовъ.

6. Рисункомъ клинковъ доска дѣлится на двѣ другія половины верхнюю (abcd) и нижнюю (efgh) отъ игроковъ, такъ что получается четыре части, называемыхъ въ русскомъ триктракѣ *дворами*: 1) ab; 2) cd; 3) ef; 4) gh).

7. Въ каждомъ дворѣ по направленію внутренняго борта, къ срединѣ доски остріемъ, пишется по шести клинковъ, называемыхъ стрѣлками или брусками. Для удобства, ихъ раскрашиваютъ поперемѣнно, или дѣлаютъ наклейныя изъ краснаго и зеленаго сукна. Обычая въ раскрасѣ особаго нѣтъ, и игра идетъ на всѣхъ стрѣлкахъ.

8. Бруски суть мѣста для шашекъ. На каждомъ брускѣ число шашек

вообще не опредѣлено, и ихъ можетъ быть по нѣскольку, но непремѣнно одной масти.

9. Дальній отъ себя на правой рукѣ у борта брусокъ (а) называется въ тавлеѣ своимъ **складомъ**, лѣвый угловой ближній къ себѣ (е) чужимъ складомъ; лѣвый угловой на верхней половинѣ доски (d) называется своею *пристанью*. Правый нижній (h)—чужою пристанью.

10. Доска кладется между играющими такъ, чтобы продольный средній бортъ шелъ отъ одного игрока къ другому, окрасъ же клинковъ въ разсчетъ не берется.

11. Шашки двухъ мастей [473]), по пятнадцати въ каждой, круглыя и плоскія. Каждый играетъ лишь шашками одной масти.

12. Выставляются шашки на верхней отъ себя половинѣ доски, всѣ пятнадцать на одной стрѣлкѣ, именно на бортовой правой (§ 8), обыкновенно въ трехъ кучкахъ.

13. Составъ игры заключается въ правѣ каждаго въ свою очередь: 1) метать кости для опредѣленія ходовъ, 2) ходить своими шашками по указанію очковъ и мостить бруски [472]), 3) брать чужія шашки, 4) мѣшать ихъ движенію, занимая подходящія мѣста, 5) оживлять свои убитыя шашки и 6) выбрасывать изъ игры свои, дошедшія до дому, шашки.

14. Ходы дѣлаютъ по очередямъ, и въ одну очередь можно сдѣлать отъ одного до четырехъ ходовъ, иногда же не приходится сдѣлать ни одного; въ свою очередь каждый непремѣнно мечетъ лишь кости и совершаетъ, если можно, по указанію выпавшихъ очковъ ходы, а затѣмъ передаетъ очередь противнику.

15. Если при метаніи костей одна изъ нихъ выпадетъ изъ ящика, или попадетъ на бортъ, то обычай требуетъ метать обѣ кости снова, а не одну выпавшую. Безразлично, упадутъ-ли кости въ какую либо одну сторону доски, или одна—въ одну, а другая—въ другую,—онѣ годны.—Мечутъ кости каждый для себя такимъ образомъ, чтобы выпадая онѣ слегка ударялись о средній бортъ и отскакивали отъ него; въ этомъ, однако, нѣтъ необходимости, и кости хороши, когда выпали и иначе, лишь бы онѣ упали внутри складовъ и не одна на одну [475]), а то надо переметывать снова.

16. Называть выпавшіе на костяхъ очки надо на Кавказѣ ихъ техническими терминами, по-русски же въ триктракѣ, начиная со старшаго числа, но ходить можно безразлично, сначала старшимъ или младшимъ, какъ выгоднѣе.

17. При невозможности совершить всѣ указанные на костяхъ ходы, игрокъ исполняетъ часть ихъ, наибольшую изъ возможныхъ, и въ порядкѣ ихъ обязательности; если вовсе нельзя дѣлать ходовъ, то ни одинъ не исполняется, и очередь переходитъ къ противнику, при чемъ за пропущенные ходы никакого вознагражденія не полагается ни во время этой очереди ни впослѣдствіи. Про-

---

[473]) На Кавказѣ обыкновенно бѣлыя и красныя.

[474]) По грузински брусокъ или флеша называется дверью и употребляются выраженія *закрывать дверь, открытыя двери* и т. п. (См. примѣч. 324).

[475]) Въ большомъ триктракѣ на счетъ метанія костей было установлено множество правилъ; напр., если кость упала на шашку, то шашку эту надо изъ подъ кости выдвигать, и если кость останется въ своемъ прежнемъ положеніи, то играть, если же упадетъ, то переметывать. Кто передъ метаніемъ костей посмотритъ внутрь стакана, съ тѣмъ необходимо перестать играть и т. п. И всѣ эти пустяки описываются, а правилъ самой игры изложить не съумѣли, ссылаясь на то, будто бы можно брать уроки по игрѣ. Вѣроятно въ то время это и было можно, но теперь не только учителей, но и лицъ знакомыхъ съ большимъ триктракомъ нѣтъ.

пускать ходы можно быть вынужденнымъ въ продолженіе многихъ очередей подъ рядъ; противникъ въ это время пользуется всѣми преимуществами для улучшенія своей игры и порчи чужой.

18. Исполненіе выпавшихъ ходовъ зависитъ отъ произвола играющаго, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что если возможно выполнить все, что указываютъ кости,—то это должно быть выполнено, хотя бы даже къ невыгодѣ своей игры. Нельзя избирать намѣренно такихъ движеній, которыя приводили бы къ неполному исполненію очередныхъ ходовъ. Впрочемъ на дѣлѣ это случай крайне рѣдкій, ибо почти всегда въ выгодѣ игрока сдѣлать наибольшее количество движеній, и противнику трудно услѣдить за точнымъ примѣненіемъ этого правила.

19. Ходомъ называется какое либо перемѣщеніе *одной* шашки по указанію очковъ *одной* кости; перемѣщеніе можетъ состоять въ постановкѣ своей убитой на доску (оживленіе шашки), въ передвиженіи шашки съ бруска на брусокъ (собственно ходъ) и, наконецъ, въ изъятіи съ доски шашки (сбрасываніе), при чемъ передвиженіе и оживленіе могутъ сопровождаться убиваніемъ чужихъ. Никогда нельзя вычислять хода по суммѣ очковъ на обѣихъ костяхъ или по удвоенному (учетверенному) числу одной кости. Ходъ долженъ быть выполняемъ отдѣльно, а затѣмъ слѣдующій въ этой же очереди ходъ можно дѣлать или другою шашкой или *той же самой* дальше. Благодаря этому, иногда получается какъ будто возможность идти одною шашкою сразу на дальнее разстояніе суммы очковъ; это лишь случайность, и противникъ въ правѣ требовать, чтобы каждый ходъ былъ выполненъ отдѣльно. Это важно въ томъ отношеніи, что необходимо переходить шашками черезъ подходящіе для этого бруски, а не просто на конечный брусокъ суммы очковъ.

20. Какой по своему содержанію ходъ надлежитъ сдѣлать, зависитъ не только отъ соображеній выгоды его, но и отъ многихъ условій: иногда нельзя ходить шашкой (§§ 26, 27, 31, 38), иногда нельзя убивать (§§ 37, 27), иногда нельзя сбрасывать (§§ 31, 35), иногда можно ходить, но нельзя ступить на свободный даже брусокъ (§ 38), иногда нельзя оживлять (§ 26).

21. Сочетаніе очковъ на двухъ костяхъ показываетъ, сколько въ свою очередь дозволяется сдѣлать ходовъ, играть же можно вообще любою шашкою, а не только тѣми, что продвинулись впередъ или стоятъ въ складѣ.

22. Простыя кости, т. е. показывающія разные нумера очковъ, даютъ право сдѣлать въ одну свою очередь два хода, одинъ за другимъ. Сдѣлавъ одинъ ходъ, сейчасъ же дѣлаютъ другой этою же шашкой или другой.

23. Парныя кости (дублеты, двойники), т. е. показывающія одинаковыя очки (одиночки, двойни, тройни, четверни, пятерни, шестерни), даютъ право въ одинъ свой чередъ сдѣлать подъ рядъ четыре хода. Сдѣлавъ одинъ ходъ, сейчасъ дѣлаютъ другой другою шашкою или этою же самой, сдѣлавъ второй ходъ, дѣлаютъ третій опять любой шашкой, и затѣмъ четвертый опять по произволу. Въ результатѣ этихъ движеній можетъ оказаться: или что 1) четыре шашки сдѣлаютъ по одному ходу; или 2) двѣ шашки—по два хода; или 3) двѣ—по одному ходу, и одна—два хода; или 4) одна—одинъ ходъ, другая—три хода; или, наконецъ, 5) одна—четыре хода.

24. Передвиженіе шашки совершается съ любого бруска (въ первый ходъ, конечно, только со склада) на другой брусокъ по указанію кости, при чемъ тотъ брусокъ, съ котораго шашка двигается, не считается, тотъ же, на которомъ она заканчиваетъ ударъ,—т. е. ставится,—считается; промежуточные въ этомъ счетѣ бруски ни въ какой зависимости отъ идущей шашки не состоятъ,

они могутъ быть заняты или свободны, и можно идти или на сосѣднiй брусокъ (при 1 очкѣ) или на отдаленный (смотря по числу очковъ).

25. Шашки двигаются, считая отъ играющаго, влѣво отъ складочнаго бруска (1—6 и 7—12) къ пристани, затѣмъ внизъ, гдѣ складъ противника (13—18) и вправо на послѣднiй дворъ (19—24), который называется домомъ. Назадъ шашки не ходятъ и не бьютъ.

26. Всѣ шашки ходятъ одинаково, и разница состоитъ лишь въ томъ, что на первыхъ двухъ дворахъ, въ верхней отъ себя половинѣ доски, на первыхъ одиннадцати клинкахъ можно ставить на брусокъ лишь по одной своей шашкѣ; начиная же съ пристани (12) и во всей ближней къ себѣ половинѣ доски 12—13—24) можно помѣщать шашки въ любомъ количествѣ. На складѣ только при началѣ игры ставятся всѣ шашки, во время же хода игры имѣетъ силу настоящее правило, и если придется оживлять на первомъ клинкѣ, то это допускается лишь въ томъ случаѣ, когда онъ свободенъ или занятъ одною чужою шашкою.

27. Ходить шашка можетъ всюду лишь на тотъ брусокъ, который свободенъ, или гдѣ стоитъ одинокая чужая, или на послѣднихъ тринадцати клинкахъ и туда, гдѣ есть одна или болѣе своихъ шашекъ. Шашка вовсе не можетъ ходить (а слѣдовательно не можетъ и бить) туда, гдѣ есть двѣ или болѣе чужiя шашки. Для облегченiя игры обязательно на брускахъ съ двумя своими шашками, ставить обѣ шашки врозь; третью же шашку можно ставить и на шашку; однако, и этого лучше не дѣлать.

28. Убить шашку можно только тогда, когда конецъ хода падаетъ на тотъ брусокъ, гдѣ стоитъ одинокая чужая шашка, которая въ этомъ случаѣ снимается (какъ и въ другихъ играхъ, не въ счетъ хода) и передается противнику для того, чтобы онъ оживилъ ее. Бьетъ, такимъ образомъ, одна шашка одну, становясь на мѣсто убитой. Бить не обязательно, въ томъ смыслѣ, что если можно избрать другой ходъ какою либо другою шашкою, которая не бьетъ, то это дозволяется. Вообще говоря, бить выгодно, но бываютъ случаи, когда это убыточно. Стараются на нижней половинѣ доски бить такимъ образомъ, чтобы можно было, убивши одною шашкою, поддержать ее помѣщенiемъ на этотъ брусокъ своей другой шашки, ибо двѣ шашки сами себя защищаютъ.

29. Въ свою очередь, одною ли шашкой или ходами нѣсколькихъ, можно убить нѣсколько шашекъ, хотя бы у противника были уже убитыя шашки на рукахъ. По свойствамъ игры въ одну очередь нѣтъ возможности убить болѣе четырехъ шашекъ.

30. Оживить шашку значитъ немедленно по полученiи ея ввести снова ее въ свою игру, поставивъ по указанiю кости на одинъ изъ брусковъ своего складочнаго двора (1—6). Оживлять можно либо на пустомъ брускѣ либо на занятомъ одинокою чужою, которая при этомъ убивается, снимается съ доски (не въ счетъ хода) и передается противнику. Оживленная шашка начинаетъ снова проходить весь путь со двора склада въ свой домъ.

31. Оживлять обязательно, и никакъ нельзя играть иначе (т. е. ни ходить ни сбрасывать), какъ только оживляя, когда на рукахъ есть хотя одна убитая шашка; если ихъ не одна, а нѣсколько, то обязательно ихъ всѣ оживить, и начать играть можно лишь послѣ того, какъ на рукахъ не будетъ ни одной своей убитой. Поэтому, если кости даютъ возможность сперва сыграть, освободивъ брусокъ, и потомъ на немъ оживить шашку,—то это воспрещается, и ежели просто оживить нельзя,—то вся очередь ходовъ пропускается. Оживленная шашка, если нѣтъ на рукахъ другихъ убитыхъ, въ эту же очередь можетъ

дѣлать слѣдующіе ходы.—Оживленіе одной шашки, при наличности на рукахъ другихъ убитыхъ, не даетъ права даже въ эту очередь дѣлать ходы, и послѣ оживленія одной надо оживлять другую, или всѣ прочіе ходы пропускаются. Такъ какъ оживленіе равняется ходу, то и оживляютъ по очкамъ одной (любой) кости, но никогда не по суммѣ ихъ.

32. Счетъ идетъ отъ склада по направленію къ дому для хода шашекъ, т. е. для движенія ихъ и оживленія; для сбрасыванія же прибывшихъ въ домъ шашекъ бруски считаются на оборотъ, отъ праваго нижняго бортоваго бруска (24) влѣво.—Въ началѣ игры счетъ брусковъ идетъ, не считая склада; такъ, если выпало 5 и 4, то играютъ со склада одною шашкою на 6-й брусокъ отъ наружнаго борта и другою на 5-й, или первою на 10-й, ибо тотъ брусокъ, съ котораго шашка движется, не считается; когда же оживляютъ, то счетъ идетъ отъ борта, т. е. первымъ считается складочный брусокъ, и если предстоитъ оживлять, то при этихъ костяхъ надо оживлять на пятомъ и четвертомъ брускахъ (или на обоихъ вмѣстѣ при нѣсколькихъ убитыхъ,—по одной на каждомъ брускѣ).—При сбрасываніи эти же кости дали бы право сбросить одну съ бруска 20 и одну съ 21.

33. При достиженіи своими шашками одного изъ брусковъ своего дома (19—24), играющій, вмѣсто хода, имѣетъ право сбросить (§ 36) ихъ съ доски, хотя бы въ этомъ дворѣ были даже чужія шашки. Сбрасываніе равняется ходу, и потому при простыхъ костяхъ сбрасывается по двѣ шашки (или одною ходятъ, а другую или ту же выбрасываютъ), при парныхъ—сбрасываютъ четыре шашки (или три сбрасываютъ, одною ходятъ; двѣ сбрасываютъ, двумя ходятъ; одну выбрасываютъ, тремя ходятъ; одною ходятъ два раза, одною одинъ и одну выбрасываютъ и т. п.). Если поэтому выпали 6 и 5, то сбрасываютъ одну шашку съ клинка, что у внутренняго борта (19) и другую съ сосѣдняго вправо (20); если выпали 2 и 2, то сбрасывается четыре шашки со второго клинка (23).

34. Шашки, сброшенныя изъ дому самимъ играющимъ, въ игру болѣе не вступаютъ.

35. Ходъ всегда точно соотвѣтствуетъ числу очковъ кости. Нельзя играть, напр., при 3 и 2 одною шашкою на 2, вмѣсто трехъ, и одною—на 1, вмѣсто двухъ, ибо очки указываютъ самый ходъ, а не право на наибольшее передвиженіе шашки. Въ концѣ же игры, и только при изъятіи своихъ шашекъ, ходъ дозволяется выполнять и не точно, а приблизительно; именно, если всѣ бруски старше кости освободились, а всѣ прочіе вправо *заняты своими шашками*, то выбрасываютъ съ одного изъ слѣдующихъ по старшинству. Напр., при 6 и 5, если 6-й брусокъ (19) свободенъ, снимаютъ двѣ шашки съ 5-го (20); если и онъ свободенъ, снимаютъ двѣ шашки съ 4-го (21); если на немъ лишь одна шашка, то одну съ 4-го (21) и одну съ 3-го (22) и т. д. Этотъ не точный ходъ можно дѣлать только въ томъ случаѣ, когда онъ не можетъ быть иначе исполненъ; если же есть возможность сыграть точно,—то необходимо играть вѣрно. Нельзя играть не точно и въ томъ случаѣ, когда есть отставшія шашки, которыя лишь теоретически могутъ выполнить выпавшую кость, хотя бы на дѣлѣ ими играть было и нельзя. Такъ, если въ своемъ складѣ окажется (напримѣръ, оживленная) шашка и выпадетъ 6 и 6, а брусокъ 19-й свободенъ, то хотя бы своя шашка и не могла по расположенію чужихъ выполнить выпавшихъ очковъ, все таки нельзя сбрасывать съ 20-го бруска. Точно также, если 19-й брусокъ свободенъ, но не занятъ своими шашками, положимъ 24-й клинокъ, а прочіе заняты, то при 6 и 6 надо ходы пропустить.

36. Сбрасывать или играть предоставляется произволу, но по свойству игры, во избѣжаніе проигрыша, надо производить сбрасываніе въ самомъ концѣ игры, когда всѣ уже свои шашки собраны на брускахъ домоваго двора, иначе отставшія шашки будутъ постоянно подвергаться ударамъ противника.

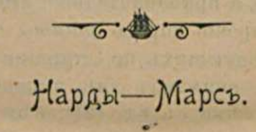
37. Число убитыхъ шашекъ на рукахъ у противника не можетъ быть болѣе шести вообще, т. е. числа брусковъ его перваго двора, въ частности же оно можетъ достигать только того числа этихъ брусковъ, которое даетъ возможность ихъ оживить; поэтому ежели у противника лишь два бруска въ первомъ дворѣ совершенно пустыхъ, или занятыхъ одинокими чужими, то и убитыхъ у него на рукахъ можетъ быть только двѣ, третьей шашки въ этомъ случаѣ уже нельзя убивать, хотя бы кости и давали эту возможность. Если, однако, можно убить, положимъ, еще шашку такимъ образомъ, чтобы въ эту же очередь (слѣдовательно до наступленія ходовъ противника) освободить въ его первомъ дворѣ третій брусокъ (т. е. сдѣлать его пустымъ, или оставить на немъ лишь одну свою шашку), то такимъ образомъ убивать дозволяется. Слѣдовательно, если всѣ шесть брусковъ каждый закрытъ двумя двумя своими (т. е. для убиваемыхъ чужими), то убивать чужихъ вовсе нельзя.

38. Закрывать бруски для оживленія (т. е. ставить по двѣ своихъ шашки на брускахъ *перваго двора противника)* можно только лишніе противъ имѣющагося у него на рукахъ числа убитыхъ шашекъ; поэтому, если у противника на рукахъ три шашки, то дозволяется умостить лишь три бруска. Можно, однако, играть и уменьшая число брусковъ, если въ эту же очередь слѣдующими ходами можно открыть соотвѣтственное число брусковъ въ первомъ чужомъ дворѣ, хотя бы эти бруски были и другіе (§ 37).

39. Цѣль игры, посредствомъ ходовъ и стѣсняя противника, перевести свои шашки изъ склада въ домъ и затѣмъ самому же своими ходами сбросить ихъ съ доски. Кто достигъ этого раньше своего противника, тотъ выигралъ. Выиграть такимъ образомъ, чтобы противникъ не успѣлъ сбросить ни одной своей шашки, значитъ выиграть со славой.

40. Начинаютъ игру по жребію, а слѣдующую партію начинаетъ выигравшій. Жребій бросаютъ костями: каждый беретъ одну и мечетъ: чьи очки старше, тотъ начинаетъ. При парныхъ костяхъ жребій мечутъ снова.

Примѣрную партію къ большому нарду или тавлеѣ см. на стр. 385—389.

Нарды—Марсъ.

Древняя форма игры, называемая **большою игрою нарды**, считается игрою серьезною, и партіи ея длятся довольно продолжительно. Существуютъ видоизмѣненія этой игры, гдѣ партіи идутъ быстрѣе; изъ нихъ двѣ игры также очень распространены на Кавказѣ, а именно нарды, которая называется просто **марсъ** и **малая игра нарды**.—Марсъ играется по тѣмъ же правиламъ, на той же доскѣ съ тѣмъ же количествомъ шашекъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что чужія шашки вовсе не берутся, и воспрещается останавливаться на тѣхъ брускахъ, гдѣ есть хотя одна чужая шашка.—Марсъ теперь въ большемъ ходу, чѣмъ большая игра, которой нѣкоторые даже вовсе не знаютъ. Есть-ли тутъ какіе либо зачеты, подобно триктраку, узнать мнѣ не удалось. Весьма вѣроятно, что обѣ эти игры пришли на востокъ изъ западной Европы.

Примѣрная тавлейная партія.

Бѣлыя.

I выпадъ костей: 3 и 3.—1) 1—4; 2) 4—7; 3) 1—4; 4) 7—10.

III.—6 и 5.—1) 1—7!; 2) 7—12!

V.—6 и 6.—1) 10—16!; 2) 4—10!; 3) 10—16(=2); 4) 1—7!—Но не 24 : 18?; на 16-омъ брускѣ стоятъ теперь двѣ бѣлыхъ шашки.

VII.—6 и 6.—1) и 2) 16—22(=2)! 3) 12 : 18 (: 1); 4) 18—24.—На 18-мъ брускѣ черная шашка убита и снята.

IX.—6 и 2.—1) 7—9; 2) 1—7.—Хуже было бы 9 : 15, такъ какъ бѣлая впослѣдствіи также могла быть убита.

XI.—5 и 2.—1) 0—2; 2) 7—12!—Хуже было бы; 2) 9 : 14.

XIII.—2 и 1.—1) 9—11; 2) 11—12!—Ошибочно было бы 1) 12 : 14, но лучше было гораздо: 1) 22 : 24 и 2) 22 : 23, такъ какъ черному пришлось бы возобновлять свои убитыя въ дому, а въ это время бѣлый успѣлъ бы такъ или иначе свои защитить.

XV.—5 и 5.—1) и 2) 12—17 (=2); 3) 2—7; 4) 7—12.—Не хуже было: 1) 2—7; 2) 7—12; 3) 1—6; 4) 6—11.

XVII.—4 и 2.—1) 1—5; 2) 5—7.

XIX.—5 и 4.—1) 7—12; 2) 1—5.—Значительно лучше было: 1) 12 : 16 и 2) 16 : 21.

Черныя.

II выпадъ костей: 5 и 4.—1) 13—18; 2) 13—17.

IV.—5 и 2.—1) 18—20?; 2) 13—18?—Слѣдовало играть 1) 17—23! и 2) 23—24!

VI.—6 и 1.—1) 13—19?; 2) 13—14?—Слѣдовало играть 1) 17—23! и 2) 23—24!

VIII.—3 и 2.—1) 0—15; 2) 19—21.—Черный ввелъ убитую шашку въ игру, оживилъ ее, поставивъ на 15.

X.—4 и 1.—1) 20 : 24; 2) 15—16.

XII.—2 и 2.—1) 21—23; 2) 17—19; 3) 19—21; 4) 16—18.—Хуже было бы 24 : 2.

XIV.—6 и 2.—1) 18—24; 2) 13—15.—Лучше было 2) 14—16.

XVI.—6 и 1.—1) 13—19; 2) 19—20.—Лучше было: 1) 23—24; 2) 14—20.

XVIII.—6 и 1.—1) 13—19; 2) 15—16?

XX.—3 и 2.—1) 24—2; 2) 23—2 (=2)!

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: одна на 5; по двѣ на 12, 17 и 22; восемь на 1.—Черныя: по одной на 14, 16, 19, 20, 21 и 24; двѣ на 2; семь на 13.

XXI.—2 и 2.—1) и 2) 12 : 14 (=2); 3) и 4) 14:16(=2).—Ошибочные ходы; бѣлымъ слѣдовало двумя бить на 19 и двумя же на 24, и партія ихъ пріобрѣтала бы выигрышное положеніе.

XXII.—6 и 3.—1) 0—18; 2) 0—15.—Счастливыя кости; если бы выпало 1 и 2, или 1 и 5, или 2 и 5, то черные пропускали бы ходы; если бы выпало 1 и 6, или 3 и 5, или 2 и 4, то они оживили бы лишь одну шашку

XXIII.—3 и 2.—1) 5—8; 2) 1—3.—Такъ какъ бѣлымъ при выпадѣ одиночки нельзя теперь играть 1—2 и можетъ явиться необходимость тогда разбивать пары на 16, 17 или 22, то имъ не мѣшаетъ воспользоваться помѣщеніемъ еще одной шашки впереди; но здѣсь выигрышный ходъ былъ 22 : 24, ибо черные рисковали долго не возобновить своей шашки и больше играть бы не могли.

XXIV.—5 и 4.—1) 20—24; 2) 18—23.

XXV.—6 и 5.—1) 1—7; 2) 7—12.—Лучше было 1) 17 : 23 и 2) 17—22.

XXVI.—3 и 3.—1) 21—24; 2) 15—18; 3) 18—21; 4) 21—24 (=4).—Слѣдовало убить 24 : 3 и перевести туда другую шашку.

XXVII.—5 и 1.—1) 1—6; 2) 3—4.

XXVIII.—5 и 4.—1) 24 : 4; 2) 23—4 (=2).

XXIX.—6 и 1.—Ходовъ нѣтъ.

XXX.—6 и 2.—1) 13—15; 2) 15—21.—Слѣдовало 1) 24 : 6 и 2) 6 : 8.

XXXI.—3 и 2.—1) 0—3; 2) 8—10.

XXXII.—5 и 1.—1) 13—18; 2) 19—20.

XXXIII.—4 и 3.—1) 3—7; 2) 6—9.

XXXIV.—2 и 1.—1) 18—19; 2) 21—23.

XXXV.—4 и 1.—1) 7—11; 2) 11—12!

XXXVI.—5 и 1.—1) 19—24; 2) 20—21.

XXXVII.—5 и 2.—1) 9—11, 2) 1—6.—Слѣдовало: 1) 12—14 и 2) 9—14.

XXXVIII.—5 и 4.—1) 13—18; 2) 24—4 (=3).

XXXIX.—5 и 2.—1) 6—8; 2) 1—6.

XL.—6 и 6.—1) и 2) 2 : 8 (=2); 3) и 4) 24 : 6 (=2)!

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: двѣ шашки на кону, по одной на 10 и 11; по двѣ на 12, 16, 17 и 22; три на 1.—Черныя по одной на 18, 21, 23 и 24; по двѣ на 6 и 8; три на 4; четыре на 13.

XLI.—1 и 1.—Ходовъ нѣтъ.

XLII.—2 и 1.—1) 23—24! 2) 21—23.

XLIII.—3 и 2.—1) 0—3; 2) 0—2. Счастливыя кости.

XLIV.—2 и 3.—1) и 2) 24 : 3(=2); 3) 18—20; 4) 4—7.—Два послѣднихъ хода лучше, чѣмъ два раза 6 на 8.

XLV.—2 и 2.—Ходовъ нѣтъ.

XLVI.—4 и 1.—1) 6 : 10; 2) 6—7.—Но нельзя было играть 1) 7 : 11.

XLVII.—6 и 5.—1) 0—5; 2) 0—6.

XLVIII.—4 и 1.—1) 20—24, 24) 23—24(=2).—Бить 10 : 11 не въ правѣ.

XLIX.—4 и 1.—1) 6 : 10; 2) 11—12.—Лучше было 2) 5—6.

L.—3 и 1.—1) 0—15; 2) 13—14.

LI.—6 и 5.—1) 5—11; 2) 1—6.—Вѣрнѣе было бы 1) 10 : 15

LII.—4 и 3.—1) 7 : 11; 2) 8—11.—Но не можетъ бить еще

и 2) 15—21.

шашки 2) 7 : 10, ибо бѣлому негдѣ второй возобновить

LIII.—4 и 3.—Ходовъ нѣтъ.

LIV.—6 и 2.—1) 15—21; 2) 13—15.— Слѣдовало 1) 24 : 2 и 2) 2—8.

LV.—6 и 2. —Ходовъ нѣтъ.

LVI.—4 и 3.—1) 4—8(=2); 2) 4—7(=2).

LVII.—5 и 1.—1) 0—5; 2) 16—17.

LVIII.—3 и 2.—1) 13 : 16; 2) 21—23.

LIX.—5 и 3.—Ходовъ нѣтъ.

LX.—3 и 2.—1) 15—18; 2) 18—20.—Но не въ правѣ убить бѣлую 10; могъ бы убить 1) 3 : 5 и 2) 3 : 6, но тогда свои шашки 5 и 6 были бы подъ ударами; могъ убить 1) 24 : 2, но послѣ этого закрѣпить 2) 23—2 не имѣлъ бы права.

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: одна на кону; по одной на 2, 5, 6 и 10; по двѣ на 1 и 22; по три на 12 и 17.—Черныя: по одной на 13, 14, 16, 20 и 23; по двѣ на 24, 3, 7, 8 и 11.

LXI.—4 и 3.—1) 0—4; 2) 17 : 20.

LXII.—3 и 1.—1) 0—15; 2) 23—24.

LXIII.—2 и 2.—1) и 2) 12 : 14 (=2); 3) 10—12! 4) 20—22!

LXIV.—6 и 1.—0—18; 2) 18—19.

LXV.—4 и 2.—1) 14 : 16; 2) 14—18.—Очень выгодный для бѣлыхъ ходъ; теперь черные могутъ оживлять шашку только на 14.

LXVI.—6 и 3.—Ходовъ нѣтъ. Нельзя возобновить, убивая 0 : 18, ибо у бѣлыхъ въ дому все занято (§ 37)..

LXVII.—3 и 2.—1) 18—20; 2) 12 : 15.—Не очень плохо; но слѣдовало 1) 16 : 19 и 2) 17—19.

LXVIII.—4 и 2.—1) 0—14 и болѣе ходовъ нѣтъ.

LXIX.—6 и 1.—1) 15—16! 2) 6—12!

LXX.—5 и 4.—Ходовъ нѣтъ.

LXXI.—5 и 1.—1) 17—18; 2) 1—6!!

LXXII.—5 и 2.—Ходовъ нѣтъ (§ 37).

LXXIII.—6 и 5.—1) 18—23! 2) 17—23! (=2).

LXXIV.—6 и 2.—1) 0—18; 2) 13—15.

LXXV.—5 и 2.—1) 5—10; 2) 20—22.—Должно было играть 1) 12 : 14 и 2) 14 : 19.

LXXVI.—5 и 1.—1) 19—20; 2) 14—19.

LXXVII.—4 и 1.—1) 4—5; 2) 5—9.

LXXVIII.—2 и 1.—1) 7 : 9?; 2) 8—9?—Надо было: 1) 8 : 10 и 8 : 9.

LXXIX.—2 и 2.—Ходовъ нѣтъ.

LXXX.—3 и 3.—1) и 2) 3 : 6 (=2); 3) 7 : 10; 4) 18—21.

LXXXI.—2 и 1.—Ходовъ нѣтъ.

LXXXII.—2 и 1.—1) 6—7; 2) 6—8.—Должно бы играть 1) 8—10 и 15—17.

LXXXIII.—6 и 2.—1) 0—6 и больше не ходитъ.

LXXXIV.—5 и 2.—1) 24 : 2; 2) 2—7!

LXXXV.—5 и 3.—1) 0—5; 2) 0—3. LXXXVI.—3 и 2.—1) 7—10! 2) 7—9.
LXXXVII.—6 и 4.—1) 0—4; 2) 1—7. LXXXVIII.—2 и 1.—1) 15—17; 2) 17—18.
LXXXIX.—5 и 5.—1) и 2) 16 : 21 (=2); 3) 7—12; 4) 12—17. XC.—4 и 1.—1) 0—13; 2) 13 : 17.

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: одна на кону; по одной на 3, 4, 5 и 6; по двѣ на 12, 21 и 23: и четыре на 22.—Черныя: по одной на 17, 18, 19 и 20; по двѣ на 24, 8, 10 и 11; три на 9.

XCI.—6 и 2.—1) 0—2; 2) 6—12. XCII.—5 и 1.—1) 20—1; 2) 19—20.
XCIII.—1 и 1.—1) 5—6; 2) 6—7; 3) 4—5; 4) 5—6.— XCIV.—2 и 1.—1) 17—19; 2) 9—10.
XCV.—2 и 1.—1) 3—5; 2) 2—3. XCVI.—3 и 3.—1) 1—4; 2) 4 : 7; 3) и 4) 24 : 3.
XCVII.—2 и 1;—1) 0—1; 2) 0—2. XCVIII.—5 и 4.—1) 20—24! 2) 19—24!
XCIX.—6 и 6;—1) 1 : 7; 2) 6—12; 3) и 4) 12 : 18 (=2). C.—4 и 3.—1) 0—15; 2) 0—16.
CI.—2 и 1.—1) 2—4; 2) 5—6. CII.—1 и 1.—1) и 2) 3 : 4; 3) 16—17; 4) 15—16.
CIII.—1 и 1.—1) 0—1; 2) и 3) 18—19 (=2); 4) 1—2. CIV.—2 и 1.—1) 17—18; 2) 18—20.
CV.—6 и 2.—1) 6—12; 2) 12—14. CVI.—4 и 2.—1) 20—24; 2) 24 : 2?
CVII.—2 и 2.—1) 0 : 2; 2) 14—16; 3) 16—18; 4) 18—20. CVIII.—6 и 5.—1) 0—17; 2) 0—18.
CIX.—2 и 1.—1) 19—20! 2) 19—21! CX.—2 и 1.—1) 17—19; 2) 10—11.

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: по одной на 2 и 7; по двѣ на 12, 20 и 23; три на 21 и четыре на 22.—Черныя: по одной на 18 и 19; по двѣ на 24. 4, 8, 9 и 10; три на 11.

CXI.—3 и 1.—1) 2—5; 2) 5—6. CXII.—6 и 6.—1) 18—24; 2) 24 : 6; 3) 19—1; 4) 1 : 7.
CXIII.—6 и 1.—1) 0 : 6; 2) 0—1. CXIV.—5 и 2.—1) 0—17; 2) 17—19?
CXV.—6 и 6.—1) 1 : 7; 2) 7—13; 3) 13 : 19; 4) 6—12! CXVI.—3 и 2.—1) 0—14; 2) 0—15.
CXVII.—1 и 1.—1) 12—13; 2) 13 : 14; 3) 14 : 15; 4) 19—20. CXVIII.—6 и 3.—1) 0 : 15; 2) 0—18.
CXIX.—4 и 4.—Ходовъ нѣтъ. CXX.—3 и 1.—1) 18—19; 2) 15—18.
CXXI.—3 и 1.—1) 0—3; 2) 22—23. CXXII.—1 и 1.—1) и 2) 4—5; 3) и 4) 5—6 (=2).
CXXIII.—2 и 1.—1) 3—4; 2) 23—0 (=2). CXXIV.—6 и 6.—1) 18—24; 2) 19—1; 3) 1—7; 4) 7—0 (§ 37).
CXXV.—5 и 4.—1) 20—0; 2) 21—0. CXXVI.—2 и 1.—1) 24—1; 2) 11—0.
CXXVII.—3 и 1.—1) 4—7; 2) 22—23. CXXVIII.—4 и 2.—1) 1—5; 2) 5 : 7.
CXXIX.—4 и 3.—1) 0—4; 2) 4 : 7. CXXX.—1 и 1.—1) 0—13; 2) 13—14; 3) и 4) 6 : 7.

Положеніе шашекъ. Бѣлыя: одна на кону; по двѣ на 12, 20, 21 и 22; три на 23 и три шашки внѣ игры—сброшены.—Черныя: одна на 14; по двѣ на 24, 7, 8, 9, 10 и 11; двѣ шашки изъ игры вышли—сброшены.

CXXXI.—2 и 6.—1) 0—6!; 2) 23—0. CXXXII.—5 и 5.—1) 14—19; 2) 19—24; 3) и 4) 8—0 (=0).
CXXXIII.—1 и 1.—1) 20—21; 2) 21—22; 3) 22—23; 4) 20—21. CXXXIV.—5 и 5.—1), 2) и 3) 24—5 (=3); 4) 5—10.
CXXXV.—5 и 4.—1) 12—17; 2) 12—16. CXXXVI.—6 и 4.—1) 7—0; 2) 7—11.

CXXXVII.—4 и 3.—1) 16—20; 2) 21—24!

CXXXVIII.—6 и 6.—1) и 2) 5—11 и больше играть не можетъ; не въ правѣ скидывать съ 9, ибо не точно можно играть лишь тогда, когда всѣ впереди клѣтки заполнены (§ 35)..

CXXXIX.—6 и 4.—1) 6—12; 2) 12—16.

CXL.—6 и 5.—Ходовъ нѣтъ.

CXLI.—3 и 1.—1) 16—19!; 2) 17—18!

CXLII.—5 и 4.—1) 9—0 и больше не играетъ.

CXLIII.—1 и 1.—1) 18—19; 2) 24—0; 3) 23—24; 4) 24—0??

CXLIV.—6 и 5.—Ходовъ нѣтъ.

CXLV.—6 и 6.—1) и 2) 19—0 и больше не играетъ.

CXLVI.—1 и 1.—1) 11—12; 2) 11—12; 3) 12—0; 4) 11—12!

CXLVII.—6 и 5.—1) 20—0 и больше ходовъ нѣтъ.

CXLVIII.—1 и 1.—1) 12—0; 2) 11—12; 3) 12—0; 4) 10—11.—

CXLIX.—2 и 1.—1) 22—24; 2) 21—23?

CL.—2 и 1.—1) 11—0; 2) 9—10.

CLI.—2 и 2.—1) и 2) 23—0; 3) 21—23; 4) 22—24!

CLII.—3 и 3.—1), 2) и 3) 10—0; 4) 11—0. Эти счастливыя кости могутъ дать побѣду чернымъ.

CLIII.—1 и 1—и бѣлые проиграли, ибо не могутъ сбросить всѣхъ шашекъ изъ-за необходимости 1) и 2) 23—24; 3) и 4) 24—0 (=2). Если бы выпалъ другой дублетъ, кромѣ 1+1, то они выигрывали; если выпадалъ не дублетъ, то они проигрывали.

CLIV.—Чтобы ни выпало, черные выигрываютъ, ибо сбрасываютъ послѣднюю шашку раньше бѣлыхъ.

Вообще, при равенствѣ въ знаніи игры и въ разсчетахъ, выигрываетъ та сторона, у которой выпадаютъ болѣе счастливыя кости. Но такъ какъ легко впасть въ ошибку изъ-за поспѣшности и невниманія, и такъ какъ рѣдко партіи въ такой полуазартной игрѣ ведутся съ полнымъ хладнокровіемъ, то внимательный и разсчетливый игрокъ можетъ въ значительной степени управлять игрой, а большая практика даетъ возможность избѣгать ординарныхъ ошибокъ. Вообще же партіи длятся очень долго и отличаются большою неровностью. Когда шашка побита, то обыкновенно ее очень трудно возобновить; въ это время другой можетъ перевести много своихъ шашекъ. Если онъ при этомъ увлечется и оставитъ много своихъ подъ ударомъ, то можетъ случиться, что возобновившій шашку убьетъ при этомъ нѣсколько его шашекъ, и тогда наступаетъ его очередь пропускать ходы. Представленная примѣрная партія не можетъ быть разсматриваема критически, ибо я игры не знаю, а знакомившіе меня съ ея правилами тоже не были хорошими игроками.

Замѣчу еще, что не только нэрдъ, но и триктракъ, принадлежатъ, повидимому, къ играмъ исчезающимъ, ибо, несмотря на многолѣтніе поиски, мнѣ правилъ триктрака такъ узнать и не удалось.

Вообще любители оказали бы большую услугу и исторіи игръ и особенно этнографіи, если бы занялись собираніемъ правилъ исчезающихъ игръ разсчета (примѣч. 360). Многія изъ нихъ, вѣроятно, очень интересны и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, какъ живые остатки глубокой старины.

Малая игра Нарды.

Главныя правила, равно какъ и общій характеръ игры, тѣ же, что и въ большой игрѣ, но съ такими отличіями:

1. Сидятъ игроки у своихъ домовъ. Свой домъ тотъ, гдѣ у наружнаго борта двѣ чужихъ шашки.

2. Разставляются шашки передъ игрою такъ: а) двѣ шашки у верхняго наружнаго борта (12);—*б)* пять у другого верхняго наружнаго же борта (1);— в) три шашки на четвертомъ брускѣ третьяго двора въ своей половинѣ доски (20) и, наконецъ, г) пять шашекъ на внутреннемъ бортовомъ брускѣ во дворѣ своего дома (18). Чужія шашки помѣщаются какъ разъ напротивъ, т. е. двѣ на 13; пять на 24; три на 5 и пять на 7.

3. Первоначальный дворъ тамъ, гдѣ свои двѣ шашки.

4. Шашки двигаются навстрѣчу другъ другу по направленію отъ двухъ къ пяти, оттуда къ тремъ своимъ и должны собираться туда, гдѣ пять своихъ у внутренняго борта. Слѣдовательно однѣ шашки идутъ съ перваго двора вправо, а другія—влѣво.

5. Съ самаго начала игры вездѣ уже можно ставить на брускѣ по нѣскольку шашекъ.

6. Оживлять убитыя требуется только на первомъ дворѣ, но можно оживлять и на томъ брускѣ, гдѣ есть свои шашки.

7. Убивать здѣсь можно любое количество шашекъ, если у противника есть въ первомъ дворѣ хотя одинъ брусокъ для оживленія.

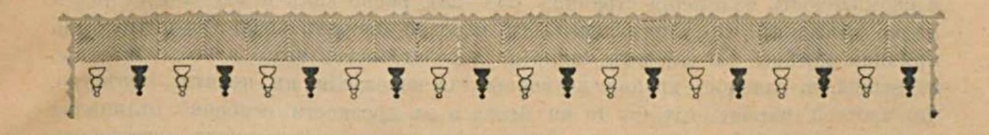
8. Парныя кости ходовъ здѣсь не удваиваютъ [476]).

---

[476]) Подобныя же правила даны въ сборникѣ игръ И. Я. Герда (изданіе Кожанчикова. Спб. 1873) подъ именемъ трикъ-трака, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что Гердъ для дублетовъ разрѣшаетъ четыре хода. Къ сожалѣнію книга эта, какъ я уже указывалъ, довѣрія не заслуживаетъ.—Недавно видѣлъ я пятое изданіе этого сборника, въ немъ прибавлены игры „Ко-Бангъ“ и „Хальма“.

Вообще за послѣднее время вышло нѣсколько изданій о дѣтскихъ играхъ и объ игрушкахъ. Серьезнѣе другихъ показался мнѣ переводъ (съ итальянскаго) труда профессора Палермскаго университета Д. А. Колоццы: „Дѣтскія игры“. Московск. книгоиздательство. М. 1914. Здѣсь собрано много мнѣній объ играхъ разныхъ писателей и мыслителей.—См. еще *Вахъ Ѳедоровъ*, завѣд. мастерскими Арнольдо—Третьяковск. уч. для глухо-нѣм. въ Москвѣ. Съ 228 рис. въ текстѣ и 90 рис. на отдѣльн. таблиц. М. 1914.—„Игрушка, ея исторія и значеніе“, собраніе статей подъ ред. Н. Д. Бартрама. Изд. Сытина. М. 1912 г.— Затѣмъ есть множество сборниковъ игръ (Бокова, Торопова), но въ этихъ послѣднихъ не встрѣтилъ я ни шахматъ ни шашекъ.

Указатель

и

дополнительныя примѣчанія.

Въ предисловіи (стр. XVIII) я сказалъ, что дополненія отнесены мною въ *указатель*. Въ то время я предполагалъ дать его въ самомъ полномъ [477]) видѣ, со множествомъ примѣчаній по всѣмъ вопросамъ, которые такъ или иначе были затронуты въ моемъ изслѣдованіи [478]); но жестокая война отразилась на всемъ такъ сильно, что надо ограничиться лишь самымъ необходимымъ. Теперь,—изъ-за недостатка въ бумагѣ, въ рабочихъ, изъ-за слишкомъ затянувшагося печатанія книги,—пришлось сократить и самый указатель и многія поясненія болѣе, чѣмъ втрое; оставлено лишь наиболѣе существенное, безъ чего книга была бы не такъ полна, какъ хотѣлось бы. Только вмѣсто отрывочныхъ и многихъ примѣчаній, разбросанныхъ при разныхъ словахъ, я предпочелъ главнѣйшія дополненія соединить въ болѣе или менѣе связныя замѣчанія, въ видѣ вступленія къ указателю, который будетъ играть такимъ образомъ лишь роль подробнаго оглавленія съ немногими подстрочными замѣчаніями. Само собой разумѣется, что нѣкоторая отрывочность изложенія все же осталась.

Москва.—Февраль 1916 года.

---

477) Сюда входили не только всѣ имена авторовъ различныхъ сочиненій, но и имена всѣхъ странъ, царей, городовъ и т. д., которыя упоминаются въ книгѣ. Такой указатель, конечно, имѣлъ бы важное значеніе, особенно для будущихъ изслѣдователей по исторіи игръ, но онъ былъ возможенъ лишь при прежнихъ условіяхъ печатанія.

478) Такъ мое предположеніе о поддѣлкѣ О. И. Сенковскимъ рисунка мастей игральныхъ картъ подтвердилось самымъ полнымъ образомъ. О. И. Сенковскій далъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они рисуются теперь, но масти при первомъ появленіи картъ, хотя нѣсколько и походили на современныя, были, однако, совсѣмъ другими: въ видѣ креста, листа плюща и т. д. См. примѣч. 332, стр. 274.

ДД От внимательнаго читателя, вѣроятно, не ускользнули недомолвки и скомканность изложенія страницъ 233—234, равно какъ и 260—261.—Самъ я лично убѣжденъ, что у римлянъ былъ игровой терминъ virgo [479]), и что была причина замѣны его словомъ dama, но доказательства этого и не достаточны, и трудны, и, главное, крайне неудобны для изложенія въ печати. Извѣстно, что простой народъ, гдѣ бы то ни было, а въ древности особенно, отличался и отличается крайнею эпическою простотою въ своихъ выраженіяхъ, совершенно не стѣсняясь ихъ „порнографичностью"; но классы образованные этого избѣгали и избѣгаютъ, и въ литературу, за рѣдкими исключеніями (см. примѣч. 387), такихъ словъ и выраженій совсѣмъ почти не попадаетъ. А такъ какъ доказательства народнаго употребленія такихъ терминовъ по отношенію къ прежнимъ временамъ приходится отыскивать все же въ литературѣ, то понятно, что свѣдѣнія объ этомъ добывать до крайности трудно, они неизбѣжно отрывочны и могутъ быть отнесены къ излишнимъ натяжкамъ, тѣмъ болѣе малоинтересснымъ, что они по своему содержанію едва-ли въ состояніи сдѣлаться предметомъ дальнѣйшаго и болѣе широкаго изученія. Вотъ почему я отношу все это объясненіе въ дополнительныя примѣчанія, которыя большинствомъ шахматистовъ будутъ, разумѣется, пропущены, но которыя не пройдутъ незамѣченными у тѣхъ серьезныхъ читателей, коимъ бросится въ глаза невѣрность вывода начала стр. 233, гдѣ *русское* значеніе слова virgo приведено какъ основаніе для употребленія *латинскаго* термина. Я хотѣлъ было этотъ поводъ вычеркнуть, но потомъ рѣшилъ его оставить въ надеждѣ, что заинтересованные имъ читатели станутъ искать его объясненій въ *указателѣ*, на что я обратилъ ихъ вниманіе на стр. XVIII.

Къ изслѣдованію этой стороны шашечныхъ терминовъ побуждало меня названіе *дамки* и крайне позднее введеніе этого слова въ языкъ литературный. Я пришелъ къ выводу, что произошло это не только потому, что оно было вульгарнымъ (стр. 181), но что оно было и неприличнымъ [480]), и что лишь впослѣдствіи, когда это значеніе въ достаточной степени стерлось или потерялось, не встрѣчая соотвѣтствія въ народныхъ говорахъ (стр. 181, пр. 212), оно, наконецъ, было допущено въ языкъ литературный. Подтвержденіе о такомъ прежнемъ значеніи многихъ шашечныхъ выраженій вижу я и въ значеніи latrina, fracta mandra и virgo; послѣднее въ старомъ французскомъ языкѣ перешло въ выраженіе dame du milieu (Н. П. Макаровъ, фр.-русск. сл., изд. 1875 г.. Спб., стр. 267), а въ англійскомъ языкѣ хотя и встрѣчается терминъ dam (дӓмъ), какъ означеніе доведи, но первоначальное значеніе этого слова другое (А. Александровъ, англ.-русск. сл., изд. 1879 г., Спб., стр. 272). См. еще примѣч. 486-е.

Сюда же надо отнести французскій терминъ „любковъ" le lunette въ его значеніи la lunette. Не можетъ не вспомниться при этомъ и названіе дамокъ блуждающими, vagi, при сопоставленіи съ Апулеевскимъ значеніемъ слова

---

479) Схема созвѣздія virgo на стр. 233-й взята мною, какъ оказалось, изъ плохого изданія. Другіе, болѣе заслуживающіе довѣрія, астрономическіе атласы даютъ его иначе, а именно загибъ книзу имѣетъ послѣднее лѣвое колѣно, такъ что альфа не приходится на общей горизонтальной линіи, которая вправо отъ нея—вся *прямая*. По этой схемѣ терминъ specula можетъ быть отнесенъ преимущественно къ угловой клѣткѣ большой дороги.

480) Послѣ уже корректуры вступленія я при провѣркѣ примѣчанія 369-го заглянулъ въ латинскій словарь И. Кронеберга и нашелъ тамъ: **Spinther**, родъ женскаго убора, запястья (Plaut.)—**spintria** и **spinthria**. ae. 1. Montro sique concubitus repertores, quos spintrias adpellabat. *Suet*. *Tiber*. 43.

vagina [481]), равно латинское mandra (ср. русскія слова „блуждать и блудить“; „мудрость“ и производное „цѣломудріе“). Все это вмѣстѣ, я надѣюсь, даетъ подтвержденіе моему предположенію, что первоначально корень dam имѣлъ неприличное значеніе, которое, можетъ быть, шло съ востока (стр. 294). Однако, обращая вниманіе на это ученыхъ *), я долженъ замѣтить, что, не будучи филологомъ, я лишенъ возможности произвести въ этомъ направленіи [482]) болѣе обширныя изысканія (ср. стр. 181, пр. 212).

Здѣсь же надо упомянуть, что терминъ mandra, кромѣ „мудрости“, могъ быть переведенъ по-славянски словомъ отъ глагола *довѣдѣти* (вѣдать), и проведенная древняя пешка могла получить названіе **довѣдь** отъ понятія „довѣдываться“, а не „довести“, какъ это производится теперь, благодаря, конечно, безсознательному осмысливанію [483]) термина; а въ такомъ случаѣ ее вѣрнѣе было бы писать черезъ ѣ (прим. 438 [484]). Гдѣ было раньше это названіе: въ шахматахъ или въ шашкахъ? Теперь мнѣ приходитъ въ голову, что „довѣдь“ была въ „шеренгѣ“, что она древнѣе арабскаго „ферзя“ и перекочевала въ игру шашечную, или можетъ быть долѣе удержалась въ ней, будучи, нѣкоторое время терминомъ и шашечнымъ и шахматнымъ.

Говоря о древнихъ русскихъ терминахъ въ шашкахъ (стр. 259—264), я сказалъ, что наименованіе *простая шашка*, болѣе всего соотвѣтствуетъ латинскому ordinarius calculus; но въ то время я не зналъ еще, что въ языкѣ сохранились болѣе древнія слова. Въ словарѣ В. И. Даля (рядъ) приводятся изъ Русской Правды выраженіе: „А за рядовича пять гривенъ“ и изъ лѣтописей названія рядовыхъ людей—„рядцами“ и „рядницами“. Кромѣ того, В. И. Даль даетъ еще болѣе древнюю форму пословицы, указанной въ примѣчаніи 306-мъ:

---

481) Средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе. Самымъ обычнымъ пріемомъ было выводить народы изъ Скандинавіи, которую Іорнандъ назвалъ vagina gentium. При этомъ, какъ теперь выяснено, они сбивали Скиѳію со Скандинавіей. „Если и можно, говоритъ Д. И. Иловайскій, назвать какую страну истинной, а не мнимой, vagina gentium, такъ это древнюю Скиѳію, въ ея тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. южную половину Россіи, съ прилегающею къ ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью“. См. *Д. И. Иловайскій*. Разыск. о нач. Руси. Изд. 2-е, стр. 44 и 64.

*) Въ самихъ изслѣдованіяхъ есть ошибки. Въ англ. энцикл. 1910 г. (T. Enc. Britannica. V. VIII. Cambr.) напечатано, будто T. Hyde въ 1694 г. издалъ: Historia damiludii seu latrin culorum. У Гайда этого нѣтъ.

482) Французское слово le damier, кромѣ основного своего значенія „дамковица шашечница“, значитъ еще „шахматная доска“. Въ зоологіи—названіе раковины „мраморная кегля“ или „мраморный конусъ“; „цинсія“ или „шахматная бабочка“.—Damer le pion à qn. соотвѣтствуетъ русскому „заткнуть кого за поясъ“.—Сл. Н. П. Макарова.

483) Относительно производства словъ не безынтересно будетъ указать, что слово „кубарь“ происходитъ не непосредственно отъ *куба*, а вѣроятно создалось, благодаря распространенности въ древнѣйшее время игры тавлеи, которая у грековъ, какъ мы знаемъ, раньше именовалась кубеіа, т. е. кубейя или кюбейя; *кубарь* свидѣтельствуетъ, что это древнее наименованіе было извѣстно на Руси и такъ обрусѣло, что давало производныя слова: „кубышка“, какъ извѣстно, также круглый сосудъ.

484) Въ этомъ примѣчаніи указываю я, что слово *довѣдѣти* встрѣчается въ словарѣ Миклошича. Здѣсь замѣчу кстати относительно „шеренги“, которую производятъ изъ венгерскаго языка: Миклошичъ, знавшій венгерскій языкъ, вполнѣ доказалъ, что въ немъ присутствуетъ сильная примѣсь славянскаго элемента. Это явленіе объясняется давнимъ жительствомъ угровъ среди славянъ. См. *Д. И. Иловайскій*, Разысканія о началѣ Руси. Изд. 2-е, стр. 125.

„Не гонись за рядовичемъ, а лови атамана“, а извѣстно старинное выраженіе: „изъ рядовичей въ атаманы выходятъ“, которое примѣняютъ теперь къ казакамъ [485]). У послѣднихъ атаманами назывались не какіе либо единичные или начальствующіе казаки, а вообще казаки, чѣмъ нибудь отличавшіеся; поэтому, когда (напримѣръ, русскому правительству) приходилось писать къ казакамъ вообще, то къ нимъ обращались, именуя ихъ всѣхъ вмѣстѣ „казаки и атаманы“. Всѣ эти древнія слова и выраженія даютъ поводъ предположить, что въ *пешкахъ* [486]) простыя шашки именовались въ старину „рядовичами“, а дамки— „довѣдями“, или „атаманами“, позднѣе же—еще и „козырями“.

♙ ♟ Гипотеза моя, что въ древности шашки именовались *пешками* подтвердилась для меня совершенно неожиданно. За время печатанія книги мнѣ удалось узнать, что это названіе примѣняется еще и теперь, какъ названіе игры шашечной, въ Вологодской губерніи и въ городѣ Курганѣ въ Сибири. Мнѣ говорили даже, что такъ называютъ шашки въ Москвѣ, но при провѣркѣ оказалось, что это было въ кружкѣ сибиряковъ. Такимъ образомъ, въ наименованіи *пешекъ* [487]) мы встрѣчаемся съ еще большей стариной, чѣмъ въ словѣ „шеренга“, которая какъ названіе игры совершенно исчезла.

♗ ♝ Слово gemini передалъ я по словарю „близнецами“; переводъ этотъ вѣренъ, но онъ не вполнѣ передаетъ духъ латинскаго слова. Подъ „близнецами“ обыкновенно понимаютъ двухъ младенцевъ (ср. прим. 151), но этимъ словомъ можно означить трехъ и болѣе одновременно родившихся; хотя такіе случаи и чрезвычайно рѣдки, тѣмъ не менѣе они всетаки бываютъ, и русскій терминъ заключаетъ ихъ въ себѣ. Гораздо вѣрнѣе и точнѣе переводить gemini (соотвѣтственно значенію geminus, geminare) словомъ „двойни“, и такъ именно это слово понималось самими римлянами, а отсюда и названіе путей шашечницы

---

485) Кстати: *козакомъ* въ Польшѣ, около Калиша, зовутъ грибы опёнки; по Далю (1-е изд.) грибъ boletus scaber „березовикъ, обабокъ, подберезовикъ, черный, колосовикъ, козакъ“.—Кромѣ русскаго термина ладьи и лодіи, Даль (1-е изд.) даетъ еще старинное слово „олядія“ и приводитъ пояснительный текстъ: Пришли суть видѣть олядій русскихъ.

486) Говоря о современномъ употребленіи слова „пѣшка“, слѣдовало на стр. 267 (строка 17-я) мнѣ указать еще на стр. 90, 91, 112, 113, 117, 207 и 247 книги.— См. еще *Мережковскій*, Леонардо ди Винчи (М. 1914, III, стр. 14): „Я покажу имъ, что Миланскаго герцога они изъ игры, какъ ненужную пѣшку, не вышвырнутъ“.—Ibid., стр. 217: „Макіавели... скрылъ, разсчитывая на то, что впослѣдствіи... станетъ вертѣть имъ, какъ пѣшкою“.—См. еще стр. 128 статьи И. Т. Савенкова, гдѣ въ программѣ собиранія свѣдѣній про шашечныя игры читаемъ: „форма пѣшекъ, а также и доведей, или дамокъ. Изложеніе ходовъ пѣшекъ и дамокъ“.—Въ разсужденіи М. С. Куторги встрѣчаемъ: „Греки искусственно обдѣлывали свои камешки, и, давъ имъ красивую форму, обращали ихъ въ шашки, пѣшки или марки, предназначенныя для игры въ обществѣ, которой они предавались съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ мы картамъ“.—См. еще „Шашки“, стр. 249, въ рѣшеніи шашечнаго этюда № 71 А. Г. Зинченко, посвященнаго П. Н. Бодянскому: ...„бѣлые проводятъ свою пѣшку d4 въ дамки и выигр.“.

487) Происхожденіе слова „пешка“ я соединялъ со словомъ песъ, такъ какъ древнія шашки имѣли и форму собакъ. Любопытно замѣтить, что вліяніе древности проникаетъ страннымъ образомъ чрезвычайно глубоко и въ такія области, гдѣ этого нельзя было бы и предположить. См., напр., *Мережковскій* (М. 1914), т. III, стр. 339: „И вспомнился ему св. Христофоръ, часто изображавшійся на русскихъ иконахъ, о которомъ сказано въ „подлинникѣ“, подъ числомъ девятымъ мѣсяца мая: „о семъ прекрасномъ мученикѣ нѣкое чудное глаголется— яко песію главу имѣлъ“.

„двойникомъ“ [488]) можетъ указывать и на большую древность этого термина.

Весьма вѣроятно также, что и техническое выраженіе „большая дорога“ находится въ связи съ древне-римскимъ пониманіемъ словъ latro и latrunculus, какъ разбойниковъ, грабителей на большихъ дорогахъ; et si maintenant, пишетъ Бекъ де Фукьеръ (429), nous ouvrons Horace nous verrons que pour lui le larron est un voleur de grand chemin, un détrousseur de passants. Весьма и весьма вѣроятно, что названія „двойникъ“ и „большая дорога“—такіе же древніе термины, какъ „пешка“, „шеренга“ [489]) и „довѣдь“; что касается до „тройника“, то онъ, надо полагать, составляетъ позднѣйшее развитіе термина „двойникъ“, и о древности его [490]) говорить пока не возможно.

Во всякомъ случаѣ болѣе подробное изслѣдованіе словъ „рядовичъ, атаманъ, козырь, большая дорога“ и пр. заслуживаютъ особаго вниманія филологовъ, интересующихся русскимъ языкомъ.

---

488) Такъ какъ схема созвѣздія Близнецовъ очень напоминаетъ пути двойника на шашечницѣ (стр. 163, примѣч. 188, 2), то мѣста Кастора и Поллукса должны приходиться на b8 и a7 со стороны бѣлыхъ и на g1 и h2 со стороны черныхъ. Это обстоятельство я упустилъ повторить на стр. 234-й.

Заговоривъ о созвѣздіяхъ, приведу кстати попавшееся мнѣ въ газетѣ („Русск. Вѣд.“ 1915, V, 30, № 123) свѣдѣніе о Козерогѣ. Авторъ корреспонденціи „Итальянская манифестація въ Лондонѣ“ Діонео между прочимъ сообщалъ: „А нѣсколько дальше.... послѣдніе могикане—воины Гарибальди.... одинъ даже держитъ въ рукахъ лазоревое знамя, на которомъ изображенъ желтый козерогъ. Это—знамя Истріи, какъ объясняетъ мнѣ итальянецъ въ толпѣ“.

489) Изслѣдованія заимствованныхъ словъ поучительно и даетъ весьма цѣнные результаты какъ для исторіи самаго языка, такъ и для исторіи культуры. Что касается первой, то наблюденія надъ судьбою звуковой стороны заимствованій уже дали во многихъ случаяхъ важныя указанія на хронологическія даты фонетическихъ явленій извѣстныхъ языковъ. Именно, зная эпоху, когда вошли данныя слова въ изслѣдуемый языкъ, мы на основаніи этого можемъ опредѣлить хронологическую дату, до которой и послѣ которой произошли извѣстныя звуковыя явленія. Обратно, зная хронологическія рамки, мы получаемъ возможность пріурочить къ опредѣленному времени появленіе въ языкѣ чужого слова, если у насъ нѣтъ точныхъ показаній иного рода.... Необходимо, однако, имѣть въ виду...., что существенно важнымъ является условіе, чтобы данное иностранное слово принадлежало къ составу живого народнаго языка, такъ какъ въ литературномъ языкѣ многія заимствованія могутъ сохранять до извѣстной степени свой иноземный видъ, не подчиняясь фонетическимъ явленіямъ языка, въ который они вошли“. *В. Поржезинскій.* Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1913. Стр. 160—161, а также 5—6.

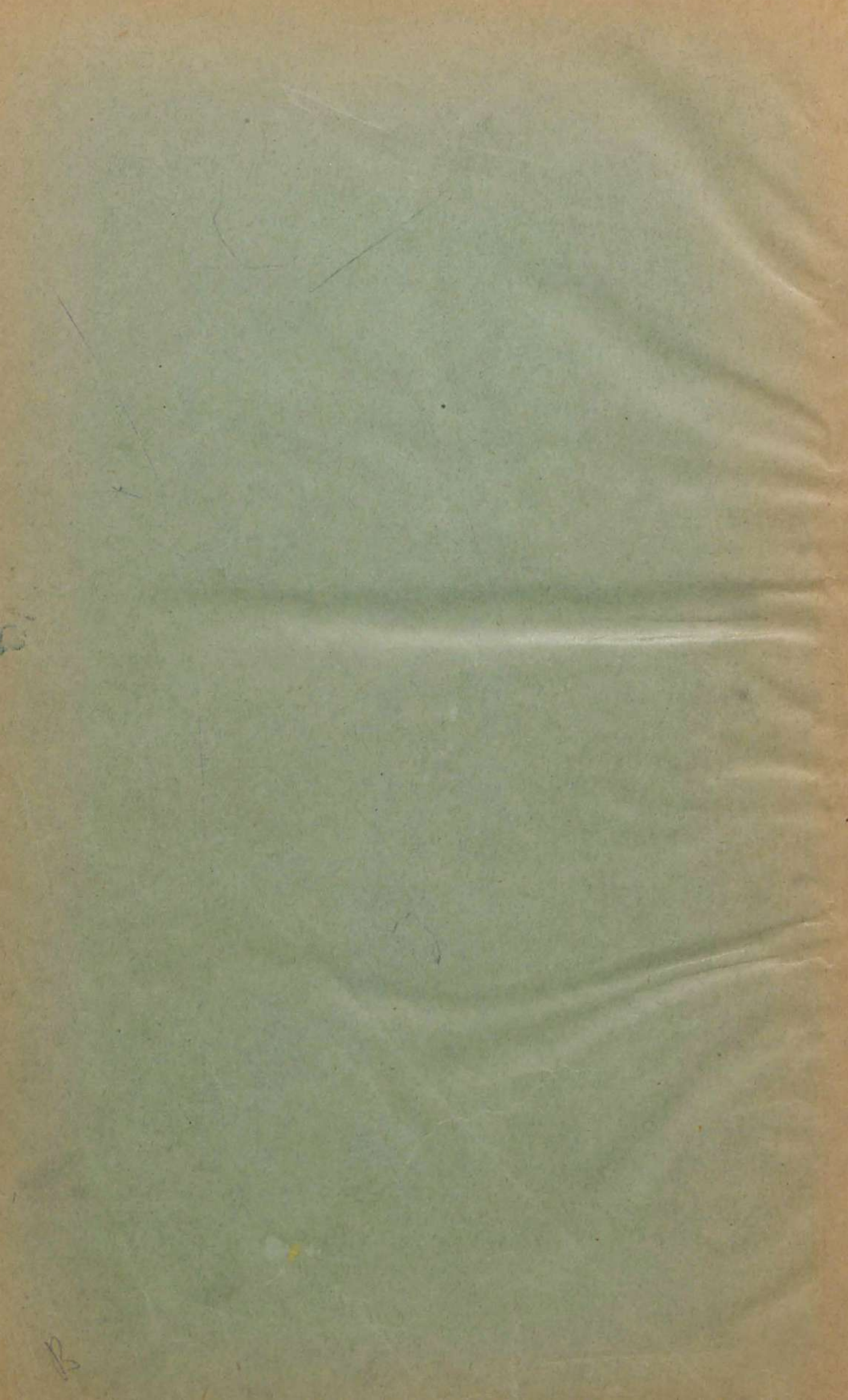
490) Когда и какъ образовался терминъ „косяка“, совершенно не извѣстно. Слово это на названіе путей шашечницы предложилъ мнѣ перенести Н. Н. Панкратовъ, который полагалъ, что онъ угадалъ его, какъ старинное народное названіе. Обыкновенно же „косякомъ“ называютъ ошибочный варіантъ шашечной партіи: 1. c3—b4, b6—c5; 2. b2—c3, f6—g5; 3. g3—f4, g7—f6; 4. c3—d4, g5—h4; 5. d4 : b6, a7 : c5; 6. a1—b2, h8—g7?? Послѣ этого хода говорятъ, что „косякъ вышелъ, удался“ и т. п. Дѣйствительно черные послѣ него проигрываютъ, какъ бы онѣ ни продолжали: 7. d2—c3! f6—e5; 8. c1—d2! e5 : g3; 9. h2 : f4, e7—v—f6; 10. f4—g5, h6 : f4; 11. e3 : e7, d8 : f6; 12. d2—e3, f8—v—e7 (ибо на g7—h6 или c7—b6 слѣдуетъ 13. f2—g3); 13. e3—f4!, f6—v—e5 (грозило f4—e5 и b4 : f8); 14. f2—e3!!, e5 : g3; 15. c3—d4, c7—b6; 16. d4—e5, d6 : d2; 17. b4 : c1Д и выигрываютъ.—Если 7. ... f6—g5, то бѣлые выигрываютъ шашку: 8. e1—d2, c5—d4! (иначе черные быстро лишатся всѣхъ ходовъ); 9. e3 : c5!, g5 : e3; 10. f2 : d4! (но не 9. c3 : e5, ибо тогда g7—f6, d6—c5 и c7 : e1). Послѣ проигрыша шашки черные теоретически должны проиграть партію, но при живой и скорой игрѣ онѣ на практикѣ послѣ 10. f2 : d4, g7—f6 имѣютъ множество атакъ, и бѣлымъ, чтобы выиграть, необходимо вести партію съ крайнею осмотрительностью, иначе черные имѣютъ много случаевъ не только вернуть шашку, но даже выиграть партію.—Самый дебютъ, въ виду такого пониманія слова „косякъ“, слѣдовало бы именовать „игрою на косяка“.

Въ частности относительно „шеренги“ мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе филологовъ еще на слѣдующее мѣсто. На стр. 215 я сдѣлалъ робкое предположеніе, что въ древнѣйшихъ спискахъ номоканона слова „шегами играя“ составляютъ ошибку переписчика; она тѣмъ болѣе была возможна, что самое слово „шеги“, въ древнемъ языкѣ существовало, означая шутку, игру. Во всякомъ случаѣ нельзя было настаивать на моемъ предположеніи, ибо „шеги“ встрѣчаются неоднократно и въ разныхъ спискахъ. Гораздо интереснѣе одно малопонятное реченіе въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, которое филологи пока объясняютъ греческимъ словомъ. Извѣстно, что этотъ древнѣйшій памятникъ русской литературы погибъ въ пожарѣ Москвы въ 1812 году, и остались только списки съ него. Здѣсь, т. е. въ „Словѣ“ (6-е изд. И. Глазунова. Спб. 1907 г., стр. 10), въ главѣ VIII, мы встрѣчаемъ: „Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сынами Глѣбовы“. Шереширы переводятъ „самострѣлами“, сближая древнее славянское слово съ греческимъ *σάρισσα*, sarissa, сарисса, что значитъ копье, пика, македонская пика. Однако ни значеніе греческаго слова не даетъ мѣста для понятія „самострѣлъ“, ни его произношеніе. Не встрѣчаемъ ли мы здѣсь искаженія переписчиковъ, не было ли въ древности здѣсь „шеренгами“? Буквы нг конечно могли быть смѣшаны съ ш, а тогда получается слово, которое легко могло быть исковеркано переписчиками вь „шереширы“. Выводить „шереширы“ изъ *сариссы* никакъ нельзя, и это толкованіе должно быть провѣрено. Между тѣмъ поправка „шеренгами“ даетъ ясный и точный смыслъ, объясняя даже эпитетъ „живыми“.

Вообще умозаключенія на основаніи данныхъ археологіи должны дѣлаться съ крайнею осмотрительностію, иначе мы рискуемъ получить ложные выводы, тѣмъ болѣе опасные, что ошибочность ихъ не бросается въ глаза. Снимокъ съ греческой статуэтки (стр. 101) даетъ намъ мало достовѣрныхъ данныхъ. Можно предположить, что первоначально шашки были раскрашены въ два цвѣта, но даже такое, повидимому, безспорное умозаключеніе, можетъ оказаться ошибочнымъ. Могло статься, что борьба происходила иначе, чѣмъ въ современныхъ шашечныхъ играхъ. Особенно странна поза праваго отъ зрителя игрока: онъ вытянулъ руки, какъ бы прикрывая шашки отъ противника. Это можетъ быть слѣдствіемъ плохой кустарной работы, а можетъ означать и характерную подробность игры, гдѣ надо было *угадывать* число шашекъ, или ихъ расположеніе, или число убиваемыхъ и т. п.

Въ „Шахм. Обозрѣніи“ 1904 года (№№ 72—76, стр. 331) приводится сообщеніе И. Т. Савенкова о шашкахъ у сойотовъ: „О шашечной игрѣ у урянхайцевъ или сойотъ профессоръ Н. Ф. Катановъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Доска та же, въ 64 клѣтки. Дамка называется такъ же, какъ и ферзь въ шахматахъ,—собакою (мерзе). Шашка можетъ брать шашку только впередъ. Если предлагаютъ брать, то предпочитается лучшее: брать или не брать, штрафы существуютъ только у тѣхъ урянхайцевъ, которые играли съ русскими. Запертая шашка считается умершею, арестованною, попавшею на мель.—Эти свѣдѣнія получены профессоромъ Н. Ф. Катановымъ отъ сойота Ойнарскаго арлыка, по имени Домба“. Такимъ образомъ, игра у сойотовъ испанская, со старою простою и съ дальнобойною дамкой. Если названіе доведи вѣрно, то оно, вѣроятно, древнѣе шахматнаго.—Мое предположеніе, что дальнобойная дамка могла зародиться еще на востокѣ, подтверждается этимъ извѣстіемъ изъ глухого мѣста Азіи; разумѣется, подтверждается по стольку, по скольку вообще этнографическія явленія могутъ содѣйствовать раскрытію древностей.

2011094736